АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Каменный век

Том I

КАЗАНЬ
2021

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

УДК 902
ББК 63.442.1

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

А87 Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 1. Каменный век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. М.Ш. Галимова. – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – 444 с.: ил.

ISBN: 978-5-9690-0951-6, 978-5-9690-0952-3

В настоящем томе «Каменный век», который открывает многотомное академическое издание «Археология Волго-Уралья», представлены обобщенные данные многолетних исследований памятников палеолита, мезолита и неолита Среднего Поволжья и Приуралья, включая северо-восток Европейской части России. Эти регионы, выбранные в качестве географических рамок тома, входят в более широкую по охвату территорию Волго-Уральского региона. Авторами раскрыты закономерности взаимоотношения человека и природной среды начиная с ледниковой эпохи вплоть до климатического оптимума голоцена (современного межледникового этапа четвертичного периода). Реконструированы системы жизнеобеспечения первобытных коллективов, рассмотрены процессы генезиса и взаимодействия палеолитических, мезолитических и неолитических каменных индустрий и археологических культур.

Коллективный научный труд представляет интерес не только для археологов, но и для специалистов исторических и палеогеографических дисциплин, а также для всех интересующихся древней историей Поволжья и Урала.

This volume "The Stone Age", which opens the multi-volume academic publication "Archaeology of the Volga-Urals", presents generalized data from long-term studies of Paleolithic, Mesolithic and Neolithic sites of the Middle Volga and the Fore-Urals, including the north-east of the European part of Russia. These regions, selected as the geographical scope of the volume, are included in the broader territory of the Volga-Urals region. The authors have revealed the regularities of the relationship between man and the natural environment from the glacial epoch up to the climatic optimum of the Holocene (the modern interglacial stage of the Quaternary period). The life support systems of the primeval era collectives have been reconstructed, the processes of genesis and interaction of Paleolithic, Mesolithic and Neolithic stone industries and archaeological cultures have been considered.

Collective scientific work is of interest not only for archaeologists, but also for specialists in historical and paleo-geographic disciplines, as well as for everyone interested in the ancient history of the Volga region and the Urals.

ISBN: 978-5-9690-0951-6, 978-5-9690-0952-3
DOI: https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2021.1

Многотомное издание «Археология Волго-Уралья» подготовлено и издано за счет средств Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)»

© Институт археологии АН РТ, 2021
© Изд-во АН РТ, 2021

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕН-КОРР. АКАДЕМИИ НАУК РТ
А.Г. СИТДИКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

М.Ш. ГАЛИМОВА (ответственный редактор)
А.А. ВЫБОРНОВ
Н.С. БЕРЕЗИНА

Археология Волго-Уральского региона
в 7 томах

ТОМ I КАМЕННЫЙ ВЕК

ТОМ II ЭНЕОЛИТ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

ТОМ III РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ТОМ IV ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

ТОМ V ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ. ФИННО-УГОРСКИЙ МИР. ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ КОЧЕВНИКИ (VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.)

ТОМ VI ПЕРИОД УЛУСА ДЖУЧИ (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.)

ТОМ VII ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

Авторы тома I:

АНДРЕЕВ К.М.
БЕРЕЗИН А.Ю.
БЕРЕЗИНА Н.С.
ВАСИЛЬЕВА И.Н.
ВОЛОКИТИН А.В.
ВЫБОРНОВ А.А.
ГАЛИМОВА М.Ш.
ГУСЕНЦОВА Т.М.
ЖИТЕНЁВ В.С.
КАРМАНОВ В.Н.
КУЗНЕЦОВА Л.В.
ЛАСТОВСКИЙ А.А.
ЛЫГАНОВ А.В.
ЛЫЧАГИНА Е.Л.
МЕЛЬНИЧУК А.Ф.
МОРОЗОВ В.В.
НИКИТИН В.В.
ПАВЛОВ П.Ю.
СТАВИЦКИЙ В.В.
СТАШЕНКОВ Д.А.
ХОХЛОВ А.А.
ЦЫГВИНЦЕВА Т.А.
ШИПИЛОВ А.В.

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Несколькими поколениями ученых, изучавших археологические памятники Волго-Уральского региона, накоплен обширный фонд источников, позволяющих с достаточной степенью объективности представить динамику развития материальной и духовной культуры древнего и средневекового населения северо-восточной части Европы; выяснить сложные вопросы происхождения и дальнейшего взаимодействия славянских, финно-угорских и тюркоязычных народов, населяющих эти территории. Благодаря целенаправленной и многолетней работе крупных археологических центров Среднее Поволжье и Приуралье представляется сегодня одним из наиболее изученных регионов России.

Археологические памятники Волго-Уральского региона начали привлекать внимание правительственных кругов и научной общественности с XVIII в. К развалинам древнего Болгара относятся первые в России государственные распоряжения Петра I, касающиеся охраны археологических и архитектурных памятников. Во второй половине XVIII столетия в интересующем нас регионе проводились несколько академических экспедиций, связанных с именами П.С. Палласа, Н.П. Рычкова, И.И. Лепехина, И.Г. Георги, которые наряду с изучением природно-географических условий посещаемых ими районов, оставили нам ценнейшие сведения и о выявленных ими археологических объектах.

В конце XIX – начале XX вв. на Средней Волге и в Приуралье работали такие известные исследователи, основоположники российской археологии, как А.А. Спицын и В.А. Городцов. В указанное время в Перми, Казани, Самаре, Саратове, Вятке основываются первые научные Общества и музеи, которые начали регулярные исследования археологических памятников региона. С различными районами Волго-Уралья связана научная деятельность известных советских и российских ученых, в числе которых можно назвать П.Н. Третьякова, П.П. Ефименко, Б.С. Жукова, В.В. Гольмстен, П.С. Рыкова, А.В. Збруеву, О.Н. Бадера, А.П. Смирнова, Н.Я. Мерперта, К.В. Сальникова, П.Д. Степанова, В.Ф. Каховского, Н.Ф. Калинина, А.Х. Халикова, В.Ф. Генинга, В.А. Оборина, Г.А. Федорова-Давыдова, Р.Д. Голдину, Г.И. Матвееву, Н.А. Мажитова и др. Они возглавляли Куйбышевскую, Поволжскую, Камскую, Татарскую, Марийскую, Удмуртскую, Башкирскую, Средневолжскую, Волго-Вятскую и другие экспедиции, активными работами которых выявлены и планомерно изучены сотни памятников различных археологических культур, хронологически охватывающих период от каменного века до позднего средневековья. В результате был накоплен огромный материал, который лег, конечно, с учетом новых исследований последних десятилетий, в основу современных представлений о древней и средневековой истории разноэтничного населения Волго-Уральского региона.

Предлагаемый вниманию читателя семитомный коллективный труд продолжает традиции отечественных изданий обобщающего характера. В 1980–2010 гг. Институт археологии АН СССР (с 1991 г. Институт археологии РАН) осуществил проект фундаментального издания «Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах», которое подвело итоги двухвекового изучения древностей на территории нашей страны. Однако в силу разных причин, в том числе в результате недостаточной изученности территорий и ввиду расхождения взглядов исследователей на отдельные проблемы археологии, данное издание не охватывало в должной мере все регионы России. По этой причине стали готовиться к публикации и выходить аналогичные региональные издания обобщающего характера.

Казань была одним из научных центров, где еще в конце 1970-х годов был поставлен вопрос о координации исследований в рамках общего проекта «Археология Среднего Поволжья и Приуралья» в трех томах. Инициативу поддержали и другие научные центры региона и в 1981 г. под руководством А.Х. Халикова была разработана общая программа этого издания под эгидой гуманитарных институтов Казанского, Башкирского и Коми филиалов АН СССР. Согласно намеченным планам, готовились планы-проспекты шеститомного издания «Археология Среднего Поволжья и Приуралья». В 1985 г. в Свердловске участниками Координационного совета археологов была окончательно утверждена Программа подготовки дан-

ного издания на период 1985–1995 гг. в 6 томах (в 8 книгах). Планы-проспекты томов обсуждались археологами Башкирского и Коми филиалов АН СССР, городов Куйбышева, Йошкар-Олы, Перми и Ижевска. В написании отдельных разделов согласились принять участие ученые из Москвы (д.и.н. Л.В. Кольцов), Ленинграда (к.и.н. В.П. Третьяков), Киева (д.и.н. В.Ф. Генинг), Симферополя (к.и.н. Г.М. Буров), а также всех основных археологических центров Поволжья и Приуралья.

К сожалению, проект остался нереализованным в силу резкого ослабления в кризисные 1990-е годы межрегиональных научных связей. Но необходимость подготовки обобщающего труда, преодолевающего узкие региональные рамки и ставящего крупные задачи по координации научных программ и формированию парадигмы исследований, оставалась актуальной все последние десятилетия.

Создание в 2014 г. Института археологии им. А.Х. Халикова в составе Академии наук Республики Татарстан обеспечило выработку новых перспективных направлений в научно-исследовательских планах коллектива. Одним из приоритетов практической деятельности Института было определено написание обобщающей работы по археологии Поволжья и Приуралья. Проведенные в 2015 г. научно-практические семинары по актуальным проблемам археологии Волго-Уралья с участием ведущих археологов региона позволили выработать структуру и определить состав авторов многотомного монографического исследования. Решение о создании фундаментального труда в семи томах было включено Ученым советом Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в Государственное задание на 2016–2022 г.

Целью настоящего многотомного издания является системное изложение вопросов археологии Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья, решение которых связано с историческими судьбами различных этнических образований, а в основном с предками современных финно-угорских, тюркоязычных и славянских народов региона. Территориально охватываются археологические памятники и культуры региона Среднего Поволжья от рек Оки и Суры на западе и до Уральских гор на востоке; от бассейна реки Вычегды на севере и до Самарской Луки на юге. Привлечены также материалы Нижневолжского региона, тесно связанного со скифо-сарматской археологией, Волжской Булгарией и Золотой Ордой.

В составе авторского коллектива настоящего издания около 100 исследователей – ведущие археологи из крупных научных центров и вузов Казани, Москвы, Уфы, Ижевска, Самары, Йошкар-Олы, Чебоксар, Саранска, Астрахани, Сыктывкара, Кирова. Общий объем семи томов составляет около 600 печатных листов.

В процессе подготовки проекта проводилась кропотливая работа по изготовлению новых цветных обобщающих карт и иллюстраций, относящихся к археологическому наследию народов региона. Общая структура издания: Том I. Каменный век; Том II. Энеолит и бронзовый век; Том III. Ранний железный век; Том IV. Эпоха Великого переселения народов; Том V. Волжская Булгария. Финно-угорский мир. Тюркоязычные кочевники (VIII – начало XIII вв.); Том VI. Период Улуса Джучи (вторая треть XIII – первая половина XV вв.); Том VII. Позднее средневековье (середина XV – XVII вв.)

Академическая монография «Археология Волго-Уралья» обобщает опыт предшествующих публикаций подобного плана и вносит определенную новизну в подачу научного материала, касающуюся прежде всего методических аспектов. В отличие от целого ряда других трудов, которые являются своего рода археологическими комментариями к истории, в основу концепции издания положены археологический, историко-антропологический и экологический подходы. По этой причине, наряду с традиционным описанием археологических культур, в нем осуществлена реконструкция природно-географической среды, способов добычи и переработки продуктов питания, воссозданы технологические процессы древних и средневековых производств, освещена история региона в этно-историческом, физико-антропологическом, генетическом отношении.

В первом томе обобщен огромный материал, накопленный к настоящему моменту в результате изучения памятников эпохи палеолита, мезолита и неолита Среднего Поволжья и Предуралья. На основе активно практикуемых междисциплинарных археолого-естественнонаучных исследований раскрыты закономерности взаимоотношений первобытного человека и природной среды начиная с эпохи последнего оледенения и вплоть до климатического оптимума голоцена (периода современного, межледникового климата). Прослежена динамика системы жизнеобеспечения первобытных коллективов на всех этапах каменного века, рассмотрены процессы генезиса и взаимодействия палеолитических, мезолитических и неолитических каменных индустрий и археологических культур.

Второй том посвящен энеолиту и бронзовому веку. Степень изученности археологических объектов этого времени является гораздо более высокой, что нашло свое отражение в данном томе.

Увеличение объема информации об эпохе ранних металлов во многом связано с проводимыми в регионе регулярными междисциплинарными исследованиями.

Эра ранних металлов, начавшаяся с первых попыток освоения металлургии меди в V тыс. до н. э., привела к появлению первых металлических изделий в Волго-Уралье, но не вытеснила из обихода каменные орудия. На юге региона возникают коллективы, переходящие от присваивающего хозяйства к производящему, появляется скотоводство. Распространение бронзы, представляющей собой сплав меди с мышьяком, оловом и иными металлами, начинается в регионе в III тыс. до н. э. Источником металлов были местные медные месторождения, а также импорт меди и олова из других регионов. Отсутствие в Волго-Уралье собственных месторождений олова привело к тому, что до конца бронзового века наряду с бронзовыми орудиями повсеместно использовались медные и каменные изделия. Вместе с увеличением номенклатуры металлических изделий расширялся и ареал производящего хозяйства, придомное скотоводство распространилось на лесостепь, зону широколиственных лесов и подтаежную ландшафтную зону.

Третий том включает результаты новейших исследований раннего железного века, в том числе итоги междисциплинарных исследовательских проектов последнего времени, которые существенно расширили источниковую базу изучения археологических материалов данной эпохи. Том охватывает древности I тысячелетия до н. э. – начиная с IX в. до н. э. по начало I тыс. н. э. вплоть до II/III вв. н. э. – и содержит описание основных археологических культур Волго-Уралья. В первой части тома основное внимание уделено первой фазе раннего железного века, когда в степной зоне были распространены ранние кочевники – скифы, савроматы и др., а в лесной зоне обитали носители ананьинской, городецкой и других археологических культур, входившие в периферию скифо-сибирского мира. Культуры второй фазы раннего железного века рассматриваются во второй части тома, которая включает сарматский мир в степной зоне и постананьинский в лесной. Подробно характеризуются поселенческие и погребальные памятники, жилые сооружения, хозяйство и социальные отношения населения раннего железного века как степной, так и лесной ландшафтных зон.

В четвертом томе обобщены результаты исследований археологических материалов, отражающих культурные и исторические процессы, происходившие на территории Среднего Поволжья и Предуралья в эпоху Великого переселения народов со II по VII вв. н. э. Этот период вошел в историю как время масштабных миграционных процессов, изменивших этническую карту Евразии и вызвавших радикальные трансформации в социально-экономическом и политическом укладе жизни ее обитателей. В издании представлено систематическое изложение имеющихся археологических данных, сгруппированных по природно-географическому, хронологическому и историко-культурному принципам. В каждом разделе тома приведены основные позиции исследователей по вопросам интерпретации археологических материалов. В заключительной части тома предпринята попытка сформировать общую для всего региона хронологическую шкалу, которая станет основой для последующих исследований, а также позволит представить возможные пути реконструкции этнических и языковых процессов.

Хронологические рамки пятого тома охватывают период с начала VIII в. до монголо-татарских завоеваний 1236 г. Его территориальные границы включают лесные, лесостепные зоны Северо-Восточной Европы и частично степные районы России, где в эпоху средневековья проживали преимущественно финно-угорские и тюркоязычные народы – предки современных марийцев, удмуртов, коми, мордвы, поволжских татар, чувашей и башкир. В первом разделе тома обобщены материалы из археологических памятников VIII–X вв. Посурья и Примокшанья, Ветлужско-Вятского и Камско-Вятского междуречья, Среднего и Верхнего Предуралья, Самарского и Ульяновского Поволжья, волго-донских степей, Нижнего Поволжья, Башкирского Приуралья, а также из раннебулгарских Больше-Тарханского, Танкеевского и близких к ним могильников.

Второй раздел тома полностью посвящается археологии Волжской Булгарии домонгольского времени. В нем освещены вопросы сложения волжско-булгарской государственности, территории и этнического состава населения (на материалах археологии), а также роль Великого Волжского пути в становлении Волжской Булгарии. Также обобщены материалы, связанные с изучением городов и сельских поселений: типология и фортификация городищ, застройка городов (включая типологию жилищ и хозяйственных построек) и их благоустройство. Отдельные очерки посвящены Болгару, Биляру, Джукетау, Алабуге с их округами и другим городам, изученным археологически. В последнем разделе тома предполагается осветить этнокультурные процессы в Поволжско-Уральском регионе VIII–XIII вв. на основе археологических и антропологических материалов. Завершится раздел (и том в целом) кратким очерком о монголо-татарских завоеваниях 1236 г. (по архео-

логическим материалам), ставших своеобразным рубежом в истории народов Восточной Европы.

Шестой том представляет собой обобщение археологических сведений о прошлом Волго-Уральского региона во второй половине XIII – начале XV в., т. е. в период становления и расцвета Улуса Джучи (Золотой Орды). Это первое академическое издание, обобщающее материалы периода развитого средневековья, полученные на территории региона в результате полевых и аналитических изысканий на протяжении более 200 лет. Впервые представлена цельная картина истории городов и сельских поселений, материальной культуры, распространения мировых религий (в первую очередь ислама) в регионе и их влияния на культуру населения. Том содержит обобщенное описание всех видов археологических памятников по регионам от дельты Волги до таежной зоны Приуралья. Важное внимание уделено реконструкции процессов этнокультурного, языкового и этносоциального развития в Волго-Уральском регионе во второй половине XIII – начале XV в., влиянию средневековых обществ Поволжья на окружающую периферию, проблемам взаимодействия и культурного обмена.

Седьмой том, заключительный, является первым опытом академического исследования периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. Он отличается новизной как по структуре статей, так и по заявленной хронологии и охвату описываемой территории. В данной работе впервые для нашего региона представлены материалы, полученные в результате масштабных исследований памятников XVI–XVII вв., которые до недавнего времени даже не считались объектом археологического изучения. В первую очередь это Казань, Свияжск, Чебоксары, Самара и ряд других. В основу структуры текста положены два культурных горизонта – развитие татарских ханств в Поволжье в период распада Улуса Джучи и укрепление Российского государства в регионе. В основу описания положен региональный принцип, описывающий основные памятники от низовий Волги до Верхнего Прикамья и Предуралья.

Семитомное издание «Археология Волго-Уралья» представляет собой современный академический взгляд на более чем полуторавековой опыт археологических исследований одной из наиболее значимых и уникальных историко-культурных областей евразийского континента. Исследование позволяет по-новому взглянуть на археологические данные и сделать их основой для комплексной реконструкции истории населения Волго-Уральского региона с древности до раннего Нового времени.

Подготовка издания осуществляется в рамках реализации государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа», п. 1.12. Издание 7-томника «Археология Волго-Уральских степей».

А.Г. Ситдиков

ВВЕДЕНИЕ

Вся история человечества от появления древнейших обезьяноподобных людей (свыше 2 миллионов лет назад) до современности совпадает с четвертичным геологическим периодом. Эпоха палеолита (древнего каменного века), выделенная еще в середине XIX в., охватывает большую часть этого периода и связана с эоплейстоценом и плейстоценом. Начавшийся около 10 тысяч лет назад современный этап четвертичного периода – голоцен – совпал с наступлением новой археологической эпохи – мезолитом (средним каменным веком). За сравнительно небольшой отрезок времени (последние 7–8 тысяч лет) общество прошло неолит (новый каменный век) и более поздние археологические эпохи.

Палеолит подразделяется на: 1) ранний палеолит, включающий древнейший этап истории человечества – олдувай (около 2.5 млн.– 800 тыс. лет назад) и следующий за ним ашель (800–200 тыс. л.н.); 2) средний палеолит или период мустье (200–40 тыс. л.н.); 3) поздний или верхний палеолит (около 40–10.3 тыс. л.н.) (Радиоуглеродная хронология палеолита, 1997).

Олдувай – время существования так называемого «человека умелого» – обезьяноподобного существа, изготавливавшего примитивные орудия труда. В ашеле появился питекантроп (человек прямоходящий), в мустье – неандерталец. С началом верхнего палеолита связано возникновение человека разумного (Homo sapiens).

В четвертичном периоде происходило повсеместное похолодание климата, а также и ритмичные изменения природно-климатических условий. Эта ритмичность заключалась в чередовании суровых условий ледниковых периодов и более мягких межледниковых. Во время оледенения огромные пространства превращались в ледяные пустыни. Жизнь человека была возможна лишь к югу от этих регионов. У края ледника располагались приледниковые области, представлявшие собой тундровые ландшафты. Южнее были холодные лесостепи и степи (Динамика ландшафтных компонентов, 2002). В этой приледниковой зоне обитали стада ныне вымерших животных: мамонтов, шерстистых носорогов, а также диких лошадей, бизонов, туров, овцебыков, северных оленей и других. Особенностью природы оледенений было смешение ландшафтных зон и фаун этих зон. Так, здесь сосуществовали представители тундры (овцебык, песец, северный олень) и животные степей и лесов (бизон, благородный олень, лошадь, сайгак). Основная часть Среднего Поволжья и Урала входила в перигляциальную зону, здесь установилась вечная мерзлота (Бутаков, 1986).

Первое проникновение людей на Восточно-Европейскую равнину произошло, судя по самым ранним находкам, в позднем ашеле 275–200 тыс. лет назад. Благоприятные условия теплого микулинского межледниковья позволили освоить пространства Русской равнины.

В мустьерское время (200–40 тыс. л. н.) сравнительно высокого уровня достигла техника раскалывания и вторичной обработки камня. Неандертальцы могли получать отщепы совершенной формы, которые были предназначены для изготовления орудий. Эти отщепы скалывались со специально подготовленных нуклеусов (ядрищ). Характерными орудиями мустьерцев были остроконечники и скребла разных типов, в том числе со сплошной двусторонней (бифасиальной) обработкой поверхностей орудий – т.н. бифасы (Палеолит СССР, 1984). Остроконечники использовались как ножи, кинжалы, наконечники копий и рогатин. Скребла употреблялись при разделке туш животных, обработке шкур и дерева. На мустьерских стоянках часто встречаются зубчатые орудия – отщепы и сколы с мелкими выемками по краям, которые служили для резки и пиления.

Эпоха мустье характеризуется прогрессом в охоте. Важную роль играло и собирательство, о чем говорят находки терок и пестов на мустьерских стоянках. Палеолитические охотники предпочитали селиться поблизости от воды, по берегам рек, озер, на склонах холмов, а также в пещерах и гротах. Среди мустьерских памятников выделяются стоянки-мастерские, кратковременные охотничьи лагеря, долговременные «базовые» поселения. Для мастерских характерно обилие расколотого кремня – ядрищ, отщепов, сколов, и небольшое количество костей животных, очагов. Мастерские располагались поблизости от выходов каменного сырья. Остатки кратковременных лаге-

рей содержат мало каменных изделий. Найденные там кости принадлежат обычно лишь нескольким убитым поблизости животным. На долговременных поселениях, как правило, фиксируется мощный культурный слой, насыщенный изделиями из камня и костями животных, с хорошо выраженными очагами, а иногда и остатками жилищ.

В условиях сурового последнего (валдайского) оледенения люди верхнего палеолита продвинулись вплоть до крайнего северо-востока Европы (Павлов, 2002). Главным условием успешного освоения северных районов стал прогресс во всех областях жизни первобытных людей современного физического облика. Новые приемы охоты требовали лучшей организованности и оснащенности. Наряду со свидетельствами специализированной охоты на мамонтов, исследователями палеолитических стоянок отмечаются следы практики сбора древними людьми остатков мамонтов в местах естественной гибели последних (Чубур, 1998; Сериков, 2007). При изготовлении орудий труда и для постройки жилищ широко использовались кость, рог, бивень мамонта. Дальнейшее развитие в верхнем палеолите получила техника обработки камня. На стоянках этого времени встречаются хорошо ограненные призматические ядрища, от которых откалывали удлиненные ножевидные пластины с ровными острыми краями. Многие из них использовались в качестве ножей без дополнительной обработки. В верхнем палеолите наиболее распространенными и разнообразными по форме были резцы, скребки, ножи, скребла, долотовидные орудия, проколки, наконечники дротиков (Палеолит СССР, 1984). Тогда же была освоена техника сверления кости.

Позднепалеолитическая эпоха в Среднем Поволжье изучена значительно лучше, чем мустьерская.

В конце позднего палеолита в жизни коллективов охотников, проживавших в приледниковой зоне Восточной Европы, произошли крупные перемены. Около 10.3 тысяч лет назад (в некалиброванном значении) завершился ледниковый период, произошло существенное потепление, деградировал скандинавский ледяной щит, наступил современный этап четвертичного периода – голоцен. Исчезли приледниковые тундро-степные ландшафты, постепенно установились современные природные зоны (Маркова и др., 2008). Вымирание крупных животных мамонтового комплекса вынудило охотников сменить объекты промысла и в этой связи – образ жизни. Эти изменения, в свою очередь, привели к совершенствованию охотничьего арсенала. Лук, изобретенный в позднем палеолите, стал основным оружием, прогрессировала техника метания дротиков и копий. В мезолите совершенствовалась не только охота, но и рыболовство и собирательство (Мезолит СССР, 1989; Жилин, 2004).

Мезолитические общины стали более подвижными. Люди стремились более полно использовать разнообразные источники пропитания и каменного сырья и другие материальные ресурсы. Сложился сезонно-оседлый образ жизни. Археологические исследования мезолитических памятников показывают, что в то время существовали кратковременные стоянки, базовые (сезонные) стоянки многократного посещения, а также стоянки-мастерские у выходов каменного сырья.

В области материальной культуры эпоха мезолита характеризуется, в первую очередь, высоким уровнем техники получения ножевидных пластин, особенно микропластин. В этот период пластины зачастую отделяли от нуклеусов не только путем удара отбойником, но и техникой отжима от края площадки ядрища роговым отжимником. Также широко употребляется технический прием отжимного ретуширования. Широкое распространение получила технология изготовления пазовых орудий труда и метательного оружия, для которых делались кремневые вкладыши – фрагменты пластин в форме прямоугольников, треугольников, трапеций, которые закреплялись в пазах костяной или деревянной основы.

Среднее Поволжье и Предуралье в эпоху мезолита было контактной зоной, где сосуществовали и взаимодействовали представители нескольких археологических культур – усть-камской, камской, романовско-ильмурзинской, русско-луговской, парчевской, средневычегодской, а также ряда культурных традиций (Косменко, 1977; Галимова, 2001; Бадер, 1966; Мельничук, 1989; Гусенцова, 1993; Матюшин, 1976; Котов, 2009; 2009а; Никитин, 2006; Березина, 2021; Волокитин, 1997).

Неолитический период был выделен в рамках каменного века еще в 60-е годы XIX века. В качестве маркеров Дж. Леббок отметил шлифованные и полированные орудия труда (Леббок, 2011). Таким образом, признаками позднего каменного века явились новые технологии обработки сырья. Через 100 лет археологическое понимание неолита (*нео* – новый, *лит* – камень) было расширено Г. Чайлдом, который сместил акцент в сторону форм хозяйства: от присваивающего к производящему (Чайлд, 1952). В дальнейшем к отличительным признакам неолита, особенно в тех районах, где не фиксировалось скотоводство или земледелие, добавилась глиняная посуда (Брюсов,1952). Интенсивные раскопки на Ближнем Востоке и в Передней Азии позволили получить источники, которые усложнили картину неолита. Были ис-

следованы стоянки, на которых уже фиксировались шлифование и сверление, но отсутствовала посуда. В других случаях еще не было сосудов, но прослеживались элементы производящего хозяйства. На этой основе возникали такие понятия, как бескерамический или докерамический неолит. В тех случаях, когда памятники без следов производящего хозяйства содержали археологические признаки неолита, их обозначали как субнеолитические (Ошибкина, 1996). Не обошла эта ситуация и районы Волго-Камья. Так, материалы с деревообрабатывающими орудиями, но без керамики исследователи Казанского Поволжья относили к докерамическому неолиту (Халиков, 1969). Большую сложность в интерпретации вызвали комплексы лесного Среднего Поволжья, которые специалисты относили либо к бескерамическому неолиту, либо к переходному периоду от мезолита к неолиту (Никитин, 1996). Ситуация была двоякой, поскольку на территории Волго-Камья уже в комплексах позднего мезолита появились не только техника двусторонней оббивки, но и пришлифовка. В лесостепном Поволжье специалисты допускают сосуществование мезолитического и ранненеолитического (изготавливавшего керамику) населения (Андреев, Андреева, Кулькова, Ойнонен, 2020). Все эти ситуации теоретически были вполне возможны. Для их подтверждения требовались как стратиграфические данные, так и серии радиоуглеродных дат.

Одним из важнейших является вопрос о причинах перехода от мезолита к неолиту. Они одинаковы для юга лесостепного Поволжья и для бассейна Вычегды? Если преобладают климатические факторы, то это была аридизация или процесс проходил в уже благоприятных условиях? Какие хозяйственные факторы способствовали развитию? По данным специалистов, каменная индустрия позднемезолитических и ранненеолитических памятников не имеет кардинальных различий (Ставицкий, 2003). В таком случает ранний этап елшанской или камской культуры допустимо обозначить как керамический мезолит?

Не менее сложный аспект изучения неолита связан с определением статуса некоторых неолитических образований Волго-Камья. До сих пор сложно определить, являются памятники раннего неолита лесного Среднего Поволжья самостоятельным образованием или локальным вариантом средневолжской культуры. Не до конца понятно, во всех ли регионах Волго-Камья формируются оригинальные культуры или некоторые из территорий явились зоной постоянной смены населения на разных этапах неолита.

Определение доместицированных видов животных дало основание ученым предполагать появление скотоводства уже на ранней ступени неолита лесостепного Волго-Уралья (Моргунова, 1995). Иначе говоря, появилась возможность допущения, что этот регион входил в зону «неолитической революции». Более того, исследователи допускали элементы скотоводства и в лесном Марийском крае: в ранненеолитических комплексах Дубовских и Отарской стоянок были определены кости домашних овцы, лошади и крупного рогатого скота (Никитин, 1996). Специалисты, предполагая миграционный характер появления в этих регионах признаков производящего хозяйства, опирались на материалы Подонья и Нижнего Поволжья, где, по предварительным данным, уже фиксировалось скотоводство. Но насколько это достоверно аргументированно?

Ситуация изменилась в связи с исследованиями ранненеолитических памятников на Дальнем Востоке. Выяснилось, что в их культурных слоях содержится глиняная посуда, но не представлено производящее хозяйство. Причем, судя по достоверным радиоуглеродным подтверждениям, возраст этих комплексов значительно древнее, чем возраст переднеазиатских памятников с первыми свидетельствами производящего хозяйства (Кузьмин, 2013). Иначе говоря, переход от мезолита к неолиту в этом регионе происходил на основе присваивающего хозяйства, а возникновение керамического производства не было связано с земледелием. Примечательно, что на стоянках Северного Прикаспия и степного Поволжья позвонки рыб находят в культурном слое или в остатках очагов, но определения липидов по нагару на сосудах не показывают, что в них готовили рыбную пищу. Хорошо известно, что деревянная и каменная посуда представлена среди находок в Чатал-Гуюке, Халлан-Чеми, Кертик-Тепе. Вряд ли вызовет дискуссию то, что до глиняных сосудов в качестве емкостей служили плетеные корзины, контейнеры из бересты, резервуары из кожи. Но во всех вариантах остается вопрос, выполняют ли первые глиняные сосуды функцию контейнера или носят, особенно при своем импортном характере, статусный характер.

Поэтому необходимо смещать акцент на изучение новых технологий в обработке каменного сырья, что в большей степени отвечает археологическим критериям периодизации каменного века. И речь должна идти не о появлении отдельного маркера (шлифовка или керамика), а о сложении системы структурных компонентов. Необходимо проследить, в какой момент эта система становится сформировавшейся. Именно это позволит разрабатывать важнейший вопрос периодизации неолита. Исследователи связывают начало неолита с появлением оседлого сетевого рыболовства, что

в археологических показателях подтверждается обнаружением каменных долот (Сидоров, 2018). Но если они достоверно фиксируются только в комплексах с ямочно-гребенчатой керамикой, то интерпретировать более ранние памятники с накольчатой орнаментацией следует переходом от мезолита к неолиту? Неслучайно даже в настоящее время в научной литературе имеется несколько вариантов периодизации неолита: ранний и поздний неолит или ранний, развитой и поздний. Современные критерии весьма обтекаемы, и с одинаковым успехом можно предполагать, что в лесном Среднем Поволжье к раннему неолиту относятся памятники с накольчатой керамикой, в развитой период неолита попадают комплексы с ямочно-гребенчатой посудой, а к позднему этапу допустимо относить стоянки красномостовского типа. При изменении критериев первые останутся в раннем неолите, вторые – в позднем, а третьи попадут в переходный период от неолита к энеолиту. И здесь нужны именно археологические показатели, а не массив радиоуглеродных дат. Особенно это касается контактных территорий. Так, до сих пор сохраняется неопределенность в отношении материалов русско-азибейского типа. Они характеризуются воротничковым утолщением на внешней стороне венчика керамических сосудов и крупными заготовками для изготовления кремневых орудий труда. Эти признаки, по мнению исследователей, присущи самарской энеолитической культуре лесостепного Поволжья. В таком случае и памятники Икско-Бельского междуречья можно рассматривать как результат взаимодействия аборигенов с пришлыми, стоящими на более высоком хозяйственном уровне развития, коллективами. И с этим следует согласиться только в той части, что взаимодействие было. Но достоверных доказательств наличия признаков металлообработки и скотоводства на памятниках раннего этапа самарской культуры пока не обнаружено.

Базы радиоуглеродных дат, несомненно, важны для установления точных хронологических границ отдельных культур или времени появления каждого компонента неолитического «пакета» в отдельной ландшафтной зоне. Многочисленным коллективом неолитоведов Волго-Камья за последние годы получено более 400 радиоуглеродных дат почти по всем памятникам позднекаменного века интересующей территории (Радиоуглеродная хронология…, 2016). То, что они были сделаны преимущественно по керамике, мера вынужденная: в большинстве районов Волго-Камья в слоях не сохраняется органика. Позитивным моментом является то, что в последние годы многие даты по керамике стали получать подтверждение значениями, полученными по другим органическим материалам. Это позволило в одном случае впервые получить достоверные хроноинтервалы, в другом – уточнить соотношение разнокультурных комплексов, а в третьем – подтвердить или опровергнуть ранее предложенные варианты, базирующиеся на археологических основаниях.

Свидетельства одновременности разных неолитических культур отнюдь не всегда являются строгим доказательством взаимодействия их носителей. И зачастую сугубо археологические методы не проясняют картину. В последние годы ситуация изменилась в связи с получением И.Н. Васильевой результатов технико-технологического анализа керамического материала из почти всех неолитических стоянок Волго-Камья. Именно это дало возможность выявить три основных центра керамического производства, проследить их развитие, взаимовлияния и др. (Васильева, Выборнов, 2013; 2016). Важно отметить, что с помощью этого метода исследователи стали получать информацию, которую выявить на уровне типологии было почти невозможно. Не меньшее значение имеет этот метод и для понимания процессов появления неолитического населения на различных территориях. Неодинаковый уровень технологий может дать основания для разработки гипотезы о местной основе возникновения или пришлом характере появления керамики. В каких случаях и почему доминируют автохтонные процессы, а в каких миграционные? И не являются ли признаки диффузии отражением археологической непрерывности (Выборнов, 2015)? Появление неких новых форм артефактов (например, треугольно-черешковые наконечники стрел на II Щербетьской и II Лебединской стоянках) является результатом развития местного производства, импорта или влиянием соседних культур?

Остается нераскрытым до конца познавательный потенциал жилищ как одного из важных компонентов неолитической культуры. Долгое время они находились в тени керамического и каменного инвентаря. Возобновившийся интерес к их всестороннему анализу (Выборнов, 2021), несомненно, принесет важнейшую информацию. На повестке дня – трактовка различий и сходства построек камской и средневолжской культур, изучение феномена многочисленных жилищных сооружений финала мезолита и раннего неолита Марийского края.

Таким образом, разработка различных аспектов неолита на территории Волго-Камья продолжается достаточно интенсивно. В то же время целый комплекс проблем еще ждет своего решения. Некоторые из них и будут представлены в разделах данного издания, посвященных неолиту.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПАЛЕОЛИТ

Глава 1
Палеогеография палеолита Волго-Камья и Южного Предуралья

Глава 2
Палеолит центральной части Среднего Поволжья

Глава 3
Палеолитические памятники
устья Камы и Нижнего Прикамья

Глава 4
Палеолит северной части Приволжской возвышенности

Глава 5
Палеолитические памятники бассейнов Печоры и Верхней Камы

Глава 6
Палеолит Южного Предуралья

Глава 7
Памятники рубежа палеолита и мезолита
устья Камы и лесостепного Заволжья

ГЛАВА 1

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ ПАЛЕОЛИТА ВОЛГО-КАМЬЯ И ЮЖНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Регион Волго-Камья и Южного Предуралья расположен в восточной части Русской равнины и охватывает семь административных единиц: Самарскую область, Чувашскую Республику и Республику Марий Эл, Республику Татарстан, Удмуртскую и Башкирскую Республики, а также Пермскую область. Гидросеть района принадлежит бассейнам Волги и Камы. Основные притоки Волги, помимо самой Камы, – Самара, Большой Кинель, Большой Черемшан, Сура, Свияга, Цивиль, Ветлуга. Притоки Камы – Вятка, Белая, Сылва, Чусовая и другие реки. Выделяются следующие современные ландшафтные зоны и провинции Волго-Камья: провинции степного Низменного и Высокого Заволжья, лесостепи Низменного и Высокого Заволжья, лесостепь Приволжской возвышенности, Унжинско-Ветлужская тайга Низменного Заволжья и Вятско-Камская тайга Высокого Заволжья.

Заселение древним человеком Волго-Камского региона и Южного Предуралья ознаменует начало позднего палеолита и охватывает период восьми временных природно-климатических интервалов: от середины Вюрм I/II (интерстадиал Мёрсхофд в Западной Европе) – средней фазы средневалдайского мегаинтерстадиала (ленинградского – молого-шекснинского потепления), начавшегося около 47 тыс. л. н., до начала раннего голоцена. Ленинградский горизонт соответствует третьей изотопно-кислородной стадии – MIS 3; в субаэральных отложениях ему отвечает брянская ископаемая почва (Величко и др., 1992). Исследования безымянных погребенных почв в левобережье приустьевой части долины Камы, в местах распространения кремневого материала на палеолитических местонахождениях Беганчик и Коминтерн, выявили почвенный горизонт с очагами, кремневыми отщепами и костями животных мамонтовой фауны (Галимова и др., 2021; Cordova et al., 2021). Этот почвенный горизонт сформировался раньше брянской почвы. Наличие растительных таксонов из слоя с древними очагами свидетельствует о холодной сухой степи с редкими кустарниками, а обилие спикул губок в образцах позволяют предположить, что территория расположения стоянки часто затапливалась. Исследователи предположили, что палеопочва на месте стоянки больше соответствовала условиям образования крутицкой палеопочвы, которая развивалась под степной или открытой лесной растительностью в период Красногорского межстадиала. Таким образом, получены доказательства присутствия человека в рассматриваемом районе, связанные с почвенным горизонтом возрастом MIS 3. Два радиоуглеродных возраста AMS из очага дали возраст около 47 000 лет назад (Cordova et al., 2021).

Брянский межстадиал (BR) – 33–24 тыс. л. н. – соответствует поздней фазе средневалдайского потепления. В брянское время существовал небольшой ледниковый щит в Скандинавии, а также отмечается существенная ледовитость океана в приполярных секторах и широкое распространение многолетней мерзлоты (Величко, 1973; Van Andel, Tzedakis, 1996). Этому потеплению на Русской равнине отвечают брянская (Россия), дубновская (Беларусь), витачевская (Украина) ископаемые почвы. Эти погребенные почвы были установлены в лёссово-почвенных покровных образованиях Русской равнины от ~ 60° с. ш. до ~46° с. ш. (до Причерноморья).

В перигляциальной области Восточной Европы с севера на юг реконструированы: мерзлотно-глеевые, дерновые надмерзлотно-глеевые иллювиально-карбонатные и дерновые карбонатно-иллювиальные почвы (BR) (Величко, Морозова, 2002). По данным Б. Френцеля, годовые температуры брянского времени на Русской равнине в сравнении с современными были ниже на 6 ˚С, (Frenzel et al., 1992). В это время на всей территории Русской равнины отсутствовали аналоги современных природных зон. Севернее 59° с. ш. были широко представлены лесотундровые ландшафты (сочетание тундровых и степных группировок растений с сосново-березовым редколесьем).

Своеобразная зона перигляциальных лесо-тундростепей с участками лесной растительности, а также формациями луговых степей, тундровых группировок и галофильных группировок степного характера располагалась в центральных областях Русской равнины между 54° и 59° с. ш. Отдельные лесные массивы располагались в крупных речных долинах. Палеорастительность

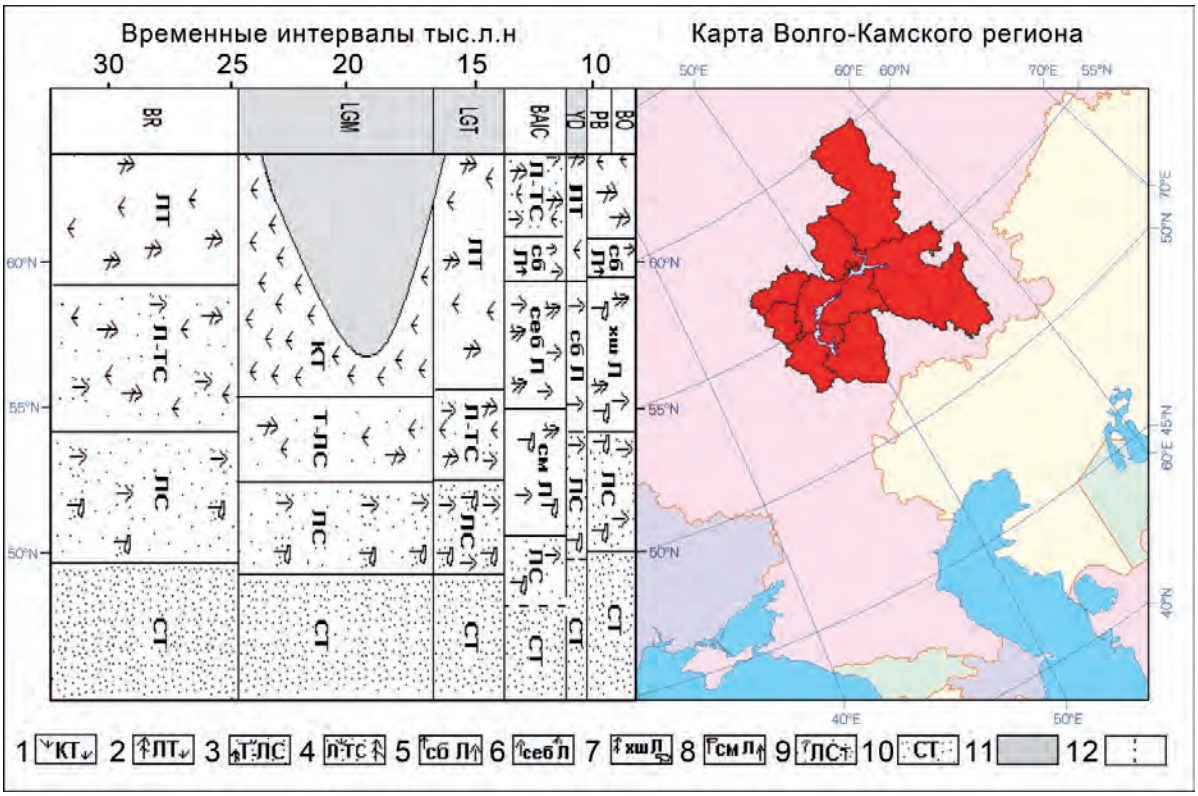

Рис. 1. Растительность Русской равнины в интервале 33-10 тыс. л.н. реконструированная в меридиональном трансекте между 30° и 40° в.д. для интервала между 45° и 63° с.ш. (по: А.Н. Симакова, 2008, с. 13) в широтной проекции на карту Волго-Камского региона

Обозначения: 1 – кустарниковая тундра; 2 – лесотундра; 3 – тундро-лесостепь; 4 – лесо-тундростепь; 5 – сосново-березовые леса; 6 – сосново-елово-березовые леса; 7 – хвойно-широколиственные леса; 8 – смешанные леса; 9 – лесостепь; 10 – степь; 11 – покровный ледник; 12 – предположительные границы растительных сообществ. Стратиграфичесая схема терминального плейстоцена: BR – брянский межстадиал, LGM – максимальное похолодание последнего оледенения, LGT – позднеледниковье, BAIC – межстадиальные потепления бёллинг-аллерёд, YD – поздний дриас, PB-BO – пребореал-бореал.

Русской равнины в брянское время обладала характерными чертами, свойственными для этапов сравнительно небольшого потепления, причем западная часть Русской равнины находилась под влиянием более теплого климата, чем центральная и восточная. Для брянского межстадиала характерно широкое распространение различных вариантов перигляциальной растительности (Симакова, 2008).

Эпоха поздневалдайского ледникового максимума (LGM) – 24–17 тыс. л. н. – является заключительным этапом позднего неоплейстоцена – времени с наиболее суровым климатом в течение всего четвертичного периода (Величко, 1973). Этот этап начинается около 24 тыс. л. н., после формирования брянской ископаемой почвы, и завершается с началом деградации покровного оледенения, около 17 тыс. л. н. В перигляциальной зоне центра Восточной Европы наблюдалось мощное образование лессовидных суглинков, а на юге – лессов (Бутаков, 1986). На Русской равнине сплошное распространение мерзлоты ограничивалось 57–58° с. ш. (Величко и др., 1982; Velichko, Zelikson, 2005). Согласно палеореконструкциям, проведенным по палеофлористическим данным, установлено, что среднегодовые температуры LGM снижались до -30 °С в приледниковой области и до -10 – -5 °С в южных областях Европы (Величко, 1982, 2002). В приледниковой области севернее 55–56˚ с. ш. в Восточной Европе доминировали мозаичные ценозы кустарниковых тундр. Здесь тундровые растительные ассоциации перемежались с небольшими участками лесотундровых и степных ценозов. Хвойные леса с неморальными элементами сохранялись в горных областях. На равнинах рефугиумы лесной растительности были приурочены к территориям с расчлененным типом рельефа и к крупным речным долинам (Симакова, 2008).

К эпохам конца брянского межстадиала (BR) и поздневалдайского ледникового максимума (LGM), вероятно, относится палеоаллювий с культурным слоем Юнга-Кушергинской верхнепалеолитической стоянки и вышележащие слои лессовидных суглинков. Данные палинологии Юнга-Кушергинской стоянки, по мнению

М.Ш. Галимовой, вероятно, соответствуют нарастающему похолоданию климата (Галимова, 2001, с. 3, 4).

Юнга-Кушергинская верхнепалеолитическая стоянка расположена на левом берегу р. Большой Юнги около д. Юнга-Кушерга в Горномарийском районе Марийской республики. Речка Большая Юнга, правый приток Волги, длиной около 35 км, течет почти в меридиональном направлении и впадает в Волгу против устья р. Ветлуги. Долина Большой Юнги проложена в породах Татарского яруса верхней перми. В нижней части коренных склонов долины вскрываются отложения нижнетатарского подъяруса, представленные переслаиванием красно-коричневых глин и песчаников с серыми известняками, доломитами и мергелями. Выше по склонам и на водоразделах распространены более молодые отложения верхнетатарского подъяруса, состоящие из красноцветных среднезернистых песчаников, сменяющихся вверх по разрезу красными глинами. Долина реки, шириной до 1 км, заполнена аллювиальными, делювиальными и элювиальными отложениями. Стоянка приурочена к первой надпойменной террасе, возвышающейся на 8–10 м над меженным уровнем реки (Андрианов, 1961). В данном обнажении террасы, в левобережном обрыве ниже устья ручья Кожвашка и в зачистке западной стенки раскопа 1959 г. палеолитической стоянки (Халиков, 1961, рис. 5), выделяется 10 стратиграфических горизонтов. Сразу под дерновой почвой залегают суглинки желто-серых (палевых) тонов (слои 3–5 разреза) общей мощностью 4,5 м и слои 2–4 зачистки максимальной мощностью 2,2 м. Эти слои образовались в результате мерзлотного выветривания коренных пород и отложения криоэлювия в пойме реки. Последующее криоэлювиирование существенно преобразовало всю толщу осадков, придало ей лессовидный облик. Формирование криоэлювия происходило в периоды сильного похолодания вплоть до раннего голоцена.

Лессовидные суглинки наблюдаются вдоль северного края Приволжской возвышенности от р. Суры до г. Марпосад в виде полосы шириной 30–40 км (Дедков, 1970; Малышева, 1971). Они сходны с покровными суглинками центра Русской равнины, описанными многими авторами (Спиридонов, 1948; Попов, 1953; Николаев, 1959). По описанию О.Н. Малышевой (1971), суглинки залегают на размытой поверхности пород перми, юры и плиоцена. Мощность, начиная с 19–15 м в западных районах, постепенно сокращается, и восточнее долины р. Цивиль они исчезают полностью. Абсолютные отметки залегания суглинков колеблются от 160 до 200–212 м. В верхней части эти суглинки – лессовидные, бурые с вертикальной отдельностью. Ниже они становятся светло- и палево-желтыми, местами с тонкой горизонтальной слоистостью. В основании толщи лежат серые неслоистые суглинки и глины. Генезис покровных суглинков проблематичен, хотя О.Н. Малышева (1971) вслед за Е.И. Тихвинской и А.В. Кожевниковым, также изучавшими эти образования, склоняется к флювиогляциальному их генезису. Несомненно, что часть суглинков образовалась элювиальным путем за счет преобразования подстилающих пород, о чем свидетельствует присутствие глауконита в легкой фракции (Бутаков, 1986). Наличие слоистости говорит об участии воды в накоплении или переотложении этих осадков. Однако и гранулометрический (преобладание пылеватой фракции) и минералогический (повышенное содержание неустойчивых минералов, особенно амфиболов) составы свидетельствуют о формировании всей толщи в суровых условиях перигляциального климата. Вниз по склонам наблюдается постепенный переход в верхнюю генерацию склоновых суглинков, возраст которых – раннеосташковский (Бутаков, 1986). С раннеосташковским временем был связан средний этап позднего палеолита на Русской равнине, датированный 29,7–21,5 тыс. л. н. (без калибровки: 25–18 тыс. лет) (Палеолит СССР, 1984).

Исследования спорово-пыльцевого спектра Юнга-Кушергинской стоянки (слой 5–9 зачистки) позволили установить изменение климата в сторону похолодания – от сравнительно теплого межледниковья лесостепи к перигляциальной тундростепи (Халиков, 1961; Никитин, 1996; Березина, 2011; Березин, 2012). В слое 9 в споро-пыльцевом спектре присутствуют теплолюбивые деревья и кустарники: ива (Salix), лещина (Corylus), береза (Betula), дуб (Quercus), вяз (Ulmus) с относительно небольшим присутствием сосны (Pinus) и ели (Picea). В вышерасположенных слоях пыльца широколиственных деревьев исчезает. В слое 7 на месте культурного слоя стоянки возросло количество пыльцы сосны. В слое 5 заключительного этапа образования палеоаллювия реки процент пыльцы сосны возрос в два раза по сравнению со слоем 9.

Характер спорово-пыльцевых спектров указывает на распространение безлесного ландшафта, хотя постоянное присутствие пыльцы сосны, а в нижней толще – березы, орешника, вяза, позволяет предполагать наличие небольших участков сосново-березовых лесов. По-видимому, в момент захоронения палеолитической стоянки в бассейне Большой Юнги преобладали открытые ландшафты, заселенные злаками, маревыми, полынями, разнотравьем. В прибрежной зоне существовали заросли ивы и березы. На водоразделах, возмож-

но, располагались сосновые боры. Наличие пыльцы водных растений (рдестовые, водокрасовые, частуховые) в культурном слое подтверждает точку зрения о том, что образование серых суглинков происходило в условиях заиляющихся стариц (Андрианов, 1961).

Эти данные позволили предположить, что существование Юнга-Кушергинской стоянки датируется концом среднего валдая (около 25 тыс. л. н.) (Халиков, 1961; Никитин, 1996; Березина, 2011; Березин, 2012). Культурный слой стоянки (слой 7 зачистки) приурочен к верхней фазе формирующегося аллювия реки и, вероятно, впоследствии – к возникновению старицы (слой 7 разреза и слои 5–9 зачистки) (Андрианов, 1961), происходивших в конце брянского межстадиала (BR). Слои представлены серыми с голубоватым оттенком, сизыми и серо-сизыми илистыми суглинками. Отсутствие криогенных структур в древнем аллювии указывает на постепенное изменение климата в сторону похолодания во время последующего его погребения криоэлювиальными лессовидными суглинками в эпоху поздневалдайского ледникового максимума и последующих похолоданий. Остатки костей млекопитающих, собранных из культурного слоя (слоя 7 зачистки), указывают на лесостепной характер ландшафта. Старшим научным сотрудником Биологического института КФ АН СССР В.А. Поповым были определены следующие животные: лошадь (Equus), вероятно, северный олень (Rangifer), крупная полевка, вероятно, водная полевка (Arvicola), пищуха (Ochotona), остальные виды животных не удалось определить с достаточной уверенностью. Аллювий подстилается галечным слоем, содержащим кости мамонта (Mammuthus), шерстистого носорога (Coelodonta), лошади (Equus), бизона (Bison), бобра (Castor) и медведя (Ursus) (Андрианов, 1961). Углеродная датировка черепа шерстистого носорога (№ ГИН 6027), найденного на р. Юнге около д. Елкино Моргаушского района Чувашии, имеет возраст 24 тыс. л. н. (Гарутт, 1998; Березин, 2012). Дата достаточно условная и, вероятно, некалиброванная, однако согласуется с древним аллювием и нижним русловым галечным слоем р. Юнги. В Ибресинском районе Чувашии под толщей аллювиальных песков первой надпойменной террасы позднеледниковья реки Хомы, в серо-сизых жирных древнеаллювиальных глинах был найден почти целый скелет мамонта. Возраст этого мамонта по AMS-углеродному датированию составляет BP 33640±270 (OxA-17 347) (Петрова, 2009; Березин, 2012). Формирование палеоаллювия на р. Хоме и р. Юнге с большой вероятностью протекало синхронно и соответствуют средневалдайскому оледенению молого-шекснинского межледниковья, включая брянский межстадиал. В результате изучения генезиса четвертичных пород на территории Чувашского Поволжья с использованием радиоуглеродных датировок и исследования зубов мамонтов можно предположить, что большая часть найденных останков мамонтов и других крупных животных мамонтового фаунистического комплекса в этой местности относится к позднему неоплейстоцену. Время их обитания можно соотнести с концом калининского похолодания и первой половиной молого-шекснинского потепления – 45–30 тыс. л. н. (Березин, 2012).

Третий из рассматриваемых палеогеографических интервалов – позднеледниковье (LGT) – 17–12,4 тыс. л. н. – соответствует фазе разрушения и отступания ледника во второй половине поздневалдайского оледенения и включает стадиальное похолодание раннего дриаса (Bos et al., 2001). В LGT происходили деградация области распространения многолетней мерзлоты, усиление аридности климата, расширение площади песчаных массивов и лёссовых покровов (Mangerud et al., 2002; Velichko et al., 2004). Отложения LGT представлены осадками водно-ледникового происхождения и перигляциальными – озерно-аллювиальными, озерно-болотными, песчаными и лёссово-почвенными образованиями (Величко, Морозова, 1972; Gozhik et al., 2001). Палеоклиматические реконструкции на основе палеопедологических и палинологических данных показывают, что январские температуры были ниже современных примерно на 7–11 °С, а июльские – на 2–9 °С (Величко, Морозова, 1982).

В позднеледниковье на освобожденных от ледника пространствах и на территории, занимаемой во время LGM палеоценозами кустарниковых тундр, преобладала перигляциальная лесотундровая растительность. В центральных областях Восточной Европы, севернее 55° с. ш., доминировали кустарниковые тундры в сочетании с сосново-березовыми редколесьями и участками тундростепной растительности. Южнее 53–56º с. ш. на Русской равнине на месте ранее существовавшей тундро-лесостепи стали превалировать лесо-тундростепи – разреженные сосново-березовые и сосново-еловые леса с тундровыми и лугово-степными ценозами. Перигляциальная лесостепь в центре Русской равнины располагалась между 49° и 53° с. ш., представляя собой сочетание сосново-березовых редколесий с ассоциациями разнотравных и полынно-маревых степей, а также луговых и тундростепных растительных сообществ.

Таким образом, в LGT по сравнению с LGM уменьшилось участие степных таксонов в палеофитоценозах на севере и арктических – на юге субконтинента. Лесотундровая растительность

расширяла свои ареалы на север, где ранее в LGM господствовали ценозы кустарниковых тундр. В позднеледниковье постепенно возрастало участие широколиственных элементов в лесных ценозах горных областей и в рефугиумах равнин Европы. По сравнению с LGM, на территории Русской равнины северная граница лесостепной зоны продвинулась на север приблизительно на 250–300 км, а северная граница степи – приблизительно на 50 км. Границы между ареалами основных типов растительности стали более отчетливыми (Симакова, 2008).

К этапу позднеледниковья, по всей вероятности, относится находка бедренной кости человека, зафиксированная в 1997 г. в береговом обрыве р. Сормы на восточной окраине д. Русская Сорма (Березин, 2012). По заключению заведующего отделом антропологии Института этнографии и антропологии РАН С.В. Васильева, бедренная кость могла принадлежать женщине 30–40 лет. Кость короткая, но массивная, по морфологии принадлежавшая человеку современного типа, жившему в эпоху позднего палеолита или неолита. Женщина была низкого роста, около 150 см, и имела хорошо развитую мускулатуру (Березин, 2012). Кость залегала в погребенном аллювии серо-голубых глин, среди многочисленных остатков стволов и веток хвойных и широколиственных деревьев и кустарников, а также раковин озерных моллюсков. Ниже располагались серо-голубые глины без вышеуказанных включений. Предположительно, слои погребенного аллювия, в том числе верхние слои с остатками деревьев и озерных моллюсков, образовались в период с начала потепления в конце эпохи поздневалдайского ледникового максимума по начало позднеледниковья. В обнажении выше по склону берега палеоаллювий оказался погребенным под 7-метровой толщей лессовидных суглинков палевого цвета. Перекрывающие древний аллювий лессовидные суглинки могли сформироваться во время сильного похолодания в раннем дриасе, когда вновь усилилась эрозия коренных пород под воздействием мерзлотных процессов и талых вод с образованием криоэлювия в пойме реки.

В подобном аллювии в долине соседней речки Большая Шатьма найдены многочисленные кости мамонта, шерстистого носорога, лошади, бизона и северного оленя. Из обнажения берега реки около д. Большая Шатьма получена радиоуглеродная дата по кости лошади – BP 18 534±270 (Ле-8321) (Петрова, 2009; Березин, 2012). Здесь наблюдаются обнажения берега с погребенными торфяниками, залегающими на древнем аллювии, включающими обломки деревьев и кустарников, напоминая обнажения берегов на р. Сорме. Выше по реке у д. Яманаки была найдена кость северного оленя, по которой получена более древняя дата – BP 30 4414±1000 (Ле-8312) (Петрова, 2009; Березин, 2012). Древний аллювий этой местности сопоставим с палеоаллювием долин рек Хомы и Юнги и соотносится с началом брянского межстадиала.

В межстадиальные потепления бёллинг-аллерёд (BAIC) – 12,4–10,9 тыс. л. н. – Скандинавский ледниковый щит сильно деградировал. В интервале BAIC выделяются межстадиальное потепление бёллинг (12,4–12,0 тыс. л. н.), похолодание среднего дриаса (12,0–11,8 тыс. л. н.) и потепление аллерёд (11,8–10,9 тыс. л. н.) (Хотинский, 1997; Bos, 1998). Для этого времени характерно интенсивное торфонакопление и развитие почвенного покрова на значительной части Европы (van der Hammen, Wijmstra, 1971; Mol, 1997). На севере Центральной Европы январские температуры опускались, по сравнению с современными, на 7–13 °С, а летние температуры – на 1–2 °С (Зеликсон, 1994; Velichko et al., 1997; Кременецкий и др., 1998). В период BAIC на освобожденных от ледника территориях формировались ценозы перигляциальных кустарниковых тундр. В Восточной Европе между 59° и 63° с. ш. на месте существовавшей в конце оледенения лесотундры сформировалась лесо-тундростепь. Здесь существовала мозаичная структура фитоценозов, представлявшая собой сочетание сосново-березовых лесов, кустарниковых тундр и тундростепных растительных ассоциаций. Южнее на месте существовавших в Европе в LGT перигляциальных лесо-тундростепных ландшафтов сформировались перигляциальные разреженные сосново-березовые леса с участками степных и тундровых сообществ. Разреженные сосново-березовые леса с участием тундровых и тундростепных растительных ассоциаций доминировали на Русской равнине между 60° и 62° с. ш. Сосново-березовые и еловые леса с небольшим участием неморальных элементов в сочетании с участками полынно-типчаковых степей и кустарниковых тундр преобладали в западных и центральных районах Русской равнины (50–57° с. ш.). Южнее лесной зоны во время межстадиальных потеплений в Европе доминировали перигляциальные лесостепи. На Русской равнине ландшафты представляли собой комбинации разнотравных степей и тундровых ассоциаций с «островами» сосново-березовых лесов (Симакова, 2008).

Поздний дриас (YD) – 10, 9–10,2 тыс. л. н. – относительно короткий интервал похолодания и возврата климатических условий, характерных для оледенения (Величко, 1982). Перигляциальные явления были широко распространены в период YD (Isarin, 1997). Ледяные клинья и морозобой-

ные трещины фиксируются в разрезах отложений приледниковой области. В то время активизировались эоловые процессы, которые привели к развитию дюнных полей и песчаных массивов на севере Европы. В северо-западных областях Европы температуры июля были ниже современных на 6 °С, в центральных областях Европы – на 4 °С (Климанов, 1994, 2002; Isarin, Bohncke, 1999). В Восточной Европе в позднем дриасе (севернее 62° с. ш.), как и в период BAIC, были развиты кустарниковые тундры с участками тундростепей и лиственнично-березовых редколесий, а по долинам рек – сосново-еловые леса. Между 58° и 62° с. ш. перигляциальные сосново-березовые леса с участками тундр и тундростепных растительных ассоциаций BAIC трансформировались в позднем дриасе в лесотундры. Южнее (до 53° с. ш.) в Восточной Европе во время YD простирались разреженные сосново-березовые леса. Южная граница этих перигляциальных лесов смещалась на север примерно на 300 км по сравнению с временем BAIC, уступая место лесостепным и степным сообществам позднего дриаса. В позднем дриасе тундровые и степные сообщества вновь расширили свои ареалы соответственно в северных и южных областях субконтинента (Симакова, 2008).

Ко времени бёллинг–аллерёд (BAIC) предварительно отнесена палеолитическая стоянка-мастерская Шолма 1, исследованная на р. Цивиль в правобережье Волги (Республика Чувашия). Стоянка-мастерская Шолма 1 располагается у южного подножья одноименной горы. Гора Шолма представляет собой высокий (абсолютная отметка её плоской вершины – 90 м) выступ на юго-западном конце гряды, протянувшейся отдельной крупной складкой с севера-востока на юго-запад, которая была образована во время разлома чехла палеозойских осадочных пород и тектонического разрыва. Культурный слой стоянки приурочен к древней погребенной почве. С южной стороны горы эта почва сформировалась на горизонтально выравненной поверхности отложений (предположительно) зеленовато-желтого (оливкового) лесса. К этим отложениям с южной стороны примыкает первая надпойменная терраса р. Цивиль. Оливковый лес в свою очередь примыкает к коллювиальным отложениям склона.

Наиболее вероятным возрастом погребенной почвы с культурным слоем этой стоянки может быть теплый период аллерёд (11,8–10,9 тыс. л. н.), а перекрывающих данную почву бурых лессовидных суглинков с криогенными явлениями холодного периода – поздний дриас (10, 9–10,2 тыс. л. н.) (Березина и др. 2009).

То, что стоянка-мастерская Шолма 1 могла функционировать в финале теплого климата позднего неоплейстоцена, подтверждает тот факт, что погребенная древняя почва подстилает нижние горизонты современных почв и неразрывно связана с генезисом черноземов в голоценовое время. Лишь только присклоновая небольшая часть древней почвы оказалась погребенной под толщей красных делювиальных суглинков холодного периода. С северной стороны к склонам горы примыкает вторая надпойменная терраса р. Цивиль, сложенная песками. Здесь также встречается обилие кремневого материала, который, не распространяется ниже маломощных почвенных горизонтов. Однако с южной стороны массовое распространение кремневого материала ограничивается примыканием первой надпойменной террасы, что, вероятно, картирует зону распространения древних почв. Также следует отметить, что восточнее долины р. Цивиль и в окрестностях горы Шолма покровные лессовидные суглинки не развиты. Это значит, что более древние палеопочвы могли оказаться на поверхности и быть вовлечены в последующие периоды почвообразования.

Исследование древней погребенной почвы на стоянке Шолма 1 позволило выделить для периода позднего неоплейстоцена новый тип криогенных палепочв – шолминскую почву (Гугалинская и др., 2010; Гугалинская и др., 2010а). Учитывая все отмеченное выше, возраст палеолитической стоянки-мастерской Шолма 1 может быть определен в рамках последних событий позднего неоплейстоцена. Шолминская погребенная палеопочва, по всей вероятности, сформировалась в относительно длительный период межледниковья.

На месте стоянки древних людей найдены многочисленные кости лошади (Equus), а также кости бизона (Bison) и бобра (Castor), что свидетельствует о лесостепном ландшафте местности. В широких поймах речных систем, в том числе р. Цивиль, располагались богатые пастбища. Лошади и бизоны постоянно осуществляли сезонную миграцию в широтном направлении по степным и лесостепным ландшафтам Восточной Европы (Березин, Березина, 2009). На открытые степные участки ландшафта во время функционирования стоянки указывают обнаруженные в погребенной шолминской почве кости мелких грызунов: степного хомяка (Cricetus cricetus), водяной полевки (Arvicola amphibius) и узкочерепной полевки (Microtus gregalis) (определение П.А. Косинцева). Закончился этап формирования погребенной шолминской почвы сильным климатическим похолоданием, проистекавшим в позднем дриасе на Русской равнине. На месте палеолитической стоянки, с южной стороны, прикрытой с севера горой, стали проистекать мощные мерзлотные (криогенные) процессы.

ГЛАВА 2
ПАЛЕОЛИТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Нижний палеолит

Наиболее древние свидетельства заселения берегов Волги представлены отдельными находками каменных орудий, обнаруженных в переотложенном состоянии.

Хронологически первой находкой, вошедшей в литературу как «ручное рубило», является бифас, переданный В.А. Городцовым на хранение в Государственный исторический музей. По легенде, орудие был найдено на берегу Волги в Самарской губернии в начале XX века. Поскольку артефакт «прошел не через одни руки», более точное его местоположение неизвестно. В настоящее время он хранится в фондах Государственного исторического музея (ГИМ 81890/1, оп. А 557/1) (Городцов, 1941; Бадер, 1955). Орудие представляет собой бифас миндалевидной формы, размерами 11,3×8,5×3,5 см (рис. 2). Он изготовлен из плитчатого цветного кремня желто-коричневатого цвета техникой двусторонней оббивки. Поверхность изделия сильно патинирована, имеет глянцевый налет. В профиль бифас имеет слегка плоско-выпуклый силуэт. Один фас орудия уплощен у вершины плоскими ударами, которые формируют поверхность и плавно сходящиеся лезвия изделия. В обушковой части «рубила» сохраняется галечная корка, которая образует аккомодационный элемент орудия. Противоположный фас орудия более уплощенный. Здесь сохранилось больше естественной поверхности корки, а удары были нанесены в основном по краям изделия, формируя извилистое лезвие. По своим технико-типологическим характеристикам бифас является типичным представителем нижнепалеолитических бифасов или ашельских рубил. Сожаление вызывает только то, что неясным является его происхождение: местоположение и условия находки.

Выразительный бифас был обнаружен рыбаками на поверхности временно образовавшегося островка в районе с. Хрящевка Ставропольского района Самарской области (рис. 1). Островок появился во время спада уровня вод Куйбышевского водохранилища в засушливом 2010 году. Случайная находка представляет собой крупный бифас размерами 15,5×7,5×2,5 см (рис. 3). Орудие изготовлено техникой двусторонней оббивки. Оно слегка асимметричной формы, вытянуто-листовидное в плане, с поперечным основанием. Оба лезвия одинаково приострены крупными уплощающими сколами. Поперечное сечение – линзовидное или двояковыпуклое. Орудие темно-серого цвета, изготовлено из непрозрачного твердого мелкозернистого сланца, имеющего включения блестящего кварца. Подобного рода сырье не встречалось в коллекциях каменных орудий более поздних эпох. Поверхность артефакта незначительно окатана. Типология орудия позволяет отнести его к нижнепалеолитическим бифасам. К сожалению, геология четвертичного периода этой части волжского берега описана крайне плохо. Аллювий террас здесь сложен среднечетвертичными отложениями (днепровское оледенение). Предположительно наиболее древний фаунистический комплекс животных, приносимый рекой и откладываемый на северной оконечности полуострова Тунгуз, происходил из размыва отложений древнего аллювия днепровского времени.

Средний палеолит

Местонахождение Барбашин Овраг было открыто А.В. Збруевой в 1938 году. Кремневый бифас был обнаружен на бечевнике левого берега Волги на окраине г. Куйбышева (ныне г. Самара) в устье Барбашина оврага (Збруева, 1947) (рис. 1). Орудие изготовлено из плитчатого кремня желтого цвета. На обеих поверхностях изделия сохранилась галечная корка. Приблизительные размеры орудия (место хранения бифаса неизвестно) составляют 7,9×3,9 см (рис. 4). Оно имеет плосковыпуклый профиль. Два сходящихся в острый угол лезвия были оформлены двусторонней крупной ретушью. У вершины изделия ретушь более крутая, а вдоль длинного бокового лезвия – более пологая, образующая приостренное лезвие. Типологический облик бифаса достаточно выразителен. Он стоит в одном ряду с ножами-бифасами среднего палеолита. По расположению лезвий он близок к ножам-бифасам типа Клаузеннише. Необходимо отметить, что один экземпляр подобного орудия имеется на стоянке Сухая Мечетка (Кузнецова, 2000).

Местонахождение среднего палеолита, зафиксированное на полуострове Тунгуз у с. Хрящевка,

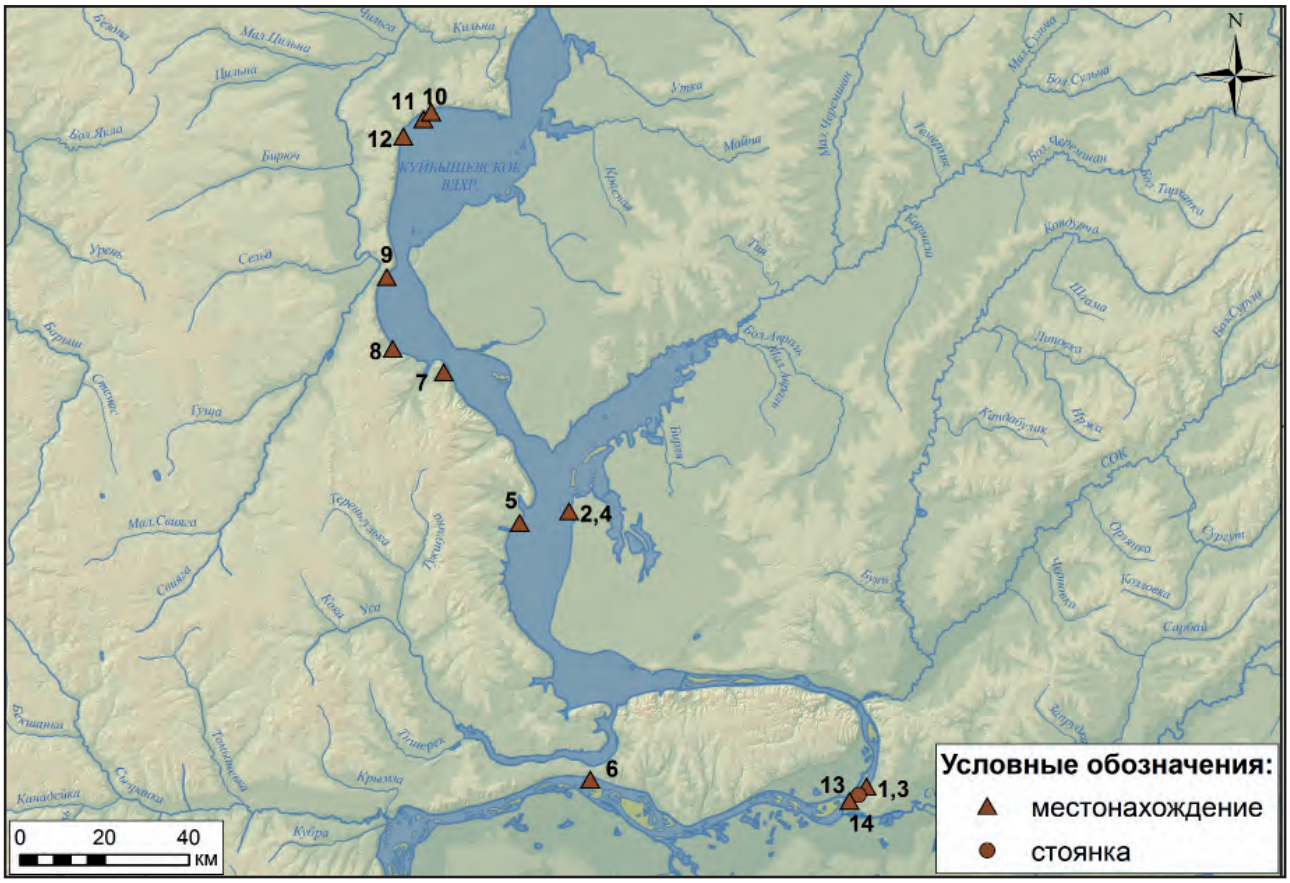

Рис. 1. Карта палеолитических памятников центральной части Среднего Поволжья:
1 – «Ручное рубило» из Самарской губернии; 2 – Хрящевка; 3 – Барбашин Овраг; 4 – полуостров Тунгуз (Хрящевка); 5 – Бектяжский остров; 6 – Переволоки; 7 – Арбугинские Поля; 8 – Кремёнки; 9 – Симбирская Гора; 10 – Ундорский остров; 11 – Ундоры; 12 – Ундоры (овраг Протолщный); 13 – Постников Овраг; 14 – Воскресенский Спуск.

было приурочено к левому берегу Волги (рис. 1). Здесь на уровне первой террасы образовался перекат – полуостров, куда течением реки на протяжении многих десятилетий вымывались из аллювиальной толщи и отлагались на песчаной отмели кости ископаемых животных и каменные артефакты. В 1951 году М.З. Паничкина, а в 1954 году З.А. Абрамова собрали здесь небольшую коллекцию каменных артефактов среднепалеолитического облика (Паничкина, 1953; Абрамова, 1954).

Найденные здесь 10 предметов были изготовлены из непрозрачного серого кремня, в их числе:

– нуклеус с негативом одного широкого отщепа, снятого с площадки, которая представляет собой грань, образованную плоской вентральной поверхностью изделия и выпуклой дорсальной поверхностью;

– шесть крупных отщепов с гладкими перпендикулярными ударными площадками, хорошо выраженными ударными бугорками и фасетками радиальных снятий на спинках. Два из этих отщепов были ретушированы;

– остроконечник – изделие подтреугольной формы с подретушированными лезвиями, сходящимися у вершины;

– двойное боковое скребло с ретушированными выпуклым и вогнутым лезвиями;

– угловатое скребло с двумя сходящимися лезвиями, ретушированными попеременной ретушью.

Таким образом, техника расщепления и типологический набор инвентаря позволил предположить среднепалеолитический возраст данного местонахождения на полуострове Тунгуз (Хрящевка).

Местонахождения на волжских островах Бектяжский и Ундорский, обследованные М.З. Паничкиной в 1951 г., представляли собой галечниковые косы, на которых были собраны многочисленные остатки четвертичной фауны, а также отдельные кремневые предметы в разной степени окатанности (Паничкина, 1953).

Бектяжский остров располагался у правого берега Волги напротив сел Мордово и Русская Бек-

Рис. 2. Фото рубила из Самарской губернии

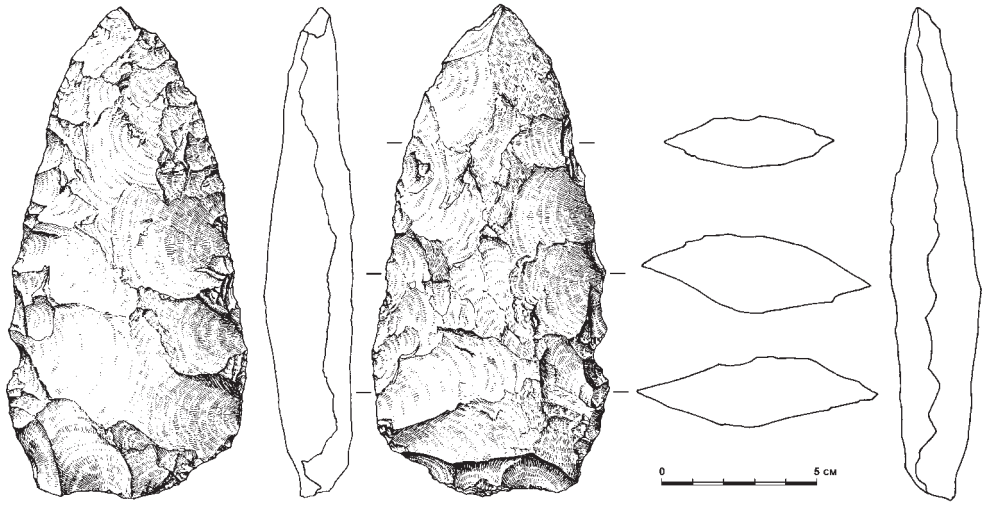

Рис. 3. Хрящевка. Бифас

тяжка (рис. 1). Единственное изделие из кремня, зафиксированное на данном местонахождении, представляет собой полукраевой массивный отщеп с гладкой небольшой ударной площадкой и срезанным сколами утончения ударным бугорком. На спинке отщепа имеются фасетки радиального снятия по одному краю и кальцитовая корка – по другому. Отщеп был получен с помощью ударной техники расщепления. Наряду с находками каменных артефактов на поверхности острова находились окатанные кости четвертичной фауны.

Местонахождение Ундорский остров, обследованное М.З. Паничкиной, а затем З.А. Абрамовой (рис. 1), располагалось в 8 км выше по течению Волги от с. Ундоры (Ульяновская обл.). Здесь среди остатков четвертичной палеофауны были собраны немногочисленные находки из камня (Паничкина,1953; Абрамова,1958). В коллекции имеются восемь изделий из камня, а именно: фрагмент нуклеуса с радиальными фасетками снятых сколов, а также три сланцевых и четыре кремневых отщепа с широкими гладкими ударными площадками и нерегулярной ретушью. Техника расщепления – ударная.

Еще одна среднепалеолитических находка была сделана в 1954 г. З.А. Абрамовой у с. Переволоки в Самарской области (правый берег Волги). На распаханной поверхности коренного берега, вблизи берегового обрыва, найден крупный кварцитовый отщеп размерами 10,4×7,5×1,5 см

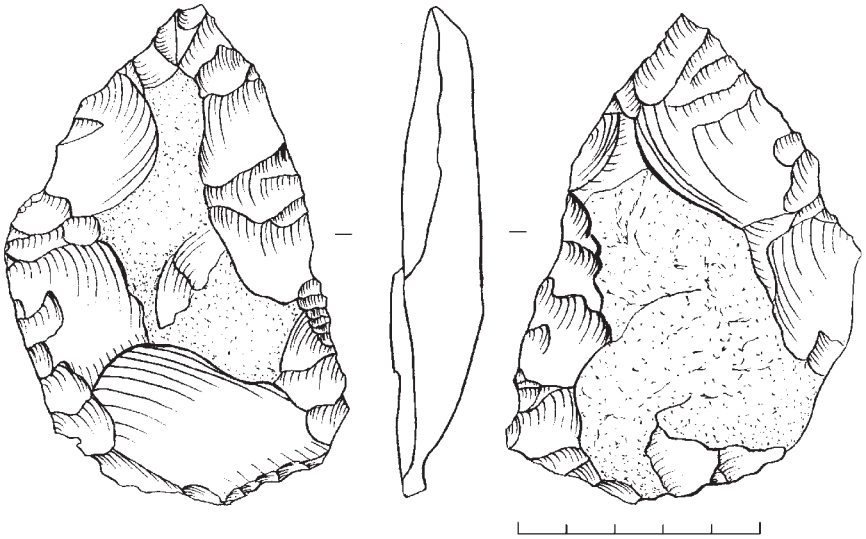

Рис. 4. Барбашин Овраг. Нож-бифас

(Абрамова, 1958). На поверхности спинки отщепа наблюдаются негативы радиальных снятий, а выразительный ударный бугорок утончен сколами.

Небольшая коллекция каменных предметов палеолитического облика была собрана Р.З. Губайдулловым в обнажениях правобережья Волги в г. Ульяновске и к югу от него (рис. 1): Арбугинские Поля, Кременки, Симбирская Гора и другие (Губайдуллов, 1998). Однако большинство этих находок являются псевдоизделиями. Отдельные отщепы и осколки кремня, найденные Р.З. Губайдулловым, не могут дать исчерпывающую информацию о возрасте этих местонахождений.

Верхний палеолит

Местонахождение Ундоры (Протолщный овраг) (рис. 1) было введено в научный оборот в 1990 году ульяновским археологом А.В. Вискалиным. Им были опубликованы находки эпохи верхнего палеолита: фрагментированный листовидный бифасиальный наконечник стрелецкой культуры и костяное шило – вместе с обломками костей четвертичных животных, которые были собраны в устье Протолщного оврага в нескольких километрах от с. Ундоры (правый берег р. Волги). Эти артефакты, найденные в 1980-х годах геологом В.М. Ефимовым в русле древнего оврага в переотложенном состоянии, были изготовлены из мелового кремня и имеют следы окатанности (Вискалин, 1990).

Верхнепалеолитическая стоянка Постников Овраг находится на территории г. Самары, на левом берегу Волги (рис. 1). Крупный разветвленный овраг, именовавшийся в досоветский период Постниковым (ныне – овраг Подпольщиков), имеет следующее строение. Правый берег, высокий и крутой, сложен морскими отложениями пермского возраста. Эти отложения представлены опоками, мергелями и рыхлыми осадками, включающими небольшие стяжения кремнистых пород. Наиболее твердые из кремнистых образований представлены «волжскими» агатами с элементами кварцитовых щеток. Рельеф в этом месте носит довольно пересеченный характер. Овраги и складки заполнены делювиальными лессовидными суглинками, скорее всего, четвертичного возраста. Левый берег оврага – более пологий, он сложен аллювиальными и делювиальными отложениями волжских террас. В верхней пачке напластований вскрываются лессовидные суглинки. При раскопках 1920-х годов, осуществленных В.В. Гольмстен и ее учениками, в разрезе левого берега, в приустьевой части оврага в толще суглинка неоднократно прослеживались прослойки галечника. В подножье разреза фиксировался песок и галечник (Гольмстен, 1924).

В устье оврага и у подножья обрывистого правого берега встречается кремневое сырье. Часть сырья добывалась обитателями палеолитической стоянки, очевидно, из толщи пермских отложений (правобережье оврага). Эти гальки и конкреции были покрыты белесой мергелистой рыхлой коркой. Среди данных пород встречаются особо плотные, т.н. «волжские агаты». Как правило, этот материал в меньшей степени использовался древними мастерами, видимо, из-за трудоемкости его расщепления.

Вторая часть кремневого сырья добывалась людьми верхнего палеолита на пляже у уреза реки Волги. Это разноцветный кремень, в основном более темного цвета, нежели пермский, и более

плотный и однородный по структуре. Он также представлен в виде галек или кубовидных конкреций. Галечная корка у него твердая, в разной степени окатанности. Кроме того, среди пород камня, которые было возможно добыть на волжском пляже в устье оврага, встречались и уральские породы. Так, один отщеп, найденный в раскопе В.В. Гольмстен, был изготовлен из яшмы зеленовато-бутылочного цвета.

Исследователями волжских террас было отмечено, что аллювий, слагающий эти террасы, содержит большое количество галечных пород разного генезиса, в том числе и гальки уральских пород (Николаев, 1937). Кремневые гальки и желваки, в большом количестве разбросанные вдоль уреза реки, являются размываемыми аллювиальными отложениями, которые выносятся в половодья и сортируются на отмелях.

Первые исследования в Постниковом овраге проводились в 20-е годы прошлого века и были связаны с именами В.В. Гольмстен, П.П. Ефименко, В.А. Городцова. Экспедицией под руководством В.В. Гольмстен в разных частях оврага обнаружено 11 пунктов находок эпохи верхнего палеолита. В 1985–86 годах к ним прибавился еще один пункт – мастерская Постников Овраг XII, а в 2013 году было выявлено еще три новых пункта – Постников Овраг XIII, XIV и XV. По составу каменного инвентаря большинство этих пунктов представляли собой остатки небольших мастерских по первичному расщеплению каменного сырья у места его выхода на поверхность.

В устье оврага на пологой площадке В.В. Гольмстен были открыты местонахождения I, II, III, которые были объединены в 1924 г. одним раскопом площадью около 100 кв. м. В раскопе были исследованы остатки двух разновременных стоянок эпохи верхнего палеолита, культурные слои обеих стоянок залегали в слое делювиального лессовидного суглинка (Гольмстен, 1928).

Нижний культурный слой верхнего палеолита был изучен в пункте 3 стоянки Постников Овраг. Культурный слой был приурочен к нижней части плотного супесчанистого суглинка и залегал над прослойкой галечника и частично в нем, на глубине 200–213 см от поверхности. Здесь В.В. Гольмстен было вскрыто кострище (Гольмстен, 1924). Этот факт подтверждается и наличием следов огня на некоторых каменных орудиях из коллекции. Орудия труда, вероятно, не были переотложены, на многих предметах сохранился известковый натек.

Помимо кремневого инвентаря, нижний культурный слой содержал обломки бивня мамонта, а также находки фрагмента костяной иглы с ушком и неизвестного предмета, имевшего нарезки по кромке выпуклого края. Эти предметы не дошли до наших дней и известны только по публикации (Гольмстен, 1928).

Коллекция каменного инвентаря нижнего культурного слоя насчитывает 190 предметов из камня. Судя по инвентарю, на стоянке велось как первичное расщепление, так и вторичная обработка камня: найдены как едва оббитые куски кремня, так и нуклевидные обломки с пробными снятиями. Нуклеусы (22 экз.) представлены в большинстве своем плоскими ядрищами с одной гладкой или подправленной сколами ударной площадкой (рис. 5: 1, 3, 4). Имеются многоплощадочные нуклеусы с несколькими ударными площадками и поверхностями расщепления (рис. 5: 2). Торцовых нуклеусов численно меньше (6 экз.). Они оформлены на длинных узких сторонах гальки, реже на торцах кремневых желваков (рис. 5: 5, 6). Ударные площадки таких нуклеусов гладкие, слегка скошены по отношению к поверхности расщепления. О размерах заготовок и нуклеусов можно судить по краевым сколам. Их в коллекции нижнего слоя насчитывается 18 экз. Длина этих изделий варьирует от 3,1 до 10,6 см.

Основными заготовками для орудий являлись пластины – 72 экз. (включая орудия) и отщепы – 58 экз. (включая орудия). Преобладают пластины небольшого сечения (от 0,4 до 0,7 см). Почти половина из них имеет корку или естественную грань. Среди отщепов также преобладают первичные и полупервичные. Резцовых сколов в коллекции всего три. Все они имеют вторичную обработку. Помимо отщепов, в качестве заготовок для орудий использовались естественные плитки, гальки и термические отщепы. На них обычно изготовлялись грубые рубящие орудия и скребла.

Скребки (5 экз.) изготовлены в основном на отщепах и являются концевыми одинарными и в одном случае двойным (рис. 6: 13). Имеется крупный скребок на термическом отщепе с выпуклым протяженным лезвием.

Резцы (17 экз.) довольно аморфны (рис. 6: 1, 14, 17, 19, 20; 7: 1–7, 9, 10, 12). Они, как правило, относятся к типу боковых и были изготовлены на сломах пластин и отщепов. Реже встречены двугранные резцы.

Пластины с усеченным ретушью концом (рис. 6: 7–11) насчитывают 5 экз. Усеченый конец их обычно пряморетушный или вогнутый.

В коллекции имеются пластины и отщепы с ретушью на дистальном конце заготовки (рис. 7: 8, 11), а также с участками краевой и притупливающей ретуши (рис. 6: 12, 16).

Сечения крупных пластин представлены тремя экземплярами, вероятно, это фрагменты лезвий вкладышевых орудий (рис. 6: 4, 5, 17).

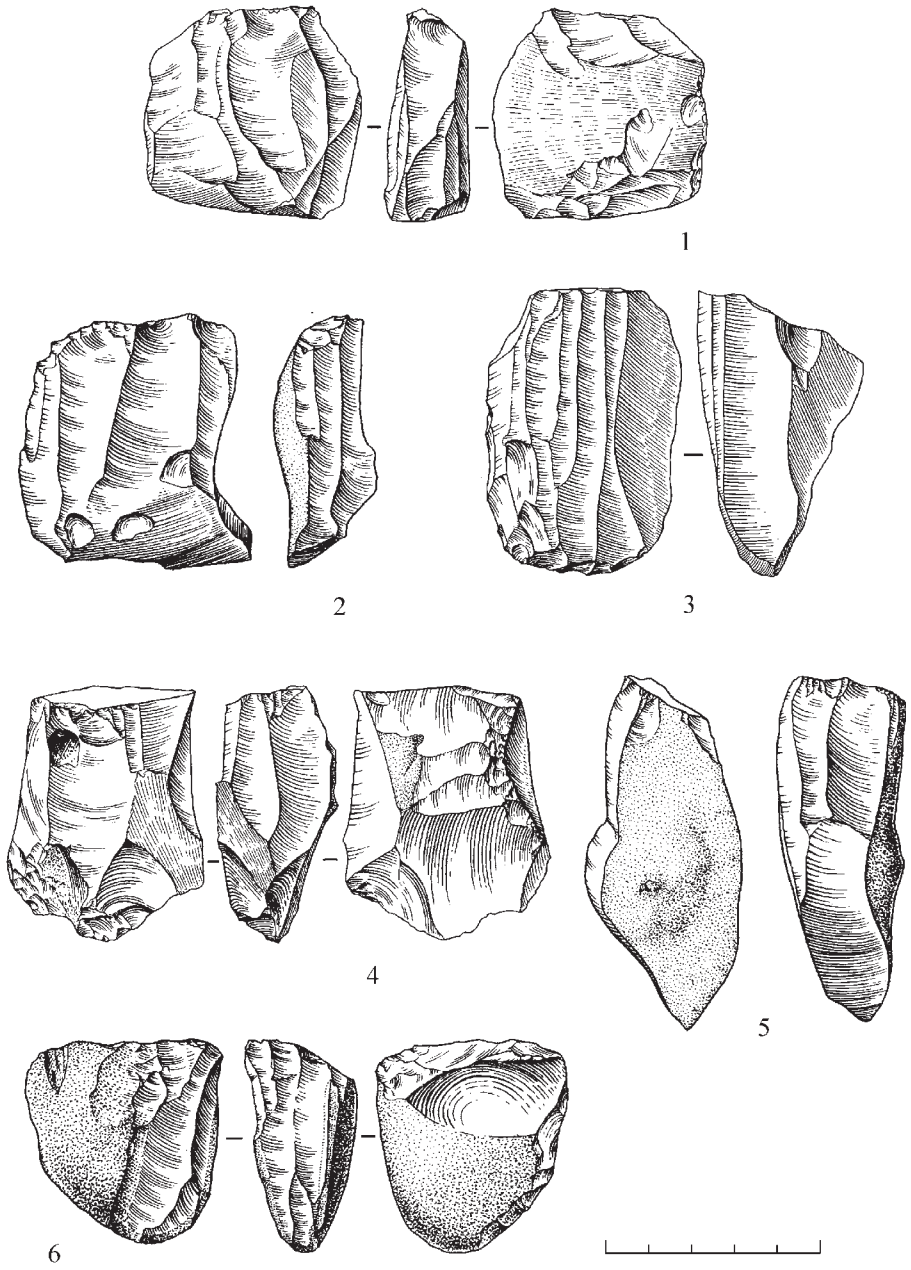

Рис. 5. Постников Овраг. Нижний слой. Нуклеусы

Верхний культурный слой верхнего палеолита был приурочен также к лессовидному суглинку желто-бурого цвета. Но этот слой отличается большим количеством включений известняка, чем нижележащие слои, он был изрыт норами грызунов. На глубине 130–155 см в культурном слое содержались кремневые орудия, угли, прокаленная глина.

Верхний палеолитический слой представлен материалами из раскопов, в которые вошли пункты находок I и II, верхний горизонт пункта III и пункт IX. Из дневников В.В. Гольмстен известно, что она оценивала площадь поселения в 1755 кв. м. Раскопами была вскрыта площадь культурного слоя размером около 100 кв. м, где находились остатки двух кострищ. Кроме кремневых орудий здесь были найдены речные раковины, угли и кости животных. В настоящее время мы располагаем только коллекцией каменных предметов. Она насчитывает 229 экземпляров. Это отходы первичного расщепления: куски кремня – 4 экз., нуклевидные куски – 10 экз., краевые сколы – 8 экз.

Нуклеусы (20 экз.) подразделяются на призматические с выпуклой поверхностью расщепления (рис. 8: 5), торцовые (рис. 8: 3), многоплощадочные (рис. 8: 4). Имеется шесть экземпляров одноплощадочных нуклеусов с плоской поверхностью расщепления (рис. 8: 1, 2, 6).

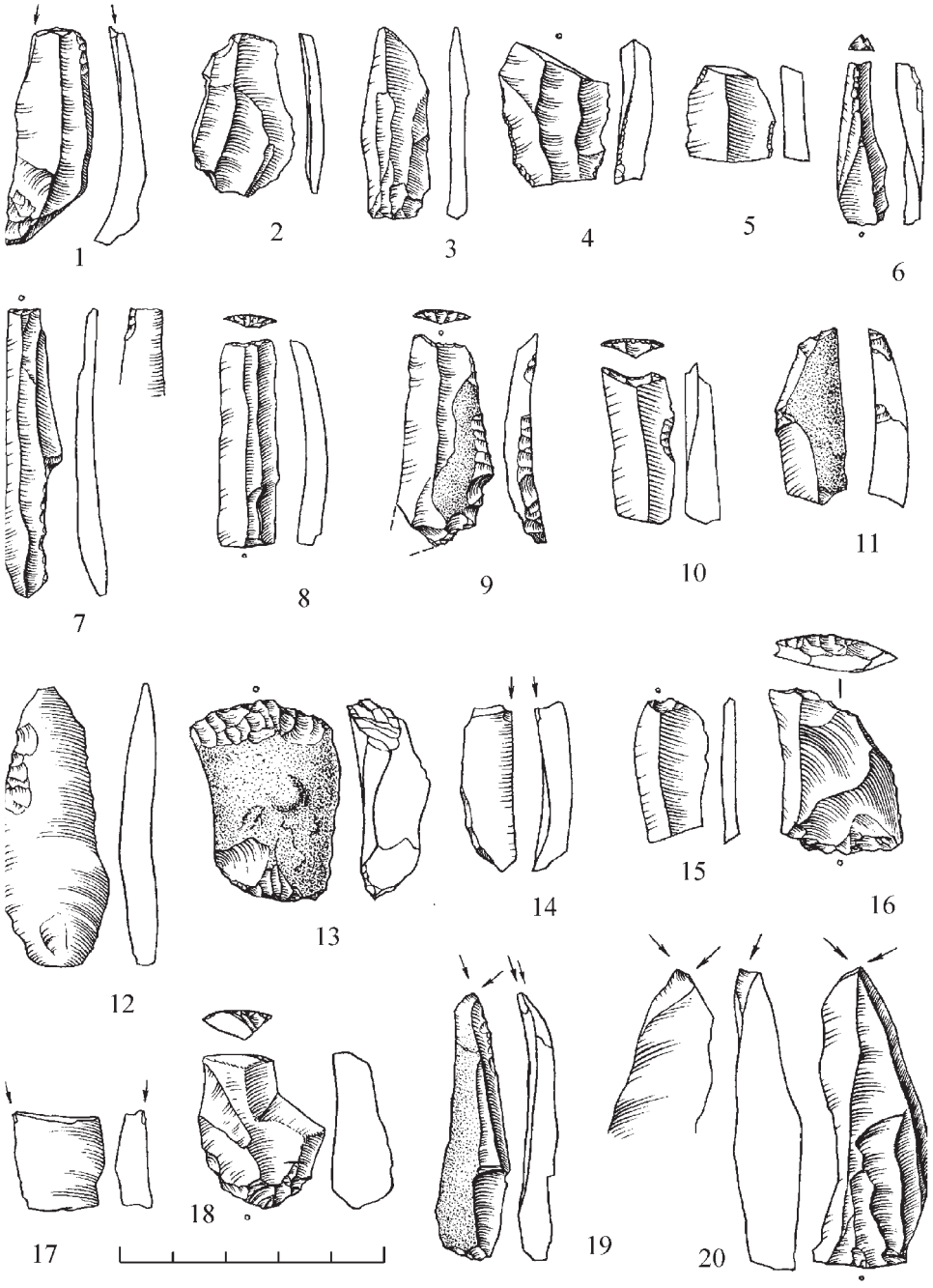

Рис. 6. Постников Овраг. Нижний слой. Каменные орудия

Основным продуктом расщепления являлись отщепы – 143 экз. (включая орудия) и пластины – 38 экз. (включая орудия). В отличие от нижнего культурного слоя пластины верхнего слоя несколько массивнее (рис. 9: 1, 2). Среди них численно преобладают первичные и полупервичные пластины. Кроме того, для изготовления орудий использовались термические отщепы и целые гальки (7 экз.).

Орудий найдено всего 28 штук.

Самой многочисленной группой орудий верхнего культурного слоя являются скребки. Среди них присутствуют концевые скребки на пластинах и пластинчатых отщепах (рис. 10: 2, 12) и небольшие скребочки на отщепах с непротяженным выпуклым лезвием (рис. 10: 3, 4, 6–9, 11). Эти орудия образуют небольшую группу. Для них характерно наличие обушка в виде сломанного края отщепа. Кроме того, имеются скребки, оформленные на термических отщепах (рис. 10: 5), и скребок с “носиком”, выпуклое лезвие которого выполнено на углу отщепа.

Скребла составляют немногочисленную, но выразительную часть коллекции. Они в основном

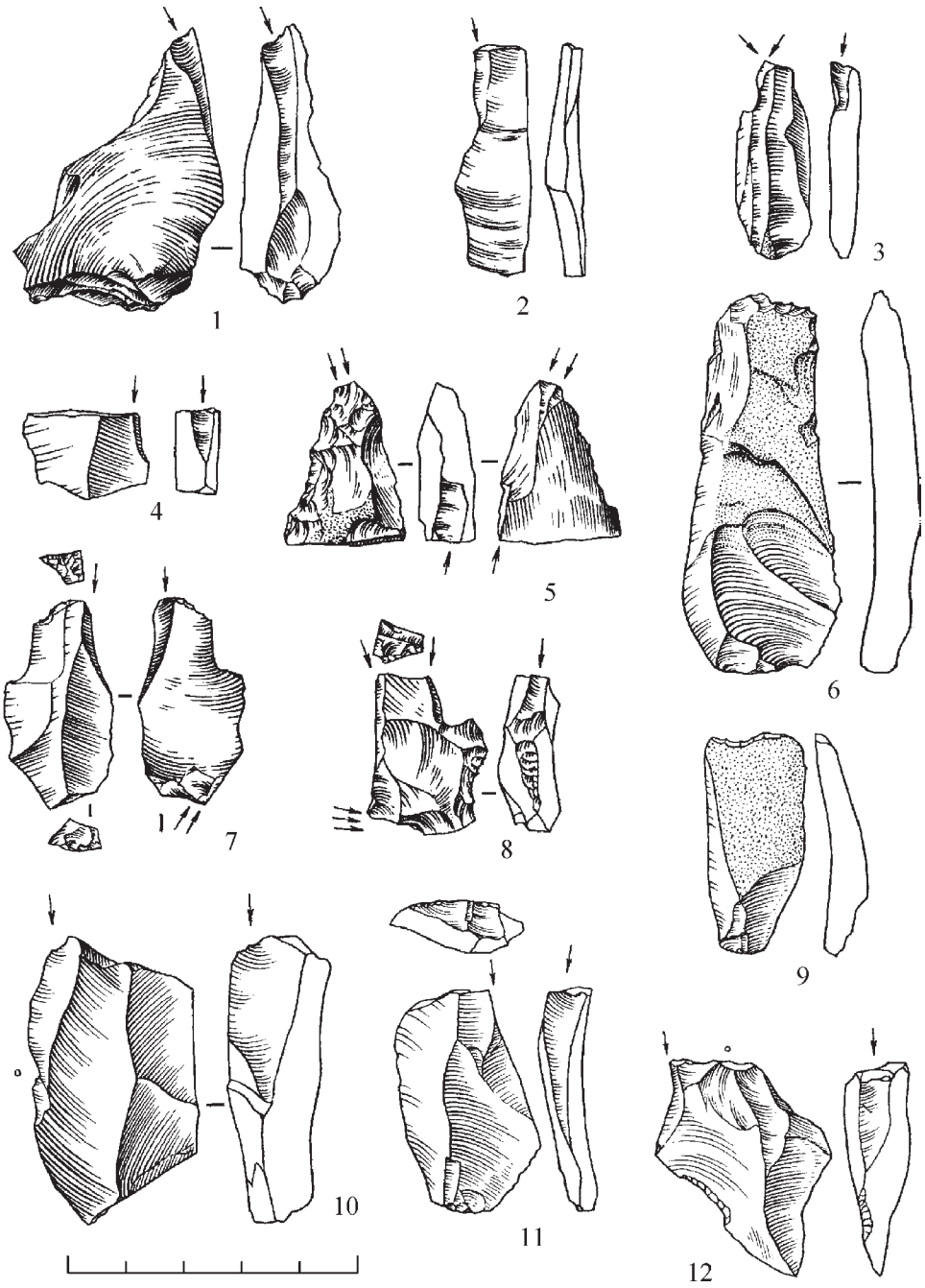

Рис. 7. Постников Овраг. Нижний слой. Каменные орудия

имеют два лезвия, плавно сходящихся в острие (рис. 9: 2; 10: 1).

Прочие орудия представлены единичными экземплярами: это пластина с усеченным ретушью и скошенным концом (рис. 10: 13), клювовидное острие на отщепе, напоминающее боковые асимметричные острия, а также два отщепа с ретушированными выемками (рис. 10: 10) и краевой пластинчатый отщеп с ретушью.

Набор кремневого инвентаря не оставляет сомнений в том, что оба горизонта памятника относятся к эпохе верхнего палеолита. Отсутствуют данные геологического возраста и фаунистические остатки, поэтому трудно определить возраст памятника в пределах эпохи верхнего палеолита. Скорее всего, в устье оврага были исследованы временные сезонные стоянки, так как слои галечника в разрезах стенок раскопа свидетельствуют о неоднократных затоплениях палеолитической жилой площадки.

Местонахождение Постников Овраг XII находится на правом борту оврага, в границах Загородного парка (рис. 1). Археологический материал местонахождения залегает близко к дневной поверхности. Четвертичные отложения здесь почти отсутствуют из-за эрозии поверхности,

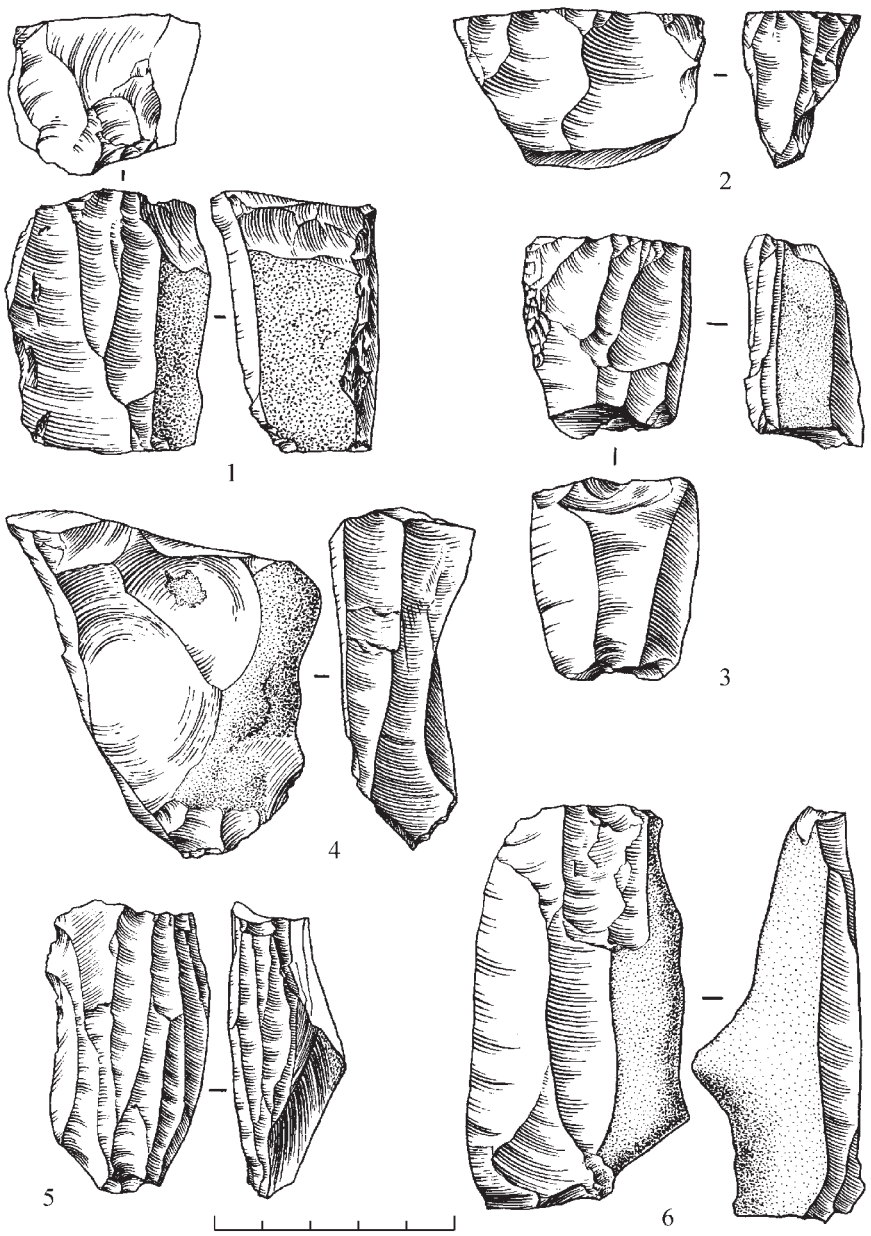

Рис. 8. Постников Овраг. Верхний слой. Нуклеусы

материк представляет собой коренные пермские отложения. Высота площадки над урезом Волги достигает 45–51 м. Максимальная протяжённость памятника по линии северо-запад – юго-восток составляет 75 м, а по линии запад – восток – 95 м.

Коллекция из сборов 1985–1986 гг. состоит из 1825 каменных артефактов. Это: нуклеусы – 9 единиц, пренуклеусы – 8 ед., нуклевидные куски – 110 ед., обломки (оббитые куски) – 145 ед., отбойники – 2 ед., ретушеры – 11 ед., галька – 1 ед., сколы подправки площадки нуклеусов – 111 ед. (реберчатые пластины, сколы подправки фронта, поперечные сколы подправки площадки), ножевидные пластины – 89 ед., отщепы – 348 ед., мелкие отщепы – 817 ед., чешуйки 150 ед.

Изделия со следами использования в работе или вторичной обработкой насчитывают 24 экземпляра, они атипичны.

Памятник представлял собой мастерскую по первичному расщеплению кремня. По следам использования древними мастерами техники «перебора карниза» на пластинах можно предполагать применение верхнепалеолитической технологии расщепления камня (Нехорошев, 1992, Гиря, 1997). Возможно, эта мастерская существовала и во время бытования стоянок в устье оврага.

В 2013 г. отрядом Волжской экспедиции Института археологии РАН проведены археологические работы на территории г. Самары, и путем закладки шурфов на правом берегу Постникова оврага

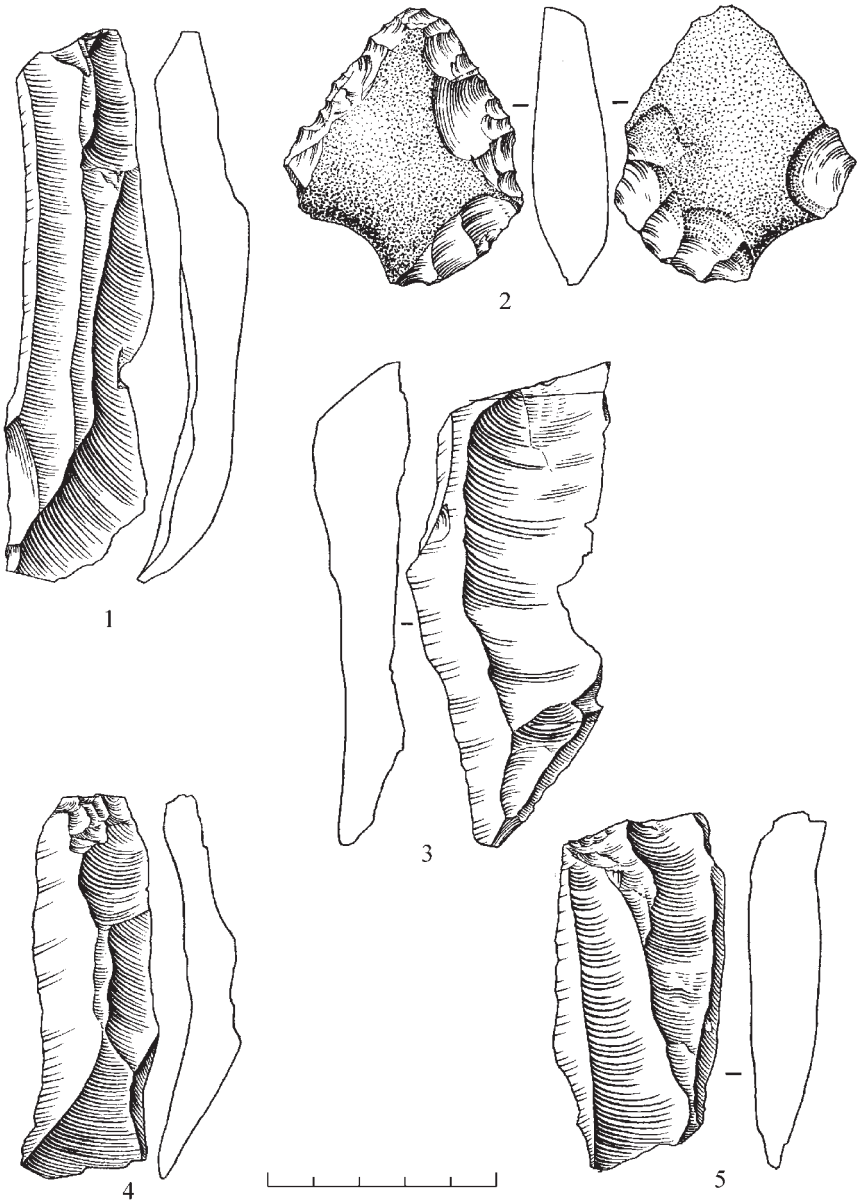

Рис. 9. Постников Овраг. Верхний слой. Каменные орудия

были обнаружены три новых местонахождения эпохи палеолита – мезолита, получившие название Постников Овраг XIII, XIV и XV (материалы не опубликованы).

В 1926 г. учениками В.В. Гольмстен М.Г. Маткиным и А.И. Тереножкиным было обнаружено местонахождение, получившее название Воскресенский Спуск (ныне спуск под Монументом Славы г. Самары). Оно представляло собой сконцентрированные на небольшой площади находки, в числе которых были обломок бивня мамонта, дробленые кости животных и чешуйки кремня без следов вторичной обработки. Все эти предметы находились на более чем трехметровой глубине под мощным слоем чернозема и суглинистых отложений. Предположительный возраст местонахождения – эпоха верхнего палеолита (Кузнецова, 2000).

Территория Среднего Поволжья могла быть заселена в раннепалеолитическое время, так как здесь имеются находки ископаемых животных этой эпохи (например, находки «хазарской фауны» у с. Хрящевка), а также доступное каменное сырье и водные ресурсы. Однако к настоящему времени бесспорных раннепалеолитических памятников в регионе не обнаружено. Единичные находки двух рубил не позволяют реконструировать хозяйственную деятельность древних охотников.

С наступлением эпохи среднего палеолита (начало позднего плейстоцена), которая начинается в эпоху микулинского (рисс-вюрмского) межледниковья и расцветает с началом валдайского (вюрм-

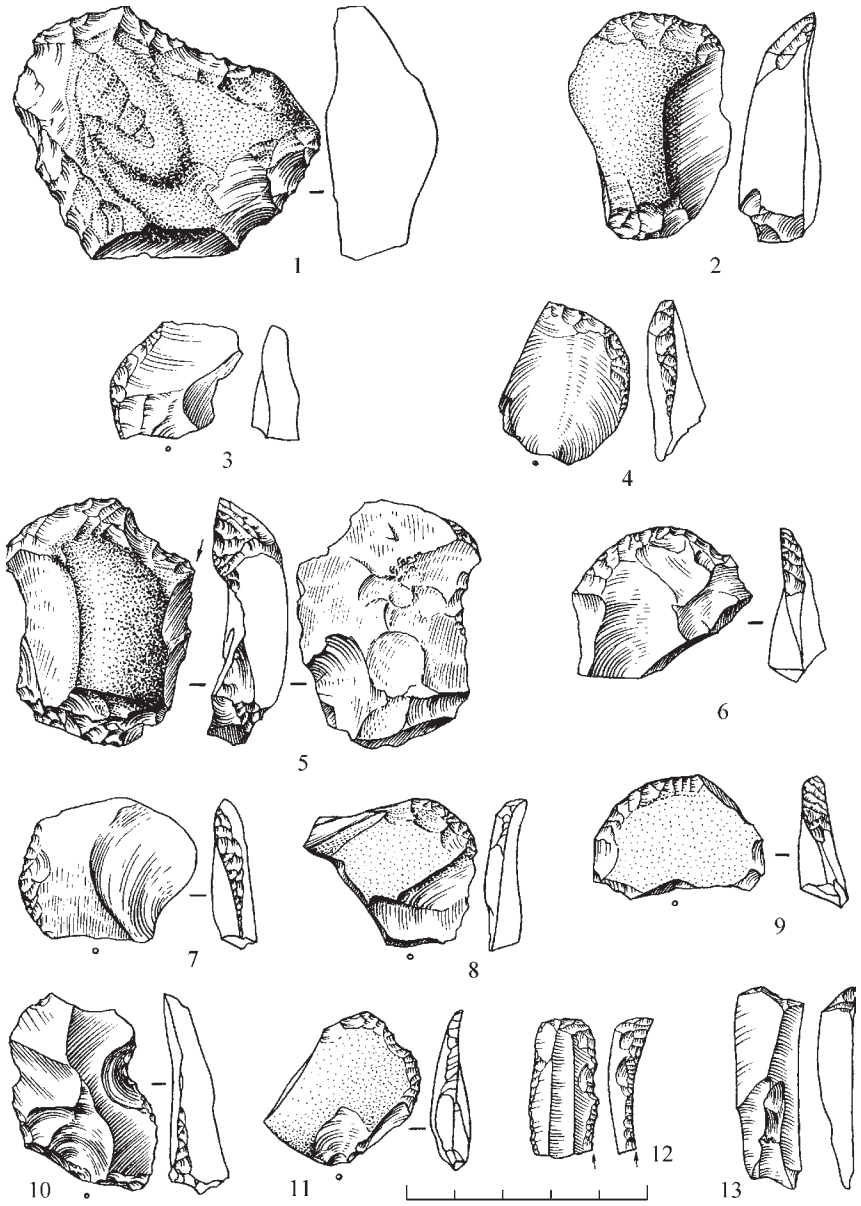

Рис. 10. Постников Овраг. Верхний слой. Каменные орудия

ского) оледенения, происходит значительное расширение ойкумены. Для эпохи среднего палеолита, в отличие от предшествующей эпохи, характерным явлением становится большое культурное разнообразие каменных индустрий. Очевидно, что Среднее и Нижнее Поволжье (прибрежные территории) входили в большую общность, называемую «восточным микоком». Это культурное единство не имеет не только четких пространственных границ, но и хронологических рамок. К этому кругу среднепалеолитических памятников можно отнести находку ножа-бифаса, найденного на Барбашиной поляне. Ближайшими аналогиями ему можно считать материалы среднепалеолитических памятников, исследованных в Волгоградской области (стоянки Сухая Мечетка, Челюскинец II и Заикино Пепелище) (Кузнецова, 2000).

В эпоху среднего палеолита совершенствуется техника обработки и изготовления каменных орудий труда, развивается загонная охота и охота с применением метательных орудий. Неизменным остается собирательство, появляются первые орудия труда для переработки продуктов собирательства, начинают создаваться жилища из костей животных, и входят в обычай первые погребения.

На вторую половину последнего оледенения приходится эпоха верхнего палеолита. Эпоха верхнего палеолита характеризуется завершением биологической эволюции человека и оформлением его социальной жизни в коллективе с закрепившимися культурными традициями. Это нашло

свое выражение не только в своеобразии каменных орудий труда, но и в приемах и способах строительства костно-земляных жилищ, религиозных представлениях (распространении женских скульптур и изображений животных, специфических орнаментов и украшений), других культурных проявлениях.

На основании изучения десятков стратифицированных стоянок этого периода стало очевидно, что данная эпоха представлена большим количеством археологических культур, носители которых, люди современного облика, отличались мобильностью и расселялись на обширных просторах, свободных от ледника. В Поволжье след верхнепалеолитической стрелецкой культуры прослеживается в материалах местонахождений, зафиксированных в районе с. Ундоры. Пришлый характер этой культуры косвенно подтверждается использованием ее носителями мелового кремня. Местным верхнепалеолитическим охотникам было доступно только местное каменное сырье. Поздняя пора верхнего палеолита приходится на время последней стадии осташковского оледенения. Данный период соответствует приблизительно интервалу 16000–8000 лет до н. э. К этому времени, как нам представляется, относятся стоянка и местонахождение Постников Овраг. С этим же периодом следует связывать начальную пору бытования памятников финального палеолита в Казанском Поволжье.

Верхнепалеолитические культурные слои в Среднем Поволжье почти не содержат фаунистических находок. Они исследованы небольшими площадями и являются в большинстве своем остатками мастерских вблизи выходов каменного сырья. Исключение составляют только два последовательно существовавших поселения, изученных в устье Постникова оврага. Здесь сохранились костровые ямы, каменные орудия труда: резцы, скребки, скобели, режущие орудия, которые использовались для разделки охотничьей добычи, выделки шкур и шитья из них одежды (найден обломок костяной иглы). Близость к большой реке с ее сезонными разливами не позволяла древним охотникам и собирателям жить здесь круглый год. В периоды стояния высокой воды люди добывали и раскалывали каменное сырье на высоком правом берегу оврага, о чем свидетельствует стоянка-мастерская Постников Овраг XII.

ГЛАВА 3
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ УСТЬЯ КАМЫ И НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

Основные вехи поисков палеолита и достижения в исследованиях палеолитических памятников в Казанском Поволжье и Нижнем Прикамье и на прилегающих территориях Среднего Поволжья выглядят следующим образом.

В 1879 году известный русский исследователь И.С. Поляков, которому принадлежит честь открытия ныне широко известных палеолитических стоянок на Среднем Дону у с. Костёнки, предпринял поиски палеолита на Средней Волге, а также на Оке, Каме и в Пермском Предуралье. И.С. Поляков совместно с профессором Казанского университета геологом А.А. Штукенбергом осуществили осмотр крупных местонахождений костей ископаемых животных на волжских галечниковых косах – у с. Красновидово (южнее Казани) и на полуострове Тунгуз у с. Хрящевка (близ г. Ставрополя) (Поляков, 1880). Ранее эти скопления остатков четвертичной («послетретичной» в терминологии середины XIX в.) фауны были впервые описаны геологом Н.А. Головкинским (Головкинский, 1865). Исследователями был собран большой палеонтологический материал в русловых галечно-гравийных отложениях, однако все эти находки оказались переотложенными (Поляков, 1880, с. 69–76).

Следующая попытка обнаружить палеолитические древности была предпринята в 1913 году казанским геологом П.А. Ососковым, который отметил находки костей четвертичных животных на островах, расположенных против урочища Тунгуз, а также сел Русская Бектяжка и Новое Мордово близ г. Сенгилей. Исследователь пришел к выводу, что скопление костей вымерших животных связано с охотничьей деятельностью древнего человека, однако поиски каменных и костяных орудий труда не увенчались успехом (Ососков, 1913, с. 39). Тогда же, в 1912–1913 гг., сотрудники Симбирского музея обнаружили местонахождения костей четвертичных животных на отмелях Волги в окрестностях сел Ундоры и Городище (Паничкина, 1953, с. 235). Эти местонахождения представляли собой залегавшие на бечевнике кости мамонта, северного оленя, лося, зубра и других представителей мамонтового фаунистического комплекса.

К 1920 году относится начало систематического археологического изучения древностей эпохи камня в Самарском Поволжье. Важнейшую роль в организации этих работ сыграла В.В. Гольмстен, которая руководила экспедициями по поиску и изучению палеолитических стоянок под эгидой созданного тогда Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете. Главным результатом этих изысканий стали раскопки под руководством В.В. Гольмстен (1924–1927 гг.) в черте г. Самары многослойной стоянки Постников Овраг, два нижних культурных слоя которой относятся к верхнему палеолиту (Гольмстен, 1928; Кузнецова, 2000).

В 1931 году Волжская экспедиция Комиссии по изучению четвертичного периода под руководством геолога Г.Ф. Мирчинка, в состав которой входили крупные специалисты по палеолиту археолог Г.А. Бонч-Осмоловский и палеонтолог В.И. Громов, проводила изыскания на Средней Волге, а также на Нижней Каме. Были вновь обследованы палеонтологические местонахождения на волжских галечниках (Николаев, 1931). Единственной археологической находкой палеолитического возраста было остроконечное двусторонне обработанное кремневое орудие (бифас), предположительно отнесенное к эпохе мустье (рис. 2: 9), обнаруженное Г.А. Бонч-Осмоловским во вторичном залегании на правом берегу Волги возле г. Тетюши (Мирчинк, 1932).

В 1938 г. под общим руководством А.П. Смирнова начинает свою многолетнюю деятельность Куйбышевская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР, проводившая масштабные изыскания в зоне будущего водохранилища ГЭС им. В.В. Куйбышева. В 1940 г. сотрудники Куйбышевской экспедиции А.В. Збруева и Н.А. Прокошев обследовали известное крупное скопление четвертичной фауны у с. Мысы, располагавшееся на песчано-галечной косе в приустьевой части долины Камы (Лаишевский район, Татарская АССР). Исследователи обнаружили здесь кремни со следами обработки наряду с большим количеством костей мамонта, носорога, оленя и других ископаемых животных (Збруева, 1941, с. 111). По сообщению О.Н. Бадера, А.В. Збруевой и Н.А.

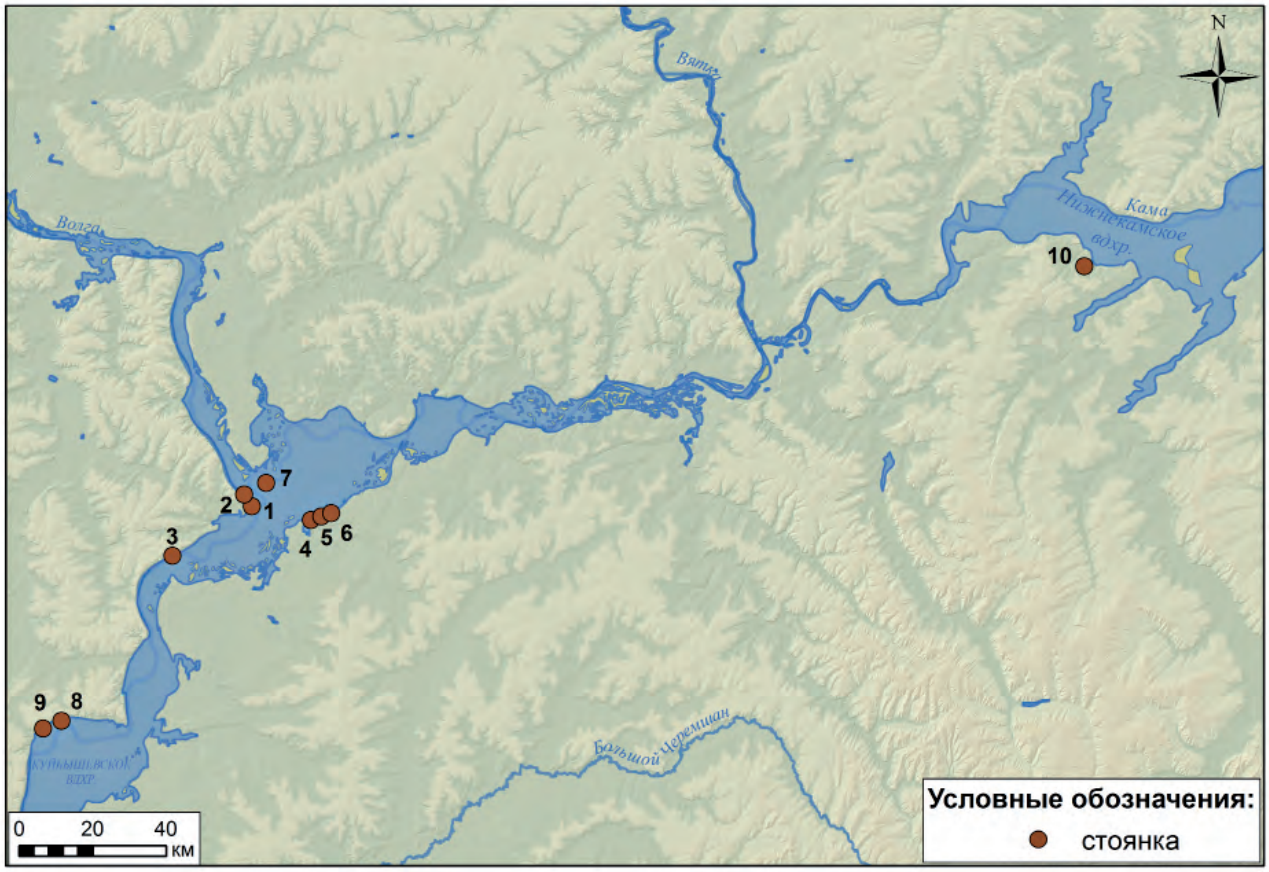

Рис. 1. Карта палеолитических памятников устья Камы и Нижнего Прикамья:
1 – Лобач II; 2 – Камское Устье II (нижний слой); 3 – Долгая Поляна II (нижний слой); 4 – Измерская I (палеолитическая); 5 – у пос. Коминтерн; 6 – Базяковский Взвоз; 7 – Мысы; 8 – Красная Глинка; 9 – Ундорский остров; 10 – Деуковская

Прокошева на местонахождении Мысы были зафиксированы крупные кремневые и кварцитовые остроконечные отщепы с возможными следами использования или подправки лезвий, которые могли служить ножами или рубилами (Бадер, 1955, с. 189–190). В 1949 г. местонахождение обследовалось сотрудницей Камской археологической экспедиции Т.А. Медведевой, обнаружившей на поверхности галечников крупную ножевидную кремневую пластину, залегавшую среди остатков четвертичной фауны (Бадер, 1951, с. 95).

По окончании Великой Отечественной войны в 1949 г. разведочные работы казанских археологов в Нижнем Прикамье ознаменовались открытием палеолитического местонахождения в левобережье р. Ик, в с. Деуково Мензелинского района Татарской АССР. Здесь Н.Ф. Калининым и А.Х. Халиковым были раскопаны in situ крупные кости конечностей и черепа мамонта, а также остатки очажной ямы с обугленными костями мамонта в ней и поблизости. Культурный слой, к сожалению, не содержавший каменных орудий, был зафиксирован на глубине от 3,28 до 4,20 м от поверхности в голубовато-сером суглинке. По наблюдению исследователей, фрагменты бивня и кости конечностей несли следы ударов и зарубок, выполненных древними охотниками (Калинин, Халиков, 1954, с. 5–8).

В 1950 г. возобновляется работа Куйбышевской экспедиции, которая функционирует до 1955 г. под руководством А.П. Смирнова и Н.Я. Мерперта, руководителями отрядов были А.В. Збруева, Н.Ф. Калинин, А.Е. Алихова, М.З. Паничкина и другие известные исследователи. В эти годы были проведены широкие археологические разведки и раскопки в зоне будущего Куйбышевского водохранилища. Как отмечали во введении к изданию Трудов Куйбышевской археологической экспедиции А.П. Смирнов и Н.Я. Мерперт: «Одной из наиболее значительных задач экспедиции было выявление палеолитических памятников Поволжья, без которых не может быть разрешен вопрос о древнейшем заселении нашей страны, так как в эпоху палеолита уходят корни исторических процессов, приведших впоследствии к культурным различиям и своеобразию этих областей» (Смирнов, Мерперт, 1954, с. 7).

Важным событием в изучении палеолита на Средней Волге стала работа в 1951 г. отряда Куй-

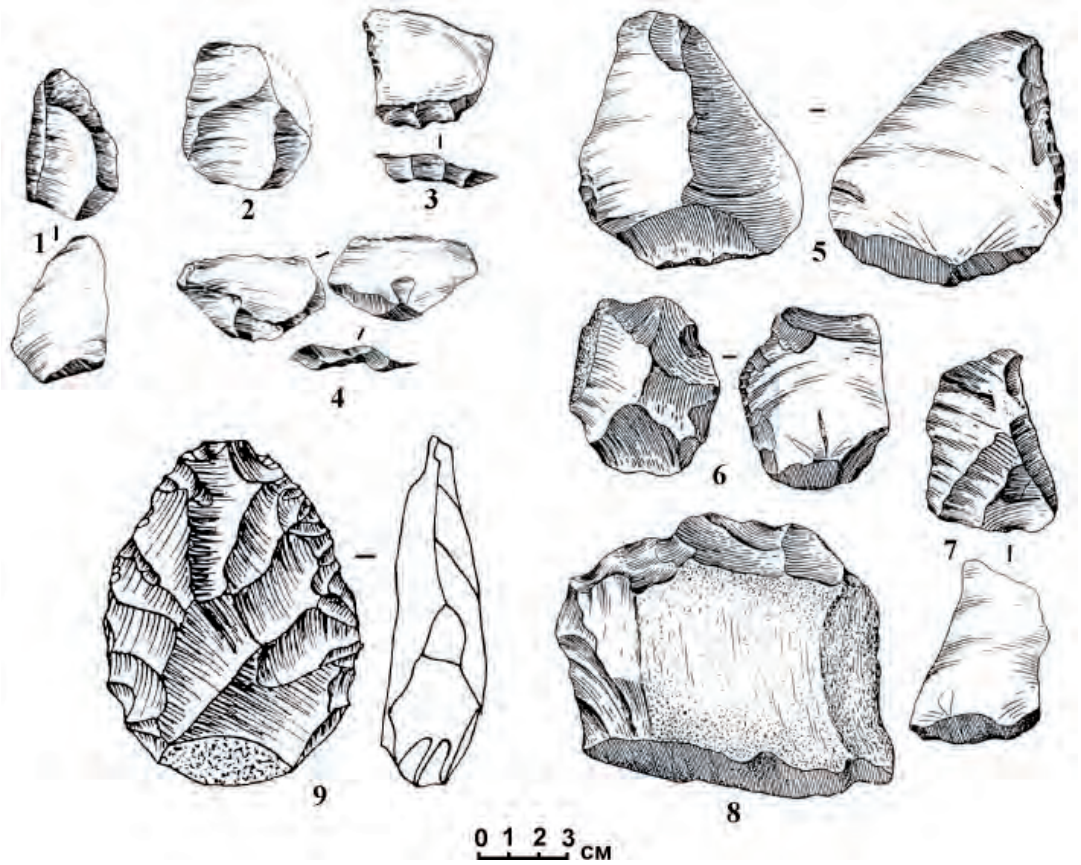

Рис. 2. Кремневые артефакты, собранные на волжских местонахождениях (по: М.З. Паничкина, 1953):
1, 2 – отщепы, Ундорский остров; 3, 4 – отщепы, Мысы; 5–8 – скребла и отщепы, Красная Глинка; 9 – бифас, Тетюши, сборы Г.А. Бонч-Осмоловского (по: Г.Ф. Мирчинк, 1932)

бышевской экспедиции под руководством М.З. Паничкиной. Отрядом было осуществлено обследование берегов Средней Волги. В ходе работ были осмотрены известные местонахождения на песчано-галечниковых косах, в том числе остров, располагавшийся у правого берега Волги, в 8 км выше по течению от с. Ундоры, на границе Ульяновской области и Татарской АССР. На Ундорском острове были зафиксированы разрозненные палеофаунистические находки, представленные остатками шерстистого носорога, мамонта, бизона, лошади, гигантского и благородного оленей, кроме того, были найдены четыре отщепа (рис. 2: 1, 2) и фрагмент нуклеуса (Паничкина, 1953; 1953а).

Также М.З. Паничкиной было обследовано известное местонахождение у с. Мысы в правобережье приустьевой части долины Камы. На галечнике вместе с многочисленными остатками четвертичных млекопитающих, среди которых были определены лошадь, зубр или бык, гигантский, северный и благородный олени, лось, мамонт, шерстистый носорог, были собраны кремневые артефакты – пять отщепов (рис. 2: 3, 4) и три пластинки (Паничкина, 1953; 1953а).

Значительным открытием разведочного отряда М.З. Паничкиной стало палеолитическое местонахождение, которое располагалось на правом берегу Волги, в двух км к северу от Ундорского острова и в пяти км к юго-востоку от с. Бессонково (Тархановский р-н, Татарская АССР) в урочище Красная Глинка. Под обнажением мыса правого берега Волги в осыпи галечника, сцементированного оранжевой глиной, были собраны более десятка массивных кремневых артефактов (рис. 3): отщепы, рубящие орудия (чопперы), скребла, фрагменты нуклеусов (рис. 2: 5–8). Облик этих находок позволил М.З. Паничкиной отнести местонахождение Красная Глинка к концу нижнего палеолита – ашельско-мустьерскому времени (Паничкина, 1953; 1953а). Наряду с артефактами из осыпи под обрывом были извлечены костные остатки, принадлежавшие, по определению Н.К. Верещагина (1971), шерстистому носорогу, ископаемой лошади, зубру и парнокопытному величиной с оленя. Важным наблюдением было то, что две кости – зубра и ископаемой лошади – были

намеренно расколоты в древности (Паничкина, 1953, с. 253).

Начатые М.З. Паничкиной работы по выявлению палеолитических памятников были продолжены в 1954 г. Вторым отрядом Куйбышевской археологической экспедиции под руководством сотрудницы Ульяновского областного краеведческого музея З.А. Абрамовой. Отрядом были вновь обследованы местонахождения Красная Глинка и Ундорский остров (Абрамова, 1958). На Красной Глинке были собраны в осыпи галечника несколько костей зубра и предметов из серого кремня и кремнистого известняка в разной степени окатанности, в том числе три крупных отщепа и два массивных нуклеуса бессистемного скалывания. На Ундорском острове З.А. Абрамовой были найдены несколько окатанных крупных кремневых предметов, в том числе отщеп, рубящее орудие и скребло (предположительно).

Необходимо отметить, что возраст местонахождения Красная Глинка, отнесенного М.З. Паничкиной к нижнему палеолиту, ныне небезосновательно подвергается сомнению. По мнению Л.В. Кузнецовой, изучившей эти находки спустя 30 лет, артефактами могут считаться лишь семь кремневых предметов: «Это два нуклеуса с параллельным и параллельно-встречным снятием заготовок, два боковых скребла с вентральной ретушью, двойное скребло на массивной заготовке, два чоппера. Техника расщепления и облик изделий позволяют предположить мустьерский возраст местонахождения» (Кузнецова, 1985, с. 12). Л.В. Кузнецовой справедливо отмечено, что «и каменные орудия, и кости животных не имели геологической привязки, то есть были переотложены, что затрудняет определение их возраста» (Кузнецова, 2000, с. 18).

В 1966 г. в результате разведок, проведенных М.Г. Космено по правому берегу Волги от пос. Камское Устье до границы Татарской АССР с Ульяновской областью, были открыты стратифицированные памятники рубежа палеолита и мезолита – стоянки Сюкеевский Взвоз и Камское Устье, а также Долгополянское I местонахождение (Археологическая карта…, Предволжье, 1985, с. 82, 87, 88; Космено, 1972; 1972а).

С началом 1980-х годов открывается новая страница в исследовании палеолита устья Камы. В 1981–82 гг. Е.П. Казаков обнаружил на останце террасы (Измерском острове) в устье р. Актай (левого притока Камы в приустьевой части ее долины), у с. Измери скопление крупных кремневых и кварцитовых артефактов, костей мамонта и других представителей ископаемой четвертичной фауны, которое получило первоначально название «Измерское палеонтологическое местонахождение» (Археологическая карта…, Западное Закамье, 1986, с. 68), а затем – «Измерская I палеолитическая стоянка» (Истомин, Казаков, 1992; Казаков, 2011). К сожалению, уже к моменту своего открытия памятник был полностью размыт Куйбышевским водохранилищем. На поверхности размытых четвертичных отложений в 1980–90 гг. Е.П. Казаковым проводились сборы каменных артефактов – крупных кремневых нуклеусов, скребел, рубящих орудий типа чопперов и чоппингов, разнотипных скребков и резцов, ножей на крупных пластинах и отщепах с прямыми краями, остроконечных орудий, а также крупных кварцитовых галек-отбойников (рис. 3) (Казаков, 2011). С 1985 г. по 2000 г. обследование места размыва этого памятника проводилось также М.Ш. Галимовой. С целью выявления участка неразрушенного культурного слоя, содержащего палеофаунистические остатки, в 1986 г. были произведены раскопки двух траншей, которые не дали результата (Галимова, 2001, с. 27).

В 1983–85 гг. М.Ш. Галимовой проводилось разведочное обследование Долгополянского местонахождения, на котором был выявлен достаточно насыщенный культурный слой, что дало основание переименовать памятник в стоянку Долгая Поляна I. Тогда же в 500 м ниже по течению Волги была открыта стоянка Долгая Поляна II, подвергнутая раскопкам в 1985 г. (Галимова, 2001). В результате раскопок были выявлены два культурных слоя, предположительно отнесенных к верхнему и финальному палеолиту. В 1984 г. в окрестностях горы Лобач и пос. Камское Устье М.Ш. Галимовой был обнаружен ряд местонахождений каменных орудий в четвертичных суглинках, наибольший интерес из которых представляет стоянка позднего палеолита Лобач II, раскопанная в 1984–85 гг. (Галимова, 2001). В 1986 г. М.Ш. Галимовой был исследован раскоп на Камско-Устьинской II стоянке, открытой ранее М.Г. Космено. В результате раскопок выяснилось, что памятник содержит три культурных слоя. Нижний культурный слой на основании стратиграфических и геолого-геоморфологических данных был отнесен к позднему палеолиту, а средний – к переходному этапу от палеолита к мезолиту либо к раннему мезолиту (Галимова, 2001).

В ходе разведок 2007 г. вдоль левого берега Куйбышевского водохранилища к востоку от устья р. Актай М.Ш. Галимовой и М.В. Сивицким были зафиксированы остатки размытого палеолитического местонахождения, которое представляло собой участок отмели, на котором залегали крупные кремневые и кварцитовые отщепы, а также отдельные кости и зубы ископаемой лошади, носорога, оленя и фрагменты бивня мамонта

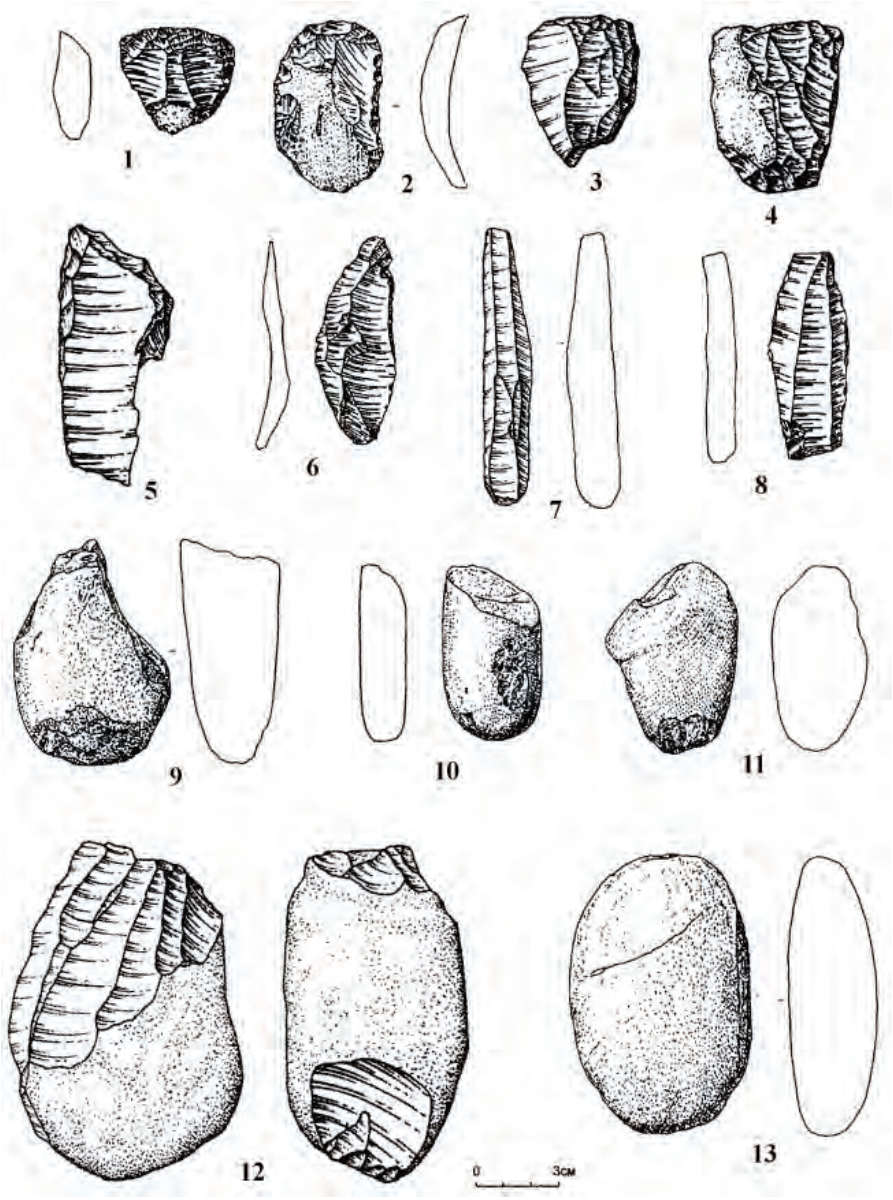

Рис. 3. Каменные орудия Измерской I палеолитической стоянки (сборы Е.П. Казакова):
1–4 – скребки; 5–8 – ножи; 9–11, 13 – отбойники; 12 – нуклеус в начальной стадии расщепления
1–8, 12 – кремень; 9–11, 13 – кварцит (по: Е.П. Казаков, 2011, рис. 21–24, с. 84–87)

(определение А.Г. Петренко). Памятник, располагавшийся в 7 км восточнее Измерской I палеолитической стоянки, получил название «стоянка Базяковский Взвоз» (рис. 1).

В 2020 г. отрядом совместной экспедиции ИА им. Халикова АН РТ и Чувашского государственного института гуманитарных наук в ходе обследования стоянки усть-камской культуры у пос. Коминтерн, расположенной в левобережье водохранилища в устье р. Актай, напротив Измерского острова (рис. 1), было обнаружено в размытом стоянии крупное скопление палеонтологических остатков млекопитающих плейстоценовой фауны, а также стратифицированное местонахождение палеолитического возраста в обрыве берега. Это местонахождение представляло собой находки кремневого отщепа и кости конечности носорога, залегавшие на глубине около 5 м от поверхности, в погребенной почве, сформированной в период средневалдайского потепления и перекрытой склоновыми суглинками позднего плейстоцена (Галимова, Березина, Березин, Михайлов, 2020).

Таким образом, источниковая база по палеолиту района слияния Волги и Камы и Нижнего Прикамья существенно расширилась благодаря открытиям и исследованиям казанских археологов начиная с середины XX века.

Современный рельеф Среднего Поволжья создался в основном в четвертичный период в континентальных условиях. Ледники не затронули тер-

риторию современного Татарстана. В последние годы установлено, что граница максимального оледенения на северо-востоке Европы проходила гораздо севернее (Бутаков 1986). Вместе с тем исследователи четвертичного периода утверждают, что основная часть Среднего Поволжья и Приуралья входила в перигляциальную зону, испытавшую значительное воздействие вечной мерзлоты и сурового климата оледенений (Дедков 1970; Бутаков 1986).

Позднепалеолитические стоянки Лобач II и Камское Устье II (нижний культурный слой) находятся на склоне правого берега Волги, у южного и северного склонов горы Лобач, возле п. Камское Устье в Республике Татарстан. Стоянка Долгая Поляна II располагается также на берегу Волги, выше по течению от г. Тетюши (рис. 1). В раскопах на этих стоянках были выявлены остатки кремнеобрабатывающих мастерских, включающие значительное количество сколов – отходов первичного расщепления кремневых конкреций, выходы которых имеются в обнажениях (Галимова, 2001). Геолого-геоморфологические условия залегания этих памятников изучались докторами географических наук из Казанского государственного университета А.П. Дедковым, В.И. Мозжериным и Г.П. Бутаковым. Культурные слои связаны с делювиально-солифлюкционным суглинком, сформировавшимся в конце последнего (валдайского) оледенения, который покрывает толщу известняков и доломитов пермской системы, представляющих коренные породы волжского правобережья (Дедков, 1970). Позднеплейстоценовые склоновые отложения представлены слоистыми желтовато-бурыми столбчатыми суглинками (Бутаков, Галимова, Мозжерин, 1988; Галимова, 2001).

Лобач II

Культурный слой стоянки был переотложен в древности в результате склонового смыва и криогенных процессов, прежде всего солифлюкции (течения грунта вниз по склону в условиях мерзлоты). Как показали результаты спорово-пыльцевого анализа образцов из культурных напластований, проведенного В.Т. Шаландиной, обитатели стоянки проживали в тундро-степном ландшафте, в условиях прогрессирующего похолодания (Галимова, Шаландина, 1999). В раскопе площадью около 90 кв. м обнаружены лишь артефакты и гальки из кремня и окремнелого известняка (1124). Преобладают случайные сколы и отходы оформления нуклеусов. Большую часть из найденных пластин (47) составляют экземпляры шириной 1–2 см.

Найдены пренуклеусы с одним-двумя крупными негативами сколов (9), а также нуклеусы разных типов (10). Семь ядрищ и один пренуклеус оформлены по торцовому принципу расщепления, с оформлением специальных двусторонне приостренных краев – «ребер». Среди них – два крупных нуклеуса и один небольшой, которые отличаются подклиновидной формой, с негативами снятых с них длинных пластин (рис. 4: 1, 5, 8). Торцовые ядрища невелики по размерам, хотя находятся в разных стадиях расщепления – как в начальной, так и в систематической (рис. 4: 2, 3, 6). Очень крупный пренуклеус торцового типа отличается четко оформленными скошенными площадками и ребром (рис. 4: 7). Ортогональный принцип раскалывания демонстрирует небольшой сработанный плоский нуклеус (рис. 4: 4).

В раскопе найдены 15 изделий с вторичной обработкой. Три концевых скребка отличаются в размерах и деталях оформления лезвия на конце разнотипных сколов: на длинном массивном сколе (рис. 5: 14), на дистальном фрагменте широкой правильной пластины редкого фиолетового кремня (рис. 4: 6), на фрагменте мелкого скола (рис. 4: 1).

Найдены четыре изделия с резцовыми гранями: двугранный угловой резец, изготовленный на фрагменте небольшой пластины (рис. 5: 8); резцевидное изделие из фрагмента крупного плоского скола кремня, которое также может быть отнесено и к вторичным торцовым нуклеусам (рис. 5: 11); срединный одногранный резец, на проксимальном конце небольшого скола, комбинированный со скребком на его дистальном конце (рис. 5: 4). Еще одно комбинированное орудие представляет собой довольно крупную пластину правильных очертаний, сочетающую признаки ретушного резца и острия с выпуклым краем, притупленным ретушью (рис. 5: 10). Сходный облик имеет нож на пластине с частично скошенным краем, служившим обушком (рис. 5: 12). Также режущую и скоблящую функции, по всей видимости, имело орудие из широкой пластины с диагонально усеченным дистальным концом – обушком, прилегающий к острому углу участок края этого орудия скошен ретушью (рис. 5: 7). Две длинные пластины правильных очертаний и небольшой осколок имеют ретушированные выемки на дистальных концах (рис. 5: 2, 9, 15). Скошенный ретушью конец характерен для двух пластин (рис. 5: 5, 13) и мелкого треугольного фрагмента скола (рис. 15: 3).

Кремневая индустрия стоянки Лобач II относится к пластинчатым. Длинные сколы и пластины (в том числе и орудия) (103) преобладают над короткими сколами и отщепами (64). Малочисленность орудий, как и всей коллекции памятника, делает затруднительными выводы о его культурной принадлежности. Нуклеусы и орудия принадлежат к широко распространенным типам. Наибо-

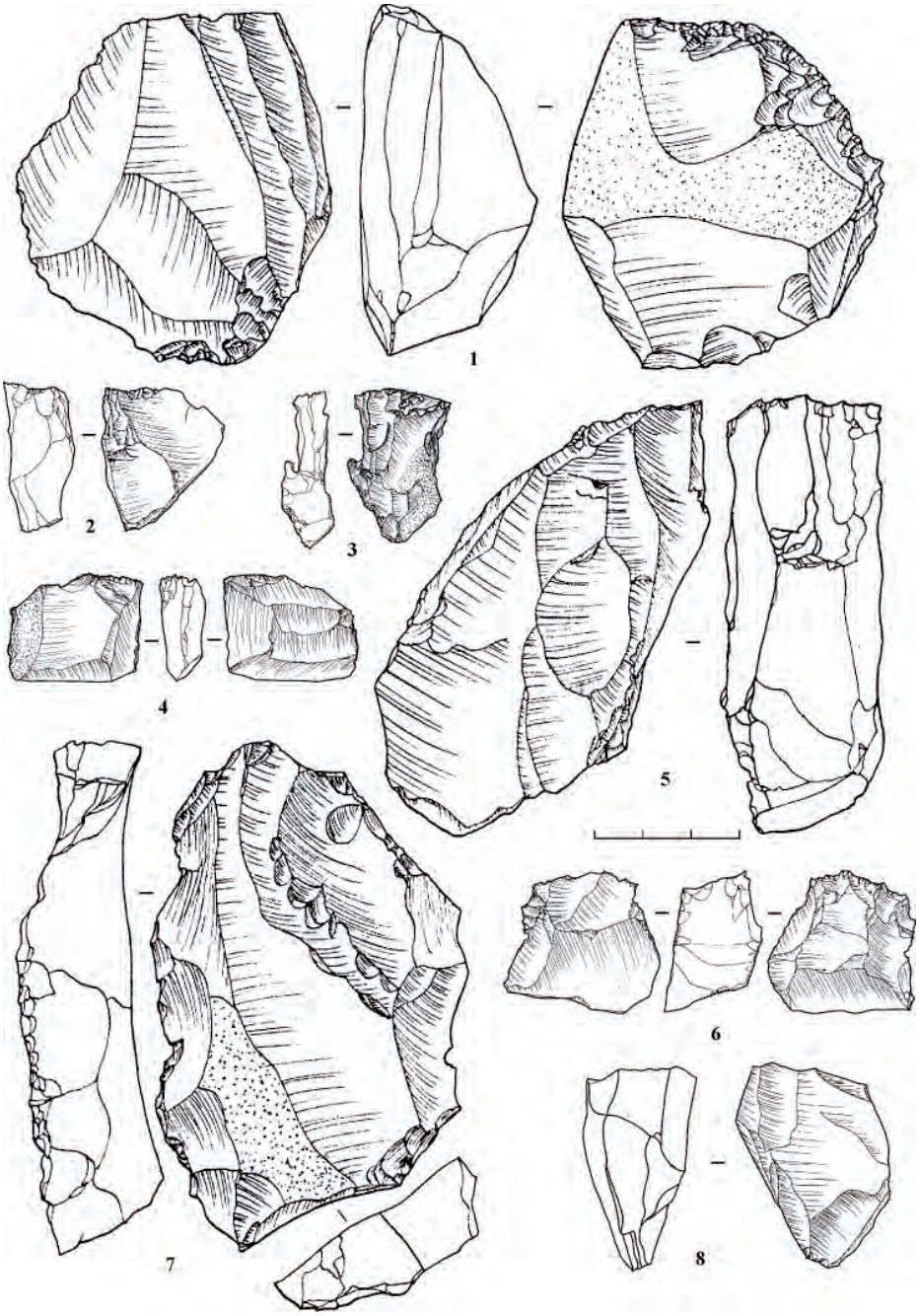

Рис. 4. Стоянка Лобач II. Кремневые нуклеусы

лее выразительны две пластины с притупленным краем, скошенным и выпуклым краем. В целом индустрия стоянки имеет позднепалеолитический характер.

Камское Устье II, нижний слой

Остатки кремнеобрабатывающей мастерской нижнего культурного слоя были исследованы в раскопе на площади 55 кв. м. Коллекция включает 2258 предметов из кремня. Кремневые находки, среди которых преобладают сколы-отходы, залегали в виде скопления. Кремневая индустрия нижнего слоя имеет пластинчатый характер. Представительны серии пластин (120 экз.) и длинных сколов (184) без вторичной обработки. Велика доля узких пластин, ширина которых не превышает 9 мм, они составляют 37,5% всех пластин без вторичной обработки. Пластин шириной от 10 до 14 мм также немало – 38,3%.

Коллекция ядрищ (39 экз., в том числе пренуклеус) включает много небольших экземпляров и фрагментов. Нуклеусы подразделяются на следующие группы: торцовые, ортогональные, уплощенно-призматические, плоские. Часть нуклеусов имеют специально оформленные ребра (рис. 6:

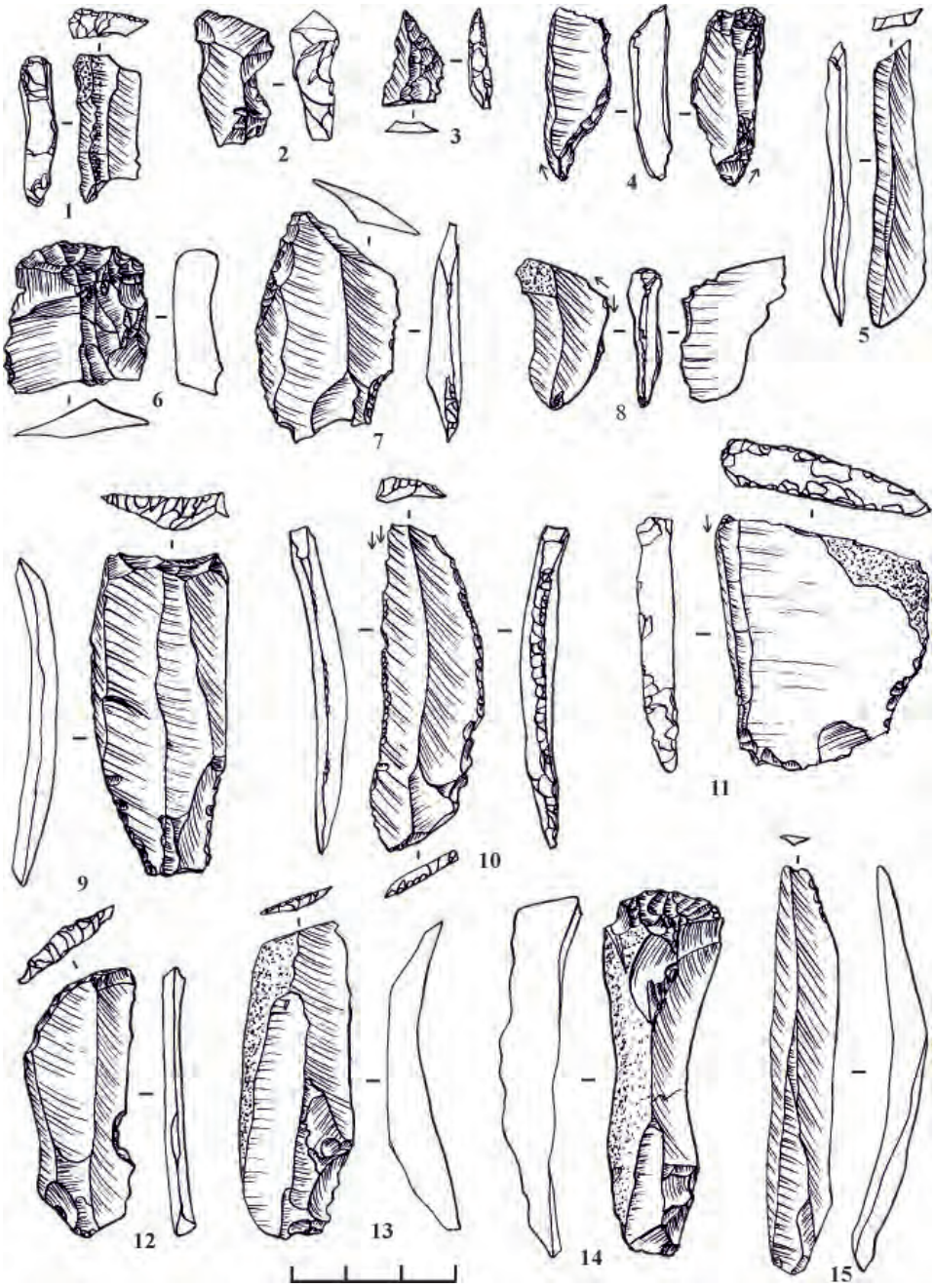

Рис. 5. Стоянка Лобач II. Кремневые орудия:
1, 6, 14 – скребки; 2 – изделие с краевой выемкой; 3, 5, 13 – изделия с ретушированым скошенным концом; 4, 8, 11 – резцы; 7 – режуще-скобляшее орудие; 9, 15 – пластины с вогнутым концом; 10 – ретушной резец – острие с выпуклым краем; 12 – пластина со скошенным краем – нож

1, 3, 8, 10). Интересны плоские заготовки торцовых ядрищ: крупные и мелкие. Некоторые из них относятся к категории «вторичных» нуклеусов, оформленных не на конкрециях или гальках кремня, а на массивных сколах и отщепах. Тщательно приостренные краевые и концевые ребра придают этим предметам дисковидный облик (рис. 6: 3, 4, 7, 8).

В коллекции нижнего слоя выделено 87 орудий. Большая их часть изготовлена на длинных сколах (22) и пластинах (20). В этом комплексе отмечены следующие приемы вторичной обработки: резцовый скол, разнообразная концевая и краевая ретушь, подтеска конца, специальная подправка клювовидного конца. Ведущую роль играют резцы (23) и скребки (8). В коллекции представлены основные группы резцов: ретушные (продольные и поперечный), на сломе заготовки, двугранные (срединные и угловые) (рис. 7: 1–4, 8–12, 14, 15, 17; 8: 16). Заготовками для них преимущественно служили пластины (3) и длинные сколы (11).

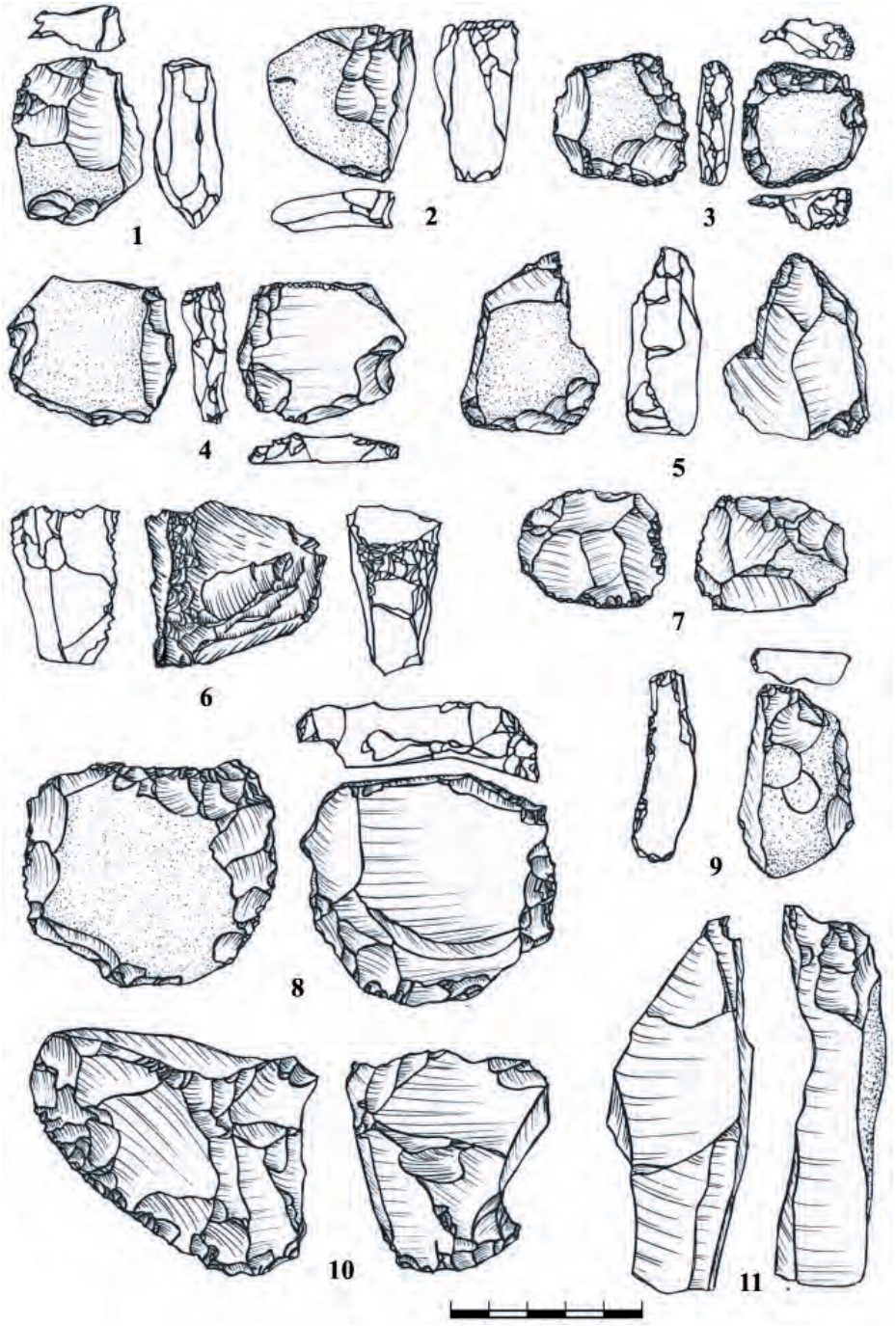

Рис. 6. Стоянка Камское Устье II, нижний слой. Нуклеусы

Скребки относятся к следующим типам: концевые, боковые, угловые, округлые (рис. 8: 7–9, 11, 13, 14). Шесть из восьми скребков оформлены на коротких сколах и фрагментах сколов. Боковым и концевым лезвиями, оформленными крупнофасеточной ретушью, обладают два массивных скребка (рис. 8: 17, 19). Необычен один скребок, оформленный на ребре вторичного торцового нуклеуса (рис. 8: 15). Найден также небольшой скребок на коротком сколе подтрапециевидной формы с двумя угловыми лезвиями (рис. 8: 8).

В нижнем слое были обнаружены разнотипные изделия с ретушированными концами – прямыми, скошенными либо выемчатыми (рис. 7: 5, 6, 13, 16). Представительна группа изделий с краевой ретушью (20), однако в нее тоже входят различные по форме орудия. Зубчато-выемчатые изделия (5) также не образуют серии. Шесть фрагментированных пластин имеют острие, образованное косым усечением конца. Найдено невыразительное сверло с асимметричными плечиками на мелкой пластине (рис. 19: 1). Оно несет фасетки характерной

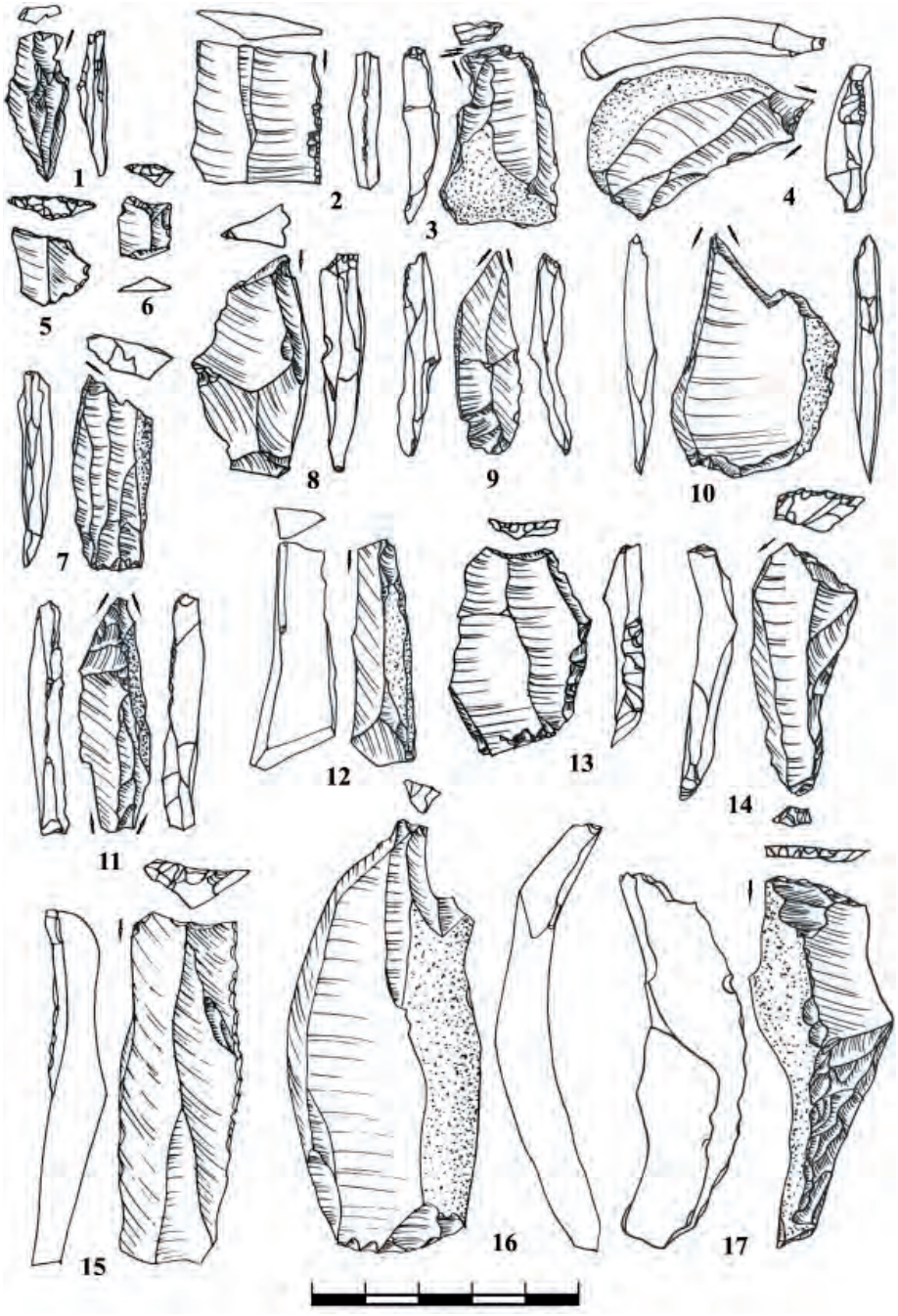

Рис. 7. Стоянка Камское Устье II, нижний слой. Орудия:
1–4, 7–12, 14, 17 – резцы; 5, 6, 13, 16 – пластины с ретушированным концом

для сверл противолежащей ретуши. Интересны клювовидные изделия (4), заготовками для которых служили массивные сколы с узким изогнутым в профиль концом, на котором обычно имеются 2–3 фасетки скребковой ретуши.

В коллекции имеются два мелких долотовидных орудия, изготовленных на фрагментах сколов (рис. 8: 3, 5), а также относительно крупное долотце с зубчатым рабочим концом, выполненное на массивном сколе (рис. 8: 12). Выделены три скребловидных орудия средних размеров, изготовленных на плоских сколах аморфных очертаний. Обнаружены четыре очень мелких округлых скребковидных орудия с зубчатыми краями, выполнявших функции миниатюрных резчиков-скобелей по мягким материалам (рис. 8: 1, 2, 4, 6).

Кремневая индустрия нижнего слоя Камского Устья II имеет пластинчатый характер, в ней доля узких пластин довольно значительна (37,5% всех пластин). Вместе с тем доля орудий, выполненных на пластинах и длинных сколах, сравнительно низка и почти равна доле орудий на коротких

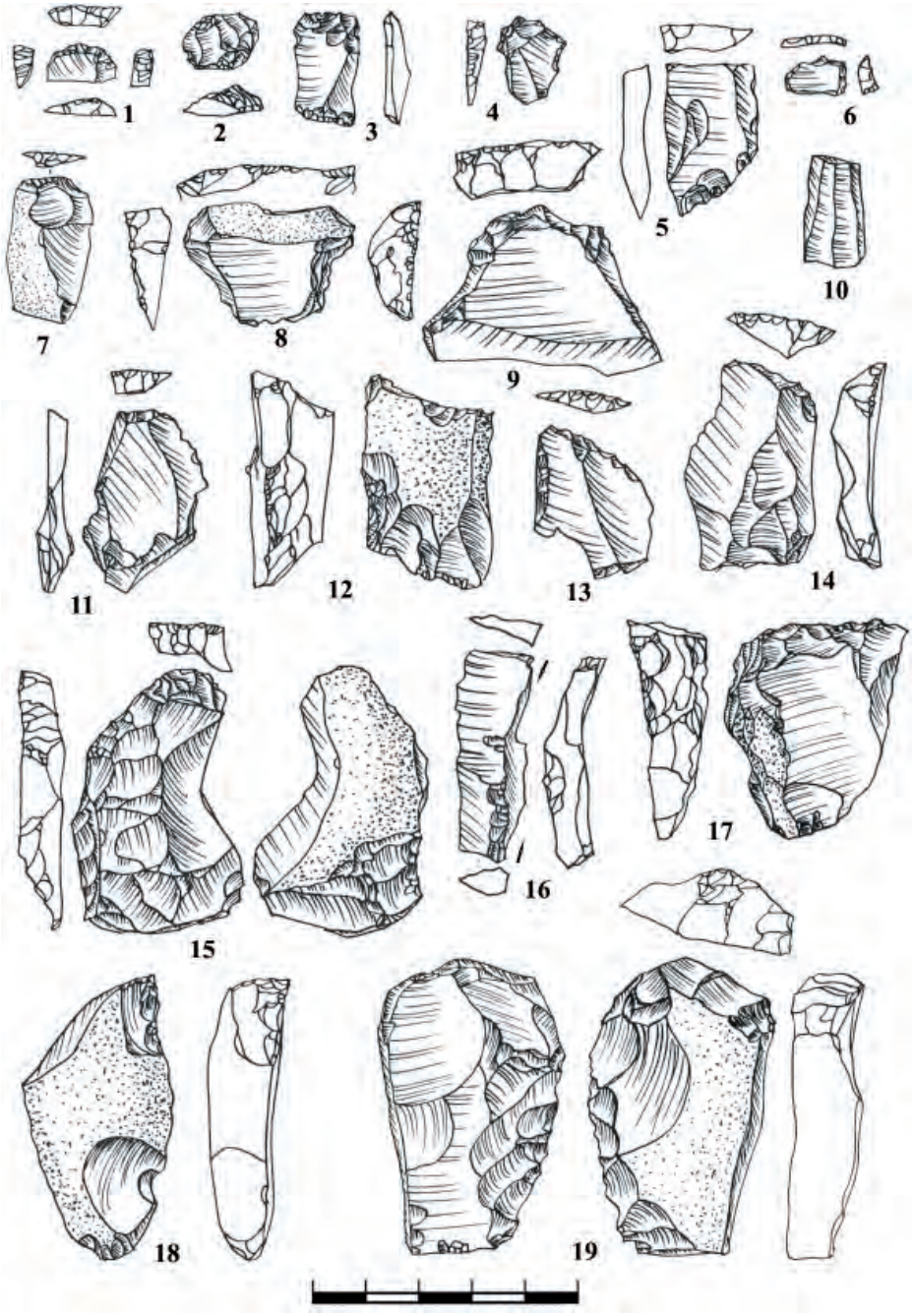

Рис. 8. Стоянка Камское Устье II, нижний слой. Орудия:
1, 2, 4, 6 – резчики-скобели; 3, 5 – стамески, 7–9, 11, 13, 14, 15, 17, 19 – скребки; 10 – фрагмент пластины; 12 – долотовидное орудие; 16 – резец; 18 – скобель

сколах и отщепах. Орудийный набор достаточно разнообразен: найдены резцы и скребки разных типов, острия, долотовидные и скребловидные изделия. Морфологические особенности нуклеусов, пластин и орудий вполне соответствуют позднепалеолитическому облику инвентаря.

Долгая Поляна II, нижний слой

Нижний культурный слой стоянки связан с тремя линзами гумусированного суглинка общей площадью 22 кв. м, раскопанными в обрыве берега. Кремневые предметы залегали в нижней части гумуса и сразу под ним в ожелезненном суглинке на глубине 70–100 см от поверхности. (Галимова, 2001). В линзах было найдено 404 артефакта, в том числе 6 нуклеусов и 15 орудий. Среди пластин без вторичной обработки (41) преобладают экземпляры шириной 10–20 мм. В числе нуклеусов уплощенно-конусовидный, уплощенно-призматический и торцовый типы (рис. 9: 11, 14). Выделяется небольшой торцовый нуклеус с негативами узких длинных пластин, изготовленный из белого кремня высокого качества (рис. 9: 12).

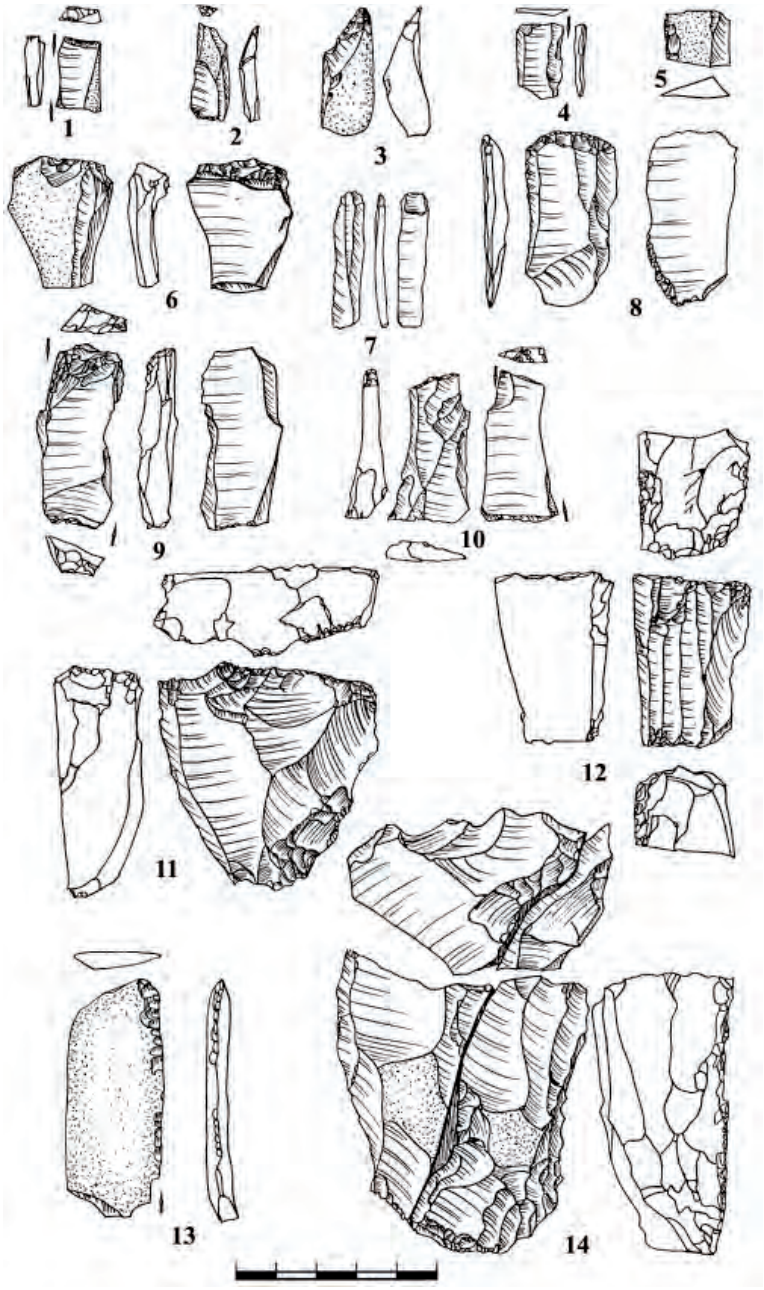

Рис. 9. Стоянка Долгая Поляна II, нижний слой. Орудия и нуклеусы:
1, 4, 9, 10 – резцы; 2 – пластинка с ретушированным концом; 3 – клювовидное изделие; 5 – фрагмент пластины с ретушированным краем; 6, 8 – скребки; 7 – пластина; 11, 12, 14 – нуклеусы; 13 – первичная пластина с ретушированным краем – нож

Четыре резца – ретушной, на сломе и два комбинированных, сочетающих оба способа оформления площадки для снятия резцового скола (рис. 9: 1, 4, 9, 10). Два концевых скребка выполнены на крупной пластине и сколе подправки (рис. 9: 6, 8). Крутой ретушью оформлены скошенные рабочие концы двух небольших острий – пластины и массивного скола (рис. 9: 2, 3). Фасетки приостряющей ретуши имеются на краях отщепа, медиального фрагмента пластины (рис. 9: 5) и крупного первичного длинного скола (рис. 9: 13). Крутая нерегулярная ретушь оформляет выемки на краях двух изделий. Встречен прием снятия ударного бугорка и утончения проксимальной части мелкой пластины (рис. 9: 7).

Малочисленность нуклеусов и орудий в коллекции нижнего слоя Долгой Поляны II затрудняет выводы об особенностях ее кремневой индустрии. Общее число коротких сколов, отщепов и орудий на них (115) немного превалирует над суммой длинных сколов, пластин и орудий на них (101). Вместе с тем найдена серия пластин. Ору-

дия имеют формы, широко распространенные в инвентаре стоянок позднего палеолита.

Подводя итоги, следует отметить, что правобережье Волги в районе слияния с Камой, а также Нижнее Прикамье в эпоху палеолита были вполне пригодны для жизнедеятельности первобытных охотничьих коллективов, поскольку не входили в зону распространения ледникового покрова. Более чем 100-летние поиски палеолитических памятников здесь стали приносить существенные результаты начиная с середины XX века.

Рассмотренные в данной главе палеолитические памятники Казанского Поволжья и Нижнего Прикамья очень разнятся между собой по объему и качеству представляющих их данных. Вопрос о культурной принадлежности правобережных волжских памятников – мустьерского местонахождения Красная Глинка и позднепалеолитических стоянок Лобач II и Долгая Поляна II (нижний слой) – не может быть решен со всей определенностью, так как число найденных орудий слишком мало. В них найдены формы орудий, широко распространенные в палеолите. В Приустьевом и Нижнем Закамье материалы стоянок Измерская I палеолитическая и Деуковская также не дают возможности в настоящее время рассуждать об их возрасте в рамках палеолитической эпохи и особенностях материальной культуры. Значительно лучше представлен кремневый инвентарь нижнего слоя Камского Устья II.

Раскопанные памятники в устье Камы можно определить как стоянки-мастерские. Ни в одном из раскопов не были обнаружены достоверные остатки жилищ, кострищ и очагов. Их культурные слои практически не содержат углей, золы, а также костей животных. Абсолютное преобладание в коллекциях сколов-отходов, наличие большого числа кусков сырья, пренуклеусов и ядрищ подтверждает это предположение.

Отличительными чертами кремневой индустрии нижнего слоя Камского Устья II являются повышенная роль микропластин и узких пластин, сравнительно низкая роль орудий на пластинах и длинных сколах, а также представительная группа резцов, присутствие микронуклеусов и мелких резчиков-скобелей и долотовидных орудий находят аналогии в представительном инвентаре верхнепалеолитической стоянки им. Талицкого на р. Чусовой, в полной мере опубликованной Т.Ю.Щербаковой (1994). Также некоторые аналогии инвентарю нижнего слоя Камского Устья можно отметить в немногочисленном инвентаре позднепалеолитической стоянки Юнга-Кушерга, исследованной на правом притоке Волги в Горно-Марийском районе А.Х. Халиковым (1961). В данном случае речь идет о сходных с камско-устьинскими двух долотовидных изделиях на фрагментах длинных сколов, двугранном срединном угловом и двугранном угловом резцах, найденных в Юнга-Кушерге. Как следует интерпретировать эти аналогии? Думается, они не дают оснований говорить о прямом перемещении населения из Приуралья или Марийского Поволжья в устье Камы и наоборот. Видимо, для решения вопроса о природе этих аналогий требуются новые факты, которые будут, возможно, получены в процессе дальнейших исследований.

Вместе с тем технико-типологическая картина кремневой индустрии нижнего слоя Камского Устья II достаточно сходна с индустрией стоянок финального палеолита, изученных в устье Камы (Косменко, 1972; 1972а; Галимова, 2001), и, возможно, была основой для ее формирования. Стоянки района устья Камы с трапециями, объединенные М.Г. Косменко в усть-камскую мезолитическую культуру (Косменко, 1977), сформировались, вероятно, на местной, позднепалеолитической основе, представленной комплексом нижнего слоя Камского Устья II. Индустрию Лобача II нельзя не принимать во внимание при разработке вопроса истоков усть-камской культуры, поскольку острия с выпуклым притупленным краем найдены практически на всех стоянках финального палеолита – раннего мезолита устья Камы.

ГЛАВА 4
ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ПРИВОЛЖСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ

Поиск стоянок палеолита в северной части Приволжской возвышенности ведется давно (Брюсов, 1937; Бадер, 1957). Всеми исследователями отмечалась перспективность данной территории в этом плане. Большое количество четвертичной фауны, в том числе таких крупных находок, как относительно полные скелеты мамонтов, носорогов, а также многочисленные находки отдельных костей и зубов животных, говорит о богатстве палеоценозов, а также о наличии путей миграции этих животных по данной территории. Находки четвертичной фауны, а также геологические слои представляют все периоды плейстоцена и эоплейстоцена, однако не в равной степени. Сложность поиска палеолитических стоянок обусловлена мощными покровными отложениями лессов и лессовидных суглинков, что отмечалось всеми исследователями палеолита. Несмотря на целенаправленные поиски палеолитических памятников в Чувашском Поволжье, стоянки палеолита с каменным инвентарем до последнего времени известны не были. В 2005 г. экспедицией под руководством автора была обнаружена финальнопалеолитическая стоянка-мастерская Шолма I с каменным и костяным инвентарем.

Большое значение для археологии Поволжья имели раскопки в 1936 г. Уразлинской стоянки, которая являлась самой северной из всех известных к тому времени стоянок палеолита. Специалисты ГИМа А.Я. Брюсов и Г.А. Бонч-Осмоловский исследовали местонахождение костей четвертичных животных вблизи д. Уразлино (Улянк) Янтиковского района Чувашии (рис. 1) (Брюсов, 1937, 1940). Они произвели раскопки и выявили следы верхнепалеолитической стоянки, обнаружив на глубине от 4,2 до 5,2 метров кострищный слой с угольками и многочисленными обломками костей древних животных, а на глубине 5,5 м – слой погребенной почвы. Каменных или кремневых предметов ими обнаружено не было. Эта стоянка являлась самой северной из всех известных к тому времени и самой восточной в Европейской части СССР. На основании предварительного изучения геологических условий стоянка была отнесена ее исследователями к середине верхнего палеолита, 30–40 тыс. лет назад.

Поиски палеолитических памятников в регионе предпринимались еще не раз. В июле 1957 г. в Чувашском Поволжье продолжаются поиски палеолита силами палеолитического отряда Куйбышевской археологической экспедиции под руководством Н.О. Бадера и В. Пушкарского. Отрядом был пройден маршрут по рекам Аль, Норваш, Сугутка, Нижарка, Кубня, были обнаружены кости четвертичных животных, но следы палеолита найдены не были (Бадер, 1957, л. 15).

В 1959 г. в ходе совместных разведок известного ленинградского специалиста по археологии палеолита А.Н. Рогачева и казанского археолога А.Х. Халикова, при участии геолога К.С. Андрианова, было осмотрено местонахождение костей четвертичных животных у д. Юнга-Кушерга Горномарийского района Марий Эл (рис. 1). На берегу р. Большой Юнги исследователями были зафиксированы палеофаунистические находки и кремневые артефакты, а также изучены геологические условия их залегания (Андрианов, 1961). В том же году под руководством А.Х. Халикова были проведены раскопки палеолитической стоянки Юнга-Кушерга, которые позволили получить первые представление о характере кремневой индустрии верхнего палеолита на северо-востоке Приволжской возвышенности (Халиков, 1961).

Стоянка занимает оконечность пологого мыса, на р. Большой Юнге – правом притоке р. Волги. В раскопе зафиксирован культурный слой с углистыми включениями, раздробленными костями животных и кремневыми изделиями, вероятно, переотложенными еще в древности. Исследование пыльцевой колонки, выполненное палеоботаником Т.А. Кузнецовой, позволило сделать вывод о холодном и сухом континентальном климате и тундровом ландшафте. Кости животных были отнесены зоологом В.А. Поповым к мамонтовому комплексу (Андрианов, 1961; Халиков, 1961). В коллекции кремневых изделий, состоящей из 87 экземпляров, были выделены призматический нуклеус, 7 пластин, острия, скребок, отщепы с резцовыми сколами и пластины с ретушью и т. д. Стоянка была отнесена А.Х. Халиковым к верхнему палеолиту (Халиков, 1961). Позже эта небольшая коллекция была изучена М.Ш. Галимовой.

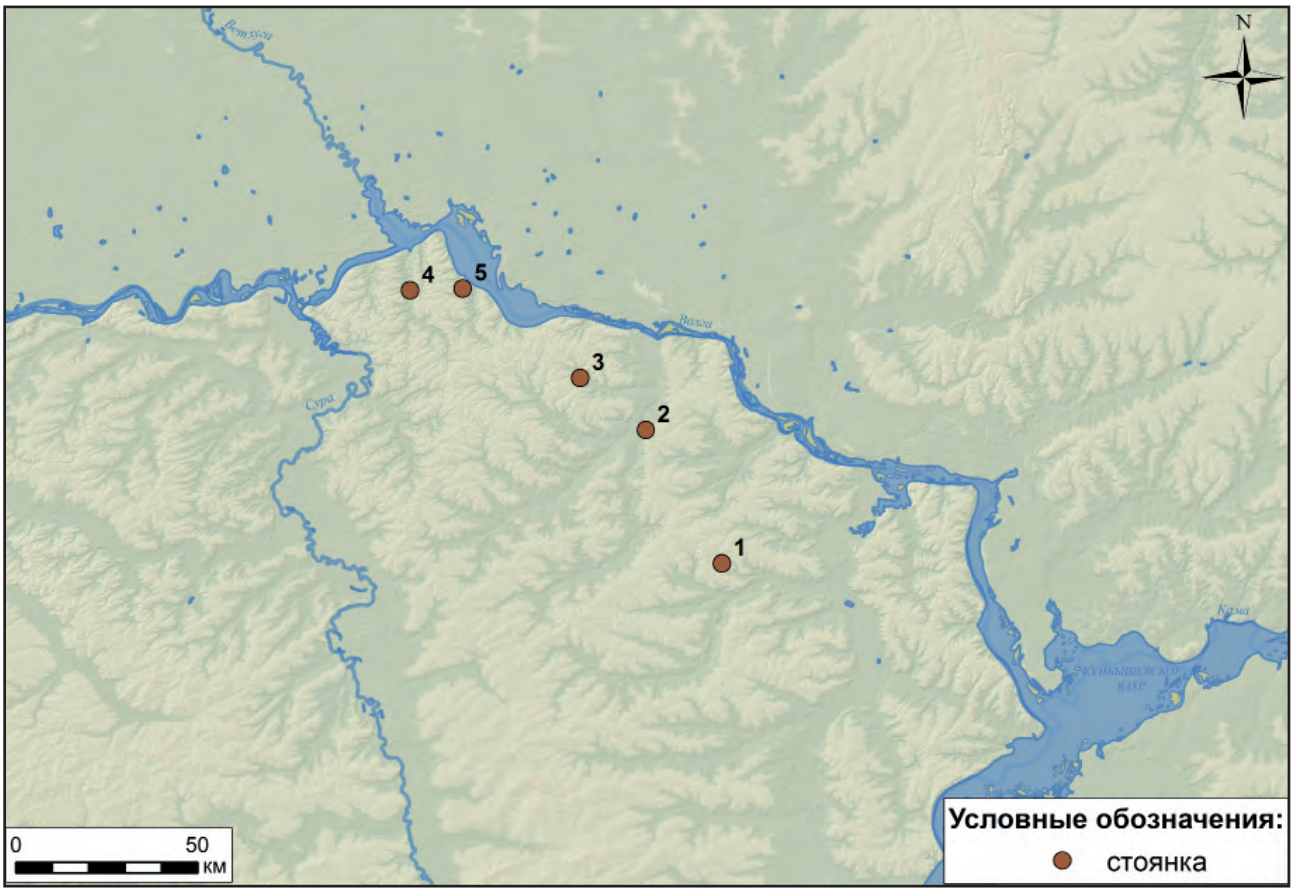

Рис. 1. Карта палеолитических памятников северной части Приволжской возвышенности:
1 – стоянка Уразлино; 2 – стоянка Шолма I; 3 – стоянка у д. Большое Янгильдино; 4 – стоянка Юнга-Кушерга; 5 – стоянка Юльялы (Юльяльская).

Ею описан подконусовидный нуклеус с негативами пластин, также отмечено, что заготовками для орудий (9 экз.) в основном служили длинные сколы и отщепы, одно орудие выполнено на пластине (Галимова, 2001). Среди орудий выделены: орудие со сходящимися ретушированными краями на пластине, два долотовидных изделия на фрагментах длинных сколов, двугранный срединный резец на коротком фрагменте скола, двугранный угловой резец на длинном сколе подправки, резцевидное изделие на фрагменте миниатюрной пластинки (рис. 2).

В 1961 г. отрядом Чувашской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Каховского была описана палеолитическая стоянка близ деревни Большое Янгильдино Чебоксарского района Чувашии, на берегу речки (рис. 1). В слое торфяника на глубине около 1 метра было обнаружено кострище (скопление золы и угольков), а также кости и зубы мамонта, на дне реки обнаружены раздробленные трубчатые кости четвертичных животных и окаменелые угольки. Этот материал позволил В.Ф. Каховскому предположить нахождение здесь палеолитической стоянки (Каховский, 1978). Каменных и других орудий обнаружено не было.

Следует отметить группу памятников верхнего и финального палеолита, расположенную в непосредственной близости от описываемого района. В устье р. Сундырь, правого притока р. Волги, напротив д. Юльялы, известны несколько пунктов кремнеобрабатывающих мастерских (рис. 1), датируемых В.В. Никитиным поздним палеолитом (Никитин, 1996, с. 8–12). Большая часть находок собрана в подъемном материале, иногда совместно с костями мамонтовой фауны.

Важным событием в поисках палеолита в Чувашском Предволжье стало обнаружение культурного слоя древней кремнеобрабатывающей мастерской на р. Малый Цивиль у подножия горы Шолма. В 1966 г. под руководством П.Н. Старостина была проведена археологическая разведка по р. Цивиль, в ходе которой у горы Шолма на окраине г. Цивильск были обнаружены кремневые сколы и орудия «древнего облика» (Старостин, 1966). Памятник получил название «Цивильское место первичной обработки кремня». В 2001 г. археологической разведкой под руководством

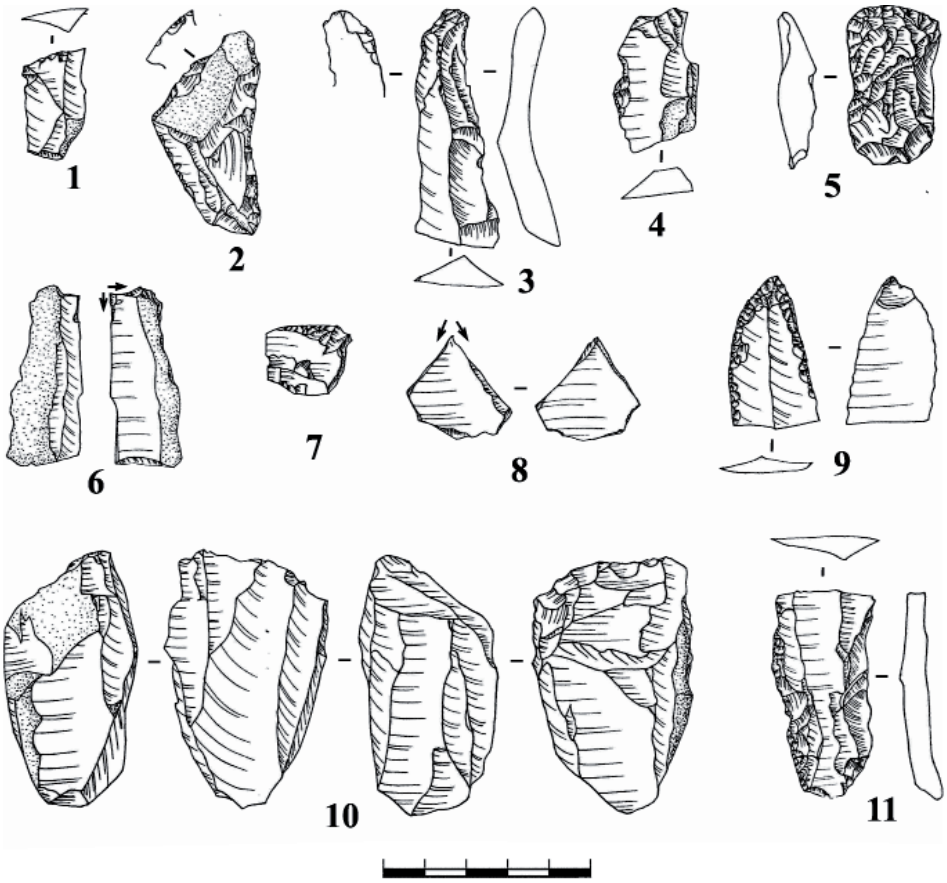

Рис. 2. Стоянка Юнга-Кушерга. Кремневый инвентарь (по: М.Ш. Галимова, 2001, рис. 91)

Н.С. Березиной (2002) здесь были выявлены еще несколько пунктов нахождения кремневых орудий и отщепов, которые были названы «Цивильское место первичной обработки кремня 2 и 3». Тогда же были впервые сделаны предположения о палеолитическом возрасте памятников.

В 2005 г. участники раскопок стоянки Новая Деревня – автор, А.Ю. Березин и М.Ш. Галимова – при осмотре окрестностей обнаружили небольшой карьер на южном склоне горы Шолма, который обнажил культурный слой с находками кремневых артефактов и палеофаунистических остатков (Березина, Березин, Галимова, 2006). Раскопки этого памятника, получившего название «стоянка Шолма I», проведенные коллективом исследователей под руководством Н.С. Березиной в 2007 г. при участии геолога-геоморфолога А.А. Хисяметдиновой, принесли чрезвычайно важные результаты с точки зрения изучения каменной индустрии и природного окружения финальнопалеолитического населения северо-востока Приволжской возвышенности и показали большие перспективы для дальнейших мультидисциплинарных археолого-палеогеографических исследований, которые были продолжены в 2011 и 2017 гг. (Березина, Березин, Галимова и др., 2009; Березин, Березина, 2009; Березина, Березин, Галимова и др., 2009; Хисяметдинова и др., 2008; Гугалинская, Алифанов, Березина, Березин, Хисяметдинова и др., 2010; Березина, 2011; Березина, Березин, Галимова, Гольева, 2020; Березина, Березин, Галимова, 2021).

Стоянка-мастерская финального палеолита Шолма I

Урочище Шолма расположено на правом берегу р. Малый Цивиль, в 1 км выше места ее слияния с р. Большой Цивиль, правым притоком р. Волги. Местные жители называют эту гору и долину, образованную петлей Малого Цивиля, «Шолма» или «Шелом» (рис. 1, 3). Гора Шолма имеет сложное геологическое строение и представляет собой выступ тектонического поднятия, сложенного пермскими породами, которые на южном и западном склонах поднятия перекрываются лессовыми отложениями позднего плейстоцена.

В результате раскопок 2007 г. оказалось, что культурный слой стоянки, располагавшейся у выходов кремневого сырья, залегает в погребенной почве. Данная погребенная почва, образовавшаяся в относительно мягких и теплых условиях,

подстилается и перекрывается отложениями лессовидных суглинков, которые накапливались в суровое холодное время оледенений. Изучение малакофауны (состава почвенных моллюсков) погребенной почвы выявило относительно большое количество раковин моллюсков одного вида – *Vallonia costata Mull.*, который является индикатором умеренно теплых климатических условий.

Погребенная почва начала формироваться до времени возникновения стоянки и демонстрирует признаки нескольких этапов мерзлотных деформаций, в том числе крупные морозобойные клинья. В отдельных клиньях наблюдалось западение артефактов, иногда на глубину более 1 м. Второй этап палеомерзлотных деформаций возник уже после того, как люди покинули это место. Это было связано с резкой сменой климата в сторону похолодания и восстановлением перигляциальных условий на этой территории.

Таким образом, по стратиграфическим и палеогеографическим данным было установлено, что погребенная почва, изученная в разрезе стоянки, сформировалась во время межстадиального потепления аллерёд (11800–11000 ^{14}C л. н.), которое выделяется палеогеографами между двумя завершающими стадиями ледниковой эпохи. Почвенно-культурный слой, изобилующий кремневыми артефактами и костями охотничьей добычи, был нарушен мерзлотными (криогенными) трещинами (рис. 3), которые сформировались во время последующей финальной холодной стадии ледниковья, получившей в палеогеографии наименование «поздний дриас» (11100–10300 ^{14}C л. н.).

В результате раскопок 2007 г., вскрывших культурный слой стоянки на сравнительно небольшой площади, были получены многочисленные каменные артефакты (10580 единиц). Близость источника кремневого сырья и относительное невысокое его качество предопределили большое количество заготовок орудий и отходов их производства. Около 9,5 тысяч предметов представляют собой отщепы, куски, осколки, сколы подправки нуклеусов и чешуйки. Подавляющее большинство изделий выполнено из кремня, единично – из кварцита (сливного песчаника).

В целом для кремневой индустрии стоянки Шолма характерна пластинчатая технология расщепления камня, направленная на получение ножевидных пластин и удлиненных сколов с одноплощадочных нуклеусов (ядрищ). Заготовки для орудий, в том числе и ножевидные микропластины, получали при помощи удара.

На стоянке представлены все этапы первичного расщепления кремня: подготовка и утилизация нуклеусов с целью скалывания пластин и отщепов, пригодных для превращения их в орудия и предметы вооружения либо для использования в трудовых операциях сразу, без дополнительной обработки. В коллекции представлено 102 экземпляра нуклеусов и нуклевидных кусков. Так как кремень оказался довольно низкого качества, то большая часть расколотых кремней была брошена на первой стадии подготовки пренуклесов и нуклеусов. Изделию оббивкой придавали подокруглую форму, уплощенную с тыльной стороны крупными сколами, при этом формировали продольное ребро. Площадка создавалась крупными поперечными сколами. Первый скол с нуклеуса, направленный на формирование призматического профиля поверхности скалывания, имел «ребристую» спинку (бифасиальную или одностороннюю). Таких ребристых сколов в коллекции имеется 19 экз. Снятие последующих сколов перемещалось к центральной, более плоской части поверхности скалывания, таким образом, на этой стадии получались крупные, широкие и относительно тонкие пластинчатые сколы с прямым профилем. На последующих стадиях расщепления нуклеусы становились меньше размером, приобретая коническую форму, и при удачном раскалывании сохраняли на тыльной стороне участки корки и первичных уплощающих сколов. По мере скалывания размеры пластинчатых сколов уменьшались до микропластинок.

По сути, все нуклеусы данной коллекции представляют собой ту или иную стадию утилизации вышеописанной заготовки пренуклеуса для получения соответственно крупных, средних пластин и микропластин. Площадки нуклеусов подрабатывались небольшими сколами, карнизы подправлялись приемами редуцирования и абразивной пришлифовкой.

В целом для кремневой индустрии Шолмы характерен принцип параллельного скалывания, направленный на получение удлиненных сколов с одноплощадочных нуклеусов (рис. 4: 3–10). В составе коллекции присутствуют нуклеусы конусовидных и призматических форм. Можно сделать вывод о применении на стоянке двух технологических линий, направленных на получение длинных и укороченных пластин. Первая линия заключалась в том, что изделию обивкой придавали подокруглую форму и формировали продольное ребро. С таких ядрищ отделялись как крупные пластины, так и микропластины. Также для получения длинных узких пластин подготавливались вторичные торцовые нуклеусы на массивных первичных сколах, которые одновременно могли служить ретушными резцами, как правило, по твердому материалу – кости (рис. 4: 1, 2). Вторая технологическая линия была направлена на получение коротких узких пластин. Для этого ис-

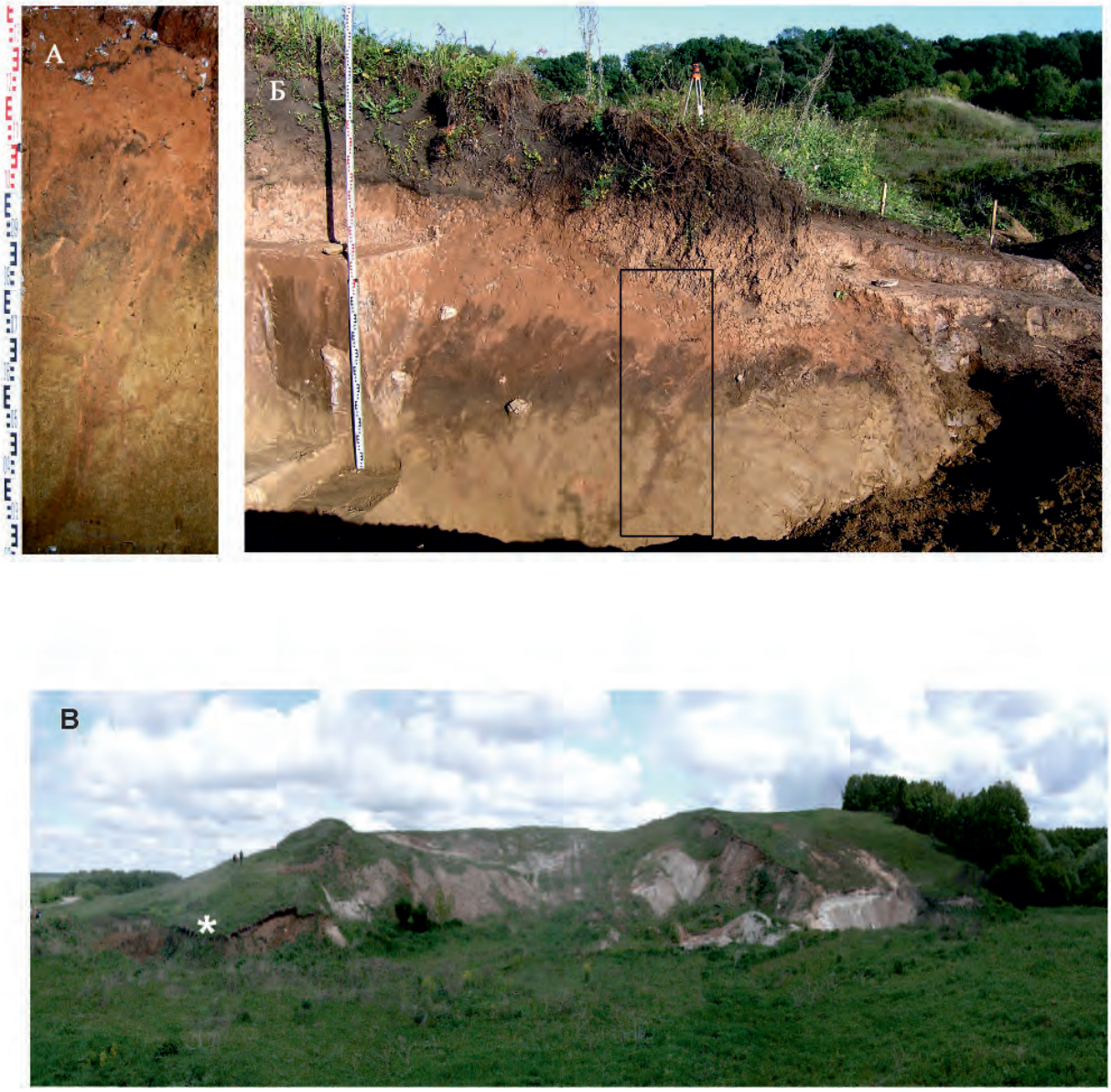

Рис. 3. Стоянка Шолма I:
А – увеличенный участок зачистки стенки раскопа 2007 г. с криоморфными изменениями погребенной почвы;
Б – общее фото зачистки стенки раскопа 2007 г. с погребенной почвой и связанным с ней культурным слоем;
В – общий вид с юга на гору Шолма и стоянку Шолма I (отмечена звездочкой)

пользовали пренуклеусы в форме скребков высокой формы со сколами по всему периметру (рис. 5: 3, 4). Такие пластины служили, вероятно, вкладышами без дополнительного рассечения на части. Сколы снимались при помощи удара жестким или мягким отбойником. Не обнаружено свидетельства применения техники отжима пластин на нуклеусах всех форм, присутствующих в коллекции.

Изделий с вторичной обработкой, которые были орудиями с выраженной морфологией, насчитывается около 60 экз. Вместе с тем, как показало трасологическое изучение отщепов и сколов, проведенное М.Ш. Галимовой, большая часть этих сколов без вторичной обработки имеет следы использования (утилизации), их насчитывается 385 экз.

Пластин, в том числе с правильной огранкой спинки, а также пластинчатых сколов, как целых, так и в фрагментированном виде, найдено 251 экз. Среди них отмечены целые пластины и их сечения: крупные и средние по ширине, а также узкие пластины и микропластины (рис. 6: 20–27). Их края имеют следы использования в качестве вкладышей строгальных ножей, ножей по мясу и т. д. Тронкированных пластин и пластин с притупленным краем в коллекции нет.

В раскопе найдены девять фрагментов пластин, имеющих форму трапеций с прямыми сто-

Рис. 4. Стоянка Шолма I. Кремневые нуклеусы

ронами, оформленными фасетками ретуши. Все трапеции симметричные, небольших размеров и низких пропорций (рис. 6: 1–9). Они выполнены на узких пластинах шириной от 7 до 14 мм как с регулярной, так и нерегулярной огранкой спинки, в трех случаях – с неровными краями. На трапециях отмечены микроследы использования в качестве вкладышей метательного оружия.

Выразительную серию орудий представляют ретушные резцы – 10 экз. Большая их часть (6 изделий) выполнена на крупных массивных сколах. Они имеют слегка вогнутые широкие ретушированные площадки, с которых по краям были сняты резцовые сколы. Четыре таких изделия выполнены на удлиненных сколах, в том числе два скола с прямыми и два – со скошенными ретушированными площадками. Кроме ретушных резцов в коллекции имеются резцы с резцовыми сколами, снятыми на углу заготовки (6 экз.) и на сломе заготовки (3 экз.) (рис. 7: 9). Также выделяется группа резцевидных изделий.

Выделяется комбинированное орудие резец-скребок (рис. 7: 1) на крупной пластине из белого качественного кремня. В дистальной части пластины оформлен концевой скребок крутой ретушью с брюшка и со следами сильной изношенности. С одной грани пластины был снят широкий длинный резцовый скол, практически перпендикулярный брюшку, проксимальный конец пластины усечен крутой ретушью с брюшка. Как

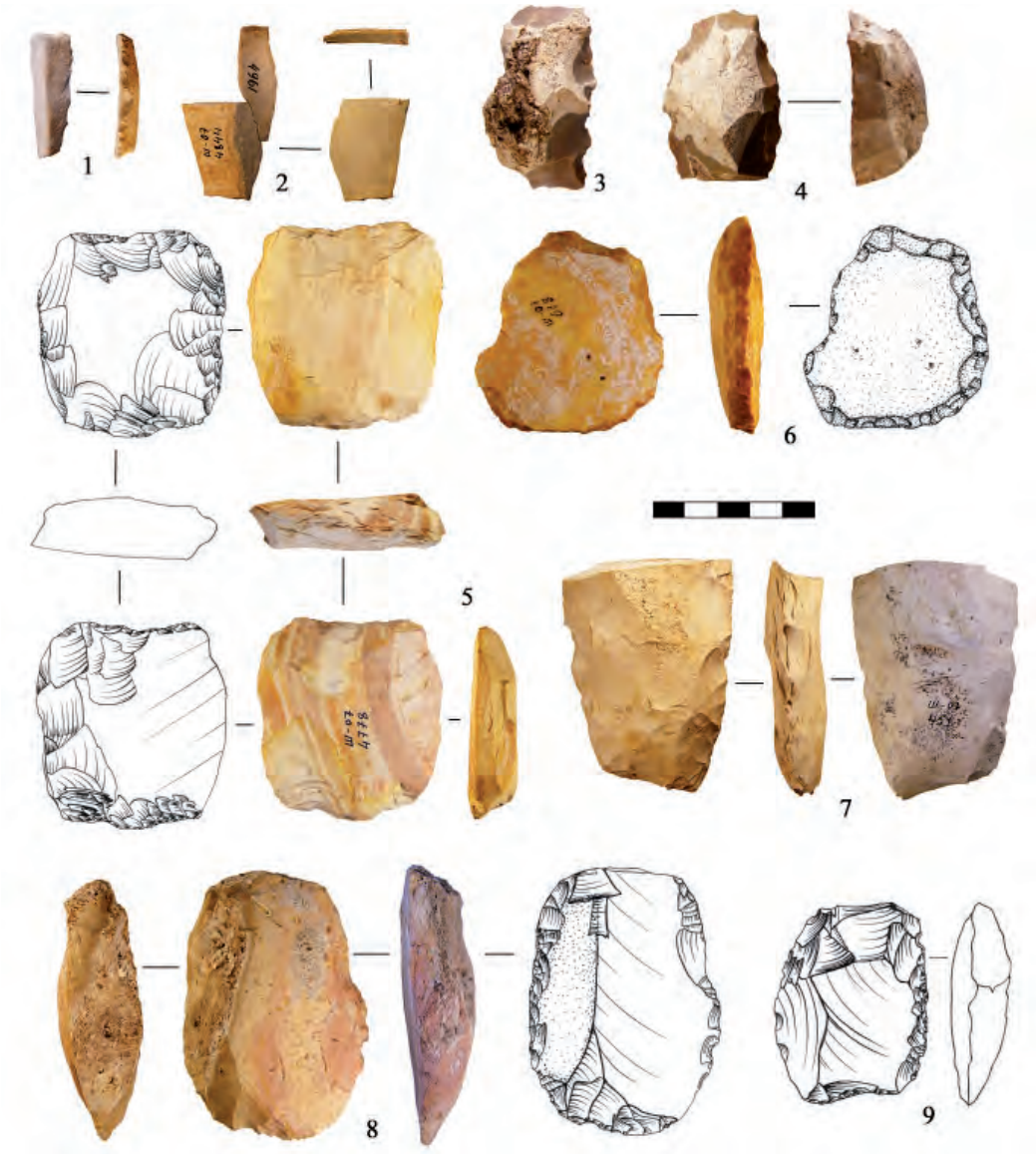

Рис. 5. Стоянка Шолма I. Каменный инвентарь:
1, 2 – ножи на пластинах; 3, 4 – нуклеусы для снятия коротких пластинчатых сколов;
5-9 – рубящие и режущие орудия
1-5, 7-9 – кремень, 6 – кварцит

показало трасологическое изучение, вторая грань пластины использовалась в качестве скобеля и строгального ножа.

Подавляющее большинство угловых резцов было оформлено на отщепах, сколах и кусках кремня (26 экз.), среди них имеются полифункциональные орудия: скребок-резец и скребок-скобель.

Были найдены выполненные на удлиненных сколах скребки разных типов (рис. 8): концевые (3 экз.), концевые-боковые и боковые (4 экз.), а также скребло на крупном отщепе с желвачной коркой (1 экз.) и скобель (1 экз.).

Скребел в коллекции имеется четыре экземпляра, три из которых выполнены на крупных удлиненных сколах с продольно выпуклыми рабочими краями, оформленными неглубокой крутой и полукрутой ретушью (рис. 5: 8, 9; 7: 11). Одно изделие отличается конвергентно расположенными продольными рабочими краями, оформленными ретушью с брюшка и со спинки (рис. 7: 10). Имеется орудие, выполненное на крупном округлом сколе с кварцитовой гальки с естественной коркой, рабочий край оформлен крутой и полукрутой ретушью на 2/3 периметра скола (рис. 5: 6). Это орудие было найдено вместе с рядом зубов нижней челюсти лошади.

В категории зубчато-выемчатых изделий выделяется серия из пяти орудий вытянутых пропорций с высокой спинкой, выполненных на массивных сколах с коркой. Края этих сколов по всему периметру обработаны крупными и мелкими сколами, образующими зубчатые края, которые не-

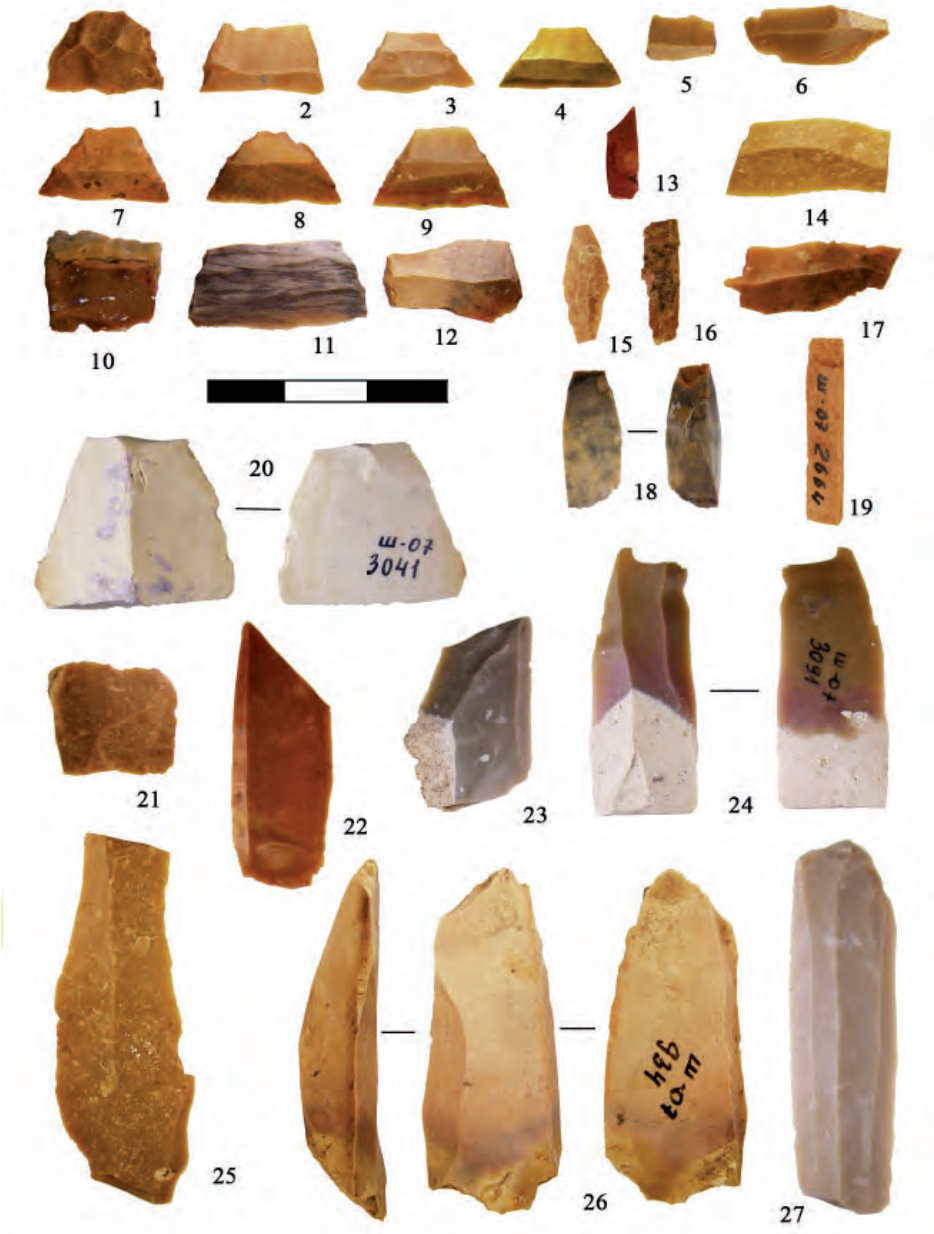

Рис. 6. Стоянка Шолма I. Кремневый инвентарь:
1-4, 7-12 – вкладыши-трапеции; 5, 6, 13-19 – пластины и микропластины – вкладыши наконечников;
20-27 – ножи и их фрагменты на пластинах

сут следы использования в качестве скребков или скобелей.

Следует отметить предположительный наконечник стрелы, представляющий собой проксимальный фрагмент крупного скола без следов вторичной обработки, обнаруженный нами в теле позвонка лошади (рис. 9: 3). При функциональном анализе на этом фрагменте были обнаружены характерные микросколы метательного повреждения. По всей видимости, острая часть этого предмета была извлечена в древности, вероятно, при помощи кварцитового отщепа, располагавшегося рядом (рис. 9: 4).

Отдельно отметим обломок крупного бифаса, сломанного в центральной части. Его размеры составляют 6×48 мм, сечение – линзовидное, максимальная ширина – 15 мм. Форма бифаса, вероятно, была вытянутых пропорций с сужающимися к основанию краями и с оформленным крупным уплощающим сколом обушком. Поверхность бифаса была сформирована крупными нерегулярными сколами с последующей подправкой более мелкими сколами. На одной стороне бифаса сохранился участок естественной поверхности. После поломки это изделие было вторично использовано в качестве многофункционального орудия

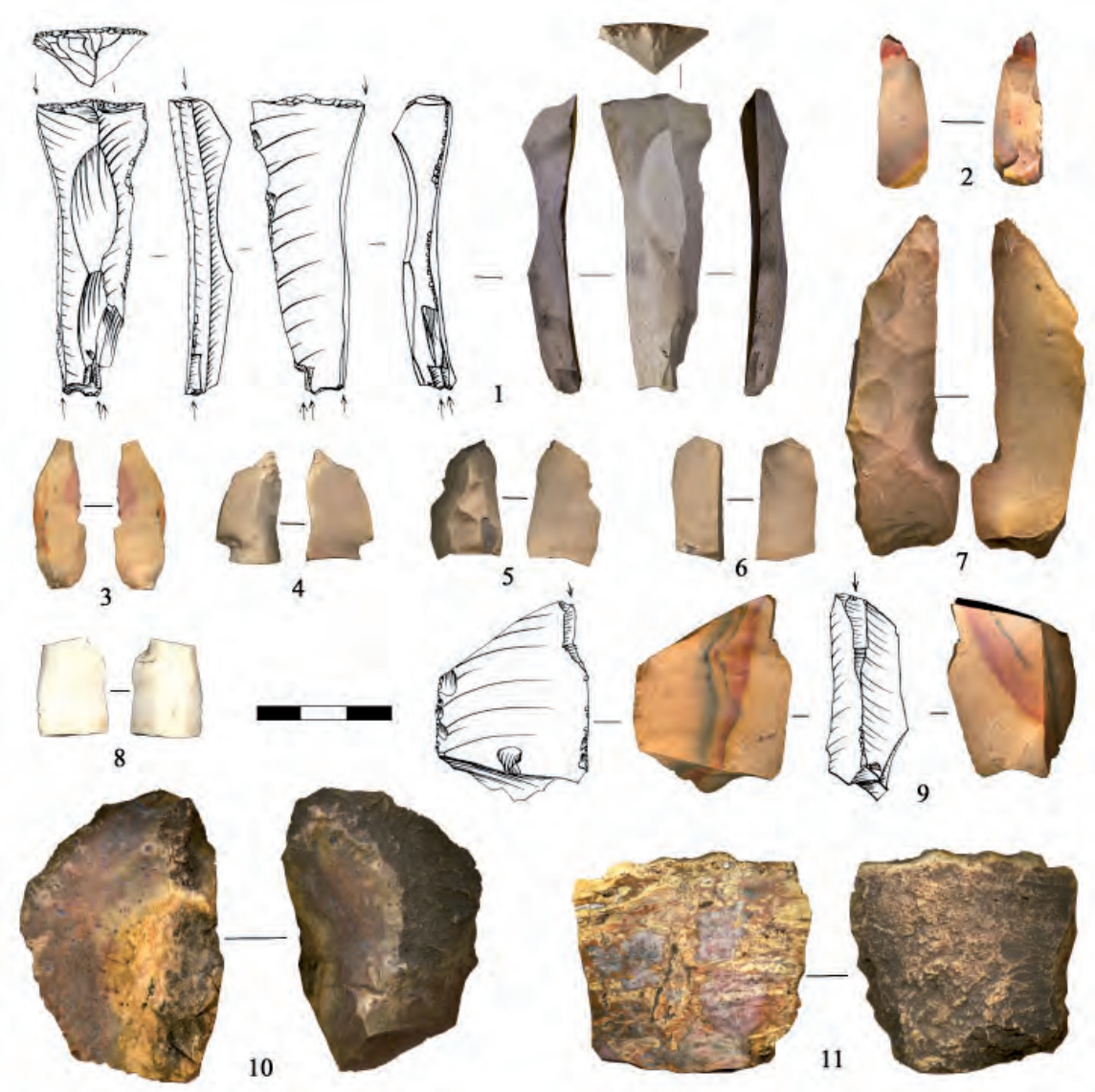

Рис. 7. Стоянка Шолма I. Кремневые орудия:
1, 9 – резцы; 2-5, 7 – острия; 10, 11 – скребла

ножа-скребка-резчика (рис. 5: 7). К рубящим изделиям можно отнести одно долотовидное бифасиальное изделие подквадратной формы, края которого выполнены небольшими сколами, местами края имеют выкрошенный характер (рис. 5: 5).

Своеобразие орудийному набору Шолмы придает сочетание изделий на широких (зачастую массивных) пластинах с фрагментами узких пластин и микропластин, которые служили вкладышами в костяном пазовом оружии и инвентаре. Особенно выразительна серия мелких вкладышей – сечений пластин с прямыми ретушированными краями, которые имеют форму трапеций низких и средних пропорций. Такие вкладыши, как правило, служили вкладышами в метательном пазовом оружии, основой таких наконечников стрел и дротиков служили кости ног копытных животных. Интересны также группы крупных массивных ретушных резцов и концевых скребков. Единичны, но весьма показательны двусторонне обработанные орудия и фрагменты крупных наконечников. Примечательно отсутствие в данном комплексе пластин с усеченным концом, а также пластин и острий с притупленным краем.

Особый интерес представляют находки в культурном слое двух изделий из кости. Первое изделие, зафиксированное в раскопе 2007 г., может быть интерпретировано как заготовка нескольких игл в виде куска трубчатой кости лошади с глубокими продольными прорезями (рис. 9: 2). От этой костяной пластины уже были отделены узкие длинные полотна для дальнейшей выработки игл, но в процессе работы заготовка разломилась на две части и была выброшена.

Рис. 8. Стоянка Шолма I. Кремневые скребки

Второе костяное изделие – наконечник метательного оружия – было обнаружено в ходе палеопочвенного исследования 2009 года при зачистке основного обнажения культурного слоя, примыкавшего к раскопу 2007 г. Длина наконечника составляет 170 мм, ширина – 35 мм, он был сделан из расколотой вдоль трубчатой кости – метаподии. Часть наконечника (ближе к его эпифизу) – желобчатая, она, очевидно, служила для прикрепления наконечника к древку. В этой части орудия по краям обеих сторон были сделаны сколы в виде зазубрин, вероятно, для прочной связки копья с древком (рис. 9: 1). Острие наконечника копья представляет собой скол кости в наиболее утолщенной диафизной части, с последующей подправкой и шлифовкой краев для придания симметрии. Острие наконечника копья имеет сильные следы износа, особенно в вершинной ее части.

Из раскопа 2007 г. происходит уникальная для первобытной эпохи Среднего Поволжья палеофаунистическая коллекция, состоящая из 150 костей и зубов, относящихся к виду ископаемой лошади. Кроме того, были найдены два обломка кости зайца и зуб мелкого хищника, возможно, куницы. Уже сам факт сохранения костных остатков в культурном слое значительной древности – явление редкое для территории Русской равнины. Среди костей лошади, найденных в раскопе, были в основном зубы, отдельные позвонки, обломки черепов и костей ног. Многие кости имели следы различных порезов на костной ткани. Черепа лошадей были сильно раздроблены. Один су-

Рис. 9. Стоянка Шолма I. Изделия из кости:
1 – двусторонне заостренный пришлифовкой наконечник дротика или кинжал; 2 – заготовка с прорезанными пазами; 3 – фрагмент наконечника, застрявший в позвонке лошади; 4 – кварцитовый отщеп, находившийся рядом с позвонком

став лошади был в древности обожжен на костре. Встречены также кости, прорезанные резцами и выброшенные.

Таким образом, в раскопанной части стоянки зафиксировано отсутствие анатомически связанных костей скелета лошади (за исключением двух позвонков). Все крупные трубчатые кости были расщеплены. Череп и нижние челюсти также подверглись в древности обработке, т. к. есть расколотые зубы нижних и верхних челюстей. Мы отметили, что рядом с костями располагались массивные орудия для обработки кости. Все это указывает на стоянку первобытных охотников – место, куда приносились части лошадиных туш – охотничьей добычи. Здесь же выделывались шкуры, разделывалось мясо, на огне готовилась пища. Следует отметить, что на стоянке найдено довольно большое количество обожженного кремня.

Интересна находка целой ветви нижней челюсти с зубами лошади, у которой крайних зубов не было. Вероятно, она была перерублена таким образом, что сохранился фрагмент челюсти с четырьмя зубами. Он, возможно, использовался людьми в качестве скребла для обработки шкур. Вероятно, не случайно под этой челюстью был найден большой кварцитовый нож округлой формы. Использование части нижних челюстей с зубами копытных животных для выделки шкур имеет широкие параллели в этнографии многих народов.

Уникальность этого памятника заключатся в приуроченности культурного слоя к ярко выраженной погребенной почве, обилии каменных артефактов и достаточной сохранности костного материала, как остатков лошадей – основного объекта охоты, так и изделий из кости. Все это в совокупности предоставляет исследователям возможность комплексного изучения материальной культуры древнего человека в изучаемом регионе, условий его жизни при заселении новых территорий, его ресурсной системы жизнеобеспечения и в целом механизмов адаптации.

Характеризуя материальную культуру Шолмы I, нужно иметь в виду, что основными факторами жизнеобеспечения коллектива древних охотников стали расположение стоянки рядом с естественными выходами сырья, а также практиковавшаяся ими специализированная охота на крупных копытных, главным образом на лошадь. Невысокое качество кремня приводило к большому проценту брака при его раскалывании, а также определило обилие пренуклеусов и нуклеусов, брошенных в начальной стадии расщепления, большое количество первичных сколов и сколов подправки. Обилие сырья не требовало его экономии, что вы-

разилось в «одноразовом» использовании многих сколов и пластин, без дополнительного формирования орудия. Часто использовались режущие края и острые кончики сколов без вторичной обработки. Обилие сырья привело и к высокой концентрации находок.

Трасологический анализ выявил значительное число массивных сколов-отходов, ребристых пластин и осколков, имеющих следы резания мяса, а также скобления по кости. Применявшаяся на стоянке обычная ударная техника расщепления кремня была направлена на получение крупных массивных пластин и особенно узких ножевидных пластин, в том числе и микропластин. Главное функциональное назначение пластин – резание, строгание, скобление твердых и мягких материалов, к последним относятся шкура, мясо и дерево. Морфологически выражены такие группы орудий, как концевые и подокруглые скребки и массивные ретушные резцы, двусторонне обработанные орудия и фрагменты крупных наконечников.

Своеобразие орудийному набору Шолмы придает сочетание изделий на широких (зачастую массивных) пластинах с фрагментами узких пластин и микропластин, которые служили вкладышами в костяном пазовом оружии и инвентаре. Особенно выразительна серия мелких вкладышей – сечений пластин с прямыми ретушированными краями, которые имеют форму трапеций низких и средних пропорций.

Охота на крупных млекопитающих давала возможность использовать их длинные и прочные кости для изготовления основы для костяных оправ вкладышевых орудий. Наличие вкладышевой техники также косвенно подтверждается обнаружением костяной пластины с прорезанными пазами. Большая серия резцов, найденная на стоянке, очевидно, служила для прорезывания пазов. Оригинальным технологическим приемом в изготовлении вкладышей на стоянке Шолма является подготовка к утилизации мелких ядрищ в форме крупных скребков высокой формы. Изучение под микроскопом кромки площадки этих изделий показало отсутствие следов работы в качестве скребков.

Рядом со стоянкой имеются каменистые перекаты, которые связаны с подвижками древнего разлома, образовавшего гору Шолма. Вероятно, древние люди знали и использовали эти перекаты. Южный склон горы и пологая, довольно ровная примыкающая к склону площадка делали местоположение стоянки очень удобным. Защита от холодных северных ветров и источники каменного сырья, расположенные рядом, также делали очень выгодным и привлекательным это место. Через реку можно было переправляться по перекатам. Гора давала возможность обзора широкой пойменной долины и пригодных для естественных пастбищ лошадей в радиусе 10–15 км. Район стоянки являлся настоящей экологической нишей для древних обитателей этого района.

Открытие и изучение уникального памятника финального палеолита севера Среднего Поволжья – стоянки-мастерской Шолма I, приуроченной к погребенной «шолмской» почве с криогенными деформациями, предоставило ученым широкие возможности для комплексного изучения адаптаций древнего человека, который следовал за мигрирующими стадами животных на исходе ледниковой эпохи.

Ключевые вопросы о возрасте и культурной принадлежности стоянки Шолма I пока остаются в поле научных дискуссий. В 2008 г. по двум костям лошади из раскопа 2007 г. в Киевской радиоуглеродной лаборатории Н.Н. Ковалюхом и В.В. Скрипкиным были получены радиоуглеродные калиброванные даты: calBC 7550–6750 (Ki-15155) и calBC 8800–7600 (Ki-15156), что соответствует мезолитическому периоду (Березина, Березин, Галимова и др., 2009).

Однако стратиграфические особенности стоянки Шолма I предполагают ее более древний возраст. Культурный слой памятника оказался приурочен к горизонту погребенных почв сложной структуры, состоящих из палеокриоморфной нижней погребенной почвы, вероятно, относящейся к теплому этапу древнего голоцена – бёллингу, и маломощной палеокриоморфной верхней почвы последующего относительно теплого этапа – аллерёда (13–11 тыс. лет назад), которые были разделены небольшим похолоданием этапа среднего дриаса. Перекрывающий всю шолмскую погребенную почву палево-бурый суглинок, вероятно, отложился в позднем дриасе (11–10,3 тыс. лет назад) (Хисяметдинова и др., 2008; Березина и др., 2009; 2009а). Исследования, проведенные палеопочвоведами на стоянке, подтверждают предположение о финальноплейстоценовом возрасте погребенных почв, сделанное нами ранее (Гугалинская, Алифанов, Березина, Березин, Хисяметдинова и др., 2010).

В 2019 г. AMS-датирование было выполнено в Университете Оттавы по костям лошади из раскопа 2017 г., были получены две даты: 10838–10717 Cal BC (95,4%) (UOC-8154) и 11131–10846 Cal BC (95,4%) (UOC-8155). Эти даты подтвердили высказанное ранее предположение о финально-палеолитическом возрасте памятника и указали на то, что стоянка функционировала, по всей вероятности, в конце потепления аллерёд и в начале похолодания позднего дриаса (Березина, Березин, Галимова, 2021).

Особенности кремневых вкладышей, использовавшихся древними охотниками Шолмы в их составном пазовом оружии, – небольших трапеций с прямыми ретушированными сторонами, низких и средних пропорций – указывают на возможную культурную общность стоянки с комплексами финального палеолита, исследованными на р. Северский Донец – Рогалик I, IIA, XII, Передельское I, которые бытовали в условиях незначительного похолодания среднего дриаса и в начале последующего потепления аллерёд в лесостепях юго-востока Украины (Горелик, 2001). На финальнопалеолитических стоянках Рогаликско-Передельского района основой кремневой индустрии была узкая и среднеширокая пластина, трапеции с прямыми ретушированными сторонами также имели с низкие пропорции.

Группа стоянок Рогалик II A, Рогалик XII, Передельское I, как отмечает А.Ф. Горелик, были сформированы в разных геоморфологических и стратиграфических условиях, но по результатам палинологического анализа и абсолютного датирования они имеют общее время образования в холодных условиях среднего дриаса, то есть несколько ранее аллерёда (Горелик, 2001). В частности, культурные слои стоянок Рогалик IIA и XII были приурочены к границе между лессовидной толщей и основанием погребенной почвы аллерёдского возраста. Примечательно, что среди остатков костей охотничьей фауны, на стоянках этой культурно-хронологической группы, лошадь составляет от 70% до почти 100%, хотя в составе фауны присутствуют также кости бизона и северного оленя.

В каменном инвентаре рогаликско-передельских стоянок преобладают ретушные резцы и разнообразные скребки на пластинах; присутствуют серии пластин с тупо скошенным концом (тронке) и с прямым ретушированным краем, многочисленны сечения пластин, в том числе с косо усеченным краем, единичны наконечники стрел на пластинах. Исследователь этих стоянок А.Ф. Горелик высказал предположение, что значительные изменения в ландшафте и в составе фауны, сложившиеся в аллерёде, вызвали смену биоценозов – вытеснение бизона и отчасти лошади лесными и лесостепными видами животных. В результате этой смены природного окружения произошел кризис системы жизнеобеспечения охотников финального палеолита Юго-Восточной Украины (Горелик, 2001, с. 338–341).

В этой связи возможно предположить, что в условиях ландшафтно-климатических изменений в конце аллерёда и общего потепления (13–11 тыс. л. н.), группа специализированных охотников на лошадь могла продвинуться вслед за стадами мигрировавших животных из района Среднего Дона – Северского Донца на северо-восток по плоскогорью Приволжской возвышенности. Палеогеографические данные по составу малакофауны из погребенных почв стоянки Шолма I, а также результаты изучения остатков костей лошади (строение зубов и конечностей) указывают на то, что первобытный коллектив, оставивший эту стоянку, проживал в условиях лесостепного биотопа (Березин, Березина, 2009).

Микропластинчатость и вкладышевый инвентарь, в том числе мелкие трапеции с прямыми ретушированными сторонами, также характеры для каменных индустрий финального палеолита Самарского Заволжья (Гора Маяк) и Северо-Восточного Казахстана (Шидерты 3) (Кузнецова, Пономаренко, 2003; Сташенков, 2003; Мерц, 2018, 2020).

Дальнейшая историческая судьба охотников на лошадей стоянки Шолма I была, вероятно, была связана с носителями усть-камской археологической культуры, т. к. отмеченные типы орудий сопряженной низким трапециям типологической группы в полной мере присущи инвентарю финальнопалеолитических и раннемезолитических памятников усть-камской культуры (Галимова, 2001).

Такие памятники северной части Приволжской возвышенности, как Уразлинская и Большеянгильдинская стоянки, не содержавшие каменного инвентаря, а также Юльяльские кремнеобрабатывающие мастерские объективно могут лишь указывать на наличие позднепалеолитического круга памятников в регионе. Юнга-Кушергинская стоянка выделяется наличием культурного слоя с кремневым инвентарем, приуроченного к верхнеплейстоценовым отложениям. Однако переотложенный характер культурного слоя и ограниченный набор кремневых орудий пока не позволяют решать вопрос истоков и культурной принадлежности данной кремневой индустрии.

ГЛАВА 5
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНОВ ПЕЧОРЫ И ВЕРХНЕЙ КАМЫ

Введение

Памятники эпохи палеолита, расположенные на северо-востоке Восточноевропейской равнины и на севере Урала, в бассейнах Печоры и Верхней Камы, являются самыми северными палеолитическими стоянками в Европе и имеют ключевое значение для реконструкции древнейших этапов заселения субарктических широт континента, исследования проблем первоначальной адаптации человека к природно-климатическим условиям циркумполярной зоны Евразии (Павлов 2015).

В настоящее время в бассейнах Печоры и верхней Камы насчитывается около 50 палеолитических местонахождений (рис. 1). Большинство этих памятников (свыше 40) – местонахождения подъёмного материала на Камском и Воткинском водохранилищах. В бассейне Печоры в настоящее время известно всего шесть палеолитических местонахождений, из них четыре памятника – Медвежья пещера, Бызовая, Мамонтова Курья и Пымва-Шор I, исследованы стационарно и дали достаточное количество материала для суждений об их возрасте и культурной принадлежности. В бассейне Верхней Камы раскопки проводились на стоянках Усть-Пожва II–IV, Гарчи I, Шированово II, Ганичата II, Талицкого, Заозерье, Усть-Сылва, Горная Талица, грот Большой Глухой, грот Столбовой и грот Близнецова (Павлов, 2012). Среди местонахождений подъёмного материала на берегах Камского и Воткинского водохранилищ выделяются памятники с выразительным инвентарём: Ганичата I, Драчёво, Рязановский Лог. Материалы вышеперечисленных памятников составляют основную источниковую базу исследований палеолита региона и охарактеризованы в настоящей главе.

Ввиду ограниченного объёма раздела более детально рассмотрены стоянки перехода от среднего к верхнему палеолиту и начала верхнего палеолита, представляющие значительный интерес для исследования процесса первоначального заселения севера Евразии и становления культуры верхнего палеолита в Европе. Материалы памятников позднего и финального палеолита рассмотрены суммарно, при характеристике региональной уральской палеолитической культуры.

Первые доказательства неожиданно раннего заселения человеком бассейна Верхней Камы были получены М.В. Талицким в самом конце 30-х гг. XX века. Открытие Островской (впоследствии имени Талицкого) верхнепалеолитической стоянки (Талицкий, 1940) и мустьерского местонахождения у Пещерного Лога (Талицкий, 1946) на р. Чусовой показало, что эта территория в палеолитическое время была освоена человеком. Раскопки стоянки Талицкого, проведённые М.П. Грязновым, О.Н. Бадером и В.И. Громовым, дали богатые материалы, долгое время служившие «визитной карточкой» палеолита Урала (Бадер, 1960).

Выдающимся достижением в изучении палеолита Евразии середины XX века стало открытие В.И. Канивцом и Б.И. Гуслицером палеолитических стоянок на Печоре – Медвежьей пещеры и Бызовой (Гуслицер, Канивец 1965; 1965а; Канивец 1969; 1976). Эти, без преувеличения, сенсационные находки кардинально изменили устоявшиеся в мировой науке представления о времени освоения человеком приполярных областей материка.

Этапным событием в истории полевых исследований палеолита северо-востока Европы стало проведение первых чрезвычайно успешных разведочных работ по берегам Камского водохранилища, предпринятых В.П. Денисовым в 1965 году (Денисов, 1976, с. 174). Эти пионерные работы доказали большую перспективность поисков палеолитических стоянок по берегам водохранилищ, где в результате волновой абразии разрушению подвергаются речные террасы плейстоценового возраста. В последующие годы, в ходе почти ежегодных систематических разведок, В.П. Денисовым, А.Ф. Мельничуком, С.Н. Коренюком, Ю.Ю. Цыгановым. Э.Ю. Макаровым и П.Ю. Павловым на Камском и Воткинском водохранилищах было выявлено около 30 новых палеолитических местонахождений от раннего до финального палеолита (Павлов, 2008). Интенсивные и результативные разведочные работы по берегам Камского водохранилища проводил в 1987–2003 гг. Э.Ю. Макаров. В конце 1980-х начались стационарные исследования выявленных местонахождений, которые почти сразу привели к открытию стратифи-

цированных стоянок с хорошо сохранившимися культурными слоями. Это стоянки Горная Талица, Гарчи I, Ширококово II, Ганичата II и Заозерье (Мельничук, Павлов, 1987; Денисов, Павлов, 1993; Павлов, Денисов, Мельничук, 1995; Павлов, Макаров, 1998). Раскопки этих памятников проводились в течение нескольких лет (Павлов, 2008; Павлов, Грибченко и др., 2004; Макаров, 1997, 2001; Pavlov et al., 2004; Svendsen, Heggen et al., 2010).

В начале 80-х гг. XX века, после долгого перерыва, под руководством П.Ю. Павлова и Б.И. Гуслицера возобновились целенаправленные исследования палеолита северо-востока Европы. Были проведены новые исследования верхнепалеолитических стоянок Печоры – Медвежьей пещеры и Бызовой (Гуслицер, Павлов, 1988; Павлов 1986; Павлов, Волокитин и др., 2001). Важнейшим результатом разведочных работ стало открытие в 1992 году стоянки начала верхнего палеолита Мамонтова Курья, расположенной на Полярном круге (Pavlov et al., 2001; Павлов, 2002; Svendsen, Pavlov, 2003). Особо следует отметить открытие в 1994 году финальнопалеолитической стоянки Пымва-Шор I, расположенной в Заполярье, в Большеземельской тундре (Павлов, 2002; Svendsen et al., 2010).

Итак, крупнейшим достижением в изучении палеолита региона явилось открытие в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века в бассейнах Печоры и Верхней Камы качественно иных источников – стратифицированных памятников начала верхнего палеолита и, вероятно, переходных от среднего к верхнему палеолиту – стоянок Мамонтова Курья, Заозерье и Гарчи I (верхний слой), а также позднего и финального палеолита – Ширококово II, Ганичата II, Усть-Пожва, Горная Талица. Комплексные исследования стоянок начала верхнего палеолита и перехода от среднего к верхнему палеолиту, проведённые под руководством П.Ю. Павлова в 2001–2008 гг., позволили получить большой объем ранее неизвестной информации о природном окружении стоянок, образе жизни и системах жизнеобеспечения палеолитического населения северо-востока Европы (Павлов, 2008; 2012; Pavlov et al., 2004; Svendsen et al., 2010).

Вопросы культурной принадлежности древнейшего населения всегда находились в центре внимания исследователей палеолита Урала. Это в первую очередь связано с промежуточным культурно-географическим положением региона между ареалами двух зон развития палеолитической культуры – европейской и североазиатской (по С.Н. Замятнину). В фокусе дискуссии о культурных связях населения Урала в эпоху палеолита на протяжении полувека (30–80-е гг. XX в.) находился частный вопрос о культурном облике единственного памятника Урала, коллекция которого в то время была пригодна для решения этого вопроса – стоянки Талицкого. В ходе дискуссии сформировались три точки зрения. К числу памятников сибирского верхнего палеолита стоянку относили М.В. Талицкий, М.В. Воеводский, В.И. Канивец и О.Н. Бадер. П.П. Ефименко, А.Н. Рогачёв, А.А. Формозов, М.В. Аникович и А.А. Синицын считали, что в инвентаре памятника доминируют признаки, присущие восточноевропейским индустриями верхнего палеолита. С пополнением корпуса источников по палеолиту Уральского региона, в середине 80-х гг. XX в. рядом исследователей была высказана точка зрения о необходимости выделения уральского палеолита в особую историко-культурную область, более тесно связанную с Сибирью (О.Н. Бадер, З.А. Абрамова, А.Х. Халиков, Г.П. Григорьев, М.Ш. Галимова) или полностью самобытную (Т.И. Щербакова и В.Т. Петрин).

Целостные концепции истории заселения региона и этнокультурных взаимодействий населения Уральского региона в эпоху палеолита были впервые и практически одновременно опубликованы в 70-х гг. прошлого столетия В.И. Канивцом (1976) и О.Н. Бадером (1978).

Обе концепции были разработаны в основном на материалах стоянок, расположенных в бассейнах Печоры и Верхней Камы.

Основной чертой новаторской концепции В.И. Канивца явился комплексный подход к рассмотрению вопросов палеолитической истории региона. В его исследовании динамика природных условий позднего плейстоцена рассматривалась как важнейший фактор, во многом определявший развитие палеолитической культуры на северо-востоке Европы (Канивец, 1976).

На основе привлечения данных по палеогеографии северо-востока Европы и различий в хронологии и материальной культуре печорских палеолитических стоянок Медвежья пещера и Бызовая В.И. Канивец впервые пришёл к выводу о двух разновременных и разнокультурных волнах заселения бассейна Печоры в эпоху верхнего палеолита (Канивец, 1976, с. 80). Первая – с юго-запада, с Верхнего Дона в раннюю пору верхнего палеолита, вторая, в конце палеолита, – с юга, из Прикамья (Канивец, 1976, с. 82–84). По его мнению, заселение бассейна Печоры происходило в периоды относительно благоприятных, интерстадиальных, природных условий позднего плейстоцена. В продолжительные периоды стадиалов позднего плейстоцена территория крайнего северо-востока Европы не была обитаема.

При разработке своей концепции О.Н. Бадер (1978) использовал некоторые положения В.И. Ка-

Рис. 1. Карта верхнепалеолитических памятников Урала и северо-востока Европы:
Стоянки: 1 – Мамонтова Курья, 2 – Бызовая, 3 – Гарчи I, 4 – Заозерье, 5 – Пымва-Шор I, 6 – Медвежья пещера, 7 – Усть-Пожва, 8 – Горка, 9 – Ширококово II, 10 – Ганичата II, 11 – грот Столбовой, 12 – стоянка Талицкого, 13 – Горная Талица, 14 – грот Большой Глухой, 15 – Гари, 16 – грот Бобылёк, 17 – Игнатиевская пещера, 18 – пещера Кульюрттамак, 19 – Капова пещера, 20 – Байсланташ

нивца в части определения возраста и культурной принадлежности печорских стоянок.

Появление человека на севере Урала О.Н. Бадер датировал средним палеолитом. Исходным районом расселения он считал Причерноморье и Кавказ (Бадер, 1978, с. 232, 233).

До открытия стоянки Бызовая О.Н. Бадер рассматривал Урал, включая бассейн Печоры, как единую культурно-историческую область эпохи верхнего палеолита с преимущественно юго-восточными культурными связями, развитие палеолитической культуры в которой происходило без существенных перерывов и в значительной степени автохтонно (Бадер, 1967, с. 7–10). После открытия Бызовой О.Н. Бадер изменил свою точку зрения и выделил Урал и северо-восток Европы (бассейн Печоры) в особые культурные регионы, палеолитическая история которых имела свои особенности. По мнению О.Н. Бадера, в верхнем палеолите на Урале сформировалась уральская историко-культурная область, более тесно связанная с палеолитом Сибири. Печорская стоянка Бызовая была

включена О.Н. Бадером в восточноевропейскую, костенковско-сунгирскую историко-культурную область (Бадер, 1978, с. 239, 240). Более поздняя печорская стоянка Медвежья пещера рассматривалась О.Н. Бадером как памятник уральского палеолита (Бадер, 1978, с. 240). Для бассейна верхней Камы О.Н. Бадер предполагал юго-восточное направление этнокультурных связей (Бадер, 1978, с. 239). Таким образом, в 70-х гг. XX в. были определены основные направления этнокультурных взаимодействий населения Уральского региона в эпоху палеолита: юго-западные (европейские) и юго-восточные (азиатские). В.И. Канивец впервые указал, что в различные периоды палеолита направления культурных связей существенно менялись.

В середине 80-х гг. XX в. дальнейшие разработки проблем развития палеолита Урала и северо-востока Европы были изложены в работах Т.И. Щербаковой и П.Ю. Павлова (Щербакова, 1984, с. 3–12; 1997, с. 15–19; 2001, с. 156–169; Павлов, 1988; 1996; 1997, с. 44–90). В целом исследователи развивали основные положения концепций О.Н. Бадера (Т.И. Щербакова) и В.И. Канивца (П.Ю. Павлов).

Т.И. Щербакова поддержала мнение О.Н. Бадера о существовании особого культурно-географического явления – палеолита Урала, впервые отнесла к нему стоянку Бызовая и выделила в нем две традиции, или линии развития (Щербакова, 2001, с. 166). Первая, более ранняя традиция, представлена на Урале такими стоянками, как Заозерье, грот Близнецова, грот у Каменного Кольца, Горново и Бызовая. Эта группа стоянок, по её мнению, имеет определённые черты сходства с такими памятниками среднего палеолита Южного Урала, как Урта-Тубе (Мысовая) и Богдановка II. Эта традиция появились на Южном Урале ещё в раннем вюрме (ранний валдай), в молого-шекснинское (средний валдай) время она распространилась далее на север – в бассейны Верхней Камы и Печоры. С наступлением последнего вюрмского похолодания (поздний валдай) и в последующий период позднего вюрма на Урале получила распространение другая культурная традиция – типа стоянки Талицкого (Щербакова, 1997, с. 19). Т.И. Щербакова особо подчеркнула, что эти традиции или линии развития нельзя жёстко отделять друг от друга, что, очевидно, подразумевает их генетическую преемственность (Щербакова, 2001, с. 166–167).

П.Ю. Павлов для разработки и обоснования своей концепции развития региональной палеолитической культуры впервые привлёк материалы новых палеолитических памятников, расположенных в бассейне Верхней Камы (Павлов, 1996, с. 32, 33). Автором впервые были выделены памятники раннего палеолита в бассейне Верхней Камы и дана их общая характеристика. На основании определения возраста этих памятников был сделан вывод о заселении бассейна Верхней Камы в среднем плейстоцене.

Среди памятников верхнего палеолита были выделены две хронологические группы. Первая была отнесена к концу среднего и началу позднего валдая 30–20 тыс. лет назад, к ранней поре верхнего палеолита. Стоянки этой хронологической группы были разделены на два культурных варианта. К среднеуральскому варианту были отнесены памятники, близкие по характеристикам каменного инвентаря к стоянке Талицкого (Павлов, 1996, с. 123–125). Характеристики каменного инвентаря стоянок второго культурного варианта (Бызовая и Заозерье) позволили автору отнести их к числу памятников ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы (Павлов, 1996, с. 126–128).

Вторая хронологическая группа верхнепалеолитических стоянок была датирована позднеледниковьем (12–10 тыс. лет назад) и отнесена к завершающим этапам позднего палеолита. Автор высказал предположение о генетической связи между финальнопалеолитическими памятниками бассейна Верхней Камы и стоянками среднеуральского варианта (Павлов, 1996, с. 129–134).

Автор, вслед за В.И. Канивцом, обратил внимание на связь изменений природно-климатических условий региона и хронологии палеолитических стоянок, отметил отсутствие на севере Уральского региона стоянок максимума последнего оледенения и связал это с резким ухудшением климатических условий в первой половине позднего валдая (Павлов, 1997, с. 72).

Новые данные, полученные в результате комплексных исследований палеолитических памятников региона, проведённых в 90-е гг. XX в. и начале текущего столетия, позволили П.Ю. Павлову скорректировать свою концепцию развития палеолитической культуры на северо-востоке Восточноевропейской равнины и на севере Урала (Павлов, 2008, с. 33–45; Павлов, 2012, с. 10–18). В настоящем разделе изложены её основные положения.

Палеогеография среднего и позднего плейстоцена северо-востока Восточноевропейской равнины и севера Урала

Рост и разрушение ледниковых щитов, распространявшихся из Скандинавии и шельфов Баренцева и Карского морей, имели определяющее значение для палеогеографии северо-востока Европы в плейстоцене и существенно влияли на заселение человеком северных широт континента. Во време-

на максимумов оледенений, которые имели место в раннем и среднем плейстоцене, большая часть Восточноевропейской равнины и обширные пространства в Западной Сибири были покрыты обширными ледниковыми щитами (Свендсен и др., 2008).

На пике московского оледенения среднего плейстоцена (MIS6), около 150–130 тыс. лет назад, бассейны рек Печоры, Северной Двины и Мезени были полностью заняты покровными льдами. В это время на северо-востоке Европы южная граница ледникового покрова, распространявшегося с шельфа Баренцева и Карского морей, проходила в непосредственной близости от Камско-Печорского водораздела. В пределах Печорской низменности отложения заключительного этапа среднего плейстоцена – московского времени (MIS6) представлены ледниковыми и флювиогляциальными отложениями. По современным данным (А.А. Величко), ледник не распространялся южнее камско-печорского водораздела и в бассейне Верхней Камы в это время формируется нижняя часть отложений III надпойменной (32–35 м) террасы. Слагающие её супеси и суглинки имеют лёссовидный облик.

Данные по палеогеографии среднего плейстоцена бассейнов Печоры и Верхней Камы скудны. Судя по находке на местонахождении Ельники II (бассейн Верхней Камы) остатков трогонтериевого слона, представителя среднеплейстоценового тираспольского териокомплекса (Алексеева, 1990), в регионе в это время существовали открытые степные ландшафты, для которых этот вид считается индикаторным (Косинцев и др., 2004).

Природные условия региона в последнее, микулинское межледниковье (MIS5e) (128–117 тыс. лет назад), приближались к современным, таёжная растительность распространялась далеко на север, вплоть до побережья Ледовитого океана (Астахов, Свендсен, 2008). Северные ландшафты в то время характеризовались густой таёжной растительностью и существенной заболоченностью (Свендсен и др., 2008).

Результаты последних исследований значительно изменили наши представления о палеогеографии северной части региона в течение последнего (валдайского) ледникового цикла.

В эпоху раннего валдая (MIS4) значительные ледниковые покровы сформировались на шельфе Баренцева и Карского морей и, очевидно, распространялись и на материке, в пределах Печорской низменности (Svendsen et al., 2014). Ледниковый щит блокировал сток северных рек в Ледовитый океан, и на северо-востоке Европы и Западной Сибири в период 90–80 тыс. лет назад образовалась система обширных подпрудных озёр (Свендсен и др., 2008). Реконструкции показывают, что влияние на климат этих озёр, размерами более чем в два раза превышавшими площадь современного Каспийского моря, было весьма ощутимым и привело к существенному понижению температуры летних месяцев (порядка 8–10 °С) на северо-востоке Европы. Озёрные отложения этого времени прослежены в бассейне Печоры вплоть до её среднего течения. Система озёр существовала непродолжительное время, что позволяет предположить, что ледниковые покровы растаяли очень быстро, вероятно, вследствие значительного потепления климата около 80–70 тыс. лет назад.

После этого непродолжительного потепления ледниковые покровы стали формироваться снова, и около 60–50 тыс. лет назад их южная граница достигла нижнего течения Печоры и Мезени (Астахов, Свендсен, 2008). В этот период Скандинавский ледниковый щит достиг значительных размеров, но не распространялся на территорию Восточноевропейской равнины. Как и в предшествующий период, ледники существовали недолго и деградировали в течение нескольких тысяч лет.

В течение среднего валдая (MIS3) северо-восток Европы был практически полностью свободен от ледниковых покровов (Астахов, Свендсен, 2008).

Природные условия среднего валдая могут быть охарактеризованы как умеренно холодные. Сравнительно мощные аллювиальные отложения среднего валдая, изученные на стоянке Мамонтова Курья, указывают на существование в этот период в регионе больших рек. Это обстоятельство свидетельствует о том, что обширные открытые пространства засушливых тундростепей сочетались с увлажнёнными, относительно плодородными участками речных долин (Svendsen, Pavlov, 2003). Результаты пыльцевого анализа отложений среднего валдая (32–30 тыс. лет назад) на стоянке Мамонтова Курья, расположенной на р. Усе у Полярного круга, указывают на существование открытых безлесных пространств с зарослями ивняка в долине реки. По данным В.В. Писаревой, в это время в бассейне Верхней Камы в речных долинах существовали лесная растительность северобореального типа, водораздельные пространства были заняты холодными степями (Павлов и др., 2004).

Фаунистические остатки, обнаруженные в основном на палеолитических стоянках, указывают на существование в среднем валдае на северо-востоке Европы разнообразного животного мира, включавшего мамонта, носорога, овцебыка, бизона, широкопалую лошадь, северного оленя, бурого и пещерного медведя, песца, волка и зайца (Svendsen et al., 2010).

Таким образом, природно-климатические условия среднего валдая северо-востока Восточно-европейской равнины и Урала были достаточно благоприятны для заселения бассейнов Печоры и Верхней Камы древним человеком.

В позднем валдае (MIS2) основные ледниковые покровы формировались в Скандинавии и на шельфе Баренцева моря. Шельфовый ледник не распространялся на материк, в то время как Скандинавский ледниковый щит достиг своего максимального распространения на северо-западе Русской равнины (Свендсен и др., 2008). В позднем валдае отчётливо выделяется два периода. Первый, 26,5–20 тыс. лет назад, является климатическим минимумом плейстоцена (LGM). Перигляциальные ландшафты в это время характеризовались широким распространением вечной мерзлоты. Отложения первой половины позднего валдая представлены как в бассейне Печоры, так и в бассейне Камы, эоловыми отложениями (лёссовидные суглинки и пески), формирующими верхнюю часть отложений III и II террасы в бассейне Камы. В бассейне Печоры эоловые лёссовидные и песчаные отложения также широко развиты, они формируют верхнюю часть отложений речных террас и водораздельных плато. Повсеместно, как на севере, так и на юге региона, в этих отложениях прослежены криогенные деформации пород в виде крупных мерзлотных клиньев и мощных солифлюкционных горизонтов.

Широкое распространение покровных эоловых отложений на Печорской низменности и в бассейне Верхней Камы и практически полное отсутствие аллювиальных отложений позднего валдая (24–13 тыс. лет назад) в регионе свидетельствуют о существенной аридизации климата (Свендсен и др., 2008).

Около 25–24 тыс. лет назад в приполярных районах бассейна Печоры в составе флоры полностью исчезли древесные виды, и растительность этого временного интервала представлена исключительно травами родов *Artemisia* и *Poaceae* (Svendsen et al., 2014, p. 423–426). Открытые пространства холодных засушливых тундростепей реконструируются для этого периода по данным палинологического анализа и для бассейна Верхней Камы. Наиболее вероятно, что видовой состав флоры позднего валдая был очень беден, с преобладанием элементов растительности тундростепей, которая не образовывала сплошного покрова (Свендсен и др., 2008). Логично предположить, что практически полное отсутствие фаунистических остатков крупных стадных копытных, датирующихся этим интервалом (Косинцев, 2003), отражает существенную деградацию растительного покрова. В целом природно-климатические условия северо-востока Европы в первую половину позднего валдая были крайне неблагоприятны для жизни палеолитических людей.

Вторая половина позднего валдая, 19–13 тыс. лет назад, в целом отличалась более умеренным климатом по сравнению с предшествующим периодом.

К этому времени относится формирование отложений входных гротов в большинстве уральских пещер. В этих отложениях захоронено большое количество местонахождений фауны (Кузьмина, 1975; Косинцев, 1996; 2003). Это, очевидно, отражает относительно благоприятные условия, существовавшие на северо-востоке во вторую половину позднего валдая. Видовой состав фауны не перетерпел значительных изменений по сравнению с предшествующим периодом.

Природные условия позднеледниковья (13–11 тыс. лет назад) на территории северо-востока Европы сохраняли черты перигляциальных ландшафтов. К этому времени относятся заключительные фазы формирования покровных отложений II и III террас и завершение накопления аллювия первой надпойменной террасы в бассейне Верхней Камы. В бассейне Печоры в это время происходило формирование аллювиальных отложений первой надпойменной террасы. На севере Печорской низменности значительное потепление, начавшееся около 11 тыс. лет назад, привело к таянию вечной мерзлоты и образованию многочисленных озёр.

Большинство палеолитических стоянок в регионе расположено в пределах холмисто-увалистой полосы западного склона Урала и непосредственно прилегающих к ней участков Восточноевропейской равнины с долинами Печоры, Верхней Камы и её крупных притоков. Это, несомненно, связано с природно-климатическими особенностями района. Здесь, на сравнительно небольшой территории, сочетаются обширные равнины, холмистые предгорья и невысокие горы, пересечённые долинами крупных рек. Мозаичность ландшафтов создавала особо привлекательные условия для разнообразных видов травоядных животных так называемой «мамонтовой степи» (Guthrie, 2001). Наибольшей привлекательностью для древнего человека обладали те районы, где соседство долин, предгорий и горных хребтов создавало экотоны со сложными, разнообразными и высокопродуктивными биотическими сообществами (Soffer, 2000). Богатый животный мир, разнообразие и доступность сырья для каменных орудий, водные ресурсы создавали все необходимые условия для охотников-собирателей эпохи палеолита, впервые появившихся в бассейнах Верхней Камы и Печоры в среднем плейстоцене.

Таким образом, данные по палеогеографии среднего и позднего плейстоцена северо-востока Восточноевропейской равнины и Урала показывают, что эта территория неоднократно испытывала резкие смены палеогеографических обстановок. Относительно благоприятные условия для продвижения палеолитического человека на северовосток Европы складывались, по данным палеогеографических реконструкций, в первой половине раннего и среднем валдае, а также во второй половине позднего валдая.

Палеолитические памятники бассейнов Печоры и Верхней Камы

Согласно современным данным, человек, вероятно, впервые проник в бассейн Верхней Камы в раннем палеолите, во второй половине среднего плейстоцена. К этому времени по биостратиграфическим данным с известной долей уверенности можно отнести местонахождение Ельники II в нижнем течении Сылвы. Немногочисленный каменный инвентарь местонахождения демонстрирует черты галечной индустрии (Павлов, 2008, с. 35).

В бассейне Верхней Камы известен ряд других местонахождений с галечным инвентарём, которые могут относиться к раннему палеолиту – Ганичата I, Слудка, Тупица, Борисово, Тарасово (Павлов, 2008).

Среди этих памятников наибольший интерес вызывает местонахождение Тарасово вблизи Перми. Памятник расположен на IV или V террасе Камы. Находки коррадированных кварцитовых изделий приурочены к кровле слоя галечника, залегающего на известняковом цоколе террасы и перекрытого маломощным чехлом лессовидных суглинков. Учитывая геоморфологическое положение памятника, он может иметь весьма древний возраст, выходящий за рамки среднего палеолита. Нельзя не отметить сходство геоморфологической позиции и основных характеристик каменной индустрии местонахождения Тарасово с коррадированными галечными индустриями Восточной Сибири (Медведев, 2001; Мочанов, 1988)

Второй этап проникновения гоминин на север Европы, вероятно, связан с эпохой среднего палеолита.

Единичные и невыразительные стратифицированные находки среднего палеолита на стоянке Гарчи I датируются одним из ранневалдайских интерстадиалов (оддераде?), и, вероятно, имеют возраст около 80 тыс. лет назад (Pavlov et al., 2004, p. 7–8; Павлов, 2008, с. 35). Ранее к среднему палеолиту П.Ю. Павлов относил также достаточно многочисленный (около 100 экз.) подъёмный материал, собранный на стоянке под обнажением террасы (Павлов, 2008, с. 35). Для этой коллекции характерно присутствие двусторонних плосковыпуклых изделий – бифасиальных ножей с площадкой (Kielmesser), угловатых и конвергентных скрёбел, остроконечников и листовидных бифасов[1] (рис. 2). Аналогичные характеристики имеет небольшой, но выразительный комплекс известного местонахождения Пещерный Лог.

Одним из важнейших достижений последнего десятилетия в археологии европейской части России является открытие памятников начала верхнего палеолита и, вероятно, перехода от среднего к верхнему палеолиту (38–28 000 лет) на северовостоке Русской равнины и западных предгорьях Среднего и Северного Урала, в бассейнах рек Камы и Печоры (Павлов, 2016; 2017).

В настоящее время в этом обширном регионе открыты и исследованы четыре памятника начала и ранней поры верхнего палеолита (перехода от среднего к верхнему палеолиту) – стоянки Гарчи I, Заозерье, Мамонтова Курья и Бызовая (рис. 1). Они подразделяются на две хронологические группы. К первой относятся памятники, существовавшие в регионе во второй половине MIS3 (ленинградский интерстадиал среднего валдая) (GI9-H4-GI8) (38–33 тыс. ^{14}C л. н.). Это стоянки Мамонтова Курья (бассейн Печоры) и Заозерье (бассейн Верхней Камы). Стоянки второй хронологической группы (около 29 тыс. ^{14}C л. н.), относятся к финалу MIS3 (брянский интерстадиал среднего валдая) (GI5-H3): Бызовая (бассейн Печоры) и Гарчи I (бассейн Верхней Камы) (Pavlov et al., 2001; Pavlov et al., 2004; Павлов, 2008; Svendsen et al., 2010).

Древнейшим памятником первой группы является стоянка Мамонтова Курья (66°34 с.ш. и 62°25 в.д.), расположенная на Полярном круге на левом берегу р. Уса, крупнейшем правом притоке Печоры, вблизи от западных предгорий Полярного Урала (рис. 1). Возраст памятника 38–34 ^{14}C тыс.л.н. (Pavlov et al., 2001; Svendsen, Pavlov, 2003).

Культурный слой на памятнике отсутствует. Находки переотложены и залегают в аллювиальных отложениях.

Состав фауны (абсолютное преобладание остатков мамонта) и топографическое положение памятника характерны для естественных скоплений остатков крупных млекопитающих – «кладбищ мамонтов».

Небольшая археологическая коллекция стоянки состоит из пяти каменных предметов и орнаментированного бивня мамонта.

[1] Исследования памятника в 2011 гг. показали, что в верхнем, костёнковско-стрелецком, слое стоянки Гарчи I представлены практически все вышеперечисленные категории каменного инвентаря.

Рис. 2. Стоянка Гарчи I. Подъёмный материал:
1-3 – обушковые бифасы Kielmesser; 4 – конвергентное скребло; 5, 13 – остроконечники; 6 – бифас; 7, 15 – орудия с шипом; 8 – листовидный бифас; 9-12 – скребла dejete

Среди каменных орудий наиболее выразительными находками являются: фрагмент двояковыпуклого бифаса и продольное скребло на первичном пластинчатом отщепе зеленовато-серого андезита (?).

Уникальной находкой на стоянке является орнаментированный бивень мамонта (рис.3).

Орнамент составлен из рядов парных насечек, расположенных под углом друг к другу. Наиболее чётко выделяется параллельный ряд, состоящий из 23 насечек. Второй ряд насечек нанесён под углом к нему. Насечки нанесены перпендикулярно и под углом к поверхности и в профиле имеют V-образную форму. По мнению Ф. Д'Эррико (личное сообщение), насечки сделаны различными орудиями. Подобные орнаментальные композиции нанесены и на других частях бивня, но они не так хорошо выражены.

Небольшая коллекция каменного инвентаря памятника недостаточна для проведения сравни-

Рис. 3. Мамонтова Курья. Орнаментированный бивень мамонта

тельного анализа и суждений о его культурной принадлежности. Находка на стоянке фрагмента двояковыпуклого бифаса может свидетельствовать о селетских корнях этой индустрии. Хронологические аналогии можно проследить по наиболее выразительной находке – орнаментированному бивню. Подобные орнаменты известны только на древнейших памятниках верхнего палеолита Европы в хронологическом диапазоне от 40 до 35 тыс. лет назад (D'Errico et al., 2003; Vanhaeren, D'Errico, 2006).

Особый интерес среди памятников первой хронологической группы представляет стоянка Заозерье (58°09'15'' с.ш., 56°56'32'' в.д.) – один из древнейших верхнепалеолитических памятников Восточной Европы (Павлов, 2009) (рис. 1). Возраст стоянки по данным радиоуглеродного и OSL датирования составляет 35,1–31,5 тыс. 14 С л.н. (41–34,5 тыс. л.н.) (Svendsen et al., 2010, с. 3145).

Культурный слой стоянки изучен на площади более 200 кв.м. Выявлено и исследовано три округлых жилых площадки, площадью около 10–15 кв.м. Изученные объекты имеют выраженную структуру, включающую очаг с хозяйственными ямками, зону накопления пищевых отходов, производственную зону (скопление расщеплённого камня и неоднократно подправленных готовых изделий) и имеют, как правило, одну очень чёткую границу, что, вероятно, свидетельствует о наличии искусственного барьера – ветрового заслона (?) (Павлов 2014, рис. 1.8.4.).

Основным промысловым животным на стоянке являлась лошадь. Скелетный состав костей этого животного в культурном слое показывает, что на стоянку приносились наиболее ценные в пищевом отношении части туш лошадей – задние и передние конечности, головы. Наряду с лошадью постоянным объектом охоты являлось такое мелкое животное как заяц. Найдены также кости носорога, единично представлены остатки северного оленя, бизона и мамонта.

По данным палеогеографических реконструкций стоянку Заозерье окружали саванноподобные ландшафты: область перехода от травянистого редколесья к степи (Силаев и др., 2019, с. 68, 69; Павлов, 2009, с. 7, 8).

Коллекция стоянки насчитывает более двух тысяч предметов. Помимо каменного инвентаря в неё входят костяные и роговые изделия, а также украшения.

Основная разновидность сырья на стоянке (более 50%) – серо-коричневый и тёмно-серый конкреционный и плитчатый кремень из коренных месторождений в известняках уфимского яруса верхней перми. Галечный материал из аллювиальных отложений, преимущественно тёмно-серый и чёрный кремнистый сланец карбона, горный хрусталь и другие породы, также использовался достаточно широко (более 30%). Отметим, что в нескольких скоплениях рядом с очагами найдено большое количество плиток и обломков кремнистого сланца, вероятно, подвергнутых тепловой обработке (?).

Технику первичного раскалывания характеризует преобладание краевого расщепления. Найдены преформы торцовых (?) нуклеусов (рис. 4:1), продольные сколы с призматических нуклеусов (рис. 4: 2), ребристые сколы оформления нуклеусов краевого расщепления (рис. 4: 4), а также ядрище с радиальным скалыванием (рис. 4: 5). Среди сколов систематического расщепления доминируют крупные и средние пластины с параллельной огранкой, отмечен приём бипродольного скалывания (рис. 4: 1–3; 9–13; 22, 23).

Среди изделий с вторичной обработкой (более 100 экз.) большинство (30%) составляют концевые скребки на отщепах с плоской вентральной ретушью (рис. 4: 7, 9, 10). Преобладают крупные орудия, изготовленные на отщепах, среди них есть изделия высокой формы с прямым лезвием (рис. 4: 6, 7), но большая часть скребков имеет выпуклое лезвие, оформленное пологой ретушью (рис. 4: 11–13). Найдены мелкие скребки с ретушью по одному из продольных краёв, изготовленные на отщепах горного хрусталя (рис. 4: 14). Единичным экземпляром представлен концевой скребок на фрагменте крупной массивной пластины (?) (рис. 4: 8).

В остальном орудийном наборе выделяются две технико-морфологические группы. Доминирует верхнепалеолитическая группа, представленная изделиями на пластинах. Это острия (рис. 5: 28–31), резцы на сломе и боковые с ретушированной площадкой (рис. 5: 4, 21), пластины с краевой чешуйчатой и крутой (в ряде случаев отвесной) ретушью (рис. 5: 14–20), сегменты (“lunates”) (рис. 5: 24, 25) и “arch-backed tools” (рис. 5: 26). Не исключено, что некоторые изделия с резцовым сколом являются нуклеусами для получения «протооринъякских» узких пластинок с прямым профилем (рис. 5: 27, 32). Фрагменты таких пластинок без вторичной обработки имеются в коллекции (рис. 5: 5–8). Найдены также мелкие изогнутые пластинчатые сколы без вторичной обработки, являющиеся, скорее всего, сколами оформления лезвий скребков высокой формы (пластинки Дюфур?). Отмечена фрагментация пластинчатых заготовок.

Вторую технико-морфологическая группу каменного инвентаря составляют унифасы (рис. 6: 6, 8–11) и бифасы (рис. 6: 3, 7) преимущественно овальной формы, обушковый нож, близкий к Kielmesser (рис. 6: 4) и типологически невыразительные частично двусторонние продольные скрёбла (рис. 6: 1, 2, 5). Практически все бифасы имеют плоско-выпуклую обработку, которая является ведущим технологическим признаком среднепалеолитических индустрий Kielmessergruppen (KMG) Восточной Европы (Чабай, 2004).

Изделия из рога и костяные орудия представлены заготовкой наконечника копья (?) (рис. 7: 1) и проколкой (рис. 7: 3). Найдены также обрезанные с двух сторон штанги рогов северного оленя (рис. 7: 2). Свидетельством обработки органических материалов являются найденные в культурном слое стоянки абразивы из мелкозернистого песчаника (рис. 7: 12).

Украшения представлены подвесками овальной формы, изготовленными из раковин пресноводных моллюсков Unio (рис. 7: 4, 5) и бусинами из члеников ископаемых криноидей (рис. 7: 7, 8). Бусины имеют одно отверстие, а подвески – два, расположенных в ряд. Отверстия сделаны сверлением и развёртыванием. Найдены также заготовки шлифованных бусин (?) из бивня (рис. 7: 10) и обрезанные пластинки бивня мамонта (рис. 7: 11). В коллекции также имеется фрагмент округлой тонкой костяной пластинки с двумя прорезанными отверстиями (рис. 7: 6) и ребро лошади, окрашенное (?) охрой (рис. 7: 13).

Возраст, особенности каменного и костяного инвентаря, а также типы украшений стоянки Заозерье позволяют уверенно отнести её к началу верхнего палеолита. Комплекс базовых характеристик памятника полностью укладывается в рамки признаков, характеризующих поведенческий комплекс человека современного вида.

Памятники второй группы (стоянка Гарчи I и Бызовая), хронологически соответствующие финалу ранней поры верхнего палеолита (около 29 тыс. ^{14}C л. н.), по базовым характеристикам каменных индустрий относятся, скорее, к переходным от среднего к верхнему палеолиту (финалу среднего палеолита?) (см. Slimak et al., 2011).

Стоянка Гарчи I (59°01’56’’с.ш., 56°10’16’’ в.д) – самый северный памятник костенковско-стрелецкой культуры (Павлов, Макаров 1998; Павлов, 2010).

Возраст стоянки по данным радиоуглеродного и OSL датирования составляет 28,7 тыс. ^{14}C л.н. (34–31 тыс.л.н.) (Svendsen et al., 2010, p. 3151).

На стоянке изучено около 250 кв. м и выявлено два скопления культурных остатков. Площадь одного из них, вероятно, жилой площадки овальной формы с линией очагов в центральной части, составляет не менее 20 кв. м (Павлов, 2014, рис. 1.8.2). Рядом с одним из очагов располагалась яма, заполненная костями лошади. Зон специфической активности в пределах скопления не выявлено. Второе скопление практически почти полностью уничтожено абразией берега.

Основным промысловым животным на стоянке являлась лошадь.

Коллекция памятника (около 10 тыс. экз.) включает только каменный инвентарь, изделия из органических материалов и украшения не найдены.

В качестве сырья использовался галечный материал из аллювиальных отложений. Основная часть каменных изделий изготовлена из черного и тёмно-серого кремнистого сланца карбона и серо-голубого девонского кремня.

Техника первичного расщепления характеризуется плоскими нуклеусами параллельного скалывания (рис. 9: 19). Ведущая форма заготовки – отщеп, пластины как продукты систематического расщепления практически отсутствуют.

Рис. 4. Стоянка Заозерье. Каменный инвентарь:
1 – преформа торцового нуклеуса; 2 – продольный скол с призматического нуклеуса; 4 –ребристая пластина; 5 – радиальный нуклеус; 3, 6-14 – скребки

В технологии первичной обработки наряду с типичным для культуры плоскостным расщеплением, выделен особый приём получения стандартизированных заготовок – контрударное расщепление галек (биполярная техника первичного раскалывания), неизвестный на других памятниках культуры (рис. 9: 15–18) (Гиря, Павлов, 2011). Однако эта технология применялась почти исключительно для получения заготовок скребков.

В орудийном наборе абсолютно преобладают две категории изделий – скребки и двустороннеобработанные наконечники, в том числе классические стрелецкие с выемчатым, прямым и слабовогнутым основанием (рис. 8: 1–12). Отмечается специфическая технология изготовления наконеч-

Рис. 5. Стоянка Заозерье. Каменный инвентарь:
1-3, 5-13, 22, 23 – пластины; 14-20 – пластины с ретушью; 4, 21 – резцы; 24-26 – lunates и arch-backed tool; 27, 32 – вторичные нуклеусы на пластинах (?); 28-31 – острия

ников в манере редукций скрёбел dejete (рис. 8: 11, 12).

Среди скребков преобладают типичные для культуры короткие подтреугольные скребки с вентральной подтёской (рис. 9: 2–8). Среди них выделяются специфические для костёнковско-стрелецкой культуры (Костенки XII, слой 3) скребки с высоким лезвием, с которого производилось уплощение вентральной поверхности заготовки (рис. 9: 2, 3) и «стамески» с высоким выемчатым лезвием (рис. 9: 13). Особым типом являются небольшие округлые скребки с вентральной подтёской и с ретушью по периметру (рис. 9: 11). Оригинальной формой являются также скребки с шипом на лезвии (рис. 9: 6). В коллекции имеются небольшие двойные скребки высокой формы. Еди-

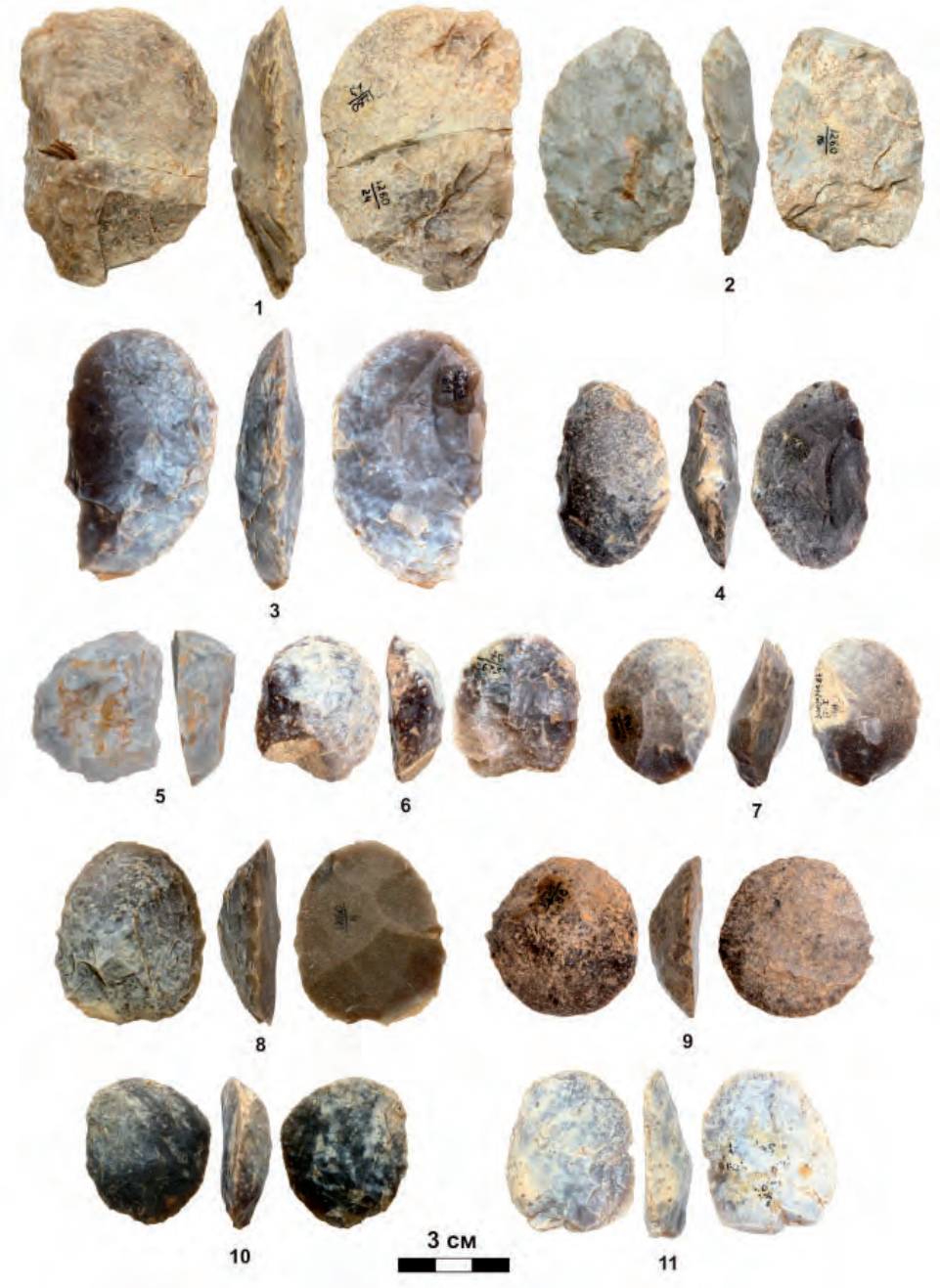

Рис. 6. Стоянка Заозерье. Каменный инвентарь:
1, 2, 5 – скрёбла; 3-11 – плоско-выпуклые бифасы и унифасы; 4 – нож Kielmesser

ничны кареноидные и двойные скребки с ретушью по продольным краям (рис. 9: 1, 9, 14). Скребла немногочисленны и представлены угловатыми, продольными прямыми и выпуклыми с плоско-выпуклой обработкой лезвий (рис. 8: 15, 16). Найдены также трансверсальные резцы (рис. 9: 12) и частично двустороннеобработанные обушковые ножи, близкие ножам Kielmesser (рис. 8: 13).

Каменная индустрия стоянки Гарчи I по основным технико-типологическим характеристикам практически идентична инвентарю более древнего (35,1 тыс. ^{14}C л.н.) V слоя Костенок I (Павлов, 2010).

Возраст стоянки Бызовая (65°01’25’’ с.ш.; 57°25’09’’в.д.), одного из самых северных палеолитических памятников в Евразии, по данным радиоуглеродного и OSL датирования составляет около 29 тыс. ^{14}C лет (34–31 тыс.л.н.) (Heggen et al., 2012, p. 538–539).

На стоянке исследовано около 550 кв.м. Коллекция насчитывает свыше 250 экз., около 40% составляют изделия с вторичной обработкой.

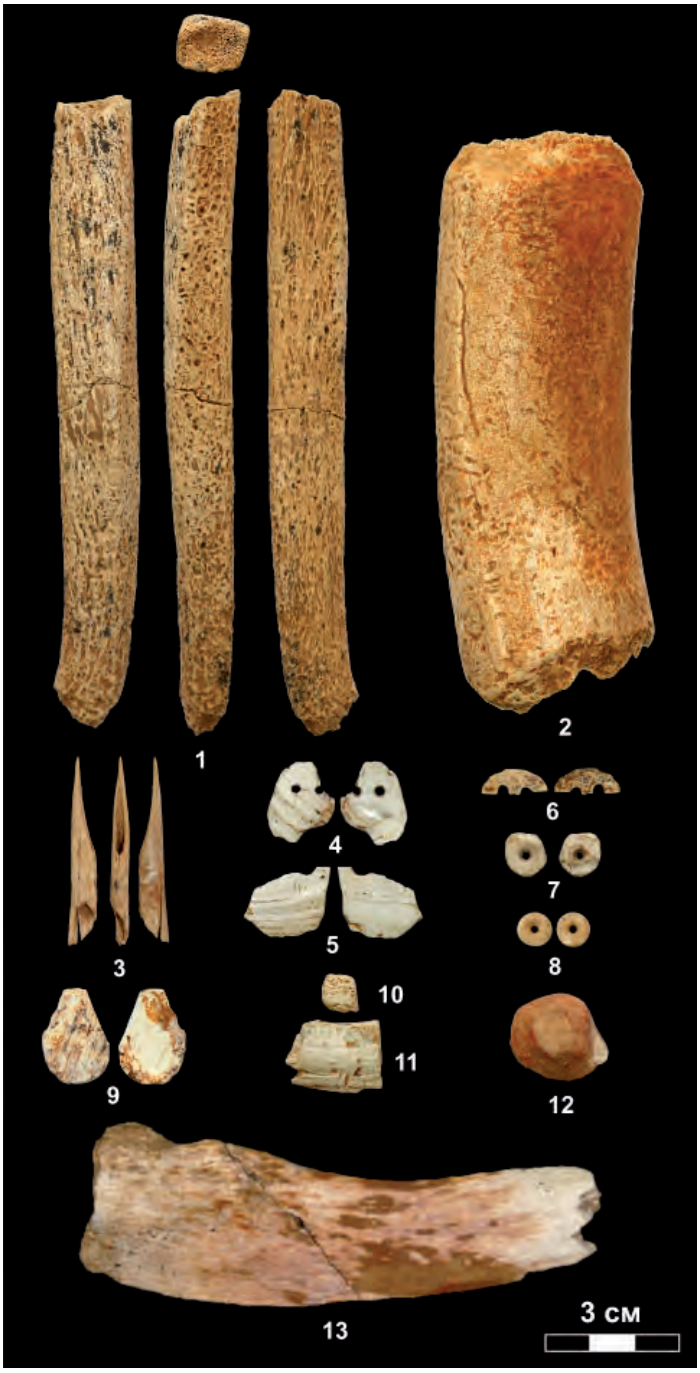

Рис. 7. Стоянка Заозерье. Изделия из органических материалов и украшения: 1 – заготовка наконечника (?) из рога северного оленя; 2 – обрезанная штанга рога северного оленя; 3-проколка; 4, 5-подвески из раковины Unio; 6 – фрагмент овального (?) костяного изделия (подвески?) с прорезанными отверстиями; 7, 8 – бусины из члеников криноидеи; 9 – заготовка (?) подвески из раковины 10–шлифованная заготовка бусины (?) из бивня; 11 – обрезанная пластинка бивня мамонта; 12 – абразив;13 – окрашенное охрой ребро лошади

Абсолютное большинство костей животных (97,7 %), найденных при раскопках стоянки Бызовая принадлежит мамонту. Остатки других видов (северный олень, носорог, лошадь, волк) единичны.

В силу особенностей захоронения культурных остатков на памятнике (Павлов, 1986; Heggen et al., 2012) гомогенность комплекса каменного инвентаря стоянки Бызовая не может быть надёжно обоснована. По технико-морфологическим показателям в индустрии можно выделить два компонента, которые, безусловно, синхронны: средний палеолит фации KMG и ориньякоидный ранний верхний палеолит.

Техника первичного раскалывания характеризуется леваллуазскими и радиальными нуклеусами (рис. 10: 1, 2, 4, 9). Найден также про-

Рис. 8. Стоянка Гарчи I. Каменный инвентарь:
1-11, 14 – скребки; 12 – трансверсальный резец; 13 – "стамеска"; 15-18 – кремнёвые нуклеусы контрударного расщепления; 19 – плоский нуклеус

дольный скол с объёмного (призматического?) нуклеуса (рис. 11: 7). Отмечен приём контрударного расщепления.

Среднепалеолитическая группа орудийного набора представлена плоско-выпуклыми бифасами, в том числе ножами, близкими к Kielmesser (рис. 10: 6–8; 9: 5) и разнообразными скрёблами (рис. 10: 3, 9), в том числе типа Кина (рис. 10: 5). Найдено острие, близкое к Blattspitzen (рис. 11: 6). Среднепалеолитический компонент составляет значительную и выразительную часть каменного инвентаря Бызовой, что позволяет отнести памятник к финалу среднего палеолита (Slimak et al., 2011).

Верхнепалеолитическая группа представлена концевыми скребками на пластинчатых заготовках (рис. 11: 13–15), кареноидными (рис. 11: 10) и стрельчатыми скребками (рис. 11: 11), pieces

Рис. 9. Стоянка Гарчи I. Каменный инвентарь:
1-9 – треугольные двустороннеобработанные наконечники; 10 – фрагмент листовидного наконечника; 11 – скребло dejete – заготовка треугольного наконечника; 12 – треугольный наконечник – скребло dejete; 13 – обушковый нож типа Kielmesser; 14 – фрагмент основания бифаса (заготовка наконечника (?) или остроконечника); 15, 16 – скрёбла; 17 – преформа плоско-выпуклого бифаса

esquilles (рис. 11: 8), остриями (рис. 11: 2) и имеет ориньякоидный облик.

Оригинальными формами являются крупные полулунные ножи с двустороннеобработанным лезвием (рис. 11: 1), крупные унифасы (рис. 11: 4) и кремнёвые плитки с двусторонней ретушью по одному из продольных краёв (рис. 11: 3).

На стоянке Бызовая найдены немногочисленные фрагменты рога северного оленя и бивня мамонта со следами обработки: мотыга (?), изготовленная из сброшенного рога северного оленя, долотовидное изделие из бивня мамонта и расколотая вдоль штанга рога северного оленя с надрубом V-образной формы.

Комплекс данных, полученных при исследовании памятника, позволяет с большой долей уверенности отнести Бызовую к стоянке, располагавшейся на природном захоронении остатков мамонтов, которое использовалось древним населением в качестве источника сырья и, веро-

Рис. 10. Стоянка Бызовая. Каменный инвентарь:
1, 2, 4 – нуклеусы леваллуа (?); 10 – нуклеус с радиальными снятиями; 4, 5, 9 – скребла;
6-8 – обушковые ножи типа Kielmesser

ятно, пищевых ресурсов, что, безусловно, отразилось на облике каменного инвентаря памятника, в котором преобладают орудия для разделки туш животных (Павлов, 1986). Этим обстоятельством частично можно объяснить «архаизм» инвентаря стоянки (Павлов, 2008; см. также Hoffecker et al., 2018).

Таким образом, на северо-востоке Восточноевропейской равнины и на Урале в MIS3 достаточно отчётливо прослеживаются два эпизода проникновения человека в регион хронологически соответствующие началу верхнего палеолита и финалу его ранней поры (финалу среднего палеолита?). Важной особенностью этого процесса является «культурная инверсия» – стоянки, индустрии которых имеют все признаки верхнего палеолита и оставленные, очевидно, человеком современного вида, на несколько тысяч лет древнее «архаичных» комплексов, более соответствующих понятию «переходных».

Рис. 11. Стоянка Бызовая. Каменный инвентарь:
1– нож на плитке кремня; 2 – острие; 3 – унифас; 4 – обушковый бифас; 6 – листовидный бифас; 7 – продольный скол с объёмного нуклеуса; 8 – долотовидное орудие; 9 – проксимальная часть пластинчатого скола; 10-15 – концевые скребки

Отличительной чертой каменного инвентаря всех региональных памятников первой половины верхнего палеолита является сочетание в индустриях двух технико-морфологических групп изделий – верхне- и среднепалеолитической. Среднепалеолитические категории орудийного набора имеют очевидные аналогии в комплексах KMG Восточной Европы.

Региональная стоянка начала верхнего палеолита – Заозерье имеет существенные черты сходства с одновременными памятниками центра Восточноевропейской равнины (Костенки XIV, слой

IVb), входит в круг восточноевропейских памятников начала верхнего палеолита и, вероятно, относится к инициальному рейду (по А.А.Величко, 1997) человека современного вида на север Восточной Европы.

Возможные пути проникновения палеолитического населения на север Урала, вплоть до бассейна Печоры, проходили, скорее всего, по долинам крупных рек Восточноевропейской равнины: Дон – Ока – Волга – Кама – Печора (Pavlov et al., 2004, p. 14).

В конце среднего валдая (27–24 тыс. лет назад) происходит существенное изменение всей археологической картины на территории Восточной Европы: исчезают переходные индустрии и культуры ранней поры верхнего палеолита и распространяются развитые ориньякоидные и граветтоидные индустрии средней поры верхнего палеолита (Аникович и др., 2008, с. 172). Эти изменения нашли своё специфическое отражение на Урале. В конце среднего валдая в регионе также исчезают переходные памятники. Однако это не сопровождалось, как в центре Восточноевропейской равнины, появлением в регионе стоянок средней поры верхнего палеолита. Отсутствие следов пребывания человека в бассейнах Печоры и Верхней Камы в первой половине позднего валдая следует связывать с крайне неблагоприятными для жизни человека природно-климатическими условиями, существовавшими в это время на севере Урала (Астахов, Свендсен, 2008, с. 102, 103). Не исключено, что в конце среднего – первой половине позднего валдая произошла депопуляция региона, о чём свидетельствует отсутствие палеолитических стоянок на Урале в хронологическом интервале от 27 до 19 тыс. лет назад (Павлов, 2020).

Памятники позднего и финального палеолита бассейнов Печоры и Верхней Камы по основным культурным характеристикам существенно отличаются от более ранних стоянок.

Опорными памятниками позднего палеолита в бассейнах Верхней Камы и Печоры являются: стоянка Талицкого, Ширококово II, Драчёво и Медвежья пещера (рис. 1). Сравнительно многочисленные памятники финального палеолита в бассейне Верхней Камы подразделяются А.Ф. Мельничуком на три территориальные группы: 1) чусовскую (Горная Талица, Усть-Сылва, Пеньки, Антыбары, Усть-Громотуха), к этой группе можно также отнести грот Столбовой и слой III грота Большой Глухой; 2) верхнекамскую (Усть-Пожва I–VI, Горка, Русское Веретьё и Гарчи II); 3) среднекамскую (Кресты II, Ягодное I, Окуловский остров I–III, Рязановский лог, Устиново). В бассейне Печоры к финальному палеолиту или раннему мезолиту относится стоянка Пымва-Шор I, расположенная в Заполярье (рис. 1).

Практически все позднепалеолитические и финальнопалеолитические стоянки, расположенные в бассейнах Печоры и Верхней Камы, отнесены П.Ю. Павловым к уральской позднепалеолитической культуре, генетически связанной с мелкопластинчатыми индустриями Западной Сибири каргинского и сартанского времени (Павлов 2007, с. 73–85; 2008, с. 43).

Основные характеристики инвентаря памятников культуры заключаются в следующем (рис. 12: 1–19; 20–42).

Первичная обработка основана на использовании параллельных способов расщепления – объёмного и плоскостного. Нуклеусы представлены призматическими, ортогональными, коническими и торцовыми формами, использовались вторичные ядрища, применявшиеся для скалывания пластин и микропластин. В больших комплексах обязательно имеются плоские ядрища.

Ведущим типом скола являются пластины с неправильной огранкой, присутствуют крупные пластины и микропластинки. В качестве заготовок приблизительно в равной пропорции использовались отщепы и пластины.

В составе орудийного набора представлены: небольшие округлые скребки на отщепах и концевые скребки на удлинённых отщепах и фрагментах пластин, в том числе и высокой формы; боковые, поперечные и угловые резцы, преимущественно на отщепах; долотовидные орудия; усечённые пластины, пластины с выемками и пластины с притупленной спинкой; шиповидные и зубчатые формы; проколки с плечиками. В инвентаре обязательно присутствуют микропластины с ретушью (вкладыши) и группа галечных орудий. Характерны также унифасы и скребла с прямым, выпуклым и вогнутым лезвием. Яркой отличительной чертой комплексов является присутствие в них двусторонних вкладышевых орудий. На стоянке Ширококово II найдена кремнёвая фигурка мамонта (рис. 13).

По основным характеристикам комплексов каменного инвентаря позднепалеолитические стоянки Урала близки к памятникам средней поры верхнего палеолита южной Сибири. Эти сибирские стоянки характеризуется появлением мелкой пластинчатой индустрии (Зенин 2002, с. 22–44). Территориально наиболее близки к памятникам позднего палеолита Уральского региона раннесартанские стоянки этой культурно-хронологической группы, расположенные на юге Западной Сибири. К ним относятся такие памятники, как Шестаково (уровни 24–17), Ачинская, Томская, Евалга (Зенин, 2002, с. 22–44). Все они имеют общие черты в каменном инвентаре, которые отчётливо фиксируются в технике расщепления

Рис. 12. Каменный и костяной инвентарь стоянок уральской культуры: 1-19 – инвентарь раннего этапа (19–15 тыс. лет назад); 20-42 – инвентарь среднего этапа (15–11.8 тыс. лет назад); 43-58 – инвентарь позднего (финальнопалеолитического) этапа (11.5–9.5 тыс. лет назад)

Рис. 13. Стоянка Ширококово II. Кремнёвая фигурка мамонта

и сочетании основных категорий орудийного набора.

Практически все ранние стоянки культуры в настоящее время известны в бассейне Камы: это стоянка Талицкого, Ширококово II и, вероятно, местонахождения Драчево и Ганичата II. Возраст этой группы памятников составляет, вероятно, 19–15 тыс. лет назад (Щербакова, 1994; Мельничук, Павлов, 1985, с. 7–14; Павлов, 2008, с. 39; Макаров, Павлов, 2007, с. 5–15).

Стоянки второго этапа развития культуры (15–11,8 тыс. лет назад) представлены в регионе такими стоянками, как Медвежья пещера, Усть-Койвинская пещера, пещера Котел, Кумышанская (Павлов, 1997, с. 57–62; Сериков, 2007; 2009).

Стоянки позднего или финальнопалеолитического этапа (11,5–9,5 тыс. лет назад) найдены в бассейне Верхней Камы и в Большеземельской тундре (гряда Чернышова). Это стоянки Горная Талица, грот Столбовой, Усть-Пожва II–VI, Горка, Рязановский Лог, третий культурный слой грота Большой Глухой и стоянка Пымва-Шор I (Мельничук, Павлов, 1987, с. 5–18; Щербакова, 2001, с. 157–159; Макаров, 1997, с. 102–117; Макаров, 2001, с. 45–49; Павлов, 1988, с. 16; 1996, с. 60, 61; Свендсен и др., 2008, с. 91–93).

Региональные памятники финального палеолита в настоящее время не имеют надёжного определения возраста, радиоуглеродные даты единичны.

Для финальнопалеолитического слоя заполярной стоянки Пымва-Шор I получены три радиоуглеродные датировки в интервале 10255–11460 лет.

Для III культурного слоя грота Большой Глухой имеется одна радиоуглеродная датировка – 10607±158 (ИЭМЖ-1049) (Смирнов, 1993, с. 23).

Стратиграфическое положение культурных слоёв на некоторых памятниках финального палеолита также даёт основания для суждений о возрасте этих стоянок. Культурные остатки финального палеолита на Верхней Каме (пожвинская группа) залегают в погребённой почве, которая приурочена к кровле покровных лёссовидных отложений III и II террасы. Эта почва в бассейне Верхней Камы имеет региональное распространение и фиксируется в разрезах ряда памятников. На стоянке Заозерье для неё были получены радиоуглеродные (AMS) датировки в интервале от 9,3 до 9,5 тыс. лет назад, которые относят время формирования этой почвы к началу голоцена.

Ясное стратиграфическое положение имеет культурный слой на стоянке Горная Талица. Он также приурочен к погребённой почве, залегающей в основании покровных отложений I террасы Чусовой. Эта почва, по-видимому, синхронна почвенным отложениям, прослеженным в кровле лёссовидных суглинков III и II террас, и также может датироваться началом голоцена.

Таким образом, наиболее вероятным временем существования памятников финального палеолита в бассейнах Верхней Камы и Печоры является пребореал, т. е. ранний голоцен.

Каменный инвентарь стоянок финального палеолита бассейнов Верхней и Средней Камы и Печоры демонстрирует все основные черты, характерные для предшествующих им позднепалеолитических памятников (рис. 12: 43–58).

Сырьевой базой служили аллювиальные галечники. Техника первичного расщепление основана на приёмах объёмного и плоскостного расщепления. Нуклеусы призматические, одно- и двухплощадочные, встречаются конические, торцовые, ортогональные и уплощенно-призматические формы. Значительно реже встречаются плоские нуклеусы. Среди сколов систематического расщепления доминируют пластины с непараллельной огранкой, пластинки и микропластинки имеют правильное огранение, в небольшом количестве присутствуют пластины, снятые с нуклеусов плоскостного расщепления. Основная заготовка

– пластина, в то же время в инвентаре довольно значительна (до 30%) доля орудий на отщепах и естественных заготовках. Категории орудийного набора: усечённые пластины; резцы (боковые, угловые, срединные); шиповидные и клювовидные формы; изделия с "носиком"; пластины с притупленной спинкой и пластины с притупленной спинкой и усечёнными концами; скошенные острия; долотовидные орудия; концевые скребки на пластинах и фрагментах галек; скребла, галечные орудия – чопперы; топоры с перехватом. Единичны высокие выемчатые трапеции и бесчерешковые наконечники стрел на пластинах с вентральной ретушью.

Таким образом, схожесть структуры комплексов прослеживается на нескольких уровнях: составу сырья, технике первичного раскалывания, набору категорий орудий, некоторым типам изделий. Техника первичного раскалывания основана на призматических нуклеусах и в меньшей степени на плоских ядрищах. Ведущий тип скола систематического расщепления – пластина. В составе инвентаря присутствуют микропластины и пластинки с притупленным краем. В состав категорий орудийного набора входят: скребки укороченных пропорций на пластинчатых заготовках и округлые на отщепах и естественных заготовках; комбинированные орудия скребок – резец; усечённые пластины; боковые и срединные резцы, долотовидные орудия. Особенно характерны шиповидные и зубчато-выемчатые формы, на отщепах и пластинах. Обязательным компонентом инвентаря являются скребла и галечные орудия – чопперы и чоппинги.

Наряду со сходными чертами в инвентаре группы позднейших памятников прослеживаются и отличия от материалов более ранних стоянок. Основными из них являются большая удлинённость и правильная призматическая огранка большинства пластин, появление в инвентарях пластинок с притупленной спинкой и обработанными концами, высоких трапеций, скошенных острий, бесчерешковых наконечников с вентральной ретушью и топоров с перехватом.

Важным показателем является резцово-скребковый индекс, который для стоянок с представительными коллекциями иногда достигает очень высокого уровня – Горная Талица (2,9), Усть-Сылва (2,9), Усть-Пожва III–IV (1,4). Индекс пластинчатости каменного инвентаря памятников чусовской и верхнекамской группы достаточно высок (от 20 до 30%). Резкое уменьшение пластин в материалах ряда памятников (2–10%) обусловлено их производственной спецификой. Это характерно для стоянок-мастерских, расположенных близ выходов каменного сырья в виде аллювиального руслового галечника (Усть-Пожва II, V, Горка). Уровень микролитизации пластинчатых заготовок (ширина до 1 см) наиболее высок на базовом поселении Горная Талица (18%), на сезонной охотничьей стоянке Усть-Сылва (25%). На памятниках камско-пожвинской группы микропластины встречаются единично. Пластины подвергались вторичной обработке намного чаще, чем отщепы: Горная Талица (31,3% – 1,8%), Пеньки (32,5% – 14,6%), Усть-Сылва (46,4% – 10,1%), Усть-Пожва II (29,4% – 16,8%), Русское Веретье (22,8% – 14,5%). Отщепы с вторичной обработкой преобладают только на стоянках-мастерских (Усть-Пожва V, прибрежные памятники среднекамской группы). Особняком стоят водораздельные среднекамские памятники Кресты II и Устиново. Отсутствие на этих памятниках орудий на пластинах, очевидно, объясняется их производственной направленностью, а также очень некачественным каменным сырьём.

Позднепалеолитические и финальнопалеолитические стоянки, имеющие отчётливые черты сходства с памятниками уральской культуры, известны в соседних регионах – в Среднем Поволжье (Постников Овраг), на нижней Каме (Лобач 2, нижний слой Камского Устья 2, нижний слой Долгой Поляны 2, Сюкеевский Взвоз, Тетюшская III и др.), на юге и севере Западной Сибири (Черноозерье II, Луговское) и, вероятно, в центре Восточноевропейской равнины (Карачарово) (Галимова, 2001; Кузнецова, 2000, с. 25–35; Григорьев, 2001, с. 136–155; Генинг, Петрин, 1985; Зенин и др., 2006, с. 41–53; Трусов, 2009, с. 70–78).

К востоку от Урала индустрии финальнопалеолитических стоянок Черноозерье II и Луговское во многом сохраняют традиционные для культуры черты структуры комплексов инвентаря и типологии орудийного набора. В то же время на западной границе ареала стоянок уральской культуры, на нижней Каме (Тетюшская III, Камское Устье и др.), в финальном палеолите отчётливо проявляются контакты с населением центра Восточноевропейской равнины («аренсбургскими» индустриями) (Галимова, 2001, с. 141–143; Сорокин, 2009, с. 174, 175).

В бореальном периоде в Верхнем Прикамье формируется камская мезолитическая культура, ранние памятники которой (Огурдино, Шумково) демонстрируют архаичный набор орудий в виде усечённых ретушью пластин, боковых ретушных резцов, трапеций с ретушными выемками.

Системы жизнеобеспечения палеолитического населения

Под системами жизнеобеспечения автор понимает комплекс приёмов и методов адаптации

человеческих коллективов, позволявших им обеспечивать своё выживание. В них входят такие основные характеристики систем жизнеобеспечения, как особенности хозяйственной деятельности, находящей отражение в типах памятников, составе промысловых животных и стратегиях использования каменного сырья.

Одной из важнейших особенностей природной среды северо-востока Европы является богатство и разнообразие месторождений изотропных пород, служивших сырьевой базой палеолитического населения. Здесь, в холмисто-увалистой полосе западного склона Уральских гор, представлены разнообразные источники кремнистых пород: коренные в известняках палеозоя, аллювиальные и моренные. Это обстоятельство, безусловно, благоприятствовало освоению региона палеолитическим человеком.

Видовой состав основных промысловых животных на протяжении верхнего палеолита практически не претерпевал изменений и включал лошадь, северного оленя, мамонта, носорога, бизона, овцебыка и зайца.

По видовому составу промысловой фауны, в которой абсолютно преобладает лошадь, стоянки начала верхнего палеолита северо-востока Европы аналогичны памятникам этого периода центра Восточноевропейской равнины. Видовой состав основных промысловых животных стоянок позднего палеолита северо-востока Европы (лошадь, северный олень) и таковой одновозрастных стоянок Восточноевропейской равнины, где доминирует мамонт, резко отличен.

По характеру залегания культурных остатков памятники открытого типа начала верхнего палеолита и позднего палеолита обнаруживают несомненное сходство.

На всех памятниках культурные остатки залегают локализованными скоплениями и являются, вероятно, остатками жилых площадок или жилых сооружений. Вне пределов скоплений культурный слой беден или отсутствует. На памятниках начала верхнего палеолита и позднего палеолита сохранились остатки искусственных объектов – ям, расположенных вблизи очагов. Это свидетельство относительно продолжительного пребывания людей на стоянках.

На стоянке Гарчи I выявлено два овальных скопления культурных остатков. Площадь одного из них, с линией очагов в центральной части, составляет не менее 20 кв. м. Рядом с одним из очагов выявлена яма, заполненная костями лошади. Особенности планировки и характер залегания культурного слоя в скоплениях позволяют предполагать существование на стоянке сравнительно больших наземных жилых сооружений. Состав находок, представленных преимущественно отходами изготовления бифасов, вероятно, треугольных наконечников метательного вооружения и скребков, позволяют отнести этот памятник к числу базовых охотничьих лагерей (Павлов, 2010).

На стоянке Заозерье выявленные скопления культурных остатков также имеют овальную форму, но немного меньше по площади (около 15 кв. м) и отличаются по структуре. В ней выделяются три основных элемента: 1) кострище и расположенные рядом небольшие ямки; 2) зона накопления пищевых отбросов (расколотых костей); 3) зона хозяйственной деятельности (Павлов, 2009).

Различия в размерах жилых площадок на стоянках Гарчи I и Заозерье, очевидно, указывают на различную численность групп населения, оставивших эти памятники. Можно предположить, что численность таких групп на стоянке Заозерье была меньшей, чем на стоянке Гарчи I.

На стоянке Талицкого находки локализовались преимущественно вокруг очагов, образуя несколько крупных скоплений овальной формы. Внутри этих скоплений найдены заполненные пережжёнными и обугленными костями очажные ямы округлой или неправильно-округлой формы. Стоянка относится к типу временных охотничьих лагерей.

Стоянка Ширококово II имеет общие черты со стоянкой Талицкого в группировке культурных остатков на площади памятника и, вероятно, также являлась кратковременным охотничьим лагерем.

На стоянке финального палеолита Горная Талица культурные остатки залегали чётко локализованными скоплениями, что может свидетельствовать о существовании на памятнике жилых площадок.

Таким образом, большая часть стоянок верхнего палеолита, выявленных в регионе, относится к числу временных охотничьих лагерей. Долговременных поселений на северо-востоке Европы, как, впрочем, и на всей территории севера Евразии, до настоящего времени не найдено.

Отчётливо выделяются различия в типах верхнепалеолитических памятников, расположенных на юге и севере региона. Если стоянки бассейна Верхней Камы являются охотничьими лагерями с жилыми структурами, то памятники бассейна Печоры (Мамонтова Курья и Бызовая) представляют особый тип стоянок на природных кладбищах мамонтов.

Прослеживается и взаимосвязь видового состава фауны и типов памятников. Для стоянок – охотничьих лагерей характерно доминирование остатков крупных копытных (лошадь, северный олень – до 90%) с минимальным присутствием остатков других животных. Для стоянок на при-

родных захоронениях крупных млекопитающих, расположенных на севере региона, доминирующим видом (более 90%) является мамонт. Кости других видов животных единичны.

Таким образом, данные по типам памятников и составу фауны промысловых животных и свидетельствуют о том, что на протяжении всей верхнепалеолитической эпохи в регионе был представлен один культурно-хозяйственный тип – охотников на крупных стадных копытных. Отражением специфического приёма адаптации древнего населения к природно-климатическим условиям севера региона является возникновение в верхнем палеолите региона особого типа палеолитических стоянок на природных кладбищах мамонта, не известных за пределами субарктической зоны Евразии. Показательно, что этот тип памятников существовал на северо-востоке Европы в Западной и Восточной Сибири на протяжении эпохи верхнего палеолита, что, вероятно, связано с особенностями природной среды субарктической зоны Евразии.

Заключение

Данные о ранних этапах заселения бассейнов Печоры и Верхней Камы (ранний и средний палеолит) чрезвычайно фрагментарны. Следы пребывания человека в раннем и среднем палеолите найдены только в бассейне Верхней Камы.

Важной особенностью палеолитической истории севера Уральского региона в начале верхнего палеолита и перехода от среднего к верхнему палеолиту (38–33 тыс. лет назад) является практически одновременное заселение как юга (Кама), так и севера (Печора) региона. Исходной областью расселения служили центральные районы Восточноевропейской равнины, миграции распространялись с юго-запада.

В первой половине верхнего палеолита на северо-восточной окраине Восточноевропейской равнины и в западных предгорьях Среднего, Северного и Приполярного Урала прослеживаются два эпизода проникновения человека. Первый (35–33 тыс. ^{14}C л.н.) является отражением инициальных рейдов человека современного вида на север Европы с юга Европейского континента (стоянка Озерье), а второй (около 29 тыс. ^{14}C л.н.) (Гарчи I), в основном, связан с миграцией стрелецкой популяции из центральных районов Восточноевропейской равнины.

В первой половине позднего валдая, в силу различных причин, важнейшей из которых явилось, по-видимому, экстремальное похолодание, происходит депопуляция, бассейнов Печоры и Верхней Камы.

Палеолитические памятники второй половины позднего валдая, появившиеся в регионе после максимума поздневалдайского оледенения, связаны с культурным миром Северной Азии.

Важнейшим событием в позднепалеолитической истории региона является формирование на северо-востоке Восточноевропейской равнины и на Урале локальной палеолитической культуры – уральской. Развитие культуры происходило в большей степени автохтонно. На первом этапе её существования её характеристики имеют наибольшее сходство с «материнскими» сибирскими мелкопластинчатыми индустриями. На втором этапе сходство с сибирскими индустриями становится менее выраженным, но не исчезает полностью, происходит консолидация культуры. На третьем, финальнопалеолитическом этапе впервые проявляются признаки процесса региональной культурной дифференциации. Формы культурных взаимодействий указывают на существование в регионе в позднем и финальном палеолите постоянного населения.

Север Уральского региона заселялся первобытными коллективами, система жизнеобеспечения которых была основана на неспециализированной охоте на крупных стадных копытных. Этот адаптивный тип характеризовался высокой мобильностью населения, способствовавшей протяжённым миграциям (Павлов 2008, с. 44). Отсутствие значительных естественных препятствий между Уралом, Восточноевропейской равниной и Сибирью, развитая речная сеть, служившая естественным путём расселения, явились важнейшими природно-географическими факторами, обусловившими раннее заселение бассейнов Печоры и Верхней Камы в плейстоцене.

ГЛАВА 6
ПАЛЕОЛИТ ЮЖНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Подавляющее большинство известных палеолитических памятников Южного Предуралья и западного склона Южного Урала связаны с развитой речной системой региона. Результаты исследований пещерных и открытых стоянок, несмотря на достаточно скудный материал, играют важную роль в изучении проблем становления, развития и трансформации культурных традиций, навыков адаптаций в разнообразных природно-географических условиях и возможных направлений миграций на стыке предгорных и горно-лесных пространств на перекрестке Восточной Европы, Урала, Прикаспия и Центральной Азии, Западной Сибири.

В регионе к настоящему времени известно около 70 памятников палеолита, подавляющее большинство которых относится к эпохе верхнего палеолита (рис. 1). Значительная часть представлена кратковременными пещерными стоянками по берегам р. Белой и её притоков (р. Ай, Юрюзань, Сим, Нугуш, Лемеза и др.). Серии палеолитических местонахождений связаны с пунктами концентрации костных остатков позднеплейстоценовой фауны. К опорным памятникам, с точки зрения исследованной площади и приемлемого количества материала для характеристики их возраста и культурной принадлежности, относятся: Сергеевка 1, Игнатиевская пещера, Кульюрт-Тамак; Капова пещера; Байсланташ.

Материалы раннего палеолита в Южном Предуралье неизвестны. С той или иной степенью достоверности к памятникам этого периода в историографии иногда относят Старо-Тукмаклинское местонахождение и Айдосскую стоянку (Айдос).

Опубликованные данные о стоянке Айдос (Республика Башкортостан, Караидельский район, среднее течение р. Уфы), одного из наиболее ранних памятников региона, носят достаточно фрагментарный и противоречивый характер (Котов, 2009; Матюшин, 1994; Морозов, 2001; Нечушкин, 2012). В первых работах материалы (и каменный инвентарь, и фрагменты керамики) стоянки, обнаруженной Г.Н. Матюшиным в 1956 г. и исследованной в 1958 г. на площади 9 м^2, определялись как относящиеся к неолитической эпохе (Крижевская, 1968; Матюшин, 1959). Однако позже Г.Н. Матюшин утверждал, что находки «происходят из двух разновременных пунктов, расположенных на противолежащих мысах оврага. На западном в обнажении второй надпоймы на глубине около 3 м в глине залегали бифасы и другие изделия из кремня. На восточном (первая надпойма) в гумусе располагались находки более позднего времени» (Матюшин, 1985, с. 87). Т.И. Щербакова, тщательно изучившая палеолитические коллекции в фондах МАЭ (Уфа), Айдосскую стоянку вовсе не упоминает (Щербакова, 1986). Также неясно, что послужило основанием для атрибуции каменного инвентаря (20 сохранившихся предметов из 192 упомянутых в публикациях) памятника как относящегося к палеолитической эпохе в каталоге коллекций МАЭ (Уфа) (Каталог..., 1994).

К свидетельствам посещения региона в эпоху нижнего палеолита причисляют и материалы из Старо-Тукмаклинского местонахождения (Республика Башкортостан, Кушнаренковский район, р. Каряка). Костеносный горизонт расположен «на глубине 9,5 метров под толщей красно-бурых песков и суглинков в отложениях крупного известнякового щебня, заполненного коричневой, красноватой или зеленой глиной с песком» (Котов, 2009, с. 23). Палеонтологическое местонахождение было выявлено в 1955 г. А.П. Шокуровым, в 1968 г. работы проводили А.П. Шокуров и А.В. Коновалов, а в 1969 г. – О.Н. Бадер и В.Л. Яхимович. Были найдены, по определению В.Е. Гарутта, костные останки трогонтериевого слона (Archaediskodon trogontherii), бизона, оленя, дикой лошади. Однако упоминаются и данные о присутствии на местонахождении остеологических материалов верхнепалеолитического фаунистического комплекса, в том числе мамонта (Плейстоцен Предуралья, 1987; Щербакова, 1984).

В.Г. Котов, со ссылкой на А.П. Шокурова, сообщает, что «многие кости имеют следы дробления и огня. Кроме того, среди них были найдены уголек и проколка из грифельной кости лошади» (Котов, 2009, с. 23). Радиоуглеродные даты осташковского горизонта, в котором встречены остатки животных верхнепалеолитического комплекса, составляют 11–12 тыс. л. н. (Плейстоцен Предуралья, 1987, с. 97). «Палеомагнитные исследования

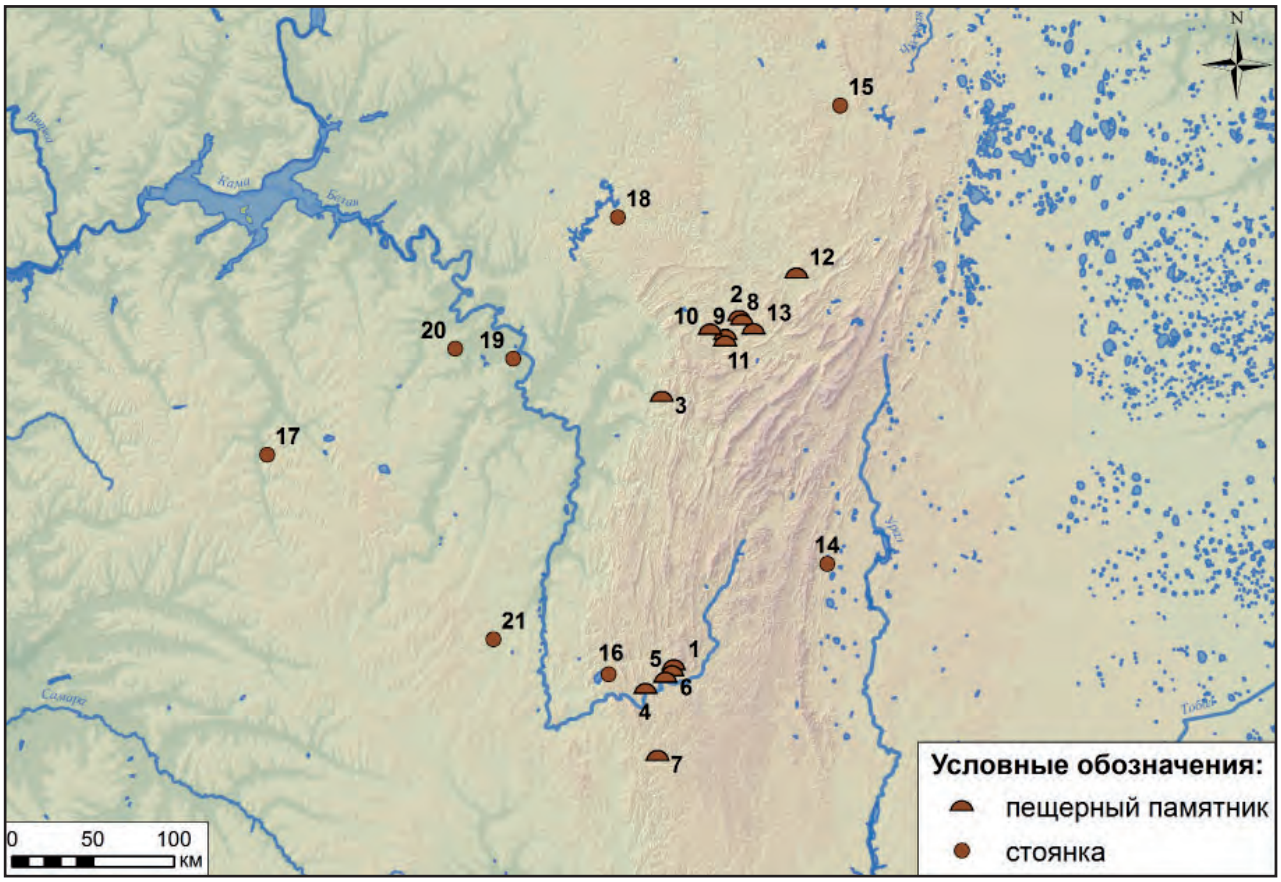

Рис. 1. Карта основных палеолитических памятников Южного Урала:

Пещерные памятники: 1 – Капова (Шульган-Таш) пещера, святилище и стоянка; 2 – Ключевая пещера, стоянка; 3 – Заповедная пещера, святилище; 4 – Акбутинская (Байслан-Таш) пещера, стоянка; 5 – Кульюрт-Тамак (Космонавтов) пещера, стоянка; 6 – Максютовский грот, стоянка;7 – Мурадымовская - 2 пещера, святилище; 8 – Бурановская пещера, стоянка; 9 – гроты у Каменного Кольца, стоянка; 10 – Игнатьевская (Ямаз-Таш) пещера, святилище; 11 – Серпиевская II пещера, святилище; 12 – Сикияз-Тамак пещерный комплекс, стоянка; 13 – Усть-Катавская II пещера, стоянка.

Стоянки и местонахождения открытого типа: 14 – Мысовая (Урта-Тубе; Карабалыкты - VII); 15 – Новобелокатайская; 16 – Сергеевка 1; 17 – Муллино; 18 – Айдос; 19 – Горново; 20 – Старо-Тукмаклинское; 21 – Табулдинское.

нижней части озерных отложений с костеносным горизонтом, проведенные Ф.И. Сулеймановой, позволили датировать их возрастом около 400 тыс. лет» (Котов, 2009, с. 23). Точнее «возраст лихвинских суглинков Старо-Тукмаклинского местонахождения подсчитан Ф.И. Сулеймановой по вязкой намагниченности. Он оказался равным 399100±5200 лет, что примерно отвечает границе нижнего плейстоцена и лихвина» (Плейстоцен Предуралья, 1987, с. 93).

В материалах из Старо-Тукмаклинского местонахождения В.Г. Котовым выявлены фрагменты костей со следами антропогенного (?) воздействия: «Самое крупное орудие было изготовлено из расколотой вдоль метатарзальной кости лося..., у которой ретушью были выровнены поверхности скола, а на закругленном плоском конце имеются следы заглаженности и поперечных бороздок. Другое орудие было изготовлено из плечевой кости зубро-бизона..., у которой были удалены эпифизы; один обломанный край был выровнен оббивкой, другой край орудия заглажен, и от него тянется цепочка поперечных бороздок. Пяточная кость оленя... имеет следы искусственного облома, а на поверхности – продольные борозды, возникшие от скобления поверхности кости каменным инструментом. Фрагмент ребра зубро-бизона... имеет на обоих обломанных концах заглаженность» (Котов, 2009, с. 23–25). Однако специальной публикации с описанием методики изучения следов, выявленных на остеологическом материале, и качественными фотографиями пока не представлено. Таким образом, на сегодняшний день нет достаточных аргументов для включения Старо-Тукмаклинского местонахождения в список нижнепалеолитических памятников с бесспорными следами деятельности человека.

Следует отметить, что факт присутствия ашельского комплекса (Матюшин, 1990) в материалах стоянки Мысовая (Республика Башкорто-

стан, Абзелиловский район, озеро Карабалыкты) позволяет осторожно предполагать возможность в будущем выявления памятников раннего палеолита и на территории Южного Приуралья.

Находки свидетельств посещения региона людьми в среднем палеолите очень редки. Одним из памятников, нижние слои которого возможно отнести к этой эпохе, является стоянка Муллино (Республика Башкортостан, Туймазинский район, р. Большой Ик) (Матюшин, 1990; Шокуров, Киктенко, 1978; Щербакова, 1984). Памятник открыт А.П. Шокуровым в 1967 г. и изучался им в 1971–1972 гг. В 1976, 1979 и 1981 гг. работы проводил Г.Н. Матюшин (в 1979 году в них принимала участие Т.И. Щербакова). В 1976–1979 гг. – В.Л. Яхимович. В 1987 г. совместные исследования стоянки проходили под руководством Г.Н. Матюшина и А.Л. Александровского (Институт географии АН СССР).

Каменные изделия из тёмного аргилитового сланца обнаружены в синих глинах (со следами геомагнитной инверсии) (Котов, 2009; Матюшин, 1990). Среди находок, хранящихся в Музее археологии и этнографии (г. Уфа), наиболее представительны: остроконечники, рубила, скрёбла, патинизованные отщепы с ретушью, поперечное скребло с вентральной обработкой края на леваллуазском отщепе, скребло на леваллуазском нуклеусе, мустьерский остроконечник (?), чоппер (Каталог..., 2009; Котов, 2009).

Однако противоречивые сведения в историографии о стратиграфии памятника и его датировке, а также данные о частичной (?) переотложенности палеолитического и мезолитического слоев на сегодняшний день позволяют лишь констатировать наличие на памятнике материалов среднепалеолитического облика и ожидать их полной обработки и публикации.

К финальной поре среднего палеолита, вероятно, следует отнести Новобелокатайскую стоянку (Республика Башкортостан, Белокатайский район, р. Большой Ик). В 1964 г. первичный осмотр и изучение провели К.В. Сальникова и В.Л. Яхимович, в 1995–1996 гг. памятник исследовал В.Г. Котов (Котов, 2008а; 2009; Щербакова, 1984; Яхимович и др., 1974).

Культурные остатки и кости животных (мамонта (Mammuthus primigenius), бизона (Bison priscus), лошади (Equus sp.) и др.) обнаружены в гумусированном горизонте, залегающем в покровных отложениях голубовато-серых глин лихвинского горизонта среднего неоплейстоцена или ленинградского горизонта верхнего неоплейстоцена (Данукалова и др., 2006). Гумусированные отложения относятся к ленинградскому горизонту верхнего неоплейстоцена (Данукалова и др., 1998). Радиоуглеродные датирование гумуса показало дату >50000 (БашГИ-60), а древесного угля из скопления в слое голубовато-серой супеси (раскоп В.Г. Котова 1996 г.) – 41070±1570 (ЛУ-4149) (Данукалова и др., 2000; Яхимович и др., 1974).

Выявленные в 1964 г. культурные остатки были немногочисленными: отдельные угольки, кости (192 экз.), галька, ретушёр-отбойник. В результате работ В.Г. Котова было обнаружено «около двух десятков каменных изделий, большая часть из них – расколотые кварцитовые галечки. Из орудий были найдены... два чоппера из кварцитовых галек, два леваллуазских скола из кварцита, поперечное простое скребло из доломита и два абразивных инструмента из песчаника» (Котов, 2009, с. 32). Для полноценного введения в научный оборот предварительных сведений В.Г. Котова о разнообразных изделиях из кости, обнаруженных на памятнике, необходима специальная публикация с подробным описанием археологического и палеозоологического контекста, описанием методики изучения следов, выявленных на остеологическом материале, и качественными фотографиями.

Немногочисленные свидетельства посещения человеком Южного Предуралья и западного склона Южного Урала в раннем и среднем палеолите демонстрируют, по всей видимости, не столько неосвоенность региона, сколько его слабую археологическую изученность в настоящее время.

Стоянки верхнего палеолита, по сравнению с количеством известных памятников предшествующих периодов, гораздо более многочисленны и хорошо изучены (Бибиков, 1940; Житенёв, 2018; Котов, 2009; Павлов, 2015; Щербакова, 1986 и др.).

К ранней поре верхнего палеолита относится Табулдинское местонахождение (Республика Башкортостан, Стерлибашевский район, бассейн р. Ашкадар). Работы в 1981 г. проводили Н.Г. Рутто и В.Л. Яхимович, в 1982 г. – Т.И. Щербакова (Итоги изучения.., 1985). Памятник представляет собой местонахождение (в толще буровато-коричневых тяжёлых суглинков перигляциального типа) костных остатков мамонта (Mammuthus primigenius Blum.) со следами раскалывания и рубки, уложенных в «штабель» (1,6×1,2 м, высота около 0,7–0,8 м), в котором длинные кости конечностей были ориентированы по оси север – юг. Восточнее скопления («штабеля») были зафиксированы бивни, фрагменты позвонков и костей черепа (включая обломок затылочной части с атлантом), фрагмент лопатки и др. Южнее скопления обнаружены раздробленные рёбра мамонта. Костные остатки очень крупной лошади (обломок лучевой кости с приросшей локтевой) и носорога (кости конечности и плеча) найдены в 10–15 м к юго-востоку от «центрального» скопления костей мамонта.

В 0,8 м от центрального скопления костей мамонта («штабеля») обнаружены каменные изделия: два отщепа из светло-серого зернистого известняк и серого пермского известняка, а также кусок оббитого песчаника (Итоги изучения.., 1985). В.Е. Щелинский так охарактеризовал находки каменных изделий и камней без следов обработки: «… они вполне могут быть связаны с деятельностью первобытного человека. На это указывает прежде всего то, что среди обломков камня, похоже, имеются два грубых преднамеренно сколотых отщепа. Гальки, однако, не имеют следов обработки и использования. Но подобные предметы обычно нередки в культурных слоях эпохи палеолита» (Итоги изучения.., 1985, с. 54). Два «абразивных орудия», выявленные В.Г. Котовым в материалах памятника, но определенные В.Е. Щелинским как объекты естественного происхождения, по всей видимости, не являются предметами со следами антропогенного воздействия (Котов, 2008).

В 65–70 м к юго-востоку от скопления («штабеля») костных остатков мамонта в аналогичных стратиграфических условиях было выявлено ещё одно скопление костей (неполный скелет быка или бизона), исследованное Т.И. Щербаковой (Итоги изучения..., 1985).

По «трубчатым костям» мамонта были получены следующие даты: 31360±250 л. н. (ЛЕ-2153), 34910±300 л. н. (ЛЕ-2154), 34900 л. н. (ЛУ-1377 А) (Латыпова, 1992, с. 47, 53).

Разрез на Табулдинском местонахождении стал опорным для отложений ленинградского горизонта Южного Предуралья (Итоги изучения.., 1985, с. 32–55), получив название табулдинского (Данукалова, 2007, 2010).

Табулдинское местонахождение в контексте имеющихся археологических материалов, по всей видимости, можно отнести либо к «мамонтовому кладбищу» – посещавшемуся верхнепалеолитическим человеком месту естественной аккумуляции и захоронения четвертичной фауны, либо к достаточно редкому типу памятников – месту забоя и первичной разделки/обработки добытых животных.

К более позднему времени относится Горновское местонахождение (Республика Башкортостан, Уфимский район, р. Белая). Памятник выявлен А.П. Шокуровым в 1959 г. Работы в 1960–1961 гг. проводили О.Н. Бадер и В.Л. Яхимович, в 1983–1984 гг. – Т.И. Щербакова (Яхимович и др., 1987).

Костеносный горизонт со следами деятельности человека (раздробленные кости животных, фрагменты обожженных костей, фрагменты костей со следами рубки) и единичными каменными предметами связан с синевато-серыми иловатыми (серо-голубыми) суглинками. Первоначально памятник был определен как «естественное захоронение ископаемой фауны, которое время от времени посещалось человеком» (Яхимович и др., 1987, с. 41). Однако после работ Т.И. Щербаковой, характер и контекст культурных остатков был пересмотрен, а памятник предложено рассматривать «как археологический объект», находящийся в переотложенном состоянии (Яхимович и др., 1987, с. 41).

По древесине ели были получены следующие даты: 21280±550 л. н. (ЛЕ-145), 29700±1250 л. н. (Н 1856/1287)[1], также опубликованы даты: 22660±125 л. н. (Баш ГИ-35), 26950±560 л. н. (ЛУ-3711), 26990±150 л. н. (ЛУ-3712), 28800±125 л. н. (Баш ГИ-36), 33670 л. н. (ЛУ-4153) (Данукалова, 2010, с. 119; Латыпова, 1992, с. 46).

На некоторых фрагментах костей животных отмечены следы погрызов, «а иногда наблюдается как бы истертость и залощенность краев. Однако просмотр этих предметов под микроскопом, проведенный А.К. Филипповым, не подтвердил их причастности к категории орудий, хотя не исключается эпизодическое использование таких обломков» (Яхимович и др., 1987, с. 41). Из материалов раскопок Т.И. Щербаковой происходит одна кость с нарезками (Яхимович и др., 1987, с. 40) (рис. 2: 2).

Коллекция каменного инвентаря за все годы исследований составила восемь предметов (пять из которых были обнаружены в костеносном горизонте в процессе работ 1983–1984 гг.) (рис. 2: 1, 3–9). Сырьем для их изготовления служил светло-серый и темно-серый кремень, темная серо-зеленая яшма. Пять каменных предметов рассматриваются автором исследований как принадлежащие к одному комплексу, связанному с костеносным скоплением. Т.И. Щербакова следующим образом охарактеризовала индустрию Горновского местонахождения: «Изделия из одних и тех же материалов были найдены как в пределах скопления, так и вне его. Все они имеют хорошую сохранность, не окатаны, лишь с небольшим блеском... Обращает на себя внимание вторичное "ядрище" (Яхимович и др., рис. 13: 4, 6), немного различающееся по цвету: частично сохранившаяся здесь поверхность отщепа имеет более темный, коричневатый оттенок. Собственно нуклеус имеет небольшие коричневатые потемнения у граней, близких к поверхности. Возможно, переделка отщепа в нуклеус произошла спустя какое-то время с момента его получения, а может быть, это изменения в фактуре кремневого желвака, сердцевина которого отличается от верхних слоев. Близкая к клиновидной форма нуклеуса очень редка для палеоли-

[1] «Гейдельбергская лаборатория, ФРГ» (Латыпова, 1992, с. 46).

Рис. 2. Кремневые орудия Горновского местонахождения:

1 – скол оживления площади нуклеуса из темно-серого кремня; 2 – обломок кости с нарезками; 3 – осколок из яшмы; 4 – вторичное ядрище с торцовым характером снятий из светло-серого кремня; 5 – обломок пластины из светло-серого кремня; 6 – скребок на дистальном конце крупной пластины из светло-серого кремня; 7 – обломок пластины из темно-серого кремня; 8 – срединный резец из светло-серого кремня; 9 – остроконечник на отщепе из яшмы (по: В.Л. Яхимович и др., 1987)

та Урала[2]. Скол оживления площадки (Яхимович и др., 1987, рис. 13: 1) позволяет предполагать и существование призматических нуклеусов с выпуклой поверхностью скалывания. Судя по его устьевым частям, можно говорить о наличии не только относительно крупных пластин (Яхимович и др., 1987, рис. 13: 5–7), но и небольших пластинок шириной до 1 см и менее. Четко выраженный срединный резец (Яхимович и др., 1987, рис. 13: 8) тоже является нетипичной для Урала находкой. Кроме как в материалах Горновского местонахождения, подобных изделий пока нет ни в одной уральской коллекции. Остроконечник на отщепе – самый крупный из найденных предметов (Яхимович и др., 1987, рис. 13: 9) – придает всей группе некоторый оттенок архаизма. Орудия такого типа характерны, как правило, для памятников ранней поры позднего палеолита, которые соотносятся преимущественно с последним оптимумом средневалдайского времени (32–24 тыс. лет). Однако ввиду малочисленности находок преждевременно делать какие-либо окончательные выводы об их более узкой археологической датировке, можно только сказать, что они намечают контуры интересной и своеобразной верхнепалеолитической культуры на Южном Урале» (Яхимович и др., 1987, с. 42–44).

Материалы Горновского местонахождения Т.И. Щербакова считает близкими к индустрии гротов у Каменного кольца.

Гроты у Каменного кольца (Катав-Ивановский район, Челябинская область, р. Сим) исследованы О.Н. Бадером и М.А. Бадер в 1960–1961 гг.

[2] Клиновидные нуклеусы, но несколько иного облика имеются еще в гроте Столбовом на р. Усьве.

Памятник представляет собой две скальные ниши-грота (восточный и западный), в позднеплейстоценовых отложениях которых были выявлены верхнепалеолитические культурные остатки. В западном гроте в раскопе площадью около 17 м^2 были обнаружены «около десятка кремневых отщепов без ретуши, пластинка и крупный концевой скребок..., а также кости животных. По определению Э.А. Вангенгейм, они принадлежат носорогу, пещерному медведю, пещерному льву, северному оленю, лосю, первобытному быку, бизону, дикой лошади, косуле, волку, лисе, зайцу, птицам» (Кузеев, Сальников, 1964).

Т.И. Щербакова отмечает, что «в материалах гротов у Каменного Кольца есть отщепы с радиальными негативами на спинке, что косвенно свидетельствует о применении здесь радиальной системы снятий наряду с параллельным раскалыванием» (Щербакова, 1985, с. 120). По ее мнению, «самыми выразительными в этом комплексе являются остроконечники, один из которых, полностью сохранившийся, заслуживает особого внимания. Он изготовлен на укороченном отщепе, ориентированном таким образом, что основная ось орудия получается удлиненной, а два противоположных конца зауженными. Верхний обработан глубокой чешуйчатой ретушью со стороны спинки и слегка подтесан с брюшка, что и формирует остроконечную часть изделия; нижний также имеет подтеску с брюшка, что подчеркивает его уплощенность по отношению к средней части (Щербакова, 2001, табл. 4: 3). Своеобразие данному орудию придает его контур с одним резко выступающим краем, который представляет собой проксимальную часть отщепа-заготовки. Этот остроконечник из гротов у Каменного Кольца по общей форме и деталям вторичной обработки близок остроконечнику с Бызовой, отличаясь от него лишь несколько меньшими размерами (Щербакова, 2001, табл. 4: 4). Трудно отнести это сходство к простому совпадению. На этих памятниках представлены и обломки изделий с аналогично оформленной остроконечной частью (Щербакова, 2001, табл. 4: 1, 2). Очень выразительной является подтеска концов на остроконечнике со стоянки Бызовой, что не позволяет говорить о полном отсутствии в этой индустрии техники чешуйчатой подтески. Еще одно замечание касается размещения скребкового лезвия на заготовках, которое обитатели гротов у Каменного Кольца, как и обитатели грота Близнецова, размещали на проксимальном конце (Щербакова, 2001, табл. 4: 23, 24)». На всех этих памятниках предпочтение отдавалось меловому кремню. Что касается датировки комплекса из гротов у Каменного Кольца, то она, по мнению Т.И. Щербаковой, безусловно, требует уточнений (Щербакова, 2001, с. 164–165).

Возможно, к группе памятников ранней поры верхнего палеолита относятся и материалы из Максютовского грота (Бурзянский район, Республика Башкортостан, р. Белая), исследованного В.Г. Котовым на площади около 5 кв. м. Культурные остатки представлены каменными изделиями, древесными углями и фаунистическим материалом (бизон, носорог, лошадь, благородный олень, сурок). Особый интерес представляет мустьерский остроконечник из яшмы, серия отбойников и ретушеров из кварцитовых галек (Котов, 2009). По мнению автора исследований, предположительный «возраст культурных остатков – ленинградский (табулдинский) горизонт (40–30 тыс. лет). По костям радиоуглеродным методом была получена абсолютная дата 15650±150 (СОАН – 7755). Она является явно омоложенной или кости происходят из поздних отложений» (Котов, 2009, с. 36).

Поздняя пора верхнего палеолита представлена наибольшим количеством памятников, известных в регионе. Значительная диспропорция наблюдается в типе стоянок, выявленных к настоящему времени. Подавляющее большинство – это изученные с использование разных полевых методик на небольшой площади кратковременные пещерные стоянки с незначительным по мощности культурным слоем и минимальной представленностью предметов каменного инвентаря.

Среди памятников с достаточно представительной коллекцией каменной и костяной индустрии следует отметить пещеру Байсланташ (Акбутинскую) (Мелеузовский район, Республика Башкортостан, р. Белая). Рекогносцировочные исследования в 1961 г. проводил А.П. Шокуров, в 1962 г. – Г.Н. Матюшин. Планомерные работы, в результате которых была изучена площадь 70 кв. м, осуществлялись В.Г. Котовым с 1999 г.

Каменный и костяной инвентарь характеризуется автором исследований следующим образом (рис. 3): «пластинчатая техника расщепления, торцевые, конусовидные, плосковыпуклые или уплощенные, одноплощадочные, а также остаточные нуклеусы; наличие крупных пластин и микропластинок; преобладание среди орудий разнообразных резцов – на углу сломанной пластины, ретушных, латеральных, двугранных, точечных. Большую серию представляют скребки, среди которых много укороченных с полукруглым лезвием; есть с прямым лезвием, скошенные, угловатые, с шипом и двойные; много различных орудий с остриями, в том числе орудия с шипом; имеются долотовидные орудия; скребла, галечное орудие, фрагменты пластин с ретушью, микропластины с ретушью, геометрические микролиты; наконечники стрел на пластинчатых сколах с двусто-

ронним утончением основания; орудия из кости; украшения из бивня мамонта в виде квадратных пластинок с отверстием и круглого бисера, амулет из мелкой гальки с естественным отверстием. Среди орудий из кости есть одна проколка, один медиальный фрагмент иглы, фрагменты костей с ретушью или же со следами заглаженности от использования (Котов, 2009, с. 39, 40, рис. 9). Найдены также костяные отщепы.

Единичные фаунистические остатки принадлежат лошади и бизону, также обнаружены фрагменты бивня мамонта (определение П.А. Косинцева).

На основании «большого количества орудий, нуклевидных изделий, отходов производства» и малого «количества костей крупных млекопитающих» В.Г. Котов предполагает, что в пещере Байсланташ располагалась охотничья стоянка, «которая неоднократно посещалась древними людьми, судя по мощности слоя, достаточно продолжительное время... Наибольшее сходство палеолитической коллекции пещеры Байсланташ обнаруживается с ближайшими памятниками: пещерной стоянкой Кульюрт-Тамак и палеолитическим слоем в пещере Игнатиевской (Ямазыташ) (Котов, 2009, с. 40, 42).

Пещера Кульюрт-Тамак (Бурзянский район, Республика Башкортостан, р. Белая) исследовалась 1961, 1971 и 1973 гг. О.Н. Бадером; в 1965 и 1968 гг. А.П. Шокуровым; в 1987 и 1988 гг. П.Е. Нехорошевым. В культурном слое, мощность которого достигает 0,6 м, выявлены зольные пятна, обнаружены каменные изделия, многочисленные древесные угли, крупинки и пятно красного минерального пигмента (охры), кости животных. В результате радиоуглеродного анализа древесного угля были получены следующие даты: 14920±660 (ЛЕ 4350), 15870±390 (ЛЕ 3350) (Нехорошев, 1997).

В результате работ О.Н. Бадера были обнаружены немногочисленные культурные остатки, среди которых присутствуют единичные каменные изделия и дистальный фрагмент бивня мамонта со следами оббивки по краям. Исследования А.П. Шокурова позволили выявить кострище (диаметром более 1,5 м), каменные изделия с ретушью использования: 8 отщепов и пластинку, пятна и фрагмент твердого красного минерального пигмента (Нехорошев, Гиря, 2004, с. 12). Всего в период с 1961 по 1973 гг. было вскрыто 37 кв. м и обнаружено 14 каменных предметов (Нехорошев, Гиря, 2004, с. 13).

Иная картина была получена в результате исследований П.Е. Нехорошева. По мнению исследователя, «применение современной методики раскопок позволило уточнить условия залегания культурного слоя и получить достаточно представительную коллекцию каменных изделий, насчитывающую около 350 предметов, хотя было вскрыто всего 4 кв. м непотревоженного участка и доисследовано 20 кв. м пола старого раскопа» (Нехорошев, 1997, с. 46). Культурный слой залегал in situ, что подтвердил ремонтаж ряда предметов. Следует особенно обратить внимание на разницу в глубине залегания соединившихся частей: «подобрались три фрагмента расколотой галечки, один из которых с ретушью (разница по глубине залегания 13 см, расстояние – 70 см), к нуклеусу подошел мелкий отщеп (…разница по глубине залегания 36 см, расстояние – 60 см)» (Нехорошев, Гиря, 2004, с. 16). Значительная мощность культурных слоев в пещерных памятниках региона при незначительном количестве культурных остатков, разнесенных по вертикали, особенно на фоне обычно малой площади работ, являются чрезвычайно важными наблюдениями с точки зрения особенностей формирования культурного слоя. О неоднократном посещении пещеры свидетельствует множество «зольных пятен на разных уровнях, часто перекрывающих друг друга, но не совпадающих в плане» (Нехорошев, Гиря, 2004, с. 16).

Материалом для изготовления орудий (рис. 4–6) служили кремень, яшмовидный полупрозрачный кремень, яшмы, кварцит и кварцитовидный песчаник. «Сырье по составу очень пестрое, галечное… Все кремнистые породы приносные» (Нехорошев, 1997, с. 46, 47). По данным исследователя, в коллекции каменного инвентаря представлено 348 предметов, в том числе: «орудия – 40, нуклеус – 1, нуклевидные предметы – 2, фрагменты пластин – 7, фрагменты микропластинок – 23, отщепы – 29, осколки, чешуйки, мелкие отщепы – 240, галечки – 6» (Нехорошев, 1997, с. 46).

Состав орудий, по В.Е. Нехорошеву, следующий: «Резцы – 7 экз., все угловые на пластинах (рис. 4: 3, 8–10; 5: 13, 14; 6: 3). Один – на массивной пластине, дистальный конец которой усечен ретушью и с него снят плоский резцовый скол (рис. 4: 9). Остальные резцы на обломе – одинарные (4 экз.), тройной, четверной. Долотовидные – 2 экз. (рис. 4: 1, 15) кроме подтески обоих концов также имеют негативы резцовых сколов, а на одном орудии и неровную крутую ретушь по левому краю (рис. 1: 15). Пластины с усеченным ретушью концом – 3 экз. У двух ретушированными выемками усечен проксимальный конец (рис. 4: 2, 14), у одной чередующимися снятиями – дистальный. Единичные орудия: проколка на полуреберчатой пластине (рис. 4: 16); орудие "с шипом" выделенным ретушью на дистальном конце пластины (рис. 4: 7); комбинированное орудие (рис. 4: 6); "клювовидное" орудие – укороченная пластина с "клювом", выделенным ретушью на правом дис-

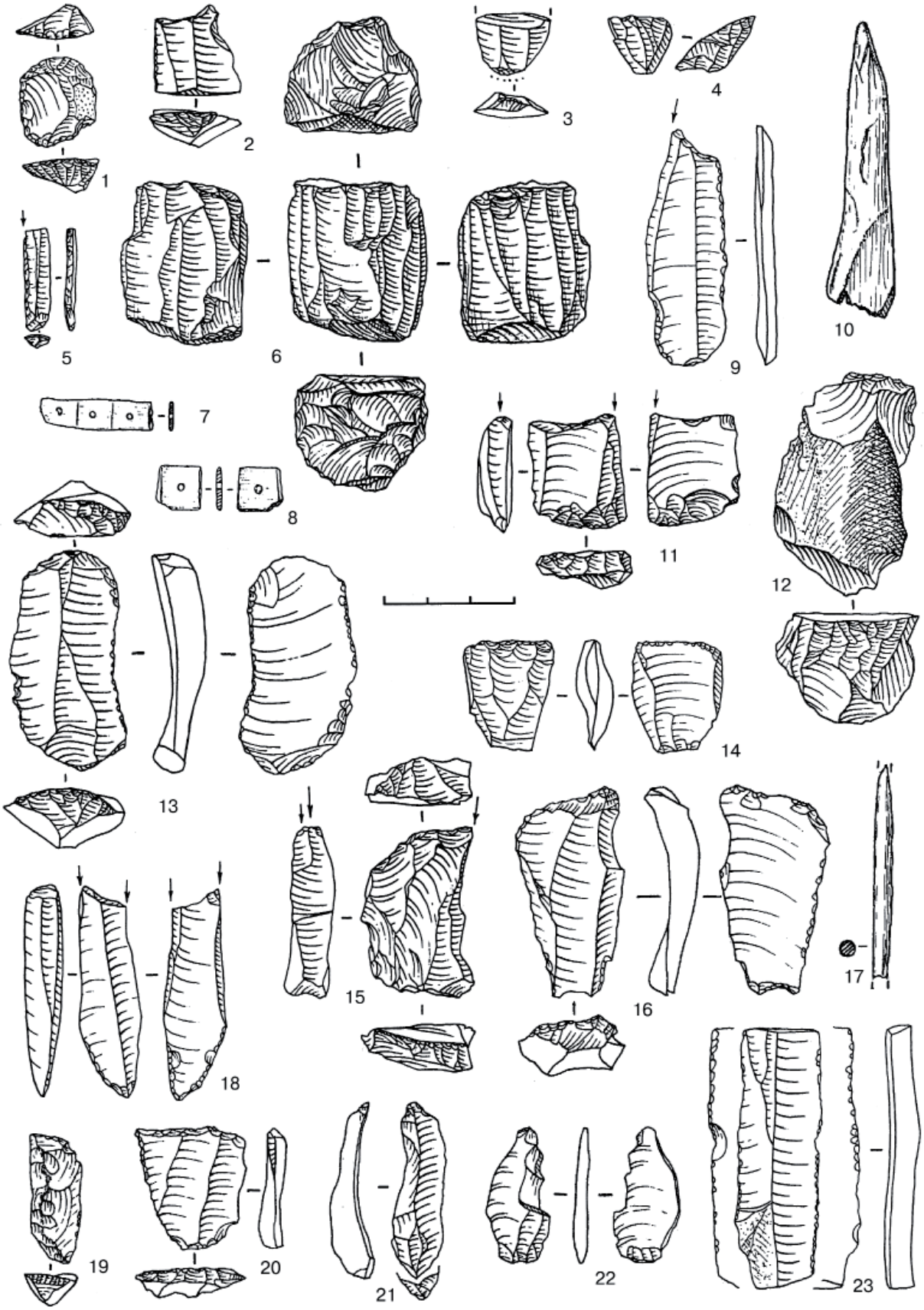

Рис. 3. Стоянка в пещере Байсланташ (Акбутинской). Каменный и костяной инвентарь (по: В.С. Котов, 2009)

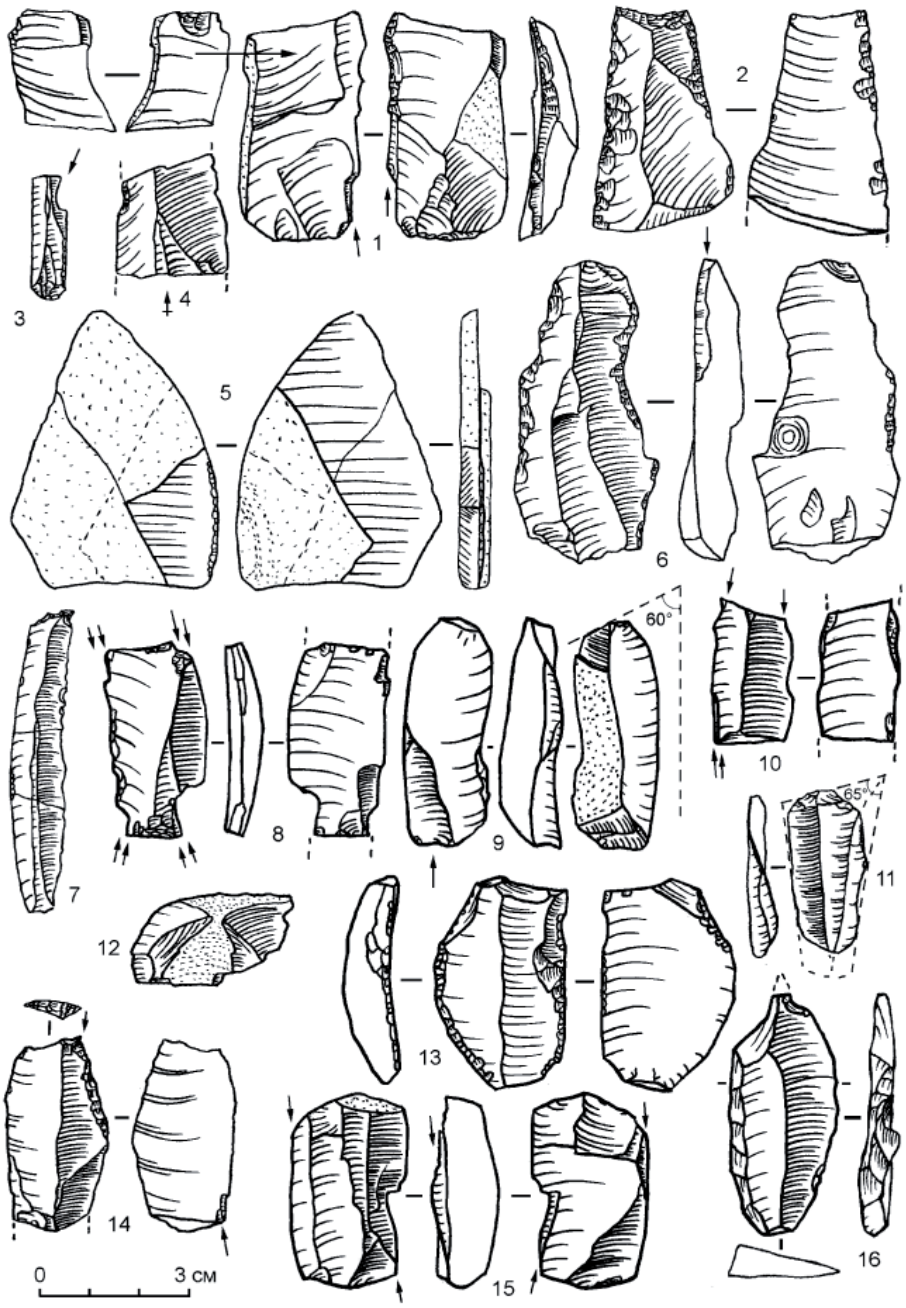

Рис. 4. Пещера Кульюрт-Тамак. Каменные изделия:
1, 15 – долотовидные; 2, 6, 14 – пластины с усеченным ретушью концом; 3, 8, 9, 10 – резцы; 4 – фрагмент пластины с выемкой; 5 – осколок с ретушью; 7 – орудие с «шипом»; 11 – пластина с чередующейся ретушью; 12 – отщеп; 13 – «клювовидное» орудие; 16 – проколка (по: П.Е. Нехорошев, Е.Ю. Гиря, 2004)

тальном углу; фрагмент пластины с маленькой ретушированной выемкой (рис. 4: 4); пластина с мелкой нерегулярной ретушью, чередующейся по обоим краям. Микропластинки с ретушью – 14 экз. (рис. 5: 2–11). Отщепы и осколки с ретушью – 8 экз. (рис. 4: 5, 13). Кроме того, на всех пластинах (7 экз.) (рис. 4: 11), микропластинках (23 экз., рис. 5: 5–10) и отщепах (рис. 4: 12; 5: 17; 6: 6, 7), изготовленных из минералов группы кварца (14 экз.), отмечаются нерегулярные фасетки ретуши утилизации (?). Нуклеус – призматический, укороченных пропорций, сильно сработанный (рис. 5: 18). Нуклевидные предметы – сильно трещиноватые гальки, оббитые с одного торца» (Нехорошев, 1997, с. 47).

По мнению П.Е. Нехорошева, «можно сделать вывод, что при изготовлении орудий часто применялся приём резцового скола… В качестве элементов вторичной обработки следует отметить и создание на орудиях небольших ретушированных

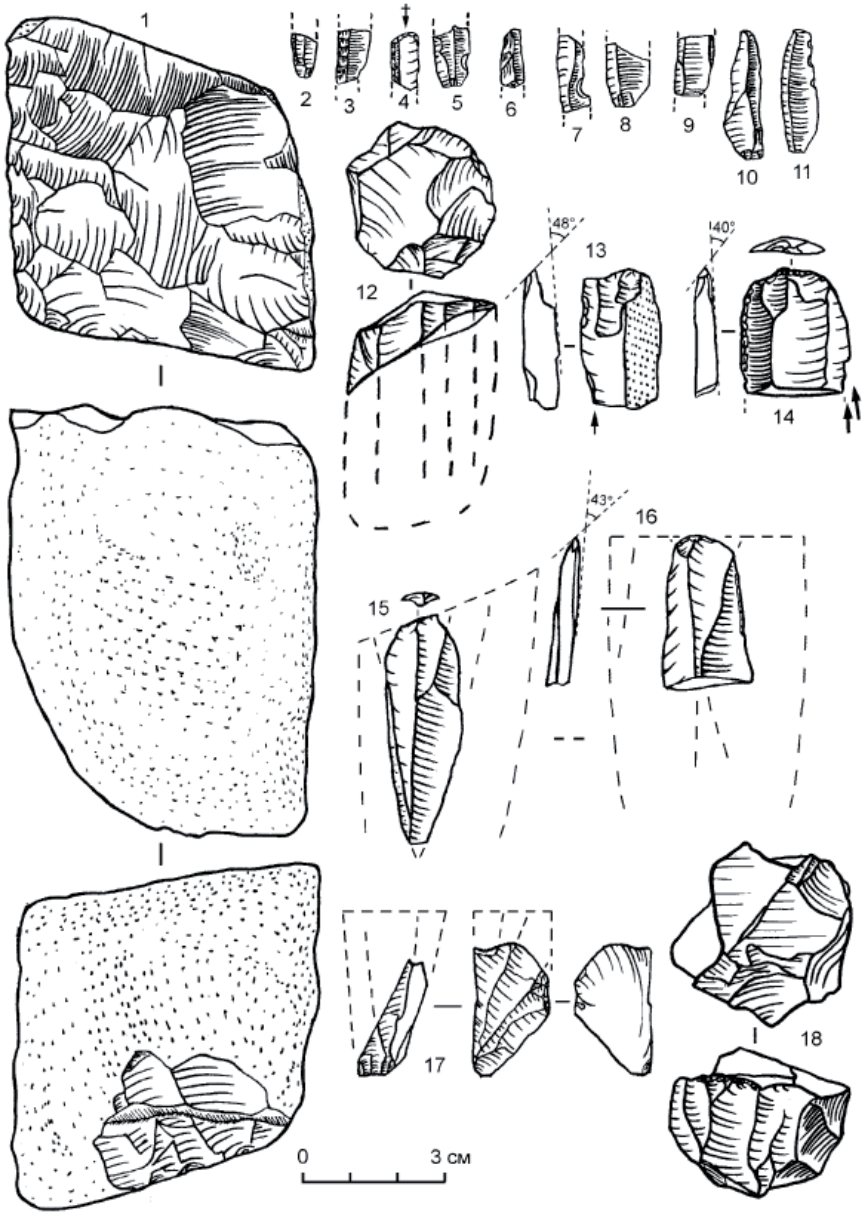

Рис. 5. Пещера Кульюрт-Тамак. Каменные изделия:
1 – пренуклеус; 2-11 – микропластинки; 12 – скол подправки площадки нуклеуса; 13, 14 – резцы; 15, 16 – пластины; 17 – отщеп; 18 – нуклеус (по: П.Е. Нехорошев, Е.Ю. Гиря, 2004)

выемок, «шипов», углов. Края орудий чаще ретушировались неровной (полу-) крутой ретушью… Говорить о подтёске концов заготовок (долотовидные орудия) как о техническом приёме, видимо, пока нет оснований. Такая «обработка» на имеющихся изделиях явилась следствием использования орудий… Анализ орудий как заготовок показывает, что расщепление было направлено на получение пластин и микропластинок» (Нехорошев, Гиря, 2004, с. 25, 26).

Характерные черты данного каменного инвентаря памятника сформулированы нижеследующим образом. «Облик индустрии определяется хорошо выраженными и многочисленными резцами, пластинами с усечённым концом, использованием заготовок в качестве долотовидных орудий, большим количеством микропластинок среди которых хорошо представлены изделия с ретушью, с притупленным краем, с косо усечённым концом. Также характерны изделия с тем или иным выделением

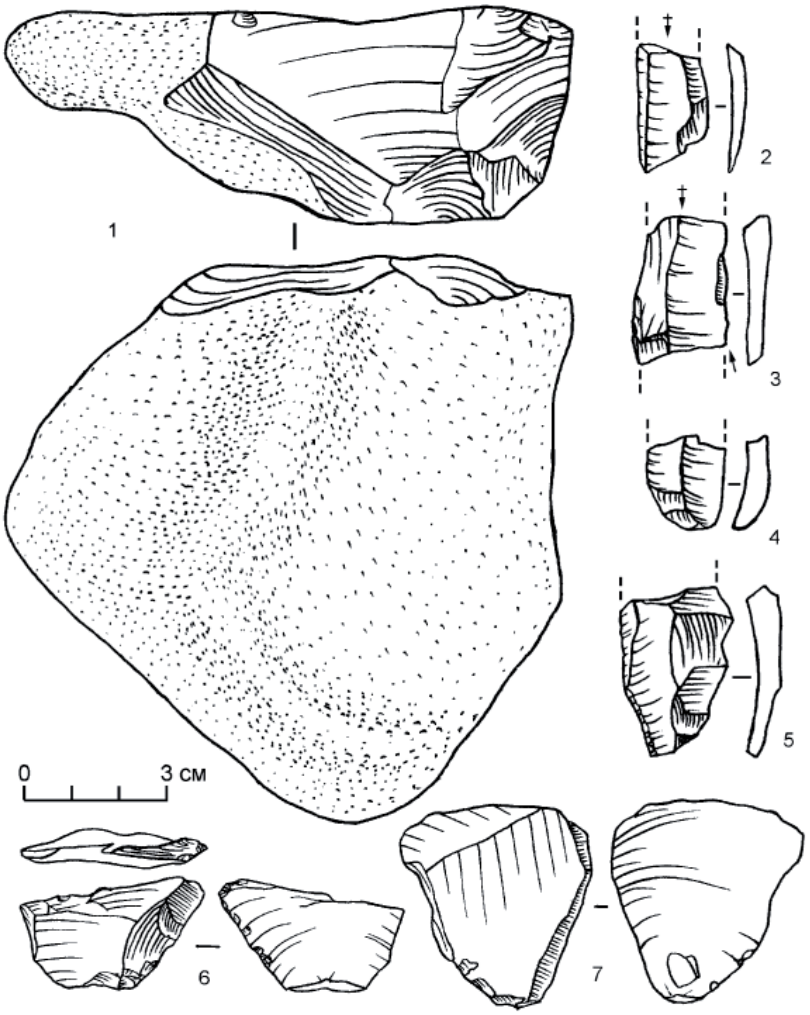

Рис. 6. Пещера Кульюрт-Тамак. Каменные изделия:
1 – пренуклеус; 2, 4, 5 – пластины; 3 – резец; 6 – отщеп с ретушью; 7 – отщеп
(по: П.Е. Нехорошев, Е.Ю. Гиря, 2004)

небольшого острия (проколка, орудие с «шипом», «клювовидное») или угла заготовки (усечённая пластина, с углом, выделенным микровыемкой и резцовым микроосколком, отщеп с обработанным углом). Скребки менее характерны, но присутствуют – это концевой скребок из раскопок 1971 г. и левый скребковый край «клювовидного» орудия, а также данные трасологического анализа… Технология расщепления камня характеризуется развитыми приёмами получения пластин с одноплощадочных нуклеусов, видимо, призматической и подконусовидной формы. Основная заготовка – пластина». «Анализ следов износа на орудиях» позволил «выделить ряд изделий, связанных с обработкой мягких органических материалов – шкур животных, жил и сухожилий» и, возможно, растительных материалов (Нехорошев, Гиря, 2004, с. 27).

По определению И.Е. Кузьминой и А.Г. Яковлева, в культурном слое представлены фрагменты костей таких животных, как мамонт, носорог, пещерный лев, бизон, песец, лошадь (?), волк (?), барсук (?), заяц, сурок, копытный лемминг и др. (Нехорошев, Гиря, 2004, с. 17).

По мнению П.Е. Нехорошева и Е.Ю. Гири, «состав коллекции, а именно – преобладание количества орудий по отношению к отходам производства – отщепам (без учета чешуек) подтверждает точку зрения О.Н. Бадера о том, что памятник является временным охотничьим лагерем, причем, можно добавить, неоднократно посещавшимся в течение длительного промежутка времени, о чем свидетельствует значительная мощность культурного слоя и наличие множества зольных пятен на разных уровнях. Судя по составу инвентаря, на памятнике производился ремонт и незначительное

изготовление орудий, в частности, замена микропластинок-вкладышей, изготовление крепёжного материала («верёвок») из сухожилий» (Нехорошев, Гиря, 2004, с. 33). На временный характер обитания указывает и широкий спектр признаков острого дефицита «качественных кремневых пород» (Нехорошев, Гиря, 2004, с. 33).

С точки зрения культурной принадлежности, по мнению П.Е. Нехорошева, индустрия Кульюрт-Тамака «прекрасно вписывается» в культурно-хронологическую схему П.Ю. Павлова, «занимая промежуточное положение, как в культурном, так и в хронологическом отношении, между стоянкой Талицкого и Горной Талицей» (Нехорошев, 1997, с. 50; Нехорошев, Гиря, с. 34).

Сходство индустрии Кульюрт-Тамака с материалами из Каповой пещеры, расположенной в 1 км вверх по течению р. Белой, по словам П.Е. Нехорошева, «определяется только в самых общих чертах по наличию развитого пластинчатого расщепления, микропластинок с притупленным краем, клювовидного орудия, пластин с обработанным концом… Однако полного сходства и трудно ожидать: Капова является памятником совершенно другого типа – пещерным святилищем. В.Е. Щелинский отмечает сходство самого общего плана каменного инвентаря Каповой с каменной индустрией стоянки Талицкого» (Нехорошев, Гиря, 2004, с. 34).

Капова пещера (Шульган-Таш) (Бурзянский район, Республика Башкортостан, р. Белая) находится на территории государственного природного заповедника «Шульган-Таш». Пещера представляет собой систему залов, галерей и коридоров, расположенных на трех гипсометрических уровнях (этажах), нижний из которых занят речкой Подземный Шульган.

Первые палеоантропологические находки были сделаны в 1760 г. при осмотре пещеры академической экспедицией П.И. Рычкова, когда в Купольном зале Каповой пещеры была найдена «сухая человеческая голова» – по всей видимости, череп человека (Житенёв, 2011). В 1896 г. экспедицией в составе Д. Соколова, Ф. Симона, И. Заневского был обнаружен ещё один череп (Житенёв, 2011). Кроме того, вероятно, членами этой же экспедиции были собраны и другие материальные свидетельства посещения пещеры первобытным человеком, в частности – нуклеус янгельского типа (Матюшин, 1976). В 1959 г. А.В. Рюмин выявил настенные изображения палеолитического возраста. Первые археологические исследования в 1960–1978 гг. проводил О.Н. Бадер (Бадер, 1965). В 1982–1991 гг. комплексное изучение Каповой пещеры возглавлял В.Е. Щелинский (Ščelinsky, Širokov, 1999). С начала 2000-х годов на памятнике в разные годы работали экспедиции под руководством Т.И. Щербаковой и В.Г. Котова (Котов, Ляхницкий, Пиотровский, 2004; Щербакова, 2015). С 2008 г. и по настоящее время исследования проводит Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ (Житенёв, 2018). На сегодняшний день в залах среднего (рис. 7) и верхнего (рис. 8, 9) ярусов пещеры известны настенные изображения (фигуры мамонтов, лошадей, носорога, бизона, верблюда, рыбы, зооантропоморфа, геометрические знаки и многочисленные неидентифицируемые пятна и линии).

Время посещения Каповой пещеры в верхнепалеолитический период определяется в интервале некалиброванных дат от 16010±100 (KN-5023) до 13930±300 л. н. (ГИН-4853) (Житенёв, Пахунов и др. 2015). Калиброванные результаты радиоуглеродного датирования показывают возраст от 19500 до 16000 л. н. Результаты радиоуглеродного датирования находятся в соответствии с результатами уран-ториевого датирования (Дублянский, Мосли и др., 2016). Имеющиеся на сегодняшний день результаты датирования не охватывают материалы из горизонтов посещения финального палеолита и нижних, наиболее древних слоев, выявленных в Купольном зале.

К настоящему времени есть все основания аргументировано говорить о сложном структурировании Каповой пещеры как подземного палеолитического святилища и с точки зрения расположения настенных рисунков, и с точки зрения расположения следов деятельности человека. На сегодняшний день в Каповой пещере обнаружены разнообразные типы археологических объектов верхнепалеолитического времени: площадки посещения; изолированные скопления минерального красочного пигмента (т. н. «кладики»); спрятанные между крупных глыб (и в ряде случаев прикрытые сверху камнями или плитами) палитры и покрытые охрой камни; «закладки»; следы художественной деятельности в виде капель краски и др.

В ходе исследований экспедиции под руководством В.Е. Щелинского в зале Знаков на среднем этаже пещеры был выявлен и изучен культурный слой (рис. 10, 11) площадки посещения верхнепалеолитического времени (Щелинский, 1996; Житенёв, 2018).

В.Е. Щелинским приведены результаты палинологического изучения культурного слоя: «Спорово-пыльцевой спектр, выявленный в культурном слое, по предварительному заключению Г.М. Левковской, содержит пыльцу древесных пород – 30%, травяно-кустарничковых растений – 66%, спор – 4%. Среди пыльцы древесных пород доминирует плохо развитая, уродливая пыльца ели (56%). Определена пыльца сосны обыкновенной,

березы кустарниковой, лиственницы и можжевельника. В составе пыльцы травяно-кустарничковых растений господствует пыльца астровых... Встречена пыльца злаков, осок, цикориевых, ириса, неопределимых травянистых, подорожника ланцетолистного. Обнаружены споры сфагновых мхов и, что особенно важно, плауна сибирского. Данный палинологический комплекс указывает на то, что в период формирования культурного слоя климат был суровым» (Щелинский, 1997, с. 31). И.Е. Кузьминой и Н.И. Абрамсон по фрагментам костей из раскопа В.Е. Щелинского определены следующие виды животных: «обломок бивня мамонта, кости пещерного медведя, зайца беляка, лисицы, песца, сурка, пищухи, тушканчика, копытного лемминга и др. мелких грызунов. Присутствие песца и копытного лемминга особенно интересно, так как это указывает на тундровые условия времени образования культурного слоя» (Щелинский, 1997, с. 31).

Культурный слой изучен на площади около 68 кв. м. Помимо охры «в суглинке много дресвы, мелких обломков сталагмитов и сталактитов, остроугольной щебенки и местами глыб известняка. Встречены также истлевшие органические остатки, залегавшие хаотично. Они представляют собой ржаво-желтые и ярко-оранжевые продолговатые пятна рыхлого волокнистого тлена, передающие контуры кусочков дерева длиной 5–10 см и шириной 1–3 см» (Щелинский, 1997, с. 32). По наблюдениям автора исследований, «… каких-либо сооружений или концентраций археологического материала в культурном слое не встречено, но зафиксировано несколько кострищ, располагавшихся без определенной системы. Учитывая местоположение культурного слоя в отдаленном зале пещеры, не может не удивлять факт наличия в нем этих кострищ, равно как и обилия древесного угля». Отмечено, что «…вещественные и остеологические находки располагались как у кострищ, так и в отдалении от них» (Щелинский, 1997, с. 31).

В.Е. Щелинский характеризует каменный инвентарь (рис. 10, 11) и другие находки так: «Представленный в культурном слое археологический комплекс интересен и очень информативен. Он включает в себя: различные сколы из разных пород камня и изделия – 193; орудия из галек – 3; костяные изделия – 7; украшения в виде бусин и подвесок – 17; глиняную жировую лампу – 1; глыбу известняка с фрагментом рисунка мамонта – 1.

По исходному сырью доминируют изделия из известняка и кальцита. Однако обращает на себя внимание состав изделий из этих материалов. Почти все они представляют собой невзрачные мелкие отщепы (53) и чешуйки (67) часто с остатками корки и невыраженными ударными площадками. При этом нуклеусов из этого сырья нет (кстати сказать, нуклеусы вообще отсутствуют в культурном слое). Похоже, что эти известняковые и кальцитовые сколы не были заготовками для орудий и, как показал трасологический анализ, они, действительно, практически не использовались в качестве орудий труда и заготовок для них. Лучшие изделия изготовлены из кремня сероватых оттенков и зеленовато-коричневой яшмы. Основной категорией сколов-заготовок являются пластины. При этом в основном они представлены сечениями длиной от 1,3 до 6,5 см. Целые пластины лишь немногим крупнее; две-три из них имеют длину больше 10 см. Правильные пластины единичны, но многие изделия уплощены (есть трех-четырехгранные); у большинства изделий края не параллельные, извилистые. Тем не менее техника изготовления пластин развитая. При расщеплении нуклеусов на пластины, как, впрочем, и на пластинки, точка для скалывающего удара тщательно готовилась, ударная площадка зауживалась интенсивным стесыванием и легкой пришлифовкой прилегающего к ней края поверхности скалывания нуклеуса, что придавало последней оптимально выпуклый профиль и обеспечивало скалывание качественных пластинчатых заготовок. Орудий из скола со вторичной обработкой всего 18 экз.: острие типа граветт, концевые скребки (2), орудие с резцовым сколом, орудие с клювовидной рабочей частью, пластины с обработанным концом (2), выемчатое орудие, зубчатые орудия (2), пластины с ретушью (2), отщеп с ретушью и микроизделия (5). Последние представляют собой сечения мелких пластинок с ретушью. Они трех типов. Выделяются три пластинки (длина 1–1,6 см, ширина 0,3–0,4 см) с затупленной спинкой, образованной вертикальной ретушью. Имеется сечение подтреугольной пластинки (1,8×0,8 см) со спинкой, образованной крутой ретушью, и вогнутым усечением проксимального конца. Еще на одном сечении мелкой пластинки (1×0,5 см) фиксируется мельчайшая краевая ретушь. Среди орудий из галек выделяется крупный (длина около 13 см) чоппинг» (Щелинский, 1997, с. 31, 32).

По мнению исследователя, «неожиданными оказались результаты функционально-трасологического анализа каменных изделий комплекса. Обращает на себя внимание большой процент изношенных от использования в работе орудий. И это касается не только изделий со вторичной обработкой, но и сколов из кремня, яшмы и некоторых других пород камня без дополнительного оформления…» (Щелинский, 1997, с. 33).

«Из малочисленных костяных орудий примечательны два: небольшое шило с ретушной под-

Рис. 7. Капова пещера. Зал Хаоса, панно «Лошади и знаки»

Рис. 8. Капова пещера. Зал Рисунков, Восточное панно

Рис. 9. Капова пещера. Зал Рисунков, Западное панно

работкой острия и крупный нож (длина 21 см) с оббитым и ретушированным лезвием из обломков трубчатых костей. Привлекают к себе внимание украшения в виде бусин и подвесок. Бусины однотипны (4 экз.). Они боченочковидной формы, длиной меньше 1 см, просверлены с двух сторон и изготовлены из мягкого камня желтовато-зеленоватого благородного серпентинита. Хорошо видно, что бусины не новые, а заметно изношенные от ношения, с истертыми краями и отверстием. Среди подвесок (3 экз.) две из тонких пластиночек кости (может быть, бивня мамонта). Они маленькие, округлой формы (диаметр 0,6 и 0,9 см). Отверстие у них прорезано. Еще одна подвеска (сломанная) – из плоской галечки (около 3 см) сланцеватой породы камня, со сверленным с двух сторон отверстием. Обнаружены также многочисленные украшения в виде маленьких раковин ископаемых моллюсков с проткнутым отверстием (длина большинства раковин всего 0,4–0,6 см) (Щелинский, 1997, рис. 4). Таких раковин моллюсков до сих пор не находили на Урале, но их много в древних отложениях Поволжья и Прикаспия. Эти украшения, как и другие редкие находки из культурного слоя (глиняная жировая лампа, кусочки охры со стертыми краями, глыба известняка, отпавшая или отбитая в древности от стены пещеры, с фрагментом красочного рисунка мамонта), представляют особый интерес и заслуживают отдельного описания» (Щелинский, 1997, с. 33).

В культурном слое зала Знаков (средний этаж пещеры) были обнаружены и необработанные серпентинитовые галечки. Из зала Хаоса известна и случайная находка чашечки из серпентинита в форме моллюска (Житенёв, 2018). В результате работ Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ фрагмент серпентинитовой галечки был обнаружен в культурном слое верхнепалеолитического возраста на верхнем этаже пещеры в зале Рисунков. Обнаружение серпентинитового материала служит дополнительным и немаловажным свидетельством близкого культурного родства групп, посещавших оба этажа пещеры и выполнявших содержательно разные (в плане представленных образов и знаков) изображения в разных отделах пещеры. Открытие серпентинитового сырья и изделий в верхнепалеолитических культурных слоях на разных этажах в залах с настенными палеолитическими изображениями делает еще более обоснованным мнение о верхнепалеолитическом возрасте чашечки, обнаруженной вне археологического контекста на первом этаже пещеры. Использование серпентинитового сырья,

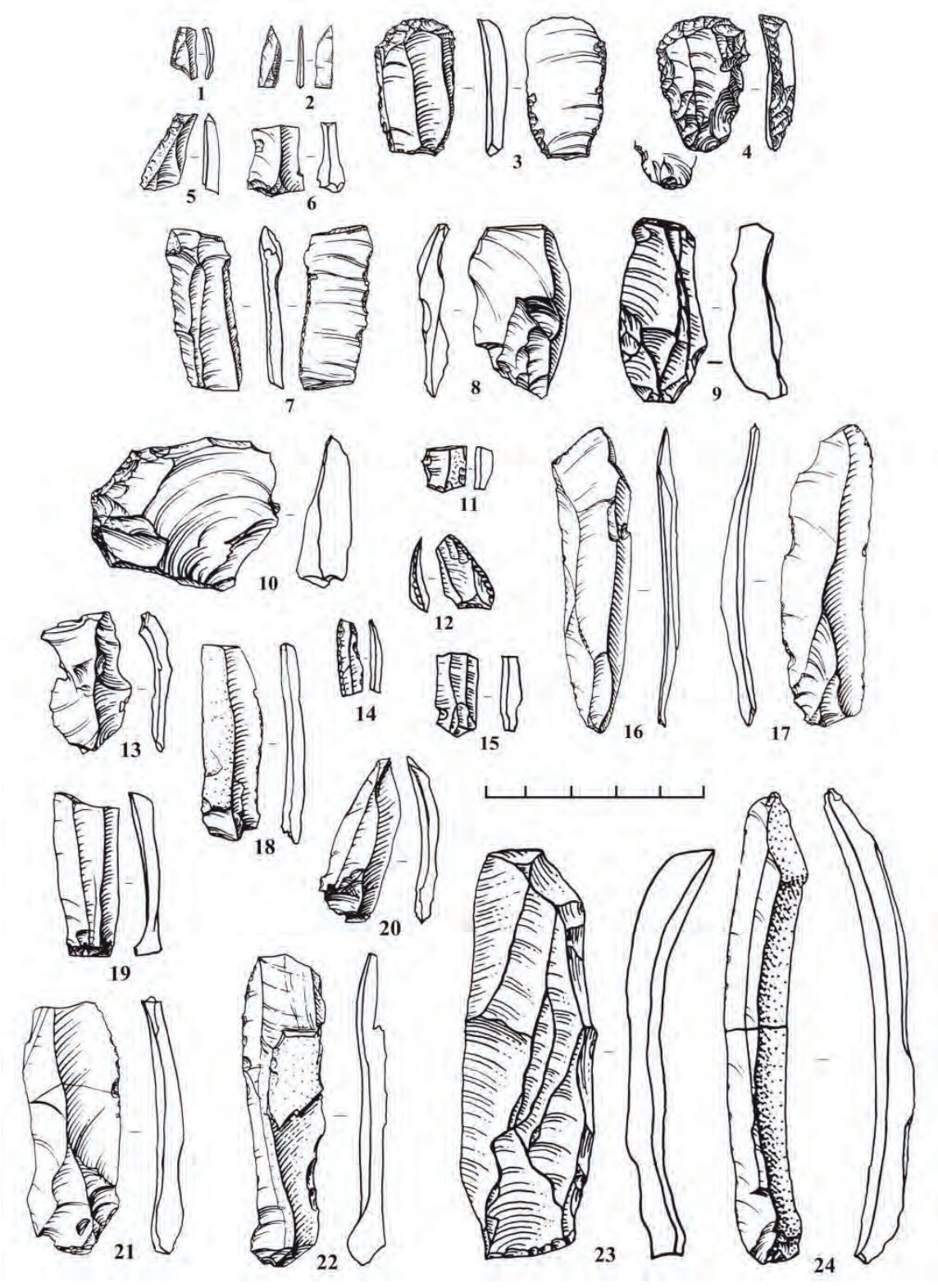

Рис. 10. Капова пещера. Каменные изделия из кремня, яшмы и горного хрусталя (7) из культурного слоя зала Знаков (по: В.Е. Щелинский, 1997)

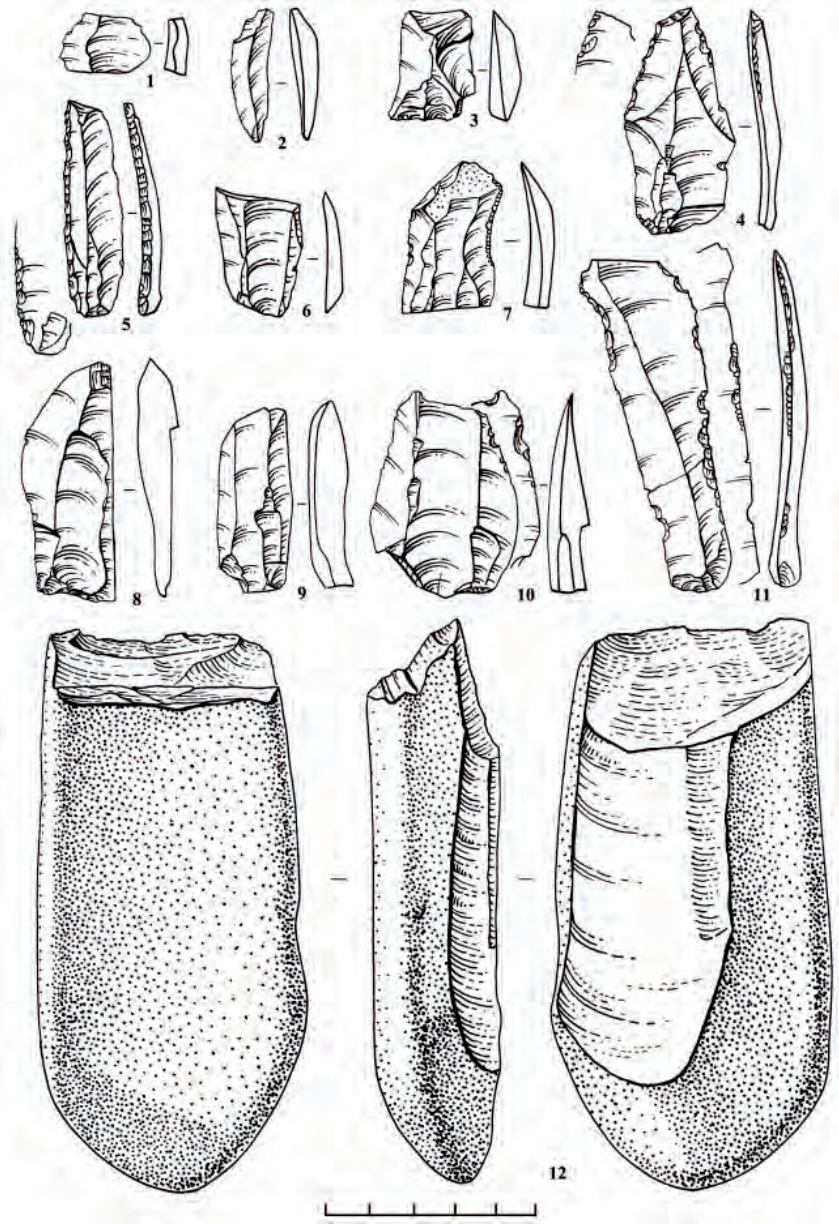

Рис. 11. Капова пещера. Каменные изделия из кремня, яшмы и песчаника (12) из культурного слоя зала Знаков (по: В.Е. Щелинский, 1997)

в том числе и для изготовления украшений, и зауральской яшмы для производства орудий ясно указывает одно из направлений передвижений верхнепалеолитических коллективов Южного Урала между Каповой пещерой и районом Магнитогорского синклинория, т. е. на расстояние до 150 км (Житенёв, 2017, с. 18).

В.Е. Щелинским определены особенности исследованных им остатков палеолитического святилища в пещере: «Выявленный археологический комплекс святилища, безусловно, своеобразен. Необычность его определяется:

– малочисленностью костных останков крупных животных в культурном слое,

– невыраженностью в нем структуры в распределении культурных остатков, отсутствием рабочих площадок,

– неполным циклом производства каменных орудий, так как по крайней мере расщепление камня производилось за пределами святилища,

– большим количеством изношенных от разных функций и сломанных каменных орудий при отсутствии в культурном слое соответствующих остатков большинства из обрабатывавшихся материалов,

– своеобразным составом украшений.

Все это наводит на мысль о том, что верхнепалеолитические люди, оставившие этот комплекс

вещей, не жили в пещере, служившей для них святилищем, а лишь периодически появлялись в ней для совершения обрядов» (Щелинский, 1997, с. 33, 34).

Исследователь приходит к выводу: «Культурная атрибутика археологического комплекса святилища Шульган-Таш вполне отчетливая. Это типичный верхний палеолит, какой можно встретить, например, к западу от Урала на Восточно-Европейской равнине. В комплексе представлены орудия на нормальных пластинах, хорошо выражен микроинвентарь в целом позднеграветтийского облика. Орудия на гальках единичны. В общих чертах каменный инвентарь святилища Шульган-Таш сходен с каменной индустрией наиболее представительного в уральском регионе памятника верхнего палеолита – Островской стоянки им. М.В. Талицкого, хотя и не повторяет целиком эту индустрию. В Шульган-Таш пластинки с затупленной спинкой более мелкие, а скребки более крупные, совсем нет микроскребков и долотовидных орудий, украшения тоже совершенно другие. В настоящее время археологический комплекс Шульган-Таш не находит достаточно полных аналогий на Урале. Возможно, это связано с функциональными особенностями пещеры как ритуального места, а не поселения. Вместе с тем уральский палеолит изучен еще очень слабо, и мы пока не знаем всего разнообразия его культурных проявлений. Факт наличия в комплексе украшений из раковин ископаемых моллюсков, больше всего известных в Поволжье и Прикаспии, позволяет думать о возможных связях верхнепалеолитических культурных традиций святилища Шульган-Таш в первую очередь с этими регионами» (Щелинский, 1997, с. 33).

В Купольном зале выявлено несколько пунктов распространения культурных слоев как позднеплейстоценового, так и голоценового времени (Житенёв, 2011). В Западной нише зала в позднеплейстоценовых отложениях на сегодняшний день зафиксировано девять горизонтов посещений с культурными остатками эпохи верхнего палеолита, демонстрирующих неоднократность посещения этого участка зала с настенными изображениями и свидетельствующих о периодическом подновлении рисунков (Житенёв, 2018). Исследования на этом и других участках продолжаются.

Одним из наиболее насыщенных культурными остатками является пятый горизонт посещения в шурфе № 1 Купольного зала. Пятый горизонт посещения фиксируется на глубине –0,74/–0,81 м и представляет собой углисто-охристый слой со значительным количеством мелких древесных углей, крупинок и обломков охры, фрагментов костей и других находок, связанных с деятельностью человека верхнепалеолитической эпохи. Зафиксировано два золистых пятна. Найдено большое количество фрагментов преднамеренно сколотых кальцитовых натеков и известняка. Обнаружен осколок с ретушью из зауральской яшмы. Изделия из аналогичного материала были открыты в зале Знаков экспедицией В.Е. Щелинского (Ščelinsky, Širokov, 1999, p. 76–79).

Среди находок из этого горизонта посещения выделяются обломок ископаемой раковины моллюска (с фрагментом отверстия) и целая необработанная раковина Theodoxus cf. astrachanicus Stew. Такая же целая раковина с отверстием обнаружена в культурном слое с каменной вымосткой (верхнепалеолитический слой № 2). Аналогичные предметы обнаружены в культурном слое зала Знаков, расположенном в схожих стратиграфических условиях (Ščelinsky, Širokov, 1999, p. 81). В.Е. Щелинский вначале рассматривал раковины из коллекции зала Знаков как часть «естественной местной малакофауны», синхронной культурным остаткам (Ščelinsky, Širokov, 1999, p. 81). Однако по данным Я.И. Старобогатова, «речь идет о раковинах очень древних пресноводных моллюсков, живших в плиоцене или ранее. На Урале они не встречались, однако хорошо известны из отложений вдоль Волги и у берегов Каспийского моря» (Ščelinsky, Širokov, 1999, p. 81). Верхнепалеолитические украшения из раковин в Каповой пещере являются одной из важнейших категорий предметов, демонстрирующих Поволжское и Прикаспийское направление связей людей, использовавших пещеру (Щелинский, 1997).

Открытие на панно «Лошади и знаки» в зале Хаоса фигуры двугорбого верблюда (рис. 7), животного, не обитавшего на Южном Урале в эпоху верхнего палеолита, но жившего в Прикаспийском регионе, подтверждает теорию о Волжско-Каспийском направлении связей людей, организовавших святилище в Каповой пещере. Это особенно важно – в свете открытий на Балканах и в Западных Карпатах возможного пути распространения традиций создания пещерных святилищ с настенными изображениями (Абрамова, 1997; Cârciumaru, 1983; Clottes et al., 2010–2011; Ruiz-Redondo, 2014; и др.).

Тот факт, что люди, жившие на Южном Урале в Ледниковом периоде, изображали не только общеевропейские образы лошадей, бизонов, мамонтов и шерстистых носорогов, но и представителей макрорегиональной фауны, свидетельствует о достаточно долгом развитии традиции пещерного искусства в регионе. Это подтверждает и анализ каменных орудий (Павлов, 2012).

Яркими находками из пятого горизонта стали и два фрагмента (рис. 12) костей сурка с орнамен-

том (Житенёв, 2014). Палеозоологические материалы представлены в основном фрагментами, в т. ч. кальцинированными, костей зайца и сурка, что находит прямые аналогии в остеологической коллекции из зала Знаков (Кузьмина, Абрамсон, 1997). По всей видимости, на исследуемом участке распространения культурных остатков происходили короткие приемы пищи, своеобразные «перекусы». Использование мяса грызунов (и сурков в их числе) зафиксировано на многих памятниках верхнего палеолита (Гвоздовер, 2001, с. 337; Кузьмина, 2000, с. 151; Леонова и др., 2006, с. 227–239). Большое значение фактов пищевого использования сурков в Каповой пещере, наряду с ихтиологическими и некоторыми малакологическими материалами, связано с возможностью косвенного определения сезона посещения пещеры людьми верхнего палеолита – по всей видимости, в теплое время года (летне-осенние месяцы).

Необычная структура была обнаружена в Купольном зале Каповой пещеры. Каменный завал представляет собой обособленную часть зала (между глыбой с ацефальным изображением животного и юго-восточным углом, стены которого и ограничивают площадь завала) в виде полого поднимающегося возвышения, переходящего в неровную, относительно горизонтальную площадку, сформированную большим количеством фрагментов каменных плит и плиток, а также маленьких, средних и больших камней и глыб известняка. В каменном завале найдены плитки, частично покрытые красочным пигментом, а также другие следы деятельности человека верхнепалеолитического времени. Важным является аргументированное доказательство факта намеренного принесения плиток и плит в противовес мнению об их происхождении в результате обвала.

Камни и плитки в завале располагаются как горизонтально, так и подвертикально в несколько условных слоев. Среди россыпи камней и плиток встречаются отдельные плиты размерами до 0,45×0,35 см. Однако подавляющее большинство камней и плиток имеют меньшие размеры. Между плитками и камнями в завале в некоторых местах встречаются древесные угольки, фрагменты костей животных среднего размерного класса и мелких грызунов, крупинки охры и единичные каменные изделия.

Во всех уровнях залегания выявлены концентрации камней и плиток, окрашенных красной охрой. Окрашенные предметы, даже расположенные относительно недалеко друг от друга, не часто производили впечатление намеренно уложенных вместе и рядом.

Однако в положении ряда камней (без следов окрашенности) просматривается намеренность укладывания. Особенно это касается случаев перекрытия небольших объемов плотно составленными между собой осколками известняка. На «дне» изолированной полости, заложенной сверху камнями, был обнаружен фрагмент достаточно крупной плитки с фрагментом фигурного изображения (части фигуры лошади?). Рядом найден средних размеров камень с приставшей к нему микропластинкой с притупленным краем. Микропластинка с ретушью по краям и выделенной выемкой изготовлена из коричневато-серого кремня, пластины из похожего сырья были найдены в шестом горизонте посещения у Западной ниши Купольного зала. Этот факт позволяет делать предварительные выводы о возможной взаимосвязи этих двух пунктов распространения культурных остатков в одном зале Каповой пещеры.

Зооантропоморф из Каповой пещеры имеет явные общие иконографические (типологические признаки/схемы) параллели с изображениями похожих гибридных существ из Франко-Кантабрийской области развития палеолитического искусства (Абрамова, 1966; 2005; Duhard, 1992; Leroi-Gourhan, 1983–84; Tymula, 1995).

Основные аргументы, позволяющие сделать подобные выводы, следующие. Форма головы: изображенная анфас, подтреугольная. Положение туловища: твердая опора на ноги, т. е. бипедия, несмотря на значительный наклон вперед. Положение рук: у большей части зооантропоморфов руки согнуты в локтях и направлены вперед. Изображение ног: часто не имеют аналогов среди изображаемых лап животных. Выраженный знак пола: как и у многих франко-кантабрийских изображений, не выделен. Хвост: обозначен.

Определить элементы конкретных родов/видов животных в изображении рассмотренного образа не представляется на сегодняшний день возможным, как и на многих франко-кантабрийских рисунках и гравировках.

Одним из важных результатов работы является выявление взаимосвязи изобразительных панно во всех залах среднего этажа (Купольный, Знаков и Хаоса) на основе представленности «молоточковидных» (Т-образных) знаков. Наличие этого типа знаков и их включенность в изобразительные схемы (композиции) панно позволяют выделить этот знак (с вариациями) в отдельный тип и считать, наряду с трапециями с «ушком», одним из знаков-маркеров пещеры. Следует обратить внимание и на тот факт, что «молоточковидный» знак отсутствует на Восточном панно зала Рисунков (рис. 8), тогда как на панно «Лошади и знаки» его изображение есть (рис. 7), что снова подчеркивает намеренное различие в построении композиции этих столь явно (даже демонстративно) похожих панно

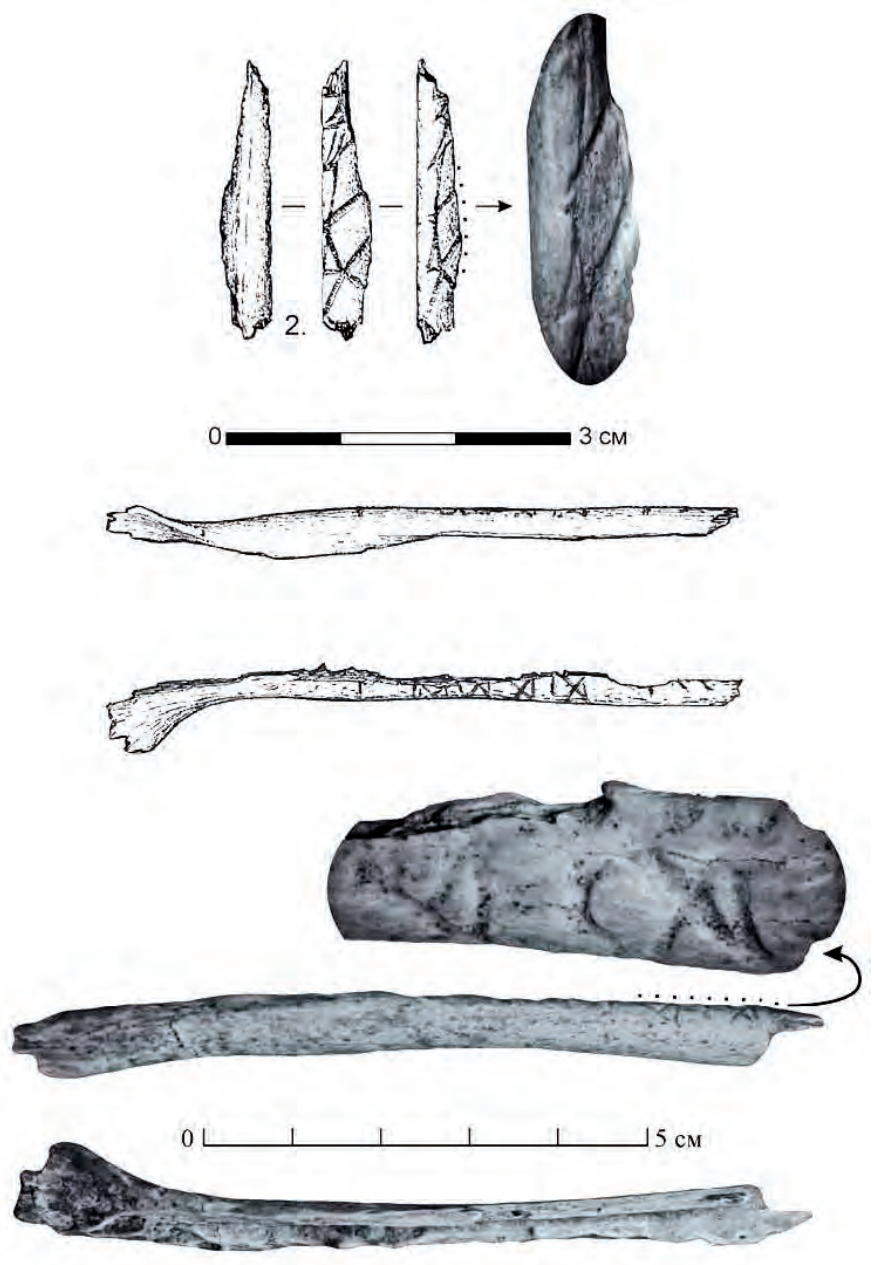

Рис. 12. Капова пещера. Орнаментированные кости сурка (по: В.С. Житенёв, 2014)

разных этажей. Присутствие «молоточковидных» знаков в Щели наглядно демонстрирует взаимосвязь основных панно среднего этажа[3].

Следует отметить, что в Каповой пещере присутствуют среди изображений геометрические знаки, аналогичные знакам из франко-кантабрийских пещер. Это и «точки»; и знаки-треугольники, изображающие, по мнению ряда исследователей, вульву; а также «овалы»; линии; расческообразный (pectiform) знак и некоторые другие. Наиболее распространенные знаки – трапеции – входят в широкий круг типа «четырехугольников» (quadrangle)[4]. Наиболее яркие аналогии трапециям, сложным знакам, аналогичным представлен-

[3] Геометрические знаки (например, знаки типа Плакар) во франко-кантабрийских пещерах имеют большее значение для определения хронологической и культурной близости художественных ансамблей, чем стиль (Lorblanchet, 2004; Petrognani, Robert, 2009). Тогда как внешнее единство стиля не может быть априорным доказательством археологической синхронности изображений. Что со всей очевидностью показали результаты прямого радиоуглеродного датирования казавшихся внешне монолитными ансамблей изображений, например, таких пещер, как Альтамира, Коске, Нио и ряда других (Шер и др., 2004; Clottes, 1997; Clottes et al., 2005; Pike et al., 2012; Valladas et al., 1992; 2001; 2001a).

[4] Аналогичный геометрический знак представлен рядом с изображением лошадей и других фигур на Черном фризе в Игнатиевской пещере.

ному на панно «Решетка», знаку «лестница Бадера» и другим представлены на стенах испанских пещер Эррериас, Тито Бустийо, Агуас де Новалес, Эль Кастильо и некоторых других. Однако эти аналогии требуют дальнейшего обсуждения (Ruiz-Redondo et al., 2020).

Таким образом, утверждение тезиса[5] о связи прямого происхождения изобразительного ансамбля Каповой пещеры с Франко-Кантабрийской областью развития пещерного искусства верхнего палеолита базируется на следующих основаниях:

– реалистичность изображений животных (включая изображение отдельных частей тела и этологических особенностей) и одновременно стилизация отдельных элементов фигур (с внутренней изменчивостью отдельных деталей), из которой складывается индивидуальный канон памятника;

– широкое использование естественных особенностей рельефа стены (как при изображении отдельных фигур, так и для выделения изобразительных панно или их частей);

– общий набор технических изобразительных приемов (включая этапность создания фигур);

– особенности изображения и выделения отдельных частей тела (включая холку, круп, горб, линию живота и др., рога и уши носорога) также демонстрируют глубокое знание франко-кантабрийских деталей изобразительного канона;

– преобладание геометрических знаков, часть из которых находит прямые аналоги в изобразительных комплексах французских и испанских пещер, а часть представляет собой типичные для каждого памятника уникальные типы геометрических знаков, построенные на основе общих принципов и логике знаковых систем франко-кантабрийского региона;

– вариабильность изображений, подчеркивающая как индивидуальную изменчивость экстерьера животных, так и возможную изменчивость подхода к изображениям внутри канона, с учетом индивидуального опыта, видения и мастерства отдельных художников;

– зонированность в размещении образов и тем, как между этажами, так и в пространстве каждого из них.

[5] Следует подчеркнуть, что все исследователи Каповой пещеры (О.Н. Бадер, В.Е. Щелинский, В.Г. Котов) и большинство авторов (З.А. Абрамова, В.П. Любин, А.К. Филиппов), обращавшихся к теме стилистических особенностей изобразительного ансамбля памятника, отмечали его, безусловно, франко-кантабрийские черты (напр., Абрамова, 1997; Любин, 1991; Любин, Щелинский, 1988; Столяр, 1997; Филиппов, 1997; 2004). Одними из наиболее аргументированных последних работ, конечно, содержащих ряд дискуссионных положений, являются статьи В.Н. Широкова (Широков, 2013; 2016).

Материалы из верхнепалеолитических памятников Южного Урала свидетельствуют о распространении художественных практик в регионе. Среди наиболее значимых можно назвать Игнатиевскую пещеру, а также Серпиевскую II, Мурадымовскую-2, Сикияз-Тамак X; Заповедную и Сикияз-Тамак I со следами использования красочных пигментов и манипуляций с костями пещерного медведя. На Среднем Урале – это стоянка Талицкого как пример художественной поведенческой активности, связанной со сбором, доставкой и использованием на площади поселения плиток, окрашиванием и разрушением некоторых из них.

Игнатиевская пещера расположена в Катав-Ивановском районе Челябинской области, на правом берегу р. Сим, в 8 км от д. Серпиевка. Вход в пещеру – арочной формы (высота 12 м, ширина 12 м), находится на высоте 12 м над уровнем (в межень) р. Сим, в горе Ямазы-Таш (Петрин, 1992).

Общая длина ходов Игнатиевской пещеры составляет 545 м. Пещера коридорного типа, относится к этажным карстовым полостям, являясь системой галерей и залов на двух гипсометрических уровнях, разработанных «по тектоническим трещинам на северо-запад и восток», «последнее направление представлено короткими соединительными ходами между параллельными галереями, образующими замкнутые “кольцовки”. В дальней части пещеры – круто уходящий наверх широкий лаз, разработанный по межпластовой трещине. Характер отложений говорит о близости этого участка к поверхности. В остальной части пещера горизонтальная» (Лобанов и др., 1971, с. 43).

Впервые в научной литературе Игнатиевская пещера была описана в 1786 г. академиком П.С. Палласом, который посетил оба яруса, составил их описание, а также обнаружил антропологические останки (Житенёв, 2011).

Первое комплексное изучение Игнатиевской пещеры, включавшее и археологические исследования, провел в 1913 г. С.И. Руденко (Руденко, 1914). С целью изучения рыхлых отложений во Входном гроте была заложена траншея (1,5×7,1 м), где в двух слоях были обнаружены культурные остатки, среди которых преобладали фрагменты керамики, датируемые эпохами от бронзы до Средневековья. Изделий из камня найдено не было. На поверхности Низкого коридора и прилегающих участках был собран значительный вещевой и антропологический материал. Фрагменты глиняных сосудов, железный наконечник стрелы и поделка из кости датируются временем не ранее эпохи бронзы. Примечательно, что никаких упоминаний о красочных пигментах нет.

В 1938 г. осмотр Игнатиевской пещеры произвел С.Н. Бибиков, но сообщений о производстве

каких-либо археологических работ не было сделано (Бибиков, 1950а).

В 1951 г. разведочные работы во Входном гроте Игнатиевской пещеры провела М.А. Бадер на площади трех шурфов (по 1 кв. м каждый) (Бадер, 1980). Часть костей из фаунистической коллекции, по мнению О.Н. Бадера, «оказалась расколотой», поэтому, несмотря на отсутствие каменного инвентаря в плейстоценовых слоях, исследование пещеры было решено продолжить (Бадер, 1980, с. 66, 67).

В 1960–1961 гг. во Входном гроте Игнатиевской пещеры возобновились исследования под руководством О.Н. Бадера (Бадер, 1980, с. 66, 67). Всего было изучено 57 кв. м: в 1960 г. у северной стены Входного грота площадь раскопа составила 39 кв. м, а в 1961 – 18 кв. м. В результате работ, кроме материалов голоценового времени, было обнаружено пять изделий из камня (Бадер, 1980, с. 70). Найдены и антропологические останки: «…фрагмент человеческого черепа (затылочная кость с прилегающими частями теменных), а в другое время еще и обломки локтевой кости человека, лучевой кости, еще один обломок локтевой и фаланга. Кости человека залегали на глубине от 0,30 см до 0,80 см. По мнению Э.А. Вангенгейм, они явно голоценовые (две кости найдены на глубине не свыше 30 см), но более глубокие находки могут указывать на более ранний, плейстоценовый возраст. Г.Ф. Дебец, ознакомившийся с остатками черепа в 1962 г., определил его принадлежность к виду Homo sapiens и, отметив его массивность и ярко выраженный рельеф, считал, что эти черты свойственны в большей мере верхнепалеолитическим, чем более поздним черепам. Вопрос о возрасте черепа остается открытым» (Бадер, 1980, с. 69). И снова нет никаких упоминаний о красочных пигментах.

В 1980 г. археологической экспедицией под руководством В.Т. Петрина в Игнатиевской пещере была зафиксирована настенная живопись, а сами работы продолжались с 1980 по 1986 гг. (Петрин, 1992). Исследования проводились в нескольких направлениях: раскопки и сбор подъемного материала, изучение настенных изображений и отдельно интерьера пещеры. Важной составляющей работ стало привлечение представителей естественно-научных специальностей для проведения комплексного анализа полученных в ходе работ материалов, в т. ч. минеральных красочных пигментов (Пальчик, 1992).

Всего известно более 50 настенных изображений, расположенных в Большом и Дальнем залах. Рисунки выполнены красным минеральным и черным (древесным углем) пигментами. Репертуар изобразительного ансамбля представлен красочными нечитаемыми пятнами; разнообразными, в основном геометрическими, знаками: зооморфными (преобладают фигуры и лошадей) и антропоморфными изображениями (Петрин, 1992; Широков, Петрин, 2013). Стиль большинства красных изображений серьезно отличается от привычного «верхнепалеолитического реализма». Наиболее близки к нему изображения лошадей Черного панно в Дальнем зале (рис. 13).

В результате археологических работ на площади пяти раскопов были обнаружены культурные остатки (рис. 14), датированные разными эпохами. И только в раскопах I–III (Большой зал) был зафиксирован «культурный слой посещений» со значительным числом «комочков охры, угольков, артефактов и сколов со стен», остеологических материалов (Петрин, 1992, с. 96). Технико-морфологический анализ каменного инвентаря «показал, что он относится к верхнему палеолиту» (Петрин, 1992, с. 104) (рис. 14).

По древесным углям из культурного слоя были получены следующие даты: 14240±150 л. н. (СОАН-2209); 13335±193 л. н. (ИЭМЭЖ-365); 10400±465 л. н. (СОАН-2468) (Широков и др., 2003). Палеобиологические материалы согласуются с радиоуглеродными данными, удостоверяя верхнепалеолитический возраст горизонта посещения около настенных изображений (Косинцев, 1992). Стратиграфическое подтверждение позднеплейстоценового возраста культурных остатков заключается прежде всего в характере литологического слоя – красной пещерной глины, в которой обнаружены следы деятельности человека, – а также в наличии прослойки белого мондмильха, отделяющей вышележащий литологический слой от культурного слоя (Петрин, 1992).

В IV и V раскопах (соответственно Низкий переход и Входной грот) обнаружены «разновременные культурные остатки» (Петрин, 1992, с. 97).

На основе результатов полевых исследований В.Т. Петрин условно разделил пещеру «на три зоны: а) святилище (Большой и Дальний зал); б) “переходная зона” (Низкий переход, Основной коридор) и в) внешняя зона (Входной грот и Входной коридор)» (Петрин, 1992, с. 86). Также был сделан вывод о синхронности культурных остатков, сколов со стен и настенных изображений, которые были датированы эпохой верхнего палеолита (Петрин, 1992, с. 140–143).

Таким образом, красочные пигменты при исследовании рыхлых отложений Игнатиевской пещеры зафиксированы только в верхнепалеолитическом слое зоны святилища – Большом зале, на стенах которого расположено большинство изображений красного цвета.

Рис. 13. Игнатиевская пещера. Дальний зал, фрагмент Черного панно

В 1998 г. В.Н. Широковым совместно с коллегами из США были отобраны образцы с рисунков черного и красного цветов, в т. ч. «Черного мамонта» из Дальнего зала. Полученные после обработки проб в Техасском университете A&M (TAMU), в Ливерморской национальной лаборатории (CAMS) результаты показали голоценовый возраст изображений черного цвета: 7370±50 л. н. (CAMS-56586, cal. – 6390–6080); 7920±60 л. н. (CAMS-56271, cal. – 7040–6640); 6030±100 л. н. (CAMS-67688, cal. – 5300–4650) (Широков и др., 2003; Steelman et al., 2002). Загрязнение образцов, по мнению авторов лабораторных исследований, исключается, пигмент рисунка красного цвета содержит слишком мало углерода и непригоден для датирования (Широков и др., 2003).

В связи с полученными датами встает закономерный вопрос о возрасте комплекса настенных изображений пещеры, выполненных красными минеральными пигментами, прямое датирование которых на сегодняшний день невозможно. Имеющиеся в специальной литературе оценки и мнения основываются по большей части на анализе особенностей стиля и репертуара изображений (Широков, Волков, 2006; Формозов, 1998, 2000; Дэвлет, Дэвлет, 2005). Однако опубликованные новые результаты радиоуглеродного (по древесному углю из дообследованного раскопа I В.Т. Петрина: 16,289–17,413 кал. л.н. (OxA-39967 – OxA-39970)) и радиоизотопного датирования ^{230}Th-методом позволяют более обоснованно утверждать верхнепалеолитический возраст изобразительного ансамбля памятника (Дублянский и др., 2021).

С 2009 г. полевые археологические исследования в Игнатиевской пещере проводит Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ. Важной составляющей работ является изучение красочных пигментов изобразительного комплекса памятника. До окончания полного аналитического исследования минерального состава красок настенных рисунков рассмотрение вопроса о возможном возрасте изображений следует начать с археологического контекста красочных пигментов в культурных слоях пещерных памятников верхнепалеолитического периода Южного Урала. Основная цель этого обзора состоит в необходимости прояснения ситуации с использованием охры на разных типах памятников – от святилищ до кратковременных охотничьих стоянок.

Таким образом, число верхнепалеолитических памятников, где обнаружены свидетельства ис-

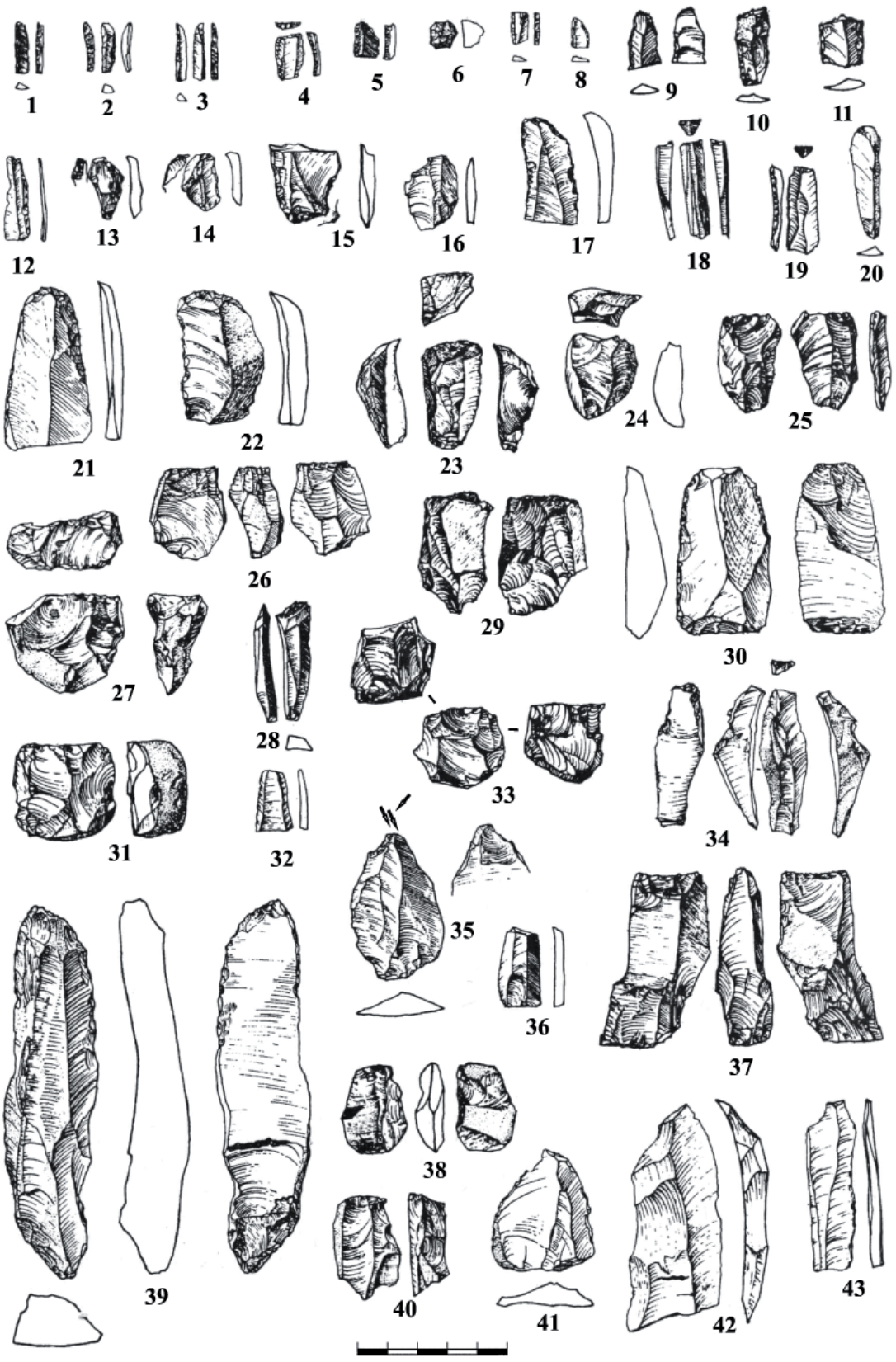

Рис. 14. Игнатиевская пещера. Каменные изделия
(по: В.Т. Петрин, 1992, рис. 84–87, 96; В.С. Котов, 2009, рис. 10):
1–8, 12–17, 21–24, 27, 35, 41 – раскоп IV; 9–11, 18–20, 25, 26, 28–34, 36–39, 40 – раскоп V;
39 – пластина их Дальнего зала

пользования охры, составляет лишь 15% от общего количества пещерных стоянок Южного Урала (даже с учетом пропущенных памятников, по которым у автора нет данных, процент стоянок с красочными пигментами в культурном слое оказывается крайне низким). В большинстве случаев красочные пигменты встречаются в незначительном количестве. И только в культурных слоях пещерных памятников с настенными рисунками охра представлена очень широко – она приурочена, как правило, именно к пунктам распространения монументальных изображений. Такая ситуация наблюдается только в Каповой и Игнатиевской пещерах.

С одной стороны, это может быть связано с небольшой площадью исследований пещерных памятников Южного Урала (Бибиков, 1950; 1959; Житенёв, 2009; Павлов, 2001; 2012). С другой стороны, подавляющее большинство известных пещерных стоянок бедны инвентарем и относятся к кратковременным охотничьим стоянкам, на которых, по всей видимости, не происходила какая-либо активная хозяйственно-бытовая или ритуальная деятельность, связанная с использованием красочных пигментов.

Следует отметить, что с нахождениями охры связаны не только верхнепалеолитические, но и голоценовые культурные остатки в некоторых пещерах. Например, охра в контексте погребений, относящихся к эпохе голоцена, обнаружена в пещерах Барановская, Усть-Катавская II и др. (Бибиков, 1950а; Житенёв, 2011). Результаты анализа пигментов из погребения в Барановской пещере и Барановской I писаницы позволяют говорить о непосредственной связи писаницы и погребения (Житенёв, 2009). Кроме того, наличие красочного пигмента зафиксировано в культурном слое (6443–5213 лет до н. э., или 6900±600 (RGI-58)) Мурадымовской 2 пещеры с настенными изображениями голоценового времени (Котов и др., 2010, с. 226). Необходимо особенно подчеркнуть, что в культурных слоях голоценового времени южноуральских пещерных памятников охра в том количестве, в котором она представлена в культурном слое Большого зала Игнатиевской пещеры, не встречается.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что, по имеющимся на сегодняшний день данным, на Южном Урале только в пещерах с верхнепалеолитическими настенными изображениями культурные слои насыщены красочными пигментами. Следовательно, археологический контекст рисунков Игнатиевской пещеры, выполненных красной охрой, должен свидетельствовать об их верхнепалеолитическом возрасте. Между тем результаты стилистического анализа, по мнению ряда исследователей, входят в противоречие с этим тезисом, чему особенно способствует результат радиоуглеродного анализа. В связи с этим необходимо отметить следующее.

Во-первых, обсуждаемые образцы были сделаны в период бурного развития метода акселераторной масс-спектрометрии (AMS), а полученные результаты являются следствием особенностей методики конкретной лаборатории.

Во-вторых, несмотря на то, что визуально действительно складывается ощущение «голоценовой стилистики» большинства настенных изображений, лишь серия естественно-научных результатов комплексных анализов позволит ответить на вопрос о возрасте рисунков Игнатиевской пещеры. И новые данные радиоизотопных исследований свидетельствуют об их верхнепалеолитической датировке .

В-третьих, сходство археологического контекста красочных пигментов в позднеплейстоценовых культурных слоях рядом с настенными изображениями в Каповой и Игнатиевской пещерах, как и отсутствие свидетельств использования охр в голоценовых слоях, в том числе с палеоантропологическими останками, на обоих памятниках, позволяет склоняться к мысли о верхнепалеолитическом возрасте по крайней мере части рисунков Игнатиевской пещеры.

В-четвертых, даже после получения убедительных свидетельств любого (голоценового или позднеплейстоценового) возраста ансамбля изображений вопрос о стиле останется открытым. И его обсуждение – от «забегания вперед» (при позднеплейстоценовом возрасте рисунков «голоценового стиля»/«стиля писаниц») до аналогий со «слоноподобными» фигурами Центральной Азии голоценового времени (Кубарев, 2001) – будет связано с изучением процессов продолжения и развития традиций монументального искусства верхнего палеолита в голоценовую эпоху и проблемы носителей этих традиций в регионе (Павлов, 2001; Савельев, 1997).

Основным фактором малочисленности свидетельств художественных практик на Южном Урале можно назвать особенности уральского верхнего палеолита, который на сегодняшний день характеризуется практически полным отсутствием сведений о долговременных стоянках под открытым небом, а подавляющее большинство пещерных памятников являются кратковременными убежищами охотников-собирателей со слабовыраженными горизонтами посещения и бедным инвентарем (Житенёв, 2009; Павлов, 2012; Щербакова, 2001).

В заключение следует подчеркнуть и явное сходство изобразительных практик, связанных

с раскрашенными плитками Каповой пещеры и стоянки Талицкого и европейскими аналогами, прежде всего с пещерными памятниками Швабской Юры, а также Апеннин и Франко-Кантабрии (Broglio et al., 2006; 2009; Conard, Floss, 1999; Dalmeri et al., 2009; González Sainz et al., 2003; Roldán et al., 2013; 2016; Utrilla, Mazo, 2011).

Стоянка Сергеевка 1 расположена на левом берегу Нугушского водохранилища, рядом с впадением р. Нугуш, в 3,5 км к северо-востоку от п. Нугуш (Мелеузовский район Республики Башкортостан) и является местонахождением открытого типа. На поверхности стоянки были найдены целые кости и фрагменты костей, которые, по мнению археозоолога Д.О. Гимранова, были «плейстоценовой сохранности» (192 экз.). Большая часть костей – это остатки (зубы) плейстоценовой лошади (86 экз. – 90%), единичные кости других животных: бизона (5 костей – 6%), носорога, оленя, мамонта (по одной кости) (Гимранов, Котов, Курманов, Румянцев, 2012).

По наблюдениям исследователей, «находки относительно равномерно встречаются на протяжении 200 м обнажения поверхности террасы, начиная с бурого суглинка. Насыщенность находками примерно одинаковая: на 4 кв. м одна находка. Концентрация каменных изделий повышается к востоку. Культурные отложения в виде единичных сколов кремня были зафиксированы в основании бурого суглинка, в зачистке береговых отложений. Зольных или углистых прослоек в обнажении берега отмечено не было. Площадь памятника составляет по самым скромным оценкам более 2 тыс. кв. м. …Наличие наклона (к воде) поверхности с находками, образованной светло-бурой глиной, равномерная рассеянность материала, отсутствие структурированности культурных отложений, плохая сохранность костей и следы повреждений некоторых каменных изделий указывают на то, что культурный слой незначительно переместился вниз по склону в результате солифлюкционных процессов. Возможно, культурные отложения были в дальнейшем размыты водами палео-Нугуша, перемещены частично вниз по течению реки. Предположительно по этой причине не было установлено и наличие каких-либо скоплений материала, связанных с жилыми или производственными площадками» (Гимранов и др., 2012, с. 25).

По наблюдениям исследователей, изделия из яшмы и кремня различной окраски были изготовлены из приносного сырья.

«Всего собрано 1528 изделий из камня. Среди них нуклеусов из кремнистых пород – 120 экз. Преобладают одноплощадочные подпризматические (24 экз., или 29%) и конусовидные (7 экз., или 8,4%) нуклеусы. Для данных нуклеусов характерно оформление выпуклого фронта скалывания поперечными боковыми сколами от тыльной стороны и/или утончением основания со второй ударной площадки. Тыльная сторона в основном уплощенная, формируется поперечными, параллельно-встречными или радиальными снятиями. На большинстве нуклеусов присутствуют следы редуцирования карниза мелкими сколами, на остаточных нуклеусах – следы абразивной обработки» (Гимранов и др., 2012, с. 25) (рис. 15).

По данным исследователей стоянки, «самой многочисленной категорией оказались резцы различных типов: на углу сломанной пластины, ретушные, многофасеточные, латеральные, двойные, тройные и пр. Следующей по численности категорией являются скребки. Они также имеют различную форму. Из них наиболее характерны для памятника следующие типы: стрельчатые, с шипом, вентральные, с рыльцем, двойные, округлые, высокой формы. Есть комбинированные орудия: скребок-резец, скребок-острие и др. Не менее многочисленны различные изделия с чешуйчатой подтеской углов, шиповидных выступов и острий: резчики, клювовидные формы, орудия с шипом, острия. Среди орудий выделены морфологически проколки с плечиками. Большую серию образуют орудия с выемками на пластинах и отщепах. Хорошо выражены долотовидные, в основном они имеют четырехугольную форму. Среди пластин единичными экземплярами представлены усеченные ретушью пластины и пластинки с притупленным краем. Мустьерские черты в орудийном наборе проявляются в наличии крупных скребел на массивных леваллуазских отщепах и галечных орудий (чопперы, молоты и рубящие орудия типа «цалди»). Архаическими чертами в оформлении орудий следуют считать размещение рабочих участков на вентрале или на проксимальном участке пластин и отщепов. Однослойность стоянки, представительная коллекция каменных орудий, полный технологический цикл и разнообразие инструментов позволяют достаточно надежно соотнести этот памятник с материалами других уральских стоянок, прежде всего со стоянкой Талицкого» (Гимранов и др., 2012, с. 28) (рис. 16, 17).

Семьдесят с лишним лет назад на «II конференции Комиссии ископаемого человека АИЧПЕ было постановлено организовать систематические поиски палеолита в неисследованных районах, к числу которых был отнесен и Южный Урал» (Бибиков, 1940, с. 35). В том же 1937 г. по приглашению Челябинского областного музея С.Н. Бибиков совершил первую ознакомительную поездку на Южный Урал для изучения Усть-Катавской костеносной пещеры и прошел «небольшим раз-

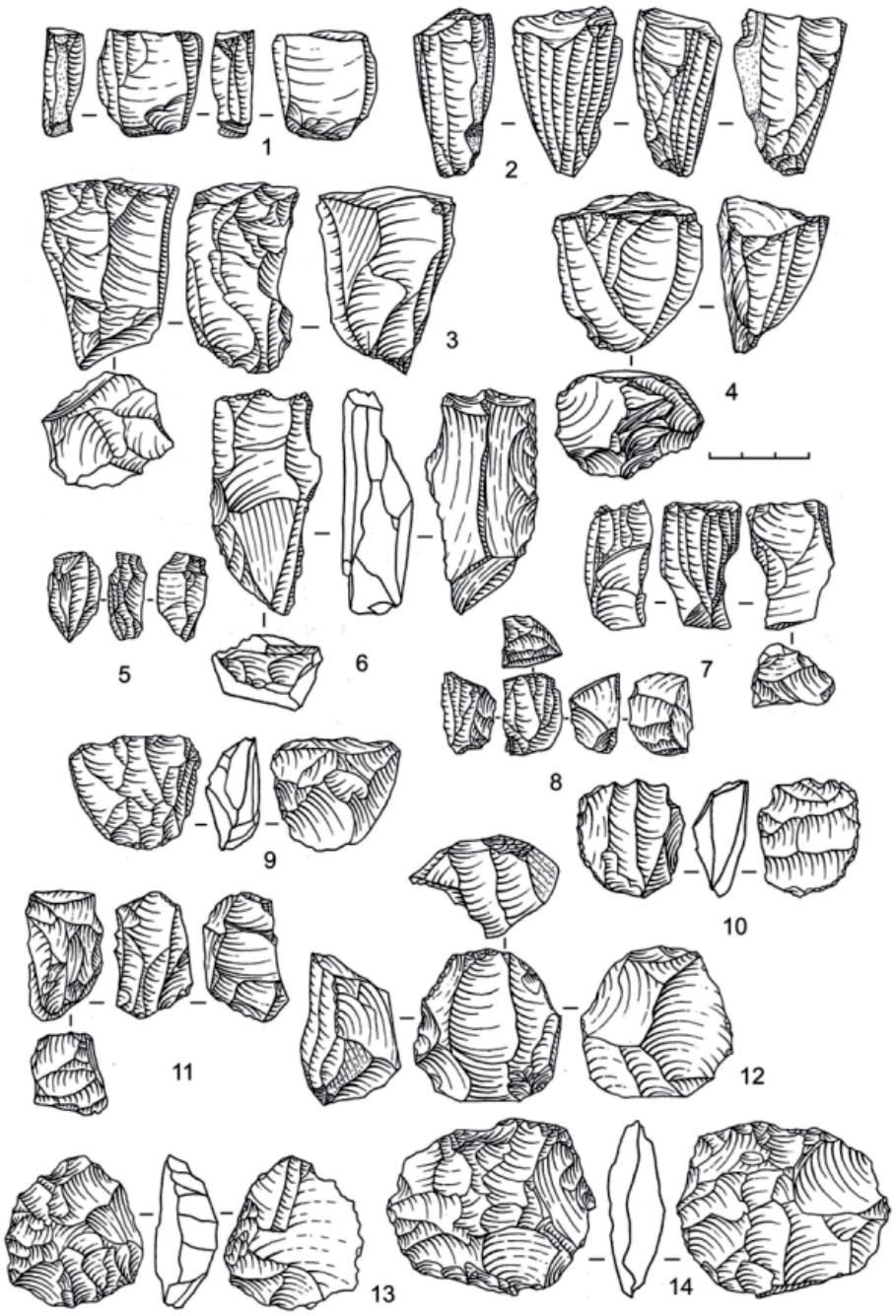

Рис. 15. Стоянка Сергеевка 1. Нуклеусы (по: Д.О. Гимранов и др., 2012).=

ведочным маршрутом» в окрестностях г. Усть-Катав (Бибиков, 1941, с. 64). Основными результатами работ того года стало обнаружение первых кремневых верхнепалеолитических материалов и подготовка к планомерному изучению долины реки Юрюзань в 1938–1939 гг., в ходе которых были открыты и исследованы пещерные стоянки эпохи позднего палеолита (Бибиков, 1950; Карачаровский, 1951). Одним из важнейших итогов проведенных исследований было выявление «связующего звена между двумя очень обширными палеолитическими областями Европейской и Азиатской частей СССР» (Бибиков, 1950, с. 104). С.Н. Бибиков, несмотря на короткое время полевых работ в горно-лесной зоне Южного Урала, составил ценный и актуальный до сегодняшнего дня план дальнейших работ по изучению региона.

Продолжение исследований Южного Урала на основе результатов работ С.Н. Бибикова стало одним из важнейших направлений деятельности Южно-Уральской экспедиции МГУ в момент ее образования. Работы по изучению пещерных памятников в бассейнах рек Ай и Юрюзань с 1999 г. проводятся Южно-Уральской археологической экспедицией МГУ на таких памятниках, как: пе-

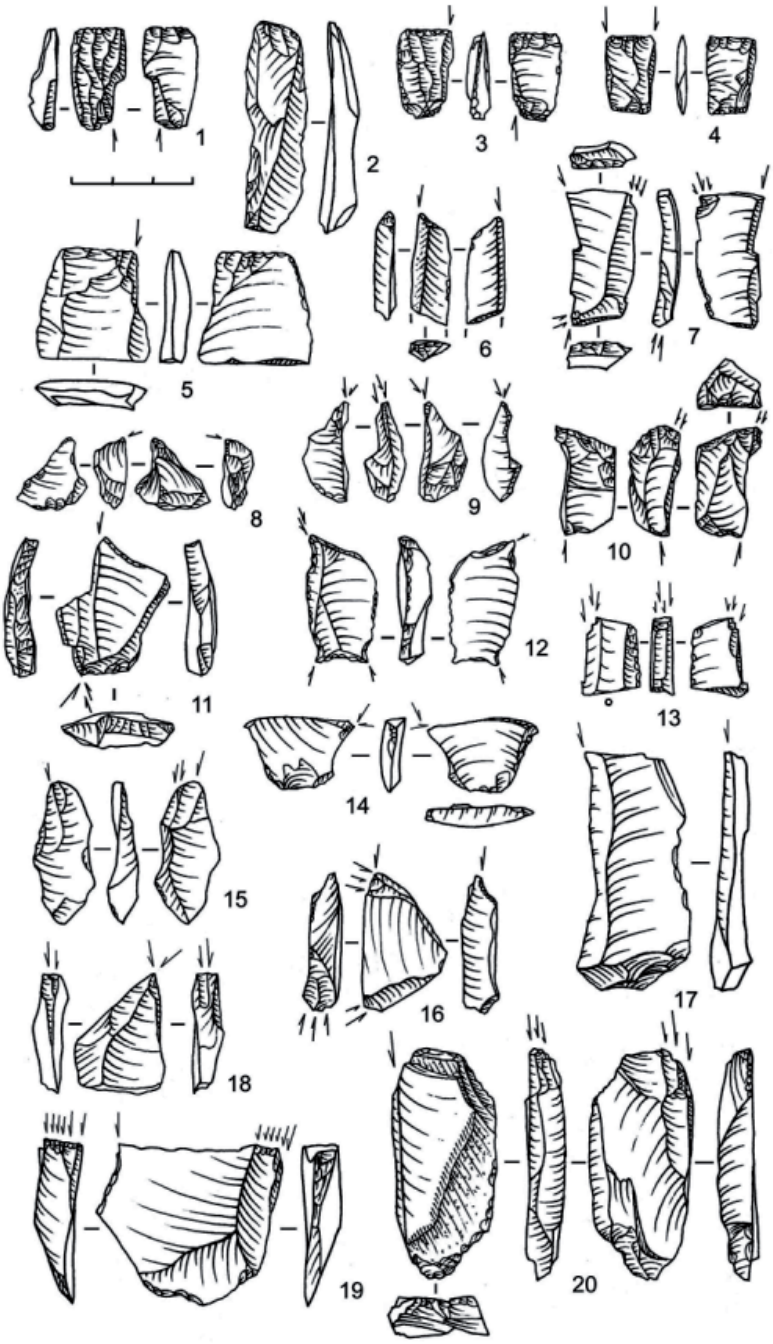

Рис. 16. Стоянка Сергеевка 1. Каменные изделия:
1-5 – долотовидные орудия, 6-20 – резцы (по: Д.О. Гимранов и др., 2012)

щеры Сикияз-Тамак I, V и X, Бурановская и Ключевая, Игнатиевская, Серпиевская II и Капова. В результате многолетнего археологического изучения Южного Урала так и остается (за редчайшим исключением) незыблемым тезис С.Н. Бибикова о кратковременном характере посещений пещерных палеолитических стоянок и малочисленности каменного инвентаря в культурном слое этих памятников. К сожалению, до сих пор не удалось в должной мере выполнить намеченный С.Н. Бибиковым план изучения «водораздельных плато, склонов возвышенностей и низин» с целью обнаружения долговременных палеолитических стоянок (Бибиков, 1940, с. 39).

Представленный взгляд П.Ю. Павлова на развитие культурной истории человечества в верхнем палеолите Урала, за рядом единичных дискуссионных мелкомасштабных вопросов, представляется сейчас наиболее разумным и археологически аргументированным.

Результаты рекогносцировочных исследований реки Белой, междуречья рек Ай и Юрюзань на участках, откуда поступает в музеи Республики Башкортостан и Челябинской области большое

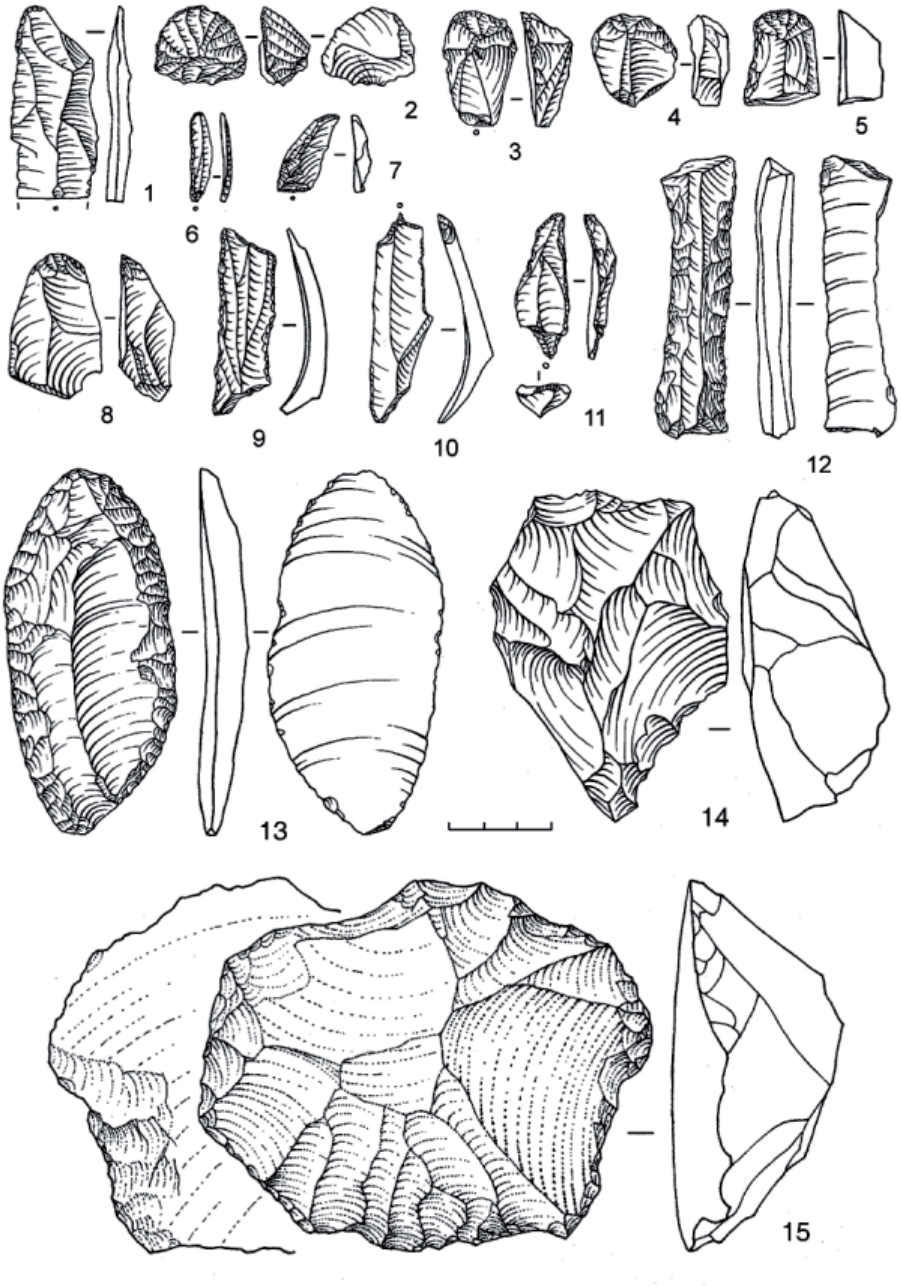

Рис. 17. Стоянка Сергеевка 1. Каменные изделия:

1 – орудие с шипом; 2 – нуклеус-скребок; 3-5, 8 – скребки высокой формы; 6 – микроскребок на пластинке с ретушью; 7 – острие на пластинке; 9, 11 – острие двойное на ретушированной пластине; 10 – проколка; 12 – орудие с выемчатыми лезвиями на массивной пластине; 13 – конвергентное скребло; 14 – скребло с зубчатым лезвием; 15 – скребло – рубящее орудие на леваллуазском отщепе (по: Д.О. Гимранов и др., 2012)

количество костных остатков мамонтовой фауны, по всей видимости, позволяет надеяться на возможное в обозримом будущем обнаружение долговременных палеолитических поселений.

ГЛАВА 7
ПАМЯТНИКИ РУБЕЖА ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА УСТЬЯ КАМЫ И ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Хронологические и палеогеографические рамки главы охватывают период постепенного изменения климатических и ландшафтных условий от ледниковых (перигляциальных) к ранним послеледниковым. Согласно современным палеографическим данным, в Европе и на прилегающих территориях переходный период начался с этапа, на котором произошло существенное потепление в хронологическом интервале 12750–11100 ^{14}C лет назад, которое состояло из двух теплых фаз – бёллинг (12750–12250 ^{14}C л. н.) и аллерёд (11800–11100 ^{14}C л. н.) – и фазы незначительного похолодания между ними – средний дриас (12250–11800 ^{14}C л. н.). За межстадиальным потеплением бёллинг – аллерёд последовало финальное глубокое похолодание – поздний дриас (11000–10300 ^{14}C л. н.). Окончание перигляциальных условий позднего дриаса ознаменовало собой наступление современного климатического (межледникового) периода, именуемого голоцен. Хронологические рамки начального этапа голоцена – пребореального периода, по данным палеогеографии, охватывают 10300–9300 ^{14}C л. н. (Новенко, 2016).

Современный рельеф Среднего Поволжья сформировался в основном в четвертичный период в континентальных условиях. Ледники не затронули эту территорию, граница оледенений на северо-востоке Европы проходила гораздо севернее (Бутаков, 1986). Вместе с тем палеогеографами установлено, что основная часть Среднего Поволжья и Приуралья входила в перигляциальную зону, испытавшую значительное воздействие вечной мерзлоты и сурового континентального климата ледниковья и даже позднеледниковья, когда началась деградация Скандинавского ледяного щита (Дедков 1970; Бутаков 1986; Маркова и др., 2008).

Для природно-климатических условий во время последнего оледенения в регионе было характерно сочетание тундровых, лесных и степных сообществ, а также наиболее широкое распространение элементов степной растительности на территории современной лесной зоны. Во время межстадиальных потеплений бёллинг – аллерёд в Среднем Поволжье среднеиюльские температуры были на 2–3 ºС ниже современных, а января – на 3–4º, здесь произрастали сосново-березовые леса с участием тундровых и тундро-степных растительных ассоциаций. В кратковременный период наступившего затем похолодания позднего дриаса эти леса сменились перигляциальными разреженными хвойными лесами, а в Заволжье установился ландшафт перигляциальной степи. С началом бесповоротного перехода к современным климатическим и ландшафтным зонам, который наступил около 10,3–10,2 тыс. лет назад, на протяжении пребореала в Среднем Поволжье постепенно формируются сосново-березовые и сосново-еловые леса с участием широколиственных пород в сочетании с лесостепными сообществами (Маркова и др., 2008). Таким образом, район слияния Волги и Камы и прилегающая с юга территория лесостепного Заволжья на рубеже плейстоцена и голоцена были пригодными для освоения первобытными коллективами охотников.

Многолетние поиски палеолитических памятников в Среднем Поволжье, начавшиеся еще во второй половине XIX века, начали приносить результаты в 1920-х годах в Самарском Поволжье и начиная с середины XX в. – в Нижнем Прикамье и Казанском Поволжье. Что касается открытия первых памятников рубежа палеолита и мезолита, то оно произошло в районе устья Камы и в Самарском Поволжье во второй половине прошлого столетия и продолжилось в начале текущего.

Решающий вклад в дело открытия памятников финального палеолита и мезолита в районе слияния Волги и Камы внесли исследования казанских археологов в зоне затопления Куйбышевского водохранилища, начатые в 1961 г. За 13 лет интенсивных поисков, предпринятых А.Х. Халиковым, П.Н. Старостиным, Е.П. Казаковым, Р.С. Габяшевым и М.Г. Косменко, в левобережье устья Камы на останцах террас были обнаружены 12 стоянок и ряд местнахождений этого возраста (Археологическая карта. Западное Закамье, 1986). В 1966 г. в результате разведок по правому берегу Волги, проведенных М.Г. Косменко, были открыты три памятника рубежа палеолита и мезолита – стоянки Сюкеевский Взвоз и Камское Устье II, а также Долгополянское I местонахождение (рис. 1) (Археологическая карта. Предволжье, 1985; Кос-

менко, 1972). Раскопки на стоянке Сюкеевский Взвоз, проведенные М.Г. Косменко в 1968 г., дали представительную коллекцию каменных изделий, ставшую одной из опорных в дальнейших исследованиях каменного века Волго-Уральского региона (Косменко, 1972а; 1977).

В 1967–1973 гг. М.Г. Косменко проводил исследования (сборы подъемного материала, зачистки и шурфовки) на размывающихся левобережных стоянках: Тетюшской III и Косяковской (совместно с Р.С. Габяшевым), Любавской, Семеновской, Нижнемарьянской I, Комаровской I, Атабаевской VIII, Девичий Городок, а также на нескольких местонахождениях (рис. 1). Начиная с 1964 г. Е.П. Казаковым регулярно исследовалась левобережная Коминтерновская стоянка, расположенная в устье р. Актай (Казаков, 2011). Таким образом, в 1960–1970 гг. казанскими археологами были достигнуты первые успехи в выявлении и изучении памятников финального палеолита и мезолита в устье Камы.

Первый шаг в обобщении полевых данных сделал А.Х. Халиков в монографии “Древняя история Среднего Поволжья” (1969). Он убедительно показал перспективность дальнейших поисков в регионе верхнепалеолитических памятников. А.Х. Халиков высказал мнение о том, что верхнепалеолитическое население Среднего Поволжья тяготело к восточноевропейскому палеолиту, в то время как Прикамье и Приуралье испытывало в эту эпоху воздействие Сибири. Вместе с тем А.Х. Халиков предположил, что раннемезолитические памятники Средней Волги принадлежат к сибирскому кругу, о чем, по его мнению, свидетельствуют материалы стоянок Постников Овраг и Сюкеевский Взвоз.

В противоположность этому мнению М.Г. Косменко в кандидатской диссертации, посвященной мезолиту Среднего Поволжья, отнес Сюкеевский Взвоз к кругу финальнопалеолитических стоянок Восточной Европы (Косменко 1972; 1972а). Исследователь ввел в научный оборот все известные к тому моменту комплексы не только устья Камы, но и Среднего Поволжья в целом. М.Г. Косменко выдвинул тезис о культурном единстве финальнопалеолитических и мезолитических памятников с трапециями в инвентаре и о том, что эта общность занимала почти всю территорию Среднего Поволжья, а ее ядро представлено стоянками устья Камы. Позже М.Г. Косменко обосновал понятие “усть-камская” культура, в существовании которой он выделил три этапа (Косменко, 1977). Исследователь также предположил существование в Нижнем Прикамье на более поздних этапах мезолита населения иной культуры – камской. По мнению М.Г. Косменко, на третьем этапе усть-камской культуры ее носители проникают на Среднюю Каму, где взаимодействуют с носителями камской культуры.

В левобережье Куйбышевского водохранилища начиная с 1961 г. на протяжении 30 лет Е.П. Казаков, М.Г. Косменко, Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин регулярно обследовали остатки кремнеобрабатывающей мастерской Девичий Городок, располагавшейся в точке слияния Камы и Волги. Сборы в размытой части стоянки дали находки крупных нуклеусов, пластин и отщепов, а также массивных скребков (Казаков, 2011). А.Х. Халиков, частично опубликовавший коллекцию из сборов 1961 г., отнес стоянку Девичий Городок к раннему мезолиту (Халиков, 1969). Аналогичным образом им были охарактеризованы крупные каменные артефакты, собранные в те же годы на месте размытого останца Курган в устье р. Актай. М.Г. Косменко отмечал среди каменных орудий из стоянок Девичий Городок и Курган крупные скребки на дисковидных отщепах, резцы ретушного типа, крупные скребловидные орудия на овальных отщепах, конические нуклеусы на гальках (Косменко, 1972). Судя по этим особенностям кремневого инвентаря и с учетом ближайшего соседства стоянок Семеновская IV и Измерский остров, с большой долей вероятности можно предполагать финальнопалеолитический – раннемезолитически возраст стоянок Девичий Городок и Курган, которые были полностью размыты к 1980 году.

С началом 1980-х годов открывается новая страница в исследовании палеолита и мезолита устья Камы. С 1981 по 1999 гг. М.Ш. Галимова проводила регулярные раскопки на Сюкеевском Взвозе. В этот период исследовалась как северо-восточная часть этого комплекса разновозрастных памятников, так и юго-западная оконечность, где культурный слой переходного от палеолита к мезолиту времени сохранился в наименее смешанной степени (Галимова, 1992; 2001). В 1989–1990 гг. был раскопан участок памятника, непосредственно примыкающий к раскопу М.Г. Косменко 1968 года. В 1983–1985 гг. проводилось разведочное обследование стоянки Долгая Поляна I (предположительно аналогичного возраста), открытой М.Г. Косменко. В 1984 г. вблизи нее М.Ш. Галимовой была открыта стоянка Долгая Поляна II (рис. 1), подвергнутая раскопкам в 1985 г. В результате раскопок обнаружены два культурных слоя: позднего палеолита и финального палеолита – раннего мезолита (Галимова, 2001).

В 1986–1987 гг. проводились раскопки на стоянке переходного от палеолита к мезолиту возраста Беганчик (Измерский остров) в устье р. Ахтай (рис. 1), в результате чего была получена первая стратифицированная коллекция усть-камской

культуры в левобережье (Галимова, 1991; 2001). В 1986 г. был исследован раскоп на Камско-Устьинской II стоянке, открытой М.Г. Космено. В результате раскопок выяснилось, что памятник содержит три культурных слоя: нижний слой имеет позднепалеолитический возраст, а средний – переходный от палеолита к мезолиту (Галимова, 1991; 2001). Р.С. Габяшевым в 1992 г. при обследовании Усть-Вихлянского комплекса памятников, расположенного на острове – останце второй террасы, была открыта стоянка (рис. 1), предположительно одновозрастная со стоянкой на Сюкеевском взвозе, эти памятники расположены в пределах прямой видимости друг от друга (Археологическая карта. Западное Закамье, 1986).

Е.П. Казаковым в 1991 г. вблизи стоянки Беганчик был исследован еще один памятник – Коминтерновская II (палеолитическая) стоянка, располагавшая в устье р. Актай, на восточной оконечности Измерского острова, напротив п. Коминтерн. Здесь, в кровле толщи четвертичных суглинков, было раскопано небольшое скопление, состоявшее из фрагментов кремневых нуклеусов, сколов-отходов, а также трубчатых костей птиц (Казаков, 2011). На основании стратиграфии и характера кремневых находок, аналогичных материалам стоянки финального палеолита Беганчик, данную стоянку предположительно можно рассматривать как одновозрастную и однокультурную.

С началом XXI века исследования памятников рубежа палеолита и мезолита в приустьевом Закамье продолжились, хотя и с меньшей интенсивностью, чем во второй половине XX в. В 2000 г. спасательные раскопки стоянки Беганчик были возобновлены М.Ш. Галимовой. В 2013, 2018 и 2020 гг. ею совместно с Н.С. Березиной, А.Ю. Березиным и Е.П. Михайловым проводились разведочные исследования на стоянке Беганчик у левого берега устья р. Актай и на стоянке у пос. Коминтерн на мысу правого берега реки (рис. 1). В результате были получены значительные коллекции кремневых артефактов, относящиеся к усть-камской культуре (Галимова, Березина, Березин, 2018; Галимова, Березин, Березина, Михайлов, 2021).

В Самарском Поволжье в последнее десятилетие XX в. были обнаружены несколько памятников предположительно финальнопалеолитического – раннемезолитического облика. В первую очередь, это стоянка Троицкое I, расположенная в нижнем течении р. Чапаевки – левого притока Волги (рис. 1). Раскопки стоянки Троицкое I, осуществленные в 1994 г. О.В. Кузьминой, А.И. Королевым и А.А. Ластовским, выявили культурный слой каменного века, связанный с погребенной почвой (Ластовский, 2008).

В Самарском Заволжье значительным событием стало открытие в 2002 г. могильника и поселения рубежа палеолита и мезолита на горе Маяк, которые являются частью комплекса памятников эпохи раннего железа и раннего Средневековья, исследованного у с. Сиделькино на р. Черемшан, левого притока Волги (рис. 1). Основная коллекция каменных артефактов происходит из раскопа № 6 площадью 124 кв. м, изученного в 2002–2004 гг. экспедицией Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина под руководством Д.А. Сташенкова и А.Ф. Кочкиной, при участии Л.В. Кузнецовой (Сташенков, 2003; Кузнецова, Ластовский, Сташенков, Хохлов, 2004). За годы раскопок в раскопе 6 было изучено крупное скопление каменных артефактов и три древнейших в регионе погребения, частично разрушенных карьером (Сташенков, 2003).

Финальнопалеолические памятники в районе слияния Камы с Волгой располагаются компактной группой по обоим берегам Куйбышевского водохранилища. Геолого-геоморфологическое изучение особенностей рельефа и стратиграфии стоянок, расположенных на правом берегу Волги, было осуществлено специалистами географического факультета Казанского государственного университета А.П. Дедковым, В.И. Мозжериным, Г.П. Бутаковым (Галимова, Дедков, Мозжерин, 1983; Бутаков, Галимова, Мозжерин, 1988). Сравнение геолого-геоморфологических условий залегания памятников усть-камской культуры позволило разделить их на две хронологические группы. В первую объединены стоянки переходного от плейстоцена к голоцену времени: Сюкеевский Взвоз, средний слой Камского Устья II, Беганчик, Тетюшская III, Семеновская IV, Усть-Вихлянская. Вторую хронологическую группу образуют усть-камские мезолитические стоянки, бытовавшие в раннем голоцене: Косяковская, Любавская, материал которых рассмотрен в разделе «Мезолит» настоящего тома.

Культурные слои стоянок правобережья связаны с делювиальными отложениями поздневалдайского возраста, покрывающими склон волжской долины (Камское Устье II, Сюкеевский Взвоз). Стоянки финального палеолита левобережья также приурочены к этим отложениям, слагающим останцы второй террасы или ее коренной край (Беганчик, Семеновская IV, Усть-Вихлянская, Девичий Городок и др.). Культурный слой Тетюшской III стоянки был связан, вероятно, с плащом эоловых осадков, покрывавших склоновые отложения останца второй надпоймы (рис. 1).

Камское Устье II, средний слой

В раскопе площадью 55 кв. м изучены остатки кремнеобрабатывающей мастерской, где зафик-

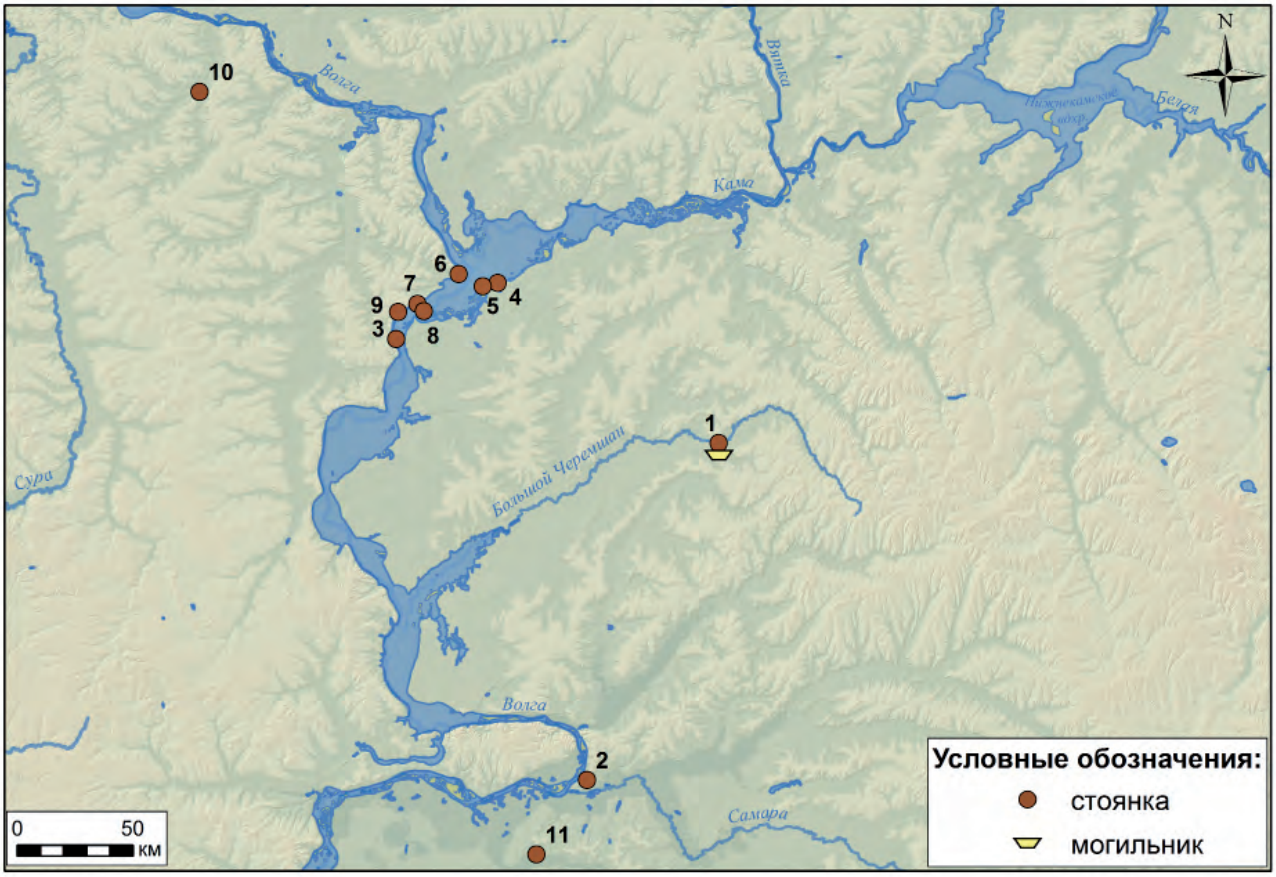

Рис. 1. Памятники финального палеолита – раннего мезолита устья Камы и лесостепного Заволжья и прилегающих территорий: 1 – Гора Маяк, поселение и могильник; Стоянки: 2 – Постников Овраг XIII, XIV, XV; 3 – Тетюшская III; 4 – Беганчик; 5 – Семеновская IV: 6 – Камское Устье II; 7 – Сюкеевский Взвоз; 8 – Усть-Вихлянская; 9 – Долгая Поляна I, Долгая Поляна II; 10 – Шолма I; 11 – Троицкое I–III

сированы четыре скопления кремневых сколов с отдельными нуклеусами и орудиями. Поскольку средний культурный слой оказался рассеченным морозобойными клиньями, его возраст можно относить к завершающему этапу ледникового периода (Бутаков, Галимова, Мозжерин, 1988). Суммарно в среднем слое были обнаружены 3390 кремневых предметов, в том числе 27 орудий (Галимова, 2001).

Сюкеевский Взвоз

Общая площадь «эталонных» раскопок М.Г. Косменко (1968 г.) и М.Ш. Галимовой (1989–1990 гг.) составила 352 кв. м. Остатки кремнеобрабатывающей стоянки-мастерской были зафиксированы в виде крупных скоплений сколов-отходов, кусков сырья, пластин и отдельных орудий. Культурный слой рубежа палеолита и мезолита залегает на глубине 0,5–1,2 м от поверхности и приурочен к иллювиальному горизонту современной почвы, а также к верхам генерации делювиально-солифлюкционных суглинков позднего плейстоцена (Галимова, Дедков, Мозжерин, 1983). В целом в коллекции из этих раскопов насчитывается 11068 кремневых предметов, в том числе 490 орудий (Галимова, 2001).

Беганчик

Стоянка располагалась на краю останца второй террасы приустьевой части долины Камы, в устье ее левого притока – р. Актай, между с. Измери и пос. Коминтерн. В раскопе 1986–1987 гг. площадью 106 кв. м на глубине 45–125 см была выявлена линза гумусированного суглинка длиной около 30 м, уходившая в обрыв. К этой линзе было приурочено большинство находок, в том числе залегавшие в виде полосы нуклеусы, пренуклеусы, крупные сколы. Линза была приурочена к верхней генерации суглинков поздневалдайского возраста. Коллекция из раскопа состоит из 1634 кремневых предметов, в числе которых 54 орудия (Галимова, 2001).

Семеновская IV стоянка

Стоянка находилась на острове – останце террасы в левобережье приустьевой части долины Камы, к западу от бывшей д. Семеновка, (непосредственно западнее стоянки Беганчик). По наблюдениям М.Г. Косменко, размытая площадь

стоянки составляла около 5000 кв. м. Исследователем были проведены сбор подъемного материала и расчистка участка полуразрушенного культурного слоя на площади 6 кв. м. В ней обнаружены кремневые изделия, залегавшие в кровле желто-коричневого четвертичного суглинка на глубине 50–65 см от поверхности (Косменко, 1972). На этом основании возраст стоянки предположительно может быть определен рубежом плейстоцена и голоцена (Галимова, 2001). Коллекция из сборов и расчистки М.Г. Косменко состоит из 733 кремневых предметов, в том числе 131 орудия.

Тетюшская III стоянка

Стоянка, открытая в 1966 г. П.Н. Старостиным на острове – останце второй террасы к востоку от г. Тетюши, обследовалась затем М.Г. Косменко и Р.С. Габяшевым (Археологическая карта. Предволжье, 1986; Косменко, 1972; 1977). По наблюдениям М.Г. Косменко, площадь распространения подъемного материала достигала 10 000 кв. м, а площадь наибольшей концентрации находок – 2000 кв. м. Зачистка неразмытого участка отложений, проведенная исследователями, показала, что культурный слой залегал в нижней части слоя эолового песка на глубине 50–60 см от поверхности. По данным Г.П. Бутакова, возраст этих покровных песков, типичных для строения второй надпоймы, определен в интервале от 14 до 9 тысяч лет назад (Бутаков, 1986). Поэтому можно предполагать, что культурный слой стоянки сформировался на рубеже плейстоцена и голоцена в сухих холодных условиях. Сводная коллекция подъемного материала состоит из 2703 кремневых предметов, в том числе 785 орудий (Галимова, 1996; 2001).

Усть-Вихлянская стоянка

Стоянка была открыта в 1992 г. Р.С. Габяшевым на останце террасы – острове у левого берега Куйбышевского водохранилища (рис. 1). В размыве отложений исследователем была собрана небольшая коллекция кремневых орудий, в том числе три трапеции с ретушированными сторонами, три концевых скребка на пластинах. В обнажении берега в желто-коричневом четвертичном суглинке залегал очень крупный бифас вытянутых пропорций, высотой 26,4 см, с гладким обухом, ровными краями и суженым концом (Галимова, 2001).

Сводная характеристика технико-типологических особенностей комплексов усть-камской культуры выглядит следующим образом:

– Основным сырьем для изготовления орудий служили низкокачественный кремень и окремнелый известняк в виде крупных конкреций, реже – качественный галечный кремень, из которого изготовлены только некоторые орудия и мелкие сработанные нуклеусы, что характерно, в частности, для инвентаря стоянки Сюкеевский Взвоз. Особенностью коллекции сборов на Тетюшской III стоянке является значительная роль орудий из темно-серого качественного кремня, нередко покрытых патиной. Напротив, в коллекциях из раскопов на стоянках Камское Устье (средний слой) и Беганчик мало предметов из этого кремня.

– Для техники первичного расщепления характерно сочетание различных форм нуклеусов: призматических, торцовых, плоских параллельных (все они одно- или двухплощадочные), а также конусовидных и ортогональных (многоплощадочных) (рис. 2, 6), на многих ядрищах видны специально подготовленные ребра. Наряду с технологическим контекстом расщепления крупных конкреций кремня и окремнелого известняка в усть-камских материалах имеются свидетельства расщепления небольших галек и конкреций высококачественного кремня для получения микропластин, например, на стоянках Сюкеевский Взвоз (рис. 2: 1–4), Камское Устье II (рис. 5: 37, 38), Беганчик (рис. 8: 9, 17). Особенностью нуклеусов Сюкеевского Взвоза и Беганчика является значительная доля крупных ядрищ и массивность снятых с них технических сколов, а также большое количество пренуклесов, присутствие конкреций с 1–2 пробными сколами. Эти особенности обусловлены сравнительно низким качеством кремневого сырья, выходы которого в виде крупных конкреций имеются в обнажениях пермских известняков и гипсов правого берега Волги на отрезке между стоянками Камское Устье и Долгая Поляна. Для коллекции стоянки Беганчик также характерны своеобразные заготовки торцовых нуклеусов в форме крупных дисков, края которых приострены крупными сколами по периметру (рис. 6: 1). Следует упомянуть и об уникальном призматическом ядрище с гравировкой в виде косой решетки на боковой стороне, покрытой первичной коркой, которое было найдено в раскопе на стоянке Беганчик (рис. 6: 4).

– Основной заготовкой для орудий служили длинные сколы и пластины, многие из которых отличаются крупными размерами и массивностью. Особенно это характерно для пластин и орудий из Беганчика и Сюкеевского Взвоза. Преобладающими заготовками для представительных серий резцов и скребков служат именно массивные пластины и длинные аморфные сколы (часто фрагментированные) (рис. 3: 19, 28; 7: 12–14). На коротких сколах и отщепах изготовлено: 8,5% в Тетюшской III стоянке, 12,6 % в Сюкеевском Взвозе, 23,4% в среднем слое Камского Устья, 25,8 % в раскопе Беганчика.

– Вместе с тем в усть-камских коллекциях финального палеолита присутствуют узкие пласти-

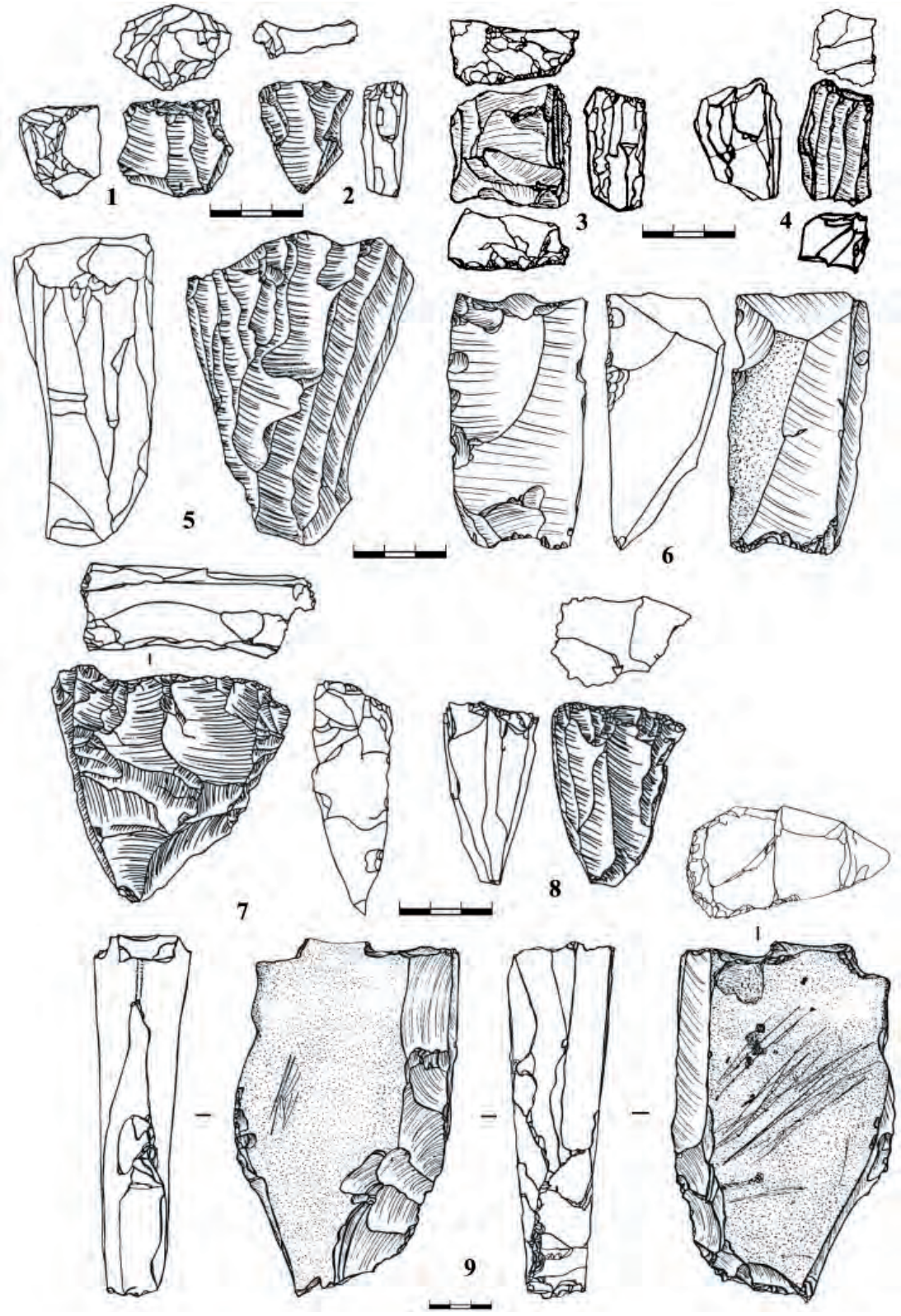

Рис. 2. Сюкеевский Взвоз (раскоп 1989-90 гг.). Нуклеусы

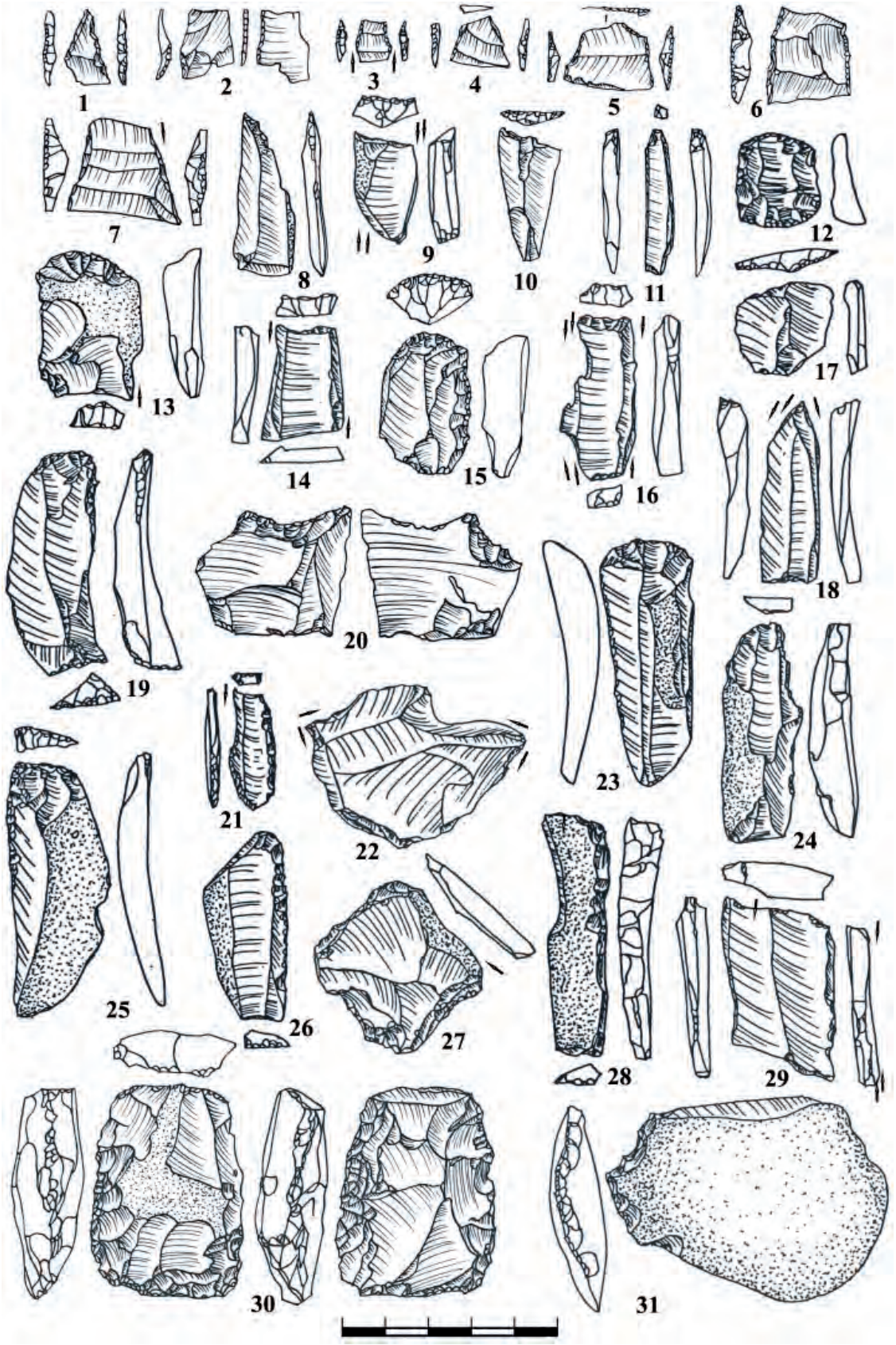

Рис. 3. Сюкеевский Взвоз (раскоп 1989-90 гг.). Кремневый инвентарь:
1-7 – вкладыши метательного оружия (треугольник и трапеции); 8-31 – орудия

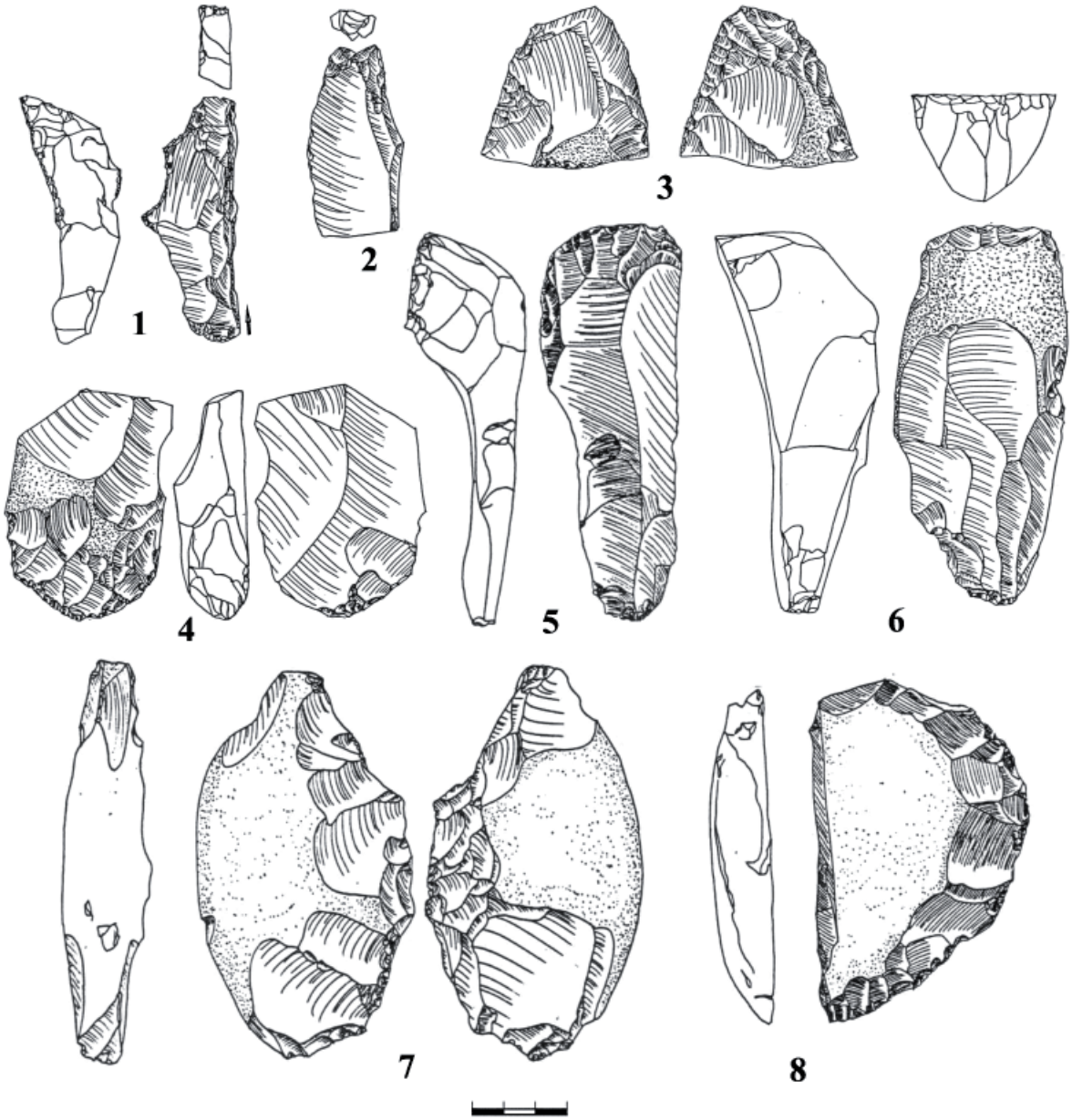

Рис. 4. Сюкеевский Взвоз. Кремневый инвентарь:
1-4, 6 – раскоп 1989-90 гг.; 5, 7, 8 – раскоп 1968 г.

ны и единичные микропластины, а также мелкие нуклеусы с соответствущими негативами (рис. 2: 1–4; 6: 6; 8: 9, 17). Эти ядрища и пластины, как правило, выполнены из достаточно качественного кремневого сырья, источником которого, по всей вероятности, служили русловые гальки.

– В орудийном наборе наиболее многочисленную группу образуют резцы, среди которых преобладают ретушные и на сломе заготовки, что само по себе обычно для позднего палеолита и мезолита. Однако в усть-камских коллекциях представлены и такие типы резцов, как угловые (с резцовым сколом, снятым не на сломе, а от естественного конца заготовки), срединные одногранные, двугранные угловые, а также комбинированные, сочетающие разные типы оформления резцовых кромок (рис. 3: 16, 18, 28, 29; 7: 1, 2, 4, 5, 13, 14).

– Типичны поперечные ретушные резцы, выполненные на отщепах и коротких сколах подправки (рис. 3: 9, 14; 7: 7), а также ретушные резцы в сочетании с концевыми скребками на одном орудии (рис. 5: 13; 7: 10, 11, 15).

– Для резцов усть-камской культуры характерны: прием оформления ретушной площадки для снятия резцового скола на проксимальном конце заготовки (рис. 3: 24; 7: 12, 16, 18); изготовление части резцов (10–20% всех резцов в коллекциях) на коротких сколах, отщепах и фрагментах сколов (рис. 3: 22, 27; 7: 6, 8, 9); встреченный только в коллекции Тетюшской стоянки оригинальный

прием дополнительной уплощающей ретуши рабочего края резца от ранее созданной резцовой грани (рис. 10: 7, 8, 36) (Галимова, 2001, с. 247, 248, 253, 254, рис. 66: 7; 67: 6; 72: 21; 73: 21, 23), особенно часто такая подправка от края резцовой грани осуществлялась на углу ретушированной площадки резцов ретушного типа (рис. 10: 7, 8).

– Среди скребков, которые составляют вторую по численности группу орудий, превалируют концевые, выполненные на пластинах и длинных аморфных сколах (рис. 3: 23; 8: 12, 18, 19), реже – на отщепах (рис. 3: 17; 8: 5, 8). Вместе с тем небольшими группами представлены скребки иных типов – боковые и угловые (рис. 3: 25; 7: 20; 8: 16). Встречены скребки с концевым и прилегающим боковым лезвием (рис. 3: 12, 15; 7: 26; 8: 21.)

– Типичны для усть-камских комплексов небольшие серии пластин и длинных сколов с ретушированными концами (прямыми и вогнутыми), часть из которых была фрагментирована в древности (рис. 3: 10; 4: 2; 7: 24; 8: 3, 4, 10, 14).

– Характерны режущие орудия – острия на пластинах и массивных (тругольных в сечении) сколах со скошенным либо выпуклым ретушированным краем, игравшим роль обушков. Однако репрезентативность их в усть-камских коллекциях сильно варьирует: от единичных и маловыразительных экземпляров из раскопов Сюкеевского Взвоза (рис. 3: 8) и Камского Устья (средний слой) (рис. 5: 22, 34) до значительной группы (19 экз.) из сборов на Тетюшской стоянке (рис. 10: 11, 12, 31, 32). Некоторые острия в этой группе вторично были переоформлены с помощью резцовых сколов в резцы (рис. 10: 16, 34, 36–38).

– Единичны, но практически обязательны в каждой усть-камской коллекции такие специфические изделия как скребки и скобели на отщепах с участками краевой ретуши, переходящей со спинки на брюшко (т. н. «перевертыши») (рис. 3: 10; 5: 29; 7: 19, 22; 10: 20, 24, 33), а также концевые скребки на пластинах, противоположный конец которых усечен ретушью (скребки-тронке) (рис. 3: 19, 26; 8: 15).

– Не образуют серий острия с ретушированными краями на длинных аморфных сколах (рис. 9: 14, 23, 25) и массивных пластинах, сверла на массивных сколах (рис. 3: 11; 8: 11), а также долотовидные орудия на длинных сколах (рис. 5: 35; 7: 23; 9: 22).

– Скребла и скребловидные орудия разнообразны по форме и характеру оформления рабочих краев, зачастую имеют вид незавершенных либо фрагментированных орудий (рис. 3: 31; 4: 1, 3, 5, 6, 8; 5: 30; 7: 21; 8: 16).

– Технология изготовления рубящих орудий с двусторонней обработкой краев и поверхностей была известна усть-камскому населению финального палеолита, о чем свидетельствуют единичные находки разнотипных рубящих орудий с двусторонней краевой или сплошной обработкой фасов из коллекции Сюкеевского Взвоза (рис. 3: 30; 4: 4, 7), два трапециевидных топора с вогнутыми краями из Семеновской IV (рис. 9: 26, 27), топор с перехватом из Тетюшской III (рис. 10: 42).

– Практика изготовления пазовых орудий труда на стоянках подтверждается находками вкладышей – медиальных фрагментов пластин с краевой ретушью либо признаками использования в работе – ретушью утилизации, угловыми мелкими резцовыми сколами и т. д. (рис. 7: 3; 8: 7). Также встречены свидетельства использования приемов микрорезцового скалывания и отсечения ударного бугорка пластин.

– Наиболее характерны для инвентаря усть-камской культуры поперечно-лезвийные наконечники стрел – трапеции, выполненные на фрагментированных пластинах. В литературе по финальному палеолиту и мезолиту Восточной Европы сложилось мнение, что культуроопределяющим типом для усть-камских стоянок являются симметричные трапеции с вогнутыми ретушированными сторонами. Между тем усть-камские комплексы существенно различаются по количеству найденных трапеций, их форме и пропорциям (Косменко, 1972; 1972а; 1977; Галимова, 2001). Так, отличительной чертой шести трапеций (четырех мелких и двух крупных), найденных в раскопе 1989–1990 гг. Сюкеевского Взвоза, являются прямые либо слабо вогнутые края, средние либо средневысокие пропорции (рис. 3: 2–7). Оригинальной находкой является обнаруженный там же мелкий треугольник с ретушированными сторонами (рис. 3: 1). Из семи трапеций, найденных в раскопе на Камском Устье II (средний слой), две крупных, относящихся к средневысоким по своим пропорциям, отличаются сильно вогнутыми краями (рис. 5: 15, 17), остальные трапеции – средних пропорций, со слабовогнутыми сторонами (рис. 5: 9, 12, 14), либо являются незавершенными экземплярами (рис. 5: 16, 21). В раскопе на стоянке Беганчик найдены две средних по размерам трапеции с сильно вогнутыми ретушированными сторонами, одна из них – средняя по пропорциям (рис. 8: 1), другая – средневысокая (рис. 8: 6). Единичные трапеции такой формы (рис. 8: 2) средних и крупных размеров были также зафиксированы в подъемном материале на этом памятнике в 1980-х и 2000-х годах. На размытой Семеновской IV стоянке были собраны шесть трапеций (пять средних размеров и одна крупная), среди них – три трапеции с вогнутыми сторонами (рис. 9: 1, 5), в том числе одна с очень узким верхним основанием (рис. 9: 4), а также три

экземпляра с прямыми или слабовогнутыми сторонами (рис. 9: 2, 3). Одна трапеция с вогнутыми сторонами и ретушированным верхним основанием была поднята М.Г. Космено на Атабаевской VIII стоянке. По числу и разнообразию трапеций среди усть-камских памятников резко выделяется Тетюшская III стоянка, на которой были собраны 28 экземпляров. Это трапеции средних, средневысоких и высоких пропорций как с вогнутыми сторонами (рис. 10: 1, 3, 4), так и с прямыми ретушированными, в том числе с ретушью по узкому основанию (рис. 10: 10). Среди них выделяются три очень крупных трапеции с вогнутыми сторонами (рис. 10: 35), а также одна трапеция средних размеров с прямыми сторонами, выполненная не из серого качественного кремня, как все остальные, а из светло-серого кварцита (Галимова, 2001, с. 264, рис. 83: 12).

– Вместе с тем на финальнопалеолитических стоянках усть-камской культуры не найдены достаточно выразительные наконечники стрел иных типов, нежели трапеции. Единичные остроконечные изделия из сборов на Тетюшской III стоянке (рис. 9: 23; 10: 23, 25) недостаточно обоснованно трактуются некоторыми исследователями как асимметричные острия или наконечники с боковой выемкой, характерные для постаренсбургского круга культур с черешковыми наконечниками финального палеолита – мезолита Восточной Европы, прежде всего для иеневской культуры Волго-Окского междуречья (Сорокин, 2006; Сорокин и др., 2009; Леонова, 2007). При детальном рассмотрении выясняется, что остроконечники из коллекции Тетюшской стоянки имеют лишь формальное сходство с культурообразующим типом иеневской культуры – асимметричными остриями с боковой выемкой (Леонова, 2007, рис. 7). Острия Тетюшской стоянки существенно отличаются от асимметричных острий с боковой выемкой своей формой, ситуационным характером ретуши на краевых выемках, выраженных слабо (рис. 10: 23, 25). В одном случае признаки намеренной ретуши на выемке, случайно образовавшейся на остроконечном сколе оформления нуклеуса, отсутствуют вовсе (рис. 9: 23). Вместе с тем указанные острия из Тетюшской коллекции вполне могли служить наконечниками. Следует заметить также, что находки подобных острий (предположительно наконечников) не были зафиксированы в раскопах на всех прочих усть-камских стоянках раннего этапа.

Рассматривая каменный инвентарь усть-камского финального палеолита, можно заметить ряд технико-типологических особенностей отдельных памятников. Прежде всего, очевидно, что в ряду усть-камских стоянок особняком стоит Тетюшская III. В связи с тем, что практически вся коллекция была собрана с поверхности размытых отложений, в ее составе высок процент орудий – 41,5% всех находок (в коллекции из раскопа стоянки Беганчик он составляет 24,2%). Также среди орудий Тетюшской стоянки наибольшую долю составляют орудия, выполненные на пластинах правильной (регулярной) формы (64,2%) (Галимова, 2001, табл. 13, 19). Пластины Тетюшской стоянки в целом более крупные, чем в других левобережных комплексах (преобладают пластины шириной 15–25 мм). Нуклеусы, собранные на стоянке, отличаются невыразительностью и сильной степенью утилизации.

Другие особенности инвентаря Тетюшской III стоянки в меньшей степени могут быть связаны с подъемным характером коллекции. Значительное число орудий и пластин, собранных на памятнике, было изготовлено из высококачественного кремня, зачастую эти артефакты патинизированы. Кроме того, в коллекции присутствует несколько орудий из светло-серого кварцита: ретушные резцы с поперечными резцовыми гранями, резцы на сломе пластин, пластины с ретушированными выемками по краям и одна средневысокая трапеция с прямыми ретушированными сторонами (Галимова, 2001, рис. 70, 72, 80, 83, 84).

На фоне орудийных комплексов всех стратифицированных и подъемных коллекций раннего этапа усть-камской культуры орудийный набор Тетюшской III чрезвычайно разнообразен (Космено, 1977; Галимова, 2001, рис. 63–88). На стоянке собраны многочисленные и разнообразные по деталям оформления резцы и скребки всех типов, известных в палеолите и мезолите региона. Весьма выразительны с точки зрения общности типа заготовки и характера оформления рабочих частей серии симметричных и скошенных обушковых острий, пластин с ретушированными краями и выемчатыми торцами (с утоньшением их углов), другие зубчато-выемчатые орудия. В инвентаре велика роль комбинированных орудий, демонстрирующих разнообразные сочетания рабочих частей. Специфика также заключается в часто встречающихся: сочетании на одном орудии резцовых граней с разнообразной краевой ретушью, встречном ретушировании выпуклых краев пластинчатых острий в форме ланцетов и сегментов, подтески рабочих концов долотовидных орудий. Наконец, главным отличием данной коллекции является разнообразная типологически группа трапеций, состоящая из 28 экземпляров средних и средневыских пропорций, с прямыми либо вогнутыми (в разной степени) сторонами, средних и крупных размеров, симметричных и слабо асимметричных. Все отмеченные особенности закономерно вызывают вопрос о гомоген-

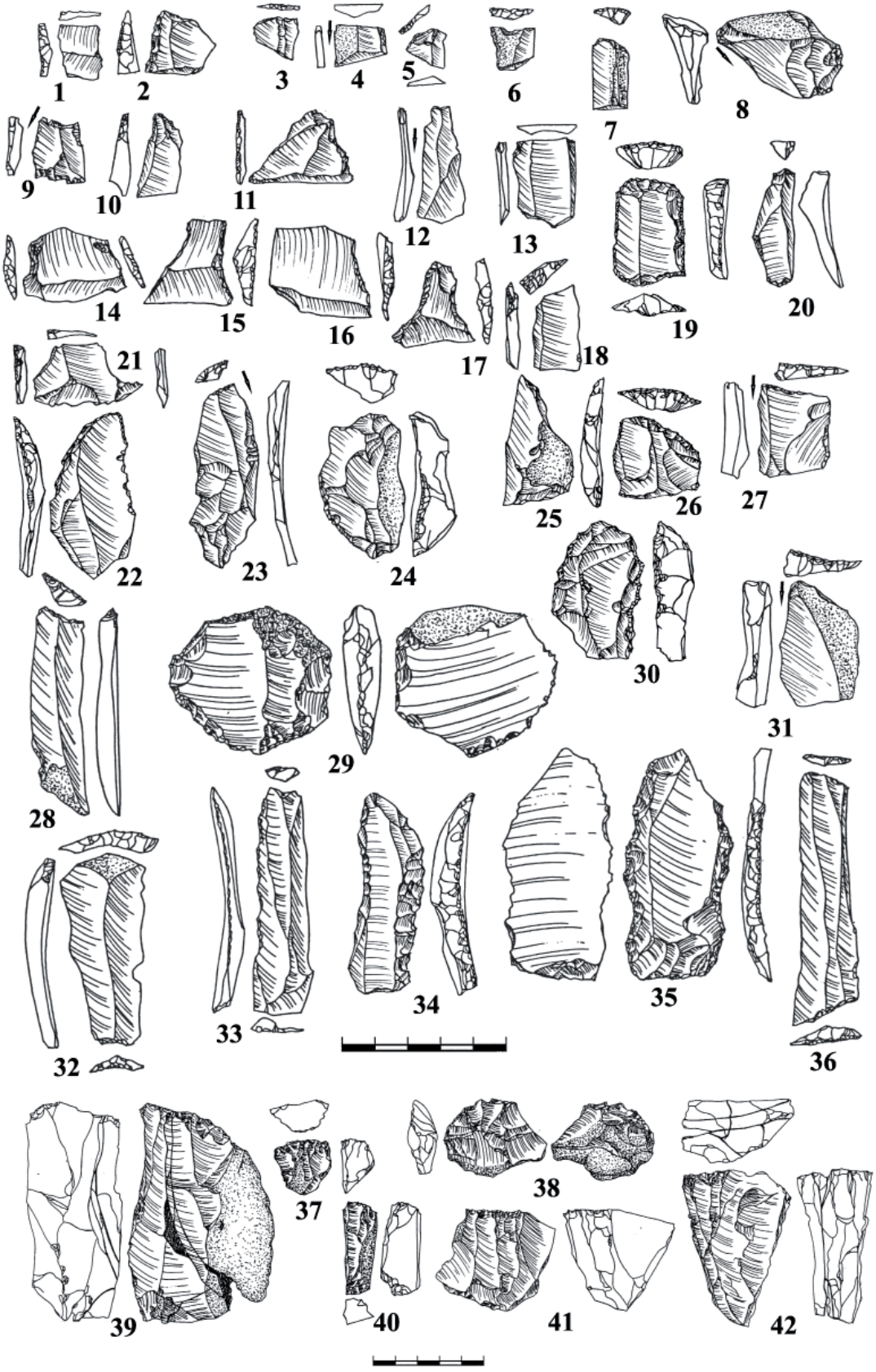

Рис. 5. Камское Устье II (средний слой). Кремневый инвентарь и нуклеусы:
1, 2, 9, 11, 14-18, 21 – вкладыши метательного оружия (трапеции); 3-8, 10, 12, 13,19, 20, 22-36 – орудия; 39-42 – нуклеусы

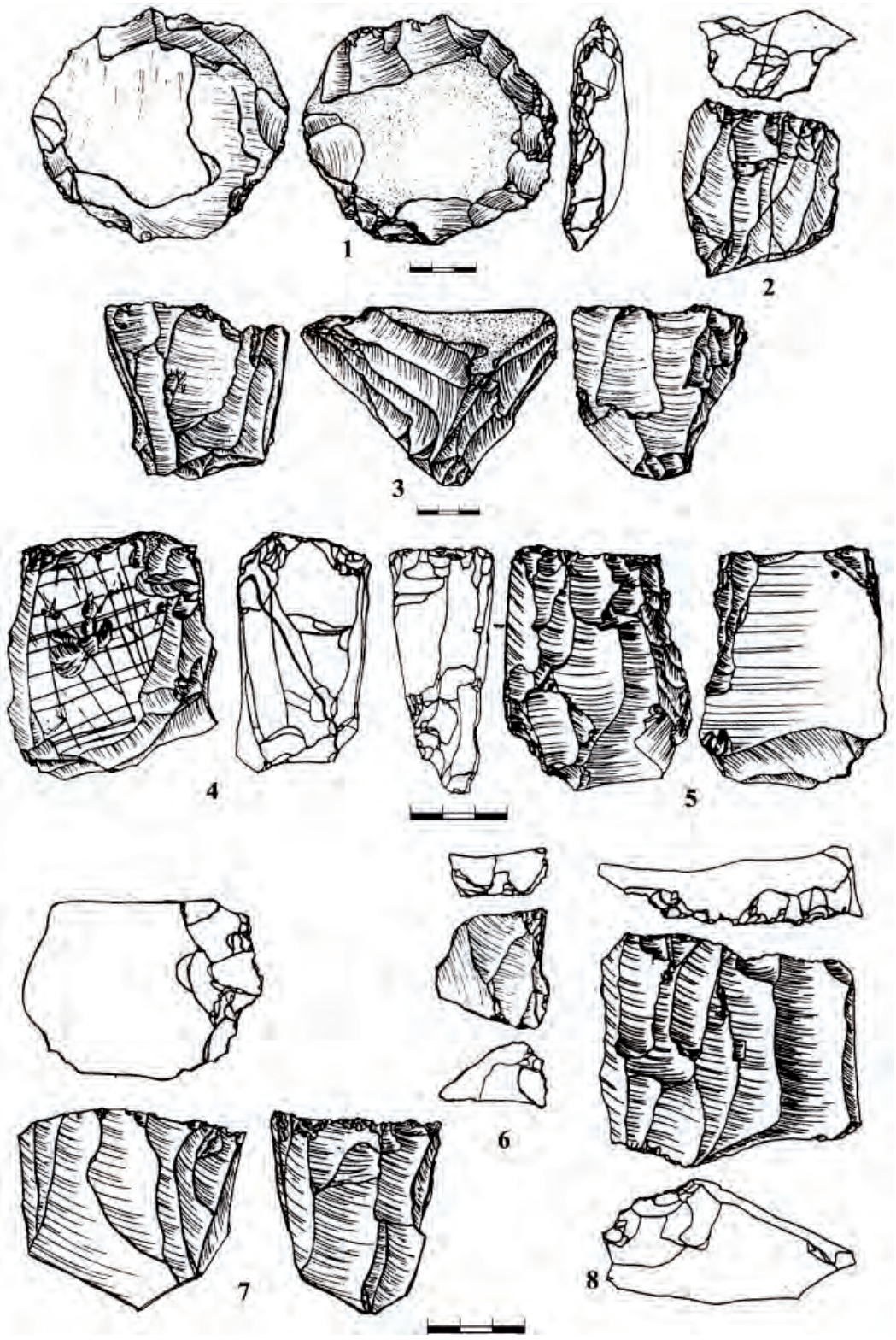

Рис. 6. Беганчик. Нуклеусы

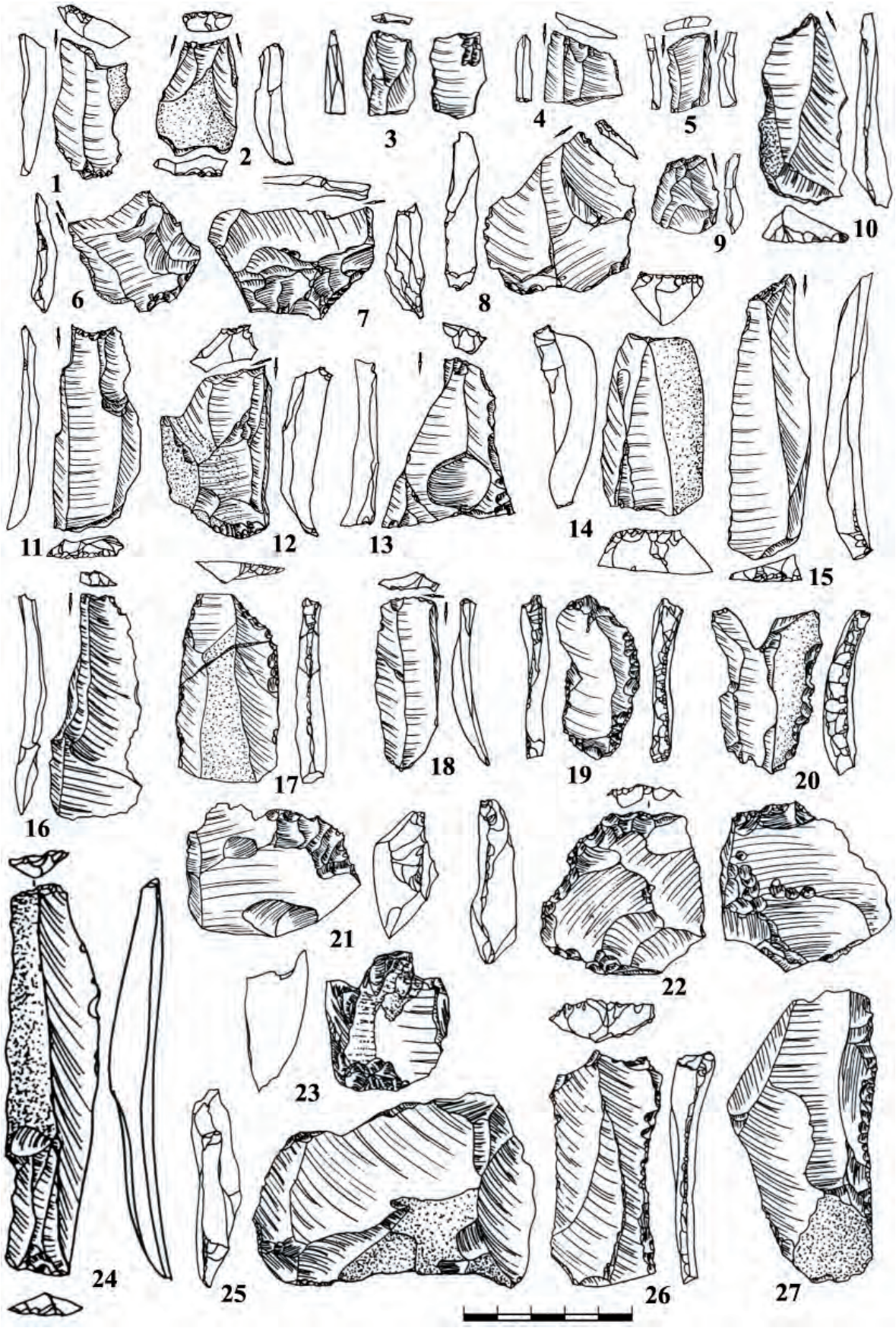

Рис. 7. Беганчик. Кремневый инвентарь

ности коллекции Тетюшской III стоянки либо о возрасте и характере этого памятника, отличном от усть-камских стоянок Сюкеевский Взвоз, Камское Устье II, Беганчик.

Каменная индустрия, представленная находками из раскопов стоянок Сюкеевский Взвоз, Камское Устье II, Беганчик, дает основание характеризовать эти памятники как мастерские по расщеплению крупных конкреций кремня и окремнелого известняка, встречающихся в пермских известняках и гипсах, которыми сложен правый берег Волги в районе слияния с Камой. Ни в одном из раскопов не были обнаружены достоверные остатки жилищ, кострищ и очагов. Их культурные слои практически не содержат углей, золы, а также костей животных. В коллекциях абсолютно преобладают сколы – отходы оформления и подправки нуклеусов и производства орудий, найдено много отдельностей сырья, преформ и ядрищ. Многие нуклеусы и их заготовки (пренуклеусы) отличаются крупными размерами. Массивность характерна для многих резцов, скребков, усеченных ретушью пластин, ножевидных орудий с краевой ретушью и острий, выполненных на пластинах и отщепах.

Вместе с тем в этих комплексах представлена технология расщепления небольших конкреций и галек качественного кремня для получения достаточно узких пластин (шириной 1 см и менее). В дальнейшем узкие пластины использовались как в целом виде, так и фрагментах (сечениях), о чем говорят микрофасетки ретуши утилизации на их краях. Дополнительным свидетельством практики получения узких пластин и в отдельных случаях микропластин на усть-камских стоянках-мастерских могут служить находки мелких нуклеусов с негативами таких пластин, оставленных в начальной стадии расщепления (Беганчик, Камское Устье), а также вторичных торцовых нуклеусов, которые оформлялись для снятия узких пластин с краев массивных отщепов (Сюкеевский Ввоз, Камское Устье).

Орудийный набор Сюкеевского Взвоза отличается серией крупных рубящих и скребловидных орудий разного типа, а также трапециями с прямыми ретушированными сторонами. Особый интерес вызывают необычно мелкие размеры четырех трапеций.

Особенностью инвентаря стоянки Беганчик являются многочисленные крупные отщепы и пластины с ровными острыми краями, которые служили ножами, зачастую без дополнительной приостряющей ретуши, а также находки трапеций с сильно вогнутыми ретушированными сторонами и узким верхним основанием, не представленных в других усть-камских комплексах, и нуклеуса с гравировкой в виде косой решетки.

Поселение и могильник Гора Маяк

Поликультурный комплекс памятников, расположенный на горе Маяк – коренном выступе правого берега р. Большой Черемшан у села Сиделькино в Самарском Заволжье, включает в себя поселение и могильник финального палеолита. Основная коллекция каменных артефактов поселения происходит из раскопа 6 (124 кв. м), изученного в 2002–2004 гг. Д.А. Сташенковым и А.Ф. Кочкиной при участии Л.В. Кузнецовой. Материалы из раскопа 2002 г., включая антропологическую характеристику погребений, были вскоре введены в научный оборот (Кузнецова, Ластовский, Сташенков, Хохлов, 2004).

На территории памяника исследовано три погребения, одно из которых было парным. Могильные ямы располагались на близком расстоянии друг от друга и имели разную ориентировку по сторонам света. Они были углублены в материк (щебнистый мергель или цветные линзы глины) на 30–40 см. С уровня гумусного слоя поселения очертания ям не прослеживались. Культурный слой поселения каменного века оказался перемешанным со слоем поселения раннего Средневековья. Каменные артефакты залегали в гумусовом слое мощностью 50 см. Единичные отщепы и фрагменты пластин, аналогичные по кремневому сырью и морфологии отщепам и пластинам из слоя поселения, фиксировались в заполнениях могильных ям.

В погребении 1 взрослый мужчина был захоронен головой на юго-юго-запад, в могильной яме были найдены ножевидная пластина, морозобойный осколок кремня, а также фрагменты ожерелья из клыков куницы и резца лося (рис. 11) (Сташенков, 2003). В верхней части заполнения могилы были найдены два предмета из трубчатой кости со следами скобления шкуры, согласно данным трасологического анализа (Михайлова, 2003). Погребение 2 было нарушено погребением 1. Могила принадлежала ребенку 6–8 лет, костяк был ориентирован в направлении юго-запад – северо-восток.

В погребении 3 находился скелет женщины, уложенный на спину в вытянутом положении, головой к западу. Скелет грудного ребенка располагался в области ее плечевой кости. Погребение было безынвентарным, но в верхней части заполнения могильной ямы было зафиксировано шесть кремневых предметов: мелкий отщеп, чешуйка, четыре фрагмента ножевидных пластин со следами использования, а также два мелких костяных скола.

Радиоуглеродное датирование костных материалов из погребения 1, выполненное в лаборатории Геологического института РАН и в Университете Брок (Канада), дало сходные результаты. С учетом

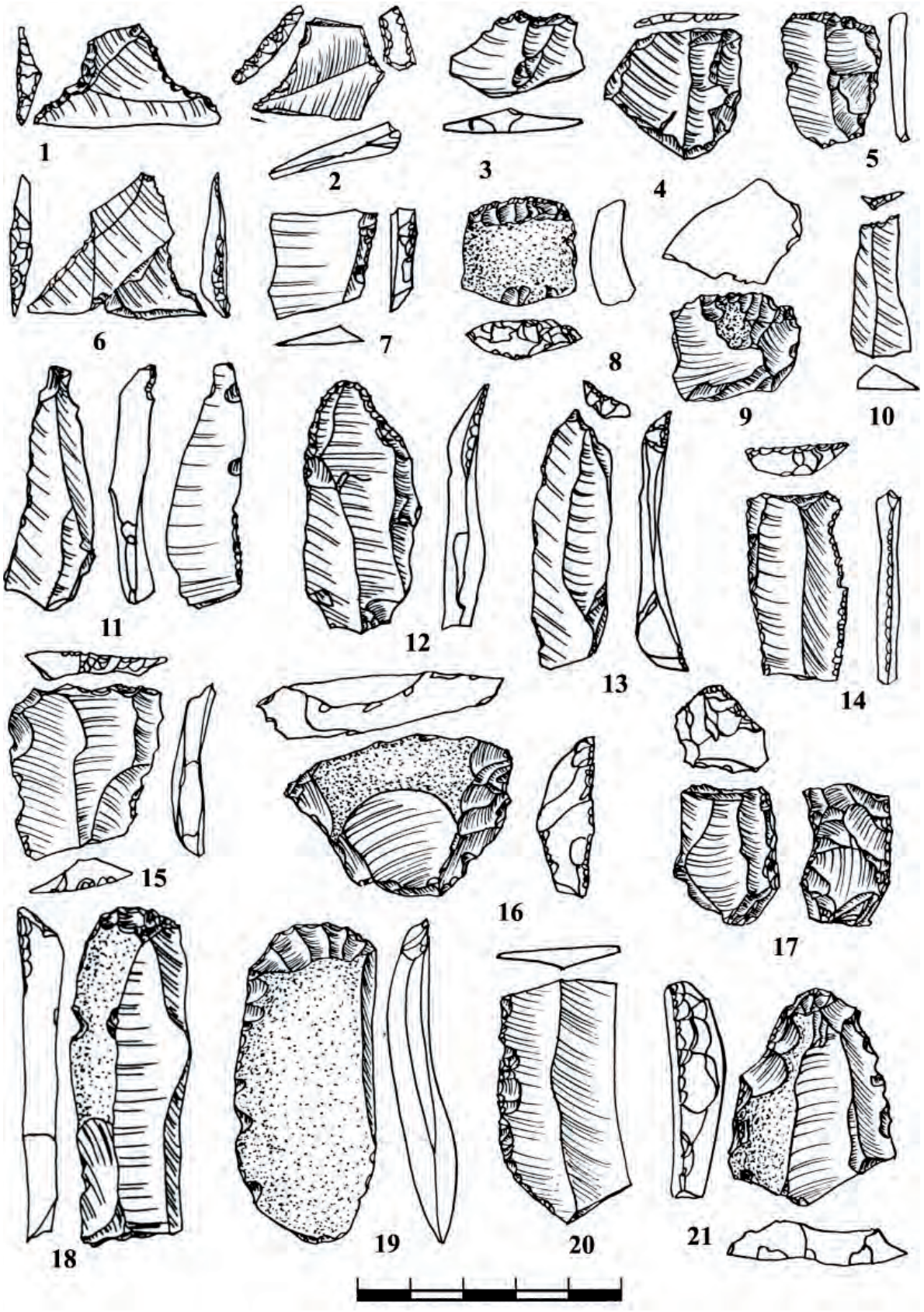

Рис. 8. Беганчик. Кремневый инвентарь и микронуклеусы:
1, 2, 6 – вкладыши метательного оружия (трапеции); 3-5, 7, 8, 10-16, 18-21 – орудия; 9, 17 – микронуклеусы

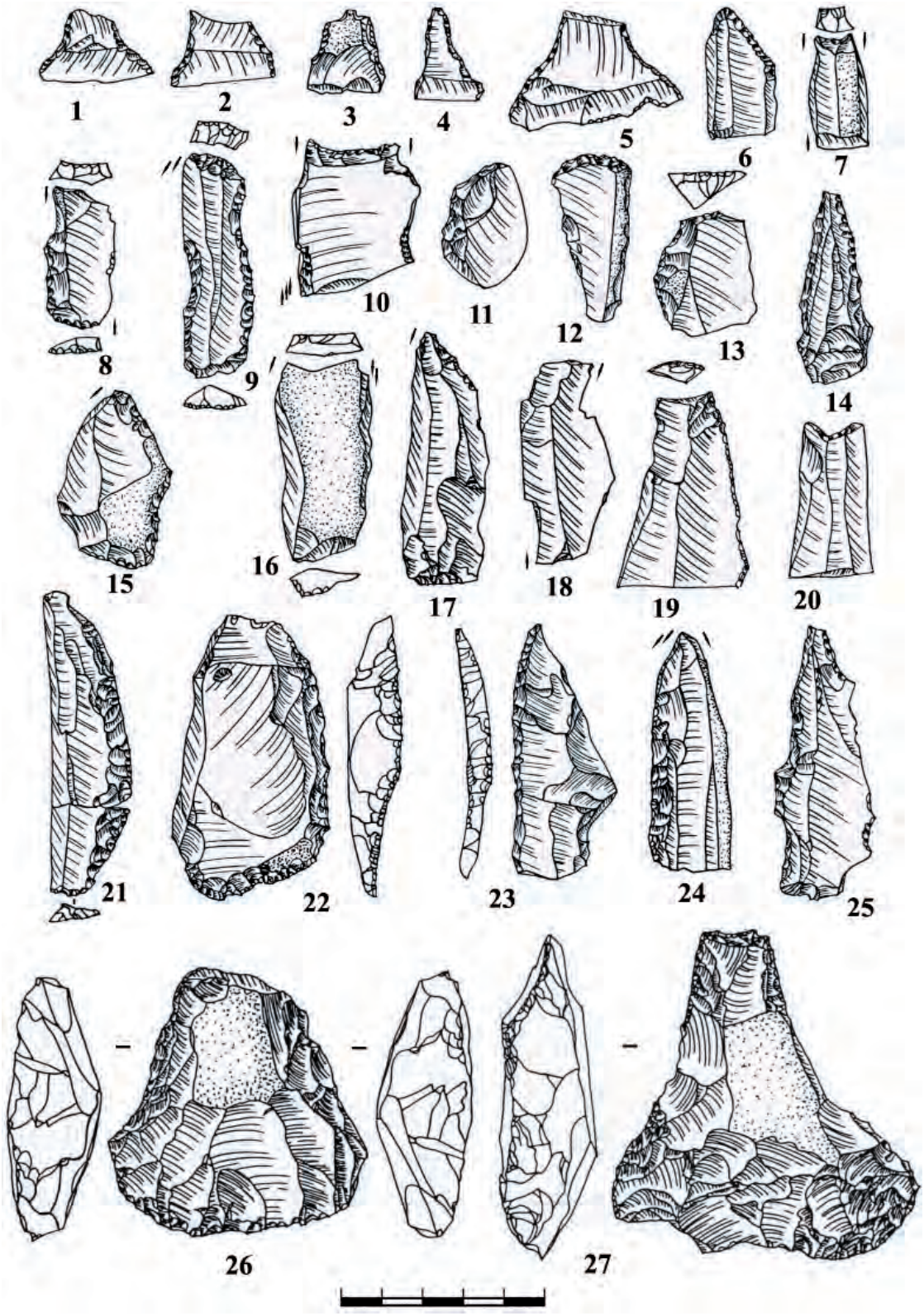

Рис. 9. Семеновская IV и Тетюшская III. Кремневый инвентарь:
1-22, 24-27 – Семеновская IV; 23 – Тетюшская III
1-5 – вкладыши метательного орудия (трапеции и треугольник); 6-27 – орудия

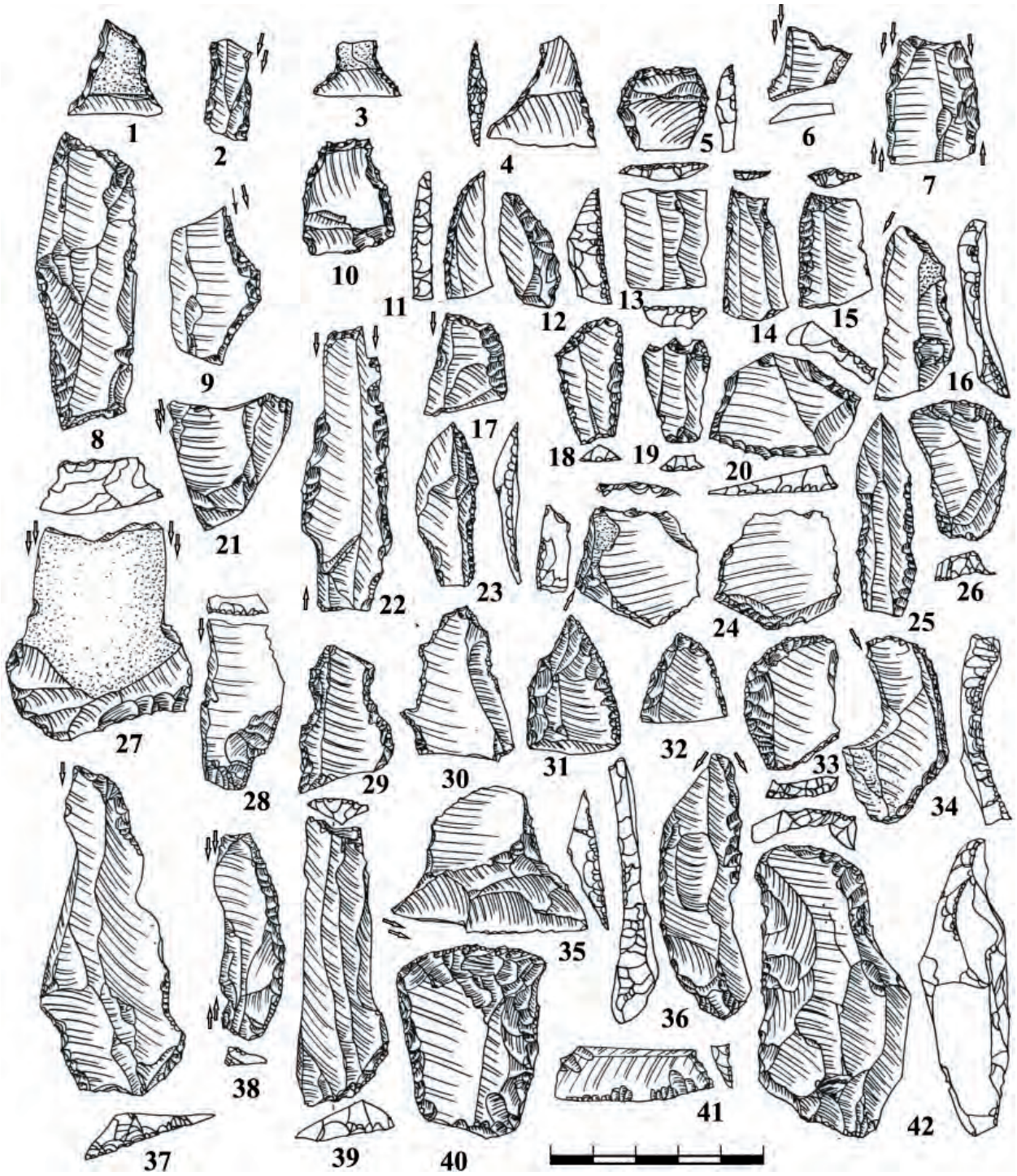

Рис. 10. Тетюшская III. Кремневый инвентарь6
1, 3, 4, 10 – вкладыши метательного оружия; 23, 26, 35 – наконечники стрел; 5, 6-9, 11-22, 24, 26-34, 36-42 – орудия.

калибровки первая дата составляет около 11500 лет назад, а вторая – 11175±75 л. н. (Кузнецова, Пономаренко, 2003; Кузнецова, Ластовский, Сташенков, Хохлов, 2004).

По данным спорово-пыльцевого анализа образцов грунта из заполнения могильных ям, Е.В. Пономаренко и Г.Н. Шилова реконструируют для времени совершения погребений ландшафт перигляциальной степи с полынью и маревыми, а также кустарниками вдоль русла реки и в долинах – участками редколесий из березы, сосны, возможно, с участием лиственницы и ели. На основе этих данных и результатов радиоуглеродного анализа материалов из погребения 1 Е.В. Пономаренко предположительно отнесла время функционирования могильника к концу последнего потепления

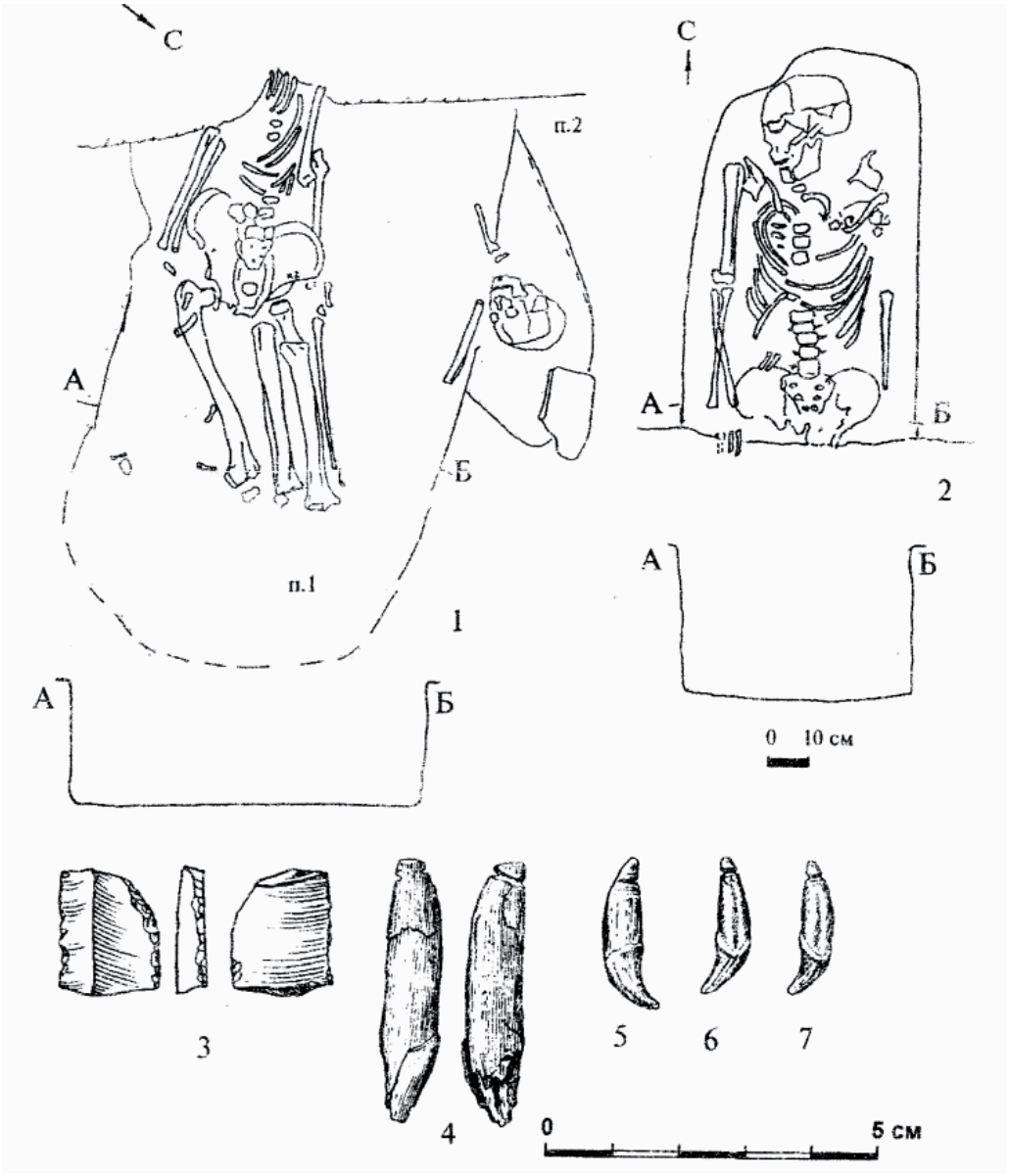

Рис. 11. Гора Маяк, могильник. Погребения каменного века:
1 – раскоп 6, погребения 1-2; 2 – погребение 3; 3 – кремневый фрагмент пластины – вкладыш орудия;
4-7 – резец лося и клыки куницы – фрагменты ожерелья
(по: Д.А. Сташенков, 2003, рис. 1, с. 12)

позднеледниковья – этапу аллерёд (Кузнецова, Пономаренко, 2003).

Кроме того, новые исследования палеоантропологических материалов из раскопа 1 1995 г. подтвердили правомерность уже высказывавшегося ранее предположения о наличии на горе Маяк еще трех захоронений раннего времени, хронологически и морфологически близких индивидам из раскопок 2002 г. (Васильев и др., 2021). Возраст образца из погребения 2 из раскопа 1995 г. составил 9810±45 ^{14}C лет (RICH-25916.1.1), что соответствует калиброванной дате 11170–11310 календарных лет назад, или 9220–9360 гг. до н. э. (Васильев и др., 2021, с. 25).

По мнению исследователей памятника Гора Маяк, вопрос о синхронизации культурного слоя поселения каменного века и могильника остается открытым (Сташенков, 2003; Кузнецова, Пономаренко, 2003; Кузнецова, Ластовский, Сташенков, Хохлов, 2004).

В культурном слое поселения Гора Маяк в раскопе 6 (2002–2004 гг.) суммарно было найдено около 2400 каменных артефактов, которые образовали скопление площадью 60–70 кв. м, частично разрушенное карьером. Здесь в виде более мелких скоплений встречались обожженные каменные артефакты и кости животных, которые, вероятно, представляли собой остатки очагов наземных

построек (Сташенков, 2003). Пластинчатая индустрия обитателей стоянки опиралась на достаточно качественное сырье (кремень, окремнелый известняк, яшмовидный и халцедоновый кремень, кварцитопесчаник).

Поскольку на стоянке практиковалось расщепление сырьевых отдельностей довольно мелких размеров, это обусловило в целом микролитоидный облик каменной индустрии. Нуклеусы в коллекции оказались в своем большинстве фрагментированными либо сработанными. Относительно крупные и не до конца сработанные экземпляры отнесены к торцовому, коническому и карандашевидному типам (рис. 12: 18, 20–22). Найдены также единичные вторичные нуклеусы торцового типа, оформленные на крупных массивных отщепах (рис. 12: 17).

Пластины (среднеширокие и узкие) и микропластины абсолютно превалируют (40% артефактов в коллекции) (рис. 13: 18, 19, 25, 26, 50, 52–57). Функциональное изучение пластин, микропластин, сколов оформления нуклеусов, отщепов и даже чешуек показало высокий процент их использования в качестве орудий для разных трудовых операций (свыше 40% всех изученных пластин и сколов) (Галимова, Сташенков, Кочкина, 2020). В качестве вкладышей метательного оружия использовались найденные в большом количестве узкие пластины и микропластины (целые и фрагменты) (рис. 12: 4; 13: 20, 21, 28).

Изделий с вторичной обработкой немного (около 5% от всей коллекции), их типологический состав ограничен. В первую очередь это скребки с концевыми и боковыми лезвиями (рис. 12: 1–3, 15, 16, 23; 13: 1, 2, 7–9, 24, 29–33, 37–39; 44–46), ретушные и угловые резцы, а также резцы на сломе пластин (рис. 12: 5, 7, 11; 13: 23, 48). Найден также скребок высокой формы со стрельчатой рабочей частью, выполненный на массивном отщепе (рис. 13: 3).

Небольшим числом представлены пластины-ножи и фрагменты пластин с краевой ретушью, которые служили вкладышами ножей (рис. 13: 5, 6, 42, 50–55). Некоторые из этих пластин имеют обушки, оформленные ретушью на дистальных концах (рис. 12: 10; 13: 49). В коллекции присутствуют крупные отщепы с ретушью утилизации на острых краях, также служившие ножами (рис. 12: 14, 17).

Сверла и острия (проколки) не образуют единой серии, среди них – массивные отщепы и длинные сколы с изначально острым дистальным кольцом и подправленными нерегулярной ретушью краями (рис. 12: 5, 6, 12; 13: 35), а также массивная пластина со слабо выделенными плечиками и массивным рабочим концом для сверления (рис. 13: 41). Найдены также отщепы с острыми ровными краями, на которых обнаружены следы работы в качестве скобелей и стамесок (рис. 13: 4). Отдельную малочисленную группу образуют двусторонне обработанные орудия позднего облика, в которую входят: разделочный нож-бифас на фрагменте кремневой плитки (рис. 12: 8), незавершенный бифас-наконечник (?), оставленный в средней стадии оформления (рис. 12: 13), а также аналогичная заготовка на более ранней стадии (рис. 13: 56).

Особый интерес представляют немногочисленные находки наконечников стрел разных типов, в том числе наконечники, выполненные на пластинах с ретушью острия и насада (рис. 13: 11–13), а также наконечники–бифасы (рис. 13: 14, 17) и фрагменты наконечников (насады) треугольной формы с краевой ретушью (рис. 13: 15, 16). К наконечникам стрел на пластинах с крутой ретушью на черешках и уплощенной подправкой на его брюшке можно с некоторой долей условности отнести мелкий целый экземпляр (рис. 13: 13), более крупный экземпляр с поврежденным острием (рис. 13: 12) и два фрагмента – насады (рис. 13: 15, 16).

Наконечники стрел на пластинах с оформлением черешков на брюшке, упомянутые выше, отнесены А.А. Ластовским к так называемому постсвидерскому типу (Кузнецова, Ластовский, Сташенков, Хохлов, 2004). Находки наконечников данного типа было принято рассматривать как свидетельства принадлежности к постсвидерской общности мезолитического населения Европы. Однако в последние годы исследователи стали избегать культурно-генетических построений на основе находок таких наконечников, поскольку выяснилось широкое распространение наконечников на пластинах с вентральной ретушью насада, очевидно, не связанное с влиянием свидерской общности финального палеолита (Лисицын, 2014). Иное дело – находка в раскопе пластинчатого наконечника оригинальной формы – с удлиненным насадом и укороченной колющей частью, оформленными уплощающей ретушью на брюшке (рис. 13: 11). Прямые аналогии этой форме наконечника пока не найдены.

Происхождение найденных в раскопе трех единичных фрагментов керамики неолитического облика с накольчатой орнаментацией и некоторых бифасиальных орудий позднего облика, в том числе наконечника стрелы со сломанным насадом (рис. 13: 14) и фрагмента – насада (рис. 13: 17), видимо, связано с наличием в культурных напластованиях поселения, наряду со слоем рубежа палеолита и мезолита, неолитического слоя, который был потревожен, как и нижний слой, жиз-

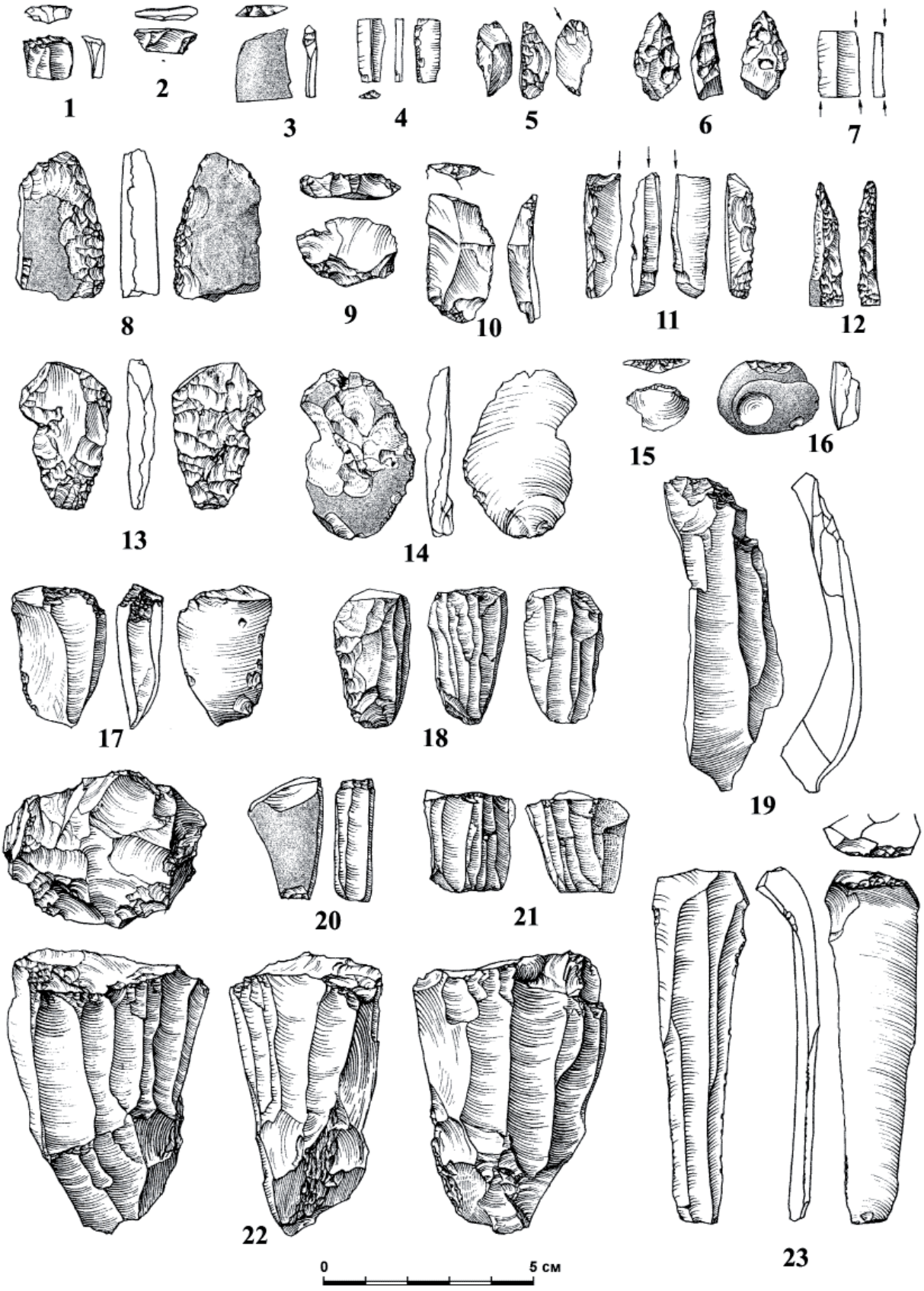

Рис. 12. Гора Маяк, поселение. Кремневый инвентарь и нуклеусы:
1-16, 19, 23 – орудия; 17, 18, 20-22 – нуклеусы
(Рисунки выполнены А.А. Ластовским)

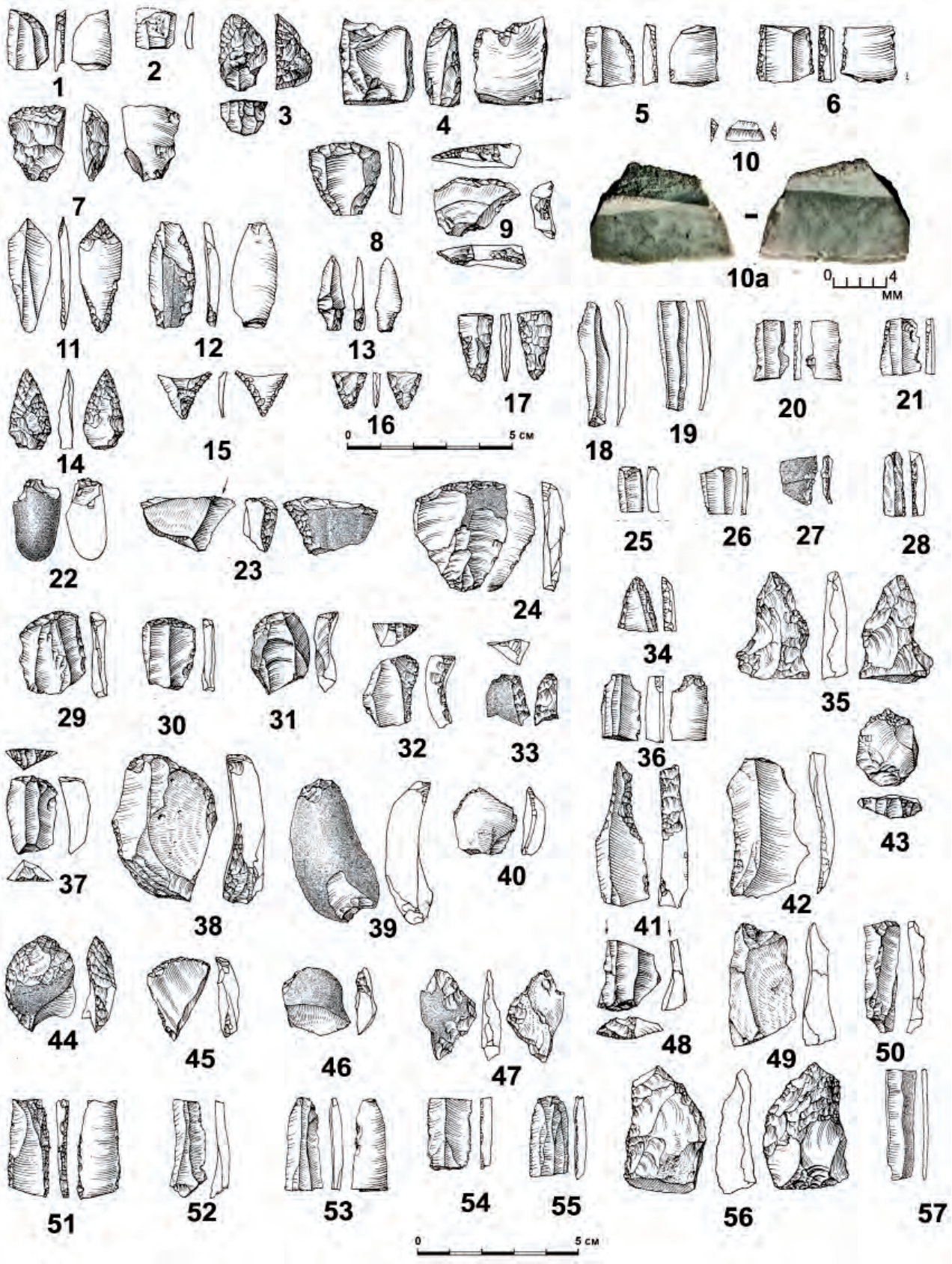

Рис. 13. Гора Маяк, поселение. Кремневый инвентарь:
1-9, 18-57 – орудия; 10 – вкладыш составного орудия (трапеции); 11-17 – орудия
(Рисунки выполнены А.А. Ластовским)

недеятельностью поселения раннего Средневековья (Кузнецова, Ластовский, Сташенков, Хохлов, 2004).

Отдельного упоминания заслуживает находка мелкого вкладыша наконечника геометрической формы – трапеции низких пропорций с прямыми ретушированными сторонами, которая была сделана раскопе 6 в 2004 г. (рис. 13: 10, 10а). Эта трапеция имеет аналогии в наборе вкладышей наконечников, характерном для стоянок финального палеолита, исследованных в Предволжье: Шолма I в Чувашии (Березина, Березин, Галимова и др., 2009; Березина, Березин, Галимова, Гольева, 2020) и Сюкеевский Взвоз в районе устья Камы (Галимова, 2001), а также в комплексе трапеций нижних слоев стоянки Шидерты 3 в северо-восточном Казахстане, датированном рубежом палеолита и мезолита (Мерц, 2006; 2018; 2020).

Опираясь на технологические и функционально-типологические особенности инвентаря, а также на данные палеогеографического исследования и радиоуглеродного датирования, можно отнести время функционирования поселения Гора Маяк к переходному периоду от позднего палеолита к мезолиту.

Использование технологии получения микропластин в индустрии стоянки Гора Маяк не противоречит ее предполагаемому финальнопалеолитическому возрасту. Микропластины и узкие пластины использовались как в целом, так и фрагментированном виде в качестве вкладышей в тех индустриях позднего и финального палеолита, которые опирались на качественное кремневое сырье. Примерами могут служить пластинки (микропластинки) с притупленным краем, происходящие из культурных слоев памятников поздней поры верхнего палеолита: пещеры Двойная на Северном Кавказе (Александрова, Леонова, 2017), стоянки Быки 5 на р. Сейм в центральной части Русской равнины (Ахметгалеева, 2019), каменнобалковской культуры на Нижнем Дону (Виноградова, 2014; Леонова, 2015). Находки микропластин были сделаны на и стоянках финального палеолита, в частности, на упомянутых выше стоянках Шолма I, датированной межстадиальным потеплением аллерёд (Березина, Березин, Галимова, Гольева, 2020; Березина, 2021) и Шидерты 3, в близких к Шолме по возрасту слоях 5 и 6 (Мерц, 2006; 2007; 2020). Следует также отметить многослойную стоянку финального палеолита Черноозерье II, изученную В.Ф. Генингом и В.Т. Петриным на р. Иртыш в Омской области, в инвентаре которой широко представлены микропластины и их сечения – вкладыши режущих орудий и метательного оружия (Генинг, Петрин, 1985; Петрин, 1986; Васильев и др., 2005). Изучавший геологические условия стоянки Черноозерье II С.М. Цейтлин считал удревненной дату стоянки – 14,5 тыс. л. н. (Цейтлин, 1985). Полученные в последние годы две радиоуглеродные даты по костям из культурного слоя стоянки – около 10,5 и 10,9 тыс. л. н. (Горбунова, Шмидт, Осинцева, 2020) – подтверждают мнение С.М. Цейтлина и указывают на время функционирования стоянки Черноозерье в самом конце позднеледниковья – холодной норильской стадии позднеледниковья в Сибири, соответствующей позднему дриасу в Европе (Архипов, 1997).

Стоянка Троицкое I

В Самарском Поволжье известны еще несколько памятников, сходных по кремневому инвентарю с поселением финального палеолита – раннего мезолита Гора Маяк. В частности, это комплекс стоянок Троицкое I–III, расположенных в нижнем течении р. Чапаевка. В результате раскопок 1994 г. на стоянке Троицкое I был выявлен основной культурный слой каменного века и вышележащий слой срубной культуры, менее насыщенный артефактами. Основной слой был стратиграфически связан с погребенным почвенно-культурным горизонтом, залегавшим на глубине 80–100 см от современной поверхности (Ластовский, 2008). На основании находок трех фрагментов лепной керамики с орнаментацией неолитического облика стоянка Троицкое I интерпретирована А.А. Ластовским как стоянка-мастерская по первичному расщеплению кремня неолитического возраста, но с признаками «пережиточной» техники получения заготовок орудий и их вторичной обработки (Ластовский, 2008, с. 31). К этому же кругу относятся стоянки Троицкое II и III, известные по материалам разведочных исследований Д.А. Сташенкова в 2014 г.

Технико-типологические особенности кремневого инвентаря из раскопов и разведочных сборов на стоянке Троицкое I указывают на его сходство с инвентарем поселения Гора Маяк. А.А. Ластовский отмечает использование на стоянке Троицкое I двух типов расщепления ядрищ: параллельно-призматического, широко распространенного в каменном веке начиная с верхнего палеолита, и «архаичного» параллельного плоскостного, не применявшегося в мезолите и неолите на юге Средней Волги (Ластовский, 2008, с. 29) (рис. 14: 19, 20).

В составе пластинчатых сколов присутствуют не только крупные пластины аморфных очертаний, но и средние по ширине и узкие правильные пластины (рис. 14: 1–5, 9, 26), среди которых много проксимальных фрагментов, которые обычно отбрасывались в процессе изготовления резцов и вкладышей. В коллекции стоянки Троицкое I

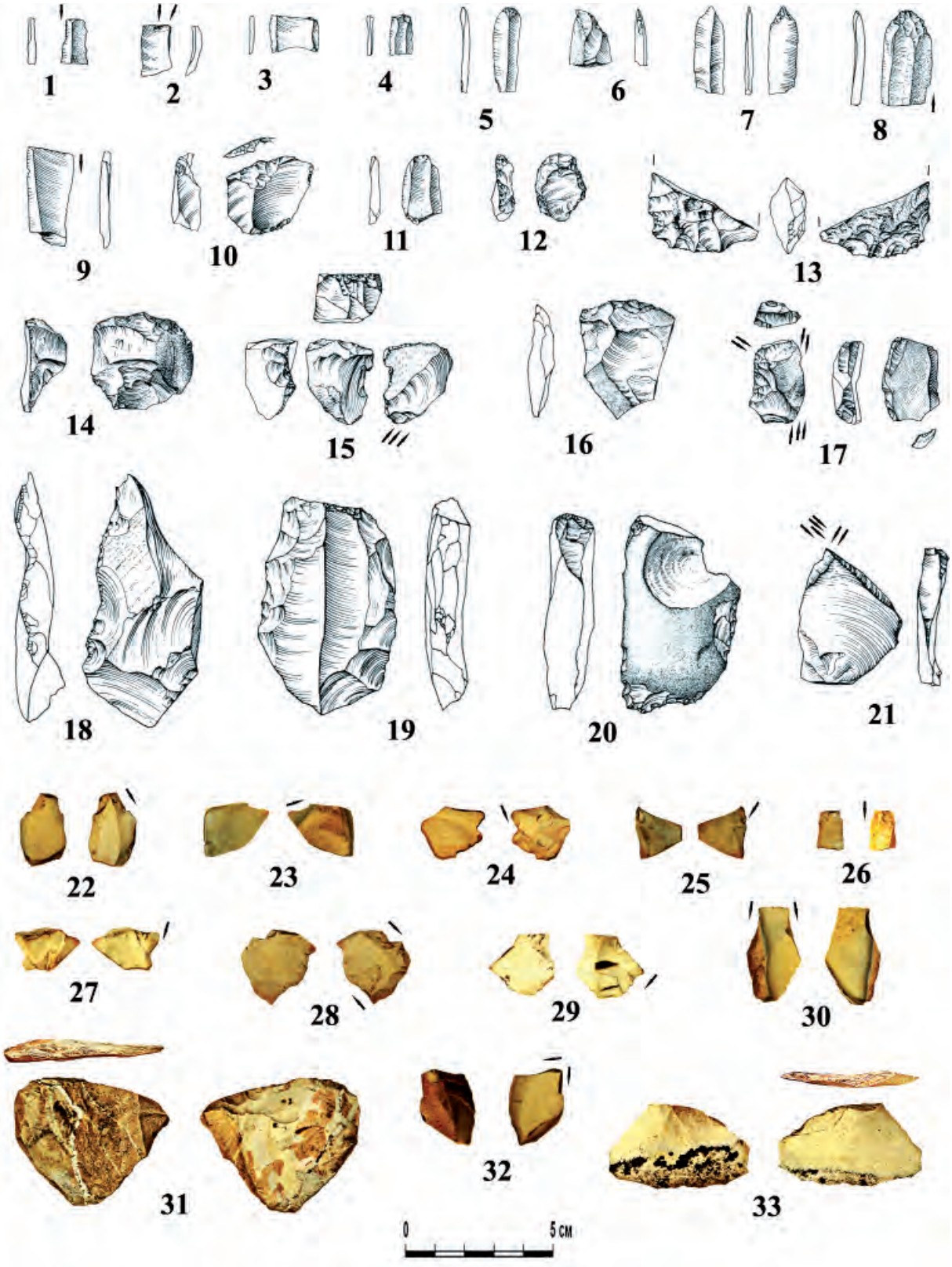

Рис. 14. Троицкое I. Кремневый инвентарь:
1-21 – кремневые орудия и нуклеусы из раскопок О.В. Кузьминой, А.И. Королева и А.А. Ластовского (по:А.А. Ластовский, 2008); 22-33 – кремневые изделия из сборов Д.А. Сташенкова

присутствуют характерные для финального палеолита вторичные нуклеусы, предназначенные для снятия коротких узких пластин на массивных отщепах, которые нередко имеют вид так называемых нуклевидных резцов (рис. 14: 15, 17, 21, 31).

Найденные здесь резцы на сломе пластин, угловые (в том числе с поперечными резцовыми гранями), двугранные (в том числе симметричные и асимметричные), обычны в комплексах финального палеолита усть-камской культуры и других близких по возрасту памятниках Среднего Поволжья (рис. 14: 8, 9, 22–30, 32). То же касается типологии скребков (рис. 14: 10, 12, 14, 16). Вместе с тем симметричный остроконечник на правильной пластине, рабочая часть которого оформлена плоской ретушью на брюшке (рис. 14: 7), весьма сходен по характеру оформления острия с наконечником стрелы, найденным на поселении Гора Маяк (рис. 13: 11). Все это позволяет предполагать существование стоянки на рубеже палеолита и мезолита. Присутствие в коллекции Троицкого I фрагментов бифасов в разной степени завершенности (рис. 14: 13, 18) отнюдь не противоречит этому, поскольку есть свидетельства применения бифасиальной технологии в кремневых индустриях стоянки Шолма I, поселения Гора Маяк, комплексах раннего этапа усть-камской культуры.

Таким образом, к памятникам рубежа палеолита и мезолита в Самарском Поволжье на сегодняшний день можно отнести поселение Гора Маяк и стоянку Троицкое I и с меньшей вероятностью – стоянки Троицкое II–III.

Заключение

Проблемы поиска истоков формирования усть-камской культуры с трапециями в охотничьем инвентаре и определения ее места в финальном палеолите – раннем мезолите Восточной Европы и Северной Азии давно привлекают внимание специалистов. Начиная с момента первых публикаций М.Г. Косменко усть-камских материалов, на протяжении 40 лет исследователями выдвигались разные предположения (Косменко, 1977; Мельничук. Павлов, 1987; Кольцов, 1989; Иванов, Васильев, 1995; Залізняк, 1998; Гавриленко, 2000; Галимова, 2001; Сорокин, 2006; Сорокин и др., 2009; Федюнин, 2006; Павлов, 2007; Леонова, 2007; Жилин, 2007; Жилин, Кольцов, 2008; Лисицын, 2014; 2017; Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., 2019).

Тезис о формировании усть-камской культуры на местной позднепалеолитической основе, представленной кремневым инвентарем нижнего слоя стоянки Камское Устье II и стоянки Лобач II (Галимова, 2001), получил у исследователей как поддержку (Васильев и др., 2005; Жилин, 2007; Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., 2019), так и возражения, высказанные с разных концептуальных позиций. А.Н. Сорокин включает усть-камскую культуру наряду с иеневской, гренской, песочноровской и зимовниковской в состав аренсбургской культурной общности, происходившей из Южной Прибалтики, носители которой распространились в Восточной Европе в позднем дриасе. Причины столь широкого разброса стоянок этой общности исследователь видит в сезонном передвижении аренсбургских охотников вслед за основным объектом охоты – северным оленем (Сорокин, 2006; Сорокин и др. 2009, с. 168–176). С.Н. Лисицын, опираясь на радиоуглеродные даты и палеогеографические реконструкции Верхнего Поволжья в экстремально холодную фазу конца плейстоцена (позднего дриаса) и в самом начале голоцена (в пребореала), считает исторические реконструкции о заселении в суровых условиях конца плейстоцена обширных пространств однокультурными группами охотников на северных оленей не подкрепленными фактическими данными (Лисицын, 2017). Вместе с тем С.Н. Лисицын возражает против точки зрения М.Ш. Галимовой о возможности зарождении техники отжима пластин на финальнопалеолитическом этапе усть-камской культуры (Галимова, 2005) и высказывает предположение о происхождении этой технологии от верхнепалеолитического населения Сибири и Урала (Лисицын, 2014).

Весьма близки к усть-камскому финальному палеолиту с технико-типологической точки зрения коллекции стоянок финального палеолита – раннего мезолита, собранные на стоянках и местонахождениях Пермского Прикамья – Горная Талица, Усть-Сылвенское городище, Пеньки в нижнем течении р. Чусовой (Мельничук, Павлов 1987; Мельничук, 2007; Павлов, 2007), а также Усть-Пожва V и Горка на берегах Камского водохранилища (Макаров, 1997). Для инвентаря этих стоянок характерна пластинчатая технология расщепления каменного сырья, направленная на получение средних по ширине и узких (менее 10 мм шириной) пластин. Так, на стоянке Горная Талица, культурный слой которой залегал в погребенной почве с криогенными деформациями, идущими из вышележащего слоя, узкие пластины изготавливались из яшмы и высококачественного кремня. Сходен типологический состав резцов и особенности оформления резцовых углов и граней в этих коллекциях, а также пластин с усеченными ретушью либо выемчатыми концами. Пластины с угловыми шипами, оформленными ретушью на конце и прилегающем участке края, которые серийно представлены в инвентаре Горной Талицы (Мельничук, Павлов, 1987, с. 9, 10), находят аналогии в коллекции Тетюшской III стоянки. На городище Усть-Сылва собраны пластины с крае-

вой ретушью, в том числе со скошенным краем. Также здесь найдены семь трапеций с вогнутыми краями, близких по типу к трапециям из стоянки Беганчик (Мельничук, 2007). Единичные средневысокие трапеции происходят из сборов на местонахождениях Горка, Усть-Пожва V (Макаров, 1997) и Пеньки (Мельничук, 2007). В коллекции Горной Талицы также имеется изделие, которое, по всей видимости, является трапецией низких пропорций с вогнутыми ретушированными сторонами и с резцовым сколом вдоль верхнего основания (Мельничук, Павлов, 1987, с. 12, рис. 5: 21).

Сходство финальнопалеолитических памятников устья Камы и Пермского Прикамья (главным образом стоянки Горная Талица и городища Усть-Сылва) было отмечено исследователями (Мельничук, Павлов, 1987, Галимова, 2001). Вместе с тем в вопросе о степени этого сходства возникли расхождения. М.Ш. Галимова посчитала, что оснований для объединения усть-камских стоянок с нижнечусовскими в одну культуру недостаточно, можно говорить лишь о существовании в конце плейстоцена некоей общности населения Среднего Поволжья и Приуралья (Галимова, 2001, с. 139, 140). Эта точка зрения была в дальнейшем поддержана М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым (2008).

П.Ю. Павловым выдвинуто предположение о том, что «формирование усть-камской культуры происходило на основе позднепалеолитических стоянок, которые, скорее всего, относятся к уральской культуре» (Павлов, 2007, с. 77). Согласно гипотезе П.Ю. Павлова, уральская позднепалеолитическая культура принадлежала к североазиатской провинции верхнего палеолита Евразии. Опорным памятником открытого типа уральской культуры исследователь считает стоянку Талицкого, а сходные с ней по инвентарю стоянки Постников Овраг в г. Самаре, Черноозеорье II на р. Иртыш и усть-камские стоянки раннего этапа – соответственно близкими к уральской культуре поздней поры верхнего палеолита. Близкой точки зрения придерживался А.Ф. Мельничук, полагавший, что финальнопалеолитическая культура Пермского Прикамья возникла на базе верхнепалеолитических уральских памятников типа стоянки Талицкого, а в конце плейстоцена возникла обширная восточноевропейская общность, включавшая Пермское Прикамье, устье Камы, иеневскую культуру Волго-Окского междуречья с трапециями в охотничьем инвентаре (Мельничук, 2007).

М.Г. Жилин в связи с анализом материалов финального палеолита Ярославского Поволжья поддерживает мнение о сходстве финальнопалеолитических стоянок устья Камы и Пермского Приуралья. Вместе с тем исследователь небезосновательно полагает, что материалы нижнего слоя стоянки Золоторучье I на Верхней Волге и Горной Талицы имеют лишь некоторое сходство, между тем как сходство между комплексами среднего слоя Камского Устья II и Сюкеевского Взвоза с нижним слоем Золоторучья I проявляется более отчетливо (Жилин, 2007). Это выражается в близком типологическом составе нуклеусов, резцов и скребков, использовании для изготовления орудий среднеширокихнеправильных пластин и узких пластин – вкладышей, острий на пластинах с ретушированным вогнутым концом. Однако есть и отличия, и главное – отсутствие находок трапеций в Золоторучье, что дает основание М.Г. Жилину рассматривать усть-камские стоянки правобережья Волги Золоторучье I на Верхней Волге как синхронные, но не однокультурные (Жилин, 2007, с. 43).

Начиная с конца 1980-х годов исследователи финального палеолита и раннего мезолита стали рассматривать иеневскую культуру Волго-Окского бассейна, песочноровскую бассейна Десны и усть-камскую чрезвычайно близкими друг другу с технико-типологической точки зрения (Кольцов, 1989; 1996). Затем эти культуры стали трактоваться как «родственные» в смысле вхождения в состав единой общности постаренсбургских (постлингбийских, по Л.Л. Зализняку) культур Восточной Европы с черешковыми наконечниками. В данную общность, охватывавшую долины Десны, Оки, Верхней и Средней Волги, Днепра, Северского Донца, исследователи стали включать зимовниковскую, песочноровскую (деснинскую), гренскую (верхнеднепровскую), иеневскую и усть-камскую культуры (Зализняк, 1989; Залізняк, 1998; Гавриленко, 2000; Сорокин, 2006; Сорокин и др., 2009; Федюнин, 2006; Леонова, 2007).

Однако присоединение усть-камской культуры к постаренсбургской общности с черешковыми наконечниками стрел представляется сомнительным при детальном учете усть-камского инвентаря. Следует рассмотреть в сравнительном плане культуроопределяющие признаки иеневской культуры Верхнего Поволжья, ближайшей территориально к усть-камской. Среди предметов охотничьего вооружения для иеневских стоянок, кроме симметричных трапеций, имеющих аналогии в устье Камы, характерными являются постаренсбургские асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой, симметричные черешковые наконечники, асимметричные трапеции, косолезвийные наконечники, отсутствующие в усть-камских комплексах (Кольцов, 1989; 1996; Леонова, 2007). Основополагающими типами орудий иеневской культуры являются в первую очередь асимметричные острия (наконечники) с боковой выемкой у насада, оформленной ретушью,

и с ретушированным противоположным краем. Эти острия сочетаются в кремневом инвентаре с обушковыми остриями (остриями со скошенным или выпуклым ретушированным краем), трапециями (симметричными и асимметричными) и рубящими орудиями с перехватом (Леонова, 2007). Выше было отмечено, что на усть-камских стоянках до сих пор не найдено ни одного классического асимметричного острия (наконечника) иеневского типа, а единичные острия из коллекции Тетюшской III стоянки не отвечают устоявшимся стандартам заготовки и оформления этих весьма выразительных наконечников, представленных в иеневских комплексах сериями. То же касается трапеций: для иеневской культуры характерны высокие и средневысокие трапеции со слабо вогнутыми сторонами, многие из которых асимметричны (Леонова, 2007, рис. 7). А для финального палеолита устья Камы типичны трапеции средних и средневысоких пропорций, края многих из них сильно вогнуты.

Также необходимо напомнить, что трапеции, подобные иеневским, встречаются лишь в многочисленной и разнообразной группе трапеций Тетюшской III стоянки. Вместе с тем обушковые ножи – пластины и отщепы с выпуклым или скошенным краем, затупленным ретушью, присущие иеневской культуре, представительны в усть-камских комплексах, особенно в Тетюшской III.

Типологический набор трапеций Тетюшской III имеет близкие аналогии в кварцитовом инвентаре стоянки Плаутино 2, исследованной на р. Хопер в левобережье Среднего Дона (Федюнин, 2006). Исследующий стоянку И.В. Федюнин считает на основании радиоуглеродного датирования (9950±100 л. н.) Плаутино 2 одним из самых ранних памятников зимовниковской культуры (Федюнин, 2015). Многочисленные трапеции с прямыми или вогнутыми сторонами соседствуют в этом комплексе с пластинчатыми остриями со скошенным (выпуклым) краем, что также сближает Плаутино 2 и усть-камские стоянки. В этой связи следует напомнить, что одна из трапеций с прямыми сторонами из Тетюшской стоянки выполнена из кварцита.

Стоит привести мнение Л.Л. Зализняка о том, что близким аналогом зимовниковской культуры, в частности стоянки Сабовка, являются именно памятники усть-камской культуры, в первую очередь Тетюшская III стоянка (Залізняк, 1998, с. 157). Стоянки Сабовка и Зимовники I (комплекс 3), изученные В.А. Манько и А.Ф. Гореликом в правобережье Северского Донца, относятся исследователями к раннему этапу зимовниковской культуры (Гавриленко, 2000). По данным геологических исследований, ранний этап культуры помещен в пределы позднего дриаса – начала пребореала (Манько, 2009). В орудийном наборе этих стоянок, в целом крупнопластинчатом, обращает на себя внимание присутствие среди средневысоких трапеций со слабо вогнутыми сторонами очень мелких экземпляров (до 1,5 см высотой) (Гавриленко, 2000, с. 46–54).

Сходство комплексов усть-камской культуры с еще одной группой стоянок рубежа палеолита и мезолита в долине Северского Донца – памятниками рогаликского типа – было отмечено И.Б. Васильевым. Исследователь полагал, что данные культурные образования объединяет присутствие в каменном инвентаре трапеций с вогнутыми сторонами, острий с притупленным краем, крупных сегментов, пластин со скошенным ретушью концом (Иванов, Васильев, 1995, с. 87–89).

При подробном рассмотрении стоянок и комплексов Рогаликско-Передельского финальнопалеолитического района, материал которых обобщен А.Ф. Гореликом, выясняется, что основными формами трапеций в них являются низкие трапеции с прямыми или слабо вогнутыми ретушированными сторонами, нередко с ретушированным верхним основанием (Горелик, 2001). В первую очередь это относится к наиболее выразительной из Рогаликских стоянок – Рогалик II, скопление А. Стоянка Рогалик IIA представляла собой место плотной концентрации каменных артефактов и костей животных, прежде всего частей скелетов лошадей, а также отдельных костей бизона и северного оленя. В инвентаре сериями представлены концевые скребки, резцы на сломе пластин и ретушные, пластины – пилки и ножи, строгальные ножи по дереву, кости, мясу. Найдены единичные сверло, тесло с перехватом, фрагмент бифаса – рубящего орудия, две низких удлиненных трапеции с ретушированными сторонами и верхним основанием (Горелик, 2001, с. 33–46). Трапеции такого типа представлены в составе вкладышей охотничьего оружия на стоянке Шолма I в Чувашии (Березина, Березин, Галимова и др., 2009; Березина, Березин, Галимова, 2021).

Такой же набор орудий и трапеций найден на однокультурных с Рогаликом IIA стоянках Рогалик XII и Передельское I, где также зафиксированы кости лошадей. А.Ф. Горелик определяет возраст этих опорных памятников группы Рогаликско-Передельских стоянок относительно холодным этапом среднего дриаса (12250–11800 л. н.), опираясь на данные палеомагнитного, термолюминисцентного и радиоуглеродного датирования, а также геологического и палинологического изучения разрезов.

Характерные для усть-камской культуры трапеции с сильно вогнутыми сторонами средних

и средневысоких пропорций в рогаликских комплексах не найдены. Вместе с тем на стоянке Рогалик-Якимовская (Рогалик I) найдены трапеции иного типа – небольшие, средних пропорций, с прямыми ретушированными сторонами, очень похожие на некоторые трапеции из стоянок Сюкеевский Взвоз и Шолма I (Галимова, 2001; Березина, Березин, Галимова и др., 2009). Кроме того, аналогии в инвентаре Шолмы находят найденные на Рогалик-Якимовской пластины с ретушированным концом, пластинки-вкладыши с ретушированным краем, типология резцов, разделочные ножи-резцы на очень крупных отщепах с острыми краями (без вторичной обработки), а также нуклеусы для снятия коротких пластин в форме крупных скребков высокой формы, (Горелик, 2001, с. 31, 32). В составе фаунистических остатков данной стоянки – кости лошади (более четырех особей), первобытного быка, лисицы.

А.Ф. Горелик рассматривает финальнопалеолитические памятники Рогаликско-Передельского района как отражение жизнедеятельности мобильных охотников на путях передвижения плейстоценовых лошадей. На основе палеоэкологических и этнографических данных исследователь приходит к выводу, что специализированная охота на лошадей в среднем дриасе велась сравнительно небольшими коллективами в весеннее-летний период, с последующей полной утилизацией добычи на стоянках, где также производились расщепление кремня, производство орудий, выделка шкур, обработка кости и дерева (Горелик, 2001, с. 341).

В связи с этим следует обратить внимание на то, что лошадь преобладает в составе фаунистических остатков на многих стоянках рубежа плейстоцена и голоцена, изученных на Среднем и Верхнем Дону (Дивногорье 1, 9, Борщево 1, Плаутино 2) (Федюнин, 2015; Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., 2019). Хотя на стоянке раннего этапа зимовниковской культуры Подонцовья Зимовники 1/3 найдены лишь остатки зубра, на стоянке Вязовок 4а второго этапа этой культуры в составе фауны присутствует лошадь (Гавриленко, 2000, с. 99). Согласно реконструкции системы жизнеобеспечения охотников финального палеолита Юго-Востока Украины (Залізняк, 1998), в это время в Днепро-Донецком междуречье происходила смена основного объекта охоты первобытных коллективов – вымиравшего бизона заменяла лошадь, что нашло отражение в изменении состава фаунистических находок на стоянках.

Специализированной стоянкой охотников на лошадей была и стоянка Шолма I на р. Цивили в Предволжье, расположенная гораздо северо-восточнее Подонья и Подонцовья. Особенности охотничьего инвентаря – низких трапеций с прямыми сторонами, выполненных на узких и средних пластинах, узких пластин и микропластин – вкладышей, а также типология нуклеусов, резцов, скребел, характерные для кремневой индустрии Шолмы, дали основание предположить возможную хронологическую и культурную общность Шолмы с комплексами финального палеолита Рогалик I, IIA, XII, Передельское I, бытовавшими в среднем дриасе в лесостепях юго-востока Украины. Полученные в последние годы две радиоуглеродные даты Шолмы I, определившие возраст стоянки концом потепления аллерёд (Березина, Березин, Галимова, 2019), подтвердили правомерность предложенной ранее гипотезы о перемещении финальнопалеолитических специализированных охотников на лошадей вслед за стадами мигрировавших животных из района Среднего Дона – Северского Донца на северо-восток в плоскогорье Приволжской возвышенности (Березина, Березин, Галимова и др., 2009).

Стоит заметить, что лошадь была в составе охотничьей добычи финальнопалеолитического населения, проживавшего к востоку от Волги, в частности в северной части современного Казахстана. Так, кости лошади были найдены в нижнем (шестом) слое стоянки Шидерты 3, исследованной В.К. Мерцем (Мерц, 2006; 2007). Для нижнего слоя памятника характерны микропластинчатость и вкладышевый инвентарь, в том числе мелкие трапеции с прямыми ретушированными сторонами, а также пластинки с ретушированными выемками на торцах. Вместе с тем в инвентаре широко представлены крупные пластины с ретушированными торцами и ретушные резцы, выполненные на таких пластинах, а также концевые скребки, скребла, комбинированные орудия на отщепах. В.К. Мерц особо отмечает находки в шестом слое одной трапеции средневысоких пропорций со слабо вогнутыми ретушированными сторонами (Мерц, 2007, с. 108). Время формирования нижнего слоя Шидерты 3 не может быть моложе позднего дриаса, с учетом радиоуглеродной даты вышележащего пятого слоя с каменной индустрией иного технико-типологического облика, датированной концом позднего дриаса (Мерц, 2020).

Технико-типологическое сходство инвентаря в целом и особенно размеров и формы трапеций из шестого слоя Шидерты 3 и стоянки Шолма I не вызывает сомнений. Однако наряду с небольшими трапециями с прямыми сторонами в нижнем слое Шидерты найдены средние и средневысокие трапеции со слабо вогнутыми сторонами (Мерц, 2018), что сближает эту стоянку с усть-камскими памятниками. В.К. Мерц отмечает возможную

связь населения, оставившего стоянку Шидерты 3, с населением Восточной Европы и Южного Прикаспия на рубеже плейстоцена и голоцена (Мерц, 2020).

На территории Южного Урала, примыкающего с запада к Северному Казахстану, также исследованы отдельные стоянки поздней поры и финала палеолита с фаунистическими остатками лошади, достоверно определенными в качестве охотничьей добычи. По данным П.А. Косинцева, к таким памятникам относятся кратковременные стоянки – грот Зотинский, слой 4 пещеры Байсланташ и навес Устиново (Косинцев, 2007). Малочисленные находки артефактов в навесе Устиново (5 экземпляров) и гроте Зотинском (12 экз.) не позволяют судить о характере их каменной индустрии (Мосин, 2019), между тем как коллекция из палеолитического слоя пещеры Байсланташ, датированной временем около 13 тыс. л. н., довольно представительна (Котов, 2004). В данном инвентаре присутствуют серии пластин и микропластин с притупленным краем, в том числе изделия, приближенные к геометрическим микролитам – пластинки со скошенным ретушью краем и с перпендикулярно ретушированным торцом, а также два фрагмента пластин со скошенным ретушью торцом, сходные с трапециями с прямыми сторонами – мелкой низкой и довольно крупной средних пропорций (Котов, 2004, рис. 6, с. 42). Также найдены пластинки с выпуклым ретушированным краем, резцы разных типов, в том числе ретушные в сочетании с концевыми скребками на противоположном торце, разнотипные скребки, скребла с прямыми и выпуклыми лезвиями, острия с выделенным ретушью шипом на пластинах, клювовидные орудия на отщепах, долотовидные орудия. В.Г. Котов высказался в пользу своеобразного облика этой каменной индустрии, вместе с тем указав на определенные аналогии в инвентаре одновозрастных стоянок в уральских пещерах Игнатиевская и Кульюрттамак, а также стоянок усть-камской культуры Сюкеевский Взвоз и Беганчик (Котов, 2004).

В поисках ключа к решению вопроса о месте памятников устья Камы и лесостепного Заволжья рубежа палеолита и мезолита в пестрой картине культур Восточной Европы, Урала и Зауралья следует обратиться к экологическому подходу, который позволил ряду исследователей под иным углом подойти к решению сложных вопросов реконструкции процессов адаптации и расселения первобытных людей на Востоке Европы в период коренных изменений природы от ледниковой эпохи к межледниковью (голоцену) (Горелик, 2001; Васильев и др., 2005; Жилин, 2004; Сидоров, 2009; Лисицын, 2014; 2017).

Небезосновательной представляется палеоэкологическая реконструкция системы адаптации коллективов охотников к условиям позднеледниковья на Русской равнине, выполненная специалистами Института истории материальной культуры (Васильев и др. 2005). Авторами на основе реконструкции динамики озерно-речной сети, резко изменившейся с деградацией ледника, обосновано существование двух крупных провинций в финальном палеолите Русской равнины. Это западная область с черешковыми наконечниками, связанная с южно-балтийским кругом культур, и восточная область с трапециями, происхождение которой не столь очевидно. По мнению исследователей, памятники с крупными трапециями функционировали начиная с аллерёда (или несколько ранее) до позднего дриаса включительно (Васильев и др., 2005, с. 22).

В русле этого исследования следует обратиться к коллективной работе по реконструкции эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (Маркова и др., 2008). Авторами установлено, что в межстадиальное потепление бёллинг – аллерёд климат в Восточной Европе был заметно более теплым и влажным в сравнении с предыдущим позднеледниковьем. На востоке и юге Русской равнины: в Пермском Прикамье, Среднем Поволжье, Днепро-Донском междуречье – были перигляциальные лесостепные ландшафты с сосново-березовыми лесами в сочетании с луговыми степными и тундровыми ассоциациями, а в Заволжье в этот период установилась перигляциальная степь. В позднем дриасе эта единая природная зона в целом сохранилась, однако лесостепи сменились ландшафтами разреженных перигляциальных хвойных лесов с участием широколиственных пород, а в Заволжье сформировались степные ландшафты с небольшими участками смешанных лесов (Маркова и др., 2008, с. 392, 394, 402–405). Для времени потепления аллерёд на юге Западной Сибири новосибирскими специалистами реконструированы степные ландшафты с елью и березой в долинах рек, сменившиеся на этапе похолодания поздний дриас степными ландшафтами с кустарниковой березой (Зыкин, Зыкина, Орлова, 2000).

Таким образом, обширные пространства от Среднего Прикамья, Южного Предуралья, юга Западной Сибири на северо-востоке и востоке до Днепро-Донецкого междуречья на юго-западе представляли собой единую природную зону лесостепного и степного характера на протяжении финальных фаз плейстоцена – потеплений бёллинг – аллерёд (с незначительным похолоданием средний дриас между ними) и завершающего похолодания в позднем дриасе. В свете палеоландшафтных и

палеофаунистических данных о роли лошади в составе охотничьей добычи определенной части населения этой зоны представляется вероятной картина передвижения по этой обширной территории коллективов специализированных охотников на лошадей с близким набором составного вкладышевого оружия, включавшего трапеции.

На сегодняшний день вопрос о юго-западном, восточном либо юго-восточном истоке появления в финальном палеолите Среднего Поволжья этих охотников с характерным набором вкладышевого оружия не может быть решен со всей определенностью. Строго говоря, датированным памятником с выразительным набором трапеций является лишь стоянка Шолма I. Основные формы трапеций Шолмы – небольшие, низких пропорций, удлиненные, нередко с ретушированным основанием, указывают на связи населения финальнопалеолитического населения северо-востока Приволжской возвышенности и долины Северского Донца.

Вопрос о возрасте поселения Гора Маяк остается открытым ввиду отсутствия четких данных о стратиграфическом соотношении с погребениями. Однако значительное сходство со стоянкой Шолма I в геоморфологических условиях, определенные аналогии в каменной индустрии и типологическом составе инвентаря и находка мелкой трапеции с прямыми ретушированными сторонами позволяют предполагать близкий возраст поселения и погребений на горе Маяк. Поселение, вполне возможно, тоже функционировало в период, близкий к межстадиальному потеплению аллерёд, в относительно благоприятных лесостепных условиях, как и стоянка Шолма I.

Дальнейшая историческая судьба охотников на лошадей стоянки Шолма I могла быть связана с носителями усть-камской археологической культуры, т. к. основные технико-типологические характеристики каменной индустрии Шолмы, в том числе и небольшие трапеции с прямыми сторонами, присущи инвентарю стоянки Сюкеевский Взвоз раннего этапа усть-камской культуры. Однако отсутствие радиоуглеродных дат для финальнопалеолитических стоянок устья Камы делает любые хронологические построения по поводу усть-камской культуры предположительными.

Стоит обратить внимание на присутствие в инвентаре нижнего слоя Шидерты 3 основных типов трапеций, характерных как для стоянки Шолма I и поселения Гора Маяк, так и для усть-камской стоянки Сюкеевский Взвоз. Возможно, неслучайно и то обстоятельство, что Шолма, Сюкеевский Взвоз, Гора Маяк и Шидерты располагаются почти на одной прямой линии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕЗОЛИТ

Глава 1
Палеогеография мезолита Среднего Поволжья и Приуралья

Глава 2
Мезолит северной части Среднего Поволжья

Глава 3
Мезолит устья Камы и Нижнего Прикамья

Глава 4
Мезолит лесостепного Поволжья

Глава 5
Мезолит Камско-Вятского междуречья

Глава 6
Мезолит Верхнего и Среднего Прикамья

Глава 7
Мезолит Северного Приуралья

ГЛАВА 1
ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ МЕЗОЛИТА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Как известно, мезолитические памятники функционировали в раннем голоцене в условиях неоднократных изменений ландшафтов, происходивших в ходе перехода от приледниковых природных условий к межледниковым. По вопросу определения границы «плейстоцен – голоцен» высказывались различные мнения. Широкое признание в отечественной палеогеографии получила точка зрения Н.А. Хотинского, который полагал, что основной перелом в развитии природных условий произошел около 10300 лет назад, поскольку именно в это время в средней полосе Европы произошел переход от перигляциальных безлесных ландшафтов позднеледниковья к лесным формациям (Хотинский, 1977). Вместе с тем международной группой палеогеографов, по результатам бурения ледников Гренландии, была установлена граница между окончанием ледниковья и началом голоцена – около 11700 калиброванных лет от наших дней (до 2000 года) (Walker et al., 2012). В некоторых новейших публикациях по мезолиту указывается время перехода от позднего дриаса к предбореальному периоду голоцена – около 9600 калиброванных лет до н. э., а время перехода от предбореала к бореальному периоду – около 8700 калиброванных лет до н. э. (Zhilin et al., 2018).

Вместе с тем палеогеографическая схема деления голоцена на периоды и зоны для европейской части России, разработанная Н.А. Хотинским на основе схемы Блитта – Сернандера, продолжает широко использоваться исследователями. Эта периодизация, дополненная современными данными палеогеографии и радиоуглеродного датирования (в том числе результатами калибровки полученных дат), применительно к территории Центральной и Восточной Европы (Новенко, 2016) выглядит следующим образом.

Голоцену предшествует последняя холодная стадия – поздний дриас (11000–10300 ^{14}C л. н./12900–11700 кал. л. н.). Эпоха голоцена состоит из пяти климатических периодов:

Предбореальный (10 300–9 200 ^{14}C л. н./11700–10500 кал. л. н.);

Бореальный (9300–8000 ^{14}C л. н./10300–8800 кал. л. н);

Атлантический (8000–4600 ^{14}C л. н./8800–5300 кал. л. н.);

Суббореальный (4600–2600 ^{14}C л. н./8300–2360 кал. л. н.);

Субатлантический (с 2600 л. н.).

В свете предложенной международным коллективом палеогеографов новой схемы членения голоцена на три периода (Walker et al., 2012) хронологическим рубежом между ранним (нижним) и средним голоценом считается дата – 8326 калиброванных лет назад (до 2000 г.), а хронологической границей между средним и поздним (верхним) голоценом – 4200 л. н. (до 1950 г.).

Похолодание позднего дриаса было сравнительно недолгим временем возврата холодных континентальных природных условий (Палеогеография Европы…, 1982; Величко и др., 2002). Для перигляциальных ландшафтов позднего дриаса было характерно сочетание тундровых, лесных и степных сообществ, наиболее дальнее продвижение элементов степной растительности на территории современной лесной зоны России (Гричук, 1982). Перигляциальные явления были распространены на Восточно-Европейской равнине, в частности, признаки мерзлотных клиньев и морозобойных трещин фиксируются в разрезах четвертичных отложений этого времени в Чувашском Поволжье (Березина, 2021). В первой холодной фазе позднего дриаса происходило существенное сокращение лесов и расширение площади открытых пространств, увеличилась доля растений темнохвойных таежных лесов и степных фитоценозов (Борисова, 1994; Симакова, 2008).

Во второй половине позднего дриаса происходило постепенное потепление климата, увеличилась доля древесной растительности. Кроме того, роль перигляциальных элементов флоры на водораздельных участках оставалась еще высокой. Этот завершающий этап ледниковья характеризуется усилением эоловых процессов осадконакопления и формированием песчаных дюн. Эоловые отложения местами продолжали накапливаться и после завершения оледенения.

Вместе с тем растительный покров становился более дифференцированным в направлении с запада на восток. Так, для конца позднего дри-

аса на Урале, по результатам палинологического изучения разрезов Горбуновского торфяника и многослойной стоянки Береговая 2, реконструируются преимущественно безлесные ландшафты с редкими лиственничными лесами (Zaretskaya et al., 2014). В составе угнетенной древесной растительности к западу от Урала отмечается береза, сосна и ель (Хотинский, 1977). В ландшафтах Вятско-Камского Приуралья в это время преобладали злаково-разнотравные луговые сообщества с отдельными участками еловых и сосново-березовых лесов (Прокашев и др., 2003; Жуйкова, Пупышева, 2015). По данным В.К. Немковой, бассейн р. Белой был более безлесным, чем ныне. Среди травянистой растительности большую роль играли маревые, разнотравье и ксерофиты (Немкова, Матюшин, Яхимович, 1977). В позднем дриасе в Приуралье началось торфообразование (Немкова, 1978).

В долине Волги сосново-березовые леса с участками тундростепи сменились разреженными хвойными лесами, состоявшими из ели и сосны, а в Заволжье возникли степные ландшафты с небольшими участками сосново-березовых лесов (с участием широколиственных пород) (Маркова и др., 2008). По данным Н.В. Благовещенской, в ландшафтах центральной части Приволжской возвышенности превалировали полынно-маревые «холодные» степи, а на высоком плато и в древних ложбинах стока произрастали сосново-березовые и березовые редколесья (Благовещенская, 2016).

Граница между поздним дриасом и предбореальным периодом голоцена, относящаяся ко времени 10300 ^{14}C л. н./11700 кал. л. н. (Новенко, 2016), являлась важнейшим палеогеографическим рубежом, отражающим значительное изменение физико-географической обстановки в Евразии. В это время на территории Восточной Европы началось установление растительной зональности. Рельеф центральной и восточной частей Русской равнины сформировался ранее, в заключительные этапы плейстоцена (Бутаков, 1986; Палеогеографическая основа, 1994; Жилин, 2004). Вместе с тем, по данным Г.П. Бутакова, формирование речных долин на востоке Русской равнины завершилось лишь в начале голоцена (Бутаков, 1986). Тогда же происходили процессы деградации многолетней мерзлоты, восстановления лесного покрова и формирования современных почв.

Природные условия пребореального периода, по общему мнению палеогеографов, были неустойчивыми, с неоднократным возвратом похолоданий. На территории востока Русской равнины и на Урале флористический комплекс перигляциальной лесостепи продолжал играть существенную роль на протяжении всего предбореала (Аськеев и др., 2009).

В самом начале пребореала на севере Восточно-Европейской равнины, по данным Ю.Н. Грибченко, происходило сокращение стабильных участков речных долин и водоразделов вследствие интенсивной деградации многолетней мерзлоты и усиления эоловых процессов, что, возможно, отразилось на отсутствии признаков обитания мезолитических общин в некоторых районах северо-востока европейской части России (Волокитин, Грибченко, 2014). В долине Вычегды, по данным Л.Д. Никифоровой, на первом этапе пребореала распространились сосновые леса с примесью ели и березы. Во второй половине предбореала в условиях похолодания облесенность этой территории уменьшилась, распространились заросли кустарниковой березы и полынно-маревые ксерофитные травянистые группировки (Никифорова, 1982). В долине Печоры были развиты еловые и березовые редколесья, а в более южных районах – в междуречье Мезени и Вычегды – продолжали преобладать лесные формации, в которых возросла роль березняков и уменьшилась роль сосны (Голубева, 2008).

В Вятско-Камском междуречье в предбореальном периоде, по данным О.В. Бакина, основой формирования лесного покрова были участки березового леса, характерные для предыдущей холодной стадии позднего дриаса. В начале голоцена в состав лесов входили сосна и ель, в меньшей степени – лиственница, пихта, ольха, липа и орешник. К середине пребореала леса заняли всю территорию Вятско-Камского междуречья, в их составе существенную долю составляла сосна. Во время климатического оптимума предбореала (9500–9300 л. н.) в Вятско-Камском междуречье могли произрастать отдельные еловые леса (Бакин, 2009).

В предбореале для территории Нижней Камы В.К. Немкова реконструировала березово-еловые леса с участием граба, а на юге Приуралья (южнее широты г. Уфы) – лесостепные ландшафты (Немкова, 1978). На стадии позднебореального похолодания на Нижней Каме и в Башкирском Предуралье происходила деградация хвойных и расширение березовых лесов (Немкова, 1978; Бакин, 2009).

По данным В.Т. Шаландиной (1980; 1981), в это время в Закамье и Предволжье Татарстана существовали березово-сосновые леса. Они чередовались с безлесными пространствами, на которых произрастали травы. Значительное содержание пыльцы кипрейных в спектрах из Западного Закамья свидетельствует о существовании низинных болот. Травянистые фитоценозы имели более ксе-

рофильный характер: здесь присутствовали такие яркие степные элементы, как эфедра и мордовник (Ятайкин, Шаландина, 1975). В Восточном Закамье и Южном Предуралье в составе березово-сосновых лесов встречались ель, липа, вяз, ольха (Аськеев и др., 2009).

В центральной части Приволжской возвышенности в предбореальное время, по данным Н.В. Благовещенской, происходил переход от безлесных перигляциальных степей к лесостепям с участками разреженных сосновых лесов. Постепенно формировались настоящие сосновые леса – зеленомошники. В степных сообществах значимую роль стали играть злаковые, появилось первое разнотравье (Благовещенская, 2016).

В бореальном периоде природные условия северо-востока европейской части России подразделяются на две фазы: раннебореальное потепление и позднебореальное похолодание, которое было недолгим, но существенным. В долине Вычегды в раннебореальное время господствовали еловые и березовые леса среднетаежного облика, а в долинах Мезени и Печоры распространялись ельники (Никифорова, 1982). На юге Республики Коми в еловых лесах появились широколиственные породы (вяз, липа, лещина) (Голубева, 2008).

В конце бореального периода на северо-востоке Европы произошло похолодание, которое вызвало существенную перестройку растительного покрова. По данным Л.Д. Никифоровой, в это время темнохвойные леса приобрели среднетаежный либо осветленный северотаежный облик, сократилась доля ели, исчезла пихта, возросла роль древовидной и кустарниковой березы (Никифорова, 1982; Голубева, 2008). На Верхней Каме в раннем голоцене (до 8200 кал. л. н.) произрастали светлохвойные и мелколиственные леса среднетаежного типа с участием кустарниковой березы (Лычагина и др., 2021).

В Вятско-Камском междуречье на теплой стадии бореала в ландшафтах полностью преобладали сосновые (в меньшей степени березовые) леса при возрастающей роли широколиственных пород, в том числе вяза и дуба. В южной части бассейна Вятки на зандровых низменностях преобладали сосновые боры (Бакин, 2009). В Закамье и на севере Низменного Заволжья участки луговой и кустарниково-злаковой степи перемежались с участками полынно-маревых ассоциаций в сочетании с сосново-березовыми лесами с примесью широколиственных пород и ели (Аськеев и др., 2009). В лесах на левобережье нижнего течения р. Белой начал произрастать граб (Немкова, 1978).

По результатам палинологического анализа отложений позднемезолитической Деуковской 2 стоянки, исследованной М.Г. Косменко в низовьях реки Ик, В.К. Немковой были реконструированы общие для Нижней Камы и Нижней Белой ландшафты бореального периода с преобладанием сосновых лесов с примесью ели и незначительным участием березы, ольхи и липы (Немкова, 1978).

В раннебореальное время на территории Приволжской возвышенности в условиях достаточно высокой влажности и низкой континентальности климата сильно расширилась площадь, занимаемая лесами. Хотя в их составе по-прежнему преобладает сосна, все более существенную роль начинают играть широколиственные – лещина, липа, клен. Повсеместно исчезает береза низкая (Благовещенская, 2016).

В бореальном периоде растительный покров Чувашского Поволжья полностью приобретает лесной характер: с господством сосново-березовых лесов при участии широколиственных (вяза и липы), а также ели. Водоразделы в течение короткого времени оказались занятыми лесами, причем наиболее возвышенные части их оказались заселенными сосной. Несколько позднее сосновыми лесами заселились все песчаные пространства. На понижениях речных пойм возникли новые болота, и началось образование лугового торфа (Березина, 2021).

В самом конце бореального периода началось распространение широколиственных лесов, особенно усилившееся в начале атлантического периода (Аськеев и др., 2009).

На протяжении начального этапа атлантического периода, как показывают радиоуглеродные даты, в Волго-Уралье продолжали проживать позднемезолитические коллективы, которые на некоторых территориях региона соседствовали с ранненеолитическими общинами. Одновременное функционирование позднемезолитических и ранненеолитических в период около 8000–8500 л. н. было характерно, в частности, для территории Самарского Поволжья (Андреев, Андреева, Кулькова, Ойнонен, 2020).

В атлантическом периоде выделяется наиболее благоприятная природно-климатическая фаза голоцена – климатический оптимум (8000–5700 кал. л. н.) (Новенко, 2016). Климат в это время был значительно теплее и несколько суше современного, границы природных зон Северной Евразии установились на 200–400 км севернее по сравнению с современными. По данным Л.Д. Никифоровой, в раннеатлантическое время на территории междуречья Мезени и Вычегды произрастали темнохвойные леса среднетаежного типа (Никифорова, 1982). В современной подзоне северной тайги березовые леса были замещены еловыми с участием широколиственных пород (Голубева, 2008).

На Верхней Каме среднетаежные формации стали замещаться южнотаежными лесами, а во время климатического оптимума получили распространение хвойно-широколиственные леса – липово-вязово-еловые с участием березы и сосны (Лычагина и др., 2021). На территории Кировской области широко распространились широколиственные породы – липа, вяз, дуб, лещина (Прокашев и др., 2003; Жуйкова, Пупышева, 2015). В Вятско-Камском междуречье в атлантическое время на протяжении более 3000 лет в составе лесной растительности возрастала роль широколиственных пород (дуба, липы) и ели. Также активно произрастали ольха и пихта. Сосновые леса сохранились только на песчаных почвах, березняки перестали играть роль зонального типа леса (Бакин, 2009).

По данным палеоботанического изучения культурных напластований позднемезолитической стоянки Кочкари 1 в Самарском Поволжье, во время ее функционирования стоянку окружали пространства, занятые полынно-разнотравными группировками, в сочетании с березовыми перелесками с участием сосны, приуроченным к долине реки (Андреев и др., 2021, с. 7).

Анализ фаунистических остатков из мезолитических стоянок Баринка 1 в Камско-Вятском междуречье и Деуково 2 на Нижней Каме, выполненный А.Г. Петренко, показал, что основными объектами охоты были: лось, кабан, медведь, заяц, бобр. Кроме того, на Деуковской 2 стоянке были встречены кости собаки, птиц и рыб, а на стоянке Баринка 1 – косули и северного оленя (Петренко, 1978; 1984).

Остеологические материалы из раскопок Мукшумских стоянок в Чувашском Заволжье (Березина, 2021), проанализированные И.В. Аськеевым, О.В. Аськеевым и Д.Н. Галимовой, показали, что позднемезолитическое население левобережья Средней Волги охотилось на крупного зверя (лось, северный олень), мелкого зверя (заяц), птиц (чирок-свистунок, ястреб-тетеревятник), а также занималось рыболовством (Аськеев и др., 2009).

По данным А.В. Волокитина и Ю.Н. Грибченко, мезолитическое население северо-востока Восточно-Европейской равнины вело подвижный образ жизни, с длительными перекочевками с юга на север. Освоение данной территории небольшими подвижными группами охотников произошло на рубеже пребореала и бореала (Волокитин, Грибченко, 2014). Распространение мезолитического населения в данном регионе происходило в условиях лесистой местности, продвижение на север Приуралья осуществлялось по долинам Камы и Печоры

На мезолитических стоянках Парч 1 и 2, исследованных А.В. Волокитиным в верхнем течении р. Вычегды, по результатам палеоруслового анализа, выполненного Ю.А. Ткачевым, установлено, что в это время русло реки и ее склоны занимали стабильное положение, что привлекало древних людей, которые освоили пойменные участки, затапливаемые в половодье и пригодные для жизнедеятельности в остальные сезоны (Волокитин, Ткачев, 2004; Волокитин, Зарецкая, Панин, 2015). На стоянке Парч 2 изучены остатки восьми легких наземных жилищ. Спорово-пыльцевые спектры образцов культурных напластований из жилища показали, что стоянка функционировала в начале атлантического периода в ландшафте еловых лесов с участием пихты и сосны, а затем с участием дуба, вяза, липы, лещины. Климат этого времени был близок к современному, а затем стал теплее (Волокитин, Грибченко, 2014).

Мезолитическими коллективами были освоены на северо-востоке не только речные долины, но и берега крупных озер на северо-востоке европейской части России. Ярким памятником такого типа является стоянка Висский торфяник 1, функционировавшая в конце бореального – начале атлантического периодов. В напластованиях торфяника Г.М. Буровым было найдено большое число разнообразного инвентаря из дерева, бересты, осоки: орудия охоты и рыболовства, средства передвижения (остатки саней и лыж), бытовые предметы, свидетельствующие о круглогодичном обитании. Фаунистические остатки, найденные на стоянке, указывают на состав охотничьей добычи – бобр, лось, северный олень, волк, медведь, куница, рябчик, утка, врановые, глухарь. Также найдены кости собаки и рыб – окуня, щуки, карповых (Волокитин, Грибченко, 2014).

Таким образом, динамика природной среды Среднего Поволжья и Приуралья в раннем голоцене сводится к следующему: климат пребореала был значительно холоднее современного, но в целом более теплый и влажный, чем в позднем дриасе. Климатические условия последующих бореального и атлантического периодов отличались большей теплообеспеченностью. Становление мезолитических культур Среднего Поволжья и Приуралья явилось результатом приспособления первобытных коллективов к резким изменениям природной среды, происходившим на рубеже плейстоцена и голоцена. Основой мезолитического хозяйства стала охота на лесных и лесостепных нестадных животных в сочетании с рыбной ловлей и собирательством, игравшими гораздо большую, нежели в палеолите, роль (Жилин, 2004).

ГЛАВА 2
МЕЗОЛИТ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Марийско-Чувашское Поволжье географически занимает северную часть Среднего Поволжья и включает высокое правое нагорье (Чувашское плато), представляющее собой северо-восточную часть Приволжской возвышенности, и низменное левобережье (Марийская низина). Марийско-Чувашское Поволжье располагается на стыке трех физико-географических провинций Русской равнины – южной тайги, широколиственных лесов и лестостепи.

В северной части Среднего Поволжья известно около 300 мезолитических памятников, среди которых 140 – с выраженными признаками объектов (западин) общим количеством не менее 607 штук. Большинство открытых памятников располагается в левобережье Волги, вероятно, это связано как со степенью изученности отдельных районов, так и с объективной ситуацией. Расположение стоянок – по берегам малых рек и озер, а также исследованные жилища и орудийный набор показывают, что оставившие их коллективы были рыболовами и охотниками. Широкая (3–4 км) левобережная пойма Волги со старичными озерами и небольшими притоками представляла собой богатейший биоценоз, позволявший круглый год ловить рыбу и охотиться. Вероятно, эти благоприятные условия вызвали появление здесь в мезолите крупных долговременных поселений с несколькими жилищами, которых иногда фиксируется более десяти на одном памятнике.

Правобережье Волги в этом отношении более скудно, лишь такие реки, как Сура, Цивиль, Свияга, имели схожие биотопы, но гораздо скромнее по объемам. Однако именно в правобережье была обнаружена первая мезолитическая стоянка – Яндашевская. Левобережье же еще долгие годы после этого оставалось неизведанным. А.П. Смирнов в конце 1940-х гг. отмечал, что в пределах Марийской низины памятников каменного века не было (Смирнов, 1949, с. 12–17).

Научное изучение мезолитических памятников Марийско-Чувашского Поволжья началось с исследования Яндашевской стоянки на р. Цивиль. В 1927 году здесь проведены раскопки (П.П. Ефименко). Вскрытая площадь составила 67 кв. м. В раскопе собрано около 500 орудий, столько же пластин, несколько тысяч отщепов, сколов и других отходов обработки кремня. В 1956 году эта стоянка обследовалась А.Х. Халиковым. В 1959 году В.Ф. Каховский на стоянке раскопал еще 36 кв. м (Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 3, 2015, с. 97–99). Материалы стоянки были опубликованы (Ефименко, Третьяков, 1968). Позднее Л.В. Кольцовым каменный инвентарь стоянки был проанализирован и опубликован в расширенном виде (Кольцов, 1989а).

Обнаружение этой стоянки на долгие годы сформировало представление о мезолите региона. По мнению Л.В. Кольцова, Среднее Поволжье в эпоху мезолита представляло собой «классический пример контактной зоны», где сложилась культурная мозаика. Он выделял во второй половине бореального времени две культурные области: камскую и с наконечниками постсвидерского типа. По его мнению, Яндашевская стоянка относится к культурной группе с наконечниками на пластинах поствидерского типа (Кольцов, 1989а, с. 90). Большое значение в инвентаре имели составные вкладышевые орудия. Трасологические исследования выявили использование характерных сечений, а также мелких отщепов в качестве вкладышей, с характерными следами износа (Галимова, 2003). Этот памятник отличает большая серия небольших наконечников на пластинах, среди которых преобладают черешковые, но есть и иволистные.

Позднее в правобережье Волги, на р. Цивиль, были открыты еще мезолитические стоянки и местонахождения. В 1966 г. разведочным отрядом П.Н. Старостина были открыты местонахождения – Цивильское место первичной обработки камня, Селекционная станция, Чиганарское и др. (Старостин, 1967). В 1978 г. разведками Б.В. Каховского на р. Цивиль обнаружено местонахождение с кремневым инвентарем "архаичного облика". В 1970-е годы краеведом Ю.Б. Новиковым была открыта Сурмайданская стоянка в левобережье Суры, собран подъемный материал (Ставицкий, 2008; Березина, Березин, Коноваленко, 2010; Березина, 2011). Каменная индустрия этой стоянки характеризуется как микропластинчатая. Вторичная обработка орудий производилась посредством

односторонней краевой ретуши (крутой и приостряющей) и техники резцового скола. Отмечены пластины и сечения-вкладыши, концевые и боковые скребки, угловые и ретушные резцы, обломок рубящего орудия.

В 2007–2012 гг. в Среднем Посурье были изучены мезолитические пластинчатые комплексы многослойных поселений. На поселениях Утюж I и Молебное Озеро II выделены пластинчатые комплексы мезолитического облика, изготовленные из серого и дымчатого кремня. На поселении Утюж I находки были приурочены к участкам сохранившегося культурного слоя, прорезанного ранненеолитическим жилищем (Березина и др., 2007; Березина, 2012а, с. 19–24).

Большинство же выявленных мезолитических памятников Марийско-Чувашского Поволжья располагаются в левобережной части Волги. В первые годы после создания МарАЭ в 1956 г. на территории Марийской Республики были открыты стоянки, охватившие практически всю территорию с востока на запад от Вятского увала до р. Ветлуги (на границе с Нижегородской областью). Среди них наиболее значимыми были у д. Широкундыш на р. Большой Кундыш, у д. Курманаево на р. Большой Ошле, у д. Кромка на р. Ветлуге, у д. Ужара на р. Немде.

Первым памятником, исследованным раскопками, была Русско-Луговская стоянка, на которой А.Х. Халиков в 1956 году изучил остатки жилой постройки, которая являлась на то время единственной достоверной постройкой мезолитического времени в Европейской части СССР и самым ранним жилищем, известным в Поволжье и Прикамье (Халиков, 1960, с. 11–17). На площади 148 кв. м были изучены остатки полуземлянки с глубоким котлованом, размером 7×4 м. На полу выявлены два очага, хозяйственная яма и несколько столбиков. В слое постройки собрано около 1000 кремней, среди них 150 со следами вторичной обработки (пластины с ретушью, фрагменты пластин-вкладышей, скребки на пластинах и отщепах, скобели, резцы, ножи, рубящие орудия и предметы обработки камня (отбойники, ретушеры)). Выделено два хронологически разных культурных слоя. Нижний слой был определен временем раннего голоцена или бореальным климатическим периодом – VII–V тыс. до н. э. (Халиков, 1960, с. 11–24).

Новый этап разведочных работ начался в середине 1970-х годов в связи с разработкой В.В. Никитиным тематики каменного века Марийского Поволжья. С 1974 года неолитический отряд МарАЭ под руководством В.В. Никитина проводил ежегодные разведки по р. Волге и ее притокам. Были обнаружены мезолитические памятники на реках Большой Кокшаге, Немде, Илети. В том же году на старицах Сергушкинского озера были зафиксированы два Сергушкинских поселения, а на р. Арда отмечена мезолитическая стоянка. Разведками Т.Б. Шикаевой 1976 года обнаружены стоянки у д. Широкундыш и пос. Красный Мост. В 1976 году отряд В.В. Никитина на старичных озерах и протоках старого русла р. Малой Кокшаги обнаружил четыре поселения с выраженными жилищными впадинами (Троярские 2–4, Шалангуш 13). В последующие 1977–1979 гг. В.В. Никитиным были зафиксированы стоянки на Волге (Удельный Щумец X, XII XII и Майдан XIV), а также на р. Немда (при участии К. Рокина). Б.С. Соловьев отметил стоянки у д. Новый Карамас на р. Илети, а также две стоянки у с. Кокшайск в устье р. Большой Кокшаги.

В 1982 году начинается планомерное изучение мезолитических поселений в Марийском Поволжье. В этом году на Дубовском XXIII поселении под руководством В.В. Никитина был исследован раскоп (80 кв. м), которым вскрыта площадка с остатками постройки. Им же в 1982 и 1984 гг. проведены раскопки на Дубовском XIII поселении. На площади 304 кв. м изучены остатки трех построек, а одна постройка исследована на Дубовском XI поселении, где вскрыто 174 кв. м. В 1985 г. и 1990 г. раскопом площадью 509 кв. м изучены четыре постройки на Ясачном поселении (В.В. Никитин и Т.Б. Никитина). В 1986 году В.В. Никитин заложил раскоп (168 кв. м) на Удельно-Шумецком XII поселении, в котором исследовал остатки полуземлянки. В этом же году А.А. Ластовским и А.И. Шадриным изучены остатки постройки на поселении Мольбище I (раскопано 50 кв. м).

В 1987 году В.В. Никитин совместно с А.А. Ластовским раскопом 60 кв. м изучили остатки постройки, полуразрушенной траншеей, на поселении Нижняя Стрелка I. В 1988 году В.В. Никитиным исследована раскопом площадью 192 кв. м постройка на поселении Нижняя Стрелка VI. С 1986 по 1990 годы В.В. Никитиным совместно с А.А. Ластовским проводились раскопки на Удельношумецком X поселении. Вскрытая площадь составила 1500 кв. м, на которой изучены десять построек. Материалы раскопок частично опубликованы (Никитин, 1984, с. 5–19; 1987, с. 50–58; 1988, с. 54–65; Никитин, Ластовский, 1989, с. 106–107; Никитин, 1989, с. 7–40; Ластовский, Борисов и др., 1989, с. 41–66; Никитин, 1995, с. 16–20; Никитин, 1996, с. 13–38; Никитин, 2005, С. 449–453; 2006, с. 224-232; Никитин, Ластовский, 1995, с. 21–33; Никитин, Соловьев, 2002, с. 52–55, 84–91, 131–135).

В 1990–2000-е годы к изучению памятников мезолита в акватории Чебоксарского водохрани-

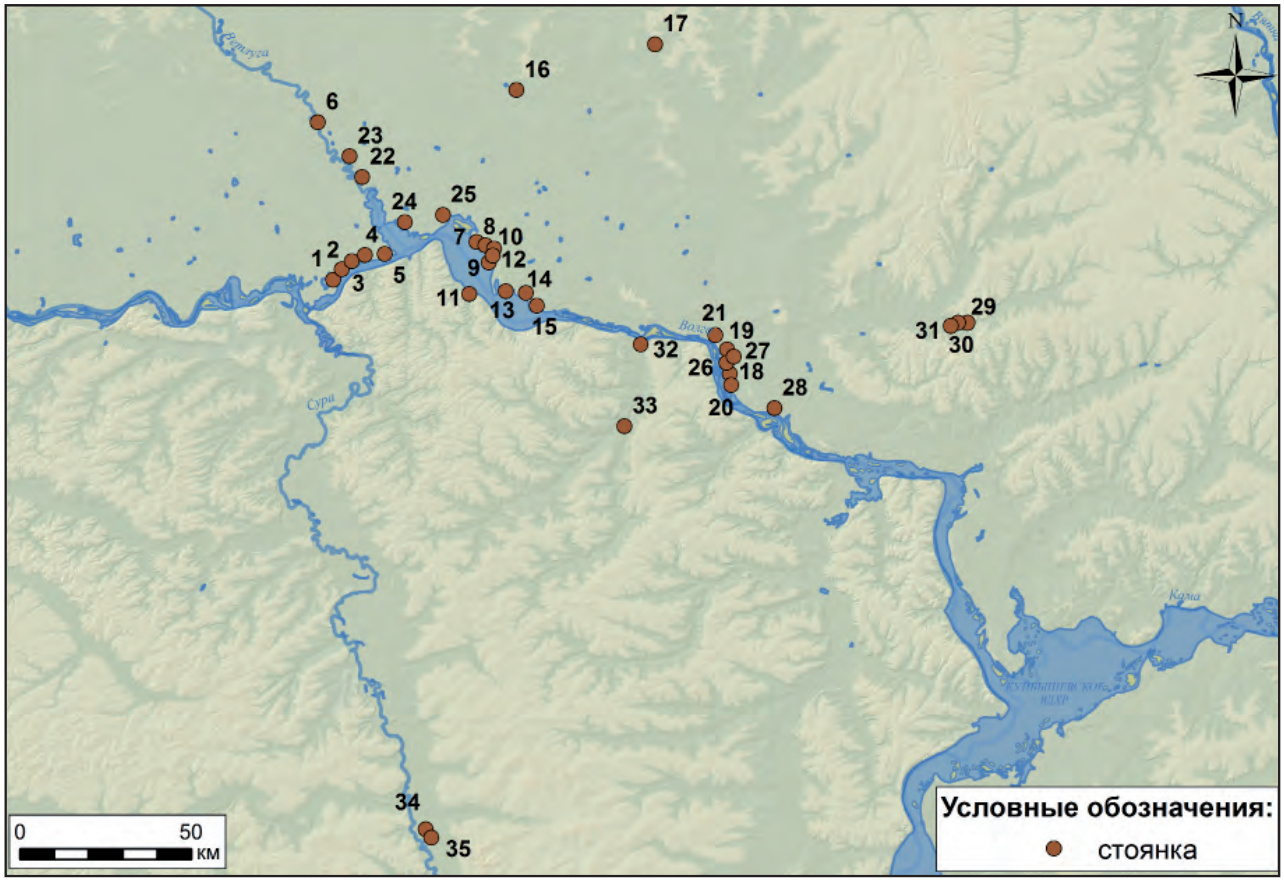

Рис. 1. Карта основных мезолитических памятников северной части Среднего Поволжья:

Поселения и стоянки: 1 – Нижняя Стрелка I, VI, VIII; 2 – Починок III, X, XI; 3 – Удельный Шумец X, XI, XII, XIII; 4 – Майдан XIV; 5 – Сутыри XV; 6 – Кромка; 7 – Мольбище (I); 8 – Дубовский X, XI, XIV, XXIII, XXV; 9 – Зеленый Остров; 10 – Отары IX, X, XII, XIII; 11 – Юльялы II, IV; 12 – Карачурино VII; 13 – Парат (Алатайкино) IV, IX; 14 – Мукшум X, XIV, XVIII; 15 – Чумырхыр I – IV; 16 – Широкундыш I, III; 17 – Курманаево; 18 – Иркино I, V; 19 – Трояры VIII; 20 – Сергушкино I – III; 21 – Кокшайск III, V, VII; 22 – Юркино V, VIII, IX; 23 – Выжум IV, VIII; 25 – Рутка V, VI; 26 – Ясачное I (Арзебеляк VI), Ясачное VI (Арзебеляк XI); 27 – Северный Выселок VI, VII; 28 – Русско-Луговская II; 29 – Алан-Бексер; 30 – Малый Битаман; 31 – Бикнарат 32 – Яндашево; 33 – Цивильское местонахождение (Цивильское место первичной обработки кремня); 34 – Утюж I; 35 – Молебное Озеро II

лища приступили чувашские археологи под руководством Н.С. Березиной. На территории Чувашии выявлено около 20 мезолитических памятников (Мукшумские и Чумырхырские стоянки), часть которых исследована раскопками (Березина, 2003; Березина, Березин, 2003, с. 89–171; Березин, 2012). В 2002 и 2008 гг. на Мукшумской XIV стоянке раскопками общей площадью 211 кв. м изучено два (неполных) жилища (Березина, 2006а; Галимова, 2008). В 2003 и 2016 гг. проведены раскопки двух жилищ на Мукшумской XVIII стоянке. Большинство находок располагалось в пределах жилищного заполнения (Березина, 2006; 2012а). В 2007 г. раскопками (52 кв. м) была исследована частично разрушенная западина на Мукшумской X стоянке (Березина, 2012).

Топография расселения, планиграфия поселений и стоянок

Мезолитические памятники исследуемого региона располагаются на дюнных всхолмлениях (3–6 м над современным уровнем ближайшего водоема) на пойменных участках долины Волги с ее левобережными и правобережными притоками. Часть стоянок и поселений занимают края надлуговых террас (от 1,5 до 4 м) или высоких коренных террас и прибрежные возвышенные участки озер, соединенных протоками, системой стариц или заболоченных участков с руслом реки.

Картографирование известных мезолитических памятников левобережья Волги выявило некоторую закономерность расселения древнейших коллективов на территории Марийского Полесья (от Волги до правобережных притоков р. Вятки). Отмечается сосредоточение памятников отдельными группами, связанное с топографическими особенностями осваиваемого микрорайона (Никитин, 1996, с. 9) (рис. 1). Можно выделить несколько таких кустов или групп памятников:

1 – ветлужско-дорогучская – занимает участок поймы между устьем рек Ветлуги и Дорогучи.

До затопления Чебоксарской ГЭС здесь насчитывалось более 10 старичных озер, соединенных протоками и заболоченными участками. Видимо, это остатки древнего русла р. Дорогучи. В таком случае данная группа памятников находилась на дюнной гряде междуречья Волги и Дорогучи. Здесь на участке длиной около 18 км выявлено 25 мезолитических памятников, среди которых на 21 стоянках присутствуют западины от древних построек. Более половины стоянок представлены одной-двумя западинами, памятников с количеством западин более пяти – всего пять;

2 – дубовско-отарская – занимает территорию междуречья рек Арды и Шаленки. Здесь на протяжении 8–10 км выявлено 25 памятников, основная часть которых являлась долгосрочным местом обитания;

3 – паратско-мукшумская – в устье реки Парат и по берегам рек Черная и Чернушка (до затопления Чебоксарской ГЭС). Часть памятников затоплена или находится на островах водохранилища. Здесь отмечено 24 памятника, основная масса которых представлена долговременными поселками с системой построек;

4 – иркинско-троярская – в междуречье рек Малая Кокшага и Ирка (левый приток. Малой Кокшаги). Протяженность куста составляет примерно 10 км. Особенность данного микрорайона – в наличии развитой озерной (старичной) системы с протоками и небольшими речушками, широкими поймами и невысокими (до 3–4 м) прибрежными террасами. Здесь на дюнах и надлуговых террасах выявлено 16 памятников с системой построек от одной до десяти. Основная масса имеет остатки одной-двух построек, три постройки отмечены на пяти поселениях, четыре – на двух поселениях, а на одном памятнике выявлено десять построек;

5 – сергушкинско-шалангушская – приурочена к гидросистеме, отдельными рукавами связавшей Волгу и Малую Кокшагу. Протяженность группы памятников – около 6 км. Особенность данного куста состоит в нахождении места обитания мезолитических общин преимущественно на краю надлуговых террас озерной системы. В прибрежной части старичных озер и проток выявлено 12 памятников, семь из которых обладали системой построек;

6 – кокшайская – занимает приустьевую площадь поймы р. Большой Кокшаги. Длина группы вдоль побережья составляет 9 км. На этой площади обнаружено 17 памятников, на девяти из которых находится система построек. Топографическая особенность данного куста состоит в «кучном» расположении части поселков и стоянок на дюнных гряхе вдоль протоки (воложки), а части – на дюнных всхолмлениях левобережной поймы Большой Кокшаги;

7 – выжумская – небольшая группа памятников в левобережье р. Ветлуги, в приустьевой части речек Выжум и Чернушка, на дюнном всхолмлении коренного берега Ветлуги. Здесь на расстоянии 1,5–2 км выявлено пять поселений с системой построек;

8 – юркинская – в левобережье р. Ветлуги. Здесь вдоль старичного рукава Ветлуги на небольших дюнных всхолмлениях коренной террасы обнаружено (в пределах 3 км) две временные стоянки и четыре поселения с постройками. Ниже в пойме Ветлуги примерно в километре к югу, на берегу старичного озера найдено еще две стоянки и поселение;

9 – руткинско-еникеевская – занимает площадь прибрежной поймы р. Рутки (побережье бывшего озера Ахмыловское – древнего русла Ветлуги). Здесь в пределах 8 км обнаружено несколько стоянок и два поселения с постройками.

Выше перечислены наиболее насыщенные памятниками мезолита территории. Можно отметить еще и небольшие группы стоянок в правобережье Волги – цивильскую в среднем и нижнем течении р. Цивиль и алатырскую в среднем течении р. Суры. Но наиболее плотное расположение памятников наблюдается в междуречье рек Сундырь и Большая Юнга, где отмечено около 20 стоянок эпохи мезолита. Территория хозяйственного освоения людьми в мезолите была достаточно обширной. Судя по выявленным стоянкам и местонахождениям отдельных каменных предметов, на многочисленных притоках Волги, Ветлуги и Вятки почти все боровые террасы и дюнные гряды посещались мезолитическими коллективами.

Планиграфия стоянок и поселений довольно разнообразна. Их расположение зачастую диктовалось характером и топографией местности. Предпочтение отдавалось мысовидным или овальным в плане возвышенностям. Размеры и форма площадок определяли и количество построек на них, хотя можно указать некоторые мысы (с одной постройкой), удобные для устройства нескольких построек (Нижняя Стрелка VII, Карачурино VII, Дубовая XXV и др.). Постройки на площади поселения расположены параллельно в один, два или три ряда, перпендикулярно, треугольником, иногда кучно. Количество построек на поселениях различно, от одной до пятнадцати.

Из 140 поселений 21,6% составляют поселения с одной постройкой; две-три постройки отмечены на 30,6% поселений; четыре-пять строений учтены на 21%, а 14% обладают признаками шести-семи жилищ. Поселения с количеством восемь-девять сооружений составляют всего 5%, а 7,8%

насчитывают поселения с количеством сооружений от десяти до пятнадцати.

Общий картографический обзор свидетельствует о том, что расселение мезолитического населения происходило в результате обустройства долговременных поселков на возвышенных участках пойм рек, озер, проток и т. п. Поселения на коренных террасах крайне редки и отмечены у д. Починок и Сутыри (терраса Волги), пос. Юркино (терраса Ветлуги). Значительно чаще на террасах встречаются кратковременные и сезонные стоянки, которые выявлены вдоль коренных террас практически всех притоков Волги. Следует отметить малочисленность мезолитических памятников в правобережье Волги, хотя некоторые ее притоки имеют признаки посещения в данную эпоху (реки Сура, Сундырь, Юнга, Цивиль).

Относительно объяснения причин концентрированного (группового) размещения памятников существуют различные исследовательские подходы. Крупные поселения с количеством построек более трех или группы поселений ассоциировались с племенной организацией (Никитин, 1996, с. 153–154). Делать какие-либо обобщения в плане хронологии или же устройства социальных отношений на данном этапе исследований рано. Однако следует обратить внимание на значительное разнообразие в системе расселения «кустовым» освоением территории и на связь поселений с временными стоянками на конкретной территории в определенный хронологический отрезок эпохи. Вместе с тем остается открытым вопрос одновременности жилых сооружений на крупных мезолитических поселениях.

Можно предположить, что при дополнительном изучении системы расселения и анализа материальных комплексов разновеликих стоянок и поселений в будущем удастся вычленить специфические черты и особенности материальной культуры мезолитического населения Марийского и Чувашского Поволжья по хронологическому признаку. Возможно, будут получены дополнительные сведения об элементах обустройства поселков и внутреннего интерьера жилищ, способствующих разработке проблемы социальных и семейно-родовых отношений.

Стратиграфия и планиграфия поселений

В целом на момент 2017 года в результате раскопок в Марийском и Чувашском Поволжье получены материалы по конструктивным деталям 38 построек: 25 из них изучены практически полностью, а на 12 частичными работами выявлены котлованы и изучена прилегающая полоса бечевника (зачастую это обрывы береговой линии). Из 38 построек 35 сооружений имели в своей основе углубленный котлован, одна постройка относится к наземным (видимо, это было хозяйственное помещение в системе поселения Удельно-Шумецкое X). Все сооружения, кроме четырех (Мукшумских X, XIV и XVIII, где отмечена округлая форма котлованов), имели котлованы прямоугольных или квадратных очертаний, хотя среди исследованных объектов можно указать сооружения с закругленными углами, приближающимися к овальной форме (например, Ясачное – постройка 3, Дубовское X – постройка 5) (рис. 2, 3, 4, 10). Исследованные постройки Марийско-Чувашского Поволжья частично опубликованы (Халиков, 1960, с. 11–17; 1969, с. 11–24; Никитин, 1996, с. 13–30; Никитин, Соловьев, 2002, с. 52–55, 131–135; Березина, 2006, с. 22–59; 2006а, с. 233–240; 2009, с. 223–273; 2011а, с. 31–42; 2012, с. 136–155; 2012, с. 79–135; 2012б, с. 136–146; Березина, Выборнов и др., 2010, с, 61–75).

Исследованные раскопками жилища выявили уникальную сохранность культурного слоя. Заполнение жилищных котлованов состояло из грунта, насыщенного остатками угольков, жженых костей, органики, и четко выделялось темными пятнами на фоне светлого дюнного песка (рис. 2).

Большинство объектов имело схожую стратиграфию, не отличающуюся сложностью напластований. В основном это было слабое дерновое покрытие с маломощным почвенным слоем с подзолом, ниже залегали пестроцветные слои зольно-гумусированного или пестро-бурого оттенка, в котором присутствовали предметы жизнедеятельности человека (культурный слой). Обычно над котлованом (выше его на 10–15 см) залегает пласт серо-бурого оттенка с включением мелких углистых фракций, концентрирующихся вокруг контуров углубленной части, являющихся, по всей вероятности, развалом наземной конструкции перекрытия постройки. Культурный слой на поселении за пределами построек незначителен по мощности – от 10–15 см до 60 см, в зависимости от характера освоенного участка.

Жилищные котлованы обычно характеризовались чуть наклонными или отвесными стенками, предполагающими крепления от обвала или осыпи (плетень, прижатые кольями жерди и т. п.), заполнение – плотное, насыщенное гумусом и углистыми включениями. Пол – обычно ровный, реже с понижением к центру, утрамбованный, он выделяется темно-углистым слоем толщиной 5–8 см (рис. 3). Постройки в большинстве случаев (11 построек) имели два противоположных выхода, сделанных в коротких или совмещенных стенках, иногда они встречаются в одном из углов жилища. Выявлено шесть построек с одним выходом, устроенным в короткой стенке сооружения. Часть построек были соединены крытыми переходами

Рис. 2. Мукшумская XVIII стоянка. Раскопки 2016 г. Сохранность культурного слоя: контуры жилища

или имели крытый выход (например, на поселениях Удельношумецкое X, Дубовское XI, Мукшум X). На Дубовском XIII поселении изучено двухкамерное жилище. Устройство выходов простое и начинается с площадки пола, полого поднимаясь к поверхности. В ряде случаев на конце пола устраивались две-три ступеньки высотой около 30 см, сооруженные из пеньков или плах. В редких случаях (Нижняя Стрелка VI, Мукшумская XVIII) имелся вертикальный лаз. Особенностью построек является наличие хозяйственных ниш (Нижняя Стрелка VI, Дубовское XXIII, Ясачное), получивших дальнейшее развитие в домостроении в неолите – энеолите лесного Поволжья.

На уровне материка в жилищных котлованах четко фиксировались столбовые, очажные, отопительные и хозяйственные ямы. Остатки столбовых конструкций, концентрируясь по периметру котлована, у выходов, огораживая хозяйственные углы и ниши, редко хозяйственные ямы. Очаги устраивались в ничем не укрепленных ямах, их диаметры варьируют от 0,8 до 1,5 м. Положение очагов в жилище неустойчивое, но чаще всего они размещаются вблизи выходов и центральной части постройки (рис. 3, 4).

Поскольку стенки ям не были укреплены, а грунт был сыпучий, то они со временем разрушались, в результате формировался крупный очаг (достигающий более двух метров в диаметре), а в материке остатки очага представляли собой отдельные слившиеся ямы. Как правило, в очагах встречаются мелкие угольки, а также кремневые предметы. Характер попадания кремней в очаг не определяется, возможно, это фрагменты кремня, специально проходившие термическую обработку. В некоторых случаях встречаются и кремневые предметы с вторичной обработкой (ретушь, резцовые сколы, шлифовка).

В некоторых постройках фиксируется крупные ямы с вертикальными стенками, часть из них проходила вдоль деревянных конструкций, которые могут быть интерпретированы как очаги-отопители, т. е. ямы, заполнявшиеся углями и располагавшиеся рядом или под лежаками. Отопительные ямы имеют углистое заполнение с включением мелких угольков, жженых костей, фрагментов эмалевых пластинок зубов и небольшим количеством находок кремня.

Внутри постройки обязательно устраивались хозяйственные ямы различного диаметра и глу-

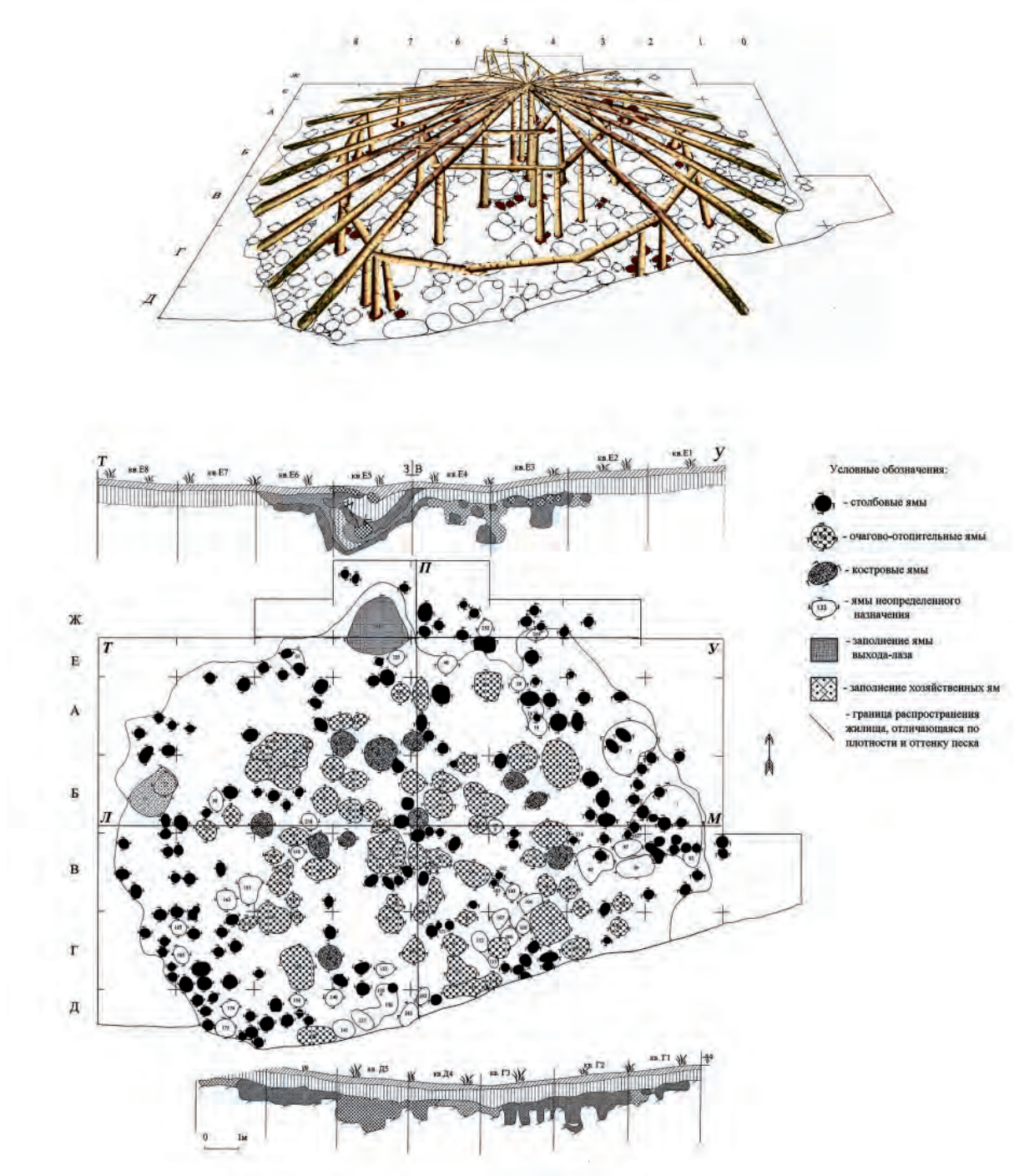

Рис. 3. Мукшумская XVIII стоянка. Раскопки 2003 г. Реконструкция и план жилища с ямами в материке и профилями разрезов

бины. Чаще всего они размещались по периметру котлована или вблизи очагов (рис. 3, 4). В заполнении этих ям встречаются отдельные кремневые предметы и мелкий дебитаж (сколы-отходы). В некоторых ямах хранилось кремневое сырье или заготовки орудий. В отдельных постройках выявлены ямы со стенками, укрепленными кольями.

На полу постройки фиксируются круглые пятна от деревянной конструкции перекрытия и интерьера. Выявляются они чаще всего на 10–15 см выше уровня утрамбованного пола и, перерезая его, вклиниваются в светлый материковый песок. Разрез ям свидетельствует о глубине вкапывания столба, характере оформления его конца (конус, клин, плоский срез и т. п.), наклоне, сдвоенности и пр., что указывает на возможные функции конкретного столба в системе конструкции (опорный, разделяющий, укрепляющий и т. д.).

Особенностью обустройства мезолитического жилища является в некоторых случаях наличие

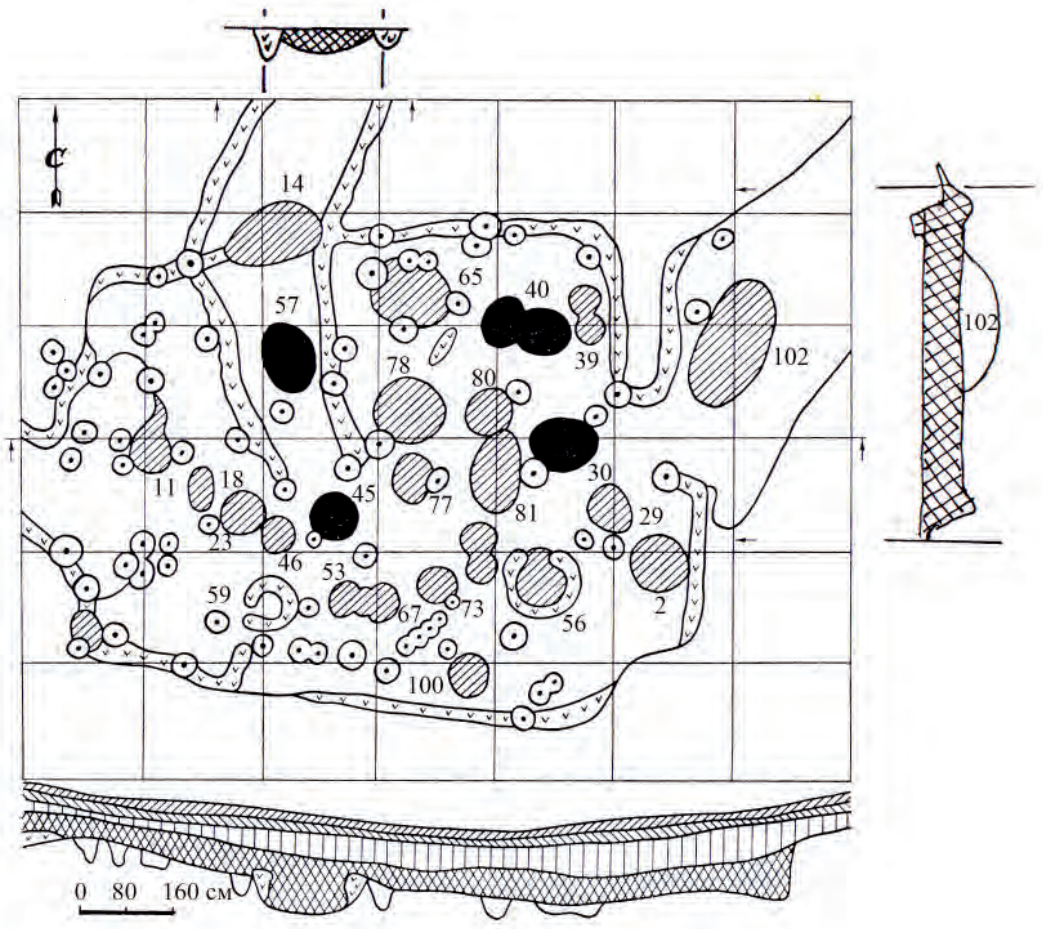

Рис. 4. Поселение Удельно-Шумецкое XII. План жилища:
Реконструкция постройки с поселения Русско-Луговское II (по: А.Х. Халиков, 1960)

отдельных помещений внутри котлована или за его пределами – хозяйственных ниш небольших размеров (площадью от 2 до 4 кв. м) с ямами для хранения запасов сырья или продуктов. Вход в нишу осуществлялся с площадки на полу помещения (Ясачное, Нижняя Стрелка VI, Удельношумецкое X, XII). За пределами построек, как правило, культурный слой маломощен, а находки редки. Вблизи построек иногда встречаются кострища и хозяйственные ямы. Как исключение, на поселении Ясачное была зафиксирована глиняная забутовка по краю жилищ, предотвращающая проникновение сточной воды в котлован постройки.

Изученные постройки имели различную площадь котлована – от 21 до 200 кв. м и глубину котлована от 30 до 110 см. Самый распространенный размер постройки имел длину стен 4–6 м. Преобладают постройки общей площадью от 20 до 50 кв. м (67%). Постройки площадью более 100 кв. м составляют всего 18,5%. Получены данные по устройству более чем 30 входов-выходов. В основном это были углубленные на 20–30 см ниже пола площадки, повышающиеся к верху (иногда со ступеньками), ширина их варьирует в пределах 100–220 см, преобладают выходы шириной 100–150 см (50%), с шириной 160–200 см (38%), более 200 см (12%). Часть исследованных выходов имели расширяющийся тамбур.

В результате исследования отдельных деталей конструкции перекрытия, крепления стенок котлованов, обустройства интерьера (рис. 3, 6) выявлены основные принципы мезолитического домостроения: 1) прямоугольные или подокруглые строения; 2) углубленный котлован; 3) каркасное или шалашевидное перекрытие; 4) один и более выходов, иногда встречаются вертикальные лазы; 5) устройство ступенек в выходе (при наличии глубокого котлована); 6) «кучное» размещение очагов; 7) наличие системы очагов-отопителей, вкопанных в материк, в т. ч. вдоль стен, около лежаков или под ними; 8) наличие хозяйственных ям в помещении; 9) устройство специальных ниш-кладовок внутри помещения или в пристрое; 10) слабо насыщенное предметами быта пространство за пределами построек.

Уникальная сохранность культурного слоя и масштабные раскопки позволили исследователям провести реконструкцию древних жилищ. Первую

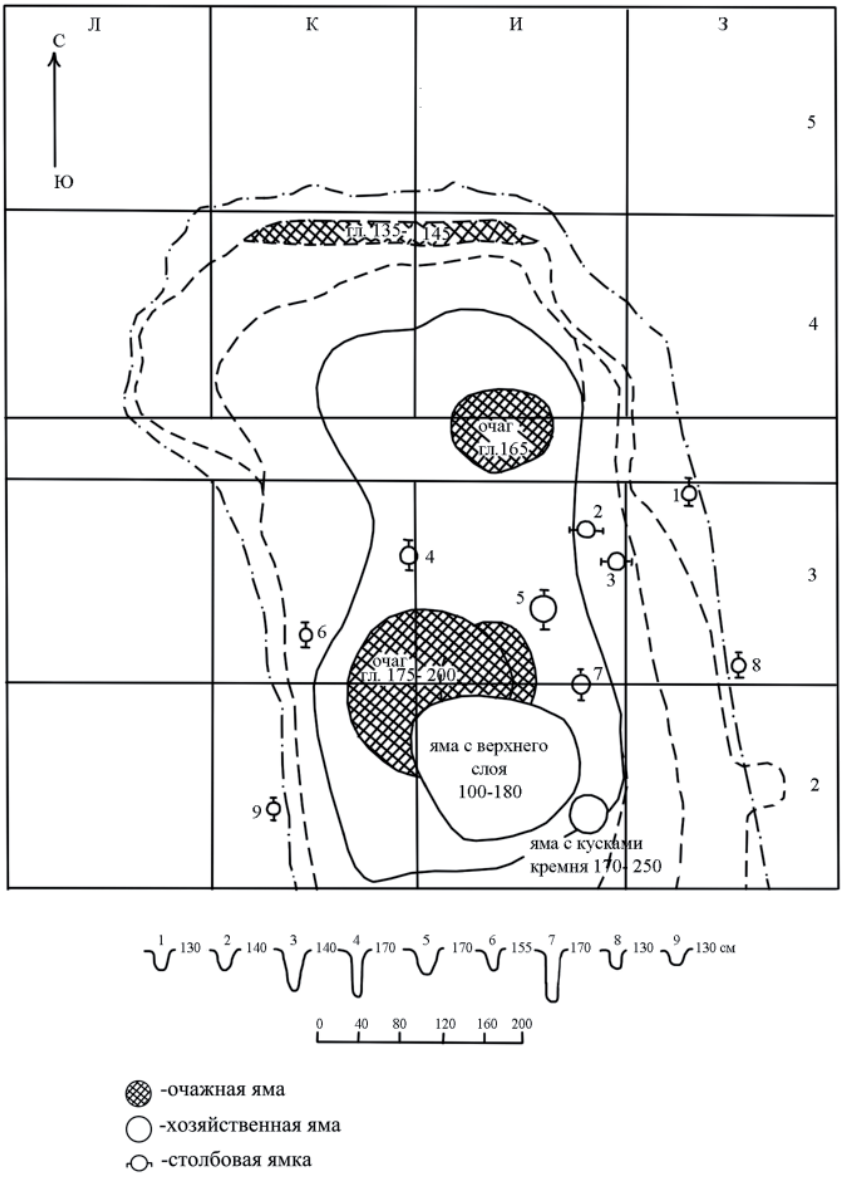

Рис. 5. Поселение Русско-Луговское II. План постройки (по: А.Х. Халиков, 1960)

реконструкцию мезолитического жилища предложил А.Х. Халиков на основе раскопок Русско-Луговского II поселения (рис. 3, 4). Это было полуземляное жилище подпрямоугольной формы с углубленным котлованом и каркасной двускатной конструкцией перекрытия. Вдоль стен были обустроены лавки-лежаки, в центре – кострище (Халиков, 1966). Позднее наблюдения по расположению столбов внутри котлована (ряды, расстояние между ними, размеры и глубина ям), наклонное положение (в разрезе) деревянного перекрытия крыши и выходов, отдельные детали обустройства внутреннего интерьера дали возможность исследователям реконструировать мезолитическое жилище как постройку со столбовой конструкцией (полуземлянку) с двухскатным перекрытием (Никитин, Соловьев, 2002, с. 26–29). Также была предложена реконструкция округлого жилища с шалашевидным перекрытием (рис. 5) по результатам раскопок 2003 г. Мукшумской XVIII стоянки (Березина, 2006). Было высказано предположение о том, что в целом характер культурного слоя и комплекс находок свидетельствуют о зимнем характере исследованных жилищ (Березина, 2006, с. 22–45; 2012, с. 103–104).

Материальная культура. Каменный инвентарь

Существует некоторое разнообразие набора каменного инвентаря с точки зрения его функционального назначения, такая же картина наблюдается при анализе отходов обработки и производства каменных орудий. На некоторых памятниках отмечается изобилие не только отдельных сколов и отщепов, но и фрагментов с желвачной коркой, кусков сырья, заготовок и бракованных или сло-

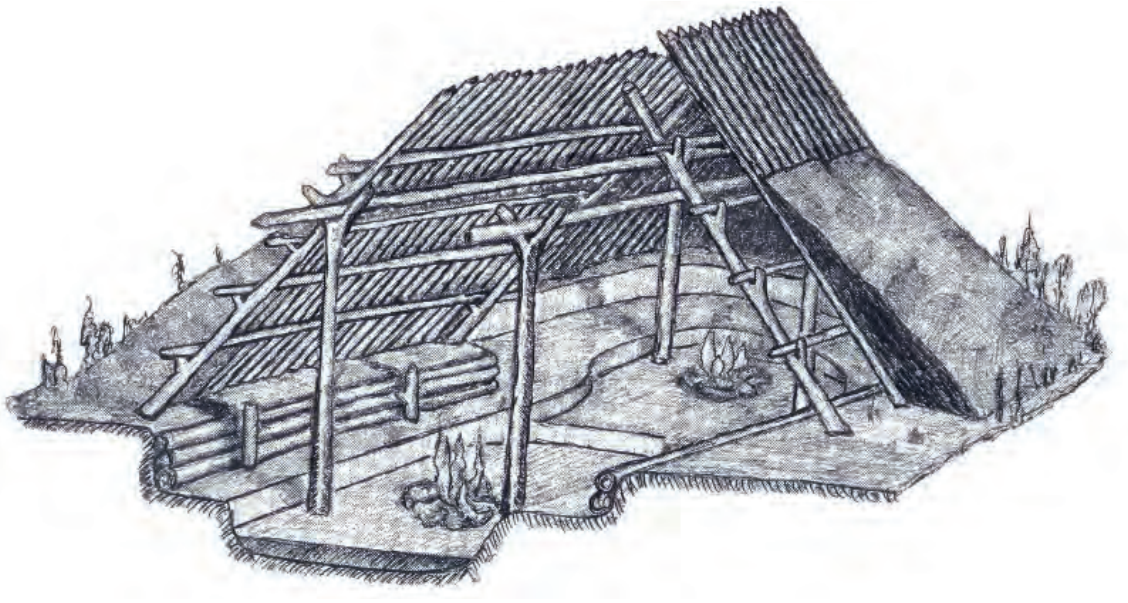

Рис. 6. Реконструкция постройки с поселения Русско-Луговское II (по: А.Х. Халиков, 1960)

манных орудий. Наборы инвентаря на *поселении* и *стоянке* иногда существенно отличаются не только в технике исполнения, но и по функциональному назначению. Так, на стоянках практически не присутствуют нуклеусы (за исключением сработанных форм), минимум отщепов (и те при бинокулярном рассмотрении выявляют следы изношенности), минимум рубящих орудий и значительно выше процент пластинчатых и микроизделий. На стоянках при оформлении орудий чаще применяется прием резцового скола и микроретушь. Коллекции каменных орудий на поселениях отличаются существенным разнообразием.

К сожалению, многочисленные коллекции каменных артефактов памятников эпохи мезолита Марийского Полесья специальным методам исследования (функциональный, трасологический, технологический, структурный и т. п.) исследованы слабо, за исключением исследований М.Ш. Галимовой инвентаря стоянок, изученных ею в низовьях р. Ашит (приток р. Илети) (Галимова, 2003, с. 134–176; 2008, с. 48–92) а также стоянок и поселений в левобережье Волги – Мукшумской XVIII, Яндашевской, Зеленый Остров, Нижняя Стрелка 6 (Галимова, 2004, с. 65–132).

Немаловажное значение для определения общности или схожести технологических приемов расщепления кремня должна иметь в первую очередь геохимическая и минералогическая характеристика. Это актуально еще и потому, что на достаточно широкой территории региона имеются сырьевые базы различных условий формирования и, естественно, имеющих свою структуру, которая в меньшей или большей степени способна к пластинчатому или отщеповому расщеплению. По нашим наблюдениям, темно-вишневые кремнистые конкреции из сырьевых источников правобережья Волги значительно легче раскалываются на правильно ограненные сколы и пластины, чем желваки коричневых тонов, при ударе дающие чаще сколы аморфных форм. В связи с этим качество сырья, естественно, является одним из важнейших условий при характеристике кремневого комплекса.

Функциональное и типологическое разнообразие каменного инвентаря зависит и от ближайшего источника сырья. На территории Марийского Полесья (от Волги до Вятских увал) нами зафиксировано несколько видов кремневых выходов. В правобережье Волги повсеместно встречаются залежи желвачного кремня с толстой известковой коркой, реже – отдельные куски «плиточного» кремня, отличающиеся геометрическими формами с прямыми стенками. Такие обломки достигают размеров 20×30 см. Чаще всего их можно встретить в распадах долин, но месторождения такого сырья не установлены. В междуречье рек Большой и Малой Кокшаги встречаются валуны в виде россыпей (окатышей) различной величины (в народе такие места называют «конопшенниками»). На р. Илети отмечены выходы «плитчатого» кремня, отличающегося от «плиточного» слоистой структурой породы – чередованием слоев кремня (толщиной 0,4–0,8 см) с тонкими слоями известняка. Кроме того, можно встретить отдельные конкреции кремневых валунов (размером до 25 см) аморфных очертаний без острых углов с гладкой, как бы отшлифованной поверхностью, характерной для речных галек. В северо-восточных районах в водоразделах правобережных при-

токов Вятки кремневое сырье отличается серым, иногда дымчатым прозрачным, реже молочно-матовым оттенком. Такое разнообразие сырьевой базы создало предпосылки мозаичности не только цветовой гаммы, но и ее технико-технологических возможностей. К сожалению, пока никто не ставил целью увязать известные каменные комплексы поселений и стоянок с сырьевыми источниками освоенной территории.

Разнообразие сырьевых источников, их технологических возможностей при обработке делает нецелесообразным статистическое сопоставление с целью установления культуроопределяющих признаков. Еще труднее без специальных методик расчленить имеющиеся комплексы в хронологическом плане. Следует отметить, что технологические приемы расщепления кремня специально не изучались, но по характерным признакам можно отметить технику оббивки, скола, ретуширования, подшлифовки. Общим для всех представленных в работе поселений и стоянок основными типологическими типами заготовок являлись отщепы и пластины различных форм и размеров (Галимова, Никитин, 2004, с. 299–304).

Типология каменных орудий

Скребки в исследованных мезолитических комплексах представляют массовую группу орудий. Заготовками скребущих орудий служили отщепы вытянуто-овальные, прямоугольные (поперечные и продольные фрагменты нуклеуса), аморфные (случайных форм), а также продольные сколы, крупные пластины, фрагменты мелких и средних пластин. Небольшое количество скребков представлено отщепами с остатками желвачной корки на спинке.

По форме и оформлению рабочего лезвия выделяются концевые, концевые-боковые, боковые и скребки с лезвием на три четверти или по всему периметру. Преобладающая форма овальная и подквадратная, реже треугольная (веерообразная), встречаются мысовидные скребки и орудия с выступающим углом (рис. 7: 1–20; 8; 11: 11–30; 13: 5, 17–32; 16: 1–8, 10–12, 14–20, 22, 23, 26). Скребковая ретушь наносилась со стороны брюшка. В единичных случаях наблюдаются следы подправки со стороны спинки. На многих изделиях крупная или среднефасеточная ретушь подправлена микроретушью, на кромке лезвия имеются заломы (следы сработанности). В зависимости от характера заготовки и функционального назначения орудия, ретушь часто была достаточно крутая, преобладает ретушь с фасетками средней величины, присутствуют и скребки, оформленные приостряющей и уплощающей ретушью. Как редкий тип можно отметить скребки-ложкари на изогнутых пластинчатых отщепах и дублированные скребки – «перевертыши» с торцовыми противоположными лезвиями.

Особую группу составляют отщепы, сколы с нуклеусов с частичной или нерегулярной обработкой скребкового края. Кроме того, большая часть отщепов могла использоваться в качестве скребка без дополнительной обработки (Галимова, 2003; 2008). Скребки на пластинах в основном торцово-ретушные с прямым или скошенным лезвием; единичные экземпляры имеют слегка приостренное лезвие; несколько больше форм с торцово-боковым краем; редки изделия с дублированными лезвиями на противоположных торцах. Среди скребков на пластинчатой заготовке чаще встречаются экземпляры с угловым резцовым сколом (Никитин, 1996, рис. 4–7).

В особую группу скребков можно выделить округлые мелкие (около 1–2 см в диаметре) орудия с крутой ретушью, вероятно, вставлявшиеся в рукояти. По трасологическому определению М.Ш. Галимовой, среди них выделяются скребки по шкуре и резчики-скобели по дереву (рис. 8: 14, 16–19; 16: 1–8, 12, 14, 15).

Ножи, найденные на стоянках и поселениях, довольно однообразны по форме и характеру оформления режущих и обушковых частей. Режущие орудия выполнены на плоских отщепах и крупных пластинах, значительно реже на мелких пластинах (рис. 15: 47–49; 19: 5–10). Обломки некоторых ножей на широких (до 4,5 см) пластинах свидетельствуют о бытовании очень крупных режущих инструментов (рис. 12: 11–13; 13: 33–35).

Форма изделий чаще листовидная или сегментовидная с прямым или овальным рабочим лезвием с односторонней ретушью. Ретушь чешуйчатая уплощающая. Выделяются вкладыши составных ножей, выполненные на пластинах. В редких случаях в коллекциях присутствуют ножи клинковидной формы. Рабочая часть их находится на боковых ребрах изделия. Ретушь в основном односторонняя, нанесена по спинке, редко заходит на брюшко пластины. В особую категорию можно выделить комбинированные орудия, такие как ножи-ложкари, один край которых имеет выпуклое скребковидное лезвие, а также ножи-развертки, одна из граней которых служила ножом.

Для кремневого инвентаря всех исследованных памятников характерно большое количество *сечений пластин с ретушью*, которые могли служить вкладышами составных орудий (рис. 7: 13–15, 21; 14: 26, 29; 15: 2–4, 14–16, 30–44, 46; 18: 1–4).

Острия (сверла, проколки, наконечники). Исходя из морфологических признаков любое острие многофункциональное и взаимозаменяемое. Тем не менее большинство из них типологически можно отнести к той или иной категории острий.

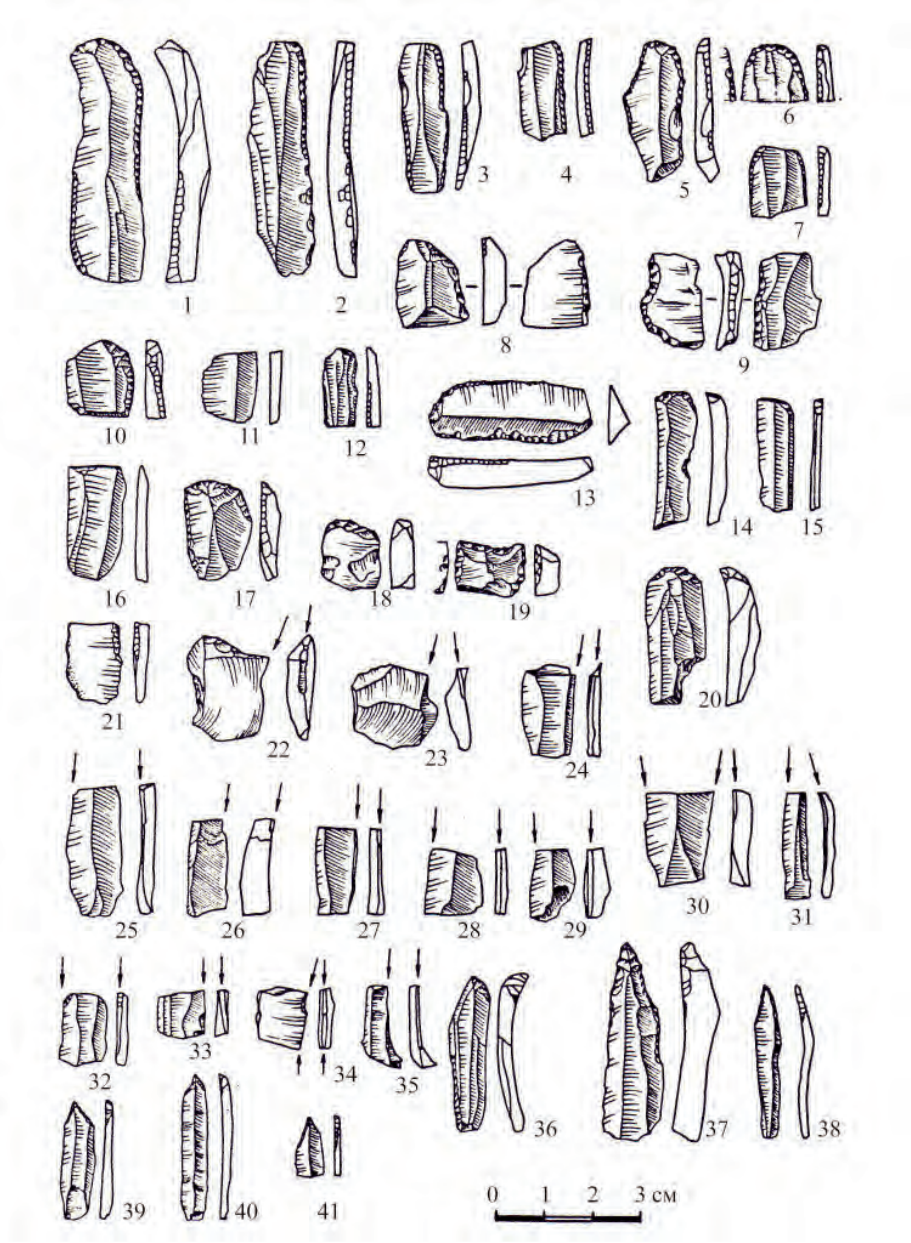

Рис. 7. Поселение Удельно-Шумецкое XII: 1 - 41 – каменный инвентарь на пластинах

Проколки и сверла изготавливались на трехгранных отщепах, острый конец которых подправлен ретушью по граням (иногда оформлен резцовым сколом) (рис. 7: 37; 11: 3; 14: 1, 27, 31; 18: 1–11). Сверла, в отличие от проколок, имеют более массивную форму и значительно больше угол распада граней. В редких случаях острие имеет спиральную ретушь или заполировку граней.

Наконечники (рис. 7: 38–41; 11: 1, 2; 12: 4; 13: 1, 2, 14; 14: 2–9, 11–25, 28–30) выделяются исходя из признака их способности наносить необходимый болезненный (смертельный) эффект преследуемой жертве. Поскольку в мезолитическую эпоху охота еще являлась одним из жизненно важных занятий, а охотничий инструментарий совершенствовался тысячелетиями, в регионе было выработано некоторое разнообразие в наборе каменных наверший метательного оружия. К этому времени формируются специфические формы наконечников, приспособленные для отстрела крупных и мелких животных и птиц, рассчитанные не только на дальность полета, точность и убойную силу, но и причинение максимального ущерба преследуемому животному.

Для получения нужного эффекта нет необходимости делать сложное орудие – стрелу в традиционном понимании: острие – перо – черешок. К примеру, на мелкого зверька или птицу в условиях лесистой местности более приемлем каменный осколок, способный пробить (прорезать, сломать)

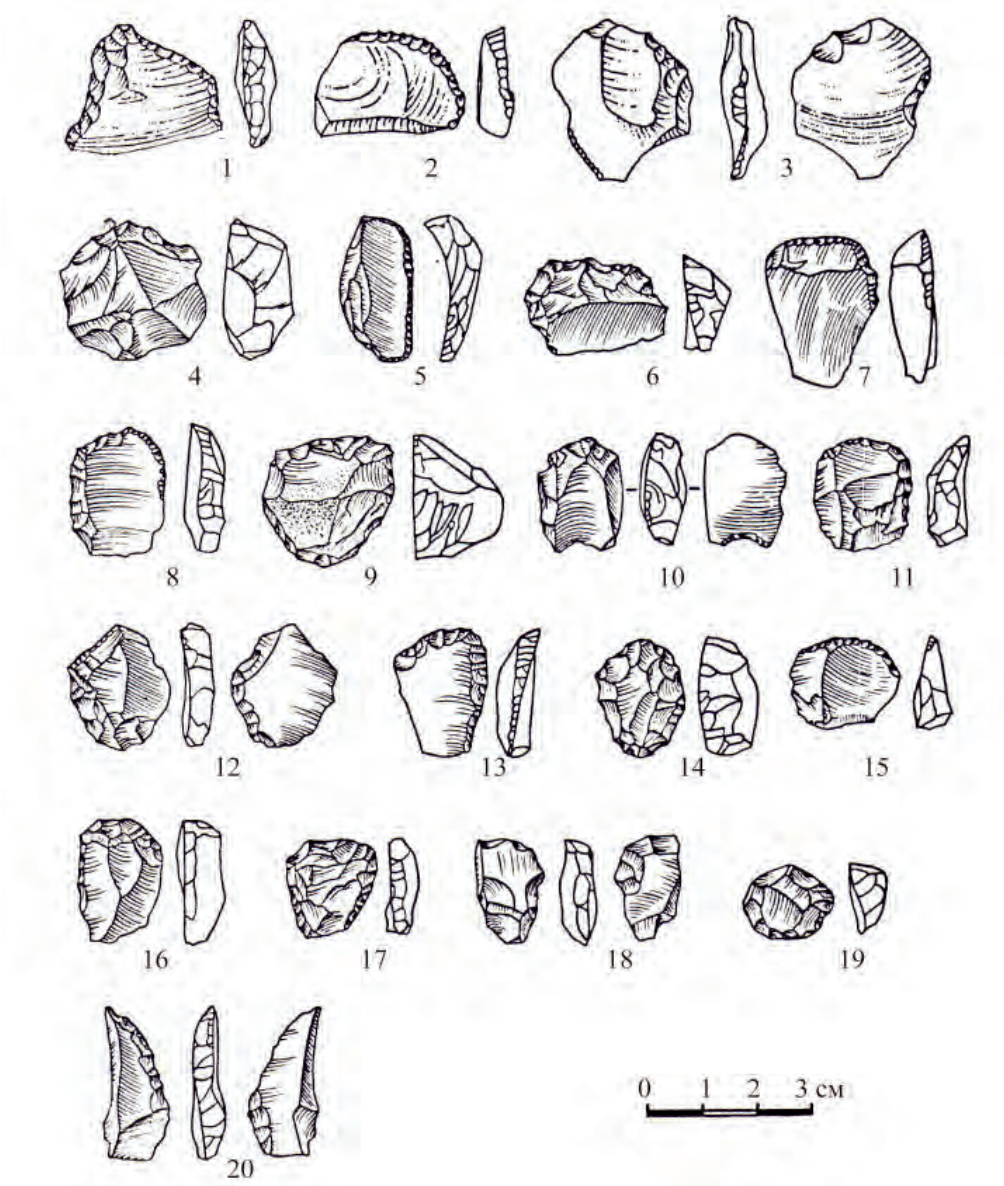

Рис. 8. Поселение Удельно-Шумецкое XII: 1 - 20 – каменный инвентарь на отщепах и сколах

участок тушки животного или птицы, что затруднит или парализует передвижение. Кроме этого, отсутствие намеренно заостренного наконечника сохранит стрелу от застревания в дереве, сохраняя само древко для его многоразового использования с новым приемлемым осколком. Поэтому для повседневной охоты нужен был набор легко воспроизводимых травмоопасных наконечников.

Исходя из этого, наиболее приемлемая классификация данной категории орудий должна исходить из характера нанесенной раны. Очевидно, что в мезолите были распространены и костяные наконечники, но поскольку они почти не сохраняются в культурном слое (отдельные фрагменты гарпунов, стрел и прочих предметов сохраняются в воде или очагах построек), в данной работе рассмотрены только каменные изделия.

Наиболее характерными и многочисленными для мезолита Марийского и Чувашского Поволжья являются колющие наконечники стрел, по классификации М.Г. Жилина (Жилин, 2004, с. 23–47), легко протыкающие шкуру и глубоко входящие в тушу. Среди данной группы преобладают изделия на пластинах, с симметричным острием, оформленным микроретушью по сходящимся краям с одной или обеих сторон, изредка вместо ретуши применялись резцовые сколы (на 39 поселениях и 20 стоянках найдено 101 и 66 экземпляров соответственно). На втором месте среди наконечников региона находятся скошенные острия (ассиме-

тричные), выполненные также на пластинчатых заготовках, их собрано на поселении – 55, а на стоянках – 30 экземпляров. Принцип оформления функциональной части этих острий тот же, что и на симметричных наконечниках. Близки им по форме и торцеворетушные изделия, их собрано 12 экз. на поселениях и 10 – на стоянках. Найдено много черешковых наконечников с ассиметричным острием (27 экз. на поселениях и 23 экз. на стоянках) или симметричным острием (27 и 13 экземпляров соответственно).

Симметричные наконечники имеют подтреугольное или расширенное книзу перо с частичной ретушью по острию. Ассиметричные наконечники с боковым черешком были подправлены крутой ретушью. Перо у большинства этих наконечников было отломано (вероятно, сохранилась черешковая часть на древке). Также поврежденные экземпляры могли после подправки пера использоваться вторично. Значительная часть наконечников представлена ромбическими и близкими к ним формами (14 и 13 экземпляров соответственно). У них, как правило, ретушированы сходящиеся или противоположные края. Листовидные и иволистные наконечники, выполненные в основном на пластинах, реже на отщепах, были найдены большей частью на поселениях (25 экземпляров), на стоянках их собрано 13 штук. Редко встречаются треугольные формы наконечников (2 на поселении и 8 на стоянках). У них, как правило, ретушь нанесена по всему периметру.

Особую группу, которую можно отнести к наконечникам стрел, представляют трапеции (или трапециевидные заготовки наконечников), которые подразделяются на изделия с вогнутыми, прямыми или скошенными сторонами. Они отличаются разными размерами (108 экз. их найдено на поселениях и 20 – на стоянках). Большое количество этих изделий было встречено на поселениях. Нами учтено 39 поселений с находками трапеций, на 20 из них были проведены раскопки (в разной степени вскрытия культурного слоя), а из 20 стоянок с находками трапеций раскопки были проведены лишь на четырех. Во многих работах «трапециевидные» и подобные им изделия из сечения пластин рассматриваются в качестве вкладышей составных орудий. Такое применение их бесспорно, но само сечение пластины геометрических форм возможно применить и в качестве навершия древка стрелы, особенно при охоте на мелкого зверя и птицу. Эксперименты с обычным луком показывают, что навершия геометрических форм легко прорезают оболочку и проникают вглубь туши достаточно глубоко и в зависимости от степени опасности ранения (смертельно или подранок) добыча человеку обеспечена.

Рассмотренные типы наконечников (колющие, режущие, поперечно-лезвийные, колюще-режущие – косолезвийные, трапециевидные, с уплощенным или расширенным торцом (тупые)), по этнографическим данным, у народа «томар» в охоте на пушного зверя применяются одинаково часто и одновременно. Колюще-режущие попречно- или косолезвийные наконечники, к которым относятся и сечения пластин (а также мелкий дебитаж типа сколов и крупных чешуек), при ударе обладают шоковым эффектом, а при косом ударе наносят неглубокие, но широкие раны (Жилин, 2004, с. 40, 41). Исходя из этих наблюдений, можно с уверенностью заключить, что при отработанной тысячелетиями системе рациональной адаптации человек научился без лишних и неэффективных действий с минимальной затратой времени и энергии добиваться желаемого результата.

Анализ наконечников стрел, собранных на 37 поселениях (375 экз.) и 31 стоянке (195 экз.), указывает на наиболее распространенные виды. Так, находки трапеций, трапециевидных наконечников и их заготовок составляют 27% всех острий и наконечников, найденных на поселениях, и 20% – на стоянках. Находки симметричных и косолезвийных острий вместе с треугольными и ромбическими насчитывают на стоянках, 54,5%. Находки черешковых наконечников на поселениях составляют 17%, а на стоянках – 18,6%.

Треугольные, ромбические и близкие им формы наконечников достаточно редки и составляют 3,5% от всех найденных наконечников и острий на поселениях и 10% – на стоянках. Листовидные наконечники с частичной ретушью острия или черешка также немногочисленны. На поселениях их собрано 6,7%, столько же и на стоянках. Наиболее распространенным типом острий на поселениях, где изучены жилищные комплексы, являются изделия с симметричным жалом и скошенные ретушью или резцовым сколом. Так, на Удельношумецком XII поселении они составляют 78% всех острий, на Нижней Стрелке VI – 65%, на Дубовском XXII – 64%, на Удельношумецком X – 62%, на Русско-Луговском II и Дубовском XIII по 56%.

На Мукшумском X поселении нет морфологически выраженных наконечников стрел (Березина, 2011, с. 40), но присутствуют обычные для левобережных памятников острия с симметричным жалом, оформленным односторонней или двухсторонней микроретушью граней пера (Березина, 2011, рис. 6: 1–3, 5) или скошенным краем пера (Березина, 2011, рис. 5: 23), а также трапециевидные сечения, способные выполнять функции наконечника стрелы на мелкого зверя и дичь (Березина, 2011, рис. 5: 5, 6, 11, 12).

На Мукшумском XIV поселении также нет выраженных черешковых форм наконечников стрел, но также присутствуют пластинчатые симметричные и косые острия (рис. 14: 2–24, 28, 29). Среди них есть экземпляр с намеченным насадом (рис. 14: 14). Большинство острий – с симметричным завершением пера (74%) (Березина, 2011, рис. 4: 2–26, 28–30). Здесь же имеются и трапециевидные сечения.

Наконечники Мукшумского XVIII поселения представлены в основном симметричными и скошенными остриями на пластинах с усеченным основанием и иволистными изделиями с признаками поствидерских наконечников с частичной ретушью пера и насада. Черешковых форм не выявлено. В коллекции имеются и небольшие трапеции и их заготовки (Березина, 2006, рис. 18: 1–18; 21: 1–4). В целом комплекс наконечников поселений Мукшумского микрорайона не выпадает из типологической схемы наконечников поселений левобережья Средней Волги, но в отличие от них не содержит черешковых, треугольных и черешково-треугольных форм и по основным показателям относится к русско-луговской культуре (Березина, 2006а, с. 239).

Следует отметить наконечники из еще четырех мезолитических стоянок, исследованных раскопками: это Алан-Бексерская и Малобитаманская стоянки в левобережье Волги (низовья р. Ашит), а также в правобережье Волги – Яндашевская и Юльяльская IV стоянки (рис. 1).

Несмотря на небольшую площадь раскопа на Юльяльской IV стоянке, кроме трапеций и подобных им сегментов в коллекции имеются косолезвийное острие с ассиметричным насадом, листовидный и треугольный усеченный наконечники (Никитин, Ластовский, 1995). На Яндашевской стоянке выделяются наконечники следующих типов: листовидные, треугольно-черешковые, ромбические и ромбические с усеченным основанием, симметричные с асимметричным насадом, характерные для орудийного набора поселений (Кольцов, 1989а).

Большое разнообразие типов наконечников было найдено на Алан-Бексерской стоянке. Здесь, кроме обычных симметричных и косолезвийных острий на тонких пластинах имеются черешковые, ромбические и треугольные формы. Среди кремневого инвентаря найдено в единственном экземпляре трапециевидное изделие с одной ретушированной стороной и ретушью утилизации на основании. В кремневом инвентаре Малобитаманской стоянки представлены симметричные и косолезвийные острия, листовидные наконечники, а также листовидые с намечающимся насадом формы (Галимова, 2003).

Резцы представляют большую группу орудий и изготовлены преимущественно на углу пластин и сечений при наличии срединных угловых и боковых резцов на отщепах или фрагментах нуклеусов. Визуально на части резцовых изделий просматриваются микросколы или зашлифовка от работы по твердым предметам. Это характерно для всех коллекций исследованных памятников.

На Русско-Луговском II поселении резцы составляют 19% от всего орудийного набора, причем резцы на углу сломанной пластины составляют 58% от всех резцов. Резцовые сколы короткие (0,3–10 мм), есть ретушированные резцовые площадки, резцовые грани на встречных углах, в одном случае представлен срединный резец. 33% резцов выполнены на отщепах или нуклевидных сколах. В жилище собраны комбинированные ретушные орудия с резцовым сколом: скребок, два ножа, острие.

На Удельношумецком X поселении собрано около 300 предметов с резцовыми сколами, 62% из них представлены изделиями на пластине. Среди резцов на пластине основная масса обладает угловыми резцовыми гранями (одной или двумя) и ретушированными участками боковых граней (21%). Около 3% составляют резцы с поперечным или скошенным сколом. Резцы на отщепах и фрагментах нуклеусов составляют 38%. Большинство из них – угловые одно- и многофосеточные (около 90%), 16% среди них имеют участки ретуши и могли использоваться в качестве ножа, скребка и в единичных случаях острия. Более 10% резцов на отщепах имеют поперечные резцовые грани. Найдено несколько экземпляров резцов с ретушированной площадкой скола.

На Ясачном поселении резцы на пластине занимают 77% всех найденных изделий с резцовыми гранями, среди которых 12% имеют ретушь (рис. 11: 4–6, 9). Резцы на отщепах и фрагментах нуклеусов представляют 22% от общего количества резцов, 80% среди них имеют скребковую или режущую кромку ретуши, 86% таких резцов составляют угловые и боковые типы. Резцовые сколы – короткие (от 0,4 см) и длинные (до 1,8 см), с хорошо выраженной площадкой скола. Остальные 14% резцов относятся к типу срединных.

На Дубовском XI поселении все резцы выполнены на углу или боковой грани пластины. Два экземпляра оформлены на ретушированной заготовке. На Дубовском XIII поселении резцы оформлены исключительно на углу пластины на противолежащих или противоположных частях, 90% из них без следов ретуши. На Дубовском XXIII поселении 67% резцов выполнены на углу пластины. В коллекции есть скребок-резец и по-

перечный резец с боковым скребковым лезвием. На Удельношумецком XII поселении угловые резцы на пластинах (рис. 7: 22–35) составляют 88%. Резцы на отщепах представлены поперечным и ретушно-угловым типами.

На поселении Нижняя Стрелка I угловые резцы на пластинах составляют 44% всех изделий с резцовыми гранями, из них 11% отличаются ретушью по боковой грани. Собранные в жилище поселения Нижняя Стрелка VI резцы на пластине составляют 79% от общего числа резцовых изделий. Среди них 39% обладают участками ретуши, позволяющими использовать изделие в качестве скребка, скобеля и режущих инструментов. Резцы на отщепах в основном на углу заготовки также имеют участки ретуши (71% всех резцов на отщепах).

В постройке и прилегающих участках поселения Мольбище I среди резцовых орудий 91% составляют резцы на углу пластины, причем 17% из них – с участками скребковой и приостряющей ретуши. А оставшиеся 9% резцов изготовлены на сколах подправки ядрищ.

Резцы Мукшумского X поселения, как правило, угловые на сколах и отщепах, а также на углу сломанной пластины (Березина, 2011а, рис. 5: 5–7, 10, 13–16; 6: 15–18). На Мукшумском XIV поселении большинство резцов изготовлены на углу пластин и их сечений при наличии срединных угловых и боковых на отщепах или фрагментах нуклеусов (Березина, 2006а, с. 238). В коллекции каменных изделий Мукшумского XVIII поселения среди 46 резцов преобладают изделия на углу пластины или плоского отщепа. Среди них имеются пластины с противоположными или противолежащими резцовыми гранями. Отдельные экземпляры с участками ретуши по граням выполняли функции скребка, скобеля или ножа. Часть резцов на отщепах относятся к типам срединных, угловых и боковых (Березина, 2006а, рис. 17: 20–23, 26, 30).

Очень богат и разнообразен набор деревообрабатывающих орудий: *клинья, топоры, долота, тесла, стамески*. Основная масса их выполнена из вязких пород камня (диорит, доломит, сланец, окремнелый известняк и т. п.), но есть единичные изделия на кремневой или гранитной основе. Размеры их самые разные: от миниатюрных стамесок с узким лезвием (1–1,5×2–3 см) до очень крупных долот (пешни, клинья или кайло и пр.) размером от 20 до 50 см (на поселении Ясачное).

На поселениях и стоянках учтено 158 деревообрабатывающих орудий, дающих представление о форме изделия и его лезвийной части. Фрагменты обушковых и срединных частей не учитывались. На 18 поселениях получены параметры 138 экземпляров, еще по 30 изделиям есть данные со стоянок. По выявленным полным формам можно выделить клинья, топоры и долота (сюда включены тесла и стамески). Для классификации главным показателем являлся угол заточки и расхождения щековиц.

Клинья – массивные, не менее 8 см в длину, с углом лезвия от 50 до 70 градусов – составляют 7%. Долота имеют различную форму: удлиненный овал или четырехгранник с выраженными боковыми гранями или без них, с выпуклой или горбатой спинкой и прямым или выпяченным брюшком. Лезвие – прямое, сегментовидное или скошенное, редко приостренное; соответствует ширине обуха или незначительно шире его. Лезвие в большинстве случаев заточено с одной стороны. Угол заточки варьирует в пределах 42–50 градусов. Этот тип орудий занимает почти 20% всего деревообрабатывающего инвентаря.

Тесла (долота-тесла) имеют более уплощенную форму и в большинстве случаев двухстороннюю заточку, плавно переходящую в щековицы. Как и у долот, у тесел-долот обух бывает приострен, скошен или соответствует ширине лезвия. В сечении эти орудия приближаются к узкой линзе, трапеции, реже овалу. Это самая многочисленная группа рубящих орудий, которая составляет 36,6%. Угол заточки лезвия у них колеблется в пределах 32–40 градусов (рис. 9: 2, 4; 12: 14, 15; 17: 10).

Стамески (долота-стамески) отличаются размерами и оформлением лезвийной части (рис. 9: 2, 3; 17: 3–9, 11). Лезвие затачивается с одной (реже с двух сторон), орудия имеют приостренный обух (для крепления в рукояти). Форма стамесок разнообразная, в сечении они линзовидные, овальные, треугольные, уплощенные четырехугольные. Угол заточки варьирует в пределах 20–30 градусов (20%). К этой группе орудий относятся также микростамески размерами 2–3 см, имеющие форму долота или тесла с уплощенным клином. Некоторые из этих экземпляров визуально неотличимы от уплощенных скребков (если на них нет ярко выраженных следов шлифовки). Такие изделия составляют около 10% от деревообрабатывающих инструментов. Остальная часть деревообрабатывающих орудий относится к заготовкам в начальной стадии отделки, где угол клина еще не оформлен и составляет порядка 70 и более градусов.

Функциональное значение деревообрабатывающих орудий разнообразно. Это топоры для валки и разделки древесины на отдельные части; клинья для расщепления стволов; долота для выполнения пазов, выемок, отверстий и т. п.; тесла и стамески для обработки столярных изделий, чистки поверхности, подправки пазов, соединений, углублений и т. д. Большое разнообразие данного типа инстру-

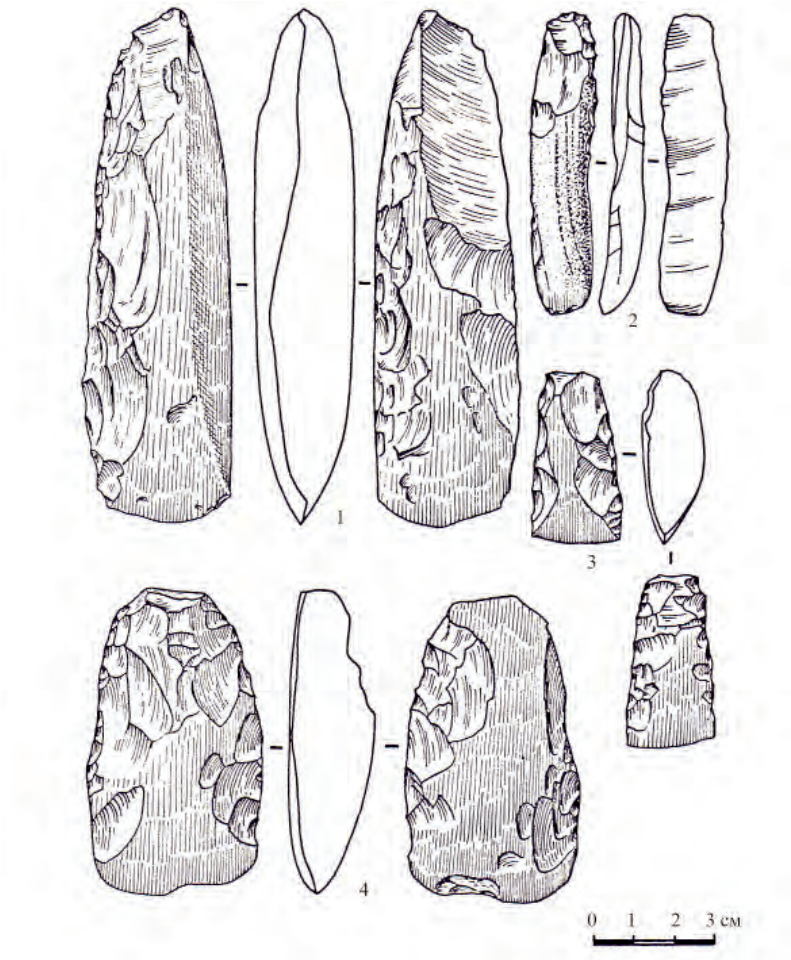

Рис. 9. Поселение Удельно-Шумецкое XII:
1 - 4 – каменный инвентарь. Деревообрабатывающие орудия: тесла и стамески

ментария свидетельствует о широком применении его в хозяйственной деятельности мезолитического населения, от простой заготовки древесины до выполнения сложных столярных работ (изготовление плавсредств и домашней утвари, производства украшений и предметов искусства).

Чрезвычайно высокий процент деревообрабатывающего орудийного набора в инвентаре является характерной особенностью памятников Марийского Полесья. Доля этих орудий на поселениях составляет от 3,5% до 6% всего орудийного набора. Рассматривая в целом наиболее значимые в культурно-хронологическом плане категории орудий Марийского и Чувашского Поволжья, следует отметить достаточно большое сходство острий и резцов в поселенческих и стояночных комплексах. Основным технологическим показателем здесь является выраженный микролитический комплекс, где очень высок процент морфологически выраженных форм на пластинчатой заготовке. Орудия скобляще-режущего назначения наиболее массовые в инвентаре практически всех исследованных памятников. Для кремневого инвентаря всех исследованных памятников характерно большое количество сечений пластин с ретушью, которые использовались в качестве вкладышей в составных пазовых изделиях.

Сопоставление коллекций каменного инвентаря стоянок и поселений выявило практически идентичные орудийные наборы. Для обеих групп памятников характерны призматические, конические, карандашевидные нуклеусы для снятия пластин; клиновидные и аморфные для снятия отщепов. На стоянках и поселениях одинаково используются пластины и отщепы. На стоянках увеличивается количество острий, сечений и макроизделий, что обусловлено характером промысловой деятельности. Единство каменного инвентаря стоянок и поселений прослеживается на представительных коллекциях стоянок Зеленый Остров, Арзебеляк VI, Шартнейка III и др., где пластинчатые комплексы «типа Яндашевской стоянки» укладываются в технико-типологическую схему поселенческих орудий.

Анализ кремневых комплексов памятников мукшумско-паратского куста указывает на тер-

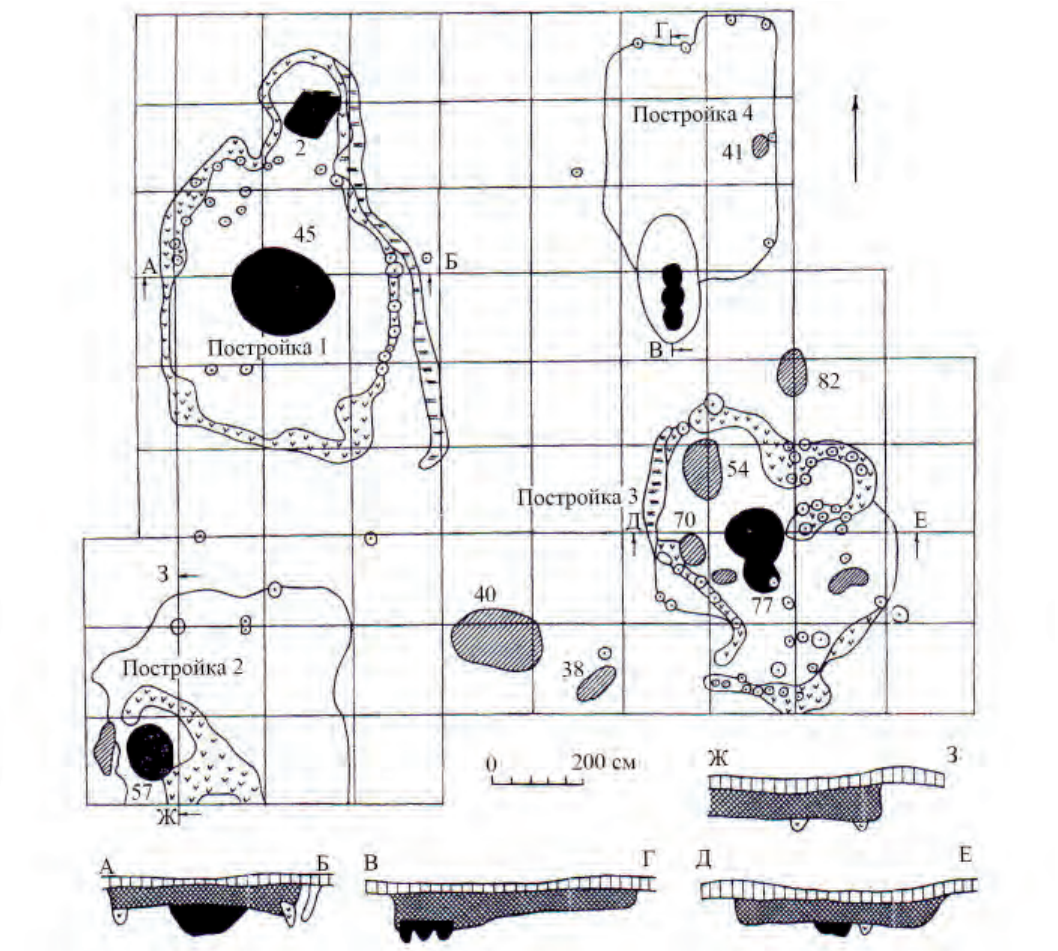

Рис. 10. Поселение Ясачное. План расположения построек

риториальное и культурно-хронологическое единство, позволившее отнести их к русско-луговской культуре (Березина, Березин, 2015, с. 132, 133).

Мезолит Марийско-Чувашского Поволжья в системе мезолитических культур Волго-Уральского региона.

Вопросы культурно-хронологической позиции мезолитических памятников региона пытались решить многие археологи. С момента изучения Яндашевской стоянки в Чувашии в 1927 г. П.П. Ефименко и П.Н. Третьяковым (Ефименко, Третьяков, 1968) и Русско-Луговского II комплекса в 1956 г. А.Х. Халиковым в Республике Марий Эл (Халиков, 1960, с. 11–24) за период до 2010 года в Марийско-Чувашском Поволжье открыто более 250 пунктов мезолитического времени, среди которых 139 имеют выраженные впадины от древних полуземлянок.

Материалы раскопок показали однородность каменного набора по технологическим и типологическим показателям, что предполагает культурное единство рассматриваемого образования.

В свое время, определяя культурную принадлежность верхнего слоя Русско-Луговской II стоянки, А.Х. Халиков склонялся отнести ее к волго-окскому культурному кругу, но из-за отсутствия наконечников на пластинах в нижнем слое отказался от этой точки зрения, рассматривая русско-луговские комплексы как промежуточные между волго-окскими и волго-камскими. Разделив комплексы верхнего и нижнего слоев, он обосновал наличие на памятнике «докерамического неолита», построив периодизацию средневолжского неолита, где этот этап был отнесен к раннему неолиту (Халиков, 1969, с. 41).

В своих работах конца 1980 годов В.В. Никитин поддерживал выделение особого докерамического периода, но в отличие от А.Х. Халикова определял его хронологические рамки мезолитическим и ранненеолитическим периодом (Никитин, 1987а, с. 186; 1988, с. 54–66). Лесостепное ранненеолитическое население на пути к северу и северо-востоку должно было встретиться и какое-то время сосуществовать с представителями местных позднемезолитических образований, в ре-

Рис. 11. Поселение Ясачное. Жилище № 1: 1 - 31 – кремневые орудия

зультате чего были нивелированы типологические отличия кремневых индустрий, сосуществующих на ограниченной территории культур (Никитин, 2011, с. 136–138). Свидетельством тому является определенная близость в кремневой индустрии мезолитических и ранненеолитических комплексов левобережья Средней Волги.

Анализ данных о культурной принадлежности мезолита Марийско-Чувашского Поволжья приводит к убеждению, что этот вопрос возможно решить только выделением оригинальной культуры, сформировавшейся на рубеже бореала-атлантика в результате смешения культурных традиций уральских, камских, окских и других образований, выявленных в комплексах мезолитических памятников региона (Никитин, 1996, с. 38–41).

Мезолит Марийского Полесья должен был в определенный период сосуществовать с иеневской культурой, с которой его сближает техника расщепления кремня, хотя среди марийских древностей она более устойчива: основная масса нуклеусов одно- или двухплощадочные, пирамидальные, призматические при наличии аморфных и реже карандашевидных; больше правильных граненых пластин и их сечений. Но это предположение не подтверждается верхней границей существования иеневской культуры, которая бытовала не позднее бореального времени (Сорокин, 1991, с. 19, 20). В кремневом инвентаре мезолита Марийско-Чувашского Поволжья развита техника резцового скола, почти отсутствуют резцы с ретушированной площадкой скола, практически отсутствуют

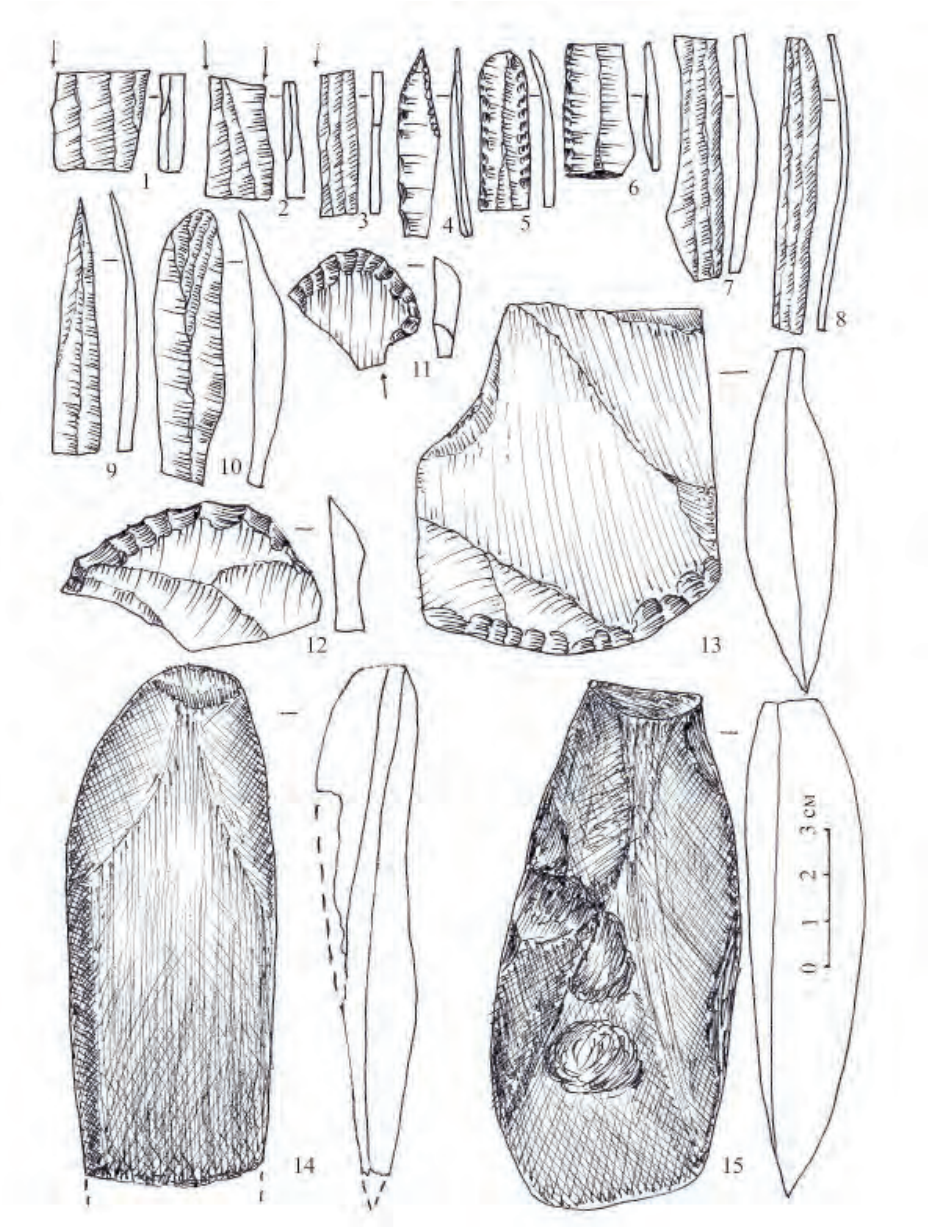

Рис. 12. Поселение Ясачное. Каменные орудия жилища № 2

рубящие с перехватом, нет наконечников типа Лингби и с боковой выемкой. Определенное сходство рассмотренные материалы обнаруживают с комплексами Вятского бассейна, где в наборе кремневых орудий резцы преобладают над скребками. Вместе с тем в комплексах Марийско-Чувашского Поволжья нет орудий из яшмовидного кремня, как и пластин с вогнутым поперечно ретушным краем, нет концевых скребков с выделенным насадом, значительно меньше вкладышей. Кроме этого, комплексы Марийско-Чувашского Поволжья отличаются от вятских наличием большого количества рубящих орудий, богаче и разнообразнее набор геометрических форм (от 0,4% до 3,2% на поселениях и от 1,5% до 12% на стоянках).

Новейшие исследования по мезолиту Средней Волги и Нижней Камы показывают существенные различия в кремневом инвентаре, которые не позволяют относить позднемезолитические комплексы Марийско-Чувашского Поволжья к усть-камской культуре, ареал которой ограничивается собственно устьем Камы (Галимова, 2001, с. 146, 147). Вместе с тем, несмотря на существенные различия в технике производства каменного инвентаря в культурах Нижней Камы и Средней Волги, они имеют достаточно близких общих форм: наличие разнообразных по форме трапеций, треугольников, параллелограммов; острий на пластинах с односторонней ретушью по одной или обеим скошенным плоскостям, дублированных скребков (хотя их можно встретить и в других

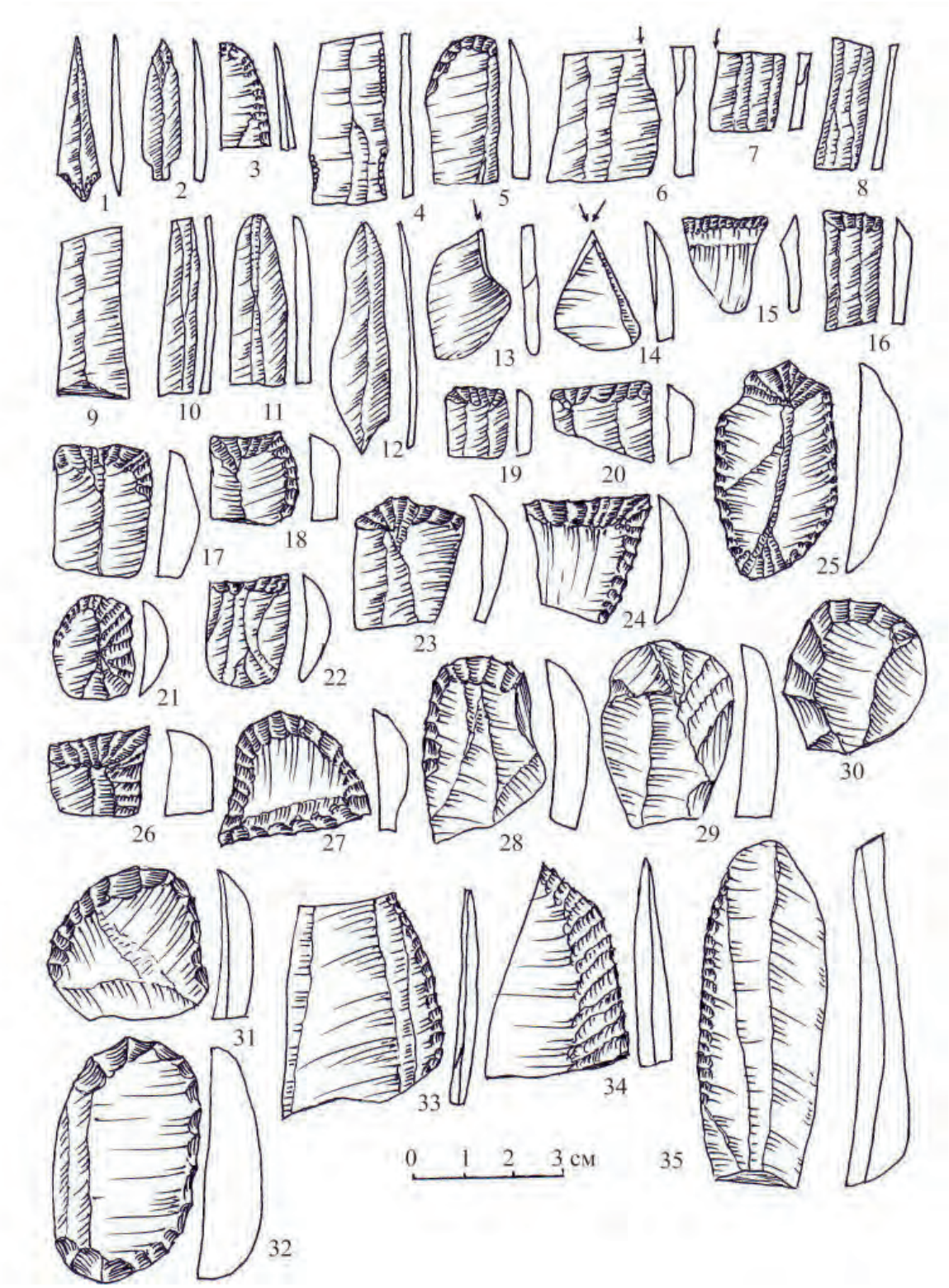

Рис. 13. Поселение Ясачное. Жилище № 4:
1 - 35 – каменные орудия

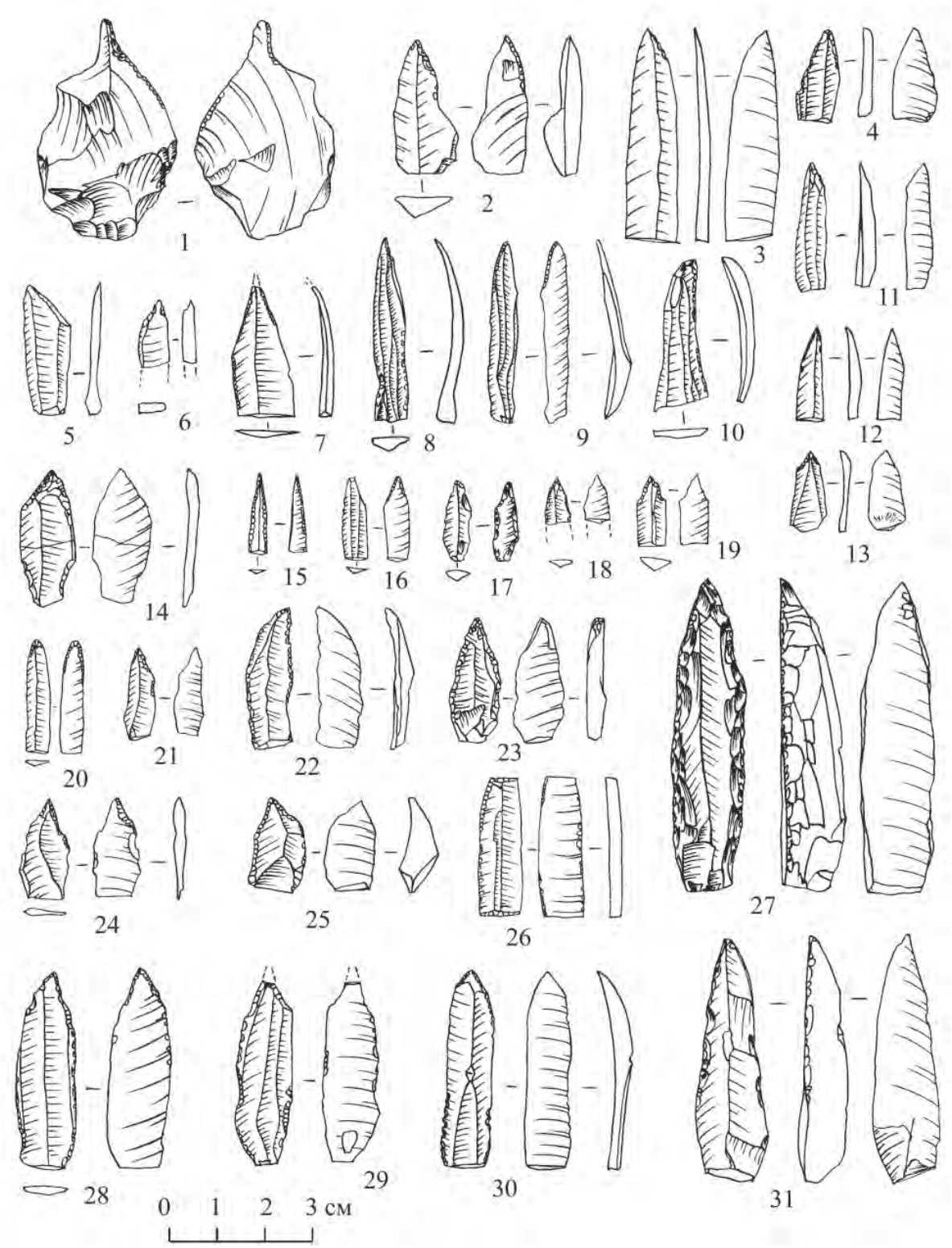

Рис. 14. Мукшумская XIV стоянка.
Кремневые орудия: острия, проколки, развертки, вкладыши на пластинах

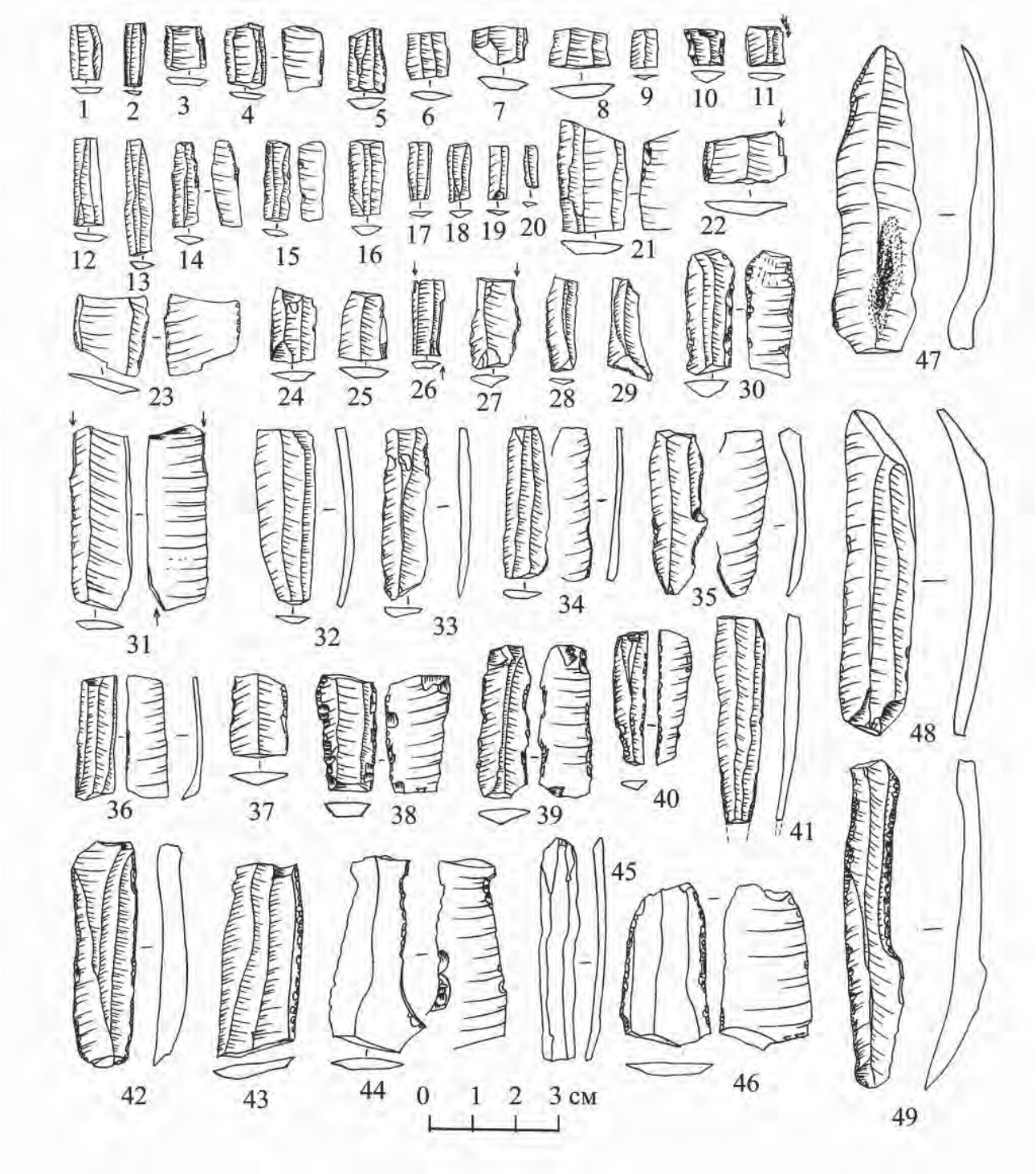

Рис. 15. Мукшумская XIV стоянка.
Кремневые орудия: вкладыши, ножи и скобели на пластинах

Рис. 16. Мукшумская XIV стоянка.
Кремневые орудия: скребки и скобели на отщепах и сколах

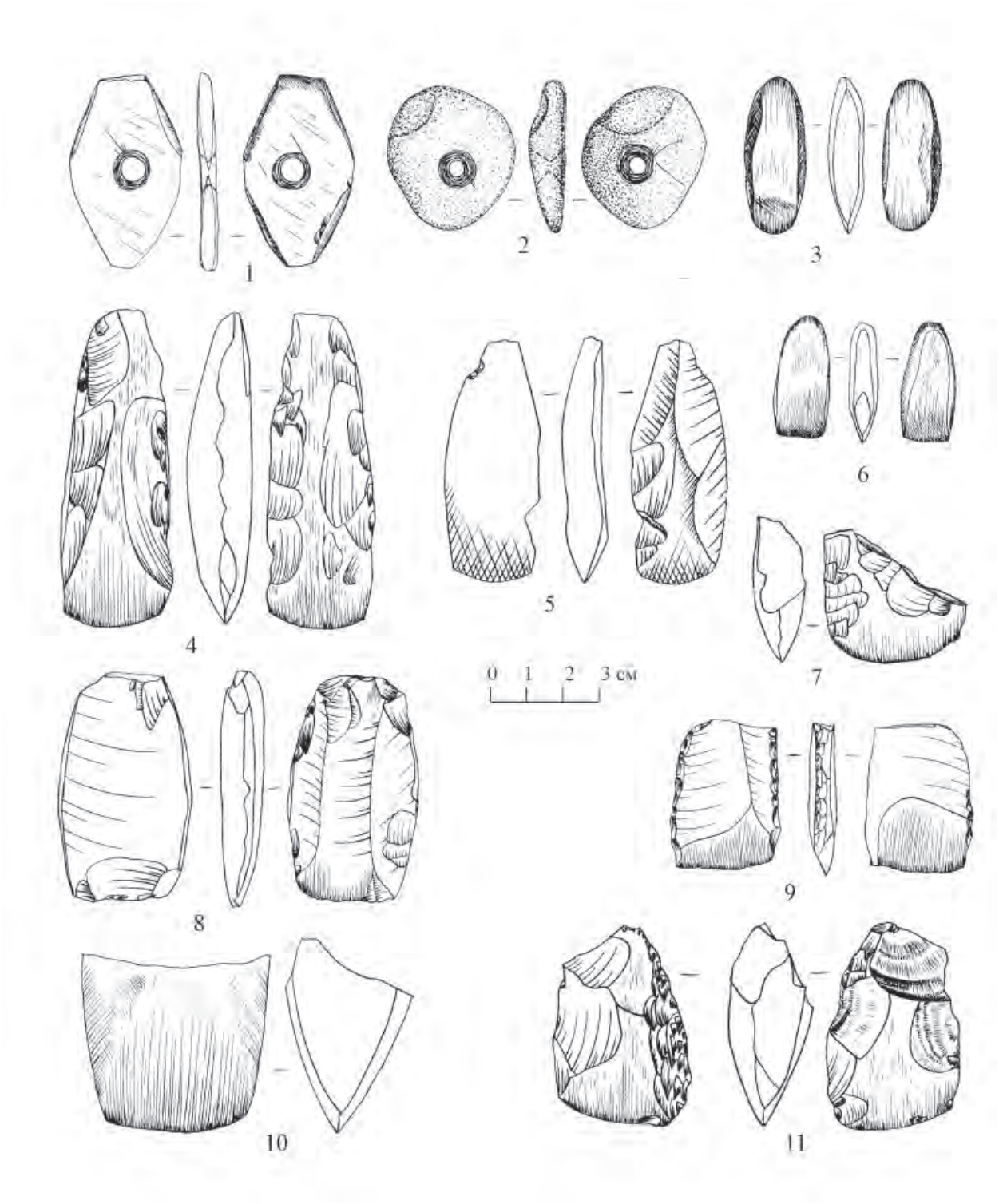

Рис. 17. Мукшумская XIV стоянка.
Каменные изделия с биконической сверлиной в центре (1, 2). Деревообрабатывающие орудия (3-11): тесла и стамески, обработанные сколами и пришлифовкой

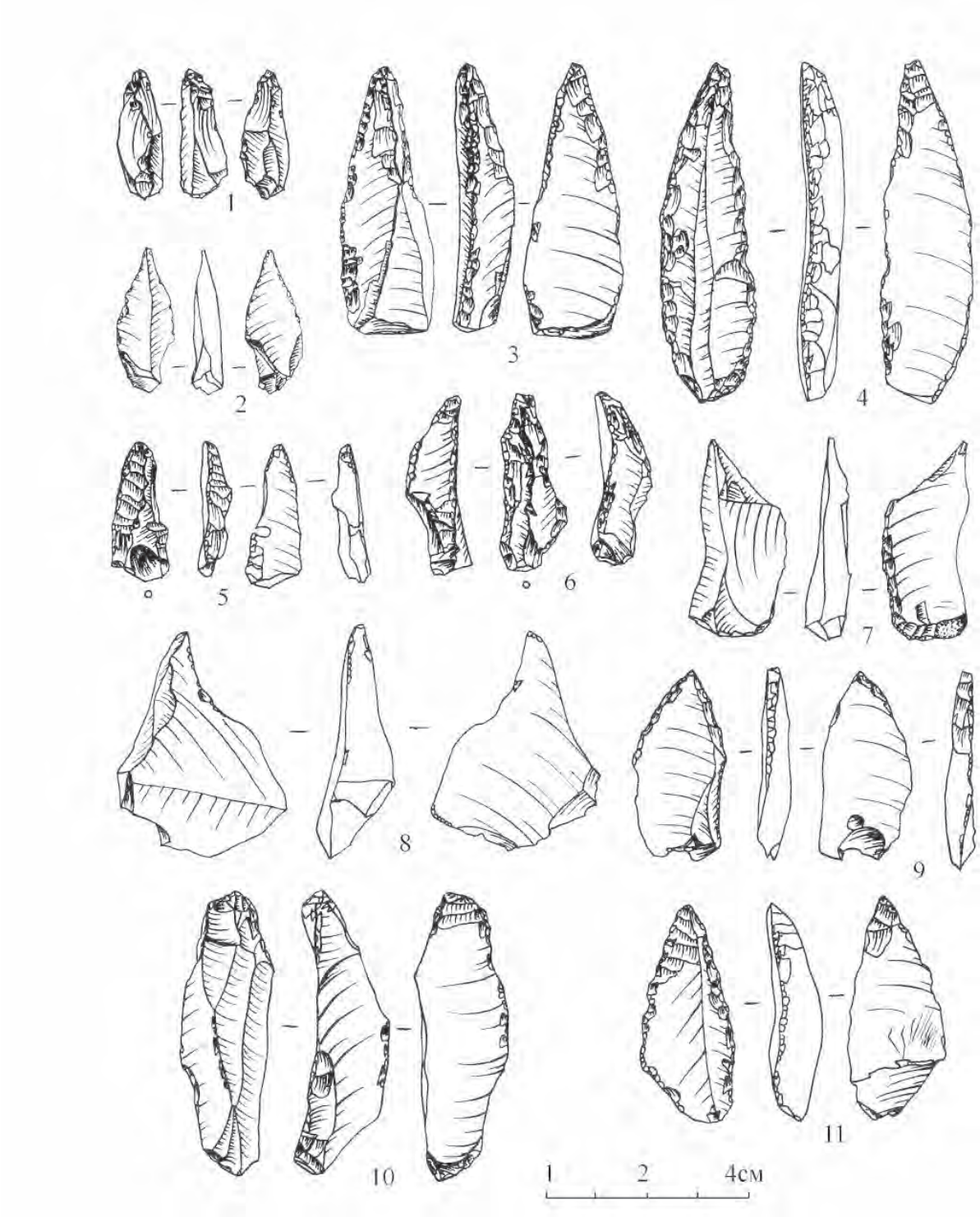

Рис. 18. Мукшумская XVIII стоянка.
Кремневые орудия: острия, развертки, проколки, дублированные орудия развертки-ножи-скобели (3, 4, 6, 10, 11)

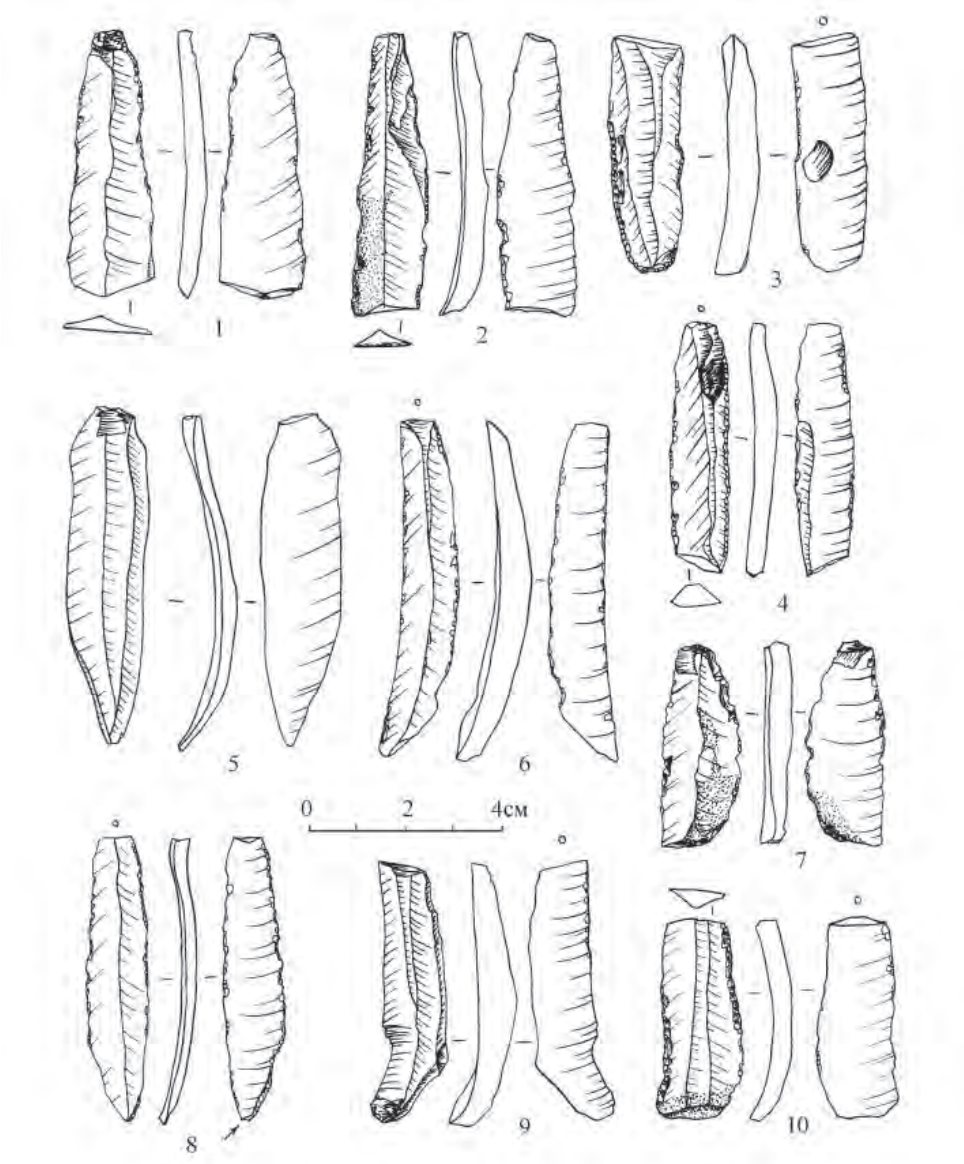

Рис. 19. Мукшумская XVIII стоянка.
Кремневые орудия на пластинах: ножи, скобели, вкладыши

культурах Восточной Европы), усеченных косых острий с притупляющей ретушью по резцовому сколу, а также чрезвычайная редкость бифасиальных ретушных изделий.

Наличие в материалах Марийско-Чувашского Поволжья многофасеточных резцов на расколотых нуклеусах, микролитов с противолежащей разнохарактерной ретушью (по одному краю крутой, а по другому – приостряющей), резцов с ретушированной площадкой скола сближает их с комплексами бутовской культуры (Кольцов, 1989, табл. 42, 43). В отличие от последней, в орудийном наборе Марийско-Чувашского мезолита больше микроострий с подретушевкой пера или оформлением его сходящимися резцовыми сколами, значительно разнообразнее усеченные торцово-ретушные изделия с выемками.

Некоторое сходство с рассматриваемыми материалами проявляют мезолитические комплексы Вятского бассейна (особенно те, которые занимают побережье р. Пижмы Вятского правобережья: Мари-Кугалки II, III, Кыйлуд IV, Нынек). Это сходство проявляется в использовании орудий на отщепах и пластинах, в типовом разнообразии скребков, рубящих орудий, симметричных острий на пластинах, косоретушных торцовых пластин, угловых ретушных резцов, трапеций, параллелограммов и т. д. (Гусенцова, 1993, с. 66, рис. 11–13, 21, 26–28).

Таким образом, в северной части Среднего Поволжья на рубеже бореала – атлантика существовала оригинальная мезолитическая культура. Имеющаяся радиоуглеродная дата, полученная из углистого заполнения ям в полу жилища Мукшум-

ской XVIII стоянки (ВР 8240±220 (ГИН-13635)), подтверждает существование памятника в бореальном периоде (Березина, 2011). Эта культура занимала территорию междуречий Унжи – Ветлуги – Вятки. На востоке она граничила с усть-камским культурным образованием, на севере – с камской мезолитической культурой, на западе – с бутовской и занимала в основном левобережную (низменную) часть Марийского Полесья. В результате взаимоконтактов с соседями по экологической нише местное мезолитическое население приобрело определенные элементы культуры соседей, что придало набору каменного инструментария Марийского и Чувашского Поволжья некоторое сходство с волго-окскими, камскими и усть-камскими технико-технологическими традициями, а заимствование отдельных категорий орудий создало технологическую и типологическую мозаику инородных элементов в местных позднемезолитических комплексах.

В этой связи следует отметить и определенное влияние на развитие культуры мезолита в левобережье Средней Волги южно-уральских традиций (Матюшин, 1976), что проявилось в бытовании в обеих кремневых индустриях скошенных и ланцетовидных острий, оформленных микроретушью или микрорезцовыми сколами, применении техники ретуширования резцовой площадки, наличии скребков с горбатой спинкой на усеченных конусах нуклеусов, аморфных форм трапеций, как и трапеций с боковой выемкой (хотя в обеих индустриях трапеции, параллелограммы, ромбы, треугольники немногочисленны). Одинаково редки скребки-дубли (перевертыши). В Марийском Поволжье и на Южном Урале в кремневых комплексах преобладают резцы на углу пластины, достаточно много микроскребков и косолезвийных скребков на пластинах, но на уральских памятниках нет такого изобилия деревообрабатывающих изделий.

Таким образом, для позднемезолитической культуры Марийского Полесья были характерны долговременные (поселенческие) и временные (стоянки) памятники, базирующиеся полностью на традиционных формах хозяйствования (рыболовство, охота, собирательство). Судя по топографии поселков, население вело оседлую жизнь при доминанте рыболовства и интенсивной сезонной охоте на зверя, боровую и водоплавающую птицу. Существенную роль в пищевом рационе мезолитического населения края составляли продукты собирательства.

Типологический состав каменного инвентаря северной части Среднего Поволжья разнообразен и представлен орудиями различных производственных направлений, таких как: изготовление орудий, разделка мяса, обработка кожи и кости, орудия охоты, деревообработка и т. п. Устойчивые характеристики материальных комплексов и компактность территории позволили выделить отличную от камских, усть-камских и волго-окских культурных образований своеобразную культурную единицу, названную по первому изученному здесь поселению русско-луговской культурой эпохи мезолита (Никитин, 2006, с. 231).

ГЛАВА 3
МЕЗОЛИТ УСТЬЯ КАМЫ И НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

Благодаря исследованиям казанских археологов (М.Г. Косменко, П.Н. Старостина, Р.С. Габяшева, Е.П. Казакова, В.Ф. Генинга) во второй половине XX века появились достаточно представительные данные о памятниках раннего мезолита.

Так, в ходе масштабных работ Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции, обследовавшей зону затопления Нижнекамской ГЭС по левому берегу Камы и Белой, а также по р. Ик, был открыт ряд мезолитических стоянок, наиболее крупные из которых были подвергнуты раскопкам (Косменко, 1971; 1978; 1981; Археологические памятники…, 1989). В эти годы были открыты и обследованы: Юртовская IV и Белозерская I стоянки в нижнем течении на р. Ик, Татарско-Азибейские I и III стоянки на старичном озере Азибей к западу от устья р. Белой (Косменко, 1981). В 1968 г. М.Г. Косменко была открыта и исследована раскопками Деуковская II стоянка в левобережье нижнего течения р. Ик (Косменко, 1978; Археологические памятники…, 1989) (рис. 1). Татарско-Азибейская IV стоянка, ставшая опорным памятником камской мезолитической культуры в Икско-Бельском междуречье, была исследована раскопом большой площади под руководством Р.С. Габяшева и М.Г. Косменко (Археологические памятники…, 1989) (рис. 1).

В 1970-е годы М.Г. Косменко обосновал объединение памятников с трапециями в инвентаре в усть-камскую мезолитическую культуру, в бытовании которой он выделил три периода. Источниками для этого важного вклада в археологию каменного века Среднего Поволжья стали масштабные исследования казанских археологов П.Н. Старостина, М.Г. Косменко Р.С. Габяшева, Е.П. Казакова, проводившиеся ежегодно в 1960–1970 гг. в зоне разрушения левобережья Куйбышевского водохранилища, в том числе в районе слияния Волги и Камы (Археологическая карта…, 1986). Здесь на останцах волжско-камской террасы были обследованы участки целого ряда размытых культурных слоев стоянок мезолита, основными из которых являются стоянки Косяковская и Любавская (Косменко, 1972; 1972а; 1977; Галимова, 2001) (рис. 1). На противоположном, правом берегу приустьевой части долины Камы в 1970 г. М.Г. Косменко открыл еще одну мезолитическую стоянку – Атабаевскую VIII (Косменко, 1972; Галимова, 2001).

В левобережье водохранилища в месте слияния Камы и Волги, к западу от с. Измери, Е.П. Казаковым, начиная с 1961 г., на протяжении многих лет фиксировались in situ и переотложенными на отмели каменные артефакты мезолитического облика, названные стоянками Девичий Городок и Измерская I мезолитическая. Вместе с тем Е.П. Казаков отмечает, что эти местонахождения являлись частью комплекса стоянок, которые непрерывно тянутся вдоль левого берега водохранилища на протяжении километра (Казаков, 2011, с. 7).

Стоянки позднего этапа усть-камской культуры

Косяковская стоянка

В сводной коллекции Косяковской стоянки насчитывается 1829 предметов из кремня. Группа нуклеусов включает аморфные сработанные; торцовые; конусовидные и плоские, подпризматические двухплощадочные, найден также карандашевидный экземпляр (рис. 2: 1, 2, 4–6, 10, 12). Большинство ядрищ сильно сработаны, невелики, несут негативы правильных пластин. Среди пластин превалируют узкие пластины и микропластины шириной от 5 до 14 мм. Среди орудий (375 экз.) ведущую группу образуют скребки на пластинах, среди них первенство принадлежит концевым скребкам с разной конфигурацией лезвия. Также в коллекции присутствуют боковые, угловые, полукруглые и округлые скребки, изготовленные преимущественно на отщепах (рис. 3: 14–18, 21, 22, 25, 26). Оригинальны скребки с суженным концевым лезвием либо фигурным лезвием (рис. 3: 12, 20, 23)

В группу резцов включены ретушные продольные, резцы на сломе пластин, двугранные и комбинированные (рис. 3: 7, 8, 10, 11). Также на стоянке обнаружены поперечные ретушные резцы с вогнутыми ретушными площадками. Среди орудий с концевой ретушью выделяются предметы с выемчатым и прямым ретушированными концами (рис. 3: 29). В небольшую серию объединены четыре изделия со скошенным ретушированным

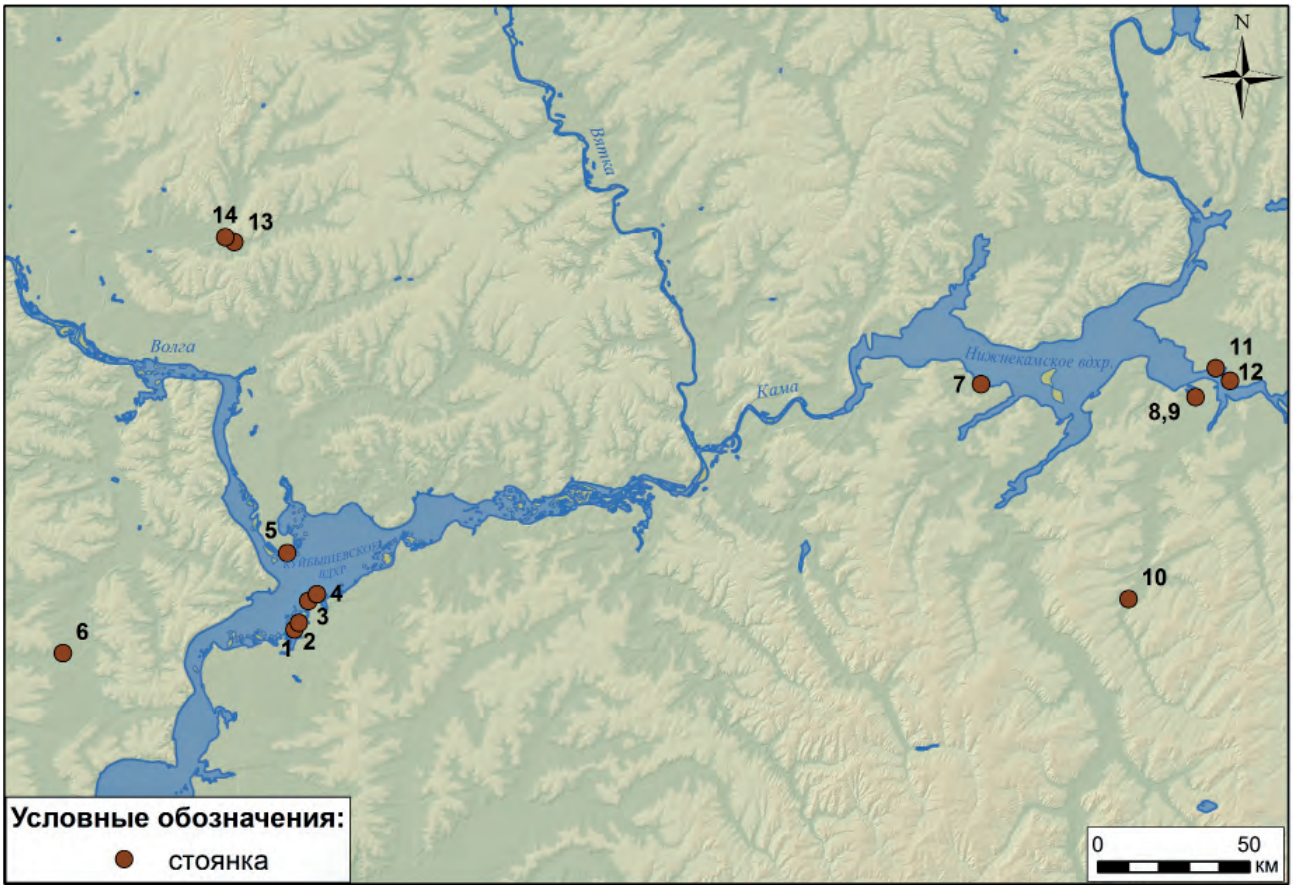

Рис. 1. Карта основных мезолитических стоянок устья Камы, Нижнего Прикамья и прилегающих территорий: 1 – Любавская; 2 – Косяковская; 3 – Девичий Городок; 4 – Измерская (мезолитическая); 5 – Атабаевская VIII; 6 – Альшиховская; 7 – Деуковская II; 8 – Татарско-Азибейская I; 9 – Татарско-Азибейская IV; 10 – Сюнь I и II; 11 – Старая Мушта; 12 – Старый Каинлык; 13 – Алан-Бексер; 14 – Малый Битаман

краем. Прежде всего это сегмент на длинном вторичном сколе с выпуклым круто ретушированным краем (рис. 3: 13). Сходный облик имеют еще два орудия на длинных сколах. Группа изделий с ретушированным краем объединяет предметы, в основном пластины и длинные сколы, с разнотипной ретушью: приостряющей, мелкой нерегулярной, крутой зубчатой, тонкой (рис. 3: 32).

Обнаружены зубчато-выемчатые орудия, среди которых изделия с выразительными выемками и шипами по краям, оформленным ретушью. Острия чрезвычайно разнообразны. В первую очередь отметим три симметричных проколки, выполненные на пластинах (рис. 3: 19), обладающие выделенными ретушью на спинке плечиками. Сверла разнообразны по форме и характеру создания рабочей части, они выполнены на массивных сколах. В группу острий включены: фрагмент пластины со сходящимися полого ретушированными краями; длинный скол с изначально острым концом, на котором видны мелкие фасетки подправки (рис. 3: 31); два длинных скола со слабо выделенным выемками концом; отщеп с выделенным нерегулярной ретушью углом.

Особый интерес представляют найденные на стоянке 11 трапеций разных пропорций, изготовленных из фрагментов пластин, в том числе: пять низких трапеций с прямыми ретушированными сторонами (рис. 3: 2, 3), три симметричные трапеции средних пропорций (рис. 3: 1, 5), три высокие трапеции со сторонами разной конфигурации (рис. 3: 4). Очень выразительна крупная трапеция с глубоко вогнутыми сторонами, оформленными крупнофасеточной ретушью (рис. 3: 6). Еще две трапеции – асимметричны.

В коллекции присутствуют три клювовидных орудия, крупное скребло вытянутой овальной формы (рис. 3: 28) и небольшое долотовидное орудие с бифасиальной обработкой (рис. 3: 27). Среди комбинированных орудий небольшую серию образуют изделия, сочетающие концевой скребок и резец (рис. 3: 9, 30). Также найдены орудия с комбинацией резцов с остриями, скобелями, резчиками.

В целом в инвентаре Косяковской стоянки необычным кажется высокий процент скребков (34,7% орудий в коллекции), в то время как в других комплексах, как правило, наиболее представительны резцы. Выразительна серия окру-

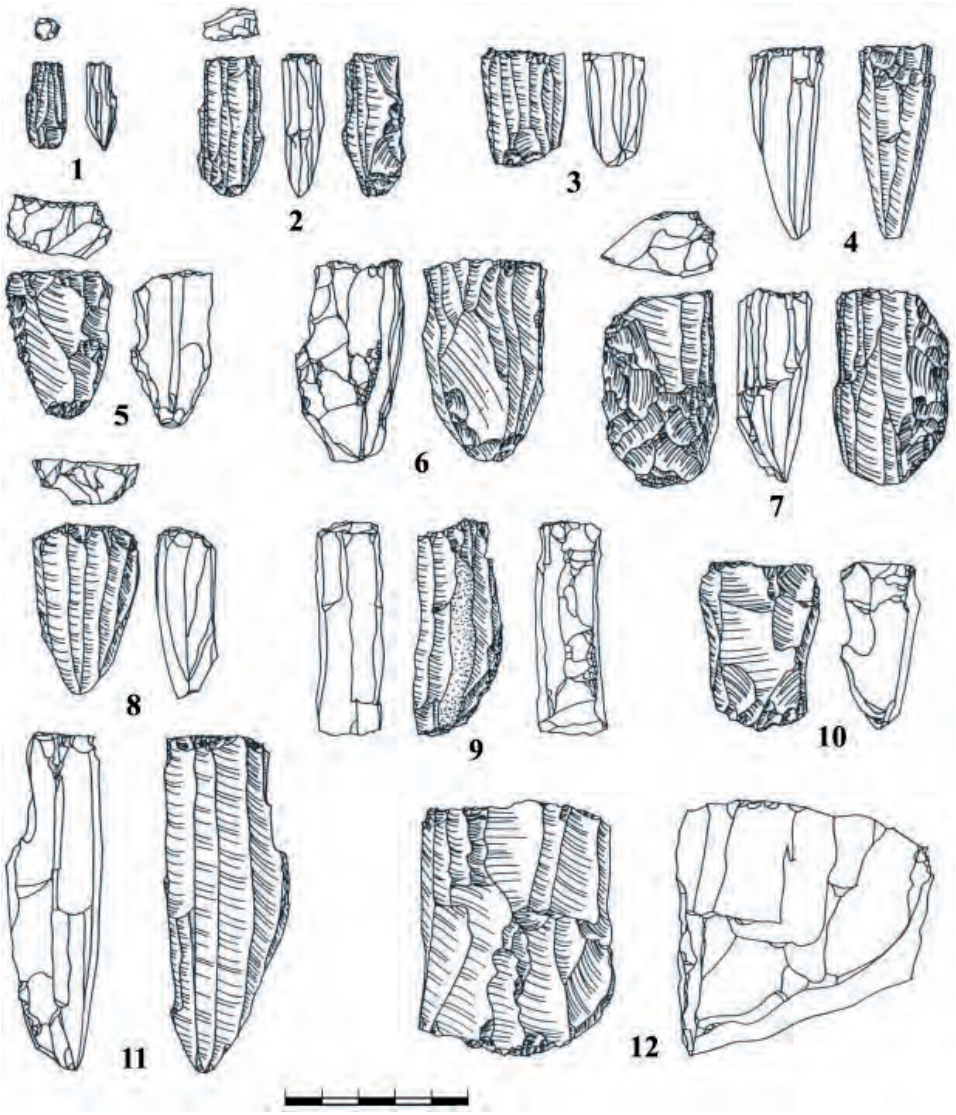

Рис. 2. Нуклеусы стоянок мезолитического этапа усть-камской культуры:
1, 2, 4-6, 10, 12 – Косяковская стоянка; 3, 7, 8, 9, 11 – Любавская стоянка

глых скребков, а также несерийные скребки. Своеобразны низкие трапеции с прямыми краями, а также проколки и острия с плечиками. Вызывает интерес и небольшая серия резцов-скребков на пластинах, поперечных резцов на коротких сколах. Оригинальный облик имеют некоторые единичные формы орудий: угловые поперечные резцы и диагональные резцы на сломе заготовки, концевые скребки с суженным или фигурным лезвием, долотовидное орудие и овальное скребло. Обращает на себя внимание отсутствие крупных наконечников-бифасов и т. д.

Любавская стоянка

В коллекции Любавской стоянки содержится 1290 находок. Нуклеусы представлены различными формами: сработанные ортогональные с негативами коротких пластин; торцовые, включая клиновидные с негативами микропластин; аморфные подклиновидные, торцовый двухплощадочный, плоские сработанные, наиболее выразительны конусовидные ядрища, в том числе карандашевидные (рис. 2: 3, 7, 8, 9, 11). В числе необработанных пластин, обнаруженных на стоянке, равнозначны по численности микропластины и пластины шириной от 15 до 19 мм.

Среди орудий наиболее представительны резцы, ведущую роль в этой группе играют резцы на сломе пластин и длинных сколов, обнаружены также ретушные резцы на крупных пластинах, а также поперечные ретушные резцы на отещпах (рис. 4: 3–6, 18, 20, 28, 32). Небольшую группу образуют двухгранные резцы, причем встречаются не только срединные, но и угловые двугранные резцы (рис. 4: 7, 21). Комбинированные резцы в большинстве случаев демонстрируют сочетание резца на сломе заготовки с ретушным лезвием (рис. 4: 21).

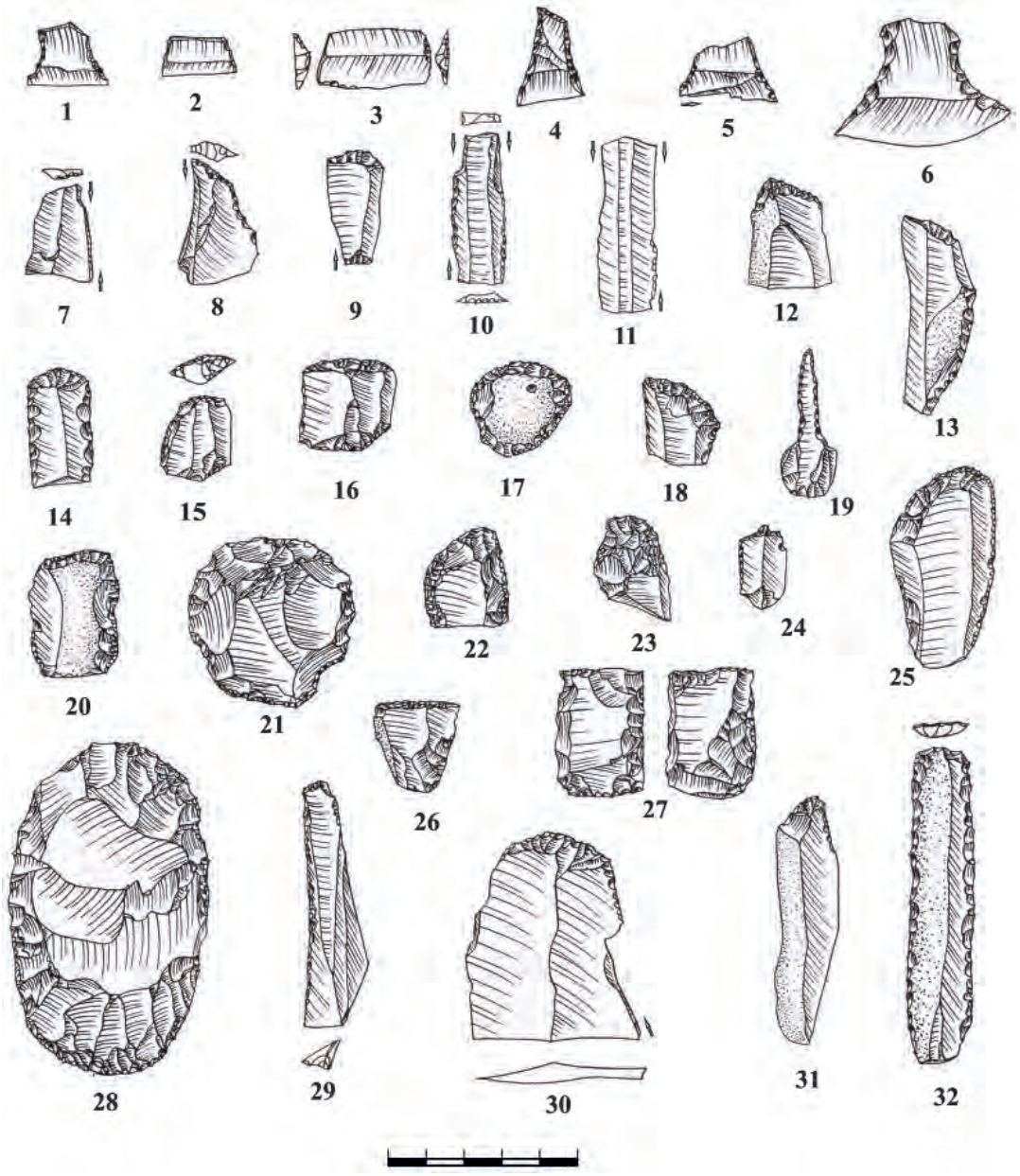

Рис. 3. Кремневый инвентарь стоянки Косяковская

В группе скребков ведущую роль играют концевые, найдены единичные боковые скребки, угловой, а также скребки с лезвием по всему периметру заготовки (рис. 4: 10, 12, 13, 23, 25, 30). Последние имеют не округлую, а скорее подпрямоугольную форму с выступающими углами (рис. 4: 11, 24). Необходимо отметить два скребка-«перевертыша», изготовленных на сколах оформления нуклеусов, у которых краевая ретушь, оформляющая лезвие, переходит со спинки на брюшко на соседних участках края орудия (рис. 4: 14, 17). Найдены три комбинированных скребка на фрагментах пластин, сочетающих концевые и боковые лезвия (рис. 4: 22).

Обнаружены единичные пластины с концевой ретушью (рис. 4: 33). Группа изделий с краевой ретушью содержит в основном пластины с плоской нерегулярной ретушью, с приостряющей регулярной ретушью, с крутой ретушью. Вызывают интерес найденные на стоянке пять клювовидных орудий. В первую очередь отметим два изделия с высоким узким рабочим концом, подработанным фасетками скребковой ретуши (рис. 4: 15).

Следует отметить два долотовидных орудия выразительной формы. Фрагмент крупного скола с выпуклым лезвием имеет подтрапециевидную форму (рис. 4: 34). Разнообразна группа острий, среди которых есть сверла с выделенными рету-

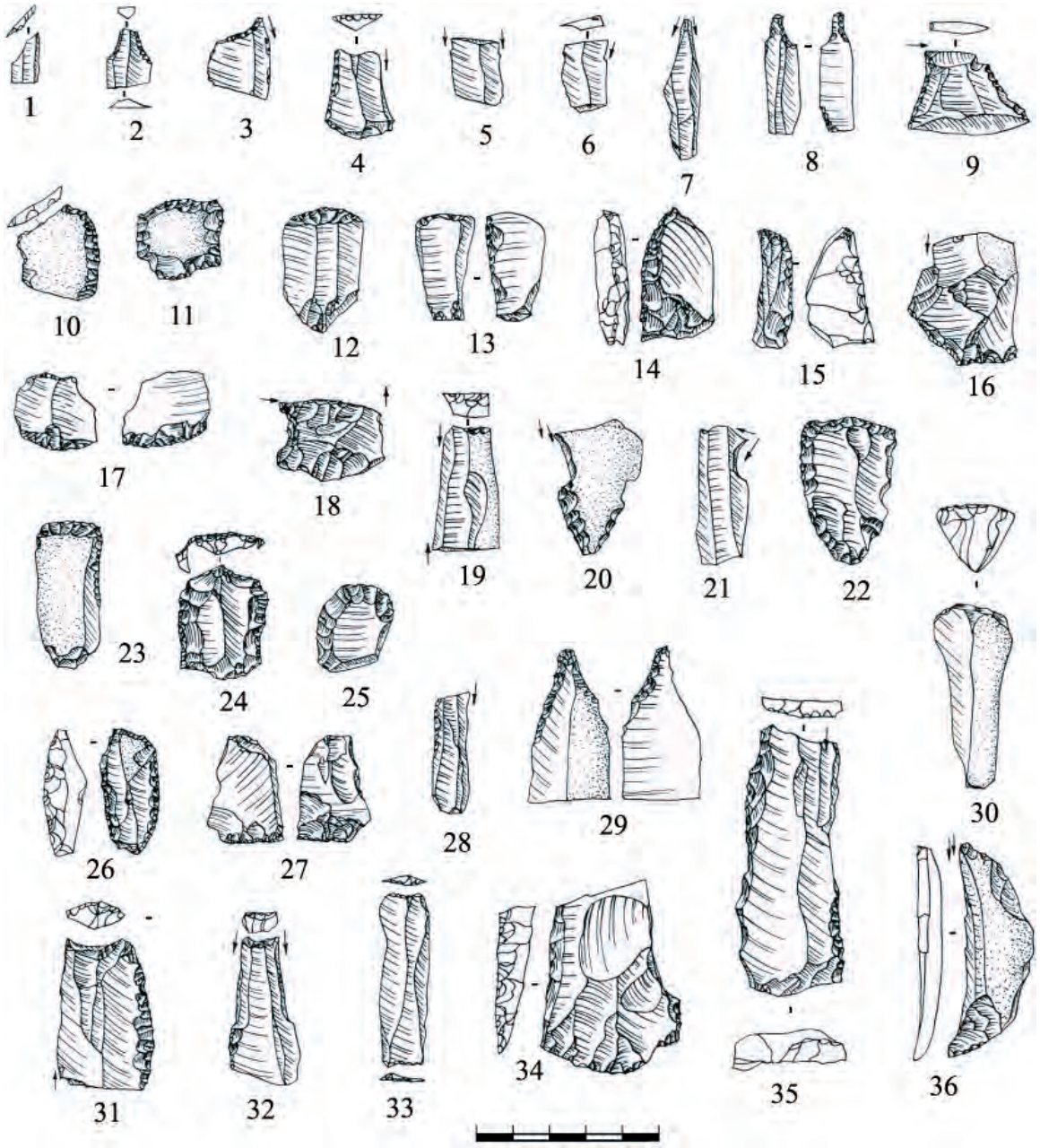

Рис. 4. Кремневый инвентарь стоянки Любавская

шью плечиками, оформленные на пластинах (рис. 4: 8, 29).

На стоянке найдена одна трапеция средних пропорций, выполненная из фрагмента широкой пластины, ее ретушированные стороны слабо вогнуты и асимметричны, по верхнему основанию проходит резцовая грань (рис. 4: 9).

Весьма необычно для усть-камских комплексов одно орудие – крупная пластина с зубчатым круто ретушированным краем и подтесанным со стороны спинки дистальным концом (рис. 4: 35). Плоский резцовый скол со скошенной ретушной площадки орудия был снят по дорсальной поверхности. Морфологически это орудие можно отнести к ножам костенковского типа, которые типичны для кремневого инвентаря поздней поры верхнепалеолита Русской равнины, принадлежавшего костенковско-авдеевско-зарайскому культурному единству.

В целом инвентарь Любавской стоянки отличается некоторыми особенностями в рамках усть-камской культуры позднего этапа. Любопытно преобладание резцов на сломе над ретушными в данном кремневом комплексе. В коллекции Любавской стоянки нет крупных рубящих орудий, а также пластин со скошенным ретушью краем. Вместе с тем типологическая картина стоянки интересна наличием таких изделий, как проблематичные острия на пластинах, которые с равным успехом можно считать обломками наконечников

стрел. Показательны оригинальные клювовидные скребки на краевых сколах с нуклеусов и угловатые скребки с лезвием по периметру. Вполне обычны для усть-камских памятников поперечные резцы на коротких сколах и скребки-перевертыши, разнообразные сочетания скребков, резцов и других инструментов на одном орудии, представленные в этой коллекции.

Атабаевская VIII стоянка

Стоянка, открытая в 1970 г. М.Г. Косменко, располагалась в правобережье приустьевой части долины Камы, на мысу при слиянии Камы с Волгой, на краю надпойменной террасы. По наблюдениям исследователя над неразмытым участком стратиграфического разреза, культурный слой залегал на глубине 40–60 см от поверхности, под современной почвой, и был связан со слоем покровного песка (Косменко, 1972). По всей видимости, этот слой аналогичен по генезису песку финальноплейстоценового возраста, отмеченному на Тетюшской III стоянке.

Великолепные образцы призматических, конических и карандашевидных нуклеусов с негативами микропластин говорят о гораздо более развитой пластинчатой технике обитателей Косяковской и Любавской стоянок. Наличие очень длинных узких негативов пластин на некоторых ядрищах может свидетельствовать о бытовании в данной индустрии техники отжима.

Мысль о более позднем возрасте Косяковской и Любавской стоянок впервые высказал М.Г. Косменко (1972; 1977). С этими согласуется и более высокое стратиграфическое положение этих памятников. Кроме нуклеусов от микропластин комплексы Косяковской и Любавской стоянок имеют ряд типологических особенностей орудийного набора (разнообразие и численное превосходство скребков, большая роль резцов на сломе, а не ретушных, отсутствие бифасов со сплошной обработкой поверхности, наличие наконечников иных форм, чем трапеции, и т. д.).

В свете этих особенностей возникает вопрос о правомерности включения комплексов Косяковской и Любавской стоянок в усть-камскую культуру. Находки трапеций с вогнутыми ретушированными сторонами, сделанные на обеих стоянках, позволяют решать этот вопрос вслед за М.Г. Косменко утвердительно. Технико-типологическое сходство индустрий Косяковской и Любавской стоянок с другими усть-камскими комплексами с трапециями налицо. Это сходство по характеру сколов-заготовок, приемов вторичной обработки, большинству орудийных групп. Оно говорит о культурном единстве наиболее представительных левобережных усть-камских памятников.

К усть-камской культуре М.Г. Косменко отнес еще одну менее представительную стоянку с трапециями – Атабаевскую VIII.

Камская культура. Татарско-Азибейская IV стоянка

В раскопе площадью 960 кв. м на стоянке, исследованной М.Г. Косменко, обнаружены остатки нескольких очагов овальной формы, заполненных углем и прокаленным песком. В некоторых очагах лежали кремневые предметы: нуклеусы, скребки, вкладыши пазовых составных орудий, пластины. Выявлены остатки шести хозяйственных ям с находками в заполнении.

Коллекция каменных находок, собранных в раскопе, состоит из 6 440 предметов, в числе которых 900 кремневых орудий. Среди ядрищ преобладают конусовидные и карандашевидные, с которых снимались длинные узкие пластины правильных очертаний, встречены также торцовые одноплощадочные и многоплощадочные нуклеусы (рис. 5: 52–55). На пластинах оформлялись резцы, концевые скребки, вкладыши, острия. Основной целью расщепления нуклеусов было получение тонких узких и среднешироких пластин правильных очертаний с ровными острыми краями, которые зачастую несут фасетки мелкой ретуши. Значительная часть ретушированных пластин использовалась в качестве ножей, а их медиальные фрагменты – вкладышей пазовых ножей и других составных орудий (рис. 5: 1–9, 30, 31, 33–37, 42, 44, 47–50).

Среди изделий с вторичной обработкой численно преобладают резцы, большинство которых относится к типу на углу сломанной пластины, среди них много орудий с двумя резцовыми углами (рис. 5: 9–12, 19–22, 27–29, 43¸45, 57). Все скребки в коллекции принадлежат к типу концевых, у многих из них ретушь была нанесена и на прилегающие к скребковому лезвию части краев пластин (рис. 5: 14–18, 23–26, 32, 46). Острия представлены небольшим числом пластин со скошенным крутой ретушью концом (рис. 5: 51), а также пластин со сходящимися ретушированными краями (рис. 5: 38, 40, 41), которые М.Г. Косменко считал наконечниками стрел (Косменко, 1978). Следует отметить точку зрения Л.В. Кольцова, выраженную им в томе «Мезолит СССР», о том, что эти остроконечники могли быть не только наконечниками, но и перфораторами (сверлами и проколками) (Кольцов, 1989, с. 89). Также в раскопе были найдены разнообразные скобели – пластины и отщепы с выемчатыми краями, а также единичные симметричные сверла и проколки с выделенной рабочей частью (рис. 5: 39).

М.Г. Косменко включил Татарско-Азибейскую IV стоянку «в круг памятников микролитической

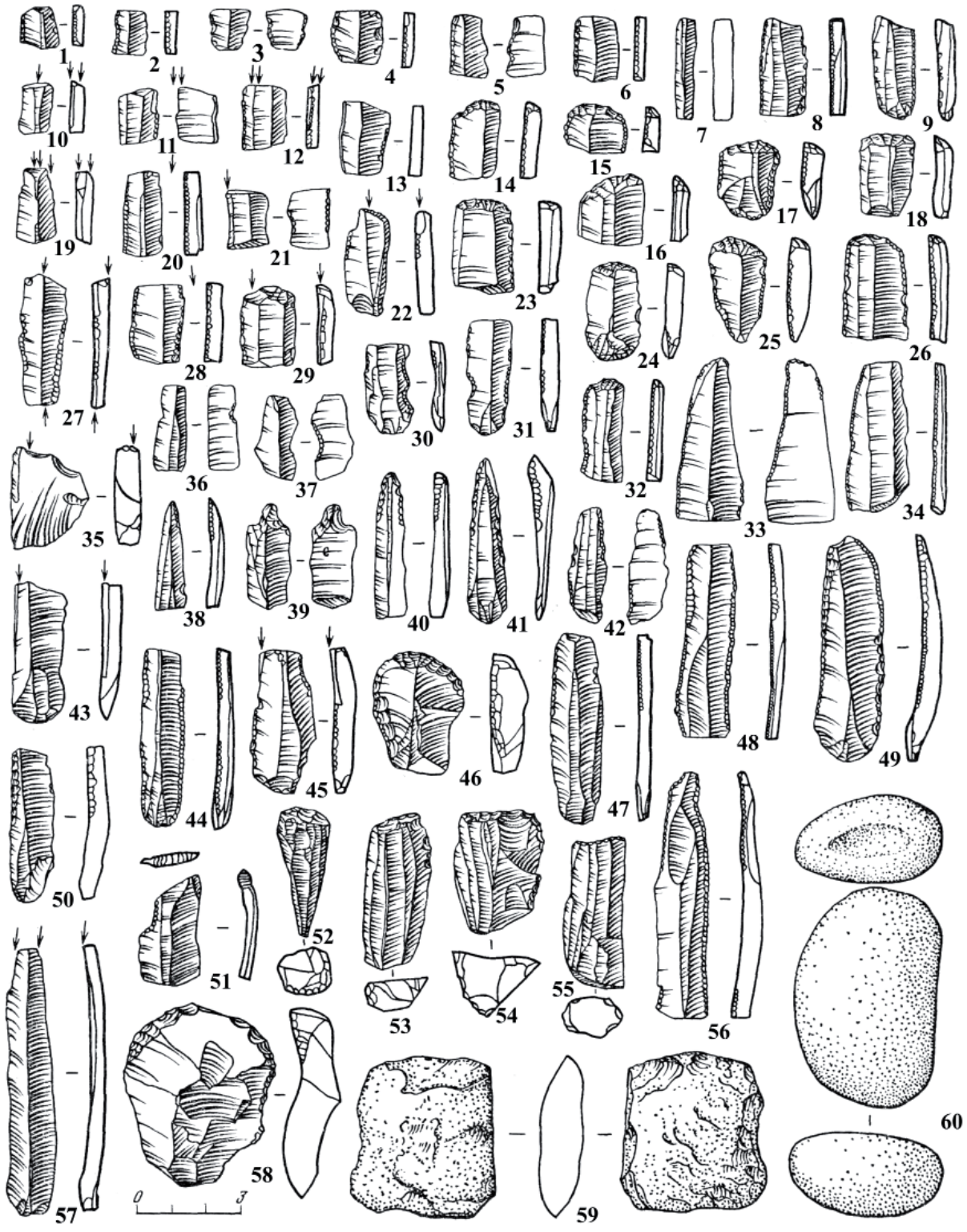

Рис. 5. Каменный инвентарь стоянки Татарско-Азибейская IV:
1-51, 56-58 – кремневые орудия; 52-55 – кремневые нуклеусы; 59, 60 – гальки – отбойники
(по: Л.В. Кольцов, 1989, табл. 56, с. 263)

культуры эпохи мезолита, представленной на Каме памятниками нижнеадищевского этапа по О.Н. Бадеру (Бадер, 1966, с. 187); рядом стоянок и местонахождений в Икско-Бельском междуречье, а также по Белой и ее притокам: Романовка II и III, верхние слои Ильмурзина (Матюшин, 1969, с. 24–25); (Косменко, 1981, с. 20). Л.В. Кольцов поддержал точку зрения М.Г. Косменко и отнес Татарско-Азибейскую IV стоянку, а также расположенную поблизости Татарско-Азибейскую II стоянку и Юртовскую IV на р. Ик к камской мезолитической культуре (Кольцов, 1989, с. 89).

Наряду с этими памятниками в круг камской мезолитической культуры были включены также сборы кремневых орудий и нуклеусов, осуществленные в 1964 г. П.Н. Старостиным и в 1969–1971 гг. М.Г. Косменко на Татарско-Азибейской I стоянке (Косменко, 1981).

Деуковская II стоянка

Среди мезолитических памятников Нижнего Прикамья особняком стоит Деуковская II стоянка, располагавшаяся в левобережье р. Ик у с. Деуково на мысу возвышения высотой 3,5 м над поймой (рис. 1). В настоящее время стоянка затоплена Нижнекамским водохранилищем. В раскопе площадью 280 кв. м, исследованном М.Г. Косменко, были выявлены следы трех жилищ в виде углистиых пятен неправильной формы, содержавших очаги и насыщенных находками. Жилищные и очажные пятна протянулись вдоль гребня мыса

На стоянке были найдены 780 кремневых предметов и 30 галек со следами использования, в том числе 73 орудия (Косменко, 1971). Нуклеусы представлены многоплощадочными, призматическими, торцовыми и коническими типами (рис. 6: 12, 20), в числе последних – карандашевидный нуклеус с негативами узких длинных пластин (рис. 6: 15). В инвентаре скребки численно преобладают над резцами. Среди резцов (9 экз.) отмечены ретушные (рис. 6: 13), на сломе пластин (рис. 6: 6, 14), срединные (рис. 6: 19). В группу скребков (15 экз.), которые были выполнены как на пластинах, так и на отщепах, включены разнотипные орудия: концевые, в том числе со скошенным лезвием, полукруглые, а также крупные скребки с выпуклым концевым лезвием, оформленные на фрагментах галек (рис. 6: 16, 17, 24, 29, 30). В этой группе оригинальной формой выделяется скребок на пластине с асимметричным концевым лезвием, далеко заходящим на края, одновременно это орудие является двусторонним резцом на сломе пластины (рис. 6: 18).

Найдены единичные ножи на крупных пластинах и отщепе с ретушью на режущих краях (рис. 6: 10, 14, 24), проколка на пластине с длинным острием, выделенным уплощающей ретушью на брюшке (рис. 6: 21). М.Г. Косменко интерпретирует три изделия как наконечники стрел: остроконечник в форме высокого треугольника с прямым основанием, сходящимися ретушированными краями и спинкой, покрытой сколами (рис. 6: 23), а также две мелкие пластины с частично ретушированными краями и слабо выраженной выемкой у основания (рис. 6: 7, 8) (Косменко, 1971, с. 83, 84). Однако Л.В. Кольцов в дальнейшем выразил сомнение по поводу интерпретации этих «нестандартных» орудий как наконечников (Кольцов, 1989, с. 91).

В коллекции достаточно представительна группа фрагментов тонких пластин правильных очертаний с мелко ретушированными одним или двумя краями, которые служили вкладышами в составных пазовых орудиях (рис. 6: 1–4). Найдены также комбинированные орудия – скребки-резцы, скребки-ножи и т. д. Особенно выразительно рубящее орудие с зауженным обухом подтрапециевидной формы, обработанное крупными плоскими сколами по обоим поверхностям – топор-бифас (рис. 6: 25).

В заполнении жилища обнаружены орудия, выполненные из расколотых вдоль трубчатых костей: длинный узкий наконечник веретенообразной формы (рис. 6: 35), также два незавершенных наконечника более коротких пропорций (рис. 6: 26, 33), желобчатое долотовидное орудие (рис. 6: 34), округлая костяная бляшка (рис. 6: 28).

Фаунистическое определение костей животных, обнаруженных в раскопе, выполненное А.Г. Петренко, показало присутствие костей млекопитающих (домашняя собака, заяц, бобр, медведь, кабан, лось, дикий баран (?), а также птиц (чирковые) и рыб (карповые, сом) (Петренко, 1981).

На основании характера инвентаря Деуковская II стоянка отнесена М.Г. Косменко к позднему мезолиту. Исследователь считал, что данный кремневый инвентарь имеет поздний облик, судя по типологии скребков и их значительной численности, а также ярко выраженной микролитичности пластин и соответствующему облику (Косменко, 1971; 1977). Вместе с тем культурную принадлежность памятника определить не удалось (Косменко, 1977; Кольцов, 1989).

Заключение

В статье 1977 г. М.Г. Косменко выделяет в развитии усть-камской культуры три этапа. Памятники третьего, мезолитического этапа – стоянки Косяковская, Любавская – характеризуются появлением карандашевидных и конических нуклеусов, серии округлых скребков на отщепах, проколок с выделенным острием, увеличением в целом числа орудий на узких ровных пластинках. Технико-типологические особенности инвентаря Кося-

Рис. 6. Каменный и костяной инвентарь Деуковская II:
1-11, 13, 14, 16-19, 21-25, 30-32 – кремневые орудия; 12, 15, 20 – нуклеусы; 26-28, 33-35 – изделия из кости; 29 – галечное орудие (по: Л.В. Кольцов, 1989, табл. 57, с. 264).

ковской и Любавской стоянок в целом укладываются в рамки характеристики черт усть-камской культуры (Косменко, 1977).

По вопросу о территории усть-камской культуры М.Г. Косменко предподполагал, что «...на этапе три усть-камское население начинает продвигаться вверх по Каме. Материалы Огурдинской стоянки демонстрируют сочетание боковых резцов, трапеций и микролитического инвентаря, характерных для памятников этапа три» (Косменко 1977, с. 96). Далее исследователь отметил, что точных данных о распространении усть-камской культуры к западу и югу от устья Камы нет. Л.В. Кольцов предложил «ограничить Средним Поволжьем, включая Чувашское Поволжье, и устьем Камы. Ареал же камской культуры простирается к востоку от устья Камы вверх по ней, по Вятке и рекам их бассейна» (Кольцов, 1989, с. 90).

В связи с открытием новых мезолитических памятников в Волго-Уральском регионе среди исследователей появилась тенденция к расширению территории усть-камской культуры (Мельничук 1989; Волокитин 1995; Павлов 1996). Эта тенденция связана с появлением находок трапеций в памятниках за пределами района устья Камы. К этим памятникам относятся: стоянка Альшихово в среднем течении р. Свияги (рис. 1), Юльяльская 4 стоянка на правом берегу Волги в Горно-Марийском районе, ряд памятников в Камско-Вятском междуречье (Архангельская 3, Моторки 2, Тархан 2), а также памятники в Пермском Прикамье (Усть-Сылвенское городище, стоянки Огурдино, Пеньки и др.) (Голдина, Гусенцова, 1974; Павлов, 1996; Голдобин, Денисов, Мельничук, Мокрушин, 1991; Мельничук, Волокитин, Лычагина, 1994).

Однако следует отметить общую невыразительность коллекций Юльяльской 4 стоянки, сборов из разрушенной стоянки Альшихово, а также Архангельской 3 стоянки. На данном этапе исследования эти памятники не могут быть включены в усть-камскую культуру эпохи мезолита. Таким образом, ареал усть-камской культуры пока можно ограничить районом устья Камы (Галимова, 2001).

По мнению исследователей, наличие трапеций вместе с ретушными резцами служит основанием для предположения о «близости» этих памятников к усть-камским. Близкие формы трапеций найдены в памятниках мезолита на Среднем Дону и в бассейне Северского Донца (Федюнин, 2006; Гавриленко, 2000; Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., 2019). Особенно это касается трапеций практически идентичных типов, которые содержатся в комплексах раннемезолитического слоя среднедонской стоянки Плаутино 2 (Федюнин, 2012). Более отдаленные аналогии прослеживаются у трапеций мезолита устья Камы с трапециями памятников иеневской культуры раннего мезолита Волго-Окского междуречья (Кольцов, 1989; 1996; Жилин, 2004; Сорокин, 2006).

В поисках объяснения возникновению сходства в наборе метательного оружия раннемезолитических культур на столь обширной территории следует присоединиться к точке зрения С.Н. Лисицына, который отводит главную роль в формировании этого единства самого общего порядка экологическому фактору. Исследователь полагает, что ключ к пониманию этого нужно искать в начале голоцена, в пребореальном периоде, особенно в его климатическом оптимуме, когда на широких пространствах Евразии формировались бореальные леса и сложился чрезвычайно подвижный образ жизни охотничьих групп на этих просторах (Лисицын, 2014).

Кроме того, технико-типологические особенности кремневой индустрии усть-камской культуры не ограничиваются трапециями и разнообразием резцов. В главе «Финальный палеолит устья Камы и лесостепного Заволжья» настоящего тома раскрыты и другие характерные черты комплексов усть-камской культуры финальнопалеолитического этапа.

Необходимо остановиться также на вопросе о влиянии населения усть-камской культуры на представителей камской мезолитической культуры. М.Г. Косменко предположил, что на позднем этапе усть-камское население продвинулось вверх по Каме, о чем, по его мнению, говорят находки ретушных резцов, трапеций в сочетании с микролитическим инвентарем на стоянке Огурдино (Косменко, 1977). К этой точке зрения присоединился Г.М. Буров, также полагающий, что носители усть-камской культуры продвинулись в Приуралье и принесли с собой идею изготовления трапеций с вогнутыми сторонами (Буров, 1990). Г.М. Буров в мезолите крайнего Северо-Востока Европы выделяет несколько памятников с трапециями (Пезмог 1, Сандибейю 1), которые свидетельствуют, по мнению исследователя, о контактах с усть-камской культурой.

А.Ф. Мельничук, отмечая вслед за М.Г. Косменко значительные черты сходства Огурдинской, Косяковской и Любавской стоянок, объяснял их не продвижением усть-камского населения на Верхнюю Каму, а формированием обеих индустрий на основе финальнопалеолитических стоянок типа Горной Талицы и Сюкеевского Взвоза (Мельничук, 1989). В целом с этим тезисом можно согласиться. Наличие трапеций (в том числе с вогнутыми сторонами) и ретушных резцов не является единственным признаком усть-камской культуры. При своем значительном сходстве с пермскими финальнопалеолитическими стоян-

ками типа Горной Талицы и Усть-Сылвенского городища комплексы усть-камской культуры несут много своеобразных типологических черт, о чем говорилось выше. Если сравнить инвентарь Огурдинской, Косяковской и Любавской стоянок, то и здесь наблюдаются существенные отличия. В целом инвентарь Огурдинской стоянки менее разнообразен, чем усть-камский. В коллекции Любавской и Косяковской стоянок разнообразны резцы (в том числе ретушные, на сломе пластин, двугранные, поперечные), хорошо представлены и тронке, зубчатые, выемчатые изделия, острия. Единичны, но весьма выразительны изделия со скошенным краем, долотовидные орудия. Немало комбинированных орудий, почти не представленных в Огурдино.

Все же полностью исключить возможность заимствования трапеций с вогнутыми сторонами мезолитическим населением Среднего Приуралья и даже Зауралья нельзя. Такое предположение обосновывается в статьях Ю.Б. Серикова по материалам стоянок с трапециями, расположенных в верховьях р. Туры (Уральские Зори 1, 3, 5 и Гаревая 2) (Сериков 1992; 1997; Варанкин, Сериков 1996). Аналогии этим комплексам Ю.Б. Сериков находит в приуральских стоянках Горная Талица и Огурдино. Исследователь полагает, что продвижение населения с западного склона Урала на восточный проходило по реке Чусовой (Сериков 1997). Видимо, эта гипотеза требует для своего доказательства дальнейших исследований.

При рассмотрении инвентаря позднемезолитических памятников на Средней Волге (Яндашевская, Русско-Луговская, Кабы-Копрынская стоянки) (Халиков 1969), а также стоянок Марийского Поволжья, изученных В.В. Никитиным (1996), прямых аналогий не отмечается. Геометрические формы в инвентаре этих стоянок немногочисленны (за исключением Юльяльской 4 стоянки). Это в основном параллелограммы и трапеции средневысоких пропорций с прямыми сторонами. Редки треугольники и сегменты. Главной особенностью комплексов Марийского Поволжья являются значительные серии рубящих орудий с частичной или полной шлифовкой. Таким образом, о значительном сходстве усть-камских и марийско-поволжских комплексов говорить не приходится.

Попытки обнаружить черты преемственности традиций усть-камской культуры в комплексах позднего мезолита и неолита на Средней Волге пока не увенчались успехом. Исторические судьбы населения усть-камской культуры требуют дальнейшего изучения и расширения фактической базы.

ГЛАВА 4
МЕЗОЛИТ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

Археологическое изучение мезолитического периода в лесостепном Поволжье берет начало в первой половине XX века и связано с именами А. Миллера, Ф.Т. Яковлева, П.А. Преображенского и В.В. Гольмстен. Данными исследователями были осуществлены сборы подъемного материала и несистематические раскопки на ряде пунктов в Самарской области: дюны близ села Марычевки, дюны близ урочища Захар-Калма, Монастырский Хутор, Постников Овраг, в ходе которых получен невыразительный материал (Ластовский, 2000, с. 86–88).

Начало систематического изучения каменного века и в том числе мезолита Самарского и Ульяновского Поволжья приходится на рубеж 60–70-х гг. XX века, оно связано с деятельностью Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильева в Куйбышевской (Самарской) и Г.М. Бурова в Ульяновской областях. Работы были продолжены их учениками Л.В. Кузнецовой, А.А. Ластовским, Н.Л. Моргуновой, А.А. Выборновым, А.Е. Мамоновым, А.И. Королевым, А.В. Вискалиным и другими. Осуществлен осмотр как ранее выявленных стоянок, так и обнаружено значительное количество новых пунктов, в основном представленных подъемными сборами и небольшими коллекциями. С конца 70-х годов XX века начинается проведение первых стационарных раскопок мезолитических памятников, которые носили нерегулярный характер: Старо-Токская стоянка (Моргунова, 1983), Красный Яр I (Ластовский, 1999), Чекалино II (Королев и др., 1997), Ховрино (Вискалин, 2008). В связи с ограниченностью источниковой базы каких-либо значимых попыток обобщения и интерпретации материала долгое время не предпринималось, и исследователи ограничивались приведением общих аналогий полученным комплексам и их примерной хронологической привязкой. В обобщающем, академическом, издании «Археология СССР. Мезолит СССР» (1989) интересующий нас регион оставался «белым пятном» на археологической карте, упоминалась лишь Старо-Токская стоянка и местонахождения, известные с 20-х гг. XX века (Кольцов, 1989, с. 88; Матюшин, 1989, с. 131).

Первая обобщающая работа по мезолиту Самарского Поволжья была подготовлена только в самом конце XX века А.А. Ластовским. Автором были обобщены и систематизированы материалы всех исследованных на тот момент комплексов разной степени информативности и с опорой на наиболее представительные коллекции предложена культурная атрибуция мезолитических памятников рассматриваемого региона (Ластовский, 2000). Стоит отметить, что большинство предложенных А.А. Ластовским положений не потеряли своей актуальности и по сей день.

Наконец, новый этап в изучении мезолита лесостепного Поволжья берет начало с XXI века. Он связан, как с продолжением по-прежнему нерегулярных исследований мезолитических стоянок региона: стоянка на горе Маяк (Кузнецова и др., 2004), Кочкари I (Андреев, Андреева (Ересько), 2018; Андреев и др., 2018; Бурыгин, 2020), так и с появлением первых естественно-научных данных (антропологических, палинологических, радиоуглеродных и др.).

Природно-климатические условия лесостепного Поволжья в эпоху мезолита претерпевали значительные изменения. К раннему мезолиту на основании условий залегания культурного слоя, технико-технологических характеристик кремневого инвентаря, а также данных радиоуглеродного датирования может быть отнесен комплекс стоянки Старо-Токская (Моргунова, 1983, Андреев и др., 2020). Согласно данным споро-пыльцевого анализа, во время проживания мезолитических коллективов на стоянке в регионе условия были аридными, облесенность незначительной. Лишь около 5% пыльцы в спектрах представлены древесными породами, а среди разнотравья доминирует полынь. В целом во время функционирования стоянки условия были характерные для полупустынной зоны (Левковская, 1995, с. 175). Согласно данным радиоуглеродного анализа, время бытования стоянки Старо-Токская относится к бореальному периоду и датируется второй половиной IX тысячелетия до н. э. (табл. 1).

Для перекрывающего мезолитический слой пласта Старо-Токской стоянки характерно увеличение количества древесных пород (33%) и сокращение травянистых (53%) (Левковская, 1995, с. 173–174). Близкие палинологические спектры по-

лучены при исследовании подстилающих ранненеолитические слои горизонтов стоянок Чекалино IV и Лебяжинка IV (бассейн реки Сок). Около 40% спектра представляет пыльца сосново-березовых формаций, в то же время значительные площади были заняты лугами (50–60%) (Лаврушин, Спиридонова, 1990, с. 11). О высокой степени облесенности региона (около 60% пыльцы спектра) в начале атлантического периода свидетельствуют также данные, полученные по Ивановской стоянке (Левковская, 1995, с. 174).

В последнее время по материалам стоянки Кочкари I А.С. Алешинской получены новейшие данные. Отмечается увеличение до 47–54% количества пыльцы древесных пород, которая хотя и незначительно, но преобладает над пыльцой травянистых растений, составляющей 41–47%. В группе древесных пород основную роль играет пыльца березы (86–88%), 7–9% насчитывает пыльца сосны. Среди трав преобладает пыльца разнотравья (75–82%), в составе которого чаще всего встречается пыльца подсемейств цикориевых (17–26%), астровых (13–18%), семейства гречишных (9–14%). Единично присутствует пыльца семейств крестоцветных, гвоздичных, рода валерианы. Высоким остается количество пыльцы рода полыней (13–24%). Пыльца семейства злаковых насчитывает всего 1–4%. Согласно данным радиоуглеродного анализа, время бытования стоянки относится к началу атлантического периода и датируется второй половиной VII тысячелетия до н. э. (табл. 1).

Памятники среднего каменного века лесостепного Поволжья допустимо разделить на две группы: изученные путем подъемных сборов и шурфовки и исследованные полноценными раскопками. Первая группа: Березовка II и III, Старая Майна VII в Ульяновской области (Буров, 1980, с. 30) и Захар-Калма, Монастырский Хутор, Нур, Воскресенка, Белозерка, Городцовка, Бугуруслан, Нижняя Сызрань, Рождественская II и др. в Самарской области (Ластовский, 2000, с. 86–93), количество находок на них колеблется от нескольких десятков до пятисот единиц. Ко второй группе (рис. 1) относятся: Старо-Токская стоянка (изучено 124 кв. м) (Моргунова, 1983), Красный Яр I (изучено 754 кв. м) (Ластовский, 1999), Чекалино II (изучено 144 кв. м) (Королев и др., 1997), Ховрино (изучено 1419 кв. м) (Вискалин, 2008), стоянка на Горе Маяк (изучено более 100 кв. м) (Кузнецова и др., 2004; Галимова и др. 2020), Кочкари I (изучено 578 кв. м) (Андреев, Андреева (Ересько), 2018; Андреев и др., 2018; Бурыгин, 2020), комплексы которых включают в себя, как правило, около тысячи и более находок. Наконец, стоит отметить, что в материалах некоторых стоянок региона, атрибутированных более поздним временем, ряд исследователей допускает наличие ранней (мезолитической) примеси (Вискалин, 2020), однако, как нам кажется, необходим более тщательный анализ комплексов и надежная система аргументации для подобных заключений.

В связи с ограниченностью источниковой базы по мезолиту лесостепного Поволжья и бедным типологическим листом находок мы можем наметить периодизацию стоянок лишь в общих чертах, также по-прежнему окончательно не решен вопрос с абсолютной хронологией комплексов региона. На основании геолого-геоморфологических условий залегания культурного слоя в плотном суглинке на глубине около 2 м от дневной поверхности к раннему мезолиту может быть отнесена Старо-Токская стоянка. Примечательно, что на Нижней Каме культурные слои переходных от плейстоцена к голоцену стоянок залегали также в суглинках, а более поздние в слабо гумусированных супесях (Галимова, 2001, с. 16–32). Согласно данным радиоуглеродного анализа, время бытования стоянки Старо-Токская относится к бореальному периоду и датируется второй половиной IX тысячелетия до н. э. (табл. 1) (Андреев и др., 2020). Вероятно, близкую хронологическую позицию имеет стоянка Чекалино II. К позднему мезолиту, согласно типологии кремневых орудий и условиям залегания культурных слоев, относятся стоянки Красный Яр I, Кочкари I и Ховрино, материалы которых выявлены в супесях и песках на относительно небольшой глубине. По материалам стоянки Кочкари I (почва и кость) получена серия датировок. Подстилающие мезолитический слой отложения датируются концом VIII тыс. до н. э., а перекрывающие – концом VII тыс. до н. э. Собственно культурный слой на основании дат вмещающей почвы и кости крупного полорогого (тур или бизон) может быть датирован второй-третьей четвертью VII тыс. до н. э. (табл. 1) (Андреев и др., 2020). При этом позиция комплекса стоянки на горе Маяк, на наш взгляд, нуждается в дополнительной проработке: несмотря на полученные весьма ранние абсолютные даты (Кузнецова и др., 2004), в материалах памятника фиксируется позднемезолитический и неолитический компонент.

Мезолитическая кремневая индустрия лесостепного Поволжья на протяжении своего развития претерпевает определенные изменения. При этом сырьевая база остается в основном устойчивой – высококачественный кремень серого цвета и различных его оттенков. Для кремневого комплекса наиболее ранних стоянок региона – Старо-Токская и Чекалино II – характерно доминирование пластин (более 50% всех изделий), на них изготовлено более 90% всех орудий. Нуклеусы – кран-

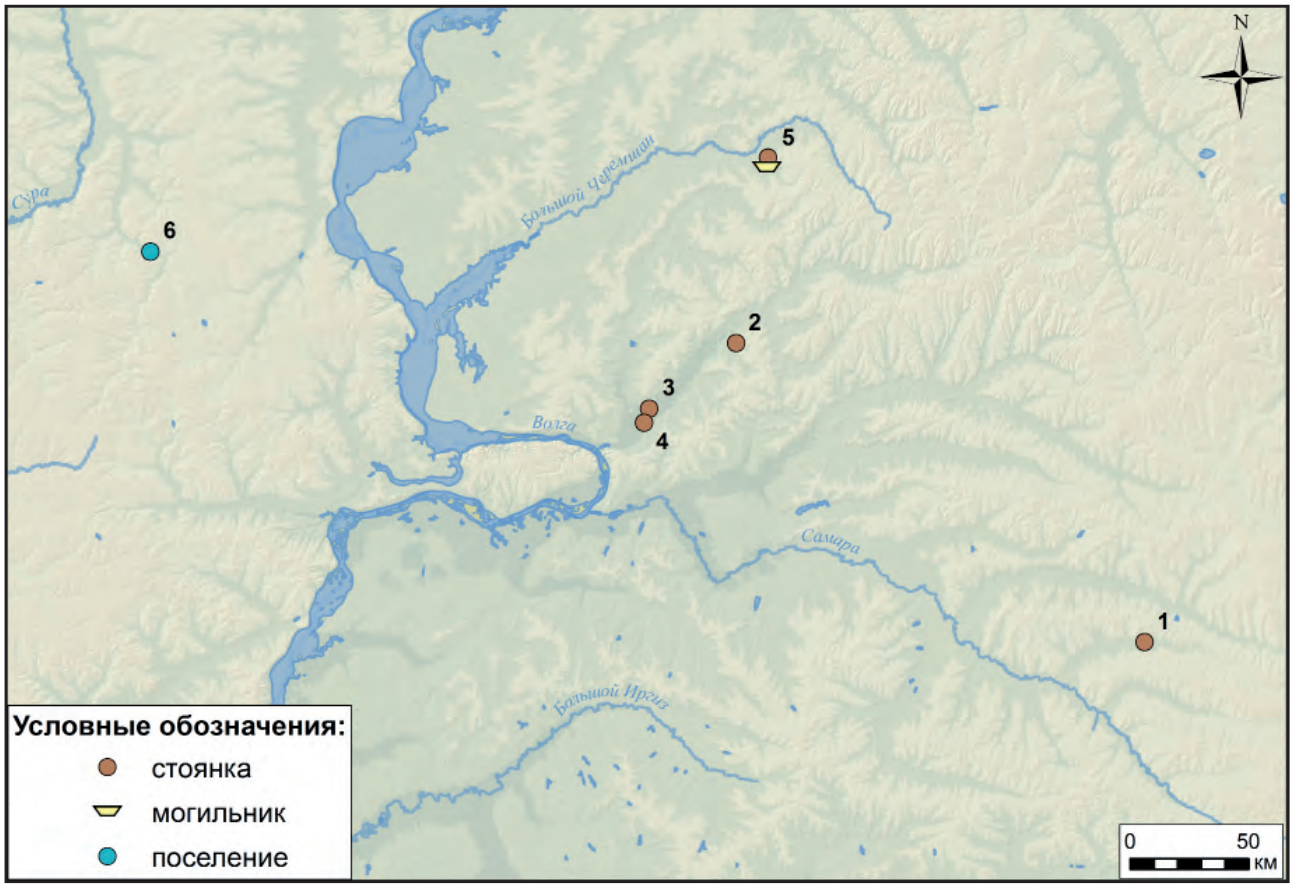

Рис. 1. Карта основных мезолитических памятников лесостепного Поволжья:
1 – стоянка Старый Ток; 2 – стоянка Чекалино II; 3 – стоянка Кочкари I; 4 – стоянка Красный Яр I; 5 – могильник и стоянка Гора Маяк; 6 – стоянка Ховрино

дашевидные, призматические и конические, реже торцевые (рис. 2: 1–6; 3: 1–5). Пластины (рис. 2: 30–45; 3: 28, 29) в основном не имеют следов ретуши, а если она присутствует, то слабо выражена и нерегулярна, и нанесена на одной или двух гранях. О высоком развитии вкладышевой техники свидетельствует значительное количество медиальных частей пластин без ретуши. Резцы в основном представлены угловыми и дублированными на пластинах (рис. 2: 17–24; 3: 23–27). Скребки (рис. 2: 7–16; 3: 6–19) изготовлены в подавляющем большинстве на пластинчатых заготовках и имеют прямой, скошенный или округлый рабочий край, скребки на отщепах единичны. В обоих комплексах выявлены немногочисленные перфораторы (рис. 2: 25–29; 3: 20), иногда они являются комбинированными орудиями, такими как скребки-перфораторы (рис. 3: 21). Единичны находки двусторонне оббитых деревообрабатывающих орудий без следов шлифовки (рис. 3: 22).

К позднему мезолиту лесостепного Поволжья относятся комплексы стоянок Кочкари I, Красный Яр I, Ховрино, возможно, стоянка на Горе Маяк. В обозначенных комплексах сокращается до 30–35% количество пластин, однако на них продолжает изготавливаться более 70% орудий, при этом преобладают средние части, являющиеся вкладышами (рис. 4, 5). Среди нуклеусов доминируют торцевые, реже встречаются призматические, карандашевидные и конические формы (рис. 4: 1–7; 5: 1–8). Резцы продолжают выполняться на углу пластины (рис. 4: 23–32; 5: 26–32). Наряду со скребками на пластинах с различной формой рабочего края, характерных для первой группы памятников, начинают использоваться скребки, изготовленные на отщепах и продольных сколах (рис. 4: 9–18; 5: 16–22). По-прежнему в коллекциях продолжают встречаться немногочисленные перфораторы (рис. 4: 19–22; 5: 10–14) и комбинированные орудия, преимущественно скребки-перфораторы (рис. 5: 15). Большее распространение получают деревообрабатывающие орудия и наряду с оббитыми встречаются экземпляры с пришлифованной поверхностью (рис. 4: 8; 5: 23–25). Также на некоторых памятниках данной группы появляются единичные наконечники с нерегулярной ретушью пера и насада, так называемого постсвидерского типа (рис. 5: 9).

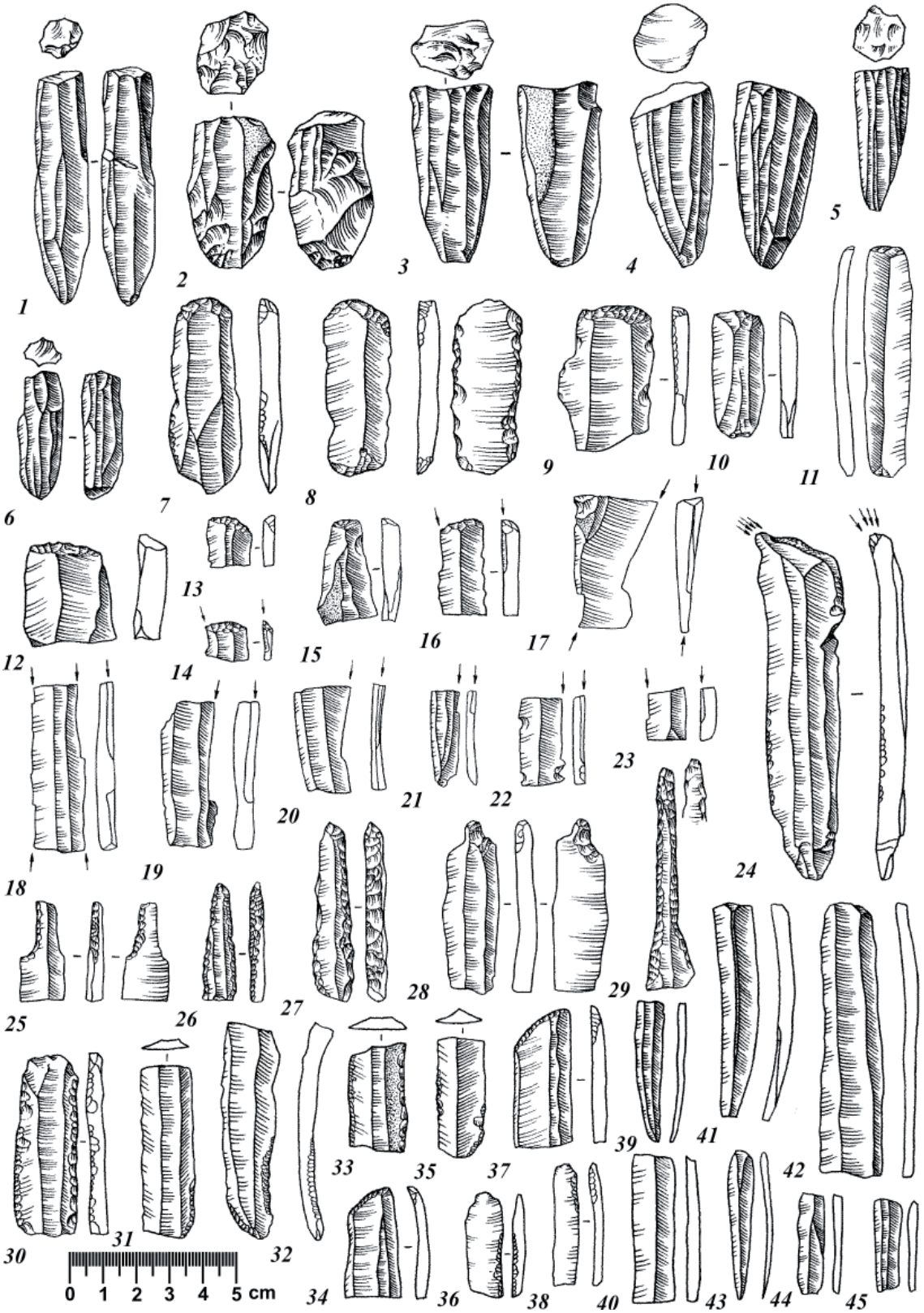

Рис. 2. Старо-Токская стоянка: 1-6 – нуклеусы; 7-16 – скребки; 17-24 – резцы; 25-29 – перфораторы/проколки; 30-45 – пластины с ретушью и без ретуши

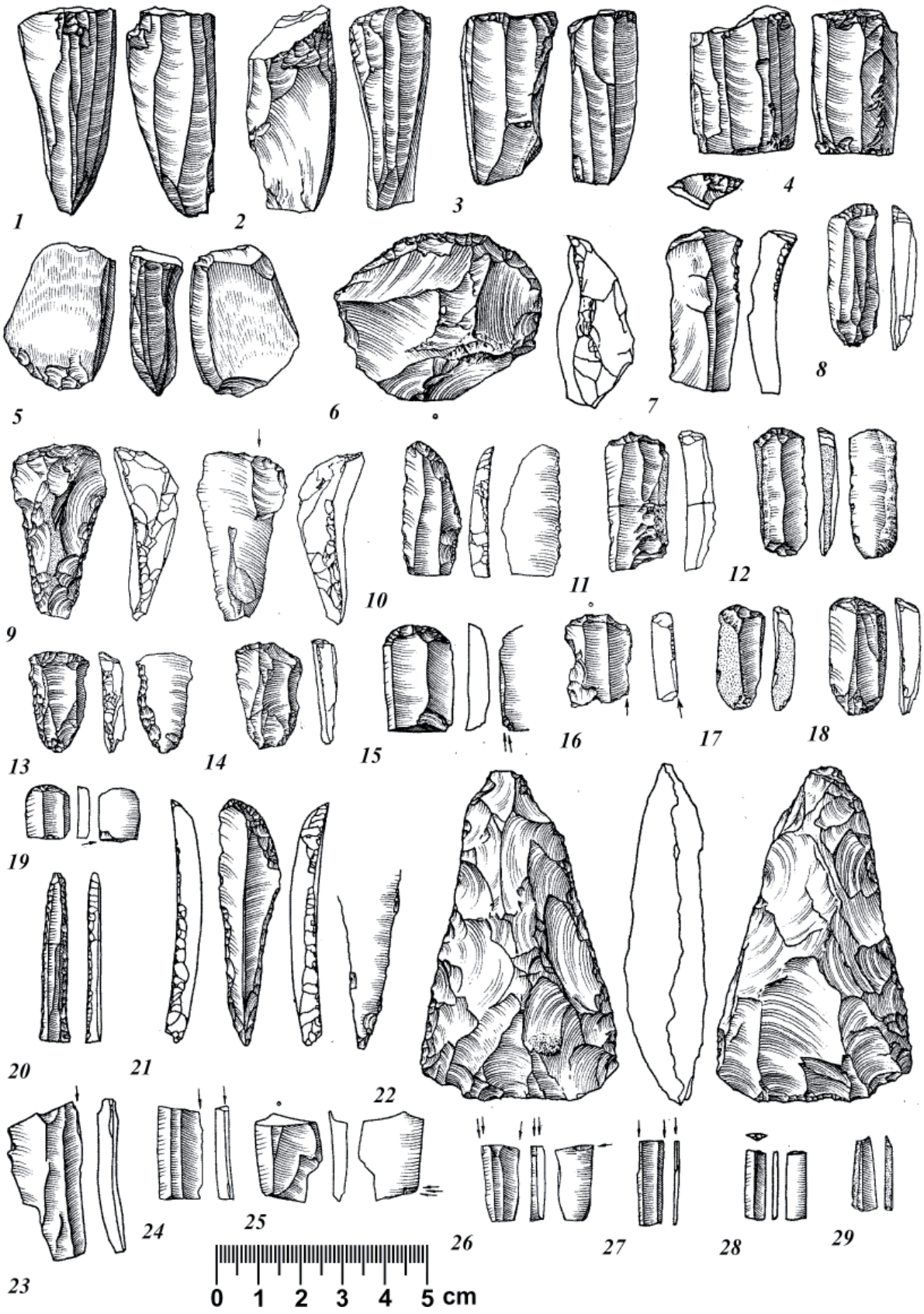

Рис. 3. Стоянка Чекалино II: 1-5 – нуклеусы; 6-19 – скребки; 20 – перфоратор/проколка; 21 – скребок-проколка; 22 – рубящее орудие; 23-27 – резцы; 28-29 – пластины с ретушью и без ретуши

Рис. 4. Стоянка Красный Яр I: 1-7 – нуклеусы; 8 – рубящее орудие; 9-18 – скребки; 19-22 – перфораторы/проколки; 23-32 – резцы; 33-47 – пластины с ретушью и без ретуши

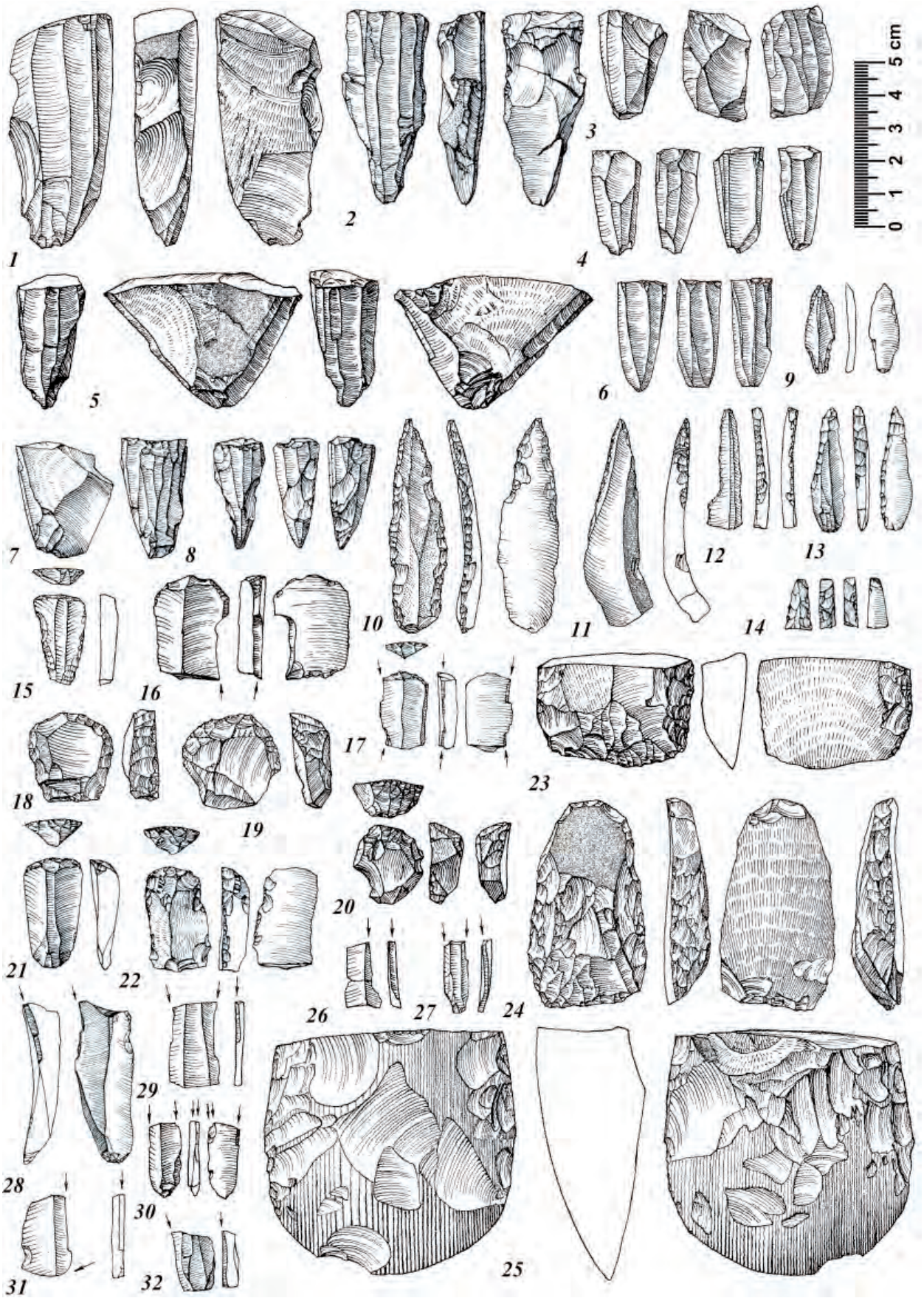

Рис. 5. Стоянка Кочкари I: 1-8 – нуклеусы; 9 – наконечник; 10-14 – перфораторы/проколки; 15 – скребок-проколка; 16-22 – скребки; 23-25 – рубящие орудия; 26-32 – резцы

Выраженных жилищ на мезолитических стоянках региона не обнаружено, однако на ряде памятников выявлены скопления артефактов и очаги (Старо-Токская, Чекалино II, Ховрино), на остальных памятниках находки в культурном слое распределены дисперсно. На стоянках Старо-Токская и Чекалино II обнаружены достаточно крупные очаги (130×120 см и 100×80 см), вокруг которых сконцентрировано основное количество изделий из кремня, при этом на последнем памятнике скопление находок имело диаметр около 7 м (Моргунова, 1983; Королев и др., 1997). Примечательно, что на стоянке Ховрино выявлены близкие по размерам (диаметр – 5 м) скопления микролитического кремня без очагов (Вискалин, 2008). Таким образом, представленные данные позволяют осторожно предположить наличие у мезолитического населения лесостепного Поволжья неуглубленных, легких наземных конструкций типа шалаша, выступавших в качестве жилищ. Еще одним сложным вопросом является определение модели жизнеобеспечения мезолитического населения региона. В комплексах стоянок не выявлено свидетельств широкого развития рыболовства (грузила для сетей, рыболовные крючки и прочее), однако присутствие деревообрабатывающих орудий дает возможность допустить его наличие. При этом на стоянках обнаружены кости лося, медведя, благородного оленя, которые, вероятно, являлись объектами охоты в данную эпоху.

Лесостепное Поволжье, чьими составными частями являются Самарская и Ульяновская области, – уникальная зона контактов древнего населения, как в широтном, так и меридиональном направлении. Данный регион испытал влияние разной степени интенсивности как с севера (Верхнее Поволжье, лесное Среднее Поволжье, Нижнее Прикамье) и юга (Нижнее Поволжье), так и с востока (Южный Урал и Предуралья). Однако ограниченная источниковая база даёт возможность наметить лишь общие черты обозначенного культурного взаимодействия на территории региона.

Севернее расположено Нижнее Прикамье, в котором изучена усть-камская культура, ярким маркером которой является характерный микролитический кремневый инвентарь и специфические трапеции с вогнутыми сторонами (Галимова, 2001). При этом в Самарской области на Чесноковской стоянке, содержащей разновременные комплексы (эпоха камня – бронзовый век), обнаружен геометрический микролит обозначенного типа и небольшая коллекция пластинчатого кремня (Бахарев, Овчинникова, 1991, с. 85). Данный факт позволяет нам осторожно предполагать эпизодическое проникновение усть-камского населения на юг, вплоть до бассейна реки Сок, однако нижнекамская культурная традиция не получила здесь какого-либо существенного развития.

На территории лесного Среднего Поволжья получила развитие выразительная русско-луговская культура. Специфической чертой данного региона является развитая технология изготовления деревообрабатывающих орудий, в том числе шлифованных, которые в относительно большом количестве представлены на опорных памятниках (Никитин, 2018). В этой связи упоминания заслуживают новейшие исследования стоянки Кочкари I, на которой выявлена представительная серия деревообрабатывающих орудий, в том числе пришлифованных, которые находят прямые аналогии в комплексах русско-луговской культуры, что может свидетельствовать о существовании эпизодических контактов между регионами.

На ряде мезолитических памятников лесостепного Поволжья единично или небольшими сериями представлены наконечники постсвидерского типа: Кочкари I, Ховрино, стоянка на горе Маяк. Обозначенный тип наконечников имеет широкое распространение в Верхнем Поволжье, при этом наиболее близкий пункт с наконечниками подобного типа – Яндашевская стоянка (Республика Чувашия) (Ефименко, Третьяков, 1968). Таким образом, мы можем допустить, что в эпоху мезолита между обозначенными регионами существовали определенные связи, которые нашли отражение в представленных наконечниках.

На территориях, расположенных южнее лесостепного Поволжья, – Нижнее Поволжье, Северный Прикаспий – в эпоху мезолита получили распространение культуры с ярко выраженным микропластинчатым инвентарем и разнообразными геометрическими микролитами (Комаров, 2000). Они существенно отличаются от материалов Самарского и Ульяновского Поволжья, в то же время в лесостепном Поволжье выявлен небольшой, но выразительный комплекс инвентаря южного облика – стоянка Нижняя Сызрань (Ластовский, 2000, с. 96). Вероятно, она маркирует эпизодические и ограниченные миграции южного населения, которые не оказали существенного воздействия на культурно-исторические процессы в лесостепном Поволжье.

Расположенная к востоку и юго-востоку от лесостепного Поволжья романовско-ильмурзинская культура Южного Приуралья (Матюшин, 1976) характеризуется развитой пластинчатой индустрией и ограниченным типологическим листом морфологически выраженных орудий. Данная технологическая традиция находит прямые аналогии на ряде памятников нашего региона: Чекалино II, Старо-Токская стоянка и др. Обозначенные обстоятельства могут свидетельствовать о частичном

вхождении лесостепного Поволжья в круг культур пластинчатого технокомплекса и достаточно интенсивных контактах между ними.

Таким образом, лесостепное Поволжье находилось в центре культурно-исторических процессов, протекавших в эпоху мезолита. Сопредельные области оказали влияние различной степени интенсивности на материальную культуру данного региона. Векторы и характер связей имели определенные различия. В частности, лесостепное Поволжье, по всей видимости, входило в круг культур пластинчатого технокомплекса (романовско-ильмурзинская и камская) и имело устойчивые контакты с Приуральем. Определенное влияние рассматриваемый нами регион, судя по данным 14С (Андреев и др., 2020), на закате мезолитической эпохи испытал с территориями Верхнего и лесного Среднего Поволжья. Наконец, в нескольких комплексах региона фиксируются черты нижнекамских и нижневолжских традиций, которые, однако, не получили широкого распространения и, вероятно, маркируют эпизодические проникновения групп населения.

Согласно значительной серии радиоуглеродных дат, первые неолитические коллективы – носители елшанской керамической традиции (Васильев, Выборнов, 1988; Мамонов, 1999; 2000; Выборнов, 2008; Андреев, Выборнов, 2017) появляются в лесостепном Поволжье в первой половине VII тыс. до н. э. (табл. 1). По материалам стоянок Большая Раковка II, Чекалино IV и Ивановка получена серия дат, укладывающаяся в хронологический диапазон 8000–7500 лет ВР (Андреев и др., 2012; Выборнов и др., 2018; Андреев, Выборнов, 2017). Наиболее вероятным источником распространения керамического производства в регионе, по нашему мнению, является территория Средней Азии – кельтеминарская культура (Андреев, Выборнов, 2017, с. 100–125).

Кремневая индустрия ранненеолитического населения характеризуется следующими признаками. Использовался преимущественно кремень различных сортов красных, желтых, коричневых и др. оттенков, плохого качества. На большинстве ранних стоянок пластины составляют около 7% от общего количества кремневого инвентаря. Процент орудий, изготовленных на пластинах, по сравнению с орудиями, изготовленными на отщепах и сколах, колеблется в пределах 10%. Среди нуклеусов преобладают аморфные и торцевые типы. Большинство скребков, проколок, ножей и резцов изготовлено на отщеповых заготовках (Андреев, 2015; Андреев, Выборнов, 2017, с. 58–72).

Таким образом, кремневая индустрия елшанского и мезолитического населения имеет ряд принципиальных отличий, начиная от показателей пластинчатости индустрий и процента орудий, изготовленных на пластинах, характера кремневого сырья и заканчивая типами нуклеусов и морфологически выраженных орудий. Представленные краткие замечания, свидетельствуют о незначительности или полном отсутствии контактов между пришлым (елшанским) и аборигенным (мезолитическим) населением в первой половине VII тыс. до н. э., когда, судя по радиоуглеродным датам, позднемезолитическое и ранненеолитическое население в регионе сосуществовали. В дальнейшем, к середине VII тыс. до н. э., в Самарском и Ульяновском Поволжье прекращается бытование мезолитического населения и происходит окончательный переход к новой эпохе – неолиту.

Таблица. 1. Радиоуглеродные даты мезолитических стоянок Самарского и Ульяновского Поволжья

№	Site	Lab index	BP	calBC	Dated material
Ранний мезолит					
1	Старый Ток	Hela – 4487	9243±33	1σ 8550-8420 2σ 8570-8320	Кость (фрагмент ножа)
2	Старый Ток	$IGAN_{AMS}$ – 7605	9105±25	1σ 8305-8280 2σ 8340-8260	Кость (фрагмент долота)
Поздний мезолит					
3	Кочкари I	SPb – 2844	8122±100	1σ 7323-7028 2σ 7377-6768	Почва
4	Кочкари I	SPb – 3332	7766±150	1σ 6820-6440 2σ 7100-6350	Почва
5	Кочкари I	SPb – 2705	7632±100	1σ 6593-6418 2σ 6658-6328	Кость (лось или олень)
6	Кочкари I	SPb – 2606	7500±80	1σ 6438-6343 2σ 6499-6216	Почва

МЕЗОЛИТ

№	Site	Lab index	BP	calBC	Dated material
7	Кочкари I	SPb – 2607	7277±100	1σ 6234-6047 2σ 6379-5988	Почва
Ранний неолит					
8	Чекалино IV	Le – 4782	8000±120	1σ 7070-6740 2σ 7300-6600	Раковины моллюсков
9	Чекалино IV	GIN – 7086	7950±130	1σ 7040-6690 2σ 7250-6450	Раковины моллюсков
10	Чекалино IV	SPb – 424	7660±200	1σ 6700-6240 2σ 7050-6050	Керамика
11	Ивановка	Le – 2343	8020±90	1σ 7070-6770 2σ 7200-6650	Кость
12	Ивановка	Ki – 14568	7930±90	1σ 6860-6680 2σ 7060-6600	Керамика
13	Ивановка	Ki – 14631	7780±90	1σ 6690-6470 2σ 7050-6400	Керамика
14	Ивановка	Ki – 14567	7680±90	1σ 6600-6440 2σ 6700-6370	Керамика
15	Ивановка	SPb – 587	7560±70	1σ 6480-6270 2σ 6570-6240	Керамика
16	Большая Раковка II	SPb – 426	7790±200	1σ 7050-6450 2σ 7200-6200	Керамика
17	Большая Раковка II	SPb – 1733	7613±120	1σ 6610-6370 2σ 6750-6200	Керамика

ГЛАВА 5
МЕЗОЛИТ КАМСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Первые мезолитические стоянки в бассейне р. Вятки были обнаружены и исследованы в 60-х годах XX в. И.И. Стефановой (Стефанова, 1966). Ряд из них находился у выходов сырья в среднем течении реки, на правобережье у д. Чирки Слободского района Кировской области (Стефанова, 1968). Две стоянки с остатками жилых сооружений были изучены в начале 70-х годов XX в. С.В. Ошибкиной на притоке Вятки – р. Быстрице (Ошибкина, 1984). Начиная с 1973 года исследования мезолитических памятников в Камско-Вятском междуречье проводились Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского университета (Гусенцова, 1993). Большинство из стоянок найдено на левобережных притоках среднего течения реки Вятки – Вале, Лобани, Уве, Нылге, Идыке, а также на р. Вое (рис. 1). Наиболее интересные материалы были получены на однослойных стоянках: Баринка I, II, Тархан II, Стёпинцы II, Кичаны, Кипеневщинская и др. (Гусенцова, Голдина, 1977; Гусенцова, 1993, с. 9). В 80–90 гг. XX в. открыты памятники на притоках правобережья Вятки – Пижме, Ярани, Байсе, Моломе, Юме, Немде. Среди них широко раскопанные Худяковское поселение, Криушинская и Кошкинская стоянки (рис. 1). На юге Кировской области найдено несколько, возможно, мезолитических стоянок в верховьях р. Большой Кокшаги, притока Волги.

Основная масса памятников расположена на первой надпойменной террасе высотой 3–7 м притоков Вятки. Террасы рек часто перевеяны в дюны, образующие останцы высотой 1,5–3 м. Широкие речные долины прослеживаются у Вятки и ее крупных притоков – Кильмези, Чепцы, Быстрицы, Моломы, Пижмы и др. Пойма почти всегда прослеживается вдоль левого берега, но отдельные ее участки идут и на правом берегу речных долин. Низкая пойма развита фрагментарно, высота ее колеблется в пределах 1,5–3,0 м. Высокая пойма имеет на Вятке высоту 6–7 м, а в бассейне р. Валы (левый приток) – 3,5–5 м. В пойме часто наблюдаются прирусловые валы (гривы) и староречья, на которых также исследованы памятники эпохи камня. Несколько небольших стоянок и местонахождений открыты на коренных берегах притоков Вятки высотой 13–16 м.

Некоторое представление о палеогеографии бассейна Вятки в раннем голоцене дают данные спорово-пыльцевого анализа отложений мезолитической стоянки Студенцы II (исследования С.В. Ошибкиной), содержащей два культурных слоя. По данным анализа колонки нижнего культурного слоя, здесь абсолютно преобладали лесные ассоциации, состоявшие преимущественно из сосны и березы, отсутствует ель, в небольшом количестве появляется пыльца широколиственных. В верхнем слое обнаружена пыльца древесных, кустарниковых, травянистых растений. Вероятно, ландшафт был лесостепной, лесные массивы – сосново-березовые с примесью ели, присутствовали и широколиственные породы. С.В. Ошибкина относит время существования стоянки ко второй половине бореала – первой половине атлантического периода (Ошибкина, 1984, с. 17). В современных условиях остатки широколиственных лесов в виде плакорных дубрав сохранились в бассейне р. Кильмези (левого притока Вятки). Сосновые леса встречаются довольно часто и образуют обширные массивы как на Вятке, так и на ее притоках. Они расположены на древнеаллювиальных песках, образующих материковые дюны, или песчаных террасах вдоль речных долин.

На преимущественно лесной и лесостепной ландшафт указывают фаунистические остатки. В нижнем культурном слое стоянки Студенцы II была найдена кость, возможно, принадлежавшая древнему быку (Ошибкина, 1984, с. 11, 20). Для левобережного мезолитического поселения Баринка I определены кости лося, северного оленя, кабана, бобра и косули. Близкая фауна зафиксирована на правобережной Кошкинской стоянке, где найдены кости северного оленя, лося и косули.

Памятники обычно занимали площадь от 140–400 до 600–1000 кв. м. Многие из них были исследованы большими площадями, что позволяет реконструировать их общую планировку. Различается два типа памятников – стоянки без земляных структур со слабо насыщенным культурным слоем, в котором находки встречаются в виде отдельных скоплений или рассеяны по всей территории, и памятники с остатками одного-двух, а на правобережье – до одиннадцати жилищ

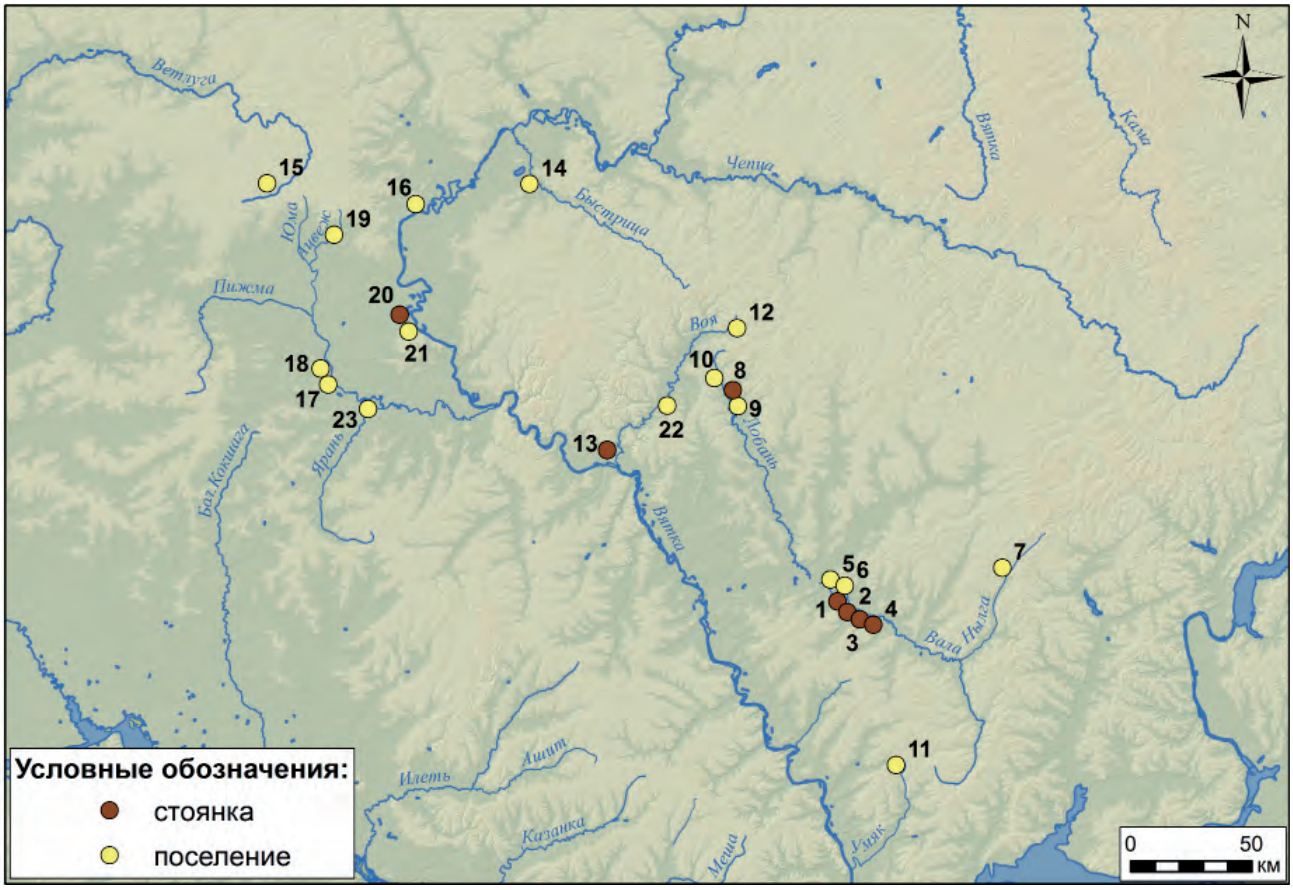

Рис. 1. Карта мезолитических памятников Камско-Вятского междуречья:
А – стоянки; Б – поселения:
1, 2 – Баринка I, II; 3 – Тархан II; 4 – Тархан IV; 5 – Муки-Какси I; 6 – Муки-Какси II; 7 – Кыйлуд IV; 8 – Стёпинцы II; 9 – Кичаны; 10 – Хорошевская; 11 – Нынек; 12 –Архангельская III; 13 – Ботыли III; 14 – Меренская; 15 – Четверяковщинская; 16 –Кипенёвщинская; 17 – Мари-Кугалки II; 18 – Мари-Кугалки III; 19 – Щенники; 20 –Криушинская; 21 – Кошкинская; 22 – Городищенская; 23 – Худяковское

или ям различного назначения. Всего изучено более 20 жилищ, открытых на 10 памятниках. Они представлены несколькими типами конструкций. На стоянке Стёпинцы II (левобережье, р. Лобань) и Худяковском поселении (правобережье, р. Пижма) изучены два слабо углубленных жилища вытянутых пропорций. Размер первого жилища составляет 21×8 м, глубина – 0,18–0,20 м, по центральной оси расположены три очажных ямы диаметром 1,0–1,7 м. Вдоль северной стенки прослежено два широких выступа, один из которых мог служить выходом. На расстоянии 1,3–1,5 м от стенок находились два ряда многочисленных столбовых ямок (около 50 штук). Возле жилища находилось несколько ям, содержащих значительное количество отщепов, осколков кремня и чешуек, свидетельствующих об изготовлении орудий.

На Худяковском поселении исследован котлован жилища прямоугольной формы размером 5,3×11 м, глубиной 0,3 м (Макаров, 1978; Голдина, 1979; 1980). В восточной стенке находился выступ-выход размером 2,24×3,06 м. На дне котлована было три ямы, одна из которых – диаметром 1,40 м и мощностью 0,2 м, очевидно, очажная. В 20 м от жилища найден десяток ям площадью от 4 до 9 кв. м, глубиной 0,7–1,20 м, с находками изделий из камня. Не исключено, что часть из этих ям также служила небольшими жилищами. В коллекциях обоих памятников присутствуют единичные кремневые наконечники на пластинах с черешком, а на Худяковском поселении найдены три симметричные кремневые трапеции (рис. 4: 20).

Другая группа мезолитических жилищ (в левобережье – Баринка I–II, Тархан IV, Кыйлуд IV, Моторки II, Ботыли III; в правобережье – Криушинская) представлена квадратными однокамерными сооружениями размером 4,3×6,3; 5×5; 6×6; 7×4,5 м и глубиной от 0,25–0,38 до 0,50–0,7 м. Общая площадь жилищ варьирует от 25 до 40 кв. м. Однако полезная площадь пола обычно меньше (20–34 кв. м) за счет устройства очажных и хозяйственных ям. Выходы-выступы направлены преимущественно в сторону реки, в то время как сами жилища размещались вдоль края террасы водоема.

Ширина выходов находится в пределах 1,00–1,30 м, длина – от 0,85 до 2,00 м. В отдельных случаях можно предположить существование специальных «тамбуров», примыкающих к жилищу. В таких случаях возле выхода с наружной стороны всегда имеются столбовые ямки.

В зависимости от величины котлована сооружалось разное количество неукрепленных очажных ям с пятнами прокала, насыщенными углистыми включениями и иногда содержащих обожженные кремневые изделия. На ряде памятников (Баринка I, Тархан IV) очажные ямы были заполнены мощными линзами костного угля. В жилищах могли быть одна или несколько крупных ям (диаметром 0,95–1,00 и 1,85–2,40 м) или 2–3 более мелких ямы (диаметром 0,6–0,8 м). В ряде случаев прослеживается перенос ямы на другой участок пола. Очажные ямы располагались обычно ближе к центру, выходу или у одной из стен котлована. Не укреплялись и хозяйственные ямы различных размеров, вырытые в полу вдоль стен или в углах. Функциональное назначение отдельных участков внутреннего пространства реконструировать сложно. Можно лишь отметить скопление продуктов расщепления и обработки кремня (рабочее место мастера?), находившееся у очага в жилище I поселения Баринка I. В жилище II того же поселения наблюдалось разделение его на две половины: южную, где находились очажные и хозяйственные ямы, и северную – более свободную, возможно, спальную часть.

В большинстве жилищ прослеживаются остатки столбовых конструкций, размещенных вдоль стен или образующих прямоугольник в его центре. Перекрытие сооружений могло быть двускатным или шатровым, что находит подтверждение в этнографических материалах Севера и Западной Сибири (Попов, 1961; Соколова, 1957).

Находки концентрируются преимущественно в пределах котлованов. Количество каменного инвентаря в них варьирует от 10 до 100–1400 экз. Обычно возле одного или двух жилищ находились немногочисленные ямы и небольшое количество находок. В ряде случаев в межжилищном пространстве какие-либо объекты отсутствовали. Исключение составляет Криушинская стоянка, где вокруг жилищ располагались крупные ямы различной ориентации площадью 6–8 кв. м с углистыми пятнами, зольниками и линзами прокаленного песка. Очевидно, часть из них также могла служить жилищами.

Помимо памятников с жилищами существовали крупные стоянки (Кипиневщинская, Кичаны, Мари-Кугалки II и др.), где имелись, вероятно, наземные сооружения, места которых обозначены очажными ямами и значительным скоплением каменного инвентаря. На редких стоянках, располагавшихся на высоких террасах, открыты отдельные ямы, а среди каменных орудий численное преимущество имели вкладыши и скребки, характеризующие памятники как кратковременные охотничьи лагеря.

Примером многократного заселения памятника может служить Кошкинская стоянка, расположенная на правобережье Вятки (Гусенцова, 2002). Она занимает возвышение в пойме р. Вятки, на мысу высотой 3–5 м. Стоянка удалена от современного русла Вятки на 0,5 км. Большая часть мыса была занята мезолитической стоянкой. Кроме того, культурные остатки эпохи мезолита в виде отдельных ям обнаружены в 60 м от мыса на террасе р. Масловки. На стоянке изучено 11 жилищ и 4 сооружения, которые, возможно, были жилищами, а также более 20 ям различного назначения, расположенных в межжилищном пространстве (рис. 2). Все крупные объекты размещались по периметру мыса. Они имеют различную ориентацию, позволяющую объединить их в три условные группы. К первой относятся два сооружения и «жилая площадка», которые примыкали к краю террасы и были ориентированы в направлении север – юг с небольшим отклонением к западу. Вторая группа представляла собой семь сооружений, сосредоточенных в юго-западной части мыса, она выделяется особенно отчетливо. К ней относятся объекты, ориентированные на СВВ – ЮЗЗ. Выходы из них направлены преимущественно в сторону речки. Сооружения образуют плотный ряд, разделенный промежутками 0,8 – 1,2–2,0 м. Очертания их четко фиксировались по темному «сажистому» слою с включением мелких кальцинированных косточек (рис. 3). Северо-западные границы пяти из них размещены на одной линии. Практически нет нарушений границ котлованов. Третья группа состояла из пяти сооружений, ориентированных на С–Ю, она была расположена в северо-восточной части мыса.

В устройстве мезолитических жилищ памятника присутствуют единые конструктивные элементы. Заполнение котлованов – темная гумусированная супесь, насыщенная кальцинированными косточками и находками кремневого инвентаря. Форма котлованов – четырехугольная, реже округлая, площадью не более 6–9 кв. м (2,80×2,20; 3,20×2,60; 3,60×3,20 м и т. д.). Стенки котлованов оплыли и заметно сужаются ко дну. Глубина в подстилающем песке достигает 0,5–1,0 м. Часто в северо-западной или юго-восточной стенках устроен короткий выступ-выход, придающий сооружению вид «сапожка». Очажные ямы диаметром 0,80–1,20 м содержали мощные линзы прокаленного песка, они расположены в центре или

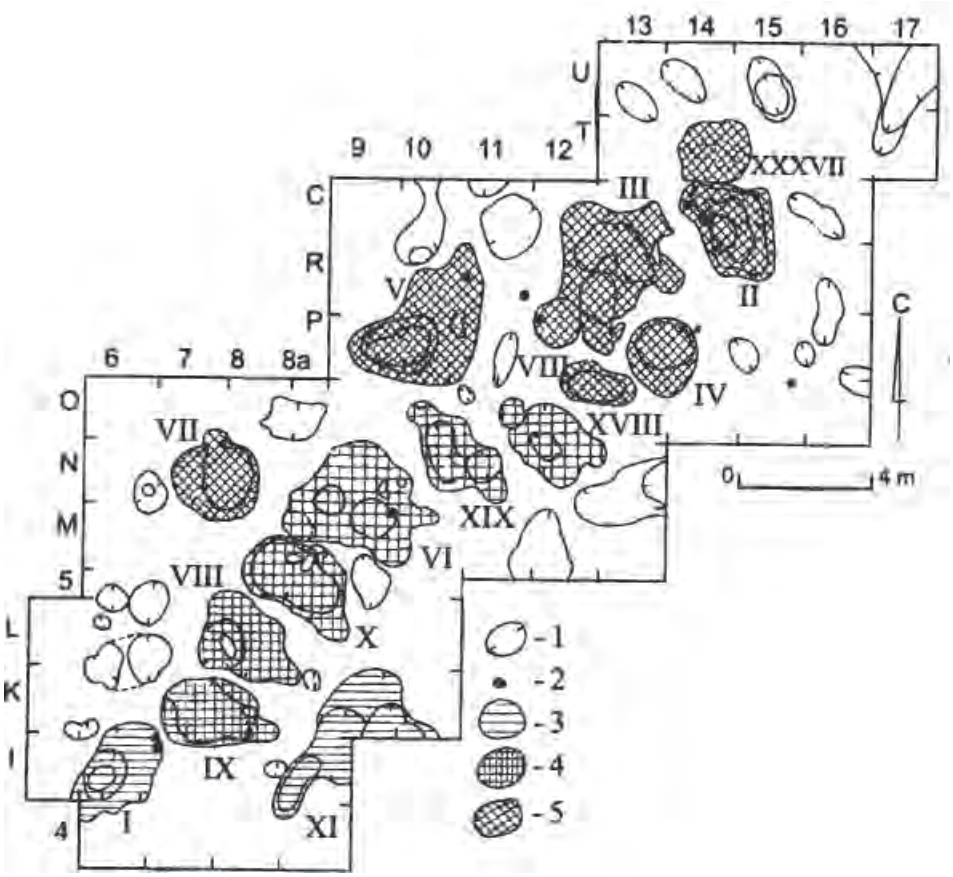

Рис. 2. Кошкинская стоянка. План жилищ:
1– ямы с артефактами; 2 – столбовые ямки; 3 – сооружения группы 1; 4 – сооружения группы 2; 5 – сооружения группы 3

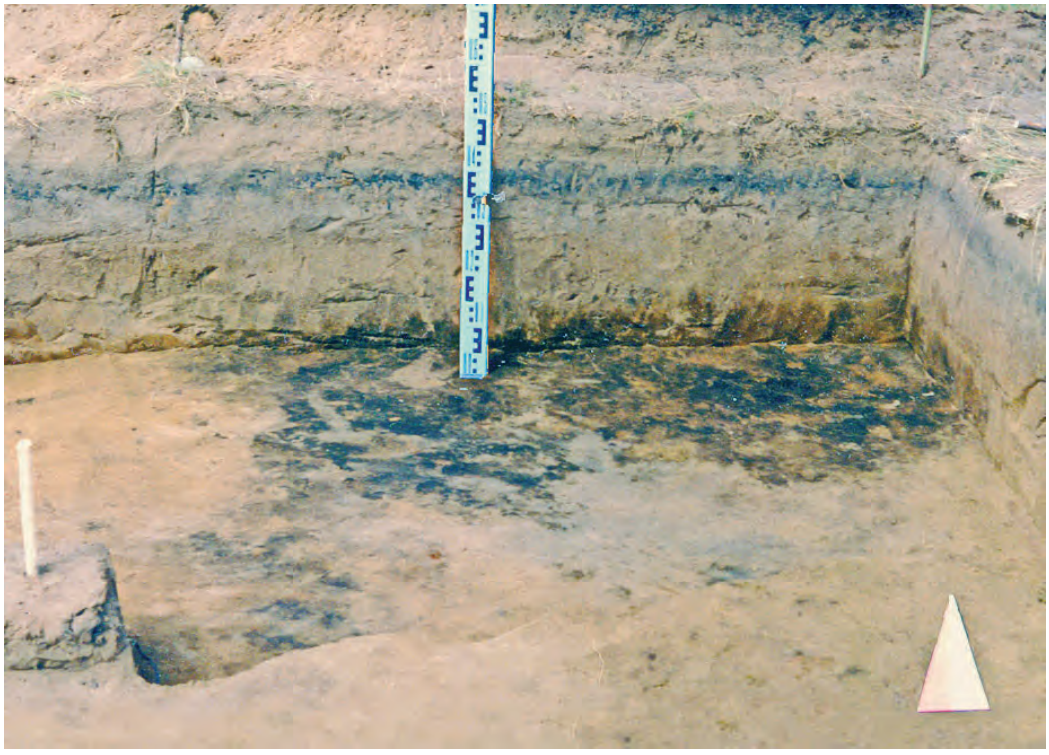

Рис. 3. Кошкинская стоянка. Фрагмент мезолитического сооружения

напротив коротких выступов-выходов. Рядом с ямами нередки пятна зольников. Особенностью конструкции жилищ является наличие ниш или крупных ям, примыкающих снаружи к одной из стенок. Единичные столбовые ямки отмечены по краям котлованов и у выходов. Котлованы сооружений наполнены находками в количестве от 200 до 450 экз. Крупные сооружения окружены множеством ям, иногда с кострищами и редкими столбовыми ямками, в их заполнении найдены кремнёвые изделия и кальцинированные косточки. Плотное расположение сооружений указывает на неоднократное использование стоянки, возможно, в качестве базового лагеря.

Каменный инвентарь. Для изготовления орудий население использовало местное сырье. В составе сырья преобладает серый кремень с различными оттенками: светлый, кремовый, зеленый, полупрозрачный. Заметна группа орудий из стоянок на правобережье Вятки, изготовленных из красно-коричневого и черного кремня. Из других пород использовались опока и глинистый сланец, а также песчаник. Вблизи Чирковской стоянки (правобережье) В.А. Верещагиным были обнаружены конкреции кремней темно-бурого цвета размером до 3×12 см, залегавшие в обнажениях известняка уступа первой надпойменной террасы Вятки высотой 1,5–2 м. В осыпи обнажения зафиксированы фарфоровые опалы белой и темной окраски (в поперечнике до 12 см). Кремнёвые конкреции в известняках выявлены им в обвалах у крутого обрыва в долину ниже по течению Вятки у с. Лебяжье. Выполненный петрографический анализ установил сходство собранного кремня с сырьём изделий мезолитических и неолитических памятников Камско-Вятского междуречья (Гусенцова, 1993, с. 59, 60). Крупный обломочный материал на памятниках присутствует редко. Первичная обработка сырья для получения нуклеусов прослежена на стоянке Архангельская III (р. Воя); там же среди орудий обнаружены трапеции с вогнутыми сторонами. В осыпях террас рек – притоков Вятки встречается мелкая галька, использовавшаяся для оформления нуклеусов (Кичаны, Баринка II, Кыйлуд IV, Кошкинская и др.). Более крупные гальки применялись в качестве отбойников.

Нуклеусы, как правило, предельно сработаны – они одноплощадочные, чаще конической, карандашевидной или призматической формы (рис. 4: 1–2). Диаметр площадок составляет 1,5 см, реже 3 см, высота – 2,5–3,5 либо 4–5 см. Встречаются торцевые нуклеусы, изготовленные на тонких плитках кремня (0,8–1,0 см) с ретушированной площадкой и специально подработанным ребром, высота их – не более 2–3,2 см (рис. 4: 3; 6: 34). Судя по отдельным краевым сколам, были и более высокие экземпляры (до 5–7 см). Количество осколков, отщепов, чешуек на большинстве памятников варьирует от 31–39% до 52–74%.

Внутри региона памятники отличаются набором орудий и характером их вторичной обработки, что, возможно, было вызвано как хронологическими, так и некоторыми культурными отличиями. На левобережье для группы памятников (Кичаны, Баринка II, Тархан II и др.) каменная индустрия отличается высоким индексом пластинчатости орудий (83–95%). Преобладают пластинки и вкладыши без вторичной обработки, а также микропластины (рис. 4: 4–9). Число ретушированных орудий относительно невелико (12–28%), широко распространена техника резцового скола (12–23%) (рис. 4: 5–18). Немногочисленны другие категории орудий: боковые резцы, проколки, скошенные острия, пластинки с ретушью на конце, скобели, трапеции с прямыми и вогнутыми сторонами, концевые скребки (рис. 4: 19, 21–31). Для стоянки Баринка II, где исследованы два жилища, получена дата 8265±130/7585–7029 cal BC (с вероятностью 2 σ (95%) (Le-1288)) (Гусенцова, 1981, с. 135).

В коллекциях других левобережных памятников (Баринка I, Тархан IV, Стёпинцы II, Кыйлуд IV, Нынек и др.) при сохранении высокого уровня изделий на пластинах увеличивается число ретушированных орудий, в том числе крупных пластин (30,5–59,7%). Сокращается применение техники резцового скола (4,5–8%), повышается количество и разнообразие типов скребков (6,6–27,4%). Несколько возрастает количество проколок и сверл, встречаются рубящие орудия из мягких пород камня и гальки (рис. 5). Стоянка Баринка I имеет дату 7435±170BP/6631–5944 cal BC (с вероятностью 2 σ (95%) (Le-1264)) (Гусенцова, 1981, с. 144).

Несколько отличается индустрия памятников правобережья р. Вятки (Мари-Кугалки II, III, Худяковское, Криушинская, Кошкинская). Пластины и изделия из них насчитывают от 78 до 84,5% от общего числа орудий. Преобладают микропластинки, пластинки и сечения без ретуши шириной 0,3–1,0 см (80–84%). Коллекция Кошкинской стоянки содержит около 12 000 тыс. изделий из камня, четверть из которых являются орудиями. Доля ретушированных пластинок и сечений-вкладышей составляет около 22%. Скребки насчитывают вторую по количеству группу орудий. Скребки с концевой формой лезвия изготовлены на плоских отщепах, продольных нуклевидных сколах, редко – на пластинах; встречаются угловые скребки. На всех памятниках имеется выразительная группа округлых скребков на высоких отщепах и "площадках" с нуклеусов. Количественно скребки преобладают над резцами. Резцовые сколы наносили на углу се-

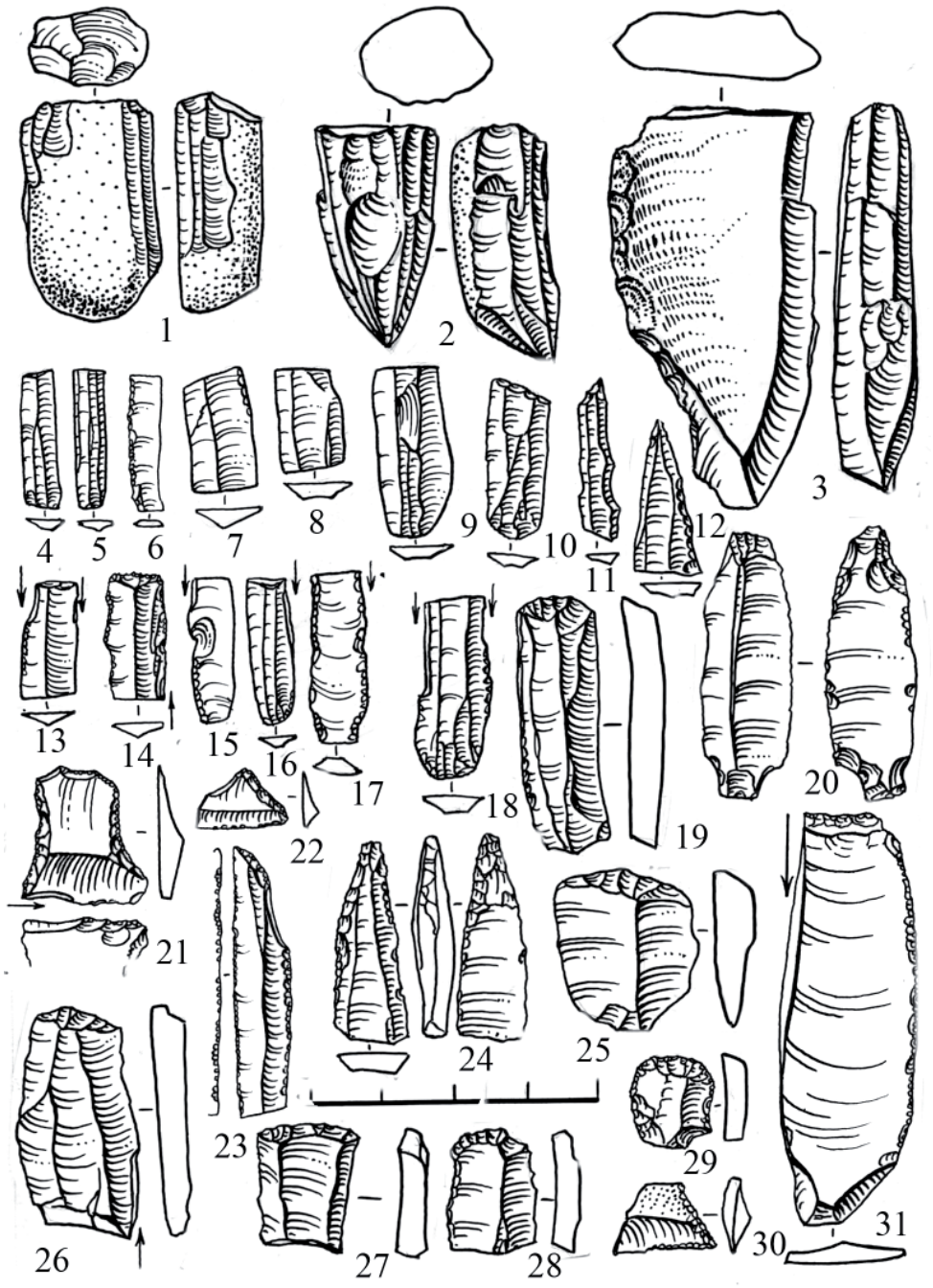

Рис. 4. Каменный инвентарь:
1, 5-9, 13-18 – Баринка II; 2, 3 – Хороши; 10-12, 19-20, 24-26, 27-30 – Стёпинцы II; 21-23, 31 – Тархан II

чения или пластинки. Немногочисленны проколки с симметричным лезвием и сверла с круговым четко выраженным рабочим концом, а также пластинки со скошенным краем (рис. 6: 1–23, 25–30). На Кошкинской стоянке небольшую серию составляют ножи на отщепах треугольной формы с выделенной рукоятью (рис. 6: 32, 33), а также ножи на массивных пластинах с узким, слегка загнутым лезвием. Имеются орудия для работы по дереву – топоры из опоки или глинистого сланца с пришлифованным рабочим краем и долото (?) из расколотой гальки. Найден фигурный кремень, вероятно, изображающий фигурку животного (?) (рис. 6: 24), а также заготовка подвески из резца северного оленя (рис. 6: 31) и галька со следами рисунка, нанесенного охрой.

Радиоуглеродная дата Кошкинской стоянки – 8350±100 BP/7590–7170 cal BC (с вероятностью 2 σ (95%) (Le-6629)), она близка дате левобережной стоянки Баринка II.

По имеющимся в настоящее время данным, время существования мезолитических памятников укладывается в рамки середины VIII – VII тыс. до

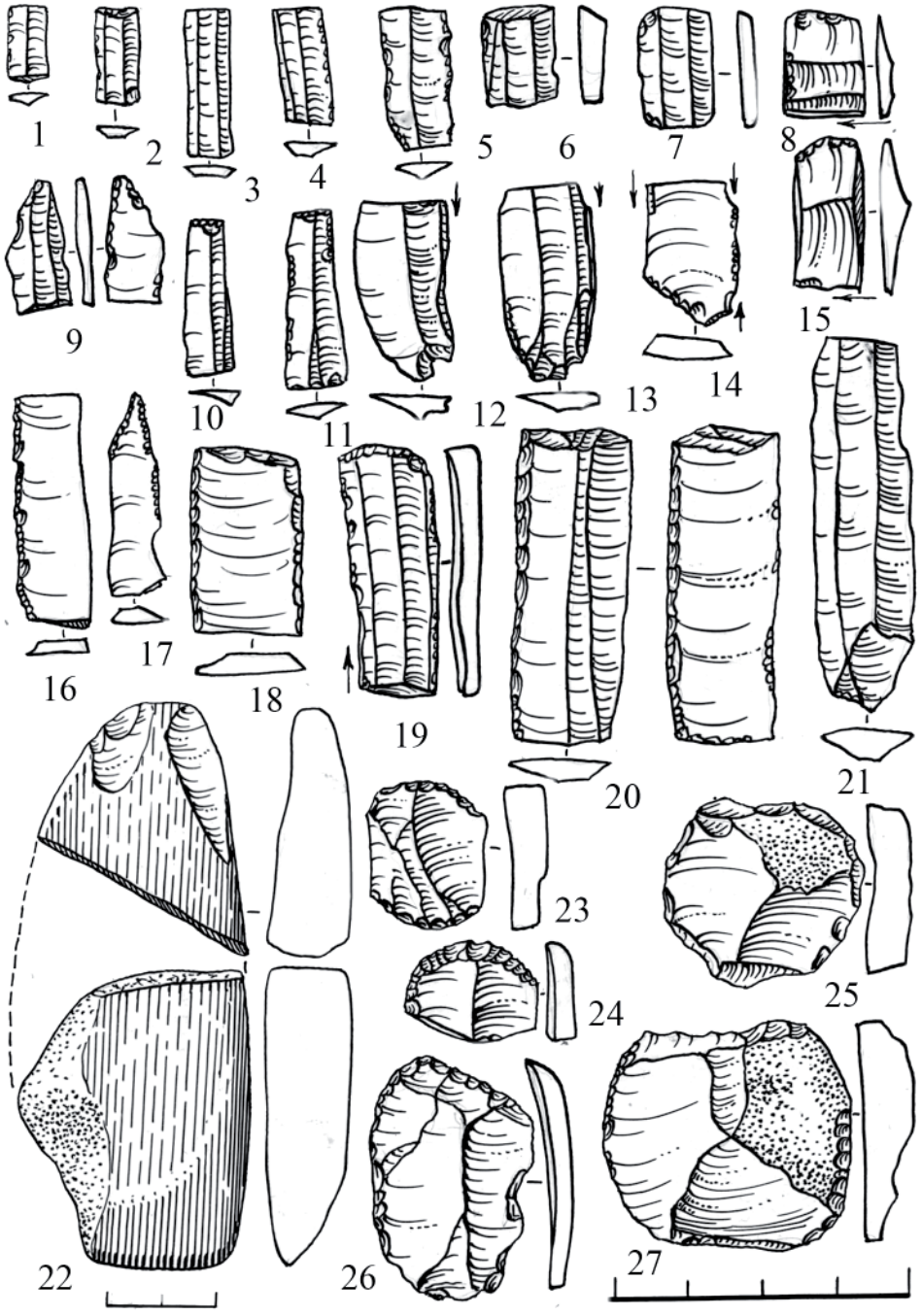

Рис. 5. Каменный инвентарь стоянки Баринка I

н. э. Нижняя граница ограничена датами раннеголитических комплексов региона – VI тыс. до н. э. (Кошкинская, Кыйлуд II и др.) (Гусенцова, 2000).

Каменная индустрия памятников региона имеет свои специфические особенности, свидетельствующие о наличии устойчивых технологических традиций изготовления инвентаря и прежде всего использовании в качестве метательного оружия и других орудий прямоугольных сечений-вкладышей, немногочисленных трапеций с вогнутыми сторонами и единичных наконечников стрел на пластинах с черешком. По многим показателям она близка инвентарю мезолитических памятников Прикамья (Огурдино, Нижнеадищевская). Но в большей степени тяготеет к материалам памятников бассейна Нижней Камы (Икско-Бельского междуречья) и Марийского Поволжья (Косменко, 1971; 1978; Никитин, 1996).

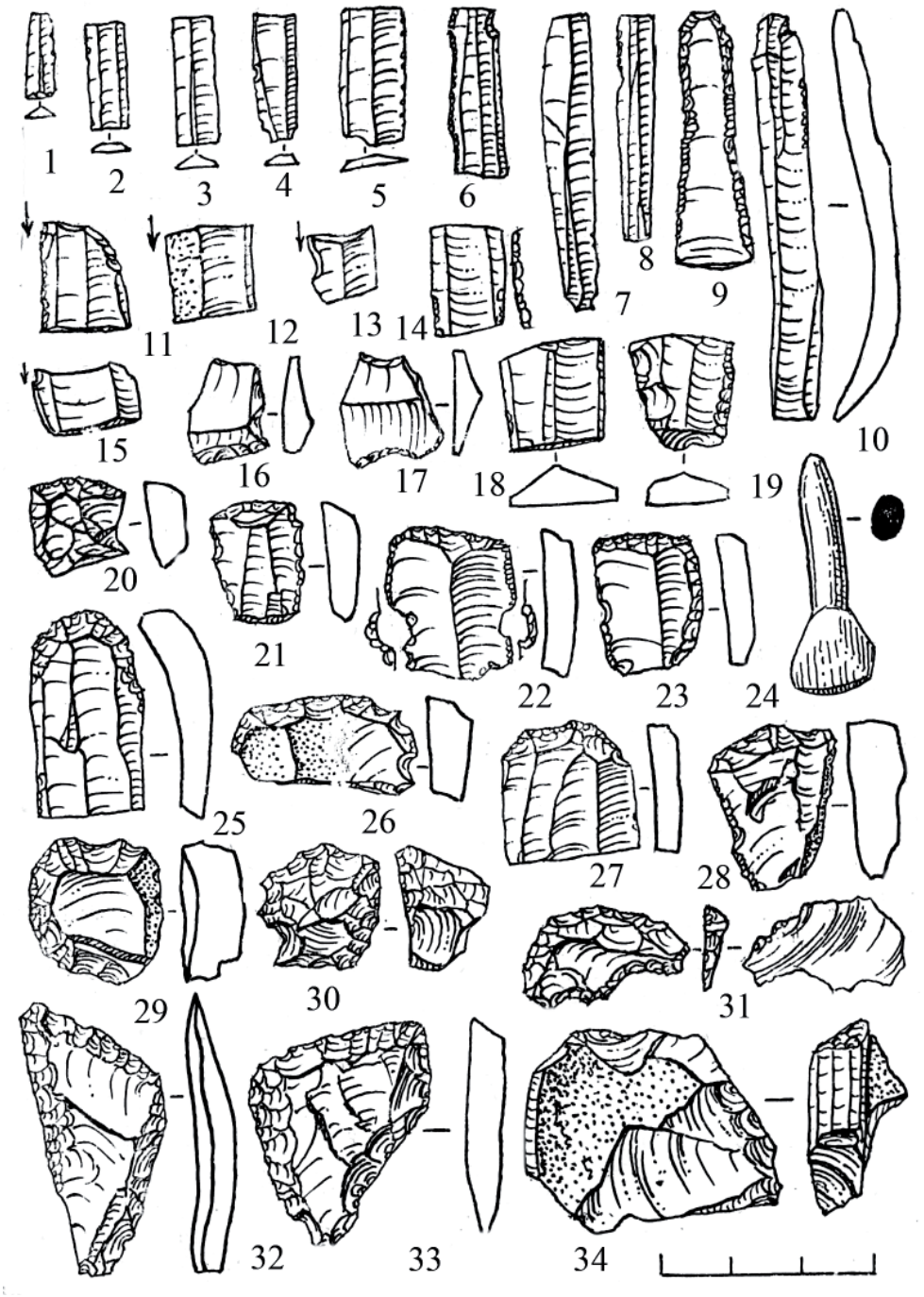

Рис. 6. Инвентарь Кошкинской стоянки:
1-23, 25-30, 32-34 – каменный инвентарь; 24 – заготовка подвески из резца северного оленя;
31 – фигурка из кремня

ГЛАВА 6
МЕЗОЛИТ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

В Прикамье первым открытым памятником эпохи мезолита стало поселение Гремячий Ручей, изученное в 1935 г. Н.В. Прокошевым (Прокошев, 1936, с. 255, 260–264). Ранний кремневый пластинчатый комплекс поселения, близкий к материалам поселения Огурдино, содержал боковые ретушные, срединные и угловые резцы, пластины с усечением ретушью (рис. 2: 14–20). К сожалению, этот источник не привлёк внимание последующих исследователей мезолита.

Заслуга выявления первых мезолитических комплексов в обширных районах бассейна р. Камы принадлежит О.Н. Бадеру и его ученикам, которым в конце 40–50-х гг. XX вв. удалось изучить стоянки с микролитическим кремневым инвентарём: Нижнее Адищево, Кама-Жуланово, Огурдино, Ольховско-Первомайская (рис. 1). С накоплением источников по камскому мезолиту О.Н. Бадеру удалось определить характерные черты раннеголоценовых микролитических памятников Прикамья, наметить периодизацию и проблему их генезиса.

Микролитический характер камского мезолита, по О.Н. Бадеру, не имел местных корней и объяснялся сдвигом в Приуралье древнего населения из Прикаспия, Причерноморья и Нижнего Поволжья. Хронологические рамки существования памятников эпохи мезолита в регионе исследователь определял в пределах VII–IV тыс. до н. э, выделив ранний огурдинский (VII–VI вв.) и более поздний нижнеадищевский (V–IV вв.) этапы. О.Н. Бадер выдвинул гипотезу о доогурдинском периоде, представленном автохтонной мезолитической культурой с макролитическим инвентарём, выросшей на местной позднепалеолитической основе (Бадер, 1966). Учёный, опираясь на материалы стоянок Барская Пристань и Заозерье на р. Каме, пытался решить проблему финала мезолитических древностей и генезиса неолита в Прикамье (Бадер, 1963, с. 20). В своих последних трудах исследователь отказался от гипотезы о макролитическом характере каменного инвентаря времени перехода от палеолита к мезолиту на Урале, предполагая автохтонную трансформацию материальной культуры позднепалеолитического населения в мезолитическую, что, по его мнению, иллюстрировали материалы позднеледниковых стоянок типа грот Столбовой, Черноозерье II и особенно Шикаевки, где были обнаружены кремневые трапеции (Бадер, 1981, с. 46, 47).

В целом труды О.Н. Бадера до сих пор являются фундаментальными при изучении камского мезолита. Так, гипотетический «доогурдинский» этап выразился в материалах финального палеолита Пермского Приуралья типа стоянки Горная Талица. При серьёзной корректировке дат мезолитических памятников в сторону удревнения остаётся неоспоримым вывод исследователя о выделении огурдинского и нижнеадищевского этапов в мезолите Верхнего и Среднего Прикамья. Новейшие исследования подтверждают положение О.Н. Бадера о наличии в Среднем Приуралье позднейшего мезолитического пласта типа стоянки Заозерье, материальная культура которого демонстрирует преемственность с каменной индустрией ранних памятников камского неолита.

В Верхнем и Среднем Прикамье к настоящему времени известно до 50 памятников мезолита, относящихся к различным хронологическим стадиям (рис. 1). Большинство их приурочено к краям высоких первых (10–15 м) и вторых (15–22 м) надпойменных песчаных террас, нередко к выходам гравийных аллювиальных месторождений с высококачественным каменным сырьём. Выявлены памятники (Новожилово, Монино, Кукуштан), приуроченные к высоким (190–200 м над уровнем моря) участкам водораздельных плато, расположенные близ верховых болот (остатки позднеплейстоценовых озёр) и выходов грунтовых вод. Отмечены памятники позднего мезолита в пойменном массиве (Усть-Половинная) или на низкой песчаной дюне, примыкающей к торфянику (Шабуничи).

Залегание следов деятельности мезолитического населения в песчаных отложениях отмечается на глубине от 10 до 25 см от поверхности под слоем подзола в верхней части аллювиальных и флювиогляциальных песков. Для ранних микролитических памятников (Огурдино, Новожилово) в песчаных отложениях культурный слой не выделяется цветом. Эти горизонты обитания совершенно не содержат органических остатков.

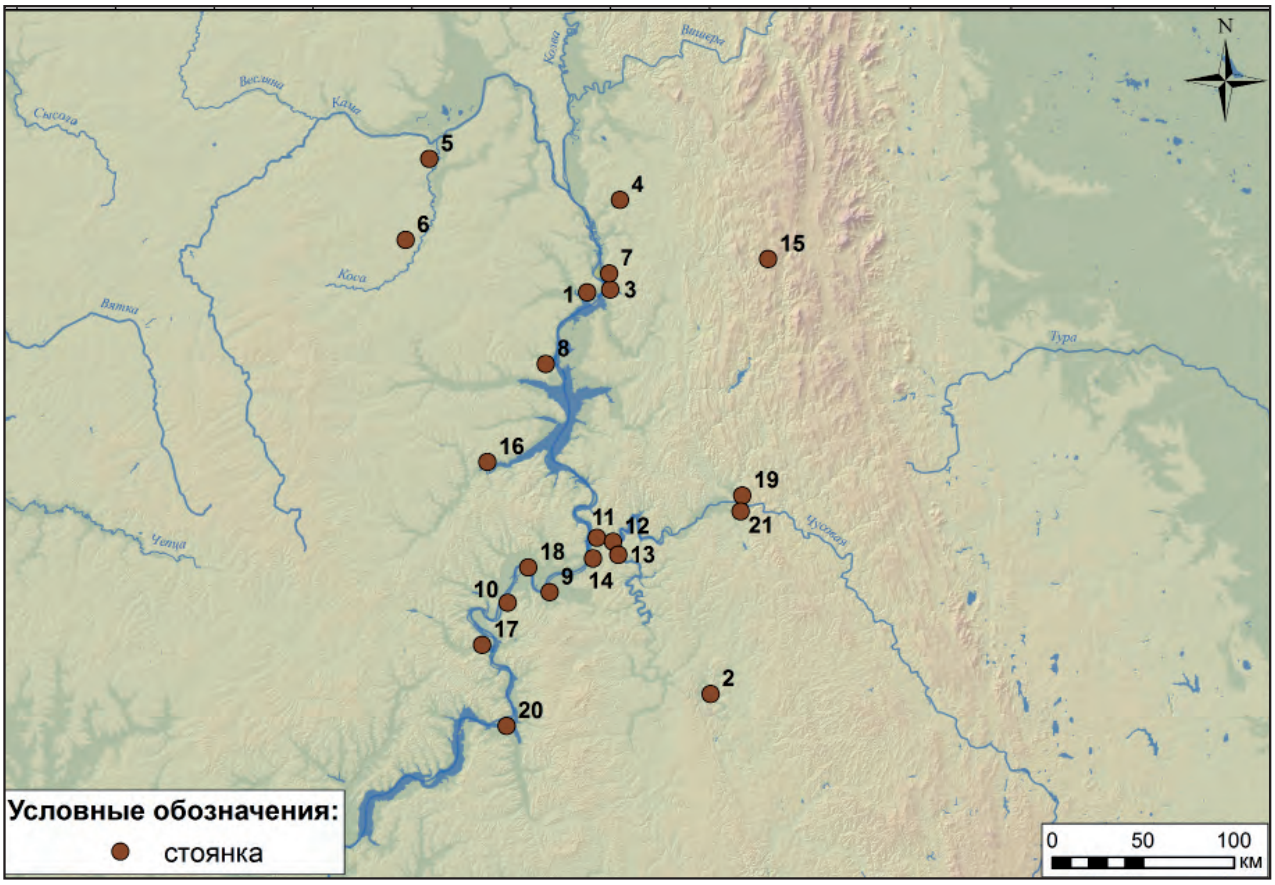

Рис. 1. Карта мезолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья:
Стоянки: 1 – Огурдино; 2 – Шумково; 3 – Новожилово; 4 – Рассолы; 5 – Косинская I; 6 – Усть-Онолва; 7 – Чашкинское Озеро V; 8 – Усть-Пожва; 9 – Усть-Половинная; 10 – Голый Мыс; 11 – Нижнее Адищево; 12 – Горная Талица; 13 – Усть-Сылва; 15 – Пещера Подземных охотников (Стадника); 16 – Юрич; 17 – Усть-Очёр; 18 – Шабуничи; 19 – Антабары; 20 – Кама-Жулановская (ныне затоплена); 21 – Пеньки

В 50-х гг. XX в. О.Н. Бадером на памятниках мезолита Прикамья была применена методика полевых исследований в виде тщательной фиксации кремнёвого материала с глубинными замерами, целью которой являлось выявление горизонтов обитания, связанных с чётко локализованными производственными площадками или углублёнными сооружениями. Она позволила отметить на поселении Огурдино остатки самой древней для того времени на Урале постройки эпохи мезолита (Бадер, 1966, с. 199). Эта методика впоследствии была успешно использована при фиксации сооружений на других микролитических памятниках Верхнего Прикамья (Новожилово, Чашкинское озеро V).

На позднемезолитических памятниках (Усть-Половинная, Голый Мыс) культурный слой имеет светло-серую окраску, что позволяет более чётко фиксировать различные объекты. В нём фрагментарно сохраняется остеологический материал. Стоянка Монино – единственный памятник мезолита региона с микролитическим инвентарём, где культурный слой приурочен к покровным суглинкам, залегающим над белесой суглинистой почвой, связанной обычно с материалами финального палеолита. Здесь прослежена небольшая яма с отдельными кремнёвыми находками и косточками, которая прорезала оподзоленный горизонт до материковой плейстоценовой глины (Мельничук, 2001).

В Верхнем и Среднем Прикамье, судя по количеству и характеру каменной индустрии, а также по конструктивным особенностям и числу сооружений, следует выделить следующие виды раннеголоценовых памятников:

1. Долговременные летние стоянки-мастерские, приуроченные к выходам гравийных аллювиальных отложений с протяженностью горизонта обитания вдоль края террас до и свыше 1 км – Огурдино, Казанцево, Шумково, Камо-Жуланово.

2. Относительно долговременные стоянки с жилищами, имеющие горизонт обитания, насыщенный разнообразным орудийным набором. В жилищах и возле них отмечаются очаги и различные хозяйственные объекты – Усть-Очер I, Шабуничи, Голый Мыс, Усть-Половинная, Косинская I.

3. Кратковременные сезонные, возможно летние, стойбища с жилищами без очагов – Чашкинское озеро V, Гляденово I.

4. Промысловые сезонные охотничьи лагеря с сооружениями и без них на водораздельных плато – Новожилово, Монино.

5. Пункты краткосрочных остановок мезолитических охотников, связанные с местом промысловой деятельности, крайне небольшой площади, с мизерным числом находок (от одной до нескольких десятков) – Кукуштан, Говорливая.

В мезолите Верхнего и Среднего Прикамья, следуя О.Н. Бадеру, выделяются три хронологические стадии – огурдинская (ранняя), нижнеадищевская (развитая) и позднейшая, которую мы по первому открытому памятнику этого временного диапазона в регионе определим как косинский этап (Денисов, Мельничук, 1987).

Памятники огурдинского типа

Очевидно, в пребореале (вторая половина – конец IX тыс. до н. э.) в Среднем Приуралье формируется раннемезолитическая кремневая индустрия, представленная памятниками с микролитическим инвентарем, отнесёнными О.Н. Бадером к огурдинскому этапу. К настоящему времени наиболее «чистый» комплекс этого временного диапазона отмечен на поселении Гремячий Ручей, а наиболее представительные материалы выявлены на поселениях Шумково и Огурдино. Остальные памятники (Баской Лог, Половинное I, Еранино) представлены маркирующим, но незначительным каменным инвентарём.

Поселение Огурдино, протяженностью до трех километров вдоль террасы Камы, стало формироваться в период раннего мезолита как базовое поселение раннеголоценовых охотников, приуроченное к выходу мощного гравийного месторождения с высококачественным галечным сырьём, включающим полупрозрачный халцедон и яшму. Активное освоение этого природного ресурса, очевидно, продолжалось и в другие хронологические фазы развития камского мезолита. В ходе многолетних исследований получен значительный комплекс каменных предметов (до 15 000 экз.), среди которых на фоне микролитического материалов выделялись архаичные, по мнению О.Н. Бадера, элементы в виде боковых ретушных и срединных резцов и усеченных ретушью пластин, а также пять высоких симметричных трапеций, три из которых – с выемчатыми сторонами, а две – без выемки (рис. 2: 1–13). Следует отметить, что архаичные изделия изготовлены на более крупных пластинах, чем основной микролитический комплекс, но их сырьевой состав одинаков. Однако общий индекс микролитизации пластин (шириной до 1 см) достаточно высок (до 80%), что близко к показателям нижнеадищевских микролитических комплексов. Пластинчатую индустрию поселения Огурдино иллюстрируют разнообразные нуклеусы параллельного принципа скалывания: конические, призматические, карандашевидные и торцовые. Резцово-скребковый показатель памятника достаточно высок – 0,8. Следует отметить находки на памятнике кварцитовых унифасильных топоров, которые в Среднем Приуралье широко распространяются с финального палеолита (Огурдино, Запоселье).

Поселение Шумково имеет протяжённость до одного километра вдоль края террасы р. Сылвы. На памятнике, как и на поселении Огурдино, найдено шесть высоких симметричных трапеций с боковыми выемками (рис. 2: 21–26). Интересно, что две трапеции изготовлены из тёмного кремнистого сланца, каменного сырья, свойственного для прикамского палеолита. В отличие от огурдинского комплекса крайне мало найдено усеченных ретушью изделий (боковых резцов и пластин). Еще одна низкая асимметричная трапеция в сочетании средними ножевидными пластинами и поперечно-ретушным резцом (рис. 2: 27, 31) была найдена в ходе разведки 1953 г. на ананьинском поселении Баской Лог на юге Пермского края.

Слабая изученность огурдинских комплексов и малочисленность затрудняет их культурно-хронологическую атрибуцию. Однако именно эти памятники, очевидно, отражают процесс эволюции раннего мезолита Среднего Приуралья в культуру камского мезолита с классическим микролитическим стандартным инвентарем.

Наиболее близкими к комплексам огурдинского типа являются материалы зауральских стоянок Уральские Зори I и Гаревая II (бассейн р. Тура), где найдены разнообразные геометрические изделия, выполненные на средних и широких пластинах, среди которых преобладают предметы с боковыми выемками. Их появление на восточном склоне Урала Ю.Б. Сериков определяет тесными контактами местного населения с камскими мезолитическими общинами, связь с которыми могла осуществляться по р. Чусовой или её притокам (трапеция, найденная на стоянке Ашка I). Правда, исследователь, на наш взгляд, неоправданно относит зауральские памятники с выемчатыми трапециями к позднему мезолиту, в то время как техника выемчатого усечения пластин в Прикамье формируется уже в конце палеолита (Сериков, 2000, с. 190). Учитывая, что в Северном Приуралье для памятников со стандартным микролитическим инвентарём получена дата, свидетельствующая о их существования на грани позднего пребореала – раннего бореала (Васкул, Волокитин и др., 2015,

Рис. 2. Огурдинский хронологический горизонт:
1-3 – Огурдино (по: О.Н. Бадер, 1966); 4-13 – Огурдино; 14-20 – Гремячий Ручей; 21-26, 28-30 – Шумково; 27, 31 – Баской Лог

с. 90), логично отнести памятники огурдинского типа к пребореалу.

Памятники нижнеадищевского типа

В раннебореальный период каменная индустрия мезолитических охотников Среднего Приуралья приобретает стандартный микролитический облик. Наиболее «чистыми» и выразительными памятниками этого периода являются стоянки Нижнее Адищево, Новожилово, Монино, Кама-Жуланово, Ольховско-Первомайская, Усть-Онолва (рис. 1).

Ряд археологов полагают, что памятники раннего мезолита типа Огурдино необходимо объединить с нижнеадищевскими в единую хронологическую стадию, считая, что индустрия последних была обусловлена их функциональной спецификой – это были небольшие промысловые лагеря, где происходила первичная обработка продуктов охоты. Ввиду этого орудийный набор мезолитических охотников был стандартизирован и ограничен (Лычагина, 2002, с. 40). Однако памятники нижнеадищевского типа со стандартизированным микролитическим пластинчатым инвентарем не являются остатками только промысловых лагерей, а представлены мощными, иногда значительными поселениями, по площади не уступающими па-

мятникам Огурдино и Шумково, таковы стоянки Кама-Жуланово, Ольховско-Первомайская, Усть-Онолва. Следует принять во внимание, что на этих крупных поселениях не было ни одного случая находок выемчатых трапеций и пластинчатых орудий с выемчато-ретушными торцами. Поэтому констатировать различие огурдинских и нижнеадищевских комплексов, мотивируя это не хронологическими причинами, а функциональным назначением тех или иных памятников, на основе имеющегося материала невозможно. Наоборот, на поселениях Огурдино и Шумково, имеющих внушительные размеры и протяжённость, явно прослеживаются в качестве более поздней примеси к микролитическому стандартизированному инвентарю предметы нижнеадищевского хронологического горизонта.

Для нижнеадищевских памятников характерно полное преобладание ножевидных пластин (76–82%) по отношению к другим заготовкам. Средний индекс микролитизации (пластины шириной менее 1 см) варьирует в пределах 76–82%. На стоянке Новожилово он достигает 98% Важной особенностью микролитических комплексов является слабая вторичная обработка ножевидных пластин (от 3 до 14%), причём полностью (до 90%) преобладает дорсальная ретушь. Для них также свойственно полное доминирование удлинённых сечений (до 90%) по отношению к коротким. Резцово-скребковый показатель на микролитических памятниках варьирует в пределах 0,4–0,8. В этом отношении выделяется поселение Усть-Онолва, где этот индекс достигает 2,2.

Микролитическую индустрию нижнеадищевского хронологического горизонта ярко характеризую нуклеусы параллельного принципа скалывания (рис. 3: 14–18; 4: 1–3), с которых производились тонкие призматические пластинки – конусовидные, призматические и особенно полностью сработанные карандашевидные ядрища, основание которых подрабатывалось ретушью (рис. 3: 14, 17). Эти изделия вторично использовались в качестве перфораторов (Огурдино, Новожилово). Привлекает внимание редкая не только для мезолита, но и верхнего палеолита Приуралья группа торцовых подклиновидных ядрищ, с фронтальной стороны которых производилось скалывание микропластин, а тыл представлял собой уплощенный гребень, подправленный с одной или двух сторон широкими фасетками сколов, напоминающих скребковую ретушь, которая представлена сериями на стоянке Новожилово и единичными находками на памятниках Монино, Усть-Урол, Огурдино (рис. 3: 22–25).

Среди скребков преобладают концевые на средних и широких пластинах (рис. 3: 11 19, 24, 27; 4: 3, 4). Реже встречаются овальные скребки, изготовленные на поперечных сколах с нуклеусов (3: 10, 20). Преобладают угловые резцы, среди которых доминируют изделия с одним или двумя рабочими краями (рис. 3: 12, 13; 4: 7–14). Различные острия на пластинах и продольных сколах с нуклеусов не образуют значительных серий (рис. 3: 5–7; 4: 16–18). Среди них редко встреча ются скошенные формы (рис. 4: 17). Весомой категорий изделий являются разнообразные пластины с ретушью – вкладыши для составных орудий (рис. 3: 2–4, 8, 9; 4: 11, 12, 21). Крайне редко встречается у этих вкладышей поперечная торцовая обработка ретушью (Усть-Онолва, Новожилово). На ряде памятников отмечаются пластины с отретушированными выемками – Огурдино, Усть-Онолва, Шумково (рис.4: 19, 20).

На поселении Огурдино найден «клад» из шести топоров (рис. 4: 12, 13), связанный с микролитическим комплексом, значительная часть поверхности которых обработана техникой пикетажа и частично пришлифована (Мельничук, Чурилов, 2008).

Наиболее выразительным памятником нижнеадищевского хронологического горизонта является стоянка Новожилово, которая представляет собой остатки промыслового лагеря, расположенного на берегу древнего русла ручья, вытекавшего из верхового болота (остаточное позднеплейстоценовое озеро). На площадке памятника изучены остатки двух подпрямоугольных сооружений. Объект № 1 (18 кв. м) углублялся на 10–15 см в песчаный грунт. Выявлено 205 отдельных предметов, среди которых 21% составляют конические, карандашевидные и торцовые подклиновидные нуклеусы параллельного принципа скалывания, узкие ножевидные пластины и редкие орудия на них в виде угловых резцов, отдельных сечений с ретушью. Выделяются концевой скребок на отщепе и острие на продольном сколе с нуклеуса с отретушированным черешком, а также фрагменты 7 абразивных инструментов в виде желобчатых шлифовальников из мелкозернистого песчаника (рис. 3: 28). В пределах сооружения нуклеусы располагались в его западной и центральной частях, а ножевидные пластины, в основном без вторичной обработки, в восточной, где находился выход. Следов очага в пределах сооружения не зафиксировано, но, учитывая находки кремня с воздействием огня и миниатюрных угольков, подвергшихся кристаллизации, следует полагать, что постройка периодически отапливалась.

Объект № 2 (5,2×3,8) площадью 20 кв. м был чрезвычайно насыщен кремнёвыми изделиями, он имел подпрямоугольную форму с небольшим выступом в северной части (рис. 5: 2). Вся площад-

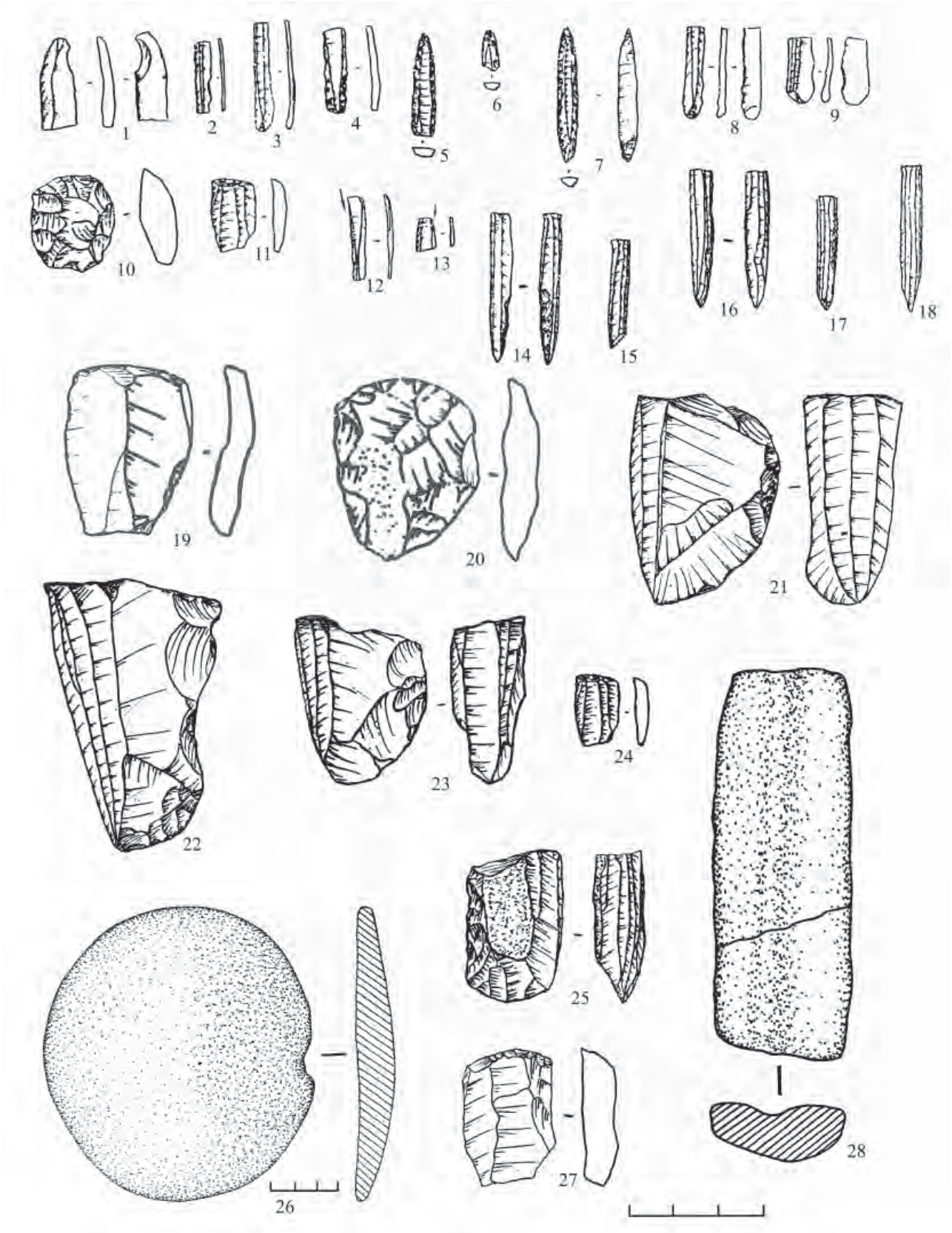

Рис. 3. Стоянка Новожилово. Микролитический комплекс нижнеадищевского хронологического горизонта

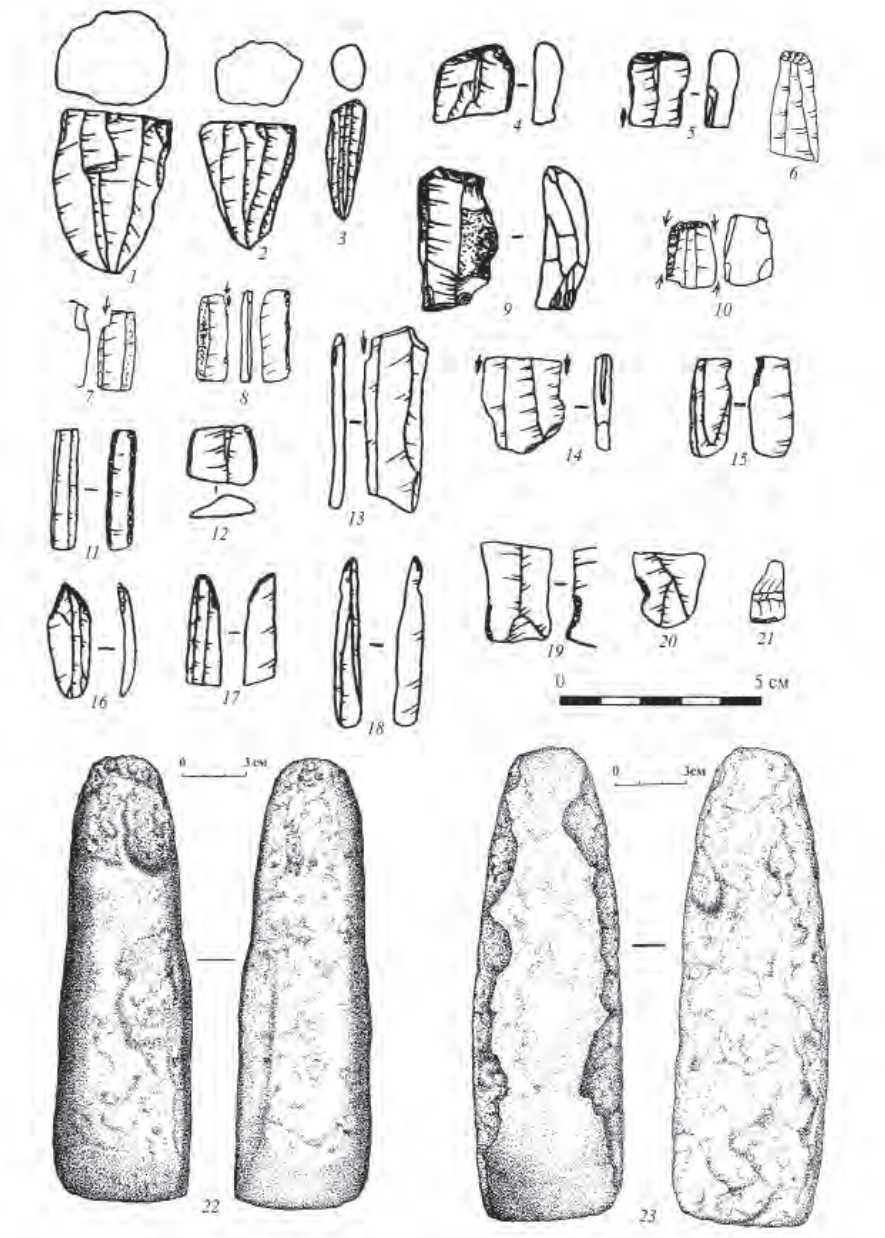

Рис. 4. Поселение Огурдино Микролитический комплекс нижнеадищевского хронологического горизонта

ка сооружения была сплошь усыпана каменными предметами, среди которых преобладали отходы вторичной обработки орудий в виде мелких отщепов и чешуек, а также кремнёвая мельчайшая пыль. В отличие от первой, вторая постройка являлась небольшой утеплённой полуземлянкой, где велась основная производственная деятельность, очевидно зимой. Пол сооружения углублялся в материковый песок на 0,5–0,7 м. В его центре зафиксирована концентрация обожженных, иногда растрескавшихся от теплового удара кремневых предметов, мощностью до 15 см, представлявшая собой явные следы овального очага (0,9×0,68 м). Собрано до 6,5 тыс. отдельных предметов: нуклеусы параллельного принципа скалывания (0,7%), продольные (1%) и поперечные сколы (2,1%) с ядрищ, пластины и изделия на них (16,3%), мелкие отщепы (1,8%) и чешуйки (70,4%). Кроме этого, следует отметить скребки и их фрагменты, фрагменты желобчатых шлифовальников, оригинальное дисковидное орудие из мелкозернистого песчаника (рис. 3: 26), кусочки бордовой охры.

Общий облик инвентаря свидетельствует о том, что выявленные объекты синхронны и были оставлены представителями одной группы древних охотников. Материалы памятника Новожилово позволяют квалифицировать его как промысловый лагерь, который функционировал в холодное время года, начиная с поздней осени и заканчивая ранней весной. Вся производственная деятель-

ность на стоянке протекала в закрытых сооружениях. Первую, явно наземную, постройку почти с полным отсутствием следов изготовления орудий можно определить как кладовую, в которой хранились запасы отборного каменного сырья в виде нуклеусов из высококачественных каменных пород, включая яшму, подготовленное охотничье вооружение и пищевые припасы. Второе сооружение можно квалифицировать как стационарное жилище-полуземлянку с долговременным очагом в центре. Кроме стоянки Новожилово слабоуглубленные подпрямоугольные жилища выявлены на поселениях Огурдино (рис. 5: 1) и Чашкинское озеро V.

Микролитические памятники Верхнего Прикамья близки к комплексу стоянки Баринка II, исследованной Т.М. Гусенцовой в Камско-Вятском междуречье, для которой получена радиоуглеродная дата 8265±130 лет (Гусенцова, 1993, с. 64), и к материалам стоянки Лёк-Леса, изученной А.В. Волокитиным в Северном Приуралье, где определена радиоуглеродная дата 9010±10 лет от наших дней (Волокитин, Косинская, 1999, с. 22–25; Волокитин, 2005)

Поздний, заключительный, косинский этап мезолита Среднего Приуралья отражают материалы стоянок Голый Мыс, Усть-Половинная, Косинская I, Шабуничи, Усть-Очёр I и др. В этот период древним населением осваиваются участки низких боровых террас, примыкающих к старичным образованиям, а также высокая пойма Камы и ее крупных притоков. Это свидетельствует о том, что помимо охоты и собирательства древнее население активнее развивало промысел водоплавающей птицы и рыболовства. Наблюдаются изменения и в каменной индустрии. Индекс микролитизации инвентаря уменьшается незначительно (62–84%), но становится более вариабелен. Резко увеличивается уровень вторичной обработки пластин (25–34%). Соотношение отщепов и пластин варьирует в пределах 59–75%. В инвентаре резко преобладают различные орудия на пластинах (79–81%).

На стоянках позднего мезолита появляются деревообрабатывающие шлифованные орудия в виде небольших тесел (Косинская I, Голый Мыс, Шабуничи). Однако сохраняются унифасиальные и бифасиальные рубящие орудия, чаще из кварцита (рис. 6: 30), иногда с выемчатым перехватом (Голый Мыс, Усть-Половинная, Усть-Очёр). В отличие от нижнеадищевских материалов, резко повышается число сечений пластин коротких пропорций. Особенностью памятников позднего мезолита является широкое использование пластин, обработанных вентральной ретушью (40–60%) Происходит снижение числа резцов в орудийном наборе памятников. Отмечается использование для производства орудий новых видов каменного сырья, характерных для памятников камского неолита (плитчатый, серый полосчатый яшмовидный кремень).

Ярким памятником позднего мезолита является стоянка Голый Мыс, на которой выявлены остатки жилища-полуземлянки, часть которого уничтожена береговой абразией. Дно сооружения углублено в материковый слой на 0,7 м. Точную площадь жилища установить сложно, но она могла достигать 40 кв. м. В пределах сооружения отмечено три грунтовых очага (рис. 5: 5). Возле них зафиксированы находки разнообразных орудий и производственные площадки со скоплениями мелких чешуек и осколков кремня. В хозяйственной яме найдены фрагменты костей лося, северного оленя и медведя (определение П.А. Косинцева). Рядом с сооружением выявлена ещё одна хозяйственная яма-кладовка. Представляется, что жилище функционировало в холодное время года. Каменный инвентарь концентрировался только в пределах сооружения.

Основная категория орудий – пластины с ретушью по краям, среди которых преобладают удлинённые и короткие сечения, оформленные нередко по двум краям с вентральной плоскости (рис. 6: 26, 27, 32–35, 37). Выделяется крупная ножевидная пластина с тонкой вентральной приостряющей ретушью по двум краям, очевидно, нож (рис. 6: 37). Отмечены пластины с поперечно-усеченным ретушью концом, угловые резцы и резчики (рис. 6: 28, 29), отдельные острия (рис. 6: 31). В коллекции преобладают концевые скребки на пластинах (рис. 6: 23–25), реже – овальные, выполненные на отщепах и сколах. Из каменных орудий привлекают внимание чоппер и молот (?) с выемками-перехватами в центре кварцитовой гальки**.** Оригинальны кварцитовые рубящее и скребловидные изделия (рис. 6: 30, 36). Выявлены также небольшое шлифованное тесло и фрагмент абразивного инструмента из мелкозернистого песчаника.

Представляет интерес стоянка Усть-Половинная, расположенная в левобережной пойме Камы, близ г. Перми (рис. 1). Здесь изучена небольшая подпрямоугольная, слабо углублённая постройка (25 кв. м), ровное уплощённое дно которой углублялось в материк на 20 см (рис. 5: 4). В юго-восточной части сооружения выявлена овальная очажная яма (0,8×0,6 м) глубиной 0,3 м. Сверху очажная яма перекрывалась скоплением кварцитовых галек, расколотых в результате теплового удара. Сооружение использовалось явно в прохладный бесснежный период года. Об этом свидетельствуют находки гастролитов, что свидетельствует об охоте мезолитических охотников

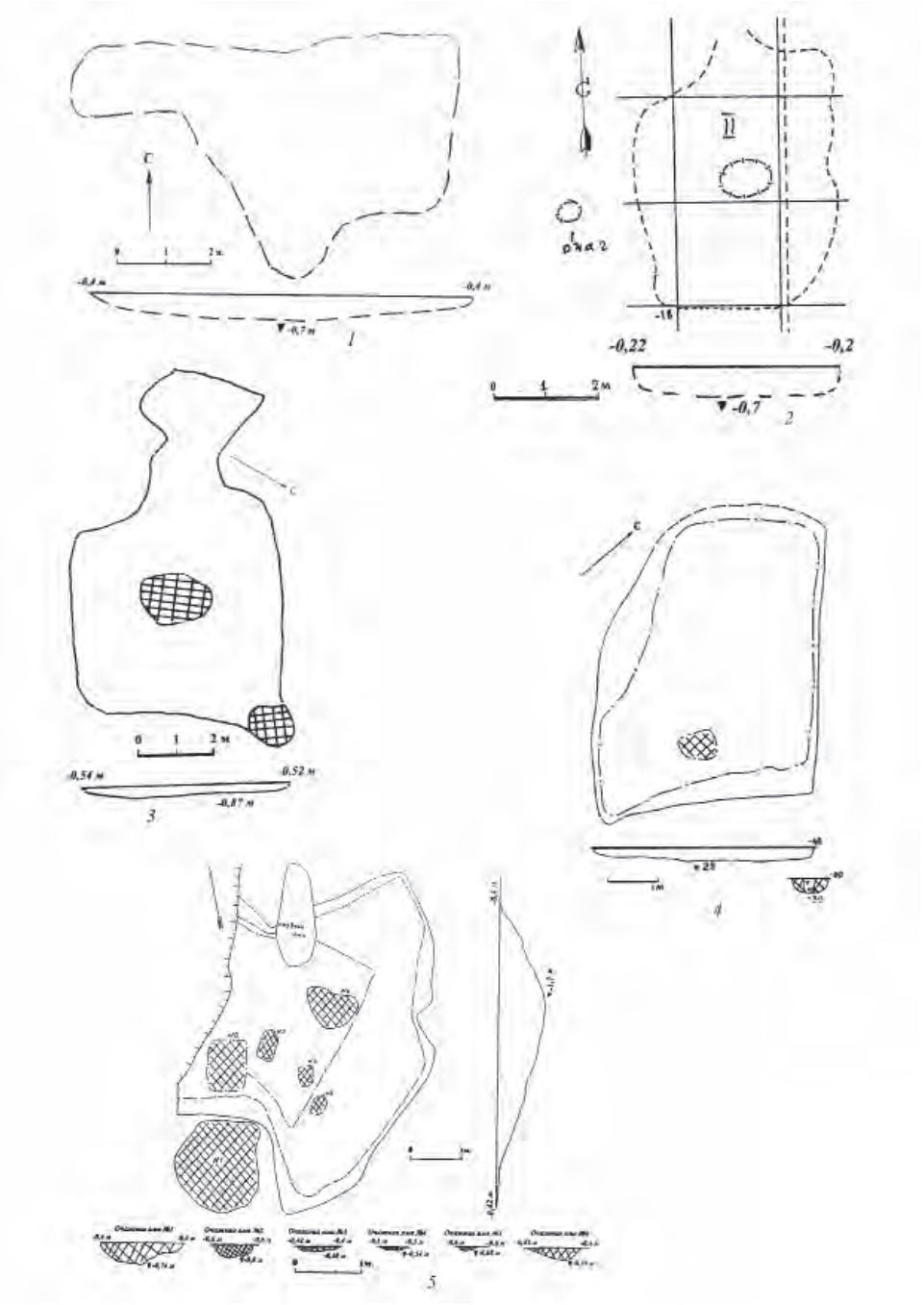

Рис. 5. Жилища:
1 – Огурдино (по: О.Н. Бадер, 1966); 2 – Новожилово; 3 – Рассолы; 4 – Усть-Половинная; 5 – Голый Мыс

на дичь в левобережной пойме р. Камы. Жилище и культурный горизонт памятника перекрывались стерильными аллювиальными отложениями позднеголоценового возраста в виде комковатой светло-серой супеси (30–35 см), которые формировались в результате постоянных весенних наводнений, начиная с раннего железного века. Основную категорию находок составляют различные сечения ножевидных пластин с ретушью. Встречаются редкие пластины с поперечно-усечённым ретушью концом. Имеются угловые резцы и резчики, разнообразные скребки, свёрла, долотовидные и скребловидные изделия.

Базовым памятником позднего мезолита является поселение Усть-Очёр I, где отмечены остатки трех слабоуглубленных подпрямоугольных жилищ (6×10 м) с очагами в центре. Почти все кремневые изделия собраны в пределах сооружений, что позволяет предположить, что эти хронологически одновременные жилища использовались в относительно прохладное время года. Каменный инвентарь представлен ядрищами параллельного

принципа скалывания, один из которых торцовый подклиновидный (рис. 6: 15), ножевидными пластинами и их сечениями, концевыми скребками, угловыми резцами и резчиками (рис. 6: 16–20), отдельными пластинами с косоусеченным ретушью торцом (6: 21). Выделяются рубящие орудия с выемками, изготовленные из кварцита. Интересен подтреугольный наконечник стрелы на пластине со слабо выделенным ретушью черешком и вентральной ретушью боковых краев и острия (рис. 6: 22). Он напоминает позднемезолитические наконечники стрел Нижнего Прикамья типа стоянки Деуково II (Косменко, 1971).

Выразительны материалы Косинской I стоянки, где отмечены остатки подпрямоугольной полуземлянки (12 кв. м). В южной части жилища размещалась крупная очажная яма. В пределах жилища и возле него собрана значительная коллекция каменных изделий. Преобладающей группой орудий являются овальные скребки на отщепах и сколах (рис. 6: 11) и концевые скребки на пластинах и на продольных сколах с нуклеусов (рис. 6: 9, 10). Выявлено много ножевидных пластин и их сечений с вентральной и дорсальной ретушью по краям, среди которых встречаются изделия с усеченным ретушью концом (рис. 6: 12, 13). Отмечается серия острий (рис. 6, 4–8) и угловых резцов на пластинах (рис. 6: 14). Привлекает внимание тесло с частичной пришлифовкой поверхности.

Кроме того, жилища выявлены и на других позднемезолитических памятниках Среднего Приуралья: Гляденово I (10 кв. м), Рассолы (42 кв. м) (рис. 5: 3), Шабуничи (20 кв. м), Броды (33 кв. м). По своему облику позднемезолитические материалы Пермского Приуралья сближаются с комплексом стоянки Баринка I Камско-Вятского междуречья с радиоуглеродной датой 7435±170 лет (Гусенцова, 1993, с. 15).

К эпохе мезолита относятся редкие находки костяных изделий. Наиболее яркими являются два наконечника из пещеры Подземных Охотников (Стадника) в бассейне р. Яйва. Первый наконечник имеет вытянутую форму и овальное сечение (рис. 7: 1). Поверхность предмета сильно заполирована, но на одном боку сохранились небольшие углубления от удаленной губчатой массы. Вдоль одного узкого края прорезан паз длиной чуть более общей длины орудия. В пазу сохранились все четыре вкладыша, плотно подогнанные друг к другу. Вкладышами служат медиальные части ножевидных пластин правильной огранки из красновато-коричневой яшмы. Крайний угол концевого вкладыша срезан резцовым сколом и дополнительно доработан по самому краю мелкой крутой дорсальной ретушью. В пазу части пластин прочно удерживаются черной, похожей на битум массой, визуально напоминающей березовый деготь. Вдоль обоих боков предмета прорезано по одной неглубокой полосе разной длины, в которые была втерта охра. Подобные наконечники известны на зауральских памятниках пребореального и бореального периодов (Савченко, Ромен, 2011, с. 253).

Второй наконечник имеет вытянутую, игловидную, слегка изогнутую в плане форму (рис. 7: 2). Вдоль одного узкого края предмета прорезан паз, в котором сохранились четыре вкладыша, изготовленные из красно-коричневой яшмы, плотно подогнанные друг к другу. На слегка вогнутой стороне наконечника нанесен орнамент в виде ломаной линии. Прикреплялись вкладыши той же битумной массой, что и у первого наконечника. Подобные орудия известны на зауральских памятниках пребореального и бореального периодов. Он имеет сходство с вкладышевым наконечником из Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея, имеющим абсолютную дату 9470±45 (OxA-22282) (Савченко, Лилли, Жилин, 2011, с. 50, 51, рис. 1: 1).

Третий наконечник найден в русловом галечнике р. Юрич (бассейн р. Обвы). Наконечник имеет вытянутую форму и овальное сечение (рис. 7: 3). Конический насад сохранил следы от строгального инструмента. Вдоль одного узкого края предмета прорезан паз. В пазу сохранились два вкладыша, изготовленные из ножевидных пластин тёмного темно-серого цвета. Внешние края вкладышей имеют дорсальную ретушь. Их форма и способ расположения в пазу значительно отличаются от вкладышевых наконечников, известных по материалам пещеры Подземных охотников. Так, одна пластина, ретушированная по краю со стороны спинки, имеет скошенный конец, образующий своеобразный «шип». Вторая пластина плавно скошена дорсальной ретушью от середины и далее по краю, она приближается по форме к скошенным остриям на пластинах, известным по материалам святилища в пещере Камень Дыроватый (Сериков, 2000). На поверхность изделия был нанесен точечный орнамент. Таким образом, наконечники стрел, скорее всего, сопрягаются как с огурдинскими, так и с нижнеадищевскими хронологическими горизонтами.

Серьезные изменения в материальной культуре мезолитического населения Среднего Приуралья были вызваны в раннем голоцене ландшафтной перестройкой, приведшей к формированию таёжной зоны с традиционным фаунистическим комплексом. Для памятников эпохи мезолита региона характерен высокий уровень микролитизации пластинчатого инвентаря. Техника изготовления составных орудий с вкладышами из узких пластин складывается в Приуралье и Зауралье в позднюю

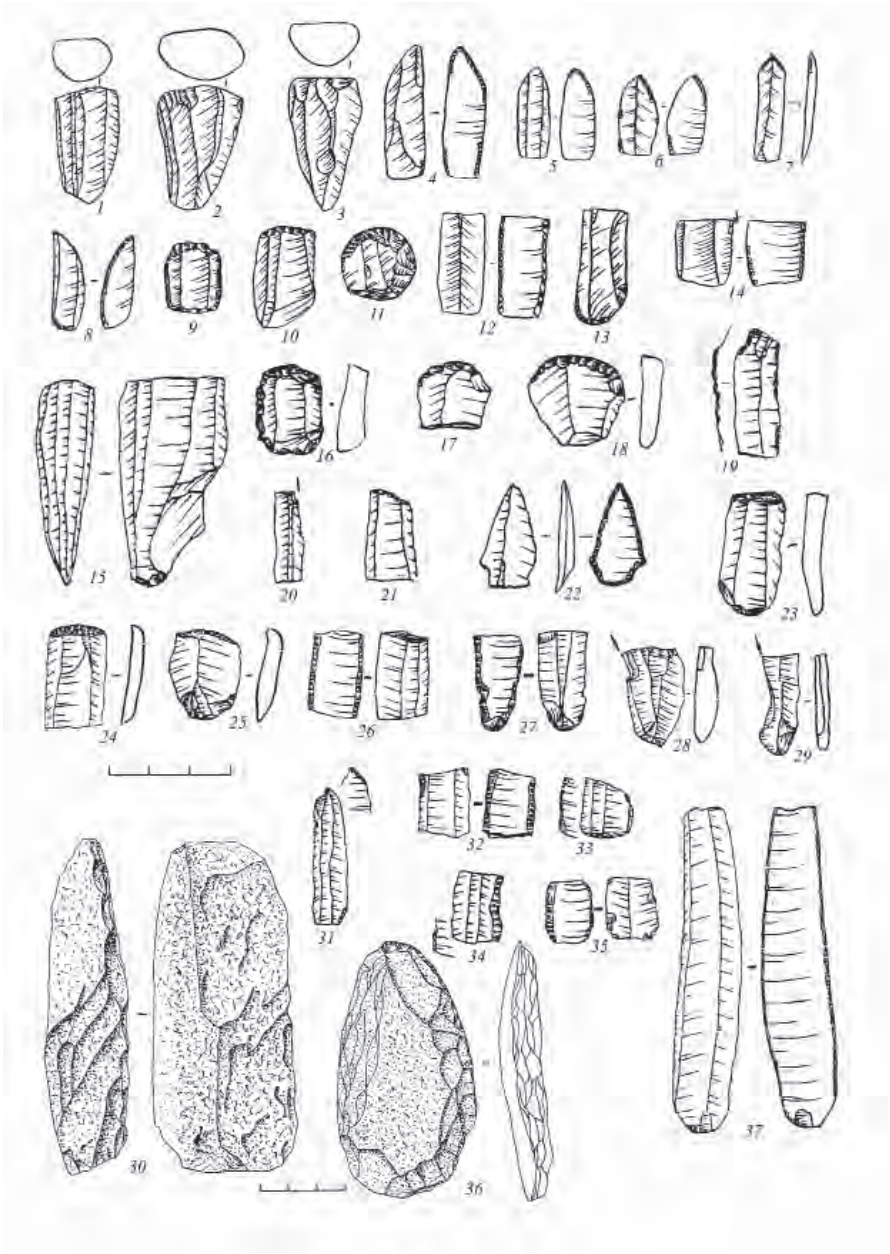

Рис. 6. Косинский хронологический горизонт:
1-14 – Косинская I стоянка; 15-22 – поселение Усть-Очёр I; 23-37 – стоянка Голый Мыс

пору верхнего палеолита, и рассматривать развитие микролитической пластинчатой индустрии в этих регионах под влиянием каких-то внешних культурных инноваций вряд ли оправданно. На формирование облика материальной культуры мезолитических охотников в регионе в раннем голоцене, как и в позднеледниковье, влияли в первую очередь экологические и ландшафтные условия, в частности ситуация в горных и предгорных районах. В связи с этим нет ничего удивительного в том, что именно приуральские и зауральские культуры отличаются высоким уровнем микролитизации и стандартизации каменного инвентаря (камский, зауральский, южно-уральский мезолит).

При подвижном образе жизни мезолитических охотников Среднего Приуралья у них, очевидно, были контакты с группами населения с других территорий, но эти контакты совершенно не прослеживаются в археологических материалах. На памятниках бассейна Камы с микролитическим инвентарем нет того разнообразия геометрических микролитов южно-уральского облика, свойственных мезолитической культуре Среднего Зауралья. Нет данных и о проникновении в регион мезолитических групп населения центральных областей Русской равнины и западной части Европейского Севера, маркирующим культурным признаком которых являются черешковые наконечники стрел на пластинах. Характерно, что различия,

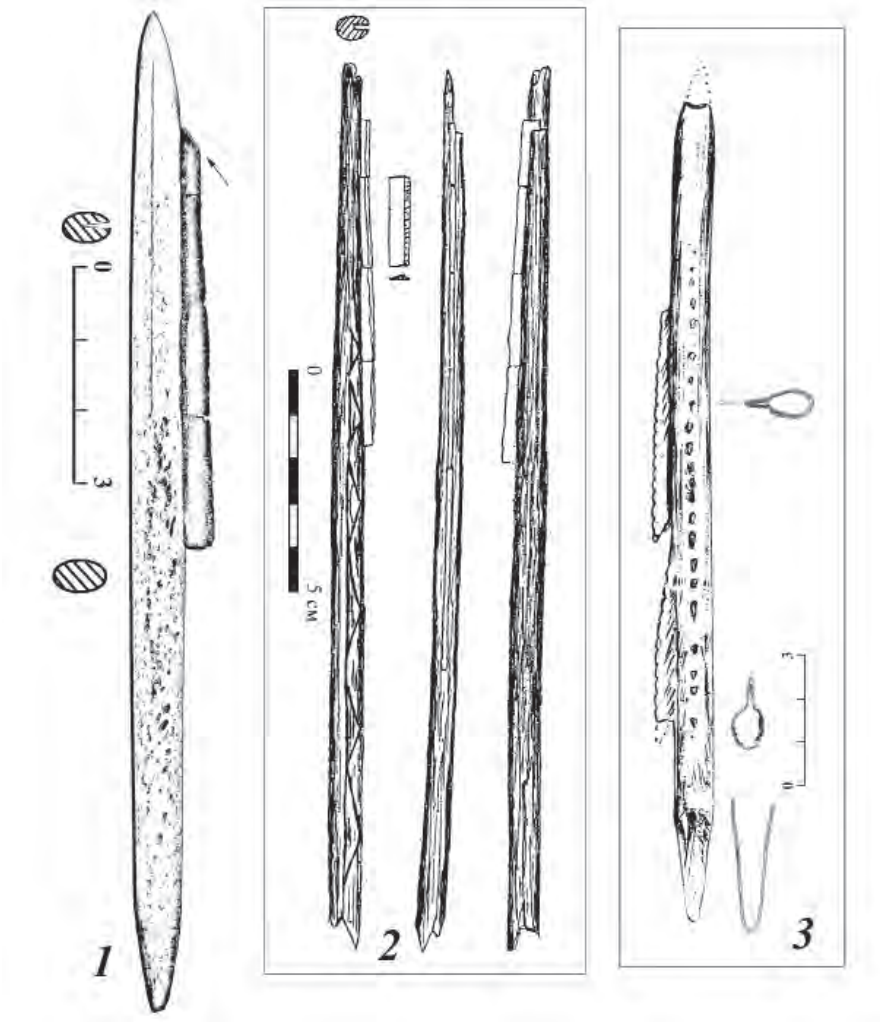

Рис. 7. Наконечники:
1, 2 – Пещера Подземных охотников (Стадника); 3 – Юрич

отмеченные между культурами приуральских и зауральских памятников поздней поры верхнего палеолита (стоянка имени Талицкого, Горная Талица – стоянка Гари, Черноозерье II), четко определяются и в мезолитических культурах этого региона. Мезолитическая культура Среднего Зауралья имеет много общих черт с мезолитом Южного Зауралья, связи с которым осуществлялись по восточному склону Уральского хребта (об этом говорят находки геометрических микролитов из южно-уральской яшмы).

Мезолитические памятники Среднего Приуралья в культурном плане (уровень микролитизации, стандартизация каменного инвентаря) чрезвычайно близки к мезолитическим комплексам р. Белой (романовско-ильмурзинская культура, по Г.Н. Матюшину) (Матюшин, 1976) и Нижнего Прикамья (Косменко, 1978). Все эти микролитические памятники включались О.Н. Бадером в камскую мезолитическую культуру, а А.Х. Халиковым – в волго-камскую культурную систему (Бадер, 1966; Халиков, 1969). Неслучайно в заключительную пору верхнего палеолита именно здесь существовали достаточно близкие в культурном отношении памятники (усть-камская культура, финальный палеолит Пермского Приуралья, финальнопалеолитические пещерные памятники Южного Приуралья). Это свидетельствует о том, что в бассейне р. Камы как в конце плейстоцена, так и в раннем голоцене обитали древние общины, имеющие близкие формы хозяйственно-культурной жизнедеятельности, наиболее адаптированные к ландшафтным и экологическим условиям Приуралья.

Мезолитические памятники Верхнего и Среднего Прикамья отражают динамику формирования культуры таежных охотников и собирателей в раннем голоцене (VIII–VI тыс. до н. э.). Эта культура послужила основной базой для формирования ярких памятников камского неолита с гребенчатой керамикой.

ГЛАВА 7
МЕЗОЛИТ СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Открытие мезолитических памятников в Северном Приуралье состоялось в 1957 г., когда Г.М. Буров открыл первые мезолитические стоянки (Курьядор, Пезмог, Ульяново, Кузьвомын и др.) в долине р. Вычегды (Буров, 1959; 1961; 1961а) (рис. 1). Описывая материал стоянок, Г.М. Буров отметил их сходство с мезолитическими памятниками Прикамья (стоянки Огурдинская, Кама-Жулановская, Нижнеадищевская), а также высказал предположение о расселении на Вычегду племен из Прикамья (Буров, 1961, с. 101). О.Н. Бадер согласился с мнением Г.М Бурова, включив исследованные им памятники в территорию «камской историко-культурной области эпохи мезолита» (Бадер, 1966, с. 199).

Вычегодские памятники изучались Г.М. Буровым в 1958 г. и частично в 1959, 1963 гг. Наиболее представительные коллекции получены им на полностью раскопанных стоянках Ульяново и Кузьвомын, а также в результате сборов на разрушенных памятниках Пезмог 1 и Курьядор (Буров, 1965; 1967). Анализируя накопленные материалы, Г.М. Буров объединил мезолитические стоянки европейского Северо-Востока и Прикамья в одну группу, получившую наименование камско-вычегодский мезолит (Буров, 1965, с. 158, 159, рис. 28), а позднее – камско-печорско-вычегодский мезолит (Буров, 1967, с. 166). Дата мезолита была определена временем «после VI тыс. до н. э.». Взгляды Г.М. Бурова повлияли на выводы, представленные С.К. Козловским в аналитическом обзоре, посвященном мезолиту Европы. Соответствующим образом там очерчены и ареалы камской мезолитической культуры (Kozlowski, 1973, p. 365).

В середине 1980-х гг. Г.М. Буров существенно скорректировал свою концепцию мезолита региона. Им выделено два культурных типа: камско-печорский, датируемый VIII–VII тыс. до н. э., и висский (вторая половина VII – VI тыс. до н. э.). Камско-печорский тип, согласно Г.М. Бурову, включает мезолитические стоянки с «микро-макролитическим инвентарем» Приуралья, Валдая, Сухоны, Прииртышья и частично Поволжья (Буров, 1986). На Вычегде к этому типу отнесены стоянки средневычегодской культуры (Курьядор I, Пезмог I, Ульяново и др.) и стоянка Кузьвомын, статус которой внутри культурного типа не определен. Большинство мезолитических стоянок бассейна Печоры (включая и Большеземельскую тундру) и стоянка Турун-Нюр I на р. Ижме также вошли в данный культурный тип (рис. 1).

Л.Л. Косинская разделила мезолитические памятники, исследованные ею в 1975–1987 гг. на р. Выми и в нижнем течении р. Вычегды, на две группы (Косинская, 1988; 2007). В первую группу были включены стоянки Ёвдино II, Ыджыд-ты, Ярега (рис. 1). Во вторую группу – стоянка Ветью II (рис. 1), а также разрушенные памятники: Остров, Кожмудор. Памятники евдинской (первой) группы сходны со средневычегодской культурой, и Л.Л. Косинская (2007) их рассматривает как составную часть вычегодского мезолита, который, в свою очередь, представляется ей одним из вариантов мезолитической общности Урала. Отмечено также значительное сходство евдинских памятников с камскими стоянками типа Нижнеадищевской (Бадер, 1951) и культурно близкими им группами памятников в устье Камы (Косменко, 1977) и в Камско-Вятском междуречье (Гусенцова, 1981).

А.В. Волокитиным в 1988–1989 гг. проведены исследования на стоянке Лек-Леса, расположенной на р. Ижме. Анализ каменного инвентаря выявил несомненное сходство с вычегодскими и вымскими стоянками (Волокитин, 2005). Им же, совместно с Л.Л. Косинской, были проанализированы все статистически значимые коллекции мезолитических памятников региона. В основу были положены метрические показатели кремневых пластин, элементы статистики, выработанные и примененные Л.Л. Косинской прежде на памятниках Выми и нижней Вычегды (Косинская, 1988). Так было подтверждено существование, наряду с «волжским» типом распределения кремневых пластин по ширине, «камского» типа. С ними коррелируют и типы распределения сегментов (сечений) пластин по длине. Это привело к более корректной, чем в предшествующих исследованиях, дифференциации мезолитических индустрий региона по культурнозначимым признакам. В последующем А.В. Волокитин (Волокитин, 1997; Volokitin, 2004) предложил выделить в мезолите региона приуральскую традицию, представлен-

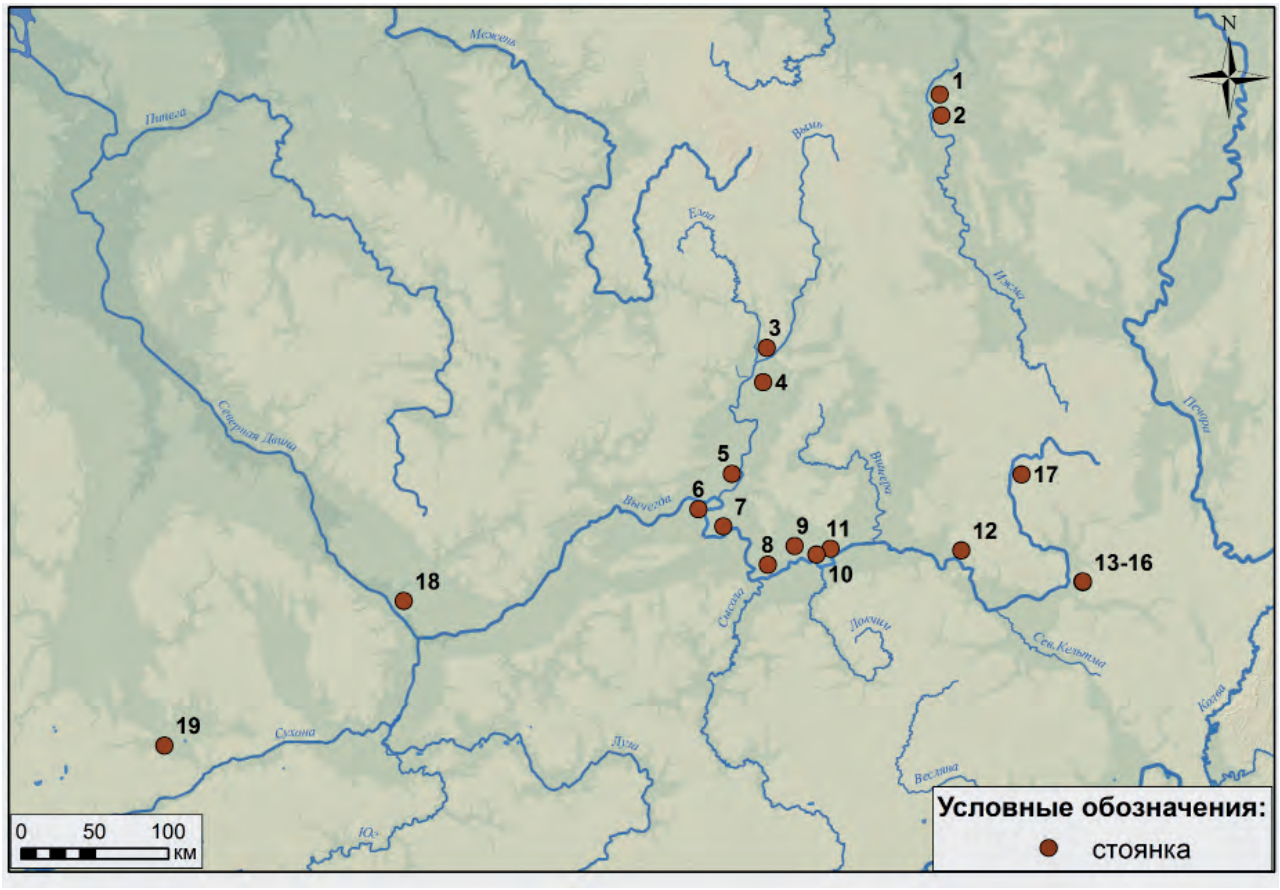

Рис. 1. Карта мезолитических памятников Северного Приуралья:
Стоянки: 1 – Лек-Леса 1; 2 – Туруннюр 1; 3 – Евдино 2; 4 – Ветью 2; 5 – Ляльский Бор; 6 – Ыджыдты; 7 – Ярега; 8 – Эньты 3; 9 – Курьядор; 10 – Пезмог 1; 11 – Пезмогты 6; 12 – Ульяново; 13 – Чердыб 1, участок 1; 14 – Чердыб 1, участок 2; 15 – Чердыб 2, пункт 2; 16 – Чердыб 2, пункт 6; 17 – Кузьвомын; 18 – Филичаевское 2-5; 19 – Николаевская-Колокольня

ную памятниками, сходными по каменной индустрии и имеющими камский тип распределения пластин по ширине. Эти индустрии, возможно, общего генезиса, однако не имели территориальной общности, а вместе с тем были распространены очень широко. Все это объяснялось высокой мобильностью населения, как сезонными, так и более продолжительными миграциями в процессе освоения Северного Приуралья и прилегающих территорий.

Следует отметить, что, помимо приуральской, была выявлена так называемая западная традиция, связанная с мезолитом Волго-Окского междуречья, в частности с бутовской культурой. Описана также группа памятников, у которых сочетаются черты как приуральской, так и западной традиций. К этой группе отнесены вычегодские стоянки Эньты 3 (мезолитический комплекс), исследованные Э.С. Логиновой, а также Пезмогты 6, Чердыб 1 и 2, исследованные А.В. Волокитиным (рис. 1). На р. Ижме к ним относятся стоянки Турун-Нюр 1 (исследователь – В.Е. Лузгин), на р. Выми – Ветью 2, Ляльский Бор (исследователь – Л.Л. Косинская) (рис. 1). Самые западные памятники этой группы – стоянки Филичаевские 2–5 на Северной Двине (рис. 1), исследованные И.В. Верещагиной в период 1972–1988 гг. (Верещагина, 2010)[1].

Тем не менее исследователями из других регионов к памятникам, где отражено смешение двух традиций, отнесена стоянка Николаевская («Колокольня») (рис. 1) и некоторые другие на р. Сухоне (Недомолкина, 2006), а архангелогородские археологи проводят западную границу влияния приуральской традиции (уральских микролитических традиций) по западному побережью р. Ваги (Едовин, Беличенко, 2009).

Таким образом, в мезолите Северного Приуралья выявляются как стоянки приуральской традиции, связанные с проникновением коллективов

[1] Среди данных памятников наиболее представительна Филичаевская 5 стоянка. Ее инвентарь сравнивается со средневычегодской и сухонской культурами одновременно (Верещагина, 1996). Сухонская же культура, как известно, сопоставлялась ранее с бутовской культурой. На самом деле в ней широко представлены карандашевидные нуклеусы, отсутствующие в бутовской культуре (Ошибкина, 1983).

из Прикамья, так и памятники, в основе которых находятся каменные индустрии, сходные с камскими, но испытавшие влияние других традиций (Волокитин, 2013).

Приуральская традиция

Коллекции памятников этой традиции объединяются по показателям техники раскалывания камня. Нуклеусы – конусовидные и карандашевидные. Пластины абсолютно преобладают (65–80% от суммарного количества пластин и отщепов). Повышены (или резко повышены) тенденции узких пластинок, как правило, значительна доля микропластин (свыше 10% от общего числа пластин), т. е. каменные индустрии характеризуются высокой степенью микролитизации. Общим является такой показатель, как преобладание длинных сечений пластин. В орудийном наборе, который не отличается разнообразием, преобладают пластины с ретушью и их обломки. Доля орудий с выраженной морфологией в коллекциях мала. Отсутствуют наконечники стрел. В связи с этим предполагается, что в индустриях данной традиции преобладали вкладышевые орудия, в том числе и метательные наконечники. Орудия из отщепов единичны, в основном это скребки и отщепы с ретушью.

В данную традицию включены так называемая средневычегодская культура, группа памятников типа Евдино на р. Выми и стоянка Лек-Леса на р. Ижме.

Средневычегодская культура

Наименование культура получила по географическому принципу – ее памятники расположены в среднем течении р. Вычегды (Буров, 1986). Позднее Г.М. Буров ввел уточняющее название – ульяновская – the Middle Vychegda (Ul'yanovo) culture – по раскопанному полностью памятнику – стоянке Ульяново (Burov, 1999).

В средневычегодскую культуру, помимо стоянки Ульяново, входят Курьядор 1 и Пезмог 1. Следует отметить, что Курьядор 1 и Пезмог 1 – памятники, на которых весь материал получен с разрушенной поверхности. Находящаяся в верховьях Вычегды стоянка Кузьвомын не вошла в этот список скорее по соображениям территориальной удаленности, чем по отсутствию кварцитовых орудий и отщепов из кварцита. Не аргументом является и отсутствие «свидероидных» наконечников стрел. На данной стоянке раскопано, как и на Ульяново, около 250 кв. м, мезолитический слой в основном исследован. В коллекции Ульяново насчитывается 910 кремневых и 193 кварцитовых изделий, Кузьвомына – 2207 кремневых предмета, кварцитовые отсутствуют.

Вообще, описание средневычегодской культуры Г.М. Буровым (Буров, 1986; Burov, 1999) не выглядит достаточно конкретным: ей «…свойственны: распространение топоров и тесел с перехватом из кварцита (*только стоянка Ульяново – А.В.)*, использование (*очень редкое – А.В.*) свидероидных наконечников (*очень сомнительны – А.В.)* стрел и высоких трапеций (*одна – А.В.*) с боковыми выемками (Пезмог I); присутствие массивных узколезвийных микроскребков (*в предыдущих работах автор называл их долотцами – А.В.*) и вкладышей с усеченным подретушированным концом, а также большой (5,0–27,3) резцово-скребковый показатель (РСП)» (Буров, 1986, с. 5). Из этого описания неясны критерии выделения культуры. Нами было предложено другое определение (описание) ее особенностей (Волокитин, 1997).

Для средневычегодской культуры характерно присутствие карандашевидных нуклеусов (рис. 2, 1; 5: 1); «камский тип» распределения пластин по ширине (Волокитин, Косинская 1995) со значительной долей микропластин; высокий процент длинных сечений пластин; ограниченный набор орудийных форм при отсутствии наконечников стрел; обилие специфических орудий, так называемых долотец. Помимо карандашевидных нуклеусов имеются конусовидные и призматические (призмовидные), встречающиеся гораздо реже (рис. 2; 5: 2). Пластин в коллекциях памятников более 80% от суммарного количества пластин и отщепов (рис. 3: 1–11).

В орудийном наборе помимо скребков (рис. 4; 9–16; 5: 5), чаще всего изготовленных на пластинах с правильной огранкой, и среди которых единичны орудия высокой формы, обязательны резцы на углу сломанных пластинок (рис. 4: 17–20; 5: 24–28). Есть очень крупные резцы, например, на стоянке Кузьвомын (рис. 4: 19, 20). Количественно резцы преобладают над скребками, как правило, их больше в несколько раз. Характерная составляющая орудийного набора памятников средневычегодской культуры – так называемые долотца – особый тип микроскребков. Впервые эти орудия описаны Г.М. Буровым (Буров, 1965, с. 53, 54). Причем была отмечена их серийность, что достаточно большая редкость для средневычегодских индустрий. Все они имеют определенную форму: заготовка – изогнутая в профиле массивная пластинка со сужающимися краями, лезвие прямое или скошенное (рис. 4: 6–8; 5: 3, 4). Часть из них изготовлена на ребристых пластинах. На вычегодских памятниках они составляют 0,7–2% от всего количества каменных изделий (Буров, 1965; 1967).

Пластины, обломки пластин с ретушью по краям составляют 10–20% от общего числа пластин и представляют основную массу орудий (рис. 3: 3–11; 5: 13–17). Предполагается, что в качестве вкладышей использовались также пластины без

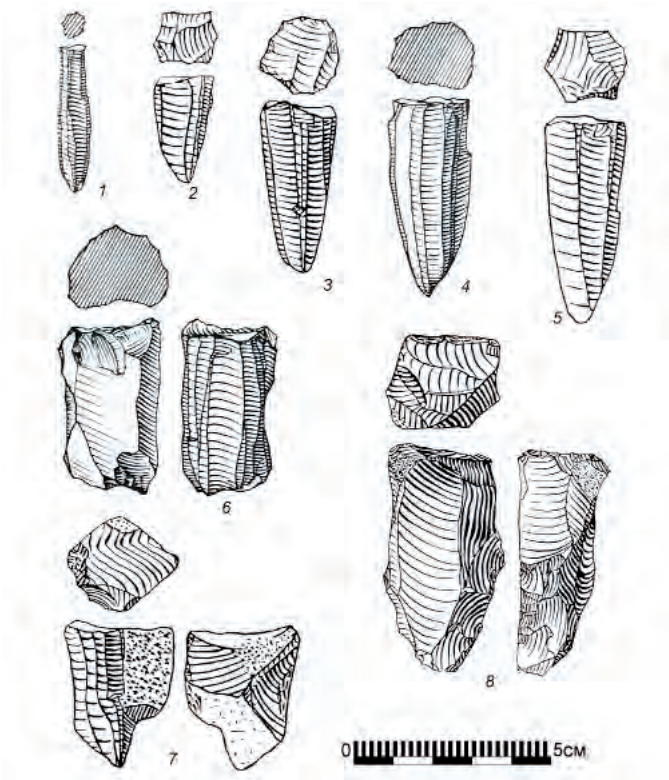

Рис. 2. Кузьвомын:
Нуклеусы: 1 – карандашевидный; 2-5 – конусовидные; 6, 7 – призматические; 8 – заготовка нуклеуса (по Г.М. Бурову).

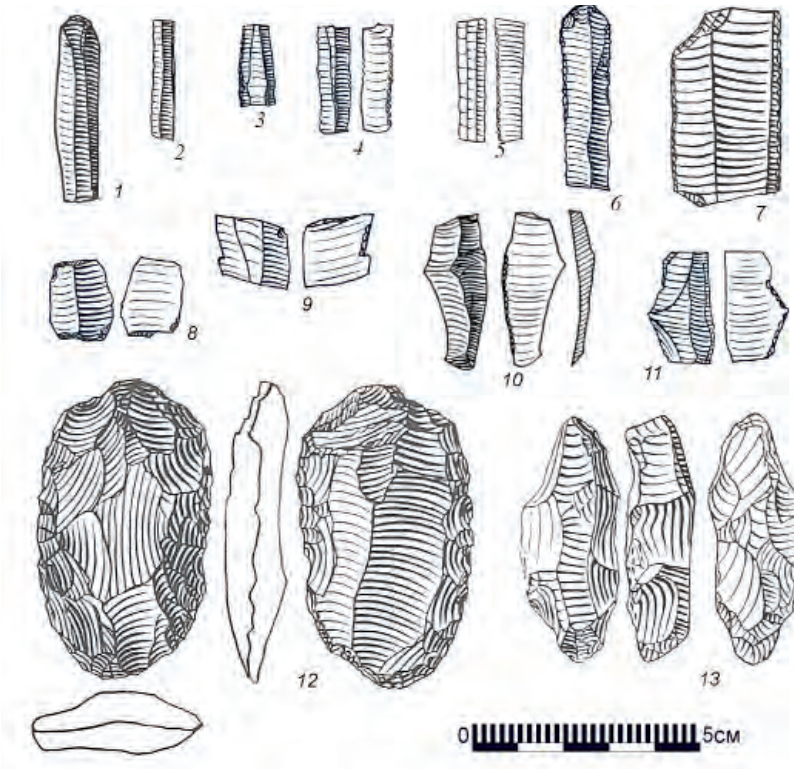

Рис. 3. Кузьвомын:
1, 2 – пластины; 3-11 – пластины с ретушью; 12, 13 – “ретушеры” (по Г.М. Бурову)

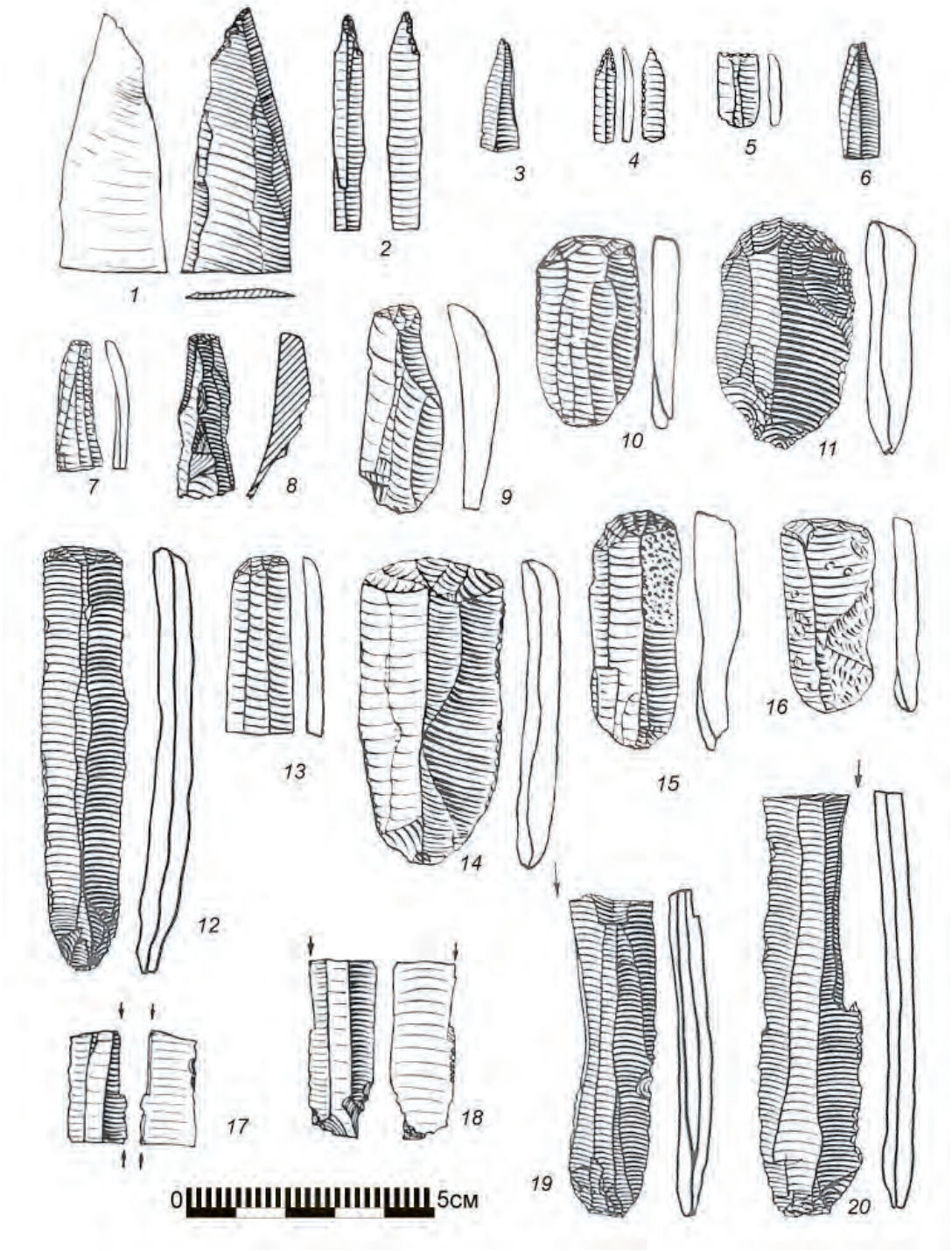

Рис. 4. Кузьвомын:
1-4 – острия; 5 – усеченная пластина; 6-8 – “долотца”; 9-16 – скребки; 17-20 – резцы (по Г.М. Бурову)

обработки, доказательством чему служат пластинки со следами работы – выкрошенностью. Есть сечения средних по размеру пластин с ретушью, которые могли использоваться в качестве вкладышей (рис. 3: 8; 5: 18, 19). Встречаются немногочисленные острия, однако какой-либо их устойчивой формы не установлено. Их обычно два-три на коллекцию (рис. 4: 1–4). На стоянке Пезмог I зафиксирована высокая трапеция. На стоянках Ульяново и Курьядор найдены рубящие орудия из кварцитопесчаника (рис. 6), два экземпляра топоров из Ульяново имеют перехват.

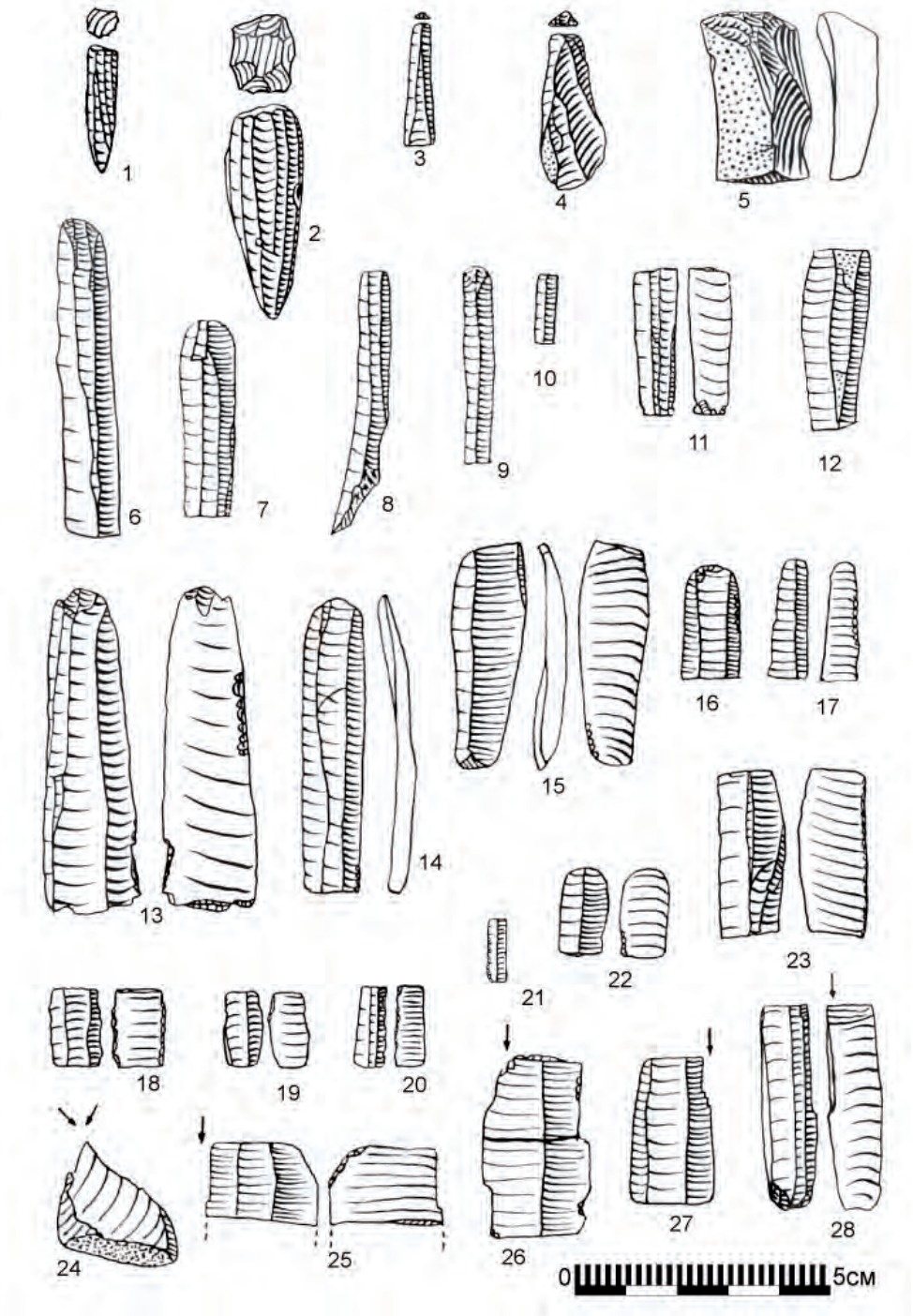

Рис. 5. Ульяново

1 – карандашевидный нуклеус; 2 – призматический нуклеус; 3, 4 – “долотца”; 5 – скребок; 6-12 – пластины; 13-17 – пластины с ретушью;18-23 – сечения пластин с ретушью; 24-28 – резцы (по Г.М. Бурову)

Стоянки типа Ёвдино II

Как и на стоянках средневычегодской культуры, в числе каменных орудий стоянок типа Ёвдино II представлены резцы угловые на сломе пластины, скребки, преобладающая часть которых изготовлена на пластинах. Количественно резцы превосходят скребки. Долотца (микроскребки) не столь многочисленны. Значительное количество орудий составляют пластинки с ретушью. Редки сечения пластин с ретушированным или обломанным углом.

Ёвдино II, пункт 4 (раскопано 102 кв. м).

Каменный инвентарь представлен почти исключительно кремнем: найдено 2849 предметов, в том числе 182 чешуйки. Все нуклеусы конусовидные, двух вариантов: округлого поперечного сечения, в том числе и карандашевидные (рис. 7: 2); и уплощенного сечения, с негативами пла-

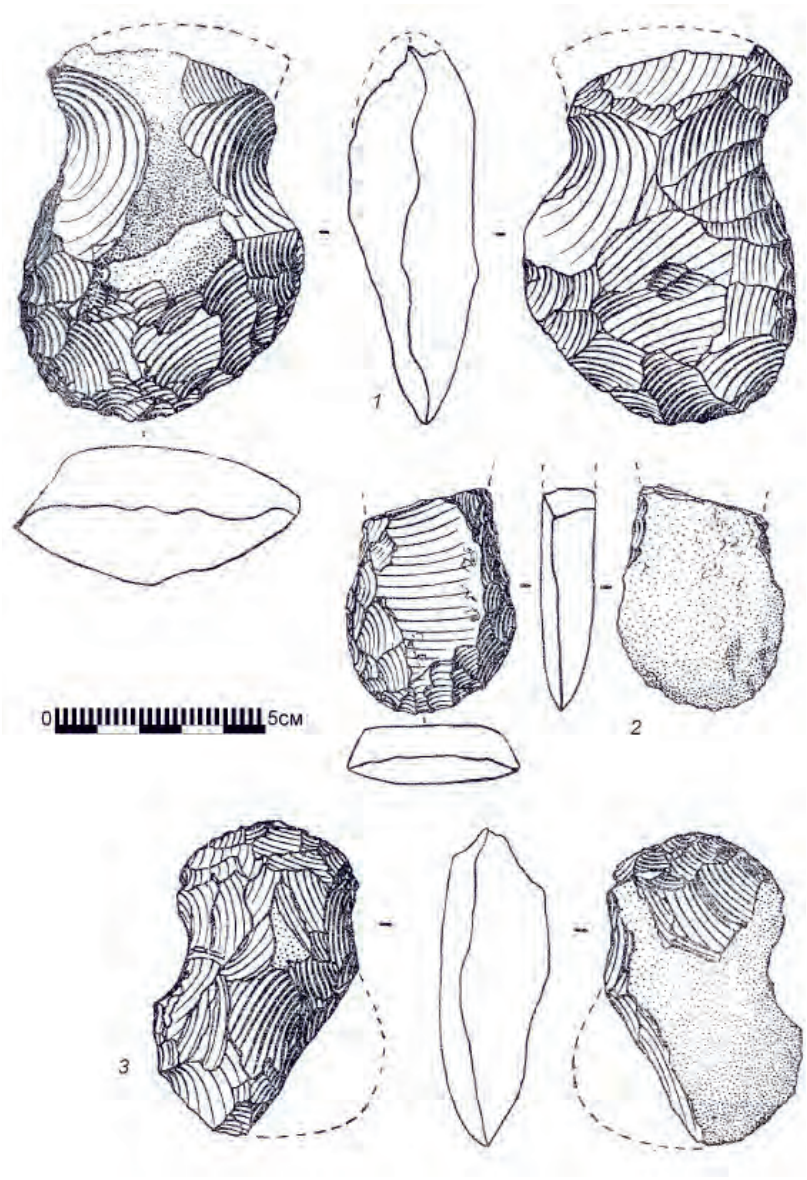

Рис. 6. Ульяново
Топоры из кварцита (по Г.М. Бурову)

стин на узких сторонах (рис. 7: 1). Среди пластин преобладают правильные, шириной 0,4–1,5 см. Большинство пластин расчленено на длинные фрагменты, у многих усечен дистальный конец, изогнутый в профиле. Короткие сечения не характерны. Ведущим типом заготовок для орудий являлись правильные пластины, целые или с удаленным (обломанным) концом, реже – сечения, преимущественно длинные. Орудия из отщепов и прочих сколов составляют 10%. Основные приемы вторичной обработки – резцовый скол и краевая ретушь, чаще всего мелкая.

Резцы в подавляющем большинстве оформлены резцовым сколом на углу сломанной пластины (рис. 7: 3–5). Преобладают одинарные резцы, встречаются двойные, один – четверной. В одном случае поверх резцового скола нанесена мелкая ретушь. На одиннадцати орудиях, кроме того, имеется ретушь: по краю или на углу. Она оформляет выемки или прямое крутое лезвие на конце, противоположном рабочей части резца. Два резца оформлены на отщепах, один из них многофасеточный (рис. 7: 4).

Скребки изготовлены на пластинах и пластинчатых отщепах. Большинство их – концевые однолезвийные с дуговидным рабочим краем (рис. 7: 6, 8). Три скребка – трехлезвийные, из них один овальной формы. Имеется боковой скребок на пластинчатом отщепе.

Треть изделий с выемкой изготовлены из широких пластин (рис. 7: 7), остальные – из отщепов. Большинство имеет один рабочий участок, пре-

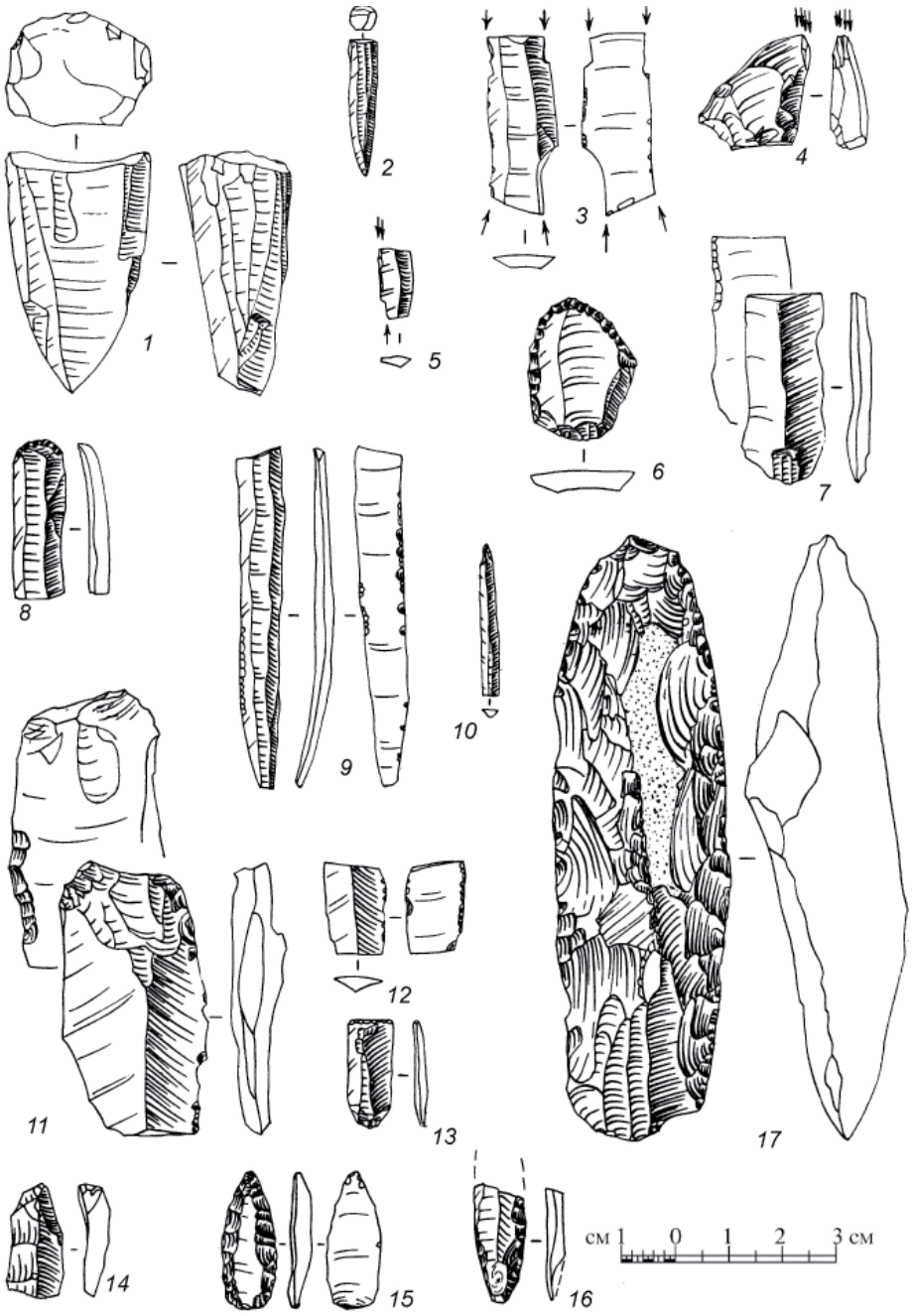

Рис. 7. Стоянка Ёвдино II, пункт 4:

1, 2 – нуклеусы; 3-5 – резцы; 6, 8 – скребки; 7 – пластина с выемкой; 9, 11, 12 – пластины с ретушью по краю; 10, 15 – острия; 13 – пластина с усеченным ретушью концом; 14 – микроскребок; 15 – наконечник стрелы?; 16 – фрагмент наконечника стрелы?; 17 – долото (по Л.Л. Косинской)

имущественно в виде короткой выемки по краю или на конце заготовки. У трех орудий имеются по две выемки, расположенные на концах или крае, причем у одного двухлезвийного торцевого скобеля продольный край снят на всю длину резцовым сколом. К этой категории отнесено и оригинальное орудие на массивной пластине с выемчато-зубчатыми краями и концом.

Для изделий с краевой ретушью (рис. 7: 9, 11, 12) использовались преимущественно фрагментированные пластины с отсеченным проксимальным или дистальным концом; сечения единичны. Из отщепов изготовлены 27% таких орудий. Все изделия однолезвийные, с прямым или слегка вогнутым рабочим краем. Дорсальная и вентральная ретушь использовалась одинаково часто. У двух

орудий вентральной ретушью снят угол, одно орудие скомбинировано со скобелем. Кроме того, имеются короткое сечение со скошенным крутой мелкой ретушью углом и три сечения без вторичной обработки с обломанными углами.

Изделия с поперечной ретушью (рис. 7: 13, 14) включают серию микроскребков с прямым лезвием, массивную пластину со слегка скошенным концом и 17 изделий с усеченным ретушью концом. Такую обработку имеют не только пластины, но и несколько отщепов.

Острия с симметричным или слегка асимметричным тонким жальцем, без плечиков, изготовлены из нешироких пластин и осколка; у одного из них обработаны и края (рис. 7: 10). Одно из орудий напоминает наконечник стрелы (рис. 7: 15). Однако затупленное и фасетированное жальце заставляет предположить его использование в качестве сверла. Впрочем, нельзя исключать и возможность вторичной утилизации наконечника (Косинская, 2007, с. 130). Возможно, наконечником стрелы является обломок пластины с дорсальной пологой ретушью на краях (рис. 7: 16). По размерам и характеру обработки это изделие напоминает вышеописанное острие (Косинская, 2007, с. 130).

Узкое длинное долото из кремнистой опоки (рис. 7: 17) имеет подтреугольное сечение и дуговидное, слегка асимметричное в профиле лезвие, оформленное с обеих сторон длинными параллельными пластинчатыми сколами. Края обработаны неровной крупной многоступенчатой ретушью. В коллекции имеется обломок рабочей части подобного же орудия из кремня. Второе орудие из кремнистой опоки – узкое, подтреугольного сечения, с аналогичной долоту обработкой граней – являлось полифункциональным. Один его конец использовался в качестве ретушера. На противоположном конце оформлены два коротких дуговидных лезвия, имевших скребущую функцию. Найдено пять отбойников из кварцевых галек стандартной формы и размеров, а также овальный, плосковыпуклый в профиле кусок песчаника. Его поверхность выкрошена в результате действия огня (Косинская, 2007).

Ыджыд-ты (раскопано 52 кв. м)

Инвентарь стоянки насчитывает 133 предмета. Нуклеусы не найдены, но преобладание правильных пластин, ребристые пластины и сколы подживления площадок нуклеусов характеризуют технику расщепления. Большинство пластин имеют ширину 0,6–1,5 см, более половины – сечения в основном средние и длинные.

Орудийный набор представлен 37 экз. Это резцы, скребки, изделия с ретушью по краю, с ретушью на конце, острие. Единственное острие – проколка с коротким жальцем на углу отщепа.

Резцы из сечений пластин – одинарные на углу слома, один четверной; у одного резца край подправлен пологой ретушью. Скребки – концевые на пластинах и на сколах с нуклеусов; один из последних скомбинирован с ретушером. К изделиям с поперечной ретушью относятся две массивные пластины с прямым и скошенным крутой ретушью концом.

Наиболее многочисленны изделия с краевой ретушью. Подавляющее большинство их оформлено из фрагментированных пластин, среди которых преобладают сечения (Косинская, 2007).

Лек-Леса 1

На стоянке выявлены остатки двух легких наземных жилищ. Одно из них исследовано полностью, вскрыто 64 кв. м (жилище 1), другое (жилище 2) вскрыто частично (Волокитин, Косинская, 1999).

Общее количество находок из камня, полученных при исследовании жилища 1 – 1640 экз. Кремневый инвентарь представлен осколками (82 экз.), чешуйками (375), отщепами (371) и техническими сколами (31), пластинами и орудиями, изготовленными из них (775). Имеется четыре нуклеуса. Один из них конусовидный. Остальные были оставлены в заключительной стадии расщепления. Обращает на себя внимание большое количество (технических) сколов переоформления нуклеусов, среди которых абсолютно преобладают сколы подживления площадок нуклеусов. Причем значительную часть отщепов, представленных в коллекции, в том числе и мелких, следует также рассматривать как сколы, полученные в результате подправки площадок. Данное обстоятельство, наряду с тем, что орудий из отщепов в коллекции не обнаружено, позволяет говорить об исключительной пластинчатости кремневой индустрии данного памятника. Исключения составляют единичные орудия на неудавшихся пластинчатых снятиях, такие как выемчатое (выемки на широком дистальном конце), а также скребло на уплощенном плитчатом куске кремня.

Распределение пластин по ширине в коллекции жилища 1 стоянки Лек-Леса, при всем ее своеобразии, выразившемся в повышенных тенденциях микропластин и широких пластин, вписывается в так называемый «камский» тип распределения, что указывает на происхождение данной индустрии и культурную принадлежность памятника (Волокитин, 2005).

В орудийном наборе памятника: резцы (16 экз.), скребки (15), скребло (рис. 8: 27), микроскребки (10), выемчатые орудия (5 экз., рис. 8: 26), крупные ножи и фрагменты (обломки) с краевой ретушью (95), острия (3), пластины с усеченными концами (10). Одна крупная пластина с «заныр-

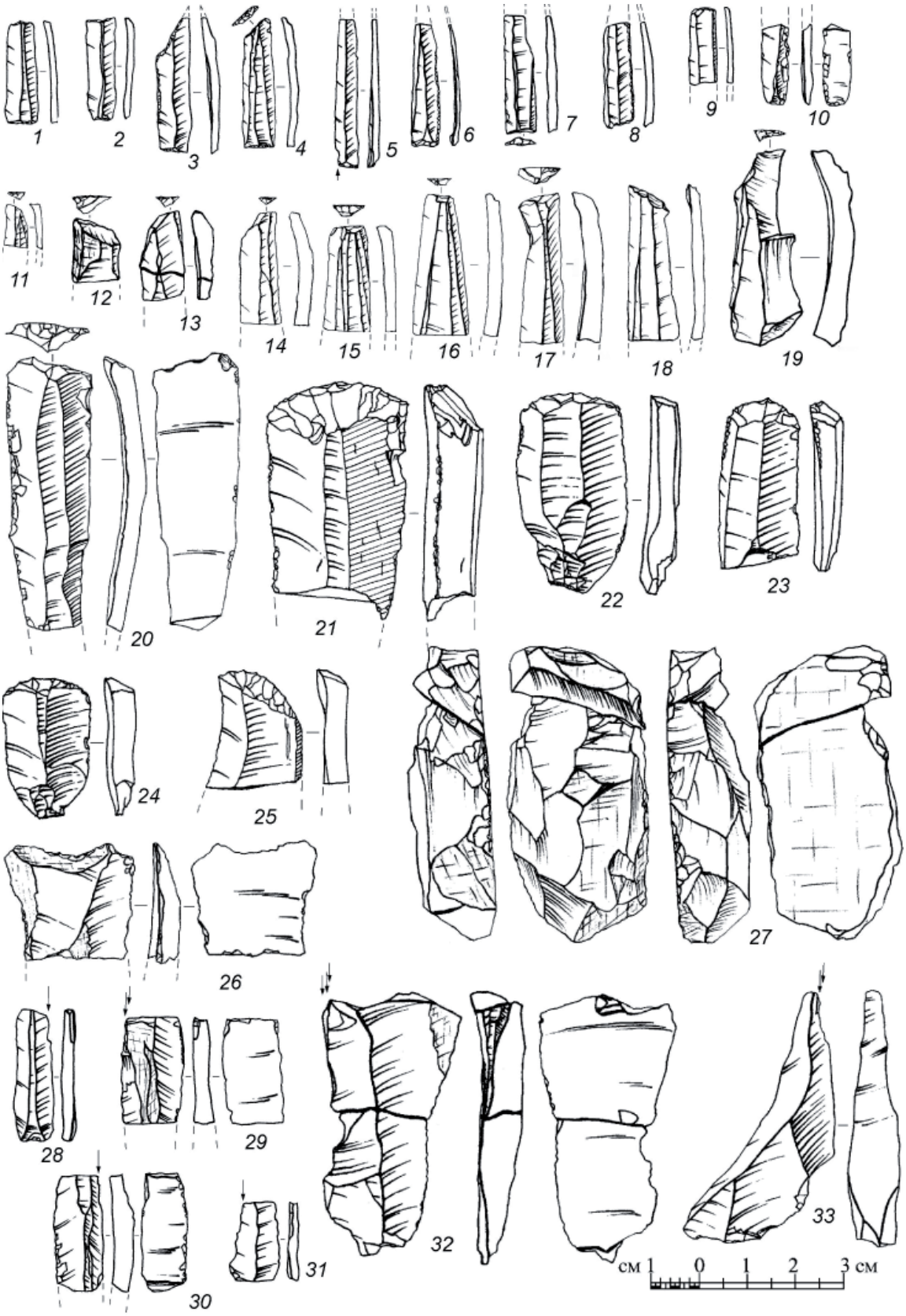

Рис. 8. Лек-Леса:

1-4 – двуконечно усеченные пластинки; 5-10 – узкие и микропластинки с усеченным концом; 11-19 – микроскребки; 20-25 – скребки; 26 – пластина с выемкой на дистальном конце; 27 – скребло; 28-33 – резцы

нувшим» дистальным концом, вероятно, использовалась в качестве отжимника (рис. 9: 12).

Резцы все на углу сломанной пластинки и, как правило, одинарные (рис. 8: 28–31). Один экземпляр выполнен на диагональном сколе с очень широкой пластины (пластинчатого снятия) (рис. 8: 33), а еще один резец – одинарный многофасеточный (рис. 8: 32).

Среди скребков есть орудия разных размеров (рис. 8: 20–25). Лезвия их, как правило, выпуклые, есть экземпляр с выпуклым скошенным лезвием, а также со скошенным зубчато-выемчатым. Один скребок имеет высокую форму. В числе микроскребков (рис. 8: 11–19) имеются так называемые «долотца».

Крупные ножи двух типов. Во-первых, это орудия с лезвием, сформированным некрутой вентральной ретушью (рис. 9: 10, 11). Все они фрагментированы. Особо следует отметить экземпляр ножа (рис. 9: 11), который удалось восстановить полностью. Два из его фрагментов (медиальные) имеют резцовые сколы. Вероятно, они использовались уже после фрагментации орудия. Таким образом, они входят и в состав группы резцов орудийного набора стоянки. Имеется крупная фрагментированная пластина с дорсальной ретушью по краям (рис. 9: 8). С другой стороны, представлены ножи с обушком (рис. 9: 13), как и положено, у данного типа орудий имеется нерегулярная ретушь (следы утилизации).

В числе острий – приостреная пластина, у которой естественная конвергенция краев у дистального конца имеет мелкую вентральную ретушь (рис. 9: 5). Скошенное острие на крупной пластине (рис. 9: 7) также имеет минимальную обработку массивного окончания дистального сегмента. Выделяется острие на крупной пластине (рис. 9: 6) с выделенным и слегка асимметричным «клювом». Оно также было фрагментировано, и его удалось восстановить полностью.

Узкие пластинки и микропластинки с усеченным концом (рис. 8: 5–10) обломаны. Причем обломан, как правило, дистальный конец, а усечение за единственным исключением (рис. 8: 10) было произведено дорсальной ретушью. В этой же серии и двуконечно усеченные пластины. Два экземпляра из них имеют прямоусеченные концы (рис. 8: 1, 2), а два других – косо- и прямоусеченные концы (рис. 8: 3, 4).

В регионе исследованы также памятники, в материалах которых на технологическую основу приуральской традиции наложен орудийный набор западной традиции. Наиболее показательны в этом отношении стоянки Чердыб 1 и 2, исследованные в 2003–2005, 2007 гг. на верхней Вычегде. Здесь присутствуют карандашевидные нуклеусы, а тип распределения пластин по ширине близок камскому, он имеет выраженный пик узких пластинок. Вместе с тем орудийный набор чердыбских инвентарей отличается большим разнообразием форм, и его доля среди находок выше, чем у стоянок приуральской традиции. Особенно стоит отметить серийность пластинок с притупленным краем, пластинок с усеченным концом и резцов на коротких сечениях и проксимальных сегментах пластин. Эти черты сближают стоянки Чердыб 1 и 2 с западной традицией в мезолите региона. Дата чердыбских материалов по углю – 7520±90; 7460±70 (ГИН 13357–13358) (Волокитин, Зарецкая, 2006).

Чердыб 1 и 2

Стоянки отделены друг от друга безымянным ручьем, впадающим в Вычегду. Поверхность террасы нарушена дорогами, противопожарными ровиками, площадкой нижнего склада для лесосплава, узкоколейной железной дорогой. Выявлено семь пунктов с находками на первой стоянке и шесть на второй. Раскопочные работы проведены в двух пунктах Чердыба 1 и двух пунктах Чердыба 2. Материал Чердыб 1, участок 2, а также обоих раскопанных пунктов Чердыб 2 (пункты 2 и 6) выявлен в большей своей части в перемещенных отложениях. Накопленный в результате исследований материал показывает отсутствие находок каких-либо других эпох, кроме мезолитических. Анализ коллекций всех пунктов показывает их сходство. Для всех коллекций характерен так называемый «камский тип» (Волокитин, Косинская, 1995) распределения пластин по ширине, примерно равные (высокие) доли орудий в коллекциях и сходство основных форм, составляющих эти орудийные наборы. Отмечается также сходство сырья.

Можно предполагать, что обе стоянки с их пунктами – это следы пребывания одной и той же группы людей на данной территории (Волокитин, Волокитина, 2016; 2021). Возможно, это самый крупный по площади мезолитический памятник в регионе. Выявленная площадь распространения культурных остатков в урочище составляет около 50 000 кв. м.

На стоянке Чердыб 1, на участке 1 (раскопано 58 кв. м), где сохранились не разрушенные современной хозяйственной деятельностью человека отложения, вскрыты сохранившиеся две трети остатков легкого наземного жилища.

Кремневые изделия насчитывают 1075 экземпляров, в том числе чешуек – 293 экз. Присутствуют орудия из галек и отщеп из кварцитопесчаника. Найдены фрагменты кальцинированных костей.

Продукты расщепления представлены отщепами (320 экз.) и пластинами (490 экз.). Зафиксирова-

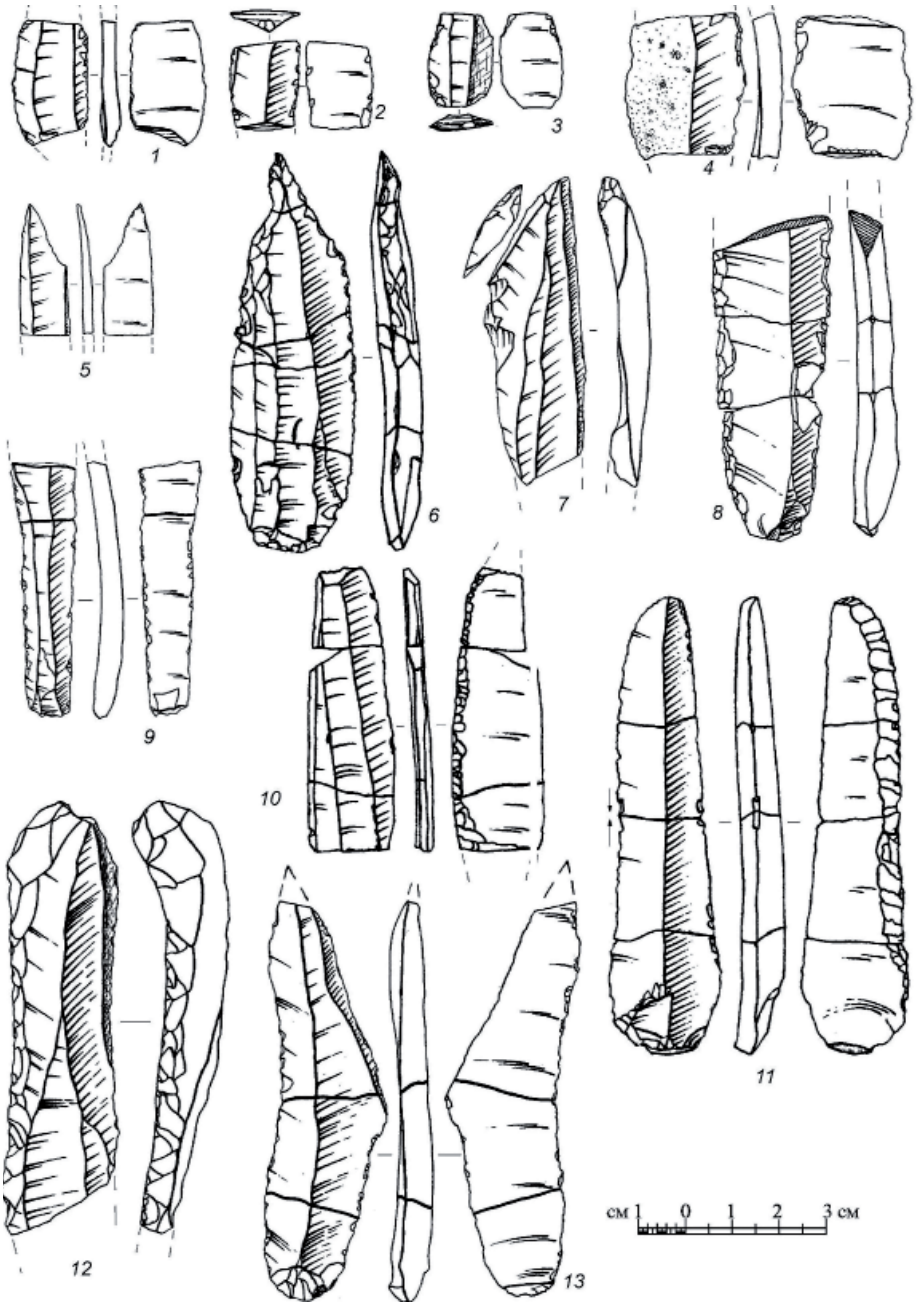

Рис. 9. Лек-Леса:
1-4 – сечения пластин с ретушью; 5-7 – острия; 9 – пластина с нерегулярной ретушью; 10, 11, 13 – крупные пластины с ретушью - “ножи”; 12 – отжимник

но большое количество технических и первичных сколов, большая часть мелких отщепов, особенно ногтевидных, получены при подправке площадок нуклеусов и оформлении их ребер. Имеется конусовидный нуклеус с полузамкнутым фронтом скалывания, два обломка нуклеуса, которые подбираются (ремонтаж) друг другу, представлены также технические сколы: сколы подживления площадки нуклеуса (20 экз.), ребристые сколы (3 экз.) и ребристые пластины (17 экз.), осколки (2 экз.), резцовые ощепки (4 экз.).

Орудийный набор памятника включает: пластины с ретушью (48 экз.), пластины с резцовыми сколами (9 экз.), пластинку с выемками (7 экз.), обломок скошенного острия (1 экз.), резцы (9 экз.), вкладыши на коротких сечениях (9 экз.), пластинки с притупленным краем (10 экз.), пластинки с усеченным концом (8 экз.). Имеется ребристая пластинка с усеченным концом, микроскребок со скошенным лезвием (3 экз.), скребки на пластинах (2 экз.), обломки двух сколов, снявших лезвия орудий типа скребков (2 экз.). Найдено двойное ору-

дие – скребок-провертка. Присутствуют отщепы с ретушью (1 экз.) и выемками (2 экз.).

Число изделий, имеющих вторичную обработку (122 экз.), составляет 16% от общего числа кремневых изделий за исключением чешуек. Пластинки с притупленным краем представлены длинными сечениями узких пластинок и микропластинок, притупливание выполнено вентральной ретушью по одному из краев. Имеются аналогичные сечения с некрутой ретушью по одному краю.

Серия специфических вкладышей представлена короткими сечениями средних пластинок, один край которых помимо ретуши имеет мелкие резцовые сколы, второй край представлен либо выступом, сформированным противолежащей ретушью, либо зубчато-выемчатым лезвием. Иногда фиксируются плоские резцовые сколы, а также подработка карнизиков.

Все резцы относятся к типу резцов на углу сломанной пластины. Имеются одинарные, двойные и тройные резцы.

Пластины с усеченным концом представлены дистальными сегментами двугранных пластинок с косо усеченным ретушью концом. Одна из них изогнута и может быть отнесена к так называемым «долотцам». Вторая – микроскребок – дистальный сегмент двугранной толстой пластинки, его конец частично сохраняет корку, частично усечен отвесной ретушью.

Помимо изделий из кремня обнаружены орудия из галек (5 экз.): галька-отбойник, галька-отжимник или абразив для обработки площадок нуклеусов, гальки-абразивы (2 экз.), расколотая вдоль, с обработанными сколами одним краем и концом, отбойник или наковальня (плоский валун кварцитопесчаника размерами 8,8×8,2×4,8 см).

На местонахождении Чердыб 2, пункт 6, раскопано 4 кв. м. Общее количество предметов из кремня – 838 экз., в том числе чешуек 106 экз. Присутствуют находки из кварцитопесчаника, среди них осколки (5 экз.), отщепы и их обломки (6 экз.).

Нуклеусов найдено 11 экз., среди которых есть карандашевидный (рис. 10: 1), удлиненный узкий призматический экземпляр (рис. 10: 2), имеются обломки (2 экз.) нуклеусов (рис. 10: 4, 5) и конусовидный нуклеус, составленный из диагонального скола, подбирающегося к проксимальной части нуклеуса (рис. 10: 6). Представлен также скол подживления площадки очень крупного нуклеуса.

Пластин и орудий из них найдено 368 экз., отщепов – 331 экз. (лишь один отщеп имеет вторичную обработку – ретушь). Среди пластин – 24 ребристых и два резцовых ощепка. Среди отщепов – сколы (41 экз.) подживления и подработки площадки, и два ребристых.

В числе орудий: пластинки с притупленным краем (7 экз.; рис. 11: 1–5), усеченные пластинки (13 экз.; рис. 11: 11–14), резцы, среди которых представительные двойные (6 экз.; рис. 11: 19–22), острия (2 экз.; рис. 11: 15–17). Многочисленны пластинки (обломки и сечения) с ретушью (рис. 11: 6–10, 18), имеются отщепы с ретушью (2 экз.).

Общее количество орудий – 61 экземпляр, что составляет 8% от общего числа кремневых изделий, за исключением чешуек.

Пезмогты 6

Общая вскрытая площадь на стоянке Пезмогты 6 составила 94 кв. м. Коллекция находок состоит из 5742 предметов: 5669 изделий из кремня, 64 – из некремневых пород и 19 мелких фрагментов кальцинированных костей. Кремневый инвентарь включает в себя пластины, в том числе и орудия из них (2878 экз.), отщепы и орудия из отщепов (1233 экз.), отщепки резцовые (8 экз.), чешуйки (1298 экз.), куски (5 экз.), осколки (189 экз.), плитки (4 экз.), осколки и отщепы термические (33 экз.). Предметы из некремневых пород (кварцитопесчаник и сланец) представлены отщепами (34 экз.), валунами и их обломками (5 экз.), осколками (11 экз.), чешуйкой, гальками и их фрагментами (4). Галька и валун кварцитопесчаника использовались в качестве отбойников, у них забиты оба конца и имеются негативы отщепов, отделившихся от сильных ударов.

Технологически значимые сколы и продукты расщепления включают 393 изделия: нуклеусы и их фрагменты (24 экз.), заготовки нуклеусов (3 экз.), ребристые пластины (179 экз.), сколы подживления и подработки площадки нуклеуса (122 экз.), первичные снятия (49 экз.), сколы удаления проблемных участков (5 экз.), оформления фронта нуклеуса (2 экз.), переоформления и подправки его фронта (2 экз.), обработки ребра нуклеуса; угловой скол, снятия с ребра желвака (2 экз.), скол с ребра куска кремня (2 экз.). Имеющиеся ребристые пластины, как правило, с односторонней обработкой гребня. Полные сколы подживления площадок, как и отмеченные выше ребристые пластины, имеют размеры, значительно превышающие таковые у представленных в коллекции ядрищ. Среди нуклеусов необходимо отметить наличие двух карандашевидных (рис. 12: 1, 2). Присутствует также удлиненный призматический экземпляр (рис. 12: 3). Эта форма весьма узнаваема и присутствует на других стоянках, где есть карандашевидные нуклеусы (Буров, 1965, рис. 18: 30; Верещагина, 1996, с. 30, табл. I: 6), возможно, являясь исходной формой для последних. Остальные нуклеусы – конусовидные (рис. 12: 4–8).

Рис. 10. Чердыб 2, пункт 6:
1 – карандашевидный нуклеус; 2 – призматический нуклеус; 3, 6 – конусовидные нуклеусы; 4, 5 – переоформленные обломки нуклеусов, аналогичные тем обломкам, из которых составлен экземпляр № 6

Рис. 11 . Чердыб 2, пункт 6:
1-5 – обломки пластинок с притупленным краем; 6-10 – сечения пластин с резцовыми сколами и ретушью; 11-14 – пластинки с усеченным концом – микроскребки; 15-17 – острия; 18 – крупная пластина с ретушью; 19-22 – резцы

Можно предположить, что памятник являлся кратковременной неспециализированной стоянкой-мастерской (Волокитин, Волокитина, Карманов, 2015). Почти все нуклеусы оставлены в неактивной стадии расщепления, они имеют последние короткие, неудачные снятия. Есть расколотый экземпляр ядрища (рис. 12: 7). Отмечены всего лишь три формы, которые можно считать заготовками нуклеусов. Начальная подготовка ядрищ не зафиксирована, а первичных сколов минимальное количество. Кремнеобработка на памятнике заключалась в получении сколов-заготовок. Вместе с тем выявлено достаточное количество готовых орудий и их обломков.

Графики распределения пластин по ширине относятся к так называемому «камскому типу», имея резко выраженный пик узких пластин (6–10 мм). Подавляющее большинство составляют пластинки шириной 6–7 мм. Доля длинных сечений пластин очень значительна и лишь немногим уступает доле средних.

Орудийный набор включает 364 изделия. Он представлен резцами (68 экз.), пластинами с резцовым сколом (12), пластинами с ретушированными и усеченными концами (40), долотцами (43), скребками (5) и микроскребками (11), остриями (11), вкладышами составных орудий (63), пластинами и их обломками с ретушью и ретушью утилизации (73), пластинками с притупленным краем (3), отщепами с ретушью (16), выемчатыми орудиями (6), орудием с выступом, отжимником.

Подавляющее число орудий – 336 – изготовлено на пластинах и лишь 21 – на отщепах. Доля орудий в инвентаре Пезмогты 6 (без учета чешуек) составляет 8%, что объясняется типом памятника.

За редким исключением, все резцы относятся к типу резцов на углу сломанной пластины (рис. 13). Все же стоит отметить наличие резцов с ретушированной площадкой (рис. 13: 8) и, что особенно важно, двойного альтернативного на сечении крупной пластины (рис. 13: 2), одинарного на углу короткого проксимального сегмента (рис. 13: 10), а также нуклевидного на крупном отщепе (рис. 13: 15). Есть резцовые ощепки, причем один из них несет негатив предыдущего резцового скола и краевую ретушь пластины (рис. 13: 3), а на конце другого уже после отделения оформлено лезвие микроскребка (рис. 13: 4).

Помимо так называемых долотец (рис. 14: 1–11) в коллекции примерно тем же числом (40 экз.) представлены пластинки с усеченным и ретушированным концом. Имеются как прямо- (рис. 14: 12–16), так и косоусеченные (рис. 14: 19–24) пластинки. У одного прямоусеченного экземпляра (рис. 14: 14) дополнительно подтесан вентральный фас. Присутствуют микроскребки, которые, как и усеченные пластины, отличаются от долотец тем, что они не имеют утолщения в направлении лезвия, которое слегка выпуклое (рис. 14: 17–18). Есть отщепы с широким ретушированным прямым дистальным концом (рис. 14: 25, 26). Два скребка оформлены на отщепах, причем у одного из них рабочий край имеет шип и выемки (рис. 14: 28). Остальные скребки изготовлены на пластинах (рис. 14: 27). В общее число скребков вошли два обломка – фрагменты лезвий.

В орудийном наборе имеются 11 острий, причем, два из них выполнены на отщепах. Вместе с тем следует отметить, что они не составляют серий. Имеются острие (сверло)-резец (рис. 15: 5); микроострие с вентральной обработкой (рис. 15: 2); мелкое острие с отвесной дорсальной ретушью (рис. 15: 1); скошенное острие с минимальной обработкой (рис. 15: 3); а также крупное острие на пластине с дополнительной подработкой плоской ретушью (рис. 15: 4).

Среди ретушированных пластин представлены обломки с ударными бугорками (рис. 15: 18, 19) – проксимальные сегменты. Большинство же – это сечения (рис. 15: 6–17), среди которых преобладают длинные. Ретушь равнофасеточная регулярная не характерна, хотя есть экземпляры с отвесной (притупливающей) ретушью, как дорсальной (рис. 15: 9), так и вентральной. Экземпляров, которые можно отнести к пластинкам с притупленным краем, всего три (рис. 15: 8). Присутствуют медиальные сечения пластинок с ретушированными углами (рис. 15: 20–21), которые, как и длинные сечения, отнесены к вкладышам. Такие же сечения, но крупных пластин, вероятнее всего, являются фрагментами орудий (рис. 15: 22).

Эньты III

Небольшая (134 предмета) коллекция стоянки, представленной жилищем малых размеров наземного типа, не имеет в своем составе нуклеусов, немногочисленны отщепы, но есть чешуйки. Орудийный набор представлен двумя резцами на углу сломанных пластинок и пластинками с ретушированным концом или краем. Нет так называемых долотец. В целом для памятника характерна укрупненная пластинчатая индустрия и примерно равное соотношение коротких и длинных сечений пластин (Логинова, 2014).

Памятники типа Ветью II

В эту группу включены памятники Ветью II, Остров, Кожмудор, а также Евдино II, пункт 1 (Косинская, 1988). Близка к ним и стоянка Ляльский Бор.

Их отличает повышенная доля микропластин, присутствие помимо конусовидных нуклеусов (рис. 16: 1) призматических экземпляров (рис. 16: 2). Отмечается значительное число ко-

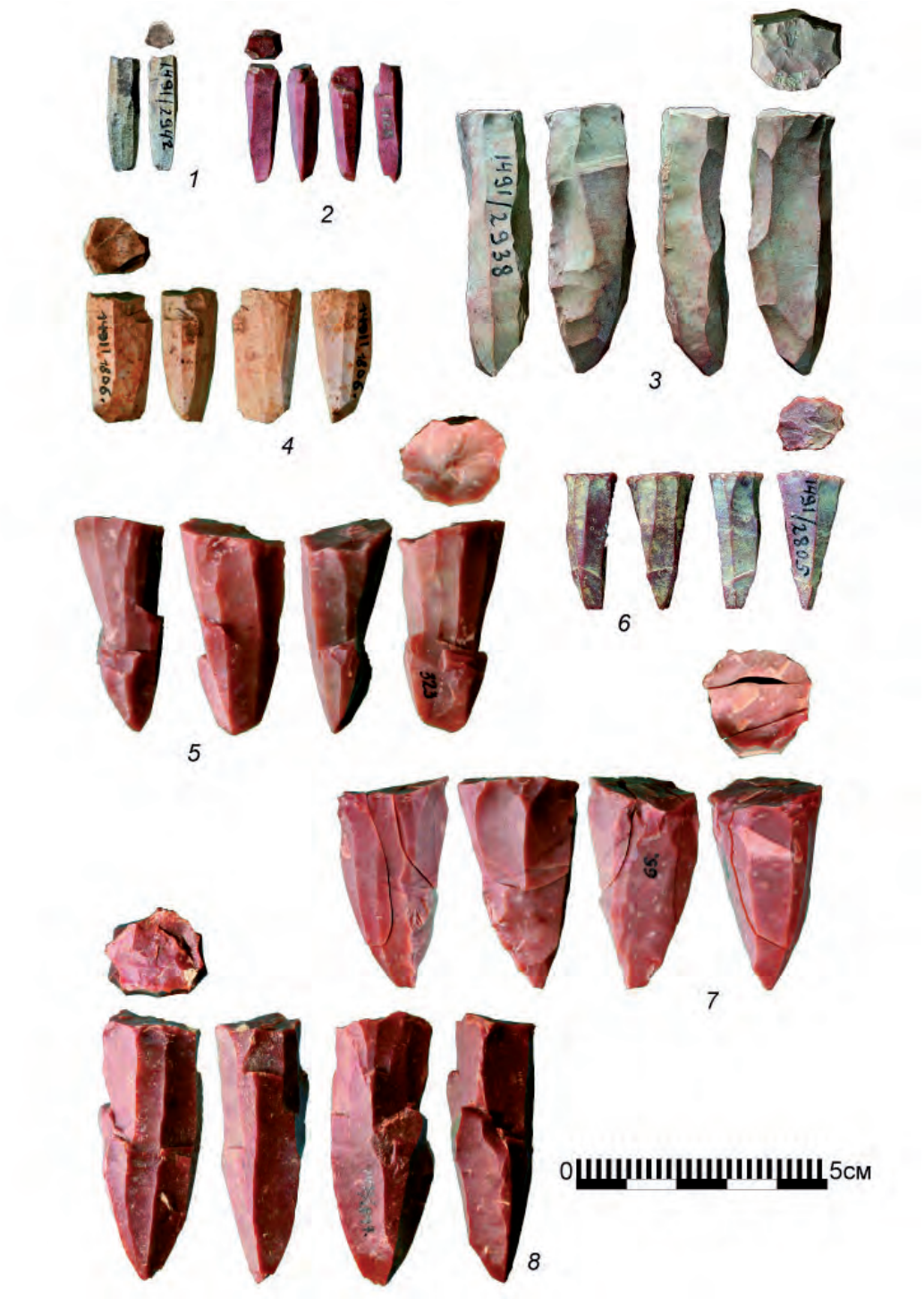

Рис. 12. Пезмогты 6:
Нуклеусы: 1-2 – карандашевидные; 3 – призматический; 4-8 – конусовидные

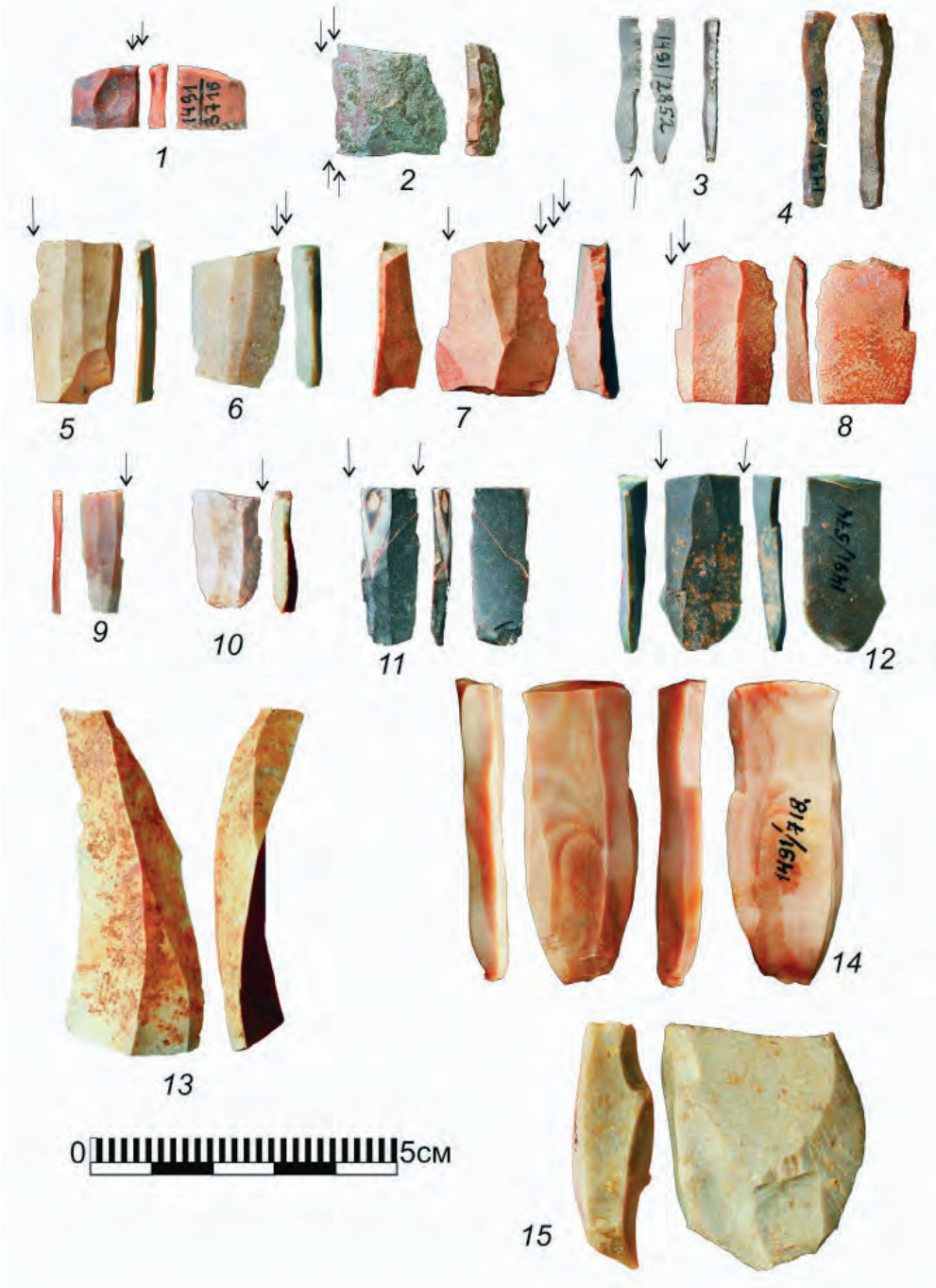

Рис. 13. Пезмогты 6. Резцы:

Резцы на углу сломанной пластины: 1, 2, 5-9 – на сечениях пластин; 10, 12 – на проксимальных сегментах пластин; 3, 4 – резцовые ощепки; 13, 14 – крупные резцы: на пластинах; 15 – резец на отщепе

Рис. 14. Пезмогты 6:

1-11 – долотца ; 12-16 – прямоусеченные пластины; 17, 18 – микроскребки; 19-24 – пластины с косоусеченым (ретушированным) концом; 25, 26 – прямоусеченные отщепы; 27, 28 – скребки

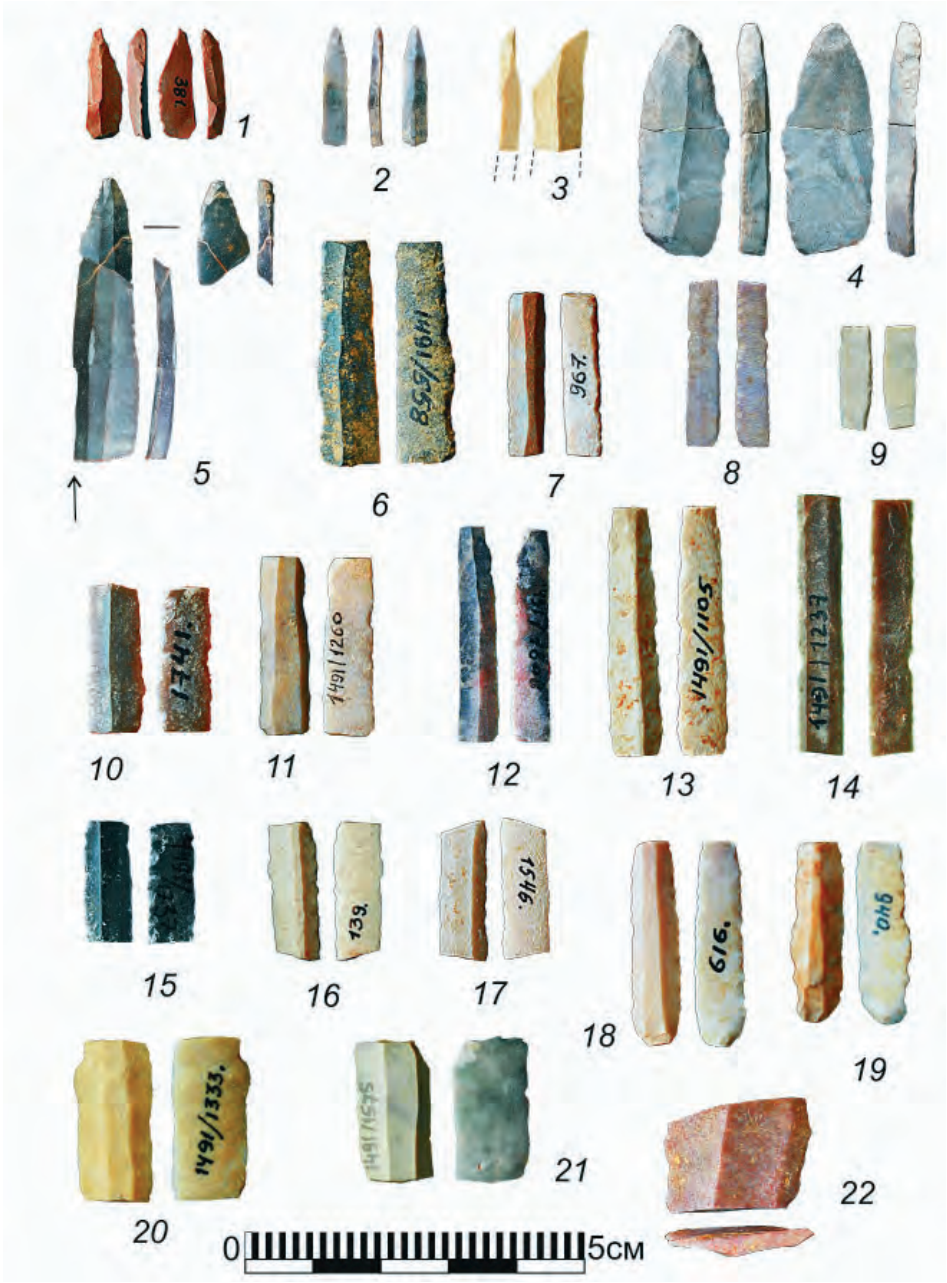

Рис. 15. Пезмогты 6:
1-4 – острия; 5 – острие-резец; 6-17 – пластинки (сечения) с ретушью; 18, 19 – проксимальные сегменты пластинок с ретушью; 20-22 – сечения средних пластин и крупной пластины с эпизодической ретушью в том числе на углах

ротких сечений (на Ветью II они преобладают) и орудий из них. На памятниках не обнаружены наконечники стрел, отсутствуют пластины с притупленным краем, не так многочисленны пластинки с усеченным или ретушированным концом (рис. 16: 20–22). Однако в орудийном наборе отмечены скребла (рис. 16: 12), широко применяется прием снятия (с помощью ретуши или путем обламывания) углов сечений пластин (рис. 16: 16–19), имеются острия с плечиками – проколки (рис. 15: 23), резцы на коротких сечениях пластин (рис. 15: 4, 5). На стоянке Ветью II преобладают скребки (рис. 16: 6–8) на отщепах (Косинская, 2007).

Турун-Нюр 1

Небольшая по площади стоянка, на которой раскопано 64 кв. м, имеет представительную коллекцию (1199 экз.), в которую входят конусовидный нуклеус, заготовка и сколы переоформления (конусовидных) нуклеусов. Высок процент пластин. Пластинчатая индустрия обладает укрупненным характером, при том, что доля узких пластин чуть больше, чем пластин средних. Со-

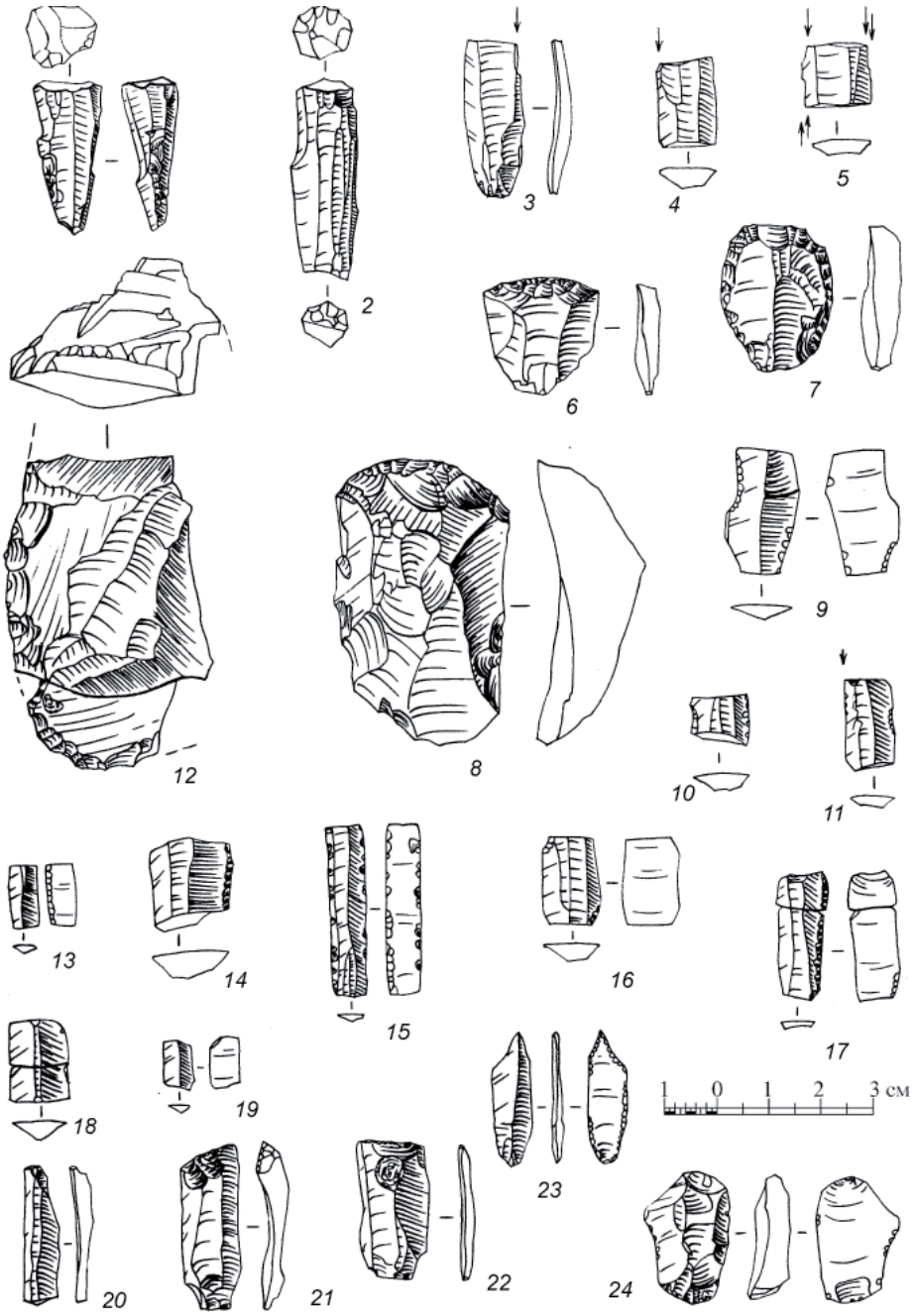

Рис. 16. Стоянка Ветью II:

1, 2 – нуклеусы; 3-5 – резцы; 6-8 – скребки; 9-11 – пластины с выемками; 12 – скребло; 13-15 – пластины с краевой ретушью; 6-18 – сечения со скошенными углами; 19 – сечение с обломанными углами; 20, 21 – пластины с массивным отретушированным концом; 22 – пластина с усеченным ретушью концом; 23 – острие; 24 – долотовидное орудие) (по Л.Л. Косинской)

отношение коротких и длинных сечений пластин примерно равное (Волокитин, Косинская, 1995). В материалах отмечено рассечение изделий. Характерной чертой является снятие (ретуширование) углов пластин. Среди орудий преобладают скребки (25 экз.). Они изготовлены как на отщепах, так и на пластинах, последние преобладают. Значительно меньше (в 5 раз) резцов. Все экземпляры этих орудий на углу сломанной пластины. Среди них есть резцы на коротких сечениях пластин. Имеются пластины, пластинки и их обломки с ретушью, в том числе и вкладыши. Найдено орудие типа проколки на узкой пластинке. Отмеченные В.Е. Лузгиным, исследователем стоянки, наконечники стрел с черешком “свидерского типа” (Лузгин, 1972, с. 25, рис. 2: 8, 9), которые затем Г.М. Буров отнес к наконечникам “аренсбургской традиции” (Буров, 1986), на самом деле являются

острием (приостренной пластиной) и сверлом. В коллекции присутствует рубящее орудие – тесло, обработанное сколами (Лузгин, 1972).

К вопросу о жизнедеятельности мезолитического населения Северного Приуралья

Все стоянки, как приуральской традиции, так и со смешанными чертами, располагаются на надпойменных, так называемых боровых террасах. Причем большая их часть – на второй террасе, а в случаях нахождения на первой террасе они занимают возвышенные участки – дюны. Все они приурочены к берегам рек или проточных старичных водоемов. Скорее всего, во время функционирования стоянок старицы были руслами рек или же только начали оформляться. Залегание культурных остатков на небольшой глубине в подзолистой кислой почве и вследствие этого отсутствие культурного слоя как определенной геоархеологической структуры, предельно слабая сохранность фаунистических и других органических остатков не способствуют исследованиям с применением естественно-научных методик. Вместе с тем часть крупных элементов культурного слоя (остатки очагов, жилищ) на ряде памятников удалось выявить. Редки определения фаунистических остатков и радиоуглеродные датировки.

Таким образом, реконструкции палеогеографических обстановок возможны лишь по имеющимся немногочисленным фаунистическим определениям, а также с опорой на даты, экстраполируя данные, полученные на синхронных памятниках западной традиции (Волокитин, 2006; Волокитин, Грибченко, 2014) или в результате независимых исследований палеогеографов (Андреичева и др., 2015).

Жилища выявлены на вычегодских стоянках Ульяново, Эньты 3, Чердыб 1, Ыджыд-ты; стоянке Ёвдино II на р. Выми; стоянке Лек-Леса 1 на Ижме. Все они относятся к типу легких наземных.

Ульяново

Согласно Г.М. Бурову, на стоянке вскрыты скопления артефактов, которые могут быть остатками наземных жилищ. Одно из них, площадью около 10 кв. м (диаметром 3–3,5 м), содержало основную массу найденного на стоянке кремня и значительную часть расколотого кварцита, из которого изготовлялись топоры с перехватом. Возможно, в описанном пункте не только находилась мастерская по изготовлению каменных орудий, но и располагалось наземное жилище с хозяйственной ямой в центре. Оно могло быть только летним, поскольку здесь отсутствовал очаг. Другое скопление культурных остатков, вскрытое в 25 м от описанного, с меньшим количеством находок, было больше по площади (около 17 кв. м при диаметре 4–4, 2 м), и в центре его находилось кострище – круглая сажисто-углистая линза диаметром 0,5 м при максимальной мощности 0,15 м. В нижней части этой линзы имелась угольная прослойка. Кострище содержало свыше 120 кусков расколотого кварцита и до 45 кремней со следами огня. Здесь могло располагаться зимнее(?) жилище (Буров, 2007).

Чердыб 1

На стоянке Чердыб 1, на первом участке, где обнаружены нетронутые современной хозяйственной деятельностью человека отложения, в раскопе (58 кв. м) вскрыты сохранившиеся от разрушения дорогой две трети остатков легкого наземного жилища. Это часть округлого пятна находок диаметром 4–5 м. Отмечены угли и мелкие фрагменты кальцинированных костей. Выявлено место первичного расщепления кремня – т. н. точек, его наличие существенно повлияло на состав коллекции.

Фаунистические остатки представлены плюсной лося (03) – 3 экз., ребром волка (?) – 1 экз. Среди фрагментов (120 экз.) трубчатых костей, вероятнее всего, представлен лось. На участке 2, где находки в основном залегали в перемещенном состоянии, определены: лось (метоподия – 4 экз., фаланга (ф1, ф4), сесамовидная кость (целая), бедро (03) – 1 экз.), северный олень (сесамовидная кость (целая)), волк (метаподия, фаланга (ф1) – 1 экз.). Среди фрагментов трубчатых костей (около 500 экз.) наиболее вероятны лось и северный олень, при доминировании лося.[2]

Эньты 3

Жилище на поверхности не фиксировалось. При зачистке раскопа на уровне 30–35 см обнаружено пятно в виде неправильного четырехугольника с наибольшим размером в поперечнике до 2,4 м, с четкими углами. Глубина в материке составила 0,1 м. Дно – ровное. Западный угол жилища – острый, северный и южный – прямые, восточный – тупой. Выход был ориентирован на запад. Снаружи, у северо-западной стороны зафиксирована яма (столбовая) размерами 0,70×0,45 м, глубиной в материке 0,10 м. Находки зафиксированы в белесом песке и на полу жилища, на «материке». Остатков очага не обнаружено. Э.С. Логинова предполагает, что здесь представлены остатки малого наземного, слегка углубленного в землю сооружения каркасного типа. Наружный столб, вероятно, поддерживал кровлю (Логинова, 2014).

Стоянка Ёвдино II, пункт 4

Жилище наземное, прямоугольной формы, размером 5,2×3,2–4,2 м. Продольной осью ориентировано перпендикулярно бровке террасы. Выход

[2] Определение П.А. Косинцева (Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург).

расположен в середине торцевой стенки и обращен к реке. Он фиксировался как язык культурного слоя грушевидной в плане формы, длиной 1,7 и шириной 1,3 м. В средней части жилища у длинных стен находились две многоугольные ямы. Их размеры 1,5×1,1–1,4 м, глубина в материке – 0,5 м. У одной ямы стенки прокалены, на дне лежал сгоревший пень корнями вверх; в заполнении другой отмечены угольки. Обе ямы, вероятно, являлись очажными. Основная часть инвентаря залегала в удаленной от входа половине помещения, а в передней части, до очагов, находки были единичны. За пределами жилища кремень встречался редко и не образовывал скоплений (Косинская, 2007).

Стоянка Ыджыд-ты

Жилище наземного типа фиксировалось в виде маломощного пятна культурного слоя, подквадратной формы в плане, с длиной сторон 2,8 м. Северная граница не прослеживалась и предположительно реконструируется по намеченному северо-восточному углу и северной границе распространения кремня. Вероятно, с этой стороны располагался выход, поскольку севернее отмечены единичные находки. Таким образом, продольной осью жилище могло быть ориентировано вдоль бровки террасы. У западной стенки располагалась овальная яма, врезанная в материк, в заполнении которой найдено значительное количество орудий. Очаг не обнаружен. За пределами жилища кремень почти не встречался (Косинская, 2007).

Лек-Леса 1

Жилище 1 (исследовано полностью) определялось по наличию слабо окрашенного углистого пятна размерами 3×2 м, длинной осью ориентированного по линии запад – восток в иллювиальном горизонте, что позволило предположить присутствие следов легкого наземного жилища типа чума. В пределах данного пятна располагалась основная часть находок: изделия из кремня, угольки, куски почерневшей бересты, мелкие фрагменты обожженных костей, куски гальки кварцитопесчаника. Последние в количестве 30 экз. были найдены как в слое подзола, так и в иллювиальном горизонте (максимальная глубина – до 0,8 м), но все находки залегали в пределах площади углистого пятна. По окончании работы эти куски подобрались в один валун кварцитопесчаника диаметром до 20 см. Следует отметить, что они не обожжены, то есть нет следов их использования в качестве очажных камней.

Общий диаметр пола жилища, исходя из опыта последующих исследований, определяется четырьмя метрами (Волокитин, 2005).

По мелким фрагментам кальцинированных костей животных были определены бобр (фрагменты (3) нижней челюсти), лось (фрагмент пясти) и медведь (фрагмент верхней челюсти)[3]. По углю (угольки собраны по всей поверхности углистого пятна) определена дата – 9010±70 (ЛЕ-3607).

Жилище 2, имеющее аналогичные показатели, вскрыто на памятнике частично.

Наличие очагов отмечено на памятниках Турун-Нюр 1 (гальки со следами огня и прокал), Ульяново (в центре предполагаемого жилища), Эньты 3 (снаружи жилища), Ёвдино II (два очага у стен внутри жилища). Остатки очагов предполагаются также в центральной части жилищ на памятниках Лек-Леса 1, Чердыб 1. На памятнике Турун-Нюр 1 выявлено небольшое, размером 0,44×0,39 м, пятно охры, назначение которого неясно.

В результате анализа топографии, косвенных данных о сезонности, наличия жилищ, их размеров и стоянок в целом, а также интенсивности и особенностей кремнеобработки выявлены следующие типы памятников (Косинская, Волокитин, 1993; Косинская, 2007):

1. Малые кратковременные стойбища небольших групп с легкими жилищами, без очагов. Летние, неспециализированные, то есть с полным циклом кремнеобработки (Ыджыд-ты, Ляльский Бор).

2. Небольшая сезонная стоянка-мастерская с преимущественно первичной обработкой кремня (Ярега). Вероятнее всего, летняя.

3. Стоянка-мастерская, летняя, с преимущественным получением пластин-заготовок (Пезмогты 6).

4. Небольшие сезонные, относительно долговременные поселения с “домашними” мастерскими, преимущественно по изготовлению полуфабрикатов-заготовок для орудий; зимние (Евдино II, пункт 4) и летние (?) с утепленными жилищами (Лек-Леса, жилище 1); вероятно, к ним относятся также Ульяново, Чердыб 1, участок 1, и Чердыб 2, пункт 6).

5. Крупное сезонное, летнее, относительно долговременное стойбище без жилищ, неспециализированное (Ветью II).

По мнению Л.Л. Косинской, Турун-Нюр 1 представлял собой малое летнее, сезонное стойбище (Косинская, 1993). Характер кремнеобработки там не определялся.

Значительная вариабильность типов поселений, вероятно, является доказательством сложной организации годового хозяйственного цикла мезолитического населения региона.

На памятниках представлены все циклы кремнеобработки с преобладанием тех или иных ста-

[3] Определение П.А. Косинцева (Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург).

дий в зависимости от сезона и времени обитания. Имеющиеся фаунистические остатки (стоянки Лек-Леса, Чердыб 1), весьма немногочисленные, указывают на занятия населения охотой. В охотничьей добыче, как и следовало ожидать, преобладает лось. Есть кости бобра и северного оленя. Особо отметим присутствие волка и медведя. Состав фауны, несомненно, показывает наличие таежных ландшафтов. К сожалению, нет костей птиц, они, скорее всего, не сохранились. Отсутствуют и кости рыб. К сожалению, это не позволяет даже предполагать наличие промысла рыбы, хотя на памятниках парчевской культуры (стоянки Парч 2, Вылыс Том 2), распространенных на той же территории и имеющих близкие даты, такие остатки имеются. А на Висском 1 торфянике обнаружены орудия рыболовства: остатки сети, поплавки, ботало, острога (Буров, 1986).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НЕОЛИТ

Глава 1
История изучения неолита региона
Глава 2
Палеогеография неолита Прикамья и Среднего Поволжья
Глава 3
Елшанская культура
Глава 4
Волго-камская культура
Глава 5
Камская неолитическая культура
Глава 6
Памятники с ямочно-гребенчатой керамикой
Глава 7
Памятники камской культуры в бассейне Вычегды
Глава 8
Льяловская культура на европейском северо-востоке
Глава 9
Памятники русско-азибейского типа
Глава 10
Памятники татарско-азибейского типа
Глава 11
Новоильинская культура
Глава 12
Гончарная технология населения Среднего Поволжья в эпоху неолита
Глава 13
Итоги изучения неолита Среднего Поволжья и Предуралья

ГЛАВА 1
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА РЕГИОНА

Первым широко известным в научной литературе археологическим памятником на территории Приуралья стал Камень Писаный на р. Вишере. Он был открыт и подробно описан пленным шведским офицером Ф. Страленбергом в первой половине XVIII в. (Мельничук, 2004, с. 103). Однако данное открытие побудило интерес к скале с наскальными рисунками в глухой уральской тайге скорее в Европе, нежели внутри страны.

Археологические исследования памятников каменного века в регионе ведутся со второй половины XIX в. В их открытии и исследовании можно отметить несколько основных этапов (Лычагина, 2008, с. 344).

Первый этап охватил конец XIX – начало XX вв. На этом этапе были открыты первые памятники эпохи неолита. К ним относится Лёвшинская стоянка, обнаруженная краеведами И.Н. Глушковым и С.И. Сергеевым в 1890 г. на месте строительства железнодорожной станции (Теплоухов, 1892, с. 3), и стоянка Шляпино, найденная краеведом М.В. Малаховым на р. Велве, между д. Новое и Старое Шляпино, в 1882 г. (Талицкая, 1952, с. 144). В коллекции Теплоуховых также имелись предметы неолитического облика из окрестностей д. Петухово (Талицкая, 1952, с. 143). Материалы этих исследований были обработаны и опубликованы Ф.А. Теплоуховым. Вот как он описывает орнамент на керамике стоянки Лёвшино: «Из узоров, которыми были украшены сосуды… всего чаще встречается пересеченно-линейный, состоящий из довольно длинных бороздок или желобков, пересеченных рядами ямок угловатого или округленного очертания… Реже узор состоял из ряда простых ямок, выдавленных закругленным или приостренным концом палочки» (Теплоухов, 1892, с. 14). Из приведенного фрагмента видно, что основное внимание исследователь уделял описанию узоров, но в то же время присутствует попытка выявления орнаментира и способа работы им. Можно отметить, что характеристика орнамента дается суммарно, в несистематизированном виде.

Впервые древности каменного и медного веков Камско-Вятского междуречья начали исследовать А.А. Штукенберг и Н.Ф. Высоцкий. Однако изучение древних стоянок ограничилось описанием и классификацией количественно незначительных коллекций с разных памятников (Цыгвинцева, 2012, с. 246).

На европейском Северо-Востоке первые сведения о находках эпохи неолита относятся к началу XX в. Они связаны с работами А.В. Журавского в Большеземельской тундре и описанием найденных им предметов на стоянке Шренк-Ярей (Сандибей-ю VIII) (Карманов, 2008, с. 6).

Исследования в этот период велись в основном силами местных краеведческих организаций. Основные интересы первых исследователей были направлены на изучение памятников железного века. Открытие же памятников каменного века носило случайный характер (разрушение культурного слоя при строительстве и т. д.). Тем не менее работы, проведенные на первом этапе, «удревнили» историю Приуралья более чем на тысячу лет.

Второй этап, 1917–1930-е гг., связан с именами таких археологов, как А.В. Шмидт и Н.А. Прокошев. Первый был направлен для работы в Пермский Университет в 1917 г. и вплоть до 1924 г. занимался поиском и исследованием археологических памятников на территории края. Несмотря на отъезд в г. Санкт-Петербург (Ленинград) в 1924 г., А.В. Шмидт продолжил свои исследования древней истории Приуралья. Так, в 1925 г. им были проведены раскопки на стоянке Лёвшино – самом раннем памятнике на территории региона на тот момент (Шмидт, 1940, с. 1–31). Благодаря этим работам мы получили более четкие представления о материальной культуре Приуралья в эпоху неолита.

Активные исследования были продолжены в 1930-е гг., когда в связи с проектом строительства Камской ГЭС была создана Камская экспедиция (КЭ) ГАИМК под руководством А.В. Шмидта (с 1934 г. Н.А. Прокошева). Деятельность КЭ ГАИМК охватывает период с 1932 по 1937 гг. В ее работе можно выделить два этапа: 1932–1933 гг. – начальный этап, когда шло детальное обследование предполагаемой территории затопления, разрабатывались планы работ, проводились разведки, но не было больших стационарных исследований памятников, и этап 1934–1937 гг. – время

проведения крупномасштабных раскопок (Лычагина, 2011, с. 147).

По итогам работ этой экспедиции был открыт и исследован ряд памятников позднего каменного века в окрестностях г. Перми (Шмидт, 1935, с. 166–176; Прокошев, 1936, с. 255–268). Большинство из них – стоянки у хут. Астраханцева, у Гремячего Ручья, у пос. Верхняя Курья, у дер. Усть-Чусовая – позднее были отнесены к эпохе энеолита (бронзы) (Бадер, 1961).

Работы КЭ ГАИМК сыграли важную роль в развитии археологии Приуралья. Впервые территория региона подверглась столь длительному и планомерному исследованию профессиональными археологами.

Особо хотелось бы отметить исследования стоянки Лёвшино, проведенные Н.А. Прокошевым в 1934 г. (Прокошев, 1940, с. 3–43). В ходе этих работ, впервые на территории Приуралья, была обнаружена неолитическая керамика, орнаментированная с помощью накола. В то же время материалы, связанные с керамикой, орнаментированной с помощью гребенчатого штампа, послужили основой для выделения поздненеолитического этапа в камском неолите (Бадер, 1970, с. 157–171; 1978, с. 72–74).

Исследования 1917–1930-х гг. существенно расширили источниковедческую базу. Благодаря этим работам мы получили представления об энеолите Приуралья. Анализ керамики, проведенный археологами, позволил в дальнейшем разделить неолитические и энеолитические культуры.

Следующий этап (1947–1975 гг.) связан с именем такого археолога, как О.Н. Бадер. Именно по его инициативе в 1947 г. в Пермском университете была создана Камская Археологическая Экспедиция (КАЭ). Одной из основных задач экспедиции стало исследование археологических памятников в зоне строительства Камской, а с 1951 г. и Воткинской ГЭС (Зимина, 2003, с. 12). Масштабы проведенных исследований – огромны. Из неолитических памятников в 1947–1954 гг. в зоне строительства Камской ГЭС были обнаружены и изучены стоянки: Боровое Озеро I, Боровое Озеро III, Нижнеадищевская II, Верхнеадищевская II, Хуторская, Чашкинское Озеро I. В зоне строительства Воткинской ГЭС с 1951 по 1960 гг. были исследованы поселения: Усть-Паль, Кряж, «Старушка», Красное Плотбище, Чернушка, Сенная, «Чернашка», Бойцово I, Камский Бор II. Ещё ряд памятников (Заюрчим, Крохово) был исследован В.П. Денисовым в окрестностях г. Перми.

Исследование этих памятников позволило более четко охарактеризовать развитый неолит Среднего Приуралья, получить представление о каменной индустрии и сопутствующей гребенчатой керамике.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. начинаются планомерные исследования памятников каменного века на территории европейского Северо-Востока. В частности, Г.М. Буровым были изучены поселения Вис I, II и Висские I и II торфяники, В.Е. Лузгиным – стоянка Черноборская III (Карманов, 2008, с. 7).

В 1960-е гг. в связи с проектом строительства Верхнекамской ГЭС активные археологические исследования проводились в Верхнем Прикамье. Усилиями учеников О.Н. Бадера – В.П. Денисова и В.А. Оборина были изучены такие памятники каменного века, как: Васюково I, Васюково II, Чирва II, Лёкмартово III, Ларёвка I, Лисья Курья, Поздеевское Озеро I. В ходе этих исследований было доказано, что керамика, орнаментированная с помощью гребенчатого штампа, характерна и для неолита Верхнего Прикамья.

Работы послевоенного периода дали огромное количество эмпирического материала. Его обобщение позволило О.Н. Бадеру выделить «камскую неолитическую культуру» и создать её периодизацию (Бадер, 1970, с. 57–71; 1973, с. 99–106).

По мнению исследователя, ранненеолитических памятников на территории Приуралья в тот момент открыто не было, что О.Н. Бадер связывал с запоздалым развитием неолита. Поэтому первый этап относился уже к развитому неолиту.

Этот этап О.Н. Бадер назвал боровоозерским (по стоянке Боровое Озеро I) и датировал концом IV тыс. – серединой III тыс. до н. э. Он считал, что для данного этапа характерны полуяйцевидные сосуды закрытой формы, орнаментированные гребенчатым штампом. При этом основным узором являлась «шагающая гребенка». Для каменного инвентаря боровоозерского этапа характерны листовидные наконечники стрел, двусторонне обработанные ножи, резаки. Микролитическая техника, столь характерная для мезолита Прикамья, на памятниках этой группы отсутствует.

Следующий этап О.Н. Бадер назвал хуторским и датировал серединой – второй половиной III тыс. до н. э. Он тоже относился к развитому неолиту и отличался от предыдущего прежде всего появлением ямочной орнаментации на посуде, а вместе с ней и большим разнообразием, и сложностью узоров. В каменном инвентаре для хуторского этапа характерно абсолютное преобладание отщеповой техники. Особо следует отметить наличие на памятниках хуторского типа длинных подчетырехугольных домов с нишами и рядом очагов вдоль центральной линии. В таких жилищах, по мнению исследователя, могло проживать 25–30 человек (Бадер, 1970, с. 157–171).

Третий, левшинский этап, О.Н. Бадер отнес к позднему неолиту и датировал концом III – началом II тыс. до н. э. Для этого этапа характерны круглодонные сосуды с цилиндрической верхней частью, венчики без наплыва, ямки по венчику сосуда, узор в виде «решетки». В кремневом инвентаре появляются наконечники стрел вытянутотреугольной формы, характерные для бронзового века.

Несколько иная концепция развития неолита региона была предложена А.Х. Халиковым, на основе исследований, проведенных им в 1950–60-е гг. на территории Нижней Камы и Средней Волги.

В частности, А.Х. Халиковым была предложена периодизация волго-камской культуры. По этой схеме неолит Волго-Камья делился на пять этапов, из которых три относились к раннему периоду и два к позднему (Халиков, 1969, с. 40–92).

Первый этап так называемого докерамического неолита датировался второй половиной V тыс. до н. э. Для него были характерны: аморфные нуклеусы, крупные пластины, асимметричные долота и тесла, шлифованные орудия.

На втором этапе появлялась накольчатая керамика. Он датировался первой половиной – серединой IV тыс. Вместе с накольчатой керамикой встречались орудия на отщепах и крупных пластинах.

На третьем этапе, который автор относил ко второй половине IV тыс. до н. э., помимо накольчатой керамики появлялась гребенчатая. И та, и другая посуда имела одинаковую форму – котловидные сосуды с коническим дном. На данном этапе были изучены полуземлянки подквадратной формы с очагами.

Два других этапа были отнесены автором к позднему неолиту и повторяли периодизацию О.Н. Бадера. Четвертый этап совпадал с боровозерским, а пятый – с хуторским (Халиков, 1969, с. 75–84).

В этой же работе А.Х. Халиков отметил, что наибольшее сходство у волго-камской культуры наблюдается с днепро-донецкой, но это автор объяснял не инфильтрацией населения, а тем, что обе культуры входят в одну область неолитических культур Евразии. Особый интерес представляла идея А.Х. Халикова о перерастании накольчатой керамики в гребенчатую посуду.

Выход в свет описанной выше работы привел к началу дискуссии о месте накольчатой керамики в неолите Волго-Камья, в которой на протяжении последующих десятилетий приняли участие практически все специалисты в этой области: В.П. Третьяков, Р.С. Габяшев, В.В. Никитин, И.В. Калинина, А.А. Выборнов, В.П. Денисов, А.Ф. Мельничук и др. (Третьяков, 1972; Габяшев, 1976; 2003; Никитин, 1985; 1996; Калинина, 1979; 1993; Выборнов, 1992; 2008; Денисов, Мельничук, 1986; Вискалин, 1999).

Таким образом, на данном этапе были не только обнаружены и исследованы раскопками новые памятники эпохи неолита, но и проведен критический анализ, позволивший выделить и охарактеризовать камскую или волго-камскую неолитическую культуру.

Следующий этап (1975–2000 гг.) связан с широкими археологическими исследованиями на всей территории региона. В Среднем Приуралье началось изучение неолитических памятников в окрестностях Чашкинского озера под руководством В.П. Денисова и А.Ф. Мельничука.

На европейском Северо-Востоке, благодаря работам В.Е. Лузгина, Э.С. Логиновой, Л.Л. Косинской, были изучены десятки памятников каменного века. Наиболее активно изучался бассейн Вычегды, где была обнаружена и исследована раскопками группа памятников в районе оз. Эньты, Пезмогты и др. (работы Э.С. Логиновой). В бассейне нижней Вычегды Л.Л. Косинской были изучены стоянки Ниремка, Кочмас А и Б, Черная Вадья и др.

Итоги этих исследований были подведены Л.Л. Косинской в конце 1990-х гг. В частности, ей была предложена концепция «единого культурного пространства», пронизанного разнообразными связями. В первую очередь это связи с двумя регионами: Волго-Окским междуречьем и Прикамьем. Так, по мнению автора, черноборская культура являлась аналогом верхневолжской, а ее формирование могло проходить на основе местного позднего мезолита, наследующего бутовские традиции постсвидерского облика. При этом не обязательно было появление переселенцев с Верхней Волги – достаточно наличия родственных связей между населением обоих регионов. Похожий механизм предполагался и для формирования местного варианта камской неолитической культуры. В то же время для происхождения некоторых культурных типов (например, эньтыйского) не исключался и миграционный фактор (Косинская, 1997, с. 186).

В 1970–90-е гг. активное изучение неолита проходит в Камско-Вятском междуречье. В течение нескольких лет там были изучены крупные археологические памятники с остатками жилищ и хозяйственных сооружений. К ним относятся стоянки: Моторки II, Чумойтло I, Кыйлуд II, Среднее Шадбегово, Усть-Шижма I и др. В исследовании этих памятников приняли участие Р.Д. Голдина, Т.М. Гусенцова, Л.А. Наговицын.

В начале 1990-х гг. Т.М. Гусенцова подвела итоги многолетним исследованиям неолита в Камско-Вятском междуречье (Гусенцова, 1993).

Из поселений с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом, самой древней исследовательница считала стоянку Тархан I, посуда которой была орнаментирована длинным узким гребенчатым штампом. Для нее характерны простые узоры, покрывавшие всю поверхность сосудов.

К развитому неолиту относилась керамика поселений Чумойтло I, Кыйлуд III, Кочуровское I, IV. Для нее было характерно большее разнообразие в узорах и разреженность орнаментальных зон. По своим характеристикам, по мнению Т.М. Гусенцовой, эта керамика близка керамике нижнекамских и средневолжских поселений типа Лебединской II стоянки.

К позднему неолиту Т.М. Гусенцовой были отнесены поселения Моторки II, Новомултановское, Ботыли IV.

Накольчатая керамика Камско-Вятского междуречья также неоднородна. Наиболее древней исследовательница считала тонкостенную (0,4–0,6 см) керамику с небольшими вогнутыми днищами, украшенную под горлом и у днища прямыми горизонтальными и диагональными рядами наколов, тонкими прочерченными линиями. Под срезом венчика наблюдаются сквозные проколы. Такая керамика встречается на стоянках Тархан I, Коктыш II, Кыйлуд II, IV и др. К поздней группе относилась толстостенная керамика (0,8–1,3 см) с наплывами на венчиках, сложными узорами, созданными в технике отступления, ячеистыми наколами, «насечками». Из узоров чаще всего встречаются ромбические сетки, геометрические фигуры, волны. Наиболее крупные коллекции данной керамики были собраны на поселениях Кочуровское I, Моторки II, Чумойтло I (Гусенцова, 1993, с. 192, 193).

Большой вклад в изучение неолита и проблемы соотношения гребенчатой и накольчатой керамики в Волго-Камье внесла И.В. Калинина, которая занималась анализом в первую очередь керамических материалов. В частности, совместно с О.Н. Бадером ею были подготовлены статьи, посвященные характеристике материальной культуры ключевых неолитических памятников – стоянок Лёвшино и Сауз I. К сожалению, эти работы были опубликованы только в XXI в., когда часть их положений уже утратила свою актуальность (Бадер, Калинина, 2003, с. 11–30; 2013, с. 217–236; Калинина, 2015, с. 4–20).

Изучая гребенчатую керамику Среднего и Нижнего Прикамья, И.В. Калинина пришла к выводу, что особого различия между ними нет и они прошли единый процесс развития. Существенная же разница наблюдается между ранними и поздними типами сосудов (Калинина, 1976, с. 19).

Особо хочется отметить большую работу И.В. Калининой по сравнению накольчатой, гребенчатой, прочерченной керамики и керамики с “насечками”. В ходе детального анализа всех групп керамики она пришла к выводу, что группы накольчатой и гребенчатой керамики четко обособляются и не могут быть родственными. Ни одна из этих групп не может быть фазой развития другой. Прочерченная керамика близка к гребенчатой посуде, а керамика с “насечками” занимает промежуточное положение между гребенчатой и накольчатой керамикой (Калинина, 1979, с. 5–27).

Итоги исследований неолитической керамики лесной зоны Урала были подведены И.В. Калининой в диссертационном исследовании (Калинина, 1993).

Основные положения этой работы следующие:

– гребенчатая и накольчатая керамика относятся к разным археологическим культурам (гребенчатая к камской культуре, накольчатая к средневолжской);

– ареал камской культуры охватывал Среднее и Нижнее Прикамье, причем схема О.Н. Бадера верна и для Нижнего Прикамья;

– левшинский этап завершает развитие камской неолитической культуры и датируется концом IV тыс. до н. э.;

– взаимодействие гребенчатых и накольчатых традиций происходило только в позднем неолите, когда отмечено совместное проживание представителей двух различных культур.

Сравнивая Приуральскую и Зауральскую керамику, И.В. Калинина пришла к выводу, что они относятся к разным технологическим традициям, то есть появление накольчатой керамики в Прикамье не связано с миграциями населения из Зауралья (Калинина, 1993).

К этому же этапу относятся и последние работы О.Н. Бадера, посвященные каменному и бронзовому веку региона (Бадер, 1978, с. 72–74; 1981, с. 47–51). В первой из них исследователем была усовершенствована предложенная им в начале 1970-х гг. периодизация камской неолитической культуры. О.Н. Бадер полагал, что хронологическая и типологическая близость материальной культуры стоянок Боровое Озеро I и Хуторская создает возможность отнесения их к одному этапу. В этой же статье исследователь предположил скорое обнаружение более ранних неолитических памятников, которые по характеру каменного инвентаря будут близки позднемезолитической стоянке Заозерье (Бадер, 1978, с. 72).

Там же О.Н. Бадер коснулся вопроса о соотношении памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой. По его мнению, накольчатые комплексы сосуществуют с гребенчатыми и доживают до энеолита. Но гребенчатые и накольчатые комплексы относятся к разным культурам

и, сосуществуя, не сливаются в единое целое. В целом же неолитическая культура с накольчатой керамикой – локальная культура обширного ареала, связанная с юго-западными областями (Бадер, 1978, с. 74).

Некоторый итог изучения неолита Прикамья О.Н. Бадер подвел в своей последней работе, которая вышла уже после его смерти (Бадер, 1981, с. 47–51). В ней он еще раз касается проблемы соотношения памятников с гребенчатой и накольчатой керамикой. Исследователь считал, что правы В.П. Третьяков и Р.С. Габяшев, которые рассматривали комплексы с накольчатой керамикой как принадлежащие к особой культуре развитого и позднего неолита (Третьяков, 1972; Габяшев, 1976). В районе Волго-Камья эта керамика была пришлой. О.Н. Бадер предлагал назвать ее волго-камской или средневолжской неолитической культурой с накольчато-прочерченной керамикой (Бадер, 1981, с. 47).

Особо хотелось бы отметить обнаружение в 1970–80-е гг. ранненеолитических памятников с гребенчатой керамикой. В Верхнем и Среднем Прикамье это стоянки Усть-Букорок, Мокино (Мельничук, Бординских и др., 2001, с. 142–161), на Нижней Каме – Зиарат (Выборнов, Крижевская, 1988, с. 72–74), в Камско-Вятском междуречье – Тархан I, Усть-Шижма I (Гусенцова, 1993, с. 192). Это позволило исследователям доработать предложенную О.Н. Бадером периодизацию камской неолитической культуры, добавив еще один этап (ранненеолитический), и дать его характеристику (Васильев, Выборнов, 1993, с. 20, 21).

В 1990-е гг. были возобновлены работы на святилище Писаный Камень и доказан неолитический возраст времени его возникновения (Мельничук, Изосимов, Чурилов, 2001, с. 51). В результате появилась возможность отнесения такого типа памятников, как писаницы, к неолиту (что не исключает возможности их функционирования и в более позднее время).

Таким образом, благодаря исследованиям, проведенным в последней четверти XX в., было доказано различное происхождение памятников с гребенчатой и накольчатой керамикой, наполнено новым содержанием понятие волго-камская культура, доработана предложенная О.Н. Бадером периодизация камского неолита, выявлен новый тип памятников.

На современном этапе (начиная с 2001 г.) продолжается изучение археологических памятников на восточном берегу Чашкинского озера (Крыласова и др., 2014). Отрядом КАЭ ПГУ под руководством А.Ф. Мельничука были обнаружены новые неолитические памятники в бассейне Верхней Камы – жертвенное место в гроте Дыроватый на р. Вишере, стоянки Хомутовское Болото I, Хомутовское Болото II, Нюхти I (Майстренко и др., 2012, с 102–110; Денисов и др., 2013, с. 66–71). Проведенные на памятниках разведочные раскопки площадью не более 20 кв. м, позволили отнести все объекты к камской неолитической культуре, в основном к развитому (хуторскому) этапу (Денисов и др., 2013, с. 67–69).

В 2004 г. Е.Л. Лычагиной была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, посвященная анализу позднеолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья, а также проблеме соотношения памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой (Лычагина, 2004).

На территории европейского Северо-Востока изучением неолитических памятников с конца 1990-х гг. и по настоящее время занимается В.Н. Карманов. В 2004 г. им была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, посвященная характеристике неолита Северо-Востока Европы (СВЕ) (Карманов, 2004).

В.Н. Кармановым было выделено два периода пребывания неолитического населения на СВЕ: первый период – 6900–6300 л. н. (первая половина VI тыс. до н. э.); второй период – 6100–5700 л. н. (вторая половина VI – первая половина V тыс. до н. э.) (Карманов, 2012, с. 424; Карманов, Недомолкина, 2015, с. 90). В первый период регион посещался носителями пяти культурных традиций: стоянки черноборской группы, памятники типа Дутово I, Зубово, Черная Вадья и памятники камской АК. Памятники рассредоточены на обширной территории и представляют собой кратковременные промысловые стоянки.

Следующий период пребывания неолитического населения на СВЕ представлен комплексами типа Эньты IA и двумя группами памятников с гребенчато-ямочной керамикой. Большинство стоянок представлено остатками слабоуглубленных жилищ, функционировавших непродолжительное время.

По мнению В.Н. Карманова, освоение СВЕ в неолите было ограничено кратковременной эксплуатацией промысловых ресурсов региона небольшими группами охотников-рыболовов. Им же были определены два основных направления миграций в регион и обратно по речным долинам, связывающим бассейны крупных рек: юго-западное из центра Русской Равнины и юго-восточное из Среднего Предуралья (Карманов, 2008, с. 74–81). Поэтому исследователь посчитал некорректным использование термина «заселение» для неолита региона и предложил употреблять понятие «пребывание», т. к. речь идет не о заселении, а о

посещении территории СВЕ небольшими первобытными коллективами (Карманов, 2012, с. 430).

В последние годы активно внедряются новые методы анализа вещественных остатков (трасологический каменного инвентаря и технико-технологический керамики) (Батуева, 2016, с. 3–7; Лычагина, Митрошин, Поплевко, 2015, с. 17–26; Лычагина, Митрошин, Поплевко, 2015а, с. 220–227; Лычагина и др., 2016, с. 7–18). Технологический и трасологический анализ каменного инвентаря неолитических – раннеэнеолитических памятников Камско-Вятского междуречья проводится Т.А. Цыгвинцевой (Цыгвинцева, 2008, с. 400–412; 2009, с. 18–25). В 2010 г. ею была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, посвященная характеристике каменной индустрии Кочуровского IV поселения (Цыгвинцева, 2010).

Большое внимание уделяется радиоуглеродному датированию материалов ключевых памятников. На основе этого уточняются хронология и периодизация неолита региона (Karmanov et al., 2012, p. 331–338; Karmanov et al., 2014, p. 733–741; Лычагина, 2014, с. 80–83; Лычагина, Зарецкая, 2015, с. 132–140).

Необходимо также отметить проведение палеоэкологических исследований, которые позволяют реконструировать природные условия в эпоху неолита (Карманов и др., 2013, с. 83–93; Lychagina et al., 2013, p. 209–218; Демаков и др., 2015, с. 108–111; Лычагина, Чернов и др., 2015, с. 183–189; Лаптева и др., 2017, с. 267–276).

ГЛАВА 2
ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ НЕОЛИТА ПРИКАМЬЯ И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Прикамье

Территория исследований расположена в равнинном (внешнем) Предуралье в бассейне р. Камы. В геологическом отношении долина р. Камы приурочена к восточной периферии Русской плиты и расположена непосредственно на ее границе с Предуральским краевым прогибом. Пограничное положение района, погружение краевого прогиба в неотектонический период, в том числе и в континентальных условиях, обусловили залегание здесь, начиная с поверхности, мощного слоя континентальных отложений, местами вскрывающихся в обрывистых бортах речных долин. Сверху они перекрыты слоем четвертичных отложений преимущественно аллювиального генезиса. В долинах р. Камы и ее крупнейших притоков их мощность достигает 30–50 м, в средних и малых – 10–15 м (Назаров, Черепанова, 2012, с. 32).

Рельеф территории исследований представлен в основном приподнятой холмисто-увалистой равниной со средними высотами 200–400 м над уровнем моря, которая пересечена речными долинами и балками. Долины крупных и отчасти средних рек имеют сходное строение. За время своего развития реки сформировали широкие поймы и до 4–5 надпойменных террас, сложенных аллювием. Поймы и террасы, как правило, развиты вдоль левых берегов, в то время как правые склоны остаются высокими, крутыми и представлены коренными породами. Данный тип асимметрии склонов является следствием преимущественно правостороннего смещения русел рек. Обычно русла рек располагаются у правых склонов речных долин.

Климат территории исследований умеренно-континентальный, с продолжительной холодной и многоснежной зимой и умеренно-теплым сравнительно коротким летом. Формирование климата происходит в основном под влиянием западно-восточного переноса воздушных масс в тропосфере. Однако это направление постоянно нарушается вторжениями воздушных масс с севера и юга, осуществляемыми через циклоническую и антициклональную деятельность (Назаров, Черепанова, 2012, с. 40).

Понимание причин освоения территории Приуралья в неолите, особенностей расположения археологических памятников, хозяйственных занятий населения невозможно без реконструкции природной среды, на фоне которой (и в тесной взаимосвязи с которой) развивалась жизнь древних коллективов.

Для палеогеографических реконструкций применялся палеорусловой метод, который включал в себя картирование пойменного и террасового рельефа, его морфометрию, воссоздание древних положений основного речного русла, изучение стратиграфии пойменных и террасовых отложений. Учитывая большое значение рек (в первую очередь р. Камы) в процессе заселения региона, это во многом универсальный инструмент, позволяющий анализировать и понимать взаимосвязи изучаемого археологического объекта и его окружения.

Для хронометрирования применялся метод радиоуглеродного датирования органогенных материалов. Причем использовались как органогенные образцы с археологических памятников (уголь, нагар, культуровмещающие отложения), так и образцы из горизонтов торфа, погребенного в палеоруслах р. Камы, для определения времени нахождения русла реки около стоянок древнего человека.

Для выявления локальных и региональных закономерностей развития природной среды и климата (палеоэкологии) использовались данные палинологического и палеокарпологического анализов. Палеокарпологический метод позволил детально охарактеризовать по макроостаткам растений (семена, плоды и т. п.) локальный тип растительности в окрестностях изучаемых местонахождений и выявить виды-индикаторы определенных экологических условий для климатических реконструкций. Палинологические данные дали информацию о зональной палеорастительности района исследования.

Палеорусловой анализ был проведен профессором МГУ, доктором географических наук А.В. Черновым. Палеорусловые исследования проходили в двух районах: на Верхней Каме от п. Бондюг до п. Тюлькино и в пойменном массиве Чашкинское озеро.

Палеорусловые исследования показали, что существование неолитических памятников мы

можем связать с шестой пойменной генерацией. Сами памятники могли располагаться как в пойме (реже), так и на первой надпойменной террасе. Для этого периода была характерна достаточно высокая водность и слабая извилистость реки. Мы полагаем, что часть неолитических памятников, расположенных в пойме, могла быть уничтожена при последующих изменениях русла реки. Особенно это относится к суббореальному периоду, когда водность реки снизилась, а извилистость увеличилась (Лычагина, Чернов и др., 2015).

Спорово-пыльцевой анализ проводился старшим научным сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН кандидатом географических наук Е.Г. Лаптевой. Основные районы исследования – Верхняя Кама и Чашкинский пойменный массив.

Палинологические исследования в окрестностях Чашкинского озера показали, что субрецентные спорово-пыльцевые спектры южнотаежных темнохвойных лесов отражают таежный характер современных растительных сообществ. В спектрах содержание пыльцы основных доминантов древостоя – ели и пихты занижено, в то время как доля пыльцевых зерен сосны и березы завышена. Обилие пыльцы этих пород также связано с распространением вторичных сосновых и березовых лесов на месте темнохвойных формаций. При интерпретации фоссильных пыльцевых спектров необходимо учитывать выявленные особенности. Однако для установления подзональных закономерностей формирования субрецентных спектров и отражения в них современных растительных сообществ района исследования необходимо более детальное апробирование территории.

Спорово-пыльцевые спектры из отложений разрезов археологических памятников и торфяных отложений естественного происхождения в районе Чашкинского озера позволили охарактеризовать происходившие изменения в растительных сообществах. Полученные пыльцевые спектры по содержанию пыльцы неморальных и таежных древесных пород существенно отличаются от субрецентных спектров. Это может свидетельствовать как о локальных трансформациях растительных сообществ под влиянием активной деятельности человека в окрестностях Чашкинского озера в периоды функционирования стоянок, так и о проявлении зональных черт растительных сообществ в районе исследования во второй половине атлантического и первой половине суббореального периодов голоцена (Лаптева и др., 2017, с. 267–276).

Палинологические исследования торфяных разрезов в окрестностях Чашкинского озера позволили получить эталонную детальную пыльцевую летопись для района исследования, реконструировать естественную динамику растительных сообществ, охарактеризовать антропогенные изменения в растительных сообществах в период существования древних поселений на берегу Чашкинского озера.

Динамика растительных сообществ, выявленная в районе Чашкинского озера, совпадает с изменениями растительности, зафиксированными в разрезе Тюлькино (Верхняя Кама). Это дает нам основания для экстраполяции результатов реконструкции динамики природной среды Чашкинского микрорегиона на весь бассейн Верхней Камы.

Опираясь на проведенные палинологические исследования, мы можем констатировать, что к началу неолита в регионе преобладали темнохвойные еловые леса, встречались березовые и сосновые лесные формации с участием широколиственных пород.

Около 5900 ^{14}C л. н. (по интерполяции) в Прикамье происходит восстановление и расширение еловых формаций и увеличение роли широколиственных пород в формировании древостоя. Увеличение роли широколиственных пород связано, вероятно, с потеплением во время термического максимума голоцена в атлантическом периоде (6000–5000 ^{14}C л. н., фаза АТ–3). Во время термического максимума в позднеатлантическую фазу в районе Чашкинского озера доминировали широколиственно-темнохвойные (еловые) леса, сходные с современными подтаежными лесами Приуралья. Этот период связан с широким распространением неолитических памятников камской культуры – Чашкинское Озеро I, Чашкинское Озеро IIIа, Хуторские стоянки (Лычагина, Зарецкая, 2015, с. 132–140).

Карпологический анализ осуществлялся научным сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН С.С. Трофимовой (Лычагина и др., 2015, с. 183–189; Демаков и др., 2016, с. 92–97). В исследуемом районе на протяжении длительного времени (со второй половины атлантического периода и по настоящее время) существовали хвойные леса с березой, где в подлеске встречались бузина, ольха, малина. В травянистом ярусе доминировали осоки и растения лесных болот, что говорит о постоянном почвенном переувлажнении. Качественные и количественные изменения в составе комплексов растительных макроостатков в основном отражают развитие локальных фитоценозов.

Таким образом, итоги палеокарпологического анализа подтвердили данные, полученные в ходе спорово-пыльцевого анализа. Эти данные свидетельствуют о том, что в эпоху неолита в регионе исследования господствовали хвойные леса с березой при достаточно высоком уровне влажности.

Подводя итоги реконструкции природных условий, существовавших на территории Приуралья в эпоху неолита, можно отметить следующее:

– данный период характеризуется высокой степенью водности р. Камы, а следовательно, и низким уровнем ее меандрирования;

– неолитические археологические памятники располагались либо на только что сформировавшейся шестой пойменной генерации, либо на первой надпойменной террасе, чаще всего в непосредственной близости от воды;

– для этого времени характерно господство широколиственно-темнохвойных (еловых) лесов, сходных с современными подтаежными лесами Приуралья;

– в качестве маркера хозяйственной деятельности человека можно рассматривать увеличение доли березовых лесов вторичного происхождения (т. е. возникших на месте вырубок и пожаров).

Среднее Поволжье

Бассейн р. Самары является границей степного и лесостепного Поволжья. Последняя в свою очередь состоит из южной части, северной границей которой служит бассейн р. Сок. Ей присущи разнотравная растительность на выщелоченных и типичных черноземах. Вдоль береговой линии речных долин произрастают пойменные леса. Не доходя до нижнего течения р. Камы, а на западе – включая верхнее течение р. Суры, простирается северная лесостепь с более развитым лесными участками. Нижнее течение р. Ик на востоке, соответствующие участки долин Камы, Свияги, Суры, несомненно, тяготеют к последней. Более того, от устья Камы на северо-запад Среднего Поволжья, по крайней мере в луговой части Марийского Поволжья, имеет место стыковка подзон широколиственных и смешанных лесов.

Результаты спорово-пыльцевых анализов, сделанных непосредственно с территории ряда памятников, позволяют представить палеогеографическую ситуацию атлантического периода в данном регионе.

По данным Г.М. Левковской, на Ивановской стоянке, исследованной Н.Л. Моргуновой в Оренбургском Заволжье, в отложениях начала неолита изредка встречена берёза, а основные площади были заняты травянистыми и кустарничковыми. Среди них в наибольшей степени представлена полынь (Моргунова, 1995, с. 174). По нижней части неолитического культурного слоя стоянки также получены соответствующие данные. Исследователи отмечают в спорово-пыльцевых спектрах господство травянистых, среди которых присутствуют маревые и полыни. Климатические условия в этот период были неблагоприятны для развития не только лесных, но и лугово-степных формаций. Таким образом, ландшафтно-климатические условия южной части лесостепного Волго-Уралья в начале атлантического периода в значительной степени соответствовали более южным степным условиям.

На более северных пространствах Среднего Поволжья, в бассейне р. Сок, являющейся современной границей южной и северной подзон лесостепи, получены палеогеографические данные по неолитическим материалам стоянки Чекалино IV. В спорово-пыльцевых спектрах из отложений стоянки, по данным Е.А Спиридоновой, фиксируется возрастание роли травянистых и кустарничковых с участием полыней и маревых (68%). Древесные составляют около 15% и приурочены к долине реки (История Самарского Поволжья…, 2000, с. 158). Таким образом, данная природная среда достаточно схожа с картиной, реконструированной по материалам южной части Среднего Поволжья. Иначе говоря, вплоть до бассейна р. Сок в раннем неолите распространялись степные ландшафты южного типа.

Вторая половина атлантического периода проявляет ряд новых тенденций, связанных с оптимальным режимом увлажнённости. Так, по верхней части неолитического слоя Ивановской стоянки Г.М. Левковская фиксирует пыльцу ольхи и сосны. Е.А. Спиридонова в пределах хронологического отрезка около 6600 лет назад констатирует на этом же памятнике помимо разнотравья появление широколиственных пород и берёзы. Для времени около 6400 лет назад Е.А. Спиридоновой прослеживаются спорово-пыльцевые остатки не только полыней, но и берёзы и сосны, а также единично широколиственных древесных пород (Моргунова, 1995, с. 197).

В неолитическом слое стоянки Муллино, исследованной Г.Н. Матюшиным на р. Ик (северная часть лесостепи), Г.Г. Карташева определила помимо полыни берёзу. Наиболее интересные палинологические определения были сделаны по почве, содержащейся внутри развалов неолитических сосудов, найденных на этой стоянке. Г.Г. Карташева фиксирует в спорово-пыльцевых спектрах неолитического слоя Муллино травянистые (54%) и уже древесные (43%), которые представлены берёзой (38%), сосной (3%) и ольхой (2%). В других сосудах (видимо, залегавших в более высокой позиции) пропорции несколько меняются: деревьев уже 59%, среди которых представлены берёза (51%), сосна (3), ива. Травянистые составляют 41%, среди которых сложноцветные (23%) и полынь (6%) (Матюшин, 1996, с. 104).

Таким образом, прослеживается тенденция, присущая как южному, так и северному региону Среднего Поволжья. Примечательно, что на хро-

нологическом отрезке около 6400 лет назад как на Ивановской стоянке, так и на Муллино чётко фиксируется полынь. Эти данные сигнализируют о том, что в данный период неолита начался процесс уменьшения влажности.

Для эпохи неолита лесного Среднего Поволжья имеется несколько споро-пыльцевых колонок с памятников неолита, представленных комплексами с посудой, орнаментированной в накольчатой и гребенчато-ямочной технике.

По данным Шаландиной В.Т. и Шакировой Д.Р., культурный слой с накольчатой керамикой раннего неолита Дубовского VIII поселения в Марийском Заволжье, исследованного В.В. Никитиным, формируется в условиях возрастания роли лесных формаций за счет наступления хвойных (сосновых) пород (70%) на широколиственные (12%). Спорово-пыльцевые спектры из остатков неолитических построек, изученных на поселении, по процентному содержанию в группе деревьев сопоставимы с анализами из культурного слоя. В то же время они характеризуются довольно высоким содержанием среди травянистых растений злаковых (48%) и маревых (33%) (Шаландина, 1989, с. 179–182; Шаландина, Шакирова, 1995). По мнению В.В. Никитина, во время существования Дубовского VIII поселения в пойме р. Волги господствовал травянистый тип растительности, близкий лесостепному (Никитин, 2011, с. 9).

На Отарском VI поселении, также изученном В.В. Никитиным, накопление культурного слоя с керамикой накольчатого типа происходило в условиях распространения лесных формаций (Шаландина, Шакирова, 1995). В спектрах из заполнения построек преобладает пыльца сосны (57%) при наличии спутников соснового леса: папоротника-орляка и плауна булавовидного, а также березы пушистой (10,7%). Исследователями также отмечено в отложениях Отарского VI поселения повышенное содержание пыльцы широколиственных пород – липы (19,8%), дуба и лещины (до 28,2%), а среди травянистых – злаковых и разнотравья.

В нижнем слое Майданской стоянки в Марийском Поволжье, где представлена керамика ямочно-гребенчатого типа, в палинологическом спектре доминирует пыльца сосны (77,8%), присутствует пыльца лиственных пород (19%), в том числе березы (3%), а также остатки сфагновых мхов (Халиков, 1969, с. 39).

В районе неолитического поселения Сокольный VII, исследованного в 2018 г. в Марийском Заволжье, культурный слой которого содержал керамику с накольчатым орнаментом, по данным А.С. Алешинской, произрастали смешанные широколиственно-хвойные леса с лещиной в подлеске и зарослями брусники или черники. В сложении лесов большую роль играли липа и дуб. В составе травянистых растений отсутствует луговое разнотравье, а встречаются только различные сорные растения (Андреев и др., 2020).

Таким образом, можно констатировать следующую палеогеографическую тенденцию. Если в первой половине атлантического периода природная обстановка на территории Среднего Поволжья, включая северную часть лесостепи, характеризовалась присутствием степной зональности, то во второй половине атлантикума на этих же пространствах произошла трансформация в сторону увеличения роли лесных сообществ.

ГЛАВА 3
ЕЛШАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Памятники елшанского типа были впервые исследованы в середине 70-х годов XX века на территории Оренбургской и Самарской областей. Эпонимной для культуры стоянкой стала Старая Елшанка II (Васильев, Пенин, 1977). Ранненеолитическая керамика, впоследствии выделенная в «елшанский тип», была выявлена в основании культурного слоя, также был обнаружен развал сосуда, который на долгие годы определил «лицо» данного типа посуды. Аналогичная керамика в конце 70-х – начале 80-х годов была получена при раскопках стоянок Ивановка, Максимовка I–II, Виловатое, а также в Ульяновском Поволжье (Луговое III).

В середине 1980-х годов Н.Л. Моргуновой предпринимается первая попытка комплексного осмысления неолитических – энеолитических комплексов Волго-Уральского междуречья, в том числе материалов елшанского типа. Автором аргументировано выделение волго-уральской неолитической культуры, в развитии которой наиболее ранний этап был связан с посудой елшанского типа. Ближайшие аналогии данным материалам прослежены на территории Средней Азии, Восточного Прикаспия, Нижнего Подонья, а также в комплексах сурско-днепровской и приазовской культур. Н.Л. Моргуновой выдвинута гипотеза о формировании волго-уральской культуры на местной мезолитической основе в VI тыс. до н. э. (Моргунова, 1984; 1995).

В конце 1980-х годов в свет выходят обобщающие работы по неолиту Среднего Поволжья И.Б. Васильева и А.А. Выборнова. Авторами систематизированы и проанализированы все известные к тому времени материалы, относящиеся к елшанскому типу, и критически переосмыслены гипотезы его формирования и эволюции. Отмечено серьезное отличие местного мезолита от кремневой индустрии елшанского населения и обоснована гипотеза проникновения елшанской керамической традиции в лесостепное Поволжье из Восточного Прикаспия и Приаралья. Сделано предположение о том, что на завершающем этапе своего существования елшанская керамическая традиция, наряду с накольчатой и гребенчатой, приняла участие в сложении средневолжской культуры развитого неолита (Васильев, Выборнов, 1988).

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века исследуются и вводятся в научный оборот представительные, в том числе несмешанные ранненеолитические комплексы ряда стоянок Самарского Поволжья (Нижняя Орлянка II, Чекалино IV). В конце 90-х годов XX века завершается процесс формирования гипотезы А.Е. Мамонова. В ходе анализа предшествующих обобщающих работ и своей интерпретации ранненеолитического материала исследователем выдвинуто предположение о возможности выделения особой ранненеолитической елшанской культуры лесостепного Поволжья, сформировавшейся на местной мезолитической основе. Первый этап развития культуры датирован первой половиной VII – рубежом VII–VI тыс. до н. э., второй – второй половиной VI тыс. до н. э. В вопросе дальнейшей судьбы носителей елшанской культурной традиции А.Е. Мамонов солидаризировался с гипотезой, предложенной И.Б. Васильевым и А.А. Выборновым (Мамонов, 1999; 2000; 2006). В это же время появляются сведения о технологии изготовления керамики, антропологии, хозяйстве и палеогеографическом фоне развития ранненеолитического населения, а также в широкий научный оборот вводятся первые радиоуглеродные даты.

С начала XXI века ранненеолитические материалы лесостепного Поволжья начинают фигурировать во многих обобщающих работах по неолиту Восточной Европы, исследователями подчеркивается их ранний возраст и предлагаются общие схемы неолитизации региона (Тимофеев, 2002; Долуханов, 2003). На данном этапе особую остроту приобрела дискуссия об истоках неолитизации лесостепного Поволжья. На базе анализа материалов стоянки Усть-Ташелка А.В. Вискалин (2002) приходит к выводу о балканских истоках формирования елшанской культуры. В.В. Ставицкий (2005; 2014), Н.С. Котова (2002), В.А. Манько (2007), а также в ряде работ А.В. Вискалин (2006) склоняются к мысли о малоазиатских истоках происхождения гончарства в Восточной Европе. В последних работах А.В. Вискалин (2015; 2016) выдвигает предположение о формировании елшанской культуры при участии сибирского населения. В то же время А.А. Выборнов и К.М.

Андреев продолжают отстаивать точку зрения о среднеазиатских истоках неолитизации лесостепного Поволжья (Выборнов, 2005; 2008; Андреев, 2015). Вискалин А.В. (2007) подвергает критике предложенную И.Б. Васильевым и А.А. Выборновым гипотезу разделения елшанских комплексов на две хронологические группы по принципу остродонности-плоскодонности и предлагает трехчленную периодизацию.

В 2006 году А.А. Ластовский поставил под сомнение возможность выделения елшанской культуры. По его мнению, елшанская культура представлена памятниками с разнородным керамическим и кремневым инвентарем и пока более корректно говорить о керамике елшанского типа в неолитических комплексах (Ластовский, 2006). С 2006 года начинают выходить работы И.Н. Васильевой, посвященные подробной характеристике технологии изготовления ранненеолитической керамики лесостепного Поволжья (Васильева, 2006; 2007; 2011 и др.). Начиная с 2008 года А.А. Выборновым в цикле статей осуществляется введение в научный оборот большого количества радиоуглеродных определений, полученных по материалам Волго-Камского региона (Выборнов, 2008; Выборнов и др., 2009; 2013). Представительные елшанские комплексы выявлены Н.С. Березиной в Среднем Посурье (Березина, 2010; Березина и др., 2013). Также в начале XXI века в научный оборот вводятся ранненеолитические материалы сопредельных с лесостепным Поволжьем территорий, ближайшие аналогии которым прослеживаются в елшанских комплексах (Шапкино VI, Плаутино I, Городок I, Озименки II и др.).

К концу бореального периода в лесостепной зоне облесенность становится меньше, появляются открытые степные ландшафты с господством мезофильного разнотравья. Происходит становление настоящих степей в границах современной ландшафтной зоны степей. С этим временем может быть связано распространение носителей елшанской культуры в лесостепном Поволжье. Во второй половине VII тыс. до н. э. климатические условия меняются, в южной части современной лесостепной зоны происходит засоление грунтов и произрастают полупустынные марево-полынные группировки. Южная граница лесостепной зоны сдвигается в северном направлении, получают широкое распространение процессы опустынивания, которые способствовали появлению полупустынных ландшафтов в южной части лесостепного Поволжья с широким развитием маревых, полыней и эфедры. После достижения своего пика аридизация постепенно ослабевает, происходит некоторое увлажнение и похолодание климата, однако он продолжает оставаться более сухим и континентальным по сравнению с современным. Граница леса и степи оставалась практически без изменения вплоть до начала VI тыс. до н. э., когда наступает новый теплый и влажный период. В южной части современной лесостепной зоны устанавливается природно-климатическая обстановка, характерная для степи (Спиридонова, Лаврушин, 1997, с. 155, 156; Спиридонова, Алешинская, 1999, с. 24–26).

На сегодняшний день в лесостепном Поволжье исследовано около 25 памятников, в комплексах которых представлены материалы, относящиеся к елшанской культуре. Сохранность культурного слоя и условия залегания артефактов на них различны. Часть может быть отнесена к категории стоянок с несмешанным или «условно несмешанным» ранненеолитическим культурным слоем: Чекалино IV, Нижняя Орлянка II, Красный Городок, Троицкое, Имерка VII (заполнение жилища № 3), Вьюново Озеро I. Большая часть памятников относится к категории стоянок со смешанным культурным слоем, на них удается типологически выделить лишь характерную для раннего неолита посуду, в то время как кремневый комплекс не поддается культурно-хронологическому разделению: Старая Елшанка II, Ивановка, Виловатое, Луговое III, Ильинка, Большая Раковка II, Лебяжинка IV, Ковыляй I, Елшанка X (Усть-Ташелка), Елшанка XI, Озименки II, Утюж I и др. Также ранненеолитические материалы получены в результате сборов подъемного материала и шурфовок на стоянках: Максимовка I–II, Вадовские Селища, Озименки I. Еще ряд памятников сопредельных с лесостепным Поволжьем регионов содержит материалы, которые проявляют технико-технологическое и типологическое сходство с елшанскими комплексами: Черников Брод I, Устье р. Излегощи–2, Ярлуковская Протока (пункт 222), Липецкое Озеро, Городок I, Шапкино VI, Плаутино I (рис. 1).

Керамика елшанской культуры характеризуется относительной тонкостенностью, внешняя поверхность заглажена или залощена, внутренняя также заглажена, фактура черепка плотная. Преобладают прямостенные сосуды, около четверти венчиков имеют профилировку. Срезы венчиков округлые или приостренные, реже уплощенные. Примерно в равном количестве на памятниках выявлены приостренные и плоские днища, единично встречаются округлые. Сосуды имеют яйцевидную и баночную форму, единично представлены округлодонные чаши, в ряде регионов выявлены сосуды яйцевидной формы с выраженным ребром на тулове. Орнамент приурочен к верхней трети сосуда, в основном он наносился на шейку, реже на срез венчика, иногда мотив, представленный на шейке, спускался до тулова, лишь на отдель-

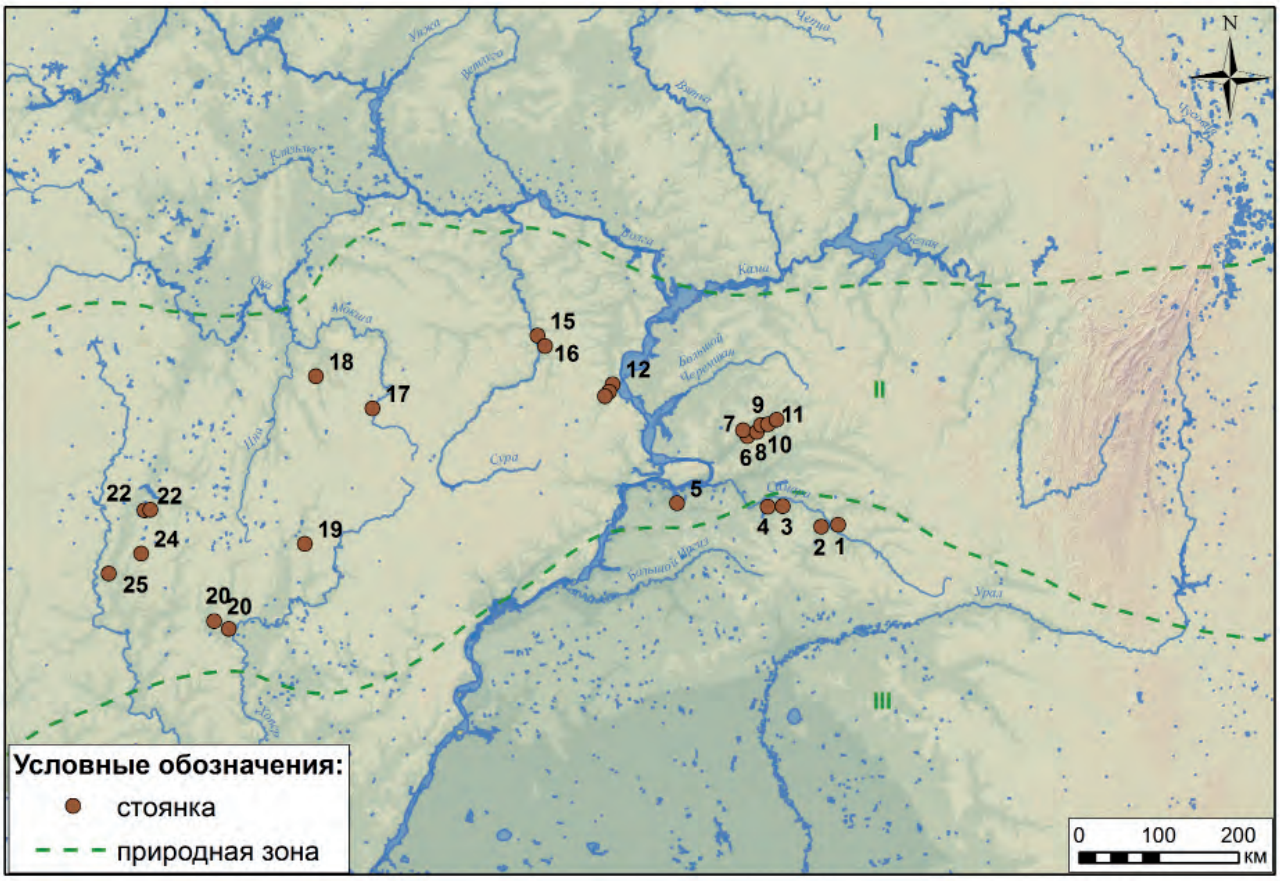

Рис. 1. Карта ранненеолитических памятников лесостепного Поволжья и стоянок сопредельных территорий, содержащих керамику елшанского типа:

1 – Ивановка; 2 – Старая Елшанка II; 3 – Виловатое; 4 – Максимовка I и II; 5 – Троицкое; 6 – Ильинка; 7 – Красный Городок; 8 – Большая Раковка II; 9 – Лебяжинка IV; 10 – Нижняя Орлянка II; 11 – Чекалино IV; 12 – Луговое III; 13 – Усть-Ташелка (Елшанка X); 14 – Елшанка XI; 15 – Утюж I; 16 – Въюново Озеро I; 17 – Озименки II; 18 – Имерка VII; 19 – Можаровка; 20 – Шапкино VI; 21 – Плаутино I; 22 – Липецкое Озеро; 23 – Ярлуковская Протока; 24 – Устье р. Излегоща II; 25 – Ивница.

I – лесная зона; II – лесостепная зона; III – степная зона

ных сосудах орнаментировано исключительно тулово. Весьма характерным для рассматриваемой посуды является полное отсутствие орнаментации или нанесение лишь ряда ямок или жемчужин под срезом венчика, ограниченное количество керамики орнаментировано прочерченными линиями или наколами-тычками. Обозначенные элементы образуют следующие мотивы орнамента: ямочно-жемчужный поясок на шейке сосудов, нанесенный снаружи, реже изнутри, насечки/наколы по срезу венчика, косая решетка, горизонтальный зигзаг, висячие треугольники, двойной ряд прочерченных линий с точечным заполнением, горизонтальные и диагональные мотивы, образованные прочерченными линиями (рис. 3–5).

Определенное типологическое и морфологическое своеобразие демонстрирует посуда, выявленная в Примокшанье и Похоперье, а также в сопредельных с ним регионах. Она тонкостенна, имеет плотную фактуру черепка, лощение или заглаженность на внутренней и внешней поверхностях. Типичными формами являются яйцевидные сосуды с острым дном закрытых и открытых пропорций, округлодонные чаши. Полностью реконструированных сосудов баночной формы с плоским дном на стоянках обозначенных регионов пока не выявлено. Венчики – прямые, профилированные и вогнутые. Срезы венчиков – округлые, приостренные и плоские. Орнамент на сосудах, как правило, приурочен к верхней трети и редко опускается ниже. Для керамики елшанской культуры, выявленной в Примокшанье и Похоперье, а также в сопредельных регионах, не характерно нанесение ямок или жемчужин под срезом венчика, в то же время достаточно широко применялись наколы (треугольные, округлые, тычковые, спаренные и др.). Из других элементов на данной керамике представлены прочерченные линии и насечки. Элементы орнамента образуют следующие мотивы: горизонтальные линии наколов, состоящие

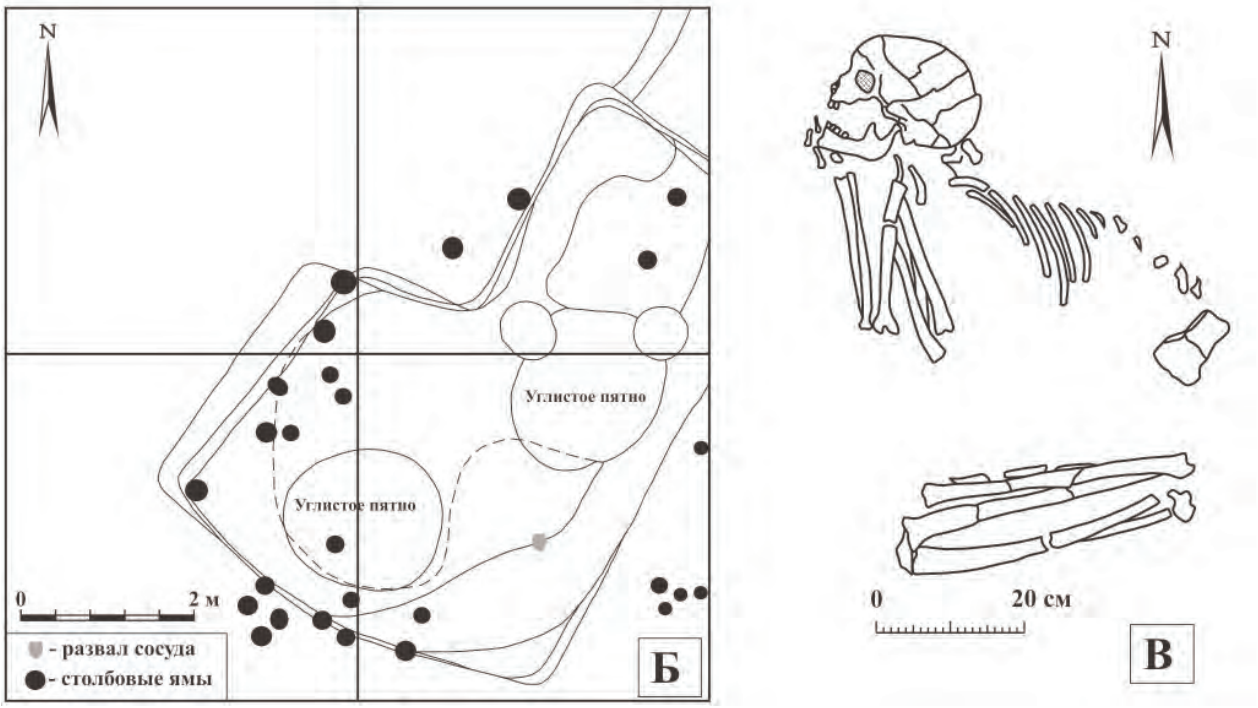

Рис. 2. Б – Ранненеолитическое жилище стоянки Вьюново Озеро I; В – Погребение стоянки Чекалино IV

иногда из нескольких рядов; горизонтальные линии наколов с отходящими от них диагональными линиями наколов; диагональные и вертикальные линии наколов; сочетание прочерченных линий и наколов; параллельные и одиночные прочерченные линии, горизонтальные и вертикальные; перекрещивающиеся под углом прочерченные линии; ромбическая сетка.

В качестве исходного пластического сырья при изготовлении посуды елшанской культуры выступала илистая глина, содержащая естественную примесь песка, бурого железняка, растительной и животной органики. Искусственный компонент, применявшийся при подготовке формовочных масс елшанской керамики, связан с органическими растворами и, в незначительном количестве, с шамотом. Изготовление сосудов производилось лоскутным налепом, применялись как формы-емкости, так и формы-основы. Обжиг сосудов производился при низких температурах и проходил в восстановительной среде. В районе Примокшанья и Похоперья получает большее распространение традиция введения шамота в формовочные массы и отмечаются признаки утраты какой-то части технических знаний о термической обработке сосудов, что находит отражение в меньшей механической прочности фрагментов (Васильева, 2006; 2010; 2011).

Характеристика кремневой индустрии елшанской культуры может быть обозначена лишь в общих чертах, до значительного расширения источниковой базы предложенные выводы будут оставаться относительно условными.

Ранненеолитическим населением использовался кремень различных сортов. На наиболее ранних памятниках доминируют орудия из цветного галечного кремня, со временем сырьевая база расширяется и начинает использоваться серый кремень хорошего качества. Необходимо отметить присутствие почти во всех ранненеолитических коллекциях отдельных орудий, отличающихся тщательностью обработки, и сработанных нуклеусов, изготовленных из высококачественного сырья, нехарактерного для лесостепного Поволжья (полосчатый кремень, халцедон и др.).

На всех памятниках среди орудий и продуктов расщепления представлены как отщепы, так и пластины. Показатель пластинчатости комплекса и процент орудий, изготовленных на пластинах, по сравнению с орудиями, изготовленными на отщепах и сколах, являются наиболее низкими на ранних памятниках и постепенно увеличиваются на поздних. Обработанные и необработанные пластины представлены примерно в равных пропорциях. На пластинах, не являющихся морфологически выраженными орудиями, на ранних стоянках преобладает ретушь с дорсальной стороны, на поздних получает распространение вентральная ретушь. Процент утилизации сильно варьирует, что связано с различной хозяйственной спецификой памятников.

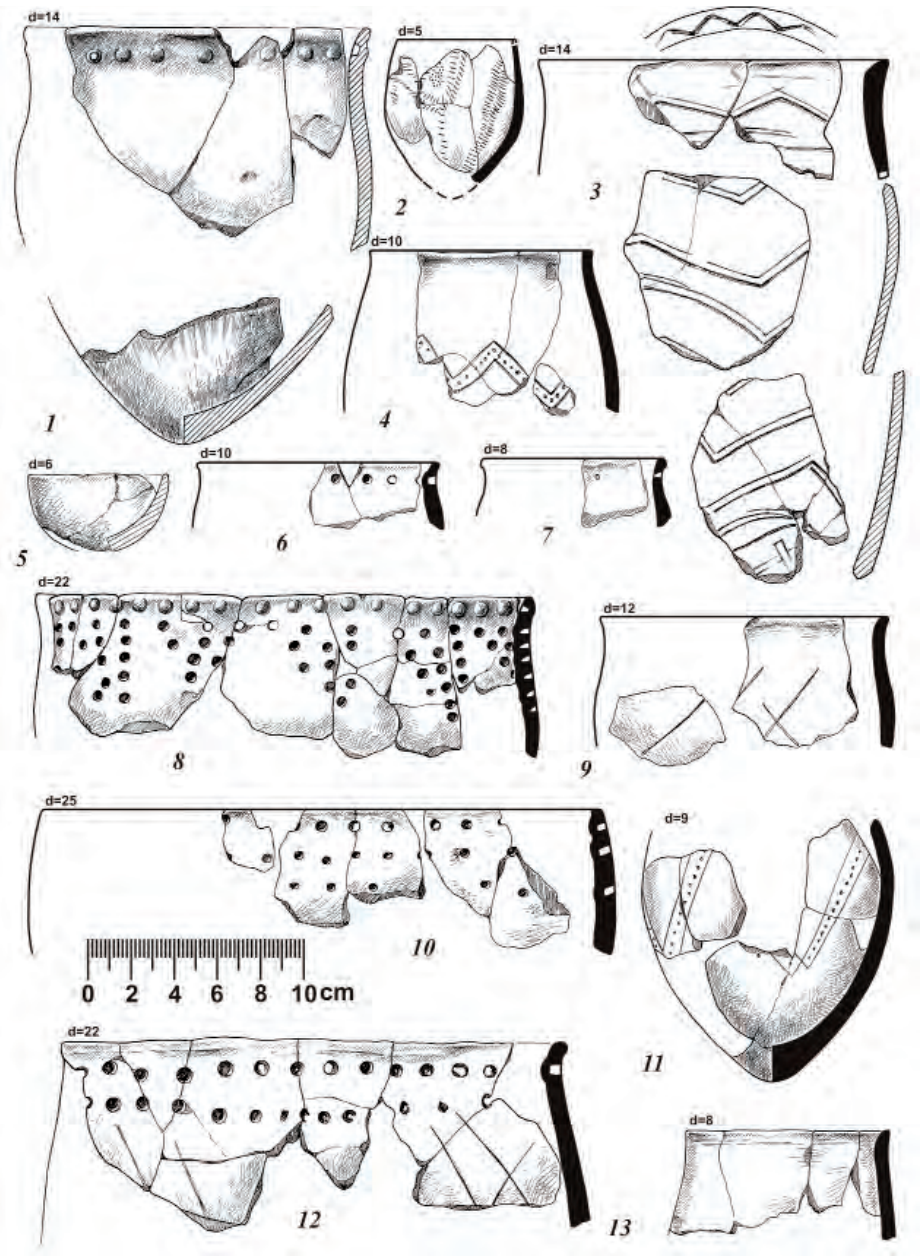

Рис. 3. Ранненеолитическая керамика:
1-7 – Чекалино IV; 8-13 – Нижняя Орлянка II

Среди нуклеусов наиболее распространенными являются аморфные и торцевые. Также достаточно представительны на памятниках фронтальные и пирамидальные типы, в меньшем количестве обнаружены уплощенные и конические. Скребки демонстрируют значительное типологическое разнообразие. Единично на каждом памятнике представлены: концевые скребки на укороченных и удлиненных отщепах (или пластинах на поздних стоянках), скошенные, угловые, нуклевидные, с ретушью на 3/4 периметра и боковые. Остальные типы скребков фиксируются в комплексах лишь отдельных стоянок. Скобели являются довольно редкой категорией находок и представлены невыразительными экземплярами на отщепах с узкими и широкими выемками, реже – на пластинчатых заготовках с узкими выемками. Одной из наиболее представительных категорий являются рубящие орудия. Преобладают топоры, изготовленные в технике двусторонней обивки. Значительно уступают им в количественном плане долота и тесла. В то же время на самых ранних памятниках не выявлено орудий со следами шлифования, они единично встречаются в комплексах более поздних стоянок и начинают доминировать в развитом и позднем неолите региона. Перфораторы/проколки представлены в ограниченном количестве срединными формами на отщепах, пластинах и продольных сколах. Наконечники являются изделиями листовидной формы с частичным ретушированием

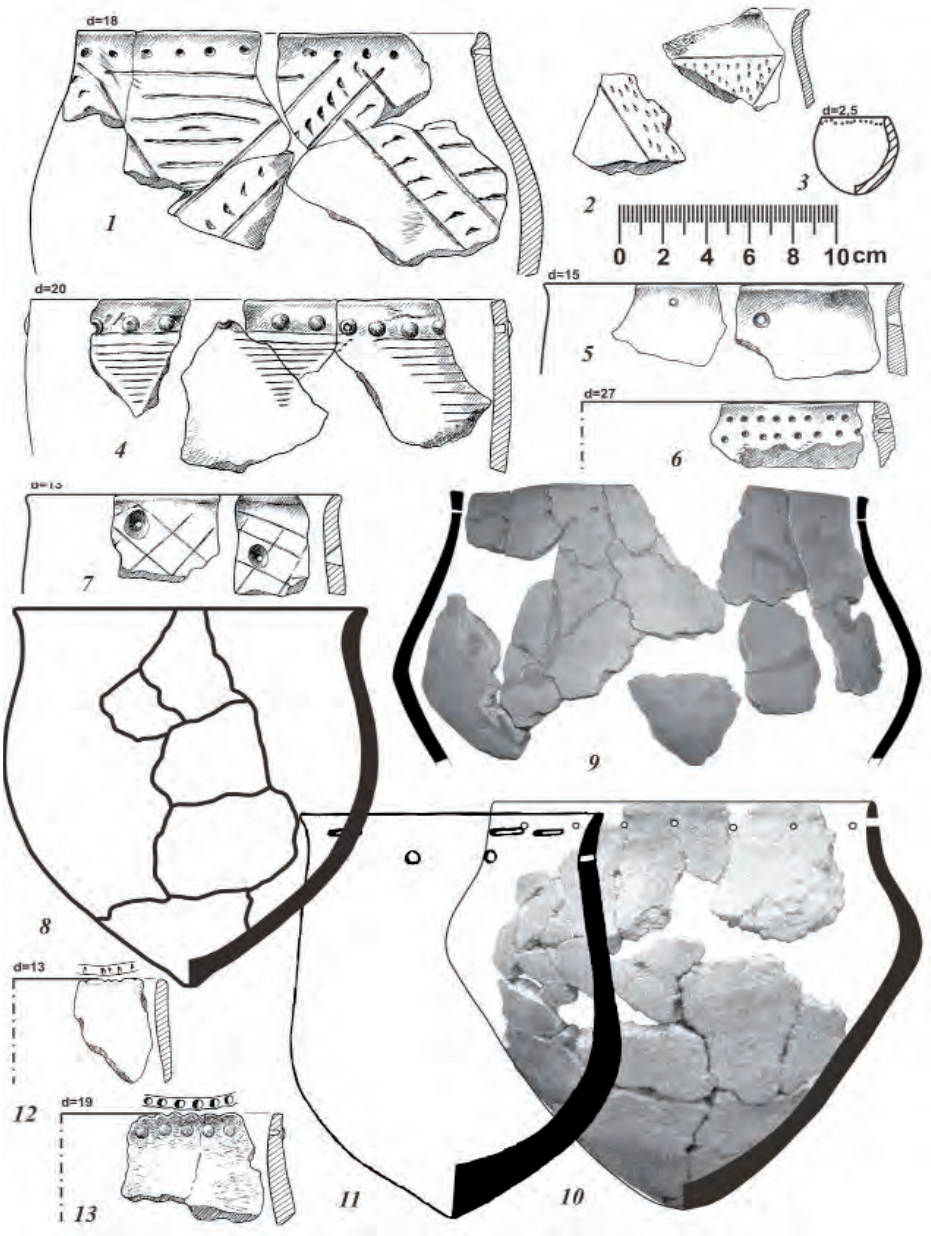

Рис. 4. Ранненеолитическая керамика:
1-7 – Большая Раковка II; 8 – Ивановка II; 9 – Вьюново Озеро I; 10 – Утюж I; 11-13 – Старая Елшанка II

боковых граней, пера и насада. Также к раннему неолиту могут относиться черешковые наконечники, имеющие аналогичную обработку. Среди ножей на ранненеолитических памятниках преобладают и представлены примерно в равном количестве прямолезвийные и саблевидные формы, менее распространены овальные ножи. Наконец, резцы демонстрируют значительную типологическую вариативность, среди наиболее устойчивых форм можно отметить многофасеточные и угловые изделия (Андреев, 2015а) (рис. 6).

Характеристика других составляющих хозяйственной деятельности ранненеолитического населения лесостепного Поволжья весьма затруднена в связи с относительно ограниченной источниковой базой. На сегодняшний день по данному вопросу могут быть представлены лишь наиболее общие сведения, уточнение и корректировка которых возможны только после качественного расширения источниковой базы.

Большинство неолитических памятников лесостепного Поволжья являются многослойными, и площадь распространения ранненеолитического культурного слоя на них не определена. В связи с обозначенным обстоятельством данный критерий не поддается культурно-хронологической детерминации.

Жилищ, которые с высокой долей вероятности могут быть отнесены к раннему неолиту, выявлено ограниченное количество. Ранненеолитиче-

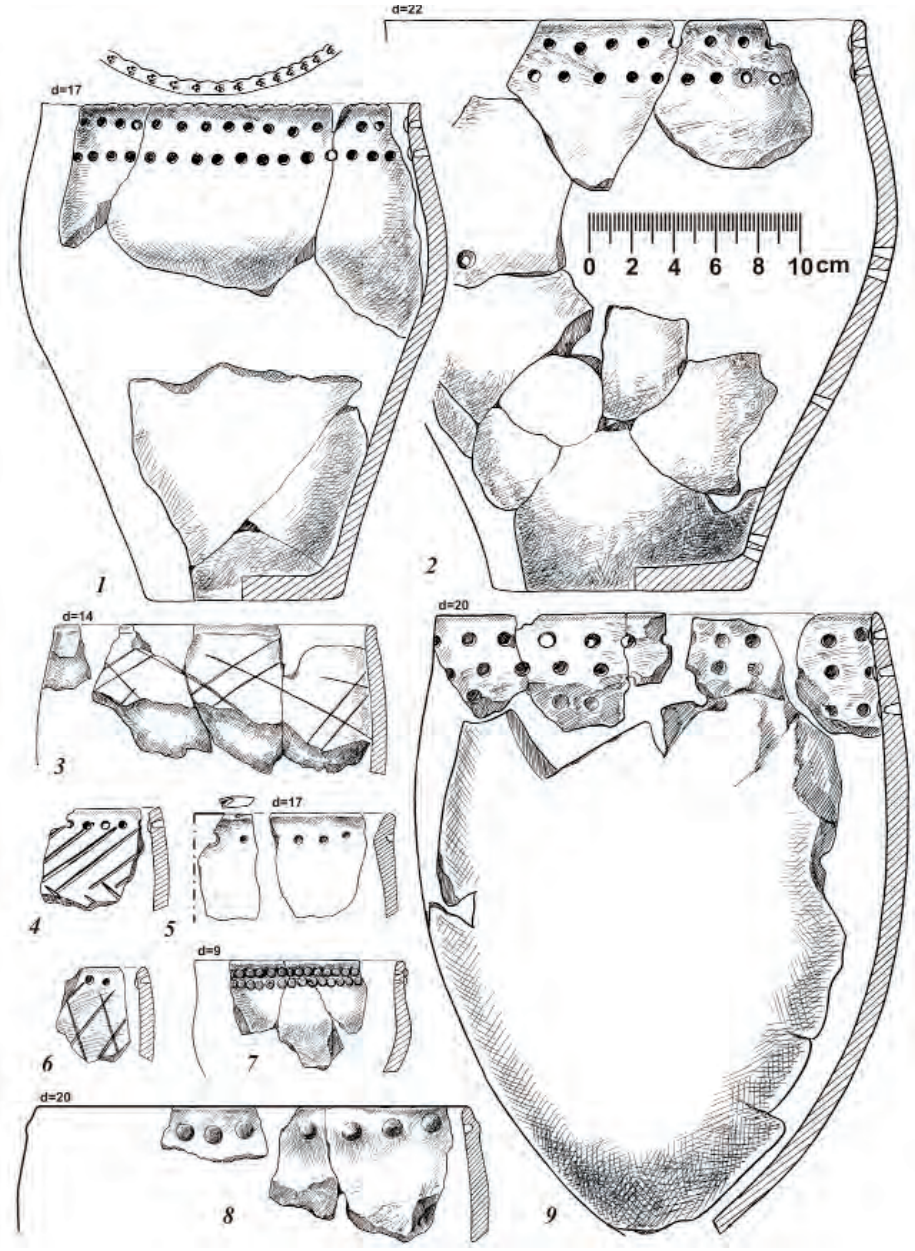

Рис. 5. Ранненеолитическая керамика: 1, 2 – Красный Городок; 3-9 – Ильинка

ские жилищные сооружения незначительно углублены в материк и, вероятно, являлись наземными каркасными конструкциями (рис. 2Б). На ранних памятниках преобладают жилые сооружения небольшой площади (20–25 м^2), их площадь постепенно увеличивается (достигая 35 м^2) на поздних памятниках.

Выявлено всего два погребения, которые относятся исследователями к раннему неолиту, при этом ранненеолитическая культурно-хронологическая атрибуция погребения стоянки Лебяжинка IV нуждается в дополнительной аргументации. В этой связи вопрос о погребальной практике ранненеолитического населения на сегодняшний день остается открытым, так как ее характеристика на основании лишь одного захоронения стоянки Чекалино IV (рис. 2В) невозможна.

Для ранненеолитического населения лесостепного Поволжья характерна модель комплексного присваивающего хозяйства. Эксплуатация различных экологических ниш, вероятно, происходила в сезонном ритме. С одной стороны, это обстоятельство предполагает наличие у населения сезонного планирования хозяйственной деятельности, с другой – в значительной мере объясняет существование особой поселенческой модели, не предусматривающей долговременного проживания на одном месте (Мамонов, 2000, с. 159). Вопрос относительно наличия производящего хозяйства в среде елшанского населения нуждается

Рис. 6. Ранненеолитические кремневые комплексы:
1, 2, 9, 11-14, 18, 19, 22-25, 27, 29-31 – Чекалино IV; 3, 4, 6, 7, 15, 16, 20, 21, 32, 33, 36 – Красный Городок;
5, 8, 10, 17, 26, 28, 34, 35 – Нижняя Орлянка II

в дополнительной аргументации, хотя ряд исследователей не исключают его наличия (Моргунова, 1995, с. 82, 83). Данная проблема остается дискуссионной.

С точки зрения хронологии елшанских комплексов лесостепного Поволжья на сегодняшний день можно констатировать необходимость отказа от датировок, полученных по раковинам моллюсков, уходящих далеко в VIII тыс. до н. э. Они необоснованно удревняют время образования елшанской культуры. Столь ранние значения могут быть связаны с воздействием «резервуарного эффекта» на датированные образцы или с их случайным проникновением в неолитический слой памятников из подстилающих отложений. Еще одна группа дат елшанской культуры, относящихся к последней четверти VI – началу V тыс. до н. э., на современном этапе изучения может быть признана некорректной, так как значительно растягивает время существования культуры и от ее использования необходимо отказаться (Vybornov, 2011; Андреев и др., 2012; Vybornov et al, 2013; Радиоуглеродная хронология…, 2016. с. 74–122).

Одной из наиболее приемлемых выглядит гипотеза образования елшанской культуры в первой половине VII тыс. до н. э. Она находит подтверждение в значительной серии радиоуглеродных определений ряда памятников, полученных в нескольких лабораториях по различным материалам. В то же время еще одна представительная группа дат, полученная для ряда комплексов елшанской культуры, плотно укладывается в последнюю четверть VII тыс. до н. э. На данный момент можно констатировать, что верхняя граница времени неолитизации лесостепного Поволжья нуждается в дополнительном подтверждении. Согласно радиоуглеродной хронологии, елшанская культура существовала в лесостепном Поволжье как минимум до середины, а возможно, и до третьей четверти VI тыс. до н. э. С началом VI тыс. до н. э. может быть связано возникновение и развитие второго типа керамики и начало освоения елшанским населением западных регионов. Первая половина VI тыс. до н. э. является временем сосуществования поздних елшанских комплексов с ранними средневолжскими и постепенного угасания ранненеолитической керамической традиции.

Построение периодизации елшанской культуры весьма затруднено в связи с ограниченным состоянием источниковой базы и может быть намечено лишь в общих чертах. Для раннего этапа (стоянки Чекалино IV, Нижняя Орлянка II, Вьюново Озеро I и др.) характерно доминирование остродонной посуды, изготовленной из илистой глины без искусственных примесей. Для кремневой индустрии характерны низкие показатели пластинчатости и количества орудий на пластинах, а также использование низкосортного кремня для производства орудий. Жилищные комплексы имеют небольшие размеры.

На позднем этапе развития раннего неолита (стоянки Лебяжинка IV, Ильинка, Красный Городок и др.) начинает преобладать плоскодонная посуда, при этом продолжается использование остродонной керамики, и широкое распространение получает традиция нанесения ямочного или жемчужного пояска. В то же время для изготовления некоторой части сосудов начинают применяться илы, хотя использование илистых глин при конструировании продолжает доминировать. В формовочную массу примерно пятой части сосудов начинает вводиться искусственная примесь – шамот (Васильева, 2011). В кремневом инвентаре происходит увеличение показателя общей пластинчатости индустрии и количества орудий, изготовленных на пластинах, появляется традиция изготовления рубящих орудий со следами шлифовки. Увеличивается площадь жилых сооружений.

Необходимо отметить, что многие мотивы и элементы орнамента, а также приемы конструирования сосудов бытовали на протяжении ранних и поздних этапов развития раннего неолита региона. Поэтому эти признаки не могут быть использованы для уточнения его периодизационной составляющей. Аналогичная ситуация наблюдается при анализе кремневой индустрии ранних и поздних памятников, в которых бытуют идентичные типы орудий, изготовленных на отщеповых заготовках.

Проблема истоков неолитизации лесостепного Поволжья, как было показано выше, является одной из наиболее дискуссионных. Не претендуя на единственно правильную версию о юго-восточной ориентации связей раннего неолита лесостепного Поволжья, все же можно констатировать высокую степень сходства керамики Средней Азии и посуды елшанской культуры. Для обоих регионов характерны: тонкостенность, плотный черепок, залощенность или заглаженность поверхностей. Сосуды имеют вертикально-вытянутые пропорции со слегка раздутым туловом и плавно отогнутым наружу верхним краем. Для посуды характерны: профилированность венчиков, их округлый и утоньшенный срез, остродонность или округлодонность. Типичной чертой является отсутствие орнамента, а если он и присутствует, то приурочен к верхней части сосуда и представляет собой прочерченные линии (Szymczak, Khudzhanazarov, 2006; Виноградов, Мамедов, 1975; Виноградов, 1981).

Однако кремневые индустрии рассматриваемых областей имеют значительные различия. Это

может быть связано с освоением лесостепного Поволжья пришлыми группами населения, не знакомыми с качественными выходами кремневого сырья. В то же время ряд мезолитических комплексов среднеазиатского междуречья по каменной индустрии обнаруживает значительную близость с материалами елшанской культуры (Холматов, 2000). Взаимодействию обитателей лесостепного Поволжья и среднеазиатского междуречья способствовала близость природно-климатической обстановки, установившейся в регионах в начале атлантического периода.

На заключительном этапе своего развития население елшанской культуры вступает во взаимодействие с носителями накольчато-прочерченной керамической традиции Нижней Волги (Васильев, Выборнов, 1988, с. 26–36; Выборнов, 2008). Последние мигрируют на территорию Самарского Поволжья в связи с усиливающейся аридизацией второй половины VII тыс. до н. э. В результате контактов с пришлым населением в елшанском керамическом производстве получают распространение такие черты, как плоскодонность, примесь ракушки в керамическом тесте, использование илов в качестве формовочных масс и накольчатая система орнаментации. В кремневой индустрии увеличивается пластинчатость комплексов и количество орудий, изготовленных на пластинах. На протяжении первой половины VI тыс. до н. э. обе культуры сосуществуют и происходит постепенное угасание елшанской керамической традиции.

На ранненеолитических обитателей лесостепного Поволжья наиболее сильное влияние оказывали носители традиции накольчато-прочерченной керамики Нижней Волги. Начало продвижения нижневолжского населения, по всей видимости, было связано с усиливающейся на протяжении второй половины VII тыс. до н. э. аридизацией. Данное влияние нашло отражение в увеличении пластинчатости кремневой индустрии на поздних елшанских стоянках, а также, возможно, в распространении немногочисленных сосудов биконических очертаний, наплывов утолщений по венчику, плоскодонной посуды баночной формы, накольчатого орнамента на единичных черепках поздних елшанских комплексов и в традиции использования илов в качестве исходного сырья для изготовления части сосудов. На пике аридизации (конец VII тыс. до н. э.) произошло определенное проникновение нижневолжского населения в лесостепь, результатом которого явилось формирование средневолжской культуры развитого и позднего неолита.

Таблица. 1. Радиоуглеродные даты ранненеолитических стоянок лесостепного Поволжья.

№	Поселение	Лаб. индекс	Лет (BP)	Лет (calBC) OxCal v3.10	Материал
1	Чекалино IV	Le – 4783	8050±120	1σ 7180-6770 2σ 7350-6600	Раковины моллюсков
2	Чекалино IV	Le – 4784	7940±140	1σ 7050-6680 2σ 7300-6450	Раковины моллюсков
3	Чекалино IV	Spb – 424	7660±200	1σ 6700-6240 2σ 7050-6050	Керамика
4	Ивановка	Le – 2343	8020±90	1σ 7070-6770 2σ 7200-6650	Кость
5	Ивановка	Ki – 14568	7930±90	1σ 6860-6680 2σ 7060-6600	Керамика
6	Ивановка	Ki – 14567	7680±90	1σ 6600-6440 2σ 6700-6370	Керамика
7	Большая Раковка II	Spb – 426	7790±200	1σ 7050-6450 2σ 7200-6200	Керамика
8	Усть-Ташелка	Ki – 12166	7810±190	1σ7050-6450 2σ 7200-6250	Керамика
9	Чекалино IV	Poz – 42051	7250±60	1σ 6220-6050 2σ 6230-6010	Органика в керамике
10	Городок I	Spb – 588	7200±150	1σ 6240-5970 2σ 6400-5750	Керамика

11	Вьюново Озеро I	AA – 96017.1	7222±58	1σ 6210-6010 2σ 6220-6000	Керамика
12	Вьюново Озеро I	Poz – 47870	7160±40	1σ 6060-6000 2σ 6090-5970	Керамика
13	Имерка VII	Hela – 3521	7205±60	1σ 6110-6000 2σ 6220-5980	Нагар
14	Лебяжинка IV	Ki – 14076	6680±80	1σ 5670-5530 2σ 5720-5480	Керамика
15	Случайная находка у с. Красный Яр	Spb – 755	6700±70	1σ 5680-5550 2σ 5730-5490	Нагар
16	Утюж I	Ua – 44377	6568±49	1σ 5555-5480 2σ 5620-5470	Нагар
17	Красный Городок	Ki – 14078	6730±100	1σ 5730-5550 2σ 5810-5480	Керамика
18	Озименки II	Ki – 12168	6950±170	1σ 6000-5700 2σ 6250-5500	Керамика
19	Старая Елшанка II	Ki – 14413	6820±80	1σ 5780-5630 2σ 5890-5610	Керамика
20	Ильинка	Ki – 14096	6940±90	1σ 5910-5730 2σ 6000-5660	Керамика
21	Луговое III	Ki – 14584	6700±100	1σ 5710-5530 2σ 5790-5470	Керамика
22	Елшанка XI	Ki – 15439	6820±90	1σ 5790-5630 2σ 5900-5550	Керамика

ГЛАВА 4
ВОЛГО-КАМСКАЯ КУЛЬТУРА

Понятие «волго-камская культура» было введено в науку А.Х. Халиковым, который разделил ее на пять этапов, последовательно сменявших друг друга (Халиков, 1969, с. 40–92). Исследователь считал возможным выделение этапа докерамического неолита (первый этап), вслед за ним шли памятники с накольчатой керамикой (второй этап), на основе которых появлялись памятники с гребенчатой керамикой (третий этап). Четвертый и пятый этапы выделялись по аналогии с периодизацией камской культуры, предложенной О.Н. Бадером (хуторской и лёвшинский соответственно), и были связаны исключительно с памятниками с гребенчатой керамикой. Позднее идея перерастания накольчатой керамики в гребенчатую не нашла своего подтверждения (Третьяков, 1972, с. 46–52; Габяшев, 1976; Калинина, 1979, с. 5–27; Выборнов, 1992). В одной из своих последних работ О.Н. Бадер предложил называть волго-камской только культуру, связанную с накольчато-прочерченной керамикой (Бадер, 1981, с. 47). Исследование памятников с аналогичной керамикой на юге лесостепи (Оренбургская и Самарская области) дало основание выделять волго-уральскую культуру (Моргунова, 1984), а анализ всех материалов Среднего Поволжья позволил специалистам объединить их в одну средневолжскую область (Васильев, Выборнов, 1988). Учитывая определенные особенности памятников в Марийском Поволжье, исследователи предложили выделять их в отдельную дубовско-отарскую культуру (Никитин, 2013).

Памятники данного типа охватывают территорию лесостепного Поволжья (Буров, 1980; Васильев, Выборнов, 1988; Вискалин, 1999; Выборнов 2008), Посурье (Третьяков, Выборнов, 1988; Ставицкий, 1999; Березина, 2011; 2011а), Примокшанье (Третьяков, Выборнов, 1988; Ставицкий, 1999), Нижнее Прикамье (Габяшев, 2003), Марийское Поволжье (Никитин, 2011), бассейн р. Вятки (Гусенцова, 1993) и Прикамье (Лычагина, 2009; 2013).

Основными памятниками волго-камской культуры являются стоянки: Виловатовская, Ивановская, Ильинская и Лебяжинская IV в лесостепном Поволжье; Лесное Никольское III на р. Свияге; IV Тетюшская и II Щербетьская в устье Камы; Дубовская III и Отарская VI в лесном Среднем Поволжье; Утюж I и Черненькое Озеро III на р. Суре; Потодеево, Ковыляй I и Имерки III–VIII в Примокшанье; Кошкинская, Кыйлуд II, Кыйлуд IV, Коктыш II, Усть-Шижма I в Камско-Вятском междуречье; Чашкинское Озеро VIII, Чашкинское Озеро VI, Лёвшино, Заборное Озеро I в Среднем и Верхнем Прикамье (рис. 1).

В южной зоне в развитии средневолжских памятников прослеживается несколько этапов. К наиболее раннему этапу относится керамика с наколами (рис. 2, 3). Позже, при сохранении накольчатой традиции, появляется посуда, украшенная насечками (гладким штампом) и зубчатым орнаментом (рис. 4). Наконец, на заключительном этапе развития средневолжской культуры доминирует посуда, орнаментированная как оттисками зубчатого штампа, так и длинного гребенчатого (рис. 5, 6).

Стоит отметить определенную региональную специфику памятников в рамках лесостепного Поволжья. В южных районах на границе степи и лесостепи (бассейн р. Самары) преобладают наколы треугольной и овальной формы, выполненные в отступающей манере, реже встречаются разреженные. Они образуют достаточно сложные мотивы: висячие треугольники, песочные часы, зигзаги, косую решетку и др. Севернее (бассейн рек Сок и Свияги) преобладают наколы треугольной формы, реже встречаются округлые, примерно в равном количестве представлены наколы, нанесенные в отступающей манере и разрежено. Доминируют простые мотивы орнамента (горизонтальные и диагональные ряды). Для обоих обозначенных микрорегионов характерно украшение горла сосудов поясками ямок, реже жемчужин. Все фрагменты принадлежат плоскодонным сосудам.

С точки зрения технологии изготовления посуда, орнаментированная наколами, также имеет определенную локальную специфику. В бассейне реки Самары посуда в 2/3 случаев изготовлена из илов и лишь треть сосудов – из илистых глин (Васильева, Выборнов, 2012), в то время как в бассейне реки Сок из илов изготовлены треть и менее сосудов (Васильева, Выборнов, 2016).

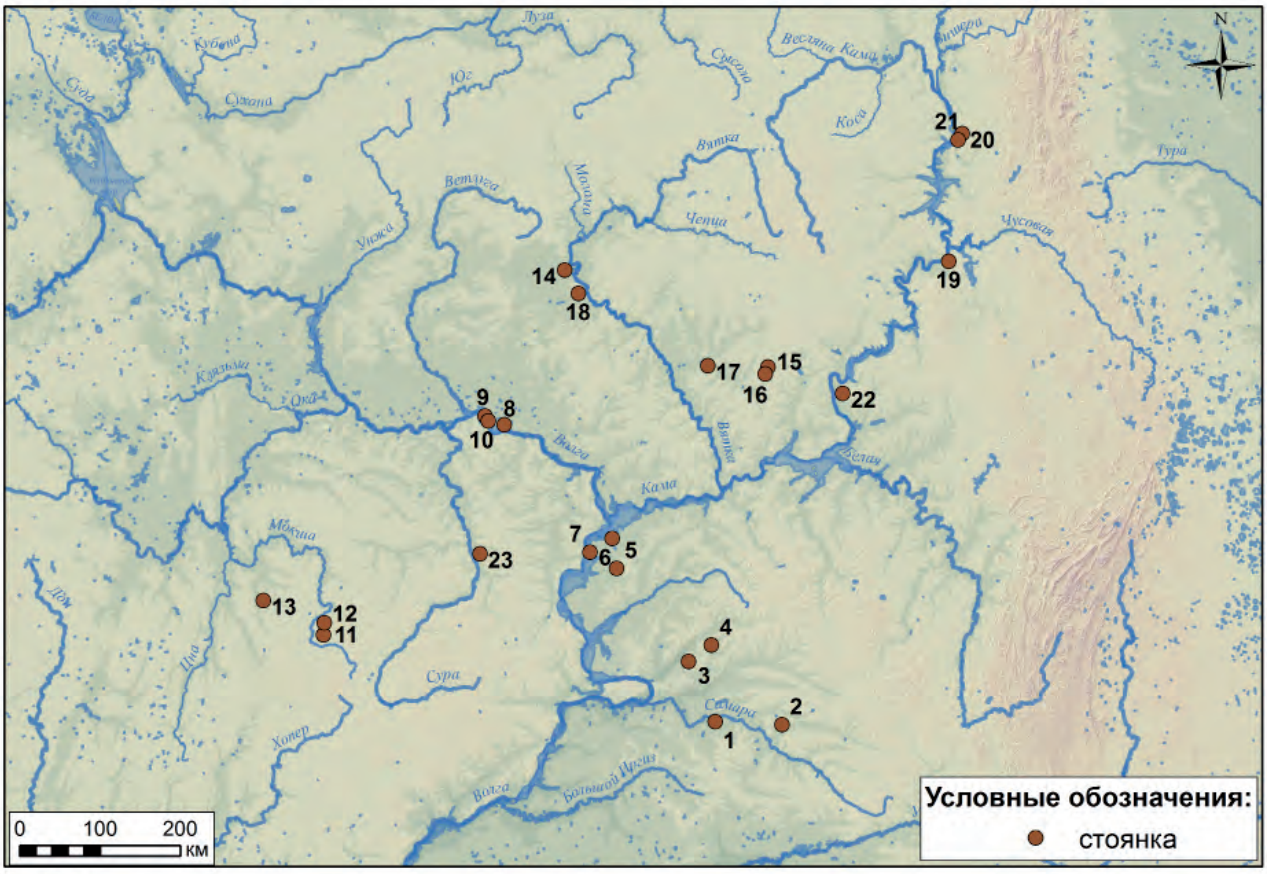

Рис. 1. Карта памятников волго-камской культуры:
1 – Виловатовская стоянка; 2 – Ивановская стоянка; 3 – Ильинская стоянка; 4 – стоянка Лебяжинка IV; 5 – стоянка Лесное-Никольское III; 6 – Щербетьская II стоянка; 7 – Тетюшская IV стоянка; 8 – Мукшумские стоянки; 9 – Дубовское поселение; 10 – Отарское VI поселение; 11 – стоянка Потодеево; 12 – стоянка Озименки II; 13 – стоянки Имерка I, III, IV,VI; 14 – Кошкинская стоянка; 15 – стоянка Кыйлуд II; 16 – Кочуровское I поселение; 17 – стоянка Моторки II; 18 стоянка – Усть-Шижма; 19 – стоянка Лёвшино; 20 – стоянка Чашкинское Озеро VI; 21 – стоянка Чашкинское Озеро VIII; 22 – стоянка Заборное Озеро I; 23 – стоянка Утюж I

Согласно радиоуглеродным определениям в середине – последней четверти VI тыс. до н. э. в лесостепном Поволжье формируется традиция орнаментации керамики насечками. Данная посуда выявлена почти на всех памятниках средневолжской культуры, составляя незначительную часть комплекса. Насечки (или гладкий изогнутый штамп) образуют в основном простые мотивы орнамента (горизонтальные и диагональные ряды), редко на сосудах данной группы можно встретить более сложные (горизонтальный зигзаг, сочетание горизонтальных и вертикальных рядов и др.), также выявлены «шагающие» оттиски гладкого штампа. Вероятно, на основе традиции орнаментации керамики гладким штампом в конце VI тыс. до н. э. в лесостепном Поволжье формируется традиция орнаментации коротким зубчатым штампом. Посуда данного типа более многочисленна. Сосуды имеют прямую или прикрытую горловину, поясок ямок-жемчужин под срезом. Орнамент, как правило, покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Узоры представлены достаточно простыми мотивами, состоящими из горизонтальных рядов оттисков штампа. Реже встречаются более сложные композиции (зигзаги, взаимопроникающие ряды и др.). Примечательно, что данная керамика украшена теми же мотивами, что и керамика с насечками. Днища, как и у предыдущей группы, плоские и приостренные. Стоит отметить, что с точки зрения технологии в керамике, украшенной зубчатым штампом, присутствуют определенные локальные различия. На юге лесостепи более 80% изготовлены из илов, в то время как на севере региона, напротив, доминируют илистые глины. Данная посуда находит ряд аналогий в комплексах Днепро-Донского междуречья и имеет ряд существенных отличий от гребенчатой посуды камской культуры (Васильев, Выборнов, 1988).

Наконец, на завершающем этапе существования средневолжской культуры, с начала V тыс. до н. э., в лесостепном Поволжье, наряду с посудой, украшенной зубчатым штампом, получает распространение керамика, орнаментированная шагающей гребенкой и длинным гребенчатым штам-

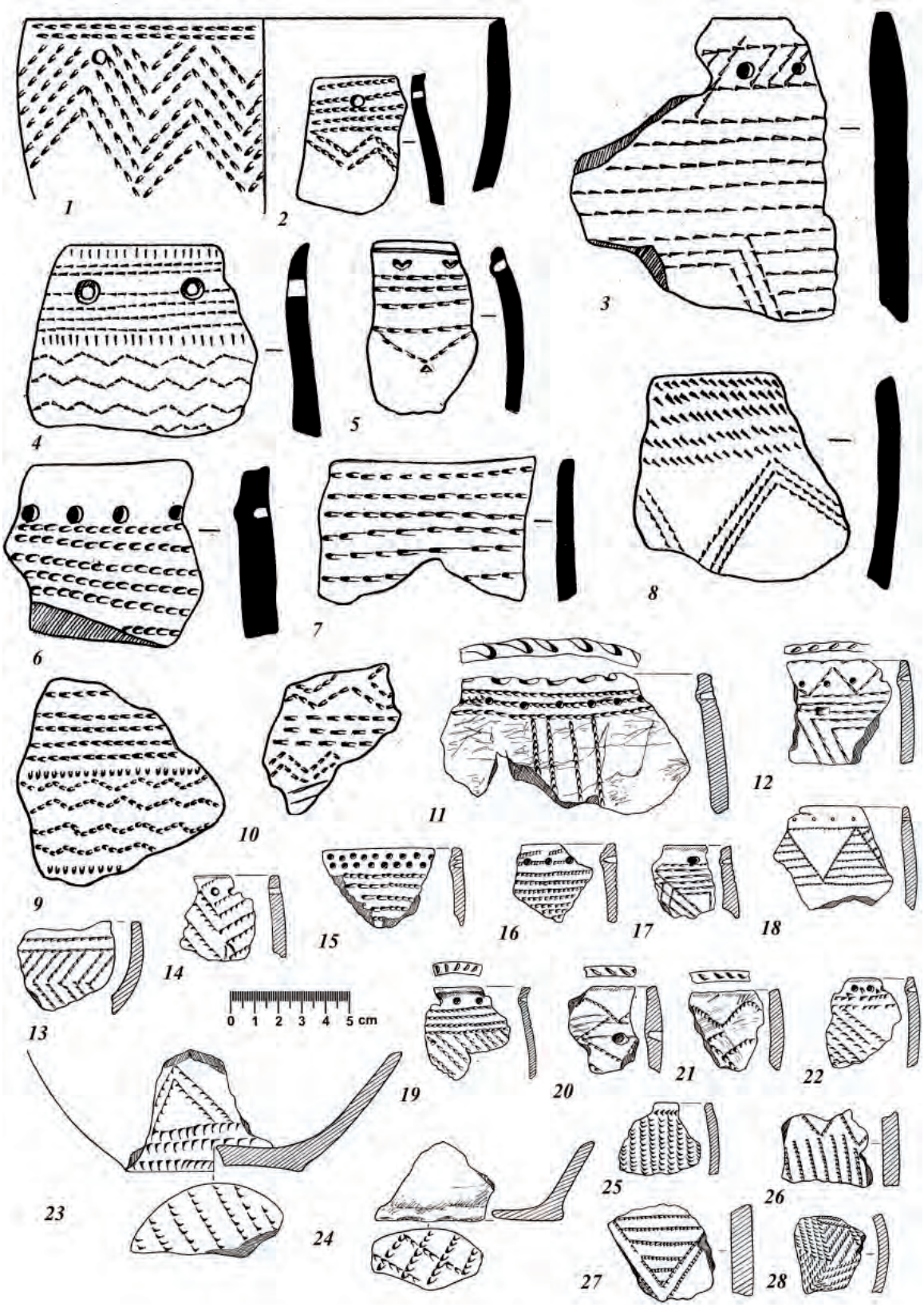

Рис. 2. Керамика стоянок Ивановская (1-10) и Виловатовская (11-28)

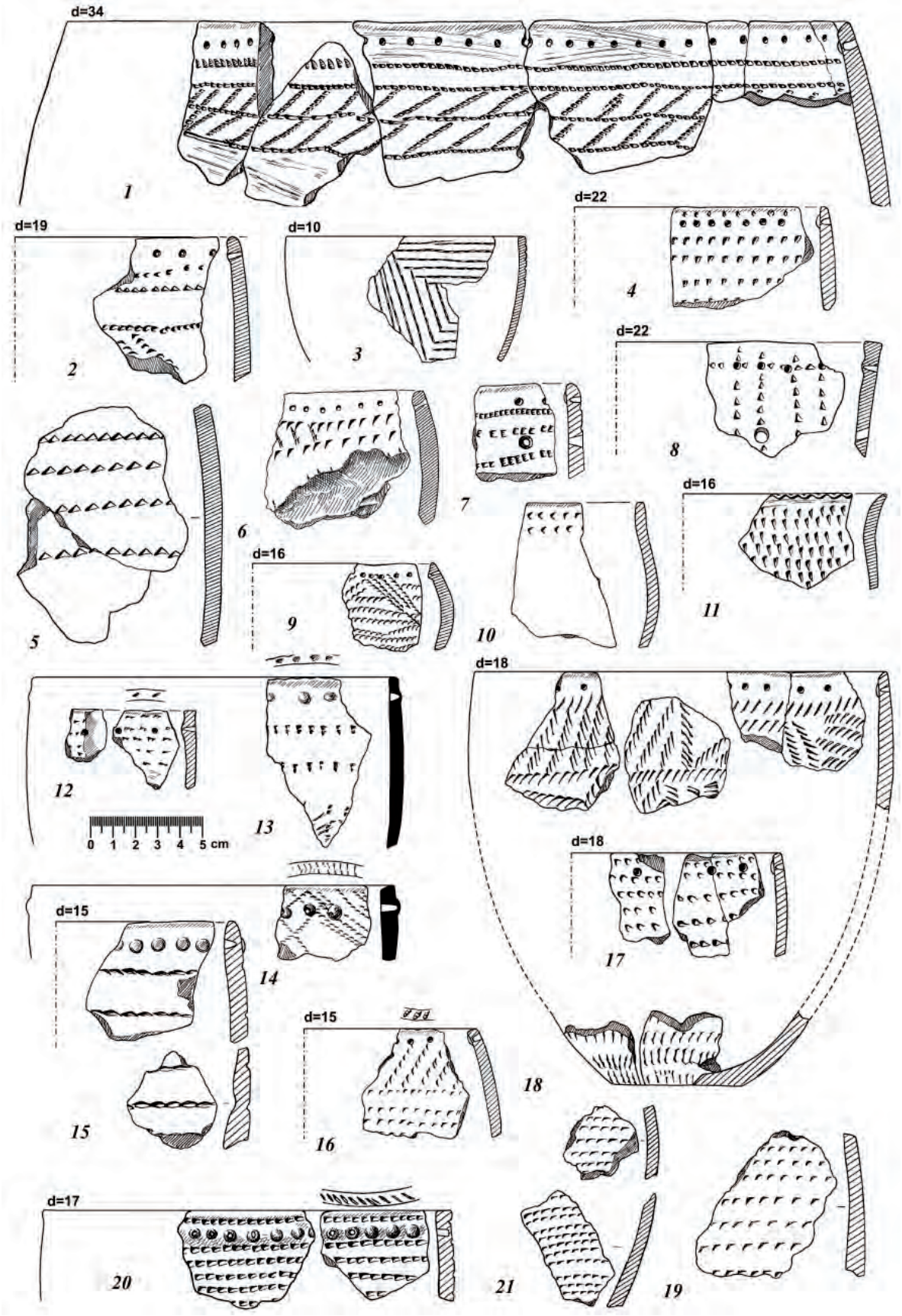

Рис. 3. Керамика стоянок Лебяжинка IV (1-11) и Ильинская (12-21)

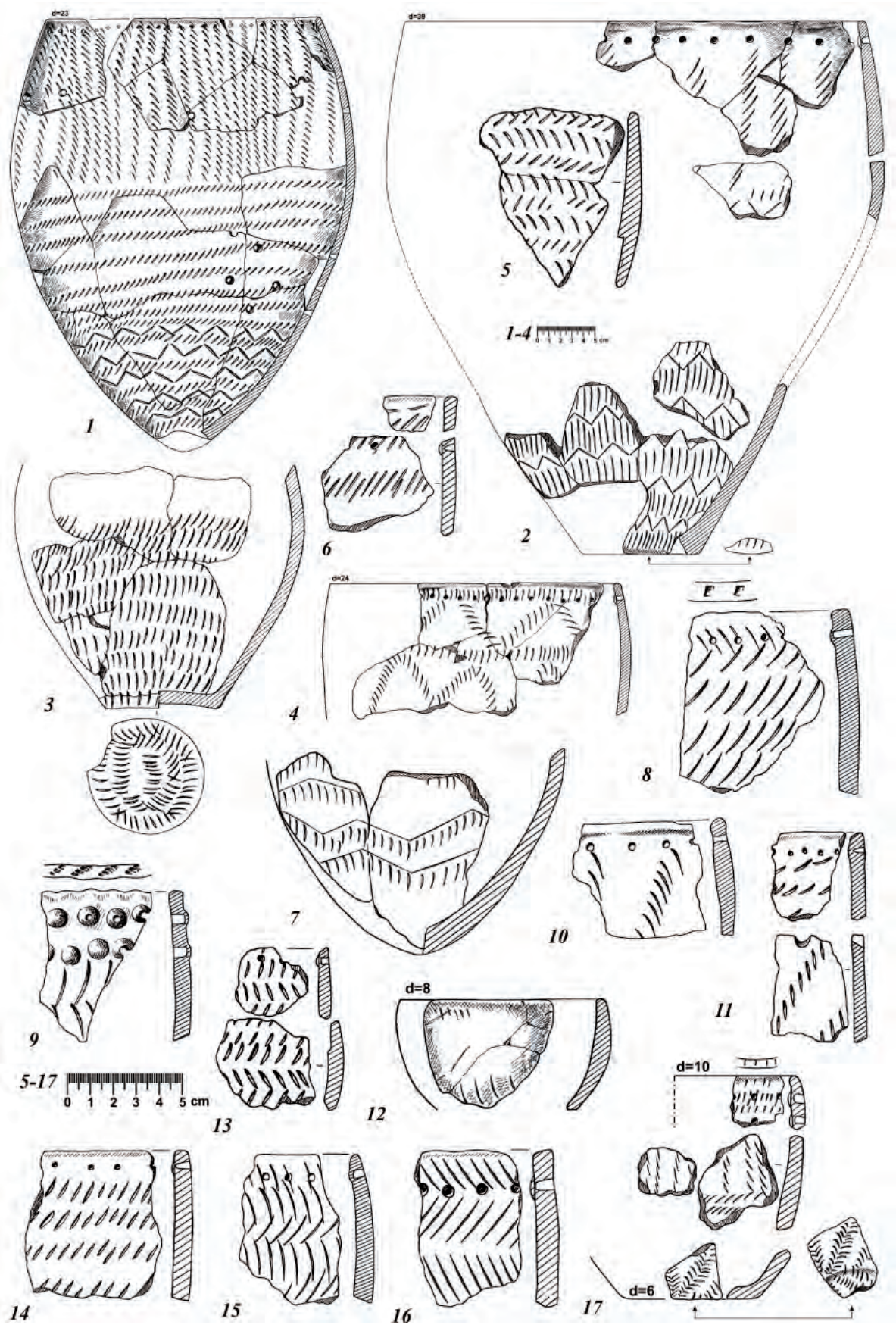

Рис. 4. Керамика стоянок Лебяжинка IV (1, 2, 4-17) и Красный Яр VII (3)

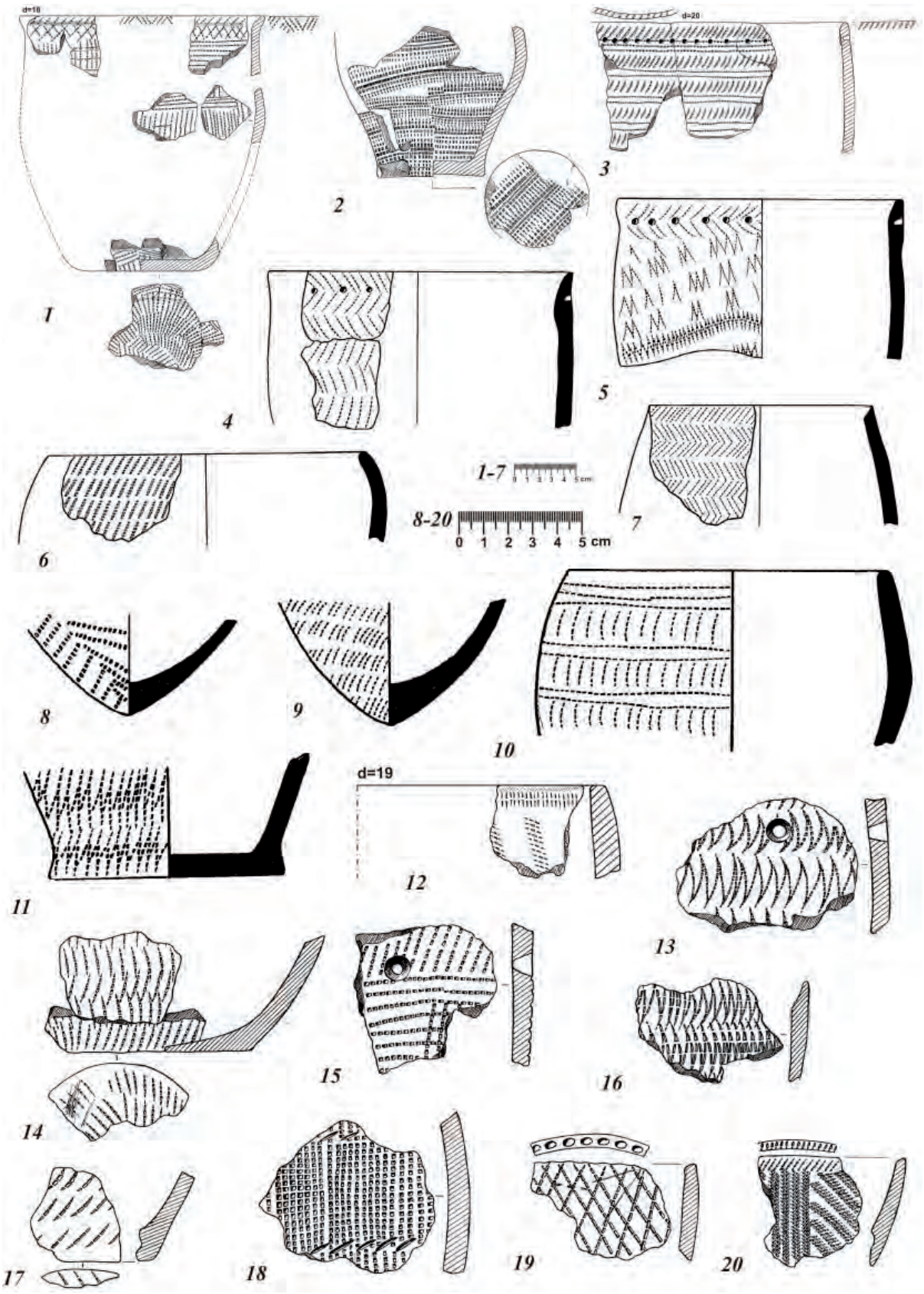

Рис. 5. Керамика стоянок Старо-Елшанская II (1-3), Ивановская (4-11), Виловатовская (12-20)

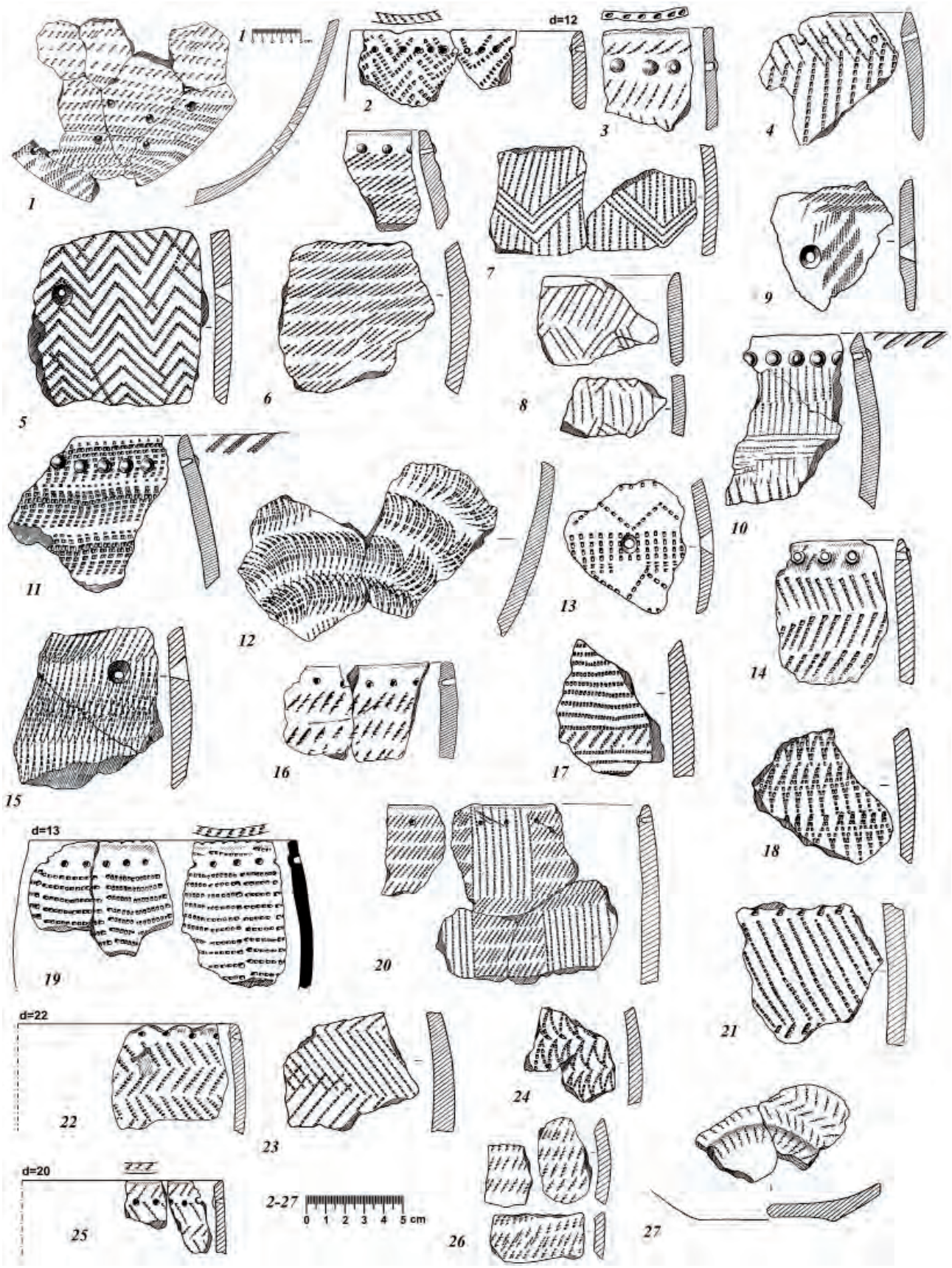

Рис. 6. Керамика стоянок Лебяжинка IV (1-18) и Чекалино IV (19-27)

Рис. 7. Керамика стоянки II Щербетьская

пом. Как и в предыдущих группах, шейка сосудов украшена ямочно-жемчужными поясками, орнаментальные мотивы достаточно просты и представлены горизонтальными и вертикальными рядами, вертикальным и горизонтальным зигзагом, иногда в сочетании с оттисками короткого штампа, который выступает в качестве разделителя зон. С точки зрения технологии, как и в предыдущей группе, на юге лесостепи доминируют илы, в то время как на севере примерно 50% сосудов изготовлено из илистых глин (Васильева, Выборнов, 2016).

В других регионах Среднего Поволжья и Камско-Вятского региона коллекции такой керамики представлены достаточно полно: на Отарском VI поселении найдены фрагменты от 396 сосудов, на Дубовском III – фрагменты от 110 сосудов, на Сутырском V – фрагменты от 81 сосуда, на Дубовском VIII – фрагменты от 72 сосудов. На II Щербетьской стоянке встречены 869 фрагментов данной керамики, на IV Тетюшской – 469 фр., на Кыйлуд II – 360 фр., на Кошкинской – 250 фр., на стоянке Усть-Шижма I – около 600 фр., на стоянке Чашкинское Озеро VIII – 320 фр., на Чашкинское

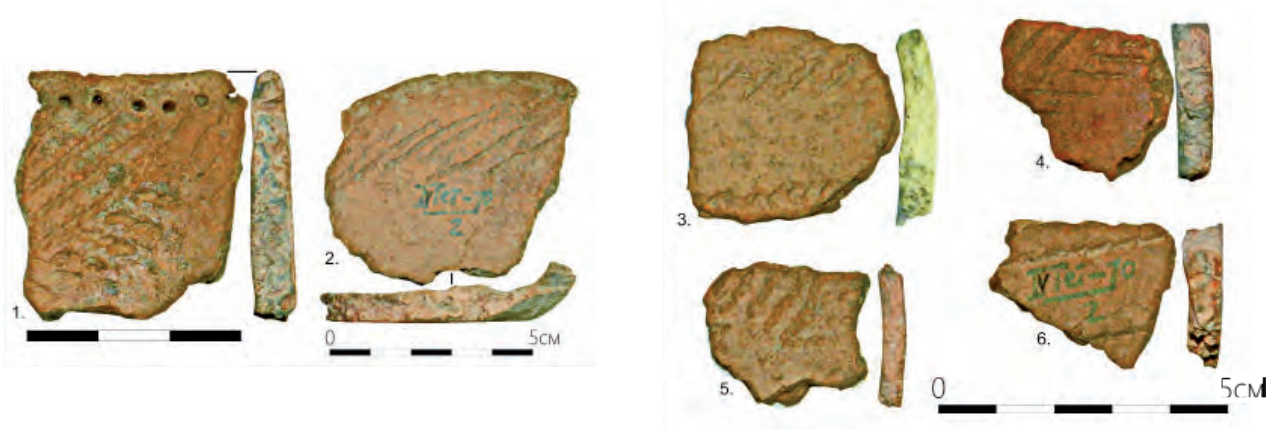

Рис. 8. Керамика стоянки IV Тетюшская

Озеро VI – около 500 фр., на Лёвшино – 1200 фр., на Заборное Озеро I – около 500 фрагментов.

В приустьевой части Прикамья керамика с ямочным пояском и с накольчатым орнаментом имеет общие черты как с лесостепными материалами, так и с комплексами Марийского Поволжья. В комплексах данного типа встречается и посуда с гребенчатыми оттисками (рис. 7, 8). Аналогичная ситуация отмечается и в неолите Примокшанья: наиболее ранние памятники представлены посудой только с накольчатым орнаментом, а в дальнейшем с ней сосуществует керамика, орнаментированная зубчатым штампом.

Неорнаментированная и накольчатая керамика с заглаженной поверхностью лесного Среднего Поволжья характеризуется сосудами горшковидной формы с прикрытым устьем и прямостенными открытыми банками. Посуда – плоскодонная (рис. 9, 10). Сравнительный анализ данных по гончарной технологии двух групп неолитического на-

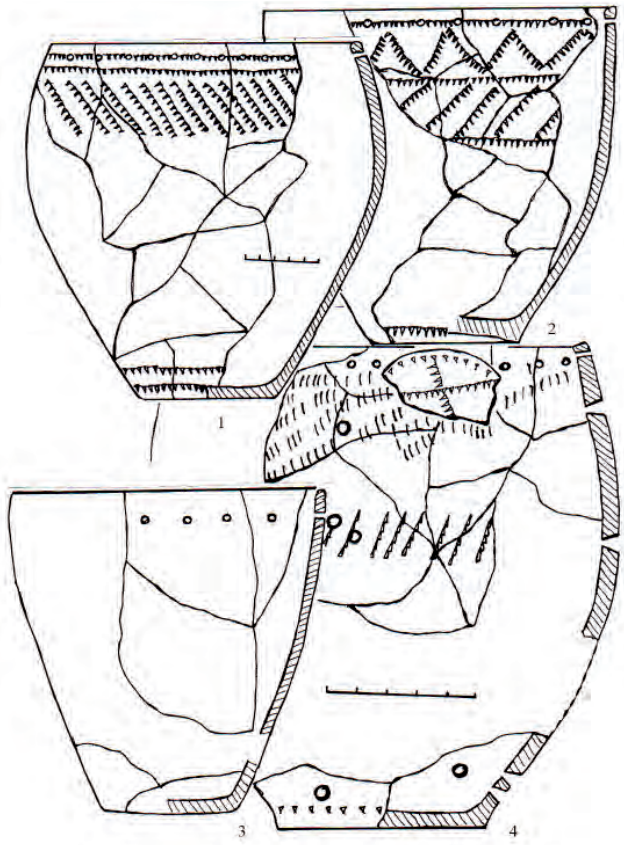

Рис. 9. Керамика Дубовского III поселения

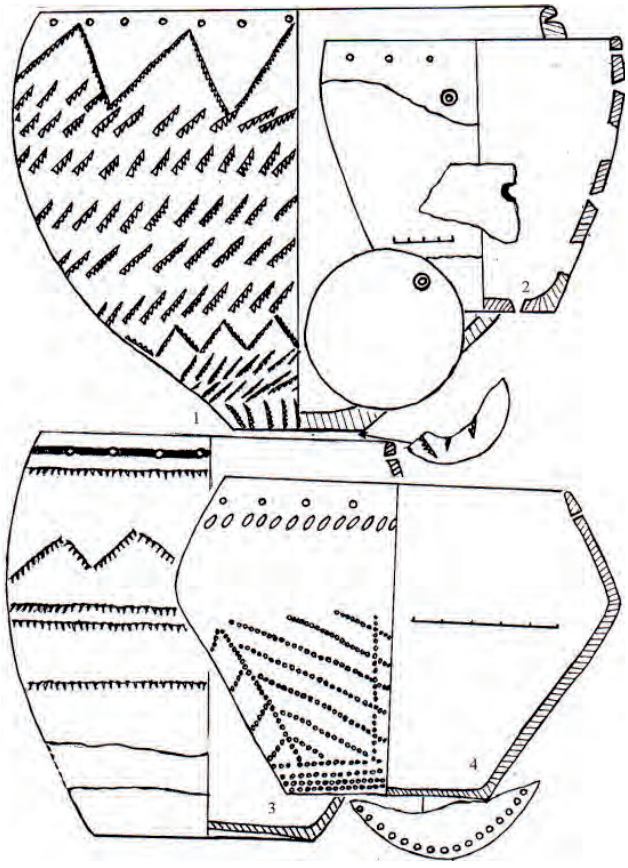

Рис. 10. Керамика Отарского VI поселения

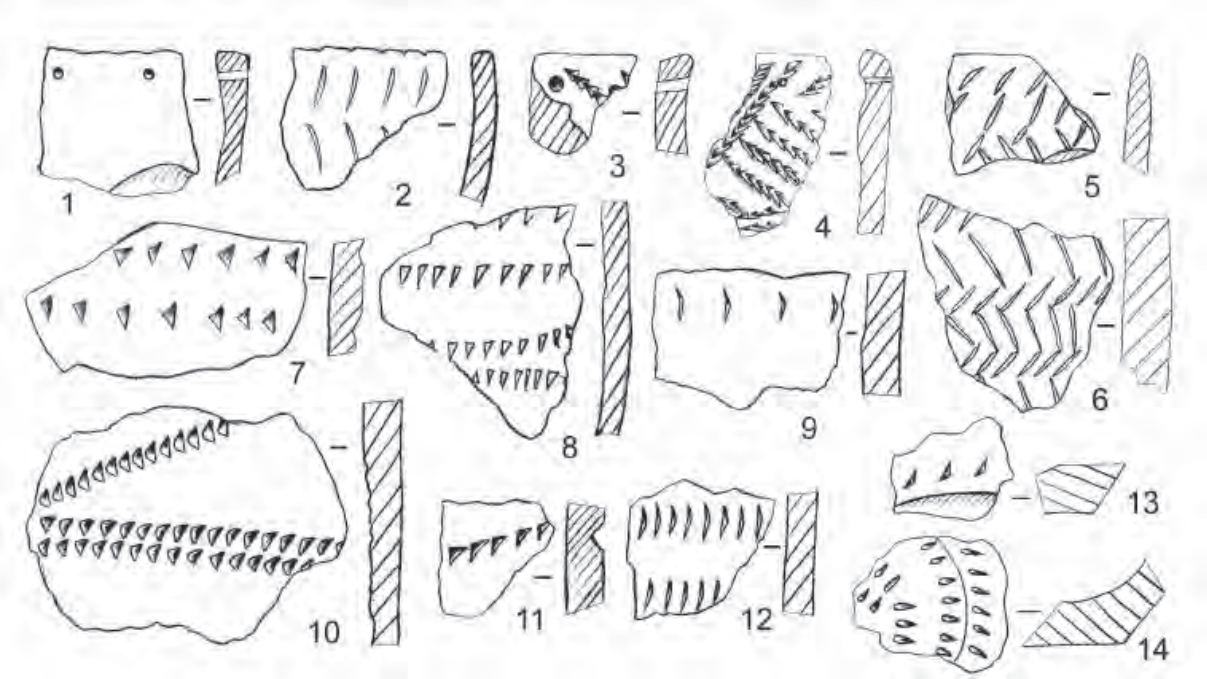

Рис. 11. Керамика Мукшумских стоянок

селения Марийского Поволжья, изготавливавших посуду без орнамента со сквозными отверстиями и с накольчатым орнаментом, показал значительную степень сходства между ними. К близким чертам относится использование илистых глин с преобладанием тощего сырья без естественной примеси раковин пресноводных моллюсков (Васильева, Выборнов, 2015). Под плоским или округлым срезом венчика часто расположен ряд ямочных вдавлений (иногда сквозных). Орнамент расположен в верхней или нижней частях сосуда, порой и на днище. Узоры наносились (до 80%) треугольными наколами в отступающей манере. Есть прочерки и насечки. Схемы рисунков просты: горизонтальные, наклонные ряды наколов или их сочетания.

Керамика Чувашского Поволжья в целом сходна с комплексами дубовского типа, но следует отметить и ряд особенностей: встречаются конические днища, больше прочерков и наколов овальной формы, присутствуют сложные мотивы (рис. 11) (Березина и др., 2010).

В Камско-Вятском регионе накольчатая керамика имеет ряд характерных признаков. Более архаичная посуда имеет заглаженную поверхность, иногда подлощенную, средняя толщина стенок составляет 0,6–0,8 см. Для большинства сосудов характерны прямые шейки, уплощенные или округлые торцы венчиков. Срезы венчиков некоторых сосудов были украшены насечками или налепами, под ними часто наносились сквозные проколы. Днища – плоские. Орнамент – разреженный, часто он располагался только по венчику или в верхней трети сосуда. В орнаментации преобладали овальные, пунктирные и треугольные ряды «отступающей палочки» (рис. 12–14, 15). Сложные узоры и полное заполнение орнаментального поля практически не встречались (Гусенцова, 1993, с. 110, 122, рис. 30, 42; Гусенцова, 2000, с. 309, рис. 3; Лычагина, 2009, с. 155, рис. 1). Технологический анализ показал, что для изготовления посуды глины использовались в два раза чаще, чем илистые глины (67%:33%). Среди илистых глин тощее (не пластичное) сырье составляло 67%, а жирное (пластичное) – 33%. В рамках традиции использования глин, наоборот, преобладает использование жирного (пластичного) сырья (60%:40%). Приемы дробления илистых глин в сухом виде не отмечены, в то время как 27,5% глин подвергались дроблению (Лычагина, Батуева, 2016, с. 115).

Ко второй группе отнесена посуда поселений Чашкинское Озеро IV, основной комплекс посуды поселения Чашкинское Озеро VI, материалы Заюрчимского поселения. Для этих памятников характерна более толстостенная керамика (0,8–1 см). Формы сосудов разнообразней, чем у посуды первой группы. Наряду с плоскодонными банками встречаются сосуды с округлым дном. Формы венчиков также разнообразны. Встречаются венчики с утолщениями и утончениями верхней части, округлые, скошенные, уплощенные, с наплывами на внутренней стороне и т. д. При орнаментации посуды активно использовались ногтевидные и другие формы насечек. «Отступающая палочка» присутствовала, но не являлась ведущим

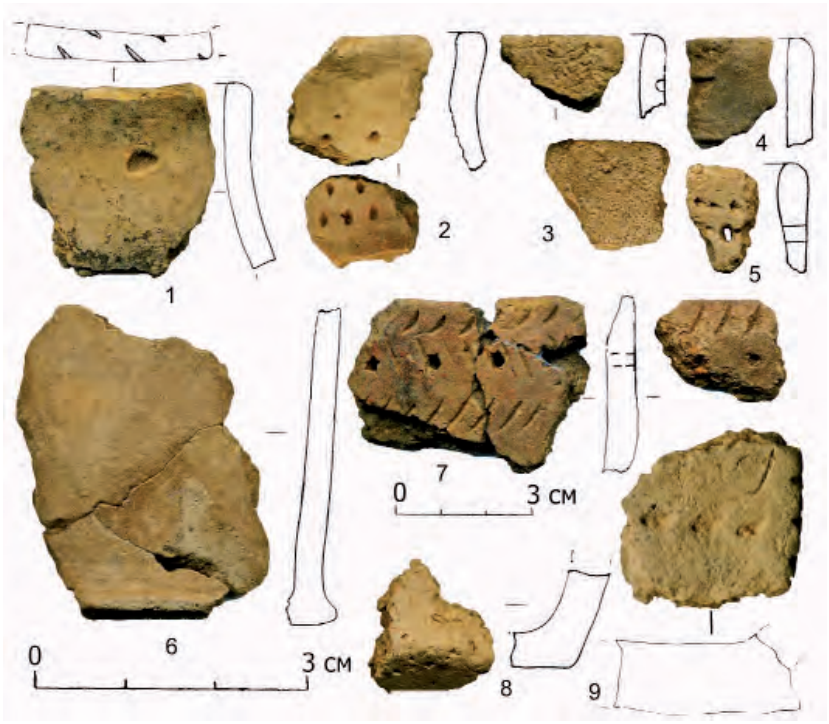

Рис. 12. Керамика Кошкинской стоянки

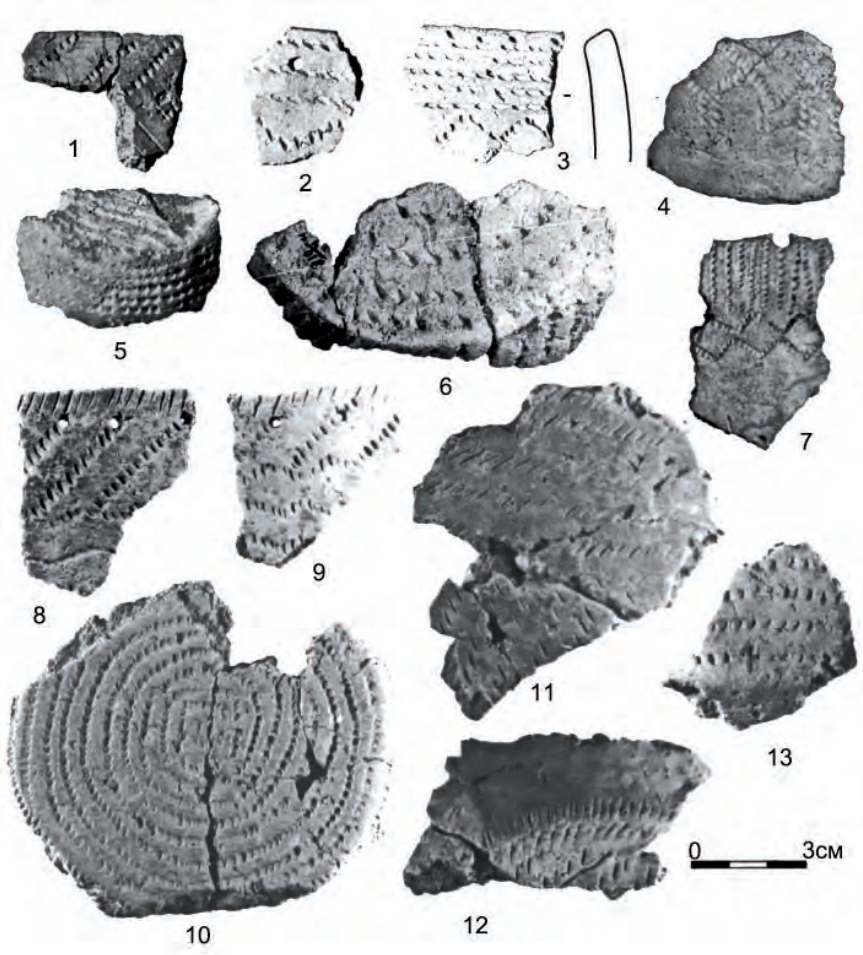

Рис. 13. Керамика стоянок Кыйлуд II (1-7) и Моторки II (8-13)

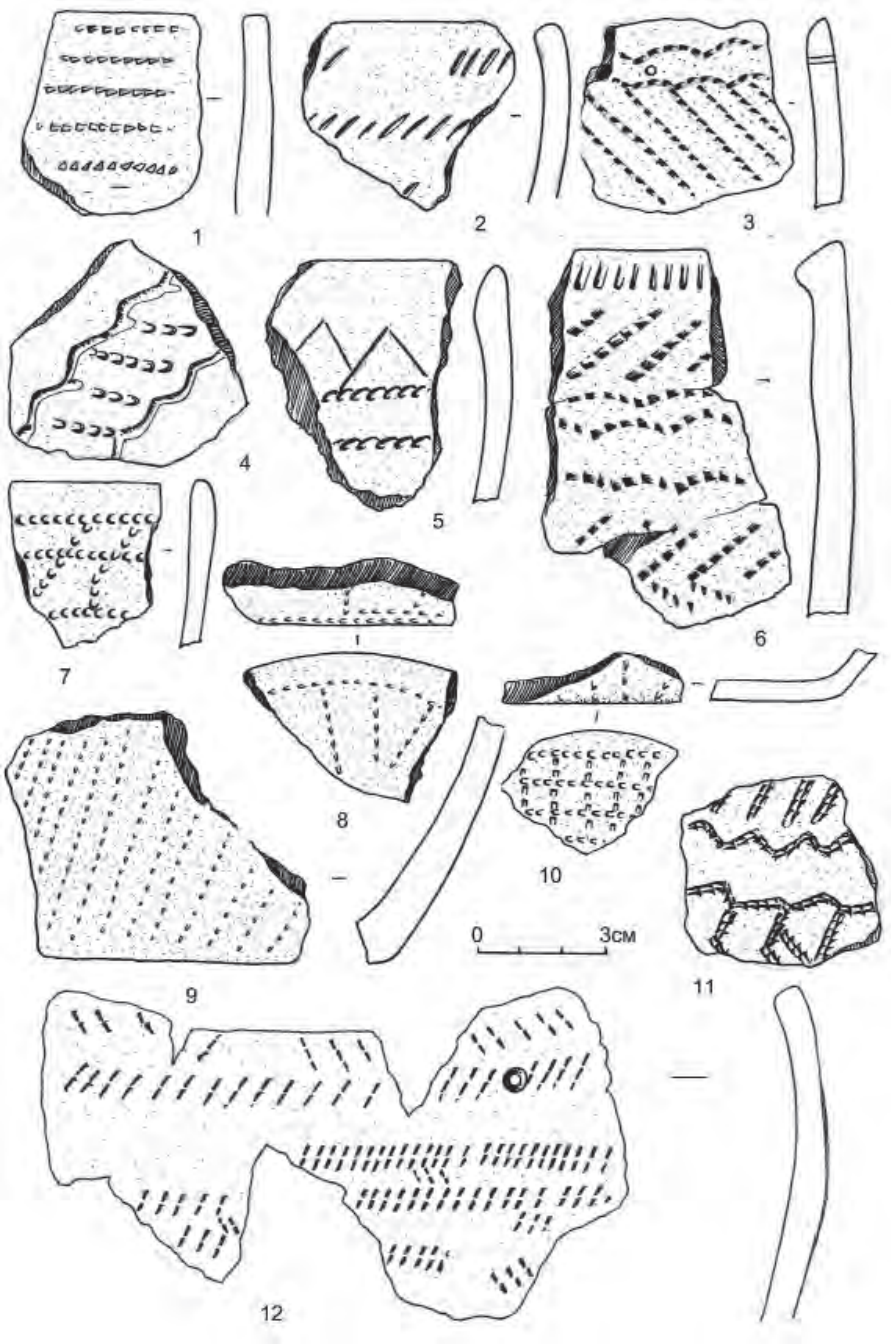

Рис. 14. Керамика поселения Кочуровское I

способом орнаментации керамики. Некоторые сосуды были орнаментированы полностью, иногда создавались достаточно сложные композиции, присутствовала вертикальная зональность. В единичных случаях на сосудах данной группы было встречено сочетание гребенчатой и накольчатой орнаментальных традиций (рис. 16).

Похожая керамика известна на усть-камских памятниках и в Камско-Вятском междуречье (Кочуровское I, Кочуровское IV) (рис. 14). С другой стороны, появление у керамики этой группы ряда черт, характерных для гребенчатой посуды, может свидетельствовать о ее появлении в результате взаимодействия с аборигенным населением. Технологический анализ керамики развитого этапа волго-камской культуры показал незначительное преобладание глин (56%) над илистыми глинами (44%). В составе навыков отбора илистых глин доля тощего (не пластичного) сырья существенно снижается по сравнению с керамикой первого этапа – до 25%. Обращает на себя внимание появление приемов дробления илистых глин в сухом состоянии (28,5%) в рамках производства керамики с накольчатым орнаментом. Среди навыков исполь-

Рис. 15. Керамика стоянки Чашкинское Озеро VIII

зования глин в качестве сырья для изготовления бытовой посуды отбор жирного (пластичного) сырья составлял 77,5%, тощего (не пластичного) сырья – 22,5%, т. е. также наблюдается уменьшение приемов отбора такого сырья (по сравнению с 40% в первой группе). Процент использования дробленых глин в сухом состоянии, наоборот, возрастает – 47%.

На большинстве памятников каменный инвентарь значительно превышает керамический комплекс (Чашкинское Озеро VIII – 455 экз., Лёвшино – 767 экз., Чернушка – 908 экз., Кыйлуд II – 374 экз., Коктыш II – 48 экз., Кошкинская – 4500 экз., Щербеть II – 2223 экз.). Для изготовления орудий использовалось местное кремневое сырье в виде небольших желваков, галек, плиток и валунов. Оно разнится в зависимости от региона: в Марийском Поволжье доминирует кремень красных, вишневых и серых тонов, а в приустьевом Прикамье – светлых тонов.

Для технокомплекса лесного Среднего Поволжья характерно: сочетание пластинчатой и отщеповой техники, высокий процент изделий на пластинах, преобладание частичной односторонней ретуши при отделке инструментария, близкий типологический состав орудий (рис. 17–20). Наиболее многочисленную группу составляют скребки квадратной и округлой форм. Скобели имеют вогнутую рабочую часть. Ножи – прямолезвийные, сегментовидные, клинковидные, листовидные. Острия (проколки, сверла, провертки) в основном выполнены на трехгранных отщепах с последующей подправкой жала. Следует отметить и достаточно большую долю резцов на пластине и на отщепах. Среди наконечников стрел и дротиков бытуют архаичные (мезолитического облика) экземпляры на пластинах с выделенным черешком: наконечники с черешком и острием пера, обработанными мелкой ретушью; иволистные и лавролистные формы, как правило, с односторонней обработкой поверхности; треугольно-черешковые и подромбические наконечники с обработкой всей поверхности по спинке и частично (нерегулярно) с брюшка. Деревообрабатывающие орудия (топоры, долота, тесла и стамески) – многочисленные и разнообразные по форме, размерам и окончательной отделке. Выполнены они на сравнительно мягких породах: доломитах, диоритах, сланцах, окремнелом известняке. Большинство этих инструментов частично или полностью шлифованы. Форма орудий преобладает трапециевидная (с зауженным обухом) при наличии треугольной и четырехугольной (рис. 18).

Для стоянок приустьевой части р. Камы и Камско-Вятского региона было характерно использование в качестве основного сырья для изготовления орудий серого кремня различных оттенков. Каменному инвентарю присущи отщепово-пластинчатая индустрия (на большинстве памятников фиксируется незначительное преобладание орудий на отщепах) и широкое распространение краевой односторонней ретуши (двусторонняя обработка и техника шлифования использовались эпизодически). Основными категориями орудий

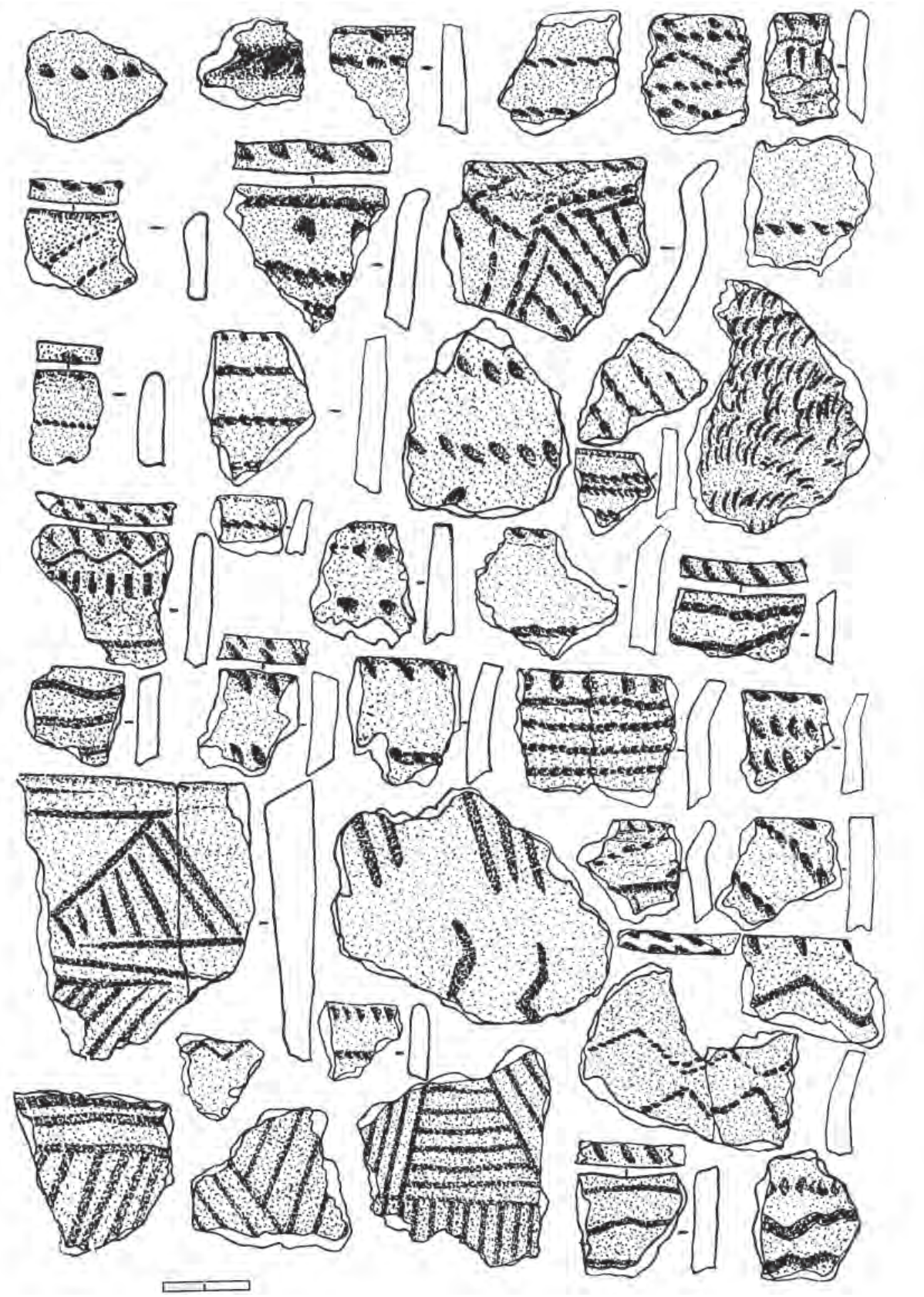

Рис. 16. Керамика Левшинской стоянки

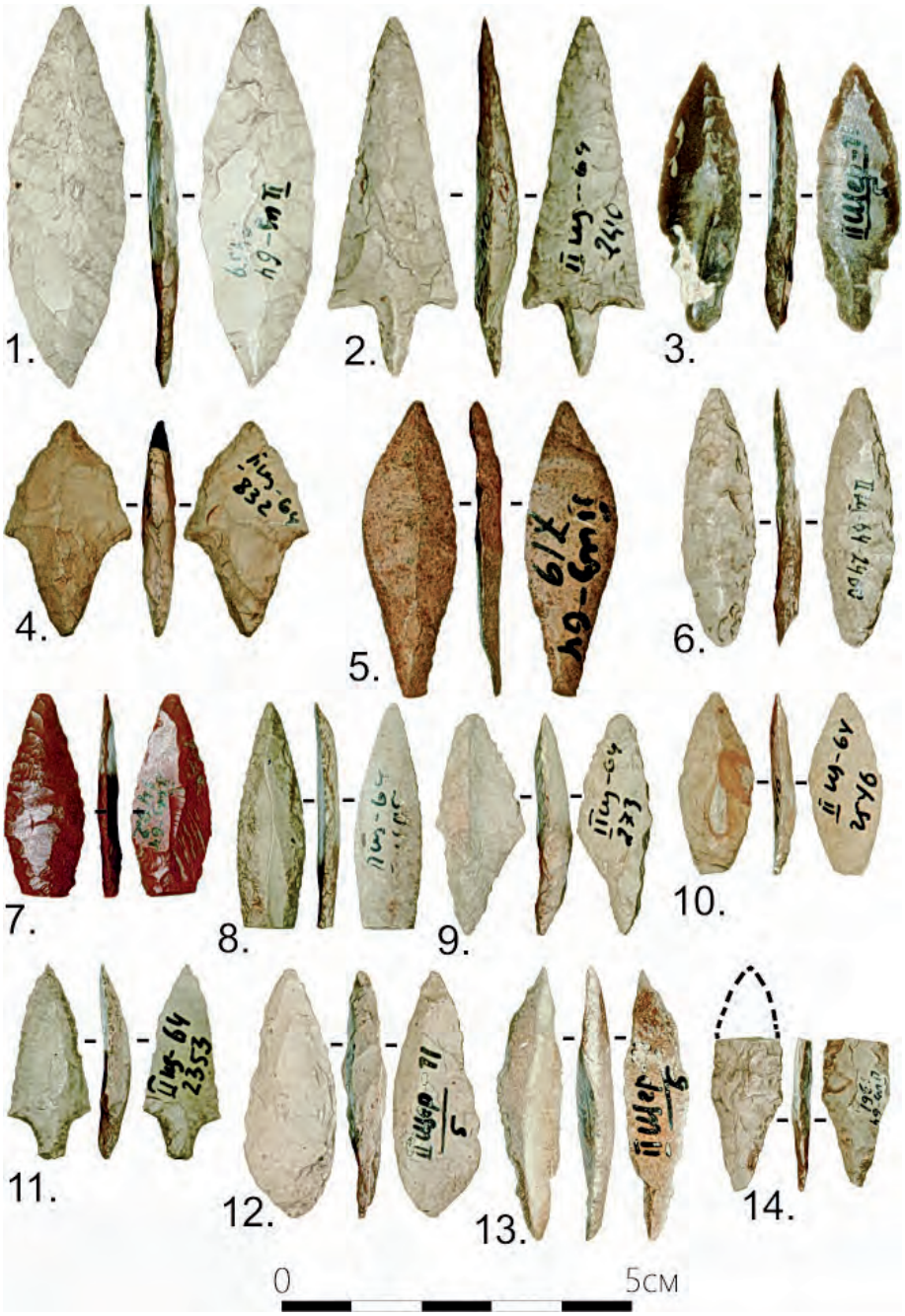

Рис. 17. Каменный инвентарь II Щербетьской стоянки

были пластины с ретушью или следами использования; скребки на широких пластинах и отщепах (около половины из них – концевые); однолезвийные ножи на крупных пластинах и отщепах; наконечники стрел на пластинах; угловые резцы; проколки и свёрла на пластинах и отщепах с симметричным лезвием или рабочим концом (Габяшев, 1976, с. 38, рис. 2; Габяшев, 2003, с. 159–161, рис. 15–17; Гусенцова, 1993, с. 111, 112, 176, рис. 31, 32, 97; Гусенцова, 2000, с. 309, рис. 4; Халиков, 1969, с. 57, рис. 14: 1–14, 16, 19–21, 24, 27–29, 31, 33). Макроорудия изготавливались из окремнелого известняка, опоки и доломита (рис. 18). Орудия с бифасиальной обработкой (наконечники, ножи) делались либо из серого/коричневого полупрозрачного кремня мелового происхождения, либо из цветного кремня высокого качества. Рядом с памятниками выходов мелового кремня нет, поэтому мы можем предположить наличие транспортировки данного сырья на большие расстояния. Орудий из плитчатого кремня не встречено (рис. 17, 20).

Жилища носителей традиции накольчатой керамики представлены достаточно хорошо. В лесном Среднем Поволжье на Дубовском III поселении изучены остатки 14 построек, Дубовском VIII – 6 построек, расположенных двумя рядами вдоль

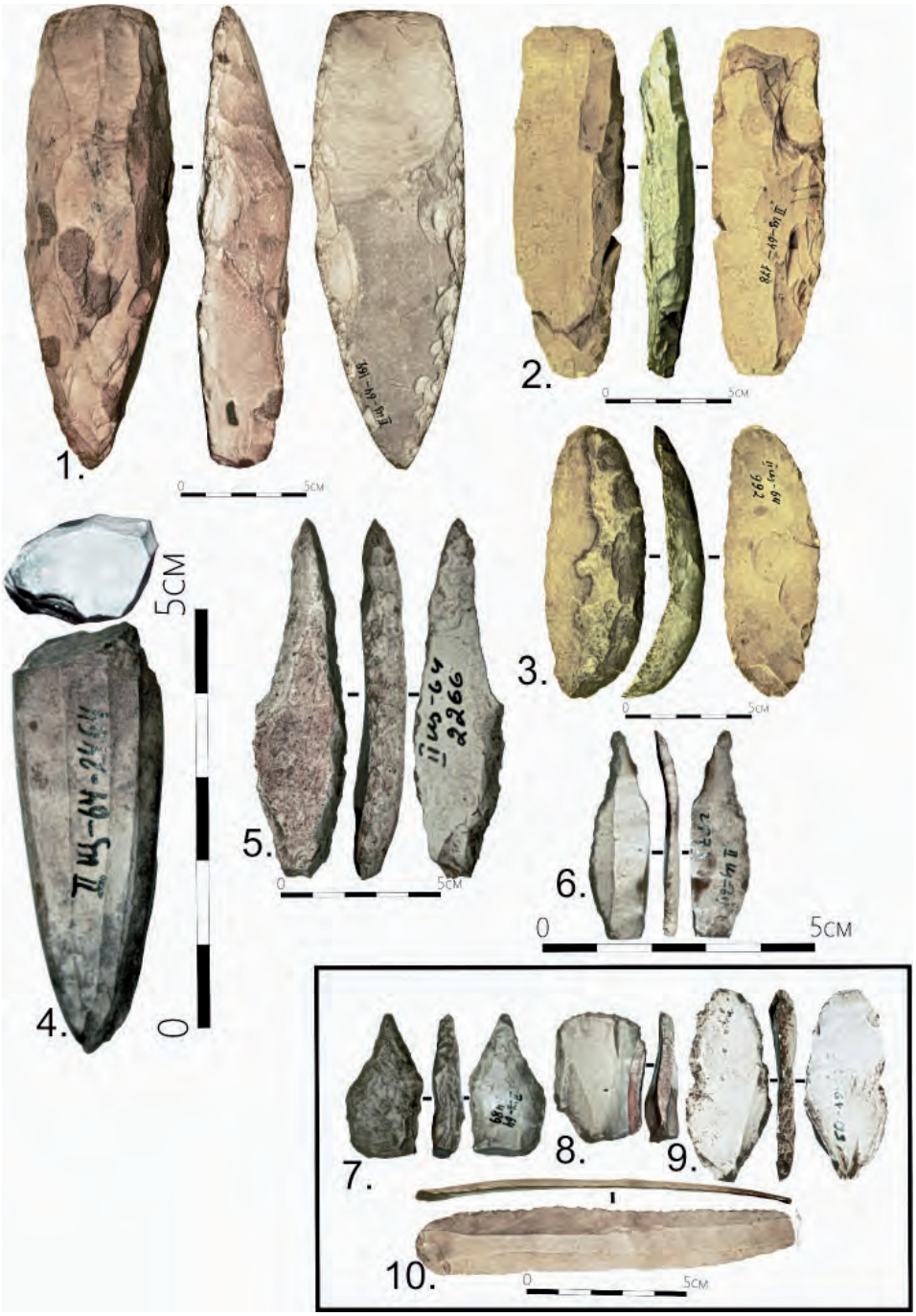

Рис. 18. Каменный инвентарь II Щербетьской стоянки

берега протоки. Часть построек была соединена переходами. На Отарском VI поселении исследованы 16 построек. Постройки носителей посуды с накольчатым орнаментом представляют два типа: 1 – постройки с углубленным котлованом, 2 – наземные постройки, которые существовали одновременно (Никитин, 2011).

Жилища, которые достоверно можно соотнести с ранним этапом накольчатой традиции в Камско-Вятском междуречье, были изучены на стоянках Кыйлуд II и Коктыш II. На стоянке Кыйлуд II было зафиксировано сооружение подквадратной формы с закругленными углами размером 7,5×7,5 м, углубленное в материк на 15–20 см и ориентированное в направлении СВ–ЮЗ. В жилище находились очажная, хозяйственные и столбовые ямы. Большинство находок было обнаружено на полу жилища и в ямах (Гусенцова, 1993, с. 82). На стоянке Коктыш II было исследовано жилище размером 5×4,5 м прямоугольной формы, углубленное в подстилающий песок на 15–43 см, ориентированное по линии СВ–ЮЗ. На Моторках II открыто жилище (№ VIII) квадратной формы, размер его составляет 6,4×6,8 м, глубина в материке – 0,25–

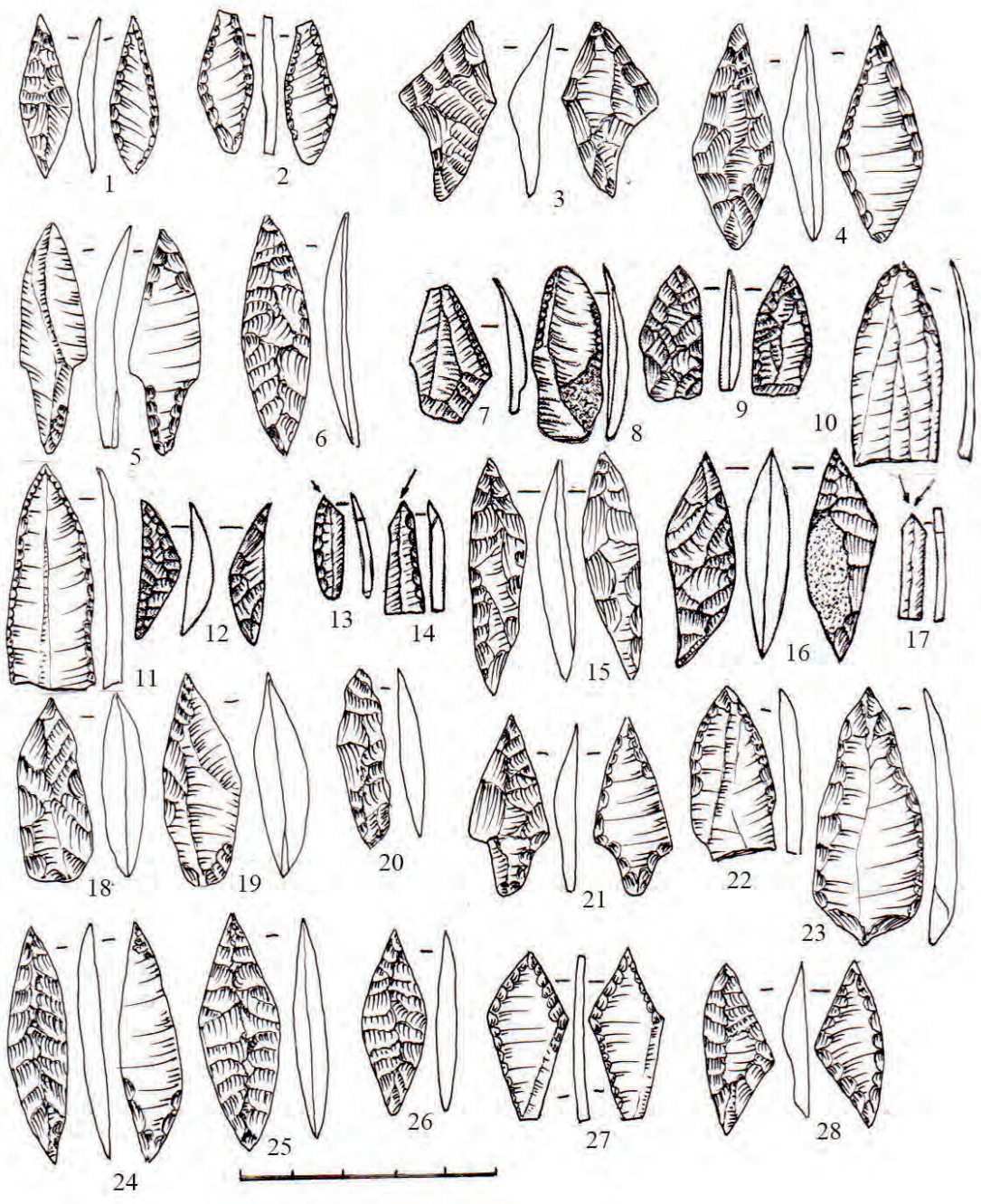

Рис. 19. Каменный инвентарь Дубовского III поселения

0,30 м, оно было ориентировано СВ–ЮЗ, имело два выхода. Остатки другого жилища (№ X) имели размеры 6×5,2 м, глубину 0,2–0,3 м. В жилище было два длинных выхода, возле которых найдены столбовые ямки. Ямки от столбов также образовывали ряд, протянувшийся поперек постройки. В пределах котлована собрано значительное количество фрагментов посуды с накольчатым орнаментом и кремневый инвентарь (Гусенцова, 1993, с. 95–97).

На стоянке Чумойтло I изучено жилище (№ I) прямоугольной формы, размером 4,5×4,7 м, глубиной 0,39 м, ориентированное по сторонам света. В жилище собрана накольчато-прочерченная керамика и кремневый инвентарь. (Гусенцова, 1993, с. 101).

Для большинства памятников с накольчатой керамикой Среднего Поволжья и Предуралья получены радиоуглеродные даты (Радиоуглеродная хронология…, 2016). Это позволяет представить не только хронологические рамки развития волго-камской культуры в отдельных регионах, но и картину в целом. Наиболее ранние даты характерны для памятников лесостепного Поволжья

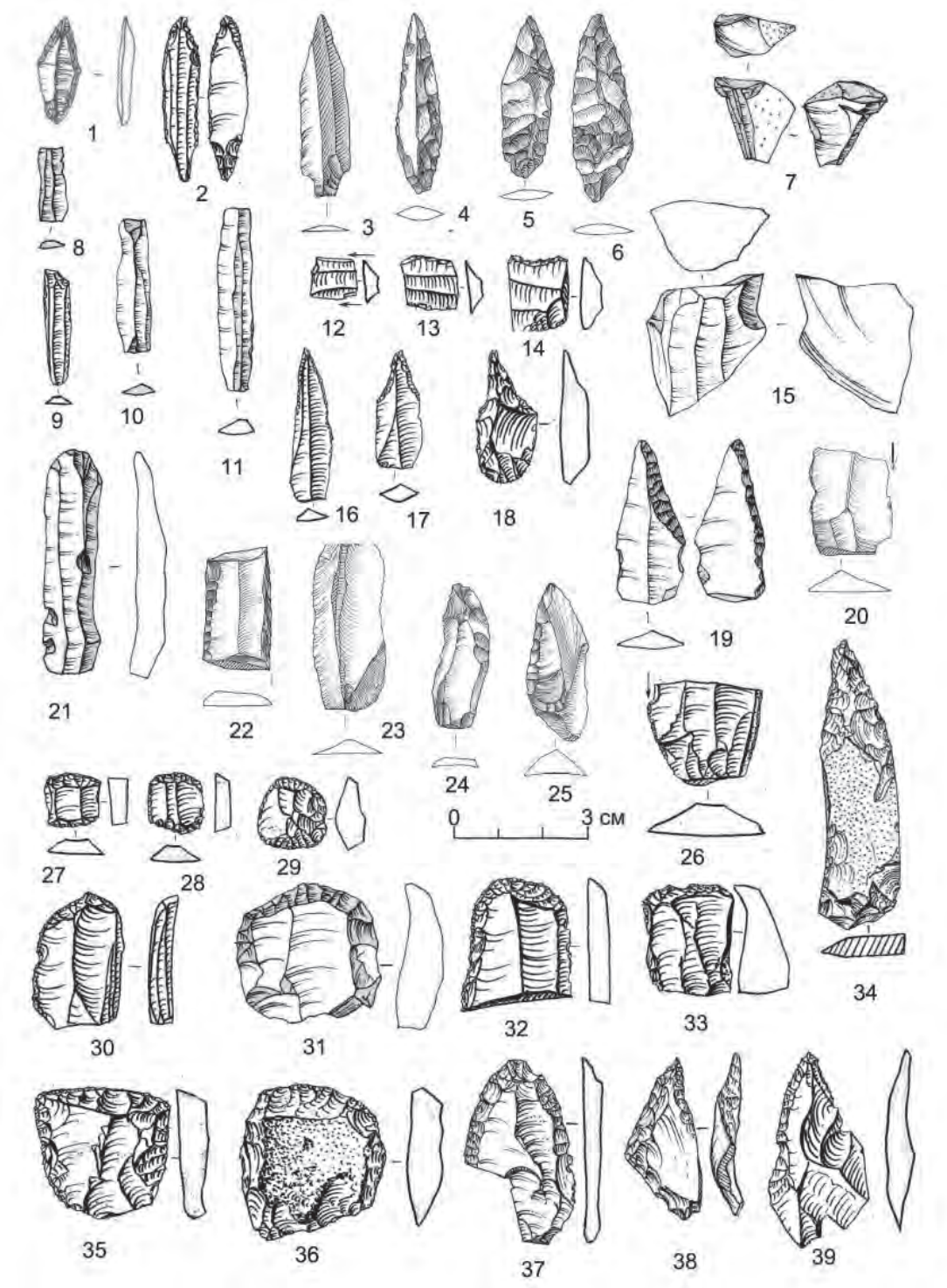

Рис. 20. Каменный инвентарь стоянки Кыйлуд II

и бассейна р. Свияги – первая четверть VI тыс. до н. э. Это дает определенные основания для предположения о том, что формирование керамической традиции плоскодонной керамики с накольчатой системой орнаментации связано с этим регионом. Во второй четверти VI тыс. до н. э. стоянки с подобной посудой фиксируются в приустьевой части р. Камы и Марийском Поволжье. В третьей четверти VI тыс. до н. э. они уже известны Камско-Вятском междуречье, а затем в Посурье и Примокшанье. Следует отметить, что памятники с накольчатой керамикой функционируют достаточно длительный период. Они бытуют в первой трети V тыс. до н. э. как в лесостепном Поволжье, так и в лесном Среднем Прикамье.

ГЛАВА 5
КАМСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Изыскания 1930–60-х гг. (Шмидт, 1940; Прокошев, 1940; Бадер, 1951; Денисов, 1960; Буров, 1967) позволили выявить в восточной части Русской равнины и Приуралье памятники камской неолитической культуры гребенчатой керамики (Бадер, 1963). Основным районом ее распространения является бассейн р. Камы (Бадер, 1973), Камско-Вятское (Гусенцова, 1993) и Икско-Бельское междуречья (Габяшев, 1978; 2003; Выборнов, 1984; 1992; Морозов, Тихонов, 1984; Матюшин, 1996), а также Нижнее Прикамье (Халиков, 1960; 1969) и лесное Среднее Поволжье (Никитин, 1996), вплоть до Сурско-Мокшанского междуречья (Третьяков, Выборнов, 1988; Ставицкий, 1999; Березина, 2011), а северной периферией является бассейн р. Вычегды (Карманов, 2008).

Первоначально было предложено деление культуры на три (Бадер, 1970), а затем на два этапа: хуторской (развитый неолит) и лёвшинский (поздний неолит) (Бадер, 1978, с. 72–74). С открытием новых ранненеолитических памятников был выделен еще один этап (Выборнов, 1984; 1992). К настоящему времени эта периодизация получила дополнительное обоснование (Лычагина, 2013, с. 52–76).

Дадим общую характеристику культуры, опираясь на выделенные этапы.

Первый этап

К раннему неолиту могут быть отнесены материалы стоянок: Кабы-Копры (Нижнее Прикамье), Зиарат и Муллино (Икско-Бельское междуречье), Усть-Шижма I (Камско-Вятское междуречье), Мокино и Усть-Букорок (Среднее Прикамье), Пезмог IV (бассейн р. Вычегды) (рис. 1).

Памятники располагались на всхолмлениях в поймах небольших рек, впадающих в Каму, Вятку и Волгу (Мокино, Усть-Букорок, Кабы-Копры), на уступе второй надпойменной террасы оз. Сауз (Зиарат), первой надпойменной террасе Камы и ее притоков (Усть-Шижма I).

Стоит отметить, что коллекции большинства памятников немногочисленны, а часть из них (Усть-Шижма I, Кабы-Копры) содержит материалы других культур, в них были встречены как гребенчатая, так и накольчатая керамика (Наговицин, 1988, с. 71; Третьяков, 1972, с. 48).

Жилища

Остатки сооружения изучены на стоянке Усть-Букорок (рис. 2: 1). Оно имело подпрямоугольную форму и размеры 11×6 м. С востока отмечался коридор длиной 3 м и шириной до 0,7 м. Напротив него выявлен очаг подовальной формы мощностью до 10 см, рядом с ним – яма овальной формы глубиной до 20 см (Мельничук и др., 2001, с. 158).

Керамика

Количество фрагментов керамики на большинстве памятников раннего этапа невелико: на Кабы-Копры – 130, Зиарат – 70, Усть-Шижма I – около 150, Усть-Букорок – 3, Мокино – 11, а на Пезмог IV найден один сосуд. Технологический анализ показал, что в качестве сырья для изготовления посуды использовалось пластичное ожелезненное сырьё (глины и илистые глины). Формовочная масса состояла из сухих смесей: исходного пластичного сырья и шамота, к которым добавлялся органический раствор. При этом доля использования крупной фракции шамота преобладала (Васильева, Выборнов, 2012, с. 36–39).

Поверхности всех сосудов были заглажены мягким предметом, средняя толщина стенок составила 0,8–1 см. Торец венчиков – либо округлый, либо скошенный. Внутренний наплыв характеризует керамику местонахождения Пезмог IV (Карманов, 2008) и сосуд из стоянки Мокино (Мельничук и др., 2001, с. 160, рис.14: 3). Большинство сосудов имело полуяйцевидную форму с прямым или чуть прикрытым горлом.

Орнамент представлен отпечатками мелко- и среднезубчатого длинного штампа с применением овального короткого штампа, который использовался в основном лишь для разделения орнаментальных зон (Выборнов, Крижевская, 1988, с. 73, рис. 1: 1–18; Третьяков, 1972, с. 51, рис. 13: 7, 9–12). Среди узоров преобладают ряды наклонных оттисков, вертикальный зигзаг, а также ряды длинных отпечатков, разделенные короткими оттисками (рис. 3). На стоянке Усть-Шижма I зафиксировано единичное использование тонкой «шагающей гребенки» (рис. 3: 12). На стоянках Мокино и Усть-Шижма I обнаружены фрагменты сосудов, орнаментированных только рядами неглубоких ямок (рис. 3: 11). На стоянке Зиарат найдены во-

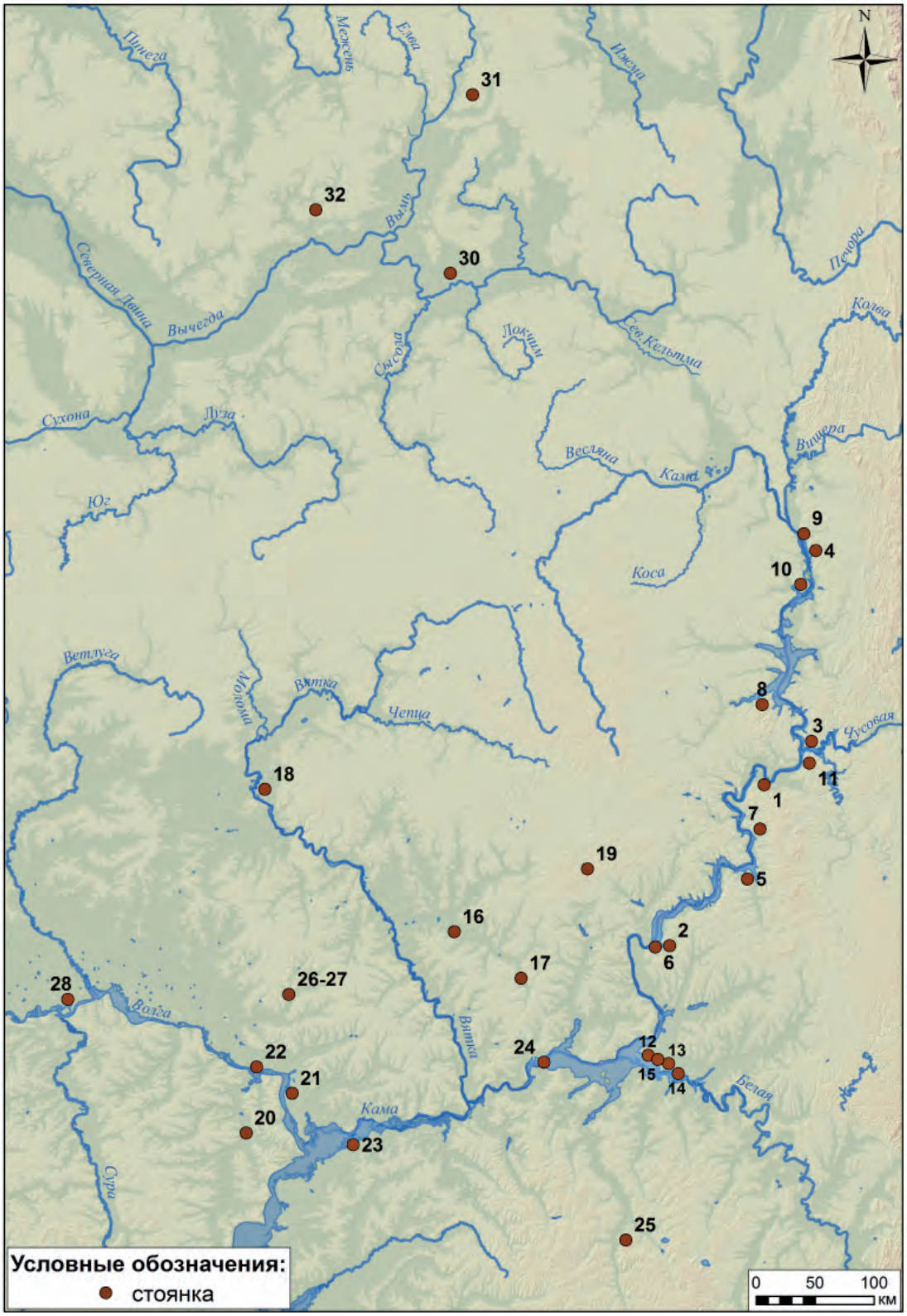

Рис. 1. Карта распространения памятников камской культуры:

Стоянки: 1 – Мокино; 2 – Усть-Букорок; 3 – Боровое Озеро I; 4 – Хуторская стоянка; 5 – Кряж; 6 –Чернушка; 7 – Чернашка; 8 – Посер; 9 – Чашкинское озеро IIIа; 10 – Усть-Залазнушка; 11 – Левшино; 12 – Зиарат; 13 – Кюнь II; 14 – Старо-Буртюковская; 15 – Бачки-Тау II; 16 – Тархан I; 17 – Чумойтло; 18 – Усть-Шижма; 19 – Среднее Шадбегово I; 20 – Кабы-Копры; 21 – Матюшинская IV; 22 – Обсерваторская III; 23 – Лебединская II; 24 – Дубовогривская II; 25 – Муллино; 26 – Старо-Мазиковская III; 27 – Старо-Мазиковская II; 28 – Нижняя Стрелка V; 29 – Подлесное IV; 30 – Пезмог IV; 31 – Вис I; 32 – Кочмас Б

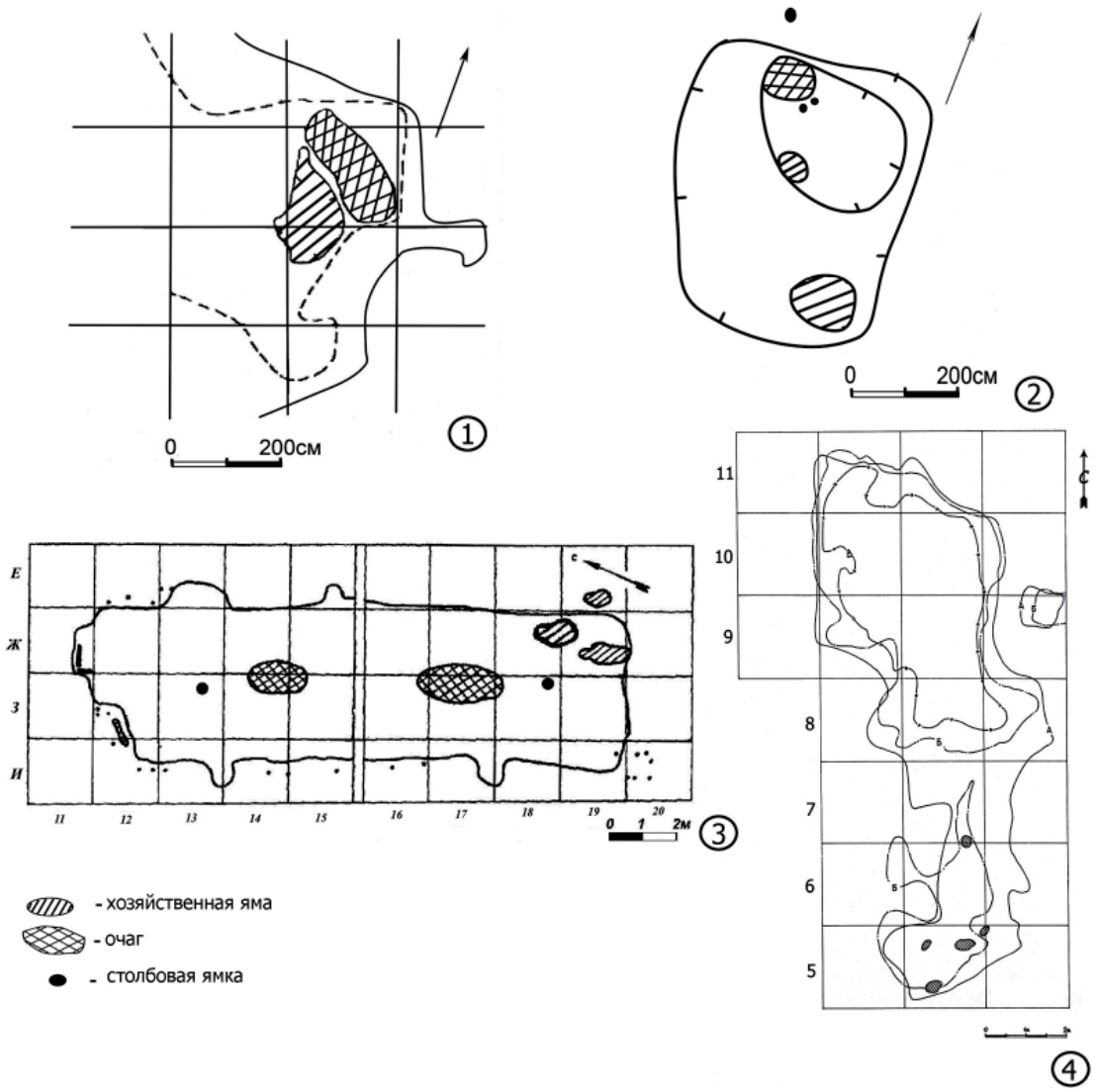

Рис. 2. Жилища камской культуры:
1 – стоянка Усть-Букорок (по: Мельничук А.Ф. и др., 2001, с. 144); 2 – стоянка Тархан I (по: Т.М. Гусенцова, 1993, с. 228); 3 – Хуторская стоянка; 4 – стоянка Усть-Залазнушка II (по: А.Ф. Мельничук и др., 2006, с. 121)

семь фрагментов керамики, орнаментированных ногтевидной насечкой (рис. 4). Также необходимо отметить, что на стоянке Усть-Шижма I обнаружено два фрагмента керамики, орнаментированных вертикальными рядами косозубого штампа. Аналогичным инструментом украшен сосуд из стоянки Пезмог IV на Вычегде. Таким образом, к особенностям ранненеолитического комплекса мы можем отнести преимущественно небольшое количество сосудов и их небольшие размеры, тонкостенность фрагментов, применение длинного и узкого штампа, почти полное отсутствие наплыва при конструировании венчиков и единичное использование «шагающей гребенки» в орнаментации посуды.

Каменный инвентарь

Каменный инвентарь памятников раннего периода малочислен: Усть-Букорок – 192 экз., Мокино – 149, Зиарат – 163. Его характеризует использование в качестве сырья галечникового и плитчатого кремня, пластинчато-отщеповая индустрия с преобладанием орудий на узких и средних пластинах (Выборнов, Крижевская, 1988, с. 73, рис. 1: 19–29; Мельничук и др., 2001, с. 154, 155, 159, рис. 11–13). Нуклеусы параллельного принципа скалывания – призматические и конические, вплоть до карандашевидных. Основные категории орудий: пластины и сечения с ретушью, концевые скребки, резцы на углу сломанной пластины, острия на пластинах (рис. 5). В то же время выделяется группа орудий с двусторонней обработкой, изготовленных из плитчатого кремня – ножи, наконечники стрел (рис. 5: 17, 18, 21). Единично встречаются шлифованные орудия – топоры, тесла.

Описанная выше индустрия несет на себе черты как мезолитической эпохи (широкое исполь-

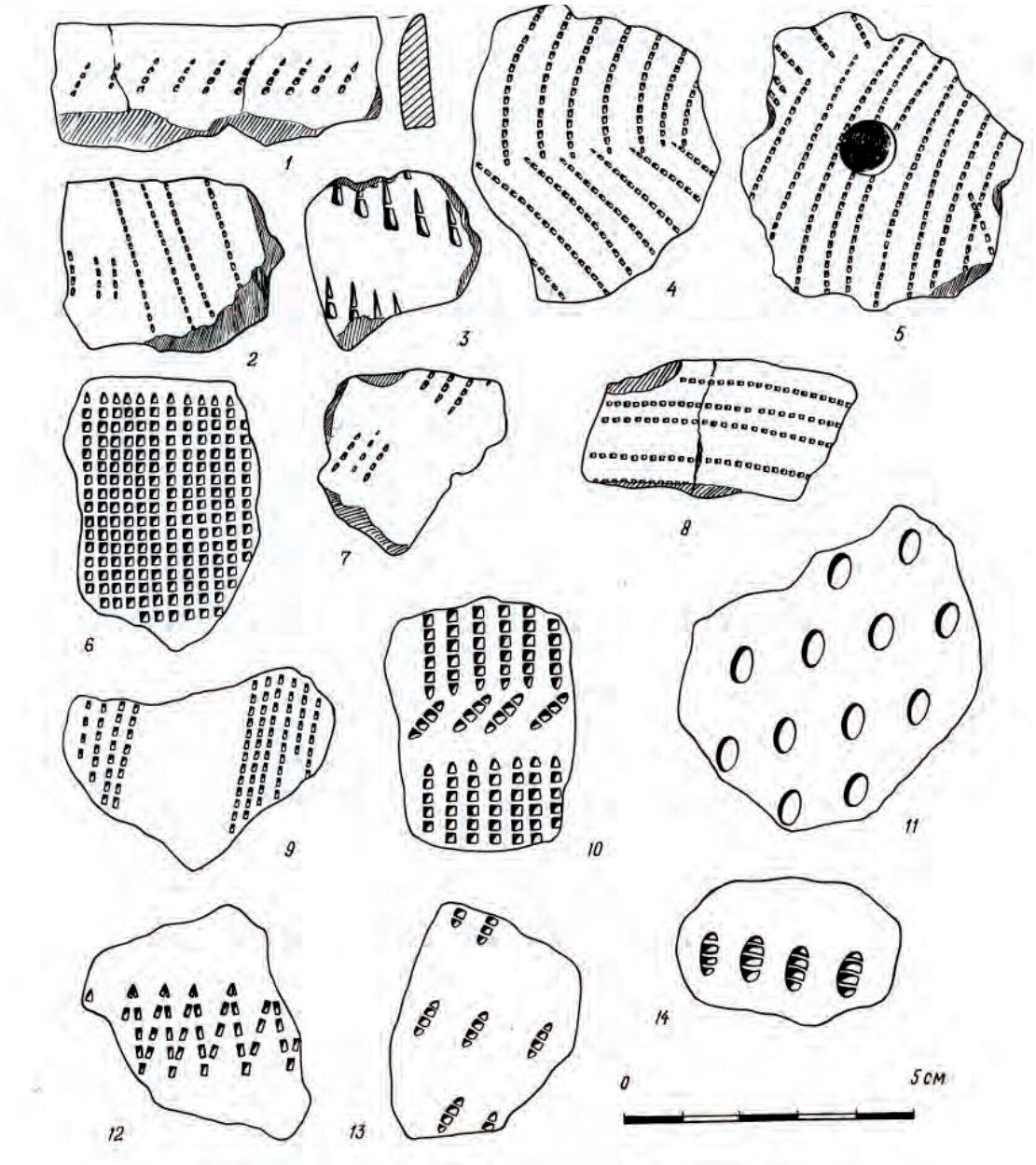

Рис. 3. Керамика стоянок Кабы-Копрынская (1-5) и Усть-Шижма (6-14)

зование пластин с краевой ретушью, концевые скребки на пластинах, резцы на углу сломанных заготовок), так и неолитической (орудия с двусторонней обработкой на плитке). Аналогичная индустрия фиксируется на позднемезолитических памятниках Прикамья: Усть-Половинное, Шабуничи, Голый Мыс, Усть-Мечкар (Мельничук и др., 2001, с. 143–153, рис. 2: 10).

Хронология

На сегодняшний день по различным материалам (нагару и органике в керамике, углю, культуровмещающим отложениям) получено 14 дат для 7 памятников – Зиарат, Усть-Шижма I, Мокино, Муллино, Пезмог IV (Выборнов и др., 2008). Судя по имеющимся радиоуглеродным датам, ранний этап камской неолитической культуры может быть датирован в пределах второй четверти VI – последней четверти VI тыс. до н. э. в калибровочных значениях (табл. 1).

Второй этап

Количество стоянок камской культуры на втором этапе значительно возрастает. Средние размеры памятников и количество находок на них также увеличиваются. Опорными для него являются стоянки Хуторская, Боровое Озеро I, Кряжская, Среднее Шадбегово I, Тархан I, Кюнь II, Старо-Буртюково, Муллино, II Дубовогривская, II Лебединская, Матюшинская IV, Обсерваторская III, Старо-Мазиковские II и III, Нижняя Стрелка V, Молебное Озеро I, Подлесное IV, Озименки II (рис. 1). При этом памятники бассейна Вычегды малочисленны и содержат ограниченное количе-

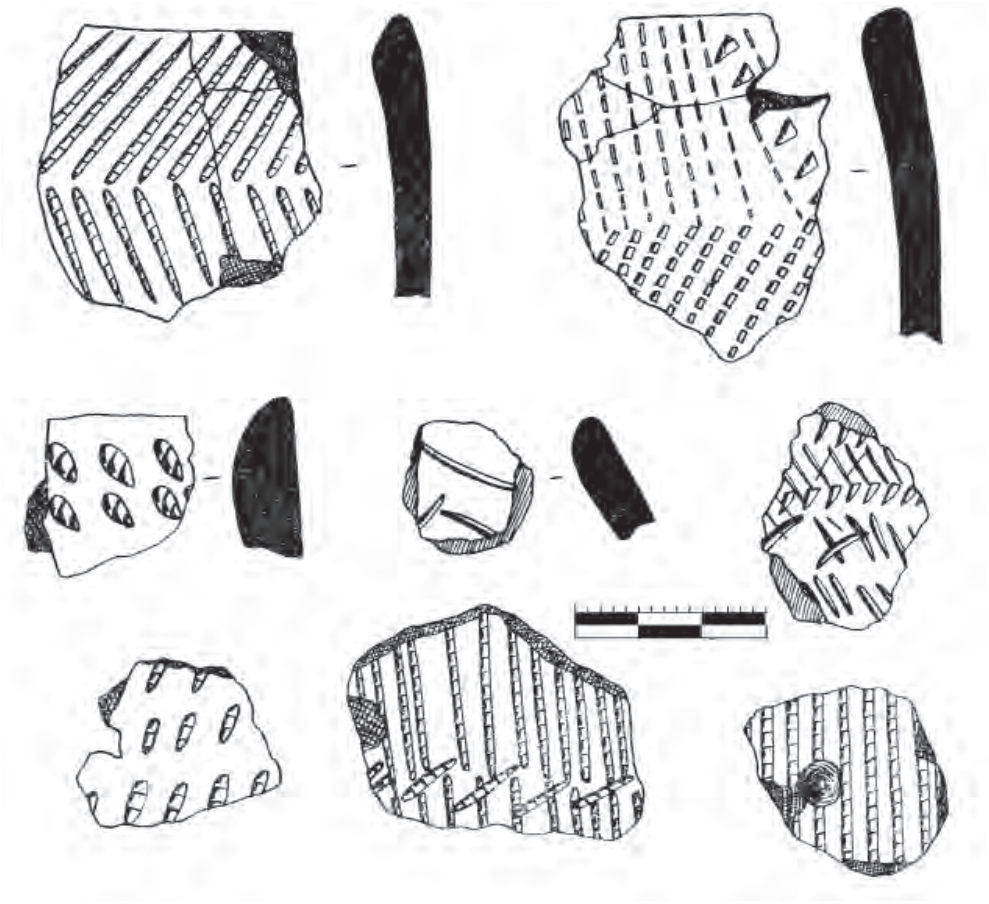

Рис. 4. Керамика стоянки Зиарат

ство артефактов: Вис I – 15, Кочмас Б – 5, Ниремка I (пункт 6) – один сосуд.

Для развитого (хуторского) этапа камской неолитической культуры характерно расположение памятников на невысоких «боровых» террасах и всхолмлениях в поймах крупных рек (Кама, Вятка, Волга), на старичных озерах. Такое расположение может быть связано со значительной ролью рыболовства в хозяйственной деятельности населения.

Жилища

В Нижнем Прикамье было исследовано жилище на Лебединской II стоянке в виде полуземлянки подпрямоугольной формы размерами 5,6–7,4×9,4 м, углубленное на 25–30 см. Внутри нее по краю были отмечены следы от столбовых ям и углистые линзы от бревен. Кроме того, удалось зафиксировать два подпрямоугольных пятна с западной и восточной стороны котлована, которые, по всей вероятности, служили выходами (Халиков, 1969, с. 60–62). На поселении Тархан I было изучено сооружение размером 5,7×4,5 м прямоугольной в плане формы, углубленное в материк до 40 см, ориентированное по сторонам света (рис. 2: 2). (Гусенцова, 1993, с. 93). Легкое наземное жилище площадью около 18 кв. м изучено на поселении Ниремка I (Косинская, 1997, с. 170). На стоянке Нижняя Стрелка V первая постройка имела размеры 6×6 м, выход, очаги у выхода и в центре постройки – ямки от столбов (Никитин, 1996). Характерной чертой развитого периода является строительство крупных сооружений с долговременными очагами и хозяйственными ямами. На Хуторской стоянке жилище № 1 представляет собой длинную прямоугольную полуземлянку размером 16,5×4,5 м. Выход из постройки в виде небольшого тамбура шириной 2,8 м и длиной около 2 м (рис 2: 3). Вдоль стенок жилища зафиксировано 27 столбовых ямок диаметром 8–14 см. По мнению автора раскопок, столбы служили для укрепления его стен и односкатной крыши (Денисов, 1960, с. 39). Второе жилище на стоянке Нижняя Стрелка V было размером 11×6 м, с очагом в центре и 20 столбовыми ямками от несущей конструкции постройки (Никитин, 1996).

Увеличение размеров жилищ по сравнению с предыдущим периодом косвенно свидетельствует о росте численности социальных коллективов.

Керамика

Технологический анализ показал, что для изготовления керамики использовались пластичные глины и илистые глины, как в сухом, так и во влажном состоянии. Основными примесями в

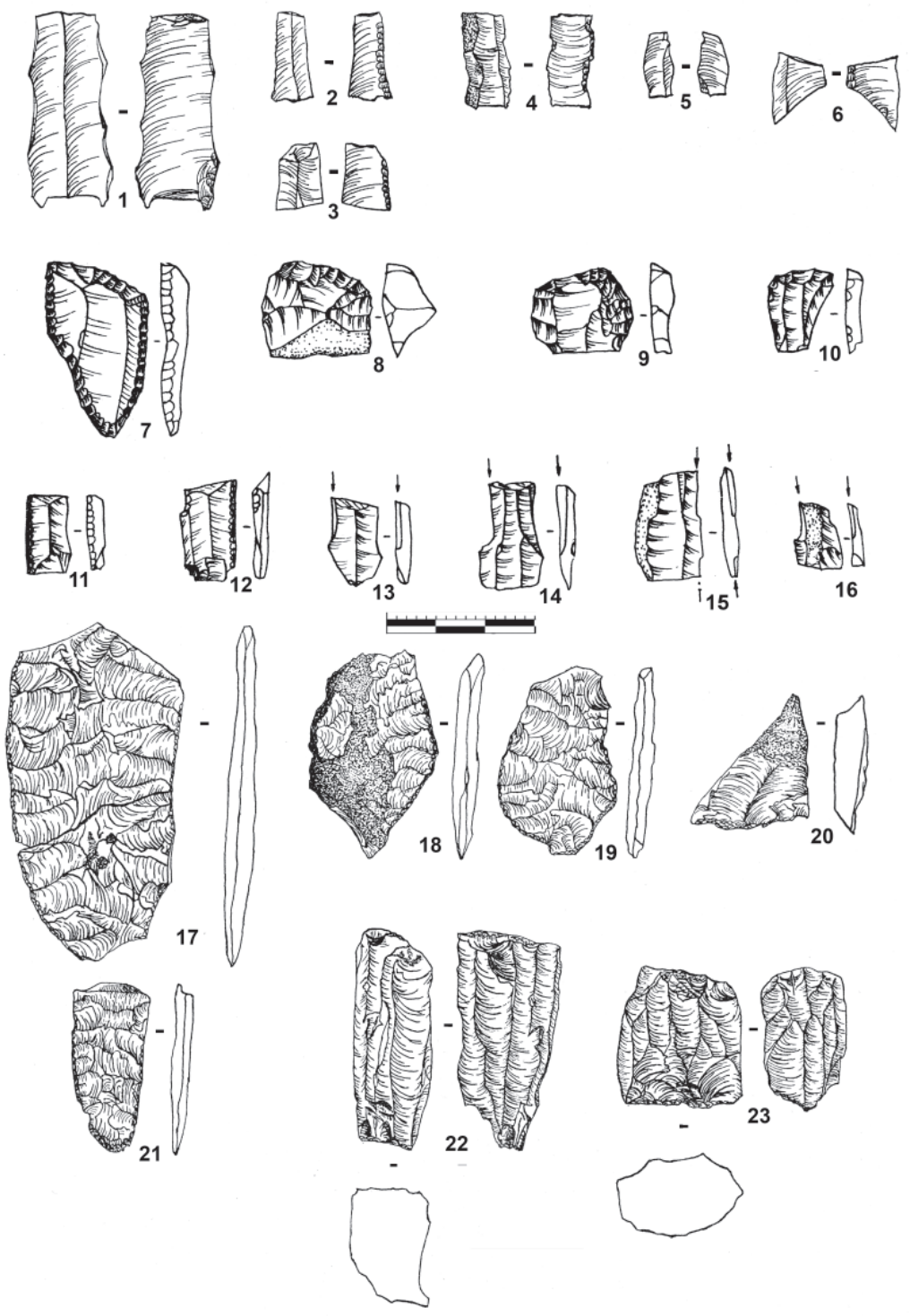

Рис. 5. Каменный инвентарь раннего этапа камской культуры

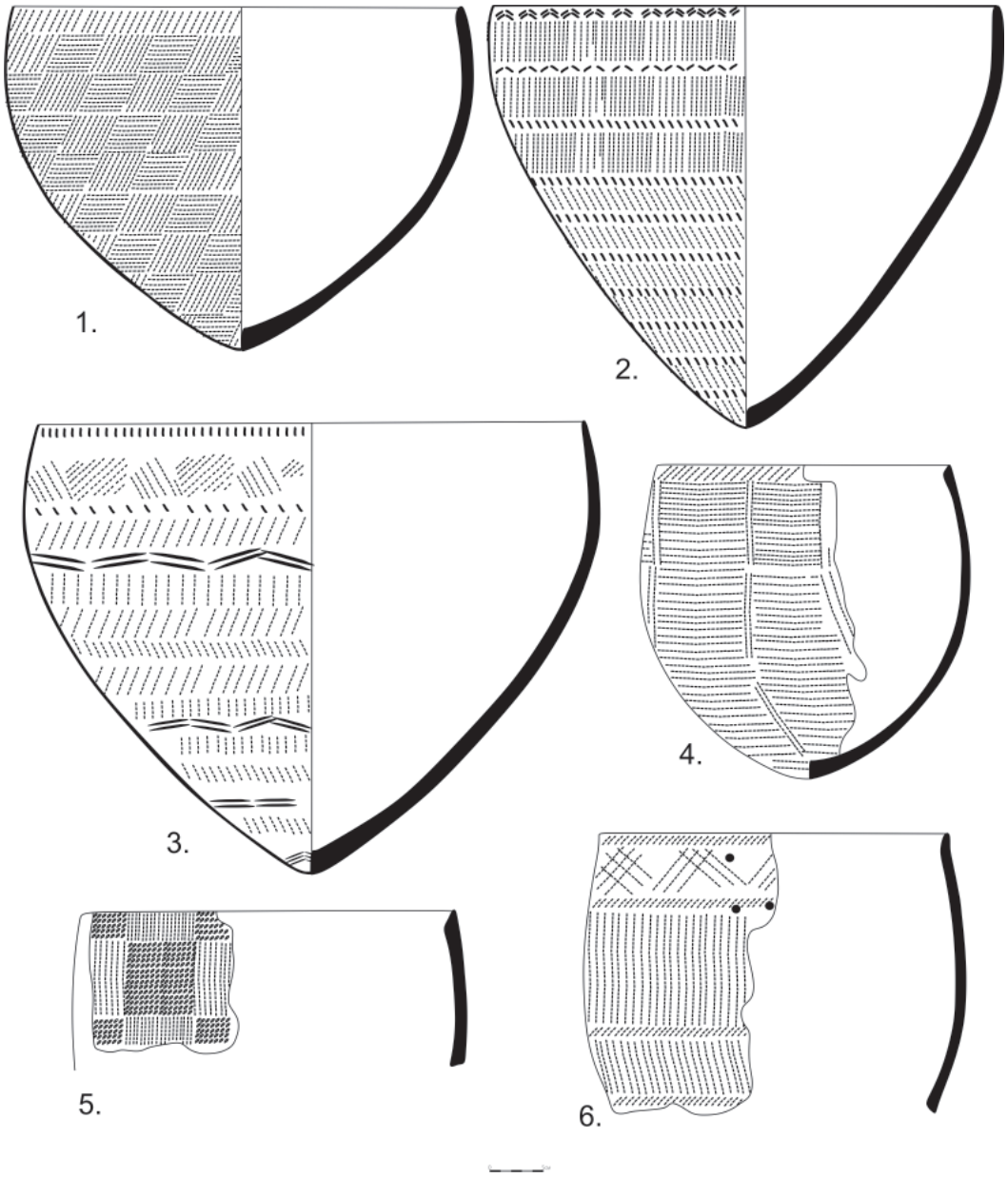

Рис. 6. Керамика стоянок Обсерваторская III (1-3) и II Лебединская (4-6).

формовочной массе были шамот и органический раствор. Поверхность всех сосудов обрабатывалась мягким предметом как с внешней, так и с внутренней стороны. Средняя толщина фрагментов составляет 0,8–1,1 см.

Для керамики характерны крупные полуяйцевидные сосуды со слегка прикрытым горлом. Около 2/3 из них в Среднем и Верхнем Прикамье имеют наплыв на внутренней стороне венчика (рис. 10, 12). В Нижнем Прикамье, Марийском Поволжье и Посурье их значительно меньше (рис. 6–9, 11). Орнамент представлен отпечатками гребенчатого штампа, часто дополняемого ямочными вдавлениями, не тождественными белемнитным. Узоры состояли из наклонных и горизонтальных рядов длинного штампа, разделенных короткими оттисками, вертикального и горизонтального зигзагов, комбинаций отпечатков «шагающей гребенки» (до трети всех сосудов в Среднем Прикамье и до 10% в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье) (рис. 6–12). Встречаются сложные композиции из заштрихованных треугольников, «плетенки», ромбов (рис. 6: 1, 5; 8: 1, 6). Поверхностное нанесение орнамента косозубым штампом и редкое употребление шагающей гребенки являются характерными чертами керамики бассейна Вычегды (Буров, 1967, с. 69, 70).

Реконструированные сосуды могли использоваться как для приготовления пищи (о чем

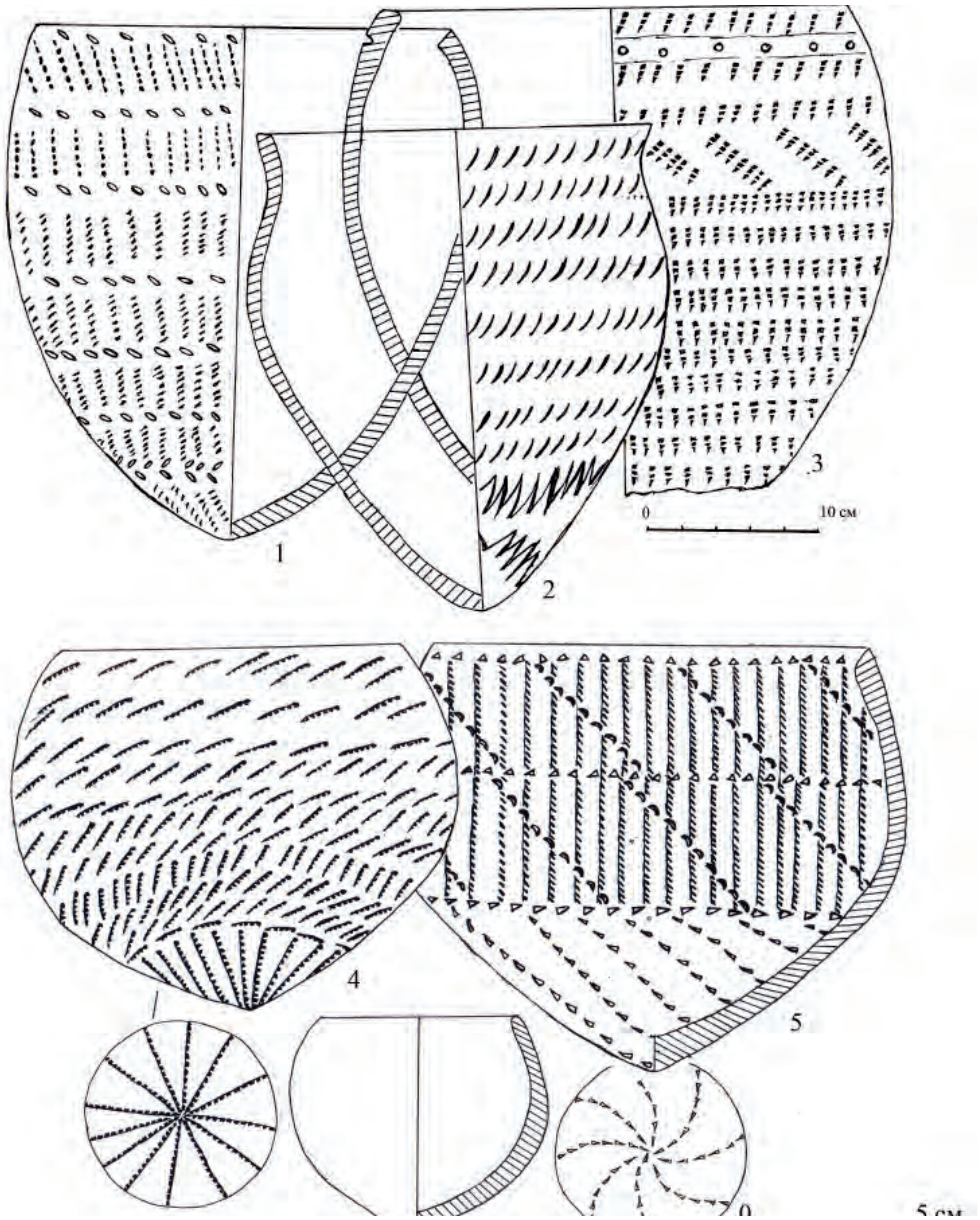

Рис. 7. Керамика стоянок Старо-Мазиковская III (1-4), Сутырская I (5) и Сутырская IIа (6).

свидетельствуют следы нагара на внутренней и внешней поверхности), так и для хранения припасов.

Данные технико-технологического анализа керамики развитого этапа в Нижнем Прикамье, Марийском Поволжье и Сурско-Мокшанском междуречье свидетельствуют о взаимодействии носителей гребенчатой и накольчатой керамических традиций (Васильева, Выборнов, 2013). Возможно, что именно этим следует объяснять особенности посуды данного региона: малый процент наплывов на внутренней стороне венчика, ряд ямок под его срезом, низкий удельный вес шагающей гребенки, плоские днища у сосудов с гребенчатой орнаментацией и пр. Есть некоторые данные и о взаимосвязях этих двух культур в материалах Среднего Прикамья.

Каменный инвентарь

Для каменного инвентаря характерна отщепово-пластинчатая индустрия. Широко использовались местная галька и плитчатый кремень, в том числе на стоянках Марийского Поволжья. В то же время до 1/3 орудий на большинстве памятников составляют изделия, выполненные на пластинчатых заготовках с краевой односторонней ретушью. По сравнению с предыдущим этапом фиксируется увеличение средних размеров орудий. В частности, заметен рост числа орудий на средних пластинах шириной 1–1,5 см и отщепах размером 3–5 см. Возрастает количество орудий с двусто-

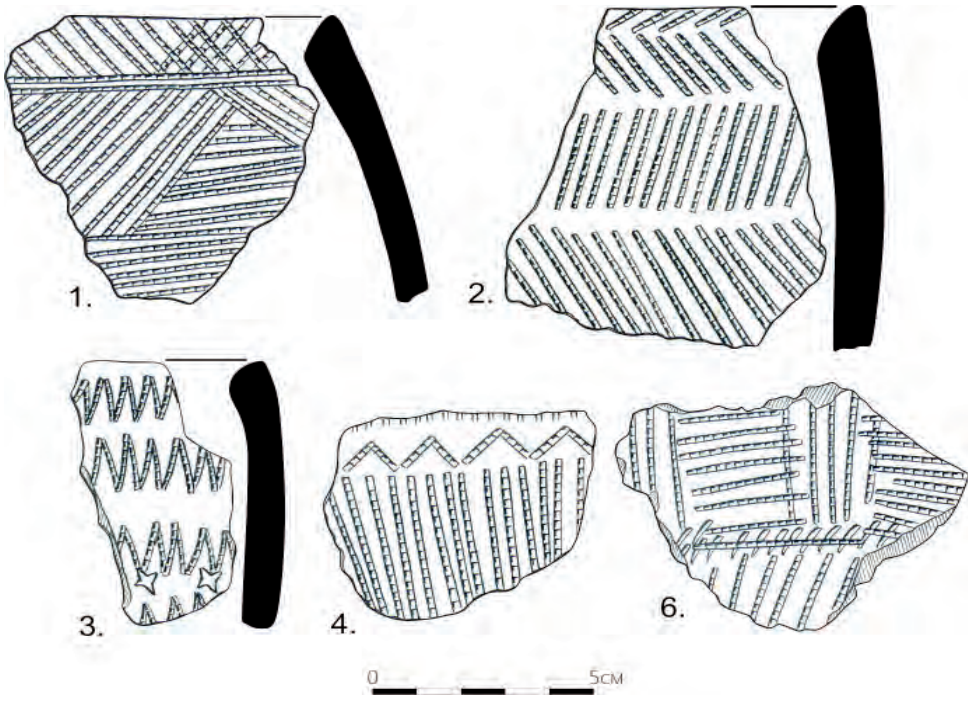

Рис. 8. Керамика стоянки Кюнь II

ронней обработкой. На ряде памятников они составляют 24–31% от всего количества орудий.

Набор орудий состоял из скребков различных форм, ножей, острий, наконечников, долотовидных орудий (рис. 13). Двусторонне обработанные наконечники стрел имеют листовидную и подромбическую в плане форму (рис. 14: 1–3). Для изготовления орудий для обработки дерева активно использовалась техника шлифования. Они представлены топорами, теслами, стамесками (Денисов, 1960, с. 34–72; Денисов, Мельничук, 1991, 21–32; Никитин, 1996; Лычагина, Жукова, 2010, 130–137).

Трасологический анализ каменного инвентаря стоянок Хуторская, Чашкинское Озеро IIIа, Посёр, Чернушка показал, что ведущую роль играли орудия, связанные с разделкой добычи (мясные, рыбные ножи) и обработкой дерева. Преобладание мясных (рыбных) ножей над орудиями охоты и обработки шкур косвенно может свидетельствовать о ведущей роли рыболовства на памятниках, расположенных на старичных озёрах. Интерес вызывают такие категории орудий, как вкладыши составных метательных орудий, выделенные на ряде памятников. Данные орудия могли использоваться в качестве вкладышей гарпунов и применяться в острожном рыболовстве.

Хронология

В настоящее время для второго этапа получено 29 дат с 16 памятников. В качестве материала для датирования использовались уголь, нагар и органика в керамике. Радиоуглеродные даты, полученные по керамике, соответствуют современным представлениям о хронологии камской неолитической культуры. Единственная имеющаяся для этого этапа AMS-дата, полученная по нагару с керамики стоянки Посёр, – 5705±35 – совпадает со значениями, полученным по органике в сосудах. Согласно результатам радиоуглеродного датирования, развитый этап камской неолитической культуры может быть датирован в пределах первой половины – середины V тыс. до н. э. (в калиброванных значениях) (Лычагина, 2016).

По материалам развитого этапа исследователями выделялись локальные варианты внутри камской культуры: среднекамский, икско-бельский, нижнекамский и др. (Халиков, 1969; Бадер, 1973; Выборнов, 1984а).

Третий этап

К нему относятся стояки Левшинская, Усть-Залазнушка, Чернашка II в Среднем Прикамье, Чумойтло II в Камско-Вятском междуречье, Бачки-Тау II в устье р. Белая, Черки-Кильдуразы на р. Свияге. Для позднего (лёвшинского) этапа камской неолитической культуры характерно расположение памятников на первой надпойменной террасе р. Камы и ее притоков, а также на старичных озерах.

Жилища

Примером жилища позднего этапа является сооружение, изученное А.Ф. Мельничуком на стоянке Усть-Залазнушка II (рис. 2: 4). Оно

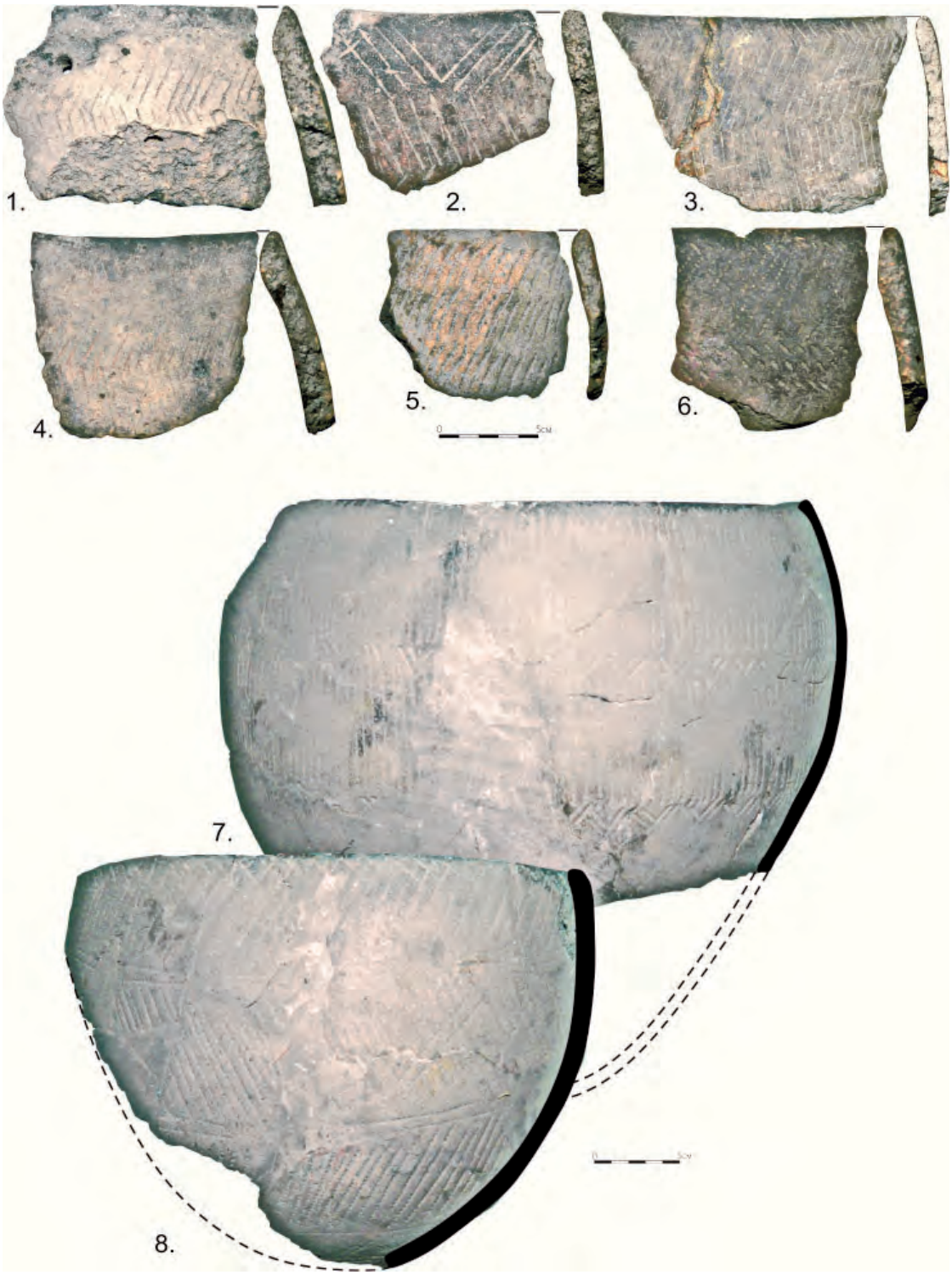

Рис. 9. Керамика стоянки Муллино

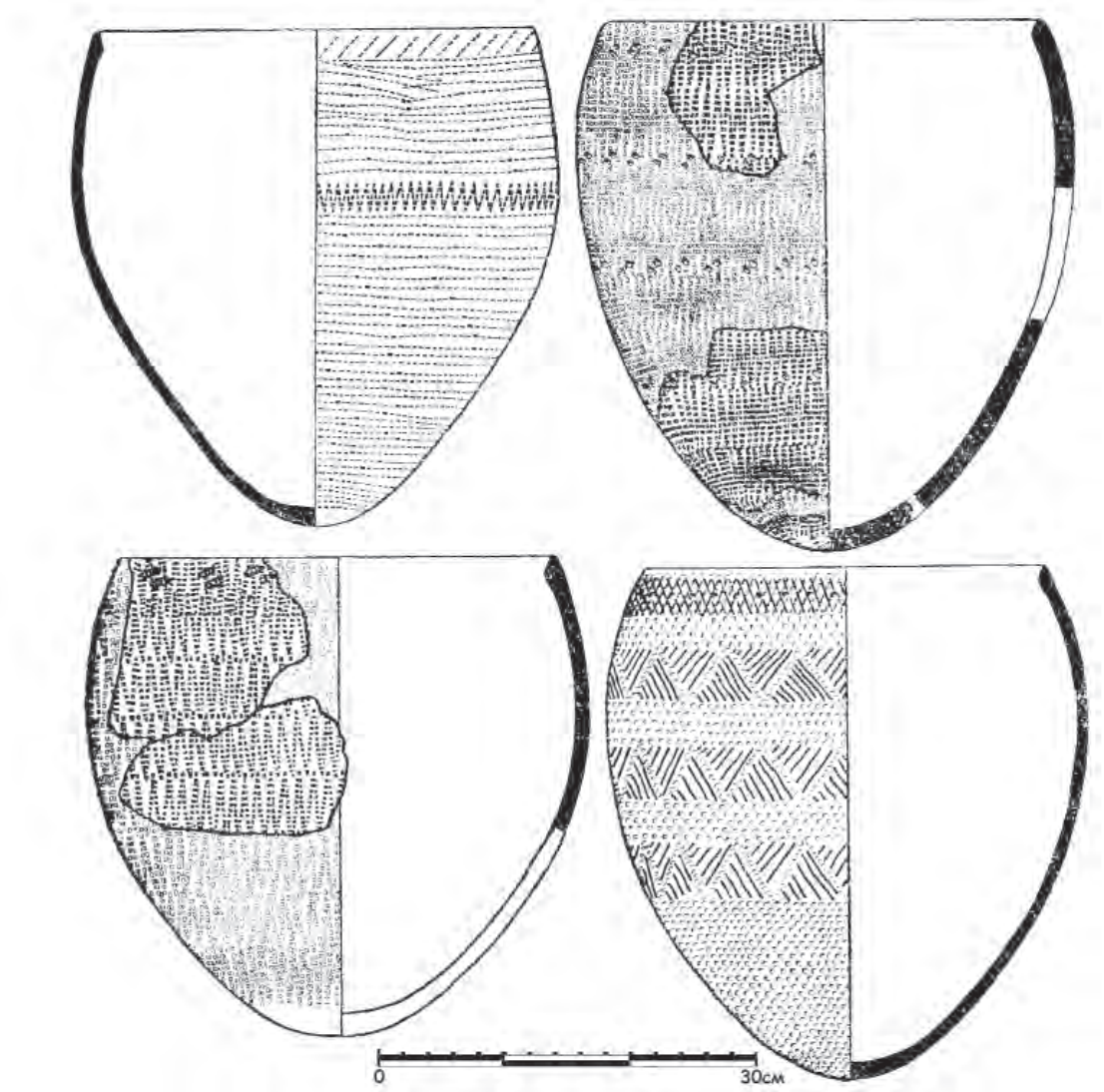

Рис. 10. Керамика Хуторской стоянки

имело подпрямоугольную в плане форму размерами 4×12 м и углублено в материк на 0,2–0,6 м. Внутри всех построек фиксировались хозяйственные ямы (Мельничук, Скорнякова, Чурилов, 2006).

Интерес вызывает факт отсутствия в части жилищ (Лёвшино, Чернашка, Усть-Залазнушка II) долговременных очагов. При этом и на Лёвшинской стоянке, и на поселении Чернашка были зафиксированы мощные прокалы вне жилищ.

Керамика

Технологический анализ показал, что в материалах Среднего Прикамья глина использовалась для изготовления керамики в два раза чаще, чем илистая глина, а в Среднем Поволжье – наоборот. При этом абсолютно преобладал выбор незапесоченного (пластичного) сырья. Стоит отметить, что илистые глины практически не использовались в сухом состоянии, в то время как глины в сухом и влажном состоянии использовались примерно в равной пропорции. Основными примесями в формовочной массе были шамот и органический раствор (Васильева, Выборнов, 2012; Лычагина, Батуева, 2016).

Типологический анализ показал, что керамика этой группы имеет либо светло-коричневый, либо темно-коричневый цвет. У большинства сосудов толщина стенок превышает 0,8 см. Более половины венчиков имеет округлую форму. Наплыв на внутренней стороне зафиксирован менее чем у 20% сосудов в Среднем Прикамье, а у нижнекамской и средневолжской посуды почти не представлен. Около половины сосудов имеет прямое подцилиндрическое горло. Все обнаруженные

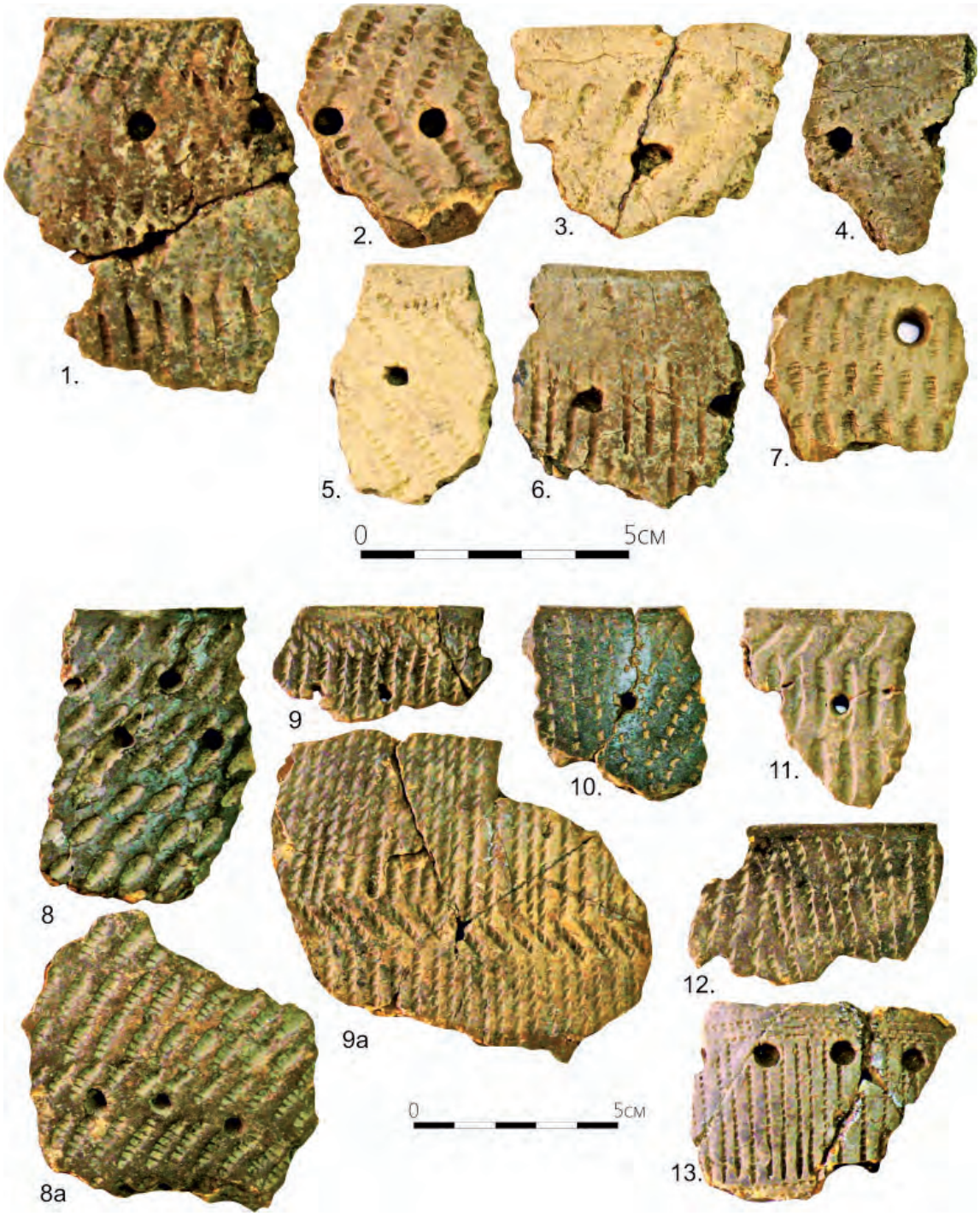

Рис. 11. Керамика стоянок Нижняя Стрелка V (1-7) и Подлесное IV (8-13)

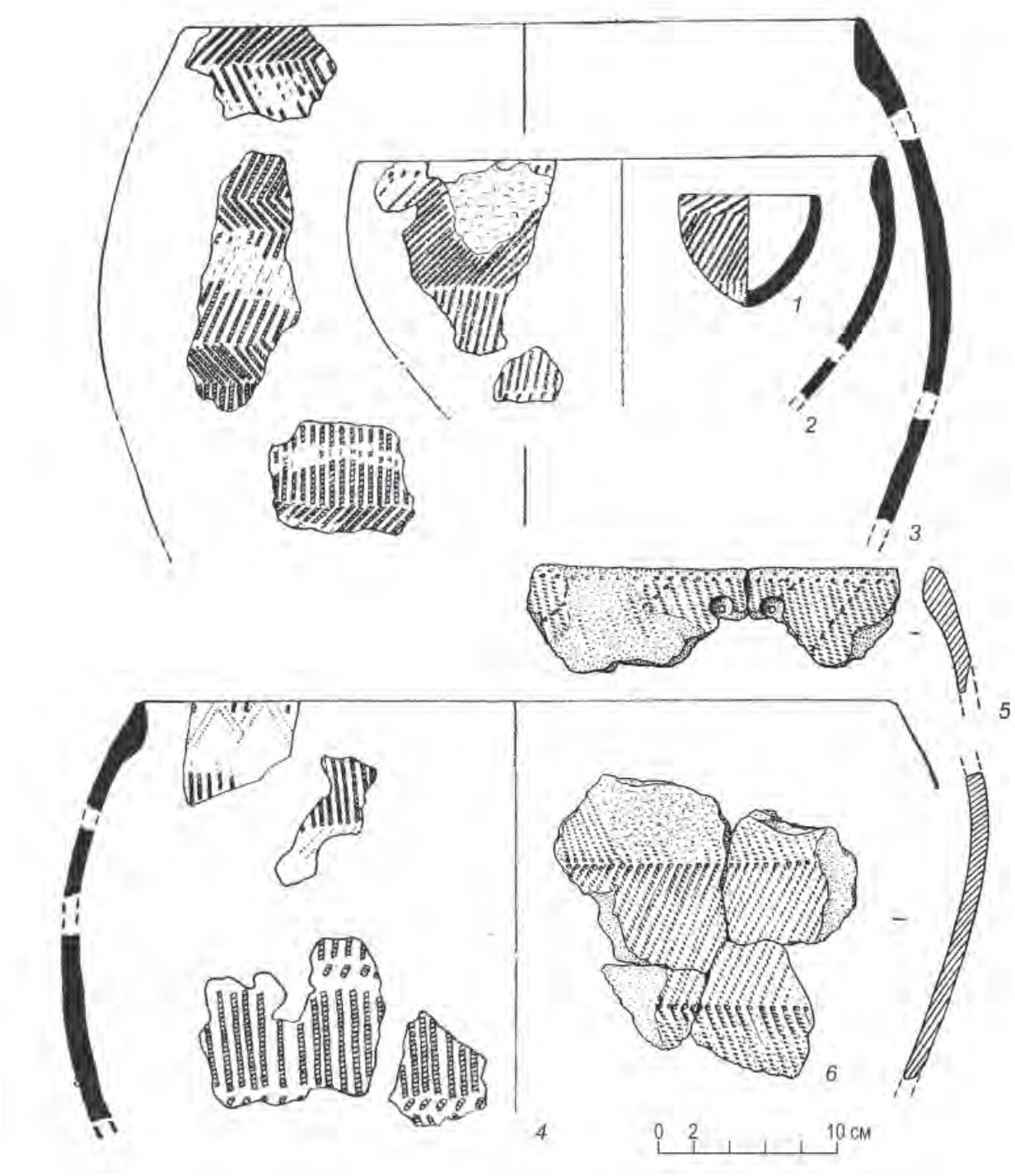

Рис. 12. Керамика стоянок Кочмас Б (1-4) (по: Л.Л. Косинская, 1991, рис.4) и Вис I (5) (по: Г.М. Буров, 1967, табл. III)

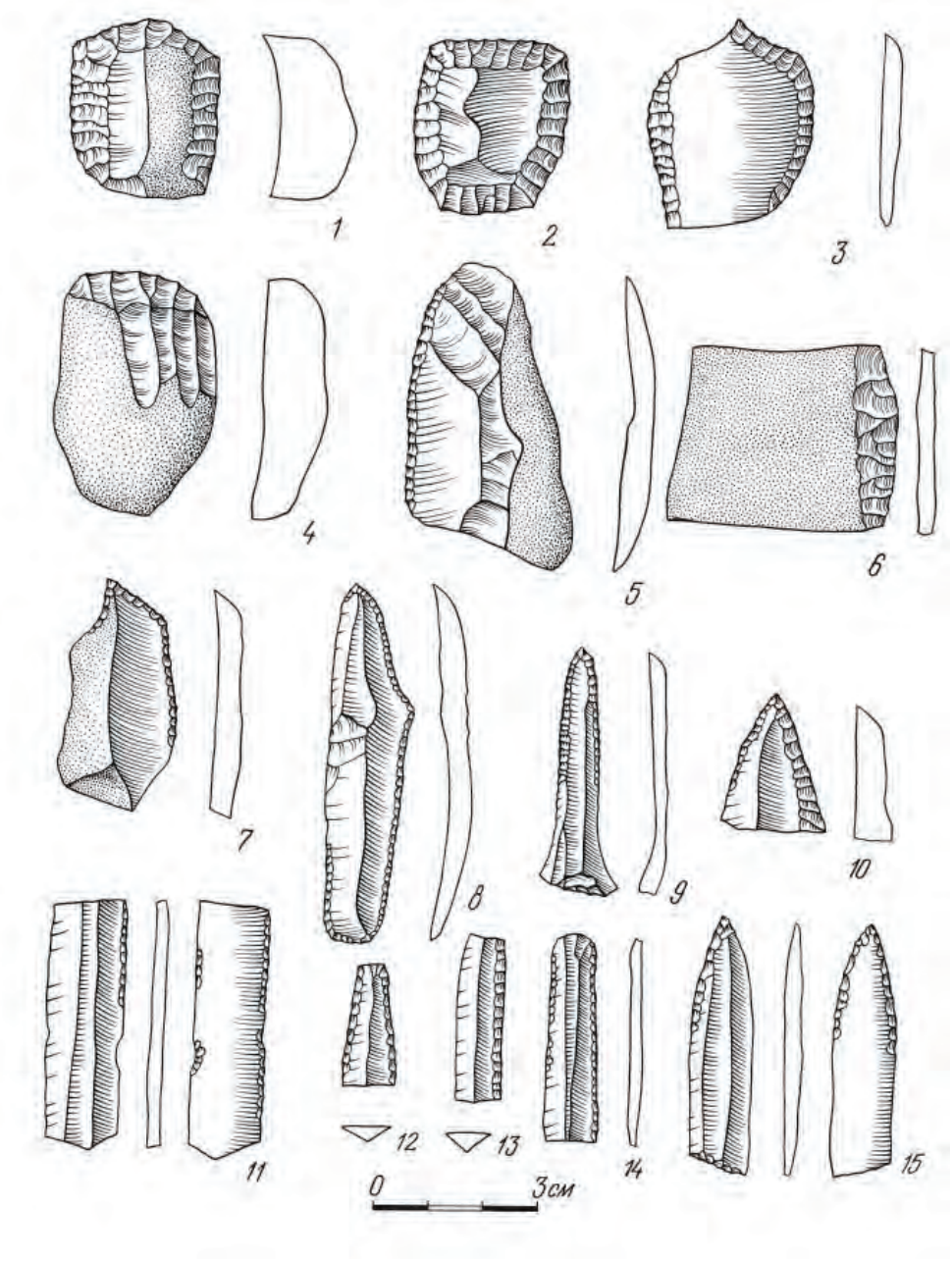

Рис. 13. Каменный инвентарь развитого этапа камской культуры

фрагменты донных частей имеют округло-коническую форму.

Орнамент представлен отпечатками гребенчатого штампа и ямочными вдавлениями, которые сделаны белемнитом. К основным мотивам относятся ряды наклонных вправо и влево оттисков штампа. Реже встречаются ряды шагающей гребенки и зигзаг (рис. 15, 16).

Таким образом, проведенный анализ керамических комплексов камской культуры доказал правомерность их отнесения к одной культуре. Имеющиеся отличия показывают объективность выделения основных этапов в данной керамической традиции.

Каменный инвентарь

Для каменной индустрии характерно изготовление орудий на отщепах, удобных гальках и плитках. Типичным сырьем являлся серый плитчатый кремень, который использовался для изготовления ножей и наконечников стрел. В то же время значительная часть орудий была изготовлена на пластинах и пластинчатых отщепах. К ним относятся скребки, ножи, сверла и наконечники стрел (рис. 17). В целом набор орудий труда во многом сходен с предыдущим этапом.

Хронология

В настоящее время получено 14 дат для девяти памятников лёвшинского этапа камской культу-

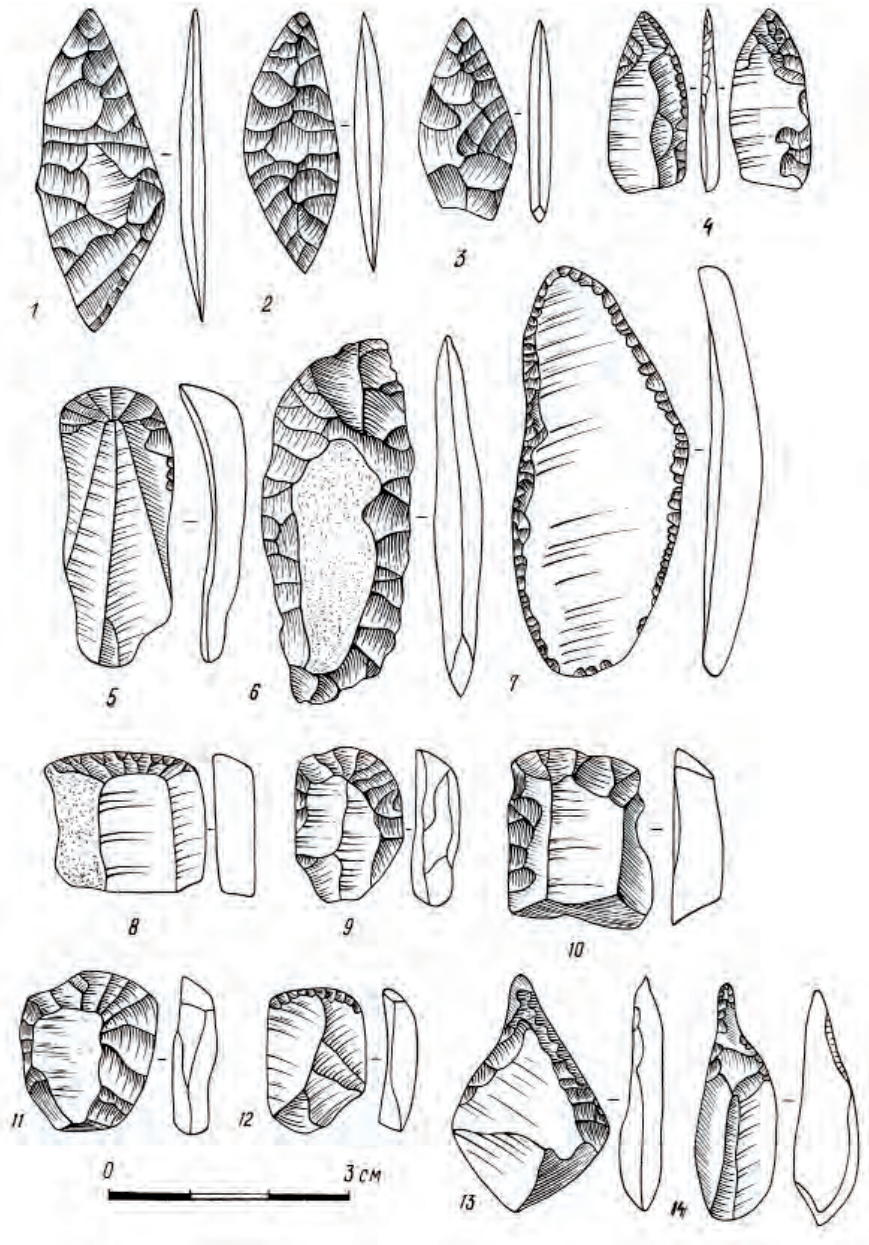

Рис. 14. Каменный инвентарь Хуторской стоянки

ры. В качестве датированного материала использовались органика в керамике, нагар на посуде и уголь из культурного слоя поселений (табл. 1). Даты, полученные для стоянок Чернашка и Усть-Залазнушка II, больше соответствуют развитому этапу.

Таким образом, результаты радиоуглеродного датирования неоднозначны и вопрос о хронологических рамках позднего этапа камской неолитической культуры и его характерных чертах (а также о тех памятниках, которые могут быть к нему отнесены), остается дискуссионным. Для дальнейшей разработки хронологии позднего этапа необходимо датирование нагара с гребенчатой керамики стоянки Лёвшино, которая считается эталонной для данного этапа. Предварительно этот этап может быть датирован в пределах второй половины V тыс. до н. э. (Лычагина, 2011, с. 171, 172; 2014, с. 86–92).

Для реконструкции хозяйственных занятий населения камской культуры были использованы итоги типологического и функционального анализа каменного инвентаря, а также анализ палеозоологических остатков, обнаруженных на ряде стоянок. В ходе типологического анализа каменного инвентаря были выделены типы орудий, которые можно связать с конкретными видами хозяйственных занятий: наконечники стрел – с охотой, грузила и пешни – с рыболовством. Функциональный анализ каменного инвентаря показал,

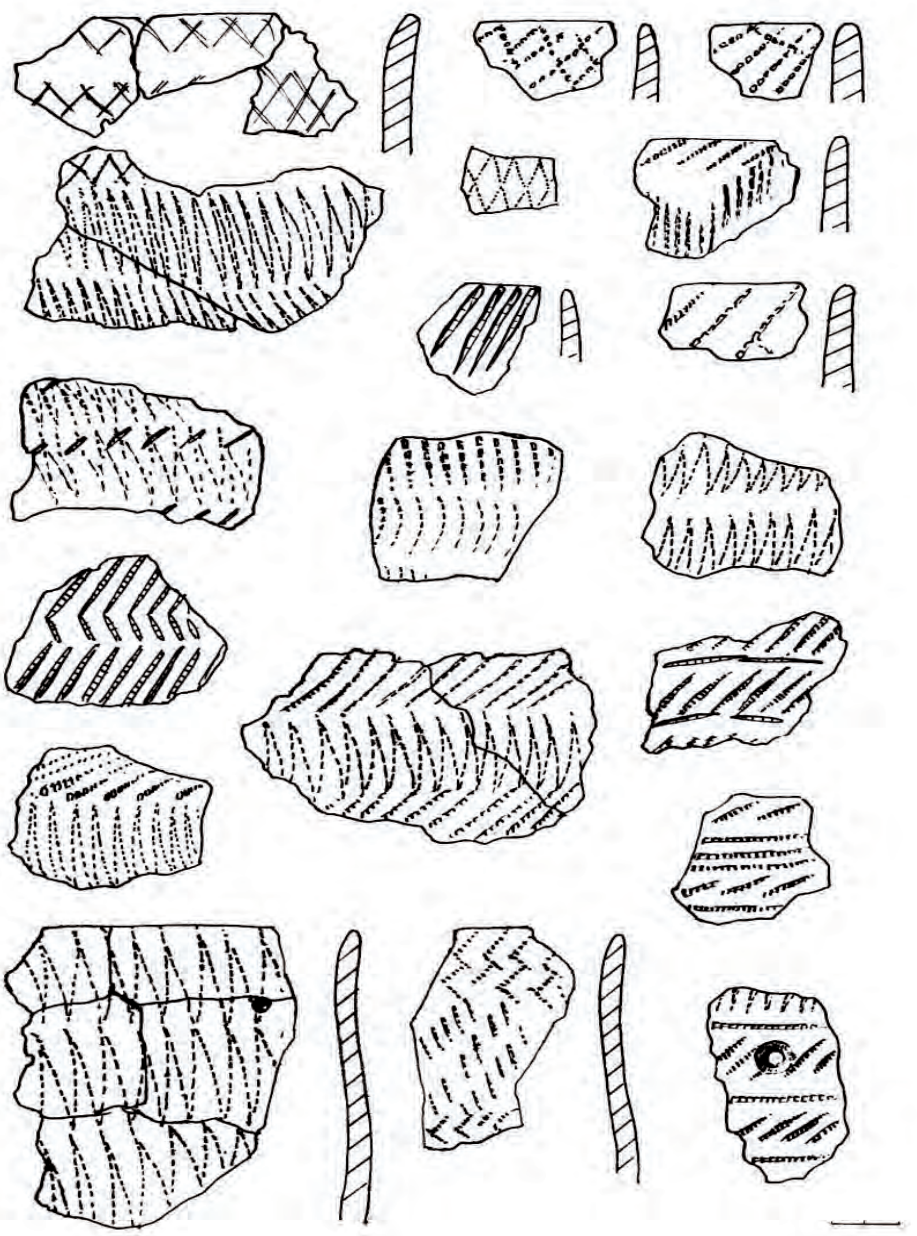

Рис. 15. Керамика Левшинской стоянки

что охотничье-рыболовческий комплекс является ведущим практически на всех памятниках. Интерес вызывает выделение на ряде памятников такой категории орудий, как вкладыши составных метательных орудий. По мнению Г.Н. Поплевко, данные орудия могли использоваться в качестве вкладышей гарпунов и применялись в острожном рыболовстве.

На основании прямых и косвенных фактов мы можем частично реконструировать хозяйственные занятия населения, оставившего памятники камской культуры. Ведущую роль могла играть охота на крупных и средних млекопитающих (северный олень, лось, бобр), также имела место охота на боровую и водоплавающую птицу. Другим важным занятием являлась рыбная ловля с помощью сетей и гарпуна, как в летнее, так и в зимнее время.

Происхождение камской неолитической культуры традиционно связывают с развитием местной мезолитической культуры (Бадер, 1970). Сравнение памятников двух периодов в Прикамье показало высокий уровень сходства по таким критериям, как расположение памятников, форма жилищ, способы обработки камня. Важной составляющей этой эпохи стал постепенный переход к оседлому образу жизни.

Существует гипотеза о появлении памятников с гребенчатой орнаментацией в Среднем Прикамье с более южной территории Икского бассейна (Матюшин, 1996).

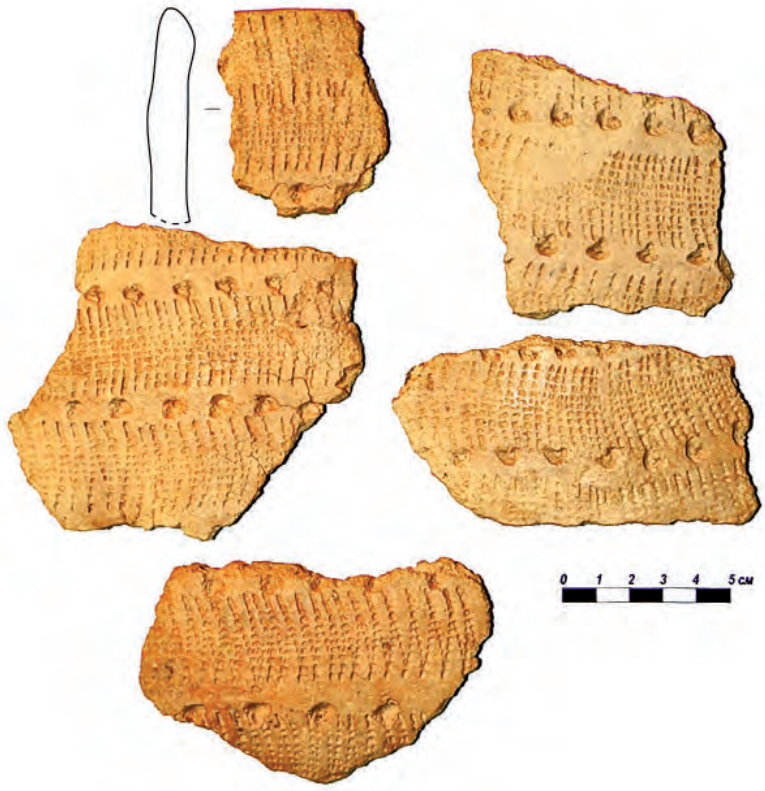

Рис. 16. Керамика стоянки Чашкинское Озеро III

Анализ ранненеолитической керамики стоянок Зиарат и Мокино выявил в качестве основных технологических особенностей следующие: использование пластичного (незапесоченного) исходного пластичного сырья (ИПС) в сухом виде с добавлением крупных фракций шамота и органического раствора. Похожая технология характерна для ранненеолитической керамики еттовского и амнинского типа, распространенной на территории Зауралья и Западной Сибири (Косинская, 2014, с. 33, 34).

Мы полагаем, что имеющиеся на сегодняшний день материалы свидетельствуют о том, что основным компонентом при формировании камской неолитической культуры был местный мезолит. Что касается инновации в виде появления гребенчатой керамики, то нельзя исключать вариант ее проникновения в регион с группами населения, изготавливавшего керамику «еттовского» типа. При этом пути проникновения в Прикамье носителей керамики «еттовского» типа могли быть различными. Восприятие местным населением такой инновации, как посуда из глины, было связано с изменениями в хозяйственной деятельности (увеличением роли рыболовства, охоты на водоплавающую птицу), приведшими к постепенному переходу к оседлому образу жизни. Возможно, что не последнюю роль в успешности этих контактов сыграло наличие родственных связей или сходного хозяйственно-культурного типа.

Сопоставление камской и новоильинской культур выявило сходство по таким параметрам, как расположение памятников, состав исходного пластического сырья и формовочной массы керамики, формы сосудов и способы их орнаментации, номенклатура орудий труда. Имеющиеся радиоуглеродные датировки позволяют определить нижнюю хронологическую границу новоильинской культуры в пределах конца V тыс. до н. э. Итоги сравнительного анализа и радиоуглеродные датировки свидетельствуют о том, что дальнейшая судьба носителей традиции гребенчатой керамики связана с новоильинской культурой.

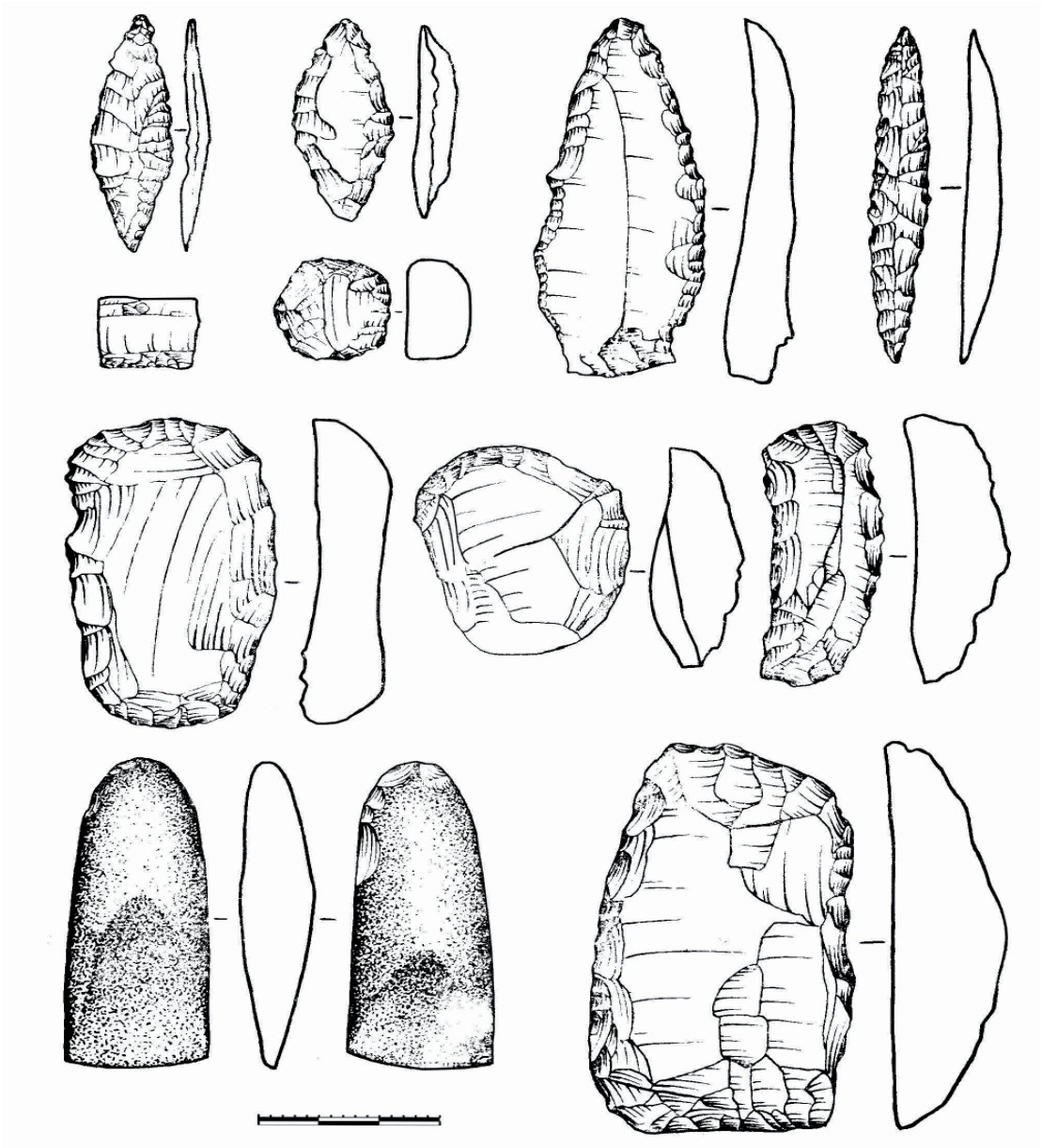

Рис. 17. Каменный инвентарь поселения Бойцовское I

ГЛАВА 6
ПАМЯТНИКИ С ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ

Культура ямочно-гребенчатой керамики занимает обширную территорию лесной зоны от Финляндии на западе до Северного Предуралья и среднего течения р. Волги на востоке. Определяющими признаком данной культурной традиции является использование для орнаментации глиняной посуды глубоких ямочных вдавлений, нанесенных на поверхность сосудов оттисками ископаемых белемнитов, которые на позднем этапе развития культуры ямочно-гребенчатой керамики сменяются ямочными отпечатками костяных штампов. Обширность территории, занимаемой носителями подобной орнаментации керамики, побуждала исследователей к выделению целого ряда культур, орнаментальные традиции которых были довольно слабо дифференцированы, а границы нечетки. Подобное членение единого массива культуры объяснялось тем, что в 1960–70-е годы в отечественном неолитоведении утвердилась точка зрения о том, что неолитическая культура соответствует определенному племени, территория которого не могла быть столь велика (Гурина, 1973). Однако В.П. Третьяковым была предложена альтернативная интерпретация древностей ямочно-гребенчатой керамики, согласно которой данная территория была занята локальными вариантами единой культуры (Третьяков, 1972).

Территория европейского Северо-Востока относится к северо-восточной периферии культуры ямочно-гребенчатой керамики, Сурско-Мокшанское междуречье представляет её юго-восточную окраину. В Среднем Поволжье и Нижнем Поочье сосредоточен восточный массив памятников данной культуры, которые различными исследователями рассматриваются в рамках льяловского, балахнинского и средневолжского вариантов либо льяловской и балахнинской культур (рис. 1).

На территории Среднего Поволжья материалы с керамикой, украшенной ямочно-гребенчатым орнаментом, были впервые выявлены известным почвоведом В.В. Докучаевым в 80-х годах XIX в. в окрестностях г. Балахна. Уже в начале XX в. здесь были проведены раскопки В.И. Каменским (Спицын, Каменский, 1905). Первоначально керамика балахнинских памятников рассматривалась в контексте единой волго-окской культуры ямочно-гребенчатой керамики. Но после раскопок 1925 г. Льяловской стоянки, где была собрана посуда, преимущественно украшенная ямочными вдавлениями, из этой культуры были вычленены памятники льяловского типа (Жуков, 1925). Вопрос о выделении особой балахнинской культуры был поставлен О.Н. Бадером и М.В. Воеводским (1935). По мере стирания белых пятен с неолитической карты Волго-Окского междуречья исследователям стало ясно, что керамика ряда балахнинских памятников практически ничем не отличается от льяловской посуды (Раушенбах, 1970, с. 51; Третьяков, 1972, с. 27, 28). В итоге В.П. Третьяковым была разработана концепция существования единой культуры ямочно-гребенчатой керамики, внутри которой им был выделен ряд локальных вариантов. Памятники Среднего Поволжья были отнесены им к балахнинскому и средневолжскому вариантам, а Северного Предуралья – к северному и вычегодскому (Третьяков, 1972, с. 61–67, 87–90).

На территории северо-востока Европы 1959–1964 гг. в результате раскопок многокомпонентных памятников Вис I, II и III Г.М. Бурову удалось получить информативные коллекции ямочно-гребенчатой керамики, которые он выделил в особый волго-окский культурно-хронологический тип (Буров, 1967, с. 166). Дополнительные материалы по памятникам с ямочно-гребенчатой керамикой региона дало изучение жилищных комплексов и стоянок в среднем течении Вычегды (Логинова, 1977; 1989; Карманов, 2008, с. 45–54), в меньшей степени – на реках Мезени и Выми (Стоколос, 1977; Косинская, 1982).

Дальнейшие исследования памятников с ямочно-гребенчатой керамикой, проведенные на территории Марийского Поволжья (Никитин, 1996; 2015) и Сурско-Мокшанского междуречья (Выборнов, Третьяков, 1988; Ставицкий, 1999; Выборнов и др. 2007; Березина, 2011; 2021), показали, что границы локальных вариантов, намеченные В.П. Третьяковым, носят достаточно условный характер. Накопление локальных отличий в материалах памятников происходит постепенно по мере их территориальной удалённости от условного центра культурных традиций, не образуя чётко очерченных границ.

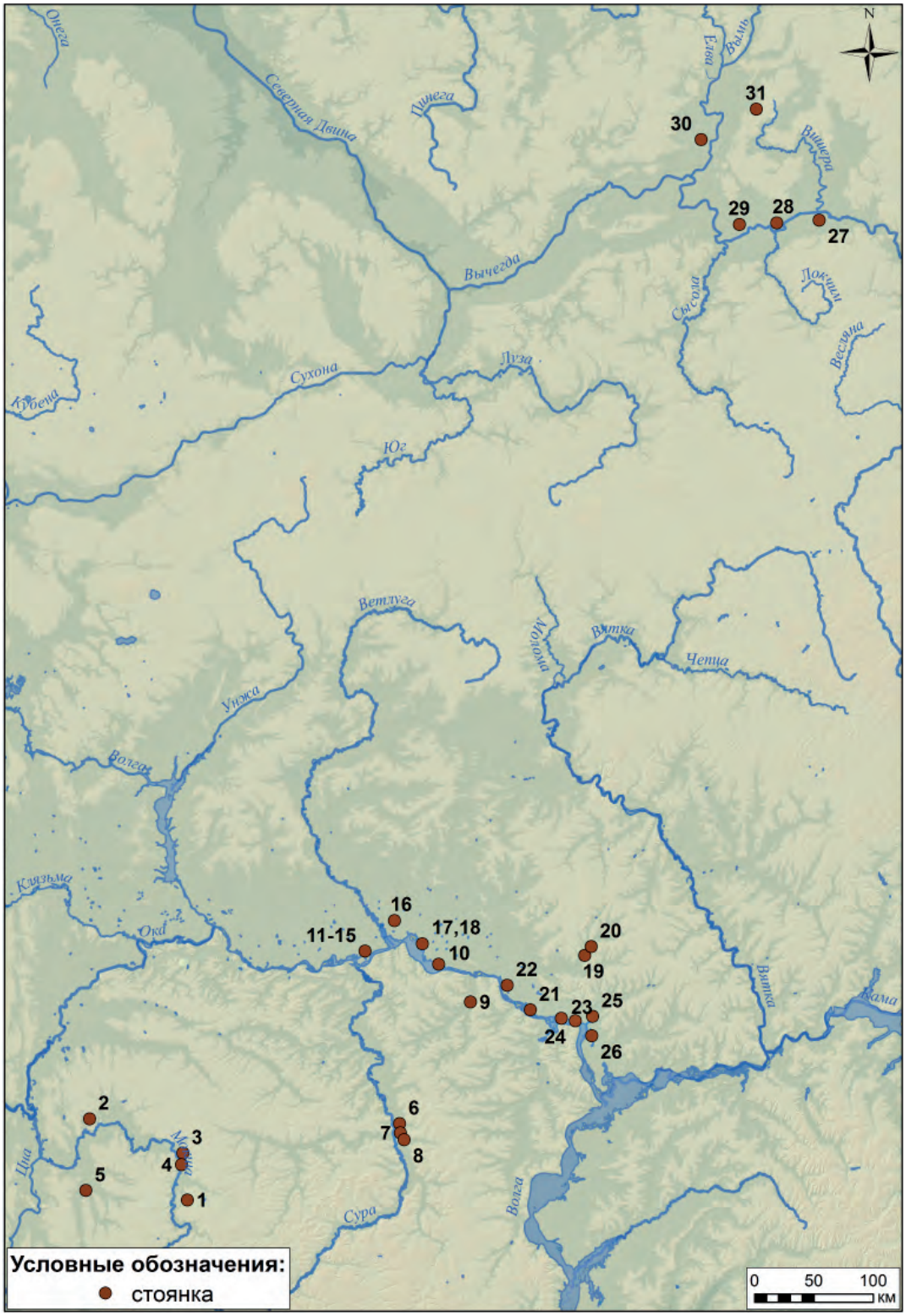

Рис. 1. Карта памятников с ямочно-гребенчатой керамикой в Волго-Уралье

Стоянки и поселения:

1 – Андреевка III; 2 – Широмасово III; 3 – Машкино III; 4 – Шаверки V; 5 – Имерка IV, VI-VIII; 6 – Утюж I, V; 7 – Вьюново Озеро I; 8 – Черненькое Озеро; 9 – Новая Деревня; 10 – Мукшум II-VI, XII, XVII; 11 – Удельный-Шумец V, VI; 12 – Майдан; 13 – Починок VI; 14 – Галанкина Гора II; 15 – Сутыри IIа, III, V, IX; 16 – Выжум II; 17 – Дубовское VIII, IX, XII; 18 – Отары V, VI; 19 – Барские Кужеры III; 20 – Старое Мазиково II, III; 21 – Русско-Луговская I, III; 22 – Большая Гора; 23 – Обсерватория III (средний горизонт); 24 – Займище IIIA (средний гор-т), V; 25 – Дербышки; 26 – Малые Отары; 27 – Вад I; 28 – Пезмогты I, III-V; 29 – Эньты IБ, III, IV, VI; 30 – Половники II; 31 – Вис I, II

Концентрация комплекса локальных признаков обычно совпадает с участками ландшафтов, наиболее благоприятных для ведения рыболовческого хозяйства. Подобные участки отделены друг от друга слабозаселёнными территориями, менее богатыми рыбными ресурсами (Сидоров, 1975; 1996, с. 255–257). Видимо, главной причиной появления локальных отличий в неолитическую эпоху служило наличие естественно-географических границ, которые, однако, не были особенно труднопреодолимыми и оставляли возможность для достаточно регулярных контактов внутри единой археологической культуры. По мнению В.В. Сидорова, деление культуры на локальные варианты следует расценивать как складывание племенной организации, внутри которой замыкалась большая часть брачных связей, входящих в него общин (Сидоров, 1996, с. 257). Однако с данных позиций трудно объяснить те "согласованные" изменения, которые происходили на весьма значительном пространстве, занимаемом археологической культурой. Кроме того, как свидетельствуют исследования австралийских аборигенов, отдельная община не замыкалась внутри племени, а имела свою самостоятельную систему брачных связей, в центре которых она находилась. Подобные брачные сети пересекались друг с другом, и это обеспечивало территориальную непрерывность первобытной культуры. Основной этнической единицей данной эпохи, видимо, являлась локально-родовая группа, тогда как все более крупные объединения были крайне аморфны и нестабильны (Кабо, 1980). Следовательно, неолитическая культура не может представлять собой устойчивое объединение родственных племён, а является всего лишь своеобразным сгустком первобытной непрерывности материальной культуры, не имеющей чётко очерченных границ. По мнению В.В. Ставицкого, образование локальных вариантов объясняется не столько появлением иной социальной организации, сколько переходом к более оседлому образу жизни. Меньшая мобильность населения снижала число контактов и увеличивала относительную изоляцию, что в конечном итоге способствовало усилению различий между отдалёнными группами населения (Ставицкий, 2006). Особенно явственно подобная закономерность проявляется на позднем этапе существования культуры ямочно-гребенчатой керамики.

В Примокшанье, Нижнем Поочье и западной части Среднего Поволжья стоянки культуры ямочно-гребенчатой керамики являются наиболее многочисленными памятниками эпохи неолита. Время их существования в целом приходится на теплый и влажный период атлантикума, начало которого для территории лесной зоны было связано с процессами заболачивания и заторфования водоемов. В это же время широкое распространение получают сосново-березовые и сосновые леса с участием широколиственных пород (Спиридонова, Алешинская, 1999, с. 27). С процессами увеличения влажности климата, приведшим к смещению лесных массивов в южном направлении, обычно связывают распространение носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики на современной территории лесостепной зоны, однако, судя по хронологии памятников Среднего Посурья (Кондратьев, 2011), их распространение здесь, видимо, имело место еще до описанных климатических изменений.

К предшествующему климатическому периоду, вероятно, относятся стоянки наиболее раннего времени Марийского Поволжья, для которых характерно расположение в низкой пойме, всего в 2–3 м над уровнем водоема. В настоящее время большая часть их затоплена или размыта водами Чебоксарского водохранилища. Памятники развитого и позднего периода переносились на более высокие места, обычно располагаясь на мысовидных выступах надпойменной террасы. Площадь поселений колеблется в пределах 1000–2500 кв. м (Никитин, 2015, с. 8, 9).

В размещении стоянок Сурско-Мокшанского междуречья подобных закономерностей не прослеживается. В целом следует отметить приуроченность памятников ямочно-гребенчатой керамики всех территорий к проточным или старичным водоемам, что, безусловно, связано широким развитием рыболовства. Наиболее плотно были освоены долины Оки и Волги, а также их ближайших притоков. Здесь фиксируется кустовое расположение стоянок, часть которых относится к категории базовых, долговременных. Данные памятники характеризуются значительной насыщенностью находками культурного слоя, на более двух десятках стоянок зафиксированы жилищные впадины, обычно от двух до девяти (Никитин, Соловьев, 2002, с. 24). В Посурье и Примокшанье памятников с мощным культурным слоем известно немного, здесь преобладают кратковременные стоянки. В силу иных природных условий визуально следы жилищных впадин до проведения раскопок здесь не фиксируются. Тем не менее в Примокшанье было изучено пять жилищных котлованов, на Средней Суре – один. Однако, несмотря на наличие жилищ, данные стоянки не отличались обилием находок и, скорее всего, были сезонными. Для Примокшанья характерны слабоуглубленные на 20–40 см в землю постройки небольших (около 30 кв. м) и средних размеров (около 50 кв. м), имеющие подовальную (Андреевка III, Широ-

масово III, Машкино III) или подпрямоугольную форму (Шаверки V, Имерка VI).

В Марийском Поволжье на пяти поселениях исследованы остатки восьми жилищ. На Удельно-Шумецком V поселении изучена прямоугольная постройка крупных размеров (свыше 100 кв. м) со слабо углубленным котлованом. Преобладающими же здесь являются жилища подпрямоугольной и подквадратной формы со средними размерами – от 56 до 85 кв. м, с котлованом, углубленным в материк более чем на 60 см (Дубовское VIII, IX, XII, Галанкина Гора II) (рис. 2). Близкие по конструкции постройки исследованы А.Х. Халиковым на Обсерваторском III поселении (средний слой), которые имели размеры 7×3 и 7×4 м и были слабо углублены в грунт (Халиков, 1969, с. 110). Два небольших жилища овальной формы, углубленные на 40 см, зафиксированы на Дубовском VIII поселении. Они были соединены переходом и не имели следов хозяйственных и очажных ям. Со временем наблюдается уменьшение площади жилищ, форма которых меняется от прямоугольной к подквадратной. При этом за счет увеличения количества построек на памятниках наблюдается рост численности населения, что, видимо, отражает произошедшие изменения в структуре общества и семьи (Никитин, 2015, с. 12, 13).

За многолетнюю историю изучения взгляды на проблему происхождения культуры ямочно-гребенчатой керамики неоднократно менялись. Первоначально исследователями была высказана точка зрения о формировании культуры на территории Волго-Окского междуречья на базе местных мезолитических культур с последующим расселением носителей данных керамических традиций как в Среднем Поволжье, так и в Северном Предуралье (Брюсов, 1952; Раушенбах, 1970; Третьяков, 1972). После открытия верхневолжской культуры и уточнения хронологии ямочно-гребенчатых древностей их сложение на основе волго-окского мезолита было оспорено. Так, В.В. Сидоровым было выдвинуто предположение о формирование ранней ямочно-гребенчатой (гребенчато-ямочной) традиции в результате трансформации поздней верхневолжской керамики с гребенчатым орнаментом, поверх которого наносятся ряды ямочных белемнитных вдавлений (Сидоров, 1992, с. 49, 50, 109). Впоследствии было обосновано выделение особого архаичного этапа в развитии льяловской культуры, керамические традиции которой на рубеже VI – V тыс. до н. э. получают широкое распространение на территории лесной зоны от Прибалтики до Среднего Поволжья (Энговатова, 1997). В то же время Ю.Б. Цетлиным была высказана точка зрения о том, что гончарные традиции верхневолжской и льяловской культуры настолько различны по своей технологии, что не могут быть связаны друг с другом генетически (Цетлин, 2008, с. 249).

По мнению В.В. Ставицкого, сколько бы сильно не различались гончарные традиции ранненеолитического населения лесной зоны с традициями носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики, в любом случае крайне мала вероятность того, что последние могли возникнуть независимо от керамических навыков населения соседних территорий, на которых способы изготовления глиняной посуды уже были известны. Формирование ямочно-гребенчатых традиций первоначально, видимо, было локализовано на какой-то ограниченной территории, после чего в силу пока еще неясных причин получило достаточно быстрое распространение в близкородственной среде ранненеолитического населения лесной зоны.

Применительно к памятникам ямочно-гребенчатой керамики крайнего северо-востока Европы Л.Л. Косинской была предложена концепция «единого культурного пространства (культурного мира), пронизанного разнообразными и разнонаправленными связями, посредством которых осуществляется передача культурных инноваций» (Косинская, 1997, с. 185). По её мнению, источники происхождения различных групп неолитического населения на европейском Северо-Востоке следует искать в самом регионе. Культурные трансформации были обусловлены процессами взаимодействия с коллективами более южных районов, связь с которыми была налажена еще с эпохи мезолита. Сложение ямочно-гребенчатых традиций могло протекать в различных регионах конвергентно, при участии местных носителей накольчатой керамики (Косинская, 1997, с. 175). Л.Л. Косинская выделяет на памятниках с ямочно-гребенчатой посудой разные орнаментальные группы керамики (ямочно-гребенчатую, ямочно-шнуровую и т. д.), которые принадлежали «различным в культурном отношении, хотя и родственным, группам древнего населения» (Косинская, 1997, с. 174, 175).

В.Н. Карманов, опираясь на концепцию льяловской культуры, предложенную В.В. Сидоровым (Сидоров, 1997, 1998; 2009, с. 160–163), полагает, что генезис носителей гребенчато-ямочной керамики на европейском Северо-Востоке связан с миграцией небольших коллективов льяловской культуры (Карманов, 2008).

Хронология и периодизация памятников ямочно-гребенчатой керамики наиболее полно разработана для территории Волго-Окского междуречья, где в существовании культуры фиксируется четыре этапа: архаичный, ранний, развитой и поздний (редкоямочный). С материалами данных этапов

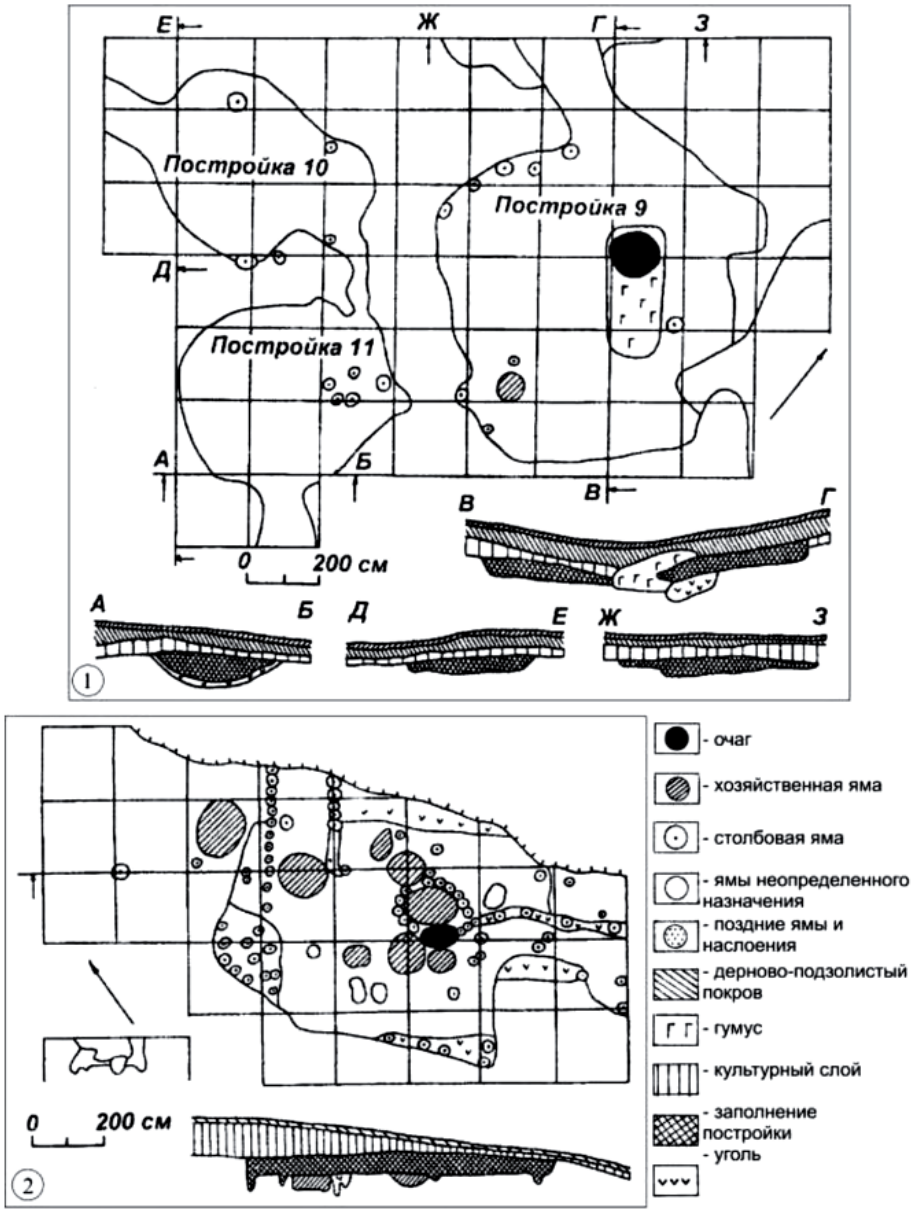

Рис. 2. Жилища неолитических памятников с ямочно-гребенчатой керамикой Марийского Поволжья:
1 – поселение Дубовское VIII; 2 – поселение Галанкина Гора II
(по: В.В. Никитин, Б.С. Соловьев, 2002, с. 135, 136)

исследователи неолитических памятников Поволжья и Северного Предуралья обычно синхронизируют местные памятники с ямочно-гребенчатой керамикой.

По некалиброванной хронологии этапы развития волго-окских памятников были датированы А.В. Энговатовой: первый – от рубежа V–IV тыс. до н. э. до первой четверти IV тыс. до н. э., второй – от первой четверти до середины IV тыс. до н. э., третий – от середины до последней четверти IV тыс. до н. э., четвертый – от последней четверти IV тыс. до н. э. до начала III тыс. до н. э. (Энговатова, 1998, с. 245). Калибровка использованных А.В. Энговатовой дат показала, что некоторые из них имеют очень большую погрешность (от 550 до 900 лет) и поэтому не могут быть учтены. Кроме того, был получен ряд новых дат, которые выходят за хронологические пределы обозначенных этапов (Лозовская, Лозовский, 2016; Лозовская, Лозовский и др., 2016; Жилин, 2016). В настоящее время с учетом среднестатистических калиброванных значений архаичный этап льяловской культуры следует датировать временем 5000–4750 cal BC, ранний – 4700–4350 cal BC, развитой – 4300–4000 cal BC. Даты позднего (редкоямочного) этапа сильно варьируются, при этом на территории Волго-Уральского региона памятники с подобными материалами неизвестны.

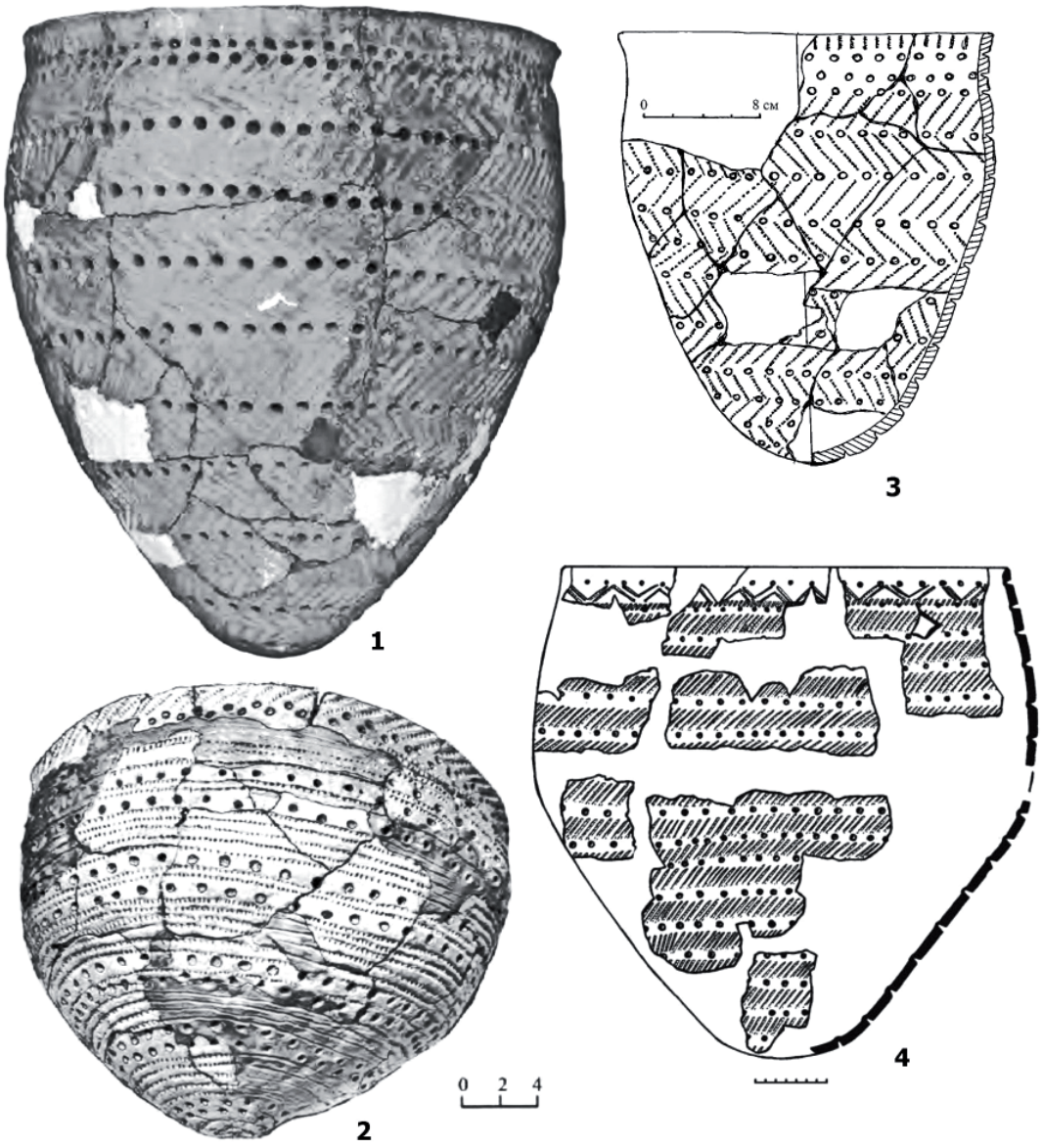

Рис. 3. Сосуды с ямочно-гребенчатым орнаментом неолитических памятников Марийского Поволжья: (по: Никитин В.В., 2015, с. 238, 302, 359):
1 – Майданская стоянка; 2 – Выжумская II стоянка; 3 – Удельно-Шумецкая VI стоянка (реконструкция В.В. Никитина); 4 – Сутырское V поселение (реконструкция А.И. Королева)

К наиболее хорошо изученным здесь относятся памятники с ямочно-гребенчатой посудой Марийского и Казанского Поволжья, полная сводка которых опубликована в монографии В.В. Никитина (2015). Выделяется три этапа в развитии местных ямочно-гребенчатых древностей (рис. 3–6).

Эталонными памятниками раннего этапа являются Русско-Луговская I и Дубовская III стоянки, а также поселение Дубовское XII. Характерна посуда полуяйцевидных и прямостенных форм, слабо вытянутых пропорций со слабо выраженной шейкой, с округлым или приостренным днищем. В тесте присутствует примесь шамота и дресвы, которой фрагменты порой перенасыщены. Край венчика – плоский, реже округлый. Орнаментация плотная, зональность строго горизонтальная. Зоны гребенчатых оттисков сочетаются с одиночными либо двойными рядами круглых конусовидных ямок. Используются зубчатые штампы разных размеров и конфигураций. Основные мотивы орнамента: наклонные (редко вертикальные) оттиски гребенчатых (зубчатых) штампов между линией круглых ямок; чередующиеся ряды (или зоны) горизонтальных линий гребенки и круглых ямок. Характерен гребенчатый горизонтальный зигзаг с ямкой в вершине, косая зубчатая решет-

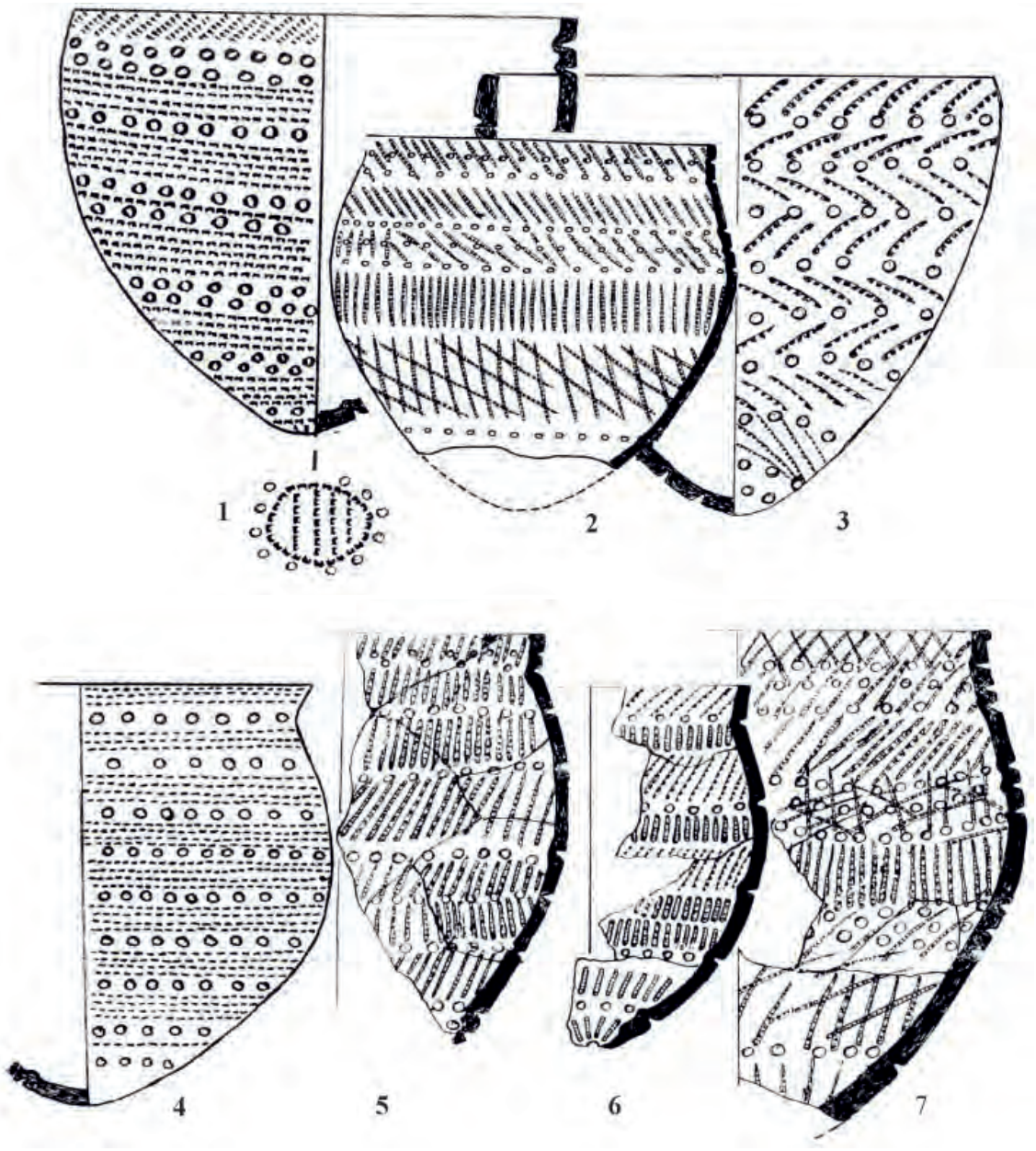

Рис. 4. Сосуды поселений неолита Марийского Поволжья (реконструкция В.В. Никитина):
1 – Выжумское II поселение; 2, 3 – Дубовское XII поселение; 4-7 – Дубовское IX поселение
(по: В. В. Никитин, 2015, с. 253, 260)

ка-сетка с ямкой в перекрестии или ячейке, параллельные ряды ямок, соединенных оттиском зубчатого штампа. Встречаются фрагменты, орнаментированные гребенчатыми оттисками поверх ямок и наоборот. Изредка применяются оттиски аммонитов, иногда каплевидные и плюсневые вдавления. Памятники раннего периода характеризуется очень низким расположением поселений на краю надлуговых террас или останцах грив и пойменных дюн, высотой 1–3 м.

Поселения развитого этапа переносятся на боровые террасы или дюны высотой 6–8 м. Намечается тенденция к возрастанию количества построек на поселении (более пяти), но их конструкция не меняется. Основу жилища составляет углубленный котлован подквадратной формы с двухскатной крышей, опирающейся на столбовую конструкцию. Характерны и угловые пристройки-ниши. Имеются постройки, соединенные переходами. В кремневом инвентаре особых изменений не наблюдается. Снижается роль резцовой техники, чаще встречаются кварцитовые предметы, разнообразнее набор деревообрабатывающих инструментов. В этот период появляются глиняные мелкие изделия и фигурный кремень.

Керамика характеризуется более плотной структурой теста, поверхность сосудов заглажена, дресва или крупный песок в качестве примеси ис-

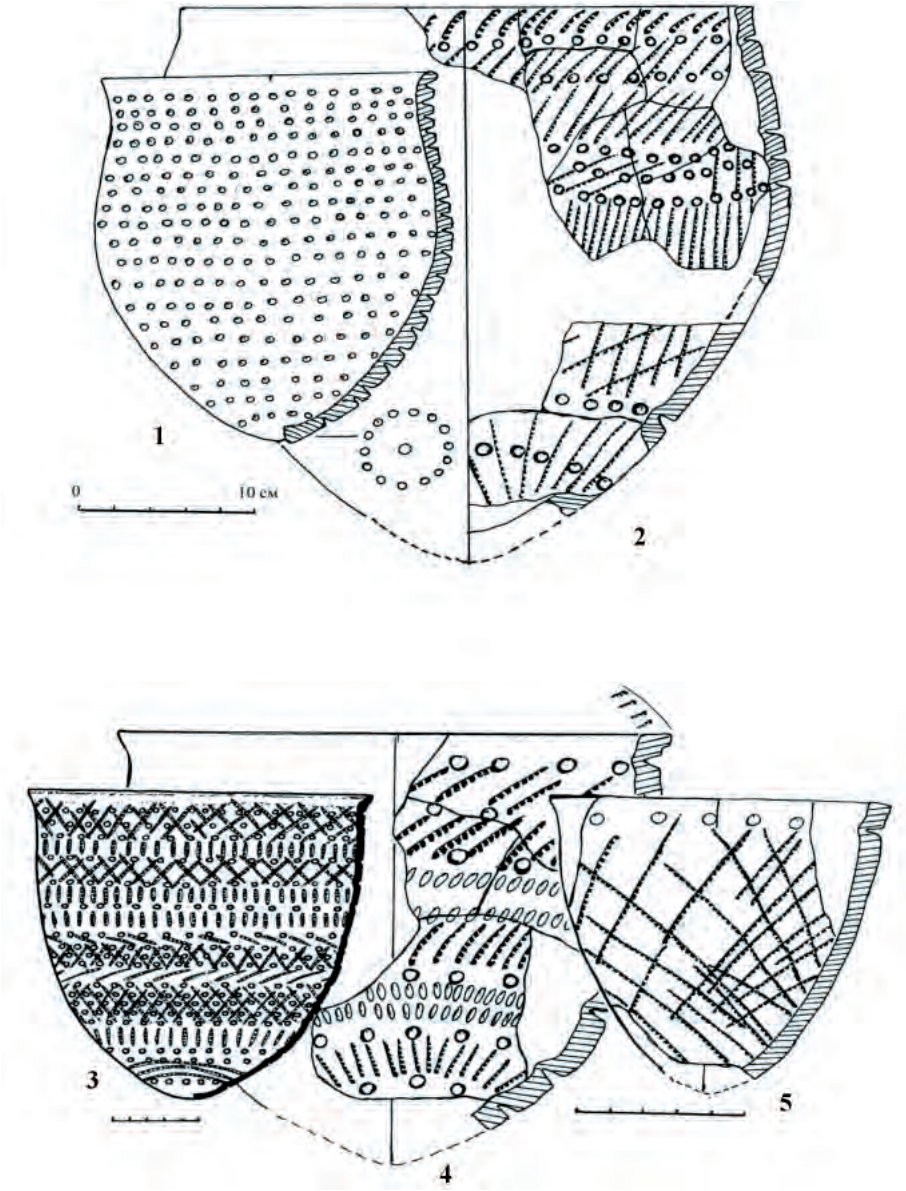

Рис. 5. Посуда неолитических поселений Марийского Поволжья (реконструкция В.В. Никитина): 1, 2 – Дубовское XII поселение; 3-5 – Галанкина Гора II (по: В.В. Никитин, 2015, с. 261, 291).

пользуются редко. В тесте преобладает органика (растительная труха) и мелкодробленый шамот. Преобладают сосуды с вытянуто-яйцевидными выпуклыми стенками, прямостенная керамика больше не встречается. Реже используются мотивы в виде зигзагов, ромбов и сетки с ямками в вершине или ячейках. Входят в употребление разнообразные шнуровые и ногтевидные оттиски, чаще применяются прочерченные линии. Нередко орнаментирован срез венчика

По краю горловины сосудов появляются бордюрные зоны в виде выступающих валиков или воротничков. Их появление В.В. Никитин связывает с влиянием лесостепных носителей памятников ивановского, токского, хвалынского и съезженского типов (Никитин 1996, с. 71). Однако отсутствие крупнопластинчатых орудий на стоянках Марийского Поволжья оставляет открытым вопрос о возможном взаимодействии носителей указанных традиций (Ставицкий, 2006). Основные памятники развитого этапа: Удельный Шумец VI, Галанкина Гора II, Выжум II, Сутыри III, Отары V, Барские Кужеры III. По мнению В.В. Никитина, на этом этапе заметно усиливается влияние камских орнаментальных традиций, что выразилось в усложнении гребенчатых композиций, применении гладкого штампа, появлении венчиков с внутренним наплывом (Никитин, 2015, с. 40).

На завершающем этапе развития поселения переносятся на высокие мысы боровых террас и дюнных всхолмлений высотой до 20 м. Среди ямочно-гребенчатой керамики Марийского и Казанского

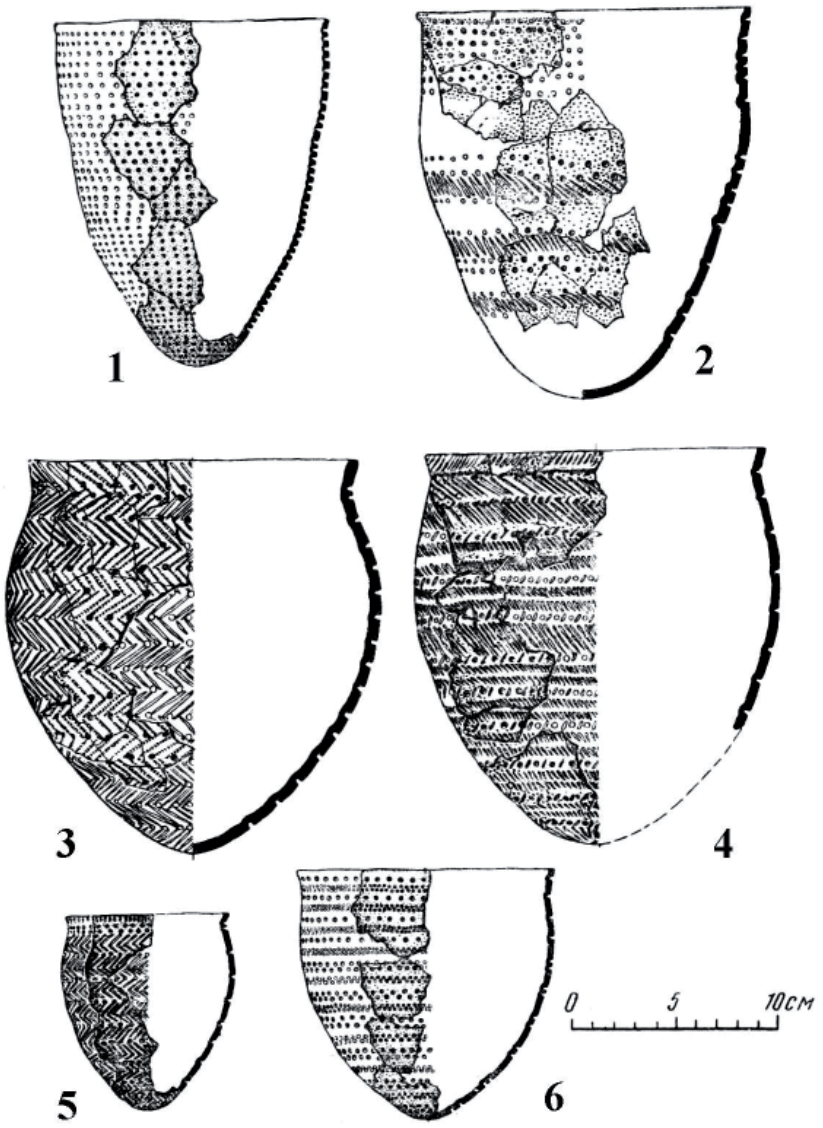

Рис. 6. Сосуды с ямочно-гребенчатым орнаментом стоянок Среднего Поволжья (по: А.Х. Халиков, 1969, с. 97): 1, 6 – Мало-Окуловская стоянка; 2-4 – Удельно-Шумецкая V; 5 – Майданская.

Поволжья в это время преобладают округлобокие сосуды приземистых пропорций с отогнутой шейкой, также встречаются сосуды грушевидной формы. В формовочной массе применяется шамот, нередко в сочетании с органикой, иногда с дробленой раковиной. На сосудах появляются редкоямочные композиции из горизонтальных рядов, вертикальных и диагональных фестонов (Большая Гора, Сутыри V и Починки), перемежающиеся участки гребенки и круглой ямки (Сутыри IIа и IX), используются овальные, удлиненно-плоские и пальцевые вдавления, чаще украшается срез венчика. Практически исчезают воротнички.

Материалы марийских памятников близки льяловским комплексам среднего и позднего этапов стоянок Воймежная I (Древние охотники..., 1997, рис. 76–81) и Языково I (Сидоров, 1992, с. 78, рис. 31). По наблюдениям В.В. Никитина, в это время фиксируется продолжение контактов носителей ямочно-гребенчатой керамики с представителями камской культуры. Это находит отражение в сочетание камских (низких прикрытых) форм с традиционными окскими орнаментирами (круглая глубокая ямка, крупнозубые или косозубые штампы) и окскими формами сосудов (вытянутых яйцевидных, профилированных, с выраженной шейкой и отогнутым краем горловины) с камскими узорами в виде шагающей гребенки (Никитин, 2015, с. 65, 66).

По ямочно-гребенчатой керамике марийских памятников к настоящему времени известно восемь радиоуглеродных дат. Шесть дат получены

по керамике раннего этапа со стоянок Дубовские III, VIII, XII и Отары VI, а также две со стоянки позднего этапа Галанкина Гора II. По среднестатистическому значению калиброванных дат стоянки раннего периода относятся к интервалу 4950–4600 cal BC, а развитого – к интервалу 4450–4300 cal BC. Происхождение средневолжских памятников ямочно-гребенчатой керамики В.В. Никитин связывает с миграциями носителей подобных традиций с западных территорий, а их финал – с формированием синкретических памятников, в материалах которых ямочно-гребенчатые приемы изготовления посуды тесно переплетаются с камскими. Итогом подобных контактов стало сложение памятников волосовской культуры (Никитин, 2015, с. 68–70).

К марийской керамике раннего периода по своему облику очень близки материалы памятников Посурья. Аналогии прослеживаются практически по всем основным параметрам и особенно ярко по орнаментации сосудов (рис. 7). Предположение об их генетической связи, высказанное В.В. Ставицким на материалах верхнесурских стоянок (Ставицкий, 1999), нашло подтверждение после исследований памятников Чувашского Посурья (Березина и др., 2007; Выборнов и др., 2008; Березина, 2021).

В Посурье при лепке керамики в качестве примеси использовался мелкий песок или шамот, редко дресва. Венчики сосудов прямые или слабоотогнутые, обычно с округлым, реже плоским срезом. Орнамент характеризуется строгой горизонтальной зональностью, в которой одиночные ряды ямок разделяют зоны, украшенные другими оттисками. Основным мотивом орнамента являются комбинации из оттисков гребенчатого штампа различной длины, наносимые наклонно, вертикально, горизонтально, реже образуя косую решетку и различные зигзаги. Ряды наклонных ямчатых вдавлений овальной формы применяются отдельно либо в сочетании с гребенчатым штампом. Единично нанесение прочерченных линий, оттисков короткого овального и косозубого штампов, плюсневых и полулунных вдавлений.

По калиброванным среднестатистическим значениям керамика стоянок Среднего Посурья укладывается в период 4850–4600 BC, т. е. практически синхронна ранней керамике Марийского Поволжья. Однако с учетом малочисленности и значительной математической погрешности ряда дат указанная хронология нуждается в уточнении. Отсутствие в Посурье материалов развитого и позднего этапа культуры ямочно-гребенчатой керамики, возможно, связано с экспансией на данную территорию населения раннеэнеолитической хвалынской культуры, выразительные памятники которой выявлены как в верхнем, так и в среднем течение Суры (Ставицкий, Хреков, 2003, с. 196, 197).

Значительным сходством с материалами памятников Марийского Поволжья обладает керамика стоянок Балахнинской низины и нижнего течения Оки, которую исследователи традиционно относят к балахнинской культуре (Цветкова, 1963; 1970) или балахнинскому варианту культуры ямочно-гребенчатой керамики (Третьяков, 1972). Между тем различия в облике ямочно-гребенчатой керамики смежных территорий весьма невелики. По мнению В.М. Раушенбах, балахнинская керамика отличается от льяловской наличием в орнаменте ямок с плоским, а не коническим дном, частым применением гребенчатых штампов овальной формы и раковин (Раушенбах, 1970, с. 35). Но раковинные отпечатки занимают заметное место только на керамике Сокольской стоянки, а оттиски овального штампа не являются обязательным элементом орнамента на керамике всех балахнинских памятников. Ямочные вдавления с плоским дном характерны только для поздних балахнинских стоянок, т. е. для того периода, когда они получают широкое распространение и в льяловских древностях (Ставицкий, 2002, с. 311). Таким образом, территория Нижнего Поочья является связующим звеном между льяловскими древностями Волго-Окского междуречья и памятниками Среднего Поволжья, наглядно иллюстрирующим картину первобытной археологической непрерывности культуры.

Для стоянок Нижегородского бассейна Оки и Волги характерны сосуды полуяйцевидной формы с приостренным или округлым дном, прямым горлом и плоско срезанным, иногда приостренным венчиком. Примесью служил песок и дресва, обе поверхности сосудов сглаживались, наружная покрывалась сплошным орнаментом в виде горизонтальных зон из ямочных вдавлений и отпечатков гребенчатого штампа. В керамике среднего этапа появляется небольшая отогнутость края, иногда воротнички. Получает распространение ямка с округлым дном, геометрические композиции из треугольников, ромбов, комбинации ямок и косой решетки из гребенчатых отпечатков, входят в употребление раковинные и ногтевидные вдавления, оттиски шнура, резной и прочерченный орнамент. На позднем этапе увеличивается количество сосудов с округлыми днищами, плоские срезы венчиков заменяются округлыми. Сосуды с «воротничками» составляют до четверти всей посуды. Орнамент состоит из разреженных зон, чередующихся с зонами ямочных вдавлений (Крижевская, 1996, с. 184).

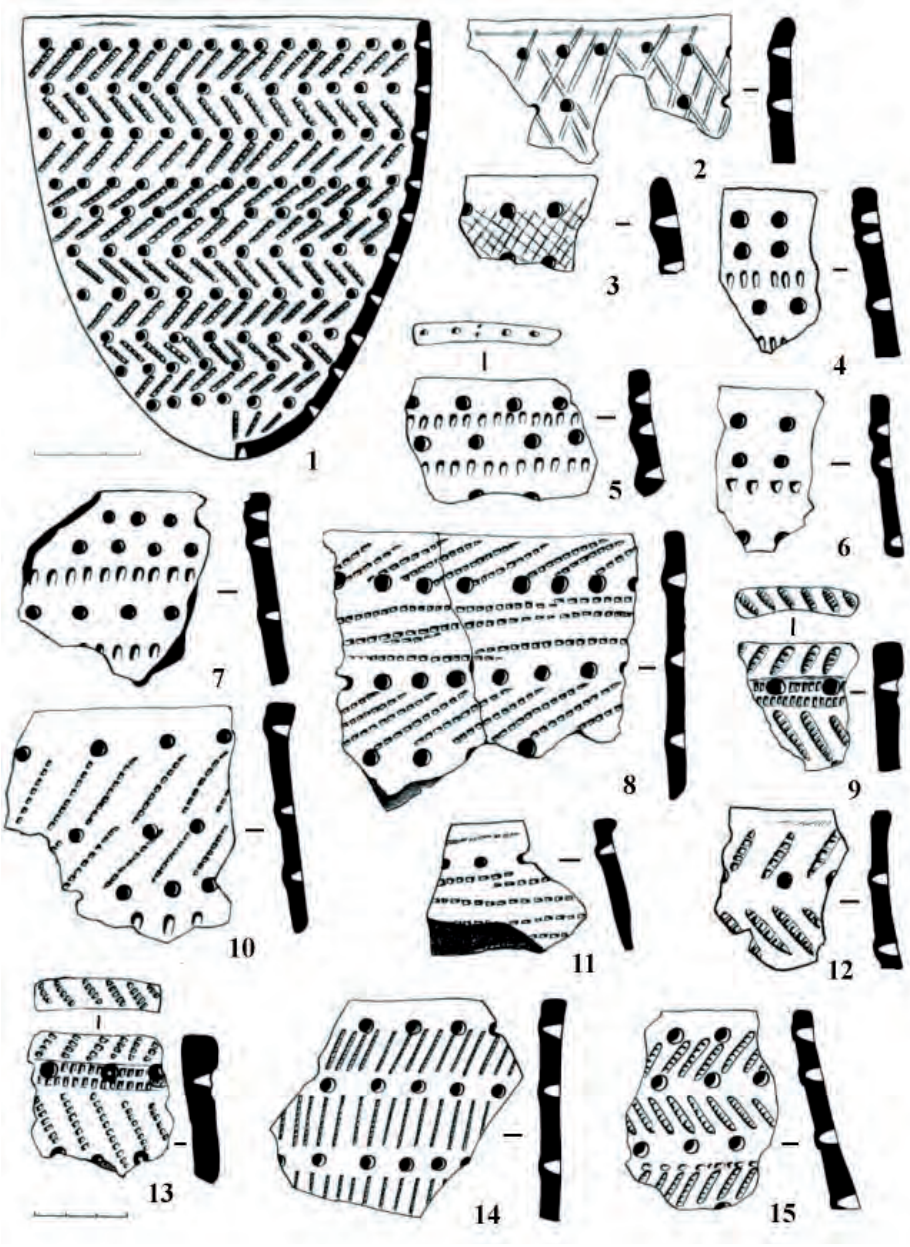

Рис. 7. Керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом неолитических памятников Посурья:
1-3 – Вьюново Озеро II; 4-13 – Утюж I; 14, 15 – Утюж V.

Несмотря на территориальную близость к средневолжским и особенно присурским памятникам, керамика стоянок бассейна Мокши, на которых используется более разнообразная орнаментация, характеризуется рядом заметных различий (рис. 8, 9). Наряду с гребенчатыми оттисками здесь широко применяются отпечатки других штампов, более разнообразны орнаментальные мотивы. В целом для примокшанской керамики характерна примесь песка, реже дресвы или шамота. Венчики сосудов – прямые или слабоотогнутые, с округлым или плоским срезом, иногда утолщенные в верхней части. Срез и обратная сторона венчиков часто орнаментированы. Преобладает горизонтальная зональность, но на ряде памятников присутствуют сосуды с диагональной орнаментацией. Наряду с оттисками гребенчатого штампа широко распространены отпечатки перевитой веревочки, наносимые наклонно, горизонтально, по диагонали, в виде косой решетки, полулунные вдавления. Часто используются костяные штампы, дающие оттиски в виде сдвоенных неглубоких вдавлений и «собачьего носа», реже встречаются косозубые, изогнутые зубчатые и фигурные штампы (с нарезкой в виде треугольников или косых крестов), оттиски аммонита. В единичных случаях применялись оттиски короткого овального гребенчатого штампа и прочерченные линии.

Мотивы орнамента представлены: рядами наклонных и горизонтальных оттисков гребенчатого

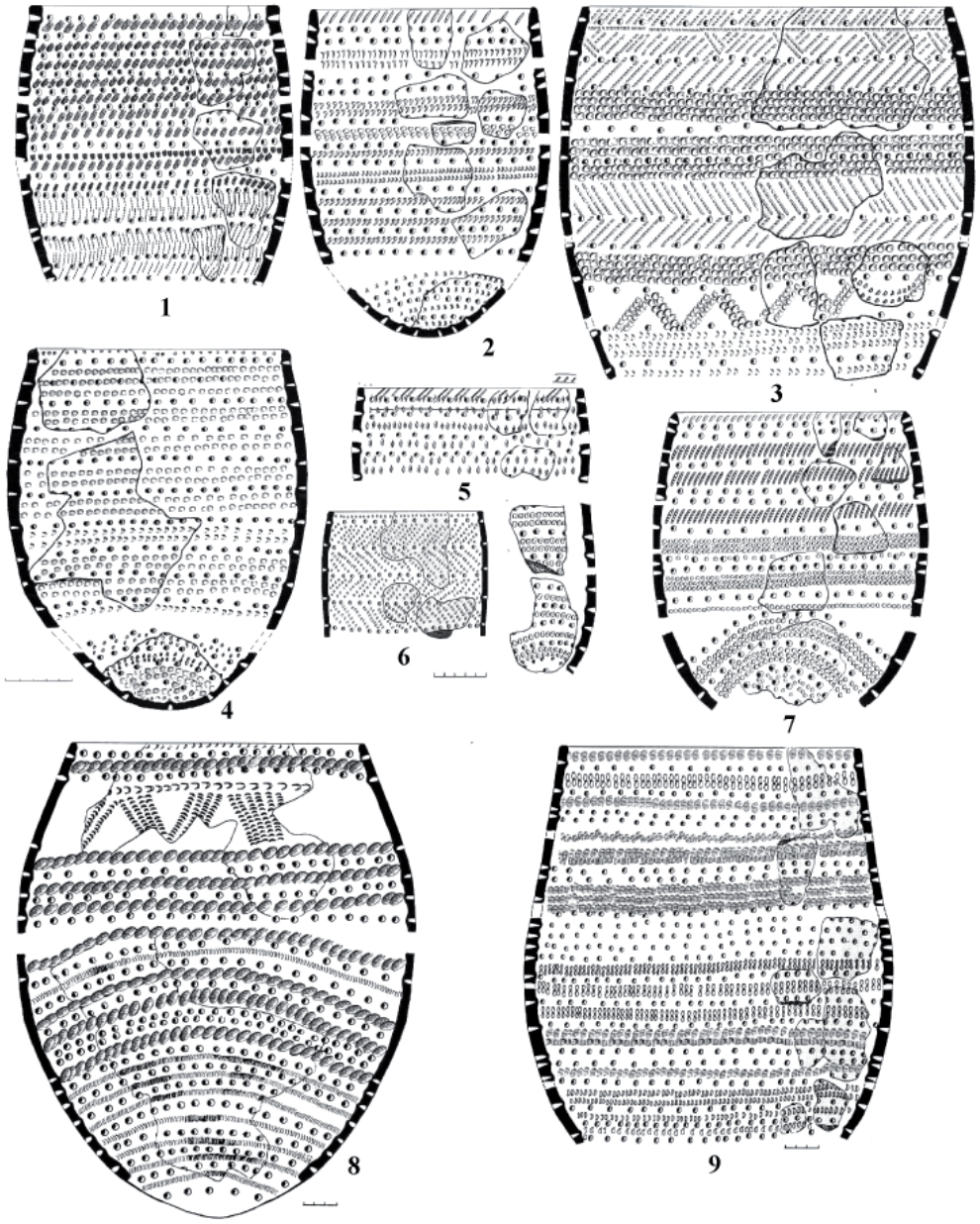

Рис. 8. Сосуды с ямочно-гребенчатым орнаментом неолитических памятников. Примокшанья:
1, 2, 5-7 – Ковыляй–1; 3, 4 – Машкино–3; 8 – Ковыляй–2; 9 – Клюквенный I

штампа, реже гребенчатый штамп образует вертикальный зигзаг с ямкой в вершине, косую решетку и косую решетку с ямкой в ячейке. На ряде памятников (Широмасово III, Имерка IV, VII, VIII) выделяются группы керамики с преобладанием ямочного орнамента и некоторой спецификой набора орнаментальных мотивов и формы венчиков (Кондратьев, 2011, с. 13), что, по мнению В.В. Ставицкого (2008), относится к хронологическим признакам развитого этапа.

На материалах поселения Озименки II, в которых зафиксирована керамика позднего верхневолжского облика с ямчатыми вдавлениями, нанесенными поверх гребенчатого орнамента, В.В. Ставицким была высказана точка зрения о возможности вхождения данного региона в зону формирования льяловской керамической традиции (Ставицкий, 2006). Однако радиоуглеродная хронология показала, что гребенчатая керамика данного памятника моложе ямочно-гребенчатой, поэтому описанная выше орнаментация, видимо, является результатом контактов населения льяловской и верхневолжской культур (Кондратьев, 2011, с. 18).

По ямочно-гребенчатой керамике Примокшанья получены три радиоуглеродные даты со стоянок Имерка IV, VIII и Озименки II. По калиброванной хронологии их среднестатистические значения приходятся на период 4850–4550 ВС, что в целом соответствует раннему этапу развития

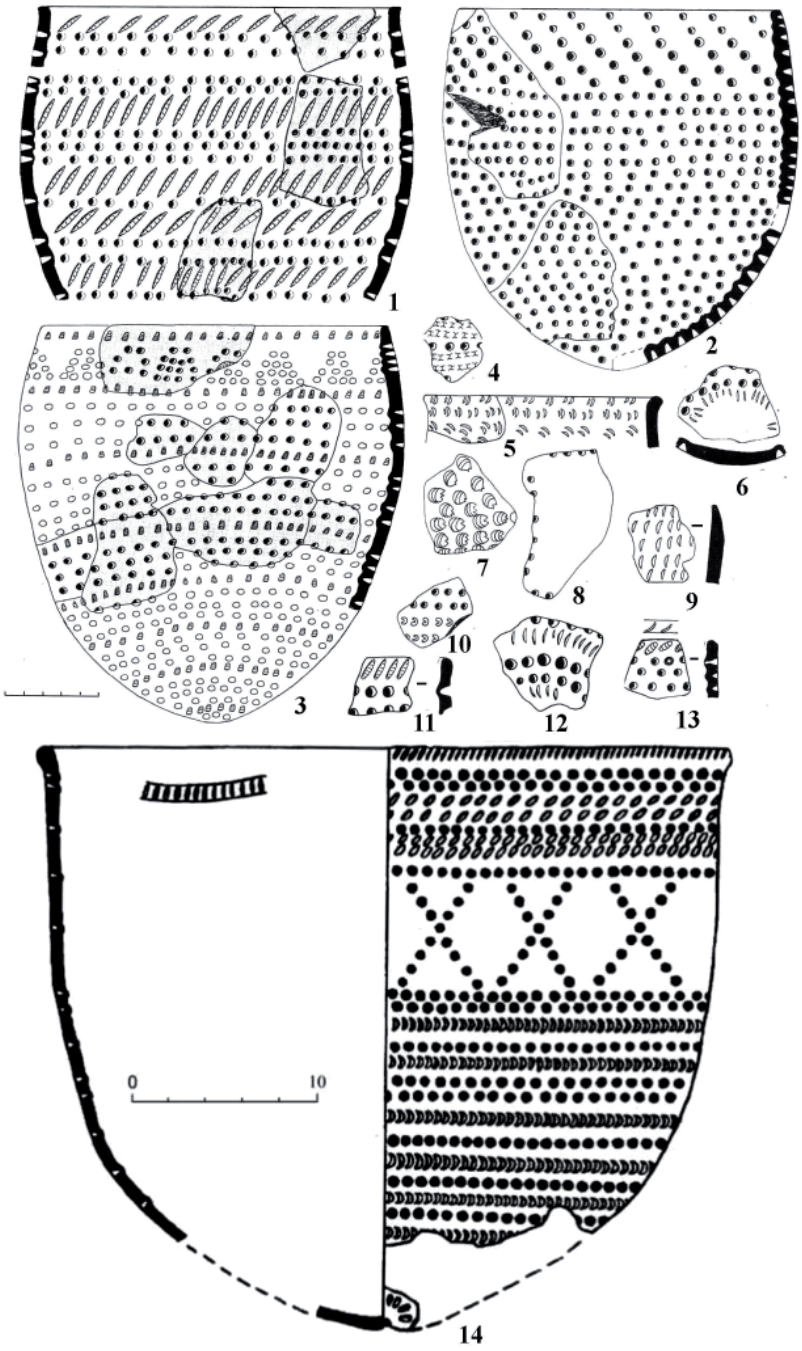

Рис. 9. Керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом неолитических памятников Примокшанья:
1, 3 – Имерка–7; 2, 4-13 – Шаверки; 14 – Андреевка–3

льяловской культуры Волго-Окского междуречья. Наиболее близкие аналогии керамика примокшанских стоянок находит в посуде Мещерского локального варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики, с территории которого, видимо, и проходило расселение её носителей в бассейн Мокши (Сидоров, Ставицкий, 2003). Дальнейшие судьбы населения культуры ямочно-гребенчатой керамики прослеживаются в Примокшанье с трудом. Это один из немногих регионов, где памятники с гребенчатой (поздневерхневолжской?) керамикой, не только сосуществуют с ямочно-гребенчатыми древностями, но и датируются более поздним временем (Кондратьев, 2011, с. 18).

На территории Республики Коми большинство неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой сосредоточено в среднем течении р. Вычегды, а также у крупных озер, таких как озеро Синдор, Ямоозеро и др. (рис. 1). В раскопах этих стоянок обнаружены остатки слабоуглубленных

жилищ как прямоугольной, так и круглой формы. Проведенная В.В. Кармановым оценка численности населения этой группы памятников на основе анализа известных жилищных комплексов (Карманов, 2008, с. 76, 77) позволила сделать вывод о том, что бассейн Вычегды в среднем неолите могла населять группа от 70 до 220 человек. Однако примененные методики не учитывают фактор времени и то, что часть жилищ могла быть оставлена одной группой населения. Материалы многокомпонентных памятников неоднократного заселения Вис I, II и III (Буров, 1967), Пижма II и Ружникова (Лузгин, 1973) не дают нам возможности судить о том, существовали ли здесь долговременные поселения носителей гребенчато-ямочных традиций или это места многократного посещения небольших по площади участков.

Посуда с ямочно-гребенчатой орнаментацией льяловского облика найдена на памятниках Средней Вычегды – стоянках Эньты III и VI, Пезмогты 1А и 1Б, 3А и 3Б, 4Б, 5, а также на стоянках Половники II (р. Вымь) и Кыстыръю (р. Мезень). Реконструируются круглодонные сосуды, выполненные из формовочной массы с включениями дресвы и органики. Орнаментация сосудов носит зональный характер, с чередованием оттисков. По наблюдениям В.Н. Карманова, массиву ямочно-гребенчатой керамики северо-востока Европы присуща значительная вариабельность в формах венчиков и в деталях орнаментации сосудов. Примером такого разнообразия вариантов украшения посуды может служить сосуд, найденный на стоянке Эньты VI, который был орнаментирован только угловыми вдавлениями гладкого штампа (Карманов, Логинова, 2005). В соответствии с абсолютной датой, полученной для комплекса с ямочно-гребенчатой керамикой стоянки Пезмогты 1 (Карманов, 2008, с. 68), и периодизацией памятников льяловской культуры, разработанной исследователями неолита Волго-Окского междуречья (Энговатова, 2000; Сидоров, 1998), время функционирования этих стоянок на северо-востоке Европы совпадает с ранним этапом льяловской культуры и приходится на первую половину IV тыс. до н. э.

Каменный инвентарь культуры ямочно-гребенчатой керамики различных регионов характеризуется рядом общих признаков. Основная масса кремневых орудий изготовлена на кремневых отщепах и сколах. На отдельных стоянках встречаются изделия на ножевидных пластинах, однако их связь с неолитическим слоем памятника не очевидна. Если подобные орудия образуют представительные серии, то велика вероятность того, что в слое присутствует мезолитическая примесь. Форма значительной части орудий обусловлена исходной формой заготовки, очертания которой зависят от степени сработанности нуклеуса. Судя по материалам стоянки Замостье 2, существенная доля заготовок для изготовления орудий на неолитических памятниках была получена попутно при производстве крупных рубящих орудий (Гиря и др., 1997). По справедливому замечанию М.Е. Фосс, облик каменных орудий нередко бывает обусловлен не культурными особенностями, а физико-географическими условиями и уровнем развития технологии их изготовления (Фосс, 1952, с. 78–137). Культурная специфика обычно прослеживается только при анализе наконечников стрел и копий, при изготовлении которых производители имеют возможность отойти от первоначальной формы заготовки. Сложность выделения характерного комплекса орудий культуры ямочно-гребенчатой керамики обусловлена также малочисленностью гомогенных комплексов, чистота которых всегда находится под вопросом.

Кремневый инвентарь памятников Среднего Поволжья может быть охарактеризован на основе относительно гомогенных памятников, к которым в Примокшанье относятся стоянки Андреевка III, Шаверки II, Имерка VI; в Марийском Поволжье – стоянки Русско-Луговская I и Дубовское XII, материалы из жилища поселений Дубовское IX, Галанкина Гора II, Удельно-Шумецкое V. В бассейне р. Теши – это Саконовская стоянка. Суммарная характеристика данных орудий дана в диссертации С.А. Кондратьева (2011).

Кремневая индустрия средневолжских памятников характеризуется изготовлением орудий на отщепах при небольшой доле пластин. Находки нуклеусов малочисленны и данный факт, видимо, свидетельствует о том, что значительная часть заготовок получалась непреднамеренно при изготовлении рубящих орудий или крупных наконечников копий. Для снятия отщепов использовались прямоплощадочные нуклеусы пирамидальной и призматической формы, а также клиновидные и аморфные. Единичные нуклеусы для отжима пластин представлены карандашевидными и прямоплощадочными призматической и пирамидальной формы.

Среди наконечников стрел преобладают изделия на отщепах, они обработаны сплошной двусторонней ретушью. Форма наконечников – листовидная, лавролистная, лавролистная с усеченным основанием, иволистная обоюдоострая, треугольно-черешковая с заостренным черешком и слабовыраженными шипами, ромбическая (рис. 10). Наконечники копий и дротиков, также обработанные сплошной двусторонней ретушью, имеют в основном листовидную форму, но встречаются и треугольно-черешковые со слабо-

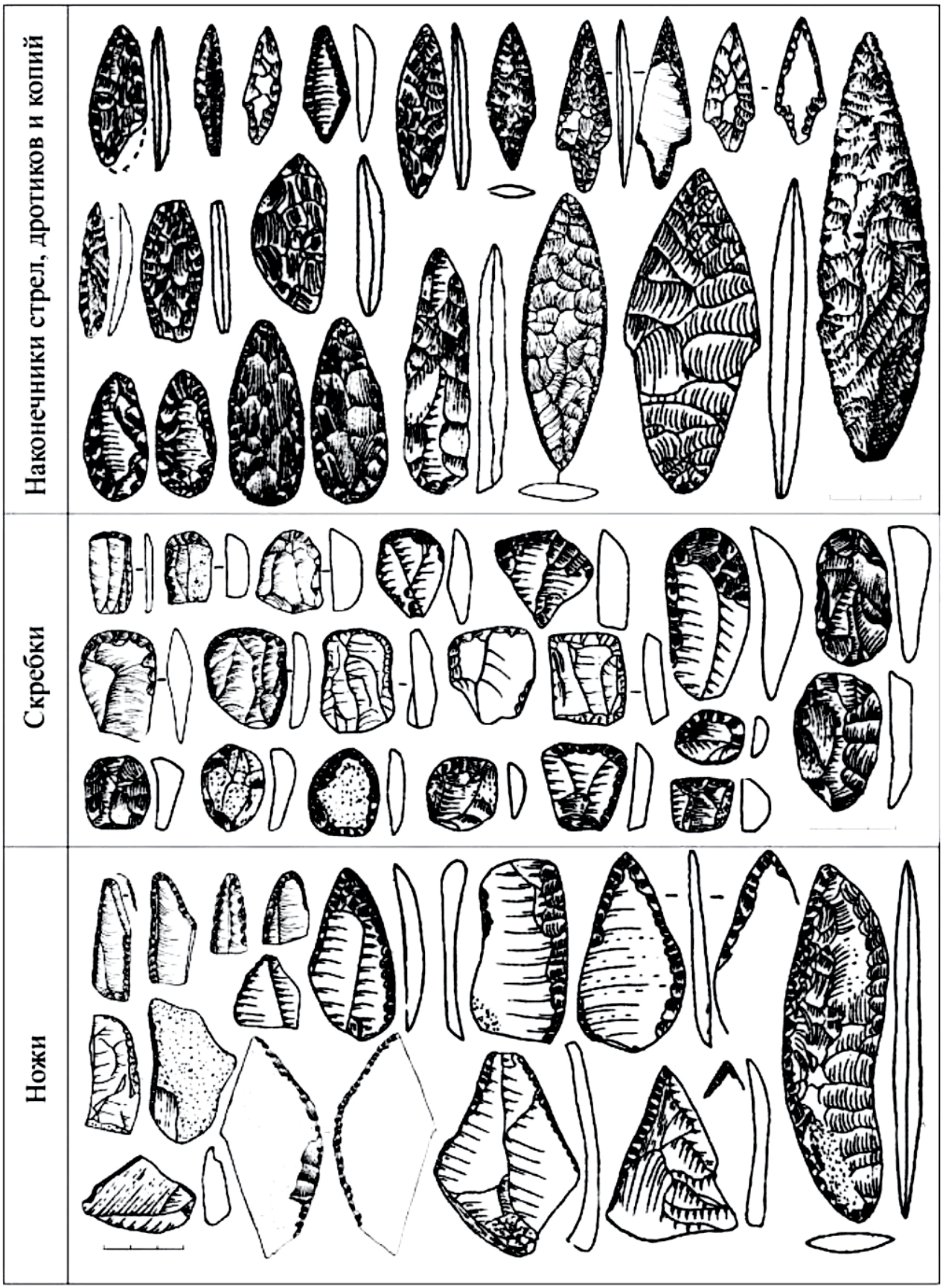

Рис. 10. Кремневый инвентарь памятников с ямочно-гребенчатой керамикой Примокшанья: наконечники стрел, дротиков и копий; скребки; ножи

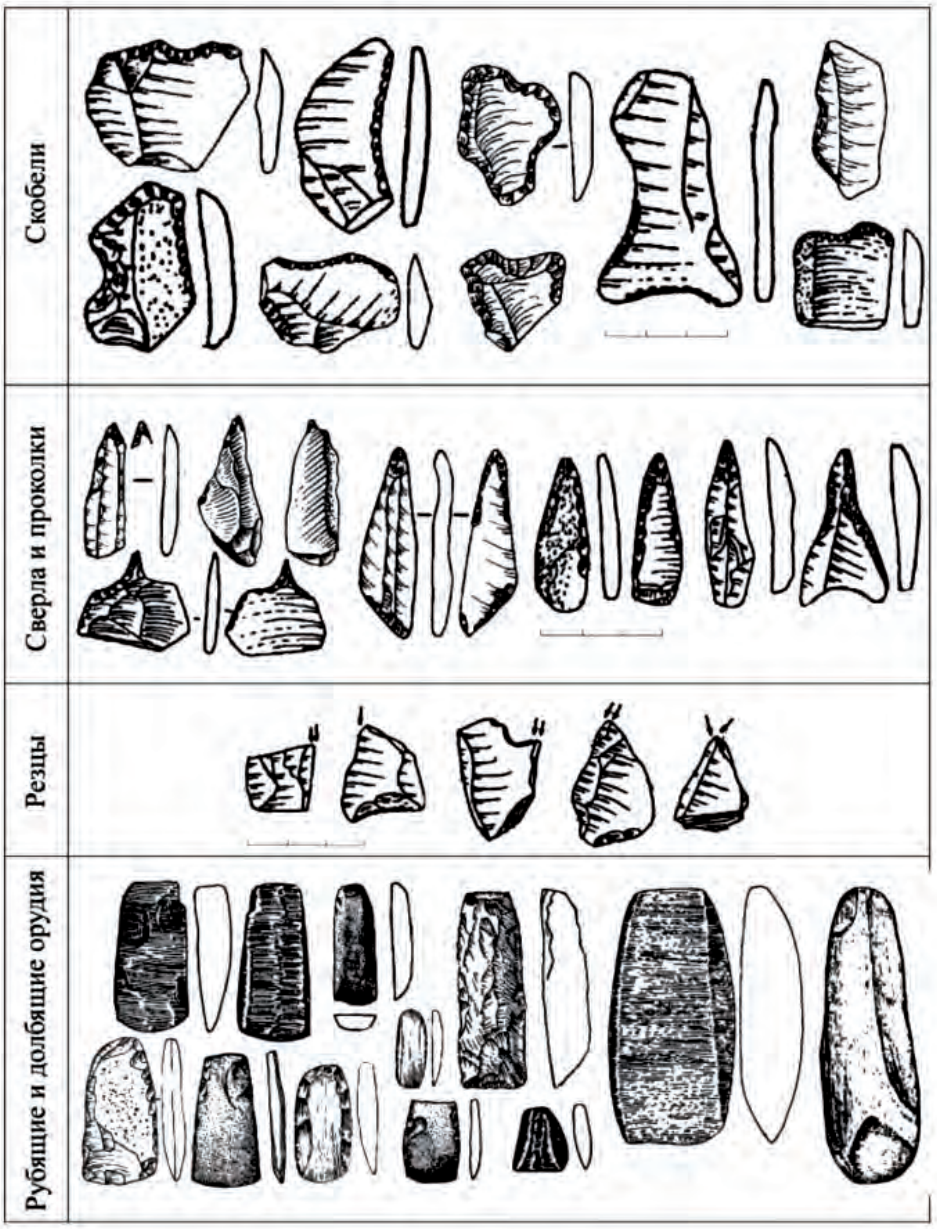

Рис. 11. Кремневый инвентарь памятников с ямочно-гребенчатой керамикой Примокшанья: скобели; сверла и проколки; резцы; рубящие и долбящие орудия

выраженными шипами. Скребки в подавляющем большинстве выполнены на отщепах с невысокой спинкой. По форме и оформлению рабочего края они разнообразны: дисковидные с ретушью по рабочему краю, по рабочему краю и боковым граням, реже отретушированные по всему периметру; подпрямоугольной формы, отретушированные с одной, двух, реже трех сторон, с прямым, реже скошенным или угловым лезвием; единичны концевые скребки на удлиненных отщепах либо пластинах (рис. 10). Встречаются скребла на массивных вытянутых, либо округлых, или подквадратных отщепах. Нередкой находкой являются комбинированные орудия, такие как нож-скребок.

Ножи обычно изготовлены на удлиненных отщепах или крупных пластинах. Они имеют одно, реже два лезвия, оформленных односторонней или двухсторонней ретушью (рис. 10). Иногда кончик лезвия скруглен, реже лезвие скошено или имеет клиновидные очертания. Единичны находки ножей серповидной формы с двусторонней обработкой лезвия. Нередко для режущих операций использовались отщепы случайной формы, подправленные ретушью, либо без ретуши, но со следами утилизации по острому краю.

Скобели преобладают на аморфных отщепах со слабовыраженной естественной выемкой, подправленной ретушью. Реже выемки оформлялась специально. Единичны находки скобелей трапе-

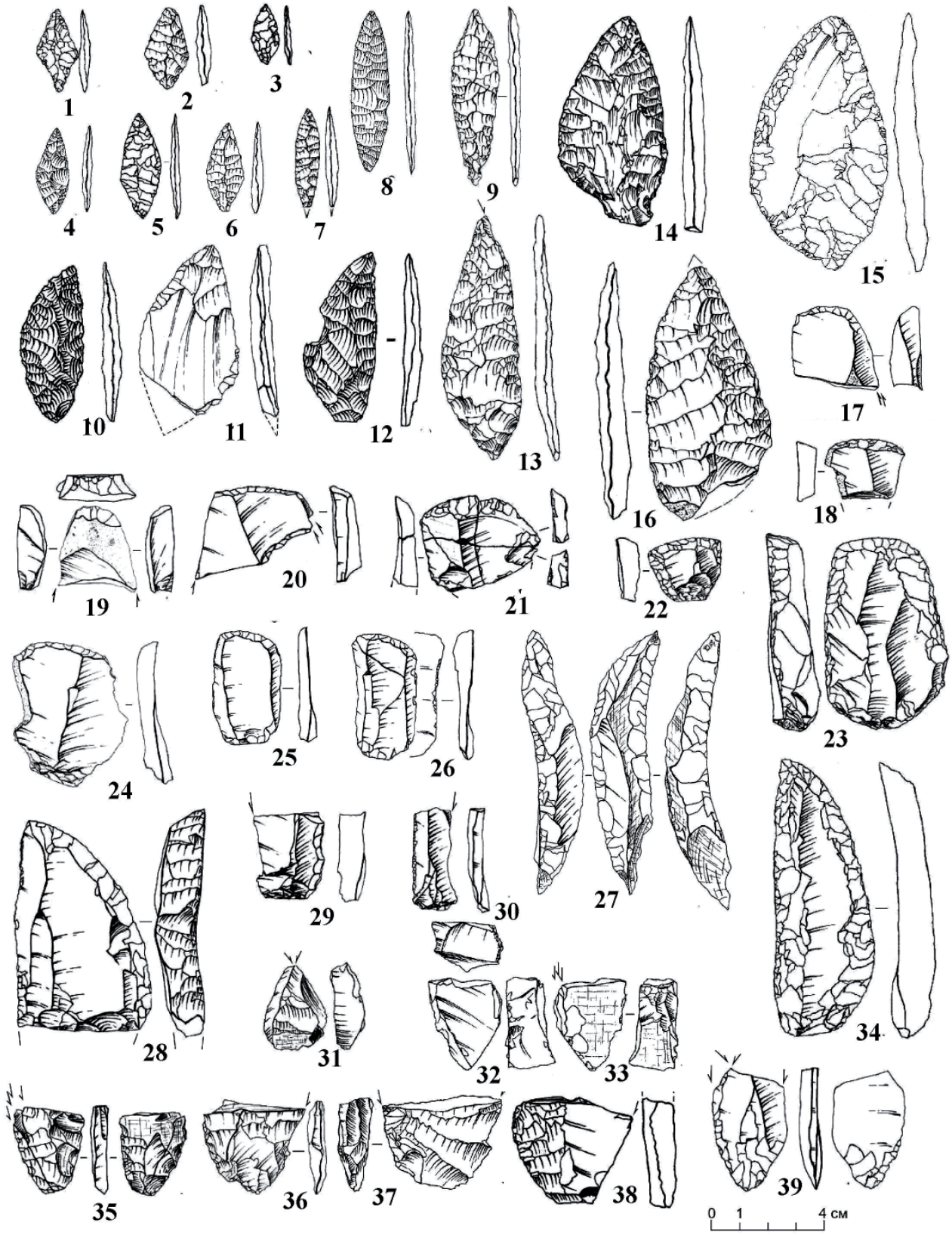

Рис. 12. Кремневый инвентарь памятников с ямочно-гребенчатой керамикой европейского Северо-Востока: Стоянки: Эньты III (жилища 1, 2, 4, 5), Эньты VI, Пезмогты IA, Пезмогты IБ, Пезмогты 3, Пезмогты 4 (по: В.Н. Карманов, 2008, рис. 53, 57, 61, 64, 72, 73, 76, 78, 79, 81, 83, 84)

циевидной формы с одним рабочим краем и подквадратной формы с четырьмя лезвиями. Резцы малочисленны. Это угловые или срединные орудия на отщепах (рис. 11).

Перфораторы и проколки выполнялись на пластинах, сколах и отщепах. Орудия на пластинах имеют подработанное треугольное острие либо выделенное «жальце». Орудия на сколах подправлены односторонней ретушью по рабочему краю. Сверла обычно имеют вытянутую подтреугольную форму, а в единичных случаях – подпрямоугольную форму и выделенное «жальце» (рис. 11).

Рубящие орудия представлены топорами, теслами и долотами, изготовленными из окремнелого известняка, доломита, сланца (рис. 11). Топоры трапециевидной формы, реже подпрямоугольной с выпуклыми боками, отшлифованные полностью, либо оформлены оббивкой и шлифовкой. Тесла и долота с желобком имеют трапециевидную, подпрямоугольную или вытянутую подпрямоугольную форму с прямым или округлым лезвием. Как правило, они тщательно отшлифованы. Среди долот без желобка распространены трапециевидные и подовальные, оформленные оббивкой с частичной подшлифовкой. Кроме того, характерны трапециевидные и подпрямоугольные орудия, хорошо отшлифованные, с намеченными гранями (Кондратьев, 2011).

На северо-востоке Европы каменный инвентарь, связанный с гребенчато-ямочной керамикой, изготавливался преимущественно путем сплошной двусторонней обработки (Карманов, 2008). К бифасиальным изделиям относятся наконечники стрел ромбовидной, реже листовидной формы, а также асимметричные миндалевидные ножи и единичные перфораторы (рис. 12). Отличительной особенностью данной кремневой индустрии является большое количество резцов в комплексах с ямочно-гребенчатой керамикой. Эти характеристики в целом имеют сходство с описанными кремневыми комплексами поселений льяловской культуры в трактовке В.В. Сидорова (1997).

Таким образом, памятники с ямочно-гребенчатой керамикой охватывают обширный регион от Финляндии на западе до Северного Предуралья и среднего течения Волги на востоке. Общественные отношения носителей керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией, по всей вероятности, были пронизаны брачными и иными связями, обеспечивавшими единство локальных вариантов их материальной культуры. Данные локальные варианты выделяются некоторыми исследователями в самостоятельные культуры (льяловская, балахнинская) и варианты (средневолжский, северный, вычегодский и др.). Территория европейского Северо-Востока относится к северо-восточной периферии неолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики, Сурско-Мокшанское междуречье представляет ее юго-восточную оконечность, а Среднее Поволжье и Нижнее Поочье – восточную окраину.

Памятники ямочно-гребенчатой керамики Поволжья и Северного Предуралья синхронизируются со стоянками Волго-Окского междуречья и могут быть разделены на три этапа: ранний, развитый и поздний, которые в целом охватывают период от первой четверти IV тыс. до н. э. до начала III тыс. до н. э. В западной части Среднего Поволжья, а также в Нижнем Поочье и Примокшанье памятники с ямочно-гребенчатой керамикой наиболее многочисленны среди памятников неолита, что, вероятно, связано со сложившимися здесь в то время благоприятными ландшафтными и климатическими условиями.

Финальное развитие материальной культуры носителей ямочно-гребенчатой керамики Марийского, Чувашского и Казанского Поволжья было обусловлено контактами с представителями камской неолитической культуры, это послужило импульсом к сложению волосовской энеолитической культуры. Что касается долины р. Мокши, то здесь стоянки позднего этапа культуры ямочно-гребенчатой керамики представлены недостаточно отчетливо.

ГЛАВА 7
ПАМЯТНИКИ КАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНЕ ВЫЧЕГДЫ

Впервые достоверные свидетельства пребывания населения камской неолитической культуры в бассейне р. Вычегды выявил в 1960-х гг. Г.М. Буров. Сравнительно немногочисленные фрагменты керамических сосудов этой культуры (рис. 4) он обнаружил в процессе раскопок многокомпонентных памятников неоднократного заселения Вис I, II и III вблизи оз. Синдор (Республика Коми). В 1967 г. он связал их появление с миграцией в регион в среднем неолите населения камской культуры гребенчатой керамики (Буров, 1967, с. 69, 70). Г.М. Буров датировал это событие III тыс. до н. э., основываясь при этом на хронологии памятников Прикамья, предложенной О.Н. Бадером (Буров, 1972, с. 88, 89). В позднем неолите, по мнению Г.М. Бурова, камские племена встретились с носителями ямочно-гребенчатой керамики, приняв участие в формировании в пограничных районах их расселения вычегодско-вятской культуры гибридной (или синкретической) керамики (Буров, 1967, с. 166–168).

Впоследствии взгляды исследователей на источник происхождения носителей посуды камского культурного типа керамики остаются практически неизменными вплоть до настоящего времени. Единогласно признаётся типологическое соответствие гребенчатой керамики европейского Северо-Востока материалам хуторско-боровоозерского этапа или верхне-среднекамского локального варианта камской неолитической культуры развитого неолита (Буров, 1967; 1986; Верещагина, 1989; Косинская, 1997, с. 171; Выборнов, 1992, с 25; Карманов, 2008, с. 66). Помимо определения статуса вычегодских памятников как камского культурного типа (Буров, 1986) было высказано предположение о возможном выделении на р. Вычегде особого локального варианта камской культуры (Косинская, 1997, с. 172). Напротив, Э.С. Логинова высказала сомнение в самостоятельности носителей камских гребенчатых традиций на р. Вычегде. По ее мнению, они являются частью населения, изготавливавшего посуду гибридного типа позднего неолита (Логинова, 1989). С этой точкой зрения соприкасается мнение И.В. Верещагиной, которая полагала, что наиболее ранними памятниками средневычегодского варианта печоро-двинской культуры могли быть стоянки с камской гребенчатой керамикой (Верещагина, 1989, с. 18; Верещагина, 2010, с. 55, 56). Сомнения исследователей понятны, поскольку керамика камского культурного типа была выявлена в то время фрагментарно в составе коллекций иной культурно-хронологической принадлежности. Однако после раскопок Л.Л. Косинской «чистого» комплекса Б стоянки Кочмас на нижней Вычегде и публикации их результатов в 1991 г. эти взгляды были подвергнуты конструктивной критике (Косинская, 1991, с. 16).

В части взглядов на календарную хронологию памятников камской культуры характерна тенденция к ее удревнению. Если в 1991 г. Л.Л. Косинская относила комплекс Кочмас Б к концу IV – началу III тыс. до н. э. (Косинская, 1991, с. 16), то в 1997 г. – уже к концу V – первой половине IV тыс. до н. э. (Косинская, 1997, с. 159). Еще в 1988 г. Л.Н. Наговицын попытался обосновать на материалах стоянок Усть-Шижма (р. Вятка, Кировская область), Кабы-Копрынская (р. Свияга, Республика Татарстан) и Зиарат (р. Белая, Республика Башкортостан) выделение древнейшего пласта камской неолитической культуры, относящегося к раннему неолиту (Наговицын, 1988). Первая попытка пересмотра взглядов на хронологию памятников камской неолитической культуры в Прикамье состоялась в 2001 г. Здесь А.Ф. Мельничуку удалось выделить группу памятников с переходными от мезолита к неолиту индустриями. На основании совместного залегания каменного инвентаря мезолитического облика и фрагментов камской гребенчатой керамики на стоянке Усть-Букорок и Мокино сделан вывод о ранненеолитическом возрасте памятника. При этом такая возможность только допускалась А.Ф. Мельничуком и его соавторами, надежды возлагались на получение новых источников (Мельничук и др., 2001, с. 159, 160). Немногим позднее высказанным ими предположениям нашлось подтверждение на Вычегде, где в ходе изучения уникального контекста местонахождения Пезмог IV (рис. 3) в начале 2000-х гг. была получена серия валидных радиоуглеродных датировок по различным образцам, позволяющая датировать время отложения куль-

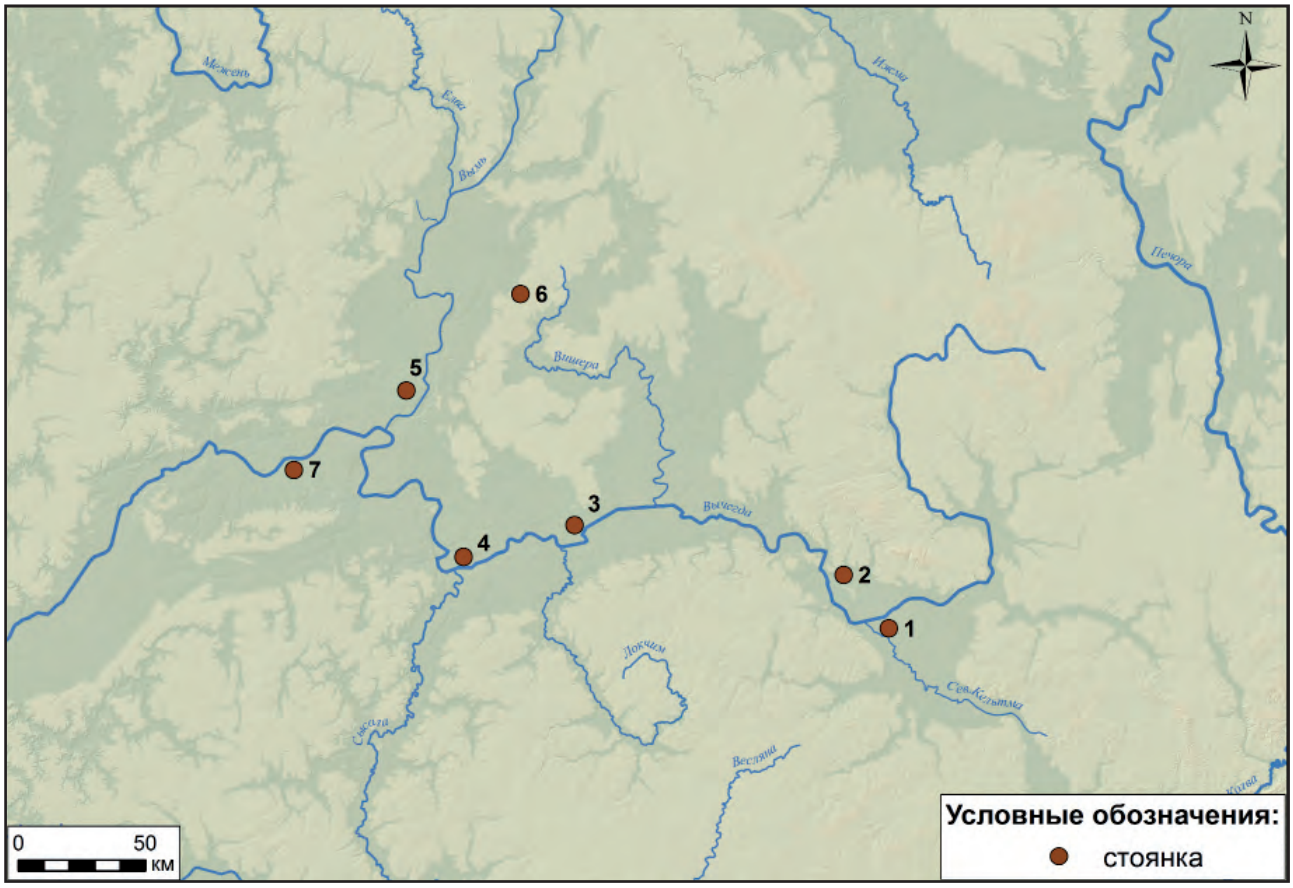

Рис. 1. Карта памятников камской неолитической культуры в бассейне р. Вычегды:
Стоянки: 1 – Себъяг I; 2 – Усть-Кулом I; 3 – Пезмог IV; 4 – Эньты V; 5 – Ниремка I (пункт 6); 6 – Вис I, II и III; 7 – Кочмас Б

турных остатков на памятнике в пределах первой половины VI тыс. до н. э. Таким образом, впервые удалось обосновать возможность ранненеолитического возраста по крайней мере части памятников камской неолитической культуры (Волокитин и др., 2006; Karmanov et al., 2014). Учитывая отмеченное еще О.Н. Бадером зауральское влияние на формирование камской культуры, последующим подтверждением древности гребенчатых керамических традиций явились результаты изучения Л.Л. Косинской памятников типа Ет-то I (бассейн р. Надым, Ямало-Ненецкий АО) и городища Амня I (р. Казым, Ханты-Мансийский АО) с аналогичными материалами (Косинская, 2014).

Распространение 11 памятников камской культуры в регионе ограничено преимущественно долиной р. Вычегды (рис. 1). Кроме того, обломки керамических сосудов присутствуют в коллекциях поселений Вис I, II, III (оз. Синдор, Республика Коми) (Буров, 1967, с. 69, 70). К западу от изучаемого региона единичные фрагменты сосудов камской культуры выявлены в бассейне р. Пинеги (правый приток р. Сев. Двины) на поселении Явроньга I у оз. Красный Окунь (Архангельская область) (Буров, 1974, с. 51) и на р. Юг (исследования И.В. Гавриловой, данные приводятся по: Выборнов, 1992, с. 25).

Известные памятники камской культуры преимущественно занимают прикраевые участки надпойменных террас или их останцов, примыкающих к сегментам аллювия или старичным озерам (рис. 2). Культурные остатки приурочены к поверхностям, сформированным эоловыми процессами и занятым сосновыми борами и покрытым ягелем или слабо развитой лесной подстилкой. Исключение составляет местонахождение Пезмог IV, культуровмещающий слой которого представлен оторфованным суглинком и залегает на глубине 3,6–3,8 м под толщей аллювиальных отложений. Первобытное население «облюбовало» стрелку р. Вычегды и недавно образовавшейся старицы (рис. 3), о чем свидетельствует как нахождение культурного слоя в 10-сантиметровой толще органогенного оторфованного (типично старичного) суглинка, так и палеорусловые реконструкции.

В настоящее время 11 местонахождений керамической посуды камской культуры представлены исключительно местами пребывания – кратковременными стоянками. Стационарные базовые

Рис. 2. Стоянка Кочмас. Обзорная схема расположения

поселения и могильники в регионе не выявлены. Единственное жилое сооружение, изученное на поселении Ниремка I, представляет собой легкое наземное жилище площадью около 18 кв. м (Косинская, 1997, с. 170). В силу кратковременности функционирования мест пребывания на этих стоянках их коллекции включают немногочисленный инвентарь (табл. 1). Количество сосудов колеблется от одного до пяти. Наибольшее число керамических емкостей содержат материалы памятников многократного заселения Вис I, II и III. Однако в связи с их фрагментарностью представления о форме сосудов и их орнаментации крайне ограничены. Наибольшее представление о керамике камской культуры дают коллекции Кочмас Б и Пезмог IV. На остальных памятниках представлены единичные фрагменты венчиков или стенок, позволяющих лишь зафиксировать следы пребывания населения камской культуры в том или ином месте. Ограниченные представления о каменной индустрии дают нам материалы стоянок Кочмас Б и Ниремка I (пункт 6).

Хронология местонахождений камской культуры в силу отсутствия геохимических условий для сохранности органических материалов на большинстве стоянок основана на принципе синхронизации сходных явлений. Исключение составляет местонахождение Пезмог IV. В результате изучения этого памятника были получены даты по нагару на внутренней поверхности сосуда – 6820±70 C^{14} л. н. (ГИН-11915), по фрагментам древесных углей – 6730±50 C^{14} л. н. (ГИН-12322), по культуровмещающим отложениям – 6760±50 C^{14} л. н. (ГИН-12324) и 6870±40 C^{14} л. н. (ГИН-14202). В калиброванных значениях они соответствуют наиболее вероятному периоду 5840–5610 гг. до н. э. или второй четверти VI тыс. до н. э.

Таким образом, в регионе находится всего три опорных для изучения камской культуры комплекса – Кочмас Б, Ниремка I (пункт 6), Пезмог IV. Остальные материалы, представленные обломками керамической посуды, лишенной контекста на многокомпонентных памятниках, могут быть использованы для картографирования свидетельств пребывания носителей камской культуры в регионе и общей характеристики керамики.

Наиболее информативны керамическая коллекция стоянки Кочмас Б (Косинская, 1991, с. 10, 12; Карманов, 2008, с. 44) и реконструированный сосуд местонахождения Пезмог IV (Волокитин и др.,

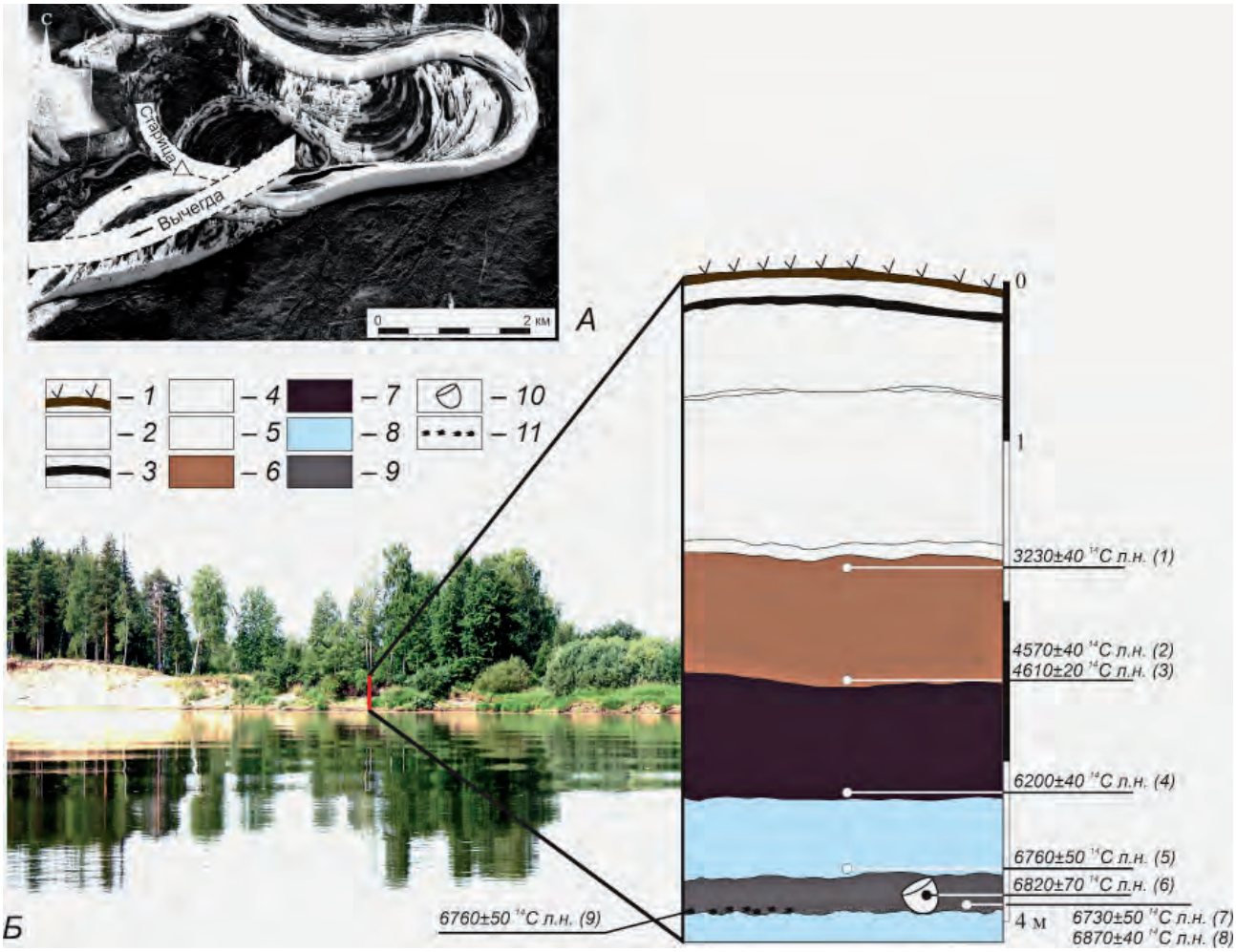

Рис. 3. Местонахождение Пезмог IV.

А – обзорная схема расположения и палеорусловая реконструкция положения компонентов ландшафта в раннем неолите; Б – вид на обнажение террасы и прилегающей к ней поймы и стратиграфия разреза и результаты радиоуглеродного датирования:

1 – почвенно-растительный слой; 2 – песок (результат паводков); 3 – погребенная почва; 4 – супесь; 5 – суглинок; 6 – торф; 7 – суглинок с низким содержанием торфа; 8 – глина; 9 – суглинистый торф с песком (культуровмещающие отложения); 10 – фрагменты керамического сосуда; 11 – фрагменты древесного угля.

Радиоуглеродные даты: №№ 1-5, 7, 8 датированы слагаемые разреза; 6 – нагар с внутренней поверхности сосуда; 9 – древесный уголь из культуровмещающих отложений

1998, с. 34–36; Карманов, 2008, с. 44, 45). Общими признаками посуды обоих памятников (рис. 5, 6) являются: полуяйцевидная слегка закрытая форма сосудов; венчик с прямым торцом и внутренним наплывом; состав формовочной массы (глина, шамот и органика); приемы обработки поверхности (заглаживание и лощение); применение в качестве элемента орнаментации исключительно гребенчатых оттисков различной длины с косым зубцом; сплошное заполнение орнаментального поля, а также общая ритмика орнамента: чередование горизонтальных рядов слабовдавленных разнонаклоненных оттисков зубчатого штампа и использование в качестве разделителей угловых вдавлений тех же оттисков или горизонтальных поясов, образованных многократным переносом зубчатого орнаментира. Отличия заключаются в присутствии на одном из сосудов стоянки Кочмас Б двойного гребенчатого зигзага, а на сосуде местонахождения Пезмог IV – приема нанесения гребенчатых оттисков на уже орнаментированную поверхность.

Каменный инвентарь стоянки Кочмас Б состоит из 429 предметов из кремня и 38 – из некремневых пород (рис. 7: 2, 4, 5, 7, 9, 10, 12–16) (Косинская, 1991, с. 12–15; Карманов, 2008, с. 43, 44).

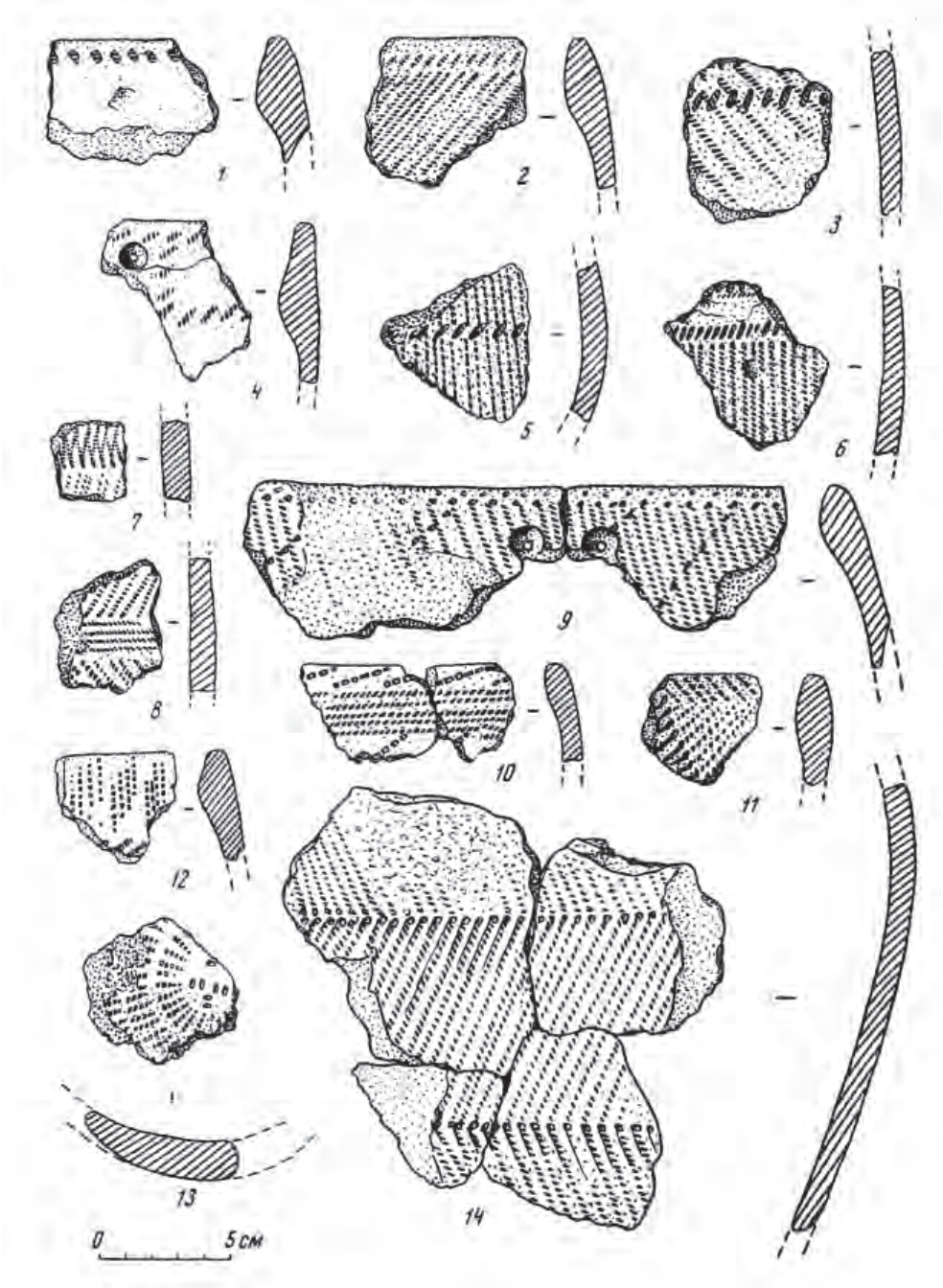

Рис. 4. Вис I (1-12, 14) и Вис III (13).
Фрагменты керамических сосудов (по: Г.М. Буров, 1967, табл. III)

В качестве сырья для изготовления кремневых орудий использован кремень светло-серых и красноватых оттенков. Из 36 орудий 27 изготовлено на отщепах, шесть – на пластинчатых сколах, заготовка двух орудий не определена. Орудийный набор представлен скребками, скобелями, остриями и морфологически невыраженными изделиями с ретушью. Единственный в коллекции наконечник дротика или копья – двусторонне обработанное орудие иволистной формы с правильным линзовидным сечением (рис. 7: 7).

Изделия из некремневых пород камня представлены отбойником из плоской кварцитовой (?) гальки, двумя фрагментами массивных кусков песчаника (?) с пришлифованными поверхностями, абразивной плитой, подвеской из округлой плоской гальки со сквозным отверстием в центре (рис. 7: 12), отщепами и осколками из мягких пород камня. Некоторые из них несут участки пришлифованных поверхностей. Шлифованные изделия представлены обломками трех рубящих орудий: с линзовидным сечением и асимметрич-

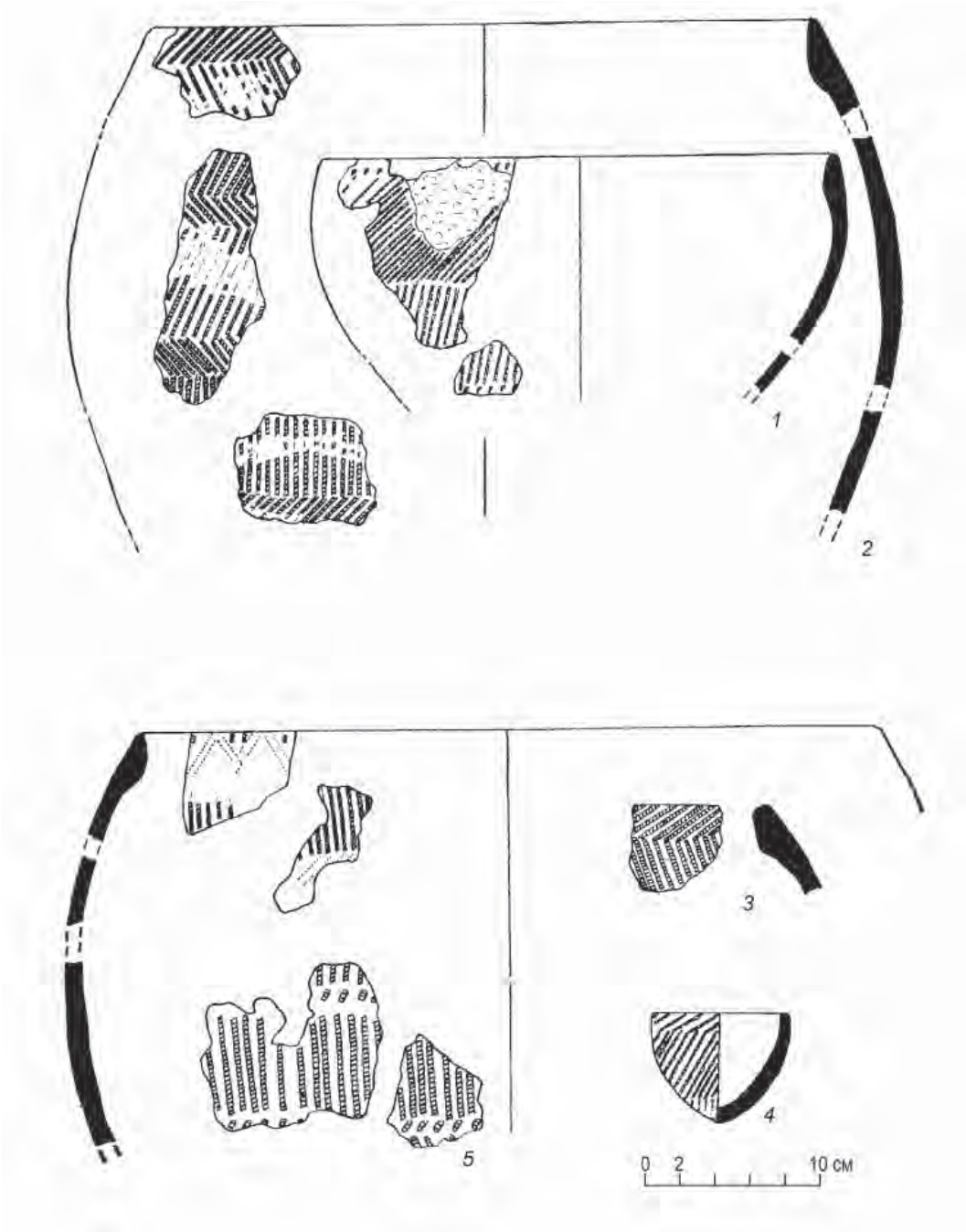

Рис. 5. Кочмас Б. Керамические сосуды
(по: Л.Л. Косинская, 1991, рис. 4)

ным профилем подпрямоугольной и трапециевидной форм (рис. 7: 13). Третье орудие – миниатюрная стамеска (?) (рис. 7: 10). Еще одно изделие представлено орнаментиром – гребенчатым штампом, оформленным поперечными нарезками на ребре плоской гальки (рис. 7: 14).

Невыразителен и каменный инвентарь жилища стоянки Ниремка I (пункт 6), включающий 67 предметов, среди которых всего девять орудий: ножи, комбинированные орудия (ножи, совмещенные в одном случае со скобелем, в другом – со скребком), насад наконечника стрелы – неполного бифаса, пластина с двумя противоположными выемками и долотце из некремнёвой породы с частично шлифованной поверхностью (рис. 7: 1, 3, 6, 8, 11).

Каменную индустрию этих стоянок в силу малочисленности и аморфности детально охарактеризовать затруднительно: в ней нет явных свидетельств специализации индустрии на получение серийных сколов-заготовок (отщепов или пластин определенного вида), ни ее направленности на

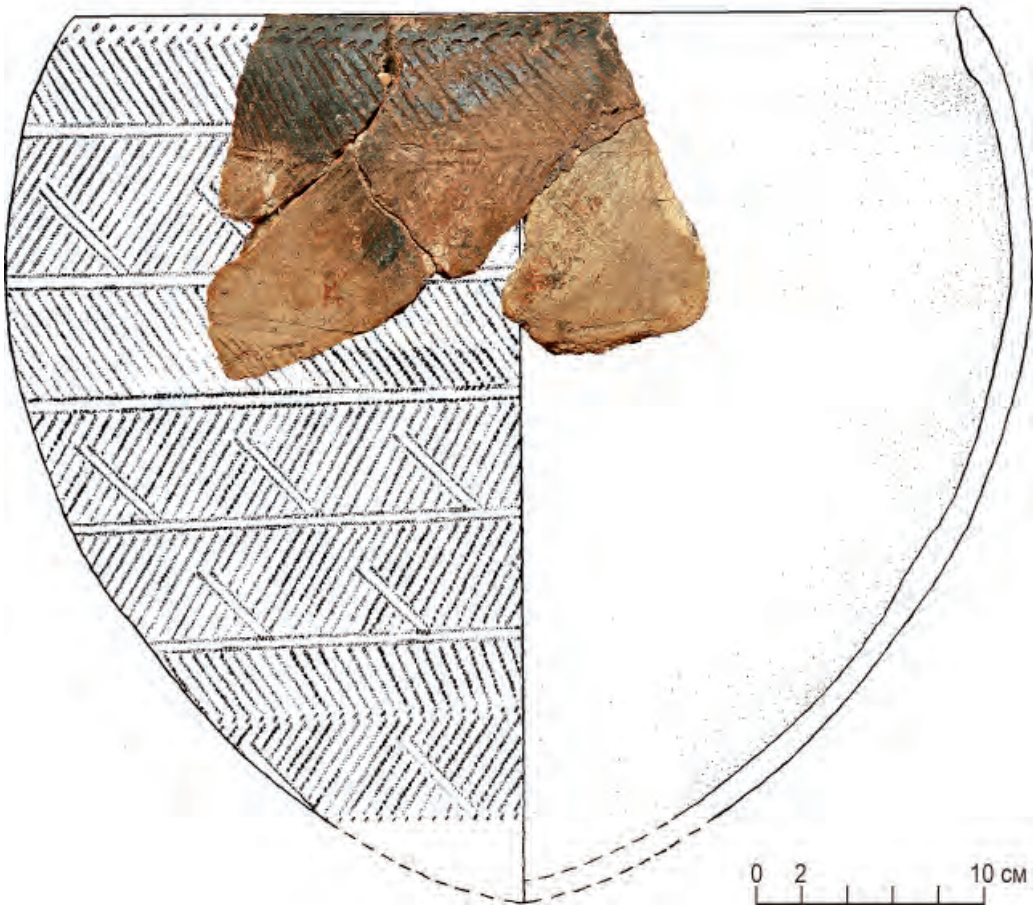

Рис. 6. Пезмог IV. Керамический сосуд (реконструкция)

производство тонких бифасов. Из-за этого затруднено сравнение каменного инвентаря неолитических памятников европейского Северо-Востока и Прикамья. Кроме того, каменные индустрии опорных памятников Хуторская и Боровое Озеро I базируются частично на специфическом сырье – плитчатом кремне, что обусловливает и особенности его обработки.

В ходе изучения керамики памятников бассейнов Вычегды и Камы обращает на себя внимание сходство по следующим показателям: в морфологии посуды (полуяйцевидные сосуды закрытой формы, венчик с внутренним наплывом), технологии ее изготовления (примесь шамота, заглаживание поверхности) и орнаментации (горизонтально-зональное строение гребенчатого орнамента, наложение оттисков штампа на ранее нанесенный орнамент, слабо вдавленные оттиски). Однако имеются и отличия. Орнаментальные композиции на «северной» керамике не так разнообразны и сводятся преимущественно к чередованию зон разнонаклоненных оттисков «гребенки» и горизонтальных гребенчатых поясков. Сами оттиски также однообразны. Техника нанесения орнамента сводится к приемам штампования, тогда как на прикамской керамике большая доля сосудов украшена в технике «шагания». Чем обусловлена однородность керамики вычегодских стоянок? Возможны два варианта объяснения: либо кратковременным существованием на европейском Северо-Востоке населения, изготавливавшего эту посуду, либо недостаточной изученностью региона.

Таким образом, современные данные изучения памятников камской неолитической культуры указывают на то, что бассейн р. Вычегды являлся северной периферией территории этой культуры. Наиболее вероятно, что смежные территории бассейнов Камы и Вычегды были тесно связаны по сравнительно узким водоразделам. Кроме того, исследования последних лет позволили заполнить лакуну между вычегодским и камскими бассейнами: были выявлены памятники в Северном Прикамье, содержащие информативные материалы хуторско-боровоозерского этапа и перспективные для дальнейших исследований (Мельничук и др., 2018).

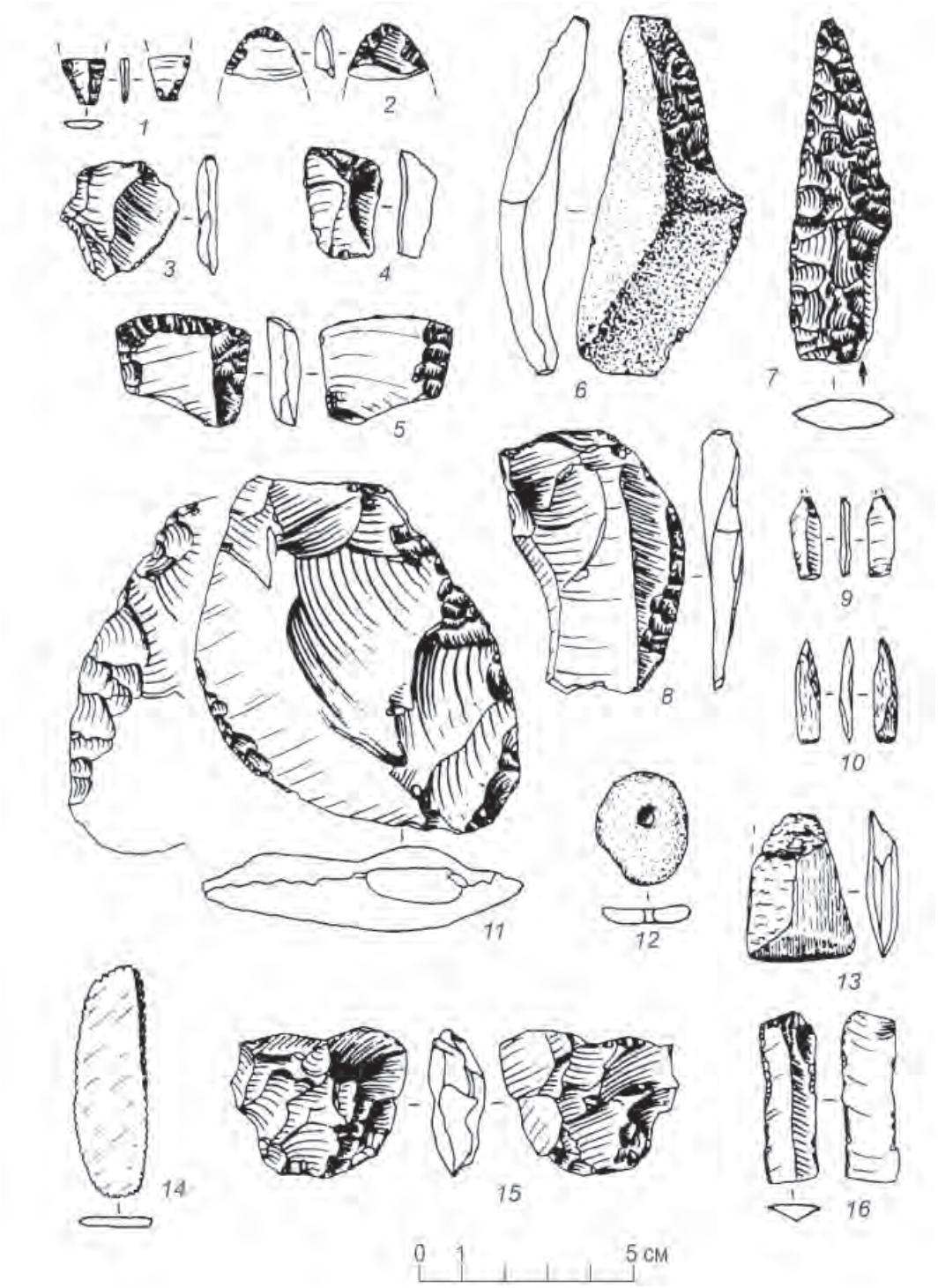

Рис. 7. Каменный инвентарь памятников камской культуры:
1, 3, 6, 8, 11 – Ниремка I (пункт 6); 2, 4, 5, 7, 9, 10, 12-16 – Кочмас Б (по: Л.Л. Косинская, 1997, рис. 11)

ГЛАВА 8
ЛЬЯЛОВСКАЯ КУЛЬТУРА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

Единичные находки фрагментов керамической посуды с ямочно-гребенчатой орнаментацией впервые были выявлены на европейском Северо-Востоке в первой половине 1950-х гг., когда к памятникам «волго-окского типа» были отнесены местонахождения в Большеземельской тундре (Фосс, 1952, с. 139; Чернов, 1956). В 1955 г. изучение коллекции недокументированных предметов, собранных вблизи г. Нарьян-Мар, позволило Н.Н. Гуриной прийти к выводу о переселении носителей ямочно-гребенчатой керамики из Волго-Окского междуречья в низовья р. Печоры (Гурина, 1957). Чуть позднее в 1959–1964 гг. в результате раскопок многокомпонентных памятников Вис I, II и III (вблизи оз. Синдор, Республика Коми) Г.М. Бурову удалось получить первые информативные коллекции ямочно-гребенчатой керамики. Исследователь выделил их в особый волго-окский культурно-хронологический тип, указав этим на источник происхождения носителей этой посуды (Буров, 1967, с. 166). В 1969–1973 гг. география комплексов этого типа расширилась благодаря раскопкам В.Е. Лузгина на памятниках неоднократного заселения Пижма I и II (оз. Ямозеро, Республика Коми), Ружникова и Кыско (оз. Косминские, Ненецкий АО). В.Е. Лузгин также предложил еще один источник происхождения носителей ямочно-гребенчатой посуды на европейском Северо-Востоке – Среднее Поволжье, с которым он связал появление в регионе выделенного им балахнинского типа посуды (Лузгин, 1973, 1973а). Дальнейшее накопление материалов по проблематике т. н. «ямочно-гребенчатой культурно-исторической общности» связано с исследованием жилищных комплексов и стоянок, изученных преимущественно в среднем течении Вычегды (Логинова, 1977; 1978; 1989; Карманов, 2008, с. 45–54) и в гораздо меньшей степени на реках Мезени и Выми (Стоколос, 1977; Косинская, 1982).

Несмотря на разногласия исследователей в вопросе об источниках происхождения, развитии и дальнейшей судьбе носителей ямочно-гребенчатых традиций, в основе высказанных точек зрения лежали два подхода. Г.М. Буров и И.В. Верещагина придерживались концепции сегментации, предложенной для неолита центра Русской равнины А.Я. Брюсовым (Брюсов, 1952, с. 9–11). Согласно ей, от коллектива отделяется группа избыточного для этого региона населения, которая мигрирует на соседнюю территорию, где она может занять неосвоенное пространство или вступить в контакт с другими коллективами. Так, по мнению Г.М. Бурова, появление памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на европейском Северо-Востоке было связано с крупным продвижением племен из Волго-Окского междуречья. На востоке эти племена встретились с камскими, и граница их расселения наметилась в Казанском Поволжье, Вятском и Вычегодском бассейнах. В последних двух пограничных районах сформировалась своеобразная вычегодско-вятская культура (Буров, 1967, с. 167). И.В. Верещагина также объясняла культурогенез в неолите региона передвижениями различных групп населения из Волго-Окского междуречья, Среднего Поволжья и Прикамья в слабо заселенные территории крайнего Северо-Востока Европы и их дальнейшими контактами и взаимной ассимиляцией. Причем этот «процесс был почти одновременным и достаточно быстрым» (Верещагина, 2010, с. 51).

В 1997 г. Л.Л. Косинская предложила концепцию «единого культурного пространства (культурного мира), пронизанного разнообразными и разнонаправленными связями, посредством которых осуществляется передача культурных инноваций» (Косинская, 1997, с. 185). Источники происхождения различных групп неолитического населения на ЕСВ она пытается найти в самом регионе. Культурные трансформации объясняются, на ее взгляд, взаимодействием с коллективами более южных районов, связь с которыми налажена еще с эпохи мезолита. Так, Л.Л. Косинская поставила под сомнение роль миграционного фактора в появлении балахнинских традиций на севере: этот процесс мог протекать в различных регионах конвергентно, при участии местного населения с накольчатыми традициями в орнаментации керамики (Косинская, 1997, с. 175). Она выделяет на памятниках с ямочно-гребенчатой посудой разные орнаментальные группы керамики (ямочно-гребенчатую, ямочно-шнуровую и т. д.), которые принадлежали «различным в культурном отношении, хотя и род-

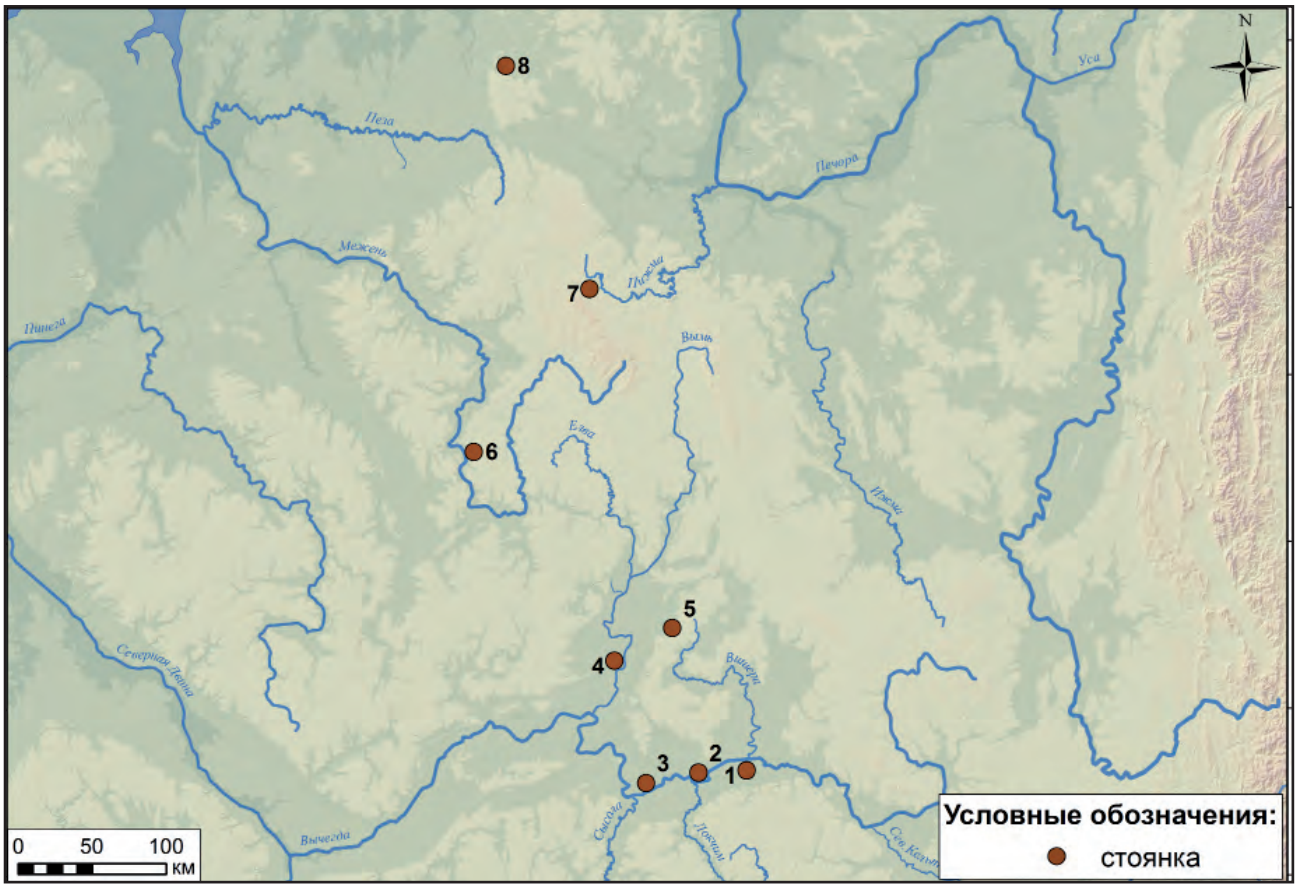

Рис. 1. Карта памятников льяловской культуры на европейском Северо-Востоке:
Стоянки: 1 – Вад I; 2 – Пезмогты 1, 3, 4, 5; 3 – Эньты IБ, III, IV, VI; 4 – Половники II; 5 – Вис I и II; 6 – Кыстыръю; 7 – Пижма II; 8 – Ружникова

ственным, группам древнего населения» (Косинская, 1997, с. 174, 175). Ею также отмечено, что хронология памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на европейском Северо-Востоке не разработана, а вопрос генезиса населения, оставившего их, отнесен к числу нерешенных (Косинская, 1997, с. 186).

Несмотря на различия в рассмотренных концепциях, для данных авторов характерна убежденность в том, что начиная с мезолита регион в той или иной мере был постоянно заселен человеком, поэтому в исследованиях поднимались, например, такие проблемы, как причины чересполосного обитания населения разных культур на одной территории (Буров, 1993; Косинская, 1997, с. 185).

В 2008 г. В.Н. Карманов, опираясь на концепцию льяловской культуры, предложенную В.В. Сидоровым (Сидоров, 1998; 2009, с. 160–163), попытался доказать, что генезис носителей гребенчато-ямочной керамики на европейском Северо-Востоке связан с миграцией небольших коллективов льяловской культуры. При этом высказано мнение о возможности выделения «протольяловского» пласта на средней Вычегде и поставлена под сомнение правомерность выделения в позднем неолите культуры гибридной или синкретической керамики на основе имеющихся источников (Карманов, 2008, с. 70, 71).

В настоящее время памятники льяловской культуры на ЕСВ выявлены на всей территории региона, включая Большеземельскую тундру. Однако распространение наиболее выразительных из них ограничено на северо-востоке Тиманским кряжем, а основная масса концентрируется на средней Вычегде и вблизи водораздельных озер (памятники у оз. Синдор, Ямозеро, Косминские) (рис. 1). Выделяются памятники, состоящие из одного-пяти жилищ или обособленных скоплений, расположенных преимущественно на средней Вычегде (рис. 2, 3) и лишь по одному на рр. Выми и Мезени. Всего к настоящему времени изучены 15 сооружений площадью от 9 до 100 кв. м (рис. 3А, 4). Как правило, это слабоуглубленные постройки прямоугольной в плане формы. Выделяются малые округлые в плане жилища Вад I и Пезмогты 3Б, диаметром 3,0–3,5 м (Карманов, 2021).

Коллекции памятников льяловской культуры включают каменный инвентарь (рис. 5–7), фрагменты керамических сосудов (рис. 8, 9) и изделий (рис. 10), обломки кальцинированных костей. Их

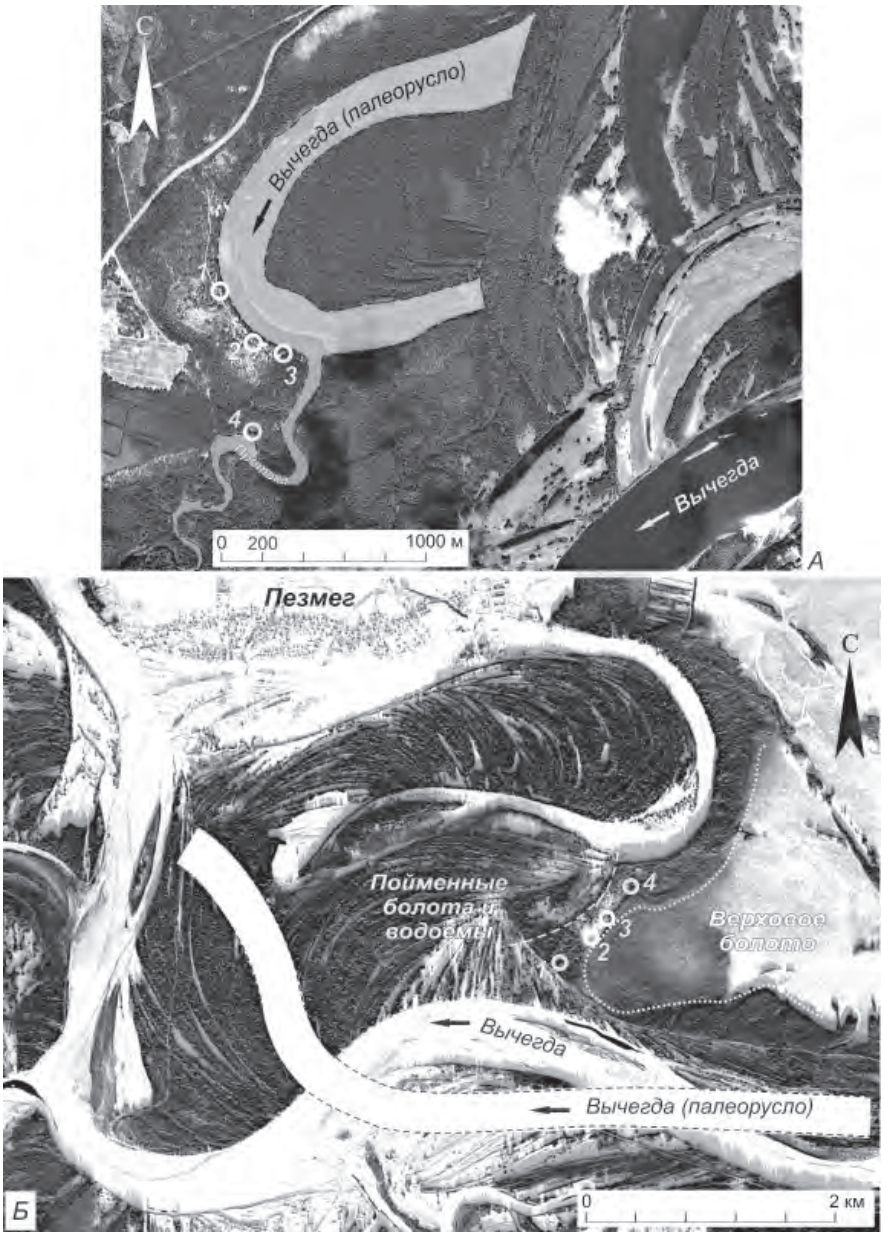

Рис. 2. Особенности расположения стоянок и палеогеографическая реконструкция синхронной им ландшафтной обстановки: А – Эньты I (1), III (2), IV (3), VI (4); Б – Пезмогты 1 (1), 3 (2), 4 (3) и 5 (4)

обобщенные количественные характеристики выглядят следующим образом. Число кремневых изделий колеблется от 180 до 5900 (без учёта чешуек), в среднем насчитывает 1000–1500 предметов. При этом количество орудий на комплекс составляет от 20 до 330, а сосудов – от одного до 20 при среднем показателе 5–10. Особенности культуровмещающих отложений и распределения находок на плане позволяют утверждать, что все изученные жилища функционировали в течение непродолжительного времени, возможно, одного сезона. Интересен в этом случае пример топографии комплексов Пезмогты 1, 3, 4 и 5, расположенных в неглубоких межгривных понижениях у подножия эоловых дюн, укрывавших их от открытого пространства (рис. 2Б, 3Б).

Первые попытки реконструкции палеоландшафтов, синхронных неолитическим памятникам, показали, что они располагались вблизи болота на удалении от русла реки и полноценных водоемов. Это в совокупности с данными о пространственном распределении находок, отношении к сырью (переоформление утилизированных орудий) может свидетельствовать об их функционировании в холодный (зимний) период. Напротив, памятники, расположенные в настоящее время у старичного оз. Эньты, в неолите были приурочены к руслу р. Вычегды вблизи устья протоки (рис. 2А).

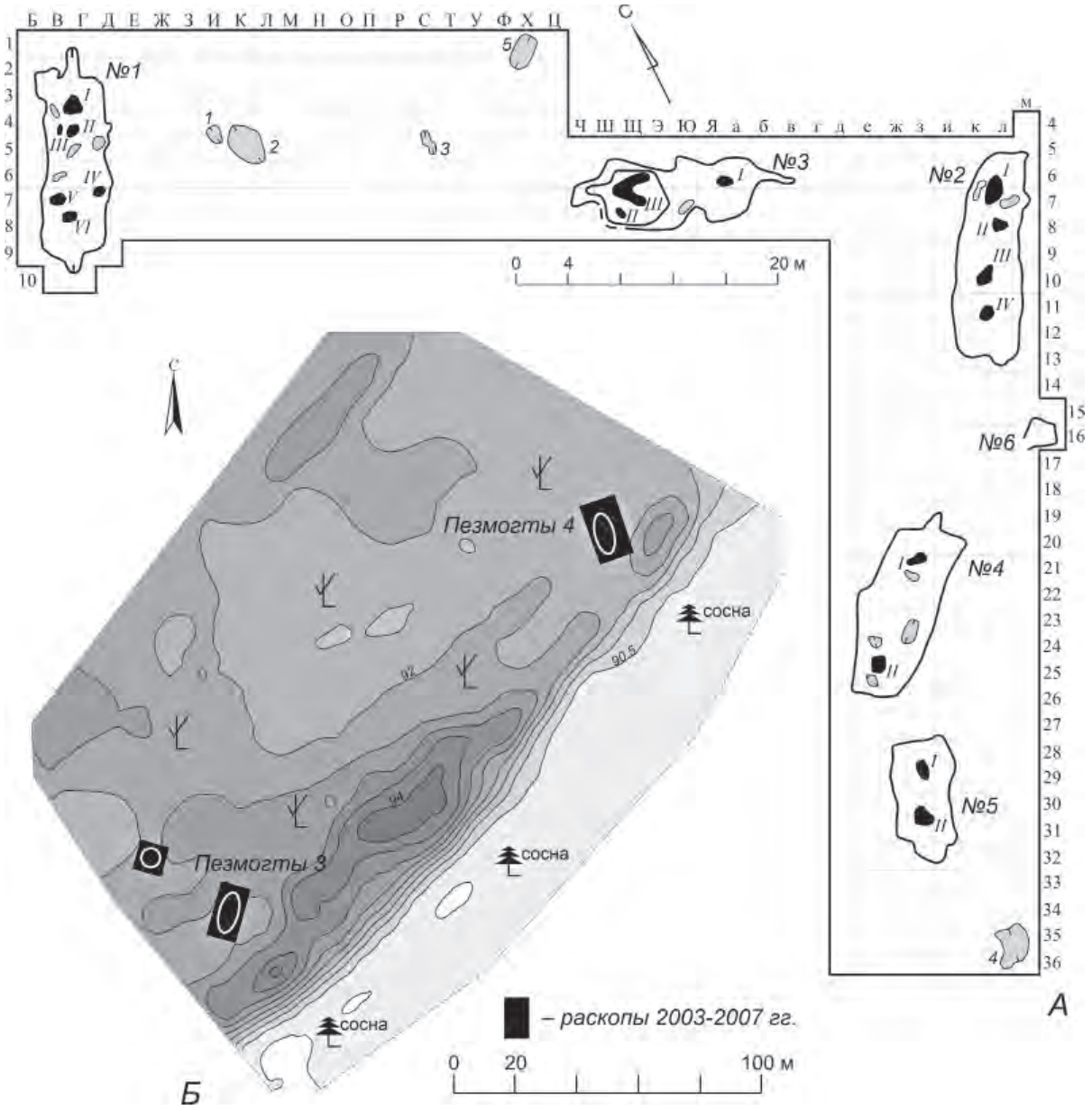

Рис. 3. Планировка жилищ на стоянках:
А – Эньты III, жилища №№ 1-5; Б – (Пезмогты 1, 3 и 4)

Свидетельства специализации поселений льяловской культуры на ЕСВ не выявлены. Единственным исключением может являться кремнеобрабатывающая мастерская Половники II, располагавшаяся у источников сырья, но и здесь обнаружены фрагменты керамических сосудов, орудия из кремня и фрагменты костей животных. Как правило, первобытными коллективами на одном месте велась разнообразная хозяйственная деятельность. Например, морфологический и функциональный анализ кремневых орудий стоянки Пезмогты 3А показал, что здесь происходила смена орудийных наборов, обусловленная потребностью в тех или иных орудиях (Карманов, Галимова, 2017). Так, большая часть скребков и ножей была намеренно фрагментирована и отдельные части поломанных орудий использовались в качестве резцов и скобелей по твердому материалу, возможно, кости. Фаунистические остатки представлены сравнительно многочисленными фрагментами кальцинированных костей северного оленя, лося, бобра. Все это указывает на немедленное потребление продуктов охоты и их переработку.

Проведенная автором оценка численности населения этой группы памятников на основе анализа известных жилищных комплексов (Карманов, 2008, с. 76, 77) позволила сделать вывод о том,

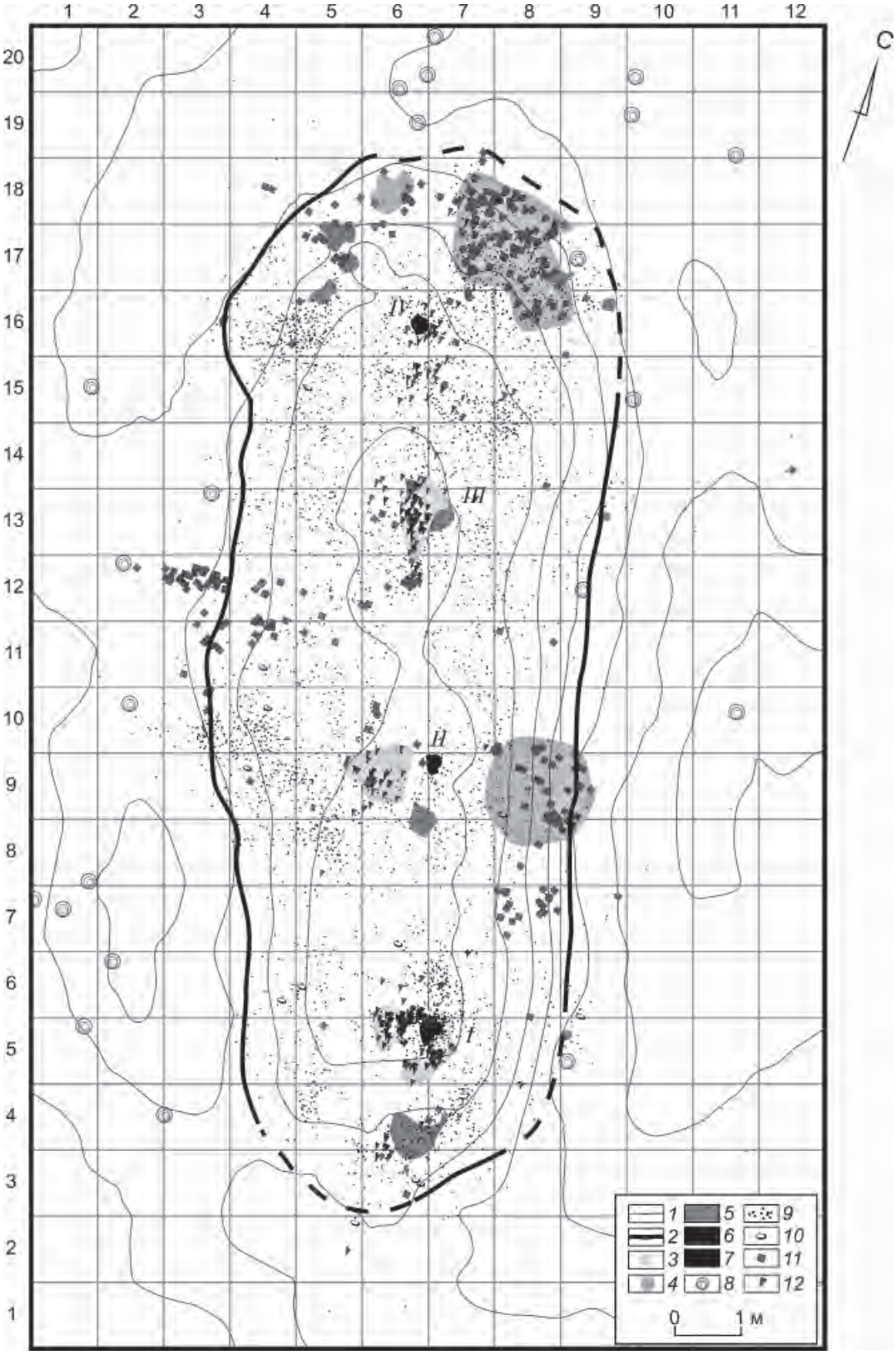

Рис. 4. Пезмогты 5. Сводный план находок и следов компонентов жилой структуры:

1 – горизонтали современного рельефа впадины; 2 – границы котлована жилища; 3 – скопления обломков кальцинированных костей; 4 – скопления фрагментов керамики (развалов сосудов); 5 – пятна прокала; 6 – пятна бурой супеси; 7 – пятно углистой супеси; 8 – современные деревья; 9 – археологические предметы; 10 – галька, валун, плитка; 11 – фрагмент сосуда; 12 – обломок кости. I-IV – следы очагов

что бассейн Вычегды в среднем неолите могла населять группа от 70 до 220 чел. Однако примененные методики не учитывают фактор времени и то, что часть жилищ могла быть оставлена одной группой населения. Например, В.В. Сидоров при расчетах численности позднельяловского населения Волго-Окского междуречья пришел к выводу, что территорию Подмосковья площадью 100 тыс. кв. км могло одновременно населять до 42 групп общей численностью 2–2,5 тыс. чел. (Сидоров, 2009, с. 71–78). Сравнение этих данных по памятникам обоих регионов показывает их значительную разницу.

Отдельного внимания заслуживают памятники вблизи водораздельных озер. Из них наиболее полно изучены и опубликованы материалы поселений Вис I, II и III (Буров, 1967), Пижма II и Ружникова (Лузгин, 1973; 1973а). И если по материалам вышеописанных стоянок мы можем судить о том, что пребывание населения на них было кратковременным, то коллекции многокомпонентных памятников неоднократного заселения не дают нам возможности достоверно судить об этом. Существовали ли здесь долговременные поселения носителей гребенчато-ямочных традиций или это места многократного посещения небольших по площади участков, мы в настоящее время сказать не можем.

Каменная индустрия памятников с гребенчато-ямочной керамикой на ЕСВ однообразна (рис. 5–7). Она базируется прежде всего на изготовлении орудий из кремня, а изделия из некремнёвых пород – сланцев, туфов, алевролитов, песчаников, кварцитопесчаников и т. п. – сравнительно малочисленны и, как правило, составляют не более 1% от общего числа предметов из камня. Технология расщепления кремня характеризуется производством двусторонне обработанных изделий (рис. 5), конкретнее, вторичным бифасиальным утончением. Основная масса продуктов расщепления, среди которых диагностируются преимущественно бифасы на различных стадиях расщепления, сколы бифасиального утончения, снятия межнегативных ребер, связана с этой технологией. Нуклеусы для создания сколов определенного вида в коллекциях отсутствуют. Этому соответствует значительная вариативность морфометрии пластин: серии стандартных снятий этого типа не обнаружены (рис. 7: 11–17). Это объясняется тем, что они являлись побочным продуктом в рамках бифасиального расщепления на разных его стадиях: скалывания крупных отщепов для преформ бифасов, их дальнейшего утончения и удаления межнегативных ребер на их поверхности. Отсюда вытекает то обстоятельство, что их отбор для дальнейшей вторичной обработки носил ситуативный характер, и поэтому их доля в каменных инвентарях разных контекстов непостоянна (от 1,5 до 5,5%).

В рамках бифасиального расщепления на памятниках льяловской культуры производились наконечники стрел и ножи (рис. 5), гораздо реже – перфораторы. Обоюдоострые наконечники стрел имели ромбовидную или близкую к ней асимметричную форму (рис. 5: 1–6), реже листовидную форму (рис. 5: 7, 8), единично представлен наконечник с выделенным противолежащими выемками насадом (рис. 5: 9). Ножи в целом однотипны и представлены тонкими бифасами асимметричной в плане формы, близкой к миндалевидной (рис. 5: 10–16), в некоторых случаях с выступом на пятке (рис. 5: 13–15). Инвентари стоянок Пезмогты 1, 3, 4 и 5, Кыстыръю и др. отличает применение тепловой обработки кремнёвых изделий для их подготовки к дальнейшему расщеплению. Еще одной особенностью каменной индустрии является интенсивное использование техники резцового скола: число резцов различных типов в инвентарях некоторых памятников превышает количество скребков и других морфологически выраженных орудий (рис. 6; 7: 1–3).

Комплексы Пезмогты 1, 3–5 объединяет интенсивное использование поперечной намеренной фрагментации кремнёвых предметов (рис. 6: 1, 2, 8; 7: 4), в т. ч. утилизированных орудий, направленной на получение новых основ для орудий (Карманов, Галимова, 2017). Указанные особенности каменной индустрии памятников ЕСВ практически полностью соответствуют таковым поселений льяловской культуры в интерпретации В.П. Левенка (Левенок, 1965) и В.В. Сидорова (напр.: Сидоров, 1997).

В коллекциях памятников льяловской культуры на ЕСВ определенно выделяются две сопряженные группы керамической посуды. Первая представлена жилищными комплексами Эньты IБ, Эньты III (жил. № 2 и 4, возможно № 5), Вад I (жил. 1) (рис. 8). Вторая, более многочисленная группа памятников, включает стоянки Эньты III (жил. № 1, 3), VI, Пезмогты 1А и 1Б, 3А и 3Б, 4Б и 5 (средняя Вычегда), Половники II (р. Вымь) и Кыстыръю (р. Мезень) (рис. 9). Кроме того, представительные керамические коллекции, лишенные, однако, надежного контекста, получены на поселениях многократного заселения вблизи водораздельных озёр Синдор, Ямозеро (Республика Коми) и Косминских (Республики Коми, Ненецкий АО).

Керамику обеих групп объединяют значимые признаки в морфологии, технологии изготовления и принципах ее орнаментации. Она характеризуется ёмкостями открытой и закрытой форм

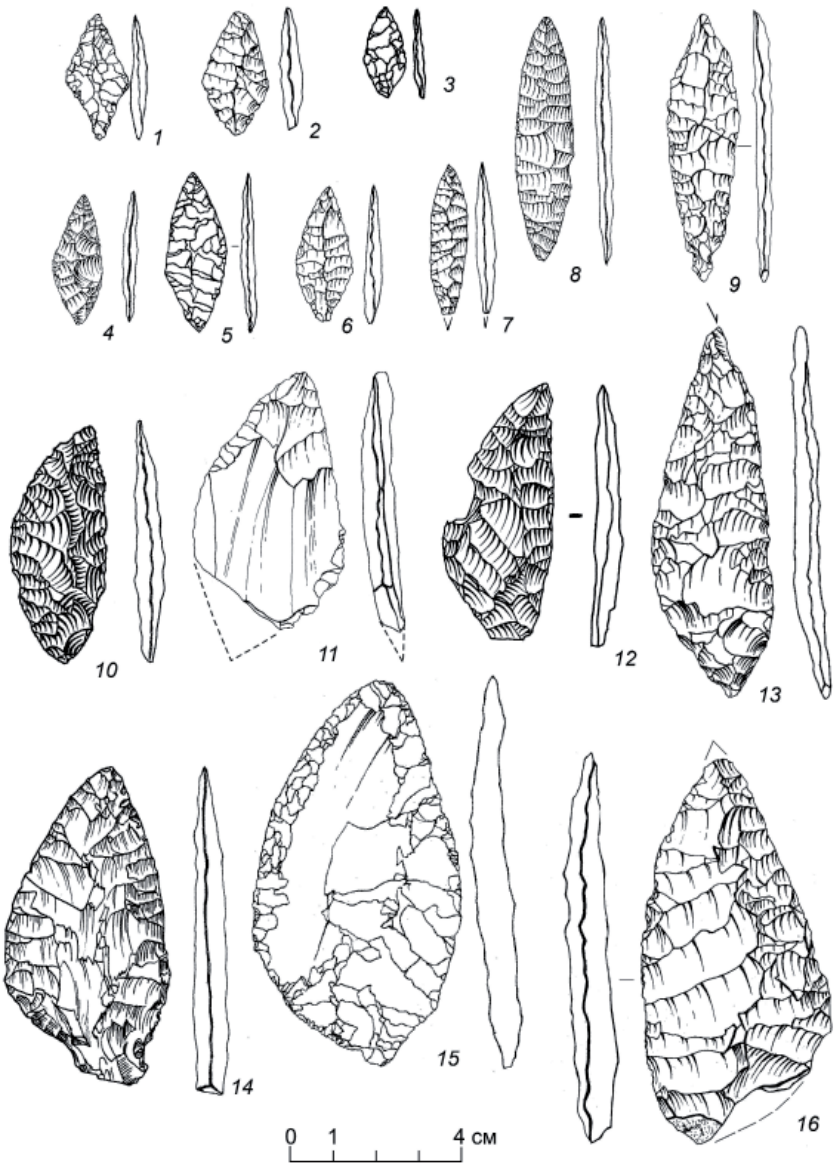

Рис. 5. Кремнёвые изделия. Наконечники стрел (1-9) и ножи (10-16):
1, 15 – Пезмогты 1А; 2, 10, 11, 14 – Эньты III (жилище № 2); 3, 12 – Эньты IБ; 6, 8 – Эньты III (жил. № 1); 9, 16 – Пезмогты 4Б; 5 – Пезмогты 3А; 4 – Эньты III (жил. № 4); 7 – Пезмогты 3Б; 13 – Эньты VI; 15 – Пезмогты 1Б

с округлым дном, крупных и средних размеров. Большинство комплексов включает миниатюрные сосуды. Форма венчика варьирует: найдены емкости с простыми венчиками с прямым срезом, а также с внутренним бортиком и внутренними налепами, как в виде наплыва, так и ребра. Вся посуда изготовлена из глины с добавлением дресвы, в меньшей степени органики. В числе нетрадиционных для льяловской культуры компонентов отметим венчики с внутренним наплывом.

Как правило, украшена вся поверхность сосуда. Сплошная орнаментация имеет строгое горизонтально-зональное членение и представлена двумя основными элементами: оттисками гребенчатого штампа и коническими ямками. Мотивы и композиции простые и представляют собой чередование горизонтальных зон гребенчатого декора, рядов ямок или вдавлений углом гребенки в качестве разделителей зон. Самым сложным мотивом является одинарный или парный зигзаг из оттисков гребенчатого штампа с ямками в вершинах.

Первую группу керамической посуды отличает орнаментация, нехарактерная для «классической» посуды льяловской культуры, а именно длинные (до 6 см) плотно поставленные оттиски косозубого гребенчатого штампа с незначительной долей ямок в декоре (рис. 8). Характерно также нанесение ямок поверх оттисков гребенки. При этом

Рис. 6. Намеренно фрагментированные кремнёвые изделия и резцы:
1, 3 – Эньты VI; 2, 9, 14 – Пезмогты 1А; 4-6 – Эньты III (жилище № 2); 7, 10 – Кыстыръю; 8, 12 – Пезмогты 3А; 11 – Эньты III (жил. № 1); 13 – Эньты IV; 15 – Эньты IБ

внешний вид сосудов этой группы однообразен и коллекции разных комплексов отличает лишь длина гребенчатых оттисков, их ориентация и комбинация зон. Выделяется комплекс жилища № 5 поселения Эньты III, где совместно обнаружены сосуд, орнаментированный в верхней части плотно поставленной косозубой гребенкой и рядом ямок в бордюрной зоне, и сосуды, украшенные только ямками (Карманов, 2008, рис. 65).

Во второй группе керамической посуды орнаментация и форма венчиков варьируют как в пределах комплексов, так и при сравнении их друг с другом (рис. 9). Так, для стоянок вблизи оз. Пезмогты характерны плотно поставленные сравнительно короткие оттиски гребенчатого штампа и имитация шнура, образованного, вероятно, многократным переносом короткого широкозубого штампа или перевитой палочки. Другой особенностью является манера нанесения орнамента, при которой верхний конец штампа вдавливается сильнее, чем нижний, образуя при этом невысокий карниз. Вариабельность в пределах комплекса выражается, например, в том, что совместно на полу одного жилища были найдены сосуд, орнаментированный ямками в комбинации с «шнуром», емкость с исключительно гребенчатым декором и керамика, украшенная в «классическом» для льяловской культуры гребенчато-ямочным стиле

Рис. 7. Скребки (1-10), в том числе переоформленные в резцы (1-3), намеренно фрагментированное орудие (4), пластины и орудия из них (11-17): 1, 5, 15 – Пезмогты 1Б; 2, 4, 12 – Пезмогты 3А; 3, 9, 13 – Эньты III (жилище № 5); 6, 7, 10 – Эньты VI; 8, 14 – Эньты III (жил. № 4); 11, 18 – Эньты III (жил. № 2); 16 – Эньты III (жил. № 1); 17 – Кыстыръю

(рис. 9: 3, 6, 7). Керамические коллекции памятников вблизи оз. Эньты отличает более разреженный гребенчатый орнамент, но вместе с тем более сложные комбинации мотивов из ямок, соединенных парными гребенчатыми оттисками и зигзагом. Здесь же, в жилище № 1 поселения Эньты III, выявлены сосуды с округлыми наколами (тычками), нанесенными в виде одинарных или тройных горизонтальных поясов, в одном случае частично перекрывающих пояс из оттисков гребенки (рис. 9: 1, 2). Единственный сосуд стоянки Эньты VI украшен исключительно угловыми вдавлениями гладкого штампа (Логинова, Карманов, 2005). Орнаментацию сосуда стоянки Кыстыръю отличает крайне редкий признак – оттиски гребенчатого штампа, нанесенного в технике «шагания» при сохранении прочих сугубо льяловских элементов (рис. 9: 4).

Единообразие каменной индустрии при наличии отличительных признаков в орнаментации керамической посуды в зависимости от территориального расположения указывает на формирование носителей гребенчато-ямочной керамики на ЕСВ из разных локальных вариантов льяловской культуры. При этом отмеченные особенности керамики ЕСВ могут свидетельствовать: 1) о наследовании признаков, приобретенных от предшествующей верхневолжской культуры (длинно-гребенчатая орнаментация, стиль нанесения декора и т. п.), указывая при этом на хронологию

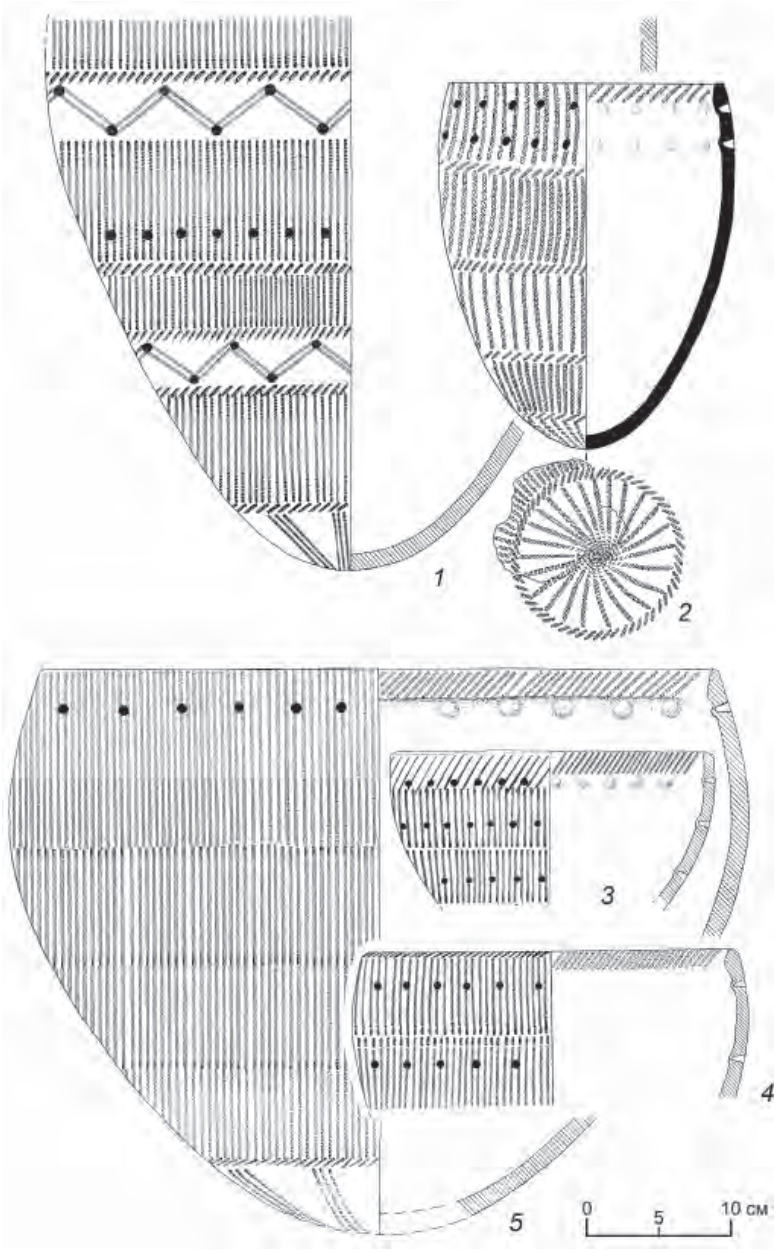

Рис. 8. Эньты III (жилище № 2). Керамические сосуды (реконструкция) (по: Э.С. Логинова, 1977)

комплексов; 2) о возможности наличия слабых, нестабильных и ситуативных социальных связей между синхронными коллективами в регионе и/или за его пределами. На правомерность первого положения указывает не только внешний облик керамики, но и данные стратиграфии многослойного поселения Вёкса III (Вологодская область). Здесь, в слое 8, занимающем промежуточное положение между гребенчато-накольчатой (слой 9) и гребенчато-ямочной (слой 7) керамикой, выявлена посуда с гребенчато-ямочной орнаментацией (второй гребенчатый комплекс по Н.Г. Недомолкиной), сопоставимая с сосудами стоянок Эньты IБ и Эньты III (жилища 2 и 4). Датируются сопровождающие их материалы периодом последней четверти VI – начала V тыс. до н. э. (5350–4930 гг. до н. э.) или 6220–6175 ^{14}C л. н. (Карманов, Недомолкина, 2015, табл. 1). Таким образом, этот тип посуды, вероятно, является не результатом взаимодействия, как предполагалось ранее, а может претендовать на роль переходного, указывая на трансформацию керамических традиций верхневолжской культуры в таковые льяловской культуры (Сидоров, 1998; 2009, с. 20, 21).

Памятники со второй группой гребенчато-ямочной керамики более уверенно сопоставляются с поселениями архаичного или раннего этапа льяловской культуры. Появление носителей льяловских традиций на северо-востоке Русской равнины, вероятно, связано с многократными

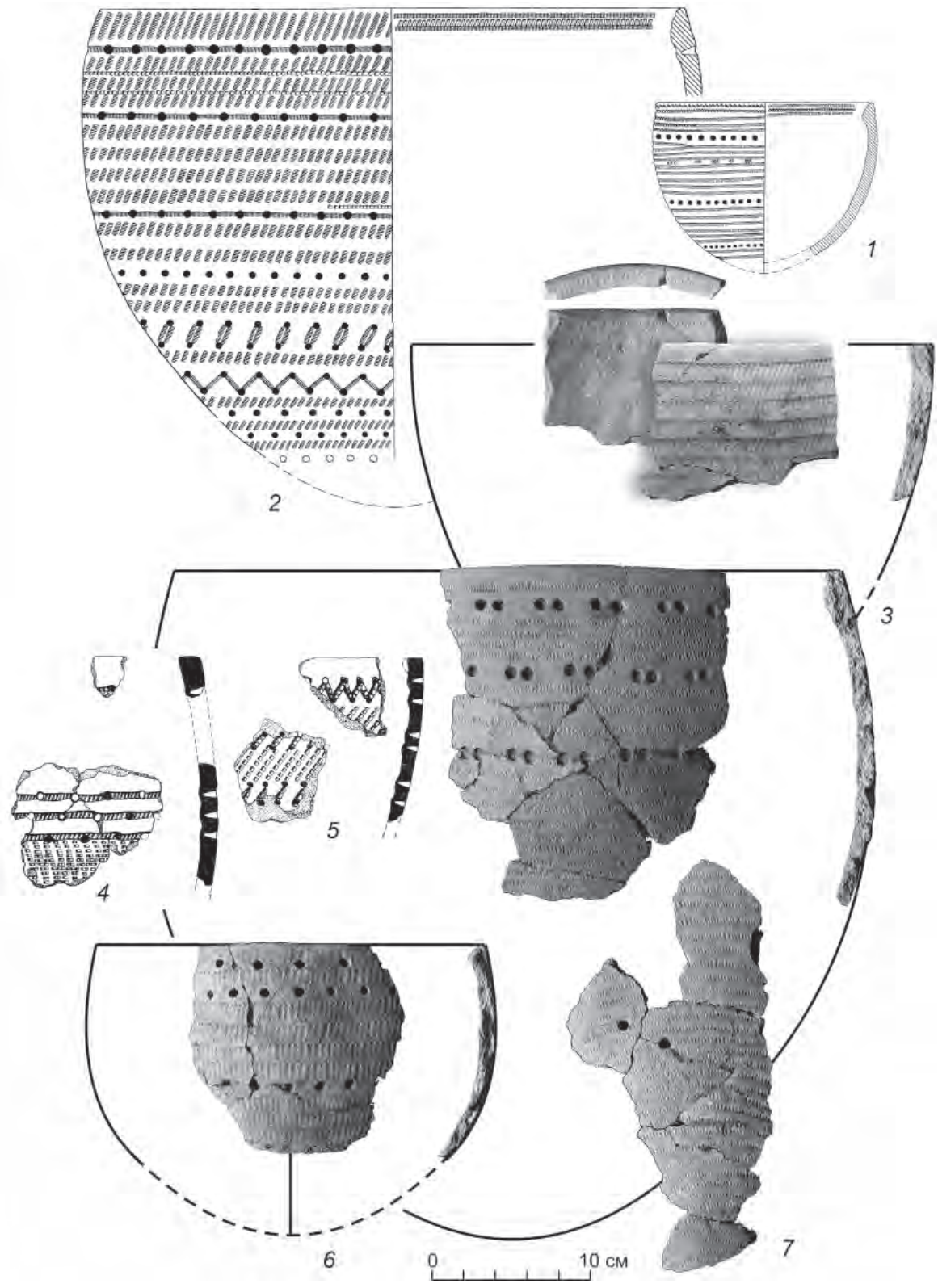

Рис. 9. Керамические сосуды (графическая реконструкция):
1, 2 – Эньты III (жилище №1); 3, 6, 7 – Пезмогты 5 (жилище), 4, 5 – Кыстыръю

Рис. 10. Керамические изделия:
1 – фигурка водоплавающей птицы (Пезмогты 3); 2 – изображение головы человека (Вад I, жилище № 1)

миграциями небольших групп населения различных локальных вариантов культуры. Население каких конкретно мест участвовало в переселении на ЕСВ, сказать затруднительно, поскольку коллекции северо-восточной и центральной частей неравнозначны по объему и материалы ЕСВ для такой детальной реконструкции событий не репрезентативны. Также на имеющейся базе источников неоднозначна интерпретация наличия на керамической посуде признаков, не характерных для льяловской культуры: где и как они были приобретены, пока установить нельзя. Переселяющиеся неолитические коллективы занимали комплексы ландшафта речных долин (участки речных долин, осложненные болотами, малыми притоками или старицами) и ограниченные по площади сухие участки речных террас вблизи наиболее крупных озёр региона. При этом очевидна центростремительная сила последних в системе расселения населения льяловской культуры.

Согласно разработанной радиоуглеродной хронологии и периодизации памятников льяловской культуры в Волго-Окском междуречье и на ближайших сопредельных территориях (Вёкса и Вёкса III), заселение ЕСВ ее носителями могло происходить во второй четверти V тыс. до н. э. (в калиброванных значениях) или 5900–5600 ^{14}C л. н. (Энговатова, 2000; Карманов, Недомолкина, 2015, табл. 1). Была ли генетическая связь групп льяловского населения с предшествующими

им носителями посуды первой группы в пределах бассейна Вычегды, сказать затруднительно. Не исключены разные варианты взаимодействия. При этом достоверные свидетельства дальнейшей трансформации керамических традиций по сценарию развития культур сопредельных территорий на ЕСВ пока не выявлены. В коллекциях поселений Вис I и II выделяются типы керамики, которые могут свидетельствовать о дальнейшем развитии льяловских традиций по своеобразному пути. Однако за пределами останцов Малый и Большой Кытчесмыльк (которые занимают эти поселения) нигде в регионе они пока не обнаружены. Поэтому в настоящее время их интерпретация неоднозначна. Источники, которые служили основанием для выделения культур, претендующих, по мнению исследователей, на продолжение «волго-окских» традиций (Буров, 1967, с. 168; Верещагина, 2010, с. 50–52; Косинская, 1997, с. 176–179), пока неполноценны, неоднозначны и требуют верификации.

ГЛАВА 9
ПАМЯТНИКИ РУССКО-АЗИБЕЙСКОГО ТИПА

История изучения археологических памятников, содержащих неолитическую керамику с воротничковым оформлением венчика, началась в ходе раскопок Саузовской II стоянки О.Н. Бадером в 1956 г. (Бадер, Выборнов, 1980). Затем Г.Н. Матюшин на Давлекановской стоянке в бассейне р. Дёмы получил коллекцию находок, в составе которой также присутствовала посуда воротничкового типа (Матюшин, 1982). Изучение памятников с подобной керамикой было продолжено в 70–80-е годы XX века. Наиболее яркий массив воротничковых сосудов был получен в результате раскопок Русско-Азибейской I стоянки в Икско-Бельском междуречье (рис. 1). Именно материалы этого памятника дали основание Р.С. Габяшеву выделять памятники с воротничковой керамикой в русско-азибейский тип (Габяшев, 1978). Аналогичные материалы были обнаружены на многокомплексных поселенческих памятниках Сауз II и Муллино (рис. 1). Небольшие выборки сосудов воротничкового типа представлены на стоянках Предуралья, таких как Золотая Падь II, Игимская, Дубовогривская II (рис. 1). В 2003 г. в Икско-Бельском междуречье краеведом Н.М. Капленко была открыта Каентубинская островная стоянка, на которой в 2004–2006 гг. А.А. Чижевским при участии А.В. Шипиловым были проведены раскопки и где удалось получить небольшую выборку керамики русско-азибейского типа (рис. 1).

Поселенческие памятники и отдельные местонахождения с воротничковой керамикой русско-азибейского типа известны по северной границе лесостепной зоны (рис. 1). Они расположены в основном локальными группами, приуроченными к участкам широкой поймы в приустьевой части Камы по ее левому берегу и Икско-Бельскому междуречью. Далее к югу и юго-востоку от Камы отдельные стоянки с воротничковой керамикой выявлены в среднем течении р. Ик (Мелля-Тамакская, Муллино III, Сасыкульская) и в бассейне левого притока Белой – р. Дёмы (Давлекановское поселение, Кара-Якуповская стоянка). В Камско-Вятском междуречье отдельные пункты с воротничковыми материалами обнаружены на стоянках Мысы (Гусенцова, 2007), Непряха VI (Жукова, Мельничук, Выборнов, 2018) и вплоть до г. Перми на стоянке Заюрчим I (Мельничук, 2011). Вверх по Волге, выше устья Камы, отдельные местонахождения воротничковой керамики тянутся по левому, низменному берегу, почти до г. Казани (Карташихинские, Березовогривская II, Амбарская стоянки). Наиболее северным пунктом находок керамики этого круга является Сутырское поселение в бассейне Ветлуги (Никитин, 1978, рис. 1: 1, 13), где воротничковое оформление венчика представлено на сосудах ямочно-гребенчатого типа.

Памятники с воротничковой керамикой русско-азибейского типа располагаются на останцах надлуговых террас, по берегам пойменных озер и стариц. Основная масса этих памятников продолжает занимать места поселений камской неолитической культуры (Дубовогривская II, Игимская, Золотая Падь II, Саузовская II и др.). Размеры поселений, судя по распространению подъёмного материала, составляли 2500–4000 кв. м.

В ходе исследований на Русско-Азибейской I стоянке были выявлены остатки жилища, очагов и хозяйственных сооружений (рис. 2), в заполнении которых находилась керамика русско-азибейского типа. Жилище представляло собой слабоуглубленное в материк на 25–40 см сооружение подпрямоугольных очертаний размерами 23–25×8–10 м, ориентированное по линии север – юг, с тамбурообразным выходом в южной стенке. По продольной оси и вдоль западной стенки жилища прослежены очажные и хозяйственные ямы овальной в плане формы. Очажки и хозяйственные ямы отмечены и в тамбуре. Жилище Русско-Азибейской стоянки по своим типологическим особенностям являлось развитием традиций домостроительства камской неолитической культуры (Габяшев, 1994, с. 17). Большое количество хозяйственных ям было обнаружено на уровне материка и на стоянке Сауз II (Выборнов, Елизаров, Овчинникова, 1985). Подобный контекст залегания находок позволяет увязать воротничковую керамику с каменными изделиями и представить их характеристику.

Расположение стоянок носителей воротничковой керамики русско-азибейского типа вблизи водоёмов способствовало занятию их рыболовством. Лов рыбы, вероятно, носил как индивиду-

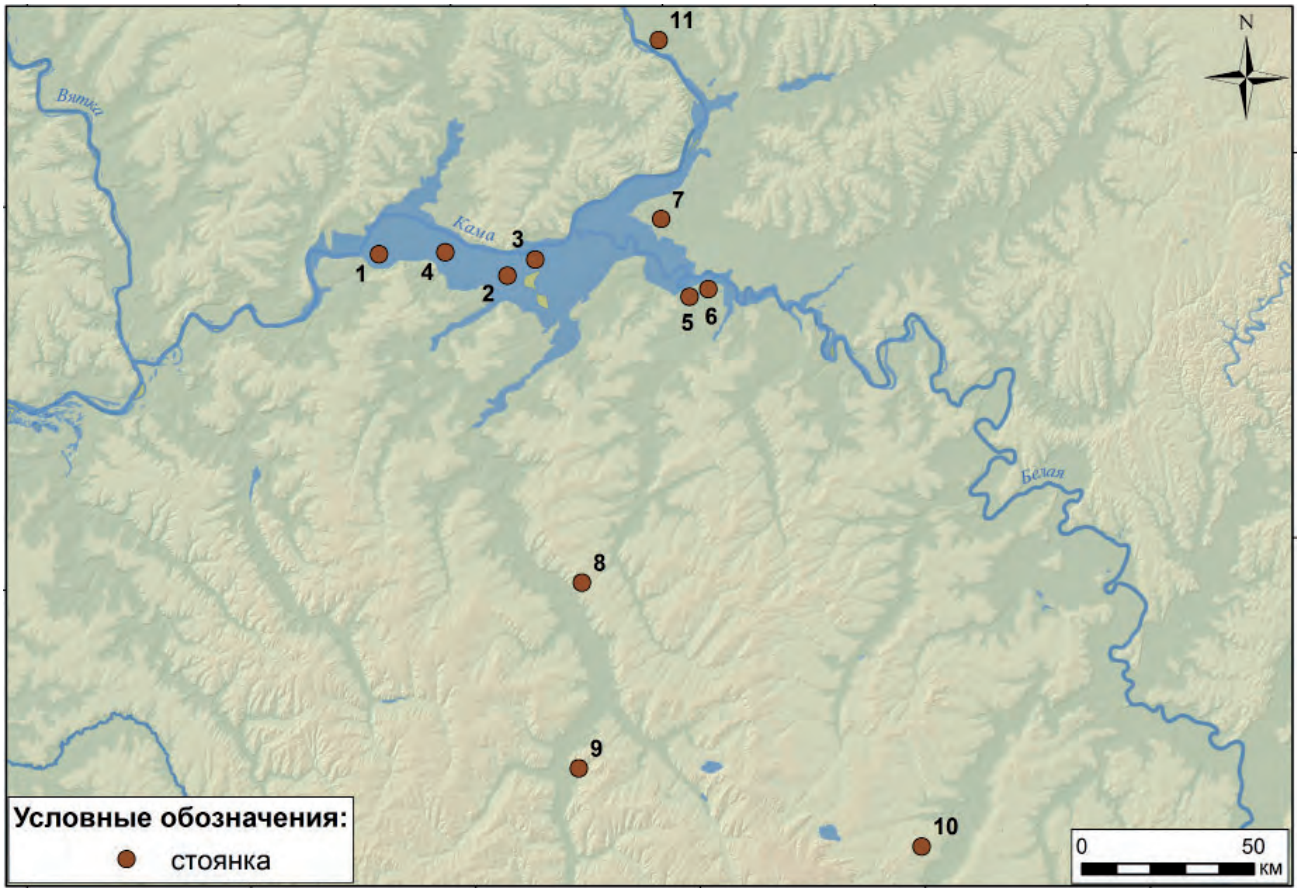

Рис. 1. Карта памятников с неолитической керамикой русско-азибейского типа:
Стоянки: 1 – Дубовогривская II; 2 – Золотая Падь II; 3 – Игимская; 4 – Каентубинская островная; 5 – Русско-Азибейская I; 6 – Татарско-Азибейская II; 7 – Сауз II; 8 – Сасыкульская; 9 – Муллино; 10 – Давлеканово; 11 – Непряха VI

альный, так и коллективный характер. В хозяйстве населения памятников русско-азибейского типа не меньшее значение занимала охота. Об этом свидетельствуют находки каменных наконечников стрел (рис. 11: 6–8). Судя по находкам костей животных в слоях III Муллино и Давлеканово, население, оставившее памятники русско-азибейского типа, охотилось на лося, медведя, косулю, бобра, зайца и куницу (Матюшин, 1982, с. 195, 213). Широкое развитие в среде носителей керамики русско-азибейского типа получила деревообработка. С ней связаны тёсла и долота, имеющие различные параметры и изготовлявшиеся из сланца и белого кремня (рис 11: 16–21, 35–39). В целом хозяйство носителей керамики русско-азибейского типа продолжало оставаться присваивающим, базирующимся на рыболовстве, охоте и собирательстве.

Наиболее массовыми остатками материальной культуры носителей русско-азибейского типа рассматриваемого региона является керамика. Значительные массивы посуды данного облика были получены при исследовании Русско-Азибейской I (Габяшев, 1978, рис. 3–7), Саузовской II (Выборнов, Овчинникова, 1981, с. 33–52; Выборнов, 1984), Игимской (Габяшев, Старостин, 1971, рис. 17; Шипилов, 2012), Золотая Падь II (Габяшев, Старостин, 1972, с. 41–79, рис. 28, 29; Шипилов, 2007, рис. 1: 10, 13; 2), Дубовогривской II (Габяшев, Старостин, 1972, с. 79, рис. 44), Каентубинской островной (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015, с. 184–194), Давлекановской, Муллино III (Матюшин, 1982, с. 189–214) стоянок.

Посуда русско-азибейского типа изготовлялась способом кольцевого налепа из глиняного теста с примесями шамота, иногда в сочетании с органикой. Внешняя и внутренняя поверхности сосудов заглажены с обеих сторон. Реконструируются следующие типы сосудов.

Первый тип (рис. 3) представлен круглодонными сосудами с яйцевидным туловом и закрытым устьем. Реконструированные сосуды этой группы имеют вытянутые пропорции и наибольший диаметр тулова на уровне 2/3 общей высоты сосудов. Слегка утолщенные венчики несколько скошены внутрь, но в большинстве случаев слабо отогнуты наружу. Наплывы по внутренней стороне венчиков не зафиксированы. Большинство сосудов имеют крупные размеры (диаметры горла варьируют

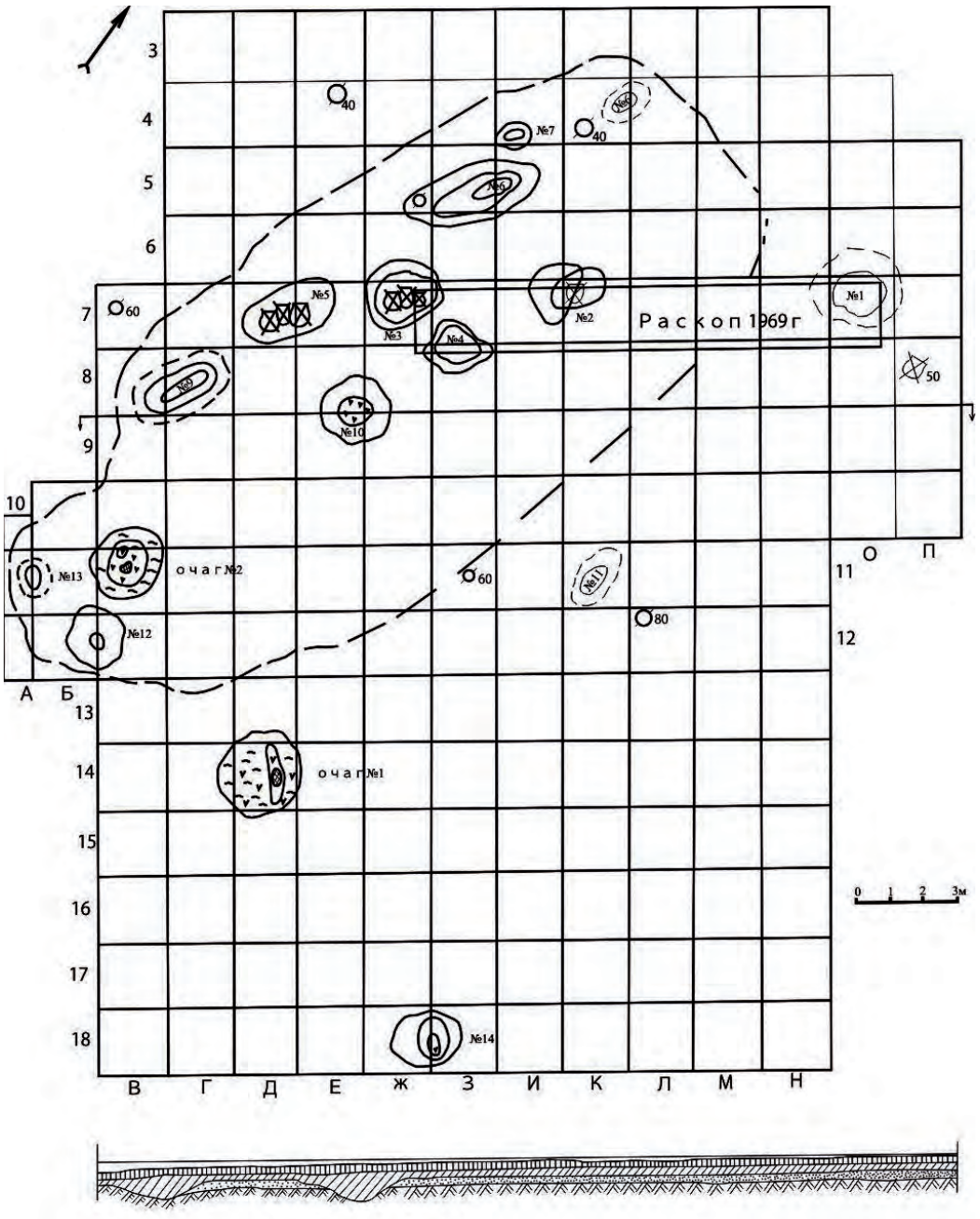

Рис. 2. План раскопа и жилища стоянки Русский Азибей

в пределах 30–40 см). Толщина стенок керамики данной группы обычно составляет 0,8–0,9 см, а днищ – 1–1,3 см.

Второй тип (рис. 4) представлен круглодонными сосудами со слабо выраженным подцилиндрическим горлом и шаровидным туловом. Высота реконструируемых сосудов этого типа обычно равна наибольшему диаметру тулова. Последний располагается, как правило, на 1/2 общей высоты сосуда. Венчики – слегка скошенные внутрь, плоско срезанные или воротничкообразные. Диаметр горла колеблется в пределах 24–28 см, толщина стенок 0,5–0,7 см. Толщина днищ обычно равна толщине стенок.

Третий тип (рис. 5) представлен сосудами с сильно суженной верхней частью, раздутым туловом и уплощенным дном. Высота сосудов приблизительно равна наибольшему диаметру тулова. Последний обычно расположен на 1/2 общей высоты сосудов. Венчики – плоскосрезанные или воротничкообразные. Диаметр горла колеблется в пределах 26–30 см, толщина стенок составляет 0,6–0,7 см.

Орнамент нанесен преимущественно оттисками среднезубчатого прямого и длинного штампа, сравнительно часто использовались мелко- и крупнозубчатые прямые штампы, оттиски перевитого шнура и отпечатки мелко-, средне- и крупно-

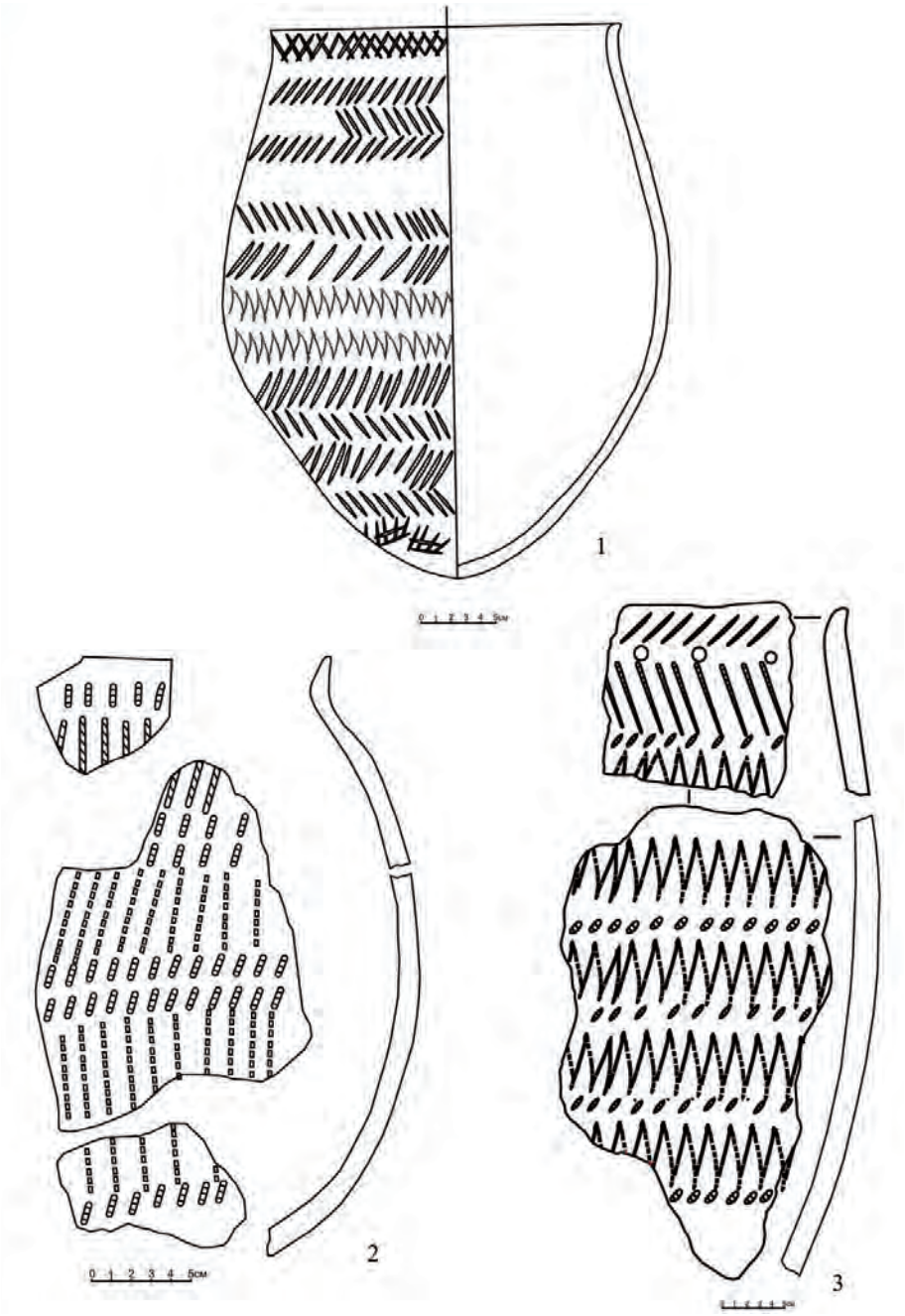

Рис. 3. Керамика стоянки Русский Азибей (тип 1)

зубчатой "шагающей" гребенки. Из других видов техники отмечены короткие изогнутые зубчатые штампы и неглубокие круглые или овальные в плане ямчатые вдавления. Важной чертой является появление и широкое распространение отпечатков косозубого штампа. Орнаментир с косыми зубцами на плоской гальке был найден на стоянке Сауз II (Бадер, Выборнов, 1980). Орнамент, как правило, покрывает всю внешнюю поверхность сосудов и преимущественно носит густой характер. Вместе с тем отчетливо намечается тенденция к разреженности орнаментации, особенно заметная в керамике Русско-Азибейской I (рис. 3: 4) и поселения Муллино III (рис. 10: 1–3). Для орнаментации характерно горизонтальное построение орнаментальных зон, хотя единично встречаются сосуды с вертикальным построением зон.

Состав узоров в целом соответствует набору композиций камской неолитической керамики. Наиболее распространенными орнаментальными схемами являются горизонтальные ряды или пояса из вертикально поставленных оттисков зубчатого штампа или "шагающей" гребенки, разделенные линиями отпечатков углом штампа и различные зигзагообразные линии. Сравнительно часто встречаются и пояса из горизонтальных от-

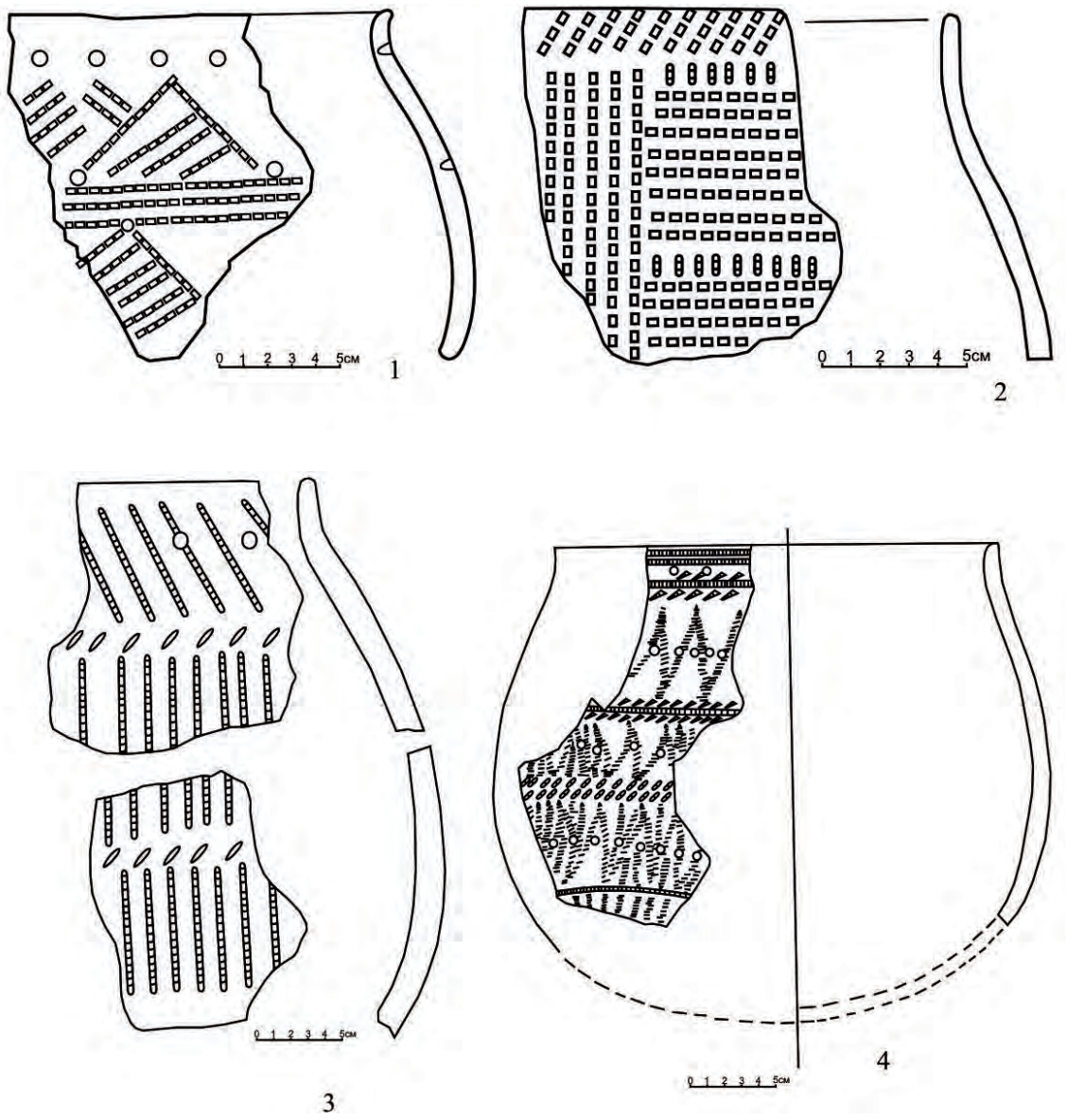

Рис. 4. Керамика стоянки Русский Азибей (тип 2)

тисков гребенчатого штампа. Из единичных узоров выделяются "флажки", мотив плетенки из заштрихованных прямоугольников и треугольников и т. д. Характерной чертой орнаментации посуды русско-азибейского типа являются горизонтальные ряды глубоких конических ямок под срезом венчика.

Между основными керамическими комплексами русско-азибейского типа, происходящими с Ильичёвского комплекса (рис. 10: 6), Русско-Азибейской I (рис. 3: 4), Игимской (рис. 6: 2–6), Золотая Падь II (рис. 7), Дубовогривской II (рис. 8; 10: 7–11), III слоя Муллино (рис. 10: 1–3), Давлекановской (рис. 10: 4, 5), Караякуповской, Саузовской II (рис. 9) и других стоянок, имеются определенные различия в формах выделяемых типов сосудов и венчиков и их процентном соотношении, частоте и составе использованных типов техники орнаментации, составе узоров и т. д. Интерпретация этих различий неоднозначна.

Возможно, что эти различия обусловлены, как предполагает ряд исследователей, хронологическими причинами. В развитии воротничковой керамики в Нижнем Прикамье намечается не менее двух этапов. К раннему этапу отнесены материалы Саузовской II (рис. 9) и Дубовогривской II стоянок (рис. 8; 10: 7–11), для которых характерны отсутствие отпечатков шнура и меньшая

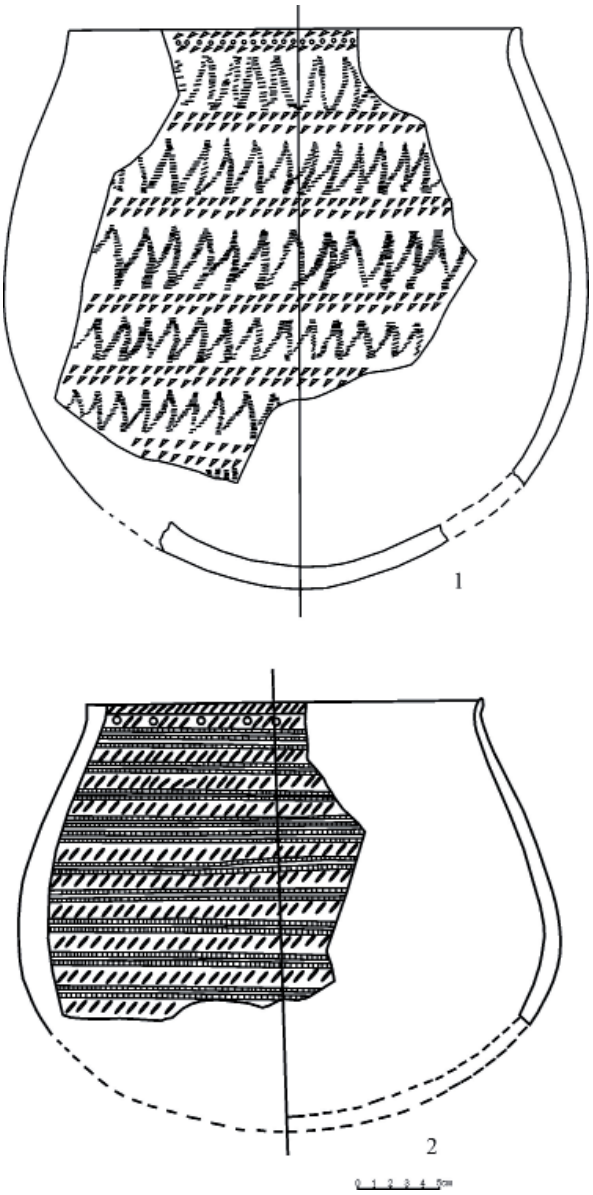

Рис. 5. Керамика стоянки Русский Азибей (тип 3)

вариабельность венчиков. Ко второму этапу отнесены керамические комплексы Русско-Азибейской I (рис. 3: 4), Муллино III (рис. 10: 1–3), Сасыкульской и Караякуповской стоянок. Для этих памятников характерно присутствие сосудов приземистых очертаний, более развитая профилировка горшков и большое разнообразие типов венчиков (Выборнов, Елизаров, Овчинникова, 1985, с. 38). Представляется правомерным к более позднему времени по сравнению с керамическим комплексом Саузовской II стоянки относить керамику русско-азибейского типа, происходящую со стоянок Игимская (рис. 6: 2–6) и Золотая Падь II (рис. 7).

Не менее важным представляется предположение о том, что различия между основными керамическими комплексами воротничковой посуды Нижнего Прикамья были вызваны причинами культурного порядка, характером культурно-исторической ориентации.

В типологическом облике вышеописанной керамики отчетливо выделяются две тенденции. Первая связана с местными традициями камской неолитической культуры и проявляется в сохранении сосудов полуяйцевидной формы, скошенных вовнутрь, округлых и плоских венчиков, в использовании мелко- и среднезубчатых штампов, мелкозубчатой «шагающей» качалки, в преобладании

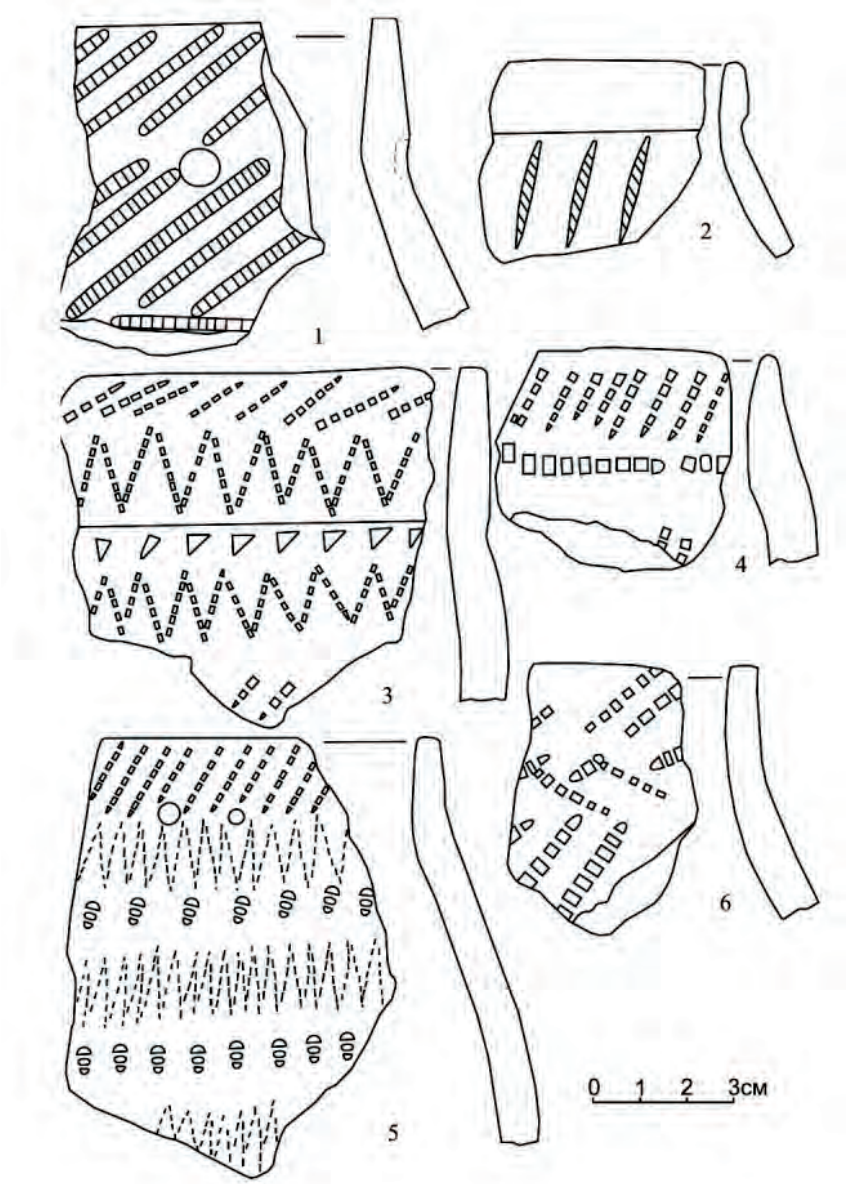

Рис. 6. Керамика стоянок Каен-Тубинская островная (1) и Игимская (2-6)

густой и сплошной орнаментации, сохранении разделительных зон и основном составе узоров (Выборнов,1985). Не менее ярко прослеживаются и новые элементы, не связанные с местным неолитом (профилированные сосуды, воротничковое оформление венчиков, уплощенные днища, разреженность орнаментации, косозубый штамп и т. д.). Появление профилированных сосудов с воротникообразным оформлением венчиков, оттисков перевитого шнура, короткого изогнутого зубчатого штампа и т. д. может быть объяснено влиянием носителей самарской энеолитической культуры на ее втором этапе развития. Вместе с тем ряд новых элементов, таких как приземистая профилировка сосудов с наибольшим диаметром тулова в нижней трети высоты сосуда с уплощенным дном и псевдошнуровой орнамент, пока не находят чётких аналогий. Наиболее близкими могут быть комплексы хвалынской культуры. О том, что ее носители достигали интересующей территории, свидетельствуют материалы данного типа на стоянке Сауз I (Выборнов, Обыденнов, Обыденнова, 1984).

Подводя итог обзору керамики русско-азибейского типа, следует согласиться с Р.С. Габяшевым (Габяшев, 2001, с. 45) в том, что в рассматриваемом массиве керамики отчётливо сохраняются некоторые черты камского неолита (форма сосу-

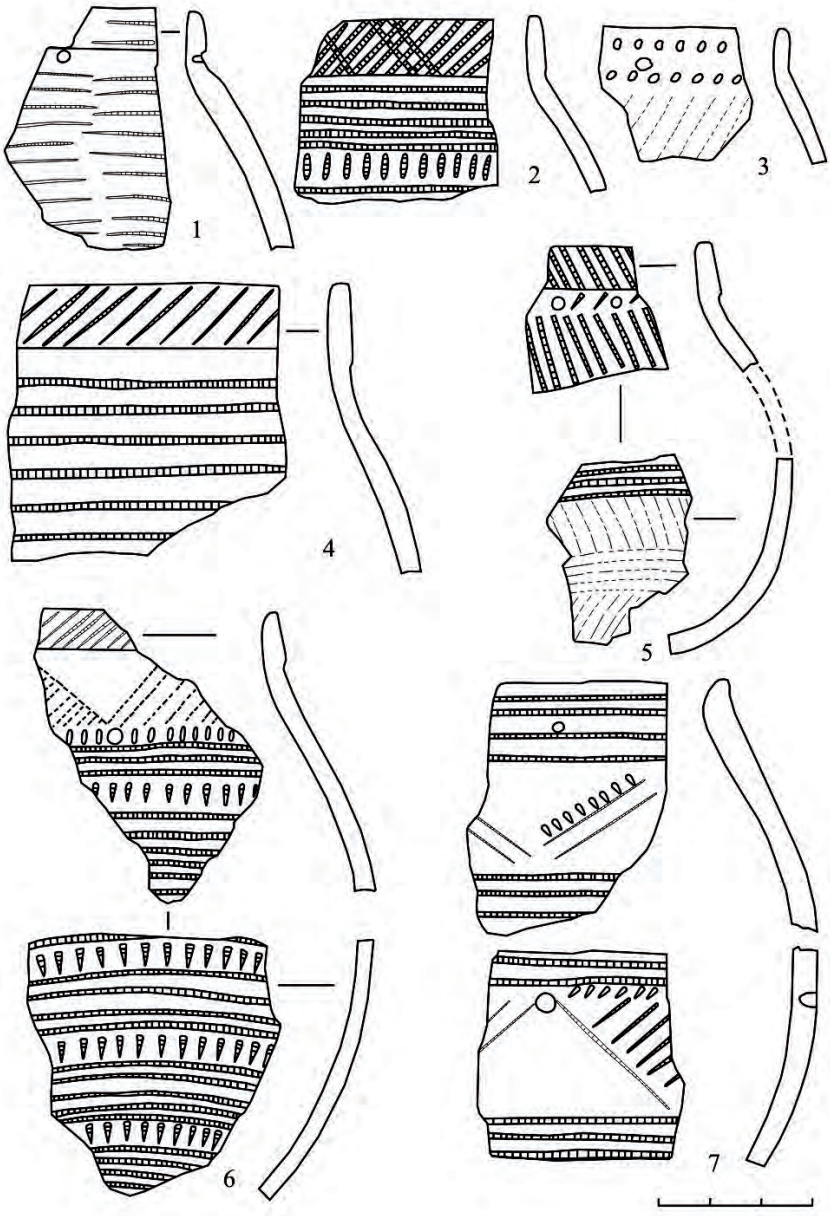

Рис. 7. Керамика стоянки Золотая Падь II

дов, характер орнаментации). Наличие же ямочных вдавлений под воротничком сосудов и в ряде случаев по тулову сосудов появились в результате контактов с населением волго-окского региона, носителями ямочно-гребенчатой керамики. О том, что носители культуры ямочно-гребенчатой керамики достигали этих регионов и входили в контакт с камскими племенами, свидетельствуют материалы стоянки Кутурган-Ерганак в устье р. Белой (Выборнов, 1992, с. 99, рис. 14) и, далее вверх по Каме, материалы типа стоянки Чернашка (Бадер, 1970, рис. 2, 114; Лычагина, 2004, с. 14).

Исходя из приведённого выше набора признаков, представляется вероятным, что воротничковая керамика русско-азибейского типа является гибридной, сочетая в себе культурные традиции позднеолитических и раннеэнеолитических племён лесной и лесостепной полосы Восточной Европы (Васильев, Габяшев, 1982).

Рассматривая материальную культуру носителей керамики русско-азибейского типа, нельзя обойти вниманием их каменную индустрию. Ее характеризуют материалы стоянок Русско-Азибейская (Габяшев, 1978), Муллино, слой III (Матюшин, 1982), Караякуповская (Морозов, 1984) и Саузовская II (Выборнов, Елизаров, Овчинникова, 1985). Следует обратить внимание на массовое использование в качестве основ-

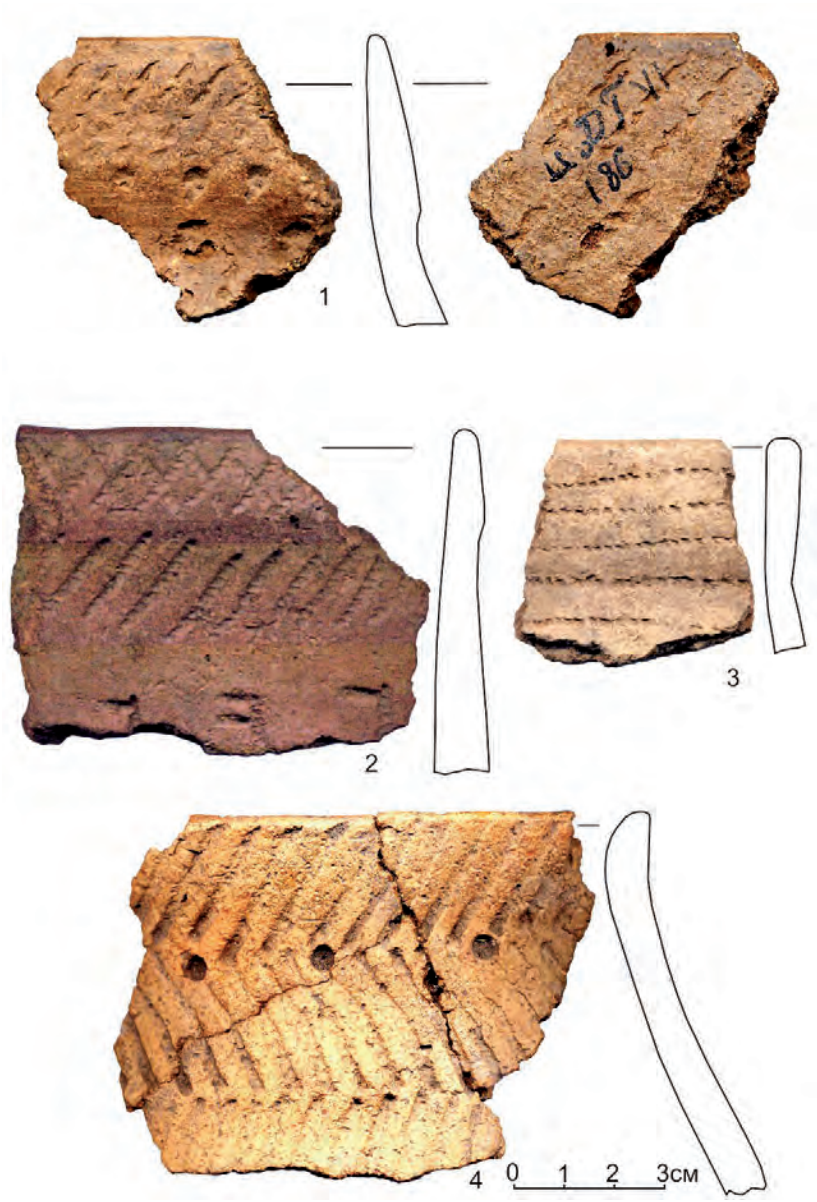

Рис. 8. Керамика Дубовогривской II стоянки

ного сырья светло-серого узкополосчатого яшмовидного кремня, широкое распространение техники получения крупных пластин и, как следствие этого, высокий процент орудий на крупных пластинах с краевой односторонней крутой ретушью.

Наиболее массовыми группами орудий из пластин являются: концевые скребки с округлым лезвием (рис. 11: 1–7; 12: 6), прямолезвийные и саблевидные ножи (рис. 11: 23–27, 30–34; 12: 1–3, 9), свёрла (рис. 11: 15, 22; 12: 4, 5). Сравнительно редко встречаются скобели (рис. 11: 28), резцы на углу сломанной пластины (рис. 11: 29). Примечательной чертой русско-азибейских комплексов являются пластинчатые наконечники стрел кельтеминарского типа (рис. 11: 8). Они обнаружены на стоянках Русско-Азибейская, Муллино III, Непряха VI. Орудия из отщепов в основном представлены скребками с округлым или прямым лезвием высоких форм (рис. 11: 9–14; 12: 7, 8). Наконечники стрел из отщепов представлены листовидными (рис. 11: 7) и подромбическими (рис. 11: 6) формами со сплошной двусторонней обработкой. Представлены и деревообрабатывающие орудия (долота и тесла) (рис. 11: 16–21, 35–39), среди которых преобладают миниатюрные сланцевые долота (рис. 11: 16–21), в том числе и орудия типа "круммайзель" (рис. 11: 16).

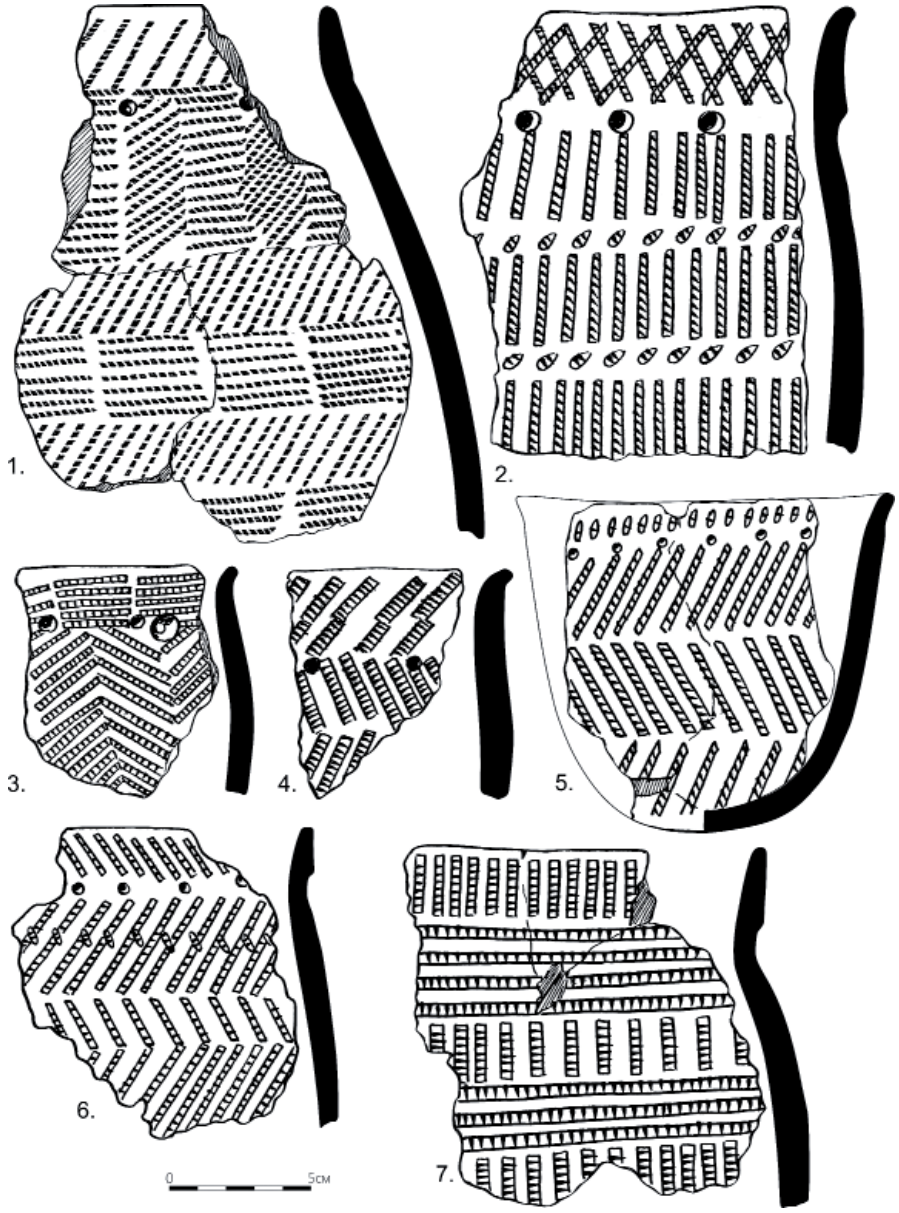

Рис. 9. Керамика стоянки Сауз II

К сожалению, к настоящему времени могильники, которые можно было бы достаточно надежно связать с носителями керамики русско-азибейского типа, в Среднем Поволжье и Предуралье не выявлены.

Хронология памятников с керамикой русско-азибейского типа определяется в первую очередь стратиграфическими наблюдениями на стоянках Муллино, Русско-Азибейская, Игимская и Золотая Падь II. На Муллино керамика русско-азибейского типа залегала непосредственно над слоями с неолитической посудой хуторского-лебединского этапа камской неолитической культуры. Таким образом, нижняя граница появления памятников с воротничковой керамикой на северной периферии лесостепной зоны смыкается с финалом хуторского этапа камской культуры. Верхняя же граница существования памятников этого типа стратиграфически чётко не определена. Так, на поселенческих памятниках Нижнего Прикамья с более или менее выраженной вертикальной стратиграфией, где присутствуют артефакты русско-азибейского типа, перекрывающие слои представлены материалами поздневолосовско-гаринского типа. Однако в этом районе зафиксированы поселения с новоильинской керамикой, бытовавшие прежде памятников поздневолосовско-гаринского типов. Следовательно, русско-азибейские комплексы

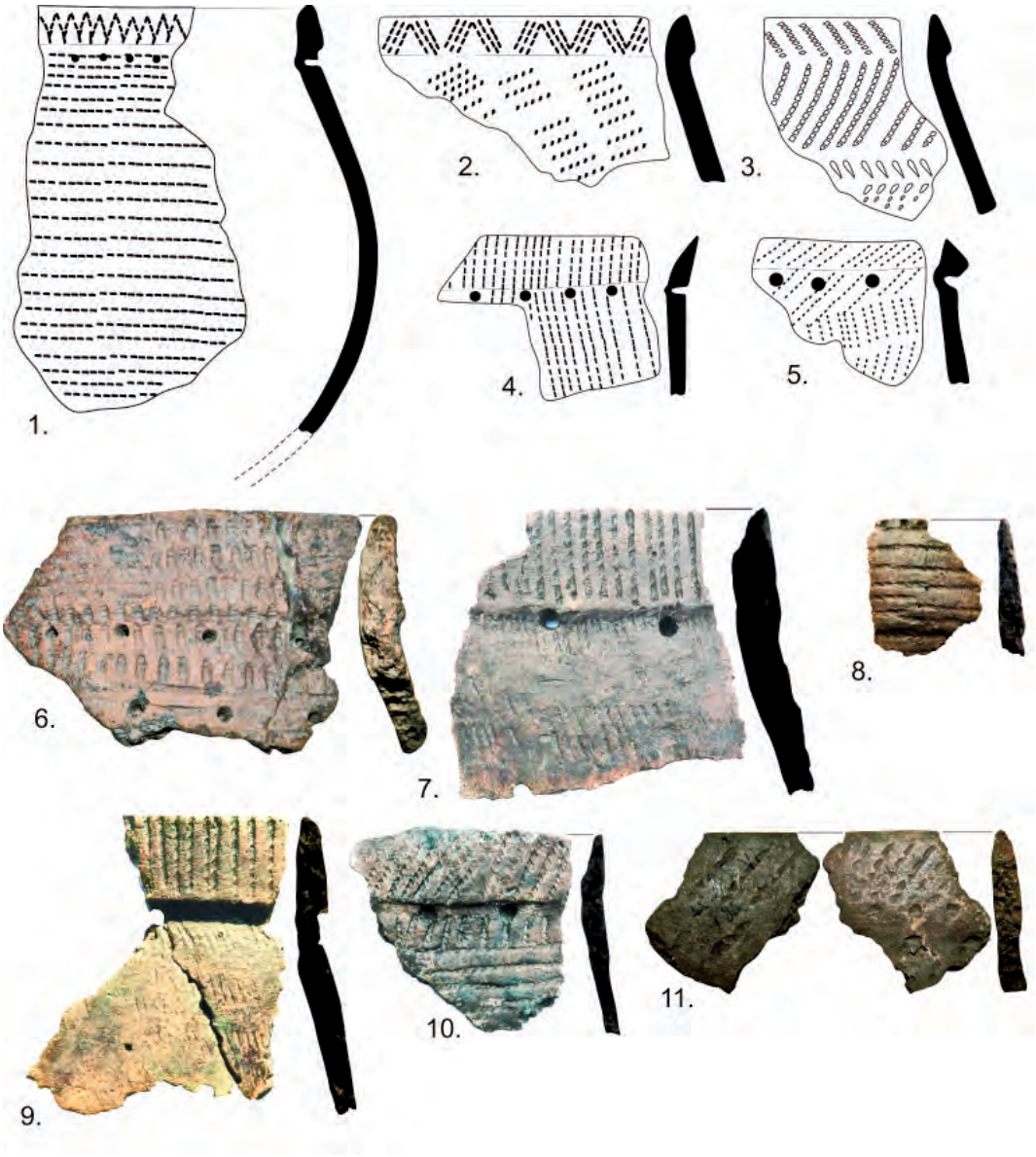

Рис. 10. Керамика стоянок Муллино III (1-3), Давлеканово (4-5), Ильичевский (6), Дубовогривская II островная (7-11)

могли быть синхронны новоильинским или предшествовать им.

В ходе исследований в Нижнем Прикамье и на сопредельных территориях не было зафиксировано случаев присутствия в культурных слоях поселенческих памятников керамики русско-азибейского типа совместно с керамикой новоильинской культуры. Не фиксируется совместного залегания керамики русско-азибейского типа с новоильинской и в полузакрытых комплексах. В соответствии с этим представляется правомерным относить керамику русско-азибейского типа к более раннему времени, нежели новоильинскую. В то же время нельзя не отметить наличие единичных признаков новоильинского типа в русско-азибейских керамических материалах.

Не менее сложными представляются и вопросы абсолютной хронологии поселений с воротничковой керамикой русско-азибейского типа. Так, по рассматриваемой керамике был проведён радиоуглеродный анализ, в результате которого были получены следующие даты: Русско-Азибейская стоянка – 5540±90 л. н.; Гулюковская стоянка I – 5460±80 л. н.; Саузовская II стоянка – 5560±90 л. н. и 5410±90 л. н., II Татарско-Азибейская стоянка – 5270±90 л. н. (Выборнов, Морозов, 2016, с. 139), Мысы – 5635±80 л. н. (Выборнов, 2009, с. 38). Таким образом, хронологический интервал бытования русско-азибейских комплексов укладывается в рамки третьей четверти V тыс. до н. э. Следует обратить внимание на то, что полученные даты синхронны возрастным определениям для

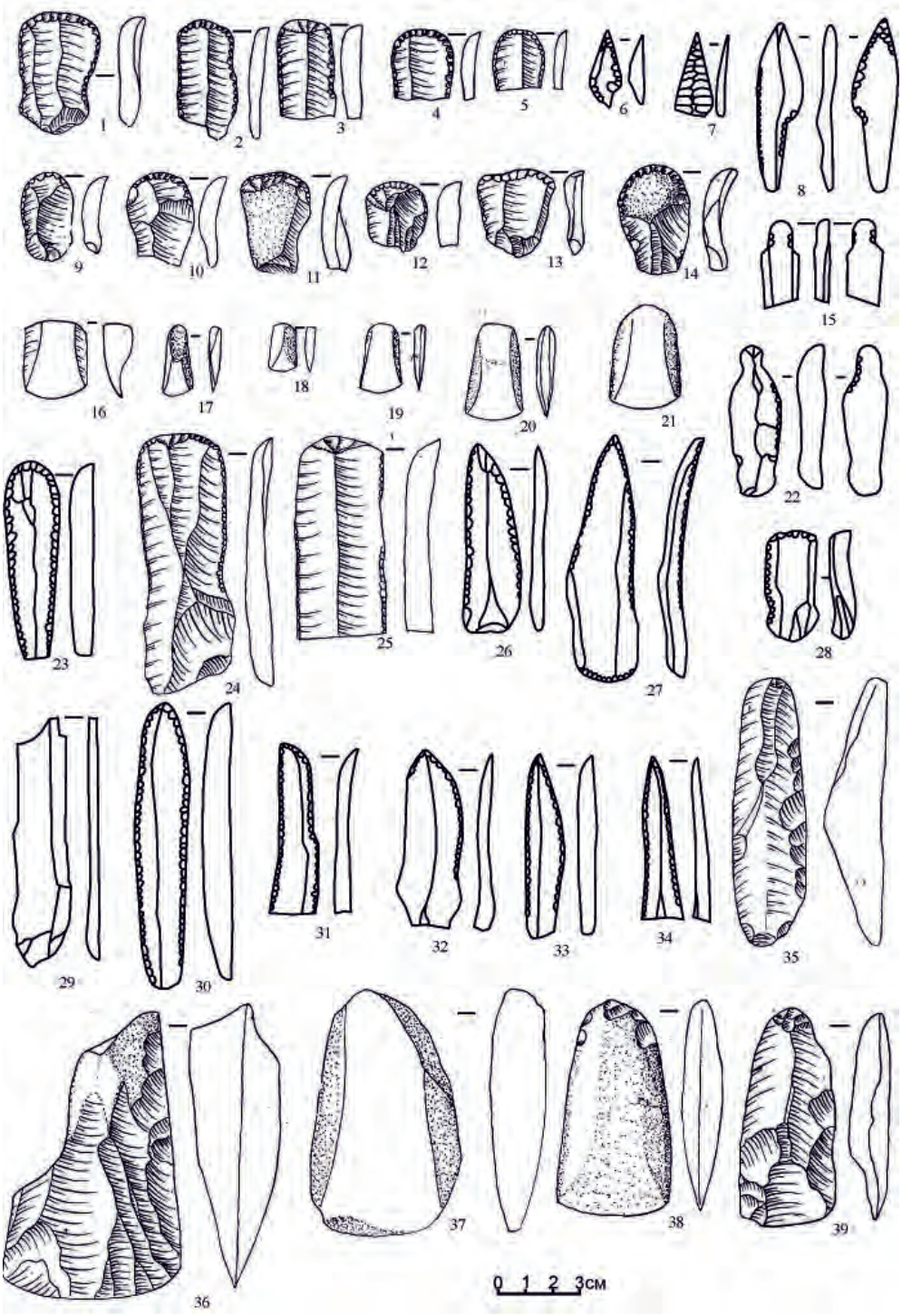

Рис. 11. Каменный инвентарь стоянки Русский Азибей

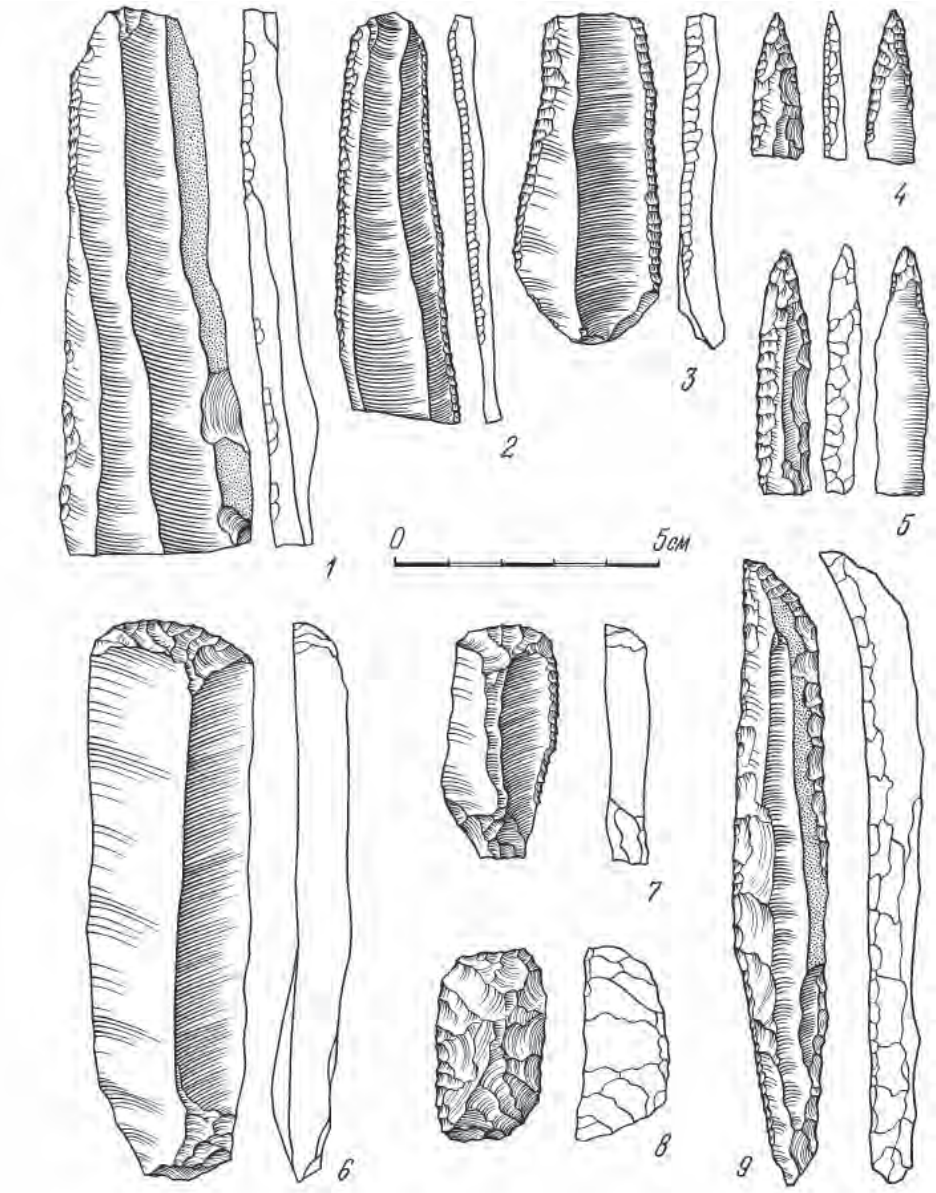

Рис. 12. Каменный инвентарь стоянки Сауз II

керамики позднего этапа самарской и хвалынской культур (Моргунова, Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2010).

Принимая во внимание полученные датировки, можно предположить, что под воздействием ряда факторов население самарской культуры (а возможно, и хвалынской) с середины V тыс. до н. э. (в калиброванных значениях) начинает оказывать влияние на поздненеолитическое население Нижнего Прикамья и Предуралья.

ГЛАВА 10
ПАМЯТНИКИ ТАТАРСКО-АЗИБЕЙСКОГО ТИПА

Татарско-азибейский тип памятников был выделен Р.С. Габяшевым в 1970-е годы на основании керамического материала Татарско-Азибейского II поселения (Актанышский район, Республики Татарстан) (Габяшев, 1978). Характерные признаки этого комплекса, с одной стороны, были схожи с накольчатой керамикой раннего неолита Приустьевого Прикамья, а с другой стороны, отличались орнаментальными мотивами и формой некоторых сосудов. Необычными были и находки в объекте (жилище) № 4 в очаге на глубине 70–120 см, где совместно с исключительно накольчатой керамикой были отмечены обломок оплавленного тигля, медные шлаки и капли меди, а также кремневые орудия на пластинах (Габяшев, 1978, с. 44, 46). Анализ медных сплесков, произведенный в лаборатории Института Археологии АН СССР, позволил установить химическую группу МП (медистых песчаников) (Кузьминых, 1977, с. 26–28). Это позволило Р.С. Габяшеву отнести Татарско-Азибейское II поселение с накольчатыми керамическими комплексами к началу эпохи энеолита (Габяшев, 1976; 1977; 1978). Данный вывод оспаривался В.В. Никитиным. Он отмечал, что на территории от Днепра до Урала нигде не фиксировались признаки знакомства носителей культур накольчатой керамики с металлообработкой (Никитин, 1996, с. 78).

Изначально дискуссионным вопросом являлось и то, синхронны ли материалы татарско-азибейского типа и новоильинской культуры начала эпохи энеолита в Прикамье. Обломки сосудов этих двух групп на Татарско-Азибейском II поселении залегали в одних стратиграфических условиях – в объектах (жилищах), ямах и очагах (Габяшев, 1978, с. 53).

Сопоставляя керамику татарско-азибейского типа с накольчатой керамикой других регионов, Р.С. Габяшев отмечал отсутствие надежного сравнительного материала. Аналогии данной керамике им были найдены в коллекциях небольших раскопочных работ Г.И. Матвеевой в среднем течении р. Ик (Какрыбашевская стоянка). Эпизодически такая посуда была выявлена на поселениях с новоильинской керамикой, исследованных О.Н. Бадером на Средней Каме. Более отдаленные аналогии Р.С. Габяшев проводил с материалами боборыкинской культуры Зауралья (Габяшев, 1977, с. 24).

Кроме того, исследователем отмечалась несомненная типологическая близость с неолитическими материалами с накольчатой орнаментацией Приустьевого Прикамья (Щербетьская II, Тетюшская IV стоянки). Подводя итоги, Р.С. Габяшев пришел к выводу, что Татарско-Азибейское II поселение входило в тот же культурный ареал, что и Щербетьская II, Тетюшская IV стоянки Западного Прикамья. В то же время Татарско-Азибейское II являлось более поздним, синхронным памятникам с новоильинской («флажковой») керамикой (Габяшев, 1978, с. 66). Происхождение накольчатых комплексов Татарско-Азибейского II поселения связывалось с кругом культур с накольчатой керамикой южных, лесостепных и степных, территорий (Габяшев, 1977, с. 25).

К сходным выводам пришли и другие исследователи, которые отмечали неоднократное проникновение в Прикамье носителей накольчатой керамики с юга (Выборнов, 1992; 2008).

В дальнейшем керамические материалы татарско-азибейского типа были выявлены и на других многослойных памятниках Икско-Бельского междуречья. Однако исследователи не выделяли их из общего массива неолитической и энеолитической керамики (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 134; Матюшин, 1982, с. 205–206).

В начале второго десятилетия XXI в. казанскими исследователями (А.А. Чижевским, А.В. Лыгановым, В.В. Морозовым) материалы с татарско-азибейской керамикой были получены при изучении разрушающихся Нижнекамским водохранилищем неолитических памятников: Гулюковская I и Дубовогривская II островная стоянки (Морозов, 2014; Лыганов и др., 2015; Морозов и др., 2017).

С 2020 года А.В. Лыгановым, В.В. Морозовым и А.Л. Смирновым продолжились исследования Азибейской дюны в приустьевой части левобережья Белой. Новые материалы татарско-азибейского типа были выявлены в раскопе на Татарско-Азибейской III стоянке.

Памятники татарско-азибейского типа известны преимущественно на территории Икско-Бель-

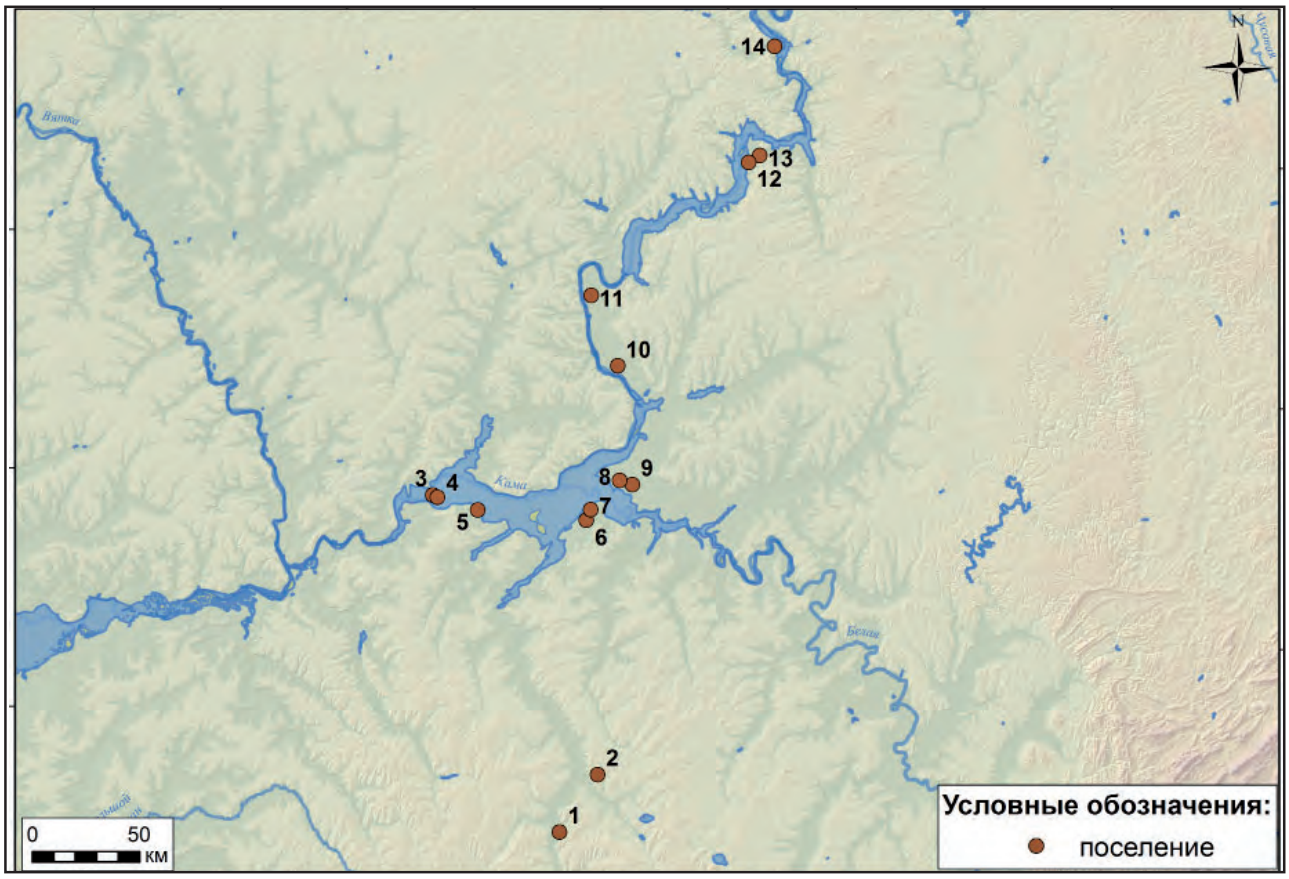

Рис. 1. Карта памятников татарско-азибейского типа в Икско-Бельском междуречье и Среднем Прикамье:
Стоянки: 1 – Муллино; 2 – Какрыбашевская; 3 – Дубовогривская II; 4 – Дубовогривская II островная; 5 – Гулюковская I; 6 – Русско-Азибейская; 7 – Татарско-Азибейская II; 8 – Сауз II; 9 – Сауз I; 10 – Непряха VII; 11 – Заборное Озеро I; 12 – Тюремка I; 13 – Бойцово I; 14 – Усть-Очер I

ского междуречья. Отдельные фрагменты керамики выявлены на стоянках Среднего Прикамья (рис. 1). В Икско-Бельском междуречье известно девять стационарно исследованных поселений, которые содержат материалы данного вида. Все стоянки имеют строгую привязку к современным берегам или старичным озерам р. Ик и приустьевой части р. Белой: Татарско-Азибейское II, Муллино, Русско-Азибейская, Сауз I–II, Гулюковская I, Дубовогривская II, Какрабашевская. Эти памятники приурочены к дюнам в пойме или краям низких террас крупных и малых рек.

Остатки построек выявлены только на эпонимном памятнике (рис. 2, 3). Крупные ямы (возможно, остатки каких-то наземных построек) зафиксированы на Гулюковской I и Дубовогривской II островной стоянках. Постройки на Татарско-Азибейском II поселении расположены в ряд и ориентированы по линии юго-запад – северо-восток вдоль края высокой дюны, на южном берегу пересыхающего палеорусла.

Исследователь памятника отмечал, что плохая сохранность объектов, а также отсутствие следов бревенчатых стен и столбовых ям затрудняют их интерпретацию. Тем не менее по другим характеристикам, таким как ровный плоский пол, наличие остатков мощных кострищ, а также различных хозяйственных ям и большое количество находок, позволили Р.С. Габяшеву рассмотреть их в качестве слабоуглублённых наземных сооружений (Габяшев, 1978, с. 50).

Жилища на поселении подразделяются на два типа. Первый тип – сооружения подпрямоугольной или подквадратной формы. По мнению Р.С. Габяшева, это могли быть бревенчатые срубы, на которых располагалась крыша. Второй тип – конструкции округлой формы, по терминологии Р.С. Габяшева, жилища типа чума или шалаша (Габяшев, 1978, с. 50).

Опорные поселенческие комплексы

Коллекция Татарско-Азибейского II поселения представлена 10332 фрагментами керамики: 8161 черепков с накольчатой орнаментацией, 1817 – гребенчатой, 310 – пористой энеолитической и 33 обломка от сосудов позднего бронзового века. При этом пористая и керамика позднего бронзового века залегала исключительно в верхнем перепаханном слое. В объектах, ямах и

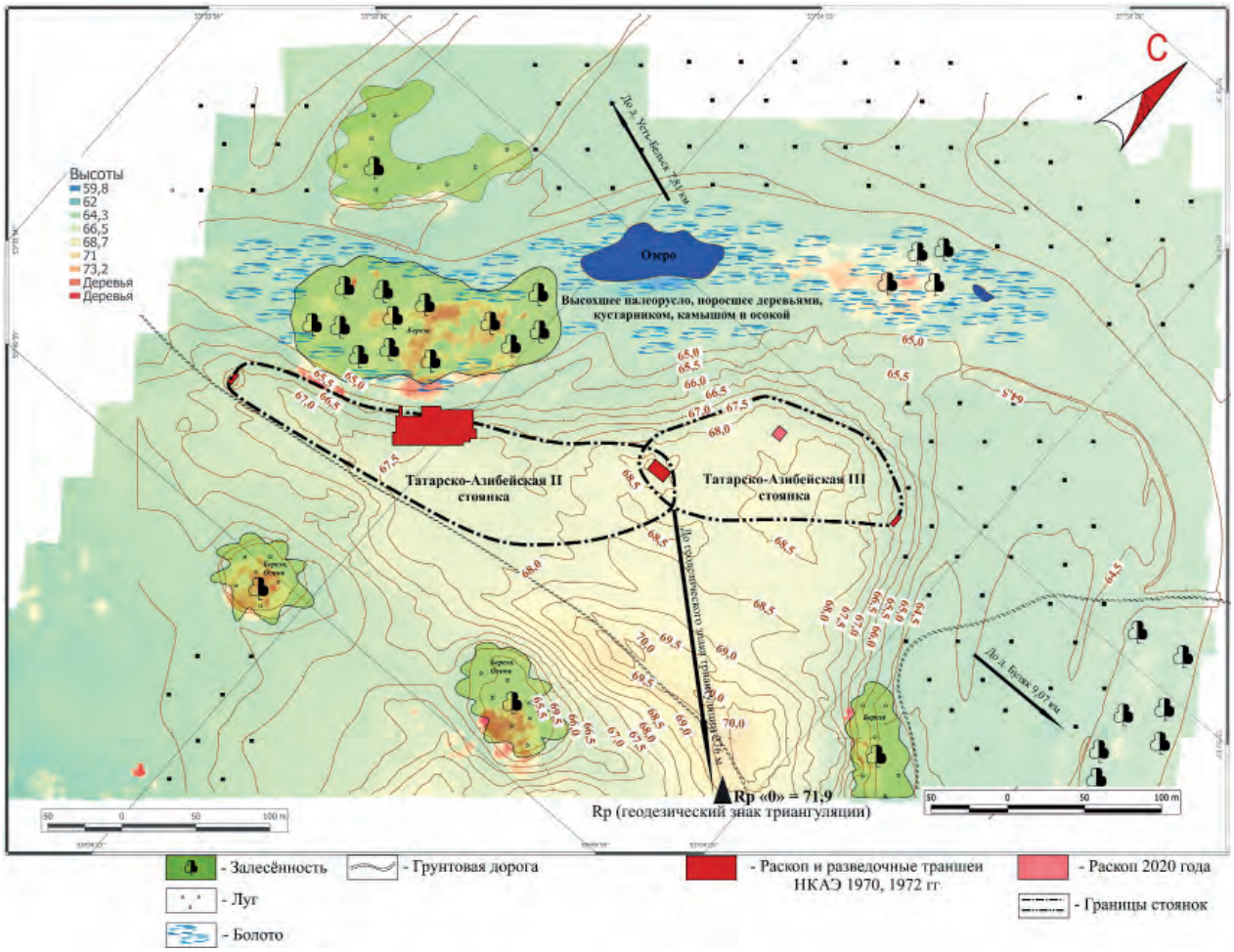

Рис. 2. Топографический план Татарско-Азибейского II поселения и Татарско-Азибейской III стоянки (тахеометрическая съемка А.Л. Смирнова и В.В. Морозова 2020 г.)

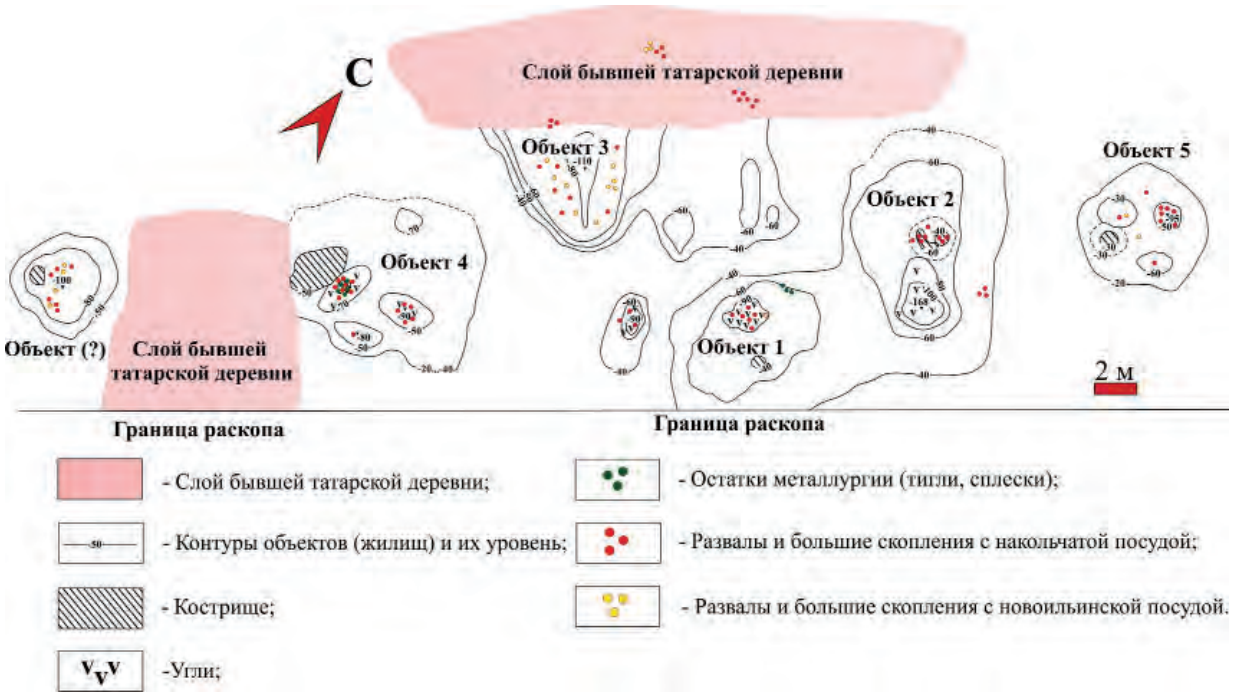

Рис. 3. Объекты (жилища) Татарско-Азибейского II поселения (по: Р.С. Габяшев, 1973)

Рис. 4. Керамика татарско-азибейского типа Татарско-Азибейского II поселения: 1-16 – венчики от сосудов

очагах выявлена только гребенчатая и накольчатая посуда (Габяшев, 1978, с. 53, табл. 1). Кроме керамики отмечено 2048 экземпляров кремневых и каменных предметов и 43 обломка тиглей (Габяшев, 1978, с. 53).

Характеристика накольчатой керамики поселения такова: большинство сосудов имеют тонкие стенки 0,4–0,6 см, хотя и присутствуют толщиной до 0,8 см. В тесте отчетливо фиксируются фракции шамота. Посуда имеет баночную либо с раздутым туловом форму. Срезы венчиков – округлые, прямые и скошенные вовнутрь. Большинство из них украшены насечками. Присуще и украшение внутренней стороны сосуда под венчиком. Формы наколов – овальные (преобладают) и треугольные. Они нанесены, как правило, в отступающей (строчечной) технике. Орнамент расположен на верхней и придонной частях сосудов, включая плоское донце. Узорам присущи различные волнообразные, вертикальные и горизонтальные ряды отступающих наколов. Геометризм характерен для орнаментации днищ. Около 13% сосудов, судя по венчикам и придонным частям, не имеют орнамента или имеют сильно разреженные поля. Для большинства из них характерны насечки по срезу венчика. Приблизительно в 45% случаев толщина донца превышает толщину стенок. Наряду с плоскими донцами бытуют и плосковогнутые. Изредка на посуде фиксируются сквозные сверлины (рис. 4–6).

Рис. 5. Керамика татарско-азибейского типа Татарско-Азибейского II поселения: 1-15 – придонные части и плоские донца от сосудов

В коллекции Русско-Азибейской стоянки также были выявлены характерные фрагменты керамики татарско-азибейского типа, происходящие от пяти сосудов. Это была посуда с примесью шамота, округлыми венчиками, срез или внутренняя сторона которых украшены насечками или наколами (рис. 7: 1–5). Стенки сосудов – тонкостенные (в верхней части). Одно плоское дно не имеет орнамента. Данная группа находит полные аналогии с материалами Татарско-Азибейского II поселения.

В коллекции поселений Сауз I–II выделено 192 фрагмента керамики татарско-азибейского типа (Выборнов, Овчинникова, 1981, с. 34, 47). Усреднённая характеристика накольчатой посуды поселений такова: посуда прямостенной формы с округлыми венчиками и плоскими донцами; средняя толщина стенок равна 0,6–0,7 см; орнамент расположен в верхней и нижней части сосудов; орнаментальные композиции просты – горизонтальные или наклонные ряды наколов и их сочетания (Выборнов, Овчинникова, 1981, с. 47) (рис. 8: 1–11).

В коллекции Гулюковской I стоянки суммарно, с учетом материалов, выявленных Н.М. Капленко в конце XX – начале XXI в., учтено 411 фрагмента накольчатой керамики татарско-азибейского типа, достоверно происходящих от 20 сосудов (Морозов и др., 2017, с. 78). Характеристика накольчатой посуды из этого памятника следующая: абсолютное ее большинство имеет тонкие стенки

Рис. 6. Керамика татарско-азибейского типа Татарско-Азибейского II поселения: 1-14 – венчики от сосудов

0,4–0,6 см; срез венчиков округлый или плоский; в глиняном тесте отмечены примеси шамота; наколы наносились отдельно друг от друга или в отступающей технике; формы наколов овальные и подтреугольные; узоры наносились на верхнюю треть сосуда и придонную (совместно с донцем) часть, хотя фиксируются донца и без орнамента (рис. 9).

Из коллекции Дубовогривской II стоянки/Дубовогривской II островной стоянки (раскопы I–III, 1969 г.), где преимущественно концентрировались материалы позднего бронзового века (Габяшев, Старостин, 1978), нами выделен сосуд, украшенный наколами, хранящийся в фондах Музея ИА им. Халикова АН РТ (рис. 10: 3, 3а). Сосуд залегал в слое, не потревоженном стоянкой позднего бронзового века. Данный сосуд находит полные аналогии в материалах Татарско-Азибейского II поселения.

По материалам раскопов VII, X, XIII, исследованных в 2013–2015 гг. под руководством А.А. Чижевского и А.В. Лыганова, было выделено не менее 17 сосудов татарско-азибейского типа. Характеристика керамики следующая: посуда имеет толщину стенок от 0,4 см (в верхней части) до 1,4 см (в придонной части); на изломах фрагментов отчетливо фиксируются фракции шамота; срезы венчиков округлые и украшены насечками; керамика украшена в верхней и нижней (вместе с плоским донцем) частях отступающими или оди-

Рис. 7. Керамика татарско-азибейского типа Русско-Азибейской стоянки (1-5) и многослойного поселения Муллино (6-13): 1-3, 5, 7, 8 – венчики; 6, 9 – стенки; 4, 10-13 – донца

ночными наколами овальной формы, которые образуют волнообразные, вертикальные и горизонтальные линии (рис. 10: 1, 2, 4–5).

Какрыбашевская стоянка, расположенная на правом берегу р. Ик в Республике Башкортостан, была открыта А.П. Шокуровым в 1959 г. В 1963 и 1979 гг. стационарными раскопами на стоянке Г.И. Матвеевой было исследовано 488 м² (Матвеева, 1982, с. 64–70; Горбунов, 1980, с. 138). Из найденных в раскопе 1963 г. 305 фрагментов керамики удалось выделить 26 сосудов, в том числе: 20 сосудов с накольчатой орнаментацией; 3 пористых (раковинных) сосуда эпохи энеолита; 3 сосуда камской культуры (Матвеева, 1982, с. 64–70). Характеристика накольчатого комплекса следующая: 13 сосудов имели форму сужающихся к низу банок с плоским дном; к примесям к глиняному тесту фиксировался толченый шамот; венчики имели плоскую (50%) либо округлую (50%) форму; толщина стенок сосудов варьировала в пределах 3–10 мм; орнамент, как правило, располагался в верхней части сосудов; отмечена посуда, украшенная по всей внешней поверхности; на 12 сосудах орнаментированы и срезы венчиков (рис. 8: 12–20).

В 1979 г. исследована вся сохранившаяся часть стоянки. В культурном слое выявлено 1177 фр. керамики, из которой 762 фр. отнесены к эпохе эне-

Рис. 8. Керамика татарско-азибейского типа Саузовских стоянок (1-11) (по: А.А. Выборнов, 2008) и Какрыбашевской стоянки (12-20) (по: Г.И. Матвеева, 1982): 1-6, 8-14, 17, 20 – венчики; 15 – стенка; 7, 16, 18-20 – придонные части и донца

олита (Горбунов, 1980, с. 138–139). По венчикам выделено 33 сосуда татарско-азибейского типа.

С учетом исследований Г.И. Матвеевой всего на Какрыбашевской стоянке выделено 53 сосуда.

При изучении коллекции многослойного поселения Муллино, хранящейся в Гимназии № 1505 (г. Москва) и Краеведческом музее им. А.П. Шокурова (г. Октябрьский, Республика Башкортостан), нами впервые выявлены фрагменты накольчатой посуды татарско-азибейского типа. Это 48 черепков от 13 сосудов, восемь из которых удалось выделить по плоским донцам. Данная посуда по своим технико-технологическим показателям полностью идентична керамике татарско-азибейского типа (рис. 7: 6–16), за исключением некоторых второстепенных деталей, как, например, ямочный поясок под срезом, украшавший одну из миниатюрных чаш (рис. 7: 8).

Накольчатая керамика татарско-азибейского типа весьма оригинальна, что отличает ее от посуды синхронных культур неолита – энеолита Прикамья и сопредельных территорий. Всего на памятниках выделено как минимум 354 сосуда татарско-азибейского типа.

Их краткая и усредненная характеристика такова: большинство сосудов тонкостенные; некоторые донца имеют большую толщину, достигая 1,4 см; в глиняном тесте сосудов отчетливо фиксируется примесь шамота; посуда имеет баночную или с раздутым туловом форму; срезы вен-

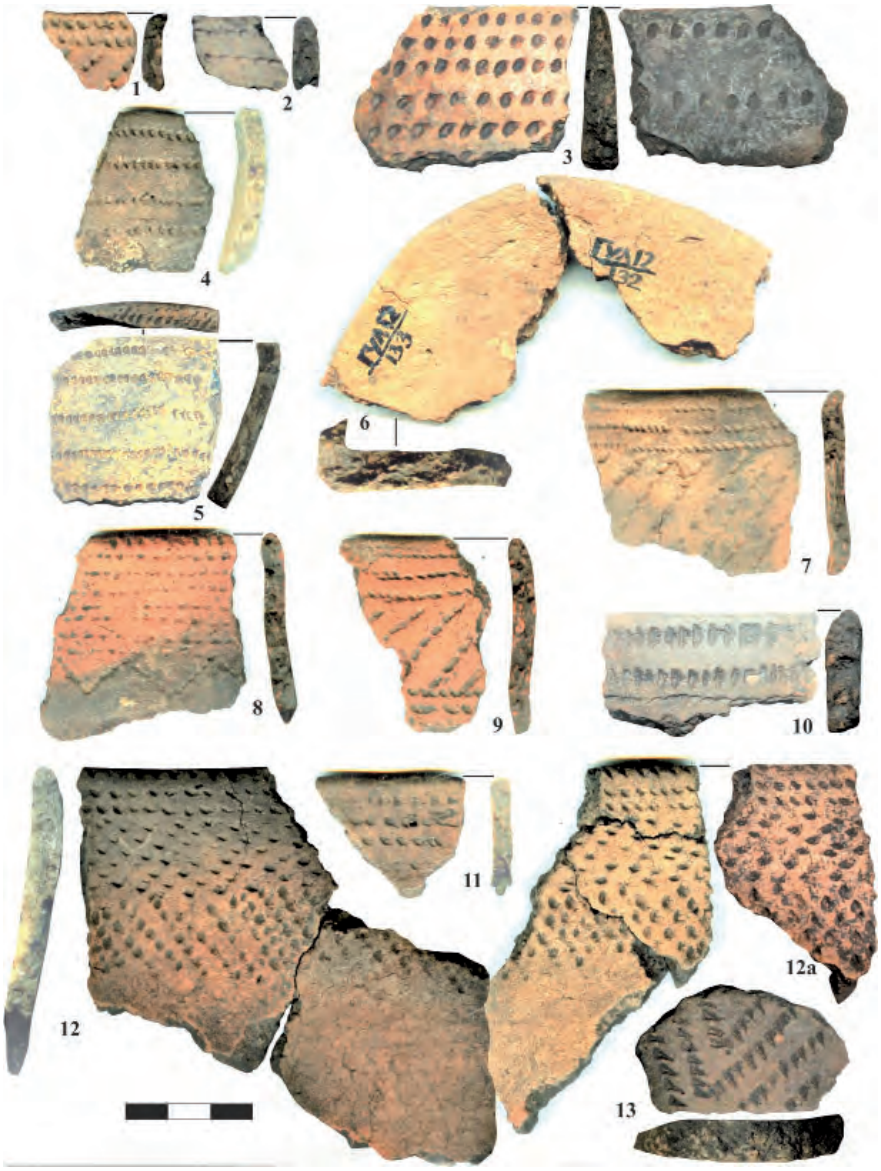

Рис. 9. Керамика татарско-азибейского типа Гулюковской I стоянки:
1-5, 7-12 – венчики; 6,13 – донца

чиков округлые, прямые или скошенные вовнутрь и орнаментированы насечками; часто украшена внутренняя сторона сосуда под венчиком; формы наколов – овальные (преобладают) и треугольные, они наносились, как правило, в отступающей технике; узор расположен на верхней и нижней частях сосуда, включая плоское донце; орнаментальным мотивам присущи различные волнообразные, вертикальные и горизонтальные линии, выполненные отступающими наколами. Отдельные фрагменты плоскодонных накольчатых сосудов татарско-азибейского типа были выявлены в Пермском Предуралье на памятниках Заборное Озеро, Бойцовское I, Тюремка I и Усть-Очер I. Примечательно, что такие фрагменты керамики не отделялись авторами от неолитической, или «флажковой», посуды (Бадер, 1961, с. 115, 215) или соотносились по времени с новоильинским горизонтом (Мельничук, 2011, с. 25).

Все вышеописанные археологические памятники имеют многокультурный характер с включениями материалов позднего неолита (Русско-Азибейская, Какрыбашевская, Гулюковская I, Муллино), протоэнеолита (новоильинской культуры) (Татарско-Азибейское II, Муллино). Несмотря на это, исследователям Гулюковской I стоянки (Лыганов и др., 2015, с. 72) удалось связать некоторые каменные изделия с накольчатой керамикой (рис. 11: 4–8, 12–15). Среди них такие морфологически выраженные орудия, как концевые и боковые скребки, резцы на сломе пластины, фрагмент ложкаря, проколка на пластине яшмовидного красно-коричневого кремня и группа наконечников стрел. Среди последних серию образуют эк-

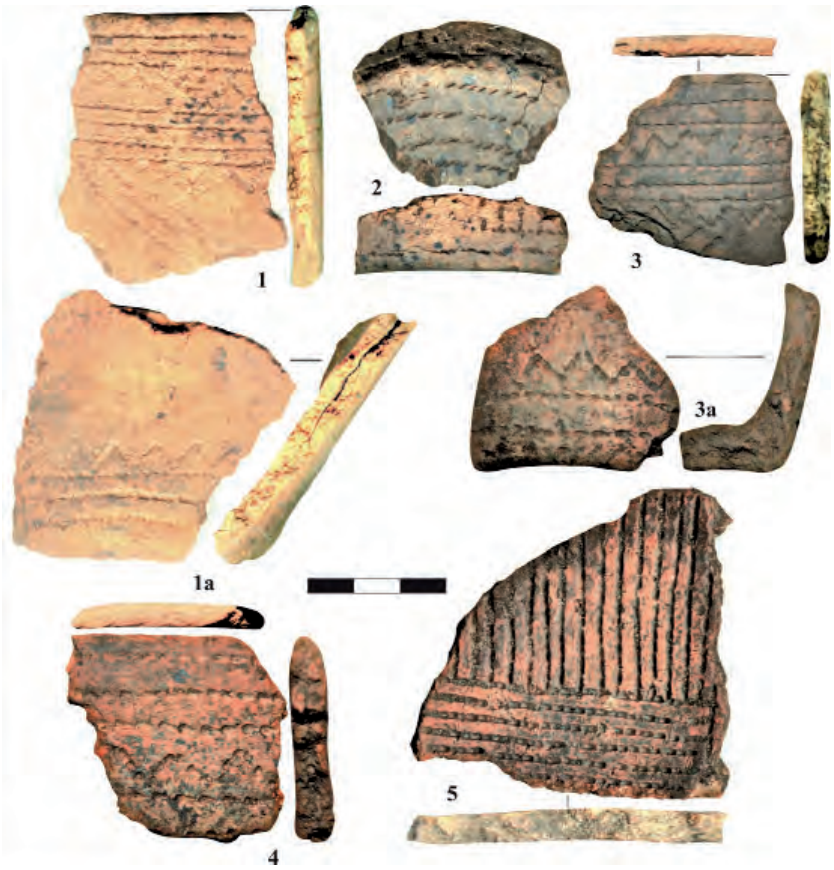

Рис. 10. Керамика татарско-азибейского типа Дубовогривской II стоянки (3-3а); Дубовогривской II островной стоянки (1-2, 4, 5): 1, 3, 4 – венчики; 1а, 3а, 5 – придонные части донца

земпляры, выполненные на узких кремневых пластинах с плечиками и зауженным черешком. При этом краевая ретушь на спинке, оформляющая черешок и острие, сочетается с пологой либо полукрутой ретушью на брюшке (Лыганов и др., 2015, с. 72, 74). Аналогичные типы наконечников фиксируются исследователями на всех памятниках, где была найдена керамика татарско-азибейского типа (рис. 11: 1–3, 9).

Могильников с керамикой татарско-азибейского типа на сегодняшний день не выявлено.

Стратиграфия и хронология

Затрагивая проблему стратиграфии памятников, необходимо отметить, что опорные поселенческие комплексы, содержащие в культурных напластованиях татарско-азибейский тип накольчатой керамики, являются стоянками со смешанным культурным слоем. Они расположены, как правило, на дюнах с рыхлым песчаным грунтом, которые заселялись человеческими коллективами многократно на протяжении длительного периода времени. Такие памятники характеризуются крайне невыразительной стратиграфией (Сорокин, 2011, с. 32; Сорокин, 2016, с. 23).

Р.С. Габяшев по итогам исследования Татарско-Азибейского II поселения опирался на наблюдения за распределением разнокультурных материалов, в т. ч. из полузакрытых комплексов (ямы и очаги). Здесь были найдены выплески меди и тигли. Кроме того, по наличию в этих заполнениях накольчатой и близкой к новоильинской керамики он датировал комплекс самым началом меднокаменного века (Габяшев, 2003, с. 81–83) и синхронизировал на определенном этапе керамику татарско-азибейского типа с новоильинскими памятниками (Габяшев, 1982, с. 33).

Похожие наблюдения за стратиграфией имели место на поселении Муллино. А.П. Шокуров отмечал находки плоскодонной посуды в нижних слоях неолита (Шокуров, Киктенко, 1978, с. 134), а Г.Н. Матюшин фиксировал такую керамику в энеолитическом слое – Муллино III (Матюшин, 1982, с. 205–206).

Авторами настоящей главы отмечались также параллели керамики татарско-азибейского типа с накольчатой посудой в памятниках Камско-Вятского междуречья (Морозов и др., 2017, с. 82). По наблюдениям Т.М. Гусенцовой, на Кочуровском I поселении развалы сосудов с наколами, близкие татарско-азибейскому типу, залегали в хозяйственных ямах совместно с гребенчатой керамикой (Гусенцова, 1993, с. 88).

Рис. 11. Изделия из кремня:
1-3, 9-11, 16-24 – Татарско-Азибейское II поселение; 4-8, 12-15 – Гулюковская I стоянка

Р.С. Габяшев проводил аналогии с раннеэнеолитическими материалами стоянок приустьевой части Камы типа Щербетьской II, Тетюшской IV, Ага-Базарскими. Он полагал, что татарско-азибейский тип керамики входит в тот же культурный круг, что и вышеперечисленные памятники, но является более поздним. Иными словами, керамика татарско-азибейского типа продолжила традиции развития накольчатой посуды щербетьского типа (Габяшев, 2003, с. 81). Кроме того, исследователем не исключались и зауральские параллели в материалах боборыкинского типа (Габяшев, 1982, с. 33).

Проанализировав все накольчатые комплексы Нижнего Прикамья, А.А. Выборнов пришел к выводу, что памятники татарско-азибейского типа были оставлены очередной волной лесостепного населения, которые продвинулись на север уже на грани неолита и энеолита. Иначе говоря, накольчатая керамика приустьевой части Камы и татарско-азибейского типа между собой не связаны и имеют только отдаленное культурное родство (Выборнов, 1992, с. 59). К похожим выводам пришел А.В. Вискалин. Он считает, что причиной продвижения очередной волны южной группы населения, изготовляющей накольчатую керамику, являлись климатические колебания (Вискалин, 1999, с. 51, 52; 2010, с. 235; 2010а, с. 234). Исследователями также высказывались предположения, что носители культуры поздней накольчатой керамики могли принимать участие в формировании новоильинской культуры (Наговицын, 1993, с. 59–76).

По накольчатой керамике Татарско-Азибейского II поселения была получена дата 4790±80 BP 2σ) 3710–3360 calBC (рис. 12: 1) (Выборнов, 2008а, с. 20), которая долгое время оставалась единственной для памятников татарско-азибейского типа. С возобновлением исследовательского интереса к новоильинской культуре (Мельничук, 2011; Лычагина и др., 2019; Морозов, 2019; Выборнов и др., 2019) и вообще к переходному времени от неолита к энеолиту в Прикамье вопросы происхождения, хронологии и дальнейших судеб реликтовой группы населения, оставившей памятники татарско-азибейского типа, снова становятся актуальными.

По накольчатой керамике Гулюковской I стоянки получено определение возраста – SPb-2377: 4872±100 BP 2σ) 3822–3497 calBC (рис. 12: 3) (Морозов и др., 2021). Для фрагментов керамики с наколами стоянки Заборное Озеро I (Среднее Прикамье) получено определение – Ki-16860: 4930±90BP 2σ) 3956–3627 calBC (рис. 12: 4). Повторное датирование керамических материалов Татарско-Азибейского II поселения показало близкие значения – SPb-3252: 4830±120 BP 2σ) 3818–3363 calBC (рис. 12: 2)[1]. Несмотря на небольшую серию, даты имеют очень близкие значения. По-видимому, они очерчивают хроноинтервал функционирования памятников татарско-азибейского типа в Икско-Бельском междуречье и севернее – в Среднем Прикамье. Он укладывается в узкий временной промежуток конца первой четверти – второй четверти IV тыс. calBC.

Исходя из полученных данных, на современном этапе исследований мы предварительно можем говорить о том, что в начале IV тыс. calBC на территорию Нижнего (восточной части), Среднего и Верхнего Прикамья проникают носители своеобразной керамики татарско-азибейского типа, которые, судя по остаткам материальной культуры, были крайне малочисленными коллективами. По всей видимости, группы населения татарско-азибейского типа не могли принимать участия в формировании новоильинской культуры, как это считалось ранее (Наговицын, 1993). Это объясняется тем, что по абсолютным датам формирование новоильинской культуры произошло не позднее конца V тыс. calBC (Лычагина, Выборнов, 2009; Выборнов и др., 2019). Нельзя исключать взаимодействие с ее носителями и участие в трансформации новоильинской керамики.

Генезис материальной культуры

Благодаря накопленному банку радиоуглеродных определений для обширной территории лесной, лесостепной зон Европейской части России и Западной Сибири на сегодняшний момент мы можем исключить южное направление истоков появления памятников татарско-азибейского типа в Прикамье. На момент функционирования носителей этого типа керамики в Прикамье территория к югу была заселена носителями самарской энеолитической культуры (на позднейших этапах своего бытования) и турганикского и ямно-репинского типа керамики (Моргунова и др., 2010; Моргунова, 2011), а также представителями средневолжского варианта волосовской культуры (Королев, Шалапинин, 2010), т. е. культур энеолита и раннего бронзового века, керамика которых не украшалась накольчатым орнаментом.

К западу от Прикамья и, собственно, в самом Прикамье в промежуток 3800–3500 calBC функционировали культуры т. н. протоэнеолита: красномостовский тип памятников и носители ранней волосовской керамики – в Марийском Поволжье (Никитин, 1991; Никитин, 2012; Никитин, 2017; Кондратьев, Шалапинин, 2011), новоильинская культура – в Прикамье (Выборнов и др., 2019), которая к середине IV тыс. calBC сменяется памятниками «классического пористого энеолита», объединенными в волосово-гаринскую общность (Халиков, 1982; Крайнов, 1987). Краткая характеристика такой посуды выглядит следующим образом: сосуды с округлым или плоским дном, с пористой структурой (от выщелоченной раковины) или примесями органических материалов в тесте, украшенные различными вариантами гребенчатого штампа.

Таким образом, к югу и западу от бассейна Камы абсолютно отсутствуют аналогии керамической посуде татарско-азибейского типа. Сосуды с наколами средневолжской неолитической культуры типа Виловатовской стоянки, щербетьский тип памятников с накольчатой керамикой приустьевой части Камы и Марийского Поволжья имеют абсолютный возраст, на 1000 лет древнее памятников татарско-азибейского типа (Выборнов, 2008).

Обратимся за аналогиями в Зауралье (Западную Сибирь). Исследователи выделяют в эпоху неолита культуры с накольчато-прочерченным орнаментом: кошкинскую (ранний неолит), боборыкинскую (поздний неолит) (Ковалева, 1989; Ковалева, Зырянова, 1998, 2016), боборыкинскую ранненеолитическую культуру с боборыкинским и кошкинским этапами (Зах, 2006; Зах, Зимина, 2018). В эпоху энеолита на этой территории нас интересует, прежде всего, липчинская культура с ложношнуровой керамикой, украшавшейся в том числе оттисками отступающих наколов (Старков, 1978; Мосин, 2016; Зах, Зимина, 2018).

Типологически керамика татарско-азибейского типа находит наиболее близкие параллели в бобо-

[1] Дата публикуется впервые.

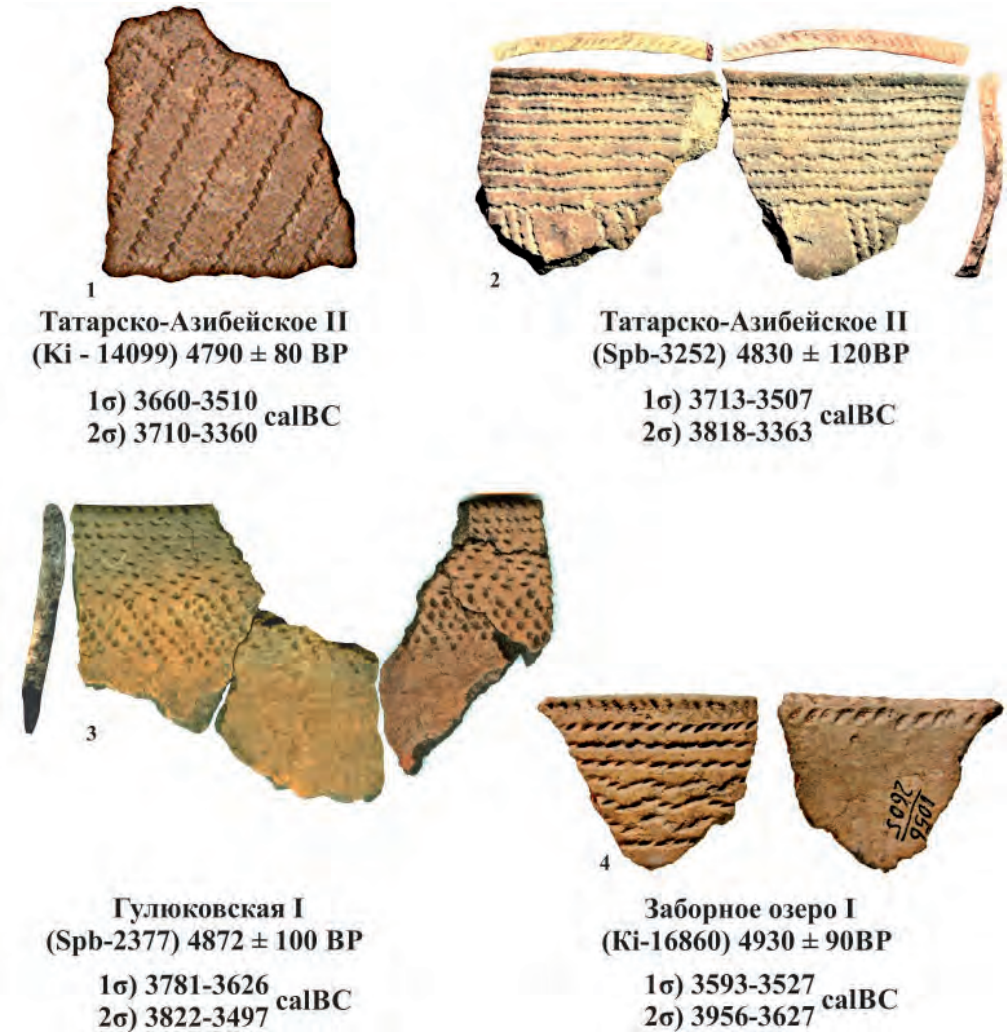

Рис. 12. Радиоуглеродные определения по керамике татарско-азибейского типа

рыкинских древностях: плоские донца, орнамент в верхней и придонной части сосудов, охристый цвет черепков, большое разнообразие форм посуды, округлость тулова, преобладание овального накола. Все эти признаки отсутствуют в других накольчатых типах керамики Зауралья. Однако между боборыкинской и керамикой татарско-азибейского типа существуют и фундаментальные различия, такие как: толстостенность керамики, наплыв или валик у дна сосудов, прочерченный, нарезной и ямчатый способ украшения боборыкинской посуды (Ковалева, Зырянова, 2016, с. 11–12). Боборыкинская традиция древнее керамики татарско-азибейского типа и могла функционировать, судя по кучной серии дат, в период 6226–5490 BP или 5469–4260 calBC (Мосин, 2016, с. 6).

С керамикой татарско-азибейского типа в Зауралье синхронна «ложношнуровая» липчинская керамическая традиция. Ее абсолютный возраст, судя по датам по углю, дереву и костям животных из культурного слоя с разнотипной керамикой, образует хроноинтервал в пределах 5300–3758 BP или 4322–2046 calBC. Абсолютный возраст по единичным датам по керамике составляет: Остров Веры (Ki-16396) 4650±90 BP 2σ) 3639–3104 calBC, Слабодчики (SPb-540) 4330±120 BP 2σ) 3354–2631 calBC (Епимахов, Мосин, 2015, с. 31). Эти даты несколько моложе дат, полученных по керамике татарско-азибейского типа.

Еще одна точка зрения на происхождение памятников татарско-азибейского типа в Икско-Бельском междуречье заключается в автохтонном развитии комплексов накольчатой керамики на протяжении всей неолитической эпохи, начиная с раннего неолита вплоть до раннего энеолита. С появлением и накоплением базы радиоуглеродных определений исследователи неолита региона сходятся во мнении, что носители накольчатой и гребенчатой традиции изготовления посуды сосуществуют с раннего неолита на всем протяжении позднего каменного века (Гусенцова, 2007, с. 96, 97; Выборнов, 2008; 2008а; Выборнов и др.,

2008). В позднем неолите, по результатам анализа керамической коллекции памятников, фиксируется «период ассимиляции» (Калинина, 1993, с. 9). Этот период характеризуется максимальным распространением накольчатой керамики в Прикамье.

Следовательно, существует вероятность того, что памятники с накольчатой керамикой татарско-азибейского типа генетически связаны с ранним неолитом – накольчатой керамикой Приустьевого Прикамья щербетьского типа. К сходным выводам в своей докторской диссертации недавно пришла Е.Л. Лычагина, которая отмечает в позднем неолите в Среднем и Верхнем Прикамье накольчатую керамику, носители которой, вероятно, могли из-за ухудшения климатических условий мигрировать в обратном направлении – вниз по течению р. Камы в Икско-Бельское междуречье (Лычагина, 2020, с. 217, 218).

Таким образом, татарско-азибейский тип памятников с накольчатой керамикой являлся своеобразным культурным образованием, существовавшим в финале неолита – начале энеолита в Прикамье. На это время указывают находки на Татарско-Азибейском II поселении обломка оплавленного тигля, медных шлаков и капель меди, а также кремневых орудий на пластинах совместно с накольчатой керамикой в полузакрытом комплексе. Абсолютная хронология татарско-азибейских памятников базируется на радиоуглеродных датах, полученных по керамике. Судя по этим датам, время существования татарско-азибейских комплексов относится к первой половине – середине IV тыс. до н. э. Немногочисленность поселенческих памятников со смешанным культурным слоем, отсутствие могильников, схожесть накольчатой керамики с неолитической не дают возможности выделять данный тип в самостоятельную культуру.

ГЛАВА 11
НОВОИЛЬИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Первые памятники новоильинской культуры были обнаружены в 1950 г. КАЭ ПГУ под руководством О.Н. Бадера в устье р. Чусовой. Как отмечал исследователь, «…был выявлен своеобразный архаичный комплекс керамики с «флажковым» орнаментом…» (Бадер, 1961, с. 11). «Флажковая» керамика была найдена на поселениях Бор IV, Боровое Озеро II и Боровое Озеро III.

Позднее (1956–1959 гг.) памятники с подобной керамикой были зафиксированы в зоне строительства Воткинской ГЭС, в южной части Среднего Прикамья – Усть-Паль, Бойцовское I, Тюремка I, Гагарское II, Гагарское III, Новоильинское III (Бадер, 1961, с. 189–191), вплоть до устья р. Белой – Сауз I–IV (Бадер, Выборнов, 1980, с. 124–137; Матюшин, 1982). Таким образом, уже в 1950-е годы было обнаружено и исследовано раскопками более 10 памятников с «флажковой» керамикой, дана характеристика материальной культуры, изучены остатки жилищ. В то же время сам термин «флажковая» керамика был признан О.Н. Бадером неудачным, так как узор подобного вида встречался не так часто и далеко не на всех памятниках данной группы. Поэтому было предложено называть культуру гагарской или новоильинской по опорным памятникам, изученным в районе строительства Воткинского водохранилища (Бадер, 1961а, с. 60–75). В конечном итоге за культурой закрепилось название «новоильинская».

Изучение новоильинской культуры было продолжено в 1970–80-е гг. В это время памятники данного типа были обнаружены и исследованы на территории Икско-Бельского междуречья (Габяшев, 1978, с. 40–67; Выборнов, Овчинникова, 1981; Выборнов, Обыденнов, Обыденнова, 1984; Выборнов, Елизаров, Овчинникова, 1985), а также в бассейне р. Вятки (Гусенцова, 1980, с. 70–95; Наговицын, 1980, с. 5–19; Наговицын, 1984, с. 89–123). Небольшие выборки сосудов новоильинского типа были обнаружены на многослойных памятниках Муллино и Давлеканово в Башкирском Предуралье (Матюшин, 1982). Последний, по времени обнаружения, памятник данной культуры – стоянка Чашкинское Озеро I – был изучен Е.Л. Лычагиной в Верхнем Прикамье в 2007 г. (Лычагина, 2008, с. 177–183). В 2009 г. были проведены исследования поселения Заюрчим I, в ходе которых было частично изучено еще одно жилище новоильинской культуры (Коренюк, Мельничук, 2010, с. 180–187).

Памятники новоильинской культуры распространены на территории Средней и Нижней Камы, в Камско-Вятском междуречье в пределах Пермского края, Удмуртии, Северной Башкирии и Восточного Татарстана (рис. 1). Л.А. Наговицын относил к новоильинским и стоянки лесного Марийского Поволжья, которые другие исследователи определяли в особый красномостовский тип памятников (Наговицин, 1993, с. 61; Никитин, 1984, с. 31–43).

Наличие памятников новоильинской культуры на достаточно обширной территории Волго-Камья свидетельствует о ней как о значительном и относительно долговременном культурном явлении. На сегодняшний день известно около 30 памятников, относящихся к этой культуре. К наиболее крупным и хорошо изученным памятникам следует отнести поселения Новоильинское III, Гагарское III, Усть-Очер I, Сауз I, Сауз II, Татарско-Азибейское II, Русско-Азибейское III, Кочуровское IV, Среднее Шадбегово I.

Дадим краткую характеристику новоильинской культуры. Поселки обычно состояли из 1–3 жилищ, которые располагались на невысоких (1–5 м) первых боровых террасах. Жилища имели удлиненную подпрямоугольную или подквадратную форму. Размеры жилищ составляли: на Кочуровском IV поселении – 13×7,5 м; на Среднем Шадбегово I – 9,7×7,4м; на Усть-Паль – 11×5 м; на Новоильинском III – 7×7 м. Глубина построек варьировала в пределах от 0,25 до 1 м. Выходы из жилищ устраивались в форме коридоров, постепенно поднимающихся от пола к поверхности. Следы от столбовых ямок позволяют исследователям предполагать бревенчатую конструкцию с двухскатной крышей (Наговицын, 1993, с. 61).

Для посуды новоильинской культуры характерны полуяйцевидные сосуды с прямым или широко открытым горлом (рис. 2–7). Толщина фрагментов варьирует от 0,8 до 1,1 см. Основная форма днищ – округлая и коническая, в редких случаях – плоская. Примесью в формовочной массе служил

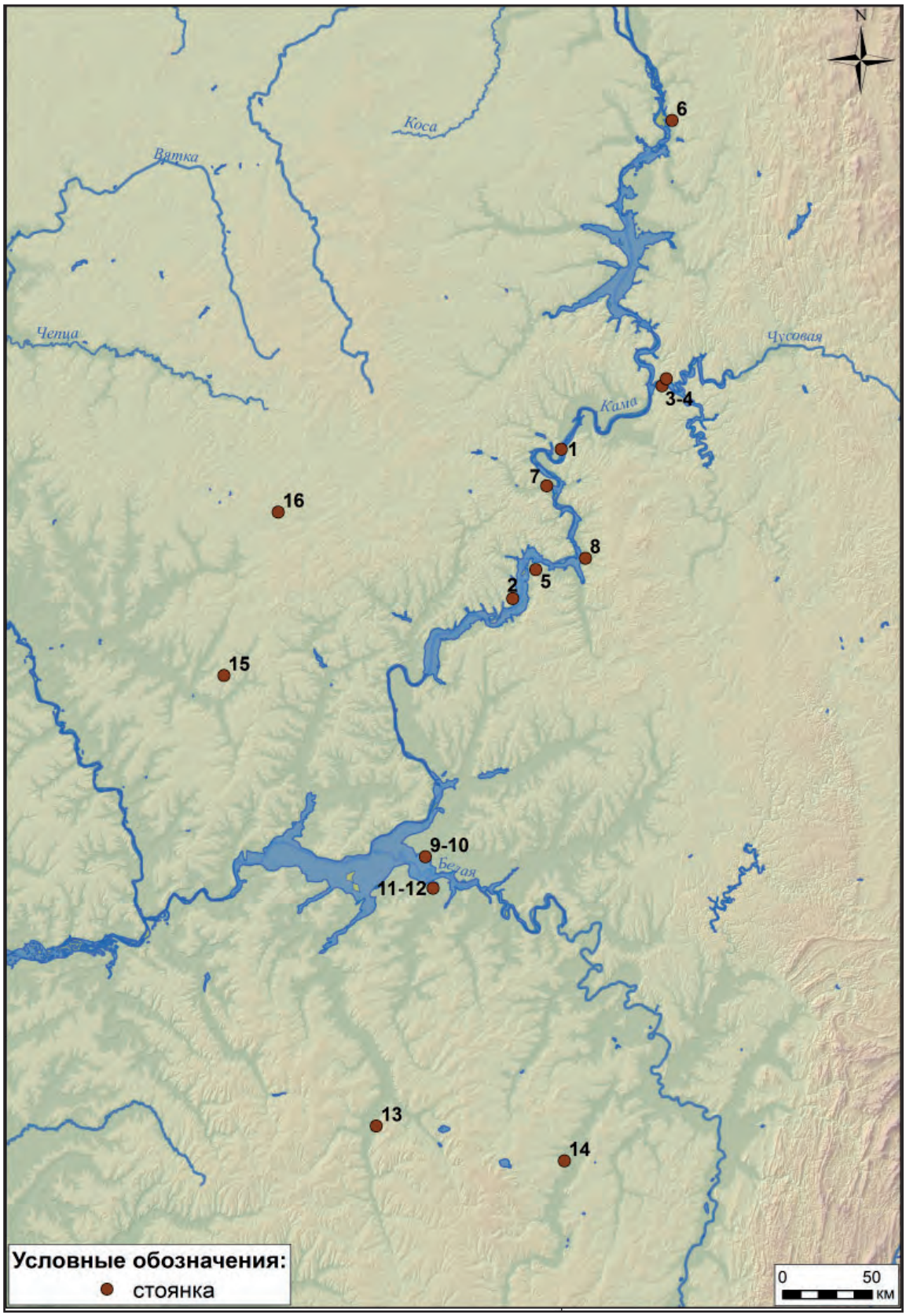

Рис. 1. Карта памятников новоильинской культуры.

Стоянки и поселения:

1 – Новоильинское III; 2 – Гагарское III; 3 – Бор IV; 4 – Боровое Озеро II; 5 – Бойцовское I; 6 – Чашкинское Озеро I; 7 – Усть-Очер; 8 – Усть –Паль; 9 – Сауз II; 10 – Сауз I; 11 – Татарский Азибей II; 12 – Русский-Азибей III; 13 – Муллино; 14 – Давлеканово; 15 – Кочуровское IV; 16 – Среднее Шадбегово I

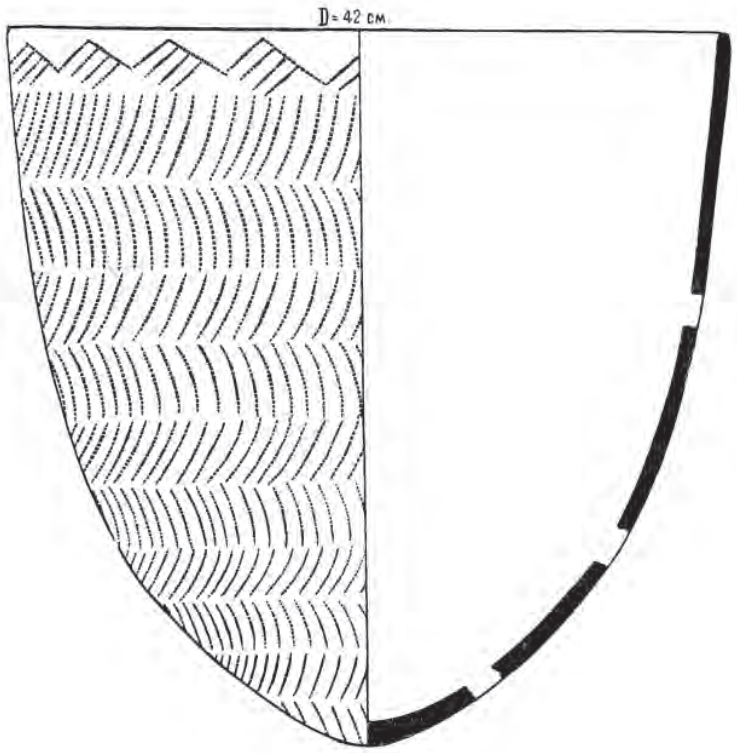

Рис. 2. Керамика поселения Новоильинское III

шамот. На некоторых памятниках, относимых исследователями к поздней группе, встречаются органические примеси. Так, на поселении Среднее Шадбегово I 36%, а на Кочуровском IV поселении 47% керамики имели органическую примесь. Внешняя и внутренняя стороны фрагментов хорошо заглажены мягким предметом. Часть сосудов, которые отличаются примесью органики, на своей внутренней стороне имеют следы расчесов зубчатым штампом. Преобладают округлые, плоскоскошенные, слегка отогнутые наружу срезы венчиков. У части сосудов по венчикам нанесены пальцевые защипы, отчего они выглядят гофрированными (для венчиков с защипами на некоторых памятниках достигает 20%).

Расположение орнамента на новоильинской посуде более разреженное, чем на неолитической. В технике нанесения узоров преобладал средний (7–8 зубцов) и короткий (4–6 зубцов) гребенчатый штамп прямоугольной, овальной и изогнутой формы. Реже (до 10%) встречался ямочный орнамент в виде неглубоких овальных или округлых отпечатков. Характерно глубокое вдавление в поверхность сосудов всех вариантов штампов.

Орнаментальные композиции делятся на простые и сложные. Первые (преобладающие) представлены горизонтальными рядами наклонных или прямых оттисков различных штампов, сочетанием горизонтальных и наклонных рядов, сочетанием наклонных рядов и горизонтального зигзага, рядов длинных оттисков, разделенных короткими отпечатками. Они напоминают неолитические узоры (рис. 2–4). Вторые представлены треугольниками, вертикальным зигзагом, ромбами, косой решеткой и флажками (рис. 5–7). Последние, хоть и редки, но встречаются на сосудах от Среднего до Нижнего Прикамья. «Шагающая гребенка», характерная для неолита, на новоильинских памятниках практически не встречается.

Опираясь на анализ керамического инвентаря, исследователи предлагают выделять внутри новоильинской культуры локальные варианты и хронологические группы (Выборнов, 1984, с. 13; Наговицин, 1993, с. 65–67). Так, на памятниках II Татарский Азибей и III Русский Азибей превалируют сосуды закрытой формы, на внутренней стороне венчика встречается наплыв, доминирует средний и узкий штамп, узоры просты, есть плоские днища (Габяшев, 1981, с. 15–17; 1994, с. 16–38; Шипилов, 2012, с. 12, 13). В свою очередь, комплексы памятников Сауз I–II (рис. 5) и Кочуровское IV (рис. 6, 7) сближаются прямостенностью и открытостью форм сосудов, отогнутостью наружу венчиков и гофрировкой их срезов, преобладанием крупного и короткого штампов, наличием разнообразных и сложных узоров. И если

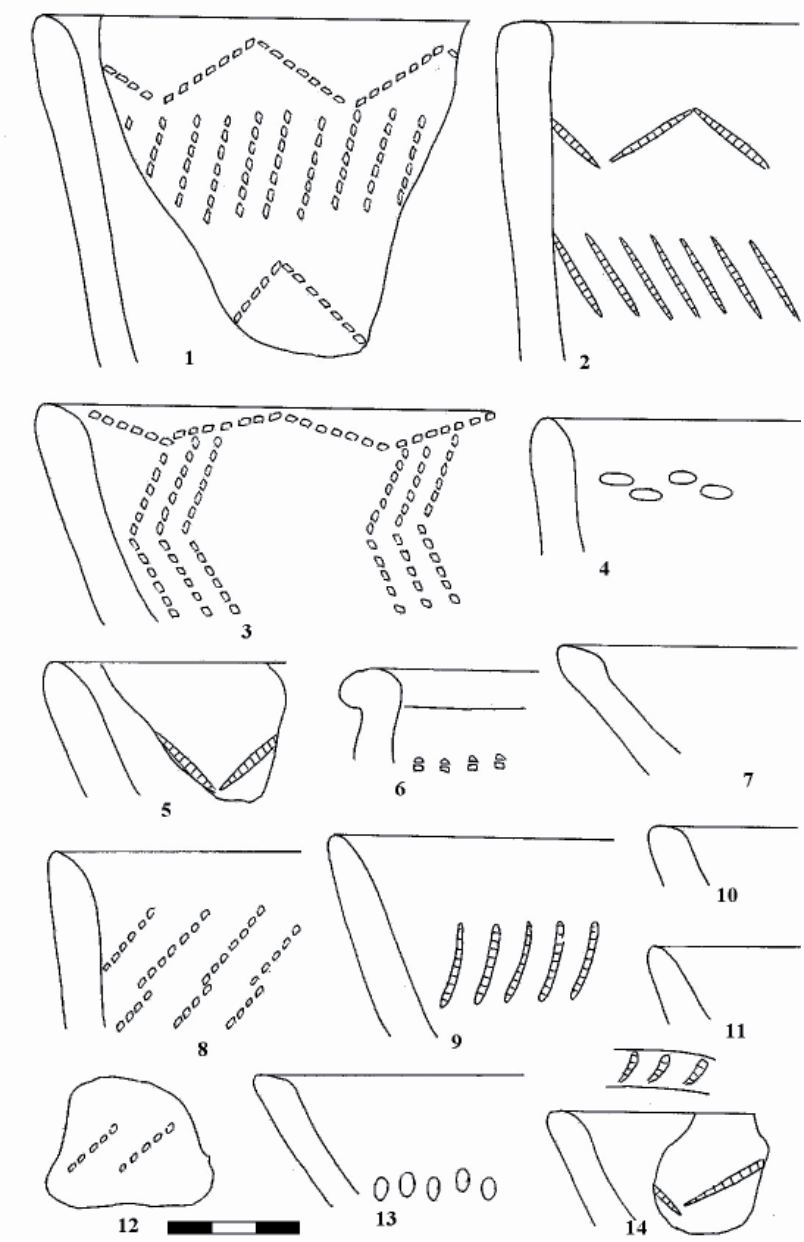

Рис. 3. Керамика поселения Гагарское III

комплексы типа III Русско-Азибейской стоянки сходны с материалами Среднего Прикамья, то инвентарь таких стоянок, как Сауз I–IV, сходен с комплексами бассейна р. Вятки.

Для изготовления орудий использовались местные материалы. Так, в Икско-Бельском междуречье это полосчатый (яшмовидный) тёмно-серого цвета кремень. Примечательно, что такое сырье начинают применять предшественники носителей новоильинской культуры в данном регионе – представители русско-азибейского типа с воротничковой керамикой (Выборнов, 1984). Характерной чертой является использование плитчатого кремня и молочно-голубоватого галечникового кремня, особенно в Среднем Прикамье (рис. 8: 7; 9: 16). Зачастую встречается кремень хорошего качества, однородный, кварцевого и халцедонового состава. Скорее всего, это сырьё попадало на поселение или в виде более-менее подготовленных пренуклеусов и нуклеусов, или в виде готовых изделий (Цыгвинцева, 2010, с. 14). Технология расщепления кремня была направлена на получение заранее заданных удлиненных прямоугольных отщепов с трёх- и четырёхгранными спинками, относительно массивных в сечении, которые получали при помощи удара через посредник. Среди орудий Кочуровского IV поселения имеются два инструмента на длинных кремнёвых пластинах, которые были получены при помощи ударной техники (Гусенцова, 1980, с. 86; Цыгвинцева, 2012,

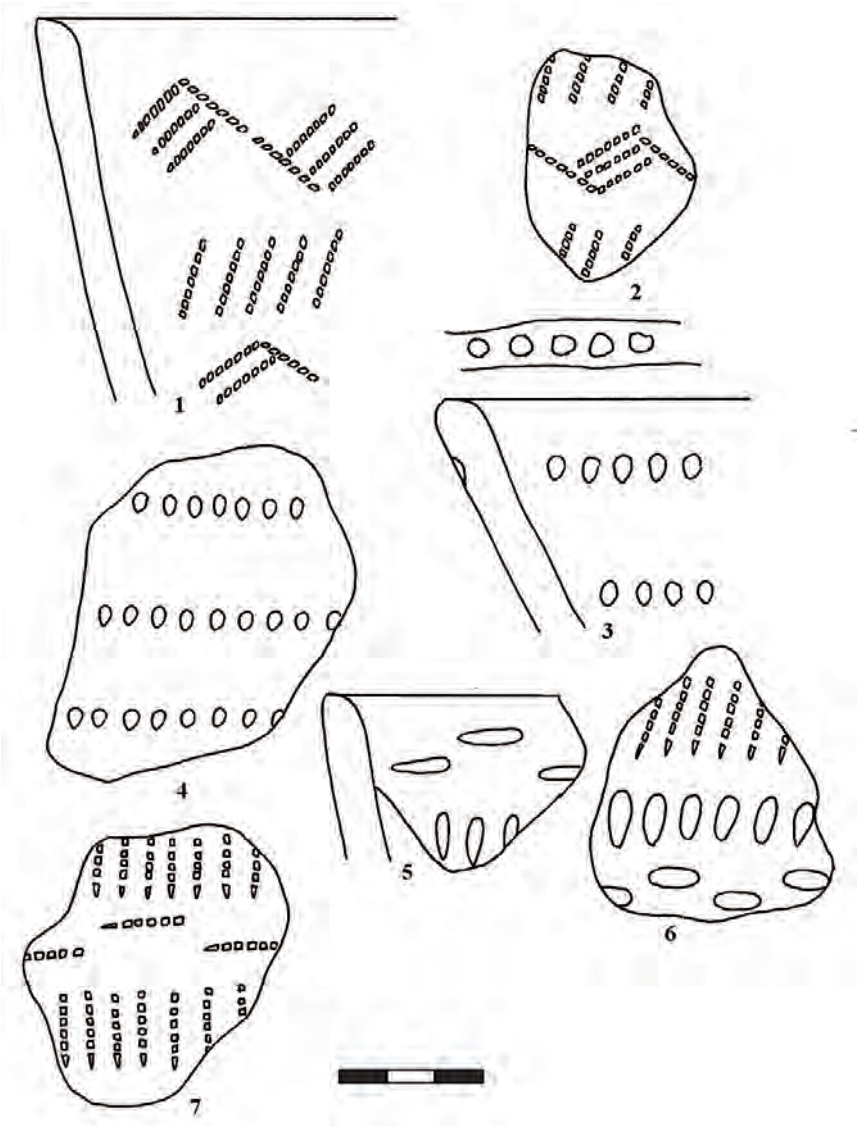

Рис. 4. Керамика поселения Гагарское III

с. 97, 100). Трасологический метод позволил установить их использование в качестве кинжала и однолезвийного ножа для разделки добычи (Цыгвинцева, 2012). Значительный процент скребков, ножей, острий, наконечников изготовлен на крупных пластинах или массивных пластинчатых сколах. В Икско-Бельском междуречье в каменной индустрии преобладают орудия из пластин, но их параметры меньше, чем у русско-азибейских (Шипилов, 2012, с. 13).

Набор орудий во многом напоминает номенклатуру изделий эпохи неолита. Крупными сериями представлены скребки подпрямоугольной формы с прямым или округлым рабочим лезвием и отретушированными боковыми гранями (рис. 9: 1, 2, 4, 9, 12, 15), прямолезвийные ножи с односторонней ретушью по продольным сторонам (рис. 9: 11, 17). Особую группу орудий составляют так называемые фигурные ножи – саблевидной, листовидной, трапециевидной формы (рис. 9: 14). Характерными являются также скребки-ножи на крупных пластинах и пластинчатых отщепах (рис. 9: 9). Наконечники стрел имели листовидную, ромбическую, треугольную, миндалевидную форму (рис. 8: 1, 2; 9: 6, 8). Устойчивыми формами орудий представлены сверла и скобели. Шлифованные орудия известны по сериям небольших тесел, долот, топоров, сделанных из сланца и кремня (Лычагина, Выборнов, 2009, с. 33–37; Цыгвинцева, 2010).

Следы меднолитейного производства обнаружены на поселениях Усть-Очер I (капли меди), Новоильинское III (медный слиток и два уплощенных стержня), Гагарское III (овальная бляшка с ромбическим отверстием), II Татарский Азибей

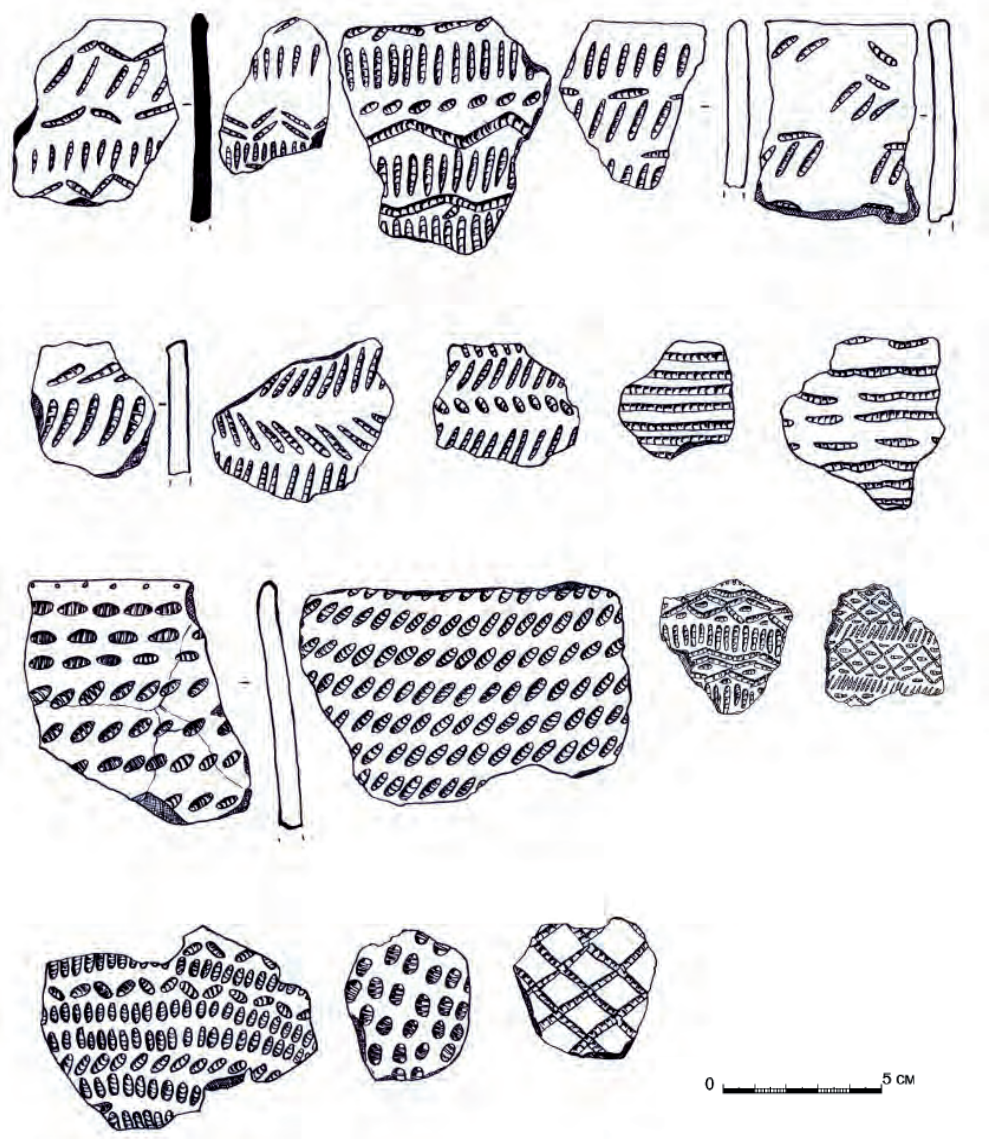

Рис. 5. Керамика стоянок Сауз II и Сауз I

и III Русский Азибей (Габяшев, 1994). Именно на основе присутствия изделий из меди на ряде памятников новоильинская культура была отнесена к энеолиту. Необходимо отметить, что на всех памятниках, где присутствовал металл, имелся более поздний энеолитический слой, относящийся к волосово-гаринской общности (Мельничук, 2011, с. 24, 25; Бадер, 1961б, с. 60–75). Условно «чистым» комплексом считается Гагарское III поселение. Однако оно находится на одной дюне на небольшом расстоянии с Гагарским I и Гагарским II поселением, основной комплекс которых относится к энеолитическим культурам с пористой керамикой. Поэтому обнаруженная на нем медная бляшка также могла быть не связана с основным комплексом памятника.

В тех же случаях, когда исследовались «чистые» комплексы новоильинской культуры или они соседствовали с материалами камской неолитической культуры (например, Чашкинское Озеро I, Кочуровское IV, Среднее Шадбегово I, Аркуль IV), никаких следов металлообработки обнаружено не было. Поэтому вопрос о наличии собственного металла в новоильинской культуре остается открытым. На сегодняшний день никаких металлургических сооружений, литейных форм или специфических типов предметов, которые можно было бы связать исключительно с новоильинской культурой, не обнаружено.

В этой связи актуальным становится вопрос о хронологических рамках новоильинской культуры. Первым вопрос о датировке попытался решить О.Н. Бадер. Несмотря на отмеченную им же архаичность и неолитоидность «флажковой» керамики, автор счел возможным датировать новоильинскую культуру поздним энеолитом (XVI–XIV

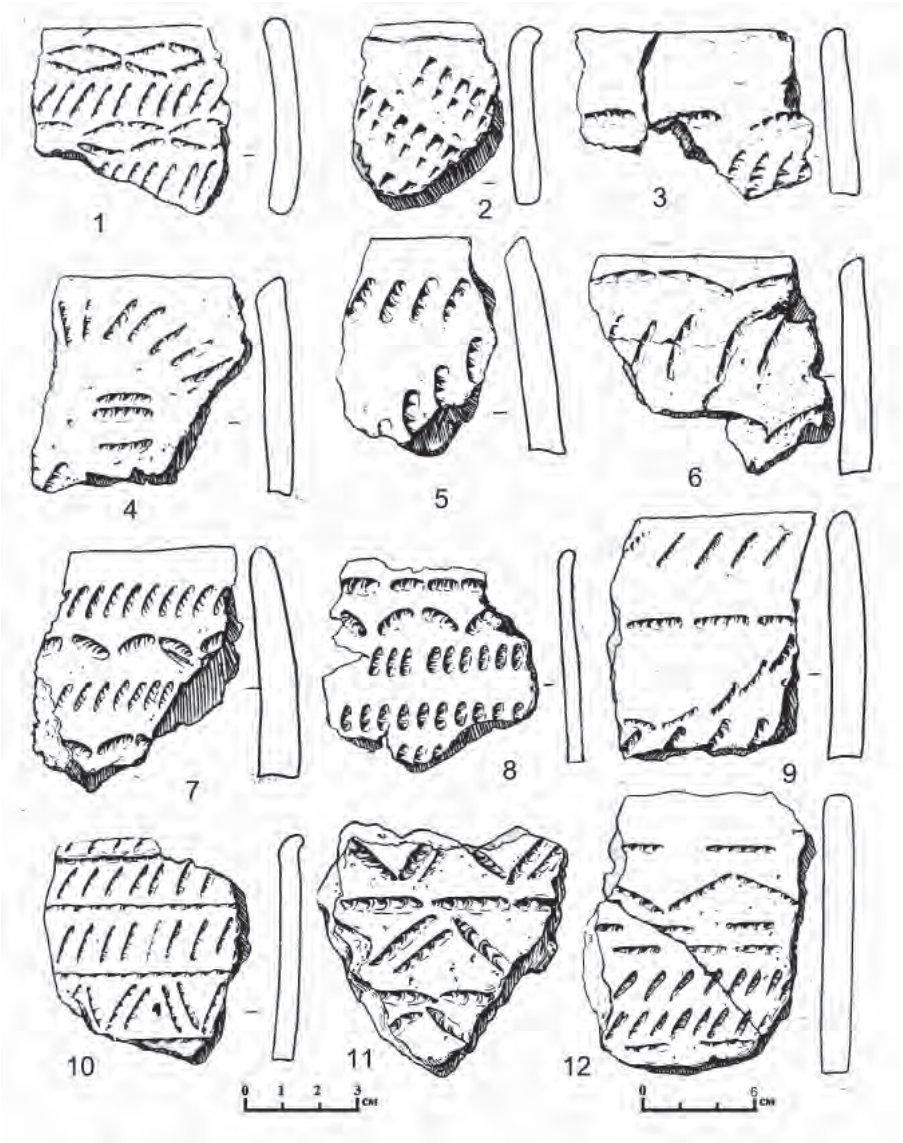

Рис. 6. Керамика поселения Кочуровское IV

вв. до н.э.) (Бадер, 1961а, с. 264). Также необходимо отметить, что исследователь считал данную культуру пришлой на территории Среднего Прикамья из более южных областей Прикамья и Волго-Камья (Бадер, 1961, с. 191). По предположению О.Н. Бадера, носители данной культурной традиции были ассимилированы местным позднегаринским (турбинским) населением, но, возможно, сыграли какую-то роль в формировании памятников борского (частинского) типа (Бадер, 1961а, с. 264–271).

Однако в 1980-е гг. эта точка зрения стала пересматриваться (Наговицын, 1984, с. 89–123; 1987, с. 28–31). В пользу более раннего возраста новоильинской культуры говорило ее сходство с позднеенеолитическими памятниками региона. Можно говорить о том, что в начале 1990-х гг. основная масса исследователей в целом разделяла точку зрения Л.А. Наговицына о раннеэнеолитическом возрасте новоильинской культуры. Однако для окончательного решения данного вопроса не хватало материалов по радиоуглеродному датированию памятников новоильинской культуры.

Активное датирование памятников новоильинской культуры было проведено в последнее время (Лычагина, Выборнов, 2009, с. 33–37; Коренюк, Мельничук, 2010, с. 181; Лычагина, 2011, с. 17–21; Выборнов, Кулькова, 2013, с. 142, 143). Было получено 11 радиоуглеродных дат по материалам восьми памятников.

Судя по имеющимся данным, время существования новоильинской культуры может быть отнесено к последней четверти V – началу III тыс. до н. э. в калибровочных значениях (табл. 1). Таким образом, ранний этап культуры будет синхронизирован с поздним неолитом региона, а поздний

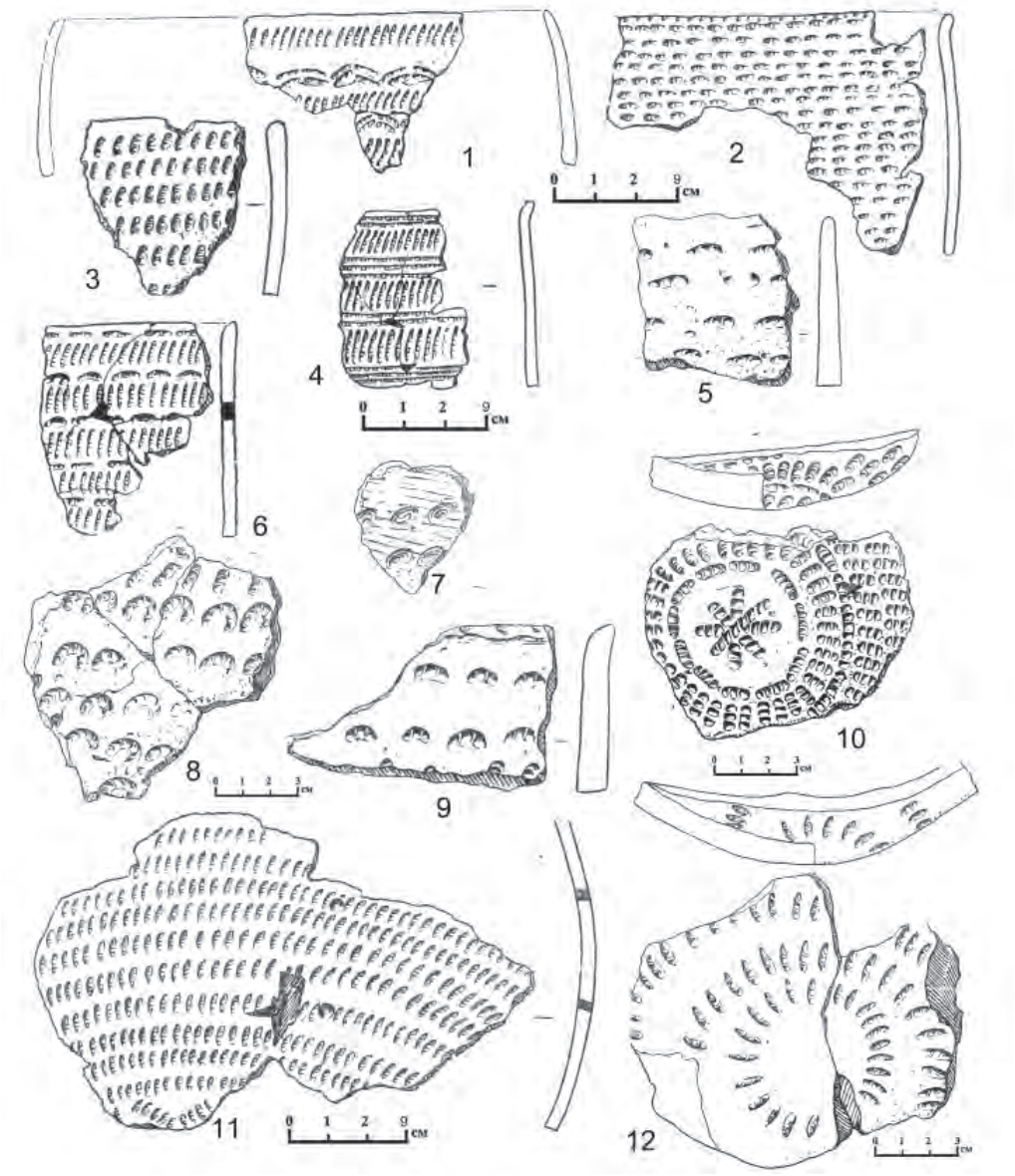

Рис. 7. Керамика поселения Кочуровское IV

– с памятниками гаринской энеолитической культуры (Лычагина, 2013, с. 153–156). Однако дата, полученная для стоянки Заюрчим I, 4015±55, выглядит омоложенной, т. к. уголь был взят из очага новоильинского жилища, прорезанного жилищем гаринской культуры. Дно последнего доходило до уровня пола новоильинской постройки (Коренюк, Мельничук, 2010, с. 181). Аналогичная ситуация и с датой по углю со стоянки Среднее Шадбегово I – 3710± 40 (ЛЕ-1925), которая, по мнению Л.А. Наговицына, явно омоложена (Наговицын, 1987, с. 28–29). Что касается дат по керамике со стоянок Кочуровское IV и Сауз II, относящихся к 3980 лет ВР, то повторное датирование дало более валидную дату – 5157 лет ВР. Она хорошо согласуется как с аналогичными датами по новоильинским материалам, так и по красномостовским комплексам. В качестве опорной можно использовать дату, полученную по нагару для поселения Гагарское III в Познанской лаборатории на AMS – 4910±40 лет ВР. Относительно верхней границы существования новоильинской культуры вполне допустимо предположить время около 4500 лет ВР. Это подтверждается датами гаринско-борских памятников – от 4420 лет ВР (Наговицын, 1987; Мельничук, 2010, с. 49). Поэтому наиболее приемлемыми хронологическими рамками новоильинской культуры можно предполагать период от 5200 до 4500 лет ВР.

Проведенный сравнительный анализ и имеющиеся радиоуглеродные датировки убедительно свидетельствуют о том, что в процессе формирования новоильинской культуры принимало активное участие поздненеолитическое население ре-

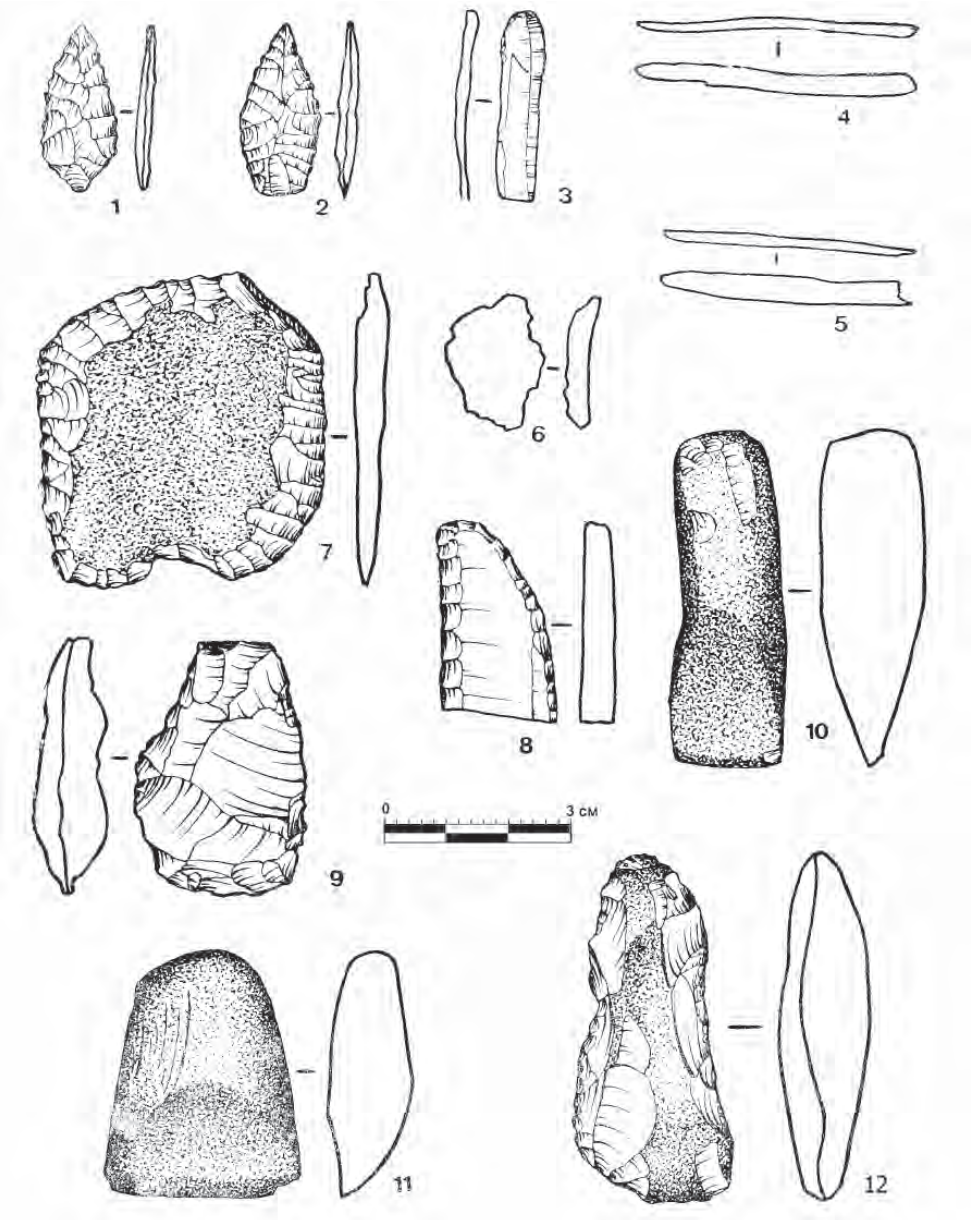

Рис. 8. Каменный и медный инвентарь поселения Новоильинское III

гиона, оставившее памятники лёвшинского типа. Нельзя не отметить и типологическую близость керамического инвентаря памятников красномостовского типа (Никитин, 2010, с. 27–55) с посудой таких новоильинских стоянок, как Сауз I–II и Кочуровское IV. В этой связи уместно напомнить гипотезу О.Н. Бадера о волго-ветлужских истоках новоильинских древностей (Бадер, 1963, с. 39) и отнесение красномостовских комплексов к средневолжскому локальному варианту новоильинской культуры (Наговицын, 1993, с. 65).

Возможно, определенную роль в формировании новоильинской культуры сыграли и носители накольчатой традиции орнаментации керамики. В пользу этого говорит наличие плоских днищ сосудов, найденных уже на ранних новоильинских памятниках типа Чашкинское Озеро I (Жукова, Лычагина, 2008, с. 19–29), использование насечек для оформления торца венчика и др. Эти признаки представлены и в материалах новоильинского типа Икско-Бельского междуречья, в таких памятниках как III Русско-Азибейская стоянка (Габяшев, 1981, с. 15, рис. 3).

Таким образом, новоильинская культура может быть датирована в пределах последней четверти V тыс. – первой половины IV тыс. до н. э. (в калибровочных значениях) и рассмотрена как постнеолитическая, сформировавшаяся под влиянием носителей камской неолитической культуры и западных компонентов.

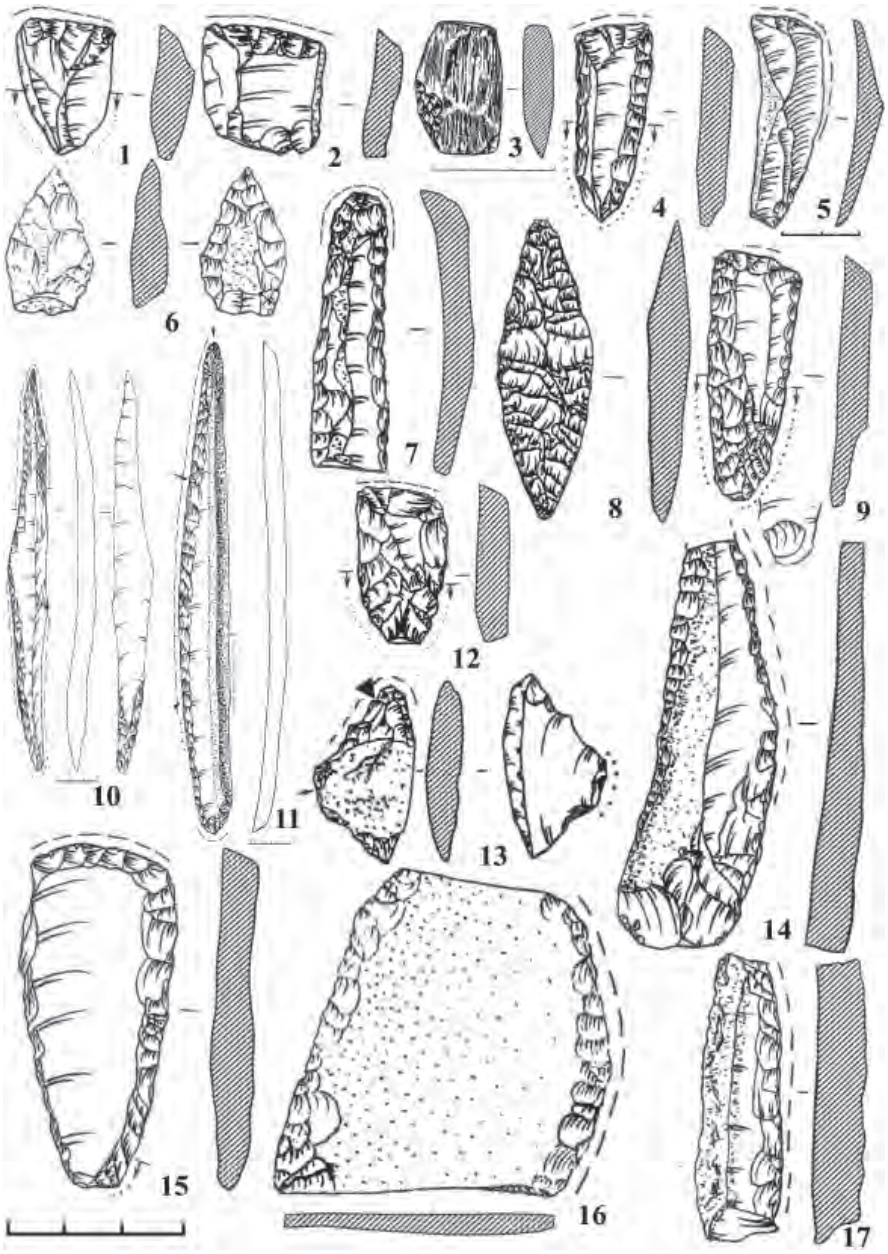

Рис. 9. Каменный инвентарь поселения Кочуровское IV

Таблица 1

Итоги радиоуглеродного датирования памятников новоильинской культуры

Памятник	Индекс лаборатории, материал	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванное значение
Кочуровское I	Ki -14787, керамика	3940±70	1s
Кочуровское I	Ki -14788, керамика	3860±70	1s
Сауз II	Ki – 15071, керамика	3980±90	1 σ 2630-2330BC 2 σ 2900-2200BC
Чашкинское Озеро I	Ki – 15618, керамика	5230±90	1s
Чашкинское Озеро I	Ki – 15619, керамика	5140±90	1s
Гагарское III	Ki – 16644, керамика	5280±90	1s
Красное Плотбище	Ki – 16846, керамика	4730±90	1s
Гагарское II	Ki – 16851, керамика	4460±80	1s
Гагарское III	Poz – 52652, нагар	4910±40	1s
Заюрчим I	Le – 8886, уголь	4015±55	1 σ 2620-2460BC 2 σ 2900-2300BC
Сауз II	SPb-943, керамика	5157±150	1s

Ki – радиоуглеродная лаборатория Института геохимии окружающей среды Национальной академии наук Украины (Киев)

Poz – Познанская радиоуглеродная лаборатория

Le – лаборатория археологической технологии ИИМК РАН (Санкт-Петербург)

SPb – изотопный центр РГГУ им. Герцена (Санкт-Петербург)

ГЛАВА 12

ГОНЧАРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Под *гончарной технологией* понимается область знаний о приемах и средствах превращения пластичного сырья в готовые изделия (Бобринский, 1999, с. 5). Она является одним из основных компонентов *гончарства* как сферы человеческой культуры, которое включает в себя: 1) материальное производство (технология, техника, готовая продукция); 2) социальные отношения (связи между производителями и потребителями глиняной посуды); 3) духовную культуру (обычаи и верования, связанные с гончарством) (Цетлин, 2012, с. 39–41). Гончарство можно считать самым древним производством искусственных материалов, возникшим в истории человеческого общества задолго до металлургии. В течение многих тысячелетий до появления гончарства человек занимался только обработкой и механическим изменением природных материалов. Гончарная технология – качественно новый этап взаимоотношений человека и природы: в своем естественном состоянии пластичное сырье (глина, илы) не обладает теми свойствами, которые необходимы сосудам (влагонепроницаемостью и огнеупорностью). Только в результате системных целенаправленных действий, предпринятых человеком: отбора, добычи, подготовки пластичного сырья и приготовления из него формовочных масс, непосредственного создания сосудов, их обжига (в течение которого происходят сложные физико-химические процессы, преобразующие сырье в камнеподобный, огнестойкий и водонепроницаемый материал) – из сырья может быть получен готовый продукт. Таким образом, в рамках гончарства человек научился впервые преобразовывать природный материал, изменяя присущие ему от природы свойства и качества.

Гончарство – это система устойчивых и взаимосвязанных навыков труда на всех ступенях гончарного производства (Бобринский, 1978; 1999). Существовавший в традиционных обществах механизм передачи знаний и трудовых навыков только контактным путем из поколения в поколение по родственным каналам, а также устойчивость и консервативность этих навыков приводили к тому, что совокупность трудовых навыков превращалась в систему *культурных традиций*, специфичных для каждого отдельного человеческого сообщества. Одновременно она являлась системой культурных адаптаций к конкретным условиям окружающей среды. Гончарные традиции населения, издавна проживавшего в определенной местности, могли оставаться стабильными очень длительное время или менялись крайне медленно: они были обусловлены природными условиями, проверены временем, являлись своего рода «ответом» на эти условия, поэтому содержат значительную информацию об окружающей среде.

Продукция гончарных производств – *керамика* – по своей массовости, сохранности и информационным возможностям является одним из наиболее важных видов археологических находок. Результаты изучения традиций изготовления, распространения и применения керамики, полученной во время раскопок, используются в решении актуальных проблем современной археологии, в том числе при исследовании истории древнего населения. Решение многих проблем в истории гончарства имеет большое значение для археологии, и зачастую их разработка невозможна без археологических источников, поскольку они связаны с глубокой древностью.

Одной из таких проблем является установление *времени появления* самых ранних глиняных сосудов. Широко распространенное в последнее время применение методов радиоуглеродного датирования позволило получить абсолютные даты ранней керамики: в Японии, Китае и некоторых районах Дальнего Востока – 13–10 тыс. лет назад; на Ближнем Востоке – 9 тыс. лет назад, в Поволжье – 8 тыс. лет назад (в некалиброванной системе датирования). Открытие новых памятников и совершенствование методов датирования в дальнейшем смогут конкретизировать эти даты.

Важно, что к настоящему времени сформулированы общие условия, необходимые для возникновения гончарных традиций: переход к более оседлому образу жизни, возникновение долговременных стоянок, рост благосостояния и запасов пищи, появление свободного времени для занятий, не связанных с постоянным поиском еды. Это стало возможным, когда на определенном этапе своего развития общество сделало революционный

рывок в сфере производства средств жизнеобеспечения. В южной Евразии это произошло за счет одомашнивания животных и доместикации дикорастущих злаков, в Восточной Азии – интенсификации присваивающих форм хозяйства и формирования «аквакультуры», в Северной Евразии, в том числе и в Поволжье – за счет интенсификации комплексного производящего хозяйства (охоты и рыболовства). Это нашло отражение в массовом распространении орудий деревообработки; увеличении площади стоянок и строительстве долговременных жилищ; изготовлении средств передвижения; преобразованиях в духовной сфере и появлении крупных некрополей.

Эти изменения повсеместно были связаны с *процессами неолитизации*. Их сутью являлась способность населения к адаптации, а именно «приспособление средств и способов производства и социально-производственной организации к окружающим природным условиям с целью обеспечения общественного воспроизводства» (Кольцов, 1998, с. 21). Ярким отражением этих процессов было появление керамики, формирование сложного производства искусственного материала, для чего были необходимы глубокие знания об окружающей среде, опыт освоения природных пластичных материалов, а также трудовые навыки, которые передавались от поколения к поколению и закреплялись в культурных традициях.

Большую важность представляет вопрос о происхождении гончарства как производства бытовой посуды. В истории накопления и осмысления данных по этой проблеме можно выделить три основные гипотезы: 1) мифическую; 2) «корзиночную»; 3) гипотезу А.А. Бобринского. Первая из них была распространена на ранних этапах истории многих народов мира, что зафиксировано в мифах и легендах (Фрезер, 1986; Бобринский, 1993; Васильева, 2006; Цетлин, 2012), и объясняла происхождение гончарства как дар богов. Очевидно, что эти представления имели ненаучный характер, но отражали важность и высокое социокультурное значение гончарства как сферы производственной деятельности в истории человечества.

«Корзиночную» гипотезу можно считать первой научной теорией возникновения гончарства, которую разделяют до сих пор многие современные культурологи, лингвисты и археологи. Она связывает изобретение гончарства с опытом обмазывания глиной плетеных корзин и основана на этнографических данных. История ее формулирования подробно описана А.А. Бобринским (Бобринский, 1993). Не будучи ее сторонником, с целью проверки исследователь осуществил серию специальных экспериментов по обмазыванию корзин и их использованию (Бобринский, 1993, с. 50–51). Корзины, сплетенные из твердых веток, обмазывались снаружи и изнутри чистой глиной и смесью глины с навозом животных. Во время сушки слой обмазки из обоих составов трескался и рассыпался. Попытка использования таких корзин для переноски и хранения жидкости тоже оказалась безуспешной: глиняное покрытие стенок корзин разбухало, и вода просачивалась через образовавшиеся щели. А.А. Бобринский пришел к выводу, что наблюдаемые этнографами приемы применения обмазанных корзин, скорее всего, были основаны на использовании более сложных составов: смеси глины со смолой, жирами, воском, т. е. материалами, которые содействовали влагонепроницаемости стенок корзин. Однако такие сосуды могли применяться только в необожженном виде, т. к. под действием огня защитные свойства органических материалов утрачиваются. Исследователем было сделано заключение, что обычаи обмазывания корзин, зафиксированные этнографами, никакого отношения к проблеме происхождения гончарства не имеют (Бобринский, 1993, с. 51).

Нами был повторен этот эксперимент, ход и результаты которого подробно опубликованы (Васильева, 2006). Он включал изготовление гибких плетеных корзин из высушенных стеблей рогоза; использование двух видов пластичного сырья: глины и ила; применение лоскутного комковатого налепа; щадящий режим сушки и обжиг в кострище в наземном очаге (рис. 1). Состояние сосудов, получившихся после обжига обмазанных глиной и илом корзин, было вполне удовлетворительным. Полному разрушению подверглась лишь корзина, обмазанная с внутренней и внешней сторон. Проведенный эксперимент показал физическую осуществимость именно такого способа получения обожженного сосуда из пластичного сырья. Косвенным доказательством связи раннего гончарства с обмазыванием твердых каркасов является широкое распространение лоскутного налепа на ранних этапах истории, суть которого заключается в размазывании небольших порций формовочной массы по поверхности различных каркасов (формм-моделей). Отличие состояло лишь в том, что изготовленный лоскутным налепом сосуд снимался с формы-модели, в качестве которой могли использоваться и плетеные корзины, затем высушивался и обжигался отдельно от каркаса.

Заканчивая рассмотрение «корзиночной» гипотезы происхождения гончарства, хотелось бы отметить, что в настоящее время нельзя однозначно отрицать вероятность и, как показал наш эксперимент, возможность такого пути его возникновения. Во всяком случае, опыт обмазывания корзин, по-видимому, сыграл определенную роль в процессе

Рис. 1. Эксперимент по проверке «корзиночной» гипотезы происхождения гончарства:
1 – корзина, плетенная из стеблей рогоза, и комок глины; 2 – обмазывание корзины снаружи с помощью лоскутного комковатого налепа; 3 – корзины, обмазанные глиной и илом, после сушки в течение 7 дней; 4 – процесс обжига корзин в очаге с наземными стенками; 5 – сосуды в догорающем костре; 6 – степень сохранности обожженных сосудов; 7 – сосуд, получившийся в результате обмазывания корзины изнутри илом; 8 - сосуд, получившийся в результате обмазывания корзины снаружи глиной; 9 - сосуд, получившийся в результате обмазывания корзины изнутри глиной

формирования гончарства. Но, очевидно, для археологии констатация данного факта ничего не дает, т. к. накопленные к настоящему времени ранненеолитические археологические материалы не содержат сосудов с четкими признаками обмазывания глиной именно корзин и их обжига. В современной археологии наибольшую важность представляет проблема выделения самых ранних очагов гончарства, выяснения основных технологических приемов в них и определения дальнейшей динамики распространения ранненеолитических гончарных традиций. Таким образом, ответ на вопрос о происхождении или характере появления гончарства в каждом отдельном регионе может дать только изучение конкретной ранненеолитической керамики этого региона.

Гипотеза происхождения гончарства А.А. Бобринского аргументирована многочисленными этнографическими и экспериментальными данными, а главное, результатами микроскопического изучения археологической керамики эпохи неолита Восточной Европы и Ближнего Востока (Бобринский, 1978; 1993; 1999). Она основана на особенностях процесса зарождения взглядов древнего населения на природные пластичные материалы как сырье для изготовления емкостей и предполагает полицентрический характер зарождения гончарства. Большинство исследователей, в том числе и археологов, придерживается *моноцентрической концепции происхождения гончарства*, поэтому занимается постоянным поиском «прародины» или «истоков» ранненеолитических традиций. Однако *полицентрическая концепция*, указывающая на возможность независимого происхождения гончарства в разных точках Земного шара, никем пока полностью не опровергнута. Одним из основных ее доказательств является факт переселения северного населения Евразии на американский континент в эпоху мезолита (еще до появления у него гончарных традиций) и конвергентного зарождения гончарства там задолго до появления европейцев.

К основным положениям гипотезы А.А. Бобринского относятся следующие: 1) существование длительного «догончарного» периода, в течение которого древнее население приобретало знания и опыт применения в быту природных пластичных материалов (илов, различных органических материалов животного происхождения), в том числе и создания из них искусственных емкостей, которые не обжигались, а только высушивались и использовались для хранения и переноски продуктов; 2) возможность независимого формирования гончарной технологии в разных в культурно-хозяйственном отношении группах древнего населения, свидетельством чего являются факты использования различных природных органических материалов в более позднее время в изготовлении неолитической керамики (Бобринский, 1978; 1993; 1999). Согласно этой гипотезе, различия видов пластичного сырья самой ранней керамики способны указывать на принадлежность древних гончарств, уже освоивших обжиг и выявленных по керамическим материалам, к разным ареалам происхождения гончарства.

Изучение гончарной технологии неолитического населения Поволжья и сопредельных регионов производилось с целью определения характера происхождения гончарства, выяснения общих тенденций неолитизации Восточной Европы в целом, а также более четкого определения региональной специфики исторических процессов. В исследовании использовался комплексный подход, включающий морфологическую группировку керамики; серийное радиоуглеродное датирование комплексов и групп неолитической керамики (А.А. Выборнов); изучение гончарной технологии по *методике А.А. Бобринского*, основанной на бинокулярной микроскопии, трасологии, эксперименте в виде физического моделирования.

В рамках историко-культурного исследовательского подхода и применения одинаковых методов были проанализированы керамические материалы обширной территории Восточной Европы: Северного Прикаспия, степного Нижнего Поволжья, Среднего Поволжья, Прикамья, Сурско-Мокшанского междуречья, Марийского Поволжья, а также Подонья. К настоящему времени *источниковая база по гончарной технологии* включает данные примерно по 4,5 тыс. образцам (условно отдельным сосудам нео-энеолитического времени) из более чем 150 памятников. Накопленная база источников дает возможность проводить широкий сравнительный анализ, выявлять наиболее общие тенденции развития неолитического гончарства и его региональную специфику.

Предваряя итоги изучения гончарной технологии неолитического населения Среднего Поволжья, необходимо сделать два замечания.

Во-первых, используемый в археологической литературе термин «керамическая традиция» с точки зрения технологии имеет неопределенный и расплывчатый характер. Технико-технологический анализ керамики зачастую показывает большое разнообразие приемов изготовления морфологически одинаковой посуды, что является результатом неоднородности населения, его культурной смешанности, разных конкретных культурно-исторических событий, нашедших отражение в материалах каждого археологического памятника. Поэтому в своем исследовании мы опираемся на выделение *совокупности массовых навыков труда*. Она явля-

ется в то же время и культурной традицией, способной аккумулировать, сохранять и передавать исторически сложившийся коллективный опыт от одного поколения другому.

Выделение массовых и специфических (в том числе смешанных) культурных традиций в неолитическом гончарстве Поволжья направлено на детализацию исторического процесса. Если совокупность массовых гончарных традиций является своего рода «визитной карточкой» гончарства той или иной группы древнего населения, то выявление специфичных и единичных традиций нуждается в поиске причин и их аргументации. Большое значение имеют подсчеты данных изучения гончарной технологии в процентном выражении по различным памятникам, т. к. они отражают определенные изменения гончарных традиций разных групп населения, обусловленные временем, культурной спецификой и состоянием их смешения.

Во-вторых, общеизвестно, что освоение приемов изготовления посуды в любом гончарстве носит эмпирическую форму и для обучения этим приемам необходимо длительное время. Передача технологической информации в традиционных обществах от одного поколения к другому совершалась только по родству или свойству. Исходя из этого, главным условием появления смешанных гончарных традиций было установление устойчивых контактов между носителями разных традиций, а основным механизмом распространения ранненеолитической гончарной технологии – процессы взаимодействия и смешения. Предположение о наличии в неолите «мощного культурного импульса, приведшего к появлению традиции изготовления керамики», основанного на «копировании технологий» и «идее престижа и/или сакральности появившейся глиняной посуды» (Мазуркевич и др., 2013, с. 100) представляется нам абстрактным и слабо аргументированным.

Ниже представлена характеристика гончарной технологии неолитического населения Среднего Поволжья в рамках выделенных археологических культур[1].

Елшанская культура

Елшанская культура является одной из самых ранних «керамических культур» в Восточной Европе. Ранний елшанский керамический комплекс представлен тонкостенными сосудами небольших размеров. Верхние части сосудов имеют прямую или плавную S-видную профилировку, днища – коническую, иногда шиподонную и очень редко округлую форму (рис. 2: 1). Позднее в среде елшанского населения появилась традиция изготовления плоскодонной посуды и преимущественно прямостенных сосудов. В составе керамических комплексов различных памятников от 20 до 50% керамики не орнаментировано (Мамонов, 2000). Значительная часть сосудов украшена лишь ямочно-жемчужным пояском (горизонтальным рядом ямочных вдавлений с негативом-жемчужиной) по горловине сосуда. Среди елшанского населения получили распространение также техники орнаментации посредством прочерчивания и накалывания мелкими «точечными» ямками.

К настоящему времени технико-технологическому анализу подвергнуто 590 образцов керамики елшанского облика: венчиков, придонных частей и развалов из коллекций 18 неолитических стоянок Оренбургской, Самарской и Ульяновской областей. Основная часть результатов данного исследования введена в научный оборот (Васильева, 2011; 2011а).

Подробная характеристика ИПС, которое использовалось в неолитическом гончарстве Поволжья (илов, илистых глин и глин), и критерии их выделения неоднократно опубликованы (Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, 2013), поэтому в данном разделе они не приводятся. В елшанском гончарстве было выявлено массовое распространение традиций отбора илистых тощих (запесоченных и среднезапесоченных) глин (в среднем по разным памятникам от 90% до 100%) (рис. 3). Менее трети илистых глин содержит естественную примесь раковины. В большинстве изученных сосудов она не фиксируется визуально, а выявляется только с помощью микроскопа (рис. 3: 3), из чего можно сделать вывод, что присутствие раковины не являлось существенным критерием отбора ИПС. Сырье использовалось в состоянии естественной увлажненности. Самым массовым был рецепт составления ФМ: ИПС+органический раствор. *Органические растворы* представлены в черепке изучаемой керамики аморфными полостями размером 1–5 мм, стенки которых покрыты белым веществом, маслянистым коричневато-черным налетом, блестящими прозрачными пленками (рис. 3: 7–8). По мнению А.А. Бобринского, этот реликтовый технологический прием появился еще в догончарный период, когда органические растворы (различные клеящие природные вещества растительного и животного происхождения) вводились в ФМ для придания им прочности и влагонепроницаемости (Бобринский, Васильева, 1998, с. 212).

Вторая традиция составления ФМ была связана с добавкой минеральной примеси – шамота. Рецепты с шамотом в раннем елшанском гончарстве очень немногочисленны. Удалось проследить увеличение доли «шамотной» традиции во времени:

[1] В последующем тексте приняты следующие сокращения: ИПС – исходное пластичное сырье; ФМ – формовочные массы.

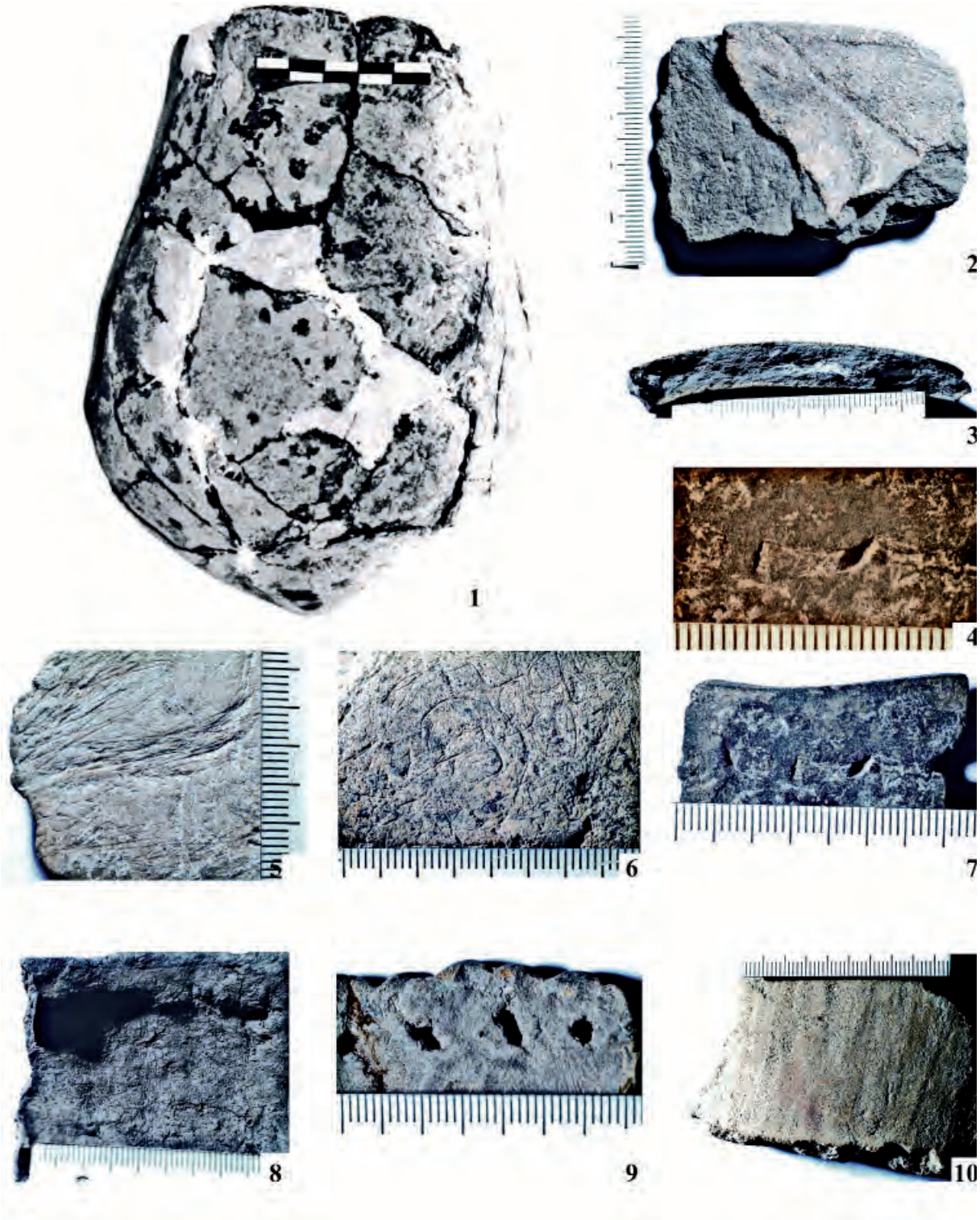

Рис. 2. Технология изготовления керамики елшанской культуры:

1 – сосуд елшанской культуры (Старая Елшанка II; 2, 3 – признаки лоскутного налепа (Лебяжинка IV, Нижняя Орлянка); 5, 6, 8 – признаки использования шкур в процессе формообразования на внешней и внутренней поверхностях сосудов (Максимовка, Нижняя Орлянка); 4 и 7 – отпечаток ремешка между ямками (Нижняя Орлянка); 9 – деформация ямок на внутренней поверхности сосуда (Старая Елшанка); 10 – обработка поверхности: уплотнение (Ильинка)

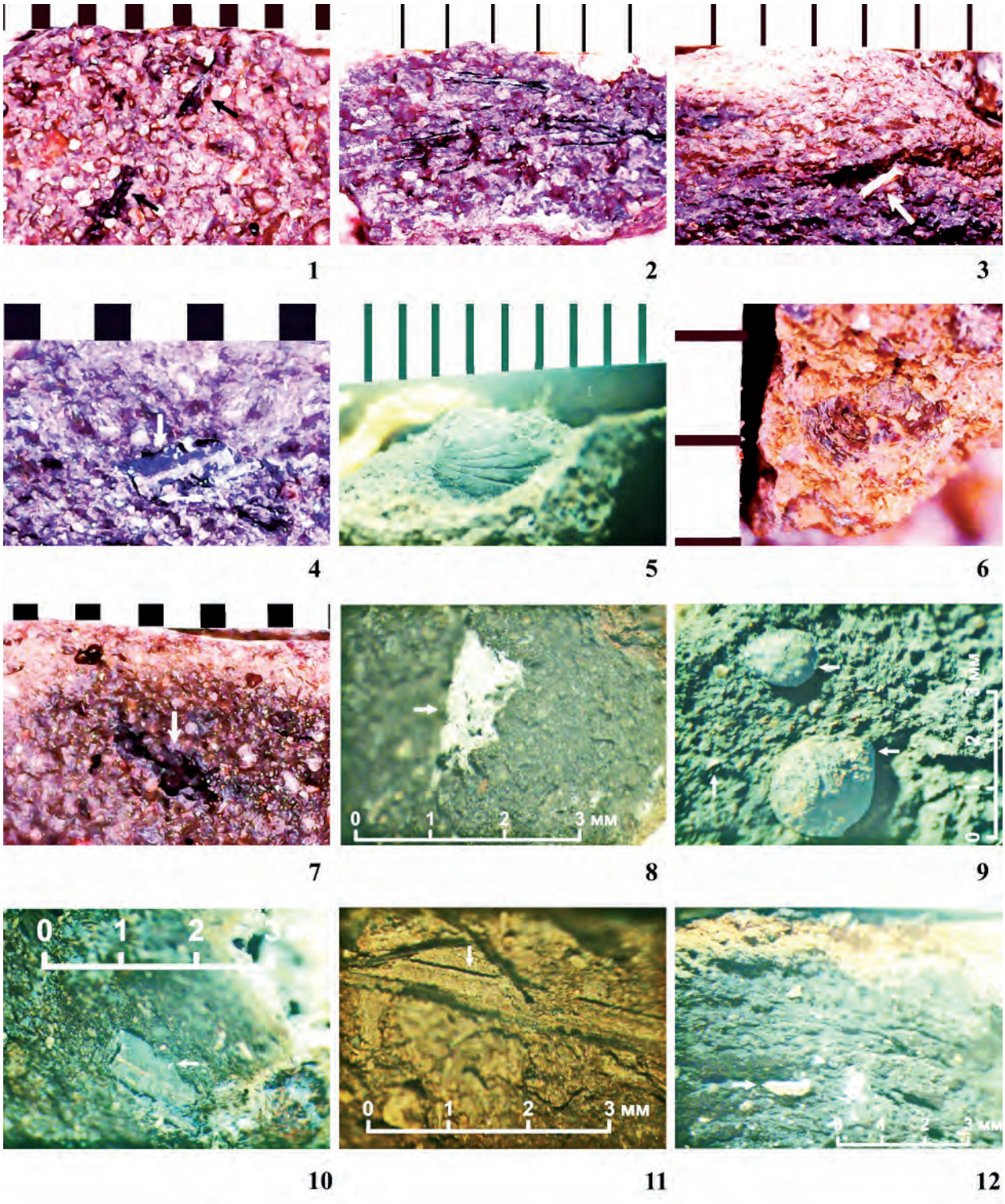

Рис. 3. Технология изготовления керамики елшанской культуры:

1, 2 – тощие илистые глины с остатками водной растительности (Чекалино IV, Ильинка); 3 – единичное включение раковины (Чекалино IV); 4 – фрагмент кости рыбы (Ильинка); 5, 6 – отпечатки чешуи рыбы (Ильинка, Чекалино IV); 7, 8 – пустоты после выгорания органического раствора (Ильинка, Лебяжинка IV); 9 – нерастворившиеся глинистые комочки (Нижняя Орлянка); 10 – фрагмент кости рыбы (Ильинка); 11 – отпечатки растительности (Ивановка); 12 – единичные включения раковины (Лебяжинка IV)

наиболее массово они представлены в позднем елшанском керамическом комплексе Ивановской стоянки (Оренбургская обл.). Преобладает рецепт, в котором доля шамота (с размером частиц менее 1–2 мм) небольшая – 1:5 и единичная. Было сделано предположение, что добавка шамота в раннем елшанском гончарстве имела скорее символический, а не технологический характер. Изготовление сосудов осуществлялось лоскутным налепом, с использованием различных форм-моделей. Основанием для этих заключений послужила совокупность признаков лоскутного налепа (Бобринский, 1978, с. 139–141), а также анализ экспериментальных эталонов по лоскутному налепу (Васильева, Салугина, 2010).

Строительными элементами служили лоскуты длиной 3–4 см (рис. 2: 2–3). Признаки применения форм-моделей проявились в наличии складок, морщинистости, статических отпечатков волос животных на внутренних и внешних поверхностях сосудов (рис. 2: 5, 6, 8). Следы прокладок из шкур фиксировались в виде отпечатков «клубков» спутавшейся длинной шерсти. В качестве форм-моделей использовались твердые предметы, возможно корзины или специальные деревянные «болванки». Наблюдения за характером ямок и их негативов-жемчужин показали, что на основной части елшанских сосудов они нанесены ровно, четко и выполнены действительно с целью декорирования сосудов. Однако имеются сосуды, где ямки неровные, а жемчужины стерты последующим заглаживанием (рис. 2: 9). На одном сосуде из коллекции стоянки Нижняя Орлянка II между «смятыми», частично затертыми, ямками сохранились отпечатки ремешка (рис. 2: 4, 7). Это позволило предположить изначальную связь данного орнамента с технологией изготовления сосудов. Возможно, ямки образовывались в результате проникновения выступающих концов плетеных корзин в ФМ при обмазывании формы-модели. К этим концам ремешками могли прикрепляться кожаные мешочки-прокладки.

При использовании форм-моделей формообразование сосудов происходит уже в процессе конструирования, а форма сосуда задается формой самой модели. В качестве дополнительного приема формообразования использовалось выбивание (толщина стенок елшанских сосудов иногда достигает всего 3–4 мм). По-видимому, выбивание производилось через шкуры животных, что приводило к образованию четких статических отпечатков волос на поверхности сосуда. Сочетание форм-моделей и лоскутного налепа в елшанском гончарстве указывает на единовременность решения трех узких технологических задач: конструирования начина, полого тела и придания сосуду формы. Данные приемы относятся к начальным звеньям эволюционной цепочки развития навыков ручного конструирования. Основными способами обработки поверхностей сосудов были простое влажное заглаживание и уплотнение (лощение без характерного матового блеска) (рис. 2: 10). В елшанском гончарстве были распространены смешанные способы придания прочности и влагонепроницаемости сосудам: холодные (введение органических растворов) и горячие (термические) воздействия на гончарные изделия, использование приемов неполной выдержки изделий при температурах каления глины, в результате чего они приобретали 2–3-слойную окраску в изломе.

Совокупность наиболее массовых елшанских гончарных традиций включала: 1) распространение взглядов на илистые глины как сырье для производства бытовой посуды; 2) отбор в основном тощего ожелезненного сырья без раковины; 3) увлажненное состояние ИПС; 4) существование двух традиций составления ФМ: ИПС+органический раствор и ИПС+шамот+органический раствор (таким образом, в рамках елшанской гончарной технологии было зафиксировано первое появление в Среднем Поволжье традиции добавки шамота); 5) сочетание форм-моделей и лоскутного налепа в процессе изготовления сосудов; 6) применение в качестве способов обработки поверхностей простого заглаживания и уплотнения; 7) распространение смешанных способов придания прочности и влагонепроницаемости сосудам (Васильева, 2011).

По итогам изучения елшанской гончарной технологии можно сделать некоторые выводы историко-культурного характера. Во-первых, они дают основания предполагать неместный характер происхождения гончарных традиций населения елшанской культуры. Исходя из гипотезы происхождения гончарства на базе опыта использования органических и илистых материалов, в ранних керамических комплексах на территории очагов зарождения гончарства должны остаться следы догончарного периода, связанные с определенными составами ФМ и использованием огня только как объекта почитания (Бобринский, 1999). В елшанском гончарстве, в отличие от нижневолжского, они отсутствуют (Васильева, 2011). По-видимому, начальные звенья его эволюции находились за рамками изучаемого региона.

Наиболее перспективным направлением миграции неолитического населения с елшанскими гончарными традициями в Среднее Поволжье можно считать юго-восточные территории, указанные первыми исследователями елшанской культуры (Васильев, Выборнов, 1988). Технико-технологический анализ керамики культур Запада и

Юго-Запада: днепро-донецкой общности, сурской, буго-днестровской, ракушечноярской культур показал существенную близость гончарных традиций неолитического населения этих регионов с нижневолжскими (североприкаспийскими). Практически повсеместно на этой территории были зафиксированы, с одной стороны, консервация традиций отбора илов (поселения Тентексор, Ракушечный Яр), а с другой стороны – процесс перехода от илов к илистым глинам, который сопровождался формированием традиции введения в ФМ искусственных дробленых примесей: раковины, дресвы, песка. При этом не было выявлено фактов распространения «шамотной» традиции. В неолитических керамических комплексах Приаралья и Средней Азии отмечается характерное сочетание «грубой шамотной керамики» и тонкостенной, слабоорнаментиованной керамики с «растительной примесью» (Виноградов, 1981, с. 93). Микроскопическое изучение керамики стоянок Учащи 159 и Чарбакты, а также пещеры Джебел позволило установить, что она сделана из преимущественно тощих, реже жирных илистых глин и природных глин, без искусственных добавок или с органическим раствором. Зафиксирован также прием введения в ФМ шамота.

Во-вторых, исследование елшанской гончарной технологии установило неоднородность представлений населения о сырье. Выделяются две группы, которые изготавливали керамику «елшанского» типа. Одна из них использовала илистые глины в качестве моносырья, а вторая добавляла к илистой глине шамот. Керамика елшанского типа с шамотом датируется в целом позднее елшанской посуды без него (Выборнов, 2008, с. 241). Эти факты свидетельствуют о том, что связи елшанского населения с неолитическими коллективами Средней Азии и Приаралья, по-видимому, не прерывались в течение длительного времени.

В-третьих, необходимо отметить существенную роль елшанской гончарной технологии в последующем развитии неолитического гончарства Среднего Поволжья. Полученные данные подтвердили предположение об участии части елшанского населения в формировании средневолжской культуры. Другая часть елшанского населения длительное время сохраняла специфику форм своей посуды, орнаментальных традиций и гончарной технологии. Возможно, именно эти елшанские коллективы приняли участие в миграции на запад, в правобережье Волги, в Сурско-Мокшанское междуречье, Верхнее Подонье, Марийское Поволжье (Васильева, Выборнов, 2014; 2015). Проникновения и перемещения групп елшанских охотников и рыболовов могли происходить медленно и постепенно весьма длительный период времени, в течение которого устанавливались определенные (в том числе и брачные) связи с местным мезолитическим населением.

Средневолжская культура

Формирование средневолжской культуры относится к рубежу VI–V тыс. до н. э. (в некалиброванном значении) в результате миграции нижневолжского (орловского) населения в южные районы Средневолжья и его смешения с местными елшанскими коллективами. Керамический материал средневолжской культуры очень разнообразен. К нему относятся плоскодонные и круглодонные сосуды, декорированные в разной технике. Выделяются накольчатый и гребенчатый керамические культурно-хронологические комплексы, а также группы керамики с гладким штампом (ногтевидными насечками) и ямочным орнаментом. Технико-технологическому анализу подвергнуто 860 образцов керамики данной культуры из коллекций восьми неолитических стоянок Оренбургской и Самарской областей. Результаты исследования материалов отдельных памятников опубликованы в ряде статей (Васильева, 2007; 2011; 2015; Васильева, Выборнов, 2012а, 2016).

Накольчатый керамический комплекс

Керамика средневолжской культуры с накольчатым орнаментом по ряду признаков может быть разделена на три подгруппы: условно раннюю, среднюю, позднюю. К ранней группе принадлежат плоскодонные тонкостенные сосуды, орнаментированные в основном «отступающей палочкой»; реже – отдельно нанесенными наколами. Орнаментирами служили твердые предметы с тонким (не более 1–1,5 мм) овальным или треугольным рабочим краем, значительно реже – более крупными орудиями (2–4 мм). К средней группе отнесена керамика, декорированная ямочно-жемчужным пояском под венчиком в сочетании с «отступающей палочкой» и отдельными наколами. Более крупные орнаментиры использовались чаще, чем в ранней группе, достигая размеров рабочей части 3×5 мм. В позднюю группу выделены крупные плоскодонные толстостенные сосуды, орнаментированные ямочно-жемчужным пояском в сочетании с отдельными крупными наколами и «отступающей палочкой». Зачастую накольчатый орнамент на этих сосудах был нанесен небрежно и нечетко, с протаскиванием на разное расстояние между наколами (до 1 см). Придонные части сосудов не подвергались орнаментации.

Разделение керамики с накольчатым орнаментом на три подгруппы, подкрепленное радиоуглеродными датами, существенно проясняет ситуацию с изменениями в культурных традициях в гончарстве данной группы средневолжского населения. Миграция нижневолжских племен фиксиру-

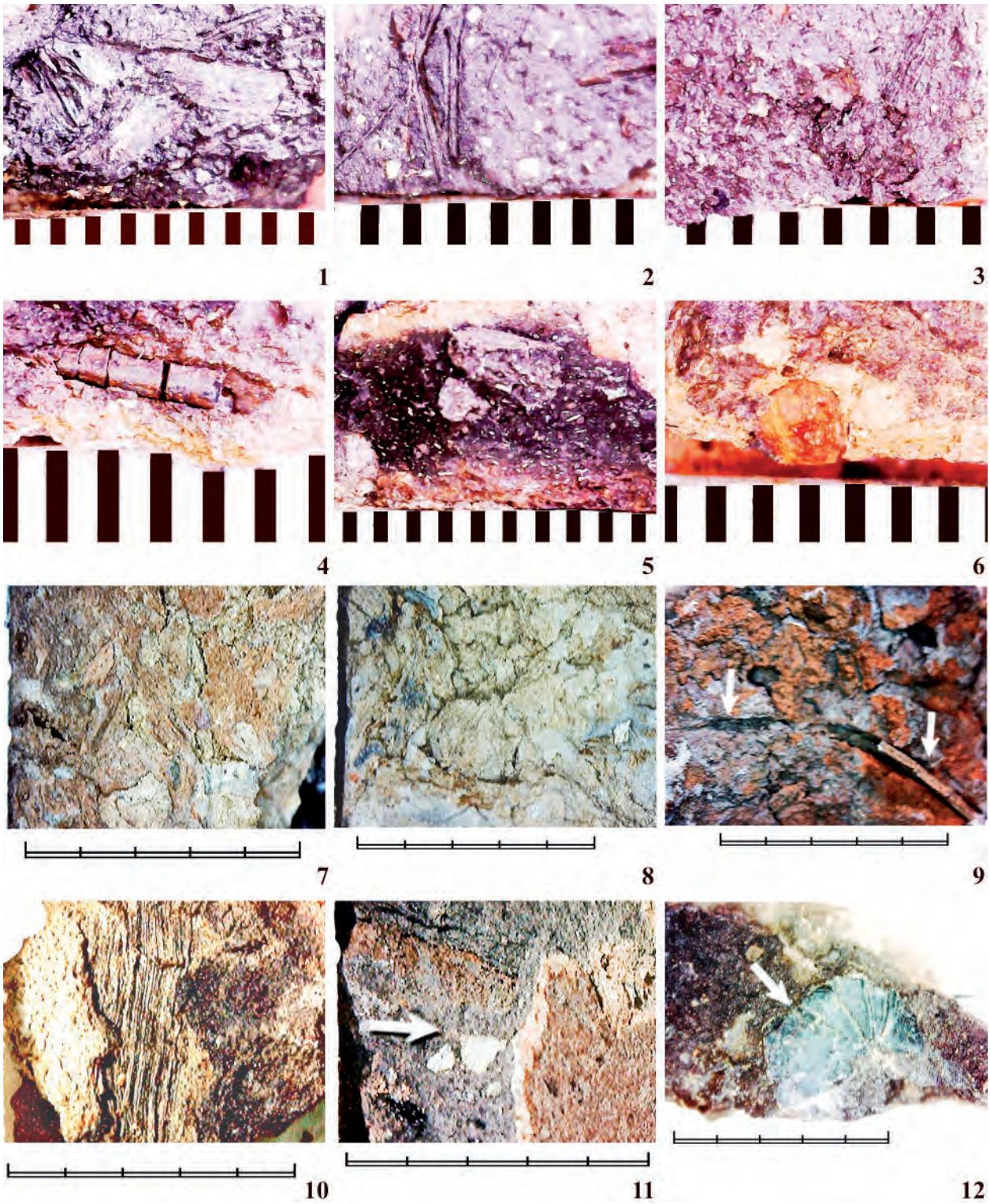

Рис. 4. Технология изготовления керамики средневолжской и камской культур:

1- запесоченный ил; 2 – жирная илистая глина с естественной примесью раковины; 3 – тощая илистая глина с остатками водной растительности; 4 – фрагмент кости рыбы; 5 – шамот с содержанием раковины; 6 – шамот–обожженная глина (1-6 – Лебяжинка I);

7, 8 - глина в дробленом состоянии, ФМ – с большой концентрацией шамота и органического раствора в керамике камской культуры (7 – Зиарат; 8 – Лебедино I); 9 – кость рыбы (Лебедино II); 10 – растительные остатки в илистой глине (IV Тетюшская стоянка); 11 – жирная илистая глина в увлажненном состоянии (II Щербетская стоянка); 12 – включение чешуи рыбы (Заборное Озеро I)

ется по наличию в культурном слое Ивановской и Виловатовской стоянок немногочисленной группы тонкостенной плоскодонной керамики небольших размеров, изготовленной из ила и орнаментированной в геометрической стилистике, «отступающей палочкой». Морфология и технология ее изготовления близки материалам орловской культуры степного Поволжья и не имеют признаков смешения с елшанскими традициями, что стало характерно позднее для основной части накольчатого керамического комплекса.

Преобладающим видом ИПС накольчатой керамики средневолжской культуры более позднего времени являлись илистые глины. Однако использование илов было распространено существенно более массово, чем в елшанском гончарстве (от 19% до 69%, по данным изучения накольчатой керамики разных памятников). Влияние елшанских культурных традиций на пришлое население шло по возрастающей линии. По материалам Виловатовской стоянки прослежена тенденция увеличения со временем доли накольчатой посуды, сделанной из илистых глин: для ранней группы было характерно 19% сосудов из илистых глин; для средней – 35%; для поздней – 52% (Васильева, Выборнов, 2012).

Следует подчеркнуть, что использование илистых глин в данной группе неолитического населения Самарского Поволжья не сопровождалось формированием традиции введения искусственной примеси дробленой раковины, как в степном Поволжье (Орловка, Варфоломеевка) (Васильева, 2009). Хотя ИПС с естественной примесью раковины использовалось более массово по сравнению с елшанскими гончарами, но существенно меньше, чем неолитическим населением Северного Прикаспия. То же можно сказать и о приемах отбора ИПС определенной чистоты и жирности: в средневолжском производстве накольчатой керамики преобладали приемы отбора тощего сырья (черта, характерная для елшанского гончарства), в то время как в Северном Прикаспии и степном Поволжье наиболее массовым было использование жирных илов.

Состав традиций составления ФМ керамики с накольчатым орнаментом обнаруживает определенную близость с елшанским: преобладали традиции подготовки ФМ без искусственных добавок и с органическими растворами. Данный факт свидетельствует о массовом распространении взглядов на илы и илистые глины как моносырье (без добавления минеральных искусственных примесей). В то же время в производствах накольчатой керамики появилась «шамотная» традиция. К ней можно отнести и приемы подготовки шамота из сильно ожелезненной обожженной глины. По данным изучения накольчатой керамики стоянки Лебяжинка IV выявлена тенденция роста доли рецептов с шамотом: 9% (ранняя группа); 24% (средняя); 54% (поздняя). Причем для керамики поздней группы накольчатого комплекса характерны рецепты с более крупным шамотом (до 3–4 мм) в концентрации 1:4, имевшие технологическую нагрузку (повышение огнестойкости изделий).

Процесс изготовления накольчатой керамики был связан с лоскутным налепом, который осуществлялся посредством организованного спиралевидного наращивания небольших комков ФМ. На внутренней поверхности большинства сосудов ранней и средней групп зафиксированы участки неровностей, складок и иногда статических отпечатков кожи. Данные факты могут свидетельствовать о применении форм-основ с кожаными прокладками. Большая часть сосудов поздней группы была изготовлена подобным образом, однако отмечено также использование зонального лоскутного налепа и более крупных строительных элементов (3×4 см и более). Днища накольчатых сосудов различны: 1) изначально плоские, изготовленные с помощью донно-емкостной программы конструирования начинов; 2) округлые или конические днища, впоследствии специально уплощенные. Обработка поверхностей сосудов осуществлялась путем простого заглаживания мягкими материалами и твердыми предметами. Распространенным приемом было уплотнение поверхности сосудов (лощение без блеска). Часто уплотнению подвергались обе поверхности сосуда. В производстве керамики поздней группы отмечено появление навыков заглаживания внутренней поверхности орудием типа гребенчатого штампа. Придание прочности и устранение влагопроницаемости продукции осуществлялось путем кострового обжига при сохранении реликтовых приемов введения в ФМ органических растворов. Обжиг продукции производился в режиме длительного периода при низких температурах в восстановительной атмосфере и непродолжительной выдержки при температурах каления (650–750º) в окислительной среде.

Данные изучения гончарной технологии групп средневолжского населения с накольчатой керамикой свидетельствуют о процессах интенсивного смешения с местными елшанскими коллективами. Происходило смешение мигрантов с обеими группами «елшанцев» (одной, с традицией изготовления керамики с шамотом, и второй, делавшей посуду без него). В то же время имела место определенная «оторванность» процесса развития традиций изготовления накольчатой керамики Среднего Поволжья от Нижнего Поволжья. В Нижнем Поволжье в качестве сырья использовались илы с

существенной примесью естественной раковины, а переход к илистым глинам сопровождался формированием традиции искусственного введения в ФМ дробленой раковины. В Среднем Поволжье в качестве ИПС применялись илы с раковиной и без нее, а традиция добавления дробленой раковины так и не получила массового распространения.

Гребенчатый керамический комплекс

По особенностям орнаментиров и техники нанесения орнамента данный комплекс может быть разделен на несколько групп керамики. Самыми многочисленными являются группы сосудов, декорированные: 1) коротким слабоизогнутым гребенчатым («зубчатым») штампом с размером рабочего края менее 1,5 см; 2) средним слабоизогнутым штампом (1,6–2,9 см); 3) длинным, преимущественно прямым, гребенчатым штампом (более 3 см). Встречаются сосуды, орнаментированные «шагающей гребенкой».

Анализ средних показателей данного комплекса по видам ИПС показал преимущественное распространение приемов отбора илистых глин, хотя доля илов также значительна. Например, все изученные образцы керамики с коротким гребенчатым штампом Виловатовской стоянки (бассейн р. Самары) были полностью изготовлены из илов (Васильева, Выборнов, 2012). Подобная керамика неолитических стоянок бассейна р. Сок большей частью сделана из илистых глин (от 54% до 93% от общего числа изученных образцов этой группы). Наиболее массовой была традиция отбора илистых тощих глин с раковиной. Существенная неоднородность во взглядах на пластичное сырье наблюдается и среди изготовителей посуды с длинным гребенчатым штампом. Массовыми были приемы отбора илистых глин, хотя использовались и илы.

Зафиксировано также появление представлений о глинах как сырье для изготовления бытовой посуды. Возможно, это было обусловлено контактами средневолжского населения с камскими коллективами. Небольшая группа керамики, изготовленная в соответствии с камской гончарной технологией, выявлена на стоянке Лебяжинка IV. Ее нахождение в одном культурном слое со средневолжской керамикой свидетельствует о проникновениях камского населения в Самарское Поволжье.

На ступени подготовки ИПС для изготовления керамики гребенчатого комплекса в целом были распространены приемы использования сырья в естественно увлажненном состоянии. Состав традиций составления ФМ керамики гребенчатого комплекса имеет определенное сходство с накольчатым комплексом, хотя доля рецептов с шамотом в среднем больше. Были распространены приемы введения шамота в концентрации 1:4–1:5. Сосуды конструировались лоскутным налепом, преимущественно с помощью форм-моделей: основ и емкостей. В ходе изготовления сосудов, возможно, происходила смена моделей. Отметим некоторые особенности, зафиксированные в разных группах гребенчатого комплекса. Признаки статических следов от мягких прокладок на обеих поверхностях были выявлены на сосудах с коротким гребенчатым штампом. На сосудах всех остальных групп гребенчатого комплекса обнаружены признаки прокладок только на одной поверхности: внешней или внутренней, что может свидетельствовать об использовании формы-модели только одного типа. Отмечено увеличение доли сосудов гребенчатого комплекса, изготовленных с помощью более крупных строительных элементов – коротких жгутов (длиной до 5 см). Состав традиций обработки поверхностей сосудов включал простое заглаживание мягкими материалами и твердыми предметами, а также уплотнение. Прием заглаживания внутренней поверхности сосуда орудием типа гребенчатого штампа получил более широкое распространение, чем в производствах накольчатой керамики. Самым распространенным он стал в изготовлении керамики со средним слабоизогнутым штампом. Придание прочности и устранение влагопроницаемости сосудов гребенчатого комплекса осуществлялось путем кострового обжига с длительным периодом обжига при низких температурах в восстановительной атмосфере и непродолжительной выдержкой при температурах каления (650–700º).

Совокупность наиболее массовых приемов изготовления керамики средневолжской культуры включала: 1) разнообразие взглядов на ИПС для производства посуды: илы, илистые глины и глины (рис. 4: 1–6); 2) отбор в основном запесоченного ожелезненного сырья без раковины (хотя в целом доля сырья с раковиной больше, чем в елшанском гончарстве); 3) увлажненное состояние сырья; 4) существование нескольких массовых традиций составления ФМ: без искусственных примесей; с органическим раствором; с шамотом и шамотом – обожженной глиной; 5) применение форм-моделей и лоскутного налепа, использование коротких жгутов; 6) простое заглаживание, сплошное уплотнение поверхности сосудов. Заглаживание внутренней поверхности сосуда орудием типа гребенчатого штампа получило более широкое распространение, чем в других комплексах; 7) костровой обжиг продукции с неполной выдержкой при температурах каления (650–700º).

По итогам изучения гончарной технологии населения средневолжской культуры можно констатировать сосуществование в рамках произ-

водств посуды одинакового облика нескольких культурных традиций. Общеизвестно, что процесс неолитизации сопровождался изобретением более совершенных средств передвижения и интенсификацией взаимосвязей неолитических коллективов. Формирование новых культурных образований в период развитого неолита происходило в основном в результате смешения различных групп. Средневолжская культура имела многокомпонентный состав населения, в который входили изначально разные в культурном отношении коллективы. Можно предполагать, что этот состав менялся и усложнялся в разные хронологические отрезки времени. Местные елшанские, пришлые и смешанные группы населения проживали на одной территории в рамках единых поселков, вступали в контакты и процессы смешения, поэтому оставленные ими культурные слои можно относить к одной археологической культуре – средневолжской.

В результате продвижения в Среднее Поволжье южных групп с накольчатой орнаментальной традицией и смешения их с местными елшанскими коллективами сформировалась основная часть населения средневолжской культуры. Она продолжала делать сосуды с накольчатым орнаментом, но ее гончарная технология была смешанной, имевшей много близких черт с елшанской. Со временем влияние елшанских культурных традиций на пришлое население усиливалось, что проявилось в увеличении доли илистых тощих глин и распространении «шамотной» традиции. В то же время контакты с нижневолжскими коллективами, по-видимому, становились менее тесными, о чем свидетельствует отсутствие традиции введения в ФМ дробленой раковины в Среднем Поволжье, в то время как она стала массовой в гончарстве орловских групп населения (Васильева, 2009). Появление и массовое распространение данной традиции на юге Средневолжья было связано уже с эпохой энеолита.

Исследование технологии изготовления посуды, орнаментированной различными штампами, выявило значительную неоднородность изготавливавшего ее населения и в то же время определенные черты сходства с накольчатым комплексом средневолжской культуры. Наибольшую близость с ним обнаружили группы керамики, орнаментированной гладким штампом в виде насечек и ямочным орнаментом. Радиоуглеродные даты керамики накольчатого и гребенчатого комплексов указывают на вероятность периода их сосуществования на территории Самарского Поволжья (Выборнов, 2008, с. 242, 243). На основании конкретных количественных показателей нами был сделан вывод об устойчивой тенденции увеличения доли накольчатой посуды из илистых глин как результата смешения с елшанскими гончарными традициями.

Практически в это же время появились коллективы, в среде которых стопроцентно были распространены представления об илах: это группа с керамикой, декорированной коротким гребенчатым штампом (Виловатовская стоянка), или группа с посудой, орнаментированной средним гребенчатым штампом (Лебяжинка IV). Данные факты указывают на приток в Самарское Поволжье новых групп неолитического населения, в среде которых преобладали представления об илах и которые еще не приняли участия в процессах смешения, происходивших до этого между елшанским населением и группой с накольчатым комплексом. Предположительно, эти неолитические коллективы могли переселяться с юго-запада (Подонье, Украина), где были выявлены гончарные технологии, основанные на использовании илов, и орнаментальные традиции штампования керамики (Васильева, 2017). Миграция группы камского населения на территорию юга Средневолжья фиксируется по наличию в культурном слое стоянки Лебяжинка IV немногочисленной группы керамики с четкими морфологическими и технологическими особенностями, характерными для камской культуры. Таким образом, передвижения средневолжских неолитических коллективов происходили не только с юга на север, но и наоборот – с севера на юг.

Камская и волго-камская культуры

Неолитический керамический материал с территории Верхнего, Среднего и Нижнего Прикамья разделен на культурно-хронологические комплексы: камский и волго-камский. В настоящее время большинство специалистов по неолиту Волго-Камья поддерживают выделение двух культур: *камской* и *волго-камской* (Габяшев, 2003; Выборнов, 2008; Лычагина, 2006; 2011). К камскому керамическому комплексу относятся круглодонные сосуды с орнаментом, нанесенным различными видами гребенчатого штампа. К волго-камскому – преимущественно плоскодонные сосуды без орнамента; с горизонтальным рядом ямочных вдавлений под срезами венчиков; с наколами, отдельными и нанесенными в отступающей технике; с ногтевидными насечками. Технико-технологическому анализу было подвергнуто 368 образцов из культурного слоя 27 неолитических стоянок Прикамья. Подробные результаты исследования опубликованы (Васильева, 2013; Васильева, Выборнов, 2012; 2013).

Камский керамический комплекс

Ранняя керамика камской культуры была изучена по материалам стоянки Зиарат. Были выявлены специфические гончарные традиции: 1) распространение взглядов на *глину* как сырье для

производства керамики; 2) отбор только жирных глин; 3) дробление глин в сухом виде; 4) распространение приемов составления ФМ из сухих смесей (дробленых глины и шамота в концентрации 1:1–1:3), которые буквально «склеивались» органическим раствором; 5) использование некалиброванного крупного шамота (менее 5 мм) (рис. 4: 1–2).

В нашем распоряжении оказались в основном мелкие фрагменты сосудов камской культуры, что не позволило сделать полные заключения о навыках изготовления сосудов. Можно констатировать, что конструирование сосудов производилось способами скульптурной лепки, наиболее вероятным из них можно считать лоскутный налеп. Обращает на себя размерность строительных элементов: длина некоторых в поперечных изломах превышала 4–5 см. Возможно, для лепки сосудов использовались короткие жгуты. На внутренней поверхности ряда сосудов имелись небольшие, плохо заглаженные участки поверхности со складками, морщинками, статическими отпечатками единичных мелких волос, что может говорить о применении мягких прокладок. Такие прокладки использовались при конструировании сосудов на твердых формах-основах. Как показали экспериментальные работы, лепка сосудов из ФМ с таким количеством шамота и органического раствора способами скульптурной лепки на плоскости без использования форм-моделей крайне затруднительна.

Массовыми приемами обработки поверхности сосудов были простое заглаживание и сплошное уплотнение-лощение поверхности. Этому способу подвергались, как правило, одновременно внешние и внутренние поверхности верхних частей сосудов. Часть камских сосудов подвергалась костровому обжигу с низкотемпературным режимом и с кратковременным пребыванием в температурах каления (650–700º). Об этом свидетельствует низкая механическая прочность сосудов и трех- и двухслойная окрашенность изломов сосудов с темно-серой сердцевиной черепка. Однако больше половины изученных образцов имеют бурый слоистый или полностью светло-коричневый излом, что указывает на длительный период пребывания сосудов в температурах каления.

В производствах гребенчатой керамики хуторского этапа зафиксировано распространение новых гончарных традиций, сосуществовавших с камскими: использование илистых глин; отбор как жирных, так и тощих илистых глин; появление таких смешанных приемов, как дробление илистых глин в сухом виде; подготовка ФМ с меньшей концентрацией шамота (1:4); использование более мелкого шамота (менее 2 мм). В Нижнем Прикамье культурные традиции, несвойственные раннему этапу камской культуры, в отличие от Верхнего Прикамья получили большее распространение. По-видимому, это было следствием более тесных и интенсивных контактов камского населения приустьевой части Камы с южными средневолжскими коллективами. По материалам позднего левшинского этапа в Верхнем Прикамье можно констатировать значительную преемственность с раннекамскими гончарными традициями, а также их сосуществование со средневолжскими и смешанными. Изучение левшинской керамики Нижнего Прикамья выявило 100-процентное распространение взглядов на *илистые глины* как гончарное сырье. По-видимому, длительный процесс смешения населения Нижнего Прикамья, изготавливавшего гребенчатую камскую керамику, с инокультурными коллективами завершился полным перерождением их представлений о сырье, хотя орнаментальные традиции остались прежними.

Волго-камский керамический комплекс

К нему относятся группы керамики без орнамента, а также с наколами и насечками. Они зачастую находились на стоянках совместно с гребенчатой камской керамикой. Гончарная технология населения, изготавливавшего данную посуду, отличается существенной неоднородностью, что, по-видимому, объясняется смешением коллективов с камскими, средневолжскими и смешанными традициями. Сходство со средневолжскими гончарными традициями прослеживается, во-первых, в наличии рецептов ФМ только с органическим раствором (причем в значительно меньшей концентрации, чем в посуде с гребенчатой орнаментацией) без добавки шамота; во-вторых, в использовании мелкого шамота в небольшой концентрации (рис. 4).

Наблюдаются и отличия от средневолжской гончарной технологии: 1) массовое распространение «шамотной» традиции; 2) применение камских рецептов с большой концентрацией крупного шамота и органического раствора. Обращает на себя внимание, что роль камских традиций в производствах слабоорнаментированной и накольчатой керамики на территории Верхнего и Среднего Прикамья была существенно выше, чем в Нижнем Прикамье. Приемы конструирования и термической обработки сосудов волго-камского комплекса были близки камским, для которых были характерны сочетание лоскутного налепа и форм-моделей, а также костровой обжиг с более продолжительным периодом пребывания сосудов в температурах каления.

Таким образом, в третьей четверти V тыс. до н. э. (в некалиброванном значении) в Среднем Поволжье появился *камский ареал* неолитических

гончарных традиций, характерными чертами которых были: использование гребенчатых штампов в орнаментации посуды и специфические технологические приемы, описанные выше. Связь этих традиций с более ранними ареалами древнего гончарства Поволжья пока не прослеживается и предполагается их неместный характер (Васильева, 2013; Васильева, Выборнов, 2012; 2013). На современном этапе исследования зафиксировано наиболее раннее появление «шамотной» традиции в Среднем Поволжье в рамках елшанского гончарства. Однако имеются существенные отличия елшанской технологии от камской: использование в качестве ИПС илистых тощих глин в естественно увлажненном состоянии; незначительная концентрация шамота в ранней елшанской керамике; более мелкие размеры шамота. Процент сосудов с шамотом в ранних елшанских комплексах составлял не более 5%.

Эти данные послужили основанием придавать приемам введения шамота в ФМ скорее ритуальный, чем технологический характер. Поиск ответов на вопрос о происхождении камских неолитических традиций требует расширения географических рамок исследования. По нашему мнению, значительный интерес представляют заключения, сделанные по зауральским материалам (Васильева, 2011б). Такие технологические приемы, как использование природных глин, их дробление в сухом состоянии, составление сухих смесей с шамотом и органическим раствором в большой концентрации, зафиксированы нами в материалах Зауралья: Кокшаровского холма (полуденский тип), а также стоянок Амня и Ет-то I. По материалам последней стоянки получены радиоуглеродные даты, позволившие отнести ее к раннему неолиту (Косинская, 2004). В целом же решение вопроса о происхождении камской гончарной технологии нуждается в дальнейшей проработке.

Исследование гончарной технологии Прикамья подтвердило выводы исследователей, предполагавших взаимодействие и смешение двух различных в культурном отношении групп неолитического населения: камской (с гребенчатой посудой) и волго-камской (со слабоорнаментированной и накольчатой керамикой). Степень смешения южных средневолжских традиций с камскими в Среднем и Верхнем Прикамье была менее значительна, чем в Нижнем Прикамье. Там на левшинском этапе произошло почти полное перерождение камских традиций, что может свидетельствовать о полном слиянии камского населения со средневолжским (Васильева, Выборнов, 2012; 2013).

Носители камских традиций вступили в процесс активного взаимодействия с другими культурными группами Среднего Поволжья и оказали большое влияние на культурогенез неолитического населения.

Заключение

Исследование неолитической гончарной технологии Среднего Поволжья в рамках историко-культурного подхода позволило прийти к следующим выводам. Во-первых, был выявлен универсальный вид древнейшего пластичного сырья: речные и озерные илистые отложения, которые представляли собой подготовленную естественным путем ФМ, включавшую как глинистый субстрат и минеральные примеси, так и перегнившие остатки растительной и животной органики (Бобринский, Васильева, 1998). Во-вторых, удалось установить эволюционный ход развития взглядов древнего населения на этот вид ИПС по линии: илы – илистые глины – глины (Васильева, 2009; 2013а). В-третьих, на основе различий ИПС неолитической керамики Поволжья выделены три ареала гончарных традиций, которые сыграли основную роль в распространении древнего гончарства в регионе:

1. Ареал древнейшего гончарства, основанного на илах, насыщенных остатками сгнившей растительности, чешуей и костями рыб, а также обломками раковин пресноводных моллюсков. Территория – Северный Прикаспий и степное Нижнее Поволжье. Керамика – плоскодонные сосуды, орнаментированные прочерченно-накольчатым орнаментом. Наиболее ранние комплексы стоянки Каир-Шак III датируются первой половиной VI тыс. до н. э. (в некалиброванном значении).

2. Ареал елшанских гончарных традиций, связанный с использованием илистых тощих глин, содержащих компоненты илов в значительно меньшей концентрации и сильно измельченном виде. Здесь впервые появилась «шамотная» традиция составления ФМ. Территория – Волго-Уралье, Среднее Поволжье. Керамика – остродонные (позднее плоскодонные) сосуды без орнамента или с ямочно-жемчужным пояском под венчиком, реже – с прочерченным и «точечным» орнаментом. Наиболее ранние комплексы елшанской культуры датируются первой половиной VI тыс. до н. э. (в некалиброванном значении).

3. Ареал камских традиций, в котором применялись сухие смеси: природные глины дробились в сухом состоянии и смешивались с шамотом и органическим раствором почти в равных долях. Территория – Прикамье. Керамика – округлодонные яйцевидные сосуды, орнаментированные гребенчатым штампом. Наиболее ранняя керамика камской культуры датируется последней третью V тыс. до н. э. (в некалиброванном значении).

В-четвертых, распространение гончарных традиций в Среднем Поволжье было обусловлено в основном контактами и взаимодействием населения неолитических ареалов древнейшего гончарства, хотя в течение длительного периода неолита вполне были вероятны проникновения отдельных групп населения из других регионов. Анализ технологии изготовления керамики и абсолютное датирование археологических культур позволили реконструировать некоторые процессы взаимодействия древних коллективов внутри выделенных ареалов и их передвижения на соседние территории. Так, можно предполагать миграцию елшанских коллективов на запад, в правобережье Волги, в Сурско-Мокшанское междуречье, Марийское Поволжье (Васильева, Выборнов, 2014; 2015). Елшанская гончарная технология оказала большое влияние на формирование карамышевской культуры в Верхнем и Среднем Подонье (Васильева, 2017). Первая волна миграции «елшанцев» из Волго-Уралья в Сурско-Мокшанское междуречье могла проходить напрямую через Волгу. Вторая волна миграции групп с елшанскими традициями, но уже с появившейся на исходной территории плоскодонной посудой, могла осуществляться вверх по Волге. Переселение групп орловского населения на юг Средневолжья и смешение с местными коллективами привели к формированию средневолжской культуры. Возможно, данный регион был исходной территорией и для перемещения на запад и север групп населения с накольчатой керамикой. Именно здесь был зафиксирован процесс смешения елшанских традиций с традициями населения с накольчатой керамикой, приведший к его массовому переходу на илистые тощие глины без раковины и формированию традиции введения в ФМ не дробленой раковины, как в степном Нижнем Поволжье, а примеси шамота. И наконец, следует отметить значительное влияние камских традиций, которое было оказано на все Среднее Поволжье на более поздних этапах неолита, что свидетельствует о тесных контактах населения (Васильева, Выборнов, 2013).

ГЛАВА 13
ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ

Начало неолитической эпохи в Среднем Поволжье связано с появлением около 8200 лет назад в его лесостепной части елшанской культуры. Развитие керамики, изготовленной из илистой глины, проходило от профилированных и остродонных к прямостенным и плоскодонным сосудам. Орнаментация весьма проста: характерен ряд ямок под венчиком, прочерченные линии и зигзаги. Каменная индустрия елшанской культуры не содержит признаков сверления, пиления и шлифования. Отсутствие преемственности с местными мезолитическими древностями и достаточно развитый уровень гончарного производства позволяют считать гипотезу о ее неместном происхождении наиболее приемлемой. Исследователи прослеживают истоки культуры в среднеазиатском междуречье, где имеются схожие комплексы. Причина покидания исходного региона не связана с ростом демографии. Наиболее вероятным фактором могла быть аридизация. Отдельные группы елшанцев достигли Сурско-Мокшанского междуречья и оказали влияние на неолитизацию более западных районов. Несколько позже они сыграли определенную роль в появление керамического производства в лесном Среднем Поволжье и в Камско-Вятском междуречье. Но эти процессы проходили уже в достаточно благоприятных климатических условиях. Что касается памятников, содержащих технику шлифования при изготовлении деревообрабатывающих орудий, до появления серии дат, подтверждающих их одновременность с керамическими комплексами, их допустимо относить к переходному от мезолита к неолиту периоду. Тем более, что даже у ранненеолитического населения не прослеживается серьезных изменений в других компонентах культуры.

7500 лет назад в лесостепном Поволжье формируется средневолжская культура, составившая одну из частей волго-камской культурной области. Ее основу составили носители елшанской и пришлые группы населения орловской культуры степного Поволжья. Это привело, в южной части региона, к появлению технологии изготовления посуды из ила, доминированию плоскодонности, системы орнаментации наколами в отступающей технике и геометризма в композициях. В каменном инвентаре увеличивается пластинчатость, появляются геометрические микролиты типа трапеций со струганной спинкой и пр. Более северное лесостепное и лесное население уже не содержало степных признаков. Это может объясняться как местной мезолитической основой, так и характером распространения керамического производства. Если елшанская технология появилась в результате миграции, то развитие средневолжской традиции стало итогом диффузии. Не случайно керамика с накольчатой системой орнаментации имеет ряд общих черт на всей территории ее распространения, но по мере удаления от эпицентра утрачивает некоторые компоненты. Это касается как материалов лесного Среднего Поволжья (более близкого к лесостепи), так и Верхнего Прикамья, комплексы которого достаточно своеобразны и могут быть включены не в культуру, а культурную область с плоскодонной накольчатой керамикой. В Среднем Посурье представлены памятники с накольчатой посудой разных вариаций, что свидетельствует о том, что ряд регионов являлся своеобразным «культурным коридором» и здесь не формировались самобытные образования. Все это свидетельствует об археологической непрерывности.

Распространение керамического производства в Среднем Поволжье и Предуралье сопряжено как с южным, так и восточным ареалами. Именно культуры этих регионов стали, по мнению специалистов, ретрансляторами производящего хозяйства на интересуемой территории. Однако, в материалах кельтеминарской культуры даже развитого этапа исследователи не находят каких-либо достоверных данных о наличие скотоводства. Поэтому, нет серьезных оснований предполагать появление его у елшанцев. Кости достоверно домашних животных отсутствуют как в учащинских комплексах раннего неолита Среднеазиатского междуречья, так и в гомогенных слоях наиболее древних стоянок лесостепного Поволжья. Даже если принять гипотезу о возникновение елшанской культуры на основе ракушечноярской, то, судя по современным данным, в комплексах раннего неолита Нижнего Подонья пока отсутствуют надежные подтверждения наличия скотоводства.

Нет доместицированных видов животных и на более поздних фазах развития неолита. Несмотря на очевидность роли южного импульса в складывании средневолжской культуры это не означает наличие у ее носителей элементов производящего хозяйства. Изученные однослойные комплексы Нижнего Поволжья не содержат костей домашних животных даже в позднем неолите. Что касается восточного тренда в генезисе неолита Предуралья, то данные о наличие производящего хозяйства как в лесном, так и лесостепном Зауралье на всем протяжение неолита отсутствуют. Могли ли они появиться, если их нет ни в кельтеминарской, ни в барабинской культурах ? Из этого следует, что в состав неолитического пакета Среднего Поволжья и Предуралья производящее хозяйство не входит.

Данный вывод позволяет исследователям сосредоточиться на сугубо археологических показателях, которые и должны определять суть содержания изучаемого объекта. Поскольку речь идет о каменном веке, то более приемлемо выстраивать периодизацию на развитии технологии изготовления артефактов, а не на критериях хозяйственной деятельности. Наличие отдельного признака не может служить для опорного вывода. Так, двусторонняя обработка ретушью наконечников стрел известна в стрелецкой культуре верхнего палеолита, а топоры с пришлифовкой обнаружены в мезолитических комплексах бассейна р.Вятки. Примером сформировавшейся системы могут служить материалы с накольчатой керамикой лесного Среднего Поволжья. В них представлено сочетание двустороннего ретуширования, шлифования, пиления и, возможно, сверления. Ограничиваться только совокупность новых технологий вряд ли корректно. Например, долгое время шла дискуссия о культурно-хронологической принадлежности двусторонне ретушированных наконечников стрел треугольной формы с черешком. Материалы изысканий последних десятилетий позволяет подтвердить их неолитическую принадлежность. Причем речь допустимо вести о раннем этапе. Что касается долот, как показателя сетевого рыболовства и оседлого образа жизни, то такие артефакты обнаружены не на всех стоянках раннего неолита интересуемого региона. Допустимо ли в данном случае применять к ним иной периодизационный статус? В том же лесном Среднем Поволжье вряд ли: многочисленные жилища на большинстве мезолитических памятников этого региона свидетельствуют о достаточно прочной оседлости. К тому же, последний показатель вновь выходит за рамки сугубо археологических критериев. Было бы странным отрицать наличие оседлости на развитом этапе камской культуры на основании отсутствия на Хуторской стоянке долот. Мощный культурный слой с огромным количеством материалов, долговременные жилища значительных размеров свидетельствуют в пользу обратного, а каменные грузила подтверждают сетевое рыболовство. Что же касается стоянок в северных лесных районах как с накольчатой, так и гребенчатой орнаментацией раннего этапа их развития, то в них не представлен весь неолитический пакет. Здесь уместно, даже несмотря на наличие керамики, относить их к переходному периоду от мезолита к неолиту.

Если исходить из этих критериев, то в лесном Среднем Поволжье к раннему неолиту следует относить памятники с накольчатой керамикой. К позднему периоду можно причислить комплексы с ямочно-гребенчатой посудой. Что касается красномостовских материалов (также как и новоильинскую культуру Прикамья), то их допустимо рассматривать как переходные от неолита к энеолиту. Отсутствие пока убедительных фактов присутствия навыков металлообработки у носителей раннего этапа самарской культуры не позволяет относить к энеолиту и памятники русскоазибейского типа. Он по своей природе аналогичен черкасскому типу в Среднем Подонье: это результат взаимодействия местной неолитической среднедонской культуры и переходной от неолита к энеолиту нижнедонской культуры, продвинувшейся из степи на север.

Значительный массив радиоуглеродных дат по большинству неолитических памятников лесного Среднего Поволжья и Предуралья позволил определить достоверные хронологические рамки культур и этапов их развития. Наиболее вероятным временем появления раннего неолита в лесостепном Поволжье допустимо считать 7200 лет ВР. В лесном Среднем Поволжье и Предуралье этот процесс начинается 6800 лет ВР. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесном Среднем Поволжье является результатом проникновения из западных районов носителей льяловской и балахнинской культур около 6000 лет ВР. По мере развития средневолжское население утрачивало часть первоначальных признаков, но в тоже время вырабатывало новые, присущие только данному региону. На это влияли и ее контакты с носителями камской культуры, пришедших на эту территорию на среднем этапе своего развития. Именно в это время складываются локальные варианты. Причем, судя по технико-технологическому анализу, взаимодействие было как с носителями накольчатой традиции, так и со средневолжским вариантом культуры ямочно-гребенчатой керамики. Об этом свидетельствуют и синкретические типы сосудов. Около 5200 лет ВР бытование неолитиче-

ских культур подходит к завершению. Им на смену приходят новоильинская в Прикамье и красномостовская в лесном Среднем Поволжье. Но их развитие не было параллельным: в лесные поволжские пространства уже 4900 лет ВР начинает проникать лесостепное население, определившее переход к эпохе раннего металла. В Среднем и Верхнем Прикамье этот момент начнется несколько позже – 4500 лет ВР. Нельзя не отметить весьма непростой момент с трактовкой комплексов татарско-азибейского типа. Если имеющиеся даты по этим материалам валидны, то архаичный облик каменной индустрии и своеобразие керамического комплекса допустимо связывать не только с местным субстратом, но и зауральским импульсом, выраженном липчинскими древностями.

Еще один важный компонент неолитической культуры – жилище. Даже с учетом ландшафтных условий и сезонности можно констатировать, что в полупустынных районах представлены небольшие постройки округлой или овальной формы, а в степной части большие прямоугольные сооружения. Что касается лесостепного Среднего Поволжья, то для раннего неолита характерны неглубокие жилища небольших размеров подквадратной формы. Они как по конфигурации, так и по деталям конструкций имеют ряд общих черт с постройками лесного Среднего Поволжья. Но в отличие от южных, в Марийском крае характерно несколько жилищ, порой соединенных переходами. Данная особенность может иметь истоки в мезолитической подоснове местного неолита и связана со спецификой ведения хозяйства населения по сравнению с лесостепными жителями. В тоже время, требуется дополнительная проработка вопроса об одновременности даже соединенных переходами построек. И если для носителей культуры с накольчатой керамикой характерны подквадратные очертания и небольшие размеры, то для камской культуры северной части присущи крупные постройки прямоугольной формы. Что же касается жилищ на территории Нижнего Прикамья, то они ближе к средневолжским.

Погребальный обряд наименее изученный компонент неолита Среднего Поволжья и Предуралья. Это объясняется не только сложностью обнаружения погребений непосредственно на месте памятника, но и песчанистой консистенцией культурных слоев, которая не способствует сохранению костных останков. Достаточно сказать, что с момента описания в 1973 году О.Н.Бадером и А.Х.Халиковым редчайших случаев ситуация практически не изменилась. Но даже по тем уникальным захоронениям специалисты отмечали, что их достоверное отнесение к неолиту весьма условно. Единственное достоверное погребение позднего этапа елшанской культуры подтверждено радиоуглеродными датами и имеет достаточно простой обряд: вытянутый костяк сопровождался сосудом и костяным изделием. Для того, чтобы отнести погребение к неолиту необходимо провести датирование на AMS непосредственно костяка. Но и этого будет недостаточно, так как обильное питание рыбной пищей отражалось на содержание фосфора в костях человека и приводит к резервуарному эффекту. Подтверждением тому служат датировки для ряда могильников энеолита как в лесостепном Поволжье, так и в Нижнем Прикамье. Поэтому требуется датирование на AMS и погребального костяного инвентаря, который отсутствует. Без этой процедуры, опираясь только на типологические показатели, имеющиеся комплексы можно определять от мезолита до раннего энеолита. Проиллюстрировать это можно пластинчатыми наконечниками стрел, которые присущи как раннему неолиту, так и татарско - азибейским комплексам, которые относятся к началу раннего энеолита.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ ЭПОХИ КАМНЯ

Самой ранней палеоантропологической находкой для Волго-Уральского региона является черепная крышка человека, найденная среди костей животных мамонтовой фауны в 1927 году на острове Хорошенский близ города Хвалынск Саратовской области. Первоначально она была представлена как неандертальская (Бадер, 1946), несколько позднее как архаичная, морфологически имеющая неандерталоидные и сапиентные черты (Гремяцкий, 1948; 1952). Эту находку М.А. Гремяцкий соотнес с подобными ей по строению краниологическими находками из Подкумок (Предкавказье) и Сходненской (Подмосковье), которые в сумме на определенном этапе науки рассматривались как доказательства трансформации неандертальской стадии развития человека в кроманьонскую или как случаи метисации между представителями этих антропологических формаций.

В 1948 году в той же области на острове Меровский реки Волги была обнаружена затылочная кость, описанная В.М. Харитоновым как сходная с архаичным сапиенсом из Палестины типа Схул V (Харитонов, Селифанова, 1987). Таким образом, мы имеем прямые антропологические свидетельства пребывания человека в районах Поволжья как минимум в эпоху верхнего палеолита.

Во второй половине 20 века при археологических исследованиях районов Поволжья и Урала поступили палеоантропологические материалы, которые в своей хронологической интерпретации были неоднозначны и связывались исследователями с культурами либо финальных периодов каменного века, либо с энеолитом. Среди них скелеты из памятников Восточного Приуралья: Шигирского торфяника на Кудринском золотом прииске Свердловской области, Иннокентьевского разреза Царёво-Александровской дистанции Миасского округа Оренбургской области, Барановской пещеры и навеса Старичный гребень Усть-Катавского района Челябинской области. Черепа первых двух скелетов были описаны как метисные европеоидно-монголоидные формы в составе так называемой урало-лапоноидной группы (Дебец, 1948), или субуральского типа (Герасимов, 1955). Череп из Барановского погребения был кратко описан Е.В. Жировым как вполне европеоидный. Г.Ф. Дебец подтвердил это определение, но заметил особенность этой находки, его малые размеры, несильно выступающие в профиль носовые кости, относительно высокие орбиты по сравнению с низкими глазницами на древних краниумах европеоидной расы (Дебец, 1953, с. 66, 67). В данной работе были описаны и особенности посткраниальных скелетов, а также в целом грацильное сложение Барановской находки при реконструированном малом росте индивида в 168,5 см, а для костяка из Старичного Гребня – около 153,0 см.

Все эти находки, как и другие, известные к тому времени с территорий лесной полосы Восточной Европы, были учтены В.В. Бунаком, сформулировавшим теорию, согласно которой еще в эпоху камня в областях Восточного Приуралья и таежной полосы Европы формировалась особая северная евразийская антропологическая формация. Ее группы не имели прямой генетической связи ни с европеоидами, ни с монголоидами, но вели происхождение от местного населения палеолита, недифференцированного в расовом отношении. Вероятно, этот древнейший антропологический пласт явился основой для формирования современной уральской расы (Бунак, 1956, с. 101).

О специфике физических особенностей неолитического населения территорий, близких к Волго-Уральскому региону, дают представление выполненные М.М. Герасимовым скульптурные реконструкции (рис. 1, 2).

В дальнейшем, при поступлении дополнительного антропологического источника с территорий центральной части Евразии, многими специалистами отмечалось морфологическое своеобразие древних обитателей лесной и лесостепной зон континента, их отличие от степных и более южных популяций. В ряде случаев, как на индивидуальном, так и групповом уровнях, для представителей разных археологических культур отмечалась умеренная профилировка лица на разных

его уровнях, что трактовалось как промежуточность форм с наличием европеоидных и монголоидных черт. Некоторыми исследователями она объяснялась с позиций метисации, а именно в связи с проникновением по двустороннему вектору запад – восток древних групп населения и контактами между ними (Дебец, 1948; Акимова, 1953; Герасимов, 1955; Денисова, 1975, 1997; Алексеева, 1997 и др.). Учитывалась также позиция В.П. Якимова (1957), согласно которой формирование умеренной горизонтальной профилировки лица у населения мезолита северо-запада Европы (типа могильников Южный Олений Остров, Караваиха) можно связывать с экологическим фактором, адаптацией палеопопуляций к суровым условиям климата, влияние монголоидов в данном случае отрицалось. По ряду околоуральских материалов нередко прибегали к варианту вышеизложенной концепции В.В. Бунака о доминирующей роли в процессе расообразования особой северноевразийской антропологической формации (Бунак, 1980; Гохман, 1986; Герасимова, 1986; Яблонский 1998; Хохлов, 1998; Багашев, 2003, Чикишева, 2012 и др.).

В.П. Алексеевым, в частности, к проблеме современной уральской расы было сформулировано интегральное положение, согласно которому ее формирование происходило как на основе древнейших автохтонных групп населения, так и при поэтапном влиянии мигрантных групп с востока и запада (Алексеев, 1969). Это положение обосновывалось многочисленными фактическими данными археологии, в какой-то степени лингвистическими проработками, а также обычной логикой рассмотрения происходивших в течение гигантского исторического отрезка времени (мезолит – Средние века) процессов на территориях пограничья Европы и Азии. Практически все без исключения исследователи России приняли это положение, учитывающее, подчеркнем, проявление в коренных приуральских популяциях современности древнего недифференцированного в расовом отношении антропологического пласта.

К нашему времени с территорий Севера Евразии накоплены и введены в научный оборот дополнительные палеоантропологические источники эпохи камня. Для районов Волго-Уралья большое значение имели материалы из погребений у с. Меллятамак Муслюмовского района Татарстана, раскопанные в 1982–1983 годах отрядом Раннеболгарской археологической экспедиции под руководством Е.П. Казакова. Первоначально они были отнесены автором раскопок (Казаков, 1982) к неолиту – энеолиту, и позднее даже к мезолитическому времени (Казаков, 2011). Нужно уточнить, что могильник Меллятамак V несколько более поздний по времени по сравнению с памятником Меллятамак III (Казаков, 2011, с. 20–40).

Краниологические материалы суммарной меллятамакской серии неоднородны. Первоначально в ней были выделены два морфологических типа: матуризованный, гиперморфный, низкоголовый и низколицый европеоидный (Меллятамак V – одиночные погребения № 10, 11, 19) и относительно грацильный, гипоморфный, высокоголовый (Меллятамак V – женские черепа; Меллятамак III – мужской череп из погребения 1) (Яблонский, 1992, с. 148). Первый из них, по мнению автора исследования, видимо, степного происхождения, а второй связан с каким-то древним населением лесных районов Прикамья. Здесь же нужно отметить, что череп из коллективного захоронения № 1 Меллятамакского III могильника рассматривался Л.Т Яблонским как сходный морфологически с черепами северо-запада Восточной Европы (Южный Олений Остров/мезолит; Звейниеки/ранний неолит). В целом же серия тяготеет к северному ареалу европеоидной расы.

Позднее, с поступлением дополнительной находки, в частности, мужского черепа (Меллятамак III, погр. 6) из раскопок К.А. Руденко (Руденко, 1996), данные материалы пересматривались. На этот раз было еще раз обращено внимание на специфику черепа из коллективного захоронения 1, которая позволила сопоставить его также с черепами древнеуральского типа (Хохлов, 1998, с. 28–36; Хохлов, Яблонский, 2000, с. 278–292). К относительно грацильному, гипоморфному варианту был причислен череп из погребения 6 (Хохлов, 2017, с. 31). Отмечено, что крупные по размерам, мезо-брахикранные, с невысоким сводом черепа, подобные некоторым меллятамакским, встречены в восточной части европейского ареала (Съезжее, погр. 11; Красноярка I, погр. 2; Тумек-Кичиджик, погр. 6, склеп 2, погр. 28). Это, вероятно, отражает некий вектор географический связи между группами населения Приуралье – Приаралье (Хохлов, 2017, с. 55) и подкрепляет ранее изложенную точку зрения Л.Т. Яблонского (Яблонский 1986, с. 105–106) о возможных связях антропологических компонентов, представленных в краниологических материалах, с одной стороны, самарской раннеэнеолитической и, с другой стороны, кельтеминарской неолитической культуры. По черепу мужчины из погребения 11 могильника Меллятамак V Л.Т. Яблонским и Н.М. Рудь была выполнена графическая реконструкция облика (Рудь, Яблонский, 1991; Казаков, 2011, с. 162) (рис. 3).

К нашему времени многочисленными исследованиями отчетливо показано, что развитие материальных культур в Евразии происходило асинхронно, археологические понятия палеолит

Рис. 1. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из погребения на Гавриловской неолитической стоянке (Горьковская обл.) Выполнил М.М. Герасимов (по: Герасимов, 1955)

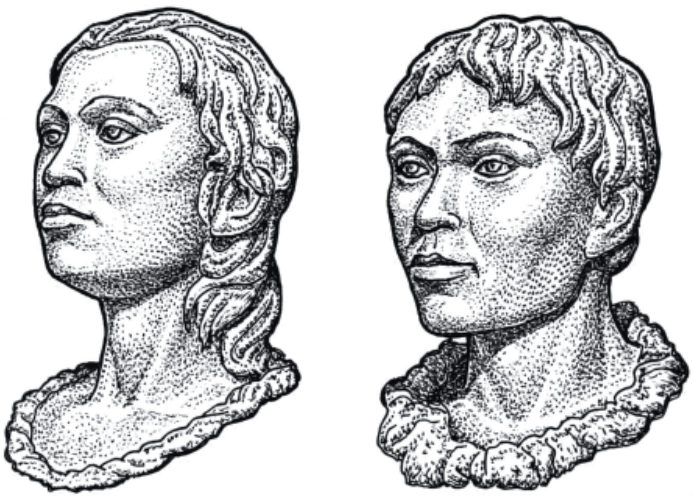

Рис. 2. Скульптурные реконструкции по черепам людей шигирской культуры Урала эпохи неолита: А – облик женщины из Кудринского прииска; Б – облик мужчины из разреза Иннокентьевский Царево-Андреевской дистанции. Выполнил М.М. Герасимов (по: Герасимов, 1955)

– эпоха бронзы не имеют жесткой хронологической привязки, интервалы существования культур каменного века и начала раннего металла иной раз перекрывают друг друга.

В связи с этим возникают определенные сложности при научном освещении археологических материалов в структуре их исторической последовательности. Безусловно, особый аспект здесь приобретает проведение корреляций между памятниками, с одной стороны, по имеющимся датам абсолютного датирования и, с другой, по их культурным особенностям в ракурсе наличия признаков архаичных или прогрессивных типов ведения хозяйств.

Уделим внимание тем скелетам каменного века, которые были продатированы естественно-научными методами и получили генетические коды собственных половых гаплогрупп (табл. 1).

Обоснованно самыми ранними материалами Волго-Уралья с наличием скелетных останков являются три захоронения, исследованные в течение 2002–2003 сотрудниками СОИКМ им. П.В. Алабина Д.А. Сташенковым, А.Ф. Кочкиной и Л.В. Кузнецовой у с. Сиделькино Челно-Вершинского р-на Самарской области. Материалы, получившие название по локальному месту обнаружения как «Гора Маяк», были датированы в лаборатории ГИН РАН – 10030±50 ВР, и Университета Брока (Канада) – 9708±60 ВР. Калибровка обеих дат дала значения 11550 и, соответственно, 11175±70 лет (Кузнецова, Пономаренко, 2003, с. 18). По совокупности данных эти материалы были оценены как относящиеся к переходному времени верхний палеолит – мезолит. Первую комплексную археолого-антропологическую характеристику они получили в работе коллектива самарских специалистов (Кузнецова и др., 2003). Антропологическая выборка содержала один неполный скелет молодой женщины 20–25 лет с погребенным вместе с ней (в районе левого плеча) новорожденным ребенком (погр. 3)[1], скелет мужчины (неполная нижняя половина) около 30–45 лет (погр. 1) и останки ребенка (погр. 2) примерно 7–8 лет. В данной работе А.А. Хохловым (Кузнецова и др., с. 135–138) были впервые представлены опорные краниометрические и остеометрические сведения, приведены предварительные морфологические характеристики скелетов.

Полнее это было выполнено коллективом авторов (Хохлов, Яблонский, 2003; Боруцкая, Васильев, 2003). Череп женщины (погр. 3) был реставрирован автором данной работы. Он долихокранный, высокосводный, с крупным, уплощенным на верхнем уровне лицом и низкими орбитами, ортогнатный, в целом соответствует верхнепалеолитическому краниологическому комплексу, составленному по находкам с территорий Европы. Ряд признаков позволяет видеть в нем проявление европеоидных черт. Вместе с тем такой набор признаков, как узкий лоб, большая величина затылочно-теменного индекса и назомалярного угла, низкое расположение носолобного

[1] Определение пола этого индивида у некоторых исследователей вызывало сомнение, что отмечалось в антропологической литературе (Аскарова, Кравцова, 2006), однако дополнительное изучение генетической структуры костных образцов в двух независимых лабораториях (Дания и США) подтвердило его женскую принадлежность.

шва, малые симотические величины и указатель, умеренное (в масштабе верхнепалеолитических популяций Восточной Европы) профильное выступание носа, нередко рассматривается как характерный в большей степени для монголоидного краниологического комплекса. Авторы этого раздела, А.А. Хохлов и Л.Т. Яблонский (Хохлов, Яблонский, 2003, с. 26), отметили морфологическую промежуточность данного черепа между краниологическими комплексами обоих расовых стволов. На основании ряда сходных признаков с имеющимися на то время (последующими по времени) неолитическими и энеолитическими черепами той же природной зоны, отнесенными к древнеуральскому типу (Хохлов, 1996), они пришли к выводу о глубокой древности и расовой недифференцированности уралоидного краниологического комплекса (Хохлов, Яблонский, 2003, с. 28). О внешнем облике людей этого времени некоторое представление дает профильная графическая реконструкция лица по черепу женщины из погребения 3 могильника Гора Маяк (рис. 4).

Параллельно М.М. Герасимовой был описан череп ребенка возраста 5–7 лет из погребения 2 данного могильника, характеризуемый грацильностью, долихокранией, относительно узким лбом (Герасимова, 2003, с. 50, 51). Плохая сохранность лицевого скелета и малый возраст индивида не дали возможности качественно сравнить его с другими детскими черепами палеолита Европы и женским черепом из захоронения № 3 на горе Маяк. С.Б. Боруцкая и С.В. Васильев уделили внимание посткраниальным скелетам, отметив их определенную грацильность и большую длину тела, для мужчины (погр. 1) – около 180,0 см, а для женщины (погр. 3) – около 173,0 см (Боруцкая, Васильева, 2003, с. 28–32).

Данные скелеты, ввиду их исторической уникальности, в дальнейшем неоднократно привлекали внимание исследователей в разном историческом ракурсе сопоставлений (Хохлов, 2017; Васильев и др., 2019). Следует отметить тотальную проработку скелетных элементов группой московских ученых в сравнительном аспекте с населением мезолита – верхнего палеолита Восточной Европы (Васильев и др., 2019).

Неолитическая эпоха лесостепного Заволжья долгое время была представлена антропологическими материалами трех захоронений из районов Самарского края, отождествляемых с елшанской (Чекалино IVa, Лебяжинка IV) и волго-камской (Чекалино IVb) культурами (История Самарского Поволжья, 2000, с. 154). Относительно интерпретации последнего, правда, однозначного мнения не было.

Была подтверждена древность елшанских захоронений (табл. 1), причем Чекалино IVa с сильно скорченным на боку скелетом уходит в очень раннее, мезолитическое время. Между этими погребениями, по данным Пенсильванской лаборатории, заняли хронологическую позицию два скелета, раскопанные у с. Лабазы Курманаевского р-на Оренбургской области (Купцова и др., 2019). Нужно отметить, что погребение Чекалино Ivб (с вытянутым костяком) оказалось достаточно поздним, по времени даже позднее «энеолитических» погребений Самарской области Лебяжинка V (п. 12) и Съезжее I (п. 3).

Рис. 3. Графическая реконструкция лица по черепу мужчины из погребения 11 могильника Меллятамак V. Выполнил Л.Т.Яблонский (по: Рудь, Яблонский, 1991)

По каждому из названых скелетов уже была опубликована антропологическая информация. Все они рассматривались в рамках упомянутого выше древнеуральского или уралоидного антропологического типа, имевшего собственный очаг расогенеза в отличие от европеоидного и монголоидного, связываемых с другими центрами начальной географической локализации (Хохлов, 1996, 1998, 2017; Купцова и др., 2019).

Вместе с тем отмечались индивидуальные особенности некоторых черепов, которые объяснялись по-разному. Так, женский череп наиболее раннего захоронения из Чекалино IVa, долихокранный, широконосый, с сильно выраженным альвеолярным прогнатизмом, по мнению автора, напоминает экваториальный морфологический комплекс. Такие черты, в принципе, могли быть унаследованы каким-либо образом от предков, популяций изначально аридного или тропического происхождения. Однако можно учитывать и фактор проявления специфической индивидуальной изменчивости в сравнительно однородной популяции в целом северного происхождения. Череп мужчины из Лебяжинки IV по признакам

уплощенности лицевого скелета и некоторым другим чертам, напротив, определенно напоминает монголоидов, по всей видимости, западносибирского происхождения. Женский краниум вытянутого скелета Чекалино IVб структурно ближе к типу европеоидов, но опять же имеет слабо выступающий в профиль нос и некоторый альвеолярный прогнатизм.

Возможно, что выявленные на краниологических материалах неолита – энеолита Волго-Уралья и прилегающих территориях индивидуальные морфологические особенности отражают то, что отмеченный выше древнеуральский очаг расогенеза в этой части Евразии происходил на основе взаимодействия представителей разных морфологически комплексов. Они входили в круг малых по численности популяций, по всей вероятности, с присваивающим типом хозяйства, периодически контактировавших между собой в силу разных экологических, производственных и социальных обстоятельств. Эти микропопуляции в совокупности, видимо, можно отнести преимущественно к северноевразийской антропологической формации, обозначенной В.В. Бунаком (Бунак, 1980). Эта позиция лишь уточняет, что морфологическое единство населения северной части Европы эпох палеолита – энеолита, о котором говорили некоторые специалисты на начальных этапах накопления антропологических данных с этой территории, понятие условное. Скорее следует больший вес придать идее физического полиморфизма того же В.В. Бунака (1959), особенностям, формировавшимся в популяциях человека с самых ранних времен его географического распространения, относительного обособления и адаптации к условиям осваивавшейся среды. Для периодов неолита Восточной Европы, пожалуй, наиболее убедительно антропологическое разнообразие и именно на конкретных массовых материалах было показано еще в труде М.М. Герасимова (1955), а возможная связь неолитических групп Приуралья с предшествовавшим им мезо-палеолитическим населением прилегающих областей Евразии – в работах автора (Хохлов, 1996а; 1998; 2017).

Относительно результатов палеогенетики нужно сказать, что имеющиеся данные происходят от единичных, разрозненных географически скелетных материалов, большая часть которых в силу каких-либо природных и антропогенных причин безвозвратно утрачена для науки. Опять же в силу сохранности костного источника не всегда удается осуществить полногеномный анализ. Генеалогические построения осуществляются в основном на основе полученных кодов половых гаплогрупп, являющихся лишь частью наследственного аппарата, которые передаются

Рис. 4. Графическая реконструкция лица по черепу женщины из погребения №3 могильника Гора Маяк, переходного периода от верхнего палеолита к мезолиту. Выполнил Л.Т. Яблонский

практически в неизменном виде от родителей потомкам, несколько преобразующихся во времени в силу происходящих мутаций. В частности, генетические коды дополняются так называемыми субкладами. Палеогенетика – это собственная система измерений биологических признаков. Выстраиваемые общие генеалогические схемы где-то демонстрируют глобальные исторические процессы, что, несомненно, важно, но для рассмотрения частных археологических и палеоантропологических проблем эти схемы не всегда пригодны. На это неоднократно обращалось внимание и в научной литературе (например, Хохлов, Китов, 2019) и СМИ (от специалистов с биологическим образованием).

Исходя из представленных здесь осторожных генетических определений (табл. 1), видно, что по женской линии все люди наследуют код «U», распространенный в Европе около 60 тыс. лет назад, если верить общей информации (https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_U_(мтДНК)). «U5» – одна из древнейших, была обнаружена у верхнепалеолитических обитателей стоянки Дольни-Вестонице (Чехословакия). Образец Маяк-3 имеет гаплогруппу U5a2 (Damgaard P. et al., 2018), в основе ту же. Гаплогруппа U2 встречена на костных образцах людей верхнего палеолита Европы (Маркина Гора, Сунгирь). Среди наших образцов – Chekalino IV, sample B (скорченный на боку скелет). U4 широко распространилась в Европе примерно 25 тыс. лет назад (https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_U_

(мтДНК)). Среди перечня ранних хронологически образцов, где встречена эта гаплогруппа, – мезолитические образцы (Василевка-на-Днепре; Минино у озера Кубенское в Вологодской области). Среди наших материалов – образцы из погребений могильников Лабазы и Лебяжинка V.

По мужской линии генетический код «Q» распространён у некоторых сибирских народов и индейцев Америки (https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_Q_(Y-ДНК)). В перечне хронологически ранних образцов, близких к нашему (Лабазы, к. 4/Q1a2a1), имеется образец (Q1a2) в антропологической серии мезолита Звейниеки Прибалтики (Iain Mathieson et al.http://biorxiv.org/content/early/2017/05/09/135616.full.pdf+html, 2017) и много с таким же кодом в образцах окуневской культуры Западной Сибири, но это уже ранний бронзовый век (Damgaard P., et al., 2018). Человек из неолитического погребения Лебяжинка IV (генетический Y – код R1b1a1a) рассматривается в составе группы EHG (восточных охотников-собирателей), распространившихся с востока до районов Скандинавии (Haak W. et al., 2015), видимо, на начальных этапах мезолитического времени. В целом мужская гаплогруппа R1b, как будто, происходит от популяций верхнего палеолита Северной Азии (https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1b_(Y-ДНК)). С ней связывают племена людей, освоивших скотоводческий уклад хозяйства на разных территориях Евразии, часто – с ямной и афанасьевской культурами степной зоны Евразии энеолита – ранней бронзы. Конкретные пути проникновения этой гаплогруппы, тем более в районы Среднего Поволжья неолитического времени, неизвестны.

В связи со сказанным можно заключить, что имеющиеся данные и палеоантропологии, и палеогенетики, интерпретация которых должна с обязательным условием базироваться на результатах археологических исследований, демонстрируют разную степень связи. Они в некоторых случаях совпадают, показывая сложный в целом антропологический состав населения мезолита – неолита Волго-Уралья, общие пути генетической преемственности от более древних, верхнепалеолитических форм, в первую очередь Северной Евразии, и направления перемещения слагающих их компонентов. Несмотря на динамичную историю рождения, развития и контактов в этой части континента разных популяционных анклавов человека, связываемых с теми или иными археологическими культурами, все же можно видеть в итоге магистральной линии этих процессов образование к финалу неолитического времени некоего условно единого антропологического субстрата. Его основа, или его компоненты, называемые специалистами по-разному (древнеуральский, сублапоноидный, субуральский и т. д.), узнаются морфологически, отличаются от комплексов типичных европеоидов и монголоидов. Они играли заметную роль в последующих этногенетических событиях, происходивших в том числе на соседних территориях.

Таблица 1.

Данные радиоуглеродного датирования (лаборатории России, Канады, США) и половых гаплогрупп (лаборатория Гарварда)

Памятник	№	Дата	Пол	Y chrom.	mtDNA
Mayak B.3	12950	10030± 50 BP: ГИН – 11558; 9708 ± 60 (нек.алибр) У.Брок/Канада	F	-	U5a2
Chekalino IV, sample B	10083	8279-7986 calBCE (8970±30 BP, PSUAMS-4211)	F	-	U2e2a
Labazy, k. 4, sample 3	8303	6443-6262 calBCE (7510±30 BP, PSUAMS-4260)	M	Q1a2a1	U4a1
Labazy, k. 4, sample 2	8260	6383-6236 calBCE (7430±30 BP, PSUAMS-4261)	F	-	U4a1
Lebyanzhinka IV, grave 1	7549	5657-5541 calBCE (6680±30 BP, Beta-392490)	M	R1b1a1a	U5a1d
Lebyazhinka V, sample 12	7445	5666-5324 BCE [5616-5324 calBCE (6510±80 BP, Ki-7661), 5666-5563 calBCE (6705±25 BP, PSUAMS-4259)]	F	-	U4a
En_Syezzheye, burial 3	7425	5557-5381 calBCE (6520±30 BP, PSUAMS-8843)	F	-	U2e1
Chekalino IV sample (A)	I6303	3649-3533 calBCE (4815±20 BP, PSUAMS-2909)	F	..	U5a2

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. Разведки палеолита на Средней Волге в 1954 г. // Записки Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова. Вып. II. / Ред. М. Х. Валкин. Ульяновск, 1958. С. 349–357.

Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.-Л.: Наука, 1966. 223 с. .

Абрамова З.А. К вопросу об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине // Традиции отечественной палеоэтнологии / Отв. ред. проф. Д.Г. Савинов. СПб.: СПбГУ, 1997. С.

Абрамова З.А. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы / Труды ИИМК РАН. Т. XV. СПб: Европейский Дом, 2005. 352 с.

Акимова М.С. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы Европейской части СССР // КСИЭ. Вып. 18. М.: АН СССР, 1953. С. 54–65.

Александрова О.И., Леонова Е.В. Реконструкция охотнчьего вооружения культур поздней поры верхнего палеолита и мезолита Северного Кавказа (по материалам пещеры Двойная) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2017. № 1 / Микролитический бум / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2017. С. 255–270.

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 1969. 324 с.

Алексеева Л.И. Териофауна верхнего плейстоцена Восточной Европы (крупные млекопитающие) / Труды ГИН. Вып. 455. М.: Наука, 1990. 109 с.

Алексеева Т.И. Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология сахтышских могильников) / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Научный мир, 1997. С. 18–41.

Андреев К.М. Ранний неолит лесостепного Поволжья. Автореф. дисс.… канд. ист. наук. СПб, 2015. 24 с.

Андреев К.М. Характеристика ранненеолитической кремневой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2015а. Т. 17. № 3. С. 198–211.

Андреев К.М., Андреева (Ересько) О.В. Итоги исследований стоянки Кочкари I в 2017 году // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20. № 3. С. 195–202.

Андреев К.М., Андреева О.В., Бурыгин М.А. Некоторые итоги исследований стоянки Кочкари I в 2018 году // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20. № 3(2). С. 455–460.

Андреев К.М., Андреева О.В., Алешинская А.С., Бурыгин М.А., Бородулин К.И. Итоги исследования стоянки Кочкари I в 2020 году (комплекс эпохи мезолита) // Археоогические открытия в Самарской области 2020 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Институт истории и археологии Поволжья; Институт археологии Поволжья; СОИКМ им. П.В. Алабина, 2021. С. 6–7.

Андреев К.М., Андреева О.В., Кулькова М.А., Ойнонен М. Первые данные по радиоуглеродной хронологии мезолита лесостепного Поволжья // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. Н.Д. Бурова, А.А. Выборнов, М.А. Кулькова. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ; Самара: СГСПУ; ООО «Порто-принт», 2020. С. 8–9.

Андреев К.М., Выборнов А.А. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: ООО «Порто-Принт», 2017. 272 с.

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кудашов А.С., Алешинская А.С., Васильева И.Н. Поселение Сокольный VII – новый памятник раннего неолита Республики Марий Эл // Поволжская археология. 2020. № 3. С. 64–83.

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 3. С. 193–199.

Андреичева Л.Н., Марченко-Вагапова Т.И., Буравская М.Н., Голубева Ю.В. Природная среда неоплейстоцена и голоцена на Европейском Северо-Востоке России. М.: ГЕОС, 2015. 224 с.

Андрианов К.С. Геологические условия залегания верхнепалеолитиеской стоянки близ д. Юнга-Кушерга Марийской АССР // Вопросы истории. Археологии и этнографии мари / Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Вып. 16. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1961. С. 155–162.

Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 302 с.

Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1985. 116 с.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. 110 с.

Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1989. 100 с.

Археологическая карта Чувашской Республики Т. 3 / Ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 366 с.

Архипов С.А. Хронология геологических событий позднего плейстоцена Западной Сибири // Геология и геофизика. 1997. Т. 38. № 12. С. 1863–1884.

Аскарова А.Н., Кравцова О.А. Определение половой принадлежности некоторых скелетов из раскопок у села Сиделькино (Самарской области) и у села Ивановка (Оренбургской области) // Вестник антропологии. 2006. Вып. 13. С. 46–48.

Астахов В.И., Свендсен Й-И. Природная обстановка времени первоначального заселения приуральского Севера // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и субарктики: материалы Международной конференции / Ред. А. А. Величко, С. А. Васильев. М.: Институт географии РАН, 2008. С. 98–106.

Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н. Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию доктора исторических наук Евгения Петровича Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 32–112.

Ахметгалеева Н.Б. Стоянки позднего палеолита Быки в центре Русской равнины: культурная составляющая // Camera Praehistoria. № 1 (2). 2019. С. 18–35.

Багашев А.Н. Новые материалы к антропологии неолитического населения Западной Сибири // Горизонты антропологии / Отв.ред Т.И. Алексеева М.: Наука, 2003. С. 438–443.

Бадер О.Н. Находка неандертальской черепной крышки человека близ Хвалынска и вопрос о её возрасте // Бюллетень Московского общества испытателей природы (отдел геологии). 1946. Т. XVIII. № 2. С. 73–81.

Бадер О.Н. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. (Доклад, прочитанный на заседании Сектора первобытной археологии ИИМК 4/II 1950 г.) // КСИИМК. Вып. XXXIX. / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 89–95.

Бадер О.Н. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. 3 / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов, О.Н. Бадер. М.: АН СССР, 1951. С. 7–32.

Бадер О.Н. Ранний палеолит Урала и Поволжья // Ученые записки ПГУ. Т. VII. Вып. 2. Молотов: Кн. Изд-во, 1955. С. 171–192.

Бадер Н.О. Отчет о работах палеолитического отряда Куйбышевской экспедиции, проведенных в июле 1957 г. Н. Бадером и В. Пушкарским / НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хран. 558. Инв. № 1574.

Бадер О.Н. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала // Палеолит и неолит СССР Т. 4. / МИА. № 79. / Ред. А. П. Окладников. М.: АН СССР, 1960. С. 88–103.

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / МИА. № 99. М.: Наука, 1961. 200 с.

Бадер О.Н. Третье Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) Археологической Экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961. С. 60–74.

Бадер О.Н. Поселения у Бойцова и вопрос периодизации среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) Археологической Экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961а. С. 110–272.

Бадер О.Н. Древнейшая история Прикамья / Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: Наука, 1963. 42 с.

Бадер О.Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М.: Наука, 1965. 47 с.

Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // У истоков древних культур (эпоха мезолита) / МИА. № 126 / Ред. Н.Н. Гурина. М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 194–205.

Бадер О.Н. Палеолит Урала и его значение для изучения древнейшего прошлого Евразии // V Уральское археологическое совещание: тезисы докладов и сообщений / Ред. Я.Н. Безносиков, Г.М. Буров, В.И. Канивец. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1967. С. 7–10.

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР / МИА. № 166. / Отв. ред. А. А. Формозов М: Наука, 1970. С. 157–171.

Бадер О.Н. Волго-Камская этнокультурная общность эпохи неолита // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита / МИА. № 172 / Отв. ред. Н.Н. Гурина. Л.: Наука, 1973. С. 99–106.

Бадер О.Н. Сунгирь – верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978. 254 с.

Бадер О.Н. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. Вып. 153. / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1978а. С. 72–74.

Бадер О.Н. Следы палеолита в пещере Ямазы-Таш (Игнатиевской) на Южном Урале // Первобытная археология. Поиски и находки / Отв. ред. И.И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1980. С. 63–70.

Бадер О.Н. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // ВАУ. № 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 47–51.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н., Воеводский М.В. Стоянки Балахнинской низины // Из истории родового общества на территории СССР / Известия ГАИМК. Вып. 106. Л: Изд-во ГАИМК, 1935. С. 298–346.

Бадер О.Н., Выборнов А.А. Саузовская II стоянка в устье р. Белой и некоторые проблемы неолита – энеолита Приуралья // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Изд-во Куйбыш. гос. пед. ин-та, 1980. С. 124–137.

Бадер О.Н., Калинина И.В. Саузовская I стоянка // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. III. / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2003. С. 11–30.

Бадер О.Н., Калинина И.В. Культурные комплексы Левшинской стоянки близ Перми // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. №1 (21). С. 217–236.

Бакин О.В. Краткий очерк динамики природных условий юга Вятско-Камского междуречья // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский, Г.Р. Руденко. Елабуга: Ин-т истории АН РТ; Ин-т археологии РАН, Елабужский государственный музей-заповедник, 2008. С. 159–168.

Батуева Н.С. Сравнительный анализ керамики камской культуры эпохи неолита (на примере памятников Чашкинского озера) // XLVIII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 8. / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2016. С. 3–7.

Бахарев С.С., Овчинникова Н.В. Чесноковская стоянка на реке Сок // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: Изд-во СамГПИ, 1991. С. 72–85.

Березин А.Ю. Находки поздней четвертичной фауны в северной части Приволжской возвышенности в свете возможного заселения древним человеком Чувашского Поволжья / Научные доклады. Вып. 7. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 36 с.

Березин А.Ю. Новые археологические памятники в Чебоксарском и Цивильском районах (по материалам разведок 2008 года) // Чувашская археология. Вып.1 / Науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012а. С. 294–302.

Березин А.Ю., Березина Н.С. Результаты изучения остеологического материала стоянки-мастерской Шолма I (по итогам раскопок 2007 г.) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 113–127.

Березин А.Ю., Березина Н.С., Бессуднов А.Н. Предварительное сравнение краниологии лошади из верхнепалеолитического памятника Дивногорье-9 (Воронежская обл.) с кабалоидными лошадьми Евразии // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. В.В. Килейников. Вып. 14. Воронеж: ВГПУ, 2011. С. 12–24.

Березина Н.С. Отчет о результатах археологической разведки на территории Алатырского, Чебоксарского и Цивильского районов Чувашской Республики в 2001 г. Чебоксары, 2002 / Архив ИА РАН. Р-1. № 26401

Березина Н.С. О некоторых итогах изучения мезолита Чувашского Поволжья // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь: ПГУ, 2003. С. 35–39.

Березина Н.С. Итоги исследования Мукшумской XVIII стоянки в Чувашском Заволжье // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья / Ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 22–59.

Березина Н.С. Раскопки мезолитической стоянки Мукшумская XIV в Чувашском Заволжье // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. 1 / Ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2006а. С. 233–240.

Березина Н.С. Новые археологические памятники Чувашии (по итогам археологических разведок 2000-2003 гг.) // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Материалы научно-практической конференции. 19-20 декабря 2006 г. Кн. 2 / Ред.-сост. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН Чебоксары, 2009. С. 223–273.

Березина Н.С. Ранний неолит Чувашского Поволжья // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. С. 42–52.

Березина Н.С. Каменный век Чувашского Поволжья. Дисс.…канд. ист. наук. Казань, 2011. 343 с.

Березина Н.С. Каменный век Чувашского Поволжья. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Казань, 2011а. 22 с.

Березина Н.С. Ранний неолит Чувашского Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011б. С. 184–191.

Березина Н.С. Раскопки Мукшумской X стоянки эпохи мезолита с территории Чувашского Заволжья // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова (27–30 мая 2009 г., Казань) / Археология евразийских степей. Вып. 11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011в, С. 31–42.

Березина Н.С. Об итогах изучения памятников мезолита на территории Чувашского Поволжья // Чувашская археология. Вып.1 / Науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 79–135.

Березина Н.С. Каменный век Чувашского Поволжья (историография вопроса) // Чувашская археология. Вып.1 / Науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012а. С. 19–24.

Березина Н.С. Итоги исследования Мукшумской X стоянки эпохи мезолита на территории Чувашского Заволжья // Чувашская археология. Вып. 1 / Науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012б. С. 136–146.

ЛИТЕРАТУРА

Березина Н.С. Каменный век Чувашского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 8–261.

Березина Н.С., Березин А.Ю. Археологические памятники эпохи камня и раннего металла Чувашского Заволжья (по материалам археологических разведок 1999–2001 гг.) // Новые археологические исследования в Поволжье / Отв. ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 89–171.

Березина Н.С., Березин А.Ю. Мониторинг археологических памятников в акватории Чебоксарского водохранилища (по материалам разведок 2010–2011 г.г.) // Чувашская археология. Вып. 2 / Науч. ред. Н.С. Березина. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 112–175.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш. Палеолитическая стоянка–мастерская Шолма 1 // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений / Отв. ред.Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; изд-во Школа, 2006. С. 54–62.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш. Возраст и природное окружение стоянки охотников на лошадей Шолма I в правобережье Волги в Чувашии // Поволжская археология. 2021. № 3. С. 32–41.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Гольева А.А. Новые данные исследований стоянки финального палеолита Шолма I на Средней Волге (результаты раскопок 2017 и датирования) // Восточная Европа, Кавказ, ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез. Международная конференция к 70-летию Х.А. Амирханова. / Отв. ред. К.Н. Гаврилов, Е.В. Леонова. М.: ИА РАН, 2020. С. 18–19.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Хисяметдинова А.А., Чурбанов А.А. Верхнепалеолитическая стоянка-мастерская Шолма I в Чувашии: палеогеография, промысловая фауна и жизнеобеспечение // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 108–110.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Хисяметдинова А.А. Опыт комплексного изучения верхнепалеолитической стоянки Шолма-I в Среднем Поволжье: материальная культура и среда обитания // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2009. С. 253–256.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш. Хисяметдинова А.А., Чурбанов А.А. Промежуточные итоги исследования стоянки Шолма I // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию доктора исторических наук Евгения Петровича Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009а. С. 251–308.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Коноваленко А.В. Вклад краеведа Юрия Борисовича Новикова в изучение археологических памятников Посурья // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности: Материалы межрегионального научно-практического семинара / Ред. Н.С. Березина. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 31–67.

Березина Н.С., Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королёв А.И., Ставицкий В.В. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре // Самарский край в истории России: материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Вып. 3 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2007. С. 14–23.

Березина Н.С., Выборнов А.А., Кондратьев С.А., Шалапинин А.А. Черненькое озеро III – новый памятник каменного века в Среднем Посурье // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань: Александрия, 2010. С. 61–75.

Березина Н.С., Выборнов А.А., Ставицкий В.В., Березин А.Ю. Ранненеолитическая стоянка Вьюново озеро I в Среднем Посурье // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада,2013. С. 195–201.

Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А. К вопросу о переходе от палеолита к мезолиту на Верхнем и Среднем Дону // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 3(28). С. 99–112.

Бибиков С.Н. Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрюзани (Ю. Урал) // КСИИМК. Вып. III. / Отв. ред. С.Н. Бибиков. Л.: АН СССР, 1940. С. 35–39.

Бибиков С.Н. Раскопки Усть-Катавской костеносной пещеры и археологическое обследование правобережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав (Южный Урал) // Палеолит и неолит СССР Т. 1. / МИА. № 2 / Ред. П.П. Ефименко. М.: АН СССР, 1941. С. 61–64.

Бибиков С.Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала (экспедиционные исследования ИИМК АН СССР и Обл. челябинского музея) // СА. Т. XIII. / Ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 66–104.

Бибиков С.Н. Неолитические и энеолитические останки культуры в пещерах Южного Урала // СА. Т. XIII. М.: Изд-во АН СССР, 1950а. С. 95-138.

Бибиков С. Н. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита. // СА. 1959. № 4. С. 19–28.

Благовещенская Н.В. Палеорастительность и палеогеография центральной части Приволжской возвышенности в эпоху голоцена // Ульяновский медико-биологический журнал. 2016. № 1. С. 137–156.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Происхождение гончарства // Українское гончарство. Кн.1. / Ред. О. Пошивайло. Київ-Опошня: Молодь, 1993. С. 39–55.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные пробле-

мы изучения древнего гончарства / Отв. ред. А.А. Бобринский. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / Ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. С. 193–214.

Борисова О.К. Палеогеографическая реконструкции для зоны перигляциальных лесостепей Восточной Европы в позднем дриасе // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет / Отв. ред. А.А. Величко. М.: Институт географии РАН, 1994. С. 125–149.

Боруцкая С.Б., Васильев С.В. Предварительный анализ посткраниальных скелетов двух взрослых индивидов памятника Маяк // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ и Международной конференции / Ред. А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2003. С. 48–51.

Брюсов А.Я. Палеолитическая стоянка у с. Улянк в Чувашской АССР. 1937 г. / Фонды Чувашского национального музея. Д. 25. № ВМ 4495.

Брюсов А.Я. Следы палеолитической стоянки у сел. Улянк (Чувашская АССР) // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 6–7. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 76–78.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР, 1952. 264 с.

Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // СЭ. 1956. № 1. С. 86–105.

Бунак В.В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас / Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 92. М.: АН СССР, 1959. 283 с.

Бунак В.В. Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980. 328 с.

Буров Г.М. Двуслойная стоянка в урочище Кузьвомын на верхней Вычегде // Известия Коми филиала Всероссийского географического общества. 1959. Вып. 5. С. 161–168.

Буров Г.М. Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегде // СА. 1961. № 1. С. 247–255.

Буров Г.М. Основные итоги и проблемы изучения археологии Вычегодского края // Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете. Итоги и проблемы изучения археологии Урала // ВАУ. Вып. 1. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1961а. С. 100–108.

Буров Г.М. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 200 с.

Буров Г.М. Археологические памятники вычегодской долины. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. 96 с.

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). М.: Наука, 1967. 220 с.

Буров Г.М. Племена Вычегодского края в эпоху неолита и ранней бронзы // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита / МИА. № 172 / Отв. ред. Н.Н. Гурина. Л.: Наука, 1973. С. 83–94.

Буров Г.М. Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край): Учебное пособие для студентов-историков. Ульяновск: Ульян. гос. пед. ин-т им. И. Н. Ульянова, 1974. 120 с.

Буров Г.М. Каменный век Ульяновского Поволжья. Ульяновск: Поволжское книжное изд-во, 1980. 120 с.

Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла. Автореф. дисс... д. и. н. Новосибирск, 1986. 37 с.

Буров Г.М. Ранний (камско-печорский) микро-макролитический мезолит Приуралья и Черноморско-Каспийская область // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / Ред. И.Б. Васильев. Куйбышев: КГПИ, 1990. С. 19–21.

Буров Г.М. Нео-энеолитические полуземлянки Крайнего Северо-Востока Европы в аспекте социальной организации его древнего населения // Вопросы археологии Урала. Вып. 21 / Отв. ред. Л.Л. Косинская. Свердловск: Издательство УрГУ, 1993. С. 23–41

Буров Г.М. Стоянка Ульяново на средней Вычегде в связи с изучением мезолитических жилищ на крайнем Северо-Востоке Европы // Каменный век европейского Севера (сборник статей) / Отв. ред. А.В. Волокитин, Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 165–174.

Бурыгин М.А. Стоянка Кочкари I – новый памятник эпохи мезолита в лесостепном Поволжье (итоги исследований 2017-2019 гг.) // Актуальная археология 5 / Отв. ред. К.В. Конончук. СПб.: Изд-во ООО «Невская Типография», 2020. С. 133–135.

Бутаков Г.П. Плейстоценовый перигляциал на востоке Русской равнины. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 144 с.

Бутаков Г.П., Галимова М.Ш., Мозжерин В.И. Геолого-геоморфологические условия и палеогеография палеолитических памятников правобережья Средней Волги // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1988. С. 4–19.

Варанкин Н.В., Сериков Ю.Б. Уральские Зори 1 – мезолитический памятник нового типа в Среднем Зауралье // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья / Ред. П. Н. Старостин. Казань: Фест, 1996. С. 3–22.

Васильев С.А., Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Лисицын С.Н., Синицына Г.В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб.: ИИМК РАН, 2005. 106 с.

Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Кузьмин Я.В., Боуден М. Археолого-антропологический анализ новых материалов из могиль-

ника Маяк // Поволжская археология. 2021. № 3(37). С. 22–31.

Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Герасимова М.М. Мезолитическое население Среднего Поволжья по данным могильника Маяк // Нижнедонской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. А.А. Бессуднов, Е.Ю. Захарова. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 279–293.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Некоторые итоги изучения неолита Волго-Камья // Археологические культуры и культурно-исторические общности большого Урала (XII Уральское археологическое совещание) / Отв. ред. В.А. Борзунов, И.Б. Васильев. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. С. 20–21.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 3–23.

Васильев И.Б., Пенин Г.Г. Елшанские стоянки на р. Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья / Научные труды. Т. 220 / Ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1977. С. 3–22.

Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Ред. И.Н. Васильева. Самара: СГПУ, 2006. С. 426–439.

Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2007. С. 23–38.

Васильева И.Н. Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2009. С. 65–77.

Васильева И.Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (48). С. 70–81.

Васильева И.Н. Гончарная технология неолитического населения Самарского Поволжья (по материалам стоянки Лебяжинка V) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14 / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: ВГПУ, 2011а. С. 41–53.

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Магелан, 2011б. С. 103–124.

Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4(56). С. 73-83.

Васильева И.Н. О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Тезисы Международного симпозиума (29–31октября 2013 г.) / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2013а. С. 16–23.

Васильева И.Н. Гончарная технология неолитического населения стоянки Лебяжинка I // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 10–23.

Васильева И.Н. К вопросу о гончарных традициях неолитического населения Подонья // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 20. № 3. С. 185–190.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2012. С. 23–42.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: изд-во ПГГПУ, 2012а. С. 33–50.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Новые подходы к изучению неолитизации в Среднем Поволжье // Самарский край в истории России: мат-лы межрег. науч. конф., посвященной 160-летию Самарской губернии и 125-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина.. Вып. 4 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2012б. С. 61–68.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология 2013. № 1. С. 60–86.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитическое гончарство населения Сурско-Мокшанского междуречья // Самарский научный вестник. 2014. № 2 (8). С. 35–53.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье / АЭМК. Вып. 31. / Отв. ред. Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. С. 68–98.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Ильинской стоянки: датировка и технология // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ИПК «Университет», 2016. С. 5–20.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. 2016а. № 3 (17). С. 135–151.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Лоскутный налеп // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения

/ Отв. ред. Цетлин Ю.Б., Салугина Н.П. М.: ИА РАН. 2010. С. 72–87.

Васильева. И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 73–83.

Васкул И.О., Волокитин А.В., Жеребцов И.В., Карманов В.Н., Клёнов М.В., Мурыгин А.М., Павлов П.Ю. Освоение арктической и субарктичеbской зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (часть I) // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 1 (21). 2015. С. 88–94.

Величко А.А. Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. М.: ГЕОС, 2002. 240 с.

Величко А.А. Периодизация событий позднего плейстоцена в перигляциальной области // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. Атлас-монография / Отв. ред. И.П. Герасимов, А.А. Величко. М.: Наука, 1982. С. 67–70.

Величко А.А. Природный процесс в плейстоцене. М.: Наука, 1973. 255 с.

Величко А.А. Периодизация событий позднего плейстоцена в перигляциальной области // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. Атлас-монография / Отв. ред. И.П. Герасимов, А.А. Величко. М.: Наука, 1982. С. 67–70.

Величко А.А. Глобальное инициальное расселение как часть проблемы коэволюции человека и окружающей среды // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид / Ред. А.А. Величко, О. Соффер. М.: Институт географии РАН, 1997. С. 255–275.

Величко А.А., Дренова А.Н., Климанов В.А., Кременецкий К.Л. Изменение климата в Восточной Европе и Сибири на рубеже позднеледниковья и голоцена // Пути эволюционной географии (итоги и перспективы). К семидесятилетию А.А. Величко / Отв. ред. И.И. Спасская. М.: Ин-т географии РАН, 2002. С. 186–206.

Величко А.А., Морозова Т.Д. Брянская ископаемая почва, ее стратиграфическое значение и природные условия формирования // Лёссы, погребенные почвы и криогенные явления на Русской равнине / Отв. ред. А. А. Величко. М.: Наука, 1972. С. 71–114.

Величко А.А., Морозова Т.Д. Изменения природной среды в позднем плейстоцене по данным изучения лёссов, криогенных явлений, плейстоценовых почв и фауны // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. / Отв. ред. И.П. Герасимов, А.А. Величко. М.: Наука, 1982. С. 115–120.

Величко А.А., Морозова Т.Д. Глава 6. Почвенный покров. Введение. // Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет / Под ред. А.А. Величко. М.: ГЕОС, 2002. С. 105–106.

Величко А.А., Морозова Т.Д. Основные черты почвенного покрова Северной Евразии в эпоху микулинского межледниковья, 125 тыс. л.н. // Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет / Под ред. А.А. Величко. М.: ГЕОС, 2002. С. 105–119.

Величко А.А., Гричук В.П., Гуртовая Е.Е., Зеликсон Э.М., Борисова О.К. Палеоклиматические реконструкции для оптимума микулинского межледниковья на территории Европы // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 1982. № 1. С. 15–27.

Верещагин Н.К. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // Материалы по фаунам антропогена СССР. Л: Наука, 1971. С. 200–232.

Верещагина И.В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. Автореф. дисс.… канд. истор. наук. Л., 1989. 22 с.

Верещагина И.В. Новая стоянка в группе мезолитических памятников на Песчанском полое Северной Двины // Древности Русского Севера. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Башенькин, В.Я. Шумкин. Вологда: Ардвисура, 1996. С. 27–34.

Верещагина И.В. Мезолит и неолит крайнего европейского Северо-Востока / Труды ИИМК РАН Т. XXXII. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 232 с.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 173 с.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. М.: Наука, 1975. 287 с.

Виноградова Е.В. Характерные особенности каменного инвентаря верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II (основной слой) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 36–41

Вискалин А.В. Стратифицированные находки орудий плейстоценовой эпохи из Ульяновского Поволжья // СА. 1990. № 2. С. 248–250.

Вискалин А.В. Памятники накольчатой керамики Волго-Камья. Автореф. дисс.… канд. ист. наук. Ижевск, 1999. 19 с.

Вискалин А.В. Пути неолитизации Волго-Камья (к постановке вопроса) // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2002. С. 274–283.

Вискалин А.В. К вопросу о происхождении елшанской культуры // Археологическое изучение Центральной России / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2006. С. 90–93.

Вискалин А.В. О хронологии и периодизации ранних этапов неолита Волго-Уральской лесостепи // Самарский край в истории России: мат-лы межрег. науч. конф., посвященной 120-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина. Вып. 3. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2007. С. 4–13.

ЛИТЕРАТУРА

Вискалин А.В. Ховринская мезолитическая стоянка // Человек, адаптация, культура / Отв. рд. А.Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 228–239.

Вискалин А.В. О взаимозависимости климатических и культурных процессов в неолите Волго-Уральской лесостепи // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 6. С. 232–236.

Вискалин А.В. Динамика климатических колебаний и культурные процессы в неолите Волго-Уральской лесостепи // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред.И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К., 2010а. С. 228–236.

Вискалин А.В. Об этнокультурных процессах на Средней Волге и в Прикамье в мезолите – неолите // РА. 2011. № 3. С. 25–32.

Вискалин А.В. Культурные процессы на Средней Волге в ранненеолитическую эпоху // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова / Под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. СПб: ИИМК РАН, 2015. С. 26–28.

Вискалин А.В. Миграции и их роль в становлении и развитии раннего неолита Среднего Поволжья // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв.ред. А.М. Скоробогатов. Воронеж: ВГПУ, 2016. С. 56–62.

Вискалин А.В. Культурно-хронологические группы и этнокультурные процессы в мезолите Ульяновского Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2020. Том 2. № 2. С. 97–106.

Волокитин А.В. К проблеме этнолингвистической интерпретации материалов мезолитической эпохи Урала и Поволжья // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье / Отв. ред. Л.И. Ашихмина, Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрОРАН, 1995. С. 40–47.

Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 91–145.

Волокитин А.В. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: ACADEMIA, 2005. С. 198–205.

Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2006. 126 с.

Волокитин А.В. О так называемых культурных связях в мезолите Европейского Северо-Востока // Культурные связи населения европейского Северо-Востока в древности и средневековье / МАЕСВ. Вып. 18 / Отв. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2013. С. 21–40.

Волокитин А.В., Волокитина Н.А. Памятники Чердыб 1 и 2 и проблемы мезолита Вычегды // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научн. конф. / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 55–57.

Волокитин А. В., Волокитина Н. А. Мезолитические стоянки Чердыб 1 и Чердыб 2 на р. Вычегда // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 2(22). С. 114–130. DOI 10.25730/VSU.2070.21.025.

Волокитин А.В., Волокитина Н.А., Карманов В.Н. Мезолитический памятник Пезмогты 6 в среднем течении реки Вычегды // Первобытные и средневековые древности европейского Северо-Востока / МАЕСВ. Вып. 19 / Отв. ред. А.В. Волокин. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. С. 16–38.

Волокитин А.В., Грибченко Ю.Н. Север Восточно-Европейской равнины // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды / Отв. ред. В.М. Котляков, А.А. Величко, С.А. Васильев. М.: ГЕОС, 2014. С. 73–98.

Волокитин А.В., Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродная хронология заселения европейского Северо-Востока в начале голоцена // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 185–188.

Волокитин А.В., Зарецкая Н.Е., Панин А.В. Геоморфологические условия освоения человеком долины Верхней Вычегды в раннем голоцене: мезолитическое местонахождение Парч // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Материалы IX Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода (г. Иркутск, 15-20 сентября 2015 г.) / Ред. Ю.В. Рыжов и др. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2015. С. 102–104.

Волокитин А.В., Карманов В.Н., Зарецкая Н.Е. Новые данные по хронологии камской неолитической культуры // РА. 2006. № 1. С. 137–142.

Волокитин А.В., Карманов В.Н., Марченко Т.И., Дурягина Д.А. Пезмог IV – новый памятник гребенчатого неолита на Вычегде // Северное Приуралье в эпоху камня и раннего металла / МАЕСВ. Вып. 15 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1998. С. 31–40.

Волокитин А.В., Косинская Л.Л. К проблеме культурогенеза мезолита Европейского Северо-Востока // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье / МАЕСВ. Вып. 13 / Отв. ред. Э.А. Савельева Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1995. С. 25–42.

Волокитин А.В., Косинская Л.Л. Мезолитические жилища Европейского Северо-Востока / Научные доклады Коми науч. центр УрО РАН. Вып. 414. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1999. 36 с.

ЛИТЕРАТУРА

Волокитин А.В., Ткачев Ю.А. Реконструкция природной среды обитания мезолитического населения реки Вычегды // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2. С. 2–10.

Выборнов А.А. «Флажковый» комплекс керамики Нижней Белой // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1984. С. 50–62.

Выборнов А.А. Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой. Автореф. дисс … канд. истор. наук. Л., 1984. 16 с.

Выборнов А.А. Культурная принадлежность неолита Нижней Белой // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Удмурт. ИЯЛИ УрО АН СССР, 1984а. С. 21–30.

Выборнов А.А. О дальнейших судьбах неолита Нижней Белой // Археологические памятники на Европейской территории СССР / Отв. ред. А.Т. Синюк Воронеж: Изд-во Воронежского гос. пед. ин-та, 1985. С. 44–57.

Выборнов А.А. Неолит Прикамья. Самара: Изд-во СамГПУ, 1992. 148 с.

Выборнов А.А. О раннем неолите Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Новые гуманитарные исследования / Гл. ред. Г.П. Шорин. Самара: СНЦ РАН, 2005. С. 152–159.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов А.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008а. № 4 (36). С. 15–24.

Выборнов А.А. Неолит степного–лесостепного Поволжья и Прикамья. Автореф. дисс.… докт. истор. наук. Ижевск, 2009. 44 с.

Выборнов А.А. Концепция В.П. Третьякова «Археологической непрерывности» в свете радиоуглеродных данных // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции / Отв. ред. В.М. Лозовский, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 12–14.

Выборнов А.А. Культурно-хронологические особенности жилищ неолита в различных ландшафтных зонах // Неолитические жилища. Материалы Симпозиума (г. Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 г.) / Ред. А.А. Выборнов, Е.М. Колпаков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 16–18.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Кулькова М.А., Кольцов П.М., Юдин А.И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г., Филиппсен Б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 5. С. 254–260.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Филиппсен Б. Радиоуглеродная хронология неолита Волго-Камья // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 66–77.

Выборнов А.А., Елизаров А.Б., Овчинникова Н.В. Поселение Сауз II и проблема периодизации эпохи раннего металла Нижней Белой // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1985. С. 30–50.

Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Галимова М.Ш., Денисов В.П., Ковалюх Н.Н., Лычагина Е.Л., Мельничук А.Ф., Скрипкин В.В. Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2008.С. 36–45.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиокарбоновой хронологии неолита Среднего Поволжья: восточный регион // РА. 2009. № 3. С. 58–65.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., Березина Н.С., Вискалин А.В., Ставицкий В.В. Об абсолютном возрасте неолита Сурско-Мокшанского междуречья // Актуальные вопросы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский гос. ун-т, 2008. С. 20–25.

Выборнов А.А. Крижевская Л.Я. Ранненеолитическая стоянка Зиарат в устье р. Белая // КСИА. Вып. 193. / Отв. ред. О.С. Гадзяцкая. М.: Наука, 1988. С. 71–75.

Выборнов А.А., Кулькова М.А. Радиоуглеродное датирование керамики и проблемы хронологии энеолита Поволжья // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 142–145.

Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. 2019. Вып. 1 (44). С. 34–47.

Выборнов А.А., Морозов В.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Нижнего Прикамья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016 С. 129–139.

Выборнов А.А., Никитин В.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 123–128.

Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Поселение Сауз I в устье р. Белой // Эпоха меди юга восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 3–21.

Выборнов А.А., Овчинникова Н.В. Итоги изучения поселения Сауз II (1980 г.) // Древние и средневековые культуры Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1981. С. 33–52.

ЛИТЕРАТУРА

Габяшев Р.С. Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1976, С. 36–47.

Габяшев Р.С. К вопросу о памятниках с накольчатой керамикой в Нижнем Прикамье // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья / Научные труды. Т. 220 / Ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1977. С. 24–25.

Габяшев Р.С. Русско-Азибейская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань:и ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1978. С. 22–39.

Габяшев Р.С. Второе Татаро-Азибейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1978. С. 40–67.

Габяшев Р.С. Неолит Нижнего Прикамья. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Казань, 1978. 16 с.

Габяшев Р.С. Итоги раскопок III Русско-Азибейской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1981. С. 11–24.

Габяшев Р.С. Поздний неолит и эпоха раннего металла восточных районов Татарии // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 26–34.

Габяшев Р.С. Каменный инвентарь неолитических памятников Нижнего Прикамья // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1988. С. 34–46.

Габяшев Р.С. Культурно-хронологические группы в энеолите Нижнего Прикамья // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н.Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1994. С. 16–38.

Габяшев Р.С. Энеолит Нижнего Прикамья // Очерки по археологии Татарстана / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 44–55.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. 226 с.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Итоги раскопа Игимской стоянки и могильника // Отчет о работах, проведённых летом 1971 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах Мензелинского и Наб.-Челнинского районов ТАССР. Казань, 1971. С. 15–40 / НФ ИА АН РТ. Ф.14. Оп. 1.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Стоянка Золотая Падь II // Отчет о работах, проведённых летом 1971 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах Мензелинского и Наб.-Челнинского районов ТАССР. Казань, 1972. С. 41–79 / НФ ИА АН РТ.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Жилища эпохи бронзы Второй Дубовогривской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФН СССР, 1978. С. 109–120.

Гавриленко І.М. Зимівниківська археологічна культура (до історії ранньомезолітичного населення Лівобережної України). Полтава: Інститут археології НАН України; Полтавський краезнавчий музей, 2000. 128 с.

Галимова М.Ш. Итоги исследования двух мезолитических памятников в устье Камы // Проблемы археологии Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. С. 4–14.

Галимова М.Ш. Исследования на Сюкеевском взвозе в 1989–1990 гг. // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань ИЯЛИ, 1992. С. 5–16.

Галимова М.Ш. Тетюшская 3 стоянка // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья / Ред. П. Н. Старостин. Казань: ФЕСТ, 1996. С. 23–77.

Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М.-Казань: Янус-К., 2001. 272. с.

Галимова М.Ш. Функциональный анализ кремневых комплексов и проблемы реконструкции хозяйственной деятельности населения северо-западных районов Татарстана в каменном веке // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 134–176.

Галимова М.Ш. Проблемы интерпретации результатов функционального анализа позднепалеолитических – ранненеолитических каменных индустрий Среднего Поволжья // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 2 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2004. С. 65–132.

Галимова М.Ш. К вопросу о зарождении техники отжима пластин в кремневых индустриях устья реки Камы // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья / Отв. ред. М.Г. Жилин. Academia, 2005. С. 100–112.

Галимова М.Ш. Развитие технологии производства каменных орудий и проблемы реконструкции сырьевой стратегии и охотничье-хозяйственной деятельности первобытного населения Волго-Камья. Проблемы изучения первобытности и голоцена // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. С. 48–92.

Галимова М.Ш., Березина Н.С., Березин А.Ю. Стоянка финального палеолита Беганчик в устье Камы (результаты исследований 2013 года) // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 8–29.

Галимова М.Ш., Березин А.Ю., Березина Н.С., Михайлов Е.П. Стоянка каменного века и палеонтологическое местонахождение у поселка Коминтерн (в районе слиянияКамы с Волгой): результаты исследования 2020 года // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 262–279.

ЛИТЕРАТУРА

Галимова М.Ш., Дедков А.П., Мозжерин В.И. Археологические доказательства стабильности плейстоценовых перигляциальных склонов в гумидном климате голоцена // Экзогенные процессы и эволюция рельефа / Науч. ред. А.П. Дедков, Н.В. Колобов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983. С. 65–76.

Галимова М.Ш., Никитин В.В. К проблеме реконструкции добычи и использования сырья в каменном веке Среднего Поволжья // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга / Отв. ред., авт. предисл. М.Г. Иванова Ижевск: УдНИИЯЛИ УрО РАН, 2004. С. 299–304.

Галимова М.Ш., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Предварительные результаты функционального анализа каменного инвентаря стоянки Гора Маяк в Среднем Поволжье // Археология Евразийских степей. 2020. № 3. С. 317–322.

Галимова М.Ш., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Каменная индустрия стоянки Гора Маяк в Самарском Заволжье и ее место в финальном палеолите Востока Русской равнины // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Том I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: Изд-во СГСПУ, 2020а. С. 22–24.

Галимова М.Ш., Шаландина В.Т. Верхнепалеолитическая стоянка Лобач 2 и ее природная среда // Проблемы древней и средневековой истории Нижнего Прикамья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 46–55.

Гарутт Н.В. Шерстистый носорог: Морфология, систематика, геологическое значение. Дисс.… канд. геол.-минерал. наук. СПб., 1998. 247 с.

Гвоздовер М.Д. Зооархеология верхнепалеолитической стоянки Авдеево (предварительное сообщение) // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения / Отв. ред. А.Ю. Розанов. М.: ГЕОС, 2001. С. 335–345.

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. 88 с.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу / Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XXVIII. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 584с.

Герасимова М.М. Ещё раз о древней монголоидности у населения Восточной Европы // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас / Отв. ред. В.П. Алексеев, А.А. Зубов. М: Наука, 1986. С. 227–233.

Герасимова М.М. Сравнительное морфологическое изучение детских форм эпохи палеолита // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ и Международной конференции / Ред. А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2003. С. 48–51.

Гимранов Д.О., Котов В.Г., Курманов Р.Г., Румянцев М.М. Стоянка верхнего палеолита Сергеевка 1 на р. Нугуш (Южный Урал) // Вестник Пермского Университета .Сер. История. 2012. № 1 (18). С. 25–37

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 178 с.

Гиря Е.Ю., Лозовский В.М., Лозовская О.В. Технологический анализ каменной индустрии стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры», 1–5 июля 1997 / Отв. ред. В.М. Лозовской. Сергиев Посад, 1997. С. 86–103.

Гиря Е.Ю., Павлов П.Ю. Особенности технологии изготовления каменного инвентаря стоянки костенковско-стрелецкой культуры Гарчи I (Северный Урал) // Палеолит и мезолит Восточной Европы. Сборник статей в честь 60-летия Х.А.Амирханова / Отв. ред. К.Н. Гаврилов. М.: ТАУС, 2011.С. 24–32.

Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Худяковских поселений и могильника в Тужинском районе кировской области, а также Бродовского могильника в Кунгурском районе Пермской области, проведенных летом 1979 г. Камско-Вятской археологической экспедицией / Архив Института истории и культуры народов Приуралья, УдГУ. Ижевск. Ф.2. Д.105. 1979. С. 1–22.

Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Тарасовского могильника в Сарапульском районе Удмуртской АССР, Верх-Саинского городища в Березовском районе Пермской области, а также Худяковского могильника в Тужинском районе Кировской области / Архив Института истории и культуры народов Приуралья, УдГУ. Ижевск. Ф.2. Д.116. 1980. С. 18–55.

Голдина Р.Д., Гусенцова Т.М. Поселение Моторки II в нижнем течении р. Валы // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: НИИ при СМ УдмАССР, 1979. С. 33–102.

Голдобин А.В., Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Мокрушин В.П. Исследования памятников каменного века в Пермском Приуралье // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 37.

Головкинский Н.А. О послетретичных образованиях по р. Волге в ее среднем течении // Ученые записки Казанского университета за 1865 г. Казань, 1865. С. 451–542.

Голубева Ю.В. Климат и растительность голоцена на территории Республики Коми // Литосфера. 2008. № 2. С. 124–132.

Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Ч. 1. Природа и население Самарского края / сост. В.П. Арапов и др. Самара: Губиздат, 1924. С. 150–173.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // Труды секции археологии Россий-

ской ассоциации Институтов общественных наук. Вып. IV. М.: РАНИОН, 1928. С. 125–137.

Горбунов В.С. Энеолитические памятники Приуралья // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Изд-во Куйбыш. гос. пед. ин-та, 1980. С. 137–150.

Горбунова Т.А., Шмидт И.В., Осинцева Н.В. Вклад С.М. Цейтлина в исследование стоянки Черноозерье II // Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С.М. Цейтлина. Материалы докладов международной геолого-археологической конференции (симпозиума) / Ред.: С.А. Васильев, А.В. Панин и др. Красноярск: АНО «Археологическое исследование Сибири»; ООО «Красноярская Геоархеология», 2020. С. 16–18.

Горелик А.Ф. Памятники Рогаликско-Передельского района. Проблемы финального палеолита юго-восточной Украины. Луганск: Луганский ин-т внутренних дел; Институт археологии НАН Украины, 2001. 366 с.

Городцов В.А. Результаты исследований Ильской палеолитической стоянки // Палеолит и неолит СССР Т. 1. / МИА. № 2. / Ред. П.П. Ефименко. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 7–25.

Гохман И.И. Антропологические особенности древнего населения севера европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР / Отв. ред. И. И. Гохман, А. Г. Козинцев. Л.: Наука, 1986. С. 215–222.

Гремяцкий М.А. Проблема промежуточных и переходных форм от неандертальского типа человека к современному // Уч. зап. МГУ. Вып. 115. Труды Музея антропологии. М.: изд-во Москов. ун-та, 1948. С. 33-77

Гремяцкий М.А. Фрагмент Хвалынской черепной крышки // Ископаемый человек и его культура на территории СССР // Уч. зап.МГУ. Вып. 158 / Ред. М.С. Плисецкий. М.: изд-во Москов. ун-та, 1952. 199–206.

Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Литолого-фациальные особенности культурных слоев некоторых долговременных поселений позднего палеолита Восточной Европы // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции / ред. С.А. Сычева, А.А. Узянов. М.: НИА Природа, 2006. С. 160–180.

Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Роль циклов рельефообразования в расселении позднепалеолитических сообществ на Восточно-Европейской равнине // Вестник антропологии. Вып 15. Ч. 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2007. С. 120–127.

Григорьев Г.П. Относится ли стоянка Талицкого к сибирскому палеолиту? // Проблемы первобытной культуры / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: Гилем, 2001. С. 136–155.

Гричук В.П. Растительность Европы в позднем плейстоцене // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет / Ред. А.А. Величко. М.: Наука, 1982. С. 92–109.

Губайдуллов Р.З. О времени появления человека в Поволжье // Любищевские чтения, 1998 / Отв. ред. В.А. Гуркин. Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет, 1998. С. 130–132.

Гугалинская Л.А., Алифанов В.М., Березина Н.С., Березин А.Ю., Хисяметдинова А.А., Попов Д.А., Вагапов И.М., Овчинников А.Ю., Кондрашин А.Г. Шолминская погребенная почва на финальнопалеолитическом поселении Шолма-1 (Приволжская возвышенность, Чувашское плато) // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 70. / Гл. ред. Ю.А. Лаврушин. М: ГЕОС, 2010. 45–58.

Гугалинская Л.А., Алифанов В.М., Березина Н.С., Березин А.Ю., Хисяметдинова А.А., Попов Д.А., Вагапов И.М., Овчинников А.Ю., Кондрашин А.Г., Рапацкая К.М. Палеоэкология почвообразования на финальнопалеолитическом поселении Шолма I (Приволжская возвышенность, Чувашское плато) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010а. Т. 12. №1(4). С. 1006–1010.

Гурина Н.Н. Некоторые новые данные о заселении Севера европейской части СССР // СА. 1957. № 2. С. 115–120.

Гурина Н.Н. Неолит лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // Каменный век на территории СССР / МИА. №166 / Отв. ред. А.А. Формозов. М.: АН СССР, 1970. С. 134–156.

Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита / МИА. № 172. / Ред. Н.Н. Гурина. Л.: Наука, 1973. С. 7–21

Гусенцова Т.М. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Удмурт. ИЯЛИ УрО АН СССР, 1980. С. 70–95.

Гусенцова Т.М. Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки // СА. 1981. № 3. С. 130–147.

Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УдГУ, 1993. 240 с.

Гусенцова Т.М. Комплекс с накольчато-прочерченной керамикой Кошкинской стоянки на правобережье р. Вятки // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2000. С. 306–310.

Гусенцова Т.М. Структура мезолитических сооружений Кошкинской стоянки (правобережье р. Вятки) // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2002. Тверь. С .176–181.

Гусенцова Т.М. Особенности неолита бассейна р. Вятки // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. IV Халиковские чтения: мат-лы науч. конф., посвящ. 50-летию Марийской археологической экспедиции / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского полиграфкомбината, 2007. С. 92–99.

ЛИТЕРАТУРА

Гусенцова Т.М., Голдина Р.Д. Поселение Стёпинцы II – памятник мезолитического времени на р. Лобани // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья / Отв. ред. В.Е. Майер. Ижевск.: Удм. ун-т, 1977. С. 45–62.

Гуслицер Б.И., Канивец В.И. Палеолитические стоянки на Печоре // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы / Отв. ред. О. Н. Бадер и др.. М.: Наука, 1965. С. 86–103.

Гуслицер Б.И., Канивец В.И. Пещеры Печорского Урала. М.-Л.: Наука, 1965а. 134 с.

Гуслицер Б.И., Павлов П.Ю. Верхнепалеолитическая стоянка Медвежья пещера (новые данные) // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья / МАЕСВ. Вып. 11 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1988. С. 5–15.

Данукалова Г.А. Стратиграфия квартера Предуралья // Геологические события неогена и квартера России: современное состояние стратиграфических схем и палеогеографической реконструкции: материалы Всероссийского научного совещения, 27-30 марта, 2007 г. / Отв. ред. Ю. Б. Гладенков. М.: ГЕОС, 2007. С. 40–43.

Данукалова Г.А. Уточненная региональная стратиграфическая схема квартера Предуралья и основные события на территории Южно-Уральского региона // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2010. Т. 18. № 3. С. 1–18.

Данукалова Г.А., Алимбекова Л.И., Сатаев Р.М., Яковлев А.Г., Нурмухаметов И.М. Материалы по биостратиграфическому исследованию карстовых полостей Западного Склона Южного Урала // Недра Башкортостана. Основные науч. результаты по темам в 1997 г.: Доклады Отделению наук о Земле и экологии / АН РБ, Отделение наук о Земле и экологии. Уфа, 1998. С. 40–42.

Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И., Морозова Е.М., Еремеев А.А. Стратотип климовского горизонта в Южном Предуралье и новые местонахождения в стратотипической местности: (Климовка I, II, III) // Геологический сборник № 5: Информационные материалы / Ред. В.Н. Пучков Уфа: Ин-т геологии Уфим. науч. центра РАН, 2006. С. 55–65.

Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Котов В.Г. Возраст, биостратиграфия и археология озерных отложений вторых надпойменных террас рек Южного Предуралья // Геологический сборник № 1: Информационные материалы / Ред. В.Н. Пучков. Уфа: Ин-т геологии Уфим. науч. центра РАН УНЦ РАН, 2000. С. 69–72.

Дебец Г.Ф. К палеоантропологии Урала // КСИЭ. Вып. 18. М.: АН СССР, 1953. С. 66–68.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР / Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 4. М.: АН СССР, 1948. 391 с.

Дедков А.П. Экзогенное рельефообразование в Казанско-Ульяновском Приволжье. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1970. 255 с.

Демаков Д.А., Лычагина Е.Л., Копытов С.В., Назаров Н.Н., Чернов А.В., Трофимова С.С., Лаптева Е.Г., Зарецкая Н.Е. Реконструкция природного окружения древних и средневековых обществ в бассейне верхней Камы // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Международной научной конференции. Вып. 5. Ч. 1. / Ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: изд-во ТГУ, 2016. С. 92–97.

Денисов В.П. Новые палеолитические местонахождения и памятники на Камском водохранилище // АО 1975 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 174.

Денисов В.П. Хуторская неолитическая стоянка // Ученые записки ПГУ. Вып. 1. Т. 13. Пермь, 1960. С. 34–71.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Памятники с накольчато-прочерченной керамикой в неолите Среднего и Верхнего Прикамья и их роль в формировании гаринско-борской культуры // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПИ, 1986. С. 53.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Косинская I стоянка – памятник позднего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Удм.НИИ, 1987. С. 19–25.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Второе жилище Хуторской стоянки // Неолитические памятники Урала. / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: Уральский гос. ун-тет, 1991. С. 21–31.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Бурмасов М.С., Чурилов Э.В. Неолит Северного Прикамья. Итоги изучения // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества. XIV Бадеровские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Удмуртский университет,, 2013. С. 66–71.

Денисов В.П., Павлов П.Ю. Заозерье – новый верхнепалеолитический памятник в низовьях р. Чусовой // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье / МАЕСВ. Вып. 12 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. С. 5–16.

Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975. 400 с.

Денисова Р.Я. Проблема наличия монголоидного компонента в составе древнего населения Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология сахтышских могильников) / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Научный мир, 1997. С. 42–54.

Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет Атлас-монография: Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен – голоцен – элементы прогноза. Вып. 2. Общая палео-

география / Под ред. проф. А.А. Величко. М.: ГЕОС, 2002. 232 с.

Долуханов П.М. Неолитизация Европы: хронология и модели // Неолит и энеолит юга и неолит севера Восточной Европы / Отв. ред. и сост. В.И. Тимофеев. СПб: ИИМК РАН, 2003. С. 193–206.

Дублянский Ю.В., Мосли Дж., Шпётль К., Лях-ницкий Ю.С., Житенёв В.С., Эдвардс Р.Л. Уран-ториевое датирование палеолитических рисунков пещеры Шульган-Таш (Капова) // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-Батыра». Материалы Международного научного симпозиума / Ред. Д.А. Гайнуллин, Г.В. Булякова, Ш.В. Нафиков. Уфа: НПЦ МК РБ, 2016. С. 52–58.

Древние охотники и рыболовы Подмосковья: По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное 1 / Ред.-сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 1997. 147 с.

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М.: Алетейа, 2005. 472 с.

Едовин Е.Г., Беличенко А.Е. Локальные группы мезолитического населения Архангельского Севера // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 108–122.

Епимахов А.В., Мосин В.С. Хронология Зауральского энеолита // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 27–37.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Яндашевская стоянка // СА. 1968. № 2. С. 126–135.

Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.:Academia, 2004. 144 с.

Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 2004а. С. 92–139.

Жилин М.Г. Финальный палеолит Ярославского Поволжья. М.: Институт археологии РАН, 2007. 142 с.

Жилин М.Г. О радиоуглеродных датах из слоев раннего и среднего неолита некоторых торфяниковых стоянок Волго-Окского междуречья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 171–178.

Жилин. М.Г., Кольцов Л.В. Финальный палеолит лесной Европы (культурное своеобразие и адаптация). М.: Ин-т археологии РАН, 2008. 313 с.

Житенёв В.С. Верхний палеолит Южного Урала: к 70-летию исследований С.Н. Бибикова // С.Н.Бибиков и первобытная археология / Ред. С. А. Васильев, Л. В. Кулаковская. СПб: ИИМК РАН, 2009. С. 219–223.

Житенёв В.С. Антропологические материалы из южно-уральских пещерных памятников с настенными изображениями: к постановке проблемы // Палеолит и мезолит Восточной Европы. Сборник статей в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова / Отв. ред. К.Н. Гаврилов. М.: ИА РАН, 2011. С. 462–477.

Житенёв В.С. Первая находка фрагментов орнаментированных костей верхнепалеолитического возраста из Каповой пещеры // Вестник Новосибирского государственного университета Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 7. С. 45–51.

Житенёв В.С. Новое свидетельство использования серпентинитового сырья в Каповой пещере (Южный Урал) // Поволжская археология. 2017. № 1. С. 18–25.

Житенёв В.С. Капова пещера – палеолитическое подземное святилище. М.: Индрик, 2018. 226 с.

Житенёв В.С., Пахунов А.С., Маргарян А., Солдатова Т.Е. Радиоуглеродные даты верхнепалеолитических слоев Каповой пещеры (Южный Урал) // РА. 2015. № 4. С. 5–15.

Жуйкова И.А., Пупышева С.А. Эволюция ландшафтов Вятско-Камского Приуралья в плейстоцене и голоцене // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Материалы IX Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода (г. Иркутск, 15-20 сентября 2015 г.) / Ред. Ю.В. Рыжов и др. Иркутск: Ин-т географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2015. С. 160–161.

Жуков Б.С. Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда // Труды Антропологического института . Т. I / Приложение к тому XIV Русского антропологического журнала. Вып. 1–2. М., 1925. С. 37–78.

Жукова О.В., Лычагина Е.Л. Новоильинский керамический комплекс поселения Чашкинское Озеро I // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2008. Вып. 2. С. 19–29.

Жукова О.В., Мельничук А.Ф., Выборнов А.А. Поселение Непряха VI и его место в неолите Среднего Прикамья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвееевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 33–35.

Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев: Наукова Думка, 1989. 173 с.

Залізняк Л.Л. Передісторія України X–V тис. до н.е. Київ: Бібліотека українця, 1998. 305 с.

Зах В.А. Периодизация неолита лесного Тобола-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1 (25). С. 70–83.

Зах В.А., Зимина О.Ю. О взаимодействии андреевской и липчинской культур в Нижнем Притоболье (по материалам поселения Велижаны 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 5–16.

ЛИТЕРАТУРА

Збруева А.В. Из работ Куйбышевской экспедиции // КСИА. Вып X / Отв. ред. С.Н. Бибиков. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 108–112.

Збруева А.В. О находке мустьерского остроконечника близ г. Куйбышева // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 7. М., 1947. С. 83–84.

Зеликсон Э.М. К характеристике растительности Европы в аллереде // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15 000 лет / Отв. ред. А.А. Величко М.: ИА РАН, 1994. С. 113–124.

Зенин В.Н. Основные этапы освоения Западной Сибири палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4 (12). С. 22–44.

Зенин В.Н., Лещинский С.В., Золотарев К.В., Грутес П.М., Надо М-Х. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1 (25). С. 41–53.

Зимина М.П. Отто Николаевич Бадер // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь: ПГУ, 2003. С. 11–13.

Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А. Стратиграфия и основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 3–22.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене: К 30-му Международному геологическому конгрессу (Пекин, Китай, 1996 г.). М.: Интеллект, 1995. 258 с.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов, Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов. Самара: СНЦ РАН, 2000. 312 с.

Истомин К.Э., Казаков Е.П. Стоянка эпохи камня у села Измери // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов III региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». / Отв. ред. Ф.В. Васильев. Нижний Новгород, 1992. С. 102–105.

Итоги изучения разрезов плейстоцена Башкирии с остатками элефантид / Под ред. М.А. Камалетдинова, В.Л. Яхимович. Уфа: БФАН СССР, 1985. 78 с.

Кабо В.Р. У истоков производящей экономики // Ранние земледельцы. Этнографические очерки / Отв. ред. Н.А. Бутинов, И.М. Решетов. Л.: Наука, 1980. С. 59–85.

Казаков Е.П. Исследования Раннеболгарской экспедиции // Археологические открытия – 1981 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1982. С. 150–151.

Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье (Археологический очерк) / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 1. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Фолиантъ, 2011. 180 с.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работа за 1945–1962 гг. (Экспедиции на территории Татарской АССР) / Труды Казан. филиала АН СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 128 с.

Калинина И.В. Гребенчатая керамика неолитических поселений Прикамья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья / Ред. Е.И. Медведев и др.. Куйбышев: Куйбышев. пед. ин-т, 1976. С. 17–19.

Калинина И.В. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. № 20 / Отв. ред. А.М. Микляев Л.: Искусство, 1979. С. 5–27.

Калинина И.В. Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона (подходы и методика изучения). Автореф. дисс.… канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 1993. 24 с.

Калинина И.В. О лёвшинском этапе камского неолита // Труды КАЭЭ. Вып. X / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 4–20.

Канивец В.И. Палеолитический человек на Печоре // Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР / Отв. ред. А.А. Величко. М.: Наука, 1969. С. 136–142.

Канивец В.И. Палеолит крайнего северо-востока Европы. М.: Наука, 1976. 95 с.

Карачаровский В.В. Позднечетвертичная фауна бассейна р. Юрюзани (Южный Урал) // Материалы и исследования по археологии Урала и Предуралья. Т. 2. / МИА №21 / Отв. ред. А.Я. Брюсов. М.: АН СССР, 1951. С. 244–269.

Карманов В.Н. Неолит Европейского Северо-Востока. Автореф. дисс.… канд. ист. наук. М., 2004. 24 с.

Карманов В.Н. Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. 226 с.

Карманов В.Н. Неолитическое население на европейском Северо-Востоке: обитание или пребывание? // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А.Н. Сорокина. / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: ИА РАН, 2012. С. 419–446.

Карманов В.Н. Пезмогты ЗБ – малое жилище неолита на средней Вычегде (Республика Коми) // Самарский научный вестник. Т. 10. № 3. 2021. С. 133–142. DOI 10.17816/snv2021103201

Карманов В.Н., Галимова М.Ш. Намеренная фрагментация кремнёвых изделий в неолите (по материалам стоянки Пезмогты 3а на средней Вычегде, Республика Коми) // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 46–65.

Карманов В.Н., Недомолкина Н.Г. Неолит северовостока Русской Равнины: современные концепции // IV Северный археологический конгресс: доклады. 19-23 октября 2015 г., г. Ханты-Мансийск / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2015. С. 84–104.

ЛИТЕРАТУРА

Карманов В.Н., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Панин А.В., Волокитин А.В. Опыт применения данных палеорусловедения в археологии на примере изучения средней Вычегды (европейский Северо-Восток России) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 83–93.

Каталог археологических коллекций. Уфимский научный уентр РАН, отдел народов Урала с Музеем археологии и этнографии. Вып. 1. Палеолит, мезолит, неолит, энеолит, эпоха бронзы и раннего железа / Сост. Н.Г. Рутто. Уфа: УНЦ РАН, 1994. 125 с.

Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института. Вып. 80. Чебоксары, 1978. С. 3–18.

Климанов В.А. Климат Северной Евразии в позднеледниковье (в последний климатический ритм) // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет / Отв. ред. А.А. Величко. М.: Ин-т географии РАН, 1994. С. 61–94.

Климанов В.А. Изменение климата Северной Евразии в позднеледниковье и голоцене и его естественное развитие // Пути эволюционной географии (итоги и перспективы) / Отв. ред. А.А. Величко. М.: Ин-т географии РАН, 2002. С. 240–252.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск: Изд. УрГУ, 1989. 80 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 23 / Отв. ред. Ю.Б. Сериков. Екатеринбург, 1998. С. 162–183.

Ковалюва В.Т., Зырянова С.Ю. Проблема интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья в контексте новейших открытий // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 5–20.

Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР / Археология СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 68–86.

Кольцов Л.В. Мезолит Среднего Поволжья // Мезолит СССР / Археология СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989а. С. 87–92.

Кольцов Л.В. Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья в контексте Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1996. С. 71–74.

Кольцов Л.В. Формы, способы и средства адаптации в мезолите Северной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998. С. 20–25.

Комаров А.М. Мезолит Северного Прикаспия. Автореф. Дисс.… канд. ист. наук. Ижевск, 2000. 20 с.

Кондратьев С.А. О специфике культуры ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии: мат-лы международн. науч. конф. / Ред. А.А. Выборнов. Самара: ПГСГА, 2011. С. 59–60.

Кондратьев С.А. Культуры ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья. Автореф. дисс.…канд. истор. наук. Ижевск, 2011. 25 с.

Кондратьев С.А., Шалапинин А.А. К проблеме хронологического соотношения комплексов позднего неолита – энеолита лесной зоны Среднего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 13. № 3. С. 259–263.

Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ и Международной конференции / Ред. А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2003. 120 с.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. Жилищные комплексы эпохи палеометалла поселения Заюрчим I (по материалам раскопок 2009 г.) // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2010. С. 180–187.

Королев А.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Мезолитический комплекс стоянки Чекалино II // Историко-археологические изыскания. Вып. 2 / / Отв. ред. С.Г. Басин. Самара: СГПУ, 1997. С. 3–13.

Королев А.И., Шалапинин А.А. Радиоуглеродное датирование ранних материалов волосовской культуры Среднего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 2. С. 256–259.

Косинская Л.Л. Неолитическая стоянка-мастерская на Выми // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока / Отв. ред. Р. Ф. Итс. Сыктывкар: Перм. ун-т, 1982. С. 132–144.

Косинская Л.Л. Некоторые результаты статистического анализа кремневого инвентаря стоянок каменного века бассейна Вычегды // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья / МАЕСВ. Вып. 11 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1988. С. 33–47.

Косинская Л.Л. Неолитическая стоянка Кочмас на нижней Вычегде // Неолитические памятники Урала. / Отв. ред. Л.Я. Крижевсккая. Свердловск: Уральский гос. Ун-тет, 1991. С. 4–20.

Косинская Л.Л. О типах поселений эпохи камня на европейском Северо-Востоке // Вопросы археологии Урала. Вып. 21 / Отв. ред. Л.Л. Косинская. Свердловск: УрГУ, 1993. С. 41–59.

Косинская Л.Л. Неолит // Археология республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ДиК, 1997. С. 146–212.

Косинская Л.Л. Проблемы хронологии Западносибирского неолита (к вопросу о роли радиоуглеродного датирования) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб: ИИМК РАН, 2004. С. 301–307.

Косинская Л.Л. Мезолитические памятники в бассейне нижней Вычегды // Каменный век Европейского Севера / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 125–147.

Косинская Л.Л. Ранняя гребенчатая керамика в неолите Зауралья // Уральский исторический вестник. 2014. №2 (43). С. 30–40.

Косинская Л.Л., Волокитин А.В. Типология мезолитических памятников европейского Северо-Востока // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье / МАЕСВ. Вып. 12 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. С. 18–29.

Косинцев П.А. Остатки крупных млекопитающих из пещер в верховьях р. Сим // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. С. 178–188.

Косинцев П.А. Фауна крупных млекопитающих Северного Урала в позднем плейстоцене и голоцене // Материалы и исследования по истории современной фауны Урала / Отв. ред. Г.В. Быкова. Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. С. 84–109.

Косинцев П.А. Крупные млекопитающие Урала в плейстоцене и голоцене // Четвертичная палеозоология на Урале / Ред. К.И. Ушакова. Екатеринбург: Уральский университет, 2003. С. 55–72.

Косинцев П.А. Промысловые животные Восточной Европы и Западной Сибири в финально палеолите – мезолите // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: ИА РАН, 2007. С. 86–109.

Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., Бородин А.В., Зиновьев Е.В., Некрасов А.И., Трофимова С.С. Трогонтериевый слон нижнего Иртыша. Екатеринбург: Волот, 2004. 243 с.

Косменко М.Г. Вторая Деуковская стоянка на р. Ик // КСИА. Вып. 126. / Отв.ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1971. С. 78–86.

Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья. Дисс.…канд. истор. наук. М. 1972. 201 с. / Архив ИА РАН. Р2 2098.

Косменко М.Г. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 1972а. № 3. С. 3–17.

Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 149. / Отв. ред. И.Т. Кругликова М.: Наука, 1977. С. 94–100.

Косменко М.Г. Итоги раскопок Татарско-Азибейской IV стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья / Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР. Вып. 2. Работы Татарского отряда / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1978. С. 5–21.

Косменко М.Г. О некоторых мезолитических памятниках Икско-Бельского междуречья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1981. С. 5–10.

Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская). Предварительнеы итоги // Уфимский археологический вестник. 2004. № 5. С. 35–55.

Котов В.Г. Костяная индустрия мустьерской стоянки Новобелокатайская на северо-востоке Башкортостана // Уфимский археологический вестник. 2008. Вып. 8. С. 8–23.

Котов В.Г. Хранители пещеры Шульган-Таш // Биологическое разнообразие, спелеологические объекты и историко-культурное наследие охраняемых природных территорий Республики Башкортостан / Ред. Б.М. Миркин, Н.М. Сайфуллина. Уфа: Информреклама, 2008а. С. 214–228.

Котов В.Г. Исторический Башкортостан в эпоху камня. Палеолит // История башкирского народа. Т. 1 / Ред. В.В. Овсянников, В.К. Федоров, Ф.Г. Хисамитдинова. М.: Наука, 2009. С. 23–53.

Котов В.Г. Исторический Башкортостан в эпоху камня. Мезолит // История башкирского народа. Т. 1 / Ред. В.В. Овсянников, В.К. Федоров, Ф.Г. Хисамитдинова. М.: Наука, 2009а. С. 54–63.

Котов В.Г., Ляхницкий Ю.С., Пиотровский Ю.Ю. Методика нанесения и состав красочного слоя рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 64–71.

Котов В.Г., Резников Е.Д., Румянцев М.М., Гимранов Д.О. Комплексные исследования пещер природного парка «Мурадымовское ущелье» в 2009 г. // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс». 27–29 октября 2009 г. Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 2010. С. 221–235.

Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 268 с.

Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР/ Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 10–27.

Кременецкий К.В., Беттгер Т., Климанов В.А., Тарасов А.Г., Юнге Ф. История растительности и климата Бузулукского Бора в позднеледниковье и голоцене и их палеогеографическое значение // Известия Академии наук. Серия географическая. 1998. № 4. С. 62–74.

Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала / МИА. № 141. Л.: Наука, 1968. 183 с.

Крижевская Л.Я. Балахнинская культура // Неолит Северной Евразии / Археология СССР / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 184.

ЛИТЕРАТУРА

Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2014. 566 с.

Кубарев В.Д. Анализ петроглифов и комментарии // Jacobson E., Kubarev V.D., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor / Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. V. 6. P.: De Boccard, 2001. P. 60–83.

Кузеев Р.Г., Сальников К.В. Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа: АН СССР, 1964. 284 с.

Кузнецова Л.В. Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья. Автореф. дисс…канд. истор. наук. Л., 1985. 22 с.

Кузнецова Л.В. Палеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов, Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2000. С. 5–80.

Кузнецова Л.В., Ластовский А.А, Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье (предварительные результаты исследования) // РА. 2004. № 1. С. 126–139.

Кузнецова Л.В., Пономаренко Е.В. О времени существования могильника «Гора Маяк» // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ и Международной конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2003. С. 15–24.

Кузьмин Я.В. Происхождение керамики в Евразии: современное состояние вопроса // Российский археологический ежегодник. № 3 / Ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Универс. издат. консорциум, 2013. С. 8–26.

Кузьмина И.Е. Некоторые данные о млекопитающих Среднего Урала в позднем плейстоцене // Бюллетень Комиссии по изуячению четвертичного периода. 1975. №43. С.64–77.

Кузьмина И.Е., Абрамсон Н.И. Остатки млекопитающих в Каповой пещере на Южном Урале // Пещерный палеолит Урала. Материалы международной конференции (Уфа, 9-15 сентября 1997). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1997. С. 124–127.

Кузьмина С.А. Фаунистические данные по позднепалеолитической стоянке Смеловская 2 на Южном Урале // Плейстоценовые и голоценовые фауны Урала / Сост. П.А. Косинцев. Челябинск: Рифей, 2000. С. 137–153.

Кузьминых С.В. Новые материалы о ранней металлообработке Нижнего Прикамья // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья / Научные труды. Т. 220 / Ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1977. С. 26–28.

Купцова Л.В., Зарецкая Н.Е., Моргунова Н.Л., Хохлов А.А. Древнейшие погребения в Оренбуржье (о двух захоронениях курганного могильника у села Лабазы) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2019. № 1. С. 131–139.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Заключение по результатам геологического и палинологического изучения стоянок Лебяжинка IV и Чекалино IV в Самарской области / Архив археологической лаборатории ПГСГА. 1990. 20 с.

Лаптева Е.Г., Зарецкая Н.Е., Косинцев П.А., Лычагина Е.Л., Чернов А.В. Первые данные о динамике растительности Верхнего Прикамья в среднем и позднем голоцене // Экология. 2017. № 4. С. 267–276.

Ластовский А.А. Проблемы изучения средневолжского мезолита // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: Изд-во СамГПИ, 1991. С. 23–42.

Ластовский А.А. Каменный инвентарь Красноярской мезолитической стоянки // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1 / Сост. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1999. С. 4-24.

Ластовский А.А. Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов, Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 81–140.

Ластовский А.А. О культурном статусе керамики елшанского типа // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Ред. И.Н. Васильева. Самара: СГПУ, 2006. С. 107–112.

Ластовский А.А. Неолитическая стоянка Троицкое // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина; Самарский гос. ун-т, 2008. С. 26–39.

Ластовский А.А., Борисов Е.А, Нестеренко А.А. Поселение Мольбище I // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1989. С. 41–66.

Латыпова Э.К. Итоги геохронологического изучения плейстоценовых и голоценовых отложений Предуралья // Флора и фауна Кайнозоя предуралья и некоторые аспекты магнитостратиграфии / Ред. М.А. Камалетдинов, Ф.И. Сулейманова. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 46–55.

Леббок Дж. Доисторические времена или первобытная эпоха человечества. Перевод с англ./ Под ред. и с предисловием Д.Н. Анучина. Изд. 2 испр. М.: Книжный дом "Либроком", 2011. 504 с.

Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита // Палеолит и неолит СССР. Т. 5. / МИА. № 131 / Ред. П.И. Борисковский. М.-Л., 1965. С. 223–251.

Левковская Г.М. Заключение по результатам споро-пылцевого анализа образцов из разрезов стоянок ивановского микрорайона на р. Ток // Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 1995. С. 173–176.

Леонова Е.В. К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского бассейна // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер) / Науч. ред. Н.Б. Леонова. М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 119–154.

ЛИТЕРАТУРА

Леонова Н.Б. Каменнобалковская культура – один из опорных комплексов верхнего палеолита Северного Причерноморья // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Замятнинский сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 150–161.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А. и др. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье. М.: Научный мир, 2006. 324 с.

Лисицын С.Н. Технокомплексы рубежа плейстоцена и голоцена в лесной зон Восточной Европы // Каменный век: от Атлантики до Пацифики / Замятнинский сборник. Вып. 13 / Отв. ред. Г.А. Хлопачев, С.А. Васильев. СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. С. 85–109.

Лисицын С.Н. Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе // Микролитический бум / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий / Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2017. № 1. С. 60–110.

Лобанов Ю.Е., Илюхин В.В., Костарев В.П., Максимович Г.А., Щепетов В.О. Пещеры Урала. М.: Физкультура и спорт, 1971. 144 с.

Логинова Э.С. Археологические памятники на оз. Эньты // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени / МАЕСВ. Вып. 6 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, ИЯЛИ, 1977. С. 7–11.

Логинова Э.С. Поселение Эньты I // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье // МАЕСВ. Вып. 7 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми фил. АН СССР, 1978. С. 3–23.

Логинова Э.С. Поселения на Средней Вычегде в эпоху неолита / Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 120. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. 23 с.

Логинова Э.С. Поселения эпохи неолита на Средней Вычегде // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 1 / Отв. ред. Э.А. Савельва. М.: Наука, 1989. С. 65–66.

Логинова Э.С. Мезолитический комплекс поселения Эньты III на Вычегде // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. С. 174–181.

Логинова Э.С., Карманов В.Н. Эньты VI – памятник льяловского типа на Вычегде // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока / МАЕСВ. Вып. 17 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра РАН, 2005. С. 16–22.

Лозовская О.В., Лозовский В.М. Стоянка Замостье 2 в эпоху неолита. Радиоуглеродная хронология // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 179–181.

Лозовская О.В., Лозовский В.М., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Семенцов А.А., Медоуз Д., Ришко С.А. Неолитические древности стоянки Замостье 2. Каталог радиоуглеродных дат. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 182–202.

Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.

Лузгин В.Е. Неолитические стоянки Центрального Тимана // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе / МАЕСВ. Вып. IV / Отв. ред. В.И. Канивец. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1973. С. 24–46.

Лузгин В.Е. Поселение Ружникова на Косминских озерах и вопросы неолита Европейского Северо-Востока // Археологические исследования в бассейне Печоры. Сыктывкар / МАЕСВ. Вып. 5 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1973а. С. 22–34.

Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Морозов В.В., Бугров Д.Г. Керамические и кремневые материалы Гулюковской I стоянки: к проблеме разграничения гребенчатых и накольчатых комплексов Икско-Бельского междуречья // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова / Под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. СПб.: ИИИМК РАН, 2015. С. 71–75.

Лычагина Е.Л. Пермское Предуралье в эпоху камня // Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов. Пермь: ПГПУ, 2002, С. 21–76.

Лычагина Е.Л. Поздний неолит Пермского Предуралья (к вопросу о соотношении памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой). Автореф. дисс.… канд. ист. наук. Казань, 2004. 24 с.

Лычагина Е.Л. Проблемы периодизации и хронологии неолита Пермского Предуралья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2006. Вып. 1. С. 11–24.

Лычагина Е.Л. Неолит Пермского Предуралья: итоги исследований // Человек, адаптация, культура / Отв. ред. А.Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 344–353.

Лычагина Е.Л. Стоянка Чашкинское Озеро I – новый памятник новоильинской культуры в окрестностях г. Березники Пермского края // Региональные, социокультурные, политические и экономические процессы: опыт и перспективы (Березники, 5-6 декабря 2008 г.). Березники: Уральский государственный экономический университет, 2008. С. 177–184.

Лычагина Е.Л. О двух хронологических группах накольчатой керамики на территории Пермского Пред-

уралья // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 154–158.

Лычагина Е.Л. Проблемы хронологии и периодизации неолита Пермского Предуралья // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 193–195.

Лычагина Е.Л. Деятельность Камской экспедиции ГАИМК на территории Пермского края // РА. 2011. № 4. С. 147–152.

Лычагина Е.Л. Неолит – энеолит Верхнего и Среднего Прикамья // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. I / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.–М.–Великий Новгород: Новгородский технопарк, 2011. С. 171–172.

Лычагина Е.Л. Проблемы хронологии неолита – раннего энеолита Прикамья // Вестник Пермского Университета. 2011. № 1. С. 17–21.

Лычагина Е.Л. Ранний неолит Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 50–57.

Лычагина Е.Л. Ранний энеолит Прикамья. Вопросы хронологии новоильинской культуры // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 153–156.

Лычагина Е.Л. Итоги радиоуглеродного датирования неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья // Самарский научный вестник. 2014. № 4. С. 80–83.

Лычагина Е.Л. Радиоуглеродное датирование неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья // Археология озерных поселений IV – II тыс. до н.э.: Хронология культур и природно-климатические ритмы. Материалы международной конф. / Науч. ред. А.Н. Мазуркевич и др. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2014. С. 86–92

Лычагина Е.Л. Радиоуглеродная хронология неолита Верхнего и Среднего Прикамья и Камско-Вятского междуречья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 140–158.

Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: Перм. гос. гуманит. пед. ун-т, 2020. 364 с.

Лычагина Е.Л., Батуева Н.С. Использование историко-культурного подхода для анализа неолитической керамики Прикамья // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Отв. ред. О.В. Лозовская. СПб.: Невская Книжная Типография, 2016. С. 113–115.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А. К вопросу о происхождении и хронологии новоильинской энеолитической культуры // Научный Татарстан. 2009 № 2. С. 33–37.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., Жукова О.В. Новоильинская постнеолитическая культура в Среднем и Верхнем Прикамье // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. №2 (27). С. 179–186.

Лычагина Е.Л., Демаков Д.А., Чернов А.В.. Зарецкая Н.Е., Копытов С.В., Лаптева Е.Г., Трофимова С.С. Среда обитания древнего человека в бассейне Верхней Камы: опыт реконструкции // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1(52). С. 5–19.

Лычагина Е.Л., Жукова О.В. Новые исследования Хуторской стоянки в Верхнем Прикамье // РА. 2010. № 3. С. 130–137.

Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е. Итоги радиоуглеродного анализа археологических памятников Чашкинского геоархеологического района // Вестник Пермского Университета. 2015. № 1. С. 132–140.

Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Батуева Н.С., Поплевко Г.Н. Неолитический комплекс стоянки Чашкинское Озеро IX // Вестник Пермского Университета. 2016. № 1. С. 7–18.

Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Поплевко Г.Н. Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Чашкинское Озеро VI (по итогам раскопок 2005 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4. С. 17–26.

Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Поплевко Г.Н. Каменный инвентарь поселения Чашкинское Озеро IIIа (по итогам раскопок 2014 г.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2015а. Т. 17. № 3. С. 220–227.

Лычагина Е.Л., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Лаптева Е.Г., Трофимова С.С. Чашкинское озеро и древний человек в голоцене // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова / Под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 183–189.

Любин В.П. Изображения мамонта в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // СА. № 1. 1991. С. 20–41.

Любин В.П., Щелинский В.Е. Изображения мамонтов и лошадей в монументальном палеолитическом искусстве Урала // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы / Отв. ред. В.П. Любин Л.: Наука, 1988. С. 41–43.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. № 3 / Ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Универс. издат. консорциум, 2013. С. 27–109.

Майстренко Д.А., Мельничук А.Ф., Изосимов Д.А., Чурилов Э.В., Балыбердина П.А. Нео-энеолитические памятники Пермского Предуралья, удаленные от долины р. Камы // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 102–110.

ЛИТЕРАТУРА

Макаров Л.Д. Отчет об исследованиях в Подосиновском и Тужинском районах Кировской области, проведенных летом 1978 г. // Архив Института истории и культуры народов Приуралья, УдГУ. Ижевск. Ф. 2. Д. 84. 1978.

Макаров Э.Ю. Финальный палеолит Прикамья в свете новейших данных // Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы I Международной практической конференции / Сост. Э.А. Савельева. Кудымкар: Коми-Перм. Кн. Изд-во, 1997. С. 102–117.

Макаров Э.Ю. Местонахождение Горка – новый мезолитический памятник в Пермском Приуралье // Археология и этнография Среднего Приуралья / Ред. А.Ф.Мельничук. Березники, 2001. С. 45–49.

Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю. Стоянка Ширококово II – новый памятник позднего палеолита в бассейне верхней Камы // Каменный век европейского Севера / Ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2007. С. 7–21.

Малышева О.Н. Покровные проблематичные отложения Васильско-Чебоксарского правобережья Волги // Геология Поволжья и Прикамья / Науч. ред. В.И. Игнатьев. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1971. С. 130–135.

Мамонов А.Е. Глава II. Ранний неолит. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов, Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 147–176.

Мамонов А.Е. Елшанская культура: проблемы изучения и хронологический аспект // Известия Самарского научного центра РАН. Актуальные проблемы истории, археологии и этнографии / Гл. ред. Г.П. Шорин. Самара: СНЦ РАН, 2006. С. 269–276.

Мамонов А.Е. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1999. С. 15–43.

Манько В.О. Перспективи датування кераміки радіокарбонним методом // Кам'яна доба Україні. Вып. 10. Луганск: Шлях, 2007. С. 168–177.

Манько В.А. Проблемы финального палеолита юга Украины // С.Н. Бибиков и первобытная археология / Отв. ред. С.А. Васильев, Л.В. Кулаковская. СПб.: ИИМК РАН, 2009. С. 151–164.

Маркова А.К., ван Кольфсхотен Т., Бонхкке Ш., Косинцев П.А., Мол И., Пузаченкво А.Ю., Симакова А.Н., Смирнов Н.Г., Верпоорте А., Головачев И.Б. Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л.н.) / Отв. ред. А.К. Маркова, Т. ван Кольфсхотен. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 556 с.

Матвеева Г.И. Стоянка Какрыбаш в Приуралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 64–70.

Матюшин Г.Н. Памятники каменного века на территории БАССР // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1959. С. 17–29.

Матюшин Г.Н. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита // СА. 1969. № 4. С. 23–48.

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 368 с.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала: лесостепь и степь. М.: Наука, 1982. 328 с.

Матюшин Г.Н. Каменный век Южного Урала. Предуралье. Проблемы становления производящего хозяйства. Автореф. … дисс. докт. истор. наук. М., 1985. 38 с.

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Приуралья // Мезолит СССР / Археология СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 130–134.

Матюшин Г.Н. Основные этапы развития палеолита Урала // Хроностратиграфия палеолита северной, центральной и восточной Азии и Америки (докл. Международного симпозиума). Новосибирск: Ин-т теплофизики, 1990. С. 226–230.

Матюшин Г.Н. Каменный век Южного Урала. М., 1994.

Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала: Предуралье. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1996. 302 с.

Медведев Г.И. О геостратиграфии ансамблей эолово-коррадированных артефактов Байкальской Сибири // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения / Отв. ред. А.П. Деревянко, Г.И. Медведев. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 267–272.

Мезолит СССР / Археология СССР. Т. 2 / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. 350 с.

Мельничук А.Ф. Материалы мезолитического Огурдинского поселения // СА. 1989. № 4. С. 244–249.

Мельничук А.Ф. Промысловые стоянки мезолитических охотников в бассейне р. Зырянки близ города Березники Пермской области // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 19–36.

Мельничук А.Ф. В.Н. Татищев и археология Пермского края // Оборинские чтения. Вып. 3. Пермь: Изд-во ПККМ, 2004. С. 102–104.

Мельничук А.Ф. Финальный палеолит Пермского Приуралья. Автореф. дисс.…канд. ист. наук. Ижевск, 2007. 23 с.

Мельничук А.Ф. Взгляды О.Н. Бадера на эпоху палеометалла Среднего Приуралья в свете современных представлений // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения. / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2010. С.48–51.

Мельничук А.Ф. Поселение Усть-Очер I – энеолитический памятник в Оханском Прикамье и проблемы изучения поселений новоильинского культурного круга

// Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 1 (15). С. 22–36.

Мельничук А.Ф., Бординских Г.А., Мокрушин В.П., Дегтярева М.И., Лычагина Е.Л. Новые позднемезолитические и ранненеолитические памятники в Верхнем и Среднем Прикамье // Археология и этнография Среднего Приуралья . Вып. 1. Березники, 2001. С. 142–161.

Мельничук А.Ф., Волокитин А.В., Лычагина Е.А. Огурдинское поселение и его место в мезолите Приуралья // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья. Березники, 1994. С. 16–17.

Мельничук А.Ф., Изосимов Д.А., Чурилов Э.В. Новейшие исследования жертвенного места у наскальных изображений Камня Писаного на реке Вишере // XV Уральское археологическое совещание / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. С. 51.

Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю. Новое палеолитическое местонахождение в Среднем Прикамье // Археологические памятники Северного Приуралья / МАЕСВ. Вып. 9 / Отв. ред. В. С. Стоколос. Сыктывкар: Коми научный центр УрО АН СССР, 1985. С. 7–15.

Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Удм.НИИ, 1987. С. 5–18.

Мельничук А.Ф., Скорнякова С.В., Чурилов Э.В. Стоянка Усть-Залазнушка II – новый памятник хуторского типа в камском неолите // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Ред. И.Н. Васильева. Самара: Изд-во Самар. НТЦ, 2006. С. 120–125.

Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В. «Клад» топоров из мезолитического поселения Огурдино // Человек, адаптация, культура / Отв. ред. А.Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 267–272.

Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В., Карманов В.Н. Неолит бассейна р. Вишеры Пермского края // XXI Уральское археологическое совещание, посвящённое 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: СГСПУ, 2018. С. 49–50.

Мерц В.К. Основные результаты изучения памятников каменного века северо-восточного Казахстана // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2006. № 2(41). С. 147–153.

Мерц В.К. Мезолитические комплексы стоянки Шидерты 3 // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия историческая. № 1 (44). 2007. С. 108–110.

Мерц В.К. Процессы неолитизации в Северо-Восточном Казахстане // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3(19). С. 99–109.

Мерц В.К. О влиянии культур Восточной Европы и Южного Прикаспия на комплексы Северо-Восточного Казахстана (по материалам многослойной стоянки Шидерты 3) // Восточная Европа, Кавказ, ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез. Международная конференция к 70-летию Х.А. Амирханова. Тез.докл. М.: ИА РАН, 2020. С. 64.

Мирчинк Г.Ф. Волжская экспедиция для изучения отложений четвертичного периода // Вестник Академии Наук СССР. № 3. М., 1932. С. 39–42.

Михайлова О.В. Трассологическое определение некоторых костяных вещей из раскопок комплекса памятников на горе Маяк // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ им. П.В. Алабина и Международной конференции. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2003. С. 39–41.

Моргунова Н.Л. Старо-Токская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1983 С. 28–40.

Моргунова Н.Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья. Автореф. дисс.… канд. ист. наук. М., 1984. 21 с.

Моргунова. Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Из-во ОГПУ, 2011. 220 с.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: изд-во ОГПУ, 1995. 222 с.

Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. 2010. № 4. С. 18–27.

Морозов В.В. Проблема соотношения накольчатых и гребенчатых типов керамики в неолите Икско-Бельского междуречья (по материалам стоянки Гулюковская I) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Ред. Н.А. Макаров, А.П. Деревянко, А.Г. Ситдиков. Казань. 2014: ИА РАН; Ин-т археологии им. Халикова АН РТ, С. 311–316.

Морозов В.В. Новоильинские памятники Нижнего Прикамья: современное состояние проблемы // Самарский научный вестник. 2019. Том. 8. № 2 (27). С. 186–199.

Морозов В.В., Выборнов А.А., Лыганов А.В., Смирнов А.Л. К вопросу выделения памятников татарско-азибейского типа в Икско-Бельском междуречье // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Т. I. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 189-191.

Морозов В.В. Лыганов А.В. Капленко Н.М. Поздненеолитический комплекс Гулюковской I стоянки в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2017. №3 (21). С. 70–88.

ЛИТЕРАТУРА

Морозов Ю.А. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984. С. 43–58.

Морозов Ю.А. Памяти Геральда Николаевича Матюшина (1927–2000) // УАВ. Вып. 3. 2001. С. 187–188.

Морозов Ю.А., Тихонов Б.Г. Неолитические памятники в низовье р. Белая // КСИА. Вып. 177. / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1984. С. 75–80.

Мосин В.С. Хронология неолита лесостепного Притоболья // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 декабря 2016 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. С. 4–7.

Мосин В.С. Южный Урал в каменном веке / история Южного Урала: в 8 т. Том 1. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 408 с.

Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга (стратиграфия и геологический возраст памятника) / Препринт. Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1988. 41 с.

Наговицын Л.А. Из истории изучения памятников эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Удмурт. ИЯЛИ УрО АН СССР, 1980. С. 3–18.

Наговицын Л.А. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Удмурт. ИЯЛИ УрО АН СССР, 1984. С. 89–123.

Наговицын Л.А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковскиая культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 28–34.

Наговицын Л.А. Проблемы изучения раннего неолита Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УдмНИИЯЛ, 1988. С. 67–77.

Наговицын Л.А. Дискуссионные проблемы в изучении новоильинской культуры // ВАУ. Вып. 21 / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 59–76.

Назаров Н.Н., Черепанова Е.С. Пойменно-русловые комплексы Пермского Прикамья. Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2012. 158 с.

Недомолкина Н.Г. Мезолитическая стоянка Николаевская («Колокольня») // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции / Отв. ред.-сост. А.Я. Мартынов. Соловецкий: СОЛТИ, 2006. С. 59–66.

Немкова В.К. Стратиграфия позднe- и послеледниковых отложений Предуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья / Отв. ред. В.л. Яхимович. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1978. С. 4–45.

Немкова В.К., Матюшин Г.Н., Яхимович В.Л. Время и природные условия возникновения и развития мезолита в Предуралье и на Южном Урале // Палеоэкология древнего человека / Отв. ред. И.К. Иванова, Н.Д. Праслов. М.: Наука, 1977. С. 181–186.

Нехорошев П.Е. Каменная индустрия пещерной стоянки Кульюрт-Тамак (Южный Урал) // Пещерный палеолит Урала. Материалы международной конференции (Уфа, 9-15 сентября 1997). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1997. С. 46–50.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита . СПб: Европейский Дом, 1999. 171 с.

Нехорошев П.Е., Гиря Е.Ю. Некоторые итоги исследований верхнепалеолитической стоянки в пещере Кульюрт-Тамак (Южный Урал) // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа: Гилем, 2004. С. 12–35.

Нечушкин Р.И. Карта памятников палеолита Южного Урала. Дипломная работа студента кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. 292 с.

Никитин В.В. Сутырское поселение (к вопросу о гребенчато-ямочно-волосовских контактах) // Лесная полоса Восточной Европы в волосово-турбинское время / АЭМК. Вып. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МариНИИЯЛИ, 1978. С. 193–206.

Никитин В.В. Красномостовские поселения финального неолита // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Удмурт. ИЯЛИ УрО АН СССР, 1984. С. 31–43.

Никитин В.В. Ранненеолитические поселения у пос. Дубовский // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1984а. С. 5–19.

Никитин В.В. Накольчатая керамика на севере Средней Волги // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Вып. 9 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МариНИИЯЛИ, 1985. С. 57–86.

Никитин В.В. Эпоха камня в Марийском Поволжье (итоги изучения 1956–1985 г.) // Древности Волго-Вятского междуречья / АЭМК. Вып.12 / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 50–58.

Никитин В.В. Проблемы неолита Волго-Камья (к вопросу о «бескерамическом» периоде неолита) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы. (Суздаль. 1987) / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987а. С. 185–186.

Никитин В.В. Проблемы позднего мезолита – раннего неолита Марийского Поволжья (по материалам Удельно-Шумецкого XII поселения) // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы европейской части СССР / Отв. ред. Л.И. Наговицын. Ижевск: УдНИИЯЛИ УрО РАН, 1988. С. 54–66.

Никитин В.В. Культура позднемезолитического населения левобережья Средней Волги // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского

водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. С. 7–40.

Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1991. 152 с.

Никитин В.В. Мезолит лесной части Средней Волги в междуречье Ветлуги и Илети // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II / Ред. А.В. Уткин. Иваново, 1995. С. 16–20.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.

Никитин В.В. Проблемы позднего мезолита – раннего неолита Марийского Поволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР (по материалам Удельно-Шумецкого XII поселения) / Ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УдмНИИ УРО РАН, 1999. С. 54–65.

Никитин В.В. II Юльяльская кремнеобрабатывающая матерская (к вопросу о первоначальном заселении Марийской низины) // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УРО РАН, 2005. С. 449–453.

Никитин В.В. Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2006. С. 224–232.

Никитин В.В. Поселения Красный Мост II и III. К вопросу о происхождении волосовской культуры // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5 / Ред. Ю.А. Зеленеев, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИЯЛИ, 2010. С. 27–55.

Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.

Никитин В.В. Лесная полоса Волго-Камья на рубеже неолита-энеолита // Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации / Труды КАЭЭ. Вып. 8 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2012. С. 67–76.

Никитин В.В. Некоторые проблемы раннего неолита лесной полосы Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 11–17.

Никитин В.В. Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье / Археология Поволжья и Урала. Вып. 3. Казань: Ин-т археологии им. Халикова; МарНИИЯЛИ им. Васильева, 2015. 361 с.

Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 10. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2017. 764 с.

Никитин В.В. Мезолит Марийского Полесья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. Васильева, 2018. 261 с.

Никитин В.В., Ластовский А.А. Позднемезолитическое поселение Удельно-Шумецкое X // Археологические открытия Урала и Поволжья / Ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УРО РАН, 1989. С. 106–107.

Никитин В.В., Ластовский А.А. Юльяльские II и IV стоянки эпохи мезолита // Новые материалы археологии Среднего Поволжья // АЭМК. Вып. 24 / Ред. В.В. Никитин, Йошкар-Ола: МарНИИ, 1995. С. 21–33.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / Труды МарАЭ. Т. VII / Ред. Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 162 с.

Никифорова Л.Д. Динамика ландшафтных зон голоцена Северо-Востока Ервопейской части СССР // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене / Отв. ред. А.А. Величко. М.: Наука, 1982. С. 154–179.

Николаев Н.И. О возрасте четвертичной волжской фауны млекопитающих // Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел геологии Т. XV(6) / Отв. ред. Г. Ф. Мирчинк. М.-Л.: Изд-во, 1937. С. 487–513.

Николаев Н.И. О проблеме происхождения покровных суглинков // Известия АН СССР. Серия географическая. 1959. № 4. С. 34–45.

Новенко Е.Ю. Растительность и климат Центральной и Восточной Европы в позднем плейстоцене и голоцене. Автореф. дисс.…докт. географ. наук. М., 2016. 50 с.

Новенко Е.Ю. Изменение растительности и климата Центральной и Восточной Европы в позднем плейстоцене и голоцене в межледниковые и переходные этапы климатических макроциклов. М.: ГЕОС, 2016а. 227 с.

Ососков П.А. Предварительное сообщение об открытии кладбища костей послетретичных млекопитающих в береговом гравии на левом берегу Волги между г. Сенгилеем и с. Новодевичьим // Приложение к протоколам Московского общества испытателей природы. М., 1913.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983. 296 с.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна р. Вятки // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Удмурт. ИЯЛИ УрО АН СССР, 1984. С. 3–20.

Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии / Археология СССР / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 6–9.

Павлов П.Ю. Раскопки Бызовской палеолитической стоянки в 1983-1985 гг. // Памятники материальной культуры на Европейском северо-востоке / МАЕСВ. Вып. 10 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми научный центр УрО АН СССР, 1986. С. 6–20.

ЛИТЕРАТУРА

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европейской части СССР. Автореф. дисс.… канд. ист. наук. Л., 1988. 193 с.

Павлов П.Ю. Палеолитические памятники северо-востока Европейской части России. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1996. 200 с

Павлов П.Ю. Палеолит // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева, П. Ю. Павлов, К. С. Королев, А. М. Мурыгин. М.: ДиК, 1997. С. 44–90.

Павлов П.Ю. Заселение человеком северо-востока Европы в эпоху палеолита // XV Уральское археологическое совещание / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. С. 55–56.

Павлов П.Ю. Древнейшие этапы заселения севера Евразии: северо-восток Европы в эпоху палеолита // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. / Отв. ред. А.В. Головнёв. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: ИИиА УрО РАН, 2002. С. 192–209.

Павлов П.Ю. Поздний и финальный палеолит северо-востока Европы // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: Институт археологии РАН, 2007. С. 73–85.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33). С. 33–45.

Павлов П.Ю. Стоянка Заозерье – памятник начальной поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы // РА. 2009. № 1. С. 5–17.

Павлов П.Ю. Стоянка Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на Верхней Каме (Северный Урал) // Археологические вести. 2010. № 16 (2009). С. 16–28.

Павлов П.Ю. Культурные связи населения Уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета. Серия История. 2012. Вып. 1(18). С. 6–23.

Павлов П.Ю. Средний и верхний палеолит северо-восточной части Восточно-Европейской равнины // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды. Атлас-монография / Ред. В.М. Котляков, А.А. Величко, С.А. Васильев С.А. М.: Геос. 2014. С. 128–140.

Павлов П.Ю. О первоначальном заселении севера Урала // Уральский исторический вестник. 2015. № 2(47). С. 50–60.

Павлов П.Ю. Влияние изменений природной среды северо-востока Европы и Урала в среднем и позднем валдае на заселение региона человеком в верхнем палеолите // Пути эволюционной географии. Материалы Всероссийской конференции, посвящённой памяти профессора А.А. Величко (г. Москва, 23–25 ноября 2016 г.) / Ред. А.В. Панин, С.Н.Тимирев, Е.И. Куренкова, Ю.М. Конов. М.: ИГРАН, 2016, С. 702–704.

Павлов П.Ю. Переходные индустрии северо-востока Европы и их значение для изучения особенностей перехода от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Европе // I Международная конференция "Археология Арктики" (г. Салехард, 19–22 ноября 2017 г.). Тезисы докладов / Ред. Н.В. Федорова, А.Л. Титовский, Г.П. Туманова, Ан. В. Гусев, Д.С. Тупахин Екатеринбург: Делова пресса, 2017. С. 24–27.

Павлов П.Ю. Особенности развития природной среды северо-востока Восточноевропейской равнины и Урала в среднем и позднем валдае (MIS3-MIS2) и их влияние на заселение региона человеком в верхнем палеолите. // Археология Арктики – 7. / Ред. В.В. Питулько, Н.В. Федорова. Салехард–Омск: Золотой тираж, 2020. С. 185–198.

Павлов П.Ю., Волокитин А.В., Свендсен Й-И. Новые данные о стоянке Бызовая (северо-восток Европы) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Материалы Международной конференции / Отв. ред. А.П. Деревянко, Г.И. Медведев. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2001. С. 301–310.

Павлов П.Ю., Грибченко Ю.Н., Робрукс В., Свендсен Й-И. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и особенное / Ред. М.В.Аникович, А.А. Синицын. Воронеж: Истоки, 2004. С. 117–119.

Павлов П.Ю., Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Палеолитические местонахождения с кварцитовым инвентарём в Верхнем Прикамье // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в северном Приуралье / МАЕСВ. Вып. 13 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1995. С. 5–24.

Павлов П.Ю., Макаров Э.Ю. Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы // Северное Приуралье в эпоху камня и раннего металла / МАЕСВ. Вып. 15 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1998. С. 4–17.

Павлов П.Ю., Робрукс В., Свендсен Й-И. Средний палеолит и ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы // II Северный археологический конгресс, Ханты-Мансийск 24–30 сент. 2006 г.: доклады / Отв. ред. А.В. Головнёв. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 288–290.

Палеогеографическая основа современных ландшафтов: результаты российско-польских исследований / Отв. ред. А.А. Величко, Л. Старкель. М.: Наука, 1994. 204 с.

Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. / Ред. И.П. Герасимов, А.А. Величко. М.: Наука, 1982. 156 с.

Палеолит СССР / Археология СССР. Т. 1 / Отв. ред. П.И. Борисковский. М.: Наука, 1984. 384 с.

Пальчик Н.А. Рентгенографическое исследование образцов красок и пород из Игнатиевской пещеры //

В.Т. Петрин. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. С. 163–164.

Паничкина М.З. Разведки палеолита на Средней Волге // СА. Т. XVIII / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1953. С. 233–264.

Паничкина М.З. О работах по изучению палеолита на Волге // КСИИМК. Вып. L / Отв. ред. А. Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1953а. С. 15–19.

Петренко А.Г. Фауна мезолитической стоянки Деуковская 2 // Древности Икско-Бельского междуречья / Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 2. Работы Татарского отряда / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1978. С. 143–144.

Петренко А.Г. Древнее и среднвековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1986. 140 с.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 206 с.

Петрова Е.А. Мамонт (*Mammuthus primigenius*) из позднего плейстоцена Чувашии, Европейская Россия // Труды Зоологического института РАН. 2009. Т. 313. № 1. С. 58–67.

Плейстоцен Предуралья / Отв. ред. М.А. Камалетдинов, В.Л. Яхимович, А.В. Сиднев. М.: Наука, 1987. 112 с.

Поляков А.А. Жилища // Историко-этнографический атлас народов Сибири / Ред. М.Г. Левин, Л.П. Потапов. М.; Л.: Наука, 1961. С. 131–226.

Поляков И.С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию // Приложение к XXXVII тому Записок Академии Наук. № 1. СПб., 1880. С. 1-81.

Попов А.И. О происхождении покровных суглинков Русской равнины // Известия АН СССР. Серия географическая. 1953. № 5. С. 30–41.

Прокашев А.М., Жуйкова И.А., Пахомов М.М. История почвенно-растительного покрова Вятско-Камского края в послеледниковье. Киров: Вятский гос. гуманитарный ун-т, 2003. 144 с.

Прокошев Н.А. Камская экспедиция в 1935 году // СА. 1936. № 1. С. 255–268.

Прокошев Н.А. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья // Археологические памятники Урала и Прикамья / МИА. № 1 / Под ред. П.Н. Третьякова. № 1. М.: АН СССР, 1940 С. 11–40.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы / Ред. А.А. Синицын, Н.Д. Праслов. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 141 с.

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. 456 с.

Раушенбах В.М. Племена льяловской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. Вып. 44 / Ред. В.М. Раушенбах. М.: ГИМ, 1970. С. 35–78.

Руденко К.А. Археологические работы в Татарии // АО 1995 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1996. С. 286–288.

Руденко С.И. Лаклинская и Игнатиева пещеры Южного Урала / Труды Общества землеведения при Императорском Санкт-Петербургском университете. Ч. 3. 1909-1913 гг. / под ред. П.И. Броунова. Санкт-Петербург: Типография А.Э. Коллинс, 1914. 15 с.

Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Новые материалы к антропологии древнейшего населения Среднего Поволжья // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: Изд-во СамГПИ, 1991. С. 206–220.

Савельев Н.С. Научный отчет об археологической разведке в Баймакском районе Республики Башкортостан в 1996 г. (Баишевский микрорайон). Уфа, 1997 / Архив ИА РАН.

Савченко С.Н., Лилли М., Жилин М.Г. Новые AMS-даты предметов вооружения из кости и рога. Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Шестые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 49–55.

Савченко С.Н., Ромен О. Шигирская коллекция барона де Бая в Музее Человека (Париж, Франция) // Шестые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 250–259.

Свендсен Й-И., Павлов П., Мангеруд Я., Хегген Х., Хуфтхаммер А-К., Робрукс В. Природные условия плейстоцена и палеолитические стоянки на севере западного склона Уральских гор // Путь на Север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и субарктики: Материалы международной конференции / Отв. ред. А. А. Величко, С. А. Васильев. М.: Ин-т географии РАН, 2008. С. 79–97.

Сериков Ю.Б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья // Проблемы палеолита и мезолита Волго-Уралья / Отв. ред. В. А. Лопатин. Саратов: СГУ, 1992. С. 119–127.

Сериков Ю.Б. Река Чусовая - трансуральская магистраль древности // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии / Отв. ред. В.В. Шилов. Березники, 1997. С. 44–46.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: НТГСПА, 2000. 430 с.

Сериков Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил : Нижнетагильская гос. социально-пед. акад., 2007. 137 с.

ЛИТЕРАТУРА

Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. социально-пед. акад., 2009. 366 с.

Сидоров В.В. География неолита Подмосковья // Памятники древней истории Евразии / Отв. ред. П.М. Кожин и др. М.: Наука, 1975. С. 35–78.

Сидоров В.В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья / Отв. ред. В.В. Седов. М.: ИА РАН, 1992. С. 4–113.

Сидоров В.В. Озерные системы бассейна р. Дубны в неолите // Тверской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1996. С. 249–258.

Сидоров В.В. Кремневые орудия и оружие поселения Воймежное I // Древние охотники и рыболовы Подмосковья (по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное I / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: Ин-т этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1997. С. 76–91.

Сидоров В.В. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998. С. 64–74.

Сидоров В.В. Реконструкции в первобытной археологии. М.: ИА РАН: ТАУС, 2009. 216 с.

Сидоров В.В. Специфика неолитизации лесной зоны Восточной Европы // КСИА. 2018. Вып. 250. М.: ИА РАН, С. 194–201.

Сидоров В.В., Ставицкий В.В. Локальные варианты в льяловской культуры в бассейне р. Оки // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: изд-во ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2003. С. 108–130.

Силаев В.И., Шанина С.Н., Смолева И.В., Киселёва Д.В., Чередниченко Н.В., Хазов А.Ф., Туманова Е.А., Павлов П.Ю. Опыт использования минералого-геохимических свойств костных остатков для реконструкции среды обитания на палеолитической стоянке Заозерье (Средний Урал) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2019. №2. С. 35–77.

Симакова А.Н. Развитие растительного покрова Русской равнины и Западной Европы в позднем неоплейстоцене – среднем голоцене (33–4.8 тыс. д.н.) (по палинологическим данным). Автореф. …дисс…канд. геол.-минерал. наук. М., 2008. 32 с.

Смирнов А.П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск: Маргосиздат, 1949. 136 с.

Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Введение // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1 / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 7–9.

Смирнов Н.Г. Мелкие млекопитающие Среднего Урала в позднем плейстоцене и голоцене. Екатеринбург: Наука, 1993. 64 с.

Соколова З.П. К истории жилища обских угров // СЭ. 1957. № 2. С. 88–105.

Сорокин А.Н. Новые данные по мезолиту бассейна р. Оки // Кравцов А.Е., Сорокин А.А. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 3–37.

Сорокин А.Н. К проблеме финального палеолита Центральной России // РА. 2006. № 4. С. 87–94.

Сорокин А.Н. Мезолит Оки (проблема культурных различий) / Труды отдела охранных раскопок. Т. 5. М.: Ин-т археологии РАН, 2006а. 312 с.

Сорокин А.Н. Финальный палеолит и мезолит Центральной России // Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В. На переломе эпох М.: Гриф и К, 2009. С. 127–251.

Сорокин А.Н. О мезолитической подоснове неолитических индустрий Северной Евразии // Археологически памятники Восточной Европы. Вып. 14 / Отв. ред. И. В. Федюнин. Воронеж: ВГПУ, 2011. С. 27–40.

Сорокин А.Н. К вопросу о специфике дюнных и болотных геоархеологических объектов в качестве источников // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 17. С. 21–37.

Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В. На переломе эпох. М.: Гриф и К., 2009. 387 с.

Спиридонов А.И. К вопросу о происхождении покровных суглинков Подмосковья // Вестник Московского университета. 1948. № 4. С. 87–96.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита–энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1. С. 23–33.

Спиридонова Е.А., Лаврушин Ю.А. Корреляция геолого–палеоэкологических событий голоцена арктической, бореальной и аридной зон Восточной Европы // Четвертичная геология и палеогеография России / Отв. ред. М. Н. Алексеев, И. М. Хорева М.: ГЕОС, 1997. С. 150–170.

Спицын А.А., Каменский В.И. Стоянка каменного века близ г. Балахны // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. VII. Вып. 1. СПб., 1905. С. 1–72.

Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза: Пензенский гос. педагогич. ун-т, 1999. 196 с.

Ставицкий В.В. Саконовская неолитическая стоянка и проблема таксономического статуса балахнинских памятников // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 304–312.

Ставицкий В.В. «Неолитическая революция» в лесной зоне Восточной Европы // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь: ПГУ, 2003. С. 62–63.

ЛИТЕРАТУРА

Ставицкий В.В. Проблема неолитизации Волго-Донской лесостепи // Известия Самарского научного центра РАН. Новые гуманитарные исследования / Гл.ред. Г.П. Шорин. Самара: СНЦ РАН, 2005. С. 145–151.

Ставицкий В.В. Ямочно-гребенчатая керамика лесостепной зоны // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2006. С. 307–315.

Ставицкий В.В. Мезолит // Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы / под общ. ред. В.В. Ставицкого, В.Н. Шитова. Саранск: НИИ гуманитарных наук, 2008. с. 67–77.

Ставицкий В.В. Неолит // Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы / под общ. ред. В.В. Ставицкого, В.Н. Шитова. Саранск: НИИ гуманитарных наук, 2008а. С. 78–106.

Ставицкий В.В. К вопросу о взаимодействии неолитического населения степной и лесостепной зоны в Поволжье // Самарский научный вестник. 2014. № 4 (9). С. 117–121.

Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 168 с.

Старков В.Ф. Хронология неолита лесного Зауралья // КСИА. № 153. / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1978. С. 90–98.

Старостин П.Н. Отчет о результатах археологической разведки на территории Чувашской АССР, проведенной летом 1966 г. Казань, 1967 / Научный архив ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2314.

Сташенков Д.А. Комплекс памятников у с. Сиделькино // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ им. П.В. Алабина и Международной конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2003. С. 8–14.

Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самара. Самара: Ас Гард, 2012. 136 с.

Стефанова И.И. Черняницкая мезолитическая стоянка // СА.1966. № 4. С. 154–155.

Стефанова И.И. Чирковские кремнеобрабатывающие мастерские // АО 1967 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1968. С. 115–116.

Стоколос В.С. Первый неолитический памятник на Мезени // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени / МАЕСВ. Вып. 6 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1977. С. 31–36.

Столяр А.Д. Об историческом значении искусства верхнего палеолита // Пещерный палеолит Урала. Материалы международной конференции (Уфа, 9-15 сентября 1997). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1997. С. 56–58.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Кама (по данным, собранным М.В. Талицким // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. IV / МИА. № 27. М.: АН СССР, 1952. 226 с. (С. 143–144.)

Талицкий М.В. Островская палеолитическая стоянка близ Перми // КСИИМК. Вып. IV / Отв. ред. С.Н. Бибиков. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 41–42.

Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка Пещерный Лог // КСИИМК. Вып. XII / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.-Л.: АН СССР, 1946. С. 9–14.

Теплоухов Ф.А. Вещественные памятники каменного и бронзового периода в западной части Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Пермь, 1892. С. 1–37.

Тимофеев В.И. Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2002. С. 209–214.

Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л.: Наука, Ленинград. Отделение, 1972. 136 с.

Третьяков В.П. Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. № 131. / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1972а. С. 46–52.

Третьяков В.П., Выборнов А.А. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев: КГПИ, 1988. 88 с.

Трусов А.В. Памятники поздней и финальной поры верхнего палеолита бассейна р. Оки // Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В. На переломе эпох М.: Гриф и К, 2009. С. 49–126.

Федюнин И.В. Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж: Воронежский гос. педагогический университет, 2006. 144 с.

Федюнин И.В. Плаутино 2: вопросы хроно-стратиграфии // Археологические вести. 2012. № 18. С. 25–42.

Федюнин И.В. Мезолит лесостепного Подонья в ретроспективе и перспективе исследования // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43, № 1. С. 16–27.

Физико-географическое районирование Среднего Поволжья / Под ред. А.В. Ступишина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. 198 с.

Филиппов А.К. Происхождение изобразительного искусства. СПб.: Академ Принт, 1997. 103 с.

Филиппов А.К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб.: Сохранение природы и культур. наследия, 2004. 222 с.

Формозов А.А. О святилище в Игнатиевской пещере на Урале // Politropon. К семидесятилетию Владимира Николаевича Топорова / Отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Индрик, 1998. С. 869–874.

Формозов А. А. О датировке росписей в Игнатиевской пещере на Урале // РА. 2000. № 1. С. 215–217.

Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР / МИА. № 29. Л.: ИИМК АН СССР, 1952. 280 с.

ЛИТЕРАТУРА

Фрезер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. М.: изд-во полит. лит-ры, 1986. 509 с.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МарАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960. 188 с.

Халиков А.Х. Юнга-Кушергинская палеолитическая стоянка (доклад, прочитанный на секции каменного века сессии Института археологии АН СССР и Института археологии АН УССР и в Киеве 8 мая 1960 г.) // Вопросы истории. Археологии и этнографии мари / Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Вып. 16. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1961. С. 139–153.

Халиков А.Х. Мезолит Среднего Поволжья // У истоков древних культур (эпоха мезолита) / МИА. №126 / Отв. ред. Н.Н. Гурина. М.; Л.: Наука, 1966. С. 185–193.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Халиков А.Х. Энеолитическая эпоха в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 24–28.

Харитонов В.М., Селифанова Е.Л. Антропологический анализ затылочной кости ископаемого человека о. Меровский (Саратовская область) // Вопросы антропологии. Вып. 79. М.: Наука, 1987. С. 150–152.

Хисяметдинова А.А. Новая интерпретация стратиграфической схемы антропогеновых отложений востока Русской равнины Г.П. Бутакова // Развитие рельефа равнин: геоморфологические и геоэкологические проблемы. Казань: Отечество, 2007. С. 142–150.

Хисяметдинова А.А. Проблемы реконструкции палеогеографических условий бытования первобытных памятников Волго-Камья по результатам геолого-геоморфологических исследований // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит; Ин-т истории АН РТ, 2008. С. 160–179.

Хисяметдинова А.А., Галимова М.Ш., Березина Н.С., Березин А.Ю. Влияние человека на локальные природные процессы на примере верхнепалеолитической стоянки Шолма I (Приволжская возвышенность, Чувашия) // Природные, социально-экономические и этнокультурные процессы в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 120-летию образования кафедры физической географии и этнографии в Казанском университете. Ч. 1. Казань: Казанский гос. ун-т, 2008. С. 165–169.

Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Европы // Охотники, собиратели, рыболовы / Отв. ред. А. М. Решетов. М.; Л.: Наука, 1972. С. 26–42.

Холматов Н.У. Мезолит низовьев Зарафшана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 31 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд: ИА АН РУз, 2000. С. 25–34.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 200 с.

Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи неолита с территории лесостепного Поволжья в связи с проблемой происхождения уральской расы // Вестник антропологии. 1996. Вып. 1. С. 121–141.

Хохлов А.А. К вопросу об «особой евразийской формации» // Вестник антропологии. 1996а. Вып. 2. С. 129–146.

Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы. Дисс.... канд. ист. наук. М., 1998. 210 с.

Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита–бронзового века). Самара: СГСПУ, 2017. 368 с.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Теоретические и практические аспекты проблемы происхождения физического облика носителей культур синташтинского круга // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 59–71.

Хохлов А.А., Яблонский Л.Т. Палеоантропология Волго-Уральского региона эпохи неолита–энеолита // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 278–307.

Цветкова И.К. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения р. Оки // МИА. №° 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.–Л.: Наука, 1963. С. 54–84.

Цветкова И.К. Племена Рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. Вып. 44 / Ред. В.М. Раушенбах. М.: ГИМ, 1970. С. 97–153.

Цейтлин С.М. Геология верхнепалеолитической стоянки Черноозерье II // Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Приложение 1. Новосибирск: Наука, 1985. С. 67–71.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 349 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 380 с.

Цыгвинцева Т.А. Орудия труда энеолитического времени (по материалам жилища № 1 Кочуровского IV поселения в бассейне р.Вятки) // Человек, адаптация, культура / Отв. ред. А.Н.Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 400–412.

Цыгвинцева Т.А. Особенности каменной индустрии новоильинских поселений бассейна р. Вятки // Финно-угры – славяне – тюрки опыт взаимодействия (традиции и новации) / Ред. А.Е. Загребин, В.В. Пузанов. Ижевск: УдмГУ, 2009. С. 18–25.

Цыгвинцева Т.А. Каменная индустрия Кочуровского IV поселения эпохи энеолита (по данным трасологии и технологии). Автореф. дисс.… канд. ист. наук. Ижевск, 2010. 24 с.

ЛИТЕРАТУРА

Цыгвинцева Т.Н. К вопросу о технологическом и трасологическом анализе орудий на пластинах Кочуровского IV поселения // Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации / Труды КАЭЭ. Вып. 8 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2012. С. 97–101.

Цыгвинцева Т.А. Археология каменного века в Вятской губернии до 1917 г.: взаимодействие столичной и провинциальной науки // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания / Сост., ред. А.Е. Загребин, О.М. Мельникова. Ижевск: УдмГУ, 2012. С. 244–252.

Чабай В.П. Средний палеолит Крыма. Симферополь: Шлях, 2004. 304 с.

Чайлд Г.В. У истоков европейской цивилизации. М.: Изд-во иностр. лит.,1952. 468 с.

Чернов Г.А. Новые археологические находки в Печорском бассейне // КСИИМК. Вып. 64. / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М. АН СССР, 1956. С. 104–115.

Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М. Каентубинская островная стоянка неолита – позднего периода эпохи бронзы (по итогам исследований 2005 г.) // Тверской археологический сборник. Вып.10 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 184–194.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита–раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Чубур А.А. Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины в осташковское время // Восточный граветт / Отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 309–329.

Шаландина В.Т. Растительный покров запада Татарской АССР и Марийской АССР в голоцене // История растительного покрова северной части Среднего Поволжья в плиоцене-антропогене. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. С. 63–106.

Шаландина В.Т. Основные этапы истории растительного покрова в Закамской лесостепи Татарии в голоцене // Ботанический журнал. 1981. Т. 66. № 1. С. 52–63.

Шаландина В.Т. Палинологическая характеристика археологических памятников Марийского Заволжья // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1989. С. 168–176.

Шаландина В.Т., Шакирова Д.Р. Растительный покров Марийского Заволжья в неолите – раннем железном веке // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 24 / Науч. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1995. С. 168–176.

Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004. 280 с.

Шипилов А.В. Итоги исследования стоянки Золотая Падь II // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения) / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола:. Изд-во ОАО «МПИК», 2007. С. 220–229.

Шипилов А.В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников). Автореф. дисс … канд. ист. наук. Казань, 2012. 19 с.

Широков В.Н. Пещерное палеолитическое искусство Урала и Западной Европы // Уральский исторический вестник. 2013. № 4 (41). С. 88–99.

Широков В.Н. О современном состоянии Игнатиевской пещеры // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Материалы международной конференции / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 280–284.

Широков В.Н., Волков Р.Б. Материалы стоянки каменного века Игнатиевская II // Уральский исторический вестник. 2006. № 14. С. 171–176.

Широков В.Н., Петрин В.Т. Искусство ледникового века. Игнатиевская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург: Ажур, 2013. 190 с.

Широков В.Н., Rowe M.W., Steelman K.L., Southon J.R. Игнатьевская пещера – первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков // Образы и сакральное пространство древних эпох / Науч. ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург: АКВА-Пресс, 2003. С. 67–72.

Шмидт А.В. Работы на строительстве Пермской гидроэлектростанции // Археологические работы Академии на новостройках в 1932-33 гг./ Известия ГАИМК. № 109 / Ред. И.И. Мещанининов. Л.: ГАИМК, 1935. С. 166–176.

Шмидт А.В. Стоянка у станции Лёвшино // СА. 1940. Вып. V. С. 1–31.

Шокуров А.П., Киктенко С.И. Стоянка Муллино-2 // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья / Отв. ред. В.Л. Яхимович. Уфа: ИГ БФ АН СССР, 1978. С. 123–150.

Щелинский В.Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1996. 30 с.

Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала. Материалы международной конференции (Уфа, 9-15 сентября 1997). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1997. С. 29–38.

Щербакова Т.И. О современном состоянии изученности палеолита Южного Урала // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии / Отв. ред. Р. М. Юсупов. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 3–12.

ЛИТЕРАТУРА

Щербакова Т.И. Палеолит Южного и Среднего Урала. Дисс... канд. ист. наук. Л. 1985 / Архив ИИМК, 1-35, оп - 2Д, д. 3555., д. 356.

Щербакова Т.И. Палеолит Южного и Среднего Урала. Автореф. дисс.… канд. ист. наук. Л.: ЛОИА ИА АН СССР, 1986. 25 с.

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург: УроРАН, 1994. 95 с.

Щербакова Т.И. Малоизвестные пещерные комплексы Урала и вопросы археологической систематики // Пещерный палеолит Урала. Материалы международной конференции (Уфа, 9-15 сентября 1997). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1997. С. 15–19.

Щербакова Т.И. Каменный инвентарь гротов Столбового и Близнецова на фоне палеолитических индустрий Урала // Проблемы первобытной культуры / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: Гилем, 2001. С. 156–169.

Щербакова Т.И. Капова пещера: новые данные о культурном слое и заново открытых палеолитических изображениях (по результатам полевых исследований 2004–2005 гг.) // Stratum plus. 2015. № 1. С. 103–124.

Энговатова А.В. Керамические комплексы льяловской культуры // Древние охотники и рыболовы Подмосковья по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное I / Отв. ред, А.В. Энговатова. М.: Ин-т этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1997. С. 56–62.

Энговатова А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998, с. 238–246.

Энговатова А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского Междуречья // Хронология неолита Восточной Европы. Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти Н.Н. Гуриной (г. Санкт-Петербург, 27 ноября – 2 декабря 2000 г.) / Отв. ред. В.Е. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 94.

Яблонский Л.Т. Антропология раннеэнеолитического населения Прикаспия // Древние культуры северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1986. С. 94–108.

Яблонский Л.Т. Палеоантропологические материалы к вопросу о формировании уральской расы (меллятамакские могильники) // Материалы к антропологии Уральской расы / Отв. ред. И. И. Гохман, Р. М. Юсупов. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 135–149.

Яблонский Л.Т. Ареал “протоуралоидов” (к постановке вопросов) // Тезисы 1-ой Международной конференции “Раса: миф или реальность” (Москва, 7-9 октября, 1998 г.). М.: Старый сад, 1998. С. 95–96.

Якимов В.П. О древней монголоидности в Европе // КСИЭ. Вып. 28. М.: АН СССР, 1957. С. 86–91.

Ятайкин Л.М., Шаландина В.Т. История растительного покрова в районе Нижней Камы с третичного времени до современности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975. 200 с.

Яхимович В.Л., Немкова В.К., Латыпова Э.К., Попова-Львова М.Г., Яковлев А.Г., Исмагилова Г.М., Сулейманова Ф.И. Флора и фауна кайнозоя Предуралья и некоторые аспекты магнитостратиграфии. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 132 с.

Яхимович В.Л., Немкова В.К., Сиднев А.В., Сулейманова Ф.И., Хабибуллина Г.А., Щербакова Т.И., Яковлев А.Г. Плейстоцен Предуралья. М.: Наука, 1987. 113 с.

Яхимович В.Л., Пшеничнюк В.С., Сулейманова Ф.И. Предуралье // Геохронология СССР. Т. 3. Новейший этап (поздний плиоцен – четвертичный период) / Ред. В.А. Зубаков. Л.: Недра, 1974. С. 165–177.

Amirkhanov H. Adaptation and some aspects of the genesis of archaeological cultures. Evidence from the Caucasian sites of Early Holocene. In *Prehistoria Alpina* Vol. 28 (1992). Museo Tridentino di Scienze Naturali. Trento, 1994, p. 199 –206

Bos H. *Aspects of the Lateglacial Early Holocene vegetation development in Western Europe*. LPP Foundation. Utrecht. LPP contribution series Vol. 10, 1998, 240 p.

Bos J. A. A., Bohncke J. P., Kasse C., Vandenberghe J. Vegetation and climate during the Weichselian Early Glacial and Pleniglacial in the Niederlausitz, eastern Germany – macrofossil and pollen evidence. In *Journal of Quaternary Science* 16(3), 2001, p. 269–289.

Broglio A., De Stefani M., Gurioli F., Pallecchi P., Giachi G., Higham T., Brock F. L’art aurignacien dans la decoration de la Grotte de Fumane. In *L’Anthropologie* 113, 2009, p. 753–761.

Broglio A., Tagliacozzo A., De Stefani M., Gurioli F., Facciolo A. Aurignacian dwelling structures hunting strategies and seasonality in the Fumane Cave (Lessini Mountains). In Vasil’ev, S.A., Popov V.V., Anikovich M.V., Praslov N.D., Sinitsyn A.A., Hoffecker J.F. (eds.). *The early Upper Palaeolithic of Eurasia: general trends, local developments*. Kostenki, 2006, p. 263–268.

Burov G.M. “Postswiderian” of the European North-East. In S.K. Kozlowski et al. (eds.). *Tanged Point Cultures in Europe*. Lublin: M. Curie-Sklodowska Univ. Press., 1999, p. 281–291.

Cârciumaru M., Bitiri M. Peintures rupestres de la grotte Cuciulat (Roumanie). In *Bulletin de la Société préhistorique française* 80, No. 3, 1983, p. 94–96.

Clottes J. New Laboratory Techniques and Their Impact on Paleolithic Cave Art. In Conkey M.W., Soffer O., Stratmann D., Jablonski N.G. (eds.). *Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol. Memoirs of the California Academy of Sciences*. No. 23. Berkley: University of California Press, 1997.

Clottes J. (dir.) *L’art pléistocène dans le monde / Pleistocene art of the world / Arte pleistoceno en el mundo.* Actes du Congrès IFRAO, Tarascon-sur-Ariège, septembre 2010, Symposium «Art mobilier pléistocène». N° spécial de Préhistoire, Art et Sociétés, Bulletin de la Société

Préhistorique Ariège-Pyrénées, LXV-LXVI, 2010-2011. CD: P. 1393–1410.

Clottes J., Courtin J., Vanrell L. *Cosquer redécouvert.* Paris: Le Seuil, 2005.

Conard N. Cultural Evolution in Africa and Eurasia During the Middle and Late Pleistocene. In *Handbook for Paleoanthropology*. Springer Verlag: Berlin, Heidelberg, New York, 2007, p. 2001–2037.

Conard N.J., Floss H. Ein bemalter Stein vom Hohle Fels bei Schelklingen und die Frage nach palaolithischerHohlenkunst in Mitteleuropa. In *Archäologische Korrespondenzblatt* 29, 1999, p. 307–316.

Cordova C.E., Vyazov L.A., Ponomarenko E.V., Blinnikov M.S., Ponomarenko D.S., Sitdikov A.G., Salova Yu.A. Stratigraphy and Paleolithic landscapes of the Beganchik site at the Kama-Volga confluence. In *Volga River Region Archaeology* 3, 2021, p. 8–21.

Dalmeri G., Cusinato A., Kompatscher K., Hrozny Kompatscher M., Bassetti M., Neri S. The ochre painted stones from Riparo Dalmeri (Trento). Development of the research on the art and rituality of the Epigravettian site. In *Preistoria Alpina* 44, 2009, p. 95–119.

Damgaard P. et al. *The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia*. Published 9 May 2018 on Science First Release DOI: 10.1126/science.aar7711.

Duhard J.-R. Les Humains ithypalliques dans l'art paléolithique. In: *Bulletin de la Société Préhistorique Ariege-Pyrenees* XLVII, 1992, p. 133–159.

D'Errico F., Julien M., Liolios D., Vanhaeren M., Baffier D. 2003. Many awls in our arguments. Bone Tool manufacture and use in the Chatelperronian and Aurignacien Levels of the Grotte du Renne at Arcy-sur-Cure). In Zilhâo, J., D'Errico, F. (eds.). *The Chronology of the Aurignacian and the Transitional Technocomplexes – Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. Trabalhos de Archaeologia 33. Lisboa, 2003, p. 247–272.

Frenzel B., Pechi M., Velichko A. (eds.) *Atlas of paleoclimates and paleoenvironments of the Northern Hemisphere (Late Pleistocene–Holocene).* Budapest, Stuttgart, 1992, p. 127–129.

González Sainz C., Garcia Diez M., San Miguel Llamosas C., Aja Santisteban G., Eguizabal J. Nuevos materiales arqueológicos de la cueva de El Arco B (Ramales de la Victoria, Cantabria). In *Veleia* 20, 2003, p. 123–141.

Gozhik P., Matviishina Zh, Gierasimienko N., Rekovets L., Shelkoplyas V. Quaternary stratigraphy. In *INQUA–SEQS, Subcommission on European Startigraphy. The Ukraine Quaternary Explored: the Middle and Upper Pleistocene of the Middle Dniepr Area and its Importance for the East–West Correlation*. Excursion Guide. 2001, p. 3–62.

Guthrie D.L. Origin and causes of the mammoth steppe: a story of cloud cover, woolly mammal tooth pits, buckles, and inside-out Beringia. In *Quaternary Science Reviews* 20, 2001, p. 549–574.

Haak W. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. In *Nature*. The international weekly journal of sciens. 11 June 2015. Vol. 522, No. 7555, p. 207–211.

Heggen H.P., Svendsen J-I., Mangerud J., Lohne O. A new paleoenvironmental model for the evolution of the Byzovaya Palaeolithic site, northern Russia. In *BOREAS* 41, 2012, p. 527–545.

Hoffecker J., Holliday V., Stepanchuk V., Lisitsyn S. The hunting of horse and the problem of the Aurignacian on the central plain of Eastern Europe. In *Quaternary International*. 2018. Doi.org/10.1016/j.quaint.2018.05.044

available at www.sciencemag.org/cgi/content/full/science.aar7711/DC1:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_Q_(Y-ДНК)

https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1b_(Y-ДНК)

https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_U_(мтДНК)

Isarin R.F.B. The climate in north-western Europe during the Younger Dryas. Ph.D. Thesis. Amsterdam: Vrije Universiteit, 1997, 159 p.

Isarin, R.F.B. & Bohncke, S.J.P. Mean July temperatures during the Younger Dryas in northwestern and central Europe as inferred from climate indicator plant species. In *Quaternary Research* 51, 1999, p. 158–173.

Karmanov V., Zaretskaya N., Lychagina E. Neolithic dispersal in far Northeast Europe: ways and chronology. In *Radiocarbon* Vol. 54, No. 3, 2012, p. 331–338.

Karmanov V.N., Zaretskaya N.E., Volokitin A.V. Another Way of Early Pottery Distribution in Eastern Europe? Case Study of the Pezmog 4 Site, European Far Northeast. In *Radiocarbon*. Vol. 56, No. 2, 2014, p. 733–741.

Kozlowski S.K. Introduction to the History of Europe in Early Holocene. In Kozlowski S.K. *The Mesolithic in Europe.* Warsaw: Warsaw University Press, 1973, p. 331–366.

Leroi-Gourhan A. Les Entitйs imaginaires. Esquisse d'une recherche sur les monstres parietaux paleolithiques. In *Dans Homenaje al Prof. Martin Almagro Basch*. Madrid: Ministerio de Cultura, 1983–84, p. 251–263.

Lorblanchet M. *L'art prehistorique du Quercy*. Edition Loubatieres, 2004.

Lychagina E., Zaretskaya N., Chernov A., Lapteva E. Interdisciplinary studies of the Cis-Ural Neolithic (Upper Kama basin, Lake Chashkinskoe): palaeoecological aspects. In *Documenta Praehistorica* XL, 2013, p. 209–218.

Mangerud J., Astakhov V., Svendsen J.I. The extent of the Barents-Kara ice sheet during the Last Glacial Maximum. In *Quaternary Science Reviews* 21, 2002, p. 111–119.

Mol J. Fluvial response to Weichselian climate changes in the Niederlausitz (Germany). In *Journal of Quaternary Science* 12, 1997, p. 43–60.

Mathieson, Iain et al. The Genomic History of Southeast Europe. In *Nature* 555, 2018, p.197–203 (https://www.nature.com/articles/nature25778?error=cookies_not_supported&code=86a5e349-450c-46b4-bfd3-e3aa3df7171e);

Pavlov P., Roebroeks W., Svendsen J-I. The Pleistocene Colonization of Northeastern Europe: A Report on Recent Research. In *Journal of Human Evolution* 47, No. 1–2, 2004, p. 3–17.

Petrognani S., Robert E. A Propos de la Chronologie des Signes Paleolithiques. Constance et Emergence des Symboles. In *Anthropologie* XLVII, No.1–2, 2009, p. 169–180.

Pavlov P., Svendsen J-I., Indrelid S. Human Presence in the European Arctic nearly 40,000 years ago. In *Nature* 413, 2001, p. 64–67.

Pike A.W.G., Hoffmann D.L., Garcia-Diez M., Pettitt P.B., Alcolea J., De Balbin R., Gonzalez-Sainz C., de las Heras C., Lasheras J.A., Montes R., Zilhao J. U-Series Dating of Paleolithic Art in 11 Caves in Spain. In *Science* 336, No. 6087, 2012, p. 1409–1413.

Roldán C., Villaverde V., Rydenas I., Novelli F., Murcia S. Preliminary analysis of Palaeolithic black pigments in plaquettes from the Parpally Cave (Gandha, Spain) carried out by means of non-destructive techniques. In *Journal of Archaeological Science* 4, 2013, p. 744–754.

Roldán-García C., Villaverde Bonilla V., Ródenas Marín I., Murcia Mascarós S. A Unique Collection of Palaeolithic Painted Portable Art: Characterization of Red and Yellow Pigments from the Parpalló Cave (Spain). In *PLOS ONE* 11(10):eo163565, 2016.

Ruiz-Redondo A. Seeking for the origins of Paleolithic graphic activity: Archaeological rock art survey in Serbia. In Mihailović, D. (ed.). *Palaeolithic and Mesolithic Research in Central Balkans.* Belgrade: Serbian Archaeological Society, 2014, p. 131–138.

Ščelinsky V.E., Širokov V.N. *Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhler im südlichen Ural*. Sigmaringen: Thorbecke Verlag, 1999, 172 p.

Slimak L., Svendsen J-I., Mangerud J., Plisson H., Heggen H., Brugere A, Pavlov P.Yu. Late Moustierian Persistence near the Arctic Circle. In *Science* 332, No. 6031, 2011, p. 841–845.

Soffer O. The Last Neanderthals. In D. Lordkipanidze, O. Bar-Yosef, M. Otte (eds.). *Early Humans at the Gates of Europe*. ERAUL. Vol. 92. Liege, 2000, p. 139–145.

Steelman K.L., Rowe M.W., Shirokov V.N., Southon J.R. Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna. In *Antiquity* 76, 2002, p. 341–348.

Svendsen J.I., Heggen H., Hufthammer A-K., Mangerud J., Pavlov P., Roebroeks W. Geo-archaeological investigations of Palaeolithic sites along the Ural Mountains in Northern Russia – on the northern presence of humans during the last Ice Age. In *Quaternary Science Reviews*. Vol. 29 (23–24), 2010, p. 3138–3156.

Svendsen J-I, Krüger L.C., Mangerud J., Astakhov V., Paus A, Nazarov D, Murray A. Glacial and vegetation history of the Polar Ural Mountains in northern Russia during the Last Ice Age, Marine Isotope Stages 5e – 2. In *Quaternary Science Reviews* 92, 2014, p. 409–428 dx.doi.org/10.1016/j.quascirev.2013.10.008

Svendsen J-I., Pavlov P. Mamontova Kurya: an enigmatic nearly 40 000 years old Palaeolithic site in the Russian Arctic. In Zilhâo, J., D'Errico, F. (eds.). *The Chronology of the Aurignacian and the Transitional Technocomplexes – Dating, Stratigraphies, Cultural Implications.* Trabalhos de Archaeologia. Vol. 33. Lisboa, 2003, p. 109–120.

Szymczak K., Khudzhanazarov M. *Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums. Ayakagitma "The site" and other collections*. Warsaw: Institute of Archeology Warsaw University, 2006, 252 p.

Tymula S. Figures composites de l'art paléolithique européen. In *Paleo* No. 7. 1995, p. 211–248.

Utrilla P., Mazo C. Los cantos pintados de la cueva de Abauntz y algunas nuevas lecturas del bloque 1. In *Príncipe de Viana*, Aco № 72 (Ejemplar dedicado a: VII Congreso General de Historia de Navarra. Vol. 1), 2011, p. 23–42.

Valladas H., Cachier H., Maurice P., Bernaldo De Quiros F., Clottes J., Cabrera-Valdes V., Uzquiano P., Arnold M. Direct radiocarbon dates for prehistoric paintings at the Altamira, El Castillo and Niaux caves. In *Nature* 357, 1992, p. 68–70.

Valladas H., Clottes J., Geneste J. M., Garcia M., Arnold M., Cachier H., Tisnerat-Laborde N. Evolution of prehistoric cave art. In *Nature* 413, 2001, p. 479.

Valladas H., Tisnerat-Laborde N., Cachier H., Arnold M., Bernaldo De Quiros F., Cabrera-Valdes V., Clottes J., Courtin J., Fortea-Perez J., Gonzales-Sainz C., Moure-Romanillo A. Radiocarbon AMS dates for Paleolithic cave paintings. In *Radiocarbon* 43, 2001a, p. 977–86.

Van Andel T.H., Tzedakis P.C. Palaeolithic landscapes of Europe and environs, 150,000–25,000 years ago: an overview. In *Quaternary Science Reviews* 15, 1996, p. 481–500.

van der Hammen, T. and Wijmstra T.A. (eds.) The upper quaternary of the Dinkel valley. In *Mededelingen Rijks Geologische Dienst*. No. 22, 1971, p. 55–214.

Vanhaeren M., D'Errico F. Aurignacian ethno-linguistic geography of Europe revealed by personal ornaments. In *Journal of Archaeological Science* 34, 2006, p. 1–24.

Velichko A.A., Andreev A.A., Klimanov V.A. Climate and vegetation dynamics in the tundra and forest zone during the Late Glacial and Holocene. In *Quaternary International* No 41/42, 1997, p. 71–96.

Velichko A.A., Faustova M.A., Gribchenko Yu.N., Pisareva V.V., Sudakova N.G. Glaciations of the East European Plain – distribution and chronology. In J. Ehlers, P.L. Gibbard (eds.). *Quaternary glaciations – extent and chronology*. Amsterdam: Elsevier, 2004, p. 337–354.

Velichko A.A., Zelikson E.M. Landscape, climate and mammoth food resources in the East European Plain during

the late Paleolithic epoch. In *Quaternary International*. No. 126–128, p. 137–151.

Volokitin A.V. Mesolithic of the European North East. In: *Acts of XIVth UISPP Congress, University of Liege, Belgium, 2-8 September 2001. Section 7: the Mesolithic*. BAR International Series 1302, 2004, p. 197–203.

Vybornov A. Time and palaeoenvironment in the Neolithisation of the Povolzhye forest – steppe // Documenta Praehistorica XXXVIII. Ljubljana: University Press, 2011. P. 267–274.

Vybornov A., Kulkova M., Goslar T., Possnert G. The problem of the neolithisation process chronology in Povolzhye. In *Documenta Praehistorica* XL. Ljubljana: University Press, 2013, p. 13–20.

Walker M.J.C., Berkelhammer M., Björks S., Cwynar L.C., Fisher D.A., Long A.J., Lowe J.J., Newnham R.M., Rasmussen S.O. and Weiss H. Formal subdivision of the Holocene Series/Epoch; a Discussion Paper by a Working Group of INTIMATE (Integration of ice-core, marine and terrestrial records) and the Subcomission on Quaternary Stratigraphy (International Commision on Stratigraphy). In *Journal of Quaternary Science* 27(7), 2012, p. 649–659.

Zaretskaya N.E., Panova N.K., Zhilin M.G., Antipina T.G., Uspenskaya O.N., Savchenko S.N. Geochronology, Stratigraphy and evolution of Middle Uralian peatlands during the Holocene (exemplified bu the Shigir and Gorbunovo peat bogs). In *Stratigraphy and Geological Correlation* 22, 2014, p. 632–654.

Zhilin Mikhail, Savchenko Svetlana, Hansen Svend, Heussner Karl-Uwe & Terberg Thomas. Early art in the Urals: new research on the wooden sculpture from Shigir. In *ANTIQUITY*. 2018. 92 362, p. 334–350.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК – археологическая культура
АН РТ – Академия наук республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик
АНТ – Академия наук Татарстана
АО – Археологические открытия
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БНЦ – Башкирский научный центр
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВГПИ – Воронежский государственный педагогический институт
ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИГ БФ АН СССР – Институт геологии Башкирского филиала АН СССР
Изв. РАН – Известия Российской Академии наук
Изв. СНЦ РАН – Известия Самарского научного центра РАН
ИИА – Институт истории и археологии
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт им. В.В. Куйбышева
КНЦ РАН – Казанский научный центр РАН
Коми НЦ – Коми научный центр УрО РАН
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследований Института истории материальной культуры
КСИА – Краткие сообщения Института археологи
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии
КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР
ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-Востока
МарГУ – Марийский государственный университет
МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА – научный архив
НФ – научный фонд
НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
ОГПИ – Оренбургский государственный педагогический институт
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
ПГНИУ – Пермский государственный национальный исследовательский университет
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГСГА – Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
ПГУ – Пермский государственный университет
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
СА – Советская археология
СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГПИ – Самарский государственный педагогический институт
СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СГУ – Саратовский государственный университет
СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
СЭ – Советская этнография
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
УАС – Уральское археологическое совещание
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УдНИИЯЛИ – Удмуртский научно-исследовательский институт
УЗ ЧНИИ – Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института
УрГУ – Уральский государственный университет
УроРАН – Уральское отделение Российской Академии наук
ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук
BC (calBC) – Before Christmas (дата до Рождества Христова или до нашей эры)
BP – Before Present (дата до "настоящего" времени (1950 год) или лет назад)

Указатели

Именной указатель

Абрамова З.А. 21, 22, 35, 59, 102
Абрамсон Н.И. 94
Александровский А.Л. 84
Алешинская А.С. 186, 249
Алихова А.Е. 33
Андреев К.М. 250-251
Андрианов К.С. 45
Аникович М.В. 59
Бадер М.А. 86, 103
Бадер О.Н. 5, 32, 58, 59, 60, 61, 82, 85, 86, 88, 92, 93, 102, 103, 181, 203, 204, 205, 214, 241, 242, 243, 244, 261, 297, 315, 316, 336, 363, 368, 369, 371, 392
Березин А.Ю. 47, 113
Березина Н.С. 46, 113, 251
Бибиков С.Н. 103, 109
Бобринский А.А. 375, 377, 378
Бонч-Осмоловский Г.А. 32, 45
Боруцкая С.Б. 396
Брюсов А.Я. 45, 323
Бунак В.В. 393, 394, 397
Буров Г.М. 6
Бутаков Г.П. 37, 113, 115, 143
Вангенгейм Э.А. 103
Васильев И.Б. 136, 185, 250, 251
Васильев С.В. 18, 396
Васильева И.Н. 12, 251
Величко А.А. 62
Верещагин В.А. 199
Верещагин Н.К. 34
Верещагина И.В. 216, 315, 323
Вискалин А.В. 23, 185, 250, 251, 360
Воеводский М.В. 59, 297
Волокитин А.В. 145, 210, 215, 216
Выборнов А.А. 185, 242, 250, 251, 359, 377
Высоцкий Н.Ф. 240
Габяшев Р.С. 111, 112, 113, 115, 174, 242, 244, 336, 349, 350, 358, 359
Галимова М.Ш. 16, 35, 45, 47, 49, 59, 112, 113, 114, 134, 135, 155, 156
Гарутт В.Е. 82
Генинг В.Ф. 5, 6, 132, 174
Георги И.Г. 5
Герасимов М.М. 393, 397
Герасимова М.М. 396
Гимранов Д.О. 107
Гиря Е.Ю. 92
Глушков И.Н. 240
Голдина Р.Д. 5
Головкинский Н.А. 32
Гольмстен В.В. 5, 23, 24, 25, 29, 32, 185
Горелик А.Ф. 57, 136
Городцов В.А. 24, 163, 137
Гремяцкий М.А. 393
Григорьев Г.П. 59
Громов В.И. 32, 58
Грязнов М.П. 58
Губайдуллов Р.З. 22
Гурина Н.Н. 323
Гусенцова Т.М. 210, 242, 243, 359
Гуслицер Б.И. 58
Дебец Г.Ф. 103, 393
Дедков А.П. 37, 113
Денисов В.П. 58, 241, 242
Ефименко П.П. 5, 16, 24, 59, 146
Ефимов В.М. 23
Жилин М.Г. 135, 158
Жиров Е.В. 393
Жуков Б.С. 5
Журавский А.В. 240
Зализняк Л.Л. 135, 136
Замятнин С.Н. 59
Заневский И. 93
Збруева А.В. 5, 20, 32, 33
Казаков Е.П. 35, 111, 112, 113, 174, 394
Калинин Н.Ф. 5, 33
Калинина И.В. 242, 243
Каменский В.И. 247
Канивец В.И. 59, 58, 61
Капленко Н.М. 353, 336
Карманов В.Н. 244, 300, 310, 324
Карташева Г.Г. 248
Каховский В.Ф. 5, 46, 146
Кожевников А.В. 16
Козловский С.К. 215
Кольцов Л.В. 6, 135, 146, 179, 181, 183
Кондратьев С.А. 311
Коновалов А.В. 82
Коренюк С.Н. 58
Королев А.И. 113, 185
Косинцев П.А. 19, 88,138, 236, 310
Косинская Л.Л. 215, 216, 242, 300, 315, 316, 323
Косменко М.Г. 35, 44, 111, 112, 113, 114, 115, 120, 134, 144,174, 174, 179, 181, 183
Котов В.Г. 82, 83, 84, 85, 87, 88, 93, 102, 138
Котова Н.С. 250
Кочкина А.Ф. 113, 124, 395
Кузнецова Л.В. 35, 113, 124, 185, 395
Кузнецова Т.А. 45
Кузьмина И.Е. 92, 94
Кузьмина О.В. 113
Лаптева Е.Г. 247
Ластовский А.А. 113, 129, 132, 147, 185, 251
Леббок Дж. 10
Левенок В.П. 328
Левковская Г.М. 93, 248
Лепехин И.И. 5
Лисицын С.Н. 134

Логинова Э.С. 216, 236, 242, 315
Лузгин В.Е. 216, 235, 241, 242, 323
Лыганов А.В. 349, 354
Лычагина Е.Л. 244, 362, 363
Мажитов Н.А. 5
Макаров Э.Ю. 58
Малахов М.В. 240, 340
Малышева О.Н. 16
Мамонов А.Е. 185, 250
Манько В.А. 136, 250
Матвеева Г.И. 5, 185, 349, 356
Маткин М.Г. 29
Матюшин Г.Н. 82, 84, 87, 214, 248, 336, 358
Медведева Т.А. 33
Мельничук А.Ф. 58, 76, 135, 183, 242, 244, 287, 315
Мерперт Н.Я. 5, 33
Мерц В.К. 137, 138
Миллер А. 185
Мирчинк Г.Ф. 32
Михайлов Е.П. 113
Мозжерин В.И. 37, 113
Моргунова Н.Л. 185, 248, 250
Морозов В.В. 349
Наговицын Л.А. 242, 315, 363, 369, 370
Нехорошев П.Е. 88, 92, 93
Никитин В.В. 46, 147, 163, 242, 349
Никитин Т.Б. 147
Новиков Ю.Б. 146
Оборин В.А. 5, 241
Ососков П.А. 32
Ошибкина С.В. 195
Павлов П.Ю. 58, 59, 61, 64, 76, 93, 109, 135
Паллас П.С. 5, 102
Паничкина М.З. 21, 22, 33, 34, 35
Петренко А.Г. 35, 145, 181
Петрин В.Т. 59, 103, 104, 132
Поляков И.С. 32
Пономаренко Е.В. 127
Поплевко Г.Н. 294
Попов В.А. 17, 45
Преображенский П.А. 185
Прокошев Н.А. 32, 240, 241
Пушкарский В. 45
Раушенбах В.М. 306
Рогачёв А.Н. 45, 59
Рокин К. 147
Руденко К.А. 394
Руденко С.И. 102
Рудь Н.М. 394
Рутто Н.Г. 84
Рыков П.С. 5
Рычков П.И. 5, 93
Рюмин А.В. 93
Сальникова К.В. 5, 84
Сергеев С.И. 240
Сериков Ю.Б. 154, 205
Сивицкий М.В. 35
Сидоров В.В. 299, 300, 314, 324, 328
Симон Ф. 93
Синицын А.А. 59
Смирнов А.Л. 349
Смирнов А.П. 5, 132, 146
Соколов Д. 93
Соловьев Б.С. 147
Сорокин А.Н. 134
Спиридонова Е.А. 248
Ставицкий В.В. 250, 299, 306, 308
Старобогатов Я.И. 99
Старостин П.Н. 46, 111, 112, 115, 146, 174, 181
Сташенков Д.А. 113, 124, 132, 395
Степанов П.Д. 5
Стефанова И.И. 195
Страленберг Ф. 240
Сулейманова Ф.И. 83
Талицкий М.В. 58, 59, 99
Теплоухов Ф.А. 240
Тереножкин А.И. 29
Тихвинская Е.И. 16
Третьяков П.Н. 5, 163
Трофимова С.С. 247
Федоров-Давыдов Г.А. 5
Федюнин И.В. 136
Филиппов А.К. 85, 102
Формозов А.А. 59
Фосс М.Е. 310
Френцель Б. 14
Халиков А.Х. 5, 6, 33, 44, 45, 59, 111, 112, 146, 147, 154, 163, 214, 242, 261, 300
Хисяметдинова А.А. 47
Хохлов А.А. 395, 396
Цейтлин С.М. 132
Цетлин Ю.Б. 300
Цыганов Ю.Ю. 58
Цыгвинцева Т.А. 245
Чайлдом Г. 10
Чернов А.В. 246
Чижевский А.А. 336, 349, 354
Шадрин А.И. 147
Шакирова Д.Р 249
Шаландина В.Т. 37, 143
Шикаева Т.Б. 147
Шилов Г.Н. 127
Шипилов А.В. 336
Широков В.Н. 102, 104
Шмидт А.В. 240
Шокуров А.П. 82, 84, 85, 87, 88, 355, 356, 358
Штукенберг А.А. 32, 240
Щелинский В.Е. 85, 93, 94, 98, 99, 102
Щербакова Т.И. 44, 59, 61,82, 84, 85, 86, 87, 93
Энговатова А.В. 301
Яблонский Л.Т. 394, 396
Якимов В.П. 394
Яковлев А.Г. 92
Яковлев Ф.Т. 185
Яхимович В.Л. 82, 84, 85

Указатель археологических памятников

Авдеево, стоянка 409
Ага-Базарские стоянки 359
Агуас де Новалес, пещера 102
Айдосская (Айдос) стоянка 82, 83
Алан-Бексерская (Алан-Бексер) стоянка 148, 160, 175
Альтамира, пещера 101
Альшиховская (Альшихово) стоянка 175, 183
Амбарская стоянка 336
Амня I, городище / стоянка 316, 388
Андреевка III, стоянка 298, 299, 309, 310
Антабары (Антыбары), стоянка 76, 204
Арбугинские Поля, местонахождение 21, 23
Арда, стоянка 147
Арзебеляк VI (Ясачное I), поселение 148, 162
Арзебеляк XI (Ясачное VI), поселение 148
Аркуль IV, стоянка 368
Архангельская III стоянка 183, 196, 199
Астраханцев, стоянка у хутора 241
Атабаевская VIII стоянка 112, 120, 174, 175, 179
Ачинская стоянка 78
Ашка I, стоянка 205
Базяковский Взвоз, стоянка 33, 36
Байсланташ (Акбутинская), пещера / стоянка 60, 62, 83, 87, 89, 138, 415
Барбашин Овраг (Барбашина Поляна), местонахождение 20, 21, 30
Баринка I, стоянка 145, 195, 196, 197, 199, 212
Баринка II, стоянка 195, 196, 199, 200, 210
Барская Пристань, стоянка 203
Барские Кужеры III, стоянка 298, 304
Баской Лог, стоянка 205, 206
Бачки-Тау II, стоянка 280, 287
Беганчик, стоянка 112-115, 119, 120, 122-125, 135, 138, 409
Бектяжский остров, местонахождение 21
Белозерка, стоянка 186
Белозерская I стоянка 174
Березовка II–III, стоянки 186
Березовогривская II стоянка 336
Бикнарат, стоянка 148
Близнецова, грот / стоянка 58, 61, 428
Бобылёк, грот / стоянка 60
Богдановка II, стоянка 61
Бойцовское I (Бойцово I) поселение 241, 296, 350, 357, 363, 364, 400
Большая Гора, стоянка 298, 305
Большая Раковка II, стоянка 193, 194, 251, 252, 255, 259
Большая Шатьма, местонахождение 18
Большое Янгильдино (Большеянгильдинская), стоянка 46, 57
Большой Глухой, грот / стоянка 58, 60, 76, 78
Бор IV, стоянка 363, 364
Борисово, местонахождение 64
Боровое Озеро I, стоянка 241, 243, 280, 282, 321, 400
Боровое Озеро II, стоянка 363, 364
Боровое Озеро III, стоянка 241, 363
Борщево I, стоянка 137
Ботыли III, поселение 196
Броды, стоянка 212
Бугуруслан, стоянка 186
Барановская I писаница 106
Барановская пещера / погребение 106, 109, 393
Бызовая, стоянка 58-61, 64, 67, 70, 73, 74, 75, 80, 423, 424
Быки 5, стоянка 132
Вад I, стоянка 295, 324, 334
Вадовские Селища, стоянка 251
Варфоломеевка, стоянка 384, 404
Василевка-на-Днепре, могильник 398
Васюково I-II, стоянки 241
Вёкса, стоянка 334
Вёкса III, поселение 332, 334
Верхнеадищевская II, стоянка 241
Верхняя Курья, стоянка 241
Ветью II, стоянка 215, 216, 230, 234, 235, 237
Виловатовская (Виловатое) стоянка 250-252, 261-263, 266, 384-386
Вис I, поселение 241, 280, 283, 291, 298, 310, 315, 316, 317, 319, 323, 324, 328, 335
Вис II, поселение 241, 298, 310, 315, 316, 317, 323, 324, 328, 335
Вис III, поселение 315-317, 319, 323, 328
Висский I торфяник, стоянка 145, 238, 241
Висский II торфяник, стоянка 241
Воймежная I, стоянка 305, 412
Воскресенка, стоянка 186
Воскресенский Спуск, местонахождение 21, 29
Выжум II, стоянка 298, 302, 304
Выжум IV-VIII, стоянки 148
Вылыс Том 2, стоянка 238
Вьюново Озеро I, стоянка 251-253, 255, 258, 260, 298, 402
Вьюново Озеро II, стоянка 307
Вязовок 4а, стоянка 137
Гавриловская стоянка 395
Гагарское I, поселение 368

Гагарское II, поселение 363, 368, 373
Гагарское III, поселение 363, 364, 366-368, 370, 373
Галанкина Гора II, поселение 298, 300, 301, 304, 306, 310
Ганичата I, местонахождение 58, 64
Ганичата II, стоянка 58-60, 78
Гаревая II, стоянка 205
Гари, стоянка 60, 214
Гарчи I, стоянка 58-60, 64, 65, 67, 70, 72, 73, 80, 409, 423, 424
Гарчи II, стоянка 76
Гляденово I, стоянка 205, 212
Говорливая, стоянка 205
Голый Мыс, стоянка 204, 210, 211, 282
Гора Маяк (у с. Сиделькино), поселение и могильник 57, 113, 114, 124, 128, 130-132, 134, 139, 185-187, 393, 396-398, 403, 409, 416
Горка, стоянка 60, 76, 78, 79, 134, 135, 419
Горная Талица, стоянка 58-60, 76, 78-80, 134, 135, 203, 204, 214, 183, 184, 420
Горновское (Горново) местонахождение 61, 83, 85, 86
Городище, местонахождение 32
Городок I, стоянка 251, 259
Городцовка, стоянка 186
Гремячий Ручей, поселение / стоянка 203, 205, 206, 241
Гулюковская I стоянка 346, 349, 350, 353, 357, 359-361, 417, 421
Давлеканово стоянка / поселение 336, 337, 340, 346, 363, 364
Двойная, пещера / стоянка 132, 399
Девичий Городок, стоянка 112, 113, 174, 175
Дербышки, стоянка 298
Деуковская (Деуково) стоянка 33, 34
Деуковская 2 стоянка 144, 145, 174, 181, 182, 212, 415
Джебел, пещера / стоянка 382
Дивногорье 1, стоянка 137
Дивногорье 9, стоянка 137, 401
Долгая Поляна I, стоянка 35, 112, 114
Долгая Поляна II, стоянка 33, 35, 42, 43, 44, 112, 114, 115
Долгополянское I местонахождение 35, 111
Дольни Вестонице, стоянка 397
Драчёво, стоянка 58, 76, 78
Дубовая XXV, стоянка 149
Дубовогривская II стоянка 280, 282, 336, 337, 340, 344, 346, 354, 358, 408
Дубовогривская II островная стоянка 349, 350, 354, 358
Дубовская стоянка 11
Дубовская III стоянка 261, 268, 269, 302
Дубовское поселение 262
Дубовское III (Дубовский III) поселение 275, 277, 306
Дубовское VIII (Дубовский VIII) поселение 249, 268, 275, 298, 300, 301, 306
Дубовское IX (Дубовский IX) поселение 298, 300, 303, 310
Дубовское X (Дубовский X) поселение 148, 150
Дубовское XI (Дубовский XI) поселение 147, 148, 151, 160
Дубовское XII (Дубовский XII) поселение 147, 148, 151, 160, 298, 300, 302-304, 306, 310
Дубовское XIII (Дубовский XIII) поселение 147, 148, 151, 159, 160
Дубовское XIV (Дубовский XIV) поселение 148
Дубовское XXII (Дубовский XXII) поселение 159
Дубовское XXIII (Дубовский XXIII) поселение 147, 148, 151
Дубовское XXV (Дубовский XXV) поселение 148
Дутово I, стоянка 244
Дыроватый (Камень Дыроватый) грот / святилище 244
Евалга, стоянка 78
Ёвдино II, стоянка 215-217, 220, 222, 230, 236, 237
Елкино, местонахождение 17
Елшанка X (Усть-Ташелка), стоянка 250, 251, 252, 259
Елшанка XI, стоянка 251, 252, 260
Ельники II, стоянка 64
Еранино, стоянка 205
Ет-то I, стоянка 316, 388
Заборное Озеро I, стоянка 261, 262, 269, 350, 357, 360, 361, 383
Заикино Пепелище, стоянка 30
Займище IIIA, стоянка 298
Замостье 2, стоянка 310, 409, 417
Заозерье, стоянка 58-61, 64, 66, 68-71, 76, 78, 80, 203, 423, 425
Заповедная, пещера / святилище 83, 102
Запоселье, стоянка 205
Захар-Калма, стоянка 185, 186
Заюрчим I (Заюрчимское I), стоянка / поселение 336, 363, 370, 373
Звейниеки, могильник 394, 398
Зеленый Остров, стоянка 148, 155, 162
Зиарат, стоянка 244, 279, 280, 281-283, 315, 383, 386
Зимовники 1/3 (Зимовники I, комплекс 3), стоянка 136, 137
Золотая Падь II, стоянка 336, 337, 340, 341, 343, 345, 408, 428
Золоторучье I, стоянка 135
Зотинский, грот / стоянка 138
Зубово, стоянка 244
Ивановская (Ивановка), стоянка 193, 184, 249-252, 255, 259, 261, 262, 263, 266, 380, 381, 384, 404
Ивница, стоянка 252
Игимская (Игим) стоянка / поселение 336, 337, 340, 341, 342, 345, 408
Игнатиевская (Ямазыташ; Ямаз-Таш), пещера / святилище 60, 62, 83, 101-106, 109. 138, 400, 427, 428
Измерская I мезолитическая стоянка 174, 175
Измерская I палеолитическая стоянка 33, 35, 44
Измерский остров, стоянка 112
Ильинская (Ильинка) стоянка 251, 252, 256, 258, 260-262, 264, 380, 404
Ильичёвский комплекс памятников 346
Ильмурзино, стоянка 181
Имерка I, стоянка 262
Имерка III, стоянка 261, 262
Имерка IV, стоянка 262, 308
Имерка V, стоянка 261
Имерка VI, стоянка 261, 262, 298, 300, 310
Имерка VII, стоянка 251, 252, 260, 261, 298, 308, 309
Имерка VIII, стоянка 261, 298, 308, 309
Иннокентьевский разрез / палеоантропологические находки 393
Иркино I, стоянка 148
Иркино V, стоянка 148
Кабы-Копрынская (Кабы-Копры) стоянка 184, 279, 280, 282, 315
Каентубинская островная стоянка 336, 337, 342, 428
Казанцево, стоянка 204

Каир-Шак III, стоянка 388
Какрыбашевская стоянка 349, 350, 355, 356, 357, 419
Каменная Балка II, стоянка 349, 350, 355-357, 419
Кама-Жулановская (Кама-Жуланово) стоянка 203, 204, 206, 207, 215
у Каменного Кольца, гроты / стоянка 61, 83, 86
Камень Писаный (Писаный Камень), святилище 240, 244, 420
Камский Бор II, поселение 241
Камское Устье II (Камско-Устьинская II), стоянка 33, 35, 38, 40-42, 44, 79, 111, 113-115, 119, 121, 124, 134, 135
Капова (Каповая, Шульган-Таш), пещера / святилище 60, 62, 83, 93, 95-101, 106, 107, 109, 400, 415, 416, 419, 428
Караваиха, могильник 394
Карачарово, стоянка 79
Карачурино VII, стоянка 148, 149
Кара-Якуповская (Караякуповская) стоянка 336, 340, 341, 343, 421
Карташихинские стоянки 336
Кертик-Тепе, поселение 11
Кипенёвщинская стоянка 195-197
Кичаны, стоянка 195-197, 199
Клюквенный I, стоянка 308
Ключевая пещера / стоянка 83, 109
Ковыляй I, стоянка 251, 261, 308
Ковыляй II, стоянка 308
Кожмудор, стоянка 215, 230
Коктыш II, стоянка 243, 261, 273, 276
Кокшайск I-II, стоянка 147
Кокшайск III, V, VII, стоянки 148
Кокшаровский холм, стоянка 388, 404
Комаровская I стоянка 112
Коминтерн, стоянка 33, 36, 113, 409
Коминтерновская II стоянка 112, 113
Косинская I стоянка 204, 210
Коске, пещера 101
Костёнки I, стоянка 32, 70
Костёнки XIV, стоянка 76
Косяковская стоянка 112, 174-177, 179, 183, 184
Котел, пещера 78
Кочкари I, стоянка 145, 185-187, 191-193, 399, 403
Кочмас, стоянка 242, 280, 283, 291, 315, 317-320, 322, 415
Кочуровское I поселение 243, 262, 272, 373, 428
Кочуровское IV поселение 243, 272, 363-366, 368-372, 410, 428
Кошкинская стоянка 195-202, 261, 262, 268, 271, 273, 416
Красная Глинка, местонахождение 33-35, 44
Красновидово, местонахождение 32
Красное Плотбище, поселение 241, 373
Красноярка I, могильник 394
Красный Городок, стоянка 251, 252, 256-259
Красный Мост, поселение 147, 422
Красный Яр I, стоянка 185-187, 190
Красный Яр VII, стоянка 265
Кремёнки, местонахождение 21, 23
Кресты II, стоянка 76, 79
Криушинская стоянка 195-197, 199
Кромка, стоянка 147, 148
Крохово, поселение 241
Кряж (Кряжская), поселение / стоянка 241, 280, 282
Кузьвомын, стоянка 215-219, 403
Кукуштан, стоянка 203, 205
Кульюрт-Тамак (Космонавтов), пещера / стоянка 60, 62, 83, 88, 90-92, 138, 422
Кумышанская стоянка 78
Курган, стоянка 112
Курманаево, стоянка 147, 148
Курьядор, стоянка 215-217, 219
Кутурган-Ерганак, стоянка 343
Кыйлуд II, стоянка 201, 242, 243, 261, 262, 271, 273, 276, 278
Кыйлуд III, поселение 243
Кыйлуд IV, стоянка 172, 196, 199, 243, 261, 268
Кыско, стоянка 323
Кыстыръю, стоянка 310, 324, 328, 330, 331, 333
Кюнь II, стоянка 280, 282, 287
Лабазы, могильник 396, 398, 416
Ларёвка I, стоянка 241
Лебединская II стоянка 12, 243, 280, 282, 283, 285, 383
Лебяжинская IV (Лебяжинка IV) стоянка 186, 251, 252, 256, 258, 259, 261, 262, 264, 265, 267, 379, 380, 383, 384, 386, 396, 398, 416
Лебяжинка V, могильник 396, 398
Лёвшинская (Лёвшино) стоянка 240, 243, 261, 262, 269, 173, 274, 280, 287, 289, 293, 294, 428
Лёк-Леса, стоянка 210, 215-217, 223, 224, 226, 236-238, 405
Лёкмартово III, стоянка 241
Лесное Никольское III, стоянка 261, 262
Липецкое Озеро, стоянка 251, 252
Лисья Курья, стоянка 241
Лобач II, стоянка 33, 35, 37-39, 44, 79, 134, 405
Луговое III, стоянка 250-252
Луговское, поселение 79
Любавская стоянка 112, 174-176, 178, 179, 183, 184
Ляльский Бор, стоянка 216, 230, 237
Майдан (Майданская) XIV, стоянка 147, 148, 249, 298, 302, 305
Максимовка I–II, стоянки 250-252, 379
Максютовский грот / стоянка 83, 87
Малобитаманская (Малый Битаман) стоянка 148, 160, 175,
Мало-Окуловская стоянка 305
Малые Отары, стоянка 298
Мамонтова Курья, стоянка 58-60, 62, 64, 66, 80
Мари-Кугалки II, стоянка 172, 196, 197, 199
Мари-Кугалки III, стоянка 172, 196, 199
Маркина Гора, стоянка 397
Марычевка, погребение 185
Матюшинская IV, стоянка 280, 282
Машкино III, стоянка 298, 300, 308
Медвежья пещера / стоянка 58-61, 67, 78
Меллятамак III, могильник 394
Меллятамак V, могильник 394, 396
Мелля-Тамакская стоянка 336
Меренская стоянка 196
Меровский остров, палеоантропологические находки 427
Минино, могильник 398
Можаровка, стоянка 252
Мокино, стоянка 244, 279-282, 315
Молебное Озеро I-II, поселения 282
Мольбище I, поселение 147, 148, 161, 417

Монастырский Хутор, стоянка 185, 186
Монино, стоянка 203, 205-207
Моторки II, стоянка 183, 242, 243, 262, 271
Муки-Какси I-II, стоянки 196
Мукшумская X (Мукшум X) стоянка 148, 150, 151, 159, 161, 401
Мукшумская XIV (Мукшум XIV) стоянка 148, 150, 160, 161, 167-170, 401
Мукшумская XVIII (Мукшум XVIII) стоянка 148, 150, 151, 154, 155, 160, 161, 172, 173, 401
Мукшумские (Мукшум) стоянки / поселения 262, 270, 298
Муллино, стоянка 83, 84, 248, 279, 280, 282, 288, 336, 337, 339-341, 343-346, 350, 355-358, 363, 364, 428
Мурадымовская 2 пещера, святилище и стоянка 83, 102
Мысовая (Урта-Тубе; Карабалыкты VIII) стоянка 83
Мысы, местонахождение 32-34
Мысы, стоянка 336, 346
Немда, стоянка на р. 147
Непряха VI, стоянка 336, 337, 344, 350, 412
Нижнеадищевская (Нижнее Адищево), стоянка 201, 203, 204, 206, 215, 400
Нижнеадищевская II стоянка 241
Нижнемарьянская I стоянка 112
Нижняя Орлянка II, стоянка 250-252, 254, 257, 258, 379-381
Нижняя Стрелка I, поселение 147, 148, 161
Нижняя Стрелка V, поселение 280, 282, 283, 290
Нижняя Стрелка VI, поселение 147, 148, 151, 153, 159, 161
Нижняя Стрелка VII, поселение 148, 149
Нижняя Сызрань, стоянка 186
Николаевская-Колокольня, стоянка 216
Нио, пещера 101
Ниремка I, стоянка 242, 283, 316, 317, 320, 322
Новая Деревня, стоянка 298
Новобелокатайская стоянка 83, 84, 415
Новое Мордово, стоянка 32
Новожилово, стоянка 203-209, 211
Новоильинское III поселение 363-367, 371, 400
Новомултановское поселение 243
Новый Карамас, стоянка 147
Нур, стоянка 186
Нынек, стоянка 172, 196, 199
Нюхти I, стоянка 244
Обсерваторская III (Обсерватория III) стоянка / поселение 280, 282, 285, 298, 300
Огурдинская (Огурдино) стоянка 79, 183, 184, 201, 203-207, 209-211, 215, 420
Окуловский Остров I–III, стоянки 76
Озименки II, стоянка 251, 252, 260, 262, 308, 309
Ольховско-Первомайская стоянка 203, 206, 207
Орловка, стоянка 384
Остров, стоянка 215, 230
Остров Веры, стоянка 361
Отарская стоянка 11
Отарская V (Отары V) стоянка 298, 304
Отарская VI (Отары VI) стоянка / поселение 249, 261, 262, 268, 269, 276, 298, 306
Отары IX–X, стоянки 148
Отары XII–XIII, стоянки 148
Парат (Алатайкино) IV-IX, поселения 148
Парч I, стоянка 145, 405
Парч II, стоянка 145, 238, 405
Пезмог I, стоянка 183, 215-217, 219
Пезмог IV, стоянка 279-282, 315-318, 321, 406
Пезмогты 1, стоянка 298, 310, 313, 324-326, 328-331
Пезмогты 3, стоянка 298, 310, 313, 324-326, 328-331, 334
Пезмогты 4, стоянка 298, 310, 313, 324-326, 328, 329
Пезмогты 5, стоянка 298, 310, 324, 325, 328, 333
Пезмогты 6, стоянка 216, 227, 231-234, 237, 405
Пеньки, стоянка 76, 79, 134, 135, 183, 204,
Переволоки, местонахождение 21, 22
Передельское I, стоянка 57, 136
Пещерный Лог, местонахождение 58, 64, 427
Пижма II, стоянка 310, 323, 324, 328
Плаутино 1, стоянка 251, 252
Плаутино 2, стоянка 136, 137, 183, 427
Подземных охотников (Стадника), пещера 204, 212
Подкумки, палеоантропологические находки 393
Подлесное IV, стоянка 280, 282, 290
Поздеевское Озеро I, стоянка 241
Половинное I, стоянка 205
Половники II, стоянка 298, 310, 324, 328
Посёр, стоянка 280, 287
Постников Овраг, стоянка 21, 23, 25-28, 30-32, 79, 112, 135, 185
Постников Овраг I, II, III, местонахождения / пункты 23, 24, 25
Постников Овраг IX, стоянка / пункт 25
Постников Овраг XII, XIII, XIV, XV, стоянки 23, 29, 114
Потодеево, стоянка 261, 262
Починок III, стоянка 148
Починок VI, стоянка 298, 305
Починок X–XI, стоянки 148
Протолщный Овраг, местонахождение 21, 23
Пымва-Шор I, стоянка 58-60, 76, 78
Ракушечный Яр, поселение 382
Рассолы, стоянка 204, 211, 212
Рогалик IIA-XII, стоянки 57, 136, 137
Рогалик-Якимовская (Рогалик I) стоянка 137
Рождественская II стоянка 186
Романовка II–III, стоянки 181
Ружникова, стоянка 310, 324, 328, 418
Русская Бектяжка, местонахождение 32
Русская Сорма, местонахождение 18
Русско-Азибейская I стоянка 336-341, 343-347, 350, 353, 355, 357, 408
Русско-Азибейское III поселение 363, 365, 366, 368, 371, 408
Русское Веретьё, могильник 76, 79
Русско-Луговская I стоянка 298, 302, 310
Русско-Луговское II стоянка / поселение 147, 148, 153-155, 159, 160, 163, 184
Русско-Луговская III стоянка 298
Рутка V–VI, стоянки 148
Рязановский Лог, стоянка 58, 76, 78

Сабовка, стоянка 136
Саконовская стоянка 310
Сандибейю 1, стоянка 183
Сасыкульская стоянка 336, 337, 341
Саузовская I (Сауз I) стоянка 243, 350, 353, 356, 363-366, 368, 371, 400, 408
Саузовская II (Сауз II) стоянка 336, 337, 339, 340, 341-343, 345, 346, 348, 350, 353, 356, 364-366, 368, 370, 371, 373, 400, 408
Саузовские III–IV (Сауз III–IV) стоянки 363, 366
Себъяг I, стоянка 316
Северный выселок VI–VII, стоянки 148
Селекционная станция, стоянка 146
Семеновская IV стоянка 112-114, 119, 126
Сенная, поселение 241
Сергеевка 1, стоянка 82, 83, 107-110, 409
Сергушкинские I–III (Сергушкино I–III) поселения 147, 148
Серпиевская II пещера / святилище 83, 102, 109
Сикияз-Тамак, пещерный комплекс / стоянки 83, 102, 109
Симбирская Гора, местонахождение 21, 23
Синдор, стоянка 310
Слабодчики, стоянка 361
Слудка, местонахождение 64
Смеловская 2 стоянка 416
Сокольный VII, поселение 249, 399
Среднее Шадбегово I, стоянка 242, 280, 282, 363-365, 368, 370
Старая Елшанка II, стоянка 250-252, 255, 260, 266, 379
Старая Майна VII стоянка 186
Старая Мушта, стоянка 175
Старичный Гребень, навес / погребения 393
Старо-Буртюковская (Старо-Буртюково) стоянка 280, 282
Старо-Мазиковская II стоянка 280, 282, 298
Старо-Мазиковская III стоянка 280, 282, 286, 298
Старо-Токская (Старый Ток) стоянка 185-188, 192, 193, 421
Старо-Тукмаклинское местонахождение 82, 83
Старушка, поселение 241
Старый Каинлык, стоянка 175
Стёпинцы II, стоянка 195, 196, 199, 200, 411
Столбовой, грот / стоянка 58, 60, 76, 78, 203, 428
Студенцы II, стоянка 195
Сунгирь, стоянка / погребения 397, 400
Сурмайданская стоянка 146
Сутырская I (Сутыри I) стоянка 286
Сутырская IIа (Сутыри IIа) стоянка 286, 298, 305
Сутырская III (Сутыри III) стоянка 298, 304
Сутырское V (Сутыри V) поселение / стоянка 268, 298, 302, 305
Сутырское VI (Сутыри VI) поселение 148, 422
Сутырская IX (Сутыри IX) стоянка 298, 305
Сухая Мечетка, стоянка 30
Сходня, палеоантропологическая находка 393
Схул, пещера / палеоантропологические находки 393
Съезжее (Съезженский) могильник 394, 396, 398
Сюкеевский Взвоз, стоянка 35, 79, 111-119, 124, 135-139, 183, 408
Сюнь I–II, стоянки 175
Табулдинское местонахождение 83, 84
Талицкого (Островская), стоянка имени 44, 58-61, 76, 78, 214, 410, 427, 428
Тарасово, местонахождение 64
Тархан I, стоянка 196, 197, 199, 243, 244, 280, 281-283
Тархан II, стоянка 183, 195, 196, 199, 200
Татарско-Азибейская I стоянка 174, 175, 181
Татарско-Азибейская II стоянка / поселение 181, 337, 346, 349, 350-354, 357-365, 367, 408
Татарско-Азибейская III стоянка 174, 349, 351, 364
Татарско-Азибейская IV стоянка 174, 175, 179, 180, 181, 415
Тентексор, поселение 382
Тетюши, местонахождение у города 32, 33
Тетюшская III стоянка 79, 112-115, 119, 120, 124, 126, 127, 135, 136, 408
Тетюшская IV стоянка 261, 262, 268, 269, 349, 359, 383
Тито Бустийо, пещера 102
Томская стоянка 78
Троицкое (Троицкое I), стоянка 113, 114, 132-134, 251, 252, 417
Троицкое II–III, стоянки 114, 132, 134
Троярские 2–4 поселения 147
Трояры VIII, стоянка 148
Тумек-Кичиджик, могильник 394
Тунгуз (Хрящевка), местонахождение 20, 21, 32
Тупица, местонахождение 64
Турун-Нюр I, стоянка 215, 216, 234, 237
Тюремка I, стоянка 350, 357, 363
Удельно-Шумецкое V (Удельный Шумец V) поселение 298, 305, 310
Удельно-Шумецкое VI (Удельный Шумец VI) поселение 298, 302, 304
Удельно-Шумецкое X (Удельный Шумец X) поселение / стоянка 147, 148, 150, 151, 143, 160, 423
Удельно-Шумецкое XI (Удельный Шумец XI) поселение / стоянка 147, 148
Удельно-Шумецкое XII (Удельный Шумец XII) поселение / стоянка 147, 148, 153, 157-159, 161, 162
Удельно-Шумецкое XIII (Удельный Шумец XIII) поселение / стоянка 148
Ужара, стоянка 147
Ульяново, стоянка 215-217, 219-221, 236, 237, 403
Ундорский остров, местонахождение 21, 22, 32-34
Уразлинская (Уразлино, Улянк) стоянка 45, 46, 57, 403
Уральские Зори I, стоянка 184, 205, 403
Уральские Зори 3, 5, стоянки 184
Урта-Тубе (Мысовая), стоянка 61
Устиново, навес / стоянка 76, 79, 138
Усть-Букорок, стоянка 244, 279-281, 315
Усть-Вихлянская (Усть-Вихлянка) стоянка 113-115
Усть-Громотуха, стоянка 76
Усть-Залазнушка II, стоянка 280, 281, 287, 289, 293, 420
Усть-Катавская II стоянка 83, 106, 108, 402

Усть-Койвинская пещера 78
Усть-Кулом I, стоянка 316
Усть-Мечкар, стоянка 282
Усть-Оналва, стоянка 204, 206, 207
Усть-Очёр I, стоянка 204, 210, 211, 350, 357, 363, 364, 367, 420
Усть-Паль, поселение 241, 363, 364
Усть-Пожва, стоянка 204
Усть-Пожва I, стоянка 76
Усть-Пожва II–IV, стоянки 58-60, 76, 78, 79
Усть-Пожва V, стоянка 76, 78, 79, 134, 135
Усть-Пожва VI, стоянка 76, 78
Усть-Половинная (Усть-Половинное), стоянка 203, 204, 210, 211, 282
Усть-Сылвенское (Усть-Сылва) городище / стоянка 58, 76, 79, 134, 135, 183, 184, 204
Усть-Урол, стоянка 207
Усть-Чусовая, стоянка 241
Усть-Шижма I, стоянка 242, 244, 261, 262, 268, 279, 280, 281, 282, 315
Устье р. Излегоща, стоянка 252, 252
Утюж I, поселение / стоянка 147, 148, 251, 252, 255, 259, 261, 262, 298, 307, 402
Утюж V, стоянка 298, 307
Учащи 159, стоянка 382
Филичаевские 2–5 стоянки 216
Халлан-Чеми, поселение 11
Ховрино, стоянка 185-187, 192, 405
Хомутовское Болото I–II, стоянки 244
Хорошевская (Хороши) стоянка 196, 200
Хорошенский остров, находка 393
Хрящевка, местонахождение 20, 21, 29
Худяковское поселение 195, 196, 199, 409
Хуторская стоянка 241, 243, 247, 280-282, 287, 289, 293, 321, 391, 411
Цивильское место первичной обработки кремня 46, 146, 148
Чарбакты, стоянка 382
Чатал-Гуюк, поселение 11
Чашкинское Озеро I, стоянка 241, 247, 363, 368, 371, 373, 412, 418
Чашкинское Озеро III, стоянка 295
Чашкинское Озеро IIIа, стоянка 247, 280, 287
Чашкинское Озеро IV, стоянка 270
Чашкинское Озеро V, стоянка 204, 205, 210
Чашкинское Озеро VI, стоянка 261, 262, 268, 270, 419
Чашкинское Озеро VIII, стоянка 261, 262, 268, 273
Чекалино II, стоянка 185-187, 189, 192, 414
Чекалино IV, стоянка 186, 193, 194, 248, 250, 251-254, 256-259, 267, 380, 396-398, 416
Челюскинец II, стоянка 30
Чердыб 1, стоянка 216, 225, 236, 238, 405
Чердыб 2, стоянка 216, 225, 227-229, 405
Черки-Кильдуразы, стоянка 287
Чернашка II, стоянка 287
Чернашка, поселение 241, 280, 289, 293, 343
Черная Вадья, стоянка 242, 244
Черненькое Озеро, стоянка 298
Черненькое Озеро III, стоянка 261, 402
Черников Брод I, стоянка 251
Черноборская III стоянка 241
Черноозерье II, стоянка 79, 132, 135, 203, 214, 410
Чернушка, поселение 241, 273, 280, 287
Чесноковская стоянка 401
Четверяковщинская стоянка 196
Чиганарское местонахождение 146
Чирва II, стоянка 241
Чирковская стоянка 199, 426
Чумойтло I, поселение / стоянка 242, 243, 277, 280
Чумойтло II, стоянка 287
Чумырхыр I–IV, стоянки 148
Шабуничи, стоянка 203, 204, 210, 212, 282
Шаверки II, стоянка 309, 310
Шаверки V, стоянка 298, 300
Шалангуш 13, поселение 147
Шапкино VI, стоянка 251, 252
Шартнейка III, стоянка 162
Шестаково, стоянка 78
Шигирская коллекция 212, 425
Шигирский торфяник (Кудринский прииск), погребения 393, 395
Шидерты 3, стоянка 57, 132, 137, 139, 420
Шикаевка, стоянка 203
Ширококово II, стоянка 58-60, 76, 78, 80, 419
Широкундыш I, стоянка 147, 148
Широкундыш III, стоянка 148
Широмасово III, стоянка 298, 299, 308
Шляпино, стоянка 240
Шолма 1, стоянка 19, 45-47, 49-57, 114, 132, 134, 136, 137, 139, 401, 402, 410, 427
Шренк-Ярей (Сандибей-ю VIII), стоянка 240
Шумково, стоянка 79, 204-207
Щенники, стоянка 196
Щербетьская II (Щербеть II) стоянка 12, 261, 262, 268, 273, 275, 349, 359, 383
Ыджыд-ты, стоянка 215, 216, 223, 236, 237
Эль Кастильо, пещера 102
Эньты IБ, стоянка 298, 324, 325, 328, 329, 417
Эньты III, стоянка 216, 230, 236, 237, 298, 310, 313, 324, 325, 328-333, 417
Эньты IV, стоянка 298, 324, 325, 330
Эньты V, стоянка 316
Эньты VI, стоянка 298, 310, 313, 324, 326, 328, 329, 330, 331
Эррериас, пещера 102
Южный Олений Остров, могильник 394
Юльяльская (Юльялы) кремнеобрабатывающая мастерская 46, 57, 148, 422
Юльяльская IV (Юльялы IV) стоянка 148, 160, 183, 184, 423
Юнга-Кушергинская (Юнга-Кушерга) стоянка 16, 44-47, 399
Юрич, стоянка 204
Юркино V, VIII–IX, стоянки 148
Юртовская IV стоянка 174, 181
Явроньга I, поселение 316
Ягодное I, поселение 76
Языково I, стоянка 305, 425
Ямонаки, местонахождение 18
Ямоозеро, стоянка 310
Яндашевская (Яндашево) стоянка 146, 148, 155, 160, 163, 184, 192, 412
Ярега, стоянка 215, 216, 237
Ярлуковская Протока, стоянка 251, 252
Ясачное, поселение 147, 148, 150, 151, 153, 160, 161, 163-166
Ясачное VI (Арзебеляк XI), поселение 148, 162

ОГЛАВЛЕНИЕ

От главного редактора
(Ситдиков А.Г.) 5

Введение
(Галимова М.Ш., Выборнов А.А.) 9

Часть первая

Палеолит 13

Глава 1
Палеогеография палеолита Волго-Камья и Южного Предуралья *(Березин А.Ю.)* 14

Глава 2
Палеолит центральной части Среднего Поволжья *(Кузнецова Л.В.)* 20

Глава 3
Палеолитические памятники устья Камы и Нижнего Прикамья *(Галимова М.Ш.)* 32

Глава 4
Палеолит северной части Приволжской возвышенности *(Березина Н.С.)* 45

Глава 5
Палеолитические памятники бассейнов Печоры и Верхней Камы *(Павлов П.Ю., Мельничук А.Ф.)* 58

Глава 6
Палеолит Южного Предуралья *(Житенёв В.С.)* 82

Глава 7
Памятники рубежа палеолита и мезолита устья Камы и лесостепного Заволжья *(Галимова М.Ш., Сташенков Д.А.)* 111

Часть вторая

Мезолит 141

Глава 1
Палеогеография мезолита Среднего Поволжья и Приуралья *(Галимова М.Ш.)* 142

Глава 2
Мезолит северной части Среднего Поволжья *(Никитин В.В., Березина Н.С.)* 146

Глава 3
Мезолит устья Камы и Нижнего Прикамья *(Галимова М.Ш.)* 174

Глава 4
Мезолит лесостепного Поволжья *(Андреев К.М., Ластовский А.А.)* 185

Глава 5
Мезолит Камско-Вятского междуречья *(Гусенцова Т.М.).* 195

Глава 6
Мезолит Верхнего и Среднего Прикамья (*Мельничук А.Ф.*) 203

Глава 7
Мезолит Северного Приуралья *(Волокитин А.В.)* 215

Часть третья

Неолит 239

Глава 1
История изучения неолита региона *(Лычагина Е.Л., Выборнов А.А.)* 240

Глава 2
Палеогеография неолита Прикамья и Среднего Поволжья *(Лычагина Е.Л., Выборнов А.А.)* 246

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 3

Елшанская культура
(Андреев К.М., Березина Н.С., Выборнов А.А., Ставицкий В.В.) 250

Глава 4

Волго-камская культура
(Выборнов А.А., Никитин В.В. , Лычагина Е.Л., Гусенцова Т.М., Ставицкий В.В., Березина Н.С., Андреев К.М., Морозов В.В.) 261

Глава 5

Камская неолитическая культура
(*Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Гусенцова Т.М., Никитин В.В., Ставицкий В.В., Березина Н.С., Карманов В.Н., Морозов В.В.)* 279

Глава 6

Памятники с ямочно-гребенчатой керамикой
(Березина Н.С., Выборнов А.А., Никитин В.В., Ставицкий В.В.) 297

Глава 7

Памятники камской культуры
в бассейне Вычегды
(Карманов В.Н.) 315

Глава 8

Льяловская культура
на европейском Северо-Востоке
(Карманов В.Н.) 323

Глава 9

Памятники русско-азибейского типа
(Выборнов А.А., Шипилов А.В.) 336

Глава 10

Памятники татарско-азибейского типа
(Морозов В.В., Выборнов А.А., Лыганов А.В.) 349

Глава 11

Новоильинская культура
(Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Гусенцова Т.М., Шипилов А.В., Цыгвинцева Т.А.) 363

Глава 12

Гончарная технология населения
Среднего Поволжья в эпоху неолита
(Васильева И.Н.) 374

Глава 13

Итоги изучения неолита
Среднего Поволжья и Предуралья
(Выборнов А.А.) 390

Часть четвертая

Палеоантропология
Волго-Уралья эпохи камня
(Хохлов А.А.) 393

Литература 399

Список сокращений 433

Указатель имен 434

Указатель археологических памятников 436

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

КАМЕННЫЙ ВЕК

Том I

Утверждено к печати
Институтом археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук РТ

Под общей редакцией
Ситдикова А.Г.
Картографы:
Сайфутдинова Г.М., Вафина Г.Х.
Корректор
Першагина И.А.
Оригинал-макет
Беспалова А.С.

На 1 странице обложки:
палеолитическое сланцевое орудие - бифас,
местонахождение у с. Хрящевка
(левый берег Волги, Самарская обл.)

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.06.2021 г.
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Усл. печ. л. 84,63.
Общий тираж 800 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии

16+